

«СКОРБНЫЙ АНГЕЛ»

СКОРБНЫЙ АНГЕЛ

**Царица-Мученица
Александра Новая
в письмах, дневниках
и воспоминаниях**

**ОБЩЕСТВО СЯТИТЕЛЯ
ВАСИЛИЯ ВАСИЛКОВА**

Составил
СЕРГЕЙ ФОМИН.

Составитель выражает глубокую признательность
Наталии ГАНИНОЙ, Лидии КАПРАЛОВОЙ
и Григорию КРЕМНЕВУ,
за помощь в сборе и копировании
ряда материалов для этого сборника.

Настоящая книга – первый сборник воспоминаний и документов, целиком посвященный Царице-Мученице Александре Феодоровне. На его страницах Она предстает не только как Императрица, но и как женщина, мать, супруга, сестра милосердия... Временной охват – от приезда Ее в Россию до трагической гибели со всей Своей Семьей в подвале Ипатьевского дома. Большинство материалов в России публикуется впервые, некоторые извлекаются из недр архивного небытия. Это не только мемуары современников, но и, например, первоначальный текст акафиста иконе Божией Матери «Державная», благословленный для употребления Патриархом Тихоном, и, как издание, нигде не учтенный. С возможной полнотой представлен также образ Государыни, нашедший отражение в поэзии. Обширные приложения и подробные комментарии делают книгу необходимой не только читателям Царицы-Мученицы, но и исследователям истории предреволюционной России.

ISBN 5-88060-051-3

- © Публикация, составление, редакция, комментарии,
макет. С. В. Фомин.
- © Художественное оформление. Протопопов К. А.
- © Общ-во свт. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО.

«ВЕНЦЕНОСНАЯ ГОЛУБИЦА»

*...Народ твой будет моим народом, и
твой Бог моим Богом; и где ты умрешь,
там и я умру и погребена буду. [...]
Смерть одна разлучит меня с тобою.*

Руфь, 1, 16-17.

«Гнев Божий продолжает тяготеть над нами и будет тяготеть, пока мы всенародно не *раскаемся* в совершенном преступлении, ибо Господь не отпускает нераскаянных грехов.

Посмотрите вокруг себя, послушайте разговоры, почитайте газеты и журналы... и вы убедитесь, что и теперь еще, в нашей собственной среде, многие вполне искренние люди продолжают жевать жвачку тысяча девятьсот проклятого года о «слабовольном Царе», «немке Царице» и «самоочевидной» необходимости какого-то «народного волеизъявления»! Где же здесь раскаяние? Где же покаянная готовность смириться перед Промыслом Творца? Вместо раскаяния кивают на «Великий Русский Народ», который-де сам решит свою судьбу.

Без воли Божией ничего не решить!..

Нелицеприятный Судия, видящий наши помыслы, воздает нам по заслугам нашим. Не заслуживаем мы Его милосердия. Но святая душа Государыни Императрицы, предстоящая перед Престолом Всемогущего, умоляет за нас Творца. Да услышит Господь Ее святую молитву, да просветится наш разум, да проснется, наконец, наша совесть, и тогда повторим мы единодушно слова молитвы нашей Царицы, написанные Ею уже из Tobольска, 10 декабря 1917 г.:

Господи! Спаси Россию!»

Николай САХНОВСКИЙ

Перед прославлением Святых Царственных Мучеников, этой воистину Чистейшей Царственной Седмерицы, сначала в Зарубежье, а потом и у нас, на Руси, все зло, копившееся годами, казалось, выползло наружу, оплотнилось до полной реальной его ощутимости, до боли...

О Детях (Царевиче и Царевнах), кажется, никто никогда не спорил.

О Государе спорили. С обвинениями в Его адрес перед самым прославлением у нас публично выступали не только митрополит Ювеналий (Поярков) и ныне покойный митрополит Николай (Кутепов), что понятно, но и также отошедший в мир иной митрополит С.-Петербургский Иоанн (Снычев), что понятно уже менее, но не перестает от этого быть правдой*.

О Государыне же не спорили, да и сейчас не говорят, словно забыли. Но, проходя мимо, нет-нет да и кинут грязью (причем часто те, кто числит себя почитателями Царственных Мучеников).

Лишь однажды удалось услышать более или менее определенное мнение, касающееся непосредственно Царицы-Мученицы. Когда в 1981 г. в Зарубежной Церкви дело дошло до канонизации, то, по словам архиепископа Серафима, возникли немалые трудности: «Одни считали, что прославить нужно всех новых мучеников, но *без Царской Семьи*. Это, мол, политика. Другие высказывались за прославление только Царских Детей, но не Императора с Императрицей. Наконец, нашлись и такие умники, которые говорили, что надо и всю Царскую Семью прославить, *но только не Императрицу*. Я думаю, что это было наиболее распространенное мнение у колеблющихся. Между тем я хочу сегодня утверждать, что Царица была именно наиболее достойна, если можно так выразиться, этого прославления со святыми!» По мнению Владыки к тому, чтобы принять мученическую кончину, «Царская Семья была подготовлена... вся. Но, вероятно, больше всех других готовилась Царица Александра. Почему мы можем так утверждать? Потому что нам известны сохранившиеся пись-

---

* См. интервью с Владыкой в журнале «Москва» (1993. Июнь. С. 205). Автору этих строк пришлось, по крайней мере, дважды слышать от Владыки подобные высказывания; причем в еще более резкой форме.

ма Ее, в которых Она многое писала из заточения Своим близким»².

Как всё это странно и печально... Но ведь, с другой стороны, так было всегда...

Те источники, из которых мы черпаем сведения о Ней, — ведь все они уже отравлены ложью. Недаром личная подруга Государыни Ю. А. Ден назвала свою книгу «Подлинная Царица».

Немало русских эмигрантов после революции оказались в Германии. Расстояния там, как и везде в Европе, коротки. Но зададимся вопросом: кто из многих тысяч съездил в Дармштадт (некоторые даже, пожалуй, там и жили), чтобы специально поинтересоваться тем местом, откуда произошли две Русских Императрицы? Так или иначе, но никто не захотел узнать о детстве Царицы-Мученицы, об обстановке, в которой Она росла, подышать тем воздухом, которым Она дышала... А ведь еще был жив Ее брат...

Воистину, мы ленивы и нелюбопытны. Но, к сожалению, не только...

Постараемся в какой-то мере восполнить этот пробел. Расскажем немного о Государыне, по возможности не повторяя того, что читатель впоследствии может узнать из этой книги.

* * *

Будущая Императрица Всероссийская Александра Феодоровна была шестым* ребенком в семье Великого герцога Гессенского Людвиг IV (12.9.1837–13.3.1892).

Собственно, когда родилась Аликс (6.6.1872), Великим герцогом Гессенским был Ее двоюродный дед Людвиг III

---

* Перед Аликс родились: Виктория (5.4.1863–24.9.1950), вышедшая замуж (30.4.1884) за принца Людвиг Баттенбергского (1854–1921); Елизавета (1.11.1864†18.7.1918) замужем (15.6.1884) за Вел. Кн. Сергием Александровичем (1857 †1905); Ирена (11.7.1866–11.11.1953) замужем (24.5.1888) за принцем Генрихом Прусским (1862–1929); Эрнст-Людвиг (25.11.1868–9.10.1937) в первом браке (19.4.1894–1901) за Викторией Мелитой Саксен Кобург-Готской (25.11.1876 †2.3.1936), во втором (2.2.1905) за Элеонорой фон Зольмс-Гогензольмс-Лих (17.9.1871–16.11.1937); Фридрих (7.10.1870–29.5.1873). После Аликс родилась Мария (24.5.1874–16.11.1878).

(9.6.1806–13.6.1877). Ее родной дед Карл (23.4.1809–20.3.1877), женатый на Елизавете Прусской (18.6.1815–21.3.1885), был наследным принцем Гессенским. Он так и не стал Великим герцогом, скончавшись тремя месяцами раньше старшего своего брата.

Согласно существовавшей в Европе иерархии, Великие герцоги занимали место между королями и герцогами, имея право титуловаться «Королевским Высочеством»³. Великие герцоги Гессенские принадлежали к Брабантскому Дому – древнему фламандскому роду, первым исторически достоверным представителем которого был Гизельберт (IX в.). Старшая фламандская линия рода пресеклась в мужском колене в 1355 году. В 1265 г. принц Генрих Брабантский, благодаря женитьбе, стал ландграфом в Гессене – ленном владении герцога Тюрингского, основав Германскую линию Брабантского Дома. С 1292 г. ландграфы Гессенские – стали имперскими князьями, независимыми от Тюрингии. В 1567 г. эта Германская линия разделилась на Гессен-Кассельскую и Гессен-Дармштадтскую. От последней в 1622 г. отделилась Гессен-Гомбургская ветвь, пресекавшаяся в 1866 году. Ландграфы же Гессен-Дармштадтские с 1806 г. стали именоваться Великими герцогами Гессенскими. После революции в Германии 1918 г. они утратили право на престол. А в 1968 г. Великогерцогская линия вообще угасла⁴.

Мать будущей Российской Императрицы – принцесса Алиса (25.4.1843–14.12.1878) была одним из девяти детей (третьей по старшинству) Английской королевы Виктории I Александрины* (24.5.1819–22.1.1901) от ее брака, заключенного в 1840 г. с принцем Альбертом Саксен-Кобург-Готским (26.8.1819–14.12.1861). Брачный союз ее с будущим Великим герцогом Гессенским Людвигом IV был заключен 1 июля 1862 года.

Собственно говоря, никакого торжества не было. За полгода до этого скончался отец невесты. Для Английской королевы это означало конец ее личного счастья. «Мир померк для меня... Я живу в смерти»⁵, – говорила она. Траур еще продолжался...

---

* Свое второе имя она получила в честь «спасителя Европы» Императора Всероссийского Александра I.

Брачная церемония проходила на острове Уайт в летней резиденции королевы Виктории. (Ровно 32 года спустя там же, в Осборне, проведут несколько счастливых дней помолвленные Ники и Аликс.) День, вспоминали очевидцы, был холодный и ветренный. Было немногочисленно. Служба во дворце «прерывалась истерическими криками королевы»⁶. «Свадьба Алисы, — вспоминала впоследствии ее мать, — больше походила на похороны»⁷. Медового месяца не было. Как только коляска с новобрачными оставила Осборн, небеса словно разверзлись. Над островом разразилась страшная гроза.

С этого времени чуткий слух начинает улавливать множество созвучий, предчувствий, предзнаменований!..

Обрисовывая первое время пребывания принцессы Алисы в Гессене, Мария Баттенбергская отмечала: «Она была иностранкой, приехавшей из далекой Англии, и никак не могла ужиться с дармштадтскими родственниками. Мне было жаль ее»⁸.

Однако была та область жизни, которая, в конце концов, примирила английскую принцессу с гессенцами, заставила их уважать и даже полюбить ее. Еще проживая во дворцах своей Августейшей родительницы, жизнь в которых была похожа, скорее, на пребывание в монастыре, принцесса Алиса посещала больницы, помогала бедным, изучала анатомию. Широкое поле для такого рода деятельности она нашла в новом своем отечестве, чем и завоевала себе уважение.

В 1866 г. Великое герцогство вступило в войну с Пруссией на стороне Австрии. Принц Людвиг, командовавший гессенской кавалерией, выступил в поход. Принцесса Алиса также не сидела, сложа руки. Она организовала Центральное общество подготовки сестер милосердия (прежде это было делом монахинь). Сама посещала курсы, чтобы впоследствии работать в открытых ею военных лазаретах. Заготавливала бинты, разрывая для этого простыни, а когда наличного белья оказалось недостаточно, писала матери, прося прислать постельное белье из Осборна и Виндзора⁹.

Всего семь недель понадобилось Пруссии, чтобы разбить совершенно не готовую к войне гессенскую армию. Прусская армия вошла в Дармштадт, разорив Великое герцогство. Через несколько лет, после окончания фран-

ко-прусской войны 1870-1871 гг., завершившейся провозглашением 18 января 1871 г. в Версале Вильгельма I Германским императором, Великое герцогство Гессенское было включено во вновь созданную Империю.

Обеднели жители герцогства, обеднела и семья принца. Ко времени окончания войны от приданного Алисы (30 тысяч фунтов стерлингов) не осталось и следа; также, впрочем, как и от состояния ее супруга. Рассчитали половину прислуги, продали ездовых лошадей. «Приходится жить так скромно, — писала принцесса Алиса, — мы никуда не ходим, мало кого видим — для того, чтобы немного сэкономить...»¹⁰

Супруг ее принц Людвиг отличался приятной внешностью. Хорошо воспитанный, он был вежливым и покладистым. Очень любил детей. Еще в Англии принцесса Алиса делилась с подругой своей «пылкой любовью» к принцу, говоря, что «он теперь для нее единственный, кого она когда-либо сможет или захочет полюбить...»¹¹ А вот строки из ее письма 1866 г. супругу принцу Людвигу, воевавшему тогда с пруссаками: «Как мне тебя недостает — днем и ночью — не могу передать тебе этого, милый супруг. Как мне хотелось бы поговорить с тобой. Когда я просыпаюсь, то целую твой дорогой портрет и хочу, чтобы он заговорил со мной. Мне так одиноко спать без тебя...»¹²

Современный английский биограф принцессы Алисы считает, что она «обладала более сложным и твердым характером, чем Великий герцог. В тех случаях, когда Людвиг хранил спокойствие, она проявляла склонность к импульсивному поведению. Она была требовательной, когда муж демонстрировал уступчивость и гибкость, критичной, когда тому хотелось быть снисходительным, нарочитой, когда он оставался сдержанным; так что с годами отношение Великой герцогини к мужу приобрело материнские черты, и в тоне ее писем все чаще стали звучать поучительные нотки. В конце концов, неудовлетворенная потребность подчиняться, обусловила ее тенденцию к доминированию...»¹³

«Мои родители, — писал их сын, впоследствии Великий герцог Эрнст-Людвиг, — были глубоко религиозными людьми, хотя и не фанатиками. Начиная от Филиппа Великодушного наша линия Гессенского Дома становилась

все более лютеранской, что облегчало понимание англиканской и православной религии. Все мы ходили в церковь приблизительно раз в две недели, мои бабушка и дедушка бывали там каждое воскресенье»¹⁴.

Напомним, что к этой древнейшей в мире протестантской Династии принадлежали также Император Карл Великий, Шотландская королева Мария Стюарт; особым почитанием пользовалась ландграфиня Елизавета Тюрингенская или Венгерская (1207-1231), прославившаяся делами милосердия и ведшая полную лишений скитальческую жизнь, за что католической церковью спустя всего четыре года после кончины была причислена к лику святых. Великий испанский живописец Мурильо изобразил ее на одном из своих полотен, омывающей раны страждущим. Именно в честь нее была названа одна из дочерей принца Людвига и принцессы Алисы – будущая преподобномученица Великая Княгиня Елизавета Феодоровна.

Принцесса Алиса сама ухаживала за детьми. «Жизнь предназначена для трудов, а не для утех»¹⁵, – было ее девизом. Вставали, как правило, в шесть утра. В семь начинались занятия. В девять – первый завтрак (каша, сосиски, мясные салаты). Длительные прогулки. Второй завтрак (кекс, молоко и фрукты). Снова занятия. В два часа обед. В пять часов чай. Дети сами убирали свои постели, поддерживали порядок в детской и даже учились растапливать камин*. Каждую субботу принцесса с детьми ходили в больницу на Мауэрштрассе, разносили по палатам цветы и гостинцы.

Делясь с матерью своими принципами воспитания детей, она писала: «Я стремлюсь внушить им, что не пристало кичиться своим положением, что надо ценить человека

---

* Впоследствии эти практические навыки пригодились Русской Императрице. Как-то Она рассказывала Своей подруге Ю. А. Ден: «Я хотела, чтобы у Меня в доме каминные решетки чистили графитом каждый день. Они были в ужасном состоянии, поэтому Я вызвала к Себе одну из Моих служанок и велела ей привести в порядок решетки. Но тут выяснилось, что она даже не знает, о чем идет речь. Впоследствии послали за лаком, но вы только представьте себе, Лили, Мне Самой пришлось показывать, как следует покрывать решетки графитом» (Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб. 1999. С. 54).

лишь по его личным достоинствам... Полностью разделяю твоё мнение о различиях между людьми и думаю, насколько важно, чтобы принцы и принцессы знали, что они ничуть не лучше и не выше остальных и что своей добротой и скромностью им следует всем подавать пример. Надеюсь, что именно такими вырастут мои дети»¹⁶.

Весной 1872 года принцесса Алиса, у которой к тому времени было уже пятеро детей, готовилась дать жизнь ещё одному ребёнку. Нелады со здоровьем вынудили её отправиться в Англию к матери. Там опасно заболел её брат, принц Альберт (будущий Английский король Эдуард VII). Сестра ухаживала за ним с полным самоотвержением. От принца болезнь отступила. Но под угрозой оказалась жизнь Алисы. Врачи поставили диагноз: интоксикация. Угроза ребёнку была нешуточной. Но материнский организм выдержал...

Пути Господни неисповедимы: сын спасённого принцессой Алисой брата – Английский король Георг V («Джорджи») – 45 лет спустя постыдно предаст дочь самоотверженной своей тети, двоюродную сестру Аликс, Её Супруга, также своего двоюродного брата и вдобавок «союзника» – Императора Николая II – и Их Детей... Он цинично заявит тогда в приватном письме маркизе Виктории Мильфорд-Хэвен, выражая «соболезнование» в связи с гибелью её сестры, Русской Царицы: «...Может быть, для Нее Самой, кто знает, и лучше, что случилось, ибо после смерти дорогого Ники Она вряд ли захотела бы жить. А прелестные Девочки, может быть, избежали участь ещё более худшую, нежели смерть от рук этих чудовищных зверей»¹⁷. (С этими «зверями», однако, англичане очень скоро стали торговать и даже установили дипломатические, а позднее «союзнические» отношения.)

* * *

Аликс родилась в разгар немецкого лета 25 мая/7 июня 1872 года. Православная Церковь празднует в этот день третье обретение главы честного и славного пророка Предтечи и Крестителя Иоанна.

Близкие ласково называли Её «Sunny» («Солнышко»). Крестили крошку в день бракосочетания родителей (1 июля), дав длинное имя: Аликс-Виктория-Елена-Луиза-Беат-

риса. Среди крестных были будущий Английский король Эдуард VIII с супругой и будущий Император Всероссийский Александр III с супругой (впоследствии ставшие Ее Свекром и Свекровью).

«Малышка похожа на Эллу, только черты лица у Нее поменьше. Глазки все еще темные, опущенные очень черными ресницами; волосы же скорее каштанового оттенка. Она – чудесная и жизнерадостная маленькая личность, неутомимая хохотушка и с ямочкой на одной щеке – совсем как у Эрни»¹⁸, – писала об Аликс принцесса Алиса своей матери 14 августа 1872 года.

Вскоре в дом постучала беда...

Как-то в конце мая 1873 г. принцесса Алиса сидела в спальне за роялем и играла «Похоронный марш» Шопена. Трехлетний ее сын «Фритти» (Фридрих) вбежал в комнату и выпал из окна, шпингалеты которого оказались почему-то не закрытыми, с шестиметровой высоты. Кинулись вниз. Мальчик был жив. Более того, осмотревшие его врачи, не нашли у малыша никаких видимых повреждений. Однако к ночи его не стало. Он скончался от кровоизлияния в мозг. То были последствия неизлечимой болезни гемофилии, передававшейся через женщин и поражавшей мужское потомство.

(Вспоминая Царскосельское житье под арестом, Царь-Мученик писал осенью 1917 г. из Тобольска Своей сестре Вел. Кн. Ксении Александровне: «...В марте и апреле по праздникам на улицах проходили процессии (демонстрации) с музыкой, игравшею Марсельезу и всегда один и тот же Похоронный марш Шопена. Шествия эти неизменно кончались в нашем парке у могилы “Жертв революции”, кот[орую] вырыли на аллее против круглого балкона. [...] Этот несносный Похор[онный] марш преследовал Нас потом долго и невольно все Мы посвистывали и попевали его до полного одурения». Что при этом вспоминала Царица-Мученица?.. Быть может, погибшего в результате той же болезни, что была и у Ее Сына, брата?..)

От этого удара принцесса Алиса так и не смогла вполне оправиться. Слава Богу, что она так и не узнала, что носительницами гемофилии станут две ее дочери: Ирена (потерявшая в результате двух из трех сыновей) и Аликс...

Летом 1877 г., после смерти дяди, отец принцессы Аликс получил титул Великого герцога Гессенского и стал именоваться Людвигом IV. Новые обязанности отнимали у родителей немало времени.

Многосторонне одаренная, принцесса Алиса поддерживала общение с философом Давидом Штраусом, композитором И. Брамсом, искусствоведам Дж. Рескиным, поэтом А. Теннисоном. Многим, например, была памятна игра ею с Брамсом в четыре руки только что написанных им знаменитых «Венгерских танцев».

Таланты матери унаследовали и дети. Во время импровизированных музыкальных вечеров Виктория и Элла садились за рояль. Присутствовавшие при этом замечали: «Если бы они не были принцессами, то могли бы зарабатывать этим»¹⁹. Впоследствии, как известно, музыкальные способности выявились и у младшей дочери Аликс. Разделяла она, между прочим, и интерес родителей к творчеству Рихарда Вагнера. Были у Принцессы Аликс и способности к живописи. (Мать, как известно, была одаренной рисовальщицей. Дочь – акварелисткой.) Брат, Великий герцог Гессенский Эрнст-Людвиг, стал в свое время известным меценатом. Он пригласил в Дармштадт семь молодых художников, один из которых был к тому же архитектором. На холме Матильды выросли выставочный зал, коттеджи художников, театр, павильон цветов, ресторан. Особо следует подчеркнуть, что интерьеры новых построек – мебель, ковры, посуда, светильники и др. предметы – всё было исполнено по эскизам художников, и являло собой примеры гармонии и красоты. В выставке, открывшейся в 1901 г. (всего через два года после начала строительных работ), приняли участие и такие известные русские художники, как Бенуа, Сомов, Малявин, Головина и другие²⁰. Конец этому начинанию положила первая мировая война, а вторая мировая превратила постройки в руины...

Светская жизнь отразилась на слабом здоровье Великой герцогини Алисы. В 1878 г. в письме она признавалась матери, что настолько ослабела, что ни на что не пригодна. Лето 1878 г. все семейство провело в путешествии по древним замкам и дворцам Европы. Побывали и в Англии. Незадолго до возвращения домой, 8 сентября, на Темзе затонул, столкнувшись с другим судном, пароход

«Принцесса Алиса». При этом погибло более 600 человек²¹. Многие сочли это дурным предзнаменованием.

Вскоре по возвращении в Дармштадт, 5 ноября, обнаружили, что старшая дочь Виктория заболела дифтеритом. Был установлен карантин, но было поздно: дети заболели один за другим. В ночь на 16-е скончалась самая младшая 4-летняя Мария («Мэй»). Слегла и обезсиленная мать. Вскоре стало ясно: и у нее дифтерит. Узнав об этом, королева Виктория писала: «У нее не хватит сил, чтобы справиться с недугом». Однако и отправленный матерью ее собственный врач ничего не смог сделать. Перед смертью Великая герцогиня в безпамятстве шептала: «Мэй... милый папа». Она скончалась. И случилось это, действительно, в семнадцатую годовщину смерти ее отца, принца-консорта. Ей было всего 35 лет.

Создавалось впечатление, что весь Дармштадт пришел проститься со своей молодой Великой герцогиней. Среди цветов, которыми была буквально полна усыпальница, выделялся огромный венок от придворного театра, которому покровительствовала покойная. Была там и гирлянда из розмаринов, присланная простой крестьянкой, и скромный букетик фиалок, принесенный двумя девочками-сиротками, которых Алиса удостоила своей дружбы...

Скульптор Йозеф Эдгар Бем сделал несколько проектов надгробия. Великий герцог выбрал то, на котором незабвенная Алиса прижимала к себе бездыханную Мэй. Позднее на добровольные пожертвования горожан был воздвигнут памятник, надпись на котором гласила: «Алисе — незабываемой Великой Герцогине»²².

Детей на похороны не пустили. Но кончина матери и маленькой Мэй наложили неизгладимую печать на шестилетнюю Аликс. Она стала рано задумываться над вопросами жизни и смерти.

«Аликс, — по словам Ее воспитателей, — была веселым, великодушным, добросердечным ребенком — своенравным, впечатлительным и темпераментным, однако после смерти матери Она начала замыкаться и заковывать свои эмоции в панцирь, смеялась реже — чаще искала участия и защиты. Только в привычном окружении теплоты и понимания расцветала: робкая, серьезная и холодная Принцесса снова веселилась, как в прежние годы...»²³

А вот что писал о Ней брат Эрнст-Людвиг: «Аликс была красивой уже ребенком, причем таким серьезным чело-
вечком. Особым юмором Она не отличалась. Как у всех
сестер, у Нее было великодушное сердце, а чувство долга
просто безграничным. Если Она за что-либо бралась, то
всегда старалась довести до конца. После смерти Мэй Она
стала самой младшей и обижалась, что Ей не всегда все
говорили. Она была хорошей подружкой для отца и дела-
ла все возможное, чтобы скрасить его жизнь. Мы всегда
были вместе, и позднее, если не считать Ее Собственной
Семьи, я оставался для Нее любимейшим, что было у Нее
на этой земле. Так как Она легко смущалась и при этом
понуривала голову, а смеялась только под настроение,
ибо это не вязалось с Ее честностью, — часто думали, что
Она несчастлива, скучает или недовольна...»²⁴

Первоначальное воспитание (сразу же после кончи-
ны матери) проходило под руководством отца, которо-
го маленькая Аликс просто обожала («Для Меня нико-
гда не было большего ангела, такого хорошего, такого
любезного, доброго, любимого. Он был всем для Ме-
ня...»²⁵), и старших сестер, а также под присмотром гу-
вернанток по большей части англичанок. (Одна из них,
мисс Орчард, впоследствии приехала с молодой Царицей
в Россию.)

Постепенно, однако, воспитание и образование юной
Принцессы перешло в руки бабушки королевы Виктории,
которой наставники должны были докладывать ежемесе-
чно. В результате Аликс получила великолепное образова-
ние. К пятнадцати годам Она достаточно хорошо изучила
историю, географию, арифметику и литературу. Впослед-
ствии, уже будучи в России, Она поражала специалистов
блестящим знанием латинских названий растений и птиц.
Одинаково свободно говорила Она по-немецки и англий-
ски; неплохо знала французский. Хорошо рисовала. Игре
на рояле Ее учил директор Дармштадтской оперы. Боль-
шие способности выказала Она к рукоделию (особенно
хорошо вышивала и вязала). Всему этому, несомненно,
способствовали превосходная память Принцессы, Ее тру-
долобие и прилежание. Особый интерес Аликс проявляла
к философии и богословию. Она слушала и конспектиро-
вала лекции университетских профессоров; изучала серь-

езные философские труды, получив, в конце концов, степень доктора философии Оксфордского университета. Впоследствии в обыденном употреблении Государыни было множество богословских трудов отцов Церкви, чтение которых требовало самой серьезной подготовки²⁶.

1884 год для великогерцогского семейства был наполнен хлопотами и переживаниями. Две старшие сестры 12-летней Аликс выходили замуж. На вторую из этих свадеб (Ее любимая сестра Элла выходила замуж за русского Великого Князя Сергея Александровича), состоявшуюся 3 июня 1884 г. в Санкт-Петербурге, Аликс поехала вместе с отцом. Там Она и встретилась с 16-летним Наследником Русского Престола, Ее Ники...

Брак Эллы был к тому времени третьим случаем, когда Гессенский Дом породнился с Российским Императорским Домом Романовых.

10 октября 1773 г. Наследник Российского Престола Цесаревич Павел Петрович (будущий Император Павел I) вступил в брак с Великой Княгиней Наталией Алексеевной (25.6.1755†26.4.1776), урожденной принцессой Вильгельминой-Луизой — дочерью ландграфа Гессен-Дармштадтского Людвига IX (1719–1790).

28 апреля 1841 г. другой Наследник Российского Престола, Великий Князь Александр Николаевич (будущий Император Александр II) женился на Великой Княгине Марии Александровне — младшей дочери Великого герцога Гессенского Людвига II (1777–1848) Максимилиане-Вильгельмине-Софии-Марии.

Это была Та, о Которой преподобный Серафим Саровский предсказал «прежде, чем Она прибыла в Россию, что Она будет “благодатная” и матерью для России и для Православной Церкви». Приехав однажды в Дармштадт вместе со Своим Супругом Императором Александром II и увидав принцессу Аликс, Она, оборотившись к сопровождавшей Ее фрейлине баронессе Анне Пилар фон Пильхау, сказала: «Поцелуйте этой крошке руку. Это ваша будущая Императрица»²⁷.

Между тем, зародившееся в далеком великолепном Санкт-Петербурге, столице Великой Северной Империи, чувство росло, охватывая юные души Ники и Аликс великой всепобеждающей силой любви.

Короткие встречи, долгая разлука, переписка при посредстве Великой Княгини Елизаветы Феодоровны...

Было немало сомнений. Некоторые препятствия казались непреодолимыми.

И самое главное из них – необходимость перемены веры.

8 ноября 1893 г. принцесса Аликс писала из Дармштадта: «Я не могу пойти против Своей совести. Ты, дорогой Ники, так глубоко верующий, поймешь, что для Меня грех переменить религию, и Я всю жизнь буду страдать, зная, что совершила дурной поступок. [...] Какое счастье может быть в браке, который начинается без благословения Божьего? А Я считаю грехом изменить вере, в которой была воспитана и которую люблю. [...] Это было бы ложью по отношению к Тебе, Твоей религии и Богу. Так Я понимаю, что хорошо и что дурно, а внутренние религиозные убеждения и спокойная совесть перед Богом важнее ... всех земных желаний»²⁸.

«...И перед этим неумолимым препятствием рушится вся Моя надежда...»²⁹, – записал Цесаревич в Свой дневник, получив 18 ноября это письмо.

Но Его вера, Его любовь к Ней помогли Ему найти те единственно верные слова, которые открыли доступ к Ее душе, убедили Ее. Он писал:

«Аликс, Я понимаю Твои религиозные чувства и благоговею перед ними. Но ведь Мы веруем в Одного Христа, другого Христа нет. Бог, сотворивший мир, дал нам душу и сердце. И Моё сердце и Твое Он наполнил любовью, чтобы Мы слились душа с душой, чтобы Мы стали едины и пошли одной дорогой в жизни. Без Его воли нет ничего. Пусть не тревожит Тебя совесть о том, что Моя вера станет Твоей верой. Когда Ты узнаешь после, как прекрасна, благодатна и смиренна наша Православная религия, как величественны и великолепны наши храмы и монастыри и как торжественны и величавы наши богослужения, – Ты их полюбишь, Аликс, и ничто не будет нас разделять...»³⁰

И еще: «Я не могу опровергать приведенные Тобой доводы, милая Аликс, но выдвину другой, тоже верный: Ты едва ли представляешь всю глубину нашей религии. Если бы знающий человек помог Тебе понять ее и Ты могла бы прочитать книги, из которых узнала бы о сходстве и раз-

личии между двумя религиями, — может быть, тогда это не так волновало бы Тебя, как теперь!»³¹

И такой *знающий человек* нашелся. Им стал протопресвитер, духовник Императора и Императрицы Иоанн Леонтьевич Янышев (1826†1910) — богослов, писатель, проповедник и церковный деятель*. О нем, как стало известно недавно, в своем предсмертном дневнике весьма скверно отзывался св. праведный о. Иоанн Кронштадтский, моливший Господа даже «убрать» его «и прочих неверных людей!»³² Причина, как полагают, заключалась в принадлежности о. Иоанна Янышева к так называемому «прогрессивному течению» в академическом богословии. В своих богословских трудах он действительно вдохновлялся преимущественно современной западной теологической литературой (главным образом протестантской)³³. Но в данном конкретном случае именно эти качества сыграли, если и не решающую, то, по крайней мере, весьма значительную роль**. Принцесса Аликс доверилась Своему первому духовнику, наставлявшему Ее в Православии, используя свои глубокие познания в области протестантизма.

---

* Образование о. Иоанн получил в С.-Петербургской духовной академии, окончив которую со званием бакалавра, был настоятелем церквей при различных русских посольствах в Западной Европе. Он немало сделал для ознакомления западных католических и протестантских богословов с Православной Русской Церковью. Профессор богословия и философии С.-Петербургского университета (1855-1858). Преподавал в Копенгагене Закон Божий Датской принцессе Дагмаре (с 1864), ставшей впоследствии Императрицей Марией Феодоровной. Ректор и профессор нравственного богословия С.-Петербургской духовной академии (1866-1883). Духовник Их Императорских Величеств (с 1883). Заведующий придворным духовенством; протопресвитер. Настоятель собора Зимнего дворца и московского Благовещенского собора. Доктор богословия (1899). Автор значительного количества статей в духовных журналах, книг и учебников.

** Вот, между прочим, отзыв об о. Иоанне Янышеве Ф. М. Достоевского в его письме А. Н. Майкову, написанном из Женевы 18 февраля 1868 г.: «... Друг мой, вспомните, что священники наши, то есть заграничные, не все такие же как висбаденский, о котором я Вам говорил, уезжая из Петербурга (а познакомились ли Вы с этим? Это редкое существо: достойное, смиренное, с чувством собственного достоинства, с ангельской чистотой сердца и *страстно* верующее. Ведь он, кажется, ректор теперь в Академии)» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 28. Кн. 2. Л. 1985. С. 259).

Не могла не испытывать Принцесса (хотя письменных свидетельств этого и не сохранилось) также и страха стать причиной рождения больного потомства, тем более Наследника Престола. Напомним, что загадочная болезнь эта, гемофилия, поразила Английскую королевскую семью, придя туда через мать королевы Виктории (поэтому и называли ее там «проклятием Кобургов»)³⁴. От последствий ее скончался, между прочим, дядя Принцессы Аликс (родной брат ее матери) принц Леопольд.

Не были склонны к этому браку и Родители Ники: главным образом, Мать (прежде всего, из-за врожденной антипатии к немцам урожденной датчанки*, которую Она так и не сумела преодолеть, даже будучи Императрицей Всероссийской). «Неприязнь Императрицы к молодой Принцессе, – вспоминал генерал А. А. Мосолов, – сейчас же отразилась на отношении к Ней всего русского Двора. С Ее Высочеством обращались с нескрываемым пренебрежением и даже с насмешкою и иронией»³⁵.

Немалым препятствием была и бабушка Аликс – Английская королева Виктория, которая приобрела еще больший вес после того как 13 марта 1892 г. скончался Великий герцог Гессенский Людвиг IV.

Она подыскивала самые различные партии для своей любимицы, прежде всего, желая видеть Ее на Английском престоле.

«Вы понимаете, как трудны браки в Царствующих Домах, – делилась впоследствии Своими мыслями Императрица Александра Феодоровна с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. – Я знаю это по Собственному опыту, хотя Я и не была никогда в положении Моих Дочерей и, как дочь Великого герцога Гессенского, мало подвергалась риску политического брака. Тем не менее и Мне грозила опасность выйти замуж без любви или даже просто без привязанности и Я живо помню, что Я пережила, когда в Дармштадт приехал, – тут Императрица назвала члена одного из Германских Владетельных Домов, – и от Меня не скрыли, что он имел намерение на Мне жениться. Я его совершенно не знала и никогда не забуду, что Я вы-

---

* Хотя Ее собственная мать, Датская королева Луиза, и была дочерью ландграфа Гессенского!

страдала при первой с ним встрече. Бабушка Моя, Королева Виктория, сжалилась надо Мной и Меня решили оставить в покое. Господь иначе устроил Мою судьбу и послал Мне семейное счастье, о котором Я и не мечтала»³⁶.

«Незадолго до своей скоропостижной кончины Ей предлагал руку кузен Эдди – принц Альберт-Виктор, который должен был получить после отца титул наследника Английской короны. О принце Эдди говорили разное, но чаще всего то, что он, к сожалению, не слишком подходит к роли наследника Английского престола – он не умел себя вести в обществе и не блистал эрудицией. Под орлиным носом топорщились лихо закрученные усы; большие оленьи глаза казались слегка ословелыми. Поредевшие каштановые волосы всегда были расчесаны в аккуратный пробор, а удивительно длинная “лебединая” шея надежно упаковывалась в футляр из высокого туго накрахмаленного воротничка. Эдди слыл частым посетителем публичных домов, не брезгуя ухаживать и за молодыми смазливymi юнками. По Лондону ходили темные слухи, что именно Эдди и является жутким серийным убийцей Джеком-Потрошителем, однако точно доказать эти подозрения Скотланд-Ярд не смог или не захотел»³⁷.

О России же королева Виктория и слышать не хотела. И не случайно: за этим стояли долгие годы непрекращающейся вражды и едва прикрываемой внешним приличием ненависти³⁸. Но было, вероятно, и нечто иное...

Вот отрывки из некоторых писем Бабушки Принцессы Аликс старшей своей внучке принцессе Виктории:

(1882): «Не хотела бы я, чтобы кто-то из вас жил в России. Дорогая ваша мама даже слышать об этом не желала»³⁹.

«Здоровье Эллы не выдержит климата, который уже свел в могилу бедную тетю* и подорвал здоровье почти всех немецких принцесс, которые туда отправились, не говоря уже об ужасном состоянии России и скверном общественном положении»⁴⁰.

«Русские такие безсовестные, у них не в цене принципы, начиная от Великих Князей. Политика или не политика – русские абсолютные антагонисты Англии и наши истинные враги!»⁴¹

---

* Императрицу Марию Александровну. – С. Ф.

(1887): «...Я сердцем и душой за то, чтобы приберечь милую Алики для Эдди или Джорджа. Ты должна помешать русским или кому-то еще утащить Ее у нас из-под носа»⁴².

(Лето 1890): «Я уже сказала, что сожалею о том, что Алики снова уехала в Россию, в связи с чем появились разные домыслы. [...] ...Тут замешан вопрос о религии. Я тоже знаю, что Минни* не желает этого брака. Одним словом из этого ничего не выйдет. Но многие Великие Князья и Принцы выступают за помолвку. Я слышала, что Элла хочет, чтобы и ее сестра вышла замуж за русского, что будет крайне болезненно воспринято дядей Берти и тетей Аликс, а также мною. Но, возможно, все обстоит иначе, а если ты постарайшься убедить Эллу, что Алики не позволят выйти замуж в России, тогда вопрос будет окончательно решен»⁴³.

(1890): «Надеюсь, я была права, сказав дядюшке Берти о том, что не может быть и речи о Ее замужестве в России и что ты привезла Ее назад целой и свободной? Дядюшка Берти говорит, что ему известно о том, что Элла готова на все, лишь бы выдать Ее за Великого Князя»⁴⁴.

(1890): «Папа должен топнуть ногой и заявить, что Алики не следует больше ездить в Россию. Не только он, но также ты и Эрни должны настоять на этом. Обстановка в России настолько плоха, настолько неустойчива, что в любой момент там может произойти нечто ужасное. Возможно, Элле опасаться нечего, но быть Женой Наследника Престола – роль трудная и опасная. Обо всем этом я написала папе, который должен проявить силу и твердость, но, боюсь, он не сумеет этого сделать. Такой брак произвел бы в Англии и в Германии (где Россию не любят) самое неблагоприятное впечатление и привел бы к расколу между нашими семьями»⁴⁵.

Но, тем не менее, любовь все-таки победила! Как впоследствии (и по другому поводу) писала Государыня: «...любовь, которая ломает стены». 8 апреля 1894 г. в Кобурге состоялась помолвка Ники и Аликс.

«Вчера в Кобурге, – писала „Darmstadter Zeitung“, – были завязаны нежные узы, которыми наш Княжеский Дом вновь соединится с Российским Императорским Домом... Так что недалеко то время, когда наша дорогая Принцесса

---

* Императрица Мария Феодоровна. – С. Ф.

будет призвана, подобно Ее двоюродной Бабушке Мари, вместе со Своим Императором Супругом украсить Трон могущественной Российской Державы. Ее увозят от нас, чтобы в чужой стране Она нашла блестящее поприще для деятельности, но Она не забудет Своей немецкой отчизны, преданной земли Гессен...»⁴⁶

Не сдавалась лишь «Европейская бабушка» – королева Виктория.

*Внучке принцессе Виктории Баттенбергской (лето 1894): «... Чем больше думаю о свадьбе милашки Алики, тем я несчастнее! Это никак не связано лично с Ним – мне Он очень нравится, – но с Его страной, ее политикой и нашими разногласиями, и с ужасно ненадежным положением, в котором окажется милое дитя. Чем дольше думаю о том, что Она изучает русский язык и скоро будет получать наставления русского священника, тем сильнее противится вся моя природа, вопреки всем моим попыткам успокоиться и радоваться вместе с Ней. Я попытаюсь смириться и увидеть в этом что-нибудь положительное»*⁴⁷.

«Она сирота, – подчеркивала королева Виктория в том же письме, – а я Ее единственная бабушка и полагаю, что у меня есть право голоса. Она для меня словно родное дитя, как и все вы, мои дорогие дети... Мне кажется, будто я Ее уже потеряла»⁴⁸.

О том же она напоминала Жениху: «У Нее нет родителей, и я считаю, что только я несу за Нее ответственность. После смерти Ее горячо любимой матушки все Ее сестры видели во мне вторую мать, но был еще жив их дорогой отец. Теперь бедная милая Алики – сирота, и у Нее нет никого, кроме меня»⁴⁹.

«Кончина Ее дорого отца, – предупреждала Его же королева в другом своем письме, – беспокойство за брата и споры о Ее будущем очень сильно подорвали Ее нервную систему. Надеюсь, Ты это поймешь и не будешь спешить со свадьбой, ведь ради Твоего и Своего блага Она сначала должна выздороветь и окрепнуть»⁵⁰.

Однако день отъезда в Россию наступил неожиданно. В начале октября 1894 г. в Дармштадт пришла телеграмма от умиравшего Императора Александра III: «Очень тронут Твоей сердечной депешей. [...] Жду Тебя с нетерпением. Сердечно обнимаю. [...] Папа»⁵¹.

Некоторые настроения, возникшие в связи с отъездом Принцессы Аликс из родового гнезда, получили отражение в статье в одной из дармштадтских газет того времени:

«Немецкий народ с чувством искреннего огорчения и сожаления следит за отъездом великодушной и всеми любимой принцессы Аликс. Не могу побороть в себе предчувствие, что Принцессу, которая так горько плакала, покидая Дармштадт, на чужбине ожидают слезы и разочарование. Не нужно быть пророком, чтобы представить, что творится в душе Августейшей Невесты в эти судьбоносные недели. Ведь, согласно человеческим законам, жена должна следовать за своим избранником навстречу неизвестности.

Однако немцы не вправе радоваться или восторгаться этим браком. Они не вправе забыть слова поэта: «Принцы лишь рабы своего положения; они не должны следовать велению своего сердца».

Если мы посмотрим на Царя, борющегося со смертью, на «частную жизнь» Жениха, на перемену Принцессой религии, которой Она была верна до настоящего дня, то должны признать, что лишь героическая натура способна преодолеть все эти испытания... Наши сердца преисполнятся радостью, если мы узнаем, что Принцесса обрела подлинное и прочное счастье. Пока же мы можем лишь пожелать Ей благополучия и надеяться на самое лучшее, несмотря на неопределенное и шаткое будущее»⁵².

Эти добрые чувства дармштадтцев по отношению к своей Принцессе не были «заказными». Русский монархист полковник В. Ф. Винберг летом 1919 г. проездом оказался в Дармштадте. Остановился он в местной гостинице.

«Я заметил, — писал он, — что прислуживавший мне молодой кельнер, после того, как я записал свое имя и свою национальность, приобрел какой то странный, неприятный вид, относившийся, насколько я мог понять, к моей национальности. Заинтересованный этим обстоятельством и желая выяснить, в чем тут дело, я с ним заговорил, и почти с первых же слов моих он, с вызывающим видом, мне выпалил следующую фразу, к которой, как видно было, уже давно подготовился:

— Слава Богу, вам, русским, не удалось домучить нашу дорогую Принцессу Алису. Мы здесь имеем сведения, что Ей удалось быть спасенной...

Самая высшая любезность не могла бы мне доставить такого удовольствия и так меня растрогать, как эта выходка.

Я успокоил милого мальчика, объяснив, что не менее, чем он предан своей Принцессе Алисе, я предан моей Государыне; что радуюсь, как и он, возможности надеяться на Ее спасение, и что, если Бог мне даст жизни, придет время, когда я беспощадно рассчитаюсь за каждый миг страданий, претерпленных Ее Величеством.

Совершенно успокоенный, молодой дармштадтский рыцарь стал очень любезен и рассказал об общих чувствах его народа к нашей Государыне: «мы Ее так сильно, так сердечно всегда любили» [...]

Я задумался над этим случаем. Почему такая разница в оценке одного и того же человека? Может быть, потому, что в маленьком Дармштадте ближе и интимнее знали свою Принцессу, чем Русский народ — свою Царицу? Или потому, что разные народы, разная чуткость души, разная культура, разное воспитание?»⁵³

...В начале октября 1894 г. королева Виктория продолжала еще на что-то надеяться. За считанные часы до отъезда в Россию старшая сестра Принцессы Аликс Виктория получила от бабушки письмо: «Человек полагает, а Бог располагает! — Никогда это не было вернее, чем сейчас. Потому что я чувствую, что Вы все теперь идете другим путем, чем я надеялась. [...] Все мои тревоги о Ее будущем замужестве сейчас больше, чем прежде, когда я думаю, что Она столь юной всходит на такой ненадежный Трон, и Ее жизнь и жизнь Ее Мужа будут под постоянной угрозой. Я вынуждена настоятельно просить не принимать никаких окончательных решений, не посоветовавшись со мной. У Нее нет родителей, и я их заменяю!»⁵⁴

Создается впечатление, что бабушка знала больше, чем могла сказать даже самым близким ей родным и любимым людям...

Относительно будущего Цесаревич Николай Александрович не обманывался и Сам. Он прекрасно помнил Своего Деда, «павшего на брешу»; вполне отдавая отчет, что Русский Императорский Трон, который Ему рано или поздно предстояло занять, — самое опасное

место в мире. (По свидетельству историка Вел. Кн. Николая Михайловича, лишь его отец достиг 77-летнего возраста, а из остальных представителей Дома Романовых не более 10 процентов дожили и до 60-ти...⁵⁵) Не вводил в заблуждение Он и Свою Суженую, Которой, по словам Ее маленькой кузины принцессы Алисы Атлонской, совершенно откровенно признался: «Действительно, Я боюсь стать Царем, потому что никогда не услышу правды»⁵⁶.

«Какие глупцы! – писала Великая Княгиня Елизавета Феодоровна своей бабушке королеве Виктории. – Как будто подняться на Трон заслуживает зависти! Только любовь чистая и сильная может дать мужество принять это серьезное решение»⁵⁷.

И все-таки Они не предполагали, что всё это наступит так скоро...

«Получил чудную телеграмму от милой дорогой Аликс, – читаем в дневнике Цесаревича 8 октября 1894 г., – уже из России – о том, что Она желала бы мвропомазаться по приезде, что Меня тронуло и поразило до того, что Я ничего долго сообразить не мог!»

На следующий день, встретившись после завтрака с о. Иоанном Кронштадтским, которого Он накануне встречал, Наследник Цесаревич Николай Александрович сказал ему, что «Невеста Его после борьбы переходит в Православие с убеждением»⁵⁸.

Как писали очевидцы, впоследствии мвропомазание откладывалось «только потому, что Государь [Император Александр III] хочет при этом присутствовать, а Он для этого слишком слаб»⁵⁹.

Наконец, 10 октября Принцесса Аликс вместе с Наследником Николаем Александровичем приехали в Ливадию. Было около пяти вечера. Они сразу же прошли к Отцу, Который перед этим велел Себя поднять и одеть в мундир, который оказался слишком велик изможденному тяжелой болезнью еще недавно могучего сложения Царю. Присутствовавшая при этом Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Я сразу же полюбила Ее. А какой радостью был Ее приезд для моего Отца. Я помню, что Он долго не отпускал Алики из Своей комнаты»⁶⁰. Всю последующую свою жизнь сестра Ники

оказалась верной этому первому чувству, передав его впоследствии своим детям.

В тот же день состоялась первая встреча будущей Императрицы Александры Феодоровны с Кронштадтским Пастырем. Уже в сумерках приехала Она на краткий молебен, который служил о. Янышев в сослужении о. Иоанна. «После Императрицы и Наследника, — вспоминал очевидец, — Принцесса подошла ко Кресту. Она была в темно-коричневом платье и круглой шляпе. Она высокого роста, стройна и гибка... Лицо приятное, красивое и серьезное»⁶¹. Впоследствии о. Иоанн говорил, что «Великая Княгиня Александра Феодоровна Господом предназначена молодому Государю и России»⁶².

20 октября случилось неизбежное.

Из дневника Цесаревича: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к Себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. [...] Это была смерть святого!»

На следующий день после кончины Государя, 21 октября, в десять часов по местному времени Принцесса Аликс была муропомазана в небольшой ливадийской дворцовой церкви, став Благоверной Великой Княгиней Александрой Феодоровной*.

(Церковь, в которой Она приняла Православие, была освящена в честь Воздвижения Честнаго Креста Господня. Глубоко символично, что именно в этом храме Царица-Мученица приняла на плечи Свой Крест. Все последующие годы Царская Семья неизменно отмечала этот день, причащаясь Святых Таин. В последний раз это произошло 23 года спустя, в Тобольске, в Благовещенском храме. Они были уже в узах... Когда Царственные Мученики вышли из церкви, по благословению ее настоятеля, раздался колокольный звон, продолжавшийся до самого Их возвращения в дом...)

---

* Переходившие в Православие инославные Венценосные Супруги Императоров Всероссийских, как правило, получали отчества по имени отца первого Царя из Дома Романовых. Одновременно их отчества напоминали и о родовой святыне Царственного Рода — Феодоровской иконе Божией Матери.

Обращение в Православие Аликс, по словам Ее сестры, было «прекрасным и трогательным. Она прочитала всё превосходно и была очень спокойной»⁶³.

Королева Виктория узнала об этом из сообщений телеграфных агентств. «Я была вначале шокирована, – писала она своей старшей внучке Виктории, – когда узнала об этом по телеграфу, еще и потому, что вопреки реальности все еще на что-то надеялась, но не могу отрицать, что это должно быть так и не иначе. [...] Однако я разочарована, что не смогу больше смотреть на Нее, как на милую невинную Алики, – зато Я УВЕРЕ-НА, ЧТО ИЗ НЕЕ ВЫЙДЕТ МОГУЩЕСТВЕННАЯ ИМПЕРАТРИЦА»⁶⁴. Нельзя отрицать, что это писал человек, много лучше других понимавший толк во власти. (Легендарная Английская королева правила 64 года, вступив на престол, будучи 18-летней, в 1837 г. – в год гибели А. С. Пушкина.)

«Эта свадьба, – сообщала королеве Виктории ее внучка Элла, – будет семейной, как и свадьба Мамы. Это не только Их желание, но желание всей Семьи и всей России. Они смотрят на это как на Свой долг и обязанность начать эту новую и трудную совместную жизнь, благословленную священным Таинством брака. Это будет скоро... Это последние дни, когда могут венчать, так как начинается Рождественский пост и потом можно только уже в новом году»⁶⁵.

Новобрачные в трауре въехали в столицу вслед за гробом покойного Государя. Поганые языки уже тогда стали трепать Ее имя: «Она пришла к нам за гробом»; «Гроб привезла»⁶⁶.

Венчались в день рождения Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны 14/26 ноября, в понедельник. На один день в России был снят траур. «Свадьба стала лучом света посреди глубокого траура»⁶⁷, – писал герцог Йоркский Георг королеве Виктории.

Читаешь об этом и никак не можешь избавиться от мысли, что всё это как будто отзвук знаменитого *Val noir* («Черного бала») в январе 1889 года, когда Императрица Мария Феодоровна, получив известие о до сих пор так до конца и не разгаданной трагической кончине наследника Австро-Венгерского престола кронпринца Рудольфа,

решила не отменять по случаю полагавшегося траура открытие зимнего танцевального сезона. Присутствовавший на этом, наверное, единственном в своем роде балу брат Государыни Александры Федоровны вспоминал: «Все дамы явились во всем черном, в бриллиантах и жемчугах, в белом зале с красными гардинами и стульями пестрели только мундиры. Зрелище было странное...»⁶⁸

14 ноября 1894 года. Санкт-Петербург. «Утро было пасмурное, — отметил в своем докладе королеве Виктории лорд-гофмейстер Каррингтон, — совсем как ноябрьское утро в Англии...»⁶⁹ Такое же холодное и ветреное, прибавим мы, как то утро на острове Уайт, когда, под плач королевы, венчались родители Царицы.

Вот как описал само венчание в своем дневнике Великий Князь Константин Константинович: «Шествие в церковь открыла [Вдовствующая] Императрица с Датским королем; за Ними шел Государь с Невестой. [...] В церкви бедная Императрица почти все время плакала. [...] Странно и непривычно было слышать, когда о. Янышев читал: “Венчается раб Божий Благочестивейший, Самодержавнейший Великий Государь Император Николай Александрович...”. [...] И вот в первый раз после Государя называли Супругу Его, Благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну. Из церкви Они шли уже впереди, а Вдовствующая Императрица с отцом за Ними»⁷⁰.

«Для Меня это был настоящий кошмар и такое страдание, — писала Вдовствующая Императрица Своему сыну Вел. Кн. Георгию Александровичу по поводу свадьбы Первенца. — Эта церемония с помпой при такой массе народа! Когда думаешь, что это должно проходить публично, сердце обливается кровью и совершенно разбито. Это более чем грех. Я все не понимаю, как Я смогла это перенести»⁷¹.

«...Это было очень странное бракосочетание, — вспоминала Вел. Княгиня Ольга Александровна. — Никакого приема не устраивали. Не было и медового месяца. Молодые не имели даже собственного дома. Они поселились в шести небольших комнатах Аничкова дворца»⁷².

О том, какая там была жизнь, эта любимая Сестра Государя далее свидетельствовала:

Вдовствующая Императрица «предпочитала, чтобы юные Супруги жили под одной с Ней крышей [...], не имея права вмешиваться в хозяйственные дела. [...] У молодого Императора и Его Супруги не было даже Своей столовой. Завтракали Они вместе со всеми в просторном помещении за столом, во главе которого восседала Вдовствующая Императрица. [...]

...Мама любила сплетни. Дамы Ее Двора с самого начала приняли Алики в штыки. [...] Императрица-Мать [...] настаивала на том, чтобы Самой подбирать фрейлин и статс-дам для Своей Невестки. [...] Она никогда не учитывала вкусы Самой Алики. Зачастую Мама заказывала Ей платья, но Алики их не носила. [...]

Из всех нас, Романовых, Алики наиболее часто становилась объектом сплетен и даже клеветы. Она так и вошла в историю оклеветанной. Я уже не в состоянии читать всю ложь и все гнусные измышления, которые написаны про Нее. – Даже в нашей Семье никто не попытался понять Ее. [...] Что бы Алики не делала, все, по мнению Двора и Ма-мы, было не так. [...] Даже в самый первый год Ее пребывания в Аничковом дворце – я это хорошо помню – стоило Алики улыбнуться, как злюки заявляли, будто Она насмешничает. Если у Нее был серьезный вид, говорили, что Она сердита. [...]

Она была удивительно заботлива к Ники, особенно в те дни, когда на Него обрушилось такое бремя. Несомненно Ее мужество спасло Его. [...] Без всякого сомнения, Алики оставалась единственным солнечным лучом во все сгущавшемся мраке Его жизни. [...] ...Появлялся Ники – усталый, иногда раздраженный – после бесчисленных приемов и аудиенций. Алики никогда не произносила ни одного лишнего слова и никогда не допускала ни одной оплошности. Мне нравилось наблюдать Ее спокойные движения»⁷³.

И еще: «Разве могла Алики быть счастливою? Но я никогда не слышала от Нее и слова жалобы. [...] ...Откровенных скандалов в Аничковом дворце не случалось. Но именно в тот период были посеяны семена взаимной неприязни»⁷⁴.

Такая «странная жизнь» продолжалась вплоть до весны 1895 г., когда Царь с Царицей переехали в Александров-

ский дворец Царского Села, ставший с тех пор любимым Их местом пребывания.

Переезд избавил Их, разумеется, лишь от части проблем. Вскоре возникшую размолвку стали замечать и другие...

«Мне больно было заметить, — занес в дневник Вел. Кн. Константин Константинович, — что между [Вдовствующей] Императрицей и Ее Невесткой рождаются глухие недовольствия»⁷⁵.

Брат Государыни Великий герцог Эрнст-Людвиг в своих воспоминаниях был более обстоятелен: «С самого начала многие родственники, особенно Михень*, были настроены против Нее. Они называли Ее *“cette raede anglaise”***». И другие, друзья Александра III и Императрицы Марии, держались до последнего и желали взять верх над Аликс. [...] Императрица Мария была типичной свекровью и Императрицей. Должен сказать, что Аликс, с Ее серьезным и твердым поведением, была нелегкой невесткой для такой честолюбивой свекрови. По семейному закону, изданному Императором Павлом, Императрица Мария, как коронованная раньше, имела преимущество перед более молодой. У Императрицы Александры (Жены Николая I) с Императрицей Марией (Женой Александра II) недоразумений не возникало. Замечено было, что, если предстоял выход Императорской Четы, Она либо не появлялась вовсе, либо к Их приходу уже находилась там. Императрица же Мария (Вдова Александра III) приходила одновременно, а большей частью заставляла Себя ждать. Николаю II приходилось всегда выходить с обеими Императрицами, с Матерью справа, с Аликс слева, а в дверях из-за недостатка места Аликс всегда вынуждена была отступать назад. Ники, со Своим тонким чувством такта, все

---

* Вел. Княгиня Мария Павловна была супругой дяди молодого Государя, Вел. Князя Владимира Александровича, одного из самых крайних противников брака принцессы Аликс с Наследником Цесаревичем. Сын этой великокняжеской четы, Вел. Кн. Кирилл Владимирович, в феврале 1917 г. изменит своему Государю, а еще через несколько лет объявит себя в эмиграции «Императором Всероссийским». Потомки этого изменника, несмотря на разоблачения с документами в руках, до сих пор продолжают претендовать на Всероссийский Престол. — С. Ф.

** Эта чопорная англичанка (*фр.*).

время пытался найти какой-то *modus vivendi**, но всякий раз не мог преодолеть железную волю Своей Матери»⁷⁶.

Природа этих неудовольствий со стороны Вдовствующей Императрицы в полной мере выявилась в дни Коронации. Торжественный въезд в Первопрестольную состоялся 9 мая 1896 года. Во время него, по словам Великого Князя Константина Константиновича, «Императрица Мария Феодоровна в Своей золотой карете все время плакала: Ей слишком тяжело вспоминать, как 13 лет назад Она эти же торжества переживала со Своим возлюбленным Мужем»⁷⁷. Даже в самый день Коронации в Большом Успенском Соборе Московского Кремля, по словам того же Августейшего свидетеля, Императрица Мария Феодоровна была «точно жертва, разубранная перед закланием. Ее лицо выражало страдание»⁷⁸. Со времени кончины Супруга прошло почти два (!) года, но личные чувства снова взяли верх над чувствами Матери и долгом Императрицы. (Вспомним, для сравнения, Ее поведение в Царской Ставке в первые дни марта 1917 г. после отречения Ее Сына: «...Государыня Мария Феодоровна поразительно твердо Себя держала. У Ее Величества в эти дни великой муки находились добрые слова, приветливая улыбка ко всем, с кем Императрица встречалась в это время. [...] Это твердое поведение заметила вся Ставка и не раз приходилось слышать: "Какая сила воли у людей, какое сознание Своего Царского достоинства"...»⁷⁹ Получается, что смерть Великой Империи Она, по крайней мере внешне, перенесла гораздо легче?..)

Всё что «произошло в Успенском соборе, — писал Государь в дневнике, — хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!!» Те же чувства испытывали и другие. Вел. Кн. Константин Константинович записал «вечером после Коронации»: «Как будто снился мне волшебный сон, и я теперь проснулся, не верится, что все виденное, слышанное и пережитое было наяву»⁸⁰.

Случились, однако, во время Коронации некоторые события, оставшиеся незамеченными многими ее участ-

---

* Способ существования (*лат.*).

никами. «Я сам присутствовал при этом инциденте, — вспоминал известный государственный деятель России А. П. Извольский. — Как камергер Императорского Двора я был назначен вместе с другими шестью камергерами поддерживать Императорскую мантию, которую Император надевал во время ритуала вручения Ему Скипетра и Державы перед возложением на голову Императорской Короны. В самый торжественный момент церемонии, когда Император подходил к алтарю, чтобы совершить обряд помазания, бриллиантовая цепь, поддерживающая орден Андрея Первозванного, оторвалась от мантии и упала к Его ногам. Один из камергеров, поддерживающих мантию, поднял ее и передал министру Двора, графу Воронцову, который положил ее в карман. Все это произошло так быстро, что не было замечено никем, кроме тех, кто находился близко к Императору. Как я уже говорил, я был в их числе и в настоящий момент являюсь единственным очевидцем этого инцидента, оставшимся в живых. После церемонии всем, кто видел это, было приказано не говорить об инциденте, и до сих пор он не был никому известен»⁸¹. Сведения об этом содержатся также в дневниках Вел. Кн. Константина Константиновича⁸² и А. С. Суворина. Последний писал: Вел. Кн. «Владимир Александрович оправлял так усердно порфиру на Царе, что оборвал часть цепи Андрея Первозванного, которая надета была на Государе»⁸³. И далее: «Во время Коронации у Набокова, который нес корону, сделался понос...»⁸⁴ (В последнем случае, речь идет о статс-секретаре, сенаторе, члене Государственного совета Д. Н. Набокове — отце масона, видного деятеля Временного правительства, переводчика похищенной большевиками переписки Царственных Мучеников...)

18 мая случилась трагедия на Ходынском поле. «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, — записал Царь в дневнике, — а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!!» Убиенных, по приказанию Государя, поминали на заупокойных ектениях, как «верноподданных Царевых, нечаянно живот

свой положивших»⁸⁵; каждой пострадавшей семье Царь из личных средств отпустил по тысяче рублей. Раненые в больницах, которых посетили молодые Царь и Царица, искренне просили простить их за то, что испортили праздник. Бес, мол, попутал.

«Катастрофа, – считала Вел. Княгиня Ольга Александровна, – привела москвичей в уныние. Она имела много последствий. Враги Царской власти использовали ее в качестве пропаганды. [...] Многие разногласия, существовавшие среди Членов Императорской Фамилии, стали достоянием гласности. [...] ...Возложили вину за случившуюся трагедию на дядю Сергея, генерал-губернатора Москвы. [...] Своими попытками свалить вину на одного лишь человека, да еще своего же сородича, мои кузены, по существу, поставили под удар все Семейство, причем именно тогда, когда необходимо было единство. Более того, узнав, что Ники отказался отправить в отставку дядю Сергея, они набросились на Царя»⁸⁶. За содействием обратились к Вдовствующей Императрице. «Она, бедная, – писал Вел. Кн. Константин Константинович, – ужасно расстроена всякими историями. Все дяди приходят к Ней плакать со вчерашнего вечера»⁸⁷.

Государь мог с полным основанием написать 29 июля 1896 г. своему кузену Джорджи в Англию: «Нынешний год – какой-то каторжный год, в котором Аликс и Я являемся вроде мучеников...»⁸⁸

Из сказанного выше совершенно очевидно, что, не чувствуя некоторой Высочайшей поддержки, вряд ли бы всероссийская сплетня или, как писал еще Ф. М. Достоевский «русская веселенькая болтовня», получила столь широкое распространение. С усердием, достойным лучшего применения, те, у кого Господь отнял разум, сосредоточенно пилили сук, на котором сидели сами.

Из этой «высокой» среды* выползло гнусное прозвище Молодой Царицы: «гессенская муха». Автор современной

---

* «Без Нее Ники был бы вдвое популярнее», – заявила как-то Вдовствующая Императрица по поводу Своей Невестки (*Мосолов А. А. При Дворе последнего Императора. Записки начальника канцелярии Министра Двора. СПб. 1992. С. 94*). О непрекращавшейся даже с годами неприязни свидетельствует носившая «доверительно-дружественный ха-

книги о Царице-Мученице не нашел ничего лучшего, как заметить по этому поводу: «Прав был Николай Васильевич Гоголь: “Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света...”»⁸⁹

Что можно ответить этому современному хаму? Воистину: ради красного словца не пожалеем ни мать, ни отца...

За что же осуждали Государыню? – За всё. – И в таком ответе не будет преувеличения.

Одна из ближайших подруг Императрицы писала: «Ее практичность, деловая сметка были не по нраву Свите. Над этими качествами злопыхатели смеялись и осуждали Государыню за то, что Она удостаивала Своей дружбой лиц, которые, по их мнению, не достойны внимания Императрицы Всероссийской. [...] Ее Величество обвиняли в излишнем демократизме. Но Государыня была непреклонна и никому не позволяла диктовать Ей вкусы. Иногда меня

актер» переписка Императрицы Марии Феодоровны с Вел. Князем Николаем Михайловичем – человеком республиканских убеждений, масоном. Выражения, которые он позволял в своих письмах по отношению к Царице Александре, свидетельствуют о большой терпимости адресата – Вдовствующей Императрицы. Чтобы не быть голословным, приведем вот эти строки предпереворотного письма от 19.2.1917, подписанного «Ваш старый пес Н. М.»: «Найдите Вашего Сына и поговорите с Ним как мать, как глава Царской Семьи, как добрая мать всех Русских людей; не просите, но *требуйте* самым решительным образом от имени всех немедленного удаления А[лександры] Ф[еодоровны] от Государя. Можно отправить Ее в Ливадию под предлогом поправки Ее здоровья или здоровья Алексея, но Она должна быть удалена от Ники. Это было бы первой Ее уступкой чаяниям всей России, а если этого окажется недостаточно, нужно запереть Ее в монастырь, чтобы полностью лишить Ее пагубного влияния. Ежели это прозвучит как просьба или пожелание, Ники ни за что не согласится удалить Ее даже в Ливадию, но ежели принять повелительный тон, а Вы знаете, что в жизни тон делает музыку, – Вы же меня понимаете с полуслова – велите Вашему Сыну как Мать и вдова Государя Александра III сделать это» («Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма Великого Князя Николая Михайловича Вдовствующей Императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4: С. 23).

удивляло, почему Она предпочитает друзей попроще, а не из более привилегированных кругов. [...] Великосветская чернь никогда не пыталась понять подлинную натуру Ее Величества. Ослепленные гордыней, аристократы ополчились на Нее, не зная никакого снисхождения. [...]

Благотворительной Ее работе приписаны эгоистические мотивы, глубокая религиозность Государыни стала предметом насмешек, сама Ее национальность, от которой Она с такой готовностью отрешилась, подвергалась незаслуженному осуждению. Она знала и читала все, что говорили и писали о Ней, однако как ни пытались авторы анонимных писем очернить Ее, а журналисты облить грязью, ничего не прилипало к чистой душе Императрицы.

Я видела, как Она бледнеет, как глаза Ее наполняются слезами, когда что-то особенно подлое привлекало Ее внимание. Однако Ее Величество умела видеть сияние звезд над грязью улицы»⁹⁰.

Один за другим у Царственных Супругов рождались Дети. Первое время рождались девочки: 3 ноября 1895 г. — Ольга, 29 мая 1897 г. — Татьяна, 14 июня 1899 г. — Мария, 5 июня 1901 г. — Анастасия. По этому поводу в обществе неизменно язвили. Когда, наконец, 30 июля 1904 г. родился долгожданный Наследник и вскоре, к ужасу Родителей, у Него обнаружилась та самая болезнь, которой больше всего когда-то опасалась Государыня, Они всеми мерами старались скрыть ее не столько от народа, сколько от самых ближайших родственников и так называемого «высшего общества», справедливо опасаясь очередной волны безчувственного злословия. Представление о том, что могли говорить, можно составить по вот такому (рядовому), относящемуся к 1901 г., ядовитому замечанию известной великосветской сплетницы А. В. Богданович (супруги члена Совета министра внутренних дел): «В народе водворилось понятие, что молодая Царица приносит несчастье, и, к ужасу, можно сказать, что это понятие оправдывается»⁹¹.

Наследник Всероссийского Престола невыносимо страдал. — Общество шепталось: «Обезножел». Страдания у Мальчика однажды были столь невыносимы, что Он, внутренне смирившись с неизбежным, попросил Родителей: «Когда Я умру, поставьте Мне в парке маленький ка-

менный памятник»⁹². — С той стороны опять ни капли сочувствия — одни пересуды.

Но Мальчик, не забудем, родился по молитвам у мощей, прославленного по Царской воле преподобного Серафима Саровского. Его болезнь — это болезнь самой России, которой, за ее неверность, пришлось кровью умыться — и не раз. Слишком всё это хорошо нам известно...

Когда во время крещения Младенца помазывали св. мвром, «Он поднял Свою ручку и простер Свои пальчики, как бы благословляя присутствующих»⁹³. «Отче, отпусти им: не ведают бо что творят».

Домашние пересуды постепенно вышли за пределы России. Посол Французской республики при Российском Императорском Дворе М. Палеолог в своем собрании всяческих сплетен и слухов, названных им почему-то «дневником», следующим образом описывает Императрицу на одном из торжественных обедов: «...Вскоре Ее улыбка становится судорожной, Ее щеки покрываются пятнами. Каждую минуту Она кусает Себе губы. И Ее лихорадочное дыхание заставляет переливаться огнями бриллиантовую сетку, покрывающую Ее грудь. До конца обеда, который продолжается долго, бедная Женщина, видимо, борется с истерическим припадком»⁹⁴.

Но было бы напрасной тратой времени разъяснять французскому послу и ему подобным, что Государыня страдала невралгией лица, боли при которой пострашнее зубных, что мучительные приступы ишиаса делали иногда затруднительным самое обычное передвижение. Даже во время богослужения Она иногда сидела, «хотя считала это величайшим грехом и слабостью»⁹⁵. В результате частых острых переживаний было поражено и сердце Императрицы.

Подобные обстоятельства заставили Царственных Мучеников вести замкнутый образ жизни.

Один из немногих близких Царской Семье людей флигель-адъютант А. А. Мордвинов писал: «Императрица во все не желала замкнутой жизни и не старалась избегать людей, как это было принято утверждать. Наоборот, с самого начала, Она старалась сойтись возможно ближе со Своими новыми родственниками и со Своей новой средой, столь непохожей на Ее прежнюю. Делала Она это,

правда, неумело и крайне застенчиво, и Сама от Своей ненужной застенчивости много страдала, да и новая обстановка и новые характеры так сильно разнились от Ее прежнего Герцогского и Английского Дворов. Но если Она не умела подходить к людям, то подойти к Ней мог всякий, в ком Она, довольно чуткая на этот счет, — не подозревала ни малейшей хитрости. Этими недостатками ни в коей степени не обладали ни Михаил Александрович, ни Ольга Александровна. Она чувствовала, что эти оба Ее не критикуют, относятся к Ней действительно по-родственному и с ними Она чувствовала Себя не так “настороже” и натянуто как с остальными»⁹⁶.

Их было, в сущности, немного тех мест, где Она была Сама Собою.

С Супругом. В детской. С Их Другом Григорием.

С *Аннушкой* (А. А. Вырубовой). С *Лили* (Ю. А. Ден). С *Настенькой* (гр. А. В. Гендриковой)...

С простыми людьми. Ранеными офицерами и солдатами. С юродивыми, блаженными, праведниками... Матрёнушкой-Босоножкой, Пашей Дивеевской, Митей Козельским, Макарием Верхотурским, Василием Босым, Марфой Царицынской, старицей Марией Новгородской...

Ну, и, конечно, в моленной, в Феодоровском соборе, перед образами... Господа, Его Пречистой Матери и Святых...

«Близкие к Императрице, — писал В. Н. Коковцов, — часто говорили, что Она выходила из Ее уединения в модельне Феодоровского храма совершенно переродившейся и даже какую-то просветленную, и не раз они слышали от Нее, что Она испытывала в Своем уединении какое-то необъяснимое для Нее Самой разрешение всех Своих сомнений, и самая жгучая печаль сменялась такой легкостью жить, что Она боялась только одного, как бы какое-нибудь неосторожное слово, сказанное даже самыми близкими и дорогими для Нее людьми, не вернуло Ее к повседневной жизни, с ее злобой и неправдой. [...] Излюбленной темой всех интимных разговоров, которые происходят в присутствии Великих Княжен, когда нет никого посторонних, служит всегда область молитвы и самые разнообразные проявления того отношения человека к Богу, которое должно быть положено в основание всей

жизни человека, если только он понимает свое призвание жить, как Она всегда выражалась, в Боге и слепом повиновении Его воле»⁹⁷.

Дважды венчанная Жена (Императора и России) и вдвойне Мать: Наследника Отца-Венценосца (Помазанника Божия) и той же России.

«Как супруги Они составляли одно целое»⁹⁸, – свидетельствовала Ю. А. Ден.

Недаром персонаж фильма «Путь Царей»* известного театрального режиссера Е. Л. Шифферса носит имя *Полковник Аликс*.

«Брак – это соединение двух половинок в единое целое, – запишет через пять лет после свадьбы Государыня в Своем дневнике. – Две жизни связаны вместе в такой тесный союз, что это больше уже не две жизни, а одна»⁹⁹.

(Подумать только, нынче, в эпоху тотального разврата и вседозволенности, в книге о Государыне «исследователь», воспроизводящий вышеприведенные слова, цинично, вполне в духе времени, характеризует их, как «сентиментальные сентенции», «расхожие банальности», которые «вызывают что-то напоминающее зубную боль»¹⁰⁰ (хотелось бы верить, что все-таки не физическую «боль», а какие-то проблески утонувшей совести?). Все это, конечно, немного «помягче», чем вышедшее в свое время из-под пера «красного академика» М. Н. Покровского по поводу Царской переписки: «Если публикуемая сейчас переписка имеет какое-нибудь значение, то, прежде всего, историко-психиатрическое. Это – заключительные страницы истории Романовского вырождения, написанные официальными представителями Династии»¹⁰¹. Но ведь теперь-то всё это пишется уже *после* прославления Царственных Мучеников как Святых!)

Даже весьма неприязненно относившийся к Государю и особенно к Государыне В. Н. Коковцов вынужден был отметить «Их семейное действительно безоблачное счастье, которое не знало никаких размолвок или несогласий и только росло и крепло с годами»¹⁰². Среди тягот войны Она пишет Ему (12.11.1915): «...Досылаю Тебе Мои са-

---

* «Ленфильм». Киностудия «Нева», 1992.

мые нежные думы, пожелания и бесконечную благодарность за **чрезмерное** счастье и любовь, которые Ты Мне дал за эти 21 год! Мой любимый, трудно быть более счастливыми, чем Мы были, это и дало Нам силу перенести много горестей». (13.11.1915): «...А любовь все росла и становилась все глубже и нежнее».

«Я не умею рассказывать про характеры Царской Семьи, — заявил старый камердинер Государыни А. А. Волков следователю, — потому что я человек неученый, но я скажу, как могу. Я скажу про Них просто: это была самая **СВЯТАЯ ЧИСТАЯ СЕМЬЯ**»¹⁰³.

Примечательно, что в сонном видении, признанном старцем о. Николаем Гурьяновым истинным, его келейница схимонахиня Николая видела Батюшку, разговаривающим с Царственными Мучениками (Царем и Царицей), находившимися под *одним общим* нимбом, в Их Небесном Дворце.

* * *

В жизни святых мало случайного...

Зимний вечер, лиловый отлив.

Государыня этот цвет

Так любила...*

Этот цвет в Церкви, как известно, символизирует крест Господень.

Именно в *лиловом* будуаре Государыня узнала о пришедшем в Александровский дворец арестовать Ее, Наследника и Великих Княжен изменнике-генерале Корнилове.

А как Она любила сирень!

О *Своем цвете* Она вспоминала при посещении в Петрограде созданной Ею школы для девочек и пишет об этом Государю (6.10.1915): «Я прошла через все их *мастерские*: ткацкую, вышивальную, рисовальную, для выделки ковров, красок; они сами красят шелковые нитки и материи; выделяют краски из разных растений. Прелестную лиловую краску — цвета Моего шелкового костюма — они приготавливают из *черники*».

Сколько, кстати, подобного рода начинаний принадлежало Государыне!

---

* Н. Ганина.

Ясли. Детские комнаты при полицейских участках. Женские и детские Школы народного искусства. Кустарные комитеты...

Об этой деятельности Императрицы и по сию пору мало что известно. Общее представление о Ее учреждениях пока что можно составить лишь по отрывкам из писем, которые мы приводим в настоящем сборнике. Но подлинное открытие этой богоугодной деятельности нашей чудной Царицы еще впереди. Подобно чудесной субмарине ей еще суждено всплыть из хладных вод человеческого забвения...

В жизни Царственных Мучеников до сих пор действительно немало сокровенного... Еще и потому, наверное, что нам пока не дано понять многие мотивы движений Их чистых душ. Но со временем, по мере нашего духовного возрастания, еще недавно тайное будет становиться все более явным, ясным. И нам самим будет невдомек: как это мы еще не так давно не понимали этого...

Известен факт получения Царем-Мучеником во время Саровских торжеств 1903 г. письма от преподобного Серафима, в котором Святой передавал не свою, а волю Божию¹⁰⁴. О содержании его есть немало свидетельств, вполне достаточных, чтобы не принимать в расчет нынешние неожиданные проявления *сверх*-рационалистического сознания¹⁰⁵.

В связи с этим письмом, видимо, находится и вопрос о принятии Государем на Себя Патриаршества. До недавних пор это также считалось легендой*. Ныне, в результате систематизации и анализа всех известных на сегодняшний день свидетельств, само это предложение Императора можно считать установленным фактом¹⁰⁶.

Кстати, недавно было опубликовано ценное свидетельство внуки архитектора-художника Владимира Николае-

---

* Современный околоцерковный историк называет их не иначе, как «апокрифическими сказаниями». А Свято-Тихоновский богословский институт всё это охотно публикует. Трогательное единство, если вдуматься. См.: *Фирсов С. Л.* Император Николай II как Православный Государь (к вопросу о религиозных взглядах и религиозном восприятии Самодержца) // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы. М. 2000. С. 187-188

вича Максимова (1882†17.12.1942), полностью спроектировавшего в Царском Селе при Феодоровском Государевом соборе пещерный храм преп. Серафима Саровского и казармы, – Н. К. Смирновой. (Впоследствии Государь стал крестным отцом сына молодого архитектора – Арсения.) По ее словам, в известном письме, полученном Царем-Мучеником во время прославления преп. Серафима, «давался совет, как можно удержать Россию над пропастью – отказаться Государю и Государыне от личного счастья, принять монашеский постриг, Государю же – патриаршество и регентство над Сыном, как это было при избрании на Царство первого Романа – Михаила»¹⁰⁷.

Возможно, что активно распространявшиеся перед переворотом слухи о неких претензиях Императрицы на Верховную власть, есть не что иное, как отголосок непонятого и непринятого предложения о Ее регентстве при малолетнем Государе Алексии Николаевиче.

Силы и способности для этого у Государыни были. Вспомним уже приводившиеся нами слова Ее бабушки королевы Виктории: «Я УВЕРЕНА, ЧТО ИЗ НЕЕ ВЫЙДЕТ МОГУЩЕСТВЕННАЯ ИМПЕРАТРИЦА».

Государыня – Императору (22.8.1915): «...Не смейся над Своей глупой, старой Жenuшкой, но на Мне надеты невидимые “брюки”, и Я смогу заставить старика [Горемыкина] быть энергичным. Говори Мне, что делать, пользуйся Мной, если Я могу быть полезной. В такие времена Господь Мне подает силу, потому что Наши души борются за правое дело против зла. – Это все гораздо глубже, чем кажется на глаз. Мы, которым дано видеть все с другой стороны, видим, в чем состоит и что означает эта борьба». (23.8.1915): «Уверяю Тебя, что Я жажду показать всем этим трусам Свои *безсмертные штаны!*» (25.8.1915): «Я вижу, что присутствие Моих “черных брюк” в Ставке необходимо – такие там идиоты».

Государь – Императрице (25.8.1915): «Подумай, Жenuшка Моя, не прийти ли Тебе на помощь к Муженьку, когда Он отсутствует? Какая жалость, что Ты не исполняла этой обязанности давно уже, или хотя бы во время войны!»

Государыня – Императору (9.9.1915): «Дорогой, сколько всюду дела! Мне так хочется во все вмешиваться [...],

чтобы разбудить людей, привести все в порядок и объединить всех». (14.9.1915): «Некоторые сердятся, что Я вмешиваюсь в дела, но Моя обязанность – Тебе помогать. Даже и в этом Меня осуждают некоторые министры и общество; они все критикуют, а сами занимаются делами, которые их совсем не касаются». (17.9.1915): «...Как Я жажду Тебе помочь и быть серьезно полезной, – Я так молю Богу сделать Меня Твоим ангелом-хранителем во всем! Некоторые на Меня смотрят уже, как на такового, а другие говорят про Меня самые злые вещи. Некоторые боятся Моего вмешательства в государственные дела (все министры), а другие видят во Мне помощника во время Твоего отсутствия...»

Государь – Императрице (25.6.1916): «Будучи уже знаком с теми вопросами, которые Ты затрагиваешь в Своем письме, Я восторгаюсь ясностью и легкостью, с которой Ты их передаешь на бумаге и выражаешь Свое мнение, которое Я считаю правильным».

Государыня – Императору (4.9.1916): «Если б только Я могла Тебе больше помогать! Я так молю Бога дать Мне мудрость и понимание для того, чтобы быть Тебе настоящей помощницей во всех отношениях и всегда быть Твоей хорошей советчицей». (20.9.1916): «Я не понимаю, почему злонамеренные люди всегда защищают свое дело, а те, кто стоит за правое дело, только жалуются, но спокойно сидят, сложа руки и ожидая событий. [...] ...Меня не любят, ибо чувствуют (левые партии); что Я стою на страже интересов Твоих, Бэби и России. Да, Я более русская, нежели многие иные, и не стану сидеть спокойно».

Государь – Императрице (23.9.1916): «...Тебе надо бы быть Моими глазами и ушами там, в столице, пока Мне приходится сидеть здесь. На Твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров – этим Ты приносишь огромную пользу Мне и нашей стране! [...] Теперь Я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах». (24.9.1916): «Ты действительно Мне сильно поможешь, если будешь говорить с министрами и следить за ними». (4.12.1916): «Ты такая сильная и выносливая – восхищаюсь Тобою более, чем могу выразить».

Это участие Царицы, причем по воле Государя, в управлении Империей в то время, когда Он Сам находился в Ставке, на фронте, ставили (и продолжают ставить) Ей в вину. Но в действительности это свидетельствует лишь о забвении таковыми критиками своей родной старины. Уходя в поход на Казань, Царь Иоанн Васильевич Грозный прощался 16 июня 1552 г. с Супругой, наказывая ждавшей ребенка Царице: «Милуй и благотвори без Меня; даю Тебе волю Царскую; отворяй темницы; снимай опалу с самых виновных по Твоему усмотрению, и Всевышний наградит Меня за мужество, Тебя за благодать»¹⁰⁸.

Возвращаясь к вопросу о предложении Государем Себя в Патриархи, особо подчеркнем, что отвергнутая членами Св. Синода жертва Царственных Мучеников (Ему шел 37-й, а Ей 33-й год!) была попыткой преодоления трагического для Русского Царства личного разлома двоицы Царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона, отозвавшегося в середине XVII в. Церковным расколом. Попытка, к несчастью, неудачная (но не по вине Царственных Мучеников!). Так и не удалось тогда сойти с дороги, приведшей нас из XVII века прямёхонько к 1917 году.

Об этом косвенно свидетельствует наречение имени Наследнику Престола Цесаревичу Алексею Николаевичу. Имя было заранее обдуманно. Вопрос был решен задолго до рождения. И наверняка в него вкладывался особый смысл.

«Императрица и Я, – передавал генерал Г. О. Раух слова Государя в ответ на распросы, – решили дать Наследнику имя Алексей, надо же как-то нарушить эту череду Александров и Николаев»¹⁰⁹.

Многие современники отмечают особое отношения Императора Николая II к Царю Алексею Михайловичу. Вспомним хотя бы Исторический костюмированный бал в Зимнем Дворце 22 января 1903 г. (последний большой придворный бал в истории Российской Империи), на который Государь явился одетым в наряд Царя Алексея Михайловича, а Государыня – в платье Царицы Марии Ильиничны, супруги Тишайшего.

*Пусть в нем восстанет нам заря,
С названьем славным Алексия
Душа Тишайшего Царя!*¹¹⁰

(Однако при Дворе шушукались не только о Царе Алексее Михайловиче, но и о Его Внуке – Царевиче Алексее, Сыне Петра Великого и Его трагической судьбе...)

Когда в связи с рождением Наследника Ему напоминали про Царя Алексея Михайловича, Государь отвечал: «Да, вы правы; Я же со Своей стороны желаю лишь одного, это – чтобы Наследник дал России в лице Своего Сына второго Петра Великого»¹¹¹.

Если бы Царь стал Патриархом, повторилась бы ситуация, существовавшая при первом Царе из Романовых Михаиле Феодоровиче, отцом Которого был, как известно, Патриарх Филарет. Церковный историк протоиерей Лев Лебедев писал по этому поводу: «...В России сложилась ситуация, уникальная, пожалуй, не только для русской истории, но и для всемирной истории Церкви, когда родные отец и сын становятся двумя главами единой Православной державы! Патриарх Филарет титулуется “Великим Государем”, как и Царь (тогда как для патриархов был принят иной титул – Великий Господин). Между Церковью и государством устанавливаются, таким образом, подлинно родственные (в прямом и переносном смысле) отношения, обеспечивающие особую внутреннюю крепость всей русской жизни. Этот промыслительный урок как определенное Божие указание были хорошо понят в России»¹¹².

В связи со всем сказанным весьма небезпочвенной выглядит интуиция В. И. Карпеца, предполагавшего, что монашеское имя Царя-Мученика, если бы состоялось Его Патриаршество, было бы, имея в виду имя Его становившегося Царем Сына **АЛЕКСИЯ**, также предопределено: **НИКОН**.

От исполнения пророческого благословения, полученного в Дивееве, Царственные Мученики не отказались и позднее, уже после того, как архиереи «промолчали»...

9 апреля 1921 г. корнет С. В. Марков (1898†1944), давая показания по делу о цареубийстве, сообщил о существовавших в 1918 г. у пользовавшегося доверием Царственных Мучеников зятя Г. Е. Распутина Б. Н. Соловьева (1893†1926) намерениях: «План Соловьева был таков. Земский Собор должен был снова призвать Государя на Престол. Государь бы отрекся тотчас же в пользу Наследника, а Сам стал Патриархом. Править Россией должен был

Регентский (всесословный) Совет. Императрица ушла бы в монастырь. Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна еще в Тобольске с Ее Величеством просились в монастырь*. Это я знаю кроме как от Соловьева также и из советских газет»¹¹³.

Итак, подведем некоторые итоги:

Наследник становился Царем (с именем Алексей).

Государь – Патриархом (с именем Никон).

Государыня, принявшая монашеский постриг с именем Феодора**, – Регентом при Своем Сыне Царе Алексии Николаевиче до достижения Им совершеннолетия***.

Всё это в целом – поразительное пресуществление Домашней Церкви Царственных Мучеников в Общероссийскую, а по месту Русского Государя в Мировой Иерархии, Вселенскую Симфонию Царя и Патриарха...

И еще один немаловажный штрих: Г. Е. Распутин, которому было дано Богом облегчать тяжкие страдания Цесаревича, предсказывал, что Он «годам к тринадцатичетырнадцать [т. е. в 1917-1918 гг. – С. Ф.], будет крепок и здоров, и болеть больше не будет»¹¹⁴. Григорий Ефимович называл Его «великим Самодержавцем». Он писал: «...Как не было такого Царя и не будет. [...] Алексея очень в душе имею, дай ему расти, кедр ливанский, и принести плод, чтобы вся Россия этой смокве радовалась. Как добрый

---

* Ср. письмо Государыни А. А. Вырубовой от 8.12.1917 г. из Тобольска: «Безконечно Тебя люблю и горюю за Свою “маленькую дочку” – но знаю, что она стала большая, опытная, настоящий воин Христов. Помнишь карточку Христовой Невесты? Знаю, что тебя тянет в монастырь [...] Да, Господь все ведет, все хочется верить, что увидим еще храм Покрова с приделами на своем месте – с большим и маленьким монастырем. Где сестра Мария и Татьяна». – С. Ф.

** См. Ее письмо Вырубовой 16.1.1918 из Тобольска.

*** В Высочайшем Манифесте Императора Николая II, данном в Петергофе 1 августа 1904 г., говорилось, что, в случае кончины Государя, «опека над первородным Сыном и над прочими детьми Нашими, до совершеннолетия каждого из них, во всей той силе и пространстве, кои определены законом, должна принадлежать Любезнейшей Супруге Нашей Государыне Императрице Александре Феодоровне». Регентство, согласно тому же Манифесту, ложилось на плечи Брата Государя, Великого Князя Михаила Александровича. Однако морганатический брак, заключенный последним, безусловно, внес изменения в этот порядок.

хозяин, насладились одним его взглядом взора из конца в конец»¹¹⁵. В 1914 г. Распутин на пожертвованные ему средства возвел в Верхотурском Николаевском мужском монастыре, где почивали мощи прп. Симеона Верхотурского, красивый дом, напоминавший древнерусский терем, предназначавшийся для Наследника Цесаревича Алексея, который, после ожидавшегося сюда сначала в 1914 г., а затем осенью 1917 г. паломничества Царственных Богомольцев, должен был остаться здесь на некоторое время для поправки здоровья, а, может быть, и окончательного исцеления...

* * *

Совершенно чудовищным извращением подвергался духовный мир Царственных Мучеников. «Клеветническими измышлениями и злобным сплетням в адрес Ее Величества, — писала Ю. А. Ден, — увы, еще долго будут верить. Государыне приписывают склонность к оккультизму, участие в спиритических сеансах и попытки вызывать тени великих людей с целью повлиять на Государя, Который якобы и Сам занимался спиритизмом в залах Зимнего Дворца. Очевидно, слухи эти объяснялись тем, что Ее Величество вела уединенную жизнь»¹¹⁶.

Однако даже самая оголтелая клевета распадалась при столкновении ее с фактами. Некий Э. Бах в книжонке, вышедшей в 1928 г. в издательстве «Красной газеты», пытался пыжиться, не осознавая, что, подобно унтер-офицерской вдове, порет сам себя: «Обстановка комнат Александры Федоровны напоминает лучшие номера хороших гостиниц, но не покои "Российской Императрицы". Особенно скромна спальня, в которой некоторые вещи самого простого рыночного типа — например, обыкновенные металлические кровати с шариками, дешевая трехрожковая люстра и пр. Часть стен сплошь увешана иконами и образками. [...] В молельне, устроенной тут же, за кроватями, снова неисчислимое количество образков. Вместе с теми, которые висят в спальне, их более 800. Что это — коллекция? Но они не представляют археологического интереса, большинство "новоделы", сомнительного качества. Значит, это — просто внешняя, маниакальная, исступленная форма религиозности»¹¹⁷.

Но люди-то, приходившие во Дворец в качестве «экскурсантов», всё видели... Потому-то вскоре было решено свернуть экспозицию в Александровском дворце. Ведь, несмотря на трескотню экскурсоводов, люди приходили, смотрели и делали *свои* выводы...

Мемуаристы обычно подчеркивают немецкую прижимистость Государыни, забывая при этом напрочь о делах милосердия, которые Она творила даже будучи в узах. «Как поживает бедная Знаменская? – интересовалась Государыня в январе 1918 г. из Тобольска. – Знаю, что сестра [так Царица именovala Себя, в третьем лице] послала ей маленькую помощь и не хочет, чтобы Ее благодарили». И позднее (11.3.1918) тому же адресату: «Скажите дорогой Знаменской, если ей трудно из-за неполучения пенсии, чтобы она откровенно писала, с радостью помогу опять. Знаю, как трудно живется, но есть добрые люди на свете – благослови их Господь, что не забывают и помогают, и Я Знаменской (в свою очередь) хочу быть полезной. Радость Свою разделить с другими милыми друзьями».

Впервые публикуя эти письма, генерал А. В. Сырбоярский отмечал: «Как известно (книга Жильяра), Царская Семья, переведенная распоряжением из Москвы на солдатский паек, испытывала крайнюю нужду даже в вопросах питания. Жители Тобольска, узнав об этом, тайно посылали всевозможные съестные продукты для стола Царской Семьи, чем вызывали глубокую Их благодарность. И вот в это время Ее Величество, обеспокоенная тем, что мать Ее раненого лишена пенсии и не имеет поддержки сына и, быть может, испытывает еще большую нужду, чем Ее Семья, отрывает из недостатков Своих и посылает ей 300 рублей. Нам, быть может, никогда не будет известно о других примерах этого великого милосердия Государыни, но они безусловно были не единичны. И это предсмертное милосердие Императрицы должно послужить нам всем примером в стремлениях наших почтить память Царственных Мучеников»¹¹⁸.

К тем денежным пособиям, отправляемым из узилища следовало бы прибавить многочисленные продовольственные посылки, в отправке которых участвовала не только Государыня, но и Ее Дети.

«Особенная набожность Государя и Императрицы, — писал игумен Серафим (Кузнецов), — противной стороной истолковывалась извращенно, как суеверие и ханжество»¹¹⁹. Наиболее яркий пример в этом смысле — воспоминания протопресвитера Шавельского. (Характерно, что злобные воспоминания этого выкреста в свое время отказались печатать зарубежные церковные издательства: за границей их согласилось опубликовать лишь эсеровское издательство имени Чехова в Нью-Йорке; в наши дни в России их переиздало уже *церковное* издательство, правда поощряющее неообновленцев. Что касается Государя, то Он прямо так и писал Супруге из Ставки 6 апреля 1916 г.: «Не чувствую себя в настроении исповедаться у *Шав[ельского]*, потому что боюсь, чтоб оно не принесло вместо мира и спокойствия душе обратного!» Не случайно и предательское поведение этого священника по отношению к Царю сразу же после февральского переворота 1917 г.¹²⁰)

Но даже этот злобный клеветник перед лицом явной для каждого ослепительной святости Царственных Узников осекся, вынужден был лепетать о том, что-де в его «собственном сознании образ Императрицы Александры Феодоровны двоятся, представляется в двух совершенно различных очертаниях», что сразу же после ареста «вырисовывается совсем новый Ее образ»¹²¹. Но могло ли вдруг возникнуть нечто, если этого в человеке раньше никогда не было? О, словоблуды! Слепые вожди слепых! Ничего не понявшие, так ничему и не научившиеся!

Вот лишь несколько мыслей, высказанных Государыней глубоко преданной Ей (жизнь показала, что до смерти) фрейлине А. В. Гендриковой¹²²:

«Для Бога нет невозможного. Я верю в то, что кто чист своею душою, тот будет всегда улышан и тому не страшны никакие трудности и опасности жизни, так как они непреодолимы только для тех, кто мало и неглубоко верует».

«Никто из нас не может знать, как и когда проявится к нам милость Божия, так же, как и то, через кого будет проявлена она».

«Мы мало знаем то необъятное количество чудес, которое всегда, на каждом шагу, оказывается человеку

Высшею силою, и мы должны искать и ждать Ее чудес везде и всюду и принимать с кротостью и смирением всякое их проявление».

Теперь, полагаю, можно вполне оценить тех, в том числе и «духовных» лиц, которые характеризовали Государыню, как подверженную «болезненному мистицизму», «ханжеству» и «кликушеству» «фанатичку».

Но вот и еще нечто, кажется, вообще выходящее за рамки их вконец обнищавшего сознания.

В публикуемых в нашем сборнике отрывках из дневника старшей сестры Собственного Ее Величества лазарета в Царском Селе В. И. Чеботаревой есть любопытная запись: «Государыня показывала Свои комнаты и ту, где зиму комар жил, питавшийся только кровью Государыни. Дети все знали о его существовании...»

Вспоминая о Своем пребывании в Ставке, Государыня писала автору цитировавшегося дневника (24.8.1916): «Лежала на лужайке под чудным деревом и вышивала, пока другие играли и гуляли. Конечно, пауки Меня и здесь нашли, и масса ходила по Мне»¹²³.

Наконец, в октябрьском дневнике 1915 г. читаем еще две записи о Государыне: «Говорила что уже десять лет не ест ни мяса, ни рыбы. “Вообще о еде думаю с отвращением, заставляю Себя есть каши, овощи, бульоны – грибные”»; «Оказывается, мяса и рыбы не ест по убеждению: “Лет десять-одиннадцать тому назад была в Сарове и решила не есть больше ничего животного...”».

Прибавим к этому и износившиеся в молитве четки Государыни, найденные в Ипатьевском доме...

Всё это отдельные искорки из чего-то неизмеримо большего, составляющего тайну души Царицы в Ее постоянном предстоянии перед Богом. Однако и этого понимающему, как говорили древние, – достаточно.

* * *

В первые дни революции в Царском Селе – апофеоз массового помрачения сознания! – всерьез искали проводка к Германскому кайзеру...

Акт предательства уже состоялся, когда Царицу-Мученицу называли «немкой», распространяли всякого рода от начала до конца выдуманные гнусности о Царском Друге

Г. Е. Распутине. Над одним большим общим делом трудились высокопоставленные изменники (включая Великокняжеские круги), предлагавшие заточить Императрицу в монастырь на Урале¹²⁴, и солдаты, распевавшие песню: «За немецкую царицу взяли парня на позицию»¹²⁵.

По сути своей эти солдаты Российской Императорской Армии недалеко ушли от екатеринбургских большевиков, год спустя исцарапавших все стены Ипатьевского дома невоспроизводимыми похабными надписями (так же как и нынешние «благочестивые» «читители» Царственных Мучеников, изошренно хулящие Распутина, по существу кидают комья грязи в Мученицу Царицу Александру).

И в ответ на все эти наветы спокойный голос Императрицы: «С какой стати утверждают, будто Я симпатизирую немцам? Двадцать лет Я прожила в Германии, но и в России двадцать лет! Все Мои интересы, будущее Моего Сына связаны с Россией. Следовательно, разве Я могу быть не русской?»¹²⁶

Свою верность и любовь к новой Своей Родине – России – Она запечатлела не только Собственной жизнью, но всем самым дорогим – на алтарь Ею были принесены Дети и Самый возлюбленный Ею Первенец – *Надежда России*.

16 декабря 1916 г., в преддверия Всероссийской катастрофы, Она писала Супругу: «Когда Я была молода, Я ужасно страдала от неправды, которую так часто говорили обо Мне (о, как часто!), но теперь мирские дела не затрагивают Меня глубоко, – Я говорю о гнусностях – всё это когда-нибудь разъяснится».

И еще из Ее же писем: «вечно намеки на Меня и Моих людей!!!»; «они задевают всех окружающих Меня».

«Сколько горя и печали, тревог и испытаний, – писала Императрица Государю 7.1.1916, – они так изнуряют, а надо не сдаваться, но с твердостью встречать всё. Мне бы хотелось повидаться с Нашим Другом, но Я никогда не приглашаю Его к Нам в Твое отсутствие, так как люди очень злоязычны. Теперь уверяют, будто Он получил назначение в *Ф[еодоровский] Собор*, что связано с обязанностью зажигать все *лампадки* во всех комнатах Дворца! Понятно, что это значит, но это так идиотски-глупо, что разумный человек может лишь расхохотаться. Так отношусь к этой сплетне и Я».

До сих пор историки (и даже архивисты, которым выпала великая честь хранить Собственноручно написанные Царственными Мучениками документы) продолжают в непозволительно оскорбительных выражениях низко клеветать на Государыню: «Александра Федоровна, как наркоман, зависимый от наркотика, уже не могла спокойно существовать без увещаний Распутина. [...] Ее психика, изначально склонная к мистицизму, была окончательно сломлена мощным влиянием Распутина»¹²⁷.

Вопреки историческим фактам и здравому смыслу, надергав нужных цитат, договариваются, например, и до такого: «Близость Распутина к Царской Семье сильно преувеличена. [...] В общем близости особенной не было. [...] Всё это было связано с трагической болезнью Наследника...»¹²⁸

Но, давайте, послушаем Самих Царственных Мучеников (при этом, подчеркнем, голоса Их записаны по большей части противниками Г. Е. Распутина):

Глава политической полиции в России генерал-лейтенант А. В. Герасимов рассказывал, со слов премьер-министра П. А. Столыпина, о его встрече в конце 1908 г. с Государем по поводу Г. Е. Распутина. На все увещания прекратить эти встречи Государь твердо заявил:

«...Это Мое личное дело, ничего общее с политикой не имеющее. Разве Мы, Я и Моя Жена, не можем иметь Своих личных знакомых? Разве Мы не можем встречаться со всеми, кто Нас интересуется?»¹²⁹

Дворцовый комендант генерал-майор В. Н. Воейков в 1917 г. показывал Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Я говорил Государю, что, по моему мнению и по мнению общества, Распутин не достоин приема, но встретил холодный ответ:

“Мы можем принимать, кого хотим”»¹³⁰.

Предшественник В. Н. Воейкова генерал-лейтенант В. А. Дедюлин вспоминал о том, как в разговоре с ним Государь сказал о Распутине:

«...Он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги Я люблю с ним беседовать, и после такой беседы Мне всегда на душе делается и легко, и спокойно»¹³¹.

Воспитательница Августейших Детей, фрейлина С. И. Тютчева передала свою беседу с Царем членам той же Чрезвычайной следственной комиссии: «“Так и вы тоже не верите в святость Григория Ефимовича?” – спросил Государь. Я ответила отрицательно, на что Государь заметил:

“А что вы скажете, если Я вам скажу, что все эти тяжелые годы Я прожил только благодаря его молитвам?”»¹³².

На слова начальника Генерального Штаба генерала М. В. Алексеева, сказанные в августе или в сентябре 1916 г.: “Удивляюсь, Ваше Величество, что Вы можете находить в этом грязном мужике!”, – Государь прямо ответил:

“Я нахожу в нем то, чего не могу найти ни в одном из наших священнослужителей”»¹³³.

Ответ на то, что это были за качества, можно найти в словах Царицы, сказанных Своему духовнику:

«Он [Распутин] совсем не то, что наши митрополиты и епископы. Спросишь их совета, а они в ответ: “Как угодно будет Вашему Величеству!” Ужель Я их спрашиваю затем, чтобы узнать, что Мне угодно?»¹³⁴

«При встречах с Государем, – свидетельствовал камердинер Императрицы А. А. Волков, – Распутин целовал у Него руку, Государь же – руку Распутина»¹³⁵.

Во время приема в Ставке 20 июня 1915 г. А. Д. Самарина (перед назначением его обер-прокурором Св. Синода), в ответ на поток сплетен и клеветы на Г. Е. Распутина, Государь спросил:

«– Послушайте, Самарин, ведь Вы признаете Ее Величество и Меня людьми верующими?»

– Да, Государь, не только я, но и вся Россия счастлива этим сознанием.

– Как же Мы могли бы допустить возле себя человека такого, каким Вы изобразили Распутина?*

¹³⁶

Ведший себя по-хамски, вопреки всем принятым нормам, протопресвитер Армии и Флота Г. Шавельский во время Высочайшей аудиенции в Ставке 6 ноября 1916 г.

---

* Характерно, что даже этот вопрос Государя, сменившего, кстати, обращение «Александр Дмитриевич» на «Самарин», не остановил дальнейший поток сплетен и клеветы, ибо ни один «факт» из приводившихся им не выдерживает проверки документами. – С. Ф.

посмел *советовать* Государю*: «Пора, Ваше Величество, теперь страшная. Если разразится революционная буря, она может всё смести: и Династию и, может быть, даже Россию. Если Вы не жалеете России, пожалейте Себя и Свою Семью. На Вас и на Вашу Семью ведь прежде всего обрушится народный гнев. Страшно сказать: Вас с Семейей могут разорвать на клочки...»

Незловивый наш Государь на это ответил:

«Ужель вы думаете, что Россия для Меня не дорога?»¹³⁷

Принимая 30 декабря 1916 г. английского посла Дж. Бьюкенена, предложившего «уничтожить преграду» (т. е. дать так называемое ответственное министерство) и тем «заслужить доверие народа», Государь сказал:

«А не так ли обстоит дело, что Моему народу следовало бы заслужить Мое доверие?»¹³⁸

Перед этими словами Царственных Мучеников все мы одинаково безгласны: священники и миряне, знатные и простые. Но тогда все было тщетно: что *им* был Царь или Царица, *они* и сами были с усами...

И Царские слова были воистину гласом вопиющего в пустыне, в которую сразу же после отречения народа от Царя, закрепленного в Царской телеграмме «Начальнику Генерального Штаба», лукаво называемому с тех пор «Отречением» (чтобы еще раз, переложить всё на плечи Помазанника Божия), неотвратимо превратилась Россия.

Прекратить все эти сплетни *тогда* было бы достаточно легко, если бы подавляющее большинство *подданных* Всероссийского Императора было действительно таковыми не по одной лишь букве, то есть не распространяло бы эти мерзкие сплетни и не слушало их, что, вообще-то говоря, присуще просто порядочным людям. И такие люди, разумеется, находились.

«...Из далекой Астрахани, – свидетельствовал Н. Д. Тальберг, – раздался мало кем замеченный, архипастырский призыв замученного теперь большевиками епископа Митрофана, указывавшего на гнусность травли Той Женщины, Которая всю Себя отдала новой Родине...»¹³⁹ Архиепи-

---

* Позднее Государь отозвался о нем: «Еще рясу носит, а говорит Мне такие дерзости» (*Протопресв. Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. С. 222).

скоп Митрофан (Краснопольский) был схвачен большевиками и расстрелян в Астрахани в застенках чека 6 июля 1919 г., через год после убийства Царственных Мучеников, за Которых пытался вступить тремя годами ранее...

А вот другой случай, о котором рассказала Государыня в Своем письме. Офицер 15-го гусарского полка, после ранения находившийся на излечении в лазарете Царицы, летом 1915 года «возвращался с юга, куда он ездил повидаться с своей матерью, в поезде услышал разговор двух господ, говоривших обо Мне мерзости. Он дал обоим пощечины и сказал им, что они вольны жаловаться, если им угодно, но что он исполнил свой долг и что он точно так же поступит со всяким, кто осмелится так говорить. Разумеется, они были вынуждены замолчать. — Необходима энергия и смелость, и тогда все будет хорошо».

Но, видно, энергии, как и порядочных людей, уже тогда было маловато...

...Даже самые близкие к Ней, разве и они вполне понимали Ее?

«Возможно, Государыня, — писала *ближайшая Ее подруга* Ю. Ден, — не сумела изучить склад ума русского крестьянина. Будучи беспристрастным наблюдателем, я склонна думать, что именно так оно и было. Когда Она надела платье со знаком Красного Креста, — символом Всемирного Братства Милосердия, простой солдат увидел в эмблеме Красного Креста лишь знак утраченного Ею достоинства Императрицы Всероссийской. Он испытывал потрясение и смущение, когда Она перевязывала его раны и выполняла чуть ли не черную работу. Ему в голову не приходило, что Императрица — женщина, он видел в Ней лишь ослепительный, недоступный образ Монархини»¹⁴⁰.

Вот до чего дописались ближние и ближайшие. Приведись, они бы и Самого Господа осудили за то, что Он снизошел до общения с блудницами...

«Встав, как Главковерх, в ряд лиц высшего командования, — писал один из таких же «верных» генерал А. И. Спиридович, дерзая давать оценку действиям Царственных Супругов, — Государь сделался для общества, для толпы человеком, которого можно было критиковать и Его критиковали. С Главковерха критика перенеслась и на

Монарха. О том, что Государя начнут критиковать, Его предупреждал мудрый граф Воронцов-Дашков, когда Государь обратился к нему за советом относительно принятия верховного командования. Царица же, начав ухаживать за больными и ранеными, начав обмывать ноги солдатам, утратила в их глазах Царственность, снизошла на степень простой “сестрицы”, а то и просто госпитальной прислужницы. Всё опростилось, снизилось, а при клевете и опошлилось. То была большая ошибка. Русский Царь должен был оставаться таким, как Пушкин изобразил его в своем послании к Императору Николаю Первому. Императрице же “больше шла горностаевая мантия, чем платье сестры милосердия”, — что не раз высказывала Царице умная госпожа Лохтина... Но Их Величества, забывая жестокую реальность, желали жить по-евангельски»¹⁴¹.

Вот так (с точки зрения диавола-искусителя) упрекали Их за то, что Они посмели возжелать положить душу Свою за подданных (ближних) Своих. Тем самым (вместе с Царственными Мучениками) осуждению подобных людей подвергся и Господь, Который предпочел Крест земному Престолу Царства Израилева.

Куда им было понять слова Царицы, звучавшие уже из заточения: «Готова мыть полы...»

Их осудили и оболгали...

Архивы в своих недрах до сих пор хранят открытки и письма Государю от граждан «свободной России», отправленные в 1917 году. Из подобных писем мы не можем воспроизвести ни строчки. С полной ответственностью можем засвидетельствовать лишь то, что все самые гнусные надписи и рисунки, обнаруженные и зафиксированные впоследствии следователями в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, имеются уже здесь, в этой папке. И написано всё это и нарисовано отнюдь не большевиками и не только, как принято говорить, «деклассированными элементами»: 11 апреля из Тифлиса была отправлена открытка: известная фотография Государя в солдатской форме с винтовкой и полной выкладкой (Царь, заботясь о солдатах, проверял удобность нового снаряжения). На обороте надпись: «За минованием надобности возвращаю Ваш портрет по принадлежности»¹⁴². Открытка *доплатная* (посылавший хотел, чтобы Адресат еще и оплатил полученное).

А вот фотографический портрет Государя в конверте... Глаза Царя-Мученика выжжены папирсой. Вот фотография Государыни со следами таких же многочисленных прижиганий. Царица-Мученица в платье сестры милосердия... На груди белого передника – крест... Фотографии Великих Княжен с гнусными надписями...

«Сколько “избранных господ”, – с горечью восклицает наш зарубежный соотечественник В. Криворотов, – сбежалось в те дни для “распятия” Русского Царя и Его Семьи!»¹⁴³

Об учителях, наставниках и вдохновителях этой черни (в том числе великосветской и даже Великокняжеской) писал М. Горький:

«В одной из грязненьких уличных газет некто напечатал свои впечатления от поездки в Царское Село. В малограмотной статейке, предназначенной на потеху улице и рассказывающей о том, как Николай Романов пилит дрова, как Его Дочери работают в огороде, – есть такое место:

“Матрос подвозит в качалке Александру Федоровну. Она, похудевшая, осунувшаяся, во всем черном. Медленно с помощью Дочерей выходит из качалки и идет, сильно прихрамывая на левую ногу...

– Вишь, заболела, – замечает кто-то из толпы. – Обезножела...

– Гришку бы ей сюда, – хихикает кто-то в толпе. – Живо бы поздоровела.

Звучит оглушительный хохот”.

Хохотать над больным и несчастным человеком – кто бы он ни был – занятие хамское и подленькое. Хохоцут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом...

Но – дело не в том, что веселые люди хохоцут над несчастьем Женщины, а в том, что статейка подписана еврейским именем *Иос. Хейсин*»¹⁴⁴.

Да, только оболгав, и можно было убить...

И вот уже после смерти...

Дневниковые записи практиковавшей «брак втроем» «безумной гордячки» Зинаиды Гиппиус 1918 года: «Щупленького офицера не жаль, конечно [...], он давно был с мертвечинкой...»¹⁴⁵ «Еще слух, что расстреляли и эту безу-

мицу несчастную Александру Федоровну с ее мальчиком. Да и дочерей»¹⁴⁶. А вот уже после «осмысления», в изгнании (1923 г.): «Царица никому не нравилась и тогда, давно, когда была юной невестой наследника. Не нравилось ее острое лицо, красивое, но злое и унылое, с тонкими поджатыми губами. Не нравилась немецкая угловатая рослость. [...] Там, при дворе, в сущности, ничего не понимают. Там идет какая-то своя жизнь, со своими большими и маленькими горестями, там свои дела и своя среда... Мещанская? Не знаю, во всяком случае, потрясающе некультурная, невежественная. [...] Ум от природы у нее был, но очень обыкновенный. [...] Но царица все-таки восприняла твердо то малое, что слышала, чему ее учили. [...] Что нет царя, и что едва есть человек – муж, царица безсознательно, чувственно, кошмарно подозревала. В этом было ее напряженное страдание. Отдать отчет она себе, конечно, не могла, робкая и неумелая в размышлении, упрямая в том малом, чему ее научили [...] немужественная, робкая, даже трусливая по природе [...] скупая [...] Есть вина, страшная вина, – но кто в ответе? Немой царь, призрак, не существующий, как сонное марево? Убитая, на куски разрезанная, в лесу сожженная царица?»¹⁴⁷

А вот уже наши дни.

И вот до какого бреда договариваются современные ряженные «патриоты» (все Императорские титулы у них, как и у «гиппиусихи», конечно же, со строчной буквы): «...Именно конституционных стремлений молодой императрицы Александры Федоровны опасались больше всего многие из монархистов, так как она воспитывалась при английском дворе, будучи немкой. [...] Отсюда такая нелюбовь Императрицы Александры Федоровны к духовенству, Русской Церкви [и даже “полное презрение к учению Церкви”!], поддержка политики Царя по утверждению парламентского строя в Российской Империи [...] Отсюда ее отталкивание широких, многомиллионных монархически настроенных русских людей от себя, замкнутый образ жизни и отрешение от своего монархического долга бегать и спасать Россию. Недалекая умом, с непомерным сомнением [...]

При этом [Английском] дворе, пронизанном масонским духом снизу доверху, и воспитывалась принцесса Гессен-

Дармштадтская, ставшая русской Царицей и оставшаяся протестанткой. [...] Выросшая в тесном придворном кругу, она боялась русской широты, русской громадности, русских просторов и, чувствуя страх перед этой русской необъятностью во всем, она испугалась и замкнулась в привычном для нее маленьком семейном кругу. [...] Царь скрывал... свою семью от глаз людей, так что никто не знал как выглядит наследник и дочери Царя...» И еще, чтобы совсем всё стало ясно: «Марков, молодой корнет, приемный сын генерала Думбадзе, один из немногих, пытавшихся неизвестно зачем [sic!] спасти царскую семью из заточения...»¹⁴⁸

Митрополит Нижегородский Николай (Кутепов), после канонизации на Архиерейском Соборе Царственных Мучеников, о Царе-Мученике: «Видите ли, Он государственный изменник. [...] Практически Он, можно сказать, санкционировал развал страны. И в противном меня никто не убедит. [...] Он счел нужным сбежать под юбку Александры Федоровны. Ну, извините!»¹⁴⁹

Вряд ли кто-либо *Там* стал убеждать преставившегося вскоре после обнародования таких «откровений» высокопоставленного хульника Святых. А в том, что за такой публичный безумный цинизм его *Там* «извинили», крепко сомневаюсь.

Их оболгали и... убили... И вновь лгут по древнему рецепту: клеветайте, клеветайте, что-нибудь да останется...

У нашего грешного, но все еще недопокаявшегося общества в этом смысле большой опыт. До сих пор (вдумайтесь: до *сегодняшнего* дня! семьдесят лет мясорубки, а нам всё нипочем!) мы – облеченные и даже облаченные! (обреченные при этом быть обличенными Свыше) – мечем комы грязи в Тобольского Мужика, Друга Тех, Кого Господь милостиво даровал нам прославить, а куски этой грязи, пролетая *мимо него*, ударяют в ослепительно светлый лик Царственной Страдалицы! То-то радуется преисподняя!

«Меня лишь поражает страсть, – читаем в отзыве о деятельности одного из таких пачкунов, – с которой некоторые заняты поисками грязи. “Удовольствие, с каким осуждаем других, означает, что полны мы ненависти”, говорит преп. Ефрем Сирич. Но если вместо заповеданной хри-

стианам любви в сердце обосновалась страсть, ей противоположная, то и здравому, духовному пониманию взяться неоткуда. Зачем же тогда браться давать духовные советы и ответы, руководить? Наверное, все-таки, лучше прекратить эти поиски грязи...»¹⁵⁰ Или, если нет сил удержаться, прекратить *руководить* и *давать советы* – прибавим мы.

Но, однако, что же всё это такое? Безумие? Недомыслие? Злая воля? А, может быть, синдром «начальника синагоги» (Лк. 13,10-17)? Ведь всё это «говорит самолюбие, сопровождаемое своими неразлучными спутниками: завистью и гневом». Христос, через Григория, исцеляет, а он («начальник синагоги») «различает дни».

Наконец, Царица... Она слишком чиста. И этот свет его, «начальника синагоги», слишком уязвляет. Но кинуться на этот явный свет – это значит немедленно и безповоротно обличить себя. И – значит – будем кидать в него, мужика («кто защитит сироту?»). А через него и в Нее долетит.

Эту богопротивную логику и обличает в одной из своих бесед на евангельские чтения святитель Николай Сербский: «Этот самолюбивый начальник синагоги не решается упрекнуть Христа, но упрекает народ. На самом деле в сердце он упрекает лишь Христа, а не народ, но языком говорит иначе. [...] Начальник синагоги не смеет взглянуть в очи Христу и сказать: "Ты виновен!" – но направляет свое жало на весь народ и его упрекает. Можно ли представить лицемерие более очевидное и подлое?»¹⁵¹

Только напрасно стараетесь, болезные! К чистому ничего не пристанет. Чистота не перестанет! И не надейтесь! Для чистого же всё чисто. Мараєте вы, прежде всего, себя, поганя свою бессмертную душу, правда, прельщая иногда (это-то воистину и печально!) и «избранных» – овец стада Христова!

Прости, Государыня, не зная Тебя, мы не любили Тебя тогда, как следовало бы, как Ты того заслуживала. Мы не исполнили свой долг.

Сегодня, используя наши, порой неловкие, выражения искренней сыновней и дочерней любви к Тебе, новые начальники синагог, духовные потомки мерзавцев и подлецов проклятой памяти семнадцатого года, снова пытаются хлестнуть по Твоему светлому лику перебродившим в

жилах их гноем ненависти. Среди этих безумных хулителей (и это воистину знаменательно!) находятся те, кто в ослеплении своем одновременно поднимает руку на Матерь Господа нашего Иисуса Христа, богохульно именуя древнюю Православную святыню — Ченстоховскую икону Богородицы — «Черной Мадонной» и «Знаменем польского католицизма»¹⁵². Но Бог, Матерь Его и святые Его поругаемы быть не могут, и все камни их обратятся, в конце концов, на их безумные главы.

* * *

В свое время выброшенная за рубежом на потеху толпе переписка Царственных Мучеников, изданная там с переданных большевиками копий, подвигла бывшего директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел Российской Империи П. П. Стремоухова взяться за перо. Автор рецензии на его очерк «Императрица Александра Феодоровна в Ее письмах», который мы публикуем в нашем сборнике, особо отмечал: «Было бы кощунством развивать вопрос о реабилитации светлого образа страдальницы Государыни, и автор восклицает в молитвенном экстазе: “Царица Александра, моли Бога о нас”. В этом уже и теперь чувствуется глубокая правда: Россия, если ей суждено быть, — неизменно окончит канонизацией своей изуверски замученной Царской Семьи. Для русского человека путь к духовному воскрешению один: покаяние. И мы вместе с автором верим, что молебны и паломничество в Екатеринбург — вопрос недалекого будущего»¹⁵³. Сказано это было еще весной 1924 года.

Годом раньше другой русский изгнанник, оказавшийся в Трансильвании, писал в своих «воспоминаниях бывшего человека»:

«...Пройдут года, а, может быть, и десятки лет, жизнь, хотя и на новых началах, но понемногу наладится; воскреснет запустелое и захудалое творение Великого Петра, а на церквах воссияет опять, ныне униженный и поруганный православный крест; опять заработают и фабрики и заводы, на улицах будет оживление, словом, новая жизнь закипит; а по царственной Неве забегают пароходики и моторные катера, и знатные и бедные богомольцы будут в минуты скорби и печали искать утешения перед Неруко-

творенным Ликом Спасителя в домике Царя Великого, а оттуда пробираться в Царскую усыпальницу, дабы перед гробницей убиенного Царя в горячей молитве искупать свои грехи. Но, бродя среди Царских могил, увы, не найдут гробницы несчастного, но чистого душой и помыслами Императора.

А там, в преддверии Сибири, около Шарташского озера потянутся по лесу нескончаемые серые вереницы простого, очухавшегося от свобод и кровавого смрада, народа, чтобы помолиться и поставить свечечку у часовни и креста на месте сожжения дорогих останков того же Царя и Его невинно замученной, несчастной Семьи, и не только просить, но вымаливать у Создателя вселенной прощенья за то, что не сумели оберечь Помазанника Божия от страданий, мучений и смерти.

А в Екатеринбурге грошами того же русского народа, я верю, создастся великолепный храм на месте Их невинного убийства и вечные лампадки будут сиять перед Русской Голгофой.

И со временем во всех русских церквах на великом славословии, наравне с именами всея России чудотворцев, мучеников и страстотерпцев, после имен митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и Князя Михаила, будет поминаться имя невинно-убиенного Царя-Мученика Николая II»¹⁵⁴.

Внешне, кажется, все так и свершилось. И прославление. И молебны. И паломничество в Екатеринбург. И храм «на крови» построен и освящен. И лампадки горят. Но остался какой-то осадок. Неполноты... Неискренности... Да ведь и покаяться ли?... И если так, то почему глаза наши не красны от слез?!

А слова Императрицы, адресованные некогда А. А. Вырубовой, но обращенные-то ко всем нам: «Вспоминаю... ужасное 17 число и за это тоже страдает Россия. Все должны страдать за всё, что сделали, но никто этого не понимает»? (Напомним: Государыня имела в виду вероломное убийство в доме князя Юсупова в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года Царского Друга.)

«Кровь праведников – единственное на земле писание, которое стереть невозможно, – предупреждал святитель Николай Сербский. – [...] Кровь праведника горит на

главах до колена сотого. [...] Лучше погибнуть одному роду злодейскому, нежели одному праведнику. Ибо небо не спрашивает, сколько крови пролито, но спрашивает, чья кровь пролилась. Если все народы восстанут на одного праведника, ничем не повредят ему. Лишь до могилы проводят его, он же будет обличать их по смерти своей. Воистину, милостью своей наказывает праведник до смерти и правдой – после смерти. [...] И не праведник проклянет вас, но дети ваши, когда будут есть горький хлеб рабства»¹⁵⁵.

Так с кем же мы? Со святыми ли?.. Или с теми, кто пытается поставить заглушку на народную совесть?..

Читаешь воспоминания, и, вдруг, словно молнией пробьет сердце...

Царское Село. Лазарет. Великая Княжна Татьяна:

«Иной раз поднимет, бывало, голову, пристально посмотрит в глаза и, улыбнувшись, спросит:

– Не больно?

– Не больно, – отвечаешь сквозь стиснутые зубы, а боли на самом деле адские».

И невольно вспоминаешь проклятый Ипатьевский подвал...

Кто кого спрашивает? Кто кому отвечает? Но только боль, действительно, нестерпима.

И остаётся воистину одно: «Держи ум в подвале Ипатьевского дома и не отчаивайся!»*

*Пускай на нас еще лежит вина, –
Всё искупить и всё исправить можно**.*

Сергей ФОМИН

23 апреля/6 мая 2004 г.

Вмч. Георгия Победоносца.

Мц. Царицы Римской Александры.

День тезоимениства Царицы-Мученицы

Александры Новой.

---

* Николаев Г. Pro memoria.

** А. А. Ахматова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сахновский Н. Государыня Императрица Александра Феодоровна // Православная жизнь. Джорданвилль. 1971. № 7. С. 36.
2. Не потерять главного. Слово владыки архиепископа Серафима в день Святых Царственных Мучеников, 17 июля 1996 года, произнесенное в г. Вильмуасоне (Франция), на престольный праздник // Русь Державная. 1997. № 2. С. 5.
3. Семенов И. С. Христианские Династии Европы. Династии, сохранившие статус владетельных. Генеалогический справочник. М. 2002. С. 11.
4. Там же. С. 58. Подробнее см. в кн.: Knetsch C. Das Haus Brabant. Bd. 1-2. Darmstadt. 1917-1931.
5. Маерова В. Елизавета Федоровна. Биография. М. 2001. С. 13
6. Там же.
7. Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. М. 2000. С. 14.
8. Маерова В. Елизавета Федоровна. Биография. С. 14.
9. Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 19.
10. Маерова В. Елизавета Федоровна. Биография. С. 14.
11. Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 17.
12. Маерова В. Елизавета Федоровна. Биография. С. 16.
13. Баранчук М. Н. Императрица Александра Федоровна. (Первые страницы биографии: от рождения до венчания с Императором Николаем II. 1872—1894 годы). М. 2002. С. 19. Со ссылкой на: Noel G. Princess Alice. Queen Victoria's forgotten Daughter. London. 1986. P. 27.
14. Мэсси Р. Николай и Александра. М. 1990. С. 34.
15. Баранчук М. Н. Императрица Александра Федоровна. С. 15.
16. Маерова В. Елизавета Федоровна. Биография. С. 27.
17. Боханов А. Н. Романовы и Английский Королевский Дом: династические узы и политические интересы // Отечественная история. 2000. № 3. С. 83.
18. Русский перевод Н. Б. Лебедевой англ. изд.: Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы Всероссийской. Лондон 1928. В печати.
19. Маерова В. Елизавета Федоровна. Биография. С. 25.
20. Кудрявцева Л. На холме Матильды // Работница. 1991. № 1. С. 7.

21. *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 30.
22. *Баранчук М. Н.* Императрица Александра Федоровна. С. 15.
23. *Гереш Э.* Александра. Трагедия жизни и смерти последней Русской Царицы. Ростов-на-Дону. 1998. С. 31.
24. *Маерова В.* Елизавета Федоровна. Биография. С. 24.
25. *Гереш Э.* Александра. Трагедия жизни и смерти последней Русской Царицы. С. 69.
26. *Епископ Мефодий.* Из духовного сокровища Царской Семьи // Вечное. Париж. 1956.
27. *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 26.
28. *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М. 1998. С. 51.
29. Там же. С. 52.
30. *Алферьев Е.* Император Николай II, как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благочестивейшего Царя-Мученика Николая, Великого Страстотерпца. Джорданвилль. 1983. С. 18.
31. *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 53.
32. *Св. прав. Иоанн Кронштадтский.* Предсмертный дневник. 1908 май-ноябрь. М.-СПб. 2003. С. 70.
33. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1994. С. 191-197.
34. *Маерова В.* Елизавета Федоровна. Биография. С. 23.
35. *Мосолов А. А.* При Дворе последнего Императора. Записки начальника канцелярии Министра Двора. СПб. 1992. С. 91.
36. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Париж. 1927. С. 130.
37. *Крылов-Толстикович А.* Быть Русской Императрицей. М. 2003. С. 58-59.
38. См.: *Боханов А. Н.* Романовы и Английский Королевский Дом: династические узы и политические интересы. С. 70-86.
39. *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 69.
40. *Баранчук М. Н.* Императрица Александра Федоровна. С. 40. Со ссылкой на: *Hough R.* Advice to a Grand-daughter. London. 1975. P. 45.
41. Там же. Со ссылкой на: *Hough R.* Advice to a Grand-daughter. P. 47.
42. *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 63.
43. Там же. С. 70.
44. Там же.
45. Там же. С. 70-71.
46. *Баранчук М. Н.* Императрица Александра Федоровна. С. 102.
47. Там же. С. 116.
48. *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 86.
49. *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 74-75.
50. Там же. С. 86.

51. Гереш Э. Александра. Трагедия жизни и смерти последней Русской Царицы. С. 117.
52. Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 86-87.
53. Винберг В. Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Мюнхен. 1922. С. 179-180.
54. Баранчук М. Н. Императрица Александра Федоровна. С. 130. Со ссылкой на: Hough R. Advice to a Grand-daughter. P. 96.
55. Сперанский В. От Иоанна Кронштадтского к Григорию Распутину. (Страница воспоминаний) // Дни. № 1117. Париж. 1926. 26 сентября. С. 2.
56. Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 90.
57. Миллер Л. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. М. 1994. С. 79.
58. Последние дни Императора. Из дневника А. Е. Комаровской // Московский журнал. 1998. № 7. С. 12.
59. Там же. С. 14.
60. Вел. Кн. Ольга Александровна. Мемуары. М. 2003. С. 62.
61. Последние дни Императора. Из дневника А. Е. Комаровской. С. 12.
62. Там же. С. 16.
63. Миллер Л. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. С. 83.
64. Баранчук М. Н. Императрица Александра Федоровна. С. 136. Со ссылкой на: Hough R. Advice to a Grand-daughter. P. 121.
65. Миллер Л. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Феодоровна. С. 83.
66. Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. С. 97; Маерова В. Елизавета Федоровна. Биография. С. 168.
67. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 125.
68. Баранчук М. Н. Императрица Александра Федоровна. С. 46-47. Со ссылкой на: Erinnerertes – Ernst Ludwig Grossherzog von Hessen und bei Rhein. Darmstadt. 1983. S. 91.
69. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 123.
70. Там же. С. 124-125.
71. Крылов-Толстикович А. Быть Русской Императрицей. С. 84.
72. Вел. Кн. Ольга Александровна. Мемуары. С. 67.
73. Там же. С. 69, 71-73.
74. Там же. С. 71, 72.
75. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 161.
76. Там же.
77. Там же. С. 153.

78. Там же. С. 154.
79. Ген. Д. Н. Дубенский Как произошел переворот в России // Русская летопись. Кн. 3. Париж. 1922. С. 92.
80. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 154.
81. Извольский А. П. Воспоминания. Минск. 2003. С. 201.
82. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 154.
83. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 2000. С. 226.
84. Там же. С. 233.
85. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 158.
86. Вел. Кн. Ольга Александровна. Мемуары. С. 78.
87. Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. С. 160.
88. Там же. С. 162.
89. Крылов-Толстикович А. Быть Русской Императрицей. С. 102.
90. Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб. 1999. С. 54-55, 81-82.
91. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. Симферополь. 2002. С. 112.
92. Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М. 2000. С. 78.
93. Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь-Мученик. Сост. С. В. Фомин. М. 1997. С. 154.
94. Палеолог М. Дневник посла. М. 2003. С. 15.
95. Ломан Ю. Д. Воспоминания крестника Императрицы. СПб. 1994. С. 53.
96. Мордвинов А. А. «Из пережитого». Отрывки из семейных воспоминаний А. Мордвинова, флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Ч. 2. «На военно-придворной службе» // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 512. Л. 355-356.
97. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн. 2. М. 1992. С. 284-285.
98. Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. С. 78.
99. Крылов-Толстикович А. Быть Русской Императрицей. С. 21.
100. Там же.
101. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. М.-Л. 1923. С. 3.
102. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн. 2. С. 290.
103. Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918-февраль 1920). Сост. Н. Росс. Франфурт-на-Майне. 1987. С. 453.

104. Россия перед Вторым пришествием. Изд. 3-е. Т. 1. СПб. 1998. С. 363-367.

105. См., напр.: *Стрижев А.* Чего не изрекал преподобный Серафим // *Благодатный огонь*. № 11. М. 2003. С. 3-8; *он же.* О чем могут поведать архивы // *Благодатный огонь*. № 12. М. 2004. С. 30-34.

106. Россия перед Вторым пришествием. Изд. 3-е. Т. 1. С. 390-395; «...И даны будут Жене два крыла. Сб. к 50-летию Сергея Фомина. М. «Паломник». 2002. С. 537-550; *Фомин С.* «Царь в саккосе» // *Русский вестник*. 2003. № 5. С. 12-13. Наиболее полную подборку материалов на эту тему см. в наших комментариях к выходящим в издательстве «Правило веры» воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох». См. также в наст. кн. ст.: «Пещерная церковь во имя святых равноапостольных Царей Константина и Елены в Царском Селе» — об устройстве по воле Государя в 1914 г. в храме Царского и Патриаршего мест.

107. К прославлению Царя-Мученика в России. М. 1999. С. 324.

108. *Тальберг Н. Д.* 400-летие взятия Казани // *Православная жизнь*. Джорданвилль. 1953. № 2. С. 9.

109. *Раух Г. О.* 30 июля 1904 года // *Возрождение*. № 436. Париж 1926. 12 августа. С. 2.

110. *Кологривова Л.* На рождение Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, 30 июня 1904 года // *Московские ведомости*. 1904. 2 августа. С. 3.

111. Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М. 1998. С. 7.

112. *Прот. Лев Лебедев.* Москва Патриаршая. «Столица». «Вече». М. 1995. С. 19-20.

113. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919-1922 гг. М. 1998. С. 318-319.

114. *Гроян Т.* Мученик за Христа и за Царя Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и ее Пресветлого Отрока. М. 2000. С. 403.

115. Царский сборник. Сост. С. и Т. Фомины. М. 2000. С. 494.

116. *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. С. 56.

117. *Бах Э.* Резиденция последних Романовых. Л. 1928. С. 14-15.

118. Скорбная памятка. Издание «Кассы помощи ближним в память о Царской Семье». Нью-Йорк. 1928. С. 62.

119. *Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-Мученик. С. 147.

120. *Каронинский Н.* Как предупреждали Царя // *Петроградский листок*. 1917. № 66. 18/31 марта. С. 2.

121. *Протопресв. Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. Крутицкое Патриаршее подворье. М. 1996. С. 293, 299.
122. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн. 2. С. 285.
123. *Чеботарева В.* В Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915—5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл // Новый журнал. № 181. Нью-Йорк. 1990. С. 235.
124. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М. 1991. С. 196.
125. *Генерал от инфантерии Н. А. Епанчин*. На службе трех Императоров. Воспоминания. М. 1996. С. 452.
126. *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. С. 77.
127. *Барковец О., Крылов А.* Предисловие к кн.: Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М. 1998. С. 7-8.
128. *Прот. А. Шаргунов. Г. Распутин: опасность разделения в Церкви* // Радонеж. 2003. № 1. С. 13.
129. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М. 1991. С. 163.
130. *Искендеров А. А.* Закат Империи. М. 2001. С. 309.
131. *Родзянко М. В.* Крушение Империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. Полное издание записок председателя Государственной думы. С дополнениями Е. Ф. Родзянко. М. 2002. С. 34.
132. *Искендеров А. А.* Закат Империи. С. 308.
133. *Протопресвитер Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. С. 29.
134. Там же. С. 297.
135. *Волков А. А.* Около Царской Семьи. Предисловия Вел. Кн. Марии Павловны и Е. П. Семенова. Париж. 1928. С. 47.
136. Встреча в Ставке. [Император] Николай II и А. Д. Самарин. Июнь 1915 г. Публ. М. И. Чернова // Исторический архив. 1996. № 2. С. 178-186.
137. *Протопресв. Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. С. 221.
138. Судьба века. Кривошеины. СПб. 2002. С. 277. См. также: *Тихменев Н. М.* Духовный облик Императора Николая Второго. Изд. II Отдела в САСШ Союза ревнителей памяти Императора Николая II. 1952. С. 13-14.
139. *Тальберг Н. Д.* В свете истины // Двуглавый Орел. Вып. 21. Берлин. 1/14.12.1921. С. 7.
140. *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. С. 116.
141. *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция. Т. 3. Нью-Йорк. 1962. С. 74.

142. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Е. х. 2281. Л. 111.
143. *Криворотов В.* На страшном пути до Уральской Голгофы. (Страшное иго). Мадрид. 1975. С. 241.
144. *Горький М.* Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М. 1990. С. 97.
145. *Гиттиус З.* Собрание сочинений. Дневники 1893-1919. М. 2003. С. 437. Запись 6.7.1918.
146. Там же. С. 447. Запись 22.10.1918.
147. *Гиттиус З.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси. 1991. С. 59, 60, 64, 75, 87.
148. *Острцов В.* Масонство, культура и история. М. 1998. С. 391, 411, 414, 427.
149. О властях и Церкви Христовой. Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай заявляет, что не подписывал на Соборе 2000 года акт о канонизации Царской Семьи // НГ-религии. 2001. 25 апреля. С. 4.
150. *Суворов А.* [Отклик на ст. *прот. А. Шаргунова* «Г. Распутин: опасность разделения в Церкви»] // Радонеж. 2003. № 1. С. 15.
151. *Святитель Николай Сербский (Велимирович).* Беседы. М. 2001. С. 401.
152. Благодатный огонь. Православный журнал. 2003. № 10. С. 44, 46.
153. *Ры[би]нский Н.* Книги русского горя // Новое время. № 893. 1924. 17 апреля. С. 3.
154. *Болотов А. В.* Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж. 1924. С. 308-309.
155. *Святитель Николай Сербский.* Молитвы на озере. М. 2002. С. 260-262.

«ЛЮБИМАЯ ЦАРИЦА СВЯЩЕННОГО ЦАРЯ»

КОЛЬЦО

*«Дитя мое, — она сказала, —
Возьмешь иль нет мое кольцо? —
И головою покачала,
С участием глядя ей в лицо. —*

*Знай, друга даст тебе, девица,
Кольцо счастливое мое,
Ты будешь дум его царица,
Его второе бытие.*

*Но договор судьбы ревливой
С прекрасным даром сопряжен,
И красоте самолюбивой
Тяжел, я знаю, будет он.*

*Свет, к ней суровый, не приметит
Ея приветливых очей,
Ея улыбку холодно встретит
И не поймет ея речей.*

*Вотще ей разум дарованья,
И чувств и мыслей прямота:
Их свет оставит без вниманья,
Обезобразит клевета.*

*И долго, долго сиротою
Она по сборищам людским
Пойдет с поникшей головою,
Одна с унынием своим.*

*Но девы нежной не обманет
Мое счастливое кольцо:
Ей Судия ея предстанет,
И процветет ея лицо».*

*Внимала дева молодая,
Невинным взором весела,
И, тайный жребий свой решая,
Кольцо с улыбкою взяла.*

*Иди ж с надеждою веселой!
Творец тебя благослови
На подвиг долгий и тяжелый
Всезабывающей любви.*

*И до свершенья договора,
В твои ненастные дни,
Когда нужна тебе опора,
Мне, друг мой, руку протяни.*

СОЛНЕЧНАЯ АЛИКС

«Своих Царей великих поминают
за их труды, за славу, за добро».

[А. С. Пушкин]

Трагическую годовщину (4/17 июля) несмываемого позорнейшего преступления — одного из величайших во всемирной истории, «Возрождение» всегда отмечает воспоминаниями о мученически погибшей Царской Семье.

Эти строки посвящены Императрице Александре Федоровне, Ее трагической жизни, Ее глубоко христианскому отношению к посланным Ей испытаниям, увенчанным мученической смертью.

В своей книге *The Life and Tragedy of Alexandra Feodorovna Empress of Russia* (в предисловии) фрейлина Императрицы баронесса С. Буксгевден¹ дает Ей такую характеристику: «Характер Императрицы был очень сложный. Любовь к Своему Мужу и детям доминировала. Она была идеальной супругой и матерью; самые злобные враги Ее не могли этого отрицать. У Нее была женственная натура, и Она была не всегда логично-разумной, когда являлся конфликт между разумом и чувством. Ее интеллект был всегда подчинен более сердцу. В отношении к людям Ее идеализм часто приводил к тому, что Она находила в них добрые черты, которые Ее душа ожидала. Ее природная застенчивость, которую Она никогда не сумела победить, была не понята и принималась за гордость. Она никогда не приобрела легких внешних манер с готовой всегда улыбкой, завоевывающей сердца, и Ее скромность удерживала Ее от поисков внешней популярности, которой Она внутренне пламенно желала».

Вследствие Ее необычайной любви к Сыну, страдавшему ужасной наследственной болезнью, гемофилией, и Ее постоянного беспокойства за Его жизнь, выросла вера в Распутина как целителя. Она держалась за него, как за

последнюю соломинку, которая могла бы спасти ребенка. У Императрицы была религиозно-мистическая натура — Она происходила с Гессенской стороны (Брабантского Дома) от Св. Елизаветы Венгерской — и вера в исцеление через молитву имела для Нее большое значение. Только с этой стороны, и только с этой, объясняется влияние на Нее Распутина.

Императрица была жестоко оклеветана и так ужасно несправедливо. Отсутствие у Нее политического опыта, Ее вера в природную доброту человечества были причиной многих политических ошибок. Но во всем, что Она делала, Она руководилась исключительно любовью к Своей полностью воспринятой любимой стране. Она приехала в Россию с высокими идеалами о Своем долге. Она верила, что Супруга Государя — Мать своего народа, “Валиде”, как татары звали Ее. Она работала с большим напряжением, чтобы улучшить положение бедных классов, открывая школы, госпитали, борясь настойчиво со многими препятствиями, которые встречала. Все, что Она делала в этом отношении, в России не было известно и после революции постоянно замалчивалось теми, кто писал о Ней. Императрица обожала Россию и русский народ. Не было той жертвы, которую Она не принесла бы для России, даже Корону Своего Мужа и Наследника. Когда Она узнала об отречении Государя, единственное, что Она сразу произнесла, было: “*Dieu donne que cela sauve la Russie*”* ».

По другим источникам, Она очень убивалась, сказала: «С отречением Государя все кончено для России, но Мы не должны винить ни русский народ, ни солдат — они не виноваты».

В теперешнее время у всех правительств мира существуют целые министерства пропаганды. У нас в России ничего подобного не было, и в то время как враждебные Монархии элементы распускали всевозможные клеветнические слухи, которые даже члены Государственной думы имели наглость распространять с трибуны, никто не заботился о том, чтобы правда о жизни и деятельности Императора, Императрицы и Царской Семьи была известна широким массам. Общество же, как в Петербурге, так и в Москве, — очень повинно в том, что сделало Государыню мишенью самых ужасных сплетен —

---

* «Дай Бог, чтобы это спасло Россию» (фр.).

чем расшатывало Трон и поставило Государя, отдавшего всего Себя для спасения родины от сильнейшего внешнего врага, — в ужасное, безвыходное положение.

Государыня родилась 25 мая (8 июня) 1872 г. в Darmstadt — живописном городе садов и искусств, лежащем среди лесов у холмистого края широкой долины Рейна. Со дня Ее рождения в этом году исполнилось 90 лет*. Она родилась в новом дворце, построенном в английском вкусе по желанию Ее матери Принцессы Алисы Великобританской и Ирландской, второй по старшинству дочери Королевы Виктории. Отец Принцессы Аликс, как тогда была наречена наша Государыня, получившая еще имена Виктории, Елены, Луизы, Беатрисы, был Герцогом Гессенским и стал только в 1877 г. Людвигом IV — Великим Герцогом Гессен-Darmstadtским после смерти бездетного дяди. Он пользовался всеобщей любовью и уважением и был действительно рыцарем без страха и упрека, прекрасным отцом многочисленной дружной и симпатичной семьи, в которой Принцесса Аликс, прозванная своей матерью за свою красоту, веселость и привлекательность «Солнечной», была 6-м ребенком. Интересно отметить, что Ее воспитательницами при крещении были: принц и принцесса Уэльские (будущие Король Эдуард III и Королева Александра), Цесаревич Александр (Император Александр III) и Цесаревна (Императрица Мария Феодоровна), герцогиня Кембриджская и ландграфиня Гессенская.

Мать будущей Государыни была по-христиански воспитана и, кроме забот о семье, посвящала себя всецело делам благотворительности в тиши, «где горе слышится». Она с ранних лет приучала детей к этому и даже маленькую «Солнечную» Аликс брала с собой для раздачи больным цветов от своего имени. Семья часто гостила у бабушки в Англии. Надо отметить, что отец Принцессы Аликс принимал участие в войне против Пруссии в 1866 г., т. к. гессенцы были в союзе с Австрией. Пруссия победила, и Гессенское Герцогство лишилось большой территории. Это не было никогда забыто народонаселением, и чувство недоброжелательства долго оставалось по отношению к Пруссии.

---

* Очерк был написан в 1962 г. — С. Ф.

В 1878 г., когда Принцессе Аликс было 6 лет, вся семья, кроме старшей принцессы Виктории, заболела дифтеритом. В те времена болезнь эта была очень опасной. Королева послала английского доктора, чтобы помочь немецким врачам. Принцесса Алиса ухаживала за всеми с необычайной самоотверженностью и всех, кроме самой младшей Марии (Мэй), удалось спасти. Но когда все уже начали поправляться, заболела и сама Герцогиня, ее подорванный напряжением и бессонными ночами организм не выдержал, и она скончалась 14 декабря, оплакиваемая в Гессене и Англии. Королева Виктория очень горевала от потери любимой дочери и перенесла свою любовь на своих внучек — она заботилась о них и в особенности полюбила младшую, «Солнечную» Аликс.

Еще при жизни матери, во время одного посещения Дармштадта Императрицей Марией Александровной (Супругой Императора Александра II — тоже урожденной Принцессой Гессенской), герцогиня Алиса привела всех своих детей, чтобы показать Императрице; по свидетельству баронессы Пиллар — фрейлины Государыни Марии Александровны, Ее Величество, показав на маленькую Аликс, сказала: «Поцелуйте у Нее руку — это будущая ваша Императрица».

Еще совсем юной 12-летней девочкой Принцесса Аликс попала в Россию по случаю грандиозной свадьбы Своей сестры Елизаветы с Великим Князем Сергеем Александровичем. По своей молодости Она не принимала участия во всех церемониях и празднествах, но зато потом семья объединилась в Петергофе, и тут юная Принцесса впервые познакомилась с Цесаревичем Николаем Александровичем, с Его братьями и сестрой. Целая группа молодежи играла и забавлялась в саду, и Принцесса Аликс была самой предприимчивой и веселой. Уже тогда молодому Цесаревичу очень понравилась изящная, красивая, веселая, даровитая и скромная Принцесса, и Он подарил Ей маленькую брошку, которую Она незаметно Ему вернула на детском балу в Аничковом дворце.

В январе 1889 г., по приглашению Вел. Князя Сергея Александровича, герцог Гессенский со своим сыном принцем Эрнстом и Принцессой Аликс приехали в Россию и остановились во дворце Вел. Князя вблизи Аничкова дворца. Наследник часто заходил запросто, чтобы навестить Свою молодую тетеньку, как он шутя звал Принцессу Аликс. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна любила танцы, она органи-

зовывала интересные вечера, которые способствовали сближению. Здесь началось и стало развиваться серьезное чувство симпатии, которое окрепло в живое, горячее и глубокое чувство любви. Через десятки лет, в тяжелые годы войны, Государыня вспоминала: «Тридцать два года назад уже Мое детское сердце исполнилось глубокой любовью к Тебе» (1916 г.).

А Цесаревич отмечает в Своем дневнике (декабрь 1891 г.): «Уже полтора года прошло с тех пор, когда Я говорил об этом с Папá в Петергофе, а с тех пор ничего не изменилось, Я долго противился Моему чувству, стараясь обмануть Себя невозможностью осуществления Моей заветной мечты; единственное препятствие, или пропасть между Ней и Мной – это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой: Я почти убежден, что Наши чувства взаимны! Все в воле Божией. Уповая на Его милосердие, Я спокойно и покорно смотрю в будущее».

Принцесса Аликс, вернувшись в Дармштадт, стала помогать Своему отцу в качестве хозяйки дома, посещала с ним школы, госпиталя и вообще исполняла обязанности Своей покойной матери, т. к. все Ее сестры были уже замужем. В августе 1890 г. Принцесса вновь гостила у Своей сестры Великой Княгини Елизаветы Феодоровны в подмосковном имении Ильинском. Здесь Она близко познакомилась с русской деревенской жизнью, которая Ее очаровала.

Цесаревич досадовал, что не мог Ее видеть в этот приезд.

По политическим соображениям, Император Александр III, указывая на то, что Наследник еще молод, думал о другом браке для Цесаревича.

1-го марта 1891 г., после двухнедельной болезни, во время которой Принцесса самоотверженно ухаживала за любимым отцом, не приходившим в сознание, – что было особенно тяжело, – Ее отец скончался, и Принцесса Аликс осиротела, но Она знала, что Она не одинока. У Нее был любимый брат, которому Она начала помогать так, как помогала отцу, и большим утешением было то, что в великой северной стране билось горячее любящее сердце. Там же была Ее сестра – Ее русская добрая покровительница.

В 1894 г., когда Император Александр III опасно заболел, решено было поспешить с бракосочетанием Цесаревича. Так как Наследник категорически заявил, что ни на ком другом не женится, как на Принцессе Аликс Гессенской, то по пред-

ложению старшего из Великих Князей — Михаила Николаевича (фельдмаршала) решили воспользоваться тем, что на свадьбу брата Принцессы Аликс с принцессой Викторией Кобургской (дочерью Герцога Эдинбургского и Великой Княгини Марии Александровны, единственной сестры Александра III) съезжались представители почти всех Царствующих Домов Европы; из России поехал Наследник в сопровождении трех Своих Августейших дядей с их супругами, чтобы сделать Принцессе Алисе официальное предложение.

Вопрос о перемене религии очень смущал Принцессу Аликс. Она была натурой глубокой, и Цесаревичу пришлось основательно, часами знакомить Свою Невесту с глубиной Православной веры. К счастью, в свое время преподавателем Закона Божия, еще по выбору Ее матери, у Принцессы Аликс был д-р Селл, умный, выдающийся человек, который проповедовал, что в религии главное — это найти истину. Вероятно, и пример сестры, ставшей по собственной воле глубоко-православной, тоже способствовал решению Принцессы Аликс. Вот выдержка из письма Наследника Императрице Матери, после того как Его Невеста согласилась принять Православие: «Я не могу выразить Вам, как Я счастлив... Весь мир сразу изменился для Меня: природа, люди, всё; и все Мне кажутся милыми, счастливыми и добрыми. Она совершенно переменялась: стала веселой, забавной, разговорчивой и нежной». Говоря дальше о словах Спасителя: «Все, что ты просишь у Бога, даст тебе Бог», — Цесаревич пишет: «Слова эти бесконечно Мне дороги, потому что в течение пяти лет Я молился ими, повторял их каждую ночь, умоляя Его облегчить Аликс переход в Православную веру и дать Мне Ее в жены».

Последовало обручение, которое всю жизнь Императрица вспоминала как счастливейшее событие в Ее жизни.

Затем Они провели 12 счастливых дней жениховства в Кобурге и Дармштадте. Принцесса начала брать ежедневно уроки русского языка. Наследник говел — была Страстная неделя. Из Петербурга были выписаны певчие придворной певческой капеллы, и Принцесса могла почувствовать всю красоту православных служб². В Страстную субботу фельдгеръ привез невесте чудные подарки от Их Величеств и орден. В среду на Пасхальной неделе Невеста уехала в Дармштадт, а потом в Англию к Своей сестре принцессе Баттен-

бергской. Там уже протопресвитер Янышев, духовник Их Величеств, начал ежедневно заниматься с Принцессой Аликс по подготовке Ее к принятию Православной веры. Янышев прибыл в Англию вместе с Цесаревичем, пришедшим в Великобританию на Императорской яхте «Полярная Звезда»³.

Проведя некоторое время в уютном коттедже Баттенбергских в Вальтоне на Темзе, нареченные поехали в Виндзор, где вокруг королевы собрались почти все члены Английской королевской семьи. «Бабушка (королева Виктория), — отмечает Цесаревич, — была очень любезна и даже разрешила нам выезжать вместе без всяких компаньонов». Пребывание в Англии закончилось в «Осборне» на острове Уайт, куда переехали с королевой и где Принцесса побывала в гостях у Цесаревича на «Полярной Звезде» как бы на Русской земле. После этого Наследник отплыл в Россию, а Его Невеста в Дармштадт, где продолжала учить русский язык у Е. К. Шнейдер⁴ и заниматься с протопресвитером Янышевым. Последний говорил Ее брату, что Она иногда задавала ему такие вопросы, на которые ему было подчас трудно отвечать, а он до назначения главой придворного духовенства и духовником Их Величеств 18 лет был ректором Петербургской духовной академии, и уже в 1864—1865 гг. знакомил Императрицу Марию Феодоровну с основами Православия. «Государыня, — говорил один из авторов воспоминаний о Ней, — приняла Православие уже в зрелые годы, приняла его заветы со всем пылом молодой религиозной души, без малейшего ханжества, нигде публично не подчеркивая Своей искренней любви к обрядности и сущности нового для Нее понимания учения Христа. Она вся отдалась ему, увлекшись скрытым духовным содержанием нашей религии; Она сделалась действительно православной и по духу, и по мысли».

Когда Она была в Дармштадте, стали приходиться тревожные вести о здоровье Русского Императора. Цесаревич должен был отложить предполагаемую поездку в Дармштадт, и Его письма становились все более тревожными. Принцесса Аликс была очень огорчена не быть с Ним в такое время. Она знала, как любил Наследник Своего Отца, и представляла Себе Его переживания. В начале октября Она получила от Него телеграмму, вызывающую Ее в Крым. Она сейчас же собралась и поехала в сопровождении сестры с мужем, принцем Баттенбергским, до Варшавы. Уже в России, по дороге к

югу, Ее встретила сестра Вел. Княгиня Елизавета Феодоровна. В Симферополе Ее встретил Цесаревич. Оттуда Они ехали в открытой коляске 80 верст до Императорской резиденции. Почти вся Императорская Семья была в сборе, ввиду тревожного состояния здоровья Императора. Государь, несмотря на большую слабость и недомогание, оделся в мундир, чтобы встретить Свою будущую Невестку, и приветствовал Ее очень ласково.

Еще при переезде через границу Она телеграфировала Наследнику (у Них был Свой код) о Своем желании принять Православие по приезду в Ливадию. Цесаревич отмечает в Своем дневнике, как Он был этому рад.

Первые впечатления о дворцовой жизни у Невесты Наследника были неблагоприятны: Ее как-то холодно встретили при Дворе, особенно светские дамы. Шумные обеды, не замиравшая дворцовая жизнь, равнодушное общество, в то время, когда Император медленно угасал, — производили на Нее неприятное впечатление. Она также заметила, что придворные не хотели в должной мере считаться с Наследником, и сочла нужным написать в Его дневнике: «Не позволяй другим быть первыми и обходить Тебя. Ты любимый Сын Отца, и Тебя должны спрашивать и Тебе говорить обо всем. Выяви Свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто Ты. Прости Меня, дорогой».

Император Александр III в Бозе почил 20 октября (ст. ст.). На следующее утро в Ливадийской церкви Принцесса Аликс приняла Православие. Это событие Государь так отметил в Своем дневнике: «И в глубокой печали Господь дает Нам тихую радость: в 10 ч. в присутствии только Семейства Аликс была мвропомазана и после обедни Мы причастились вместе с Нею... Аликс поразительно хорошо и внятно прочла Свои ответы и молитвы». Принцесса была наречена Александрой в честь Св. мученицы Царицы Александры и получила титул Великой Княжны. Встал вопрос о времени свадьбы.

Государь и Императрица-Мать хотели свадьбу устроить тут же, в Ливадии, без всякой помпы. Но Великие Князья и министры настояли, чтобы бракосочетание молодого Государя, являющееся большим событием и для страны, было в Петербурге в Зимнем дворце, вскоре после похорон Императора.

27 октября Великая Княжна Александра Феодоровна вместе со всей Царской Семьей шла за гробом Императора из Ливадии в Ялту, потом на «Память Меркурия», на котором гроб с телом покойного Государя в сопровождении Черноморского флота был доставлен в Севастополь. Оттуда траурный поезд с Царской Семьей двинулся к столицам. Это было длинное, грустное путешествие. На всех больших станциях духовенство, администрация, войска, учебные заведения ждали траурный поезд. Императорская Семья выходила из поезда. Служились длинные торжественные панихиды.

«Так Я въехала в Россию, — рассказывала потом Государыня. — Государь был слишком поглощен событиями, чтобы уделить Мне много времени, и Я холодела от робости, одиночества и непривычной обстановки». Все Ее утешение и поддержка — близость горячо любимого Ей человека; с другой стороны, и Государь в эти тяжелые дни находил, что «присутствие в поезде Моей милой ненаглядной Аликс — громадное утешение и поддержка».

Вот что Она в это время вписала в дневник Государя: «Сперва Твой долг, потом покой и отдых». «Твой долг исполняй — это лучше всего, Господу предоставь остальное». «Не бойся опасности, и Господь всегда близ Тебя и охраняет Тебя».

В Петербурге Вел. Княжна Александра Феодоровна оставилась у Своей сестры Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны. В это время Она могла видеть молодого Императора только урывками, т. к. Он был очень занят государственными делами, также в эти дни шли постоянные панихиды, и только 7 ноября состоялось погребение Императора Александра III.

А через неделю — в день рождения Вдовствующей Государыни (в этот день траур был приостановлен на один день) состоялось бракосочетание в церкви Зимнего дворца.

В письме к Своей сестре (принцессе Виктории) Государыня писала: «Ты можешь вообразить Мое чувство. Один день в глубоком трауре, другой день в великолепном одеянии для замужества. Не может быть большего контраста, но это сблизило нас еще больше. Тетя Миши (Императрица Мария Феодоровна) такая трогательная и терпеливая в Своем большом горе».

После свадьбы Государь с Государыней поехали в открытом экипаже в Аничков дворец, приветствуемые гро-

мадной толпой народа вдоль всего пути. Они захали в Казанский собор, чтобы приложиться к чудотворной Казанской иконе Божией Матери. Временно они поселились в Аничковом дворце, где жила Вдовствующая Императрица.

В день свадьбы Государыня записала в дневник Государя: «Отныне нет больше разлуки; наконец Мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда здешней жизни придет конец, Мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе. Твоя, Твоя...»

На следующий день молодожены почувствовали Себя радостнее, проще, уютнее; Они принимали всех родственников, начиная с Вдовствующей Императрицы с Ее сестрой принцессой Уэльской и ее мужем, будущим королем Эдуардом VII. Получили много свадебных подарков, бесчисленное количество поздравлений, на которые вместе отвечали. Никаких празднеств после свадьбы не было. В Аничковом дворце Царская Чета жила тихо, скромно. Государь был занят государственными делами, Государыня, хотя уже неплохо владела русским языком, продолжала учиться. В свободные часы катались с Государем на санях, на коньках, играли в четыре руки на рояле (Они были очень музыкальны – Государыня же кроме прекрасной игры на рояле имела хороший голос контральто), много читали – Государь любил читать вслух. Иногда Им удавалось убежать на несколько дней в Царское Село, которое Они так любили и которое впоследствии стало Им таким родным. Там Они, отрываясь от официальной жизни, оставались одни, наслаждаясь природой. В последний день этого знаменательного для Них года находим такие две записи – Государя: «Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил Меня также счастьем, о каком Я не мог даже мечтать, – дав мне Аликс»; Ее: «Последний день старого года – какое счастье провести его вместе. Моя любовь выросла такой глубокой, сильной и чистой – она не знает предела. Да благословит и хранит Тебя Господь!» В 1895 г., после лета, проведенного в Петербурге, к осени переехали в Царское Село, где 3 ноября родилась первая дочь – красивый крупный ребенок. По складу Своей натуры Императрица готова была бы уйти исключительно в жизнь Своей зарождающейся Семьи и отдать ей все Свое внимание, любовь и силы. Но как раз в это время был снят годичный траур, и возрождавшаяся жизнь Большого Двора

обязывала молодую, блиставшую красотой Императрицу к широкой светской жизни. Начался блистательный зимний петербургский сезон с торжественными приемами, балами, спектаклями, со всей сложностью взаимоотношений, и Императрица впервые переживала его как Государыня.

Весной же предстояло наиболее знаменательное и глубокое по своему значению событие – Коронация, о которой Россия была оповещена еще новогодним Манифестом.

Вот впечатления королевы Румынской Марии, присутствовавшей на Коронации в качестве супруги Наследника Румынского престола: «Я ясно вижу Царицу Александру, стоящую прямо во всем Своем блеске, рядом с Императором, в коронационном кафедральном соборе. Все блестело в золоте, даже сам воздух вокруг этой дивной собравшейся толпы, которая пришла поклониться и поклясться на верность самой молодой Державной Чете в Европе. Царица была в сплошном золоте. Взгляды всех присутствующих были обращены на Нее. Красивая женщина всегда привлекает к себе больше внимания, а тем более красавица, которую окружает волшебство мощи и величия. Нежным пламенем светились Ее щеки, а губы Ее были сжаты; Ее взгляд как будто блуждал в таинственных далях и будто не замечал того, что совершается вокруг; казалось, что в этот великий момент Она не ощущала ни радости, ни гордости».

Зная высоко-религиозное отношение Императрицы ко всему, можно представить, с каким вдохновенным напряжением Она молилась в этот великий час.

Двенадцать дней празднеств были омрачены Ходынской катастрофой. В этот день Государь и Государыня должны были появиться на торжественном приеме в союзном французском посольстве. «Один Бог знает, – свидетельствует королева Мария в своих воспоминаниях, – как Государыня хотела остаться дома, чтобы молить Бога об упокоении душ погибших в этой катастрофе».

После Коронации Государь с Государыней поехали в глубь России в Нижний Новгород, на промышленную и художественную выставку, где молодую Царскую Чету восторженно принимали.

После этого начался ряд заграничных визитов. Из них первый был к старейшему из европейских Монархов. Император Франц-Иосиф очень торжественно принимал

Царскую Чету. Императрица Елизавета, которая жила вдали, отойдя от придворной жизни после трагической смерти своего Сына, специально приехала, чтобы приветствовать молодую Царицу в Вене и была очень мила и внимательна к Государыне. Государь и Государыня оба были покорены ее романтической личностью. Это единственный раз, что они ее видели.

Из Вены Царская Чета проехала на родину, в Киев, на освящение Владимирского собора. Они живо интересовались церковной иконописью, и Государыня долго беседовала с художниками Васнецовым и Нестеровым.

Затем – Бреслау, в гостях у Императора Вильгельма; Киль – смотр германского флота; потом Дания, в гостях у Деда и Бабушки Государя, – где собралось много родственников. Новая Императорская яхта, красавец «Штандарт»⁵ совершил первое плавание с Высочайшими Особами в Англию, у берегов которой их встретил английский флот. Затем в Бальморале в гостях у «Бабушки» – Императрица так была рада Ее видеть и показать королеве Правнучку.

В союзной Франции и в Париже Их Величеств ждал исключительный по пышности и сердечности прием.

Стояла чудная осенняя погода; население Парижа удвоилось; парижане говорили, что трудно было вообразить что-либо трогательнее и вместе величественнее этого приема. Всюду, где в коляске на руках у няни появлялась маленькая Великая Княжна Ольга Николаевна, раздавались восторженные приветствия – они так радовали Государыню.

25 сентября состоялась закладка моста Императора Александра III. Во время этой церемонии от левого берега Сены отчалила белая барка, на корме которой группа прелестных представительниц Парижа везла драгоценную гигантскую вазу с дивными цветами – подарок от французских дам Царице. Во время поднесения Государыня говорила с каждой из девушек, которые целовали Ей руку. В Шалонском лагере состоялся грандиозный смотр войск, после которого на завтраке президент сказал: «Как улыбка счастливого предзнаменования, обаяние пребывания Ее Величества Императрицы не изгладится из французских сердец. В Париже Ваши Величества были встречены ликованием всей нации; в Шербурге и Шалоне вас встретило то, что более всего дорого сердцу Франции – ее армия и флот».

Закончилось пребывания в западноевропейских странах посещением родного для Государыни Дармштадта. Во время этой поездки по Европе Государыня пользовалась всеми возможностями, чтобы осмотреть соборы, музеи, картинные галереи. Молодая Императрица, сияющая красотой, державшаяся с царственным достоинством и простотой, вызывала всеобщие восторги. С другой стороны, эта поездка показала Ей благоговение государств Европы перед величием и силой Ее новой родины.

Период с 1896 по 1904 гг. был, пожалуй, наиболее счастливым временем для Императрицы. Создавалась дружная, на редкость сплоченная Семья. Но частые роды дочек вызывали недомогания и необходимость лежать иногда неделями. Однако Государыня никогда не оставалась без дела: Она вязала или вышивала, или рисовала, но это положение препятствовало светской жизни и общению с петербургским обществом. Зато Государыня посвящала много времени новым благотворительным учреждениям, возникшим по Ее инициативе. Первое, что Она учредила, — это рабочие дома для бедных. Она с воодушевлением вырабатывала новые схемы и применяла их на практике, разбирая все в деталях. У Нее практичность совмещалась с широким размахом. Она всегда умела схватывать сущность дела и также вносить поправки и улучшения. Все, кто имел возможность видеть эту сторону Ее характера (пишет баронесса Буксгевден), приходили в восторг от Ее ясного здравого смысла. Она забывала все, когда с увлечением говорила об интересующем Ее вопросе. В частности, Ее особенно интересовало все, что касалось улучшения положения детей. В этом отношении в России многое нужно и можно было сделать, и Императрица жаждала этих улучшений. Ее любимым детищем также была учрежденная на Ее личные средства в Царском Селе школа для нянь и прислуг. Она основала общество рукоделия (дамы и барышни должны были сработать не менее трех вещей в год для бедных). Ею же были учреждены: Общество трудолюбия, склады белья для раненых, инвалидные дома с мастерскими, Школа народного искусства для обучения кустарному делу. Под Ее покровительством организовано общество для сбора пожертвований для обучения бедных детей мастерству. Получилась целая сеть трудовых организаций, которую Государыня мечтала объединить в особое управление. Тут уместно будет подчерк-

ноть необычайную щедрость Государыни. Ей приходилось часто сокращать Собственный бюджет, чтобы помочь благотворительности или просто нуждающимся. Все воспоминания говорят о Ее необыкновенной доброте, душевной деликатности, отзывчивости на любое горе. Чем проще и сердечнее был человек, тем скорее Она «таяла»; всякое страдание, часто самое неуловимое, было близко Ее сердцу; Она всю Себя отдавала, чтобы утешить человека. «Трудно себе представить, — пишет флигель-адъютант С. С. Фабрицкий⁶, — какой массе лиц Ее Величество помогала выйти из материальных затруднений, скольким детям оказала помощь в воспитании и какую массу больных призрела».

В 1897 г. следовали один за другим ответные визиты глав европейских государств, начиная с Австрийского Императора Франца-Иосифа. Во время этого визита здоровье Императрицы не позволило Ей участвовать в торжествах приема. Летом принимали Императора и Императрицу Германии. Осенью был торжественный прием президента Феликс-Фора, сопровождаемого адмиралом Жерве, генералом де Буадеффр и Габриелем Аното.

Когда жили в Петергофе, Государыня сопровождала Государя при выездах на маневры в Красное Село. Назначенная шефом Лейб-Гвардии Уланского полка, Она на лошади представляла его Государю во время юбилея полка и всегда заботилась об офицерах и чинах полков, в которых была Шефом.

Весной 1900 г. Царская Чета со всем Двором переехала в Москву, чтобы, соблюдая старинный обычай, провести Страстную неделю и Пасхальные дни в древней столице среди народа. Императрица любила древние Кремлевские храмы, страстные и пасхальные службы в них. Ей казалось, что здесь Она находит настоящую душу России. Сидя в Кремлевском дворце и вышивая для церквей со Своей сестрой и фрейлинами, Она, можно сказать, перевоплощалась в древнюю Московскую Царицу.

Осенью 1900 г. Царская Семья в первый раз со вступления Государя на Престол поехала в Крым. Императрица была счастливой женой, матерью трех прелестных девочек. Но неожиданно Государь, обладавший вообще хорошим здоровьем и никогда почти не болевший, — очень серьезно заболел самой опасной формой брюшного тифа. Императрица в

трудные минуты всегда проявляла необычайное самообладание и энергию. Она ухаживала за любимым Мужем Самым днем и ночью и кроме того делала секретарскую работу, передавая Государю важные бумаги, когда Он был в состоянии с ними ознакомиться, и возвращая их министрам с резолюциями. Она впервые здесь вмешалась в Его государственную работу, не допуская к Нему не только тех, кто хотел Его видеть, но и тех, с кем Он хотел переговорить, начиная с министра Двора. Но ведь Она берегла покой не только Мужа, но и Государя.

В январе 1901 г. скончалась Ее бабушка королева Виктория, которая так любила свою внучку Аликс и которой Она платила тем же. Она хотела поехать на похороны в Виндзор со Своим братом, но пришлось от этого отказаться: Государыня была в ожидании – в июне родилась младшая дочь Анастасия.

Большим событием в жизни Государя и Государыни были Саровские торжества – канонизация св. Серафима Саровского.

У Государыни была всегда глубокая вера, и с первых дней Ее пребывания в России русский уклад с его религиозной обрядностью явился благодатной почвой для укрепления и цветения религиозного чувства Императрицы. В Сарове же не только чудные церковные службы вызывали у Императрицы глубокие переживания, но и возможность во время всего пребывания там быть в непосредственном общении с простым народом, который Она так любила. Будучи по природе очень застенчивой – что так мешало Ей быть популярной в обществе, – Государыня была непринужденной в разговорах с крестьянами и крестьянками – говорила с ними с любовью, и простой народ Ее любил. Было отрадно видеть, говорит очевидец, эту массу крестьян, с безхитростным восторгом встречавших Царя и Царицу как простых богомольцев, без Свиты и властей.

До 1905 г. Государь с Семейю проводили ежегодно зимний сезон в Петербурге, где давали один большой бал в Зимнем дворце, малые балы и концерты в Эрмитаже. Весь дипломатический корпус приносил свои поздравления на новый год и приглашался к Высочайшему завтраку после освящения вод и Крещенского парада против Дворца на Неве. Последний исключительно красивый костюмированный бал состоялся в

1903 г. Все были в костюмах эпохи Царя Алексея Михайловича, Государыня в костюме Царицы Марии (Милославской) – Она Сама составила рисунки костюмов при помощи директора Эрмитажа И. А. Всеволожского⁷. Царица была необычайно хороша Собою, так же, как Ее сестра Вел. Кн. Елизавета Феодоровна.

В эти же годы Царской Чете приходилось приблизительно каждые 2 года или принимать у Себя глав европейских государств, или ездить за границу. В 1901 г. приезжал Итальянский король, затем президент Лубе, которому в том же году осенью был отдан визит.

В Шербург пришли в страшный шторм и провели несколько незабываемых дней в Компьени. Посетили Реймс и в его знаменитом соборе хор им пропел «Domine salvum fac imperatorem»*. Императрица, вспоминая это в разговоре с баронессой Буксгевден, сказала: «Это было большое напоминание о непрочности земной власти».

В январе 1904 г., после театрального представления в Эрмитаже, японский посол, к которому Государь лично относился дружелюбно, прощаясь с Его Величеством, сделал особый глубокий поклон. Все это заметили – как будто вежливый японец хотел подчеркнуть, что прощается надолго. Через два дня война разразилась. Так как во главе Красного Креста стояла Императрица Мария Феодоровна, молодая Государыня взяла на Себя организацию гражданского склада в самом Зимнем дворце и Эрмитаже – для снабжения санитарных поездов всем необходимым: теплой одеждой, медицинскими принадлежностями, перевязочным материалом. Сотни женщин всех классов работали на изготовлении вещей. Она была прекрасной организаторшей, ежедневно посещала работающих и воодушевляла всех. К Рождеству Императрица послала в армию тысячи подарков и много теплой одежды.

Летом 1904 г. родился долгожданный Наследник Престола Алексей Николаевич. Те, кто знал, как Императрица молилась и ждала этого счастливого события, коронующего Ее замужество и дарующего Ее любимой стране Наследника, Которого и все, начиная с Государя, ожидали, – поймут, что это значило для Нее. Ребенок был красивый и здоровый и

---

* «Боже, храни Императора» (лат.).

никаких признаков той ужасной болезни (гемофилии), которая впоследствии обнаружилась, не было. Среди тяжестей войны, внутренней смуты блеснул как бы яркий солнечный луч — озаривший радостью Царскую Семью и гордую красавцем-Сыном Мать. Швейцарец П. А. Жильяр⁸, преданнейший Царской Семье человек и замечательный педагог, который так помогал Государыне в деле воспитания Наследника, когда Он стал подрастать, так описывает первую встречу с Ними: «Вошла Императрица с Великим Князем Наследником на руках. Она шла к нам с очевидным намерением показать нам Сына, Которого я еще не знал. На лице Ее сияла радость матери, которая увидела наконец осуществление Своей заветной мечты. Чувствовалось, что Она горда и счастлива красотой Своего ребенка. И на самом деле Цесаревич был в то время самым дивным ребенком, о каком только можно мечтать... Во время этой первой встречи я несколько раз видел, как Императрица прижимала Цесаревича к Себе нежным жестом матери, которая как будто всегда дрожит за жизнь своего ребенка...»

Но каким невероятным горем было для Императрицы обнаружение, примерно через год после Его рождения, у Ее маленького очаровательного Сына признаков ужасной болезни — гемофилии. Горе это увеличивалось сознанием, что унаследовал Он эту страшную наследственную болезнь через Нее. Доктора успокаивали Ее, что у Наследника болезнь в слабой форме, но никто не утверждал, что ее можно вылечить. Так как всякий ушиб или падение угрожали кровоизлиянием, решено было, по совету врачей, приставить к Наследнику, кроме няни, еще двух матросов, которые должны были следить за Ним и ограждать от всяких ушибов. Ребенок был резвым, живым и предприимчивым и развивался нормально между припадками болезни, вызываемыми иногда Его резкими движениями. Это горе расстроило радость жизни у Императрицы. Выражение грусти, которое раньше иногда находило на Ее красивое лицо, теперь почти никогда Ее не покидало. Ради будущности Сына, Она от всех скрывала причину заболеваний Цесаревича. Во Дворце шептались, но никто не знал истинной причины довольно частых неожиданных заболеваний Наследника. Волнение и постоянное напряжение постепенно все сильнее и сильнее отражались на Ее здоровье.

Конечно, не только волнения за жизнь Наследника были причинами болезни сердца Императрицы. Еще задолго до японской войны террористы начали прямую атаку на представителей власти. Первой жертвой пал ни в чем не повинный министр народного просвещения Н. П. Боголепов⁹ в феврале 1900 г. В апреле 1902 г. в лице Д. С. Сипягина¹⁰ — министра внутренних дел, убитого в Мариинском дворце, Государь лишился преданного, способного и трудно заменимого человека. Заменивший его В. К. Плеве¹¹ был известен как сторонник крутых репрессивных мер. В мае 1903 г. был убит энергичный Уфимский губернатор Богданович¹². В июне 1904 г. в Финляндии был убит генерал-губернатор Н. И. Бобриков¹³, а 15 июля того же года заменивший Сипягина В. К. Плеве. Государь и Государыня очень переживали эти потери верных и преданных ему людей. «Строго посещает нас Господь гневом Своим», — отмечал Государь.

Но еще более тяжелым испытанием были для них потери и неудачи японской войны.

В 1905 году началась первая революция. 4 февраля дядя Государя, Великий Князь Сергей Александрович был буквально разорван на куски брошенной в него в Москве бомбой. Государыня хотела ехать в Москву, чтобы утешить Свою сестру Вел. Княгиню Елизавету Феодоровну, но Она еще кормила Наследника и потому не могла этого сделать.

Ответственные за безопасность Государя министры всегда старались оградить Царскую Семью от возможных покушений, но Государь и Государыня не любили, когда Их чересчур охраняли, и всегда отстаивали Свою свободу передвижений, прогулок и пр. И Государь, и Государыня были действительно лично храбрые и безбоязненные. Она считала возможность покушения на Их жизни тесно связанной с занимаемым Ими положением и полагалась на волю Божию. Все же Она волновалась, когда Государь где-либо задерживался по Своим обязанностям, но старалась этого никому не показывать. Когда после 1906 г. наступило некоторое успокоение, Они все же считали еще неуместным восстанавливать прежний блестящий Петербургский зимний сезон. Живя зимой в Царском Селе, Они вызывали туда по очереди Гвардейские полки во время их

полковых праздников и после парада угощали офицеров во Дворце завтраком. Также принимали отдельно к завтраку министров, высших военных начальников и крупных сановников. Пошатнувшееся здоровье Государыни было тоже причиной замкнутости Их жизни. К сожалению, отсутствие контакта с обществом отражалось на Ее популярности: мало кто знал, какая Она была очаровательная. Часть лета Их Величества проводили на Императорской яхте «Штандарт» в Финских шхерах. Излюбленным местом стоянки был глухой залив около Бьорке, переименованный из Питкопаса в рейд «Штандарт». Здесь Государь действительно мог отдохнуть. На несколько недель аудиенции и работы с министрами прекращались. Все же курьеры ежедневно доставляли министерские донесения, и Государь читал их и ставил Свои замечания и резолюции, но, пользуясь свободным временем, Он наслаждался катаньем на байдарке, прогулками на берегу, игрой в теннис, купаньем в море. Императрица из-за болезни сердца должна была большей частью полулежать в кресле, которое выносилось на верхнюю палубу. Но Она всегда непрерывно работала (рукоделье), не останавливаясь, даже когда беседовала.

В сентябре 1907 г. «Штандарт» наткнулся неожиданно на острый камень, не обозначенный на карте и о существовании которого никто не подозревал. Он начал довольно быстро крениться и тонуть. Спустили шлюпки. Императрица ни на минуту не растерялась: распорядилась, чтобы женщины и дети были в первую очередь посажены на шлюпки, а Сама с А. Вырубовой сошла в Свою каюту, чтобы забрать все ценности, и последней из женщин села в шлюпку. Император тоже сохранял полное спокойствие и, делая распоряжения, следил по часам за скоростью погружения яхты.

Тихая семейная жизнь на яхте иногда разнообразилась выходами в море, смотрами флота, крепостей, открытием памятников, закладкой церковей или свиданиями с Царствующими Особами других стран. В этих случаях Императрица всегда, пересиливая Свое недомогание, принимала участие в официальных приемах.

Весной 1910 г. состояние сердечной болезни у Императрицы начало сильно тревожить докторов, и они настояли

на лечении в Наугейме. Вся Царская Семья сопровождала Ее, но жила в гостях у брата Императрицы. Лечение было очень утомительно, и Ей приходилось все время лежать. Она предприняла его против Своего желания по настоянию докторов и Семьи и была рада вернуться в Царское.

В 1912 г. по случаю столетия Отечественной войны были так называемые Бородинские торжества. Императорская Семья сначала приехала в Москву на открытие памятника Александру III, потом в Смоленск и наконец в Бородино, где 26 августа было открытие памятника в честь Бородинского сражения.

После Бородинских торжеств, которые очень утомили Императрицу, Царская Семья поехала на охоту в Беловежскую пушу. Там Наследник, выпрыгивая из лодки, ушибся. У Него началось внутреннее кровоизлияние. Родители были в большой тревоге, но все же Наследник начал поправляться, и все могли переехать в другое охотничье место Спалу. Но происшедшее там уже другое падение Великого Князя Алексея Николаевича вызвало острое ухудшение: внутреннее кровоизлияние угрожало перитонитом, Наследник невыносимо страдал. Крики, когда Он ослабевал, сменялись стонами. Его маленькое личико с большими страждущими глазами становилось все бледнее и худее. Он ничего не мог есть. Но даже в это время старались скрыть Его положение, боясь, что Его сочтут за полного инвалида. Родители все еще надеялись на улучшение. Императрица мучительно переживала страдания Своего обожаемого Сына, совершенно не зная, как их облегчить; маленький Страдалец говорил: «Вот когда Я умру, Я перестану страдать... Мама, помоги Мне!».

Были вызваны знаменитые врачи, но наука не могла уже помочь, и профессор Федоров предупредил Государя о безнадежности положения больного ребенка. Начали публиковать бюллетени. Страна была в волнении, т. к. маленький красавец Цесаревич завоевал сердца. Профессор Раухфус¹⁴ считал, что надо так редактировать бюллетени, чтобы готовить народ к известию о Его кончине. Императрица чувствовала, что ужасная для Нее развязка приближается. Врачи сказали, что они ничего больше сделать не могут. И вот Она решила послать телеграмму тому, в силу молитвы которого Она уже по некоторым предыду-

щим заболеваниями Наследника стала верить. Ответ Распутина, находившегося в это время в своем селе Покровском и пришедший в тот же вечер, был утешительным, в нем высказана была уверенность, что ребенок не умрет. Уже на следующее утро Наследнику стало лучше; с этого дня Он стал поправляться. Ребенок умирал, и вот молитвы старца Григория Его спасли. Императрица была слишком смиренной, чтобы приписать чудо Своим Собственным горячим молитвам.

«Григорий Ефимьевич», как называл его Государь, был представлен Их Величествам в первый раз в июле 1906 г.¹⁵ Сделано это было по инициативе Великих Княгинь Анастасии и Милицы Николаевны – которые в то время были близки и дружны с Императрицей, сблизившись с Ней на религиозной почве. Распутин тогда пользовался покровительством архимандрита Феофана¹⁶ – ректора Духовной академии, уважаемого и почитаемого в широких богословских кругах и в то же время бывшего духовником Их Величеств. Отец Василий¹⁷ – другой духовник Их Величеств – тоже в это время относился благосклонно к Григорию.

Без рекомендации архимандрита Феофана Распутин вряд ли мог быть принят Государем и Государыней, на Которых он сразу произвел хорошее впечатление. В Своем дневнике Государь отметил это знакомство так: «Видел сегодня Божьего человека». До 1912 г. Распутин редко появлялся, но когда Наследник болел, то Императрица видела явный результат от молитв «Божьего человека», в силу которых Она все больше и больше верила. История же чудесного исцеления в Спале окончательно укрепила веру Государыни в силу молитв «старца». На этом, только на этом, были основаны отношения Государыни к «старцу», простому сибирскому мужику, обладавшему исключительной силой внушения и даром провидения; эти отношения имели источником самые благородные чувства – какая мать это не поймет: любовь к опасно больному сыну и жажда его исцеления. Министр Императорского Двора граф В. Б. Фредерикс¹⁸ привел по этому поводу такой ясный ответ Государя: «Это только простой русский человек, очень религиозный и верующий... Императрице он нравится своей искренностью; Она верит в его преданность и силу

его молитв за Нашу Семью и Алексея... но ведь это Наше совершенно частное дело... удивительно, как люди любят вмешиваться во все, что их совсем не касается».

Забываясь о здоровье Наследника, Государыня очень продуманно вела Его воспитание, так же как и всех Своих детей. Она взяла на Себя руководство первоначальным обучением и пригласила к Нему выдающихся педагогов-учителей, неослабно лично наблюдая за ходом ученья. Долго присматривалась к П. Жильяру, когда он преподавал французский язык Великим Княжнам, Она, с согласия Государя, остановила на нем выбор в качестве воспитателя для Наследника. Ее отношения к Жильяру были полны доверия и полной искренности. После одного разговора с ним Государь и Государыня решились на большой риск — освободить Наследника от постоянного наблюдения приставленных к Нему двух матросов. Жильяр убедил их в том, что наблюдение за каждым шагом ребенка шло Ему во вред — могло выработать в Нем натуру «обломовскую» — сделать из Него человека, лишенного мужества, воли и нравственной стойкости. То, что выигрывалось в смысле безопасности, проигрывалось в смысле действительной дисциплины. Это решение Государыни было подвигом, Она жертвовала Своим (относительным, конечно) спокойствием ради России, желая дать ей волевого Государя.

Так же трудно было Государыне расстаться с любимым Сыном в октябре 1915 года, отпустив Его с Отцом на фронт, чтобы этот Светлый Отрок вдохновил войска Своим присутствием на новые подвиги.

Мне приходится сократить свое повествование, поэтому опускаю описание интереснейшего периода — празднования 300-летия Царствования Дома Романовых — этого еще счастливого апофеоза Великой Христианской Империи. Скажу только, что впечатления, полученные Государем и Государыней от путешествия по России во время Романовских торжеств, укрепили в Них веру в преданность Им широких народных масс. В то же время от внимания Государя не ускользнуло и неблагополучие крестьян в некоторых местах, и Он начал обдумывать и приводить в исполнение меры к улучшению народного благосостояния. Но тут грянула война, которой Государь не желал и сделал все,

что от Него зависело, чтобы ее избежать. Когда Государь, взволнованный, пришел сообщить Государыне, что немцы объявили нам войну, Государыня разрыдалась. Она не скрывала Своего негодования против Вильгельма II: «Я никогда не любила его за его неискренность, он всегда играл комедию и так тщеславен. Меня он постоянно упрекал, что Я ничего не делаю для Германии, и все пустил в ход, чтобы разъединить Россию с Францией. Эту войну он Мне не простит! Я ничего не знаю о Моем брате. Где он? Дрожу при мысли, как бы Император Вильгельм не послал его из мести Мне против России. Ах! Какой ужас война! Сколько бедствий, сколько страданий! Борьба будет ужасной, чудовищной, и человечество идет навстречу невообразимых страданий».

На следующий день Их Величества пережили в Петербурге небывало величественные патриотические манифестации; когда Государыня проходила по залам Зимнего Дворца, то возбужденная публика, забыв этикет, целовала Ей руки, платье, а по красивому одухотворенному лицу Государыни текли слезы радости.

Несмотря на Свои недомогания, Государыня с самого начала войны начала проявлять необычайную деятельность на пользу страждущих. Она открыла ряд лазаретов, эвакуационных пунктов, мастерских для шитья белья солдатам; оборудовала санитарные поезда. Председательствовала в Верховном Совете по призрению семейств раненых и павших воинов. Совершала со старшими дочерьми поездки по России, посещая госпитали раненых. Кроме того, Она со старшими дочерьми прошла кратковременные курсы ухода за ранеными в Царскосельской общине и затем без усталости работала в госпиталях как простая хирургическая сестра.

Утро Государыня начинала с посещения одной из Царскосельских церквей (чаще Знаменья¹⁹), затем – в дворцовый госпиталь, где сейчас же приступала к операционной работе. Стоя за хирургом, Государыня подавала бинты и инструменты: перевязывала раны, уносила ампутированные части. «Наша работа в госпитале – Мое утешение, – писала Она. – А как много горя кругом! Слава Богу, что Мы имеем возможность, по крайней мере, некоторым облегчить страдания». Когда прибывали санитарные поезда,

Государыня и старшие дочери в форме сестер милосердия, ни на минуту не присаживаясь, делали перевязки, утешали, ободряли. Кроме того, у Государыни почти ежедневно были доклады секретаря графа Я. Н. Ростовцева²⁰ и срочные приемы. Наскоро позавтракав, почти всегда с запозданием, Она ехала посетить госпитали или в Петербурге — склады, мастерские, заседания. Она любила посещать больных, была врожденной сестрой милосердия. «Вижу, — говорит А. Вырубова, — как Она утешает и ободряет раненых, кладет руку на голову и молится с ними. Императрицу боготворили, ожидали Ее прихода, стараясь дотронуться до Ее серого санитарного платья; умирающие просили Ее посидеть возле кровати, и Она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами». Каждому раненому Она надевала иконку. Они встречали Ее как ангела. В то же время Она не забывала и бойцов на фронте, приготавливая, собирая и отправляя им подарки и теплые вещи. Эта лихорадочная деятельность несказанно утомляла Ее, но Она Себя не жалела.

В письмах Государыни находим: «Да, Бог помог Мне с Моим здоровьем, хотя временами смертельно устаю. Но Моя воля крепка... Временами Я чувствую, что больше не могу, и тогда накачиваюсь сердечными каплями».

Императрица была настоящей патриоткой и сильно переживала все, что делалось на театре военных действий. Она молилась горячо о даровании победы и верила, что в конце концов Россия победит. После большого отступления летом 1915 г. Государь, еще с начала войны желавший взять командование армиями в Свои руки, тут, несмотря на протесты части министров, решил ввиду тяжелого положения на фронте, это сделать. Решение это не было инспирировано Императрицей, но Она, несмотря на всю тяжесть для Нее разлуки, поддерживала Государя. И на фронте дела пошли лучше. Даже Алексеев свидетельствует о том, как Государь сумел в самое трудное время дать точные указания и поддержать дух растерявшегося начальника штаба. Переехав в Ставку, Государь хотел показать всем и то, что вопрос борьбы с внешним врагом Он ставит на первое место.

Но это удаление Государя из столицы вызвало то, что Государыне пришлось как-то вмешиваться в политику.

Она чувствовала, что в тылу творится что-то неладное. «Я только женщина, — пишет Государыня в ноябре 1916 г., — которая борется за Своего Господина и Ребенка». «Если бы Я только могла больше Тебе помочь, Я так усердно молюсь, чтобы Бог дал Мне мудрость и разумение, чтобы быть Тебе настоящей помощницей во всех отношениях».

Убийство Распутина, который еще раз наглядно при Ней вдохнул жизнь в умиравшую Ее подругу А. Вырубову, после железнодорожной катастрофы, и еще раз остановил кровь у Наследника, когда врачи этого не могли сделать, — произвело на Государыню ужасающее впечатление. Это было начало конца, как выразился один старый государственный муж перед своей кончиной.

А перед самой революцией, когда кругом было столько злобы, клеветы, когда пришлось пережить столько страданий, борьбы, — утешением («так восхитительно и такой отдых и теплота для души») явилась поездка в древний Новгород с его памятниками и святынями. Там, в Десятинном монастыре, 107-летняя старича благословила Государыню, поцеловала и сказала Ей: «А ты, красавица, — тяжелый крест — не страшись...» Будто предвидела ближайшее грядущее.

Оно надвинулось неожиданно, и для Государыни — очень тяжело. 23 февраля 1917 г. Государь отбыл в Ставку, оставив дома только что заболевшего корью Наследника. В Александровском царскосельском дворце с больными детьми осталась Государыня. Одинокая, перестрадавшая, но сильная духом, Она переживала у постели больного Сына часы невыразимой тревоги, один из самых тяжелых дней Своей жизни, ибо Ее душа разрывалась в горестных порывах между тремя Ее сокровищами, бывшими в большой беде, — Государем, Бэби и Россией.

Вспыхнули беспорядки в Петрограде, положение становилось критическим. Одна за другой заболели корью три Великие Княжны. Государыня все время была в детских комнатах. Но вот взбунтовался и царскосельский гарнизон; из Дворца были слышны выстрелы в городе. После 9 часов вечера 28 февраля Государыня с несколькими близкими людьми увидела из окна, что Дворец окружают верные части (Сводного полка, Конвоя, Гвардейского экипажа и др.); ограда парка приводится в

боевую готовность, а по телефону сообщают, что мятежники с пулеметами, грозя все разнести, толпами идут ко Дворцу. Ружейные выстрелы все приближались; кровопролитие казалось неизбежным. Втихомолку, накинув белый платок, в сопровождении Своей опоры в те дни, самоотверженной девушки, семнадцатилетней Великой Княжны Марии Николаевны, Государыня вышла к войскам, чтобы предотвратить кровопролитие. «Я иду к ним не как Государыня, а как простая сестра милосердия Моих Детей», — сказала Она. До 12 часов ночи, по холоду, Они обходили солдат, ободряли их словами и лаской, забывая, казалось, о страшной опасности. Государыня умоляла вступить в переговоры с мятежниками и сохранить спокойствие. Мужество и энергия Государыни победили: начались переговоры, возбуждение спало.

Третьи сутки Государыня была без вестей о Государе. «Мука Императрицы, — свидетельствует П. Жильяр, — в эти дни смертельной тревоги, когда, без известий от Государя, Она приходила в отчаяние у постели больного Ребенка, — превзошла все, что можно вообразить. Она дошла до крайнего предела сил человеческих: это было последнее испытание, из которого Она вынесла то изумительно светлое спокойствие, которое потом поддерживало Ее и всю Ее Семью до дня Их кончины».

Страшное горе у Государыни вызвало известие об отречении Государя. («Мама убивалась», — говорила Великая Княжна Мария Николаевна.) «Ты знаешь, — сказала Императрица одной из приближенных, — с отречением Государя все кончено для России, но мы не должны винить ни русский народ, ни солдат: они не виноваты».

8 марта генерал Корнилов объявил Государыне, что Она арестована (почему? за что? кем?).

А 9-го утром наконец-то смог приехать к Семье Государь. Узнав об этом, Государыня радостная выбежала Ему навстречу. «Как пятнадцатилетняя девочка (передает очевидица), быстро спустилась с лестницы, бежала по длинным коридорам». Когда затем Их Величества остались одни, Они рыдали. Все же теперь Они были вместе — сплоченная любовью Семья. «Это, — говорит П. Жильяр, — облегчало Их скорбь, и громадная любовь, которую Они

испытывали Друг к Другу, давала Им достаточно сил, чтобы перенести все страдания».

С самого начала Их более чем 15-месячного заключения начались издевательства, лишения, насилия, увеличившиеся под конец до ужасающих размеров.

Установленный с самого начала почти арестантский режим поручался часто грубым, глупым, распущенным и наглым людям. 8 апреля Керенский объявил Государю, что принужден разлучить Его с Государыней, что Он должен жить отдельно и видаться только за столом, с условием разговаривать только по-русски. Чай Они могут пить вместе, но в присутствии офицера.

По воспоминаниям П. Жильяра, «Государыня проводила почти все Свое время на кушетке в комнатах детей. Волнения и жгучая тревога физически истощили Ее, но с возвращением Государя Она почувствовала нравственное успокоение; Она жила очень сильной внутренней жизнью и мало разговаривала, уступая наконец той повелительной потребности отдыха, которая так давно ощущалась Ею. Она была счастлива, что не приходится больше бороться и что Она может всецело посвятить Себя тем, кого любила такой великой любовью».

Полон тяжелой грусти и горьких обид был вынужденный отъезд из Царского Села, с которым связано было столько воспоминаний. В Тобольске, в губернаторском доме, у Государыни была уютная комната гостиная, в которой Она по болезни, провела большую часть заточения и где все спасались в холодные дни. Не покидая обычно Своей комнаты до завтрака, Она утром преподавала детям Закон Божий или занималась рукоделием, живописью, чтением. Она для всех шила, штопала брюки Государю, чинила дочерям их дырявые рубашки. Обедала Государыня чаще всего у Себя с Наследником – из-за сердца Ей тяжело было спускаться в столовую. Когда Она оставалась одна в доме – играла на пианино и пела. «Вечера проводим со всеми вместе, в карты играем (одну-две партии с ген.-ад. Татищевым²¹), иногда Он (Государь) читает вслух, и Я вышиваю, – пишет Государыня. – Очень занята весь день заготовкой к Рождеству... Часто почти не сплю, тело Мне не мешает, сердце лучше, так как Я очень спокойно живу и без движений, была страшно худа... волосы тоже

быстро седеют. Дух у всех Семи бодр. Господь так близок, чувствуешь ЕГО поддержку...» «Мирно на душе, хотя страдаешь сильно, сильно за родину... ничего больше решительно не понимаешь – все с ума сошли».

Она читает много религиозных книг, подчеркивая тексты, делая много карандашных пометок. Под влиянием этой вдумчивой работы Ее религиозное чувство все просветляется, достигая необычайной высоты.

«Вера крепка, дух бодр; чувствую близость Бога», – пишет Она в феврале 1918 г.; и еще: «Крестный путь, а потом Христос воскрес! Что время? Ничего, жизнь суета, все готовимся в Царство Небесное. Тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может... Вся жизнь борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, попущенья – все к лучшему... Делают люди тебе зло. А ты принимай без ропота: Он и пошлет Ангела хранителя, утешителя Своего. Никогда мы не одни. Он Вездесущий – Всезнающий – Сама любовь... Школа великая. Господи, помоги тем, кто не вмещает любви». «Вот и Великий Пост! Очищаемся и всем прощение грехов, и да даст Он нам пропеть на Святую Русь “Христос воскрес!”».

24 декабря священник пришел служить всенощную на дом; все собрались в большой зале, где зажглась елка; были на ней, кроме прислуги, и солдаты охраны. После всенощной все получили в подарок какую-либо вещь (шапки, перчатки, шерстяные жилеты и пр.) Собственной работы Ее Величества и дочерей.

С начала марта Царскую Семью переводят на солдатский паек. «Их Величества, – говорит Жильяр, – несмотря на жгучую тревогу, сохраняют надежду, что среди верных им людей найдется несколько человек, которые попытаются Их освободить. Однако Государыня при этом говорила: “Я ни за что на свете не хочу покидать России”».

Всеми покинутые, Их Величества должны были пережить страшные дни 11-13 апреля. На долю Государыни выпала мучительная борьба, когда Государя принудительно увозили из Тобольска, и Государыня решила оставить больного Сына, безгранично любимого ребенка и следовать за Государем. Их Величествам предстояло опасное путешествие вместе с Великой Княжной Марией Никола-

евной, которую, как самую здоровую, Они решили взять с Собой. Приближался великий праздник Пасхи, столь чтимой Царской Семей. И вновь эта великая духом Семья проявила Свою изумительную стойкость и высоту. У Государыни градом катились слезы, свидетельствует Т. Боткина²², но когда Она вышла прощаться, то выражение Ее лица было доброе, действующее на всех ободряюще. Семья провела половину дня у постели больного Алексея Николаевича. Около 4 часов утра Их Величества выходят из комнаты Наследника. Государыня просит Жильяра остаться при Нем: Цесаревич горько плакал.

Светало, когда были поданы сибирские «кошевы»; появилось много вооруженных солдат. Государыня и Вел. Княжна Мария были в легких шубках, поэтому лейб-медик Боткин²³ предложил им свою доху. В первом возке солдаты, потом Государь, опять солдаты; за ними троечный крытый возок, в глубине которого виднелась фигура Государыни и красивое улыбающееся личико Великой Княжны. Дорога (285 верст) оказалась ужасной, а ехали с бешеной скоростью. Где вода покрывала мосты, узники шли пешком. От Тюмени поезд (Государыню отделили от Государя) метался в разных направлениях и, наконец, был задержан большевиками у Екатеринбургa. Государыня с Великой Княжной в сопровождении чекистов в автомобиле была вслед за Государем отвезена в дом Ипатьева; там Они были нагло обысканы.

Государыня в день приезда на косяке окна Своей комнаты нарисовала Свой индийский знак свастики и рядом «17/30 апр. 1918 г.». О первых днях пребывания в этом доме-тюрьме Государыня писала, что «Их поселили в двух комнатах; что тесно; гуляют только в маленьком садике; город пыльный». Государыня не ела приносимых из советской столовой обедов; верный матрос, лакей Великих Княжон И. Д. Седнев²⁴ готовил Ей макароны на спиртовке (он удивлялся, как могла жить Императрица, питаясь исключительно макаронами). Почти через месяц (10 мая) прибыли оставшиеся в Тобольске Наследник и Великие Княжны. Это была последняя радость этой изумительной Семьи после всего пережитого, среди шайки наглых, разнузданных людей, при полной неизвестности, в чужом, отрезанном от мира доме. Два месяца затем Они прожили среди издева-

тельств и непрерывных страданий. Бедной Государыне, как матери, с особенной болью пришлось переживать оскорбления и глумления, которым подвергались Великие Княжны как девушки. Постепенно даже озверелые охранники были поражены той силой истинно христианского смирения, тем проявлением простоты и кротости, с которыми вся Царская Семья переносила мучительное заключение. Государыня редко выходила на предоставленные узникам краткие прогулки; Она продолжала читать книги, главным образом, духовного содержания, вышивала, вязала. У них была общая молитва. Она часто с дочерьми пела духовные песнопения.

20 мая и 1 июля священник Сторожев²⁵ с диаконом²⁶ служили в доме, по просьбе Их Величеств, обедницу. Государыня сидела в кресле рядом с Наследником, бодро и твердо вставая каждый раз, когда это требовалось по ходу службы. «По чину обедницы, — вспоминал о. Сторожев, — положено прочесть молитву “Со святыми упокой”. Почему-то диакон запел эту молитву, стал петь и я, но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня Члены Семьи Романовых опустили на колени...»

После этого Государыню видели только уборщицы, мывшие полы в Ипатьевском доме 2 июля.

Настроение Семьи за последние дни было особенно тяжелым (уныния все же не было, ибо это была чистая Христианская Семья); всех томило предчувствие.

Несмыслимое позорнейшее преступление было совершено ночью 4/17 июля 1918 г. Его обстановка общеизвестна. После ошеломившего всю Царскую Семью заявления палача Юровского о предстоящем расстреле Государыня успела перекреститься. Она была убита почти одновременно с Государем. Бог послал Ей милость не слышать стонов Наследника и криков раненой Великой Княжны Анастасии.

«Временное правительство, — говорит следователь Н. Соколов, — арестовав Царя и Царицу, отобрало Их документы, перерыло архивы Дворцов, допросило множество лиц и, проделав все это, пришло к выводу: нет их вины. Истина есть истина». И все же затем заточение. Среди глумлений, издевательств, лишений и душевных страданий Государыня всей глубиной Своей веры, всем сиянием

нравственной чистоты и величия не только крепила и духовно возвышала нашу мученическую Царскую Семью, но была до последнего часа необоримой Опорой и единым верным Другом Государя. Недаром, по словам близких, Он говорил, что не перенес бы всех мук и искушений, если бы с Ним не было горячо любимой Императрицы.

«Последние земные дни Государыни, — как говорит большой русский писатель, — свидетельствуют о том, каким величием духа было озарено Ее уже немощное тело».

Какая жизнь!.. и сколько страданий! И в них какая Она всегда женственная и вместе с тем мужественная! Сколько Ею лично принесено жертв! Но принесены они недаром: придет время, и не только наша страна, но и человечество преклонится пред Ее несокрушимой нравственной силой, перед изумительным величием духа Матери и Императрицы.

Разсветный

ПРИЕЗД В РОССИЮ ПРИНЦЕССЫ АЛИСЫ ГЕССЕН-ДАРМШТАДТСКОЙ

(Со слов очевидца, полковника 51-го Литовского полка
А. Я. Буяченко)

В марте 1939 г. в Государственном управлении финансов в Сараеве мне пришлось посетить полковника Александра Яковлевича Буяченко, чиновника названного управления. А. Я. Буяченко состоит также председателем Сараевского союза русских инвалидов и в этом свойстве заведует принадлежащей Союзу русской библиотекой. Я зашел к нему в управление, чтобы предложить ему приобрести для библиотеки только что вышедшую в Белграде книгу Савченко²⁷ «Государыня Императрица Александра Феодоровна». Председатель Общества памяти Государя Императора Николая II в Белграде генерал В. Е. Флуг²⁸ просил меня распространить эту книгу среди моих знакомых в Сараеве. В связи с этой книгой полковник А. Я. Буяченко рассказал мне, как ему довелось с 1894 г. участвовать в Симферополе во встрече приехавшей тогда в Россию Принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской, ставшей в скором времени Супругой Государя Императора Николая II и Русской Императрицей. Находя рассказ А. Я. Буяченко чрезвычайно интересным, я уговаривал его изложить письменно свой рассказ и послать его Обществу памяти Государя Императора Николая II, но полковник отговорился недостатком времени, ввиду чего я решил это сделать за него.

В 1894 г. полковник Александр Яковлевич Буяченко был учеником 3 класса Симферопольского реального училища.

10-го октября этого года в Симферополе ожидался приезд Принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской, Августейшей Невесты Наследника Русского Престола Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича.

В это время Царский Двор находился в Крыму, в Ливадии, где лежал тяжело больной Император Александр III.

Сюда и направлялась будущая Русская Царица через Симферополь, откуда Она должна была ехать в Ливадию лошадьми по шоссе длиною в 90 верст, проезжая Алушту и Ялту.

В Симферопольском реальном училище учащимся было приказано явиться утром 10-го октября к вокзалу, чтобы совместно с местными властями, гарнизоном, гражданством и другими учебными заведениями принять участие во встрече Принцессы Алисы. Реалистам приказано было также заготовиться для встречи цветами. Из военных частей во встрече принимал участие 51-й пехотный Литовский полк, в котором впоследствии А. Я. Буяченко довелось служить офицером. От Литовского полка на вокзале был выстроен почетный караул.

По прибытии поезда приехавшей Принцессе Алисе была подана обычная почтовая тройка лошадей, какие тогда обращались для пассажирского и почтового сообщения между Симферополем и Южным берегом Крыма. Собственником означенного сообщения был некто Иоффе, еврей, получивший за перевоз Принцессы Алисы чин коммерции советника. (Этот Иоффе как будто приходился родным братом тому Иоффе, который много лет спустя сыграл видную роль в большевицкой революции в 1917 г. и был советским посланником в Японии²⁹). Принцесса Алиса была восторженно встречена присутствовавшими, экипаж Ее и путь, по которому он следовал в город, были засыпаны цветами. А. Я. Буяченко сумел свои цветы бросить прямо в коляску Принцессы Алисы. Эскорт от Крымского конного дивизиона сопровождал до Ливадии экипаж, в котором Принцесса Алиса ехала в сопровождении супруги Таврического губернатора Лазарева. Через 10 дней (20 октября) по приезде принцессы Алисы в Ливадию скончался Император Александр III, и вскоре Она, вступив в брак с Императором Николаем II, сделалась Русской Императрицей Александрой Феодоровной.

51-й пехотный Литовский полк, от которого, как сказано было выше, при встрече в Симферополе Принцессы Алисы был выставлен на вокзале почетный караул, был таким образом первым русским полком, отдавшим честь своей будущей Государыне Императрице, что Она и не забыла. Ровно через год в Симферополь из Петербурга прибыл от Государыни посол и привез Литовскому полку в

подарок от Нее Собственноручной Ее работы воздуха на Св. Дары, в память встречи Ее в Симферополе. С своей стороны Литовский полк ежегодно праздновал знаменательный день встречи Государыни Императрицы. Каждое 10-е октября в полку служился молебен и посылалась на имя Государыни патриотическая телеграмма, на которую получался совместный милостивый ответ от Государыни и Государя.

В 1904 г., в самый день рождения Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, 30-го июня, в Литовском полку была получена Высочайшая телеграмма, что Высокий Новорожденный зачисляется в списки полка, а полк впредь имеет именоваться 51-м пехотным Литовским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича полком. Впоследствии, когда Царская Семья, с постройкой нового Дворца в Ливадии, начала проводить летнее время там, Литовский полк нес наружную охрану Ливадии. По желанию Государя, каждое воскресенье от полка приглашались по 3 офицера к Высочайшему завтраку и, таким образом, Царская Семья в скором времени ознакомилась со всеми офицерами полка и Государь знал какую должность каждый офицер несет в полку.

По достижении Великой Княжной Ольгой Николаевной 16 лет молодые офицеры полка стали приглашаться к Высочайшему обеду, после которого участвовали в танцах с Великими Княжнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией. С течением времени к Высочайшему столу стали приглашаться и молодые дамы полка.

И в течении всего остального времени Государыня Александра Феодоровна не оставляла Своим милостивым вниманием 51-й Литовский полк. Во время Великой войны 1914-1917 гг., когда полк прошел Львов, его нагнал курьер Государыни Александры Феодоровны, который привез полку складень-икону Покрова Пресвятой Богородицы в благословение от Государыни с Собственноручной Ее запиской следующего содержания: «Благословляю дорогих Литовцев. Александра». На фронте полк постоянно получал от Государыни подарки.

В 1911 году А. Я. Буяченко, уже много лет бывший офицером 51-го Литовского полка, на пароходе из Ялты в

Севастополь встретил своего знакомого полковника Садикова. Садиков тоже был симферопольцем и в 1894 г., будучи гимназистом 7-го класса Симферопольской гимназии, принимал со своей гимназией так же, как и Буяченко, участие во встрече в Симферополе Принцессы Алисы. Садиков тогда не ограничился одной встречей в составе своей гимназии, но на велосипеде сопровождал экипаж Принцессы Алисы до шоссеиной станции Мамут-Султан. Сейчас Садиков служит в 4-й Стрелковой бригаде Одесского гарнизона. При встрече на пароходе с А. Я. Буяченко, Садиков ему сообщил, что он только что был в Ливадии на Высочайшем празднике Георгиевских кавалеров и что после Высочайшего завтрака он удостоился беседовать с Государыней Императрицей Александрой Феодоровной. Во время этой беседы Садиков напомнил Императрице, что он тот самый гимназист, который на велосипеде сопровождал Ее экипаж в 1894 г., когда Она приехала в Симферополь, до станции Мамут-Султан. Государыня ответила, что Она этот случай отлично помнит и также помнит, что этому гимназисту за его внимание Она на упомянутой станции, при остановке экипажа, подарила яблоко*.

А. МАЛИНОВСКИЙ

Сараево.

---

* Была и еще одна встреча Садикова с Государыней. В письме Императору от 23 ноября 1914 г. Царица делилась Своими впечатлениями от посещения «небольшого офицерского лазарета» в Вильне: «Здесь один офицер сказал Ане [Вырубовой], что видел Меня 20 лет тому назад в Симферополе, что он на велосипеде следовал за нашей коляской и что Я протянула ему яблоко (Я отлично припоминаю этот эпизод). – Как жаль, что он Мне этого не сказал! – Я хорошо помню его юное лицо, каким оно было 20 лет тому назад, поэтому не узнала его теперь». – С. Ф.

Веруем со всем народом Нашим, что душа возлюбленного Родителя Нашего в селениях Небесных благословила избранную по сердцу Его и Нашему разделить с Нами верующей и любящей душой непрестанные заботы о благе и преуспеянии Нашего Отечества.

Из Манифеста 1894 г. о бракосочетании Государя Императора.

КОРОНАЦИЯ

К торжественному дню предстоящей Коронации Государя в Москву прибыли многочисленные чрезвычайные иностранные посольства.

Во главе этих посольств находились: одна королева, три великих герцога, два владетельных князя, двенадцать наследных принцев, шестнадцать принцев и принцесс*.

9-го мая совершился торжественный Царский въезд из Петровского дворца в Москву. Во главе этого исторического Государева въезда в древнюю столицу Российского Государства следовал в конном строю и в полной парадной форме Собственный Его Величества Конвой. При подходе сотен Конвоя к Иверским воротам, Московский митрополит, высоко подняв Святой Крест, благословил их, как первых вестников Царского пути.

Подойдя к колокольне Ивана Великого, Конвой остановился и, развернув фронт, воински приветствовал торжественное шествие Императорских золотых карет.

---

* Королева Эллинов Ольга Константиновна; принц Генрих Прусский – брат Вильгельма II; герцог Коннаутский – сын Английской королевы; итальянский наследный принц Виктор Эммануил; князь Фердинанд Болгарский; князь Николай Черногорский; наследный принц Греческий Константин; наследный принц Румынский Фердинанд; Германские великие герцоги и принцы и чрезвычайная китайская делегация (Новое время. 1896 г.).

Государь Император Николай II Александрович, следуя верхом на светло-сером коне, находился в центре всей процессии во главе представителей всего Русского Царства и блестящей Свиты, состоящей из Великих Князей, иностранных принцев, русских и иностранных генералов.

По всему пути следования Их Величеств шпалерами стояли войска, а за ними масса народа, могучим «ура» приветствовавшая Царскую Семью. Во всех московских церквях раздавался колокольный звон.

При приближении Государя Императора это приветствие на мгновение как бы замирало, а затем, подхваченное войсками и одушевленным народом, несло и ширилось по всей Матушке-Москве.

Прекрасная погода гармонировала с красотой всего Царского кортежа. Яркое солнце сверкало на серебряных галунах и оружии конвойцев, на золоте Императорских карет, на касках и кирасах храбрых белокурых кавалергардов и брюнетов конногвардейцев.

По окончании Своего въезда в Москву, Государь, поклонившись гробницам Своих предков, вступил в Кремлевские Дворцовые покои.

Отъезд золотых карет, как Императорских Регалий, сопровождали обратно к Петровскому дворцу казаки Конвоя, по 4 всадника у каждой кареты.

С прибытием в Кремлевский Дворец Высочайшего Двора, Императорский Конвой занял посты в парадных апартаментах Государыни Императрицы Марии Феодоровны:

- 1 – парадный пост у Знаменной комнаты;
- 2 – при входе в столовую Ее Величества;
- 3 – у приемной комнаты Государыни Императрицы и
- 4 – при «подъемной машине».

Кроме того, в покоях Государя Императора – пост парных часовых у Собственного подъезда.

В дни Высочайшего посещения Нескучного Дворца, от Конвоя туда наряжался дежурный офицер и 42 конвойца, из коих 20 конных для разъездов вокруг Дворца, остальные пешие для внутреннего караула. В особых случаях высылались конная сотня в личное распоряжение коменданта Императорских Дворцов, генерал-адъютанта Гессе³⁰.

В то время как со всего мира прибывали в Москву представители иностранных государств, и сама древняя столи-

ца Российского государства украшалась национальными флагами и красочно иллюминировалась, в Императорском Дворце была другая жизнь.

Готовясь к великому празднику Своего торжественного венчания на Царство, Государь Император ежедневно присутствовал на богослужениях в Дворцовой церкви, продолжая говение вплоть до священного Коронования, о котором по древнему обычаю великих государственных торжеств, народ извещался через глашатаев и герольдов, одетых в старинные золотые костюмы и большие круглые шляпы с перьями.

Одним из важных моментов Священной Коронации Их Императорских Величеств было прибытие Государя Императора и Государынь Императриц в Тронный зал Оружейной Палаты, где было установлено Государственное Знамя.

В Тронном зале, после положенной молитвы придворного духовенства, протопресвитер, окропив святой водою Государственное Знамя и всю Царскую Семью, обратился к Государю Императору:

Благочестивейший Государь наш! Божественному Промыслу благоугодно, законом Престолонаследия, вручить Тебе, Самодержавному Вождю народов Всероссийского Царства, сие священное Знамя его единства и могущества. Да объединит оно, молимся Отцу Небесному, всех Твоих подданных в безаветной преданности Престолу и Отечеству, и в самоотверженном исполнении каждым своего патриотического долга. Страшное врагам России, да будет оно Тебе в знамение помощи от Господа Бога, чтобы во славу Его Пресвятаго Имени, путем Православной веры, добра и правды, мужественно, не взирая ни на какие преграды, вести народ свой к благоденствию, величию и славе.

Да разумеют языцы, яко с нами Бог!*

В дни пребывания в Москве Августейшей Семьи особенной торжественностью отличался день Священного Коронования Их Величеств – 14-е мая 1896 года. [...]

В Успенском соборе, в котором венчались на Царство все Государи из Дома Романовых, были отведены места для приглашенных почетных гостей и приготовлено особое место для Государя Императора Николая II Александровича и Государынь Императриц Александры Феодоров-

---

* Коронационный альбом.

ны и Марии Феодоровны, против алтаря на возвышении, к которому вела большая широкая лестница.

Великие Князья, Великие Княгини и иностранные принцы заняли места в соборе на боковых площадках.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, в бриллиантовой короне, золотой порфире и в бриллиантовой Андреевской цепи, встреченная на паперти духовенством, вступила в собор прежде Государя. Она заняла Свое место на Престоле, по сторонам которого стали чины Двора, поддерживавшие порфиру и несшие шлейф Императрицы.

Затем вошли в собор Государь Император и Государыня Императрица Александра Феодоровна. Государь был в парадном мундире Л.-Гв. Преображенского Его Величества полка. Государыня – в парчовом серебряном платье. Четыре камергера несли шлейф Ее порфиры. У плеч порфиру и конец шлейфа Ее поддерживали вторые чины Императорского Двора.

На паперти Успенского собора Государя и Государыню встретило духовенство, и Московский митрополит Сергей, благословив Их Величества, произнес:

Благочестивый Государь!

Настоящее Твое шествие, соединенное с необыкновенным великолепием, имеет цель необычайной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на Себя Царский Венец и воспринять Священное Мвропомазание. Твой прародительский Венец принадлежит Тебе Единому, как Царю Единодержавному, но мвропомазания сподобляются все православные христиане, и оно не повторяемо. Если же предлежит Тебе воспринять новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что, как нет выше, так нет и труднее на земле Царской власти, нет бремени тяжелее Царского служения. Чрез помазание видимое да подастся Тебе невидимая сила, Свыше действующая, к возвышению Твоих Царских доблестей, озаряющая Твою самодержавную деятельность ко благу и счастью Твоих верных подданных.

В соборе Государь и Государыня заняли места на Троне под балдахином напротив алтаря. Митрополит С.-Петербургский Палладий, взойдя на верхнюю площадку Трона, предложил Государю прочесть Символ Веры. Его Величество ясным громким голосом произнес Символ Православной Веры.

Затем последовал чин Коронации. Государь Император Сам, как Самодержец Всероссийский, возложил на

Себя Царскую Корону и, после того, короновал Государыню Императрицу, ставшую перед Ним на колени.

Взяв в Свои руки Державу и Скипетр*, Государь Император Николай II Александрович стал на колени и произнес Свою Коронационную молитву:

Господи Боже отцев и Царю царствующих, сотворивый вся словом Твоим и премудростью Твоею устроивый человека, да управляет мир в преподобии и правде!

Ты избрал Мя еси Царя и Судию людям Твоим. Исповедую неизследимое Твое о Мне смотрение и, благодаря, Величеству Твоему поклоняюся, Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя в деле, на неже послал Мя еси, вразуми и управи Мя в великом служении сем. Да будет со Мною приседающая Престолу Твоему премудрость. Посли ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоими, и что есть право по заповедям Твоим.

Буди сердце Мое в Руку Твою, еже вся устроити к пользе врученных Мне людей и к славе Твоей, яко да Я в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово: милостью и щедротами Единородного Сына Твоего, с Ним же благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, во веки, аминь.

Государь громко и внятно прочел слова этой исключительной по силе духовной и значению Царской молитвы, моля Всевышнего — Царя Небесного, о даровании Ему — Царю земному, силы для великого служения Родине и Своему народу.

Окончив Свое молитвенное воззвание к милости и покровительству Вседержителя, Государь встал, и тотчас же все присутствовавшие в соборе преклонили колени. Только один Государь Император Всероссийский в полном величии, в короне и порфире стоял у Своего Престола.

Митрополит Палладий, стоя на коленях, прочел от лица всего русского народа молитву за Царя:

Умудри убо и поставь проходить великое к Тебе служение, даруй Ему разум и премудрость, во еже судити людям Твоим

---

* К дню Коронации торжественно были перенесены Царские Регалии из Оружейной Палаты в Кремлевский Дворец. Высшие чины Двора Его Величества несли Императорские Короны, Скипетр и Державу на бархатных, с золотыми кистями, подушках. При Императорских Регалиях следовали конвойцы, дворцовые grenадеры и герольды.

во правду, и Твое достоинство в тишине и без печали сохранить, покажи Его врагам Победительна, злодеям Страшна, добрым Милостива и Благонадежна, согрей Его сердце к призрению нищих, к приятию странных, к заступлению напаствуемых. Подчиненное Ему правительство управляя на путь истины и правды, и от лицеприятия и мздоприимства отражая, и вся от Тебе державы Его врученные люди в нелицемерной содержи верности, сотвори Его отца о чадах веселящагося, и удививши милости Твоя от нас. Не отврати лица Твоего от нас и не посрами нас от чаяния нашего.

После этой молитвы митрополит С.-Петербургский с амвона обратился к Государю со следующими словами:

Благочестивейший Богом венчанный и превознесенный, Великий Государь Император! Вседержитель Господь, Царь царствующих, властью и силою Котораго цари царствуют, возложил на главу Твоей венец от камени чести (Пс. 20, 4), священною славою и велелепием благоволил венчать Величество Твое на Прародительском и Родительском Престоле. Прииде бо Твой Свет и слава Господня на Тебе возсия! (Ис. 60, 1). Силою Господа возвеселися (Пс. 20, 1), Боговенчанный Царь, и о милости и щедротах Его да возрадуется сердце Твое! Вместе с Тобою и о Тебе и весь многомиллионный верный народ Твой, вся Царелюбивая Россия радуется ныне радостью великою и светло празднует день сей, его же сотвори Господь, вознося горячие молитвы о Тебе и выражая от полноты сердец своих всепреданнейшия приветствия и благожелания.

Святая Церковь Православная видит в лице Твоем Царя по сердцу Божию, Богом просвещеннаго ревнителя веры и благочестия, Высокаго своего Покровителя и Защитника, преемственного исполнителя древняго о ней проречения: «и будут царие кормители твои» (Ис. 49, 23), а Отечество зрит в Тебе, избранник Божий, богомудраго Зиждителя народного благоденствия, праведнаго Судию и благопочтительнаго Отца своего.

При глубочайшем священном пред Величеством Твоим благоговении, соединенном с чувствами безпредельной любви и преданности, при благоговейном воззрении на Твое Царское величие и Высочайшее священнейшее пред Богом служение, Твой Царский Венец светит нам светом благословений небесных и земных, и настоящее всерадостное торжество Церкви и Отечества, — уповаем, — не ныне только светло, но и грядущие Твои лета озарит для нас светлыми благими надеждами.

К Царскому Своему венчанию Ты благоволил приобщить Супругу Твою, Благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну. В Царском венце Ея самый драгоценный камень есть Ея христианская любовь; попечениями этой чистой любви и общением с Твоею молитвою веры в Бога, Она да облегчит Тебе несение великаго многотруднаго Царскаго подвига.

Да возрадуется о Тебе радостью святою и Твоя Августейшая Мать, Благочестивейшая Государыня Императрица Мария Феодоровна и соединит теплую материнскую молитву с молитвами Церкви и Отечества о Твоем дражайшем здравии, благоденствии и спасении.

Радуйся, Россия, радостью велиею!

Божие благословение возсияло над Тобою в священной славе Боговенчаннаго Царя Твоего.

Ты же, Царь Православный, Богом Венчанный, уповай на Господа, да утвердится в Нем сердце Твое: верою и благочестием и цари сильны и царства непоколебимы!

Прекрасный и могучий хор придворной капеллы, при звоне с колокольни Ивана Великого, исполнил радостный и торжественный гимн:

«Тебе, Бога, хвалим».

Этим закончился чин Священного Коронования Государя Императора Николая II Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

После чина Коронования началась Божественная литургия. Государь Св. Литургию прослушал стоя. Во время этой Литургии над Государем было совершено таинство мвропомазания, перед совершением которого Государь подошел к Царским вратам алтаря, и один из присутствующих в сонме священнослужителей архиереев обратился к Нему:

Благочестивейший Великий Государь наш Император и Самодержец Всероссийский! Вашего Императорскаго Величества мвропомазания и Святых Божественных Таин приобщения приближается время: того ради да благоволит Ваше Императорское Величество шествовать ся Великия Соборныя Церкви к Царским вратам*.

---

* При совершении мвропомазания, мвром помазывается также и грудь. Для этого на мундире Государя Императора было сделано отверстие, которое закрывалось особым клапаном.

Когда муропомазание было совершено, колокольный звон Кремлевских церквей и салют из 101 артиллерийского выстрела возвестили всему русскому народу, что таинство совершилось.

Митрополит Палладий ввел Государя в алтарь через Царские врата, и там Он приобщился Святых Таин по «Царскому Чину».

По окончании службы Божьей в Успенском соборе, Государь Император и Государыня Императрица направились в Архангельский и Благовещенский соборы, проход к которым был охраняем шпалерами Императорского Конвоя. Их Величества шествовали под золотым балдахином со страусовыми перьями. Коронационный балдахин несли генерал-адъютанты*.

После прикладывания к мощам в Архангельском и Благовещенском соборах, торжественное шествие Высочайших Особ направилось к Красному Крыльцу по мосткам, покрытым алым ковром.

Вдоль мостков стояли шпалеры от гвардейских частей.

Поднявшись на Красное Крыльцо, Государь и Государыня, увенчанные Коронами, глубокими поклонами приветствовали массу народа, заполнившую всю площадь между соборами и Красным Крыльцом.

Их Величества поклонились три раза: прямо перед Собором, направо и налево. На этот Царский привет Своему народу, вся Москва отозвалась громовым, восторженным «ура» и несмолкаемым национальным гимном.

Чин Священного Коронования Ее Величества в Коронационном церемониале указан следующими словами:

«Его Величество, приняв в правую руку Скипетр, а в левую Державу, восседет на Престол и вскоре затем, положив обе Регалии на подушки, поданные несшими их сановниками, изволит призвать к Себе Государыню Императрицу Александру Феодоровну.

Ее Величество, подойдя к Государю Императору, станет перед Своим Августейшим Супругом на колени на малиновую бархатную подушку, положенную одним из со-

---

* Коронационный балдахин, Троны, на которых Государь и Государыня короновались и Государев мундир были помещены в Оружейную Палату, на хранение.

проводивших Ее Величество Ассистентов – Великий Князь Сергей Александрович и Великий Князь Павел Александрович, а Монарх, сняв с Себя Корону, прикасается ею к Главе Императрицы и снова на Себя возложит. Затем поднесена будет Государю Императору малая Корона*.

Его Величество возложит ее на Главу Государыни, а четыре статс-дамы оную оправят.

Засим поднесется Его Величеству, для возложения на Государыню порфира и цепь Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного; те же четыре статс-дамы Регалии сии оправят. Тогда Государыня Императрица Александра Феодоровна изволит встать и возвратиться к Своему Престолу (справа от Государя Императора).

Возглашается многолетие; пение сопровождается звоном во все колокола и 101 пушечным выстрелом.

После муропомазания Государя Императора, митрополит помажет Святым Муром только на челе Ее Величества, произнося: “Печать дара Духа Святаго”».

К последующему затем Высочайшему завтраку в Грановитой Палате были приглашены высокие иностранные гости, высшие государственные чины и дипломатический корпус**.

Вечером весь Кремль и город были иллюминированы. С началом иллюминации от Конвоя были высланы разъезды вокруг всего Кремля. (Разъезды несли службу до 2-х часов ночи.)

22-го мая Государь Император и Государыня Императрица, в сопровождении командира, одного офицера, вахмистра-ординарца, одного урядника и 3-х казаков Своего Конвоя, посетили Сергиевскую Лавру. В этот же день, с соизволения Государя, иностранным высоким гостям была показана джигитовка Конвоя. С исключительным вниманием и восхищением следили за джигитовкой конвойцев приглашенные гости, а в особенности представители их военных миссий.

---

* Корона унизана 2000 бриллиантами.

** «Новое время». 1896. Май; Коронационный альбом; *Князь Гавриил Константинович*. В Мраморном дворце. С. 33; *Савченко П.* Государыня Императрица Александра Феодоровна. С. 31.

Коронационные торжества закончились 26-го мая Высочайшим смотром войск, после которого церемониальный марш был открыт Собственным Его Величества Конвоем. На правом фланге Конвоя находились генерал-адъютант Рихтер и граф Олсуфьев.

После смотра Царская Семья отбыла из Москвы. Государь Император и Государыня Императрица выехали в Ильинское, имение Великого Князя Сергея Александровича, а Государыня Императрица Мария Феодоровна – в Гатчину. [...]

22-го июня Государь и Государыня из имения Великого Князя Сергея Александровича прибыли в Петербург.

Полковник Н. ГАЛУШКИН

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЦАРИЦЫ-МУЧЕНИЦЫ

21 мая, в день Вознесения, уланы Ее Величества, справляя свой полковой праздник, торжественно поминают своего Шефа, убиенную Государыню Императрицу Александру Феодоровну, принявшую шефство в день Своего бракосочетания с покойным Государем.

Состоявший при Ставке английский генерал Вильямс, в своих мемуарах³¹, тепло вспоминая покойного Государя, посвятил эти мемуары «памяти наиболее оклеветанного Монарха». Но если был оклеветан Царь, то еще больше была оклеветана Его Венценосная Супруга. Клевета, порожденная в революционном центре, ползла и ширилась, захватывая и улицу и великосветские солонны и докатываясь до окопов, повсюду вносила яд сомненья и недоверия. Апофеозом ее было известное гнусное выступление Милюкова с трибуны Государственной думы.

Дурман клеветы сделал свое дело, расчистив победоносный путь «великой безкровной», обратив великую, сильную страну в страну рабов и залив ее морями крови. И в первую голову пролилась кровь Державного Хозяина Земли Русской, Его Венценосной Супруги и невинных Детей. Кровь эта до сих пор вопиет к небу и тяжелыми, нечеловеческими муками искупает русский народ ужасный грех царубийства.

Большевики, стремясь еще более очернить память своей Жертвы, поспешили напечатать интимную переписку покойной Царицы с Своим Державным Супругом. Но всеисцеляющее время выветрило яд гнусной клеветы и переписка эта выявляет нам ныне только образ кристально чистой, глубоко религиозной Женщины, всю Свою жизнь и помыслы посвятившей Своему Супругу, Детям и Своей второй Родине. Как всякий человек, Она могла ошибаться, но все Ее мысли всегда были продиктованы желанием

блага Своему Супругу и России. Ведь именно Она первая предупреждала Его об «обмане, трусости и измене», свившей себе гнездо в Ставке и окружавшей Монарха. Разве не Она же первая расшифровала предательскую работу пресловутых земгусаров, под фальшивой филантропической маской разлагавших фронт и его боеспособность своей ложью и революционной пропагандой. Искренней любовью к России и желанием ей блага веет от этой переписки. Глубоким христианским смирением и истинным духом Православия проникнуты Ее письма, посланные из Сибирской ссылки.

Да, покойная Царица душою была более русской, чем клеветавшие на Нее, к сожалению, чисто русские люди, вроде Милюкова, Челнокова, Гучкова и К^о.

И невольно вспоминаются Ее слова, сказанные одному из приближенных после ареста Царской Семьи в Александровском дворце:

«Вы говорите, что Нам позволят покинуть Россию и уехать за границу, но ведь у Меня нет другой Родины, кроме России, и Дети Мои русские и всё русское, и даже этот снег, который Вы видите из этого окна, Мне также близок и дорог, как и Вам. Если Мне скоро суждено умереть, то Я хочу умереть в России».

Покойную Царицу утомляли и тяготили пышные приемы и многим со стороны Она тогда казалась холодной и недоступной. Но те, которые ближе с Ней соприкасались, и особенно раненые, имевшие счастье попасть в Ее лазареты, никогда не могут забыть Ее доброты и сердечности. Она знала каждого офицера и сверхсрочного улана Своего полка, всегда следила за их судьбой и помогала в нужде и несчастье.

Сколько тысяч раненых и больных было перевезено в Ее поездах и лечилось в Ее лазаретах и Сама Царица не только лично управляла этим сложным и огромным делом, но постоянно Сама посещала лазареты, присутствуя при тяжелых операциях и зачастую работая вместе с Дочерьми, как простая сестра милосердия. Широко помогала во время войны Государыня и братской Сербии, куда из Ее складов³² отправлялись большие запасы медикаментов и вещей, и еще несколько лет тому назад на запасных путях станции Ниш можно было видеть вагоны поезда Ее Имени³³.

Но истинное величие души покойной Царицы сказалось в дни ниспосланных Ей и Ее Семье величайших испытаний. С какой нечеловеческой кротостью, смирением и истинно Царским достоинством переносила Она Свою ссылку в Сибири и перед этим достоинством смирялись и терялись не только явившиеся во Дворец для Ее ареста Корнилов и Гучков, но и приставленные к Царской Семье преступные палачи-чекисты.

Волею Провидения покойной Царице был приуготован венец мученический и даже прах Ее до сих пор не нашел места вечного упокоения.

Но мы верим, что с воскресением и возрождением России Ее Светлая память будет очищена от революционных легенд и русский народ, сам очищенный через горнило страданий, с благоговением вспомнит – Царицу-Страдалицу, до последнего Своего вздоха так любившую Россию – отдавшую за нее Свою чистую душу.

Старый Улан

Государыня Александра Феодоровна – А. А. Вырубовой
8 декабря 1917 г. и 13 марта 1918 г.

«Привет Моим дорогим уланам и отцу Иоанну³⁴, всегда о них всех молюсь».

«Много хочу Моему улану Яковлеву³⁵ передать через о. Иоанна – благослови его Господь за все».

г. Тобольск.

ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА

*Жила любовью просто, молитвенно и скромно, –
Я перед целым миром сказать не побоюсь, –
Царица Александра, архангелам подобна,
Что для времен последних вымаливают Русь.*

*Приняв оковы кротко, на Бога уповала.
По подвигу подобной Тебе на свете нет.
Любимица Христова, за Русь Святую пала,
Пречистой упование и Серафимов свет.*

*Мятежся, пропадая, народ слепой и пленный,
Возлюбленный Тобою, потопленный в слезах.
Царица Александра, среди цариц Вселенной,
Как Матери России нет равной в небесах.*

*Звучит не умолкая Твое святое Имя,
Томится дух изнывший, изнемогает плоть.
Царица Александра, молитвами Твоими
Распятую Россию помилует Господь.*

*Взойдет в сердцах народных любовь Твоя сторицей
Духовною пшеницей, молитвенно горя.
Царица Александра – Великая Царица,
Любимая Царица Священного Царя.*

2001.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ РОССИИ

Один из наших современников удостоился видеть знаменательное видение. Он видел во сне покойную Императрицу Александру Феодоровну, Которая находилась на каком-то возвышении и грустными глазами смотрела на стоявшую внизу унылую серую толпу. Недалеко от Императрицы под какие-то таинственные музыкальные звуки в ослепительных белых одеждах веселился и плясал Ее Сын Наследник Алексей Николаевич.

Сновидец понял, что это в чувственных образах приоткрылась небесная дверь, и счел себя обязанным поведать об этом русскому обществу.

Очевидно, что невинный Отрок, когда-то надежда Русского Царства, в том вечном Царстве принадлежит к избранным от людей первенцам, о которых сказано в Откровении: «...И услышал голос – как бы гуслистов, играющих на гусях своих... они поют как бы новую песнь перед Престолом... и никто не мог научиться сей песни кроме сих искупленных от земли и (они) следуют за Агнцем, куда бы Он не пошел»... А в непосредственной близости от Него, видя Его светлые одежды и слыша Его песнь, находится Его Мать – наша Русская Императрица, но в душе Ее, и туда переносящей содержание тех настроений, которыми Она живет на земле, – есть какая-то печаль. Печаль о Своих людях, о стране, которую Она так горячо любила и за которую положила Свою душу, печаль о том, что Она до сего времени остается непонятой той страной, которой Она так преданно, так беззаветно служила.

Личность Императора Николая II и Его Царственных Дочерей в достаточной мере поняты нашими современниками и Их образы уже сияют в наших сердцах лучезарной славой. Но вот Императрица и Ее любовь к Наследнику... Если вся клевета, которая окружила Ее светлое имя, совершенно теперь рассеяна, то все же по отношению к Ней су-

существует какое-то недружелюбие. В лучшем случае Ее считают истеричкой и только. Между тем все 23-летнее Царствование Императора Николая II, вся трагедия России и пути ее восстановления не могут быть поняты, если мы не поймем жизни и образа действий последней Русской Императрицы.

Императрица Александра Феодоровна принадлежала к очень скромному владетельному Гессенскому дому и, горячо полюбив Наследника Русского Престола, Она долго колебалась в выходе за Него замуж, так как для этого необходимо было переменить религию. Она решилась на этот шаг лишь после того, как убедилась всем Своим сердцем, что Православие есть единая истинная религия. Она горячо поверила в идею Православного Самодержавия, и решила быть Ангелом Хранителем Русского Самодержца, «Своего Господина» и восполнить Его тем, чего Ему не доставало, дав Ему, прежде всего, Свою твердую несокрушимую волю.

К Царствованию Императора Николая II Русского Самодержавия в его чистом православном виде, строго говоря, давно уже не существовало. Последним православным Русским Самодержцем был Царь Алексей Михайлович [...] К началу Царствования Императора Николая II все конституционные вожеления расцвели пышным цветом и на их пути стала юная Императрица несокрушимой скалой. Вот почему Она сразу же не встретила симпатий в развращенном столичном русском обществе.

Восстановить строй жизни, уже утраченный сознанием руководящего общества, не под силу одному человеку, как бы могуч он не был. Тем более такое дело не под силу женщине, прибывшей из чужой страны. Она должна была действовать Своим чутьем, но если Император Николай Александрович имел черты Царя Алексея Михайловича и в то же время проявлял несокрушимую волю в отстаивании Престола и спас Россию от первой революции, — то это было мощное влияние Императрицы, Которая исповеднически шла наперекор всем стихиям. И такие блестящие государственные деятели, как Витте и Столыпин, и ученые, и общество, и даже столичное влиятельное духовенство — всё тянуло Россию к конституции, т. е. к гибели, а Императрица должна была быть несокрушимой скалой.

«Я так молю Бога сделать Меня Твоим ангелом хранителем и помощницей во всем», — пишет Она Императору. «Без Самодержавия Россия не может существовать», — говорит Она в другом месте. «Позволь Мне помочь Тебе, Мое сокровище... будь решительнее и увереннее в Себе. О, если бы Ты мог быть строгим, Мой дорогой. Они должны слышать Твой голос и видеть неудовольствие в Твоих глазах. Они должны научиться дрожать перед Тобой. Ах, дорогой Мой, когда, наконец, Тыхватишь рукой по столу и накричишь, если неправильно поступают. Тебя не боятся, а должны бояться. Так не может продолжаться, милый, поверь Мне, заставь их дрожать перед Тобой... Милушку всегда нужно подтолкнуть и напомнить Ему, что Он есть Император... Ты должен показать, что у Тебя есть Свои решения, Своя воля. Россия, слава Богу, не конституционное государство, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, в которые они не смеют вмешиваться. Не позволяй им влиять на Тебя... Я не могу скрывать то, что считаю честным долгом сказать Тебе... будь твердым, это единственное спасение... Я страдала и страдаю безумно за Тебя, но Я слишком хорошо знаю Твой чудесный мягкий характер... Ты видишь, что они боятся Меня и приходят к Тебе, когда Ты один. Они знают, что у Меня есть Своя воля, когда Я чувствую, что Мое дело правое»...

Быть Ангелом-Хранителем Престола — вот какой подвиг взяла на Себя эта Женщина и несла этот подвиг безтрепетно, всю жизнь. «Двадцать лет Мы все делали пополам». И Ее верующее сердце жаждало помощи Свыше, жаждало чуда. [...]

Ее любовь к России была всеобъемлющей. Вот, например, одна из выписок из Ее писем: «У Меня теперь новые чернила, оказывается, прежние были нерусские. Меня всегда огорчает, когда Я вижу, как плохо то, что здесь выделяется, все приходит из заграницы, даже самые простые вещи, как, например, гвозди, шерсть для вязания, металлические вязальные спицы и всякого рода необходимые вещи. Дай Бог, чтобы после того, как кончится эта ужасная война, можно было добиться, чтобы фабрики производили кожаные изделия и сами производили меха». Или вот, например, по поводу балканских стран: «...Ах, эти балканские государства. Россия для них была вселюбящей,

помогающей матерью, а потом они предательски отворачиваются и ведут против нее войну».

Вот эти же слова исполнились и на Самой Императрице. Она была для России вселюбящей, помогающей Матерью, вспомните хотя бы Ее заботы о раненых сынах Русского народа, а Россия отвернулась от Нее.

Отвернулась и поникла долу всей своей жизнью, и теперь Русский народ должен воскресить в своем сердце Ее образ, образ Ангела-Хранителя, и поднять свой усталый взор к Ее вечной неувядающей славе, к тому Царству, в котором Великомученица Александра, Императрица Всероссийская слышит звуки небесных гуслей и несмолкаемую новую песнь и видит белые одежды Своего Отрока, ликующего в Царстве первенцев, и лишь только грустит о России и о нас, не понимающих Ее подвига и Ее чувств к нашей Родине³⁶.

* * *

[...] Во всей истории России, кажется, никто так не был оклеветан, как Императрица Александра Феодоровна, Которая стояла как несокрушимая скала на пути революции, совершенно не заботясь о Себе и о Своей популярности в государстве. Оппозиционная русская печать изобразила Царицу, как гордую замкнутую женщину, чуждую России и русской жизни, с истерией, развившейся на почве постоянного страха за здоровье Своего Сына. Между тем прошли страшные годы, ложь революции постепенно рассеивается и вырисовывается истинный образ Тех, Кто пострадал за Россию. Теперь ясно становится, что ставшая Русской Императрицей иностранная принцесса поверила в Россию и в ее идеалы в неизмеримо большей степени, чем вся коренная русская интеллигенция. Она поверила в Православную Церковь так горячо, как этого не могли себе и представить наши интеллигенты, устраивавшие переворот.

«О, что за день будет, когда снова будут служить обедню у Св. Софии, — пишет Она Государю. — ...Как хотелось бы быть там в такую минуту... Пусть Православная Церковь будет теперь достойнее и вновь очистится. Эта война может иметь колоссальное значение для нравственного возрождения нашей страны и Церкви, — только бы найти людей,

которые исполняли бы Твои приказания и помогли бы Тебе во всех Твоих неизмеримых задачах».

«Вся природа воскресает и хвалит Господа. Это вдвойне дает чувствовать страдания войны и кровопролития. Но подобно тому, как вслед за зимой шествует лето, так после страданий и битвы пусть мир и утешение найдут себе место в этом мире и пусть вся ненависть прекратится и наша возлюбленная страна разовьет свою красу во всех смыслах слова. Это новое рождение, новое начало, очищение души и разума. Только надо вести их по прямому пути и правильной дороге. Так много работы. Пусть все храбро работают рука об руку, помогая, а не препятствуя работе во имя единого великого дела, а не ради личного успеха и славы».

«Пусть Бог Тебя щедро благословит, даст Тебе крепость, мудрость и утешение, здоровье, спокойствие духа, чтобы продолжать мужественно нести тяжелый венец, который Он возложил на Твои плечи. Ах, это нелегкий и неудобноносимый крест...»

Какие большие исторические минуты [взятие Львова и завоевание Галиции]. Бог да благословит и объединит в глубоком историческом религиозном смысле эти славянские страны с их старой Матерью Россией. Все приходит вовремя, и теперь мы достаточно сильны, чтобы удержать их за собой, прежде мы не могли бы этого сделать, — тем не менее мы должны стать внутри еще сильнее и более объединенными во всех отношениях, так, чтобы управлять крепче и с большим авторитетом. Как будет радоваться Император Николай I. Он видит, как Его Правнук вновь завоевывает эти провинции далекого прошлого и видит мщение за предательство Австрии по отношению к Немцу...» «...И теперь еще смерть Эссена, умер тот, кого боялись немцы». «...Как жаждешь чуда, чтобы был успех, чтобы снаряды и винтовки работали вдвойне. Хотела бы Я знать, какое настроение в Ставке. Но Бог всемогущий поможет, и придут лучшие дни, Я уверена». «О, Господи, что это за ужасная война. Милая мужественная душа Моя, как Я хотела бы обрадовать Твое бедное измученное сердце чем-либо светлым, какой-либо надеждой». «Господь Всемогущий да поможет нам и да приведет всё в порядок, да услышит наши молитвы». «Мы, которые

приучены на все смотреть с другой стороны, знаем, что это за борьба и что она в самом деле собой представляет и что означает». «Я так молю Бога сделать Меня Твоим ангелом хранителем и помощницей во всем». Таковы были воззрения этой Женщины.

А вот Ее религиозные убеждения. «Какое счастье, что Мы причастились до Твоего отъезда. Меня это укрепило и успокоило. Какая это великая вещь в такие минуты приобщаться Св. Таин, и хочется помогать другим, чтобы они тоже вспоминали, что Бог дал эту радость не как вещь, которую нужно обязательно делать каждый год в посту, но всегда, душа этого жаждет и нуждается в укреплении. Когда Я имею дело с людьми, относительно которых Я знаю, что они очень страдают, и остаюсь с ними наедине, Я всегда касаюсь этой темы и, с Божией помощью, Мне много раз удавалось заставить их понять, что это можно делать и что это хорошо и утешает и успокаивает усталое сердце. Мне кажется, что это одна из наших главных женских обязанностей стараться приводить больше людей к Богу, давать им понять, что Он доступнее и ближе к нам и жаждет нашей любви и доверия и обращения к Нему... Я только что говорила прошлый вечер со священником, что Мне кажется, что духовенство должно было бы больше говорить с ранеными в этом смысле. Очень просто и непосредственно, не как проповедь. Их души совершенно детские и только временами нуждаются в некотором руководстве. С офицерами гораздо труднее по общему правилу...» «...Так хотелось бы, чтобы вернулись спокойные счастливые времена, но придется долго ждать, прежде чем мы вернем себе мир во всех отношениях. Нехорошо унывать, но есть минуты, когда тяжесть так велика, и она давит на всю страну и Тебе приходится нести ее всю».

Вот истинный героизм, не искавший себе популярности, и теперь только становится ясным, что великие страдания Русской Царицы, как православной христианки, женщины, супруги и матери украшают нашу страну драгоценными алмазами истинного героизма, неописуемого мужества и нравственной красоты. Велика та страна, которая могла возрастить такой героизм, и особенно велика Россия тем, что у Русской Царицы русские стороны жизни победили и Ее германское происхождение.

ние, и английское воспитание. У Нее было сердце честное и мужественное. Сознательно предпочитая Россию великим европейским культурам, Она это делала по свободному убеждению Своего сердца.

Современные русские женщины *обязаны*, если они только русские женщины и любят Россию, позаботиться о возвеличении и прославлении Русской Царицы в подрастающих русских поколениях. [...]»³⁷

* * *

[...] Мы ничего не можем понять в России, если мы не уясним себе нравственный облик Великой Страдалицы за нашу Родину Императрицы Александры Феодоровны, сознательно принесшей за Россию величайшие жертвы, которые только может принести на земле человек и женщина.

Императрица Александра Феодоровна не была понята в России и только теперь, через 21 год после Ее кончины и после всех жесточайших потрясений, можно говорить о Ней в русском обществе. Но прежде чем говорить об Императрице Александре Феодоровне, нужно отдать себе ясный отчет в том, что является основной причиной крушения Русского государства.

Причина эта ныне может считаться установленной. Это глубокий *кризис русского правящего класса*. Великая страна с таким правящим классом, который образовался в России к 1917 году, классом, оторванным от народа и от национальных задач русской истории, существовать не могла. Многовековой исторический процесс привел к тому, что русский правящий класс, понимаемый в широком смысле, как весь просвещенный слой России, не соответствовал историческому призванию России и не был выразителем своего народа и его призвания в мире. При таком положении, кто бы не был на Русском Престоле, крушение было неизбежно. И никто, ни Иоанн Грозный, ни Петр Великий, ни Николай I, ни Александр III, остановить русского крушения не могли бы. Для спасения нужно было уничтожить русский правящий класс и заменить его другим. Но Русский Царь не может быть палачом целого класса. И, слава Богу, что на Русском Престоле в те критические дни был кроткий характер, который обнаружил ныне так ярко сверкающую силу своего нравственного духа и личным

примером показал для будущих поколений возрождающий образ служения Родине. Для России нужна была искупительная жертва и ее безтрепетно принес кроткий Царь.

Кем же была по Своему нравственному облику Императрица? Была ли Она по Своему духу чужеродной немкой, оказавшейся чужой для русского общества и Русского государства? Была ли Она больной женщиной, трагедию Своей семейной жизни и Своих больных нервов перенесшей на русские государственные дела? Что наполняло Ее душу и сердце? К чему Она стремилась и что было идеалом Ее жизни?

В недавно вышедших трудах П. Савченко «Императрица Александра Феодоровна» и И. П. Якобия «Император Николай II и русская революция»³⁸ с исчерпывающей полнотой начертан величественный и героический образ Русской Императрицы, и каждый русский человек должен иметь эти книги настольными, постоянно из них поучаясь, как нужно служить и как должно любить свою Родину. Наша же задача — сделать лишь некоторые выводы, которые еще не сделаны.

Императрица Александра Феодоровна была непопулярной в России потому, что нравственный идеал Ее жизни совершенно не соответствовал упованиям и стремлениям русского общества. Восприняв Православную веру со всем убеждением Своего возвышенного сердца, Императрица Александра Феодоровна вошла в Россию, как религиозная Подвижница. Она видела Свой долг в том, чтобы быть подлинной Русской Царицей, выразив упование Своего сердца в сооруженном в Царском Селе по древнему русскому стилю Феодоровском соборе. Она пожелала быть вдохновительницей Православного Самодержца по образцу Анастасии Романовны, вдохновлявшей Царя Иоанна и других Московских Цариц, венчанных для этого на Царство в златокаменной Москве. Между тем в России к этому времени уже почти не было Православного Самодержавия. Давно не было в стране православного мировоззрения, православного образованного класса и стремления русского правящего класса были противоположны тем идеалам, которыми было наполнено сердце Императрицы, непоколебимо убежденной в правоте Своих верований.

В борьбе за святость Своих верований и за призвание России и состоял подвиг жизни Императрицы Александры Феодоровны.

В чем заключается призвание Русской Царицы и каково должно быть Ее отношение к Царю и обществу? Царица коронуется на Царство вместе с Царем для того, чтобы быть Ему Помощницей во всей Его жизни и, прежде всего, Помощницей в исполнении Своего призвания и Своего долга. Императрица несла этот подвиг свято и нерушимо, оставаясь верноподданной Своего Царя. [...]

...Лучи Ее подвига настолько яркие, Ее стальная несокрушимая воля, Ее святые верования, Ее неопишное самоотвержение настолько сильны, что для будущих поколений Государыня Александра Феодоровна будет сиять во всей Своей неопишмой духовной красоте, как религиозная Подвижница, пришедшая в Россию из чужой страны, но принявшая русскую душу и русскую веру и спасшая идеал русской жизни, ибо Сам Император Николай II говорил, что если бы с Ним не было Императрицы, то Он не мог бы вынести всего того, что Ему пришлось вынести на Своем крестном пути.

Подвиг Императрицы затмил собой все, что совершала женщина на земле после Божией Матери. Она черпала для Себя вдохновение в первых христианах, безтрепетно страдавших за Христа и Его учение и Она видела в России, предавшей Ее на страдания и смерть, воплощение Христовой веры и пострадала за Русь до конца³⁹.

Н. РКЛИЦКИЙ

«СВЯТАЯ ДУША ГОСУДАРЫНИ»

Трудно подыскать слова, чтобы правильно охарактеризовать день 4/17 июля 1918 года, воистину страшный день, не только окрашенный кровью Помазанника Божия Государя Императора Николая Александровича и Его Царственной Семьи, но и предопределивший дальнейшую судьбу всего Русского народа, на главу которого пала эта Царственная кровь.

Тщетно льются наши слезы вот уже многие годы. Тщетно гибнут миллионы и миллионы жизней. Гнев Божий продолжает тяготеть над нами и *будет* тяготеть, пока мы

всенародно не *раскаемся* в совершенном преступлении, ибо Господь не отпускает нераскаянных грехов.

Посмотрите вокруг себя, послушайте разговоры, почтайте газеты и журналы... и вы убедитесь, что и теперь еще, в нашей собственной среде, многие вполне искренние люди продолжают жевать жвачку тысяча девятьсот проклятого года о «слабовольном Царе», «немке Царице» и «самоочевидной» необходимости какого-то «народного волеизъявления»! Где же здесь раскаяние? Где же покаянная готовность смириться перед Промыслом Творца? Вместо раскаяния кивают на «Великий Русский Народ», который-де сам решит свою судьбу.

Без воли Божией ничего не решить!

Вот почему такое значение имеют устраиваемые за рубежом в годовщину этого страшного дня всенародные панихиды, торжественные собрания, доклады... Цель этих действий ясна — молить Господа о милости, указывать правый путь сомневающимся, восстанавливать правду, опровергать ложь!

Мне выпала сегодня ответственная задача напомнить вам светлый облик Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Если бы я захотел просто перечислить вышедшие за рубежом печатные труды на эту тему, уже не говоря о статьях в газетах и журналах, то вряд ли я смог бы окончить сегодня мой доклад. Но нет сомнения, что большинство здесь присутствующих знакомо с этими трудами; есть здесь также многие лично принимавшие участие в описываемых событиях; есть среди нас даже такие, которые имели счастье лично видеть Царицу... Я не буду поэтому утруждать вас повторением общеизвестного и хотел бы лишь привлечь ваше внимание только на одну сторону духовного облика Государыни. Та сторона Ее духовного облика, которая, по моему глубокому убеждению, является ключом к пониманию Ее души, есть *абсолютная цельность* Ее характера.

Перенесемся мысленно в последнюю половину минувшего столетия, когда не существовало рабочего вопроса, когда не было ни радио, ни аэропланов, когда суд осуждал только за доказанные преступления, когда еще существовала жалость и милосердие, когда не было концлагерей, когда еще и не мыслили о проклятых «завоеваниях ре-

волюции»... Именно в эту, еще совсем недавнюю, но уже кажущуюся каким-то невероятно-восторженным вымыслом фантазии, эпоху, когда шла мирная жизнь, окруженная гармонией, красотой, родилась в городе Дармштадте, в 1872 году, будущая Императрица Всероссийская, Принцесса Алиса Гессенская, Сестра Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

Восьми лет Принцесса Алиса теряет Свою мать и переезжает на воспитание к Своей бабушке – королеве Виктории Английской. Именно в Англии, при блестящем Дворе королевы Виктории, проходит первая юность, слагаются первые впечатления, закладываются первые жизненные правила в душе Государыни Александры Феодоровны.

Строгая чинность Двора, британское понимание отношения подданных к Престолу, строгое пуританство религиозного духа, высоко развитое чувство собственного достоинства – знаменитый «self-control»*, понимание меры дозволенного, – вот атмосфера, царящая вокруг Нее.

Уже 12-летней девочкой, в 1884 году, приезжает Принцесса Алиса первый раз в Россию, погостить у Своей сестры. После холодного протестантского богослужения Ей в первый раз приходится видеть всю торжественность Православного обряда, лично присутствовать на парадах Российских войск, на придворных балах... воочию увидеть и почувствовать всю мощь и красоту Православного Самодержавия. Это сказочное величие не могло не оставить глубокого впечатления даже после Английского двора.

Второй приезд в Россию состоялся в 1889 году. Именно в этот приезд [будущие] Государь Николай Александрович и Государыня Александра Феодоровна ближе узнают друг друга и, несомненно, твердо решаются соединить Свой жизненные пути. Королева Виктория, очевидно бывшая в курсе этого решения, даже пишет об этом в письме на имя Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Однако Государь Император Александр III отрицательно относится к этим намерениям, и при приезде Принцессы в Россию в следующем, 1890-м году, Ей даже воспрещается видаться с [будущим] Государем Николаем Александровичем...

---

* Самоконтроль (англ.).

И вот тут-то мы и видим первые проявления личного характера будущей Государыни Александры Феодоровны. Государыня не знает никаких компромиссов. Она отличается от большинства людей *интегральной цельностью* Своей натуры. Для Нее — каждое сказанное слово имеет окончательное значение. Раз принятый принцип — уже не подлежит обсуждению. Великий Князь Николай Александрович и Она обменялись взглядами — ничто не может этого разрушить. И вот, невзирая на неблагоприятную обстановку, Она принимается за изучение русского языка, и ко Двору приглашается настоятель русской православной церкви в Лондоне, так как Принцесса желает ознакомиться с учением Святой Православной Церкви. Только четыре года спустя, в 1894 году, Император Александр III даст Свое согласие на брак Великого Князя Николая Александровича с Александрой Феодоровной, и всего лишь за несколько дней до кончины Императора прибывает Принцесса в Россию уже в качестве Невесты Наследника Цесаревича.

Остановим наше внимание на этом периоде жизни нашей Государыни. Именно в этом периоде слагалась Ее душа. Идеи французской революции, столь модные тогда в русском обществе, были совершенно чужды обществу английскому. Английская традиционная сдержанность прямо противоположна французской экспансивности и горячности. Все мирозерцание Государыни, с самого раннего детства, приобретает определенное направление, не имеющее ничего общего с направлениями мысли, господствующими в России. Изучение Православия, которое всею душою воспринимается Императрицей, и глубокое понимание самой сущности Православного Самодержавия, составляют Альфу и Омегу всей Ее дальнейшей жизни. Безкомпромиссный, цельный характер Государыни видит перед собою не реальную Россию, а ищет и желает видеть в ней тот *идеал*, который сложился в Ее душе.

Вот духовный облик юной Невесты будущего Самодержца Всероссийского.

Государыня выучилась говорить, читать и писать не только по-русски, но и по-церковнославянски. Ее личная библиотека полна книг духовного содержания именно на церковнославянском языке, с которыми Она не расстается.

Эта бывшая протестантка не напоказ, а в самой глубине Своей души стала Православной Царицей. Она любит вышивать воздушы, как то делали Супруги Великих Князей Московских. Она чтит Святые места. Она стремится к паломничеству... Она, иногда, даже немного суеверна. Самодержавная власть Монарха есть для Нее наивысшее выражение государственности.

Тем временем русское общество читает французские романы, увлекается «идеями революции», исповедует не то теософию, не то просто атеизм, о Православии говорить не только странно, но, собственно говоря, даже как-то неприлично... Даже для самых крайних правых монархистов Самодержавие нужно России только ввиду «отсталости» Ее населения, но по существу оно есть, конечно, пережиток дикости, лишь терпимый временно.

В задачу этого доклада не входит рассмотрение причин, обусловивших настроения и мысли, царившие в русском обществе конца прошлого и начала этого столетия. Мы просто хотим констатировать факт: Государыня Императрица Александра Феодоровна и русское общество стояли на разных полюсах и не могли понимать друг друга. В результате безконечного числа ежедневных, совершенно незначительных, недомолвок, взаимных непониманий, недосказанных мыслей, выросло взаимное недоверие и отчуждение.

Напрасно многие современные писатели и журналисты хотят изобразить наше тогдашнее общество, наш правящий класс, как сборище себялюбцев или дворцовых интриганов. Именно этого почти не существовало в Императорской России. Не личный шкурный интерес толкал русскую молодежь в ряды революции. Не в поисках личной выгоды стремилось русское общество к идеалам «великой французской революции». Увлечение мысли на нерусские пути было совершенно искренним и безкорыстным.

Так же искренно и так же безкорыстно Государыня Императрица всею Своею душою приняла истонные, чисто русские принципы Православного Самодержавия.

Совершилось невероятное: иностранная Принцесса стала Русской в самом высоком смысле этого слова, а русский образованный класс оказался зараженным душевною болезнью, массовым психозом, и фактически русским быть перестал.

Резким контрастом по отношению к настроениям образованного класса представлялись Императрице настроения простого народа. Народные манифестации при проездах Императорской Семьи утверждали Государыню в мнении о том, что это и есть подлинная Русь. Отсюда в Ее душе слагалась картина Царя и народа, разделенных ничтожной прослойкой денационализированной интеллигенции. Несомненно, до известной степени, это так и было, но вывести страну из создавшегося психологического тупика уже не было возможности.

С самых первых дней Ее пребывания в России Государыню поражает несоответствие действительных отношений между Императором и Его верноподданными и теми нормами, которые для Государыни уже являются Ее аксиомой жизни. Много есть оснований предполагать, что даже глубокое убеждение Государя в необходимости для России Самодержавной Царской Власти, обуславливалось вначале лишь простым желанием продолжать направление внутренней политики Своего Державного Отца и утвердилось в Государе только впоследствии, как раз под влиянием Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Сколько раз упоминает Государыня об этом в Своих письмах! Сколько раз эти же вопросы без всякого сомнения возникали в беседах Царя и Царицы.

Во всех воспоминаниях лиц, соприкасавшихся с Государем, проскальзывает мнение, что Государь не любил *требовать* выполнения Своей воли. Государь обыкновенно высказывал Свой взгляд и искал в собеседнике единомыслия с Собой. Если этого не случалось, то Государь искал иного исполнителя Своей воли. Государыня поступает иначе. Она высказывает Свое мнение с абсолютной определенностью и прямою и требует выполнения. Однажды принятое решение для Нее окончательно. Подобное отношение желала бы Она видеть и в Государе.

И все же глубоко неправильным и несправедливым представляется нам широко распространенное мнение о том, что, особенно в последние годы Царствования, Государыня «вмешивалась» в дела правления. Государыня действительно давала Свои советы Государю, но советы эти касались не обсуждаемого государственного вопроса по его существу, а лишь лиц, намечаемых Государем для выполне-

ния Его воли. Разница эта очень существенна. Речь идет не о навязывании Государю Своей воли, а исключительно о желании помочь Ему уберечься от измены.

Именно *измену* видела Государыня во мнениях и в поведении русской интеллигенции. А весь правящий слой России подбирался *исключительно* по образовательному цензу и давности состояния на государственной службе. При стопроцентной свободе мышления, существовавшей в России, при всеобщем увлечении либеральными взглядами, государственный аппарат только и мог быть отражением мнения общества. Помочь Государю не быть введенным в обман, не облечь Своим доверием недостойного — вот единственная забота Императрицы, и забота эта, конечно, стояла поперек горла и фантазерам либерализма и сознательным изменникам Престолу.

Когда останавливаешь свой мысленный взор перед жизненным путем Государыни Александры Феодоровны, то невольно замирает дух и сжимается сердце. Что нашла Она в России, которой отдала всю Свою душу? Очарованная могучим величием Империи, совершенно проникнутая великой идеей Православного Царства — наследия Византии, безкомпромиссно и стопроцентно принявшая Православную Веру и всю Свою жизнь углублявшаяся в изучение житий Православных святых, со всем рвением Своей цельной и безкомпромиссной натуры посвятившая Себя Русскому Царю, Она *имела право* рассчитывать на соответствующий отклик верно-подданных этого Царя! Какая ужасная пропасть отделяла идеальный образ России, стоявший перед Ее духовным взором, от печальной и жалкой действительности...

Переноса эту страшную духовную катастрофу разочарования, Государыня замкнулась в Себе. Отдавая Государю и Своим Детям все Свои жизненные силы, совершенно отойдя от ставшего Ей чуждым «общества», Государыня тепло и сердечно относится к простому народу, который и окружает далеко не заслуживаемым им ореолом. Как ярко выступает это Ее настроение во дни Великой войны! Она лично ухаживает за ранеными, выполняя самые грязные работы, Она лично перевязывает раны... Увы! И тут чистый порыв Православной Царицы не встречает должного отклика. Где восторженные статьи газет и журналов? Где отмечен подвиг этой великой души? Во всякой другой

стране стоустая молва разнесла бы весть о Царице вплоть до самой последней хижинки! Самые закоренелые противники умилились бы! Но у нас этого не произошло. Вместо этого распространялась гнусная клевета о Распутине; происходили выступления Милюковых в Государственной думе о «глупости или измене»; лилась ложь, клевета, гнусность и обман.

Мутная грязь проклятой керенщины. Грубый арест. Замена дворцового караула шайкой мерзавцев. Оскорбления со стороны черни, солдат, даже офицеров и генералов! Ссылка и тюрьма. Мученическая смерть в кровавом подвале Екатеринбурга...

Да! Страшная кара постигла русский народ. Но разве не заслуживаем мы этой кары? Стоим ли мы, хоть здесь, на чужбине, на коленях, в раскаянии, перед Животворящим Крестом? Нет! Мы продолжаем мудрствовать от лукавого. Мы продолжаем изменять Святой Православной Руси. Мы продолжаем как раз ту *духовную* измену, которую совершила наша интеллигенция. Мы «примиряемся» с разрушителями церковного единства, мы чествуем различных Гучковых и Зензиновых, мы подыскиваем лживые оправдания вчерашним «совпатриотам», мы прячемся за позорный куст аполитичного непредрежденчества, мы подленько виляем хвостом и направо и налево! Мы полностью продолжаем оправдывать слова Государя: «Кругом измена и трусость и обман»!

Но неуместно здесь, собравшись в «День Скорби», еще раз вспоминать позорящие Россию имена. Воскресим лучше в наших душах светлый и чистый облик нашей Государыни, нашей Императрицы! Нелицеприятный Судия, видящий наши помыслы, воздаст нам по заслугам нашим. Не заслуживаем мы Его милосердия. Но святая душа Государыни Императрицы, предстоящая перед Престолом Всемогущего, умоляет за нас Творца. Да услышит Господь Ее святую молитву, да просветится наш разум, да проснется, наконец, наша совесть, и тогда повторим мы единодушно слова молитвы нашей Царицы, написанные Ею уже из Тобольска, 10 декабря 1917 г.:

Господи! Спаси Россию!

Николай САХНОВСКИЙ

ЦАРИЦА-МУЧЕНИЦА

*(Ко дню тезоименитства Государыни Императрицы
Александры Феодоровны)*

Многие ли из русских людей знают свою последнюю Императрицу Александру Феодоровну, неразлучную Спутницу Венценосного Супруга Своего – в счастье и в горе?

Многие ли способны представить себе Ее светлый облик на темном фоне окружающей Царский Трон велико-светской знати, чуждой Ей и по уму, и по развитию, и по душевной прямоте?

Она, скромная Принцесса Гессенская, пришла в Россию молодой прекрасной, чуткой, вдумчивой, на редкость образованной, глубоко религиозной и любящей.

Под влиянием горячих убеждений Своего будущего Мужа, Она, лютеранка, согласилась приобщиться к св. Православию, а, приобщившись, горячо полюбила Православную Церковь. Она потянулась к благочестию – древнему, уставному: в жизни скромная и целомудренная, Она так небесным светом озарила Свою жизнь. Став Русской Царицей, Гессенская принцесса сумела полюбить Православную Россию больше Своей первой Родины.

В лице Своего Мужа Она узрела Священного Помазанника Божия.

Всем открытым сердцем Своим полюбила Она и народ русский – отсюда Ее неутомимая широчайшая милосердная деятельность.

Не под радостный перезвон колоколов вошла Невеста в Дом, где Ей нужно было жить и Царствовать. Венчание Их Величеств было омрачено смертью Отца Государя. Венчание на Царство – катастрофой на Ходынском поле. В это время глубокого горя Своего Державного Мужа Ей пришлось сделаться поддержкой и утешительницей Его. Такой Она была для Него неизменно во Дворце. Такой осталась Она и в подвале Ипатьевского дома.

Злой рок беспощадно преследовал Царскую Чету.

Радость, вызванная рождением Наследника Престола, Царевича Алексея, вскоре омрачается печалью. До балов ли Ей было, до веселья?

Сознавать, что Ее дорогой Сын – неизлечимо больной, которого смерть может похитить каждый день, каждую минуту!

Невероятное напряжение нервов испытывала несчастная Царица и Мать. Однако ни ропота нет, ни озлобления, ни нравственного ослабления.

В глубокой вере в Бога, в Его милосердие нашла отзвук себе эта пытка жизни... Нет вопроса: «За что, Господи?» – «Буди воля Твоя», – вот что мы видим... Глубоко образованная и еще более глубоко верующая, знающая, что человеческие знания не могут помочь Ее Сыну – не вправе ли искать Она помощи Свыше, у Того, Кому Одному доступно чудо, подаваемое иногда и через низкие сосуды...

А окружающие Ее... только осуждают и со злорадством порочат Ее, и так Богом отданную на горе и страдание...

Ей хочется взять на Себя часть тяжести креста Мужа. Хочется облегчить, помочь Супругу-Царю, Тому единственному, от Кого Она никогда не слышала ни малейшего упрека, не видела недоверия, а чувствовала только веру в Нее и получала от Него только ласку и поддержку.

А окружающие... порочат теперь и Супруга; развенчивая Его... унижая и предавая Своего Императора...

Оклеветанная, опозоренная, заточенная в неволю, в вечном страхе за Супруга и Детей, Царственная Страдалица молилась за Россию, звала Матерь Божию на помощь Родине, звала к миру в русских сердцах...

«Скучное Вам пишу, – пишет Государыня из Тобольска 10 декабря 1917 года, – ...постарайтесь понять, что Бог выше всех, и все Ему возможно, доступно. Люди ничего не могут. Один Он спасет, оттого надо безпрестанно Его просить, умолять спасти Родину дорогую, многострадальную. Как Я счастлива, что Мы не за границей, а с ней все переживаем, как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с любовью и волнением за ним следить, так и за Родиной».

И до последнего ужасного часа Своей мученической кончины, эта прекрасная, чистая сердцем Женщина любила и молилась за Россию.

Тяжки до последнего предела были последние дни жизни Царской Семьи. Неимоверно ужасной была и смерть

этой многострадальной Венценосной Семьи, расстреливаемой в мрачном подвале на глазах друг друга.

* * *

«Страдания, пережитые Ими в эту последнюю судьбоносную не для Них Одних, но и для всей России ночь не вмещаются ни в какую обычную для нас меру. Их не только нельзя изобразить словом, но даже вообразить и обнять мыслию. Поистине, не было более беспомощных людей на земле, чем эта несчастная Семья, еще недавно окруженная ореолом величия, могущества и славы. Им не у кого было искать защиты на земле. Они могли взывать только к Небу, призывая Его во свидетели творимой над Ними неправды и насилия, но и Небо как бы закрылось пред Ними, не отвечая на Их мольбы. Покинутые всеми, Царственные Страстотерпцы невольно должны были вспомнить тогда и повторить слова Распятого на Кресте Божественного Страдальца: Боже, Боже наш, вскую Ты оставил нас...» (*митрополит Анастасий*).

Светлый образ Царицы-Мученицы должен быть неизменно с нами в наши страшные дни. И это не только моральная поддержка, это и реальная помощь, если над нами и с нами будет пребывать сила Ее молитвенной любви.

Николай БОБРОВ

ЦАРИЦА. ЖЕНЩИНА. МАТЬ. СУПРУГА

Может быть даже больше, чем вокруг Государя, сосредоточивались ложь, клевета, злоба и ненависть целого народа вокруг Имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Недоумеваешь, когда вспоминаешь об этих злобе и ненависти... За что? Почему? Я лично считаю, что, независимо от Царственного Сана, придающего особое обаяние Носительнице его, Государыня принадлежит к разряду лучших, самых чистых, благородных, сердечных и отзывчивых женщин, которых мне в жизни приходилось встречать. Почему же целый народ вдруг стал именно Ее — ненавидеть? Чем это объяснить? Неужели моей ошибкой и обольщением? Неужели я так слеп или пристрастен, что вижу те качества, добродетели и достоинства, которых почти никто не видит, кроме меня, и неужели всё эти качества суть только плоды моего воображения? Но, так же как и я, говорят еще люди, знавшие Ее Величество более или менее близко.

Наконец, был у меня в прошлом, 1919 году, летом, такой случай. Я был проездом в Дармштадте, где остановился в местной гостинице. Я заметил, что прислуживавший мне молодой кельнер, после того, как я записал свое имя и свою национальность, приобрел какой-то странный, неприязненный вид, относившийся, насколько я мог понять, к моей национальности. Заинтересованный этим обстоятельством и желая выяснить, в чем тут дело, я с ним заговорил, и почти с первых же слов моих он, с вызывающим видом, мне выпалил следующую фразу, к которой, как видно было, уже давно подготовился:

«Слава Богу, вам, русским, не удалось домучить нашу дорогую Принцессу Алису. Мы здесь имеем сведения, что Ей удалось быть спасенной»...

Самая высшая любезность не могла бы мне доставить такого удовольствия и так меня растрогать, как эта выходка.

Я успокоил милого мальчика, объяснив, что не менее, чем он предан своей Принцессе Алисе, я предан моей Государыне; что радуюсь, как и он, возможности надеяться на Ее спасение, и что, если Бог мне даст жизни, придет время, когда я беспощадно рассчитаюсь за каждый миг страданий, претерпленных Ее Величеством.

Совершенно успокоенный, молодой дармштадтский рыцарь стал очень любезен и рассказал об общих чувствах его народа к нашей Государыне: «Мы Ее так сильно, так сердечно всегда любили» — объяснил он («Wir haben Sie immer, so herzlich, so schrecklich geliebt» — так он выразился).

Я задумался над этим случаем. Почему такая разница в оценке одного и того же человека? Может быть, потому, что в маленьком Дармштадте ближе и интимнее знали свою Принцессу, чем Русский народ — свою Царицу? Или потому, что разные народы, разная чуткость души, разная культура, разное воспитание?

Все это, до некоторой степени, может, разумеется, иметь значение; но главная суть заключается в еврейской агитации, в безсовестных сплетнях и досужей лжи русского общества, и в клевете, клевете, клевете...

Германское происхождение Государыни Императрицы Александры Феодоровны выставлялось основанием Ее будто бы усиленного пристрастия к Германии и германским интересам, якобы доходящего до того, что Ее Величество, забывая кровные, жизненные интересы Своего Сына, Его будущность и счастье, все Свое сочувствие во время войны переносила на сторону наших противников и будто бы даже находилась в тайных сношениях со Своими Германскими Родственниками, в том числе даже и с Императором Вильгельмом...

Таким образом, Русскую Царицу — осмеливались обвинять в предательстве Родины те, которые ежечасно предавали и продавали Россию, которые готовили то, что произошло с момента революции, когда стараниями всех этих гадов, из которых не все были жида, но часть состояла из коренных русских людей, — когда стараниями всех этих предателей и врагов России наша Родина пошла по пути мученичества.

Государыня Императрица была, до замужества Своего, Гессен-Дармштадтской Принцессой и, как таковая – разумеется, немкой. Августейшая мать Государыни была англичанкой, дочерью королевы Великобританской и Императрицы Индии Виктории. Государыня почти все детство и всю юность Свою, оставшись без матери, прожила в Англии, у Своей бабушки-королевы, у которой была любимицей, почти неотлучно при ней состояла, и даже, неофициально, была Секретарем Ее Величества.

Таким образом, тесное родство Императрицы с двумя странами связывало Ее близкими узами с двумя народами, и к обоим Ее Величество, вполне естественно, чувствовала больше приязни и проявляла больше интереса, чем, кроме русского, к какому бы то ни было, другому, чужому, народу. Было бы странно, если бы к этим родным народам Императрица относилась иначе.

Мы вели войну с Германией: клеветникам, врагам Царского Престола, было выгодно, выставлять пристрастие Государыни к Германии.

Если бы мы воевали против Англии, точно так же было бы использовано английское происхождение Императрицы, и точно так же, развесив уши, верили бы русские дураки и другой версии инсинуаций.

Раз русское общество могло поверить существованию между нашей Императрицей и Императором Вильгельмом тайного телеграфного сообщения, то я имею полное нравственное право называть таких русских – дураками и даже не буду пробовать им объяснять всю вздорность их легковерия, памятуя изречение великого Шиллера, сказавшего, что «Gegen Dummheit kämpfen selbst Götter vergebens»*.

Я имел счастье знать Государыню с первых дней Ее воцарения. Часто видел Ее Величество близко и имел счастье удаиваться Ее разговора и в немногие светлые, и во многие горькие минуты Ее жизни. Смею верить – и этой уверенности никто у меня не отнимет – что знаю свою Государыню хорошо. И какой Ее знаю, я Ее глубоко и благоговейно чту и как Царицу, и как Русскую Женщину, и как Мать, и как Супругу моего Царя.

---

* «Против глупости сами боги борются напрасно» (нем.).

С момента Своего воцарения, Государыня вся отдалась новой Своей Родине, России, и, независимо от Своих родственных уз, все Свои обязанности Русской Царицы выполняла, по мере их понимания, с большим порывом искренней преданности и любви к народу, к его Вере, к его Истории и к его будущности.

Честный, благородный, щепетильно-добросовестный характер Государыни никогда и никак не мог примиряться с какой-либо двусмысленностью положения, с какой-либо фальшью. Поэтому представляется особенно презренной возмутительная клевета, взводившаяся на Ее Величество, так как нелепость и вздорность этой клеветы не могут не быть очевидными для каждого разумного человека. Надо было русским людям действительно заболеть каким-то стадным умопомешательством, чтобы поверить такой неправдоподобной, такой бессмысленной клевете.

Для большей наглядности я опишу содержание двух разговоров, которыми меня удостоила Императрица два раза за время войны, в июле 1914 года и в феврале 1916-го. Оба эти разговора длились более часа каждый, и Государыня оба раза говорила очень искренно, интимно, все, что было у Нее на душе. Эти разговоры я передам и уповаю, что Государыня не посетует на меня за отсутствие скромности.

Я считаю своим священным долгом раскрывать перед незнающими и обманутыми людьми все то, что может их ближе познакомить со светлым, благородным душевным обликом нашей Царицы-Мученицы.

В конце 1913 года я покинул действительную строевую военную службу, желая заняться хозяйством в моем имении, а главным образом мечтая посвятить больше времени моей семье. Бог судил иначе, и как раз с 1914 года пришлось расстаться с семьей. Война застала меня в деревне, откуда я тотчас поспешил в Петербург, чтобы зачислиться в Действующую Армию по кавалерии, моему роду оружия: по мобилизации я был назначен командиром запасного пехотного полка, что меня смущало, ввиду того, что я совсем мало знаком с пехотной службой. В Петербурге сначала мои хлопоты не увенчались успехом. Накануне моего приезда мой родной полк уже выступил в поход, и в

моем чине мне было трудно устроиться быстро, ввиду того что тогда, в самом начале, всюду было переполнение штаб-офицеров.

Видя, что в штабах дело не ладится, я поехал в Петергоф, где имела пребывание Ее Величество Государыня Императрица, и, зная Ее всегда милостивое ко мне отношение, позволил себе, ввиду спешности, поступить совсем против придворного этикета. Я написал Государыне письмо, прося Ее Величество принять меня по спешному делу, и послал его с нарочным во Дворец.

Через час ко мне пришел камер-лакей и сообщил, что в то же утро, в 11 часов, Государыня мне назначила прием. Глубоко тронутый такой милостивой отзывчивостью Ее Величества к моей просьбе, сделанной в совершенно некорректной форме, при появлении Ее Величества в гостиной, где я ожидал приема — я склонил колено, доложив, что не могу иначе выразить, насколько я растроган таким многомилостивым вниманием Ее Величества, а особенно в такое время.

Просьба моя была исполнена, и я через неделю уже был на западной границе. Но дело не в моей просьбе и не в личных моих делах, никому неинтересных, а в том разговоре, который вела Императрица в течении часа с лишним.

Я обладаю прекрасной памятью и разговор этот помню, как будто бы он был сегодня, а потому и могу его передать почти дословно. Государыня была очень взволнована, расстроена, но говорила спокойно и очень задушевно. Получалось впечатление, впрочем, как всегда и раньше бывало, что Государыня говорит обо всем, что у Нее на душе, открыто высказывая Свои чувства и мысли.

«Как все это ужасно! — начала Императрица — и как все это неожиданно случилось. Я, до сих пор не могу опомниться. Третьего дня Я провожала наш полк*: кажется, никогда в жизни Я такого горя не испытывала... Во все время молебна и после него Я, как ни крепилась, не могла сдерживать рыданий. Ведь, это так ужасно! Прощаться с этими людьми, которых всех так хорошо знаешь, и знать,

---

* Лейб-Гвардии Уланский Ее Величества полк, в котором я прослужил двадцать лет.

что многие не вернутся... Чувствуешь, как будто что-то оборвалось в жизни и уже никогда не возвратится...

Не могу понять, что сделалось с Императором Вильгельмом — как мог он решиться на эту войну. Еще так недавно Государь совершенно успокоился и считал, что призрак войны рассеялся и нас миновал, и вдруг...

Наш бедный народ, наша бедная Россия! Сколько предстоит страданий! Казалось, что впереди расстилалось светлое будущее... Для нашего народа так было важно мирное развитие и усовершенствование его жизни.

И Германия... Эта прекрасная страна, такая благоустроенная, с таким честным, трудолюбивым народом... Что с нею будет!

В нашей конечной победе Я почти не сомневаюсь, особенно если Англия к нам присоединится, а можно надеяться, что так и будет. Конечно, все в воле Божией. Но и при победе — сколько до нее прольется крови, сколько будет страданий...

Мне иногда кажется, что все это — страшный сон. Проснусь — и все окажется по-старому.

Я не хочу теперь о Себе думать: личные Свои чувства отстраняю от Себя. Но подумайте, в каком трудном положении Я нахожусь относительно всех близких родных Моих в Германии.

Мой брат, Великий герцог Гессенский, посылает против нас свои войска. Муж Моей сестры, Принцессы Ирены, Принц Генрих, стоит во главе действующего против нас Флота...

Как Мне это ни больно, но Я дала Себе слово, пока будет длиться война, прекратить всякие сношения с Моими германскими Родственниками. Это необходимо для Русской Императрицы; но, конечно, это будет для Меня одним тяжелым испытанием больше».

Затем разговор перешел на деловой вопрос. От имени жены моей, устраивавшей лазарет в нашем имении, я просил Государыню принять этот лазарет под Свое Покровительство и разрешения присвоить ему дорогое для нас обоим (для жены и меня) Имя Ее Величества.

Немедленно Государыня стала подробно говорить о лазарете и изволила дать несколько очень практичных и дельных указаний, которые приказала передать жене.

«Я знаю, что ваша жена очень практична и разумна, — продолжала Государыня, — и Меня поймет. Не надо в лазарете вводить ни роскоши, ни какого бы то ни было ненужного, внешнего излишества. Чем ровнее, более одинаково везде, будут содержаться наши раненные — тем лучше. Возможно больше гигиены; сколько можно, комфорт и хорошее помещение; здоровая, сытная, но отнюдь не роскошная, пища, без излишних ухищрений — вот к чему надо стремиться. Я — противница такого порядка вещей, когда учредительницы разных лазаретов начинают щеголять друг перед другом разными выдумками и между собой соперничать. Тогда это уже не доброе дело делается, а ублажение собственного самолюбия и тщеславия.

Для всех нас началось теперь время великого труда, на пользу наших страдальцев, борцов за Родину. Всякие личные чувства и соображения должны быть совершенно изъяты из нашей жизни».

После этой памятной для меня встречи, в самом начале Крестного Пути, по которому пошли Государь и Государыня, а с ними и Россия — настоящая, наша Россия — я не имел счастья видеть Ее Величества в течение полутора лет. За это, время Государыня видела несколько раз мою жену и каждый раз расспрашивала подробности о том, как идут дела в ее лазарете, и каждый раз давала снова какие-нибудь полезные советы и указания.

В феврале 1916 года, приехав в отпуск с фронта в Петроград, я через Двор Императрицы (на этот раз я был корпектен и, конечно, соблюдал все нужные правила) обратился с просьбой осчастливить меня приемом, на что тотчас и последовало согласие.

В назначенные мне день и час, я явился в Царскосельский Дворец. Как всегда величественно красивая, Государыня имела вид усталый и очень печальный. И в этот раз, аудиенция длилась больше часа.

«Как много пережито с тех пор, как мы с вами виделись, — так начала Императрица, — и все еще продолжается эта ужасная война, все льется безостановочно кровь. Но скольких нет уже за эти полтора, года, сколько горя везде и всюду... Кажется, уже нет больше ни одной семьи без траура...

А вы знаете, — оживилась вдруг немного, Государыня, — Я ведь в точности сдержала слово, которое, помните, дала

Себе в начале войны. До сих пор выдержала и ни одной весточки, ни одного сношения с Моими родными в Германии так и не было ни разу. Сначала было очень тяжело так сразу порвать всякую связь со Своими близкими; но теперь Я уже привыкла к такому положению вещей.

Впрочем, один раз, косвенно, Я получила сведения о них всех.

Перед тем, как вдова генерала Самсонова⁴⁰ уезжала в Германию искать тело своего мужа, она была у Меня и предложила что-нибудь передать Моим родным от Меня. Я решительно отказалась от этого предложения и просила ее не принимать для Меня никаких писем, ни словесных передач. Я ни в каком случае не хотела допускать какого либо нарушения положенного Мною на Себя запрета. Я только просила ее узнать, путем расспросов, живы ли все и здоровы. Она так и сделала и, по возвращении своем, сообщила мне кое-какие сведения. Я и этому была рада.

Но еще более рада, что выдержала Свое испытание, которое считаю совершенно необходимым для Меня. У нас имеется много таких злых и несправедливых людей, которые, не имея на то никаких поводов, готовы выдумать самые неправдоподобные небылицы. Что же бы было, если б они нашли такой повод: самый невинный случай принял бы в их передаче самое ужасное значение».

Затем, Государыня много изволила говорить о Наследнике, о Великих Княжнах, расспрашивала о моей семье, о лазарете жены и. т. д.

Под конец Государыня меня удостоила большого доверия: Ее Величество высказала многое, что было у Нее затаенного на душе и что Ее смущало, беспокоило и волновало.

«Много пережито за это время, — повторила Государыня, — это были первые слова, которыми Я вас встретила сегодня. Но в ту минуту Я имела в виду наши общие, внешние переживания, очень тягостные и печальные. Еще печальнее переживания внутренние, через которые Я прошла... К сожалению, за время войны, у Меня образовалось много горького осадка на душе и накопилось много разбитых надежд и разочарований. Я никак не думала, что наш народ так отнесется к этой страшной войне. Все как будто бы забыли о том, что там, на фронте, почти у каждого сражается за Родину отец, брат, муж или сын.

Каждый думает только о себе... Все стремятся к наживе, к обогащению за счет страданий Родины.

А наше высшее общество! Именно тот круг людей, который обязан своим образом действий, своим поведением показывать пример всем другим... Представьте себе – Мне стало очень тяжело ездить в Петроград, где Меня угнетает атмосфера пошлости, пустоты и эгоизма, которая овладела там всеми. Сколько там веселья! Обеды, ужины, клубы, театры, почти балы... Все веселятся. Дамы друг друга стараются перещеголять нарядами. Сколько роскоши... Какие деньги тратятся...

Я никак не ожидала, что возможно будет что-либо подобное у нас в то время, когда Отечество оказалось в том положении, в каком оно находится теперь. Я считала наш народ гораздо более патриотичным. О наших дамах Я не могу спокойно думать: наряжаться, теперь... Думать и заботиться о своих туалетах... Как это возможно!

Ни Я, ни Мои дочери, ни за что не согласились бы теперь надеть какое-нибудь роскошное платье.

Мои дочери еще очень молоды, но Я убеждена, что, еслиб Я им и приказала одеться в балльные платья, они упростили бы Меня отменить такое приказание. Разве можно теперь жить светскою жизнью и интересоваться светскими удовольствиями...

И всюду сплетни, пересуды...

Государыня начала сильно волноваться, и при последних словах крупные слезы заблестели на Ее глазах.

«Какие гадкие мысли у всех этих людей! Я думаю, что надо быть очень скверными людьми, чтобы выдумывать про других такие гадости, какие они выдумывают. И главное – верить, что другие люди способны на такие вещи, которые про них рассказывают. Какими скверными, испорченными надо быть для этого» ...

Дальше Государыня не могла сдерживать Своего волнения: видно было, что Ее душили слезы...

Ее Величество быстро со мною простилась, благословила меня и отпустила...

* * *

[...] Май 1918 года. Частная петербургская квартира, разгромленная красноармейцами. В комнате собралось

несколько близких между собою людей: близких по пережитым испытаниям, близких по переживаемым чувствам, близких по надеждам, упованиям и чаяниям.

По рукам ходит какая-то открытка, на которой написано несколько строк... Эти дорогие строки читаются с благоговением, ибо написаны они Государыней Императрицей Александрой Феодоровной и, через верную «оказию», только что пересланы из Тобольска. На открытке — фотография с домом, который отмечен крестиком. Содержание этой записки очень кратко:

«Думаем о вас всех и о страданиях, которые вы претерпеваете. Недавно Мой Сын был, очень болен: теперь, слава Богу, поправляется. Среди испытаний, стараемся сохранить силы духа. Молитва Нас много подкрепляет и поддерживает... Молю Господа Бога, да спасет Он Россию и наш несчастный, обманутый народ. Молитесь и вы, молитесь за народ наш и не злобствуйте на него: он не так виноват, как вам кажется, его самого обманули, и он тоже много страдает. Христос с Вами! А.»

Феодор ВИНБЕРГ

«ЕЕ ЕДИНСТВЕННАЯ ВИНА ЭТО ЛЮБОВЬ К НАРОДУ...»

[...] Собеседница моя была человек деловой, сухой и отнюдь не сентиментальный. Но она проявила глубокое и искреннее волнение, говоря об Императрице, в тот момент узнице Царскосельского Дворца. Сама она (это была Великая Княгиня Мария Георгиевна⁴¹) была довольно далека от Двора, тем более от интимного круга Александры Феодоровны, и отзыв ее о Царице был для меня совершенно неожиданным.

«Трудно найти человека, который был бы более оклеветан современниками и будет, вероятно, оклеветан историей, — сказала Великая Княгиня, — нежели Императрица Александра Феодоровна. Увы! Никто Ее не знал и не ценил, никто не хотел и не хочет быть к Ней просто справедливым.

А, между тем, Государыня была и отличной примерной женою и матерью, и истинно Русской Царицей. По воспитанию Своему и по духу Она была не германской, а английской принцессой. Приехав навсегда в Россию, Она всем сердцем Своим пошла навстречу России и всему русскому.

Принявши Православие, Она стала искренно и глубоко православной. Она восприняла не только духовную сущность Православия, но и все внешние проявления русского культа, вплоть до последних обрядовых мелочей, столь дорогих сердцу русского крестьянина.

Именно здесь ищите объяснения всем Ее попыткам подойти ближе к простому верующему русскому человеку и духовно слиться с народом в лице случайных людей из народа, случайно же дошедших по Царских палат. К таким людям я отношу и Распутина.

Этот мужик был главным, был последним, но не единственным, кого Государыня искренно считала представи-

телем подлинного русского народа, примером простой, глубокой и искренней веры в Бога. Я надеюсь, вы с гадливостью, как и я, отбрасываете все грязные слухи и сплетни. Как смеют газеты и разные пошлые брошюры печатать что-либо унижающее достоинство Императрицы?

Государыня — примерная супруга и отличная мать. Именно Ее материнской тревогой за Наследника продиктована была Ее вера в целительность молитв Распутина, святого, по Ее глубокому убеждению, человека. И каким бы ни был этот мужик, он действительно помогал много раз больному Наследнику.

И Ее вера в святость Распутина, и все эти иконки, освященные прикосновением к иконам и мощам предметы, эти, если хотите, амулеты, которыми Она Себя и близких окружает, все это — прямой результат Ее глубокой, до фанатизма проникновенной, и высокой веры в Бога. Да! В русского, в православного, в мужицкого Бога!..

Государыня всею душою восприняла начала не одного лишь Православия. Она глубоко прониклась началами Самодержавия и Народности. Она много читала по истории России XVI и XVII века, и Россия представилась Ей в образе Московской Руси с ее безконечной преданностью Царю, с ее верою в Царское Самодержавие, возносящееся над всеми сословиями и классами и более всего посвящающее себя служению простому народу.

Русский Царь должен быть Самодержцем! Да! Самодержцем с большой буквы — вот идеал Государыни! И никто не смеет становиться между Царем и народом, заслонять Царя от народа, предъявлять какие-то требования, что-то контролировать, что-то указывать. Отсюда ее ненависть к Государственной думе, к представительным учреждениям, к малейшему ограничению Царского Самодержавия.

Парламент, или подобие его, в патриархальной России всегда казался Ей чудовищной нелепидцей, а посягательства Думы на прерогативы Монарха, посягательства на Самодержавие Ее Супруга Она считала тягчайшим преступлением, достойным кары.

Самодержавие Царя Миротворца, воспринятое Николаем II, должно быть в неприкосновенности передано Сыну Ее Алексею Первому, — вот была Ее идея, Ее заветная

мечта! Поверьте, Ею руководила не одна лишь материнская любовь, не личное властолюбие. Ею руководила великая идея и чувство ответственности пред Богом за сохранение в неприкосновенности великого начала благодетельного для России.

Знаменитый костюмированный бал 1903 года в Зимнем Дворце был для Государыни вовсе не историческим маскарадом. Это был великий день в жизни Государыни, когда Она вышла в залы Дворца, одетая Московской Царицей, рядом с Государем в облачении Царя Алексея Михайловича, самого любимого Ее Царя из всей истории Московской Руси. Высоко символическим актом было дарование Ее долгожданному Наследнику имени Алексея, в память «Тишайшего», наиболее русского и наиболее Православного Царя.

Идеалом Государыни был Царь, любящий народ, как вы сказали бы теперь Царь-демократ, но я ненавижу это словечко, которым оправдывают столько преступлений. Государыня считала, что Царем-народолюбцем, Который пал жертвой любви Своей к крестьянству, Царем-страсто-терпцем, Царем-великомучеником, достойным сопричисления к лику официальных святых Православной Церкви, был Император Павел I. Государыня была главным инициатором того культа Императора Павла Петровича, который начался еще пред войною.

Все, кто любил Государыню, последовали за Нею в прославлении безвременно погибшего Монарха. У гробницы Императора Павла, слева от алтаря, был поставлен массивный серебряный подсвечник с пылающим лесом тонких восковых свечей. Пред гробницею непрестанно служились молебны по заказу верующих, непрестанно поминалось имя Августейшего Усопшего. Причт церкви был удвоен, чтобы успевать исполнять непрестанно заказываемые службы. Согласитесь, что инициатива Государыни, о которой говорили вполголоса, нашла горячий отклик в среде верующих, которые вместе с Императрицей Александрой Феодоровной считали «мужицким Царем» и великомучеником, убитым за народ, Павла I-го, Которого облыжно изображали тираном и безумцем убийцы Его.

Ей же, Государыне, принадлежала инициатива прославления и, если окажется возможным, сопричисления к ли-

ку святых другого, по Ее мнению, Царя-Мученика и народолюбца, а именно Иоанна IV-го, Которого Государыня не любила называть «Грозным». Культ этот развивался в Москве у гробницы Царя Иоанна IV гораздо медленнее, чем культ Павла I в Петропавловском соборе. И Его Государыня считала мучеником, народолюбцем, жертвою боярской клеветы.

Вы находите, что Государыня ошибалась в выборе тех, кого Она считала великомучениками, страдальцами за народ. Но я не говорю, что Она объективно права. Я говорю лишь, что Она была безконечно искренна в Своей любви к русскому народу. Живя вне реальной жизни, в идеях и представлениях Руси XVI-го и XVII-го века, Она верила в любовь русского народа к своему Царю, верила в исторически сложившиеся устои русской народной жизни.

Вы скажете, что Россия 1917 года, что Империя в годы мировой войны – это не Русь XVI-го века, что Государыня, проникаясь русскими историческими идеалами, ошиблась на два с половиною столетия. По-моему, единственная ошибка Государыни – это Ее слишком глубокое и искреннее желание стать русскою до мозга костей, готовность отречься от всего, что не исторически-русское, не православно-русское, не народно-русское. Ее единственная вина это Ее любовь к народу и вера в народ.

А вы, участники февральской революции, говорящие и действующие именем народа! Уверены ли вы, что именно вы точно отражаете русские народные идеалы начала XX-го века?! Уверены ли вы, что еще долго останетесь во Дворцах, из которых изгнаны их Хозяева? Уверены ли, что народ призовет к власти именно вас после выборов Учредительного собрания?!.. Впрочем, это уже другой вопрос!..

Попомните мои слова. Вот сейчас целая комиссия г. Муравьева⁴² занимается исследованием жизни и деятельности Государыни, ищет связи Ее с Германией и т. п. Но она ничего не найдет, потому что Государыня – истинно русский человек. Ведь это просто вульгарно говорить о государственной измене, и чьей же? – Супруги Государя. Теперешнее правительство вольно рассматривать Императрицу Александру Феодоровну, как государственную преступницу, врага конституции, «народного

суверенитета», «совдепов» и т. д. Но государственной изменницей Русская Царица не была никогда! И чем скорее признает это и гласно объявит о том Временное правительство, тем будет лучше для него самого.

Время покажет, кем была Императрица Александра Феодоровна для Мужа, для Семьи и для России...»

Таков был единственный отзыв в пользу Императрицы Александры Феодоровны, который довелось мне слышать из уст близких к Ней по их положению людей. Моя собеседница говорила о Государыне, тогда заключенной в Царском Селе, с горячим и безкорыстным сочувствием.

Интересно отметить, что вслед за горячей речью об Императрице, Великая Княгиня весьма сдержанно говорила о возможной судьбе ее собственного Мужа. Она очень подробно расспрашивала меня, смогут ли при революции Члены Династии удержать за собою земли, предприятия и капиталы, бывшие в их обладании, и в каком размере и т. п. Помню, меня тогда же удивило, как эта сухая в отношении близких ей людей женщина могла так горячо вступить за непопулярную тогда Царицу.

С. Г. СВАТИКОВ

ЦАРЬ И ЦАРИЦА

«Глубоковерующий христианин, всем умом и сердцем любивший Россию, постоянно пекущийся о благополучии Своего народа, прекрасный семьянин, безконечная доброта, удивительная чуткость – вот главнейшие черты Императора Николая II-го».

Я взял этот эпиграф из мемуаров бывшего министра князя В. Н. Шаховского⁴³ – т. к. я имел счастье знать Государя именно таким, как князь Его описал.

Таким же знали Его все, кому приходилось с Ним встречаться. Я бы только добавил, что изумительная простота являлась, кроме того, отличительной чертой несчастнейшего Царя.

Много исторических и литературных характеристик, не всегда, к сожалению, правдивых, посвящено уже Его светлой памяти, но мне – скромному Городскому голове маленькой Евпатории – посчастливилось близко и неоднократно соприкасаться с Императором в совершенно необычайной обстановке и я полагаю священным долгом своим поделиться с моими соотечественниками всем мною пережитым в общении с Ним и тем дополнить значительные пробелы в посвященных Ему жизнеописаниях.

Впервые я имел счастье представляться Его Величеству в Ялте в 1907 году, поехав туда для выражения верноподданнических чувств по поводу прибытия Царя в Крым.

Меня, в числе других депутатов, выстроили на ялтинском молу, когда к нему пришвартовалась Императорская яхта «Штандарт».

Здесь Государь, еще не оправившийся от путешествия, сердечно и ласково обращался к каждому депутату.

Когда пришла моя очередь и я назвал себя, Его Величество, пожав мне руку, спросил, не укачало ли меня,

пока я доехал на пароходе до Ялты. На что я ответил, что Евпатория, к сожалению, не соединена железной дорогой с Севастополем и была бы счастлива Его высоким покровительством для осуществления этой мечты... Государь, улыбнувшись, ответил мне, что Он охотно об этом подумает⁴⁴.

И тогда уже я был поражен чарующей приветливостью Его взгляда... Очарование это сохранилось у меня навсегда. Такую особенную черту Его красивых голубых глаз отмечают, между прочим, все, кто о Нем писал...

Вторая встреча моя с Государем произошла в 1908 году, когда Евпаторийское земское собрание в полном составе отправилось в Ливадию для подношения Его Величеству адреса. Составление адреса было поручено мне, а я, воспользовавшись случаем, не ограничился трафаретным выражением в нем верноподданнических чувств, а, придав форму доклада Державному Хозяину Земли Русской о состоянии Евпатории и ее уезда и перечислив целебные силы и огромные экономические богатства города и уезда, заявлял, что проведение к нам железной дороги и устройство порта является неотложной необходимостью. Добавив, что наш курорт имеет общегосударственное значение, я от имени земства ходатайствовал о Высоком покровительстве Его Величества. Адрес был вложен в художественно исполненную серебряную папку работы Фаберже.

На следующий день нашего приезда был назначен общий прием на площадке перед старым Ливадийским дворцом.

Представляться должны были, кроме нас — все крымские предводители дворянства, председатели земских управ и волостные старшины...

Чудное крымское утро 1 ноября⁴⁵. Нас выстроили полукругом. Из дворца появился Государь. На балконе расположилась Императрица с Наследником и Великими Князьями...

Государь в сопровождении министра Двора графа Фредерикса стал обходить представлявшихся, обращаясь к каждому с разными вопросами и приветливыми словами...

Нас представляет молодой и малоопытный губернатор Новицкий. Он страшно волнуется, губы дрожат и он иногда путает имена. Доходит очередь до меня.

Перепутав меня с находившимся позади председателем Ялтинской земской управы Винбергом, Новицкий докладывает: «Председатель Ялтинской земской управы».

— Позвольте, позвольте, — перебивает, улыбаясь, Государь, — это не председатель земской управы, а Евпаторийский городской голова. Я его помню. Он Мне представлялся в прошлом году.

Страшно смущенный губернатор продолжает:

— Виноват, это Евпаторийский городской голова Дуван, — и, очевидно, поощренный оказанным мне вниманием продолжает: — Считаю долгом доложить Вашему Величеству, что городской голова Дуван сделал очень много для Евпатории.

Государь вновь перебивает:

— Как же, как же, знаю, — затем, протягивая мне руку, говорит:

— Благодарю Вас за полезную общественную деятельность. И направляется дальше.

Я же, по знаку находившегося в числе сопровождавших Государя и уже знавшего об адресе генерала Думбадзе⁴⁶, вручаю нашу папку министру Двора. Тот вполголоса что-то докладывает Государю.

— Велите положить у Меня в кабинете, — говорит Государь.

На следующий день я еду благодарить Думбадзе. Он говорит, что адрес Государю очень понравился и Он прочел его с большим вниманием...

Еще через день мы все получили приглашение в Новый Дворец к Высочайшему завтраку. Государь очаровал всех Своей простотой и гостеприимством. Завтрак был поистине царский — чрезвычайно вкусный и разнообразный, а придворные лакеи то и дело подливали в бокалы гостей чудесные вина...

Закурив в конце завтрака папиросу, Государь просил нас тоже курить⁴⁷.

Во все время завтрака на хорах играл великолепный оркестр. После завтрака перешли в гостиную, где было подано кофе.

Появилась Императрица с Наследником и Великими Князнями. Государь представил Ей нас общей группой.

Императрица и Великие Княжны приветливо заговаривали то с одним, то с другим, а маленький Наследник привел всех в восторг Своей красотой и милым щебетанием...

В то же время Государь обходил гостей, задавая разные вопросы. Очень интересовался земским делом, расспрашивал об особенностях того или иного города или уезда. При этом Он проявил, особенно удивившие крестьян, познания в области сельского хозяйства, а многих из нас знакомством с историческим происхождением городов Крыма...

Подойдя ко мне, Государь спросил, не мною ли был составлен поднесенный Ему адрес, и получив утвердительный ответ, сказал, что адрес Его очень заинтересовал; стал расспрашивать подробнее о наших экономических возможностях и курортных богатствах и закончил обещанием поддержать наше ходатайство и, при первой возможности, посетить Евпаторию. Последнее обещание было исполнено только в 1916 году, во время войны. Государь со Своей Семьей провел тогда в Евпатории целый день. [...]

* * *

В начале 1915 года уполномоченными Ее Величества, при моем содействии, была заарендована, для обслуживания раненых, находящаяся на Дувановской улице, Приморская санатория доктора Ламана. Учреждению этому затем было присвоено наименование «Собственной Е. В. Императрицы Александры Феодоровны Приморской санатории».

По докладе вернувшихся из Петрограда уполномоченных, я был в августе вызван телеграммой Государыни в столицу, а оттуда в Царское Село. Я остановился в «Европейской» гостинице. По прибытии же моем в назначенный для аудиенции день в Царское меня ждала там у вокзала посланная за мною придворная карета с лакеем, облаченным, как и кучер, в красную с черными орлами ливрею.

Я при отъезде из Евпатории захватил с собою для поднесения Государыне альбом с photographиями города.

Запряженная прекрасной парой вороных, карета быстро примчала меня к Александровскому дворцу, тогдашней резиденции Императорской Фамилии. Стража распахнула огромные бронзовые с Орлами ворота и мы по тенистой аллее подкатили ко входу во дворец. Здесь навстречу мне вышел скороход в красной ливрее, коротких синего бархата штанах и белых чулках.

Мы поднялись по нескольким ступенькам в просторный коридор, где он передал меня маленькому арапчонку в чалме и халате. Этот, в свою очередь, повел меня по устланной коврами и украшенной картинами анфиладе комнат до самых покоев Императрицы. А здесь уже ждал ливрейный лакей, тотчас распахнувший передо мною массивную в инкрустациях дверь, и я очутился лицом к лицу с Царицей.

Красивая, стройная и величественная, Она встретила меня чрезвычайно просто и ласково.

Мне трудно передать мое первое впечатление. Я был восхищен.

Я поцеловал протянутую мне руку. И позже, каждый раз, когда я целовал эту руку, — я восторгался ею.

За долгую жизнь мою я нигде не встречал таких красивых рук, как у Императрицы. Поразительная белизна, нежная, бархатистая и душистая кожа их — незабываемы.

Вопреки ожиданию моему, Она заговорила *совершенно свободно по-русски*.

А когда, оправившись от первого смущения и раскрыв альбом с фотографиями, я собирался объяснять их, Она меня предупредила: «Да, да Я вижу: — это Дувановский театр, это Дувановский сквер, Ваша библиотека, Дувановская улица» и т. д... Оказалось, что состоявший при Ней и ныне еще здравствующий в Бельгии, бывший наш губернатор граф П. Н. Апраксин⁴⁸ заранее очень подробно осведомил Ее обо мне.

«Я знаю о Вашей деятельности, — продолжала Она, — и прошу Вас принять в свои руки и Мое дело. Прошу Вас быть заведующим учрежденной Мною в Евпатории Приморской санатории⁴⁹. Вы побываете здесь у генерала Вильчковского⁵⁰, Моего уполномоченного по управлению всеми лазаретами, санаториями и санитарными поездками, находящимися в Моем ведении. От него Вы получите необходимые инструкции, а затем будете представлять Мне Ваши доклады».

Ответив, что буду безмерно счастлив служить Ее Величеству, я откланялся и в том же порядке был доставлен на вокзал.

На следующий день, сговорившись по телефону, я побывал у генерала С. Ф. Вильчковского. Об этом исклю-

чительного ума и очень интересном человеке я расскажу особо, а пока об Императрице...

Вернувшись домой, я вступил в исполнение обязанностей по заведыванию Ее санаторией, которая была рассчитана на 300 больных и раненых (100 офицеров и 200 солдат). В ней применялись грязевые, рапные, морские, солнечные, песочные, паровые и электрические ванны. Обслуживалась санатория тремя врачами. Пища была первоклассная. Была своя библиотека, шахматы, домино и прочие игры. Был рояль. Устраивались концерты, чтения и иные развлечения. Больных доставляли в специальных санитарных поездах. Уголь, дрова, сахар, керосин, овощи и все, недостающие во время войны, продукты подвозились в изобилии особыми поездами.

Применение перечисленных выше способов физического лечения творило чудеса, заживляя тягчайшие раны и исцеляя от ревматизма, малокровия, почечных заболеваний и проч.

Военным начальником санатории был назначен кн. Геловани⁵¹, — красавец грузин атлетического сложения и необычайной силы. И ему я думаю посвятить позже несколько отдельных страниц своих воспоминаний.

Я посылал Царице ежемесячные отчеты⁵², которые возвращались ко мне с подробнейшими отметками Высокой Хозяйки. Кроме того, я ездил много раз в Царское, где делал Ей личные доклады о жизни санатории. Запросто принимая меня для этих докладов в каком-либо из лазаретов, Она поражала меня Своим трогательным отношением к нуждам опекаемого Ею учреждения. Ни одна мелочь не ускользала от Ее внимания. Ни одна мать не могла так заботиться о своих детях, как это делала Императрица по отношению раненых. И даже во время этих приемов Царица не прерывала Своей работы, то заготавливая корпию, то занятая вязанием теплого белья для больных.

В один из своих приездов перед Пасхой в Петроград, не успев еще представиться Императрице, я поехал в Царское навестить раненого сына⁵³, находившегося в лазарете Екатерининского дворца. Направляясь к нему по коридору, я услышал, что по телефону было сообщено о предстоящем тотчас посещении лазарета Государыней. Меня обрядили в больничный халат и поставили среди выстроившихся в

два ряда врачей и сестер. А через несколько минут Она уже проходила среди нас вместе с сопровождавшим Ее Наследником. Меня Она не заметила. Но Наследник дернул Ее за платье: «Мама, мама, и Дуван здесь». Императрица протянула мне руку с ласковым укором:

— Как же это Вы еще не побывали у Меня?

— Простите, Ваше Величество, я только сегодня приехал и, не успев еще испросить у Вас аудиенции, хотел до того навестить сына.

— Ну, ну, идите к нему, он славный, Алеша его очень любит. А Я послала Вам сегодня в Евпаторию Пасхальное яичко...

Это «яичко» оказалось большим художественно украшенным фарфоровым яйцом Императорского завода. Такое же яйцо получил полковник Геловани. Остальной же служебный персонал получил яички поменьше. Маленькие яички достались и всем раненым офицерам и солдатам. Кроме того, все мы получили по маленькому Евангелию с автографом Императрицы.

Изумительно было уменье Ее Величества, переобремененной работой, пользоваться малейшим случаем, чтобы кого-либо порадовать. О любвеобильном сердце Ее и безмерной доброте можно было бы сказать очень много. Я наблюдал трогательные моменты Ее сердечности и во время приезда в мае 1916 года Царской Семьи в Евпаторию. В Своей санатории Она обласкала всех раненых. Она обняла агонизирующего солдата-татарина, который и умер буквально у Нее на руках.

В один из приездов в Царское Село, когда я находился у А. А. Вырубовой, неожиданно приехала Императрица. Застигнутый этим визитом врасплох, я хотел ретироваться, но Она остановила меня: «Оставайтесь, оставайтесь, Вы нам не мешаете»...

Я считаю долгом особо упомянуть об Анне Александровне Вырубовой, которую я близко узнал при встречах в Царском и, в особенности, во время пребывания ее в течение месяца у меня на даче. Она была послана в Евпаторию для лечения грязевыми и песочными ваннами от костных повреждений ноги, полученных при железнодорожной катастрофе.

Всегда восторженная и жизнерадостная, порою наивная как ребенок, она буквально обожала Императрицу.

Она была необыкновенно добра и отзывчива. В Царском, устроив на свои средства прекрасный лазарет, она, кроме того, помогала Государыне и раздавала пособия всем к ней обращавшимся. Не было никому от нее отказа и в Евпатории, откуда она поддерживала перед Царем и Царицей многочисленные ходатайства обращающихся к ней лиц.

И на эту патриотку, всем существом своим преданную Родине и Трону, лилась клевета: ей приписывали даже интимную связь с Распутиным. И только когда, по требованию Керенского, учредили специальную следственную комиссию, убедились, после освидетельствования врачей, в ее непорочной девственности... [...]

* * *

Государь, никогда в Евпатории не бывавший, и заинтересовавшийся блестящими результатами тамошнего лечения, решил приехать к нам из Севастополя, где Он находился тогда со всей Семьей.

Утром 16 мая 1916 года Царская Семья прибыла по железнодорожной ветке, проведенной во время войны⁵⁴.

Высокие Гости были встречены на перроне представителями местного населения: русских, татар, караимов, греков, армян, евреев и поляков. Пока Царская Семья выходила из вагона гимназический оркестр и хор из мальчиков и девочек стройно исполнили Царский гимн.

Я, в качестве городского головы, приветствовал Государя поднесением хлеба-соли, а Императрице был мною поднесен старинный, слоновой кости ларец с 25-ю тысячами рублей, составлявших личное пожертвование гласных Евпаторийской думы.

В составе Свиты находились юный Великий Князь Дмитрий Константинович⁵⁵, начальник дворцовой охраны генерал Спиридович⁵⁶, дворцовый комендант Воейков⁵⁷, флаг-капитан Нилов⁵⁸, лейб-медик Боткин и др.

Со времени существования города это был второй Царский приезд. Первым посетил Евпаторию Император Александр I в 1812 году*.

Я в своей приветственной речи сказал Государю, что мне досталось счастье испытанное и моим дедом, бывшим

---

* В действительности в 1825 г. — С. Ф.

в 1812 году городским головой и принимавшим Его Августейшего Предка.

Мы оказали Высоким Гостям радушный, хотя и не пышный, прием.

Особая примечательность этого приема заключалась в том, что он не имел казенного, официального характера. Не было по пути никаких войск и почти не видно было полиции. Добровольная охрана была организована мною из почетных граждан, делегированных от всех национальностей населяющих город... Около 2000 человек образовали цепь с двух сторон пути от вокзала.

Десятки тысяч народа, находившегося за цепью, вели себя образцово, и порядок нигде нарушен не был. Императорский кортеж двигался медленно, и это дало возможность Царской Семье и всем встречавшим Ее близкого и непосредственного общения. Столь необычайным для Него приемом Государь был глубоко растроган...

Ласково поздоровавшись на вокзале и приветливо всех поблагодарив, Императорская Чета с Детьми разместились в автомобилях. В первом Государь с Наследником, во втором Императрица с Великими Княжнами, а в последующих лица Свиты, губернатор и городской голова.

Прежде всего направились в кафедральный собор, а оттуда в мусульманскую мечеть и караимскую кенассу, — храмы наиболее многочисленного после русских населения города.

Прослушав везде торжественный молебен, Царская Семья посетила «Санаторию Ее Величества», основную цель приезда.

Здесь, обласкав раненых, Государь с Наследником направились в парк, а Императрица, как Хозяйка санатории, осталась вместе с Великими Княжнами в обществе сестер милосердия и раненых.

Здесь Государя сопровождали генерал Спиридович, лейб-медик Боткин и я. Надо было пройти парком, отделенным стеною от Дуванской улицы. Очутившись на пляже, Государь был изумлен открывшейся перед Ним панорамой безбрежного моря, образующего природную бухту, всю окаймленную садами и виллами причудливой архитектуры и десятками пристаней и купален. Все это, залитое солнцем, являло дивную картину. Золотистый песок

на пляже особенно поразил Государя. Пересыпая его на руках, Он подробно расспрашивал меня о нашем курорте, с большим интересом выслушивая мои объяснения. А Наследник в это время резвился на песке, с детской живостью отдаваясь столь редкому для Него удовольствию.

Внезапно я был прерван вопросом Государя: — А это, вдоль стены улица Вашего имени? — Так точно, Ваше Величество. — А нельзя ли Нам обратно вернуться по ней, она, если Я не ошибаюсь, ведет к воротам санатории. — Совершенно верно, Ваше Величество, и если Вам благоугодно будет, мы пройдем ею. Только это отымет больше времени и будет несколько для Вас затруднительно, благодаря тому, что улица запружена народом. — Ничего, пойдемте.

Меня охватила страшная тревога, но высказать ее я не посмел. Оставалось только подчиниться...

На улице бушевала толпа в 7-8 тысяч человек.

Неожиданное появление Государя с Наследником вызвало нечто невообразимое. Нельзя описать охватившего народ энтузиазма. Дикое громовое «ура» и, в мгновение ока, Государь, юный Царевич и все сопровождавшие Их были окружены и стиснуты кольцом восторженных граждан. Все стремились подойти к Государю, целовали руки Наследника и забросали Их цветами, запасенными в ожидании Царского выхода. Одно мгновение растерявшись и побледнев, Государь быстро овладел Собою, покоряя всех Своей обаятельной улыбкой...

Сильно взволнованный генерал Спиридович шепчет мне: «Что вы наделали!» — Ничего, — отвечаю я, — Бог даст, все обойдется благополучно.

Подняв вверх руки и стараясь, по возможности, огладить Царя и Наследника, я все время обращаюсь к публике с просьбой быть осторожнее и поберечь Дорогих Гостей.

«Не беспокойтесь, господин голова, — слышу я взволнованные до слез голоса. — Все будет хорошо. Спасибо Вам, спасибо. Царя повидали. Наследника повидали».

Мы двигались почти полчаса, пока добрались до ворот, откуда уже спешили к нам навстречу раненые офицеры.

Толпа вела себя образцово. Ни Царь, ни Наследник потревожены не были. Государь был растроган до глубины души и много раз затем, в течение дня, повторял, что ни-

когда в столь непосредственном, неподготовленном общении с народом Он не был и что приема этого никогда не забудет.

Затем Царская Семья посетила городской лазарет, где произошел, между прочим, случай чрезвычайно всех взволновавший.

Среди тяжело раненых солдат здесь находился умиравший татарин Мустафа.

Узнав с утра об ожидаемом посещении Царя, он молил доктора помочь ему дожить до этого момента.

Он лежал в палате второго этажа и, пока Высокие Гости обходили больных внизу, он так разволновался, что мог умереть с минуты на минуту.

Заведующий лазаретом доктор Б. И. Казас доложил об этом Государю и все немедленно поднялись наверх. Государь обласкал несчастного, а Императрица обняла его и он скончался у Нее на руках, шепча молитвы...

Из лазарета направились к Царскому поезду на завтрак, к коему были приглашены губернатор, предводитель дворянства и я.

Государь был в наилучшем настроении и делился с присутствующими Своими впечатлениями. Радужно нас потчевал и неоднократно благодарил меня за удачно организованный прием.

После Высочайшего завтрака мы поехали с Государем для осмотра отведенных городом под устройство санатории имени Цесаревича Алексея семидесяти десятин загородного пляжа, расположенного между грязевым озером и морем.

Здесь, по мысли Государя, намечено было сооружение санатории на 700 кроватей, оборудованной по последнему слову науки всеми приспособлениями для лечения.

Причем имелось в виду, по окончании войны, предоставить некоторое количество кроватей для пользования раненых офицеров всех союзных стран...

Увы, разбушевавшаяся революция сорвала и это замечательное Царское начинание...

Вторая половина дня была посвящена отдыху Царской Семьи у меня на даче «Мечта».

К приезду ВысокихGuestей вся дача была покрыта сплошным ковром маков и васильков, доставленных крестьянами...

Почувствовав Себя в интимной обстановке, Члены Императорской Семьи предались разным удовольствиям.

Все, кроме Императрицы, купались в море, погрелись на пляже, фотографировали друг друга и т. д. Наследник занялся сооружением на берегу крепости из сложенного там камня, в чем Ему усердно помогал и Государь.

Я имел счастье наблюдать здесь в семейной обстановке как Императрица и Дети боготворили Государя. Нежнейший Отец и семьянин, сколько любви и ласки Он уделял Им всем.

Для развлечения Детей из моего имения была доставлена семья каракульских овец (баран, матка и три ягненка), успешно разводимых в Крыму. Овец привез старый овцевод Федор Литвиненко, объяснивший Государю все особенности этой расы.

Не узнав подошедшего Государя и приняв Его за офицера из Свиты, Литвиненко разговаривал с Ним совершенно непринужденно. На вопрос Государя: «А когда привезли этих овец сюда?», — он простодушно отвечал: «Привезли сегодня утром, т. к. ожидают Государя».

Тут я шепнул ему, что с ним говорит Сам Государь.

Бедняга страшно разволновался, сбросил шапку и упал на колени.

«Батюшка Царь, — завопил он, — прости меня, старого дурня, не узнал я с Кем говорю, семьдесят пять лет живу на свете и никогда не думал, что доживу до такого счастья»...

Царь поднял его, сердечно обласкал и успокоил.

Наследник был в огромном восторге от ягнят. Он вместе с Сестрами долго резвился с барашками и безумно обрadowался, узнав, что они предназначены Ему в подарок.

Чай и обед были сервированы на открытой веранде у моря, причем Высоким Гостям мною были предложены преимущественно местные блюда и лакомства.

Отдых на даче пришелся так по душе всей Царской Семье, что по настоянию Наследника, все время повторявшего: «Папочка, милый, здесь ужасно хорошо, останемся еще», — пребывание Царской Семьи на даче затянулось до позднего вечера.

Евпаторийское море и пляж произвели на Царя и Царицу столь глубокое впечатление, что было решено привезти Наследника будущим летом на мою дачу, где Он мог бы в наилучших условиях воспользоваться песком и морем.

Но и эти планы, как многие другие, были безжалостно сметены революционной стихией...

Закончу мое воспоминание тем, что по отъезде Царской Семьи я был осчастливлен получением с ближайшей станции следующей телеграммы:

«Императрица и Я, глубоко тронутые радушным приемом, сердечно благодарим Вас и население Евпатории. Николай».

А вскоре после этого я получил в подарок массивный золотой портсигар с бриллиантовым Орлом и сапфировой застежкой, где на внутренней стороне крышки была выгравирована следующая надпись:

«Всемилоостивейше пожалован Евпаторийскому Городскому Голове Семену Дувану 16-го мая 1916-го года».

Так закончилась, оказавшаяся последней, моя встреча с несчастным Венценосным Мучеником...

Светлая память о Нем никогда не изгладится из сердца тех, кто знал Его.

Семен ДУВАН

МАТЕРЬ МИЛОСЕРДИЯ

*Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!*

В. Брюсов.

**СЛОВО СВ. ПРАВЕДНОГО
о. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО
В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ
1896 г.**

Ныне Россия празднует молебное торжество тезоименитства своей юной Православной Царицы и радуется о Ее первородной Дщери и о том, что Она первые Свои царственные заботы возымела о возвышении благосостояния бедного люда в России по доставлению ему полезного труда. Чует русский человек эту сердечную струну в своей Царице, и добрым сочувствием бьется его сердце к своему Царю и Царице, милостиво обратившим Свое внимание в сторону обездоленных людей, и молится он, и мы все молимся, — да продлит дни жизни и Царствования Их на много лет, и да согревает сердца Их сочувствием к нуждам и скорбям врученного Им народа Русского. Аминь.

**«ОНА ДЕРЖАЛАСЬ
САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ...»
1898-1904 гг.**

...Личные встречи с Императрицей Александрой Феодоровной могли бы оставить во мне чувство известного нравственного удовлетворения за Лицо, Которому могло предстоять благотворительное влияние на Монарха. В первый раз мне пришлось Ее видеть в качестве члена попечительства в домах трудолюбия, основанных по Ее желанию и под Ее председательством. Она живо интересовалась этим делом, и все Ее вопросы и замечания были проникнуты большой, хотя и, надо заметить, теоретической обдуманностью. Она, очевидно, старалась держаться в пределах предоставленной Ей деятельности и избегала вмешательства в общегосударственные вопросы. Когда по поводу равнодушного отношения Петербургской городской думы к учреждению попечительств о бедных, в противоположность Москве, я заметил, что и там это дело обязано своим возникновением и развитием энергичной деятельности профессора Герье³⁹ и может с его кончиной заглохнуть, Она спросила меня, в чем кроется причина этого, и я ответил указанием на нелепое городское положение, в силу которого в Думу допускаются исключительно домовладельцы и промышленники, и, например, я лично – уроженец Петербурга и проживший в нем почти 50 лет – не имею права быть гласным Думы, если не выправлю торгового или промыслового свидетельства хотя бы на торговлю спичками. «Но как же этому помочь?» – спросила Она меня. «Madame, – ответил я, – pour changer cet ordre qui n'est q'un désordre, il y a un seul remède: la volonté de Votre Auguste Époux. Et Vous n'avez qu'à lui parler là dessus»*. Она быстро прервала

---

* «Мадам, чтобы изменить этот порядок, который является только безпорядком, есть единственное средство – воля Вашего Августейшего Супруга. И Вы должны только поговорить об этом» (фр.).

разговор на эту тему и почти перебила меня словами: «Est-ce qu'en été vous habitez toujours Pétersbourg?»* – давая тем понять, что я рекомендую Ей нежелательную роль. Но в делах попечительства Она держалась самостоятельных взглядов и стояла всегда на разумной и целесообразной стороне. Это было нелегко для Нее. Она была застенчива и выражалась с трудом, хотя всегда весьма определенно и решительно, несмотря на то, что докладчиком и руководителем в заседаниях был лукавый царедворец Танеев⁶⁰, старавшийся держать Ее в бюрократическом застенке, сводя некоторые вопросы к личной чиновничьей конкуренции с честным, но недалеким секретарем Императрицы графом Ламздорфом⁶¹. Этот в душевном отношении «moralish hohler Mensch»** находил себе союзников в некоторых из членов Комитета и иногда в приглашенных министрах. Впервые Ей пришлось проявить Себя, помимо некоторых назначений и увольнений, шедших вразрез с иерархическими привычками бюрократии, в вопросе об общественных работах в помощь голодающим в 1900-1901 годы. Вопрос об этой помощи со стороны попечительства был возбужден мною, но встретил категорическое несочувствие членов Комитета, согласившихся с Танеевым, что задача попечительства ограничивается исключительно устройством мертворожденных и бесполезных домов трудолюбия, вместо работных домов с принудительным трудом и немногочисленных Ольгинских приютов. Я оставался при мнении, которое потребовал внести в журнал, вернувшись от Императрицы с надписью: «Вполне разделяю мнение сенатора Кони», и общественные работы были начаты энергически под руководством Галкина-Врасского⁶². И потом неоднократно Она умела прислушаться к правдивому голосу вопреки уверений угодливых советников или молчаливых попустителей напрасной траты народных денег, ежегодно ассигнуемых в распоряжение попечительства. Так, несмотря на предварительную обработку Ее согласия, Она в заседании Комитета согласилась со мной, вопреки молчанию всех присутствующих, и в том числе Витте⁶³ и Сипягина⁶⁴, о совершенно недопустимой уплате

---

* «Вы летом всегда живете в Петербурге?» (фр.).

** «Низкий человек» (нем.).

графине Платер-Зибберг огромной суммы за ее фабрику плетеных изделий в Иллуkste под ложным предлогом, что это тоже дом трудолюбия. Так в другом заседании, где просьба «сестры Варвары», поддержанная Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной и Танеевым, устроившим даже предварительное совещание, о выдаче ей значительной суммы на устройство кирпичного завода для обучения в трехдневный срок высылаемых из Петербурга бродяг и хулиганов (так называемых Спиридонов-Поворотов), Александра Феодоровна, несмотря на молчаливое согласие всех, примкнула к моему отрицательному мнению и положила предел этой скверной затее.

Наконец, Она искренно возмутилась, когда после доклада о наградах, полученных разными домами трудолюбия в Петербурге от Комитета Всероссийской промышленной выставки, Ей пришлось выслушивать доложенный мною отчет ревизионной комиссии этого же Комитета, из которого оказалось, что награды выданы за предметы, купленные со стороны или сделанные посторонними мастерами. Указание мое на повторение путешествия Екатерины Великой по Днепру с декоративными селениями вызвало с Ее стороны требование, чтобы правлениям этих домов был сделан выговор, и о том было напечатано в «Правительственном вестнике».

Наконец, Она сделала крупное пожертвование для учреждения премии за лучшие сочинения и исследования по вопросам трудовой помощи.

Анатолий КОНИ

КОНВОЕЦ

Сотник Панкратов во время Японской войны был тяжело ранен и находился на излечении в одном из госпиталей в Царском Селе. Состояние здоровья сотника Панкратова было критическое, и персонал госпиталя считал, что дни его сочтены.

Постоянно посещавшей военные госпитали Государыне Императрице Александре Феодоровне доложили о том, что сотник Панкратов находится при смерти. Государыня сейчас же подошла к нему, милостиво с ним беседовала и, с присущей Ей любовью и Царским вниманием ко всем раненым русским воинам, спросила его, имеет ли он какое-либо

желание, Она с радостью хотела бы ему помочь. Сотник Панкратов ответил: «Хочу служить Его Величеству!»

Сотнику Панкратову было оказано исключительное внимание, и он, действительно только по милости Божией и заботами Самой Государыни, был спасен от смерти, а по Высочайшему повелению зачислен в Конвой, где впоследствии командовал Л.-Гв. 3-й Терской сотней.

Полковник Н. ГАЛУШКИН

ШКОЛА НЯНЬ

(Из воспоминаний о торжественных Дворцовых обедах)

Если это был день наших батальонных или полковых праздников, то после завтрака мы, офицеры, собирались в соседнем зале и становились двумя группами: наш Лейб-Гвардии 1-й Стрелковый Его Величества батальон и Лейб-Гвардии 2-й Стрелковый батальон. Мы, как близнецы, нераздельно праздновали этот день святых Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев.

Минут десять ожидания и из «внутренних покоев» выходят Государь с Государыней. Пока Государь беседует с нашими офицерами, Императрица говорит с нашими братьями. Затем, минут через пятнадцать, Они меняются местами и Императрица подходит к нам. О чем идет речь? Это, конечно, более или менее зависело от Государя, ибо мы знали, что нам задавать вопросы Царской Чете не подобает. Государь вспоминал старых офицеров, успехи в стрельбе батальона, или отдельных офицеров... Тут являлся повод для наших охотников — Зволянского, Вишнякова и других — рассказать про недавнюю охотничью поездку и прочее. У Государя всегда добрые, приветливые глаза. С Ним легко беседовать, и все мы очень довольны этой возможностью.

Когда подходила к нам Императрица, мы все восторгались Ее внешностью и, конечно, старались понять, разгадать — что Она за человек? Очень уж много разноречивых мнений приходилось слышать от городских и дальнегородных знакомых. Тут представлялась возможность и видеть и слышать Ее лично! Может быть, Она чуть-чуть стеснялась вначале и не сразу решала, о чем заговорить. Однако чувствовалось, что Она не станет говорить о пус-

тяках. И в самом деле — с соседними Царскосельскими стрелками Она говорила о Своем любимом «детище» — о Школе нянь⁶⁵, которую Она построила совсем недалеко от Второго нашего батальона. Это была, насколько я знаю, первая в России Школа нянь, столь необходимая для спасения многих и многих детей. А нас Она спросила о наших новых, только что построенных казармах: не холодно ли в них? Не сыро ли? Высохли ли кирпичи? Сказать по правде, мы сами мало об этом думали и вопрос Императрицы был очень кстати.

Она говорила почти совсем без акцента и вообще произвела самое приятное впечатление. И как-то грустно было знать, что у Нее так много недоброжелателей среди так называемого «высшего общества», и Она об этом знала.

Олег ПАНТЮХОВ

«ОНА БЫЛА ВРОЖДЕННОЙ СЕСТРОЙ МИЛОСЕРДИЯ»

[...] Государыня любила посещать больных — Она была врожденной сестрой милосердия; Она вносила с Собой к больным бодрость и нравственную поддержку. Раненые солдаты и офицеры часто просили Ее быть около них во время тяжелых перевязок и операций, говоря, что «не так страшно», когда Государыня рядом. Как Она ходила за Своей больной фрейлиной княжной Орбелиани⁶⁶: Она до последней минуты жизни княжны оставалась при ней и Сама закрывала ей глаза⁶⁷.

Желая привить знание и умение надлежащего ухода за младенцами. Императрица на личные средства основала в Царском Селе «Школу нянь». Во главе этого учреждения стоял детский врач доктор Раухфус. При школе находился приют для сирот на 50 кроватей. Там же Она основала на Свои средства инвалидный дом для 200 солдат-инвалидов японской войны. Инвалиды обучались здесь всякому ремеслу, для каковой цели при доме имелись огромные мастерские. Около инвалидного дома, построенного в Царскосельском парке, Императрица устроила целую колонию из маленьких домиков в одну комнату с кухней и с огородами для семейных инвалидов. Начальником инвалидного дома Императрица назначила графа Шуленбурга, полковника Уланского Ее Величества полка.

Кроме упомянутых мной учреждений, Государыня основала в Петербурге школу народного искусства, куда приезжали девушки со всей России обучаться кустарному делу. Возвращаясь в свои села, они становились местными инструкторшами⁶⁸. Девушки эти работали в школе с огромным увлечением. Императрица особенно интересовалась кустарным искусством; целыми часами Она с начальницей школы выбирала образцы, рисунки, координировала цвета и т. д. Одна из этих девушек преподавала моим безногим инвалидам плетенье ковров⁶⁹. Школа была поставлена великолепно и имела огромную будущность. [...]

[С началом Великой войны] Государыня, забыв Свои недомогания, занялась лихорадочно устройством госпиталей, формированием отрядов, санитарных поездов и открытых складов Ее имени в Петрограде, Москве, Харькове и Одессе⁷⁰. [...]

Переехали в Царское Село, где Государыня организовала особый эвакуационный пункт, в который входило около 85 лазаретов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Луге, Саблине и других местах. Обслуживали эти лазареты около 10 санитарных поездов Ее имени и имени Детей. Чтобы лучше руководить деятельностью лазаретов, Императрица решила лично пройти курс сестер милосердия военного времени с двумя старшими Великими Княжнами и со мной. Преподавательницей Государыня выбрала княжну Гедройц⁷¹, женщину-хирурга, заведовавшую Дворцовым госпиталем. Два часа в день занимались с Ней и для практики поступили рядовыми хирургическими сестрами в первый оборудованный лазарет при Дворцовом госпитале, дабы не думали, что занятие это было игрой, и тотчас приступили к работе — перевязкам часто тяжелораненых; Государыня и Великие Княжны присутствовали при всех операциях. Стоя за хирургом, Государыня, как каждая операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничем и стойко вынося запахи и ужасные картины военного госпиталя во время войны. Объясняю себе тем, что Она была врожденной сестрой милосердия. Великих Княжон оберегали от самых тяжелых перевязок, Хотя Татьяна Николаевна отличалась удивительной ловкостью и умением⁷².

Выдержав экзамен, Императрица и Дети, наряду с другими сестрами, окончившими курс, получили Красные

Кресты и аттестаты на звание сестер милосердия военного времени. По этому случаю был один молебен в церкви общины, после которого Императрица и Великие Княжны подошли во главе сестер получить из рук начальницы Красный Крест и аттестат. Императрица была очень довольна; возвращаясь обратно в моторе, она радовалась и весело разговаривала.

Началось страшно трудное и утомительное время. С раннего утра до поздней ночи не прекращалась лихорадочная деятельность. Вставали рано, ложились иногда в два часа ночи. В 9 часов утра Императрица каждый день заезжала в церковь Знамения, к чудотворному образу, и уже оттуда мы ехали на работу в лазарет. Наскоро позавтракав, весь день Императрица посвящала осмотру других госпиталей.

Когда прибывали санитарные поезда, Императрица и Великие Княжны делали перевязки, ни на минуту не присаживаясь, с 9 часов иногда до 3 часов дня. Во время тяжелых операций раненые умоляли Государыню быть около. Вижу Ее, как Она утешает и ободряет их, кладет руку на голову и подчас молится с ними. Императрицу боготворили, ожидали Ее прихода, старались дотронуться до Ее серого сестринского платья; умирающие просили Ее посидеть возле кровати, поддержать им руку или голову, и Она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами.

Кроме деятельности по лазаретам, Государыня начала объезжать некоторые города России с целью посещения местных лазаретов. В costume сестры со старшими Великими Княжнами, небольшой свитой и со мной Государыня посетила Лугу, Псков, где работала Великая Княжна Мария Павловна Младшая⁷³, Вильно, Ковно и Гродно. Здесь мы встретились с Государем (тут произошел трогательный случай с умирающим офицером, который желал увидеть Государя и умер в Его присутствии, после того как Государь, поцеловав его, надел на него Георгиевский крест). Засим последовали в Двинск.

Трудно описать любовь и радость, с которой везде встречали Государыню. Вспоминаю множество подробностей, но трудно все описать. Вижу Ее в Ковенской крепости, проходящей по госпиталю и приветствуемой ранеными — словно Ангела, они окружали Ее, забывая свои страдания. После этого утомительного дня, по пути из Ковно, проезжали мы мимо санитарного поезда одной из

земских организаций. Императрица приказала остановить Императорский поезд и неожиданно для всех вошла в один из вагонов и обошла весь поезд. Кто-то из персонала узнал Ее Величество. Весть, что Государыня в поезде, быстро облетела вагоны, и радости не было предела. Таким же образом Государыня неожиданно посетила госпиталь в имении графа Тышкевича, оборудованный его семейством. Всюду, где Государыня появлялась Одна в Своем сестринском платье, Ее особенно восторженно приветствовали; ничего не было официального в этих встречах: народ толпился вокруг Нее, и никто не сдерживал его восторга.

Вскоре потом Государыня со старшими Великими Княжнами, генералом Ресиным⁷⁴, командиром Сводного полка, фрейлиной и со мной отправились в Москву. Здесь впервые мы почувствовали возрастающие интриги против Государыни. На вокзале встретили Государыню Великая Княжна Елизавета Феодоровна со своим другом, госпожой Гордеевой⁷⁵, начальницей Марфо-Мариинской общины. Генерал Джунковский⁷⁶ почему-то распорядился, чтобы приезд Государыни в Москву был «инкогнито», так что никто о Ее приезде не знал. Проехали мы в Кремль по пустым улицам и пробыли в Москве 3-4 дня. По указанию и в сопровождении Великой Княгини Государыня объезжала лазареты и эвакуационные пункты и вокзалы, куда приходили поезда с фронта с ранеными. Фрейлина баронесса Буксгевден и я жили очень далеко от покоев Ее Величества; было целое путешествие, чтобы добраться до Ее половины. Князь Одоевский⁷⁷, начальник Кремлевского дворца, устроил телефон между нашими комнатами, и Императрица звонило ко мне, когда была свободна.

Гофмаршальские обеды происходили в старинных покоях, недалеко от Грановитой палаты. Помню неприятный разговор между генералом Ресиным и генералом Джунковским, когда первый упрекал Джунковского по поводу холодного приема, оказанного Государыне, и наговорил ему кучу неприятных слов, упрекая его, между прочим, в том, что он намеренно скрыл Ее приезд. Но тогда еще нельзя было предвидеть, как разрастутся интриги против Нее. [...]

Мы были рады уехать из Москвы. Проехали Орел, Курск, Харьков; везде восторженные встречи и необозримое море народа. Вспоминаю, как в Туле с иконой в руках,

которую поднесли Государыне при выходе из церкви, меня понесла толпа, и я полетела головой вниз по обледелым ступеням... Здесь же, за неимением другого экипажа, Государыня ездила в старинной архиерейской карете, украшенной ветками и цветами. Вспоминаю, как в Харькове толпа студентов, неся портрет Государыни, окружила Ее мотор с пением гимна и буквально забросала Ее цветами.

Проезжая Белгород, Императрица приказала остановить Императорский поезд, выразив желание поклониться мощам свт. Иоасафа. Было уже совсем темно; достали извозчиков, которые были счастливы, узнав, Кого они везут, Монахи выбежали с огнями встречать свою Государыню; отслужив молебен, мы уехали. На станции собралась уже толпа простого народу провожать Государыню. Какая была разница между этими встречами и официальными приемами! Удивлялась я также губернаторам, которые заботились только о том, чтобы Императрица посещала учреждения, устроенные их женами; может быть, это естественно, но хотелось бы, чтобы в эти минуты личные интересы уходили на задний план.

6 декабря, в день именин Государя, мы встретились с Ним в Воронеже; затем Их Величества вместе посетили Тамбов и Рязань. В Тамбове Их Величества навестили Александру Николаевну Нарышкину⁷⁸, которая была Их другом (она была убита большевиками, несмотря на то, что очень много сделала для народа).

Путешествие Их Величеств закончилось Москвой. Их Величества радовались встрече с маленькими Детьми. Первого мы увидели Алексея Николаевича, Который стоял, вытянувшись во фронт, и Великих Княжон Марию и Анастасию Николаевн, Которые кинулись обнимать Их Величества.

В Москве были смотры; посещали опять лазареты, ездили и в земскую организацию осматривать летучие питательные пункты. Встречал князь Г. Е. Львов⁷⁹ (впоследствии предавший Государя); он с почтением тогда относился особенно к Алексею Николаевичу, прося Его и Государя расписаться в книге посетителей. Вечером иногда пили чай у Их Величеств, в огромной голубой уборной Государыни — с чудным видом на Замоскворечье. До отъезда Ее Величество посетила старушку-графиню Апраксину⁸⁰, сестру своей гофмейстерины княгини Голицыной; вместе с Государем были у 80-летнего старца митрополита Мака-

рия⁸¹. Вернулись в Царское Село к Рождеству, где праздниками были многочисленные елки в лазаретах. [...]

Невзирая на самоотверженную работу Императрицы, продолжали кричать, что Государыня и я германские шпионки. В начале войны Императрица получила единственное письмо от Своего брата, Принца Гессенского⁸², где он упрекал Государыню в том, что Она так мало делает для облегчения участи германских военнопленных. Императрица со слезами на глазах говорила мне об этом. Как могла Она что-либо сделать для них? Когда Императрица основала комитет для наших военнопленных в Германии, через который они получали массу посылок, то газета «Новое время» напечатала об этом в таком духе, что можно было подумать, что комитет этот в Зимнем Дворце основан, собственно, для германских военнопленных. Кто-то доложил об этом графу Ростовцеву, секретарю Ее Величества, но ему так и не удалось поместить опровержение. [...]

Лето [1916 г.] было очень жаркое, но Государыня продолжала Свою неутомимую деятельность. В лазарете, к сожалению, слишком привыкли к частому посещению Государыни, — некоторые офицеры в Ее присутствии стали держать себя развязно. Ее Величество этого не замечала; когда я несколько раз просила Ее ездить туда реже и лучше посещать учреждения в столице, Государыня сердилась. [...]

В лазаретах в Царском Селе устраивали для раненых всевозможные развлечения и концерты, в которых принимали участие лучшие певцы, рассказчики и т. д. В лихорадочной деятельности на пользу больных и раненых Государыня забывалась от злобещих слухов, доносившихся до нее. В августе из Крыма приехал Гахам караимский⁸³. Он представлялся Государыне и несколько раз побывал у Наследника, Который слушал с восторгом легенды и сказки, которые Гахам ему рассказывал. Гахам первый умолял обратить внимание на деятельность сэра Бьюкенена и на разговор, который готовился в стенах посольства с ведома и согласия сэра Бьюкенена⁸⁴. Гахам раньше служил по Министерству иностранных дел в Персии и был знаком с политикой англичан. Но Государыня и верить не хотела, Она отвечала, что это сказки, так как Бьюкенен был доверенный посол короля Английского, Ее двоюродного брата и нашего союзника. В ужасе Она оборвала разговор⁸⁵.

Через несколько дней мы уехали в Ставку навестить Государя. Вероятно, все эти именитые иностранцы, проживавшие в Ставке, одинаково работали с сэром Бьюкененом. Их было множество: генерал Вильямс со штабом от Англии, генерал Жанен от Франции, генерал Риккель — бельгиец, а также итальянские, сербские и японские генералы и офицеры. Как-то раз после завтрака все они и наши генералы и офицеры штаба толпились в саду, пока Их Величества совершали «сербль», разговаривая с приглашенными. Сзади меня иностранные офицеры, громко разговаривая, обзывали Государыню обидными словами и во всеуслышание делали замечания: «Вот Она снова приехала к Мужу передать последние приказания Распутина». «Свита, — говорил другой, — ненавидит, когда Она приезжает, Ее приезд обозначает перемену в правительстве» и т. д. Я отошла, мне стало почти дурно. Но Императрица не верила и приходила в раздражение, когда я ей повторяла слышанное.

Великие Князья и чины штаба приглашались к завтраку, но Великие Князья часто «заболевали» и к завтраку не появлялись во время приезда Ее Величества: «Заболевал» также генерал Алексеев⁸⁶. Государь не хотел замечать их отсутствия. Государыня же мучалась, не зная, что предпринять. При всем Своем уме и недоверчивости Императрица, к моему изумлению, не сознавала, какой нежеланной гостьей Она была в Ставке. Ехала Она только окрыленная любовью к Мужу, считая дни до Их свидания. Но я глубоко сознавала и чувствовала во всех окружающих озлобление к Тем, Кого боготворила и чувствовала, что озлобление это принимает ужасающие размеры; все это заставляло переживать минуты неизъяснимой муки. Я лично постоянно угадывала разные оскорбления, и во взглядах, и в «любезных» пожатиях руки и понимала, что злоба эта направлена через меня на Государыню.

Вскоре Их Величества узнали, что генерал Алексеев, талантливый офицер и помощник Государя, состоял в переписке с предателем Гучковым. Когда Государь его спросил, он ответил, что это неправда⁸⁷. Чтобы дать понятие, как безудержно в высшем командном составе плелась клевета на Государыню, расскажу следующий случай.

Генерал Алексеев вызвал генерала Иванова⁸⁸, главнокомандующего армией Южного фронта, и заявил ему, что,

к сожалению, он уволен с поста главнокомандующего по приказанию Государыни, Распутина и Вырубовой. Генерал Иванов не поверил генералу Алексееву. Он ответил ему: личность Государыни Императрицы для меня священна – другие же фамилии я не знаю!» Алексеев оскорбился недоверием к нему генерала Иванова и пожаловался на него Государю, Который стал его не замечать. Пишу это со слов генерала Иванова; рассказывая мне об этом, генерал плакал, слезы текли по его седой бороде. Государь, думаю, гневался на Алексеева, но в такое серьезное время, вероятно, не знал, кем его заменить, так как считал его талантливейшим генералом. Впоследствии Государь заменил Свое обращение с генералом Ивановым и был к нему ласков. [...]

Анна ВЫРУБОВА

«ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ ЗА РАБОТОЙ»

В 10-х числах августа [1914 г.] Их Величества вернулись в Царское Село и еще больше упростили и без того простой образ жизни Своего Двора, посвятив Себя исключительно работе. Государь лично потребовал, чтобы ввиду продовольственных затруднений был сокращен стол. Стали подавать только два блюда за завтраком и три за обедом. Ее Величество, в свою очередь, сказала, что ни Себе, ни Великим Княжнам Она не сошьет ни одного нового платья, кроме форм сестер милосердия, да и те были заготовлены в таком скромном количестве, что Великие Княжны постоянно ходили в штопанных платьях и стоптанных башмаках, все же личные деньги Их Величеств шли на благотворительность.

В Царском Селе моментально стали открываться лазареты, куда Ее Величество постоянно посылала вина, лекарства и различные медицинские усовершенствования и дорогие мелочи.

Были открыты комитеты – Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны (помощь семьям запасных) и Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны (помощь беженцам), и Великие Княжны лично председательствовали на заседаниях и входили во все дела.

Во всех Дворцах были открыты склады Ее Императорского Величества, снабжавшие армию бельем и перевязочными средствами. Моментально были оборудованы санитарные поезда имени всех Членов Царской Семьи, образцы чистоты и удобства, подвозившие раненых в районы Москвы и Петрограда.

В течение всей войны, каждое Рождество и Пасху, всем раненым Царскосельского района выдавались великолепные подарки на личные средства Их Величеств, как например, серебряные ложки и вилки с гербами, и, кроме этого, еще устраивались елки с угощением. Их Величества не ограничивались общественной благотворительностью: значительные суммы раздавались нуждающимся раненым, так что, наверно, многие из них и не подозревали, откуда идет им помощь. Еще менее знали об этом в обществе, так как это шло иногда через моего отца, иногда через других лиц, умевших хранить секреты. Между прочим, помогала в этом деле и Вырубова — человек очень щедрый и отзывчивый к чужому несчастью, благодаря чему, после того, как во время революции ее выпустили из тюрьмы, она, желая избежать вторичного ареста, находила приют в подвалах и коморках бедняков, когда-то вырученных ею из нищеты.

Сколько радости и утешения приносили Ее Величество и Великие Княжны Своим присутствием в лазаретах! В первые же дни войны после Своего приезда в Царское Село старшие Великие Княжны и Ее Величество стали усердно готовиться к экзаменам на сестер милосердия и слушать лекции, для того чтобы иметь право работать наравне с остальными сестрами. И впоследствии Они работали так, что доктор Деревенко⁸⁹, человек весьма требовательный по отношению к сестрам, говорил мне уже после революции, что ему редко приходилось встречать такую спокойную, ловкую и дельную хирургическую сестру, как Татьяна Николаевна.

Великая Княжна Ольга Николаевна, более слабая и здоровьем и нервами, недолго вынесла работу хирургической сестры, но лазарета не бросила, а продолжала работать в палатах, наравне с другими сестрами, убирая за больными.

Ее Величество, если только Ее здоровье позволяло Ей это, приезжала также ежедневно в Дворцовый или Собственный Ее Величества лазарет, где работали Великие Княжны. Изредка Ее Величество занималась перевязками,

но чаще просто обходила палаты и сидела с работой у изголовья наиболее тяжелых больных. Были случаи, когда больные заявляли, что не могут заснуть без Ее Величества или что только Ее присутствие успокаивает их боли, и Она приезжала, в каком бы это ни было лазарете, и сидела часа два, три только для того, чтобы доставить хоть немного спокойствия несчастным.

Однажды в Царском Селе на Братском кладбище⁹⁰ хоронили скончавшегося в одном из Царскосельских лазаретов офицера. Один из наших друзей-офицеров поехал на вечернюю панихиду и рассказывал нам впоследствии, как глубоко он был потрясен всем им виденным. Служба еще не начиналась, но публики в церкви собралось много, и в маленькой церкви стало так душно, что он вышел на улицу. Темнело, и в сумраке весеннего дня кое-где белели кресты могил. Вдруг у ограды кладбища остановился автомобиль, из которого вышла дама, вся в черном, и, войдя в ограду, остановилась у первой же могилы, осеняя себя крестным знамением. Офицер отошел из скромности возможно дальше и ожидал, что дама сейчас уедет или пройдет в церковь. Но велико было его удивление, когда она, отойдя от одной могилы, пошла дальше и, остановившись с молитвой перед следующей, обошла все кладбище, молясь перед каждым крестом. Когда она дошла до офицера, он узнал в Ней Государыню Императрицу, Которая одна ночью молилась за души погибших Своих подданных...

Младшие Великие Княжны не работали сестрами милосердия, так как большая часть дня у них еще уходила на ученье, но ежедневно Они посещали лазарет Своего имени при Феодоровском Государевом соборе, а днем вместе со старшими сестрами делали объезды остальных лазаретов.

Иногда в этих объездах принимал участие и Алексей Николаевич, очень любивший вступать в разговоры с ранеными. Однажды старшая сестра одного из лазаретов попросила офицеров, чтобы они как можно больше рассказывали Алексею Николаевичу из жизни на фронте, и действительно Он был так заинтересован, что, когда Великие Княжны, бывшие в соседних палатах, пришли звать Его домой, Он сказал:

— Ну вот, когда Мне интересно, Вы всегда уезжаете раньше, а когда скучно, так сидите, сидите без конца.

Но, конечно, все-таки поехал тотчас же.

Часто в лазареты приезжали артисты Императорских театров, и давались спектакли и концерты, на которых Великие Княжны и Наследник любили присутствовать. Еще до войны Великих Княжон очень редко вывозили, а с началом войны всякие развлечения прекратились совершенно. Помню, как Наследник смотрел в лазарете Большого Дворца «Вова приспособился», что ему страшно понравилось, а, уезжая, Он просил поставить вторую часть – «Вова в отпуску», про которую Он слышал от Сестер, что это тоже очень забавно. Конечно, было решено возможно скорее удовлетворить Его скромное желание, но революция расстроила все планы.

– Я удивляюсь Их трудоспособности, – говорил мне мой отец про Царскую Семью, – уже не говоря про Его Величество, Который поражает тем количеством докладов, которые Он может принять и запомнить, но даже Великая Княжна Татьяна Николаевна; например, Она, прежде чем ехать в лазарет, встает в 7 часов утра, чтобы взять урок, потом Они обе едут на перевязки, потом завтрак, опять уроки, объезд лазаретов, а как наступит вечер, Они сразу берутся за рукоделие или за чтение.

Действительно, во все время войны и без того скромная жизнь Царской Семьи проходила одинаково изо дня в день за работой. Так проходили будни, праздники же отличались только тем, что вместо утреннего посещения лазарета Их Величества и Их Высочества ездили к обедне в Феодоровский Государев собор...

Татьяна МЕЛЬНИК

БЕЛАЯ КОСЫНКА

*Я уснул... Позабылась чужбина,
Загорелись биваков костры,
И всплыла из тумана картина
Милосердной солдатской сестры.*

*Разрывались над полем шрапнели,
Словно корабль парил самолет,
С злобным присвистом пули летели
И стучал за рекой пулемет...*

*За леском промелькнула косынка,
Озираясь кругом на бегу,
И склонилась, вдруг, как былинка,
Над пятном, что лежало в снегу.*

*Он стонал... В голове бродят тени,
Их собралась целая рать...
Неужели одно из видений
Может раны его бинтовать?*

*Стон затих. На лице ни кровинки,
Но в душе уже ясный рассвет...
И остался на белой косынке
Крови алой запекшийся след.*

*Погрузили под вечер в вагоны...
Промелькнула Варшава, как сон...
В белоснежных косынках мадонны...
Стук колес... Царскосельский перрон.*

*Лазарет во Дворце... Полон новью,
К жизни он потянулся опять,
Как склонилась к его изголовью
Государыня, Родины Мать!*

*На судьбу он уж больше не гневен,
Когда столько кругом красоты,
Когда ручки прекрасных Царевен
Налагают на раны бинты.*

«МОЯ ОБЯЗАННОСТЬ БЫТЬ ТАМ, ГДЕ СТРАДАЮТ»

Предисловие Общества в память Государыни

«Воспоминания об Императрице Александре Феодоровне» графа Владимира Эдуардовича Шуленбурга являются воспроизведением, с некоторыми изменениями, сообщения, сделанного им 7/20 января 1927 года в Историческом обществе в Ницце, состоящем под председательством А. В. Неклюдова⁹¹.

Автор любезно предоставил эти «Воспоминания» в распоряжение Общества в память Императрицы Александры Феодоровны, обеспечив вместе с тем и материальную возможность их издания.

Принося графу В. Э. Шуленбургу глубокую благодарность, Общество с особой охотой приступает к печатанию «Воспоминаний», считая, что ознакомление с ними более широких кругов вполне соответствует основной задаче общества — способствовать правильному освещению личности Императрицы Александры Феодоровны и Ее трудов.

Большинство появившихся до настоящего времени материалов, касающихся Императрицы, относятся почти исключительно к Ее политической деятельности и потому дают, во всяком случае, одностороннее представление об Императрице.

Такая существенная область Ее деятельности, как область филантропическая, доселе остается без достаточного освещения. Между тем, без знакомства с нею едва ли можно иметь правильное и полное представление о личности Императрицы Александры Феодоровны, так как и в этой области проявляются в должной мере и качества ума, и особенно качества сердца*.

---

⁹¹ В виде примера можно указать, что в недавно появившемся очерке В. И. Гурко — «Царь и Царица» [Париж. 1927] благотворительная деятельность Императрицы вовсе не принята во внимание. Автор, по-видимо-

Благотворительная деятельность Императрицы была весьма обширна и разнообразна, причем Императрица Сама создала — и это заслуживает быть отмеченным — целый ряд совершенно новых в России благотворительных и просветительных учреждений.

Достаточно указать, что в сферу Ее непосредственного попечения входили — трудовая помощь, охрана материнства и младенчества, кустарные промыслы, здравницы, а во время войны, сверх того, забота о больных и раненых воинах, попечение о семьях лиц, призванных на войну, об инвалидах, о военнопленных и т. д.

Как сердечно и горячо относилась Императрица к Своей благотворительной и просветительной деятельности, знают все те, кто близко стоял к этой деятельности. Это, между прочим, подтверждается также Ее письмами к Государю (см., напр., письмо от 25 июня 1916 г.).

Печатаемые «Воспоминания» гр. В. Э. Шуленбурга, содержа вообще много интересных данных, особенно ценны в том отношении, что посвящены, главным образом, указанной малоизвестной стороне деятельности Императрицы и хотя, разумеется, не исчерпывают ее*, но живо, на основании непосредственных впечатлений, рисуют труды Императрицы на пользу страждущего воинства.

* * *

В этих воспоминаниях своих я буду говорить исключительно о том, что я сам слышал от Ее Величества, что сам видел, в чем сам принимал участие. Если придется вспомнить что-либо из слышанного от других, каждый раз буду указывать источник.

Несколько раз я буду приводить слова Ее Величества; я приведу их на русском языке, хотя они были сказаны мне по-французски. Перевод слов Ее Величества я делаю с полной точностью: мои документы были в целости до

му, даже предполагает, что Императрица оставалась совсем вне благотворительной сферы (с. 65).

* Общество в память Императрицы Александры Феодоровны располагает еще некоторыми другими материалами, которые опубликует, если к тому представится возможность.

1921 года (не знаю, как теперь) и находились в Петербурге в верных руках; в них было занесено мною, по живой памяти, слово в слово все, сказанное Ее Величеством. Теперь, десять лет спустя, я рискую волею-неволею не так точно передать их, что на мой взгляд является кощунством, но смысл сказанного, конечно, я не изменяю ни на йоту.

На официальных приемах Ее Величество обыкновенно говорила на французском или английском языках; но если кто-нибудь слышал Ее Величество, говорившую на нашем родном языке, он наверное удивлялся тому, с какою свободой и даже правильностью говорила Государыня. Чувствовался некоторый акцент, но не немецкий, а английский, и он был не сильнее, чем у многих русских, начавших говорить с детства не на родном русском языке, а по-английски. Часто слушая Ее Величество, невольно удивлялся, как быстро и основательно изучила Она Свой русский язык, сколько силы воли должна была Государыня употребить на это. Ее Величество считала это весьма важным: Наследник Цесаревич до десятилетнего возраста не обучался иностранным языкам и именно для того, чтобы иметь чистый русский выговор.

Но прежде, чем приступить к моему докладу, я хочу еще попросить извинения в том, что вы часто будете слышать слово «я». По-моему, крайне неприятное впечатление производит, когда, читая воспоминания (а сколько их теперь!), наталкиваешься постоянно на это «я»... «я»... «я»... Прошу моему «я» не придавать никакого значения. Я — полный нуль, честно исполнявший предназначения Ее Величества, и... ничего больше. Мне думается, что когда читаешь воспоминания и постоянно наталкиваешься на это «я», нужно предполагать: или автор записок хочет выдвинуть свою личность, или — он безграмотен в литературном смысле. В данном случае, совершенно искренно и откровенно я причисляю себя ко второй категории.

Еще прошу иметь в виду: я далек от мысли явиться защитником Ее Величества.

Государыня, как Императрица, как Мать, как Женщина, наконец, ни в каких защитниках не нуждается. Все Ее действия говорят за Нее.

Старалось Временное правительство, старались большевики унизить Ее, забросать грязью, но что же? Мы еще

не дожили до полного десятилетия со дня «великой безкровной», а уже давным давно прекратилась атака на Государыню, ибо оказалось, что обвинять-то Ее не в чем; даже и враги Государыни вынуждены были понять это.

Кто хотя бы один раз имел счастье говорить с Ее Величеством, тот не мог не вынести чарующего впечатления. Государыня очаровывала вас не Своими красивыми банальными фразами и снисходительными улыбками – нет, Она очаровывала всех, поскольку я знаю, Своею простотою. Из двух-трех фраз можно было уже почувствовать, насколько Она знает и понимает жизнь, как быстро схватывает то, что Ей говорят. Удостоившись приема у Ее Величества, в первые минуты вы чувствуете себя в гостиной или официальном кабинете Императрицы, но постепенно вы начинаете иначе чувствовать себя, и разговор приобретает самый простой и искренний оттенок.

Но почему же при этих данных такое подавляющее большинство относилось к Государыне неприязненно, а иногда даже и враждебно.

Иногда из отрывочных слов Государыни можно было понять, что многое, очень многое из злых и ни на чем не основанных сплетен про Ее Особу Ей известно и что Ей также было известно, откуда шли эти сплетни, но в то же время можно было быть уверенным, что Государыня при Ее кристальной душе, Ее терпении, при Ее глубокой, какая только и может быть у православного христианина, вере в Бога, при Ее смирении и скромности все несет молча. Ее Величество часто говорила няне Наследника Цесаревича – Мэри (Мария Ивановна Вишнякова)⁹². «Он (т. е. Бог) все видит. Ему Одному отдадим мы ответ во всем. Мы посланы сюда для испытания, а награда наша там – здесь мы временные жильцы». А как часто слышал я из уст Государыни: «*Je vous dis, ne soyez pas plus royaliste que le Roi!*»*

Враждебное отношение к Государыне стало зарождаться с самых первых дней пребывания Ее Величества в России.

В 1894 году начали усиленно говорить о предстоящем бракосочетании Государя Наследника и Цесаревича Николая Александровича. Конечно, были самые различные слухи о будущей Цесаревне. В сентябре того же года забо-

---

* Говорю вам, не будьте большим роялистом, чем сам король! (фр.).

лел в Бозе почивший Великий Государь Александр III Александрович, и все слухи о свадьбе Наследника Цесаревича на время прекратились. 20-го октября Государь Император Александр III Александрович в Бозе почил...

Пошли толки о похоронах, о том, что Молодой Государь не женат, что придется поторопиться со свадьбою. Говорилось много; предсказывалось еще больше; но в ноябре 1894 года чувствовалось уже какое то недружелюбное отношение к будущей Государыне Императрице. Почему-то общество наше волновалось и, насколько припоминаю, волновалось как-то злобно, с некоторой долей иронии — точно Принцесса Алиса Гессенская была во всем виновата.

День свадьбы Их Величеств был назначен на 14 ноября. Наш Лейб-Гвардии Уланский полк удостоился в этот день великого счастья и чести: молодая Государыня становилась Шефом полка. Для принятия участия в церемонии этого исторического дня два эскадрона от улан были назначены в Петербург; II эскадрон был назначен сопровождать Принцессу Александру от Дворца Великого Князя Сергея Александровича, где Ее Высочество изволила проживать, до Зимнего Дворца — места совершения Таинства бракосочетания; I эскадрон был наряжен в почетный караул. Меня назначили ординарцем при почетном карауле. Караул был выставлен в Аничковском Дворце — местопребывании Августейших Новобрачных.

Помню, как многие из нас были поражены разговором, происшедшим между начальником городского караула и нашим полковым адъютантом Дюбрейль-Эшаппарр⁹³. Эшаппарр не без некоторого восторга и не без гордости заявил, что мы назначены в почетный караул, так как, по всей вероятности, мы удостоимся быть с сегодняшнего дня уланами Ее Величества. На это начальник караула как-то желчно ответил, что его часть остается со своим прежним Шефом и *все равно* Вдовствующая Государыня будет всегда старшей.

После караула эскадрон прибыл в Лейб-Гвардии N-ный полк переодеваться; мы, офицеры, пошли в офицерское собрание, где нам предложили завтрак. И здесь же замечалось какое-то равнодушие, мягко выражаясь, к молодой Государыне.

На меня, молодого офицера, оба эти случая произвели самое неприятное впечатление. Никто еще не знал нашего

Шефа, но почему же, думал я, многие как-то настроены против Нее. Мое юное корнетское сердце хотело, чтобы все радовались, сочувствовали Государю, Шефу, полку.

Прошла зима. Наступила Пасха 1895 года. Полк приносил поздравления своему Шефу на второй день Пасхи. Всем нам, офицерам, Ее Величество соизволила дать по яйцу производства Петергофской гранильной фабрики. И тут пошли какие-то сравнения, что Государыня Мария Феодоровна давала более изящные; говорили даже, что Императрица Мария Феодоровна давала яйца с гравированными именами каждого офицера всех Своих частей. Хотел бы я видеть, как справился бы сам рассказчик с такой задачей.

И тут также Ее Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна кому-то как бы не угодила...

Затем рождение Великой Княжны Ольги Николаевны. Какое-то злорадство, что не Наследник. После рождения других Великих Княжон — разные остроты.

Словом, кто-то старается всеми силами препятствовать популярности Ее Величества. Всех недостойных острот и обвинений не перечислить. И если я говорю о них, то только для того, чтобы объяснить вам, что у некоторых лиц, никогда не состоявших в числе революционеров, настроение против Государыни росло и поддерживалось искусственным образом.

Неудачи Японской войны приписывались «англичанке», а когда последняя война, вопреки предсказаниям и чаяниям петербургской публики, затянулось свыше четырех месяцев, разве не стали называть Ее Величество «немкой».

Когда пошла мода менять немецкие фамилии на русские — я однажды в форме шутки обратился к Ее Величеству, не поможет ли Она мне сделаться «князем», так как я хочу переменить свою фамилию Шуленбург на Школоградова. Ее Величество рассмеялась, а затем, сказав: «этого еще не хватало», добавила, что Она удивляется всем, меняющим с таким легким сердцем фамилии своих предков. «Разве фамилия заставляет любить или не любить свое Отечество, быть верным своей Родине и своему Государю. Дело не в фамилии, а в том, как относишься к своим обязанностям по отношению к Родине. На то, что говорят злые люди, обращать внимание не стоит. Вы слышали: Меня обвиняли, что Я англичанка, теперь — Я им немка. Но

Там, — Ее Величество показала рукой наверх, — Там знают, кто Я. А это главное. Моя совесть спокойна. Я — Русская. Я — Православная».

Моим слушателям может показаться, однако, странным, и у них может явиться недоверие: почему Ее Величество, по крови немка, по воспитанию англичанка, — вдруг делается искренно истинно-русской женщиной. Я умышленно употребляю слово «женщина», а не Государыня, Императрица, ибо считаю, что титулы, приобретенные положением, должно-стью и пр., являются данными чисто внешними, тогда как слово «женщина» дает более широкое представление. Не могу воздержаться, чтобы не привести нескольких слов из письма старого улана П. П. Волкова⁹⁴, которыми, на мой взгляд, он прекрасно охарактеризовал Государыню. П. П. Волков в одном из своих писем ко мне писал: «...В день Вознесения* мы молились о Русской Женщине, о Мученице Царице Александре, о Той Русской Женщине, Которая, отпуская на подвиг тяжелый, чарующей улыбкой Своею проводит, а слезы в ночной тишине только Господу покажет...»

Но что же заставляло Государыню столь сблизиться со Своим новым Отечеством? Что заставляло Ее полюбить русский народ, русскую речь, страдать за Русь и пещись о народе русском?

Прежде всего, брак. Ведь, этот брак был одним из редких в историях государств — брак, не связанный никакими политическими соображениями, брак исключительно по любви. Государь Император Александр III Александрович дает Свое Монаршее согласие на вступление в брак Своего Первого Сына, будущего Самодержавного Государя величайшей в мире Империи с дочерью Герцога маленького Герцогства Гессенского. Какие политические расчеты могли двигать тут «знающего, чего Он хочет», Императора? Их нет.

Соглашаясь с этим, вы можете возразить, что Гессенская Принцесса могла искать другого. На это можно только сказать: если заклятые враги Государя Императора, как, например, Керенский и другие, признавались, что при первом знакомстве с Государем они выходили от Него Им загнипнотизированными, очарованными и долгое время слушали Его голос и чувствовали на себе Его взгляд, если

---

* Полковой праздник Л.-Гв. Уланского Ее Величества полка.

такие, заведомо настроенные против Царя люди, так скоро меняли о Нем свое мнение и поддавались чарам Его искренности, задушевности, то можно ли хотя бы на секунду даже сомневаться, что молодые Наследник Цесаревич Николай Александрович и Принцесса Алиса после первой же встречи полюбили друг друга, полюбили совершенно искренно, просто, без всяких расчетов с той или другой стороны.

Они дали друг другу слово за много времени до официальной Их помолвки. Ни Император Александр III, ни королева Виктория долго ничего не знали о взаимном решении Наследника и Его Невесты.

Что же делает Принцесса Алиса после объяснения с Нею в любви Русского Престолонаследника и по Его отъезде на Родину? Она немедленно приступает к изучению Своего будущего языка и с большим усердием начинает не только изучать, но и вникать в сущность Православного вероисповедания. Все это делается тайком, дабы королева Виктория, у которой жила тогда Принцесса Алиса, ничего не знала. Королева Виктория узнала об этом много времени спустя. Обратив внимание на то, что Принцесса давно не причащалась, Королева стала на этом настаивать, но получила категорический отказ. Скрываться более не представлялось возможным и Принцесса Алиса вынуждена была открыть Свою тайну.

К Своему приезду, уже в качестве объявленной Невесты, Принцесса Алиса могла уже более или менее изъясняться по-русски и серьезно прошла курс Закона Божия.

Мне думается, что такое горячее стремление изучить скорее русский язык и веру Православную может лишь подтвердить искреннюю любовь Принцессы к Своему Царственному Жениху. Ни религиозные убеждения, ни язык не должны разделять Ее от Ее Жениха...

В течение Своей супружеской жизни Государыня не только совершенствуется в ставшем Ей родным русском языке, но и знакомится с русской литературой в самом широком масштабе. Сперва вдвоем, затем, по мере подрастания Августейших Детей, в семейном кругу Государь Император посвящает в вечернее время Свои досуги на чтение вслух русских авторов. Достоевский, Лесков, Салтыков — одни из любимейших писателей. Многим ли это было известно? Не думаю, ибо делалось это келейно, для себя, а не для рекламы. Я

узнал обо всем этом уже в дни революции, будучи в Швейцарии, если не ошибаюсь, от бывшей личной фрейлины Ее Величества княжны Марии Барятинской⁹⁵.

Как-то особенно стыдно и больно за своих соотечественников, когда вспомнишь достойное поведение бельгийцев по отношению к своей Королеве, такой же немке.

После этого краткого обзора отношения некоторой части русского общества к Ее Величеству — я перехожу к теме моего доклада.

Я только что упоминал, что меня глубоко возмущало мнение некоторых лиц о Государыне. Но, как бы в малое оправдание их, скажу: они не видели Государыни иначе, как в официальной обстановке, а чтобы понять и познать Императрицу, нужно было видеть Ее в домашней обстановке и в семейном кругу, в рабочем кабинете.

На официальных приемах Императрица бывала всегда сконфужена (многие принимали это за гордость); краснея от волнения, Она искала, что бы сказать Своему собеседнику и не могла никогда скрыть на Своем лице радости, когда прием оканчивался.

В виде примера тому, насколько Ее Величество конфузилась при незнакомых Ей лицах, приведу рассказ, сообщенный мне А. А. Вырубовой: как-то, будучи в Крыму, Ее Величество поехала кататься с Вырубовой. Выйдя из экипажа, Ее Величество пошла с Вырубовой пешком, увлеклась прогулкой и не заметила, что надвигается гроза. Вдруг, поднялся вихрь, засверкала молния и полил проливной дождь... Надо спастись... Вблизи была Ялта. Ее Величество вошла в первый попавшийся магазин. Зонтики, конечно, мокрые, их встряхнули, и Ее Величество, весело рассказывая что-то Вырубовой, машинально положила Свой зонтик на прилавок. Приказчик, не подозревая, кто посетители магазина, сделал резкое замечание Ее Величеству, — Государыня же так смутилась, что чуть не расплакалась, как ребенок. В это время Вырубова увидела в окно их кучера, едущего на розыски, и вышла, чтобы окликнуть его. Войдя в магазин несколько секунд спустя, она застала следующую сцену: Ее Величество смущенно спрашивала, не испортила ли Она чего-нибудь, а приказчик стоял перед Государынею в состоянии полного удручения, что с первого раза не узнал Императрицу.

Вне официальных приемов и вообще в домашней обстановке Императрица, увлекаясь беседой, не искала слов, чтобы высказать Свои желания и мысли, всегда готова была выслушать самые противоречащие Ее взглядам мнения и даже оценить их. Государыня являлась воплощением самой высшей скромности, заставлявшей иногда забывать, кто Она.

Императрица очень много делала для Своего Уланского полка.

Известно ли, что Ее Величество, будучи назначена Шефом улан, Собственноручно вышила ризы для полкового духовенства (2 священников, 1 дьякона и 1 причетника). Государыня вышила также Собственноручно ризы для духовенства к юбилею 1903 года (на 3 священников, 2 дьяконов и 1 причетника).

Ее Величество очень скорбела, что Ее полк не имел своего храма в месте лагерного расположения. Ее Величество стала делать экономии на Своих туалетах и других личных расходах и в 1907 году исполнилась мечта Императрицы – на *Собственные деньги* Государыня построила для Своего полка церковь при дер. Каукузи, около Шухноровской мызы.

Многие ли на Руси знали, что Ее Величество успела сделать (а сколько было еще задумано) на благо Своего народа. Известно ли, что праздник «Белого цветка»⁹⁶ в пользу туберкулезных (первый по идее) – мысль Государыни? Многие ли посетили Серафимовское подворье, между Старым Петергофом и Ораниенбаумом – это детище Императрицы. Нельзя забыть об Ялтинской санатории для туберкулезных, об Общине Красного Креста в г. Царском Селе, о доме для рабочих, по английскому образцу, в С.-Петербурге, о созданном Ее Величеством Доме Материнства... Всего и не перечислить. Многим ли была известна «Школа нянь» в Царском Селе? Ее Величество придавала этой школе большое значение в смысле воспитательном. Великие Княжны весьма часто посещали эту школу, где Они незаметно обучались приемам по уходу за детьми в самом молодом возрасте. «Школа нянь» преследовала две цели: выпускать хорошо обученных уходу за детьми нянь, а также дать приют детям неимущих родителей или сиротам. Школой этой заведовала г-жа Павлова, рожденная Пушкина. Врачом ее был известный детский

врач К. А. Раухфус. Школа нянь содержалась всецело на Собственные Ее Величества средства. Как-то в разговоре со мной Ее Величество выразила сожаление, что Школа нянь начинает понемногу терять свой основной смысл: «Их (в комитете этой школы) много. Я же одна, и поэтому Мне приходится идти иногда на уступки. Я очень жалею об этом, так как постепенно исчезает то, что Я первоначально хотела создать». Какие уступки делала Императрица и в чем они заключались, сказать не сумею, так как, хотя я и был приглашен г-жей Павловой участвовать в заседаниях комитета, но за недостатком времени не мог следить за ходом дел Школы. Знаю, что, в виде исключения, в Школу стали принимать младенцев за известную плату, что няни-ученицы не вполне отвечали намеченному Ее Величеством возрасту, что некоторые из нянь были какими-то полунститутками по воспитанию. Делалось это, как мне думается, для того, чтобы: 1) увеличить штат детей и нянь и 2) не вводить Ее Величество в новые и новые расходы. Ее Величество не сочувствовала приему платных.

Хочу передать вам теперь один рассказа, слышанный мной от полковника Обермиллера (состоявшего для особых поручений при товарище министра внутренних дел генерале Курлове⁹⁷) в вагоне железной дороги на пути из Нового Петергофа в Царское Село. Рассказ этот касался необыкновенной истории, случившейся накануне с женой одного жандармского офицера, и Обермиллер просил меня сейчас же все устроить и послать ему телеграмму о результате. Дело было в том, что жена одного очень бедного, но честного и порядочного во всех отношениях жандармского офицера должна была разрешиться от бремени: в семье этой было уже трое детей. Роды прошли прекрасно, но... к ужасу отца, родилась тройня. Отчаяние было полное: как и чем кормить их и как содержать удвоившуюся вдруг семью; как сказать, наконец, матери. Последнее оказалось самым легким — мать была в восторге, ибо видела в этом Божие благословение. На меня возлагалось устроить этих новорожденных в Школу нянь и, конечно, на «казенный» счет. По приезде в Царское Село, я тотчас же телефонировал начальнице Школы, но она и слушать не хотела о приеме всех трех детей бесплатно. Тогда мне пришлось обратиться к Ее Величеству. Я доносил, что имею срочную

просьбу, и просил указаний, удостоюсь ли я быть принятым лично по сему делу или мне будет дозволено изложить просьбу письменно. Необходимо добавить, что тройня эта появилась на свет 23 апреля, в день Тезоименитства Государыни. Ее Величество соизволила передать мне, чтобы я написал все в форме простого письма. Через 1/2 часа после того, как мною было отправлено письмо, я был ошачтливлен ответом Ее Величества: «Конечно, принимаю всех трех на Свой счет».

Во время Японской войны Ее Величество соорудила Собственный санитарный поезд. Уполномоченным Ее Величества был Лейб-Гвардии Преображенского полка полковник Пешков, впоследствии генерал-майор. Начальник Царскосельского Дворцового Управления. Поезд этот был сформирован в С.-Петербурге и затем отправлен в Маньчжурию. По отзыву сестры милосердия, сопровождавшей этот поезд, а также лиц, в нем перевозившихся, он вызывал общие восторженные похвалы. Во время той же войны Ее Величество задумала грандиозный по идее план: устроить для раненых и увечных воинов (нижних чинов) убежище. 23 декабря 1906 года убежище это было уже готово, освящено и открыто⁹⁸.

Государыня Сама вместе с придворным архитектором Данини⁹⁹ разрабатывала план здания. В строительный Комитет входили: секретарь Ее Величества, граф Ростовцев, генерал-майор Пешков, дворцовый комендант князь Енгальчев¹⁰⁰ и архитектор Данини. Государыня изволила высказать пожелание, чтобы инвалиды, помещенные в это убежище, были обставлены наилучшим образом и чтобы они ни в каком случае не лишались пенсий во время пребывания их в убежище, как то делалось в Чесменской и Николаевской военных богадельнях; в виду же того, что праздная жизнь вредно и даже разлагающе влияет на инвалидов, являлось бы полезным, чтобы по возможности все помещенные в убежище инвалиды обучались какому-либо ремеслу. Вследствие этого при Доме увечных воинов были устроены следующие мастерские: 1) столярная, 2) портняжная, 3) корзиночная и плетения мебели, 4) сапожная, 5) фуражечная, 6) вязальная, 7) переплетная и 8) прачечная.

Во время последней Великой войны были устроены еще мастерские ткацкая и ковровая.

Столярная и портняжная мастерские имели учителей-мастеров: первая от известной мебельной фабрики Мельцера, вторая – от портного «Henry» (Фолленвейдер) с Большой Морской, одного из лучших портных С.-Петербурга. Эти два мастера получали от Дома лишь квартиры; жалование они получали от своих хозяев, которых, конечно, Ее Величество не забывала Своими милостями.

Все остальные мастерские имели учителей, специально нанятых администрацией Дома.

Прачечная была коммерческим делом; в ней работали инвалиды за жалование, кроме того нанимались прачки. Все мылось, сушилось, каталось и гладилося машинами; только тонкое белье гладилося утюгами. Кроме обслуживания нужд инвалидов Дома прачечная принимала для стирки белье от Школы нянь, от Общины Красного Креста, от стоявших в Царском Селе гвардейских полков (офицерские собрания) и от частных лиц.

Некоторым казалось вначале, что мастерские никогда не оправдают себя, но опасения эти были напрасны. Заказов было достаточно, а через несколько лет все мастерские (кроме вязальной) были так завалены заказами, что приходилось отказывать. Каждый инвалид получал (подчеркиваю: при сохранении пенсии, на всем готовом) 40% с проданного. В зависимости от мастерской и работника получка некоторых инвалидов достигала в последнее время до 80 рублей в месяц.

Но, кроме того, воля Ее Величества была, чтобы инвалид, при добровольном увольнении из Дома, мог, обучившись избранному им ремеслу, продолжать его и у себя на дому. Был установлен срок – годичный для всех ремесел, кроме портняжного и вязального, для которых полагался срок двухгодичный, – после чего инвалид получал бесплатно все нужные ему инструменты; от мастерских портняжной и вязальной инвалидам выдавались машины Зингера.

При Доме была церковь со своим священником и псаломщиком; имелись также перевязочная, аптека и баня. Не вдаваясь в подробности описания устройства и порядков Дома, я расскажу о следующем случае, свидетельствующем о том, насколько хорошо все было организовано в этом прекрасном учреждении; во время войны, не помню, по какому делу, ко мне пришла какая-то незнакомая

мне особа, про которую при первом на нее взгляде можно было сразу сказать: она левая, передовая. Выслушав ее, я предложил ей ознакомиться с «Домом Государыни Императрицы Александры Феодоровны для призрения увечных воинов». Я нарочно произнес полностью название Дома, так как дважды, как мне послышалось, пришедшая ко мне незнакомка неуместным тоном сказала про себя «Царская затея», «гвардейский офицер». Когда эта посетительница, по ознакомлении во всех подробностях с Домом, расставалась со мной, она сказала: «Позвольте пожать Вашу руку», и крепко, по-мужски, пожав мою руку, полушепотом произнесла: «Спасибо за все виденное». Мне кажется, что эта женщина была одним из самых строгих ценителей Дома Ее Величества.

Некоторое время спустя после открытия Дома Ее Величество, входя в положение семейных инвалидов, вынужденных быть во время пребывания в Инвалидном доме в Царском Селе разлученными со своими женами и детьми, изволила повелеть выработать тип особых, отдельных для каждой семьи домиков с небольшой при них площадью для огорода. Постройка этих домиков должна была быть произведена из остатков сумм по содержанию Дома. К началу 1917 года было выстроено уже 10 таких домиков и 1 домик для мастеров от Мельцера и «Henry». Если бы не революция, со временем из таких домиков образовался бы целый поселок.

В целях дать женам инвалидов работу, а детям первоначальное образование, по повелению Ее Величества, были построены и оборудованы женская мастерская и небольшая школа, ведение которой было возложено на священника. Кроме того, были устроены ясли для грудных детей. Все эти учреждения помещались в одном здании; для мастерской была нанята портниха, для яслей — няня.

Первою заведующею домом увечных воинов была назначена фрейлина Их Величеств Л. Н. Розенбах¹⁰¹, но ей, с увеличением количества инвалидов, принадлежавших к самым разнообразным кругам, было, конечно, трудно справиться с этим делом, и ее затем сменил капитан Кузьмин.

В январе 1911 года я был вызван из Петергофа в Царское Село к Ее Величеству, и Государыня предложила мне должность начальника этого Дома, причем Ее Величество изволила сказать: «Не соглашайтесь сразу на это место

только потому, что Я предлагаю его Вам. Обдумайте хорошо со всех сторон и имейте в виду, что Вам придется многое изменять во внутреннем распорядке: инвалиды капризные, требовательные и подчас “*dégoutants*”*, но надо помнить, что они несчастные люди. Гр. Ростовцов Вам пояснит все, что Я хотела бы изменить».

С моим вступлением в должность начальника Дома, прежде всего, по воле Ее Величества, был изменен устав Дома.

До меня заведующий Домом подчинялся начальнику Царскосельского Дворцового Управления, который и имел по делам Дома всепреданнейшие доклады. Мне были даны права полного и самостоятельного начальника, подчинявшегося по делам Дома лишь одной Государыне. Мне были предоставлены личные доклады Ее Величеству, а в случае вопросов особо важных — личные доклады Его Величеству, в присутствии Министра Двора. За Комитетом были сохранены права контроля и ревизии кассовых книг, смет и проч.

Средства на содержание увечных воинов отпускалась из Министерства Двора, но в то же время этот Дом не числился ни по какому ведомству, что ставило служащих Дома в неопределенное положение. Возникла мысль о зачислении Дома в то или другое ведомство, но Государыня, желая, чтобы и впредь в основе управления Домом лежали всегда Ее предначертания, — колебалась, на каком из ведомств лучше всего было бы остановиться. В случае причисления Дома к Военному министерству, оно в самом недалеком будущем примет меры к лишению инвалидов пенсии а, кроме того, как Министерство, стремящееся всегда к экономии, будет противиться увеличению расходов по Дому. Причисление Дома к Красному Кресту вызвало бы двоевластие, так как Государыне Императрице Марии Феодоровне пришлось бы утверждать штаты и сметы по Дому. Граф Фредерикс встречал некоторые препятствия для причисления Дома к Министерству Двора.

Ее Величество, посоветовавшись с графом Ростовцовым, которого Она очень ценила (скажу, по заслугам) и с мнением которого всегда считалась, — остановилась на Министерстве Двора. Чтобы «не огорчать», как изволила Государыня выразиться, «старого министра настойчивым

---

* Противные (фр.).

исполнением Своего желания», этому делу было дано направление во время отсутствия графа Фредерикса. Ее Величество поручила мне съездить к графу Нироду¹⁰² и попросить его от Имени Ее Величества поспешить с разрешением дела до приезда Министра, что, конечно, и было исполнено в ближайшие дни.

Инвалидам не воспрещалось подавать прошения министрам и Высочайшим Особам, но при условии, чтобы все просьбы были направляемы через начальника Дома. Всепокорнейшие и всепреданнейшие прошения могли быть представляемы также через начальника Дома.

Этим устранялась возможность непосредственной подачи инвалидами прошений при посещении Дома Их Величествами или другими Августейшими Особами и подачи прошений явно нелепых — а таковые бывали от ненормальных или даже просто нервных инвалидов. По сему поводу я мог бы сообщить ряд случаев почти анекдотических.

Ее Величество любила Своих инвалидов, живо интересовалась всем, их касающимся, и посещала их до войны довольно часто. Обыкновенно Ее Величество приезжала между 4-5 часами дня и оставалась в Доме не менее 1 часа.

Прежде всего, Государыня посещала церковь, затем обходила палаты (в каждой палате размещалось 12 человек) и одну-две мастерские. Императрица интересовалась более всего мастерскими столярной и корзиночной (плетеная мебель), которые исполняли много заказов Ее Величества для Дворца и для отправки в Ливадию или Спалу. Но кроме этих посещений Дома, бывали посещения отдельных домиков. Ее Величество любила разговаривать с инвалидами и их семьями наедине, так как тогда они бывали гораздо откровеннее.

Как начальник Дома, я встречал всегда Ее Величество, сопровождал Ее при обходе Дома и мастерских, а затем предоставлял инвалидам возможность беседовать с Государыней не в моем присутствии.

Однажды, во время моего доклада Ее Величеству, Государыня просила меня собрать в этот же день в помещении женской мастерской всех детей инвалидов и служащих Дома (их было в ту пору 97 малолетков) и сделать это так, чтобы никто не знал о предстоящем приезде Ее Величества, так как Она хотела лично примерить детям все Ею связанное и сшитое и раздать подарки. Ее Величество указала мне, что

прибудет без десяти четыре и чтобы задолго я детей не собирал. Точно в указанное время Ее Величество изволила приехать, имея при Себе много пакетов, и тотчас же началась примерка. Государыня, стоя на коленях, занималась примеркой и так как Ей мешала муфта, Она дала ее подержать одному из младенцев. Когда примерка и раздача подарков кончились, Ее Величество собралась уезжать, но ребенок, державший муфту, раскапризничался и не захотел отдавать ее. Видя, что младенец готов расплакаться, Ее Величество обратилась ко мне со словами: «Мне его жаль, оставьте ему муфту, она ему скоро надоест и Вы Мне ее пришлете». Но меня осенила мысль: я знал, что в Доме матери пугают своих раскапризничавшихся или непослушных детей, говоря: «вот подожди, уже граф придет», — я воспользовался этим и сказал ребенку: «отдай лучше муфту, а то граф придет». Ребенок сейчас же отдал Ее Величеству муфту. Государыня рассмеялась и сказала: «Однако хороша слава о вас среди них. В вашем присутствии Я с ними не разговариваю». — «Но, Ваше Величество, ведь “граф придет”, а не я, я же здесь». На что Ее Величество изволила ответить: «Все же Я предпочитаю разговаривать с ними без вас».

На первом же моем докладе по занятии должности начальника Дома, Ее Величество вскользь заметила мне, что хорошо было бы иметь другого священника: этот молод, неопытен. Несколько времени спустя Ее Величество снова заговорила о священнике. На мой вопрос, почему Ее Величеству не нравится наш священник и имеет ли Государыня другого в виду, я получил ответ, что Она поручает мне найти другого священника, а этому нужно дать место, хорошо оплачиваемое. Будучи озадачен этим поручением, я спросил своего помощника, капитана Алексеева, не знает ли он чего-либо отрицательного про нашего священника. Меня смущало то, что Государыня приказывала подыскать другого священника, а в то же время удаляла этого на хорошее место. Оказалось, что наш священник (очень молодой) совершенно растерялся, когда Государыня неожиданно изволила прибыть в церковь Дома к обедне. Он кидил Ее Величеству безконечное число раз, все время оглядываясь через Царские Врата, а при отъезде Ее Величества бросился подавать Ей калоши. Тогда мне все стало понятным.

Летом, в будние дни, Ее Величество довольно часто приезжала к вечерне в наш полковой Уланский собор в

Петергофе¹⁰³. Наше духовенство знало, что Государыня скромно становилась у одной из колонн и любила, чтобы никто Ее не видел. Ее Величество особенно ценила простоту церковной службы, т. е. будничную службу без певчих, когда мало молящихся, а в церкви полумрак.

Вскоре я снова был с докладом у Ее Величества и заговорил о священнике, о митрополите Владимире¹⁰⁴, к которому ездил по этому поводу, и дал понять, что знаю, в чем дело. Тогда Ее Величество вкратце рассказала все и заявила: «Для церковнослужителя все прихожане должны быть равны, совершая Таинство, священник не должен интересоваться, присутствует ли в церкви Императрица или нет — в это время священник выше всех». В заключение Государыня добавила: «Не служителям Алтаря подавать калоши кому бы то ни было».

Много раз мне пришлось беседовать по этому делу с митрополитом Владимиром (от него была скрыта настоящая причина), но, наконец, нашего священника удалось устроить в Троицкий собор, что на Петербургской стороне, на 5-7 тысяч. Мне приходилось впоследствии иногда встречать батюшку (он был очень добрый и симпатичный), и он каждый раз просил меня благодарить Ее Величество.

Мои доклады происходили всегда в кабинете Ее Величества, причем Ее Величество всегда милостиво указывала мне на стул. Только один раз мне пришлось делать доклад в какой-то другой, более отдаленной комнате. Это было во время войны. Ее Величество лежала на кушетке. Переутомление, по-видимому, было так сильно, что скрыть его Государыня уже не могла, но забота о ближнем и тут не покидала Императрицу.

Доклады, которые вызывали у Ее Величества некоторые колебания, оставались у Государыни. Ее Величество Сама еще раз перечитывала их и тогда или подписывала их или делала Собственноручные изменения в тексте. Память у Ее Величества была изумительная.

За все время моей службы в Доме инвалидов только один раз пришлось мне быть свидетелем раздражения и неудовольствия Государыни. В наш Дом прибыл инвалид с целым семейством, не списавшись предварительно с начальством Дома; я не мог не принять его, так как он приехал из Сибири, и временно мне пришлось поместить его семейство в домике, где уже жили бездетные муж и жена.

Когда я доложил об этом, Ее Величество разгневалась, дважды ударила по столу и стала говорит, что «Ее не хотят слушаться, не считаются с Ней даже как с Императрицей и точно нарочно стараются сделать Ей наперекор. Ведь, неоднократно запрещала Она помещать два семейства вместе, так как считает это развратом, а тут еще дети вместе со старшими в одной комнате»... Прошло, пожалуй, более месяца, что я не был после описанного случая у Государыни. Когда я явился с докладом, Ее Величество прежде всего заговорила о семье, принятой мною в Инвалидный дом: «Я надеюсь, что Вы эту семью оставили у себя. Я в прошлый раз погорячилась и нахожу теперь, что Вы были совершенно правы; вам другого ничего не оставалось делать, раз все семейные помещения заняты. Но, — добавила Императрица, улыбаясь, — Я все же прошу Вас избегать помещать два семейства вместе». — «Ваше Величество, — ответил я, — на следующий же день после моего доклада, у меня освободился карцер. Ваше Величество изволите знать, какая это большая и хорошая комната: бездетные муж и жена переехали туда, чтобы уступить свою квартиру вновь прибывшему семейству».

Но помимо этих постоянных материнских забот о Своих инвалидах, Ее Величество не пропускала случая чем-нибудь их побаловать и оказать им Свое Высокое внимание. Ее Величество принимала участие в крестинах, одаривала всех на Рождество и на Пасху, и никто не оставался забытым. Перед каждым Своим отъездом из Царского Села Государыня приезжала проститься со «Своими» инвалидами.

Попечения Ее Величества об инвалидах со временем все возрастали: Государыня не стала довольствоваться тем, что было Ею уже сделано для инвалидов, а заботилась также, насколько возможно, об укреплении их здоровья. Летом было приступлено к отправке нуждающихся в лечении на Кавказ, в Крым, в Старую Руссу. Но и это казалось Государыне недостаточным и заботы Ее шли еще дальше. Узнав, что козье молоко является одним из лучших средств для укрепления организма, Ее Величество повелела мне вступить, в качестве товарища председателя, в Императорское Общество козоводства, чтобы при содействии председателя этого Общества, князя Урусова¹⁰⁵ (редактора «Правительственного вестника») изучить козо-

водство и затем приобрести необходимое количество коз лучшей породы для нужд Инвалидного дома.

Перейду теперь к событиям последнего времени, т. е. к дням объявления войны и самой войны.

В день объявления войны я был вызван Ее Величеством в Александрию (Петергоф) с приказанием привезти с собою планы Дома. Должен признаться, что, хотя я и знал Ее Величество, как безусловно русскую душою, истинно православную, но все же ехал на доклад с мыслью, как неприятно будет коснуться вопроса о немцах. Но мои опасения были рассеяны ранее, чем я успел открыть рот. Ее Величество первая стала говорить о немцах, обвиняя германцев и пруссаков. «О, эти пруссаки, — говорила Императрица, — кто их любит? Вы не можете себе представить, как ненавидят их все южные немцы! Сколько зла наделал всем им Вильгельм. А Моему брату... — От Вильгельма нужно было всегда всего ожидать».

Позволяю себе сделать маленькое отступление, могущее подтвердить искренность только что приведенных слов Ее Величества. Уже в дни беженства я разговорился как-то с г. Эйхлером о роли немцев в революции и во время беседы на эту тему г. Эйхлер рассказал мне следующее. Для лечения сердца Государыни Их Величества проводили некоторое время в Наугейме. Ко времени обратного выезда Царской Семьи в Россию Император Вильгельм обращался неоднократно письменно к Государю и Государыне, приглашая Их отдохнуть у него несколько дней или отобедать у него в день проезда через Берлин. Государь Император, хотя и неохотно, соглашался принять последнее приглашение, но Государыня и слышать об этом не хотела. «Проедем, не останавливаясь», — говорила Ее Величество. Пришлось прибегнуть к помощи дипломатов, которые стали приводить Ее Величеству все доводы о невозможности отклонить такое приглашение. Прибыв в Берлин, Ее Величество, скрепя сердце, отправилась с Государем к Императору Вильгельму. За столом Ее Величество почти ничего не кушала, и, как только обед кончился, Их Величества под каким-то предлогом уехали к Себе. По прибытии в Императорский поезд, Государыня весело приказала подавать скорее на стол, и вся Царская Семья в самом благодушном настроении села обедать. Но вдруг... отворяется дверь, и в вагон входит Император Вильгельм... Общее смущение. Император Вильгельм, зная, что Императорский

поезд будет переведен с Ангальтского вокзала на Фридрихштрасский, отправился на последний и, узнав от охраны поезда, в каком вагоне пребывают Их Величества, вошел в него без предупреждения, видимо, не подозревая, что это вагон-столовая... Видимо, Вильгельм хотел особо проявить свои родственные чувства. По крайней мере, он заявил, что желал еще раз пожелать счастливого пути (при этом рассказе хочется отметить, с каким легким сердцем Император Вильгельм несколько лет спустя отправил в запломбированном вагоне в Россию палачей той же Царской Семьи).

Возвращаясь теперь к прерванному мною рассказу о докладе моем у Ее Величества с планами Дома инвалидов.

Необходимо заметить, что, составляя и утверждая план Дома, Ее Величество преследовала цель, чтобы, в случае войны, Дом, сохраняя за собою свое назначение, мог быстро и самым дешевым образом превратиться и в лазарет, т. е. вмещать в себе, помимо 150 штатных инвалидов, столько же раненых. Этому способствовало распределение комнат, водопроводов, ширина коридоров и обширность мастерских. Обсуждая все связанные с этим вопросы, Ее Величество поразила меня Своим глубоким пониманием дела, но, желая, чтобы все было исполнено безупречно-хорошо, Государыня изволила приказать вызвать в Дом Федорова¹⁰⁶ и выслушать все его указания. «Воспользуйтесь его приездом и запомните всё, что он скажет, но помните, что необходима и экономия — все для наших будущих бедных раненых», — заявила Ее Величество.

Профессор Федоров, осмотрев все, сделанное в Доме, согласно воле и указаниям Ее Величества, мог только высказать полное свое одобрение и дать два-три указания по своей специальности.

Кроме этого лазарета, Ее Величество соизволила устроить еще несколько лазаретов: в Своей Общине сестер милосердия, образцово сооруженный княгиней С. С. Путятиной¹⁰⁷ (женой генерал-майора кн. М. С. Путятина¹⁰⁸ — начальника Дворцового Царскосельского управления), в Дворцовом госпитале¹⁰⁹, в местном военном лазарете, а также несколько частных лазаретов.

«Вы Мне поможете в этом, — сказала Государыня, — узнайте, сколько кроватей предоставит Мне местный лазарет и не хочет ли M-elle Варшавская открыть у себя лазарет на несколько кроватей. Я имею еще нескольких лиц в

виду, но сейчас Моя старая голова, как это глупо*, не может припомнить все, что Я уже наметила. Ведь нужно столько и столько обдумать... Но, кроме лазаретов, надо скорее оборудовать три санитарных поезда. Поезд Наследника (du Petit) Я поручу вам: он будет ходить на все фронты, где встретится надобность, и всегда доставлять раненых и больных в Царское Село; но вы будете совмещать также и должность начальника Моего Лазарета в Доме (т. е. в Доме увечных воинов)». Во главе второго поезда Ее Величества, ходившего в Москву, стоял генерал-майор Дюбрейль-Эшаппарр, а во главе третьего, ходившего в Харьков, — полковник Риман¹¹⁰.

Ее Величество просила меня в тот же день съездить к Г-же Варшавской и спросить ее, не хочет ли она устроить у себя лазарет, а также в Царкосельский местный лазарет. Г-жа Варшавская, как и следовало ожидать, с восторгом приняла предложение Ее Величества. Она обещала оборудовать и содержать на собственные средства лазарет, если не ошибаюсь, на 25 человек.

На следующий день утром, как только я приехал в Царское Село, меня вызвали к телефону. Ее Величество приказала объявит мне о Своем приезде из Петергофа в Зимний Дворец к 11½ — 12 часам дня. Я должен был тоже прибыть туда. Времени оставалось мало: можно было только успеть заложить одиночку и мчаться на поезд. Не имея с собой в Царском Селе «обыкновенной» формы, я телефонировал своему лакею в Петергоф, поручая немедленно привезти мне мундир на Царкосельский вокзал в С.-Петербурге, но, приехав туда, я слуги своего не нашел и мне пришлось ехать в Зимний Дворец в чем был. Во Дворце я просил графа Ростовцова доложить Ее Величеству, что я прибыл не в надлежащей форме, на что Государыня велела передать мне: «Не беда, в чем вы приехали». Приглашено было 6-8 человек. Были: генерал Волков, граф Ростовцов, княгиня Путятина, я и еще несколько лиц. Ее Величество изволила давать Свои предначертания по устройству и организации лазаретов. Прощаясь с нами, Ее Величество милостиво

---

* Ее Величество очень часто употребляла выражение: «Oh! que c'est bête ma vieille tête» [«Глупая Моя старая головушка»]. В это время Государыне был 41 год.

сказала мне: «Как могло вам придти в голову, чтобы в такое серьезное время Я стала обращать внимание на то, в чем кто одет. Разве вы Меня не знаете?»

В Доме инвалидов немедленно было приступлено к переделкам и перестановкам. Кроме инвалидов (их было 125 человек), в Доме свободно размещены были 172 кровати для раненых; отведены были помещения для 10 сестер милосердия, для доктора (2 доктора отказались от помещения и приезжали из Петербурга), для аптекаря, фельдшера и 8 санитаров (некоторые санитары, полагавшиеся при Доме увечных воинов, исполняли также обязанности санитаров для раненых). Инвалиды отнеслись к этим переменам поразительно трогательно: сами уступали свои кровати и предлагали разместиться на нарах в двух мастерских. Так как Ее Величество предполагала направлять в этот лазарет Свой самых тяжелых раненых, то в нем были оборудованы 2 операционно-перевязочные и громадный операционный зал с двумя операционными столами. Для этой операционной была выломана одна из наружных стен, которая была заменена зеркальными окнами почти такого же размера. Было приспособлено соответственное электрическое освещение и приобретен целый арсенал инструментов.

В Доме увечных воинов был оборудован рентгеновский кабинет для обслуживания всех Царскосельских лазаретов, направлявших туда в надлежащих случаях своих раненых.

Мой помощник, капитан Алексеев, заменявший меня, когда я ездил с поездом, докладывал мне, что Ее Величество по возвращении Своем из Москвы, несколько раз приезжала следить за ходом работ в Доме и давать Свои указания. Вспоминаю, с каким удовольствием и гордостью Государыня однажды (в самом начале войны) привезла Его Величество, чтобы показать Государю Свой лазарет в Доме инвалидов. Государыня давала Государю личные объяснения, обращала Его внимание на то или другое, и нужно было видеть счастье на Ее лице, когда Государь Император сказал по выходе из операционного зала, что много лазаретов Он видал на Своем веку, но такого еще никогда не видал. По отъезде Его Величества, Государыня с Августейшими Детьми осталась еще в лазарете, чтобы раздать раненым привезенные с Собою Евангелия, молитвенники, лубочные издания и т. д.

Мои жена¹¹¹ и сын, находились в лазарете в момент приезда Их Величеств. Ее Величество приказала моему сыну следовать за Собою и нести вещи, которые Она раздавала. Уезжая, Ее Величество со всеми милостиво простилась и уже собиралась сесть в экипаж, но вдруг повернулась, желая снова подняться в лазарет. Зная, как вредны лестницы для Ее Величества, я подбежал, чтобы узнать, в чем дело, но я не успел еще задать вопроса, как Государыня сказала: «J'ai oublié de dire adieu au petit géant»*. Это относилось к моему сыну. Вот Она, гордая, сухая Царица, Которая возвращается, чтобы проститься с 17-летним гимназистом VIII класса, боясь обидеть его Своим невниманием...

Одновременно с началом работ для лазарета было приступлено и к оборудованию поезда. По воле Ее Величества, поезд должен был быть и передовым и тыловым, т. е. исполнять сразу обе роли. Согласно выработанной Военным советом совместно с представителями Красного Креста инструкции поезда делились на три категории: одни брали раненых с ближайших перевязочных пунктов и перевозили их на известное расстояние; там раненые перегружались в другие поезда, которые, в свою очередь, передавали их на третьи.

По поводу этой инструкции Ее Величество выразилась так: «Эти заседавшие старики знали, что они не попадут в число раненых, поэтому и не подумали, каково раненому, когда его тащат сначала на носилках, затем везут на автомобиле или повозке, потом на поезде, одном, другом... Я нахожу это безчеловечным и наши герои, которым будет судьба попасть в Мои поезда, должны всего этого избежать. Вы будете подъезжать насколько возможно ближе, как позволят условия, и старайтесь, чтобы раненые возможно меньше переносились. Я сговариваюсь теперь с Императорским Автомобильным обществом (кажется, так его название) и Свечин¹¹² (флигель-адъютант, полковник, вице-председатель Общества) должен к следующей вашей поездке снабдить вас автомобилями». В последнее время при поезде Наследника Цесаревича имелось 11 автомобилей (приспособленные для перевозки раненых грузовики), из них два с выработанными шофером Его Величества изменениями, дававшими возможность грузовику двигаться

---

* «Я забыла проститься с маленьким гигантом» (фр.).

и без дорог, по глубокому снегу, и один для начальника колонны или, как его называли, «пассажирский». По формировании поезда я получил от графа Ростовцева все нужные указания, инструкции и удостоверение, свидетельствовавшее мои права, как уполномоченного Ее Величества. Поезд состоял из двух вагонов, цейхгауза (вещевого и аптечно-перевозочного), одного вагона для классных чинов (в нем же столовая и канцелярия), одного вагона-кухни, одного вагона-аптеки (в нем, кроме аптеки, помещалась ванна и было купе для двух сестер милосердия) и два вагона для тяжело раненых с кроватями-носилками на 24 человека каждый. Для меня прицепили добавочный вагон, в котором были сделаны некоторые переделки и приспособления, вроде платяных шкафов, письменного стола, кресла, стульев и проч. В этом же вагоне со мною были помещены священник и сестры милосердия (4 волонтерки и 2 штатные).

Священник при поезде не предусматривался по инструкции, но Ее Величество требовала, чтобы непременно при Ее поездах было по священнику, так как находила, что всегда явится много желающих исповедаться и причаститься Св. Таин и не могла допустить, чтобы умирающий от ран не был напутствуем батюшкой. И как права была Ее Величество! При каждой поездке вверенного мне поезда всегда бывало 20-30 причастников. А сколько раз поездному священнику приходилось напутствовать умирающих.

Остальные вагоны в поезде должны были, согласно инструкции, каждый раз меняться. Но после первой же поездки стало ясно, что исполнение этого требования невозможно, и наш поезд оставил в своем составе лучшие вагоны и оборудовал их. Один вагон со всеми необходимыми удобствами (аптека, кресла, столы, умывальники и проч.) был подарен 1-м Железнодорожным полком и предназначался для офицеров. Все остальные вагоны: одни — для легкораненых (т. е. не требовавших носилок) офицеров и классных чинов и пять вагонов для легкораненых (хотя очень и очень часто приходилось класть в них и тяжелораненых) были перекрашены, обновлены и частью переделаны по распоряжению министра путей сообщения Трепова¹¹³ из пассажирских вагонов III класса. Все вагоны соединялись гармоникой и были «пульмановскими», т. е. на 4 осях. Поезд был снаружи выкрашен в белый цвет и на

каждом вагоне, с каждой стороны, имелось по два вензеля Наследника Цесаревича. О всех недочетах и желательных переменах на будущее время я, по желанию Ее Величества, делал (соответственные записи для личного доклада Ее Величеству).

5-го августа 1911 года, после молебна на Николаевском вокзале, поезд Наследника Цесаревича Алексея Николаевича отправился на фронт. За два дня до моего отъезда я имел счастье иметь доклад у Ее Величества, и Государыня Императрица соизволила благословить меня золотым шейным образком с ликом Спасителя из эмали, на обратной стороне имелась надпись: «*Спаси и сохрани*». Так как Ее Величество отбывала в Москву, и поезд должен был отправиться в отсутствие Государыни, Ее Величество соизволила передать мне такие же образки для священника, врачей и сестер милосердия. Для команды были присланы образки серебряные. И тут Ее Величество подумала о нас, меньшей братии.

В день отправления поезда из Варшавы в Сольдау я получил телеграмму от Ее Величества: «У Меня все готово. Приезжайте».

Поезд Наследника Цесаревича прибыл в самое необходимое время; сразу же мы вынуждены были вывезти вместо положенного числа раненых (около 500) количество почти в три раза большее (более 1200). Мы должны были найти добавочное количество вагонов, сами составить большой по своему составу поезд (83 вагона). Два паровоза подталкивали поезд сзади, один меньший тащил его вперед. На станции почти никого не было, видимо, все разбежались, паника была невозможная. В дороге наш поезд был основательно обстрелян немецкими аэропланами, но безуспешно. Вследствие описанных обстоятельств команда поезда была напрактикована так, как другие после нескольких месяцев работы. Следует отметить особую выдержку врачей поезда, в особенности старшего врача Брошниковского, которая принесла в этот день всем и делу большую пользу. Команда поезда Наследника за все время своей службы была безукоризненна в смысле работы. Объясняю себе это явление желанием команды угодить Царице и Наследнику.

Простота обращения Государыни, Великих Княжон и Наследника Цесаревича, находивших всегда, что сказать

каждому при входе в вагон, материнская заботливость Ее Величества о раненых, больных и команде, щедрые денежные пособия Наследника Цесаревича делали то, что санитары и вся команда старались быть достойными такого к ним отношения и держать высоко свое звание.

Наш поезд пробежал в общем 197 000 верст и перевез 28 000 раненых. При отправлении поезда с места нагрузки я должен был сообщать Ее Величеству по телеграфу, сколько всего раненых, сколько офицеров, тяжелораненых и сколько пленных. Из Луги, или Тосно, или Дна (в зависимости от того, по какому пути мы шли) сообщали Ее Величеству по телефону о нашем проезде, а по прибытии к Императорскому Павильону в Царском Селе дежурный офицер железнодорожного полка доносил во Дворец. Если поезд приходил утром или днем, через 1/2 часа по нашем приезде прибывала Государыня с двумя старшими Дочерьми; до поездок в Ставку Наследник Цесаревич приезжал почти каждый раз, как Шеф поезда. С 1916 года наш поезд не всегда удостоивался этих встреч. Они были в зависимости от того, откуда приходил поезд и имел ли он только раненых или же и больных. Вызвано это было тем, что какой-то поезд завез однажды больных, хотя и в скрытой форме, не то сыпным тифом, не то дифтеритом.

Обыкновенно Ее Величество входила в ближайший от паровоза вагон и проходила из вагона в вагон весь поезд, милостиво останавливаясь почти у каждого раненого. Каждому говорила Она ласковое или утешительное слово. Такой обход поезда занимал около часа времени. В это время начальники лазаретов и врачи производили распределение раненых; те, которые уже удостоились посещения Ее Величества, приступали к одеванию, после чего их выносили из вагонов, для передачи в лазареты.

Вспоминаю случай, бывший в вверенном мне поезде, из которого можно беспристрастно судить, насколько правильны были слухи о том, что Императрица Александра Феодоровна — сухая и неприветливая «немка».

Как-то, прибыв с поездом в Варшаву и имея уже много тяжелораненых, по просьбе не помню точно кого, кажется, графа Пинзедцкого, взял в наш поезд вольноопределяющегося Нижегородского драгунского полка — француза. Он уже давно был ранен, но лечение оставалось безре-

зультатным. При раненом находилась его мать — француженка, очень плохо говорившая по-русски. Она умоляла взять ее сына в С.-Петербург. Хотя по инструкции лица, сопровождавшие раненых, в поезд не допускались, но я часто нарушал это правило и на этот раз не мог отказать матери сопровождать своего сына. Когда поезд подходил уже к Царскому Селу, несчастный юноша скончался. Так как сейчас же предстояла разгрузка раненых и у Императорского Павильона достать вагон, в который можно было бы перенести покойника, не представлялось возможным, я приказал оставить скончавшегося юношу на занимаемой им койке до Петрограда. Не зная, как отнесется Ее Величество к тому, что в вагоне лежит покойник и находится постороннее лицо, я после обычного рапорта, предупредил Государыню об этом и закончил словами: «Может быть, Вы изволите начать обход со следующего вагона». Но Ее Величество сказала: «Моя обязанность быть там, где страдают», — после чего быстро вошла в вагон. Как сейчас вижу эту рыдающую мать и Государыню, обнявшую ее и что-то ей говорившую. За время войны много пришлось мне видеть страданий, смертей и слез, ко всему привыкаешь понемногу, но такой умильной и в то же время душу раздирающей сцены я не видел никогда и... не увижу... Я отошел в сторону и старался не смотреть, но через несколько минут я услышал голос Государыни, обращавшейся ко мне, поднял глаза и увидел Ее Величество, целующую эту неизвестную Ей женщину.

(Этот случай был напечатан мною в *«Echo de Paris»* в 1918 году, когда с особенным рвением нападали на Государыню.)

Ее Величество, отойдя от несчастной матери, на лице которой можно было видеть хотя бы и временное, но все же какое-то успокоение, — соизволила мне сказать: «Вы возьмете адрес этой несчастной матери и передадите Мне его сегодня же вечером, когда приедете с докладом». Зачем был нужен Государыне адрес — я не узнал.

Ее Величество умела говорить просто, по душе. Она всегда находила слова утешения, слова поддержки так же легко, как легко терялась при пустых, банальных разговорах на парадных приемах, что ставилось Ей, как я уже говорил, в упрек. А я скажу, что Императрица была одна из числа тех немногих, которых я видел по долгу своей службы

в Доме инвалидов и которые умели войти в положение человека, удрученного горем или несчастьем. Я убежден, что Государыня сумела передать эти высокие душевные качества Своим Дочерям Ольге и Татьяне Николаевнам, также всегда, насколько Им позволяла Их молодость, старавшихся подражать Своей «Мамá».

К сожалению, должно быть, пропали письма Великих Княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны, в которых Они обращались ко мне с просьбами «устроить» того или другого несчастного. Великие Княжны всегда искали, как бы облегчить чужое горе.

Если не с самого начала, то со временем мне пришлось отдать приказание по поезду, чтобы у изголовья коек, на которых лежали немцы, вешали полотенце. Это пришлось сделать ввиду того, что Ее Величество предпочитала к немцам не подходить, так как они заговаривали на немецком языке и всегда обращались с какою-либо просьбою.

Как узнавали немцы, что Государыню ждут на поезд, объяснить не сумею, но могу только сказать, что наши русские солдаты часто в том же вагоне, где находились немцы, зная даже, что Ее Величество посетит поезд, разговаривали с Государыней, не узнавая Ее.

Происходило это потому, что, кроме Государыни и Августейших Детей, по вагонам проходили вместе с ними я, старший врач, старшая сестра поезда и сестра милосердия того вагона. Не было при этом царской пышности, блеска от звезд генералов и шитых золотом мундиров, как представляли себе в простонародии. Ее Величество и Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны бывали в самых скромных платьях сестер милосердия, а Наследник Цесаревич — в солдатской шинели и фуражке с солдатской кокардой.

Как я говорил уже, поезд Наследника Цесаревича, а также два поезда Ее Величества содержались на Собственные средства Ее Величества. По воле Ее Величества в них было увеличено число сестер милосердия до восьми вместо четырех. Ее Величеству было благоугодно принять на Себя следующие расходы: суточные священнику — 5 рублей (начальники поездов или уполномоченные, кажется, все отказались от суточных денег, но им полагалось по 10 рублей в сутки), стол персонала (уполномоченный, священник, три врача и 8 сестер) по расчету одного рубля на персону в

день, довольствие, белье, медикаменты и перевязочный материал для раненых.

Вменялось в обязанность всех принятых раненых переодевать в чистое белье. На каждую рубашку был наколот образок — благословение Государыни. Образки были: Нерукотворный Образ Спасителя, Пресвятыя Богородицы или кого-либо из особо чтимых Святых.

Однажды, при проходе поезда через Вильну, произошел такой случай: поезд стоял на станции и поездной батюшка сидел и разговаривал в вагоне с ранеными, как вдруг входит ксендз. Один из раненых католиков показал ему образок от Ее Величества, на что ксендз сказал, что в память Ее Величества раненый может хранить его или носить в качестве брелока. Возмущенный этим батюшка обратился ко мне. Я доложил немедленно о происшедшем Ее Величеству, и Государыня приказала мне срочно сообщить графу Ростовцеву, чтобы он выслал мне сотню католических серебряных крестиков, которыми и стали заменять для католиков образки.

В Своих поездах Ее Величество заботливо предусматривала также следующее: раненый мог умереть в дороге, не попав в Царское Село. Чтобы каждый раненый мог изъяснить свою волю или обратиться с необходимою просьбою, были заведены специальные блокноты с вопросами. Сестра милосердия должна была опросить каждого раненого, в какой части он служит, из какой губернии, уезда, волости и деревни он родом, каково его семейное положение, а также записать, в чем заключается его просьба. Такие заполненные листки передавались мне. Я должен был рассматривать их, причем листки раненых, требующих немедленной помощи, я представлял Ее Величеству, а менее срочные — в Канцелярию Ее Величества, графу Ростовцеву. Обыкновенно, в листках заключались просьбы не оставить семью, в случае смерти, уплатить долг и т. п. Но бывали и весьма срочные ходатайства. Так, например, один тяжелораненый полковник просил Ее Величество, чтобы ему узаконили (удочерили) внебрачную дочь. Просьба его была уважена в кратчайший срок и это так благотворно повлияло на почти умиравшего офицера, что он быстро стал поправляться и затем уехал обратно на фронт.

После обхода поезда Ее Величество обыкновенно присутствовала при нагрузке раненых в автомобили. Нельзя было не заметить, как страдала Государыня, слыша при этом сто-

ны раненых или видя, что неловко или неумело устанавливали носилки в автомобиль. С течением времени царскосельские санитары приобрели, конечно, должный навык.

Возвращусь к первому прибытию с фронта вверенного мне поезда. После сдачи всех раненых, я едва успел приехать к себе домой, как мне сообщили, что Ее Величество в лазарете. Обойдя ласково всех вновь прибывших раненых. Государыня направилась в операционный зал и приказала сейчас же поместить в нем привезенный Ею образ Св. Пантелеимона Целителя. «Врачи это очень хорошо, но этот Святой лучший врач и целитель», — сказала Ее Величество. На задней стороне образа Ее Величество сделала Собственноручную надпись. В перевязочные Государыня передала образа Св. Георгия Победоносца также с Собственноручными надписями на задней стороне. Уезжая, Ее Величество сказала мне: «Если вы не очень устали, Я жду вас в 4 часа, вы мне расскажете все, что видели, а Я вам скажу все, что Я тут сделала без вас». Обращаю внимание на эти добрые слова «если Вы не очень устали», — это говорит Императрица какой-то мелкой сошке, как я. Разве это одно уже не достаточно обрисовывает облик Государыни?

К 4 часам дня явился к Ее Величеству и узнал от Нее, что, «слава Богу», Она и две старшие Августейшие Ее Дочери зачислены в сестры милосердия после сдачи Ими экзамена, что Государыня уже открыла Свой склад в Зимнем Дворце и почти наладила там работы. «Я так всем благодарна. Мне столько жертвуют...»

С первого же дня, как из рога изобилия, в склад стали поступать разные пожертвования вещами и деньгами. Жертвовали все и в самых разнообразных количествах. Мне говорил секретарь Ее Величества, граф Ростовцев, что через месяц после открытия склада к Зимнему Дворцу ежедневно подвозилось 27 трамвайных вагонов с вещами, прибывающими из разных мест России и Сибири. Некоторые фабрики завели даже на своих изделиях этикетки с надписью «Склад Государыни Императрицы Александры Феодоровны». Кроме того, Ее Величество получала довольно много самых разнообразных посылок. Очень часто поступали мелкие пожертвования или же просто «подарочки» Государыне при самых трогательных, безграмотных письмах. На все эти письма Ее Величество приказыва-

ла отвечать и прикладывать мелкие суммы денег, а также благословение (образок) или же пасхальное яичко.

Как то в первые дни войны Ее Величество выразила мне Свое беспокойство, что Императрица-Мать не возвращается.

«Этот Вильгельм совсем потерял голову. Он забывает, что Монарх или Монархиня остаются таковыми при всех случаях жизни. Он не пропускает поезда, а Императрица не хочет ехать через Финляндию и требует пропуска Ее поезда. Но оттого, что Она не едет, страдает Красный Крест, который не действует достаточно энергично... А теперь каждый день, каждый час дорог».

Затем Ее Величество спросила меня, читал ли я или слышал те возмутительные слова, которые Вильгельм произнес в своей речи о Русском Государе Императоре. «Как могло прийти в голову Монарху отзываться так о другом Монархе¹⁴. Как не понимает он весь ужас этого. Я надеюсь что за публичное оскорбление своего Государя Россия отомстит».

В середине октября, возвратившись однажды с фронта (если не ошибаюсь, – пятый рейс), я застал Ее Величество весьма довольной. Ей удалось устроить несколько поездов-бань; несколько походных складов на фронт – отделения Главного склада Зимнего Дворца на местах. Открывались новые лазареты. В Царском Селе появились лазареты полков Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества, Лейб-Гвардии Гусарского¹⁵, Лейб-Гвардии 1-го Стрелкового, Лейб-Гвардии Сводного пехотного (кажется, все были оборудованы на средства полковых дам), а также лазарет в Дворцовом Госпитале, в Екатерининском Дворце, лазарет Королевы Эллинов (Ольги Константиновны¹⁶) и другие. На мой взгляд, который я и дерзнул высказать Ее Величеству, было слишком много разных лазаретов для Царского Села; слишком много в том смысле, что первая идея Ее Величества стала как бы отходить на второй план. В действительности затем так и оказалось.

Постепенно в Царскосельский пункт стали входить: Ораниенбаум, Петергоф, Стрельна, Сергиево, Гатчина, ст. Сиверская, Луга, Воздухоплавательный парк, ст. по соединительной железнодорожной ветви Тосно – Гатчина и другие. Ее Величество, благодаря Своему отзывчивому сердцу ко всему страждущему человечеству, а в особенности к страдальцу-воину, не щадила ничего: ни Своих средств, ни Своих

сил, лишь бы принести пользу и облегчить страдания раненых. Нужно было говорить с Государыней, видеть и слушать в это время Ее Величество, чтобы понять и почувствовать все величие Ее души, искренность Ее целей, познать никогда не покидавшую Ее скромность, столь далекую от всяких реклам, — тогда только можно понять это стремление Императрицы расширить Свой Царскосельский пункт. Увы, не так это было истолковано и, пожалуй, истолковано многими. Но об этом я буду говорить в другом докладе.

Кроме трех поездов Ее Величества, стали появляться поезда именные. Были поезда Имени Государыни Императрицы Марии Феодоровны, имени Великой Княжны Ольги Николаевны, имени Великой Княжны Татьяны Николаевны¹¹⁷, имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, так называемый «Синий» — имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны, Сводно-Гвардейского полка, имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, Киевской железной дороги и Его же имени Кавказский.

Были еще два поезда, которые содержались и субсидировались частью Ее Величеством из кассы пожертвований, частью военно-санитарным ведомством. Все эти поезда, равно как лазареты вне города Царского Села, необходимо отличать от поездов Собственных и Царскосельских лазаретов, за действиями которых Ее Величество всегда лично следила.

В начале весны 1915 года ко мне явился какой-то господин, оказавшийся кинематографистом с просьбою разрешить ему совершить одну поездку на вверенном мне поезде, во время которой он желал бы сделать ряд снимков, изображающих разные моменты жизни и работы на поезде. Ее Величество отнеслась к этой мысли сочувственно. В это время я заболел и меня заменял на поезде мой товарищ по полку, бывший улан, гвардии поручик запаса А. В. Олив. Снимки, таким образом, были сделаны без меня. Кинематографическая лента была передана Ее Величеству. Государыня просмотрела ее во Дворце, и при первом моем докладе по выздоровлении Ее Величество обещала мне прислать эту ленту в Дом инвалидов, где имелся свой кинематографический аппарат, но так как Скобелевский комитет, взявший монополию на все ленты, касающиеся войны, не соглашался, чтобы в лазаретах показывались

какие-либо ленты, не бывшие в его ведении, то Государыня не передала этой ленты даже в Свой лазарет.

Все снятое в поезде было одобрено Ее Величеством, но Государыня соизволила только обратить внимание на то, что один из врачей поезда не совсем удачно сделал укол шприцем. От зоркого глаза Ее Величества ничто не ускользало. «Врач, а делает уколы не лучше Меня – простой сестры милосердия».

Я уже сказал, что Ее Величество и две старшие Великие Княжны проходили ускоренный курс сестер милосердия и, когда почувствовали Себя вполне готовыми, просили сделать Им экзамен. Первой экзаменовалась Ее Величество (курсы проходили под руководством врача – княжны Гедройц). Когда Ее Величество сдала экзамен, Она просила разрешить Ей задавать вопросы экзаменующимся Великим Княжнам. «Меня, к сожалению, может быть, не экзаменовали так, как Я того хотела бы, но зато Дочерям Я задавала самые трудные вопросы. Я-то, ведь, знала, в чем Они были слабее», – рассказывала мне потом Ее Величество. Аттестаты Им были выданы начальницей Царскосельской Общины княгиней Путятиной. Ее Величество была очень взволнована, когда княгиня Путятина (от нее я это и знаю) накальвала Ей нагрудный знак Красного Креста. Так строго относилась Ее Величество к званию сестры милосердия.

Не мне судить Государыню, не мне оценивать или критиковать Ее действия, но все же, чтобы показать, насколько Ее Величество была чужда гордости или заносчивости и насколько Она хотела быть в лазарете простой сестрой милосердия, я приведу следующий пример, меня не мало возмущавший. Ее Величество держала Себя в операционной Дворцового госпиталя слишком просто; доктор лазарета, княжна Гедройц, вполне обнаружившая себя с первых же дней революции, держала себя почти вызывающе начальническим образом. Между операциями или сложными перевязками княжна Гедройц, сидя, обращалась к Императрице: «Передайте мне папиросы... дайте мне спички», – и Ее Величество покорно все исполняла. Это я знаю от лиц, работавших в операционной.

Государыня неоднократно Сама говорила Мне, что Она простая сестра милосердия и высказывала сожаление, что Ей не суждено было быть врачом: «Сколько добра,

сколько облегчения и пользы могла бы Я принести тогда страждущему». Что это сказано Ее Величеством искренно, что все Ее помыслы были всегда направлены на помощь нуждающимся — доказательством может служить следующее: Государыня каждый раз, что получала возможность помочь несчастному, прежде всего удалялась в Свою комнату и коленопреклоненно благодарила Бога, что Он дал Ей возможность быть полезной ближнему.

Неудивительно поэтому, что при такой скромности при таком сознании чувства Своего долга Ее Величество относилась с полным негодованием ко всякому рекламированию подобных трудов. Когда некоторые поезда систематически сообщали о своей деятельности в «Новом времени», Государыня говорила: «Точно торговый дом; и к чему это? Неужели недостаточно удовлетворения в собственной совести? Вы читали сообщения об Осовецкой крепости. Возможно ли это?» По сему поводу считаю долгом пояснить, что один из начальников поезда сообщал, что его поезд, находясь в крепости, ежедневно кормил чуть ли не тысячу человек. На самом деле это было невозможно. Наш поезд, вмещавший 500 — 600 человек, мог прокормить это количества людей, не прибегая к пополнениям запасов, самое большее 2 — 2 1/2 суток. И то это удавалось исключительно благодаря находившемуся при вверенном мне поезде вагону-леднику.

Враг рекламы, Ее Величество вся ушла в работу. С 9 часов утра Государыня находилась уже во Дворцовом госпитале: либо на операциях, либо на перевязках. Часто Государыня возвращалась лишь к завтраку, в 1 ч. дня. Маленький отдых и посещение того или другого лазарета; вечером снова на операциях, перевязках. Должно было хватить еще времени на официальные приемы и пр.

Кроме Царскосельских лазаретов Ее Величество иногда посещала лазареты в других городах и даже губерниях. Припоминаю следующий характерный случай. После приема одного из губернаторов и беседы с ним о том, как поставлено у него в губернии дело ухода за ранеными, Ее Величество вызвала генерала Ресина (командира Сводно-Гвардейского пехотного полка) и отдала распоряжение приготовить на завтра к такому-то часу поезд. Во время отсутствия Государя Императора генерал-майор Ресин яв-

лялся комендантом поезда Ее Величества. Генерал Ресин в тот же день вечером случайно встретился с этим губернатором и по секрету сказал ему: «Мы завтра едем к вам, но это между нами». В назначенное время Ее Величество выехала. Когда поезд подошел к станции назначения, Государыня была поражена: все представители местной власти и вся знать явилась для встречи. Ее Величество вышла из вагона, милостиво со всеми поздоровалась и... соизволила дать приказ: сейчас же ехать обратно. «Неужели они думают, — говорила Государыня, — что Меня может интересовать содержание лазаретов, пища раненых, когда Меня ждут. Не хватало бы того, чтобы и тогда было плохо!»

Государыня интересовалась также положением раненых и воинов на фронте. Я должен был всюду осматривать перевязочные и проч. и подробно доносить обо всем Ее Величеству. Побывав почти на всех пунктах между Ригой и Черновицами, могу сказать, что в большинстве случаев все было более, чем удовлетворительно. Из отрицательных сторон постановки дела следует указать на неудачное часто распределение должностей среди врачебного персонала, но как изменить во время войны мобилизационный план. Врачи старшие, наиболее опытные, занимали должности начальников пунктов; вместо ланцета им дали перья и бумагу; вместо медицины они занялись тем, что с большим успехом сделал бы любой строевой офицер (можно было бы использовать уволенных в отставку по цензу, инвалидов и т. д.). Врачей поэтому не хватало; стали выпускать из медицинской академии и университетов студентов, прошедших курсы наук, но не сдавших государственного экзамена. Отчетливо вспоминаю, как на соседней ветви Варшавской и Риги-Орловской железных дорог (Двинск) разместилось несколько палаток. Старший врач поезда Наследника Цесаревича как-то зашел и познакомился с находившимся при этих палатках юным врачом их тех, что не сдавали государственного экзамена. — «Как работаете? Много ли раненых, коллег?» — «Ничего себе. Ну, знаете, оперируем...» — «Оперируете, а были смертные случаи?» — «Как Вам сказать, я работаю всего несколько дней, сделал несколько операций, пока умирают, но я ведь учусь, чтобы быть оператором. Это мне нравится». — На следующее утро поезд был в Царском Селе и, конечно, я довел об этом до сведения Ее Величества. Через 3-4 дня я снова отправился

в Двинск, там не было уже ни палаток, ни врача. Немало отрицательного можно было бы сказать про организации Пуришкевича¹¹⁸.

На фронты я отвозил много ящиков с подарками Ее Величества. Сколько в них было белья для офицеров Собственноручной работы Государыни! Заботы о передовых пунктах, о самом фронте не покидали Ее Величество ни на один день. Посылались ящики с подарками от Ее Величества офицерам и нижним чинам с выражением воли Государыни, чтобы эти ящики попадали, главным образом, в армейские полки. Шефские полки получали, кроме того, подарки к своим полковым праздникам. Уланскому Ее Величества полку подарки высылались и к эскадронным праздникам. Если на месте стоянки поезда имелись автомобили, несколько лиц из поездного персонала отправлялись на них с вещами и раздавали подарки в окопах (не могу не назвать сестру милосердия княжну М. А. Крапоткину, с особой ревностью исполнявшую всегда эти поручения); иногда давали знать частям войск, которые тогда присылали свои подводы. Миллионами были розданы коробки спичек и папирос, конверты, пачки писчей бумаги, карандаши, открытки и другие мелкие вещи. Месяца за 1½ до наступления зимних холодов Государыня отправляла рукавицы, теплые носки, фуфайки, наушники и кашне.

Офицеры на фронте часто просили меня к следующему моему приезду к ним из Царского Села привезти то или другое и нередко просили привезти им спирт. По мере возможности, все просьбы исполнялись Ее Величеством, кроме просьб о присылке спирта. Ее Величество говорила, что спирт алкоголики начнут пить, и заменяла обыкновенно его одеколоном. Вспоминаю отчаяние Ее Величества, когда один из раненых офицеров, находясь в Царском Селе, начал слепнуть, и выяснилось, что слепота эта следствие долговременного приема внутрь одеколона. С самого начала мобилизации этот офицер пил одеколон. Но, нужно думать, что таких любителей или специалистов было немного.

Кроме перечисленных предметов на фронт посылались карамели, пудами шоколад (Конради много жертвовал), пряники, портсигары, спичечницы и даже гармонии. Однажды я получил 200 или 300 гармоник от Великих Княжон. Половину их я раздал при первой же поездке, а остальные хранились

в вагоне-цейхгаузе, но случилась беда: от искры паровоза загорелся вагон, и хотя пожар сумели потушить, но все же много вещей пострадало, между прочим и гармонии. Санитары поезда взялись их починить, но большая часть этих гармоний пропала в первые же дни революции.

Ее Величество всегда тревожила мысль, не нуждаются ли священники как в своих частях, так и на пунктах, в свечах, евангелиях, молитвенниках, образках. В виду этого в моем вагоне находилось всегда некоторое количество перечисленных предметов. На Евангелиях и молитвенниках было напечатано: «Благословение Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны». Должен сказать, что и Евангелия, и молитвенники с «благословением» разбирались с благоговением.

Когда при боях стали прибегать к удушливым газам, Ее Величество поручила мне озаботиться приобретением предохранительных масок и следить за всеми изобретениями в этом деле. По просьбе двух изобретателей, я представлял два образца масок, но они не удовлетворили Ее Величество: один был слишком громоздкий, другой — чересчур сложный. Государыня опасалась, что нижние чины при тревоге не сумеют справиться с ними.

Однажды Ее Величество, будучи в «коттедже» (так Государыня в письмах Своих к Государю называла дом, который занимал я с семьей), вошла в комнату сына и, рассматривая его коллекцию различных трофеев, обратила внимание на немецкую маску. «Я хочу ее взять с Собою, чтобы показать для образчика; он (т. е. мой сын) не будет в претензии, если Я задержу ее у Себя?» Ее Величество полагала, что лучшим образцом масок, по которому следовало бы таковые делать и для наших войск, должны быть маски немецкие, так как газы изобретены немцами; однако и этот образец Ее Величество приказала усовершенствовать.

Несмотря на безконечные труды Ее Величества на помощь страждущему воину, проникнутые чувствами самого высокого патриотизма, находились люди, старавшиеся умалить значение всей деятельности Государыни. Приведу несколько примеров.

Наш поезд был экстренно вызван в армию генерала Ренненкампа¹¹⁹. Предвиделось отступление (между Варшавой и Млавой, ближе к Варшаве; не могу точно вспом-

нить местности). Необходимо было вывезти возможно более раненых. Во время спешной загрузки ко мне подходит какой-то офицер и просит спешно прицепить к поезду вагон для одного из Великих Князей, в то время заболевшего и направлявшегося в Варшаву. Мне было объявлено: «Вагон прицепят немедленно, Вам дадут еще 20 мин. на загрузку, а затем поезд должен отходить». Тяжело раненых было взято около 100. Точно цифры не помню, но помню, что более трех вагонов было занято «морибундусами» (т. е. такими ранеными, которые близки к смерти). Мое присутствие при загрузке было необходимо, я не мог отлучиться и только когда поезд двинулся, я имел время явиться в вагон Великого Князя. Прежде всего, я осведомился, желает ли Его Императорское Высочество обедать, а также угодно ли Ему принять для командуемой им части 3 ящика с подарками, то и другое от имени Ее Величества. Великий Князь все принял и после обеда пожелал осмотреть поезд. Обходя поезд, Великий Князь задавал некоторым солдатам вопросы. Прошло более месяца, и как-то Ее Величество мне говорить: «Я видела Великого Князя, и он Мне говорил о своем изумлении, что поезд Наследника Цесаревича вывозит исключительно легкораненых. Дайте Мне точные цифры, сколько раненых и какие именно были в этот день в поезде. Я помню, что Вы докладывали Мне, что в дороге были даже смертные случаи, да и в Царском Селе, кажется, некоторые раненые прожили недолго. Эти сведения Я покажу как-нибудь Великому Князю».

Другой случай: на должность начальника колонны автомобилей, состоявших при нашем поезде, был рекомендован вице-председателем Императорского Автомобильного общества флигель-адъютантом Свечиным, а затем по его просьбе и утвержден Ее Величеством, барон Корф. Приблизительно год спустя стали распускать слухи, что Корф шпион. Корфа стали притеснять и не пускать на фронт. Ее Величество, Которой было совершенно безразлично, будет ли начальником колонны Корф или кто другой, заметила: «Раз предъявляют Корфу такие серьезные и страшные обвинения, пусть сообщат, на чем они основаны. Его надо или осудить или оправдать. Нельзя же чернить человека только за фамилию»¹²⁰. Никто никаких улик указать не мог. Начальник станции Крейцбург (на Двине, между Двинском и Ригой), где находилось имение Корфа,

показал, что незадолго до войны у Корфа был немецкий шпион, какой-то принц, и что, когда он уехал, Корф отправил такого-то числа вещи из имения. Указание на месяц и число помогло Корфу. Он мог доказать, что этот мнимый «немецкий принц-шпион» — был никто другой, как наш русский Великий Князь Кирилл Владимирович, приезжавший к нему на охоту, а вещи, якобы вывезенные «тайком», — были вещи Великого Князя.

Тем не менее Ее Величество просила флигель-адъютанта Свечина взять вместо барона Корфа кого-нибудь другого, находя неудобным, чтобы барон Корф, после ходивших про него слухов, оставался в своей должности. Желая, однако, официальным путем все выяснить, Государыня дважды писала Собственноручные письма генералу Гурко¹²¹, который, по словам Ее Величества, не ответил ни на одно из этих писем. Императрица соизволила повелеть мне явиться в Двинск к генералу Гурко и изложить ему еще раз желание Ее Величества. Генерал Гурко меня принял, выслушал, но ответа, который мог бы удовлетворить Ее Величество, мне не дал и Государыне не написал.

Печать тоже нередко вредила.

Когда разговоры о немецком происхождении Государыни стали доходить уже и до Ее Величества (а между тем эта «Немка» мне как-то говорила: «Я не имею даже возможности узнать о Своем брате и нашей семье; Я о них очень беспокоюсь»), Ее Величество, во избежание нареканий на Ее Особу (ходили вздорные слухи о том, что брат Государыни в Москве и прячется у Великой Княгини Елизаветы Феодоровны), соизволила повелеть, чтобы при наличии раненых пленных поезд отправлялся сначала в Петроград, сдавал там немцев и затем уже прибывал в Царское Село.

Как-то поезд привез с фронта в числе 450-500 человек 20 или 30 немцев тяжело раненых, и отправился для сдачи пленных прямо в Петроград. Было около 11 часов вечера, когда поезд подошел к вокзалу. Ко времени разгрузки прибыл Его Высочество Принц Александр Петрович Ольденбургский¹²² и с ним Н. Н. Фигнер¹²³, солист Его Величества. Хотя все доставленные в поезде немцы были, как я сказал, тяжело раненые (носилочные), о чем я предупредил с пути из Луги, указывая, что необходимо доставить на вокзал достаточное количество носилок, их ко времени

прихода поезда не доставали, а прислали много солдат при винтовках для конвоирования пленных на случай попытки к бегству. Вместе с Н. Н. Фигнером мы посмеивались над этим распоряжением. В это время к нам подошла какая-то дама и спросила, кто из нас начальник поезда. «Чем могу служить?», — спросил я. «У вас на поезде должен быть Иван Николаевич, подполковник», — ответила дама. Ни какого полка был этот офицер, ни фамилии его дама не знала, но заявила мне, что если я позволю ей пройти по вагонам, она его узнает. — «Сударыня, — сказал я, — сейчас 12 часов ночи; все усталые и, конечно, спят. В вагонах горят ночники». — «Но я все же хочу пройти, — говорила дама, — разрешите». Я решительно отказал, и она отошла.

Вскоре я совершенно забыл про нее, тем более, что подобные разговоры, особенно в начале войны, бывали часто. На следующий же вечер поезд вызвали экстренно на фронт. Кто-то привез для меня номер газеты «Вечернее время», в коем имелось «Письмо в редакцию» следующего содержания: «Была и видела поезд, поражающий своими удобствами и роскошью... Залит светом... и это в то время, когда наши герои перевозятся в грязных, неубранных, скотских вагонах; в этих же поездах возят раненых германцев» и т. д. Заканчивалось письмо словами: «Впрочем, это неудивительно — на этот поезд Наследника Цесаревича назначен начальник с немецкой фамилией».

Таким образом, несмотря на все очевидные заслуги Ее Величества, недоброжелательство к Государыне, если не увеличивалось, то и не уменьшалось. Но это недостойное недоброжелательство встречало себе опровержение в безустанной и безконечной заботе Ее Величества о всех страждущих. Опровергалось оно также верными слугами Их Величеств и, в частности, теми, кто стоял близко к работе Императрицы. Между прочим, врачи лазаретов, а также сами раненые офицеры и нижние чины могли всегда с особою очевидностью горячо возражать против лживости обвинений.

Как-то везли мы несколько раненых пруссаков; по дороге один из них умер. Перед приходом поезда в Царское Село меня вызывают в вагон, где находился умерший. Раненый немец передает мне кошелек с несколькими марками и пфеннигами и бумажку, написанную карандашом. В этой бумаге было сказано, что Ганс такой-то, такого-то

полка, Петер такой-то – словом, все везомые пленные поставили в виду неизвестности, где проживают родственники покойного их товарища, передать всю сумму с кошельком в Русский Красный Крест с просьбой передать Наследнику их благодарность за попечение и уход за ранеными. И бумагу, и кошелек я передал Ее Величеству. Ее Величество не захотела взять ни того, ни другого и повелела мне хранить до поры, до времени, а после войны сдать обе вещи в музей. «Ведь и тут найдут причину, чтобы наговорить на нас», – сказала в заключение Государыня.

Раненые высоко ценили заботы о себе Ее Величества. В 1916 году, летом, где-то в поле, нагружают наш поезд ранеными; слышу какой-то раненый начальническим тоном отдает приказания санитарам. Подхожу узнать, в чем дело. Санитары самодовольно ухмыляются – они несут офицера. «Здоровья желаю, господин полковник!» – обратился ко мне раненый. – «В третий раз уже ранен и в третий раз попадаю в ваш поезд. Вы, г. полковник, уж, конечно, доставите меня к Царице. Я приказал положить себя в III вагон на такой-то номер. Два раза уже лежал на этой койке. Скоро, значит, на фронт: к вам попал... а Царица – Она уж вылечит».

В виду весьма большого количества раненых, перевезенных нашим поездом (28 000 человек) мне, конечно, трудно было запоминать всех. Я сделал вид, что узнал этого офицера и в то же время приказал санитару проверить по журналам заявление офицера. Справка подтвердила его слова. Про этот случай мною было доложено Ее Величеству и Государыня была очень довольна.

Обвинения, возводившиеся на Ее Величество до войны, не представляли уже, по-видимому, интереса для широкой публики, поэтому невидимые враги Государыни начали изобретать другое: усиленно стали говорить о том, что Императрица Александра Феодоровна – немка. А, между тем, эта «Немка», как немногие русские, страдала душой за Свою Родину, за русское войско, за русскую честь. Ради блага нашей Родины эта Немка жертвовала всем: Своим здоровьем, Своим спокойствием, Своими средствами, жертвовала, повторяю, всем, лишь бы довести войну до победного конца, и Она изыскивала все способы, дабы облегчить тяжелую долю русского офицера и солдата на фронте, в лазарете, изыскивала все способы, чтобы обезпе-

чить, по мере возможности, в дальнейшем жизнь несчастных калек. Чтобы иметь непрерывное представление о всех этих тяготах, чтобы не терять никогда времени в оказании той или другой помощи, Ее Величество повелела мне докладывать Ей о всем замеченном, слышанном и перенесенном мною во время моих поездок с поездом. Смею думать, что Ее Величество почитала мои доклады полезными. Заключаю это из следующего: возвращаясь как-то с поездом, я еще в дороге узнал, что наш поезд не будет ни чиститься, ни дезинфицироваться и менее чем через сутки отправится обратно на фронт. Об этом я немедленно доложил Ее Величеству при Ее приезде к поезду, и Государыня сказала мне, что в таком случае в следующий мой приезд я сделаю доклад по обоим поездкам, но в 11 часов вечера того же дня по телефону было мне передано: «Если граф Шуленбург еще не лег, Ее Величество просит его сейчас же приехать». При этом было сказано: «Не будить». Я уже засыпал, но через 25 минут я ехал уже во Дворец. Наверное, более усталая, нежели я, от всех хлопот и приемов в течение дня, проработав, как всегда, в лазарете, Ее Величество не хотела, однако, воспользоваться столь заслуженным отдыхом, пока не узнает от меня, не нужна ли в чем Ее помощь. И только около 12 1/2 час. ночи Государыня отпустила меня.

Пусть каждый из нас переберет в своей памяти знакомых ему дам и подсчитает, многие ли из них отдавали себя во время войны на благо Родины, русского воина так, как самоотверженно работала эта «Немка». «Немка», в устах злых людей, но «Русская Государыня» в глубоком значении этих двух слов не только в устах, но и сознании тех, кто имел счастье знать Ее более или менее близко.

Упомянув о проявлении высоких качеств души Ее Величества в разных случаях жизни, я не могу не указать на глубоко христианское отношение к тем, кто «за Веру, Царя и Отечество» живот свой положили.

Устроенное Государыней в Царском Селе военное кладбище было часто Ею посещаемо и, говорили, что Ее Величество любила туда приезжать и молиться там Одна.

Ее Величество как-то обратила внимание на то, что иногда на похоронах скончавшихся раненых никто не сопровождает гроб с телом умершего. Государыня очень возмутилась этим, а вскоре появился приказ о том, что Го-

сударыня требует, чтобы каждого нижнего чина хоронили с надлежащими воинскими почестями, а если есть лазареты, которые не могут исполнить этого, то от таковых на похоронах должны присутствовать 1 сестра милосердия и врач или кто-нибудь, его заменяющий. Таким образом, всякий воинский чин, попав волею судеб в Царское Село, со дня приезда своего до выписки из лазарета или до последних минут своей жизни знал, что Русская Императрица печется о нем.

Даже в дни революции Ее Величество не хотела лишиться хотя бы раненых офицеров, находившихся в Ее Царскосельской Общине, Своего внимания. На Пасху 1917 года им были присланы подарки от Ее Величества. Эти офицеры приняли с радостью подарки, а благодарность свою выразили тем, что затем в течение целого дня играли марсельезу. Я был свидетелем этого, так как, по сдаче моей должности «совету инвалидов дома и лазарета», я нанимал квартиру как раз против лазарета. Но не надо забывать, что со времени ускоренных курсов в пехотных военных училищах в полки принимали всех без разбора: был же случай, что в одном из гвардейских пехотных полков оказался офицером московский воришка, сидевший трижды в тюрьме.

Насколько Ее Величество любила оказывать всем ту или другую помощь, настолько же Она не любила награждать орденами и другими отличиями. Государыня говорила, что Ей непонятно, как люди могут интересоваться этим, особенно во время войны. «На месте Государя я наградила бы всех по окончании войны, в зависимости от заслуг. А теперь, смотрите, друг другу подставляют ножку, завидуют, ссорятся, интригуют, и все это из-за какого-нибудь чина или ордена. Право, это стыдно».

В то время, как кругом, не только на фронте, но и в тылу осыпали всех наградами, вверенный мне поезд никаких отличий не получал. Помогло нам, что комендант поезда имени Великой Княжны Марии Николаевны выхлопотал двум сестрам милосердия Георгиевские медали. Несколько времени спустя Государыня мне сказала: «Ваш поезд был несколько раз обстрелян, кроме того, два раза поезд был в весьма опасном положении. Хотя вы Мне об этом ничего не докладывали, но Я все знаю от раненых. Можете просить от Моего Имени у Великого Князя Георгия Михайловича¹²⁴ семна-

дцать Георгиевских медалей. Через месяц попросите еще. Можно будет раздать такие медали всем сестрам милосердия и санитарам, но пусть за это стараются еще лучше работать».

Сестры милосердия и команда были в восторге, но врачи были обойдены и делали мне довольно прозрачные намеки. Правда, после двух обстрелов поезда они были награждены по военному ведомству: получили очередные ордена с мечами, но это было не от Ее Величества. Уже позднее, ссылаясь на медали команде, мне удалось исхлопотать у Ее Величества Всемиловитивейшее разрешение представить старшего врача поезда к следующему чину и всех врачей к очередным орденам. Ее Величество соглашалась на эти представления, но оставалась при Своем мнении: «Когда нужно спасать Родину, нельзя думать о наградах. Награда каждого из нас наша совесть. А чины, да кресты – как может это интересовать в такое серьезное время».

Устраивая лазареты, санитарные поезда, поезда-бани, склады, заботясь о нуждах армии, как на фронте, так и в тылу, Ее Величество, несмотря на все эти заботы, устремлялась также мыслями в будущее. *Государыня не допускала, чтобы Русская Армия не оказалась победительницей.* В память этой войны Ее Величество повелела расширить вдвое Свой Дом для инвалидов. С этой целью с 1915 года было уже приступлено к пристройке еще на 150 человек и по окончании войны предполагалось перевести домовую церковь в имевший быть построенным новый храм, который предлагал построить купец Дурдин¹²⁵.

Предвидя, что Министерство Императорского Двора может отказать в ежегодном увеличении сметы, Ее Величество повелела мне разработать во всех деталях смету на следующий год и сделать расчет, во что обойдется пристройка. Чтобы быть застрахованной, что детище Государыни – Дом Инвалидов – ни через 50, ни через 100 и более лет не изменит своей цели и не будет закрыт, Ее Величество исхлопотала у князя Кочубея¹²⁶ по Главному управлению Уделов один миллион рублей в качестве основного капитала. Когда в середине 1915 года князь Кочубей уведомил Ее Величество, что такой капитал предоставляется в Ее распоряжение, Ее Величество радостно сообщила мне, что теперь Она спокойна за участь инвалидов. «Подумайте, – воскликнула Государыня, –

какая неожиданная для Меня радость! Господь Бог нам тут помогает. Митрополит Антоний¹²⁷ дал мне еще две-сти тысяч рублей. Я их прибавлю к миллиону. Теперь же надо приступить к постройке».

При составлении смет Государыня была скорее эконом-на, но скупости никогда не проявляла. Ее Величество тре-бовала от меня, чтобы каждый инвалид непременно имел книжку сберегательной кассы. «Я знаю, служащие у Меня иногда ворчат на то, что Я требую, чтобы половина жа-лованья вносилась в сберегательную кассу, но наверное впоследствии они будут Меня благодарить».

В виде примера, насколько Ее Величество всегда стремилась помочь деньгами просившим у Нее, приведу следующие случаи, а их тысячи.

В октябре 1915 года граф Ростовцев говорил мне, что произошел небывалый в истории Русских Монархов случай: он вынужден был вывесить в канцелярии Ее Ве-личества объявление, что всем, подавшим прошения Ее Величеству о вспомоществовании после такого то числа и месяца, — Канцелярия будет выдавать денежные пособия лишь после 1 января 1916 года, так как касса Ее Величества *пуста*.

Другой пример. Это было до войны. Я ехал утром в Царское Село. Поезд уже тронулся, как в вагон I класса вошел в сильно потрепанном одеянии священник, по виду и выговору грузин. Он сел против меня. Вскоре во-шел контроль. Спрашивают у священника билет, у него оказывается билет III класса. Так как я каждый день дважды совершал этот путь, я знал всех контролеров. Чтобы не заставлять батюшку приплачивать или пере-ходить в III класс, и не желая в то же время обижать его приплатой с моей стороны, я сказал контролеру, что мне нужно переговорить с батюшкой и просил не беспо-коить его. Дорогой я узнал от священника, что он при-езжал лечиться от ран, полученных им в 1906 году от брошенной в него бомбы в то время, когда он выходил со Св. Дарами. Теперь он поправился, но издержался так на лечение, что не на что ехать обратно на Кавказ. «Есть, говорят, поручик Иванов в Охранном полку, очень влиятельное лицо, — может быть, он соберет мне на обратный путь. Сумма-то только большая — 40 руб-

лей». Расставаясь с батюшкой, я попросил его дать мне его теперешний адрес, сказав, что у меня есть Одна Благотворительница, к Которой я попробую обратиться... В этот же день у меня было заседание комитета, и я рассказал все графу Ростовцеву, который взял у меня адрес этого священника, а несколько дней спустя сообщил мне, что Ее Величество повелела выдать священнику 400 рублей. Потом Ее Величество меня же благодарила за то, что могла помочь ему...

Слушателям, может быть, покажется, что я был слишком пространен, но, чтобы пролить настоящий свет на исключительную личность Ее Величества, нужно было сказать в 10 и в 100 раз больше.

Ни разу я не упоминал о Распутине. Но, во-первых, я никогда в жизни не видал его, а, во-вторых, не хочу касаться всех этих сплетен.

Однако, хочу поделиться мыслями Жильяра о том, чем он объясняет приближение Распутина.

Жильяр находился при Наследнике Цесаревиче в Ставке. Государь Император, желая показать Цесаревича войскам, назначил Высочайший смотр. Накануне смотра Наследник говорит: «Жилик, у меня, кажется, насморк». Смерили температуру, оказалась нормальная. К вечеру маленькое повышение. Докладывают Государю. Его Величество надеется, что все это пустяки, и что можно будет ехать, так как отменить смотр неудобно. Под утро Наследник начинает чувствовать, что насморк усиливается, но все же решено ехать. В вагоне Наследник делает усилие, чтобы высморкаться — появляется кровь. Доктор хочет остановить ее, но безуспешно. Тампоны не держатся, необходимых инструментов нет под рукою. В предположении, что вредит качка вагона, поезд остановили, но безрезультатно. Каждые два часа Жильяр посылает телеграммы Ее Величеству. Поезд двигается дальше... Но положение Наследника становится настолько серьезным, что доктор докладывает Государю о необходимости немедленно ехать прямо в Царское Село, так как за исход болезни нельзя ручаться. Поезд направили на Царское Село. А кровь бежит и бежит. От безостановочного кровотечения Наследник начинает заметно бледнеть. Дядька Наследника Нагор-

ный^{128*}, положив под голову Наследника вытянутую руку, держит всю ночь голову больного на известной высоте. Рядом с ним Жильяр, чтобы помочь, если понадобится. Телеграммы Ее Величеству следуют по-прежнему каждые два часа: «положение без перемен». Наконец, за несколько станций до Царского Села кровь останавливается. Жильяр смотрит на часы: было 6 часов 20 минут утра. Дать знать Ее Величеству уже было невозможно, так как поезд не имел более остановок. В восьмом часу утра поезд тихо подошел к платформе Императорского Павильона и Жильяр издали увидел Ее Величество. Чем ближе подходил поезд, тем яснее было заметно страдальческое выражение лица Государыни, на нем отражались то ужас, то надежда... Наконец, поезд остановился. Государь Император выходит из вагона, Ее Величество делает несколько шагов (каждая секунда кажется вечностью) и не решается задать вопроса... но Государь говорит, что, слава Богу, кровь остановилась... Ее Величество спрашивает Жильяра, не заметил ли он, в котором часу остановилась кровь. «В шесть часов двадцать минут», – доложил Жильяр. «*Je le savais*»**, – сказала Государыня и показала телеграмму Распутина: «Бог поможет, будет здоров». Телеграмма отправлена в 6 часов 20 минут! Случайность? Да, конечно! Совпадение? Да! Но таких случаев было немало.

Страдания Императрицы были страданиями Женщины-Матери, с первого дня рождения дрожащей за сына. Всякая хорошая и любящая мать не готова ли так же жертвовать всем, искать всюду и у всех помощи для спасения своего сына?***

---

* Нагорный – матрос, второй дядька, был расстрелян большевиками за то, что укорял команду «товарищей», позволявших себе ругаться площадными словами в присутствии Царских Детей. Его не следует смешивать с Деревенькой, позорно ведшим себя с первых дней революции.

** «Я это знала» (фр.).

*** Осенью 1917 г., когда я был с женой уже в Швейцарии, я разговаривал с нашим другом, профессором Сезаром Ру, гениальным хирургом, пользующимся всемирной репутацией. [См. о нем в приложении в очерке о княжне В. Гедройц.] Ру сказал мне, что если Наследник дотянет до 18-летнего возраста, то Он спасен и никаких следов от болезни не останется. Он знал несколько подобных случаев. «*Quel âge a l'enfant?*» [«Сколько лет ребенку?»] (фр.). Я сказал. «*Il peut se tirer d'affaire*» [«Он может выпутаться»] (фр.). – были его слова.

Зачем же быть чрезмерно строгими и, основываясь лишь на недостоверных сведениях и недостойных сплетнях, осуждать Государыню?

Приведенный выше рассказ Жильяр закончил следующими словами: «Я — швейцарец и держусь взглядов демократических, но мне бывало всегда стыдно, когда мне приходилось защищать Государыню Императрицу от нападок на Нее лиц высшего русского общества, считавших себя монархистами»¹²⁹.

В этих воспоминаниях я почти не касался ни Наследника Цесаревича, ни Великих Княжон, ни многого того, что мог бы сказать еще о Ее Величестве, о Ее взглядах политических, а также по поводу войны и т. д. Это не входило в предложенную мне тему, от которой я и без того позволил себе много отступлений. Поговорю об этом в другой раз.

Граф Владимир ШУЛЕНБУРГ

ИЗ ДНЕВНИКА В. И. ГЕДРОЙЦ

1914 г

20. VIII. Эти дни точно в чад. Работы всегда было много, а теперь, когда в короткий срок нужно открыть большое количество госпиталей, хотелось бы, чтобы день был вдвое. У меня ежедневно не менее пяти полостных операций в Дворцовом госпитале, где я состою и[сполняющей] о[бязанности] главного врача. Госпиталь этот только, что называется, хранит это название, а собственно говоря, просто городской госпиталь с отделениями хирургическим и акушерско-гинекологическим, которое веду я, и терапевтическим и заразными бараками, которые только наблюдаю, а ведут их ординаторы Деревенько, Арбузов и Будназ. Т[ак] к[ак] это единственная лечебница Царского Села, то она вечно переполнена, а считая, что нижний подвальный этаж занят призреваемыми, несчастными стариками и старухами, то попросту нужно сказать, что народу в нем набито, как сельдей в бочке, и вести дело при таком ограниченном количестве рук трудно.

Коллегия постановила для нужд военного времени занять хирургическое отделение госпиталя, устроив в нем солдатское отделение, новый же барак в саду приспособить для офицерского госпиталя.

Открыть его предполагалось в сентябре, и за такое короткое время если и удалось выполнить это задание, то только благодаря тому состоянию внутреннего подъема, который охватил, казалось, все слои населения. И в самом деле, какие-то незнакомые купцы с жирными животами приходили и привозили мед для раненых, жертвовали муку, папиросы, конфеты, белье; раненых еще не было, но пожертвования сыпались точно из рога изобилия.

Более 30 дачевладельцев предложили свои особняки и полное оборудование для лазарета. Другие жертвовали деньгами, и в короткое время, при энергии Евгения Сергеевича Боткина, Сергея Николаевича Вильчковского и

моей скромной помощи 30 лазаретов в Царском Селе были готовы к принятию раненых, а чтобы не томить их пересылкой через Петербург, был устроен Царскосельский эвакуационный пункт, начальником которого был назначен Вильчковский. Нужно отдать справедливость его энергии и умению использовать все идущие навстречу силы. А работа все прибывала, и нужно сказать, что на полумерах не останавливались. Так, с первых же дней началась подготовка санитарных поездов имени Императрицы и Великих Княжон, которые должны были привозить раненых прямым маршрутом в Царское с позиций. Поезда эти обставлены просто, но снабжены всем необходимым; благодаря быстрой и целесообразной доставке раненых для операций спасли жизнь не одному из этих страдальцев.

Все придворные автомобили и экипажи были отданы для перевозки раненых. [...] Цветы из оранжерей, сладкое придворных кондитеров – все это направлялось в лазареты для раненых. Казалось, чугунная решетка Александровского дворца раскрылась и дыхание народной жизни обожгло душу его обитателей.

И ежедневно черное ландо с тремя Сестрами Милосердия* скользило по заросшим зеленью улицам мирного городка, останавливаясь то перед одним, то перед другим лазаретом.

Мне часто приходилось ездить вместе и при всех осмотрах отмечать серьезное, вдумчивое отношение всех Трех к делу милосердия. Оно было именно глубокое, Они не играли в сестер, как это мне приходилось потом неоднократно видеть у многих светских дам, а именно были ими в лучшем значении этого слова.

27.VIII. Началось мое чтение лекций в Александровском дворце. Хочу написать подробно, как все это было в первый день, чтобы выяснить свои собственные впечатления и воспоминания. Условлено было, что читать я буду от 6 до 7 вечера ежедневно и ездить буду просто в собственном экипаже, а не в придворном. У меня в ту пору была маленькая умная крестьянская лошадка, называемая Сашка, запряженные в длинные оглобли дрожки; она име-

---

* Императрицей Александрой Феодоровной и Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной. – С. Ф.

ла очень непрезентабельный вид. Немудрено поэтому, что когда мой милый Сашка, скакавший где-то в конце оглобель, кучер Яков, гордый тем, что едет во Дворец, и, наконец, я, в английском костюме, мужской шляпе, с разборным анатомическим манекеном и хирургическими чертежами, появилась перед решеткой мирно дремавшего в своем величии Дворца, то околоточный надзиратель отказался нас пропустить. Только после длительного разговора по телефону ворота открылись и Яков, растопырив локти и потрясая синими новыми вожжами, подъехал к левому крыльцу, на котором ожидал великолепный в своей неподвижности швейцар с булавой, мешавшей ему подтащить мой хирургический груз.

Сознаюсь еще, что перед началом первой лекции меня интересовал вопрос совсем отвлеченный, а именно — увижу ли я арапа. Арапа, занимавшего очень мое воображение в детстве. Дело в том, что матушка моя, окончив Смольный институт, часто рассказывала нам, детям, о посещении ею Дворца, где большое впечатление на нее произвели прислуживавшие там арапы в красных одеждах. И в наших детских беседах эти арапы играли большую роль, каждый представлял их себе по-своему, даже ссорились мы, помню, из-за них. [...] И его самого я увидела, как только вошла в обширную переднюю с камином, стены которой были убраны рогами убитых на охоте лосей. И арап был как раз соответствовавший моему детскому представлению, очень черный, с темными губами, в яркой алой куртке и таких же панталонах, с длинным ятаганом у пояса.

Я бы долго смотрела на этого героя моей детской сказки, но он заговорил, и хорошим русским языком, и этим нарушил очарование. [...]

Поражает тишина Дворца, такая тишь, что скрипенье моих новых сапог казалось мне чуть ли не громом. И чего они вздумали так скрипеть.

ВЕЛИЧИЕ ЕЕ ДУШИ

...Меня одели в новое больничное белье и уложили в удобную кровать. В этой палате было лишь шесть кроватей, на которых лежали офицеры Шефских полков. Это был маленький лазарет Ее Величества Государыни Императрицы в Царском Селе.

Я прибыл в лазарет к вечеру, а часов в 10 утра, на другой день, в палату вошла Императрица. Я помню отчетливо этот день, когда Государыня посмотрела в мою сторону, улыбнулась мне, но ничего не сказала. Заведующий лазаретом отметил на особом бланке мою фамилию, чин, какого полка, когда и где был ранен.

Из Александрийских гусар¹³⁰ я был первый раненый, попавший в этот лазарет. Я был счастлив, как никогда. Мои новые соседи быстро меня ознакомили с порядками и «этикетом» лазарета.

Время проходило по точно заведенному порядку, мне делали перевязки, электризацию и лечили «синим светом». Государыня ежедневно обходила вместе с доктором княжной Гедройц все палаты и со всеми нами милостиво беседовала.

Однажды часов в 5 вечера в лазарете вдруг стала замечна какая-то необычная суета – в неурочный час подметали пол в коридоре, покрыли белоснежной скатертью обеденный стол... И хотя из персонала лазарета никто не говорил, в чем дело, но мы догадывались, что ожидается приезд Государя Императора.

Так оно и вышло.

Я сидел на кровати, около меня стояли костыли. Государь, медленно подойдя ко мне, протянул мне руку и расспросил о моем ранении, а также какого я полка. Я кратко отвечал на все вопросы. Поблагодарив меня за службу, Государь подошел к моему соседу Литовского уланского полка ротмистру барону Розену. С ним Государь также милостиво беседовал.

В это время вошла в палату Государыня Императрица с Наследником Цесаревичем. Наследник был в морской форме, и Его бо́льшая нога снаружи была в металлических пластинках, что затрудняло сгибать ногу, и Он прихрамывал. Он отошел от Государыни и сел на кровать в дальнем от меня углу, улыбался, глядя на всех, и показал язык капитану Л.-Гв. 2-го Стрелкового полка Симановскому, с которым Он особенно дружил. Государыня с каким-то умилением следила за Наследником и, обратившись ко мне, сказала: «Он у Меня ужасный шалун и непослушный».

Между тем разговор Государя с бароном Розеном продолжался. Ротмистр произносил слова с сильным немецким акцентом и говорил с пафосом. Он рассказывал о том, как его уланы атаквали противника, как они сажали на пики и как он гнал немцев. Свой доклад барон Розен закончил фразой: «И я был ранен, а потом в Варшаве говорили, что мертвого или живого ротмистра барона Розена они доставят в Варшаву...» Трудно было понять, что этой фразой хотел сказать ротмистр. Не понял этого и Государь.

«Ну и что же, — спросил Государь, — и вам не удалось поймать ротмистра барона Розена?» Тут произошла небольшая заминка. В это время Императрица подошла к Государю и смущенно сказала: «Барону нехорошо долго стоять на ногах». Государь заметил Свою ошибку, тоже смутился, правой рукой покрутил левую запонку и сказал: «Барон Розен, благодарю вас за службу».

Обойдя всех, Государь вышел. Желая еще раз увидеть своего Государя, я взял костыли и встал в коридоре, по которому шел Государь, направляясь к выходу вместе с заведующим полковником Вильчковским. Шел Он в полуоборот и не видел меня. По мере приближения ко мне я стал плотнее прижиматься к стене, и все же Государь слегка коснулся моего плеча. Он быстро посмотрел на меня и сказал:

— Простите, Я вас толкнул.

— Простите, Ваше Императорское Величество, — в свою очередь отвечал я, и совершенно не заметил, что нижняя часть моей спины была обожжена горячим радиатором парового отопления.

— Я вас недавно где-то видел, — обращаясь ко мне, сказал Государь.

— Никак нет, Ваше Императорское Величество, в этом году я имею счастье видеть Вас в первый раз.

— Да, конечно, вам легче помнить, сколько раз вы видели Меня, не правда ли?

— Так точно, Ваше Императорское Величество.

Последний раз я видел тогда моего Государя.

Дни бежали. Рана заживала, и я совсем привык к костылям. Подумывал я уже покинуть лазарет, где все так было хорошо.

Как-то утром, ранее обыкновенного, Государыня, войдя в палату, в этот день залитую солнечным светом, сказала мне: «Как сегодня хорошо и светло. Так редко приходится видеть солнце в лазарете. Как чувствуете себя, и есть ли у вас какие-нибудь новости из полка?»

Я отвечал, что только что получил письмо от своего бывшего эскадронного командира подполковника Доможирова и что последний сообщает об интересных действиях полка на фронте.

«Это очень интересно, — сказала Императрица. — Что же вам пишет Доможиров?»

Я взял со столика письмо в конверте и, подавая его Государыне, сказал: «Ваше Императорское Величество, в этом письме секретов нет, и его очень интересно прочесть». Государыня поблагодарила меня и взяла из моих рук письмо.

В этом письме Доможиров присущим ему четким и красивым почерком описывал мне, какое уныние было в полку, когда все считали, что наш Шефский эскадрон, бывший с ротмистром Беккером в дальней разведке, погиб, так как в продолжение семи недель никаких сведений от эскадрона не было. Далее следовало описание боевой работы эскадрона, неожиданная встреча с эскадром Митавских гусар, тоже отрезанных от своих, как они вместе пробивались и как радостно встретил полк этот эскадрон, вернувшийся 3 ноября. -

«Я вам верну это письмо через несколько дней», — улыбаясь, сказала Императрица.

В этот день я рискнул напомнить об обещанном мне отпуске на Кавказ к родным.

«Не думайте, что Я об этом забыла, еще немного по-лечитесь, а потом поедете».

Через два дня Государыня, возвращая мне письмо, сказала:

«Ваше письмо Я дала вчера прочесть Государю Императору, Который был очень доволен, прочитав его, и сказал: “Какой молодец Беккер”».

Эта заслуженная оценка была так справедлива и явилась лучшей наградой ротмистру Беккеру и полку.

«Почему Мне об этом не сообщил командир полка?» — спросила меня Императрица.

«Не могу знать, но смею предполагать, что командир полка не надеялся на благополучное возвращение эскадрона и не хотел огорчить Ваше Величество», — отвечал я.

Наконец сбился желанный день моего отпуска. Императрица попросила меня зайти в канцелярию лазарета, расположенную как раз напротив палаты, в которой я находился. Я вошел в маленькую комнату, где был небольшой столик, два кресла и небольшая этажерка с делами лазарета. Какой-то молодой человек настукивал на пишущей машинке. Императрица попросила меня сесть против Нее и тотчас отдала распоряжение приготовить для меня бумагу для поездки на Кавказ.

«Сможете ли вы самостоятельно сделать такой большой путь? Не трудно ли вам будет с пересадками на костылях?»

Я отвечал, что легко перенесу дорогу, так как чувствую себя совсем хорошо. На другой же день я получил от полковника Вильчковского желанную бумагу, подписанную красивым крупным почерком: *Александра*. Я оделся, явился в последний раз и в последний раз поцеловал с благодарностью руку Той великой духом Женщине, святость Которой так ярко проявилась позже, в Ее невероятных страданиях за всех нас...

О величии души моего Шефа Государыни Императрицы Александры Феодоровны мне хочется рассказать.

Молодой человек, настукавший на пишущей машинке для меня бумагу, был некто Долومانов; о нем несколько слов.

Государыня просила полковника Вильчковского найти хорошего писаря для маленькой канцелярии того самого

лазарета, в котором я находился. Полковник Вильчковский нашел молодого человека, обладавшего хорошим почерком, Доломанова.

С первых же дней Государыня была довольна Доломановым и милостиво и ласково к нему относилась. Однажды Доломанов попросил полковника Вильчковского поговорить с ним и заявил, что он, Доломанов, не находит возможным продолжать работу в царском госпитале.

«Что за причина?» — спросил Вильчковский.

Я не ручаюсь за точность слов, произнесенных Доломановым, но смысл его ответа был таков:

«Господин полковник, — сказал Доломанов, — я слишком тронут вниманием и лаской Царицы, но оставаться здесь не могу, так как я принадлежу к одной из социалистических партий и мои политические убеждения не позволяют мне долее оставаться здесь...»

Вильчковский не ожидал такого оборота дела и не знал, что ему предпринять и как ему самому, рекомендовавшему Доломанова, выйти из столь неловкого положения. Однако он решил действовать прямо и, не откладывая, доложил об этом разговоре Государыне Императрице.

«Что же тут такого, что Доломанов принадлежит к политической партии. Каждый может иметь свои убеждения, и это нисколько не мешает нашей работе. Я Доломановым довольна и сегодня же с ним Сама поговорю», — отвечала Государыня.

В тот же вечер Императрица сказала Доломанову: «Мне полковник Вильчковский передал о причине вашего нежелания работать у Меня. Мне это кажется странным, так как вопросы помощи ближнему не зависят от политических убеждений. Вы поработаете здесь, присмотритесь, и Я уверена, что вы измените ваше решение».

Доломанов взволнованно сказал: «Я был бы счастлив работать здесь, но моя жена не вполне здорова, и мне необходимо быть при ней».

«Это тем лучше, — продолжала Государыня, — пусть ваша жена придет в Большой Дворцовый лазарет, быть может, она сможет немного там работать и быть под присмотром доктора».

«Это, Ваше Императорское Величество, совершенно невозможно, так как моя жена еврейка», — отвечал Доломанов.

«Ну так что же, что еврейка? Национальность не имеет никакого отношения к нашему общему делу. Передайте вашей жене, что Я ее приглашаю работать в Дворцовом лазарете, и вы ее всегда можете там видеть».

Доломанов окончательно был обезоружен, он кланялся, благодарил. Работу свою он продолжал с большой энергией, и его жена стала сестрой милосердия...

Об этом случае мы, раненые, между собой шептались, а мне лично тогда об этом рассказал полковник Вильчковский. Само собой разумеется, я ручаюсь, на основании слышанного, лишь за общий смысл разговора, произошедшего между Государыней и Доломановым, но не за точную передачу произнесенных фраз и слов.

Сергей ТОПОРКОВ

«НАША РАБОТА В ЛАЗАРЕТЕ – ВОТ МОЕ УТЕШЕНИЕ...»

Из писем Государыни Императору 1914 г.

20.9.1914: «Девочки работали на складе. [...] Полезно предоставлять девочкам работать самостоятельно, их при- том ближе узнают, а они научаются приносить пользу».

21.9.1914: «...Отправилась встречать поезд, – не очень много раненых. Два офицера из одного и того же полка и той же роты, а также один солдат умерли в пути. У них легкие очень пострадали от дождей и от перехода вброд через *Неман*. Ни одного знакомого – все армейские полки. Один солдат вспоминал, что видел нас в Москве этим ле- том на *Ходынке*. [...] В 3 ч. зашли в наш маленький лаза- рет, чтобы надеть халаты, и оттуда в большой лазарет, где Мы усердно поработали. [...] Затем обратно в маленький лазарет, где дети продолжали работать. Здесь Я перевязала трех вновь прибывших офицеров...»

23.9.1914: «Мы поработали с 10 до 1. Была одна – очень длительная – операция».

24.9.1914: Мы только в 11 ч. собрались в лазарет, захав по пути за кн. [Гедройц] к Ане [Вырубовой]. Мы присутст- вовали при двух операциях – она оперировала сидя, для того, чтобы Я могла подавать, тоже сидя, инструменты. Один из оперированных вел себя ужасно смешно, когда пришел в себя, в постели – он начал распевать на высоких нотах, притом очень хорошо, и дирижировал рукой, из че- го Я заключила, что он запевала, и потом оказалось, что это действительно так, он был очень весело настроен, вы- разил надежду, что не произнес каких-нибудь грубых слов – он желает быть героем и вернуться опять на войну, как только нога его заживет. – Другой лукаво улыбался и рассказывал: «Я был далеко, далеко, ходил-ходил, – хорошо там было, Господь Вседержитель, все вместе были, – вы не знаете, где я был». – И он все благодарил Бога и восхвалял

Его – очевидно, ему являлись чудесные виденья в то время, как извлекали пулю из плеча. Она не позволила мне делать перевязок, чтобы Я не делала никаких лишних движений, так как голова и сердце давали себя чувствовать».

21.10.1914: «...Поспешила уехать в лазарет и усердно проработала там в течение двух часов. Были тяжелораненные. В первый раз побрила солдату ногу возле и кругом раны – Я сегодня все время работала одна, без сестры или врача, – одна только княжна подходила к каждому солдату, смотрела, что с ним. Я у нее справлялась, правильно ли то, что Я намеревалась делать, – надоедливая m-lle Анненкова подавала Мне требуемые материалы. Затем Мы вернулись в Наш маленький лазарет и посидели в нескольких палатах с офицерами. Отсюда Мы отправились осматривать маленький *нецерный храм*, находящийся под старым дворц[овым] госп[италем]: здесь была церковь во времена Екатерины. Это было устроено в память 300-летнего юбилея¹³¹. Этот храм прямо очарователен. Все в нем подобрано *Вильчковским* в чистейшем и древнейшем византийском стиле, отлично выдержанном. Ты должен осмотреть его. Освящение состоится в воскресенье в 10 ч., и Мы поведем туда тех из Наших офицеров и солдат, которые уже могут самостоятельно передвигаться. Имеются таблицы с обозначением фамилий раненых, умерших во всех Наших Ц[арско-]С[ельских] лазаретах, а также офицеров, получивших Георгиевские кресты или *золотое оружие*. [...]

Как важно иметь возможность причаститься [...] и как хотелось бы помочь другим вспомнить о том, что Бог даровал это благо всем – не только как нечто обязательное раз в году во время поста, но и для тех случаев, когда душа жаждет этого и нуждается в подкреплении! Когда Я нахожусь наедине с людьми, которые, как Мне известно, переживают сильные страдания, Я всегда касаюсь этого вопроса, и с Божьей помощью Мне во многих случаях удалось им объяснить, что это – всем доступное, благое дело и что это дарует облегчение и покой болящему сердцу. Я говорила об этом с одним из Наших офицеров. Он согласился причаститься и после почувствовал себя таким счастливым и бодрым и стал куда лучше переносить свои страдания. Мне кажется, что одна из главных обязанностей наших женских в том, чтобы стараться привести лю-

дей ближе к Богу, заставить их постигнуть, что Он более доступен и близок к нам, что Он ждет, чтобы мы обратились к Нему с любовью и верой. Многих удерживает робость и ложная гордость, а потому мы должны помочь им преодолеть эту преграду. – Я как раз вчера вечером говорила священнику, что, по-Моему, духовенству почаще следовало бы вести с ранеными подобные разговоры, – совершенно просто и прямо, только не в виде проповеди. Их души совсем детские и иной раз нуждаются в некотором руководстве. С офицерами обычно это гораздо труднее. [...]

22-ое. [...] Мы перевязывали офицеров с 10 1/2 ч., затем отправились в большой госпиталь на 3 большие операции – одному раненому пришлось отрезать 3 пальца, так как начиналось заражение крови, и они совершенно омертвели. У другого извлекли осколок, еще у другого – множество *осколков* (костей) из ноги. Я осмотрела несколько палат. В церкви большого госпиталя шло богослужение, мы преклонили колени на верхних хорах во время акафиста Казанской Божьей Матери. [...] Сейчас Я должна поехать в Мой поезд-склад № 4».

22.10.1914: «Мы прошли полный *фельдшерский* курс, с расширенной программой, а сейчас пройдем курс по анатомии и внутренним болезням, это будет полезно и для девочек. – Я затем занялась сортировкой теплых вещей для раненых, возвращающихся на фронт».

24.10.1914: «Татьяна была на заседании в своем комитете, оно продолжалось 1 1/2 часа. Она присоединилась к Нам в Моей *Крестов[ой] Общине*, куда Я с Ольгой заезжала после склада. Масса народу работало в Зимнем Дворце, многие приходили за работой, другие приносили уже сшитые вещи. Я там встретила жену одного врача. Она только что получила письмо от мужа из *Ковеля*, где он служит в военном госпитале. У них там очень мало белья и не во что одеть выписывающихся из госпиталя солдат. А потому Я тотчас велела собрать побольше белья и *фуфаек* для отправки в *Ковель* и большой образ Христа на полотне (принесенный *складу* в дар), так как это маленький еврейский город, и в их госпитале, находящемся в бараках, нет икон. [...]

Сегодня было много раненых в *Общине*. Один офицер пробыл 4 дня в госпитале у Ольги и говорит, что там не было другой подобной ей сестры. У некоторых солдат

очень серьезные ранения. Большинство из них ранено под *Сувалками...*»

17.11.1914: «Наша работа в лазарете – вот Мое утешение, а также посещение наиболее страждущих в Большом Дворце».

19.11.1914: «В 9 час. Ольга, Анастасия, Бэби и Я поехали к Его [Наследника] поезду. На этот раз у Нас много очень тяжелораненых. [...] Некоторые из этих раненых были взяты германцами, а 4 дня спустя наши их вновь отбили. Бог Мой, какие ужасные раны! Боюсь, что некоторые из них обречены, – но Я рада, что они у Нас и что Мы, по крайней мере, можем сделать все от Нас зависящее, чтобы помочь им. Мне сейчас следовало бы отправиться посмотреть на остальных, но Я слишком утомлена, так как у Нас кроме этого было еще 2 операции, а в 4 Я должна быть в Большом Дворце, так как хочу, чтобы кн. [Гедройц] также осмотрела бедного мальчика и одного офицера 2-го стрелкового п[олка], ноги которого уже стали темного цвета; опасаются, что придется прибегнуть к ампутации.

Я вчера присутствовала при перевязке этого мальчика – ужасный вид, он прижался ко Мне и держался спокойно, бедное дитя».

20.11.1914: «...Отправилась в Большой Дворец на *перевязку* бедного мальчика. Мне представляется, что края большого *пролежня* стали плотнее, а кн. [Гедройц] нашла, что ткань не имеет слишком омертвелою вида. Она осмотрела ногу стрелка и, по ее мнению, следовало бы немедленно ее отнять, покуда не поздно, и ампутация должна быть сделана очень высоко. [...]

Сегодня утром Мы присутствовали (Я, по обыкновению, помогаю подавать инструменты, Ольга продает нитки в иголки) при нашей первой большой ампутации (рука была отнята у самого плеча). Затем Мы все занимались перевязками (в Нашем маленьком лазарете), а позже очень сложные перевязки в большом лазарете. Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами... они едва ли останутся мужчинами в будущем, так все пронизано пулями, быть может, придется все отрезать, так все почернело, но Я надеюсь спасти, – страшно смотреть, – Я все промыла, почистила, помаза-

ла иодином, покрыла вазелином, подвязала, – все это вышло вполне удачно, – Мне приятнее делать подобные вещи Самой под руководством врача. Я сделал 3 подобных перевязки, – у одного была вставлена туда *трубочка*. Сердце кровью за них обливается, – не стану описывать других подробностей, так это грустно, но, будучи женой и матерью, Я особенно сочувствую им. Молодую сестру (девушку) Я выслала из комнаты. [...]

Кн. Гедройц [...] очень благодарна Нам за то [...], что Мы все делаем добросовестно. Это ведь не забава. [...] ...Мы теперь вдвойне чувствуем всю ответственность всего этого и испытываем потребность дать все, что только возможно, всем бедным раненым, одинаково нежно заботимся как о легко, так и тяжелораненых».

21.11.1914: «Вот телеграмма, которую Я только что получила от Нашего Друга: *“Ублажишь раненых Бог Имя Свое прославит за ласкотоу и за подвиг Твой”*. Так трогательно!»

21.11.1914: «Так тягостно думать о наших страшных потерях – многие раненые офицеры, всего с месяц уехавшие от нас, вернулись вновь ранеными. Дал бы Бог скорее конец этой гнусной войне, но что-то ей как будто не предвидится конца!»

23.11.1914: «В Ковно [...] Епископ¹³² встретил Нас пространном словом. После краткого *молебна* Мы приложились к чудотворному образу Богородицы. Он поднес Мне образ св. Петра и Павла, по которым назван самый храм, – он трогательно говорил о Нас: *“Сестры Милосердия”*, а также дал Твоей *Женушке* новое имя – *Мать Милосердия*. – Далее отправились в Красный Крест простыми сестрами, в небесно-голубых платьях».

24.11.1914: «Я почти ежедневно принимаю офицеров, либо возвращающихся в армию, либо уезжающих для дальнейшей поправки в кругу своей семьи. Мы теперь разместили офицеров в Большом Дворце, а также в противоположном конце. [...] Я собираюсь идти туда в 4 навестить их, – бедный малый с ужасной раной постоянно просит меня приходить. [...] Как жаль, что Я сейчас не могу ехать с санитарным поездом! Я жажду быть ближе к фронту, чтобы они чувствовали Нашу близость, – она придавала бы им мужество».

25.11.1914: «Один солдат умер во время операции – такой ужас! Это первый подобный случай у кн. [Гедройц], а она уже проделала тысячи операций: *гемораргия*.

Все держались стойко, никто не растерялся. Девочки тоже выказали мужество, хотя они, а также Аня никогда не видели смерти вблизи. Он умер в одну минуту. Можешь себе представить, как это потрясло Нас. Как близка всегда смерть! Мы продолжали операции. Завтра у Нас опять такая же операция, она тоже может окончиться фатально. Дай Бог, чтоб это не случилось, постараемся спасти его».

26.11.1914: «Конечно, Мы все знали, что подобная война неминуемо будет самой кровопролитной и ужасной из всех когда-либо бывших, – и так оно и есть на деле, – но нельзя не скорбеть о героических жертвах, мучениках за правое дело. [...] ...Отправились в маленький госпиталь – маленькая операция, 19 *перевязок*, вернее раненых, так как у некоторых по несколько ран. [...] В 4 ч. Я снова отправлюсь в Большой Дворец, потому что они ежедневно ожидают автомобиль и приходят в отчаяние, если Мы не приезжаем, что бывает чрезвычайно редко, а также мальчик просил Меня сегодня приехать пораньше».

27.11.1914: «Я нахожу, что мальчику становится все хуже, температура медленно падает, но пульс остается слишком ускоренным, а по вечерам он в полубредовом состоянии – до того слаб. Рана стала значительно чище, но запах, говорят, от нее идет ужасный. Он постепенно угаснет – надеюсь, только не в нашем отсутствии».

28.11.1914: «...Нахожу, что мы, женщины, все, без различия возраста, обязаны сделать все, что только возможно, для наших трогательно-храбрых раненых. По временам Я ощущаю упадок сил, опиваюсь лекарствами для сердца, и опять дело идет на лад. [...]

Выражали желание, чтобы Мой *склад* открыл сбор пожертвований к Рождеству, но Я отклонила это предложение – нельзя беспрестанно просить милостыню, это некрасиво. [...]

29-го. [...] Мы были в *местном лазарете*, и Я там вручила 4 медали ампутированным солдатам – там не было других очень тяжелых случаев. Оттуда Мы направились в Большой Дворец, чтобы повидать Наших раненых. Они уже горюют о том, что так долго Нас не увидят».

12.12.1914: «Хочу Тебе напомнить, чтобы Ты поговорил с *Николашей** о том, чтобы офицерам разрешался отпуск домой для лечения, вместо того, чтобы держать их в городах, куда их случайно доставил санитарный поезд. Они гораздо скорее станут поправляться, находясь вблизи своих, некоторые из них должны заканчивать свое лечение на юге, чтобы вновь окрепнуть, в особенности те, у которых прострелена грудная полость».

14.12.1914: «Не попросишь ли ты *Шавельского* выслать полковым священникам побольше *запасных даров* и вина, чтобы возможно больше людей могло причащаться? Я посылаю, сколько только возможно, с Нашими поездами-складами, Элла тоже».

«ТРИ СЕСТРИЦЫ»

Из дневника В. Чеботаревой
1914 год

Начали работать Императрица и Великие Княжны в августе. Сначала как Они были далеки! Целовали руку, здороваясь с Княжнами, и этим дело кончалось. Вера Игнатьевна** читала лекции в Их комнате с полчаса, там всегда была Анна Александровна***, затем шли на перевязки, Княжны – солдат, Государыня и Анна Александровна – офицеров. [...]

Ноябрь и декабрь были порой особо нежного культа к Императрице. Она так близко подошла к жизни офицеров, просто, ласково, хорошо, сидела у их постелей, интересовалась всем, даже мелочами их жизни. Государыня рассказывала, как надо быть осторожным при болезнях сердца. «В 1905 году впервые почувствовала боли, но это был такой тяжелый год. Я еще не смела беспокоить Государя, никому не сказала, отсюда начало расширения сердца».

В начале декабря уехали путешествовать, с дороги присылали чудные телеграммы: «Александра, Ольга, Татьяна и Анастасия. От сестриц. Скучаем без милых раненых, к которым привыкли». Присылалось варенье с надписью опять же «от Трех Сестриц». Вернулись 13-го и Государыня

---

* Речь идет о Вел. Кн. Николае Николаевиче – в то время главнокомандующем. – С. Ф.

** Княжна Гедройц. – С. Ф.

*** Вырубова. – С. Ф.

слегла: расширение сердца, переутомление и какая-то тяжелая обида в Москве. До Рождества мы Ее не видели, ездили аккуратно Княжны, много раз прибегали по морозу пешком с Анной Александровной в туфельках, розовые, бодрые. Но Она, Царственная Страдалица, не ездила. Боткин, говорят, не разрешал вставать, да и душа у бедняжки болела.

ИЗ ГОФ-ФУРЬЕРСКОГО ЖУРНАЛА

13 ноября 1914 г., четверг

В 9 ч. 50 минут утра Ее Величество с Великими Княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами выезд имели на посещение лазаретов при Царскосельском госпитале и в доме Кокарева*. Возвратились в 12 часов 45 минут.

В 2 часа 5 минут дня Их Величества с Великими Княжнами Ольгой и Татьяной, Марией и Анастасией Николаевнами выезд имели на Императорский железнодорожный павильон, где изволили присутствовать при освящении санитарного поезда № 143 имени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

В 3 часа 5 минут Ее Величество с Августейшими Дочерьми изволили отбыть в Большой дворец на посещение Царскосельского лазарета № 41.

В 3 часа 50 минут Их Величества в сопровождении Великих Княжен Ольги и Татьяны Николаевн выезд имели на Императорский железнодорожный павильон, откуда в поезде проследовали в Петроград. В Петрограде со станции Его Величество проследовали в Аничков дворец для посещения Императрицы Матушки, а Ее Величество в Зимний дворец, куда прибыла в 4 часа 30 минут дня, после чего в Малахитовой гостиной под председательством Императрицы состоялось заседание Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и увечных воинов.

В Александровский дворец возвратились в 7 час. 5 мин.¹³³

---

* Лазарет при доме одного из богатейших жителей Царского Села, миллионера, наследника волжских промышленников, мецената и любителя искусств А. В. Кокарева. Двухэтажный особняк в неоготическом стиле был построен в 1902 г. С. А. Данини (ул. Московская, 55). — С. Ф.

СОБСТВЕННЫЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ЛАЗАРЕТ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

(Отрывки из неопубликованных воспоминаний
капитана И. В. Степанова)

Царское Село – последняя остановка. Курьерский поезд Киев–Петроград опаздывает, а тут, как нарочно, вместо двух минут, стоим целых десять. Я дал телеграмму своим в Петербург и с волнением готовился к встрече. На царско-сельской платформе суета. Бегают санитары. Что-то кричит комендант. В поезде разыскивают какого-то Степанова... Не обращаю внимания. Ведь у меня, по статистике, в столице пять тысяч однофамильцев. В купе входит полковник с повязкой Красного Креста на рукаве.

– Вы правовед, семеновец Степанов?... Санитары, выносите... осторожнее...

На платформе толпа. Кто-то кричит «ура». Гимназистки протягивают цветы... Ничего не понимаю... Ведь мои все в Петербурге. Мне не хочется лежать в Царском. [Я всегда не любил его... Но меня везут...]

Автомобиль останавливается в саду перед небольшим флигелем. Меня вносят на перевязочную. Поражает блеск чистоты. Группа женщин в белых косынках. Тишина. Восемь дней, как не перевязывали. Задыхаюсь от запаха собственного гноя. Рубашки не меняли две недели. Стыдно. Пожилая женщина в вязанном чепце с красным Крестом осторожно режет бинты.

Рядом стоит высокая Женщина и так ласково улыбается. Вот Она промывает рану. Напротив две молодые сестрицы смотрят с любопытством на грязные кровавые отверстия моей раны... Где я видел эти лица?... Меня охватывает сильнейшее волнение... Неужели?... Императрица... Великая Княжна Ольга Николаевна... Великая Княжна Татьяна Николаевна...

Старший врач наклоняется и тихо шепчет мне на ухо: «Сейчас выну тампон. Будет больно. Сдержитесь как-ни-

будь»... Мгновенно вспоминаю невероятную боль в дивизионном госпитале, когда вставляли этот самый тампон. Как сдержаться? В дороге я так ослаб. Но надо, надо во что бы то ни стало... Закусываю губу изнутри. Сжимаю края стола... Ловким движением тампон вырван... Сдержался... Только слезы брызнули...

Императрица смотрит в глаза, нагибается... и целует в лоб... я счастлив.

* * *

В то время лазарет этот именовался «Дворцовым госпиталем». Название не совсем правильное. Он помещался в саду большого царскосельского госпиталя, в десяти минутах ходьбы от вокзала, — по левой аллее. Впоследствии открылся госпиталь в Екатерининском дворце, который также назывался «Дворцовым госпиталем». Между тем, в первом Императрица работала ежедневно и лично делала перевязки. В Екатерининский же дворец Она заезжала только изредка. Во избежании смешения именований, я называю первый «Лазаретом Ее Величества».

Это было здание, построенное для заразных, но в котором до того времени ни один больной не успел побывать. В нем было шесть палат по пяти кроватей в каждой. Одна предназначалась для солдат, которых ежедневно приносили из Большого госпиталя для операций и перевязок. Остальные были заняты офицерами. Таким образом, наряду с более или менее постоянным составом офицеров, имелся ежедневно сменяющийся состав нижних чинов. Вдоль всего одноэтажного здания шел коридор, по одну сторону которого находились палаты.

* * *

Меня переносят в палату № 4, где лежат уже два офицера. Молодая сестра с простоватым румяным лицом и большими красивыми глазами подходит ко мне. С первых же слов я чувствую к ней искреннюю симпатию. Славная деревенская женщина. Веселая, болтливая. Она стелет мне простыни и вместе с санитаром переносит на мягкую кровать. Укладывая, все спрашивает: «Не больно ли?»

Понемногу осваиваюсь. С ней так легко говорить.

— Сестрица, мне бы хотелось помыться, почистить зубы.

— Сейчас все принесу. Обещайте, что Вы будете мне говорить все, что Вам нужно. Не будете стесняться?

— Что Вы, сестрица, с Вами не буду.

Здесь придворная обстановка. Вероятно, все люди этикета. И мне радостно, что будет хоть один человек, с которым я не буду конфузиться.

— Теперь будем Вас кормить. Что Вы хотите? Чай, молоко?

— Сестрица, спасибо. Я ничего не хочу. Мне так хорошо.

— И заслужили. Что же Вы о своих не подумали? Хотите я протелефонирую?..

— Петрограда из Царского не добиться. Я лучше напишу телеграмму.

Сестра приносит бумагу. Пишу. Она стоит, улыбается. Как-то сразу полюбил ее. Редко видел людей, столь располагающих к себе с первого знакомства. Кто она? Простая сиделка?

— Давайте. Я пошлю санитаря на телеграф.

— Спасибо, сестрица.

Мне хочется как-то особенно поблагодарить и не нахожу слов.

В комнату ежеминутно заходят дамы в белом. Осваиваюсь. Расспрашиваю соседей. Мне называют фамилии: Добровольская, графиня Рейших-Рит¹³⁴, Чеботарева, Вильчковская¹³⁵... Все мне незнакомые. Привык читать в Свите Императрицы: фрейлина графиня Гендрикова¹³⁶, фрейлина Буксгевден, гофлектриса Шнейдер и госпожа Вырубова¹³⁷. Эта «госпожа» Вырубова (она не имела ни звания, ни должности) меня всегда особенно интересовала. Столько про нее говорили: она ведь неразлучна с Императрицей... [Мне говорили интриганка, темная сила, злой демон...]

— Вы не слышали здесь фамилию Вырубовой?

— Анна Александровна? Да ведь она все утро тут с Вами провозилась и теперь ушла с телеграммой...

* * *

День в лазарете начинался в семь часов. Мерили температуру, мылись, приводили в порядок постели и ночные столики, пили чай. В восемь часов палаты обходила старший врач княжна Гедройц. Ровно в девять часов слышался

глухой протяжный гудок царского автомобиля. Вильчковский встречал рапортом. Весь персонал выстраивался в коридоре. Женщины, прикладываясь к руке, делали глубокий реверанс. На этом кончалась официальная часть. Императрица давала понять, что каждый должен заниматься своим делом и не обращать на Нее внимания. Она быстро обходила палаты с Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной, давая руку каждому раненому, после чего шла в операционную, где работала непрерывно до одиннадцати часов. Начинался вторичный длительный обход раненых. На этот раз Она долго разговаривала с каждым, присаживаясь иногда. В начале первого Она отбывала во Дворец, откуда каждый вечер справлялась по телефону через Дочерей или Вырубову о здоровье наиболее серьезных пациентов.

В час нам давали вкусный завтрак. В два начинался прием посетителей. В четыре всем, включая и гостей, подавали чай со сдобными сухарями. В шесть прием кончался. Обед. В девять снова чай, и затем тушили свет.

По воскресеньям перевязок не было. Императрица приезжала под вечер, обыкновенно со всеми четверьмя Дочерьми (младшие по будням были заняты уроками и на перевязках не бывали). Иногда привозили Наследника. Изредка приезжал Государь.

* * *

Императрица неслышно ступала, почти скользила по коридору. Как-то неожиданно появлялась Она в дверях. Походка быстрая, слегка плечом вперед. Голову Она держала немного назад с небольшим наклоном вправо. [В походке и в манере держаться не было никакой «величественности». Несмотря на высокий рост и стройную фигуру, Она не была, что принято называть, «представительной». Слишком свободны были Ее движения.] По лазарету Она ходила одна, а не «следовала в сопровождении». Не было у Нее столь свойственной Высочайшим Особам заученной «чарующей улыбки». Она улыбалась с напряжением. Зато радостно было вдруг вызвать чем-нибудь настоящую улыбку... и какую «настоящую»!

Я никогда не слышал звука Ее голоса. Она говорила, что называется, громким шепотом. Вопреки распростра-

ненному мнению, русским языком владела хорошо. Акцент сказывался лишь в том, что Она, как большинство иностранцев, слишком четко выговаривала каждый слог. [Букву «з» произносила скорее, как «зж».]

Ровные, безукоризненные, белые зубы. Тонкие губы. Лицо немного красное. Рука большая, спокойная, тяжелая, уверенная.

В перевязочной работала как рядовая помощница. В этой обстановке княжна Гедройц была старшей. В общей тишине слышались лишь отрывистые требования: «ножницы», «марлю», «ланцет» и т. д., с еле слышным прибавлением «Ваше Величество». Императрица любила работу. Гедройц уверяла, что у Нее определенные способности к хирургии. По собственному опыту знаю, что Ее перевязки держались дольше и крепче других.

До того времени я видел Императрицу всего раза два на торжествах и то лишь издали. По рассказам, Она представлялась мне болезненной, нервной, немощной и преждевременно состарившейся. Здесь Она показалась мне моложе Своих лет. За два с половиной месяца моего пребывания в лазарете Она ни разу не пропустила, если не считать поездок по провинциальным и прифронтовым городам. Утром в лазарете все время на ногах, днем объезды госпиталей Царского и столицы*. Вечером Она слушала курсы сестер милосердия[где преподавала княжна Гедройц].

* * *

До моего прибытия в лазарет Императрица только присутствовала на перевязках. Я был первым, которому Она Сама сделала всю перевязку. Рана в ногу выше колена — самая легкая для начинающей. [Вернувшись во Дворец, Она сказала Е. А. Шнейдер, которая еще не знала о моем приезде: *«J'ai fait mon premier pansement a votre petit aux longs cils»***.]

Через несколько дней, обходя палаты, Императрица дала мне образок и спросила:

---

* Во время войны в Царском Селе насчитывалось около 60 частных лазаретов для раненых воинов.

** «Я сделала первую перевязку вашему малышу с длинными ресницами» (фр.).

- Вы получили Евангелие?
- Никак нет, Ваше Величество.
- Это Я забыла... Сейчас принесу.

Она быстро прошла в противоположный конец здания, где была канцелярия, и через минуту принесла мне маленькое Евангелие в светлозеленом переплете. На первой странице — большая подпись с росчерком, а рядом с ней свежими чернилами: «31-го авг.» — день моей, вернее Ее, первой перевязки.

* * *

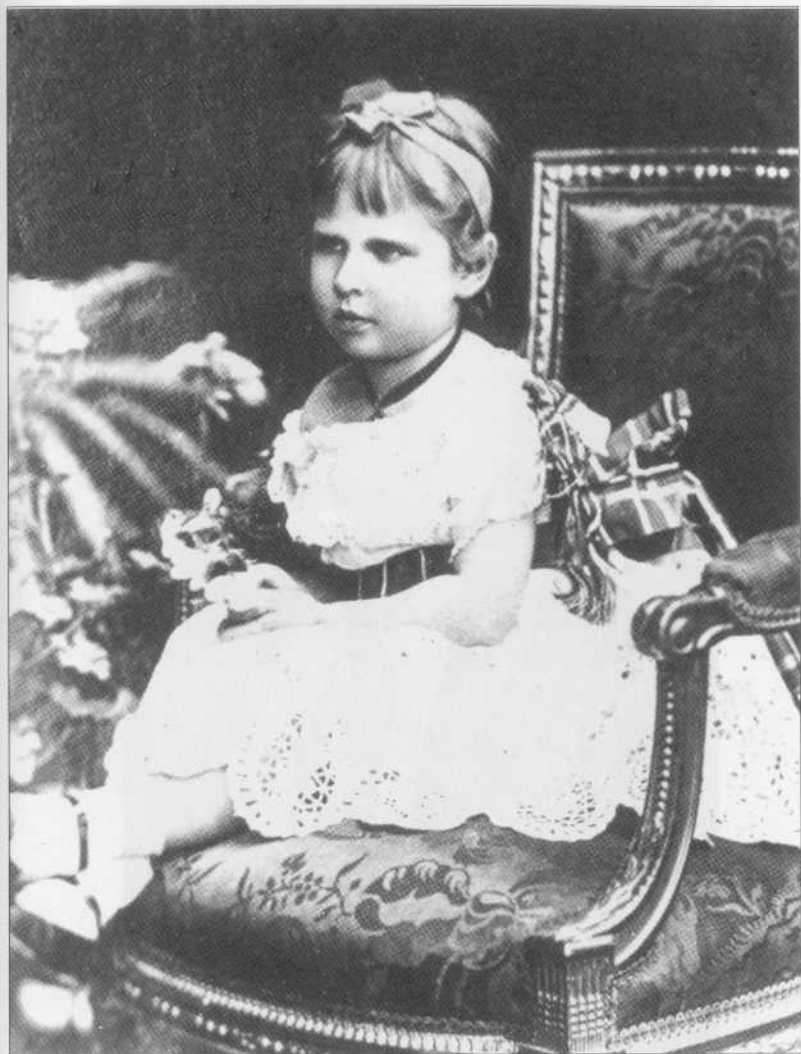
С первого дня я понял, что выпавшее на мою долю счастье — счастье на день, что все это сказка, на которую я буду оглядываться всю жизнь. Я жил каждой минутой, каждым впечатлением, стараясь ничего не забыть. Сколько раз тогда и впоследствии приходилось вспоминать, а иногда и рассказывать эти страницы прошлой жизни. Так и остались они радостные, молодые, чистые...

[На другой день после моего прибытия нас снимал придворный фотограф. Моя кровать оказалась в центре группы. За ней стали Императрица, Ольга и Татьяна. Кругом весь персонал и другие раненые. Этот снимок был перепечатан многими журналами и даже продавались специальные открытки. Одну из них мне переслали несколько лет назад из СССР. Подлинные большие фотографии Императрица раздала каждому из снимавшихся. Она подписывала их с Княжнами. Рядом с Ними подписалась и Вырубова. Тогда это многим не понравилось. Теперь кажется правильным. Память о них неразрывна.]

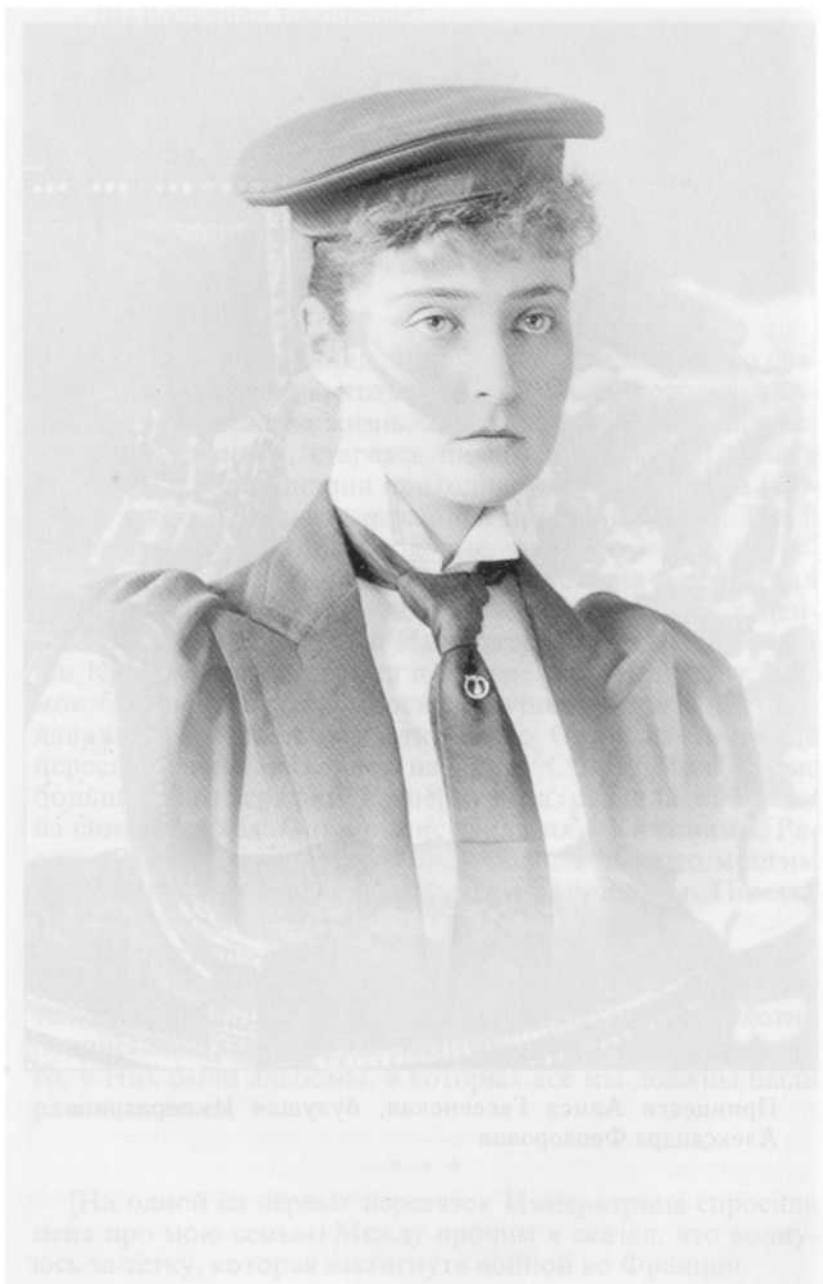
Императрица и Великие Княжны имели по фотографическому аппарату и постоянно нас снимали. Они внимательно следили, чтобы каждый получил снимок, охотно подписывали Сами и требовали наши подписи. Кроме того, у Них были альбомы, в которых все мы должны были расписываться.

* * *

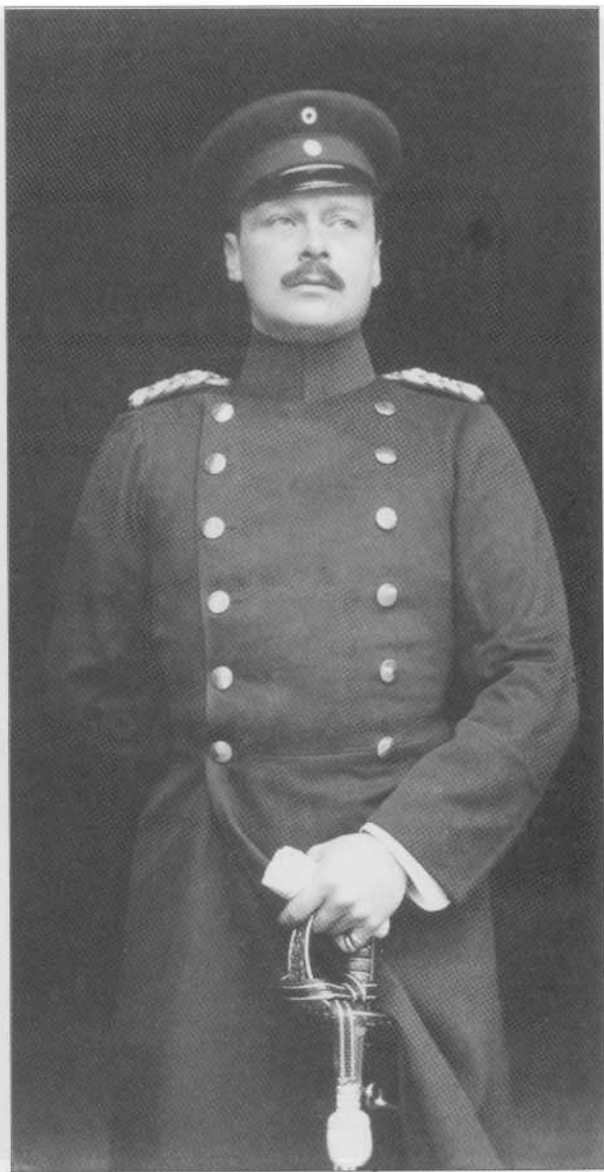
[На одной из первых перевязок Императрица спросила меня про мою семью. Между прочим я сказал, что волнуясь за тетку, которая застигнута войной во Франции.

Принцесса Алиса Гессенская, будущая Императрица
Александра Феодоровна

Великий Герцог Гессенский Эрнст Людвиг

Сидят: Аликс и Великая Герцогиня Гессенская Виктория Мелита. Стоят: Цесаревич Николай Александрович и Великий Герцог Гессенский Эрнст Людвиг

Слева направо: Великий Герцог Гессенский Эрнст Людвиг, Аликс и Цесаревич Николай Александрович, принцесса Прусская Ирен и принц Прусский Генрих, Вел. Кн. Елисавета Феодоровна и Вел. Кн. Сергей Александрович, Герцогиня Виктория принцесса Баттенбергская и принц Людвиг Баттенбергский (старший). Дармштадт, окт. 1903.

Государыня с Детьми и Их няней на прогулке

Императрица Александра Феодоровна с детьми: Великими Княжнами Ольгой, Анастасией, Марией и Татьяной Николаевными, с Их другом капитаном I ранга Императорской яхты «Штандарт» Н.П. Саблиным (слева) и неизвестным офицером

Государыня позирует скульптору М.М. Антокольскому.

Работа над бюстом осуществлялась в 1896 г. Одновременно шла работа над бюстом Государя. Существует три варианта выполненные в разных материалах: гипс (Научно-исследовательский музей Академии художеств России); бисквит (Государственная Третьяковская галерея); мрамор (Государственный Русский музей). «Бюст Императрицы Александры Феодоровны,— считают искусствоведы,— редкого для Царского портрета поэтического образа. Тонкое, чуть задумчивое лицо с внимательным взглядом притягивает к себе внимание. По мере обхода бюста меняется впечатление, ярче раскрывается модель. Строгость черт красивого лица, контура головы оттеняется и подчеркивается богатой и разнообразной обработкой мрамора, мягкой и нежной полировкой поверхности лица, обнаженных плеч и передачей матовой поверхности волос».

В Александрии

На отдыхе

Благотворительный базар в Ялте

На празднике «Белого Цветка» там же

В Александровском Дворце

— Моя сестра тоже осталась в Париже и Я не имею о ней сведений.

Постоянно расспрашивала про мою, как Она произносила, «невестушку»¹³⁸ — передавала поклоны.]

В середине сентября Императрица с Дочерьми кончила курсы на звание «сестер милосердия». Они нашли кресты на передники и видимо гордились этим отличием. Косынки Они носили по правилам гигиены, тщательно пряча волосы. Одна из дам случайно или из кокетства выпустила прядь волос.

— Отчего Вы не хотите носить косынку, как носит сестра Романова¹³⁹? — ласково заметила ей Императрица.

Два раза в неделю из дворцовых теплиц нам присылали корзины срезанных цветов. Княжны Сами распределяли их по нашим столикам. Я проговорился, что люблю желтые розы, и с этого дня мне выбирали все желтые цветы.

Многие мои близкие и знакомые также приносили цветы. Раз на моем столике красовался букет красных роз и белых хризантем. Императрица долго рассматривала их и, улыбнувшись «по-настоящему», вдруг сказала:

— Они не знают, что Вы любите желтые розы.

Сама Она любила лиловый цвет.

* * *

По воскресеньям Императрица с Дочерьми приезжала иногда в часы приема посетителей. Перед Ее приходом особенно волновались дамы, так как надо было, целуя руку, делать глубокий реверанс, что, с непривычки, не всем давалось. С посетителями Императрица обыкновенно не говорила. Родителей и близких не принято было представлять.

Исключение было сделано для старой татарки, приехавшей из Крыма, чтобы поблагодарить Ее за заботы о раненом сыне, офицере Крымского Конного полка¹⁴⁰. Представление происходило перед дверью в нашу палату. Вместо традиционного приседания, старуха отвесила глубокий поклон в пояс, слегка при этом отступив. Поцеловала руку, с вторичным поклоном и протянула букет белых роз. Старуха с белой татарской наколкой на голове была величественна и всю церемонию провела с большим достоинством без тени

подобострастия. Императрица взяла цветы, передала их одной из дам и, после небольшой паузы, положила руку на плечо старой татарки, привлекла ее к Себе и поцеловала в щеку.

* * *

Как-то Императрица застала у меня мою невесту и сказала ей несколько ласковых слов. В другой раз Она приезжала, когда у меня сидела пожилая компаньонка моей тетки. Это был человек исключительных душевных качеств, но замечательно некрасивой внешности. Худая, кривая, с большой бородавкой на носу. Она происходила из глубоко-провинциальной среды.

Я был в ужасе от мысли, что ей придется встретиться с Императрицей. Не мог же я, лежа в постели, научить ее в несколько минут придворному реверансу. Сперва хотел придумать предлог, чтобы ее удалить, но ведь и ей хотелось видеть Императрицу. Ну, будь, что будет...

Императрица остановилась в дверях, окинула быстрым взглядом присутствующих, затем сказала что-то на ухо Ольге Николаевне и, кивнув нам приветливо головой, прошла дальше. Она не кивала, а скорее как-то еще больше откидывала назад голову.

Великие Княжны подошли ко мне, поздоровались с гостьей и спросили, как я себя чувствую.

— Да что Вы его спрашиваете, — вдруг, не прибавляя титула, вмешалась милейшая Екатерина Асенкритовна, — он же у Вас, как в раю.

— Раненый, за ним надо ухаживать, — возразила Ольга Николаевна.

— Иван Владимирович у нас молодец, да только очень Вы его балуете. Смотрите, лежит весь в цветах, а еще мужчина.

Разговор несколько минут продолжался в этом духе.

На другой день первый вопрос Княжен:

— Кто это у Вас был вчера? Как ее зовут?

— Честнейшая.

— Нет, как ее фамилия?

— Это у нее такая фамилия: Честнейшая. Она дочь священника.

— Какая симпатичная. Передайте ей поклон от Нас.

* * *

Я повздорил с невестой. Настроение было скверное. Нога ныла, а тут еще неожиданно разболелось ухо. Гедройц была занята, и Императрица пришла Сама делать вливание в ухо. Видя мое печальное и, вероятно, страдальческое лицо, Она села на кровать и положила мне руку на лоб. Я смотрел Ей в глаза, и странная мысль меня волновала. Как ужасно, что это Императрица: как я хотел бы сейчас сказать Ей все свои горести так, как человеку. Найти у Нее утешение. Она ведь такая заботливая... И вот нельзя ничего сказать. Надо всегда помнить — кто Она. Мы продолжали смотреть друг другу в глаза...

— Невестушка была у Вас сегодня?

— Нет.

— Это нехорошо. Скажите Тале, что нужно каждый день заходить к своему женишку.

* * *

На перевязке говорю Государыне:

— Ваше Величество, у меня есть племянник, которого Вы крестили.

[— Кто это?

Я назвал фамилию. Она задумалась.]

— Помню. Четыре года назад. В последний раз видела отца, когда провожала полк на войну.

Меня поразила Ее память. Крестины происходили заочно. И кого только Она не крестила так...

[Каким недостижимым, строгим и налаженным представляется со стороны быт Дворца. А между тем среди позолоты и роскоши те же мелочи и та же неувязка в комических подробностях. Как-то, сходя с автомобиля, Императрица обратилась к шоферу:

— Скажите, чтобы сегодня завтрак не опаздывал. Я еду днем в город.]

* * *

Зная по рассказам, что Императрица очень набожна, я тщетно искал в Ней признаки ханжества. Ежедневно почти, по дороге в лазарет, Она заезжала в церковь Знамения поклониться чудотворной иконе¹⁴¹. [Ни разу в разговоре Она не коснулась религии.]

По воскресеньям, в Ее отсутствии, приходил в лазарет приходской священник, кропил святой водой и исповедывал и причащал Св. Таин желающих.

* * *

[Операции производились под эфиром. Этот наркоз вызывает особенную развязность языка. И что только не говорили, пели и кричали пациенты. Иногда на весь лазарет раздавалась площадная ругань. Всем становилось неловко. Хуже всего было несчастным, которым потом сообщали, как они держали себя в присутствии Высочайших Особ.

Безтактности проявляли и без наркоза. Так один из офицеров уверял в моем присутствии Императрицу, что немок можно всегда отличить по плоским ступням. Другой из весьма привилегированной среды не постеснялся на перевязке попросить Императрицу натянуть ему чулки. Императрица этих мелочей не замечала и не меняла Своего отношения.]

Кто-то из знакомых, слушая в лазарете мои восторженные отзывы об Императрице, спросил:

— Признайтесь, Вы слегка влюбились в Нее.

Я даже обиделся. Кто видел Императрицу так, как я Ее видел и знал, тот подтвердит, что Она принадлежала к тем особенным женщинам, которые способны внушать все чувства от обожания до ненависти, кроме обыкновенной человеческой влюбленности.

* * *

Во Дворце в комнатах Императрицы находится портрет Марии-Антуанетты (подношение города Парижа)¹⁴². Найдутся люди, которые попытаются провести параллель между этими двумя несчастными женщинами¹⁴³. Веселая легкомысленная Королева, покоряющая сердца, и серьезная, чуждающаяся людей и света, Императрица. Королева провела всю жизнь до самого конца на подмостках. Императрица — всегда взаперти за оградой и охранами, оторванная от мира сего. Блистательное ли окно Дворца, слепое ли окошечко подвала — одно устремление ввысь. Ни одной «фразы», ни одной «позы», никогда о Себе. Только обязанности, долг перед

Мужем-Царем, Наследником-Сыном. Никогда перед людьми – всегда перед Богом.

Всё это отошло в безвозвратное прошлое...

Сопоставим всех известных истории женщин-правительниц... *Высоко и одиноко над ними стоит светлая, чистая женщина, мать, друг, сестра, христианка-страдальца – Ее Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна.*

* * *

На фотографиях Великие Княжны похожи друг на друга. В действительности я находил лишь весьма отдаленное сходство между Ольгой Николаевной и Марией Николаевной. Анастасия Николаевна походила на Императрицу Марию Феодоровну. Находили сходство между Татьяной Николаевной и Александром III.

Ольга Николаевна была самой разговорчивой. В Ней замечен был уже некоторый опыт в обращении с посторонними. Татьяна Николаевна была более застенчивой. [Обе Они становились обычно около двери или стены, заложив руки за спину. Татьяна их за спиной скрещивала.] У Нее был замечательно красивый профиль[, но «en face» Она проигрывала.]

Марию Николаевну я считал самой красивой. У Нее был сильный, властный взгляд. Помню Ее привычку подавать руку, нарочно оттягивая вниз. Приходилось еще глубже наклоняться, и это Ее видимо забавляло.

Анастасия Николаевна выглядела ребенком. Казалось, что Она слегка косит, но я это объясняю тем, что от жизни у Нее просто «глаза разбегались». В кармане юбки у Нее всегда был целый запас круглых лепешек крем-брюле, которые Она горстями раздавала всем нам. [Сама грызла их непрерывно.

Видя Ее любовь к сладостям, я как-то пошел на хитрость. Раненым не принято было угощать Княжен. Однажды Вера Николаевна Басина (ныне жена адмирала Дюмениль)¹⁴⁴ привезла мне коробку свежих японских вишен в сахаре. (Специальность кондитерской «des Marquis» на Морской). Я оставил раскрытую коробку на ночном столике. Анастасия сразу заметила и с удовольствием съела несколько штук, озираясь как бы старшие не видели.]

В Царской Семье Детей принято было называть полным именем без уменьшительных. С Матерью Великие Княжны говорили по-английски; между Собой по-русски. Мы Их в начале разговора называли «Ваше Высочество Ольга Николаевна, Ваше Высочество Татьяна Николаевна...» К концу часто просто говорили «Вы». Вырубову Княжны называли «Аней» и были с ней накоротке.

[Говорить с Княжнами было трудно. Постоянно не хватало тем. Происходили томительные паузы. Мы расспрашивали о дворцовой жизни. Скучная, замкнутая обстановка. Полное отсутствие впечатлений. Княжны любили приемы, парады, но во время войны их не было.]

Трогательна была Их любовь и прямо обожание Родителей и взаимная дружба. Никогда не видел такого согласия в столь многочисленной Семье. Прогулка с Государем или совместное чтение считались праздничным событием.

* * *

Великие Княжны привозили нам по утрам пачки газет и искренне смеялись над карикатурами «Петроградской газеты»: Франц-Иосиф в виде обезьянки в поводу у Вильгельма в карикатурном изображении приводил Их в восторг. Уже в то время казалось рискованным изображение, хотя и враждебных, но все же Монархов, в смешном виде.

Часто смеялись с Княжнами над модными тогда переменах немецких фамилий.

Раненые доставлялись обычно с фронта в лазарет санитарным поездом Императрицы, комендантом которого был улан граф Шуленбург. Мы острили: «Теперь все меняют Петербург на Петроград — пора бы переименовать Шуленбург на Шуленград».

Менялись немецкие названия. Иногда это выходило забавно: ресторан «Франкфурт-на-Майне» переименовался в «Ростов-на-Дону» и т. д.

* * *

Государь никогда не любил Вильгельма и поддерживал с ним официальную дружбу, вероятно, только в надежде личными отношениями предотвратить неизбеж-

ную войну. Рассказывали в лазарете, что в один из этих дней Государь заметил где-то во Дворце бюст Вильгельма. Он тут же приказал отнести его на чердак и там «поставить к стенке».

Особенно не терпела Вильгельма Императрица. Получив воспитание в Англии у Своей бабушки королевы Виктории, Она не имела особенной привязанности к Своей прежней родине. [Знаю со слов человека очень близкого покойному военному министру П. С. Ванновскому¹⁴⁵, что по рассказам последнего одну из Сестер Императрицы сватали в свое время за Вильгельма, но Бисмарк помешал. Будто бы с этого времени у Императрицы, кроме личной антипатии, примешивалось в отношении к Вильгельму еще и чувство уязвленного самолюбия.]

В бытность в Константинополе у Абдул-Гамида¹⁴⁶ Вильгельм обратился к русскому послу Зиновьеву с просьбой лично вручить его письмо Государю. Зиновьев телеграфировал в Ливадию, где находился Государь, с просьбой разрешить приехать.

На телеграмме Государь пометил:

«Напомните Зиновьеву, что он посол Русского Императора, а не фельдъегерь Германского».

* * *

Помня дружбу монархов, мы стеснялись смеяться над Вильгельмом. Зато безжалостно издевались над Саксонским королем. Он перед самой войной был в Царском Селе и получил при Дворе прозвище «короля безтактностей». Из серии его «гаф» приведу одну.

На вокзале, уезжая, он простился с Государем и Великими Князьями и, не обращая внимания на Свиту, прошел в вагон. Кто-то напомнил ему, что он забыл подать руку всем присутствующим. Король подошел к первым двум свитским, подал им руку и затем, сделав в сторону остальных грациозный жест в воздухе, сказал: «Und so weiter mein lieben Herschaften»*.

Эта фраза постоянно кстати и некстати применялась нами в разговорах с Великими Князьями и между собой.

---

* «И так далее, милостивые государи» (нем.).

* * *

Однажды Княжны остались у нас завтракать и нашли, что у нас кормят лучше, чем во Дворце.

«Мы Вам будем оставлять порции»...

По вечерам Княжны вызывали к телефону тех, кто был на ногах. Всегда казалось, что во время разговора по дворцовому проводу кто-то подслушивает.

Сказали Княжнам.

«Мы к этому привыкли. Во Дворце это всегда так»¹⁴⁷.

* * *

Младшие Княжны завидовали старшим. Они не носили сестринских одеяний и бывали у нас лишь раз в неделю. По рассказам старших Княжен, Они были ежедневно в курсе всех мелочей нашего быта.

Была у нас сиделка немного глуховатая. Производила она впечатление придурковатой. Поручик Соседов как-то поспорил с ней.

– Сестра, да Вы просто того. У Вас не все дома.

– Конечно, не все дома, – ответила та, – у меня дядя на войне.

Все захохотали и следом рассказали Княжнам.

Через неделю приезжают младшие Княжны. Первый вопрос:

– Соседов, покажите, у кого дядя на войне.

* * *

У нас в палате Великая Княжна Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Поздоровались. [Неловкое молчание.

О. Н. – «Что у вас нового?»

«Ничего, Ваше Высочество, вот Соседов вчера градусник разбил...»

Молчание.]

«Ваше Высочество, что Вы вчера делали?»

О. Н. – «Ездили в Петербург».

«Ваше Высочество, такого города в России нет».

О. Н. – «Не придирайтесь, Петроград. Были в Н-ском лазарете».

[«В каком месте, Вашего Высочество?»

О. Н. – «Не помню, на какой улице. Знаете, мимо Александринского театра, потом по такой желтой улице и дальше через мост с черными башенками...»]

Т. Н. – «Ольга нашла в лазарете одного офицера Своего полка. Счастливая... А Я вот уже три недели не могу добиться, где Мои раненные уланы*».

О. Н. – «Что Вы вчера [вечером] пели?»

«Мы, Ваше Высочество... Откуда Вы знаете?»

О. Н. – «Михалевский говорил Марии по телефону, что у Вас в палате поют... Нет, скажите, что Вы пели?»

«Одну старую песню. Не пели, а напевали».

О. Н. – «Напойте сейчас».

«Что Вы, Ваше Высочество, не могу – я раненый».

[Княжны смеются: «Вы же ранены в ногу».]

«Княжна Гедройц говорит, что весь организм потрясен нервно».

Т. Н. – «И у Вас дядя на войне?»

Общий смех.

[О. Н. – «Нехорошо. Вы должны спеть, хоть вполголоса».

«Пусть Соседов напевает. У меня ни голоса, ни слуха».

Вполголоса мы затягиваем:

Город спит во мгле туманной-манной-манной,

Освещен лишь Бельведер-дер-дер

И играет иностранный-странный-странный

На гитаре офице-цер-цер.

Княжны смеются и требуют продолжения. Мы поем смелее:

Голос плакал музыканта-канта-канта,

Вдруг услышали его...]

Из соседней палаты входит офицер:

«Ваше Императорское Высочество, разрешите доложить».

Т. Н. – «В чем дело?»

«Ваше Императорское Высочество, у нас в палате все волнуются. Вы сегодня не хотите к нам зайти».

Княжны: «Подождите. Мы сейчас. Разве Мама начала обход?»

---

* Великая Княжна Ольга Николаевна была шефом 3-го Гусарского Елисаветградского полка, а Великая Княжна Татьяна Николаевна – шефом 8-го Уланского Вознесенского полка.

«Последнего понесли на перевязку уже пять минут назад».

Княжны: «Надо уходить. До свидания».

[«Ваше Высочество, а Вы знаете песню?..

Княжны (в дверях): «Завтра споете».]

Выйдя в коридор, Ольга Николаевна оборачивается:
«Тсс, Мама идет...»

* * *

Великие Княжны хорошо знали личный состав Гвардейского экипажа. Всех офицеров яхты «Штандарт» называли по фамилии. Знали также и многих матросов. Любимчиком был дядька Наследника матрос Деревенько¹⁴⁸. Он бывал у нас в лазарете. Полный, высокий, краснощекий, черный, отталкивающий. Наследник его очень любил. После революции Деревенько остался во Дворце, быстро распустился, стал спекулировать на заказах обуви и был уволен. Он оправдывался нуждой и многосемейностью...

В Гвардейский экипаж выбирали матросов по наружности. Красавцы были на подбор. Даже в приеме офицеров обращали внимание на внешность. Все были хороши, начиная с командира – Великого Князя Кирилла Владимировича...

Наибольшим успехом пользовался флигель-адъютант Н. П. Саблин¹⁴⁹. Княжны неоднократно весьма лестно отзывались о нем. После революции он во Дворец не пошел...

* * *

[В сентябре Императрица с Дочерьми и Вырубовой поехали осматривать госпитали в прифронтовой полосе. Возвращаясь, Они неожиданно остановились в Луге. С трудом нашли извозчиков и поехали в госпиталь. Там Их не узнали и сперва не хотели впустить. Этот экспромт очень понравился Княжнам.

– А у Вас хватило денег на извозчиков?

– Представьте себе, что денег у Нас было мало. Но главное, что, узнав Нас, извозчики не хотели ничего брать.

С Княжнами можно было говорить о чем угодно. Только одной темы Они избегали: о смерти. Рассказ о смерти

кого-нибудь из близких как-то быстро обрывался. Точно Им страшно было слушать.]

...В отсутствие Княжен мы постоянно говорили между собой о Них. Что Их ждет в будущем?

Мы предполагали, что Они выйдут замуж за четырех балканских наследников. К тому же этот проект казался нам наилучшим способом разрешения всех балканских конфликтов... Нам хотелось видеть Княжен счастливыми... мы Им прочили венцы...

* * *

Несколько раз бывал Наследник. Здесь я не могу писать спокойно. Нет умения передать всю прелесть этого облика, всю нездешность этого очарования. «Не от мира сего» — о Нем говорили — «не жилец». Я в это верил и тогда. Такие дети не живут. Лучистые глаза, печальные и вместе с тем светящиеся временами какой-то поразительной радостью.

Он вошел почти бегом. [Весь корпус страшно, да, именно страшно, качался. Больную ногу Он как-то откидывал далеко в сторону. Все старались не обращать внимание на эту ужасную хромоту.] Он не был похож на Сестер. Отдаленно на Великую Княжну Анастасию Николаевну и немного на Государя.

Поздоровавшись со всеми, несколько застенчиво протягивая вперед руку, Он стал посреди палаты и окинул всех быстрым взглядом. Увидев, что я лежу (остальные были на ногах), а, может быть, заметив, что я самый молодой*, Он подошел ко мне и сел на кровать. Я так хотел любоваться Им и так боялся, что Он уйдет слишком скоро, что решил занять Его разговором. Но что сказать?

«Где Вы были ранены?» — отрывисто спросил Он.

Я объяснил обстановку боя и показал, по Его просьбе, на карте.

«А сколько Вы сами убили австрийцев?» — прервал Он меня.

Я смутился. Пришлось признаться, что ни одного австрийца я не убил.

---

* Мне было девятнадцать лет и четыре месяца, но я выглядел моложе.

Наследник прошел в другую палату, через четверть часа снова вернулся и сел на трубу парового отопления. Это Ему запрещалось, но Сестры стеснялись надоедать Ему. При входе Матери Он подошел к Ней и все остальное время просидел рядом с Ней. Он был в матроске. Лучше всего удалась известная фотография, где Он сидит в кресле, повернувшись лицом к аппарату, сложив руки на коленях. Мы несколько раз просили Его подпись, и Он всегда охотно подписывал Свои фотографии, тщательно при этом копируя росчерк Матери и длинную перекладину на букве «А».

Вырубова всегда приезжала на автомобиле с Высочайшими Особами. В палаты она заходила одна, когда никого из Них не было. Каждого подробно обо всем расспрашивала. Очень сместила нас всякими пустяками. Всегда в прекрасном настроении. Ее добродушие и сердечность как-то вызывали на просьбы. И с какими только просьбами к ней не обращались!.. Сколько вспомоществований, стипендий, пенсий было получено благодаря ей. Она ничего не забывала, все выслушивала и через несколько дней радостно сообщала всегда благополучные результаты. От благодарности отказывалась.

— Я тут ни причем. Благодарите Ее Величество.

Хорошо сказать «ни причем». А кто бы решился обратиться непосредственно?

[В одежде Вырубова была слегка неряшливой. Одевалась безвкусно. Без косынки казалась старше. Я заметил у нее стоптанные искривленные каблуки.]

Были просьбы весьма интимного свойства. Один пожилой капитан имел внебрачную дочь. Теперь из-за ранения он не мог больше содержать ребенка. Последнему была устроена пенсия и полная стипендия в учебном заведении.

Я встретил его на юге в 1920 году.

— Мы с Вами были в одном лазарете в 1914 году.

— Возможно, не помню, — сказал он и заговорил о другом. А пробыли мы с ним в постоянном общении целый месяц тогда.

Несколько раз меня навещала Екатерина Адольфовна Шнейдер. «Трина» звали ее при «Дворе. «Тетя Катя» привык слышать я у своих¹⁵⁰. Пожилая (ей было под семьдесят), она казалась моложе своих лет. Стянутая, сухая, этикетная[, она производила впечатление безцветной и безличной]. Я много раз встречал ее в семье ее двоюродных сестер, рожденных Ламкерт. Она сама никогда не говорила о Царской Семье. С трудом удалось узнать от нее какую-нибудь самую незначительную мелочь дворцового быта.

Она происходила из бедной семьи. В свое время она каким-то образом попала в учительницы русского языка к Великой Княгине Елизавете Феодоровне, когда Ее Высочество вышла замуж за Великого Князя Сергея Александровича.

Когда молодой Императрице понадобилось учиться русскому языку, Е. А. Шнейдер перевели к Ней, и с этого времени и до самого конца она оставалась при Царской Семье неотлучно*.

После ухода Тютчевой¹⁵¹ она фактически заменила ее при Княжнах. Незаметная, незаменимая — она была известна тем, что никогда ни о чем не просила. Может быть этим объясняется, что Императрица так настаивала на доставке меня в лазарет.

Трудно представить себе больший контраст, чем Вырубова и Шнейдер. Первая — порыв, экспансивность; вторая — спокойствие и сдержанность. Разное выражение одной и той же глубокой любви и преданности. Так и вижу, как прямо, без колебания, шла она по страдному пути... как просто, без единого слова пошла на расстрел неподалеку от Тех, без Которых жизнь была для нее невыносимой.

---

* Сын историка и брат философа, писатель Всеволод Соловьев был женат на одной сестре Ламкерт, развелся и затем женился на второй. Устройству Е. А. Шнейдер к Великой Княгине помогли, по всей вероятности, эти связи, так как Сергей Михайлович Соловьев в свое время преподавал Сыновьям Александра Второго, в частности, Великому Князю Сергею Александровичу. Моя невеста была дочерью старшего сына Всеволода Соловьева.

Утром, по воскресеньям, в отсутствие Императрицы, приезжали Особы Императорской Фамилии.

Великий Князь Константин Константинович¹⁵² задавал каждому офицеру один и тот же вопрос: «Какого училища?» Занимая должность инспектора военных учебных заведений, Он всем своим питомцам говорил «ты».

— А когда ты Меня видел в последний раз? — был обыкновенно второй вопрос.

Мой ответ: «Императорского училища правоведения», — заставил Его изменить шаблон. Он заговорил со мной на «вы», что меня обидело. Странно: несколько недель раньше в роте меня задевало «тыканье» солдат.

Его Сыновья, Князя Игорь Константинович¹⁵³ и Константин Константинович¹⁵⁴, бывали часто и говорили с нами о военных действиях. [Нас поражало их плохое знание карт.

Виктория Феодоровна¹⁵⁵ прошлась только по коридору, не сказав никому ни слова.]

Великая Княгиня Ксения Александровна¹⁵⁶ посетила лазарет вскорости после открытия. В то время, вначале, офицеры особенно стеснялись говорить первыми. Сама Она была неразговорчивой, и визит Ее прошел в полном молчании.

Императрица как-то приехала со Своей Сестрой, Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной. Она была в белом монашеском одеянии. [От былой красоты не осталось и следа.] Казалась Она значительно старше Сестры. Ее Высочество раздавала нам Свои фотографии с подписью. [Говорила по-русски с сильным акцентом и всем Своим «елейным» видом оставила по Себе неприятное впечатление. Пройденный Ею мученический путь показывает как ложна может быть поспешная оценка¹⁵⁷.]

Большое волнение вызвал приезд Принца Александра Петровича Ольденбургского. «Августейший эвакуатор», как Его тогда называли, наводил на всех страх. Никогда персонал так не волновался и не чистил каждую мелочь. Знали Его привычку обращать внимание на самые неожиданные вещи. [О Нем ходят многочисленные анекдоты. Приведу один характерный, правдоподобный, но, может быть, и не совсем достоверный.

При объезде эвакуационных пунктов Он на одной станции разнес всю санитарную администрацию, кого сменил, кого арестовал и, в конце концов, свирепый, прошел к Себе в вагон. Адьютант напомнил, что один из присутствующих проявил много энергии и пожертвовал большие деньги на Красный Крест. Принц стремглав понесся по платформе. Все задрожали от страха. Подойдя вплотную к благотворительку, Он громко крикнул:

— Вы господин НН?

Тот навзничь... его поднимают... не дышит, — разрыв сердца...]

В Училище правоведения я привык за десять лет видеть Его неоднократно и, как все, без исключения, правоведы, любил Его. Ждал приезда с нетерпением, надеясь обратить на себя Его внимание. Но Он не зашел в лазарет, а отправился в большой госпиталь, где лежали солдаты, промчался под чердак в помещение санитаров и, убедившись, что и там чисто, уехал, выразив всем Свое удовлетворение.

Неоднократно готовились к приезду Императрицы Марии Феодоровны, но Она, к общему огорчению, так и не заехала.

Великая Княгиня Мария Павловна¹⁵⁸, вдова Владимира Александровича, узнав, что я семеновец, особенно долго со мной говорила. Ее Сын, Великий Князь Борис Владимирович¹⁵⁹, числился в списках полка. Я напомнил Ей, как Она провожала полк на войну 2 августа. Со спокойной, приветливой улыбкой Она тогда в открытом экипаже объезжала фронт полка в сопровождении Своей Дочери, Греческой Принцессы Елены Владимировны¹⁶⁰.

— Ах, это было так ужасно, — вспоминала Она теперь.

* * *

Первые две недели я пролежал в средней палате, а затем, как только освободилось место, меня перевели в крайнюю, самую шумную, где лежали лейб-уланы Малама¹⁶¹ и Эллис¹⁶² и кирасир Карангозов¹⁶³. Малама был молод, румян, светловолос. Выдвинулся перед войной тем, что, будучи самым молодым офицером, взял первый приз на стоверстном пробеге [на кобыле «Коньяк»]. В первом же бою он отличился и, вскорости, был тяжело ранен. В

нем поражало замечательно совестливое отношение к службе и к полку, в частности. Он только видел сторону «обязанностей» и «ответственности». Получив из рук Императрицы заслуженное в бою Георгиевское оружие, он мучился сознанием, что «там» воюют, а они здесь «наслаждаются жизнью». Никогда ни в чем никакого чванства. Только сознание долга. Императрицу он любил горячо. Рассказывал как, провожая в Петергофе полк на войну, Она «горько плакала [во время молебна навзрыд], точно провожала родных детей».

Мы встретились с Маламой в Киеве в 1918 году и долго вспоминали лазарет... Он был убит в конной атаке под Царицыным...

Рядом с ним лежал или, вернее, постоянно ходил корнет Эллис¹⁶⁴. Он казался моложе меня. Раненый в грудь, он все проделывал гимнастические упражнения, чтобы убедиться, что выздоровел, и тем только вредил лечению. [Он любил поэзию и часто декламировал Апухтина. Помню, как с наивно-напускным пафосом он читал: свое любимое «С курьерским поездом».

*И вот рука в руке и взоры опустив,
Они стоят, боясь прервать молчание,
И в глубь минувшего, в сердечный их архив
Уходит прочь еще воспоминание...]*

Третьим лежал корнет Карангозов. Восточные черты, чернота, горячий и большой весельчак. [По утрам он будил всех фальшивым пением:

*Где пропадала ты всю ночь
Безумная шальная дочь...*

Дальше мы все хором подтягивали. Из соседней палаты доносилось громкое возмущение придиричвого капитана Шестерикова. Но мы не унимались:

*.....в ответ
Ах мама, мать, как чуден свет!
Я жить хочу, любить хочу,
Не проклинай же дочь свою.]*

Малама, Эллис и Карангозов, бывшие пажы и светские люди, умели непринужденно занимать Княжен разговором. Обыкновенно Княжны уходили из перевязочной раньше Матери и, пройдя по всем палатам, садились в нашей, последней, и там ждали Ее. Татьяна Николаевна

садилась всегда около Маламы. Она была Шефом армейского уланского полка, считала Себя «уланом», причем гордилась тем, что Родители Ее уланы. (Оба гвардейских уланских полка имели шефом Государя и Императрицу. «Уланы Папа́» и «уланы Мама́», – говорила Она, делая ударение на последнем «а».

* * *

[В соседней палате помещался раненый в руку поручик Крат¹⁶⁵. Белесоватое лицо, светлый квадрат бороды. Глаза маленькие, неприятные. Его походка вызывала желание подсчитывать «левая... левая... ать, два, три, четыре». Он обладал громким голосом и целыми днями разглагольствовал на весь лазарет.

Полковник Вильчковский проводил большую часть дня в лазарете и его эти разговоры на 25-м году службы не трогали. Я же за месяц службы рядовым солдатом не успел воспринять их прелести. Вильчковский часто садился ко мне и беседовал на самые разнообразные посторонние темы. Говорили с ним и о политике. Крат этого не терпел.

– Офицер должен интересоваться только службой... Верно я говорю, господин полковник?

Я читал в то время «Поединок» Куприна и при входе Крата прятал книгу под одеяло. Как нижний чин, я не мог с ним особенно спорить. Офицер он был доблестный. Рвался на фронт и при мне успел вернуться снова в лазарет вторично раненый уже с орденом св. Георгия.

В 1920 г. я ехал в составе бредовского отряда из Польши в Крым. На пароходе «Саратов» с нами следовала дипломатическая миссия от Петлюры и в ее составе блесстел яркой формой украинский «пiлковник» Крат. Мы столкнулись на палубе, всмотрелись... и прошли мимо...

Его собеседником и соседом по палате был корнет Гордынский¹⁶⁶. Он носился по лазарету на длинных костылях в желтом халате. Славный малый. Впоследствии я прочел, что он пользовался большой симпатией Вырубовой. В то время я этого не замечал, тем более, что он очень скоро был переведен в Матвеевский лазарет для выздоравливающих.

Не помню фамилии артиллериста, который долгое время занимал соседнюю койку со мной. Глубокий провинциал. Читая тогда «Поединок», я в разговорах с ним убеждался,

как верно взяты типы. Мы с ним встретились в Николаеве перед концом Добрармии. Заговорили о лазарете, но через несколько фраз он съехал на «сахар, кожу и крупу», в которых очень нуждался его бронепоезд.

Настроение у всех нас было бодрое, уверенное. Вероятность победы определяли по разнице расстояний от фронта «до Петрограда» и «до Берлина». Как-то Вырубова сообщила, что Государь сильно взволнован гибелью крейсера «Паллада». Нам казалось это пустяком при столь большом флоте. Любопытно, что от всего корабля уцелел лишь образ, висевший внутри кают-компани...

При приеме санитарных поездов офицеров не фильтровали. В лазарет попадали из разных частей и фронтов. Только через две недели кн. Гедройц проводила с Вильчковским некоторую сортировку. Выздоровливающих отправляли в другие лазареты и освобождали места для новых. Особое расположение ко мне, как самому молодому, позволило мне пробывать сравнительно дольше других.

Не все одинаково относились к возможности пользоваться вниманием Царской Семьи. Так, один капитан из глухой провинции с первого же дня стал все критиковать. И кормят плохо, и уход неудовлетворительный, и вообще все «не комфортабельно».]

* * *

Белье в лазарете носило метку «Склад Супруги Великого Князя Павла Александровича». Она тогда не имела титула «княгини Палей»¹⁶⁷. Ее семья Карнович в былые годы была близка семье моего отца. Я хотел при ее посещении назвать себя, но не решился, так как никто не мог мне сказать, каким титулом ее величать.

* * *

Ко мне пришла пожилая дама с большой коробкой конфет. Подробно расспрашивала обо всем, что касалось полка и сильно озадачила вопросами, на которые я не мог ответить. За короткое пребывание в рядах полка я не успел узнать даже фамилии многих офицеров. Она же знала всех. Говорила о каждом с любовью, как о близком и дорогом. Просидела целый день и, уходя, оставила свой номер телефона, взяв слово, что я буду обращаться к ней по

всякому поводу. Быть чем-нибудь полезной семеновцу — для нее радость. Кто она? Тщетно расспрашивал я тех, кто жил в Царском. Позвонили в справочное бюро телефонов.

Екатерина Сергеевна Мин*.

Она навещала меня часто. Приносила цветы и сладости. Ей видимо особенно было приятно говорить с семеновцем, и говорила она с увлечением всегда на темы, близкие полку¹⁶⁸. Мне хотелось, чтобы Императрица видела ее, и я прозрачно намекнул, в какие дни и часы можно встретиться с Царской Семей в лазарете. Ни разу она не пришла в указанное время — казалось она считала неудобным «лезть на глаза». Между тем, она действительно по-настоящему безкорыстно обожала Царскую Семейю.

При первой вести об отречении, революционеры «безкровного февраля» сочли необходимым поиздеваться над беззащитной вдовой усмирителя московского вооруженного восстания 1905 года. Группа вооруженных людей пошла арестовывать одинокую престарелую женщину.

Словам не поверили. Ворвались в гостиную.

Екатерина Сергеевна Мин лежала в гробу. Смерть постигла ее накануне...

---

* Вдова доблестного командира Л.-гв. Семеновского полка ген. Г. А. Мина, который в октябре 1905 г. предотвратил революционное кровопролитие в Петербурге, а в декабре того же года решительными действиями подавил московское вооруженное восстание. В отместку за эту победу над революцией 13 августа 1906 г. ген. Мин был убит террористкой-революционеркой пятью выстрелами из револьвера на вокзале Новый Петергоф.

На Государя эта смерть произвела очень тяжелое впечатление. Он Сам приехал навестить семью покойного и на другой день присутствовал при выносе его тела. В день похорон ген. Мина, командир Гвардейского корпуса ген.-адъютант Данилов издал приказ, гласящий: «Клянусь и призываю всю старую Императорскую гвардию поклясться со мною, так же, как и Ты храбро и безбоязненно соблюсти верность нашему природному Государю и Родине. А если бы кому и пришлось пережить минуты случайного колебания, пусть придет в храм Л.-гв. Семеновского полка помолиться у Твоего праха и почерпнет новые несокрушимые силы для исполнения своего долга. Семеновская церковь приобрела для нас особое значение исцеления от самого ужасного недуга — колебания».

* * *

Персонал замечательно заботился о нас. С ранеными этого «медового месяца» войны носились, как с самой замечательной новинкой. Цветы, угощения приносились знакомыми и незнакомыми в изобилии.

Дисциплину держала княжна Гедройц. У нее была совершенно мужская наружность. На фотографиях она в меховой шапке выглядит просто мужчиной. Говорила резко, но была внимательна и сердечна. В серьезных случаях к ней для консилиума приезжал доктор Боткин. [Впоследствии я слышал, что ее отношения с Императрицей испортились из-за Распутина. После ранения Вырубовой он стал бывать в лазарете. Княжна Гедройц просила его не приходить¹⁶⁹, сказав, что иначе сама уйдет. Это было в ее духе. Резкая, прямая и правдивая.]

* * *

В то время я ездил из Петрограда в Царское по два-три раза в неделю. Возвращался обыкновенно поездом 5.22. Второго января 1915 года я собрался, но не помню почему отложил поездку. В этот день с этим самым поездом произошла ужасная катастрофа, в которой была искалечена Вырубова. На другой или третий день я проезжал мимо этого места — около Воздухоплавательной остановки. Вагоны лежали под насыпью, разбитые в щепки. Я посмотрел на вагон второго класса, куда я садился в последнее время. Он был сильно поврежден...

* * *

О приезде Государя нам сказали накануне. Все были взволнованы. Видеть, говорить с Государем в такой обстановке... Какие чувства только не пробуждались при этом ожидании! Культ Царя. Обожание личности. Все это жило в семье моей из поколения в поколение.

[Один мой предок, будучи предводителем дворянства, готовился к приезду Государя с трепетом и благоговением. Но, когда показалась царская тройка, он сел верхом и ускакал на хутор.

«Не хочу, чтобы Государь подумал, что я у Него что-нибудь хочу просить. Не надо мне ничего. Все, что мог для приема, сделал».

Другой] мой предок (Иваненко) еще при Николае Первом вместе с женой простоял на коленях перед иконой, пока Государь ночью ехал по большому тракту мимо их владений.

Родной дед мой без волнения не произносил самого слова «Государь». Ближайшее к нам поколение уже критиковало и даже резко, особенно после 1905 года, правление Государя. Но самый культ личности сохранился, вопреки всему. Мне разрешилось не ходить в училище, если в этот день была возможность на параде или где-нибудь увидеть Царя.

Много раз я Его видел, но никогда так близко. А вдруг Он заговорит со мной? Хватит ли смелости отвечать на вопросы?

«У Государя замечательные глаза», — говорили обыкновенно.

«На докладах у Государя два выражения: взгляд в окно — значит, как вы мне надоели, либо улыбка, т. е. вы мне говорите неприятности».

Обер-прокурор привез Государю Библию издания Синодальной типографии. Государь открыл ее и сразу вернул: две страницы носили один и тот же номер. Опечатка — единственная во всей книге.

«Вот со мной всегда так, — прибавил Он, — непременно бросится в глаза самый незаметный для других недостаток».

На длиннейшем докладе министерства Государь Собственноручно исправил две случайные описки.

Вильчковский, особенно заботливо ко мне относившийся, решил вызвать мое производство в прапорщики и сказал мне о своем намерении рекомендовать меня Государю. Я искренне запротестовал. Мне не хотелось быть произведенным в офицеры. Я знал, что к раненым офицерам относятся строже, чем к солдатам. Лазарет меня уже испортил. Я боялся, что прапорщика скорее вернут на фронт. Кроме того, солдатская форма меня выделяла. Мне хотелось по выходе из лазарета еще покрасоваться в качестве раненого добровольца Георгиевского кавалера. Но Вильчковский был неумолим.]

* * *

Государь приехал вечером. В первом автомобиле сидели в два ряда: Государь, Наследник и одна из Великих

Княжен; за Ними Императрица и другая Дочь. Во втором автомобиле: две Великие Княжны, которые на возвратном пути обменялись с ехавшими в первом; затем Боткин и Вырубова.

Все посетители при входе в лазарет надевали белый халат. Даже Великие Князья. Этого требовала Императрица. Поднесли халат и Государю. Он отказался. Государыня не настаивала. Было заметно, что Она волнуется в присутствии Мужа. Она шла не рядом с Ним, а то заходила вперед, то отступала назад, стараясь выделять Его. Казалось, Ей не хотелось стоять с Ним рядом. Как только Государь входил в палату, Она садилась.

В лазарете, как, впрочем, всюду и везде, Государю «показывали», а не Он Сам смотрел.

Он был в кителе и в снаряжении.

* * *

Государь подал всем руку. Каждый из нас рапортовал полк, чин и фамилию. Ко мне Он подошел в последнюю очередь. Я отрапортовал, глядя восторженно в глаза. В них была какая-то печаль. При всем воодушевлении, которое я испытал тогда, — в глубине души ощущалась какая-то смутная тоска. [Как объяснить взгляд? В нем была привычка. И вместе с тем, человек отсутствовал.]

Глядя на Государя, хотелось забыть себя, жить только для Него. Не быть. В Нем быть. Только Он.

Как действовала все же эта улыбка...

Как только я кончил рапортовать, Вильчковский стал давать Государю всякие лестные обо мне сведения. Государь переводил глаза от него на меня и молча слушал. В левой руке Он держал фуражку, а правой сжимал ремень снаряжения. На мгновение Он поднял эту, слегка согнутую в ладони, руку и погладил Свои усы (тем местом, где в вытянутом положении конец большого пальца касается указательного).

Этот жест очень характерен. Рассказывали, что только раз Он был запечатлен на фотографии, но Дворцовый комендант приказал уничтожить негативы.

Государь выслушал Вильчковского и спросил меня про полк, про командира, про бой... Затем, пожелав мне скорее поправляться, пошел дальше.

* * *

Как описать настроение, охватившее нас после отъезда Государя. Я плакал самыми счастливыми горячими слезами.

Кто не испытывал этих чувств, тот никогда их не поймет.

Воспоминания, связанные с лазаретом, так сказочно хороши. Что это было за настроение?

Казалось с каждым днем радостнее живется. Только бы все это так продолжалось... Пусть остановится время... Но время шло...

* * *

Покинул я лазарет случайно, днем, в отсутствие Августейшей Семьи. Прибыли новые раненые. Меня перевели в лазарет для выздоравливающих. Через день зашел поблагодарить. Приходить потом в лазарет было неловко. Состав раненых менялся быстрее.

Императрица говорила со мной в последний раз в лазарете. Не было «прощайте», только «до свидания».

Несколько раз встречал Царские автомобили... узнавали и приветливо кивали Княжны. Отдал честь Наследник.

На Песках, около Смольного, в 1916 году в последний раз вытянулся перед Ними во фронт. И тут узнали.

Спустя много времени узнал, что из Тобольска Великие Княжны писали нашей родственнице и спрашивали о жене и обо мне...

[...Время шло. Почти полвека...

...Остается ли у кого еще в душе след от «Лазарета Ее Величества»? Помнят ли его, — «милосердия двери»...]

И. СТЕПАНОВ

«...СКОЛЬКО ГОРЯ КРУГОМ!»
Из писем Государыни Императору 1915 г.

22.1.1915: «...Зашла взглянуть на рану нашего *прапорщика*. Она ужасна. Кости совершенно раздроблены. Он ужасно страдал во время *перевязки*, но не произнес ни слова, лишь весь побледнел, а лицо и тело покрылись потом».

2.3.1915: «Мой бедный раненый друг скончался. Бог мирно и тихо взял его к Себе. Я, как всегда, побывала с ним утром, а также посидела около часу у него днем. Он очень много говорил – лишь шепотом – все о своей службе на Кавказе¹⁷⁰, – такой интересный и светлый, с большими лучистыми глазами. Я отдыхала перед обедом, и Меня преследовало предчувствие, что ему внезапно может стать очень худо ночью и что Меня не позовут и т. п., так что, когда *старшая сестра* звала одну из девочек к телефону, Я им сказала, что знаю, что случилось, и Сама подбежала принять печальную весть. После, когда Т[атьяна], М[ария] и А[настасия] ушли к Ане [...], Ольга и Я отправились в Большой Дворец, чтобы взглянуть на него. Он там лежит так спокойно, весь покрытый Моими цветами, которые Я ежедневно ему приносила, с его милой тихой улыбкой, – лоб у него еще совсем теплый. – Я не могу успокоиться, а потому отправила Ольгу к ним, а Сама вернулась в слезах домой. Старшая сестра также не может этого постигнуть. Он был совершенно спокоен, весел, говорил, что ему чуть-чуть не по себе, а когда сестра, вышедшая из комнаты, 10 минут спустя вернулась, то нашла его с остановившимся взглядом, совершенно посиневшего. Он два раза глубоко вздохнул, и все было кончено, – в полном спокойствии до самого конца. Он никогда не жаловался, никогда ни о чем не просил, сама *кротость*, как она говорит, – все его любили за его лучезарную улыбку. – Ты, любимый Мой, можешь понять, каково ежедневно бывать там, постоянно стараться доставлять ему удовольствие и вдруг все кончено. После того, как Наш Друг сказал о нем, помнишь, – что “он

скоро не уйдет от Тебя", Я была уверена, что он начнет поправляться, хотя бы и очень медленно. Он стремился обратно в свой полк, – был представлен к золотому оружию, к Георгиевскому кресту и к повышению. – Прости, что так много пишу Тебе о нем, но Мое хождение туда и все это Мне было таким утешением в Твое отсутствие. Я чувствовала, что Бог дает Мне возможность внести небольшой просвет в его одинокую жизнь. Такова жизнь! Еще одна благородная душа ушла из этой жизни, чтобы присоединиться к сияющим звездам там, наверху. – И вообще сколько горя кругом! Слава Богу за то, что Мы, по крайней мере, имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим и можем им дать чувство домашнего уюта в их одиночестве. Так хочется согреть и поддержать этих храбрецов, и заменить им их близких, не имеющих возможности находиться около них! [...]

3-е марта. [...] В 12 1/2 Мы были на *панихиде* в маленькой госпитальной церкви внизу, где стоит гроб бедняжки-офицера. Так грустно отсутствие родных, как-то особенно тоскливо»*.

4.3.1915: «...Я видела, как он радовался, когда Я ежедневно приходила два раза – он лежал совсем один – к нему никого не пускали, – у него не было здесь родных. [...] Он даже в последний день Мне шепнул, что Я переутомляюсь и т. п. – страшно мило, – как же Мне не стараться дать им тепло и любовь – они так страдают и такие неиспорченные! [...] Я пригласила к себе *сестру Любушкину* (это старшая сестра Большого Дворца) посидеть со Мной полчаса; она уютная, рассказывала Мне о раненых, а также некоторые подробности о нем. Завтра его хоронят. Наш Друг написал Мне трогательное письмо по поводу его смерти».

5.3.1915: «Теперь его должны хоронить, и Я не знаю, оставят его здесь или нет, потому что его полк намеревается по окончании войны похоронить всех своих офицеров на Кавказе, – они повсюду наметили могилы, – но некоторые умерли в Германии».

---

* «Как хорошо Я понимаю Твое горе, – писал Государь в ответном письме от 5.3.1915, – о печальной смерти бедняги без единой близкой души! Поистине лучше быть убитым сразу [...], ибо смерть в бою происходит в присутствии целой дивизии или полка и записывается в историю».

6.3.1915: «Вчера похоронили бедняжку, *сестра Любушкина* говорила, что у него осталась та же блаженная улыбка – только окраска лица несколько изменилась, но выражение его, нам столь знакомое, не исчезло. Постоянная улыбка, – он говорил ей, что он так счастлив, что ему больше ничего не нужно, – сияющие глаза, поражавшие всех, и после бурной жизни (настоящий роман с переменным счастьем) – он, слава Богу, испытал счастье вблизи Нас».

10.4.1915: «Мария пошла на кладбище, чтобы положить цветы на могилу бедного *Грабового* – сегодня 40-й день. Как время летит!»

15.4.1915: Интересно, что это за *женский легион*, который формируется в *Киеве*? Если это будет, как в Англии, только для подбирания и помощи раненым, – как санитары, – то это хорошо, но Я лично была бы *против* посылки женщин “en masse” на фронт. Сестринская одежда их еще защищает, и они держатся иначе, – эти чем будут? Если они не будут в очень строгих руках, под постоянным наблюдением, то могут сбиться с пути. Небольшое количество их очень хорошо при санитарных *отрядах*, но целые массы – нет, там им не место, пусть они формируют сестринские *отряды* и ухаживают там за ранеными. Одна англичанка творит прямо чудеса героизма в Бельгии – в защитном кителе и короткой юбке – ездит верхом, подбирая раненых, перевозит их в ближайшие госпитали, перевязывает их раны, и раз она даже читала молитвы над могилой одного молодого английского офицера (умершего в башне одного бельгийского города, взятого немцами), – которого нельзя было иначе похоронить. Но наши женщины менее воспитаны и не дисциплинированы, и Я знаю, что они будут делать en masse, и кто это им позволяет формироваться?»

5.5.1915: «Сегодня утром Я была у *Знамения* [...] В 10 час. – в госпиталь на операции и *перевязки*, – некогда описывать подробности. Вернулась в 1¼ ...»

7.5.1915: «...Мы были на операции – тревожной, так как очень серьезный случай – и мы работали более 1-го часа».

1.5.1915 (*Витебск*): «Мое желание исполнилось, и Я увидела санитарный поезд, который привез свежих раненых из *шестой пехотной дивизии*, преимущественно *Муромцы, Низовские*. С серьезными ранениями среди них не

было, слава Богу. Многим из них Я сказала, что расскажу Тебе, что видела их, и их лица просияли. [...] *Мая 9-го*. Мы вернулись благополучно [...] Работала по обыкновению в госпитале, была у Ани, поставила свечи в церкви».

11.5.1915: «Я должна сейчас одеваться – заказала обедню в 9 1/2 в *нец. храме Дворцового лазарета*⁷¹, так что Мы после обедни сможем сразу приняться за работу в госпитале».

12.5.1915: «Закон о восьми или девяти месяцах ужасно жесток: у нас есть некоторые люди со сломанными членами, которые могут срастись только через год, но после этого они опять будут годны к службе. А теперь они никак не могут возвратиться в свой полк и таким образом лишаются жалования. А некоторые из них очень бедны и не имеют никакого состояния. Это в самом деле является несправедливостью. Искалеченные, не всегда на всю жизнь, но на долгое время, исполнившие мужественно свой долг, раненые и потом брошенные, как нищие, – их моральное страдание должно быть велико. Некоторые из них спешат обратно в полк, только чтобы не лишиться всего, и из-за этого могут совершенно потерять здоровье. – Конечно, некоторых (немногих) надо торопить обратно в полки, так как они уже способны опять к службе. – Это все так сложно».

11.6.1915: «Не забудь поговорить о раненых офицерах, чтобы им позволили оканчивать лечение на дому до возвращения во 2-й, 3-й или 4-й раз на фронт – это ведь так жестоко и несправедливо».

12.6.1915: «...Завтра надеюсь (после недельного перерыва) пойти в госпиталь, так как одному офицеру надо вырезать аппендицит».

13.6.1915: «Наша операция с аппендицитом сошла благополучно; видела вновь прибывших офицеров; бедному мальчику, у которого тетанос, немного лучше, – больше надежды».

16.6.1915: «Мой поезд привез много раненых, а также поезд Бэби из Варшавы, где разгружаются госпитали. [...] Мальчики из *реального училища* приходят каждое утро в наш склад от 10 до 12 1/2 делать *бинты*, а теперь они работают над новейшими масками, которые гораздо более сложны, но могут чаще употребляться. Наш маленький офицер (у кот. тетанос) поправляется, и вид у него гораздо лучше; мы выписали его родителей с Кавказа, и они поселились под колоннадой, – теперь у нас там живет масса народу».

18.6.1915: «...Эти постоянные огромные потери наполняют скорбью Мою душу. – Правда, они, как мученики, прямо идут к Престолу Божьему, – но все же очень тяжело».

22.6.1915: Сегодня утром Я в Своих *дрожках* поехала с Алексеем в Наш лазарет, – Мы оставались там более 2-х часов. – Разговаривала с ранеными, сидела в лазарете с руководелем, а затем в саду, пока другие играли в крокет».

24.6.1915: «Спала мало ночью, и в 3 часа утра выглянула из окна Моей лиловой комнаты. – Было дивное утро, чувствовалось солнце за деревьями, нежный туман лежал на всем, такая тишина – лебеди плыли по пруду, пар поднимался от травы. Так все было прекрасно...»

25.6.1915: Тоскую сильно без Своего лазарета и скорбю, что не в состоянии работать и ухаживать за нашими дорогими ранеными».

24.8.1915: «Я с Марией была у обедни в *Екат. соб.*, там так хорошо, – а оттуда в 12 час. пошла в лазарет навестить наших раненых. [...]

Доктора и санитары – настоящие герои, их часто убивают; солдаты ложатся ничком, а эти ходят на виду неприятеля и выносят раненых под огнем.

Мой маленький доктор *Матушкин*¹⁷² 21-го С[ибирского] с[трелкового] *полка* опять командовал *ротой*. – Нельзя достаточно наградить тех, которые работают под огнем! – Один из Твоих молодых кирасир, совсем молоденький мальчик, похожий на Минквиц, был ранен офицером Гессенского резервного полка. Как грустно об этом слышать!»

25.8.1915: «Мария, А. и Я ходили в *Екат. соб.*, а оттуда в лазарет, где Я говорила с ранеными. [...] ... Я послал за комендантом *Осиповым*¹⁷³ и говорила с ним о кладбище и церкви¹⁷⁴, которые Я строю для умерших воинов нашего лазарета, – хотела выяснить этот вопрос...»

26.8.1915: «Скоро будут готовы Мой военный санаторий и госпиталь в Ливадии».

28.8.1915: «Мы все опять собираемся в церковь – старшие рано, а Мы в 10 1/2, а затем в лазарет [...] Затем в 2 ч. Мы пойдем на крестины сына *прапорщика Кобба*, Я крестила его первого ребенка в прошлом году (он был нашим раненым, а потом служил в поезде Марии), – Мария и *Яковлев*¹⁷⁵ (б. улан, комендант Ее поезда) будут крестить мальчика в нижней лазаретной церкви. Георгий встретил поезд и роздал медали

сестрам. Я уверена, что Шуленб[ург] будет в отчаянии, так как они тоже были под огнем в прошлом году».

29.8.1915: «Надо серьезно заняться беженцами – устроить больше *питательных пунктов* и летучих лазаретов, – масса детей рождается на дорогах, другие умирают – это ужасное зрелище. Правительство разрабатывает вопрос о беженцах после войны, но гораздо необходимее теперь о них подумать».

31.8.1915: «Я была сегодня утром у Знамения с Моими свечами. Там Я захватила А., и мы отправились в Красный Крест. Она посидела часок с своим другом, покуда Я обошла оба дома. [...] Затем Я отправилась в Наш лазарет и посидела в нескольких палатах».

1.9.1915: «Операция прошла благополучно, после нее Я сделала несколько *перевязок*».

2.9.1915: «Сегодня погода была дивная, совершенно летняя. Я с А. поехала в Моих *дрожках* на кладбище: хотела положить цветы на могилу *Грузинского* офицера, умершего в Большом Дворце ровно 6 месяцев тому назад¹⁷⁶, а затем взяла ее с Собою на могилу Орлова¹⁷⁷, где она не была после своего несчастного случая. Затем мы пошли к *Знаменью*. Я отстояла половину обедни и отправилась в Наш лазарет, где посидела с Нашими ранеными».

3.9.1915: «Проглядывая газеты, Я увидела, что Литке¹⁷⁸ убит – как это грустно! Он был одним из тех немногих, которые еще ни разу не были ранены, и притом такой хороший офицер. Бог мой, какие потери, сердце кровью обливается! Но Наш Друг говорит, что они *светильники*, горящие перед Престолом Господа Бога, а это восхитительно! Дивная смерть – за Государя и за родину свою! Не следует слишком много думать об этом, это уж очень больно».

5.9.1915: «Мы поехали без предупреждения и осмотрели 5 мест, – один ночлежный дом, который стоял пустым – около *Нарв. заст.*, где женщины с детьми спят в двух лагерьях; в соседнем доме помещаются мужчины. – Многие из них ушли искать работу. – Затем мы видели место, куда их сначала привозят, записывают и где их осматривают доктора – там есть *баня* и столовая. – Затем были в другом месте, на бывшей шоколадной фабрике, где живут женщины с детьми, – все целовали Мне руки, но со многими Я не могла объясниться, так как они польки или латышки. –

Вид у них был не очень несчастный и грязный. – Самое трудное найти для них работу, так как у них много детей. – Рядом с пакгаузом выстроено прекрасное новое деревянное здание с большой кухней, столовой, спальнями и ваннами – поезда подходят прямо туда. [...]

Сегодня утром зашла на $\frac{1}{2}$ часа в церковь, затем была в лазарете (но не работала) – там лежат восемь человек из Твоего 3-го *стрелкового* полка, раненных 30-го, – один из них сказал, что все ждут мира, – это Я впервые услышала! – Они вообще много болтали».

6.9.1915: «Печальная осень наступила. Раненые приуныли, так как не могут сидеть на воздухе, и члены их болят от сырости, – они все стали барометрами. – Мы их как можно скорее отсылаем в Крым. *Таубе*¹⁷⁹ вчера уехал с некоторыми другими в *Ялту* (его рана нуждается в особом уходе), мой маленький *Иванов* тоже. [...] *Наврузов* написал, что он, наконец, через 9 месяцев попробовал вернуться в свой полк, но доехал только до *Карса*, так как рана его вторично открылась, – свищ, – и ему нужны *перевязки*. Таким образом, его надежды опять рухнули [...] Так приятно, когда Наши дорогие раненые помнят Нас и пишут Нам».

7.9.1915: «Операция прошла благополучно. Днем Мы ходили в лазарет Большого Дворца».

10.9.1915: «Я утром была в госпитале, – прибывает еще один *Крымец*».

11.9.1915: «У Меня был старый Раухфус – за эти три месяца устроено множество *яслей* по всей России нашим обществом материнства и младенчества. – Для Меня большая радость, что все так горячо на это откликнулись и сознали важность этого вопроса, – особенно теперь нужно заботиться о каждом младенце, в виду тяжелых потерь на войне».

14.9.1915: «Я тоскую по Нашему госпиталю, в котором не была с четверга».

16.9.1915: «Как Я устала от всех этих вопросов! С Меня достаточно войны, всех тех несчастий, которые она принесла, – всех этих дум и забот о том, чтобы все было, как следует, чтобы войска, раненые, калеки, семьи и беженцы ни в чем не нуждались! [...] Как хотелось бы улететь куда-нибудь вместе и забыть обо всем – так устаешь порой! Правда, дух бодр, но все эти толки внушают отвращение».

18.9.1915: «Чувствую Себя лучше, поэтому хочу заглянуть к А. в Большой Дворец (после Знаменья), по дороге к одному молодому офицеру, которого только что привезли, – ему только 20 лет, и очень опасная рана в ноге. *Владимир Николаевич** думает, что придется ее отнять, так как на ноге и в ране на плече начинается заражение крови. Он хорошо себя чувствует, не жалуется, это всегда плохой признак, – и так трудно решить, что делать, когда смерть так близка: дать умереть спокойно или рискнуть на операцию. Я бы решилась на последнее, так как всегда остается луч надежды, когда организм молод, хотя теперь он очень слаб и сильный жар. По-видимому, в течение недели рана его не перевязывалась, – бедный мальчик! Поэтому Я хочу взглянуть на него. Я не заходила в ту комнату в течение 6 месяцев, – нет, Я раз там была, после смерти Моего бедного *Грбового*. Оттуда пойду в Наш лазарет, так как не была там целую неделю, и скучаю по ним, а они по Мне. Говорят, один из Моих улан, *вольноопределяющийся Людер* (что-то в этом роде), привезен к нам. Он не ранен, но ушиблен где-то, Мне не смогли хорошенько объяснить. [...]

Утром Я была у бедного мальчика, затем в нашем госпитале – вязала и разговаривала. Дожливый, серый день».

19.9.1915: «Я поставила свечи у *Знаменья* и горячо молилась за Тебя. – Затем пошла в лазарет и вязала, сидя в разных палатах, – Я беру с Собой работу, чтобы не ходить в *перевязочную*, куда меня постоянно тянет; перевязала только одного офицера. [...] Видела д[окто]р[а] *Пантюхина*¹⁸⁰ из *Ливадии*. Мы говорили с ним о госпиталях и санаториях, которые, как он надеется, смогут начать работать в январе. Это будет большое облегчение, когда они откроются. [...] Мой поезд-склад № 1 теперь в *Ровно* и оттуда разъезжает с отрядом автомобилей, который сформировал и дал мне кн. *Абамелек*¹⁸¹ из Одессы, – он находится при нем. Они развозят белье и т. п. вдоль всего фронта, и делали это даже под сильным огнем».

20.9.1915: «Сегодня утром у нас был *молебен* в Красном Кресте, и потом Я раздавала дипломы дамам, окончившим курсы сестер милосердия и получившим красный крест. – У нас большой недостаток в сестрах. Многие

---

* В. Н. Деревенко. – С. Ф.

утомлены, или больны, или желают быть отправленными на *передовые позиции*, чтобы получить медали. Работа здесь однообразная и непрерывная, а на фронте больше возбуждения, постоянные перемены, даже опасность, неизвестность, и не всегда много дела. Конечно, это гораздо привлекательнее. – Одна из дочерей Трепова работала около года в нашем госпитале для инвалидов, но после смерти своей матери никак не могла успокоиться, поэтому уехала на фронт и уже получила медаль на георгиевской ленте».

2.10.1915: «...Пошла в Наш госпиталь. – Прибыло два новых офицера. – У одного несчастного засела пуля или осколок в глазу, а у другого глубоко в ноге и, кажется, в животе; у него такое сильное внутреннее кровоизлияние, что сердце оттеснено в правый бок, и ясно слышно его биение у *правого* сосца. – Это очень тяжелый случай, – вероятно, придется его завтра оперировать; пульс у него – 140, он ужасно слаб, живот вздут, глазные яблоки совсем желтые. – Это будет мучительная операция!

После завтрака Мы принимали 4-х только что произведенных новых офицеров *Александровцев*, отправляющихся на фронт, 2-х *Елисаветградцев*, 4-х раненых [...] – Потом Мы катались, съели по яблоку и груше, и поехали на кладбище посмотреть на Нашу маленькую *временную* церковь¹⁸² для Наших умерших героев. – Оттуда – в Большой Дворец, где был *молебен* перед иконой Божьей Матери, которую Я велела принести из *Знамения*; ее пронесли через все палаты – было очень хорошо».

3.10.1915: «Сегодня утром была у маленького мальчика. Он быстро слабеет, и к вечеру, вероятно, наступит конец. – Говорила с его несчастной матерью, – она держится очень бодро и все очень хорошо понимает.

Потом мы работали в госпитале. *Владимир Николаевич* сделал *прокол* офицеру, – вероятно, завтра будет операция. У княжны Гедройц температура 39, – она чувствует себя очень плохо, боятся *рожи* на голове. Она просила Деревенко заменить ее на серьезных операциях. [...] Освящение госпиталя в Зимнем Дворце может состояться только числа 10-го, так как Красный Крест еще до сих пор не доставил кроватей и прочего. Мы с Своей стороны все сделали. [...] В половине 7-го пойдем к вечерне в Нашу новую маленькую церковь».

4.10.1915: «Чудный солнечный день, 0 градусов было утром и 3 градуса ночью. – В 10 часов Мы отправились на освящение прелестной маленькой церкви. Вчерашняя вечерняя служба была также очень хороша – было много сестер в белых косынках, что придает такой живописный вид. – Тетя Ольга* и Мы обе тоже были одеты сестрами, так как Мы молились за наших бедных раненых и умерших. – Михень**, Мавра***, княгиня Палей**** и многие другие были там. Около 200 человек из ком[анды] выздорав[ивающих] стояли вокруг церкви, так что могли видеть крестный ход. – В час Мы поехали в Наш лазарет, и Владимир Николаевич сделал операцию, которая вполне удалась; после этого были перевязки, потом Я поехала навестить бедную кн. Гедройц. У нее было 40,5 градусов жара, вечером она причастилась и почувствовала себя спокойнее, говорила о смерти, и сделала все распоряжения. – Сегодня она меньше страдает, но положение все же очень опасное, рожа спускается к уху. – Но Наш Друг обещал за нее помолиться. [...] После чаю зашли к Знаменью, а оттуда в Большой Дворец к бедному мальчику. Он Меня узнал, – удивительно, что он еще жив, бедный ребенок. [...] Старшие Девочки вечером идут чистить инструменты в госпиталь».

5.10.1915: «Мы только что вернулись с панихиды в новой церкви, – маленький мальчик в Большом Дворце тихо скончался эту ночь, и еще один умер в госпитале М[арии] и А[настасии], так что оба гроба стояли там – Я так рада, что у нас есть эта маленькая церковь».

6.10.1915: «Мы только что вернулись из города*****. Школа, действительно, прекрасная – в 4 этажа, так что Меня понесли наверх – лифт еще не работает, так как часть необходимых принадлежностей еще в Архангельске. Девочки сделали замечательные успехи. Я прошла через

---

* Вел. Кн. Ольга Константиновна – дочь Вел. Кн. Константина Николаевича. Супруга скончавшегося в 1913 г. короля Греции Георга I. – С. Ф.

** Великая Княгиня Мария Павловна Старшая – вдова Вел. Кн. Владимира Александровича. – С. Ф.

*** Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна – вдова Вел. Кн. Константина Константиновича. – С. Ф.

**** Княгиня О. В. Палей – морганатическая слуга Вел. Кн. Павла Александровича. – С. Ф.

***** Петрограда. – С. Ф.

все их *мастерские*: ткацкую, вышивальную, рисовальную, для выделки ковров, красок; они сами красят шелковые нитки и материи; выдeldывают краски из разных растений. Прелестную лиловую краску – цвета Моего шелкового костюма – они приготавливают из *черники*. Наш *Батюшка** служил молебн».

9.10.1915: «...Была у *Знаменья*, затем у *Ани***, и с 12 до 1 часу работала в лазарете».

10.10.1915: «Лазарет в Зимнем Дворце великолепен. Прямо чудо, как скоро закончили все работы – нельзя узнать комнат, так как из больших сделано несколько маленьких, и множество ванных¹⁸³. Ты непременно должен как-нибудь осмотреть его, – очень стоит!»

28.10.1915: «Я недолго была в лазарете, так как пришлось много читать***».

30.10.1915: «...Пошли в Большой Дворец, лазарет там существует уже год, и снялись там во многих группах».

3.11.1915: «Утро очень туманное. Татьяна пошла в лазарет. *Рита Хитрово* была вчера у Ольги и тронула Меня, сказав, что раненные очень огорчены, что Я больше не хожу на их *перевязки*, так как доктора делают им больно. Я всегда перевязываю самых больных. Так досадно, что не могу взяться за работу! [...] Видела бедного *Мартынова* на костылях. У него одна нога на 4 сантиметра короче другой. Вот уже скоро год, как он ранен, и в мае, надеются, он сможет опять служить. Прямо чудо, что он в живых! Он счастливо каждый раз избегал смерти – под ним убило двух лошадей, когда он был уже ранен, и обе ноги прострелены и переломлены».

5.11.1915: «Только что был у Меня князь Голицын**** со своим докладом о наших пленных. Мы посылаем 4 раза в неделю по несколько вагонов, нагруженных различными вещами. Как *Синод* скупится! Я просила *Волжина******

---

* Протоиерей Александр Васильев. – С. Ф.

** А. А. Вырубовой. – С. Ф.

*** Докладов и разных бумаг. – С. Ф.

**** Князь Николай Дмитриевич Голицын, действительный тайный советник, сенатор, был председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах. – С. Ф.

***** Александр Николаевич Волжин – в то время обер-прокурор Св. Синода. – С. Ф.

послать побольше священников и церквей в Германию и Австрию, а *Синод* захотел, чтобы платили мы. Но это стоило бы слишком дорого. Тогда он потребовал, чтобы деньги были выданы из военного фонда – это прямо позор в военное время! Их монастыри, особенно московские, очень богаты, но они и не думают помогать. Он написал в *Троице-Сергиеву Лавру*, чтоб они прислали нам для пленных крестики и образа; если они не хотят сделать это бесплатно, то мы заплатим – и они даже не отвечают! Я теперь попробую через Эллу. Мы уже послали 10 000, но это ведь ничтожное количество».

6.11.1915: «Приняла сегодня утром сенатора *Кривцова*¹⁸⁴, который Мне поднес свою книгу. Я плакала, когда читала о жестокостях немцев над нашими ранеными и пленными. Я не могу забыть этих ужасов – как могут цивилизованные люди так озвереть! Я еще допускаю это во время сражения, когда находишься в состоянии, близком к безумию. – Я знаю, они говорят, что наши казаки были очень жестоки в Мемеле, – несколько случаев, может быть, и было из мести. Лучше это постараться забыть, так как Я глубоко уверена, что они теперь стали лучше. Но когда мы, наконец, начнем наступление и положение их ухудшится, боюсь, нашим беднякам тоже станет гораздо хуже».

8.11.1915: «Сегодня вечером пойду в 8 1/2 на полчаса в наш лазарет повидать того, который так болен, потому что, говорят, ему стало лучше с тех пор, как он Меня видел, и это, может быть, опять поможет. Я нахожу совершенно естественным, что больные чувствуют себя спокойнее и лучше в Моем присутствии, потому что Я всегда думаю о Нашем Друге и молюсь, сидя тихонько рядом или глядя их. Душа должна соответственно настроиться, когда сидишь с больными, если хочешь помочь им, – нужно стараться стать в то же положение и Самой подняться через них или помочь им подняться через последование Нашему Другу».

9.11.1915: «Я вчера вечером ходила в наш лазарет, сидела некоторое время у постели *Смирнова*, – температура все еще высокая, но дыхание более спокойное. Поздоровалась с другими – трое из них лежали на спине, играли на гитаре и были очень оживленны».

11.11.1915: «Русский автомобильный отряд *Вероля*¹⁸⁵, который находится под Моим покровительством, превос-

ходно работал во Франции. Несколько времени тому назад Я получила от него и от m-те Извольской* телеграммы, а сегодня читала описание в "Новом времени" – в одном автомобиле пробиты дыры».

28.11.1915: «Один из наших раненых офицеров умер сегодня ночью, – вчера его оперировали, – он был несколько раз при смерти, – Я ходила к нему по вечерам, когда он себя особенно плохо чувствовал. Я думаю, он никогда не смог бы поправиться; его денщик – ангел».

29.11.1915: «М-те Оржевская¹⁸⁶ хочет предложить Твоей Мама́ послать ее осмотреть здешних военнопленных. Я нахожу это прекрасным потому, что есть вещи, в которые надо входить. Наше правительство отпускает достаточно денег на пищу, но, кажется, она не получается, как следует, – безчестные люди задерживают. Я рада, что у ней и у Меня была та же мысль – Я не имею права вмешиваться, а она может давать советы. [...]

Я во вторник посылаю *Граббе*** 170 икон, 170 книжек, 200 простых открыток из *склада*, 170 пакетов иодина и 3 пакета для офицеров. [...] Затем еще небольшая икона св. Николая для *сотни**** – Ты можешь их ею благословить»

1.12.1915: «Темно, холодно, 11 градусов мороза. Заболела Соня. Она очень слаба, шум в легких, в полудрёмоте, еле говорит, а когда говорит, то трудно понять, что. [...] Грустно было смотреть на это парализованное тело. Ночью ей стало хуже [...] Она звала меня и священника. Я знаю, что она любит причащаться во время болезни, поэтому пошлю к ней *Батюшку*».

2.12.1915: «Еще одно верное сердце ушло в неведомый край! Я рада за нее, что все кончилось, так как жизнь в будущем могла бы стать для нее еще худшим физическим мучением. Все это произошло так быстро, что еще нельзя опомниться. Вот она лежит здесь, как восковая кукла – Я не могу назвать ее по-другому, так это не похоже на ту Соню, которую мы знали, такую всегда жизнерадостную и

---

* Супруги русского посла в Париже А. П. Извольского. – С. Ф.

** Генерал-майору гр. А. Н. Граббе, командиру Собственного Его Императорского Величества конвоя. – С. Ф.

*** 1-й Кубанской сотни Собственного Его Императорского Величества конвоя, отправляющейся на фронт. – С. Ф.

цветущую! – Бог Милосердный взял ее к Себе, без всяких страданий. [...] Она причастилась Св. Таин – в 2 1/2 ч. Она не могла больше открыть глаз – единственное, что она сказала, было: “прости”, обращенное ко Мне [...] Наступал конец. Я просила *батюшку* прочесть молитвы и соборовать ее. Это приносит мир и, по-Моему, всегда помогает отходящей душе. [...] В 5 ч. 10 мин. Меня позвали – *батюшка* читал отходную, и она совершенно спокойно почилла. Да упокоит Господь ее душу и да благословит ее за всю ее любовь великую ко Мне за эти долгие годы! Никогда она не жаловалась на свое здоровье. Даже будучи парализованной, она до конца радовалась жизни. [...] Жизнь – великая тайна: то ожидают рождения человеческого существа, то опять ожидают отхода души. Какое величие во всем этом, и невольно чувствуешь, как мы, смертные, все ничтожны и как велик наш Небесный Отец! Очень трудно выразить мысли и чувства на бумаге. Я чувствовала, что передаю ее Богу, – с желанием помочь ее душе быть счастливой. Меня охватывает трепет перед святостью происшедшего – такая тайна, которую постигнешь лишь за гробом!»

3.12.1915: «Было большим утешением причаститься сегодня утром. [...] Но везде не достает Сони, и вспоминается, как Я подвозила ее в колясочке к царским вратам. После чаю Аня [Вырубова] отправилась в город, а Ольга и Я пошли поставить свечи в *Знамени*. Монахиня читала псалтырь, – покойница вся была закрыта, и стояла там одна только верная горничная ее, – так она одинока! Я заказала Сорокоуст, так как никто не догадался этого сделать [...] Соня умерла в тот же день, что Моя мать 34 года тому назад, – об ней очень жалели, ее любили, и очень много народу пришло на ее похороны».

15.12.1915: «У нас опять 20 градусов мороза и чудная солнечная погода. С утра такая суeta – безчисленные хлопоты о подарках к Рождеству для раненых и персонала лазаретов. Их число все увеличивается: 900 Евангелий, иконок и открыток-фотографий отправлены Кире».

20.12.1915: Сегодня 20-й день после смерти Сони! Время так незаметно идет, – как будто это все случилось только вчера, а иногда кажется, что это было много лет тому назад, – один день кажется целым годом в эти трудные времена страданий и тревог».

30.12.1915: «Молишься и вновь молишься с верой, надеждой и терпением – должны же, наконец, наступить хорошие времена, и Ты и наша страна будете вознаграждены за все сердечные муки, за всю пролитую кровь! Все, – кто были взяты из жизни, горят, как свечи перед Троном Всевышнего. И там, где бьются за правое дело, там будет окончательная победа! Так хочется поскорее хороших вестей, чтобы утешить здесь беспокойные сердца и пристыдить за маловерие. [...] Навсегда, до смерти, Твоя жена и друг».

Государь – Императрице (31.12.1915): «Право, не знаю, как бы Я выдержал все это, если бы Богу не было угодно дать Мне Тебя в жены и друзья!»

«СКОРБНЫЙ АНГЕЛ»
Из дневника В. Чеботаревой
1915 год

2-го января я вечер была дома, дежурила графиня. В одиннадцатом часу позвонил М. Л. Слышал о страшной катастрофе – Вырубова тоже пострадала, кажется, ноги отрезаны, «повезли к вам в лазарет». Как стало жутко, и первая мысль: «Господи, избавь Государыню от этого нового горя потерять близкого любящего человека!» Кинулась в лазарет. Направо, в конце коридора, на носилках стонал пострадавший художник Стреблов¹⁸⁷, подле возились Эберт, Мухин; Вера Игнатьевна была налево, в Императорской комнате. Оказывается, как только дали знать Императрице о несчастье, Она собрала все Свои силы и поехала. Присутствие духа поразительное. Помогала выносить всех, Сама всем распоряжалась, устроила ей кровать в Своей комнате, нашла силы приласкать расплакавшуюся Грекову. По телефону сказали, что ноги уже обе отрезаны. Императрица погладила Грекову по голове, поцеловала и сказала: «До последней минуты Я всегда надеюсь и еще не верю, Бог милостив». Около 10-ти часов привезли. Каким-то чудом Вера Игнатьевна оказалась во встречном поезде, наткнулась на Сабурова, кричавшего: «Аня Вырубова искалечена, не могут вытащить из-под вагона!» Два часа стояла подле нее на снегу и помогала отвезти к нам. Страдания невероятные. Осмотреть ее не удастся – кажется, сломан крестец – при малейшей попытке дотронуть-

ся — нечеловеческий стон, вой. Коридоры полны народа, тут и Воейков, флигель-адъютант Комаров¹⁸⁸, масса придворных, старики Танеевы¹⁸⁹ бродят растерянные, не отказались все же закусить. Татьяна Николаевна, нежно взяв под руку старуху Танееву, прошла с ней по коридору, заплаканная.

Послали за Григорием. Жутко мне стало, но осудить никого не могла. Женщина умирает, она верит в Григория, в его святость, в молитвы. [...]

Государь приехал в первом часу ночи, грустный, но, главное, видно, озабоченный за Императрицу. С какой лаской Он за Ней следил и с некоторым беспокойством всматривался в лица офицеров: как то будет встречено появление наряду с Ними этого пресловутого старца. Государь долго говорил с Верой Игнатьевной, подробностей не знаю [...] Сюда поместили Анну Александровну нарочно, «чтобы и она, и остальные были в здоровой обстановке, если возможно, удаленные от кликушества»*.

Вера Игнатьевна поставила условием, чтобы Григорий ходил через боковой подъезд, никогда среди офицеров не показывался, чтобы его Акулина¹⁹⁰-богородица** не смела переступить порога, отделяющего коридор, где Императорская комната и перевязочные, от остального помещения. Стеклопанные двери были закрыты и на следующее утро завешены полотнянными портьерами. [...] Анна Александровна встретила Григория словами: «Где же ты был, я так тебя звала». [...] Остался дежурить на всю ночь. Царская Семья уехала около часу. У Государыни нашлись силы всем нам пожать руки, улыбнуться. Вот несчастная! [...]

16-го [июля] приехали Великие Княжны помогать готовить папиросы, тампоны для операции Заливского¹⁹¹. Сидели и шили все в коридоре, как-то отвлеклась и разговорила, пошла потом в сад под старую яблоню пить чай.

---

* В. И. Чеботарева, как и многие окружавшие Императрицу, отрицательно относилась к Г. Е. Распутину. Весьма характерно, что ее антипатия вскоре распространилась на А. А. Вырубову, а потом и ...на Саму Государыню. — С. Ф.

** Отголосок безосновательных обвинений Г. Е. Распутина в принадлежности к секте хлыстов. Безпочвенность обвинений подтвердили экспертизы церковных иерархов, а также специалистов-сектоведов и богословов, как до, так и после революции. — С. Ф.

17-го приехали после 9-ти варить шелк. Ольга Николаевна передала мне специальный поклон от Государыни. Бедняжка. Чувствует, что мне тяжело¹⁹² и среди Своего горя меня вспомнила. [...] ...Никто не знает, как Она высоко благородна и кристаллически чиста [...] Больно, когда [Ее] клеймят за всякое слово, по-немецки произнесенное. У нас только раз слышала фразу, к Евгению Сергеевичу* обращенную. Нужно было обменяться впечатлением о больном – Боткин по-французски не говорит. Оказывается, некогда Сперанский развонил по всему Царскому. А как иногда Девочки со свойственной Им живостью могут сделать больно. Вера Игнатьевна докладывала о свадьбе Лудера, в Павловске будет, там и старая его бабка живет, немка. И, улыбаясь, добавила: «Последнее тщательно скрывается». «Еще бы не скрывать, вполне его понимаю, еще, пожалуй, настоящая кровожадная немка», – выпалила Ольга Николаевна¹⁹³.

Отца Они нежно любят. Пришли к варке шелка пешком: «Папуля доvez, но не хотели въезжать, от ворот Мы дошли пешком». Во время разматывая сидели все рядком и болтали, расспрашивали про Порфиреньку**, про детей, как мы жили в Красном, где путешествовали. Уехали после 11-ти [...]

21-го операция Заливского прошла отлично. Шелк подавала Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна инструменты, я – матерьял. Вечером опять приехали чистить инструменты, сидели все в страшной тесноте. Открыли сами окна, сами притащили шелк. О[льга] Н[иколаевна] опять сказала: «Мама кланяется вам, Валентина Ивановна, особенно. А хорошо здесь, не было бы войны, Мы и вас бы не знали, как странно, правда?» Скребли усердно мыльцем, спиртом, готовые инструменты сами клали в шкаф. Офицеры удивлялись: «Ведь есть денщики, отчего Вы себе руки портите!» [...]

25-го. Вечером большая заготовка. Два дня стерильная будет закрыта. Великие Княжны решили приехать помогать после 9 ч. вечера. Возились с физиологом, устроила все в перевязочной, очень уютно, светло, стол посредине и

---

* Боткину, лейб-медику. – С. Ф.

** Супруг В. И. Чеботаревой. – С. Ф.

4 табуретки. Готовили фитили, которыми Татьяна Николаевна резала марлю, Ольга Николаевна крутила палочки, Горденин¹⁹⁴ помогал... [...]

27-го, день ангела [Великого Князя] Николая Николаевича*. Княжны и Государыня накануне прислали образ. На обратной доске молитва и факсимиле «от трех сестриц, Александра, Ольга, Татьяна, 27-го, Дворцовый лазарет», рукой Государыни. Пелену на маленький аналой вышивали все вместе. Утром был молебен, к 10 ч. приехали, шепнули, чтобы начали с молитвы за Ник. Ник., потом, что «это случайность или отголоски настроений. Пусть только Корпус не вытягивается по швам, пусть приезжают сестры, а не Великие Княжны, пусть Нас не ждут». Ну и, действительно, Их не ждали, даже запоздали малость. Батюшка не утерпел и опять заговорил, и сказал принудную речь, чулось, сам ощущает неловкость, ненужность своих слов, общее несочувствие... Но раз начал, не может остановиться. Подвела невольно Татьяна Николаевна – взглянула на меня и уже не могла удержаться от улыбки, спряталась за Ольгу Николаевну. На прощание мило расцеловались, передавали опять «особый поклон от Мама́». [...]

30-го была назначена экстренная операция Степантовского, откладывать было невозможно, несмотря на большой праздник рождения Наследника. В 2 часа приехали Вел. Княжны и Государыня. Оказывается, Государь уехал в Петергоф, Наследник просил взять с Собой. Сестрицы приехали к нам, жутко было – неужели Их семейный праздник омрачится горестью, и бедный страдалец умрет под ножом. Сердце было страшно – перекардит, об эфире и думать нельзя из-за плеврита. Остановились все-таки на хлороформе, давал Евгений Сергеевич, сошло отлично; милая, чудная Государыня, полная грустного сочувствия и ласки, сидела у его изголовия и так нежно гладила бедняжку по руке, и такой искренностью прозвучали его слова: «Перевязки я больше боялся, а сейчас так хорошо, так покойно и легко, так светло на душе!»

Среди операции перенесли ужасную минуту. Вера Игнатьевна говорит: «дренаж», а о нем никто и не подумал. Счастье, что я, по своей мании все стерилизовать, проки-

---

* В то время Главнокомандующего. – С. Ф.

пятила жгут и спрятала его в стеклянную банку. Мигомхватила и подала, но час еще после все внутри прыгало и дрожало. Княжны мне шепнули: «После отъезда Мама́ мы останемся, поможем вам чистить инструменты». И Милые Детки работали до 8-го часу. Татьяна Николаевна скальпелем обрезала палец, кровь текла довольно сильно и лучше, пожалуй, хотя нож был чист, но мог попасть грязный порошок в ранку. Подле сидели Мел[ик] Адам[ов] и Шах Багов. Сколько поэтической ласки вносит Татьяна Николаевна! Как Она горячо отзывалась, когда вызывала по телефону и прочла телеграмму о его ранении. Какая Она хорошая, чистая и глубокая девочка! Молодость тянет к молодости, и как светятся Ее глазки! Ужасно хорошая!

Вечером вдруг Императорский мотор опять появился, внутри Деревенко* с мальчиком на руках. Оказывается, когда возвращался Государь из Петергофа, мотор, чужой, наскочил и раздавил ребенка. Государь его подобрал и привез в Царское. Случилось это у Александровки. Молва уже пустила слух, что это налетел тот мотор, в котором были Государь и Наследник. Опровергла мне Сама Татьяна Николаевна: «Алексей очень интересуется, как его здоровье, всем нам рассказывал про это происшествие. Вчера вечером Он Нас насмешил. После ванны пришел к Нам и Мама́ прощаться и вдруг, никому не говоря, подошел к телефону и велел соединить Дворцовый лазарет и вызвать Шах Багова. Сказал и испугался: “Что же скажу? Ольга, возьми трубку”. Ольга, конечно, отказалась – Сам напроказил, Сам и говори. Ну, ничего, после Он разошелся и разговорился».

Вспоминалась сценка из безмятежных дней, когда с фронта шли радостные вести, и в лазарете царил тихий, счастливый покой. В конце апреля или в начале, не помню точно, Государыня бывала каждый день, бодрая, чудная, ласковая. После перевязок часами сидела у постели Варвары Афанасьевны**, туда приходили и раненые. Государыня и Княжны работали, шутили, смеялись. Наврузов особенно был мил, так чистосердечно каялся в своих маленьких эскападах, а Государыня его уговаривала не вредить самому себе.

---

* Имеется в виду матрос Деревенько. – С. Ф.

** Вильчковской. – С. Ф.

В один из дней он был приглашен к 5-ти часам во Дворец. Государыня показывала Свои комнаты и ту, где зиму комар жил, питавшийся только кровью Государыни. Дети все знали о его существовании кроме Анастасии Николаевны: «Она непременно бы его убила». Собралась вся Царская Семья, прибежал Наследник, веселый, шаловливый, все дергал Сестер за волосы. Государь остановил: «Алексей, вот Наврузов поедет в армию и расскажет, как Ты Себя ведешь». Сначала смутился, потом сделал равнодушную мину: «Мне все равно». От поры до времени провести два часа в Их интимном кругу звали то того, то другого из офицеров. Наврузова даже два раза. Второй раз зазвонил телефон: «Дети вас целуют». Какой сказкой должны казаться такие дни детям дикого вольного Кавказа, какую преданность беззаветную уносят они с собой в строй, но, думаю, и щемящую тоску по мелькнувшей и растаявшей мечте, дивном солнечном сне.

1-го августа. [...] Сестрицы приехали сегодня, все такие же милые, сообщили, что «вам Мама́ жуппы прислала». На другой стороне рукой Ольги Николаевны нацарапано: «Валентине Ивановне Чеботаревой». На карточках В. А.* – «Би-Би» – написали ей премилое письмецо: «Ваше благородие Би-Би, пора бы знать, что сестрам Дворцового лазарета не пишут Ваше Высочество, иначе и Мы будем писать так же...» Наверху – «Погладьте Наших». Подписи: «Сестры Ольга и Татьяна Романовы». [...]

Степантковскому плохо. Опять температура 39,2, утром 38,9. Была мучительная перевязка, душу раздирал его крик, когда из легкого вынимали тампон, но ожидавшейся волны жидкости не полилось, а она еще есть и так обидно, что задерживается, или виновник – еще сидящий в глубине легких осколок. Неужели роковая кровать направо, в палате № 1: еще второго покойника увидим? Как тяжела была смерть Корвин-Пиотровского! Я была ночной дежурной и всю ночь сидела подле бедняги, и ему грозила ежесекундная смерть. С правой стороны вздулась опухоль в кулак. Каждые пять минут он менял положение. Гладила его по руке... Казалось, немного забывался и спал с перерывами. Наутро бодро поехал на операцию. Начало было недурно,

---

* В. А. Вильчковской. – С. Ф.

но как-то щемящим предчувствием сжималось сердце, как увидела Деревенько, этот злой дух наш, а *porté malheur**. Артерии Вера Игнатьевна перевязала, дала держать Эберману¹⁹⁵ и вдруг артерия перервалась, кровь хлынула рекой, и тут Вера Игнатьевна проявила чудеса ловкости, мигом отшвырнула Эбермана и одним движением зажала бьющий фонтан. Но легкие уже насытились кровью и всем слышен был роковой свист. Наркоз прекратили, но пульс стал падать, лицо посинело, остановившиеся стеклянные глаза не реагировали ни на свет, ни на прикосновение. Все попытки вызвать искусственное дыхание, опрокидывание головы вниз – ничто не помогало. В жизни не забуду этой первой смерти, что пришлось видеть. Два-три каких-то беспомощных всплескивания губами – и все кончено. Человека не стало. Какая мертвая тишина наступила... Сестры, и Ольга, и Татьяна, плакали. Государыня, как скорбный ангел, закрыла ему глаза, постояла несколько секунд и тихо вышла. Бедная Вера Игнатьевна моментально ушла к себе. До чего ей было тяжело; у всех врачей был сконфуженный, но виноватый вид. Драматично еще то, что жена его не получила телеграммы, ехала, уверенная, что он легко ранен и первым делом наткнулась на денщика: «Где барин, проводи меня скорей», – а тот по простоте душевной брякнул: «Вот здесь, в часовне».

Государыня была на панихидах, обласкала и с тех пор все чаще бывала в лазарете: «*Tout le monde m'ennuie avec mes nerfs... et je veux montrer que je ne suis pas nerveuse et que même après le terrible accident je puis tout supporter... Je savais que le danger était grand et je préférais que cela arrive en ma présence*»**.

18-го августа. [...] 10-го была на молебне по случаю годовщины открытия лазарета. Государыня сказала Вере Игнатьевне: «Я не могу смотреть на Валентину Ивановну, ужасно ее жаль, Я все сделаю, чтобы узнать, жив ли ее муж». [...]

---

* Принес несчастье (фр.).

** «Мне белый свет несносен из-за Моего нервного состояния... а Мне хочется всем показать, что Я не нервничаю, и даже после этого ужасного случая все могу перенести. Я знала, что опасность была велика, и Я предпочитала, чтобы это случилось в Моем присутствии» (фр.).

25-го августа. [...] ...Из-за Анны Александровны и Григория Распутина столько грязи набросали на Ее светлый образ [...] Вчера Государыня была веселая, бодрая, довольная. Приехала после обедни в Екатерининский собор, была вдвоем с Марией Николаевной, а сегодня была там же... с Анной Александровной! И к нам с нею же приехала. И стало так грустно, так больно. Зачем этот вызов, эта бравада? Ведь знает же А. А., как ей не верят, зачем в такую минуту дразнить гусей*. [...]

В пятницу 28-го... [...] Вечером Татьяна Николаевна позвонила – Государыня разрешила ехать на общую исповедь в собор. Отправилась Варвара Афанасьевна, Шах Багов и я. Полумрак, мерцающие лампы во всех рядах икон, дивное пение, стариной воздержанный собор – все создавало удивительную картину и молитвенное настроение. Духовник¹⁹⁶ сказал очень недурную речь, но волновался и, пожалуй, был слишком многословен; так хотелось больше простоты, обыкновенной, к сердцу идущей житейской простоты. Фразы о нарушении заветов Божьих и Царских, «гордыня, самоуверенность, самомнение, небрежение Святого Евангелия... вот причины разрухи, временного нестроения». Или уж это мой критически настроенный ум искал то скрытое политиканство, которого не было в его речи.

Вспомнилось, что прежний Феофан, пострадал за Григория¹⁹⁷, этот о войне и не пикнул. Но обращение и простая, сердечная молитва старика-пастыря «всех здесь собравшихся ко Господу, да простит всех, жаждущих духовного омовения» была удивительно трогательна; и так горячо просила Его простить мне сокровенные грехи и слабости, от которых так трудно отделаться. Редкий был вечер и редкая, единственная обедня на другой день. Из одной чаши причастились: Благоверная Государыня Александра Феодоровна, Царские Дети и мы все [...]

14-го сентября. [...] ...Здесь, в Царском, [Государыня] ездила на квартиру Ломана¹⁹⁸, у которого находил приют этот старец. [...] А в обществе все время это темное имя связывают с Ее именем, клянутся, что видели его в Цар-

---

* Общество считало себя вправе диктовать, с кем могла дружить и даже встречаться Государыня, а с кем нет. Отсюда было уже полшага до измены. – С. Ф.

ском экипаже, в придворном. Другие уверяют, что он в Ставке. [...] И все это в 20-м веке, в дни торжества позитивных наук! [...]

14-го сентября. Сегодня визитировали. Первое утро без перевязок наших милых Хирургичек. Вчера звонила ко мне на квартиру Татьяна Николаевна: «Хочу попросить у старшей сестры отпуск на завтра, Мы должны быть на похоронах Арсеньева¹⁹⁹, ужасно грустно». – «Я буду плакать». – «А Мы, думаете, нет? Целый день настроение испорчено, если с утра не побываем в лазарете». Милые Детки! Сколько нежности и ласки в Них! Как-то перед тем тоже звонила Татьяна Николаевна, я сразу не узнала голоса: «Кто говорит?» – «Сестра Романова», – и страшно ликовала, когда я сразу не сообразила, кто это. «Что Алечка²⁰⁰ делает?. Завтра, как проснется, потискайте ее хорошенько от Меня, а потом поцелуйте». [...]

21-го октября. [...] 16-го получила от милой Татьяны Николаевны письмо, бесконечно ласковое и интересное.

Могилев 1915

16-го октября.

Милая Валентна Ивановна, [...]

...Передайте, пожалуйста, всем нашим дорогим раненым, что шлем сердечный привет и много о них думаем, и скучаем без них.

Крепко целую Вас, милая Валентина Ивановна,

Сестра Романова II.

[...] *19-го* вернулись, поезд пришел в 10:30 часов, в 11 уже были у нас, простужены, у Ольги Николаевны сильный кашель, и нервы совсем расходились, похудела, побледнела. Последнее время Она совсем не перевязывает, не может видеть ран, операционной, Сама мучается, нервничает, мечется, но побороть Себя не может – кружится голова. Больно смотреть на Детку, так Она грустна и нервна! Говорят, переутомление.

Вчера приехала Государыня, всем нам дала по образку из Твери, была очень ласкова, в операционной со мной поговорила, расспрашивала про больных, про детей: «Сколько лет вашему сыну²⁰¹? На полгода, значит, моложе Мари». Говорила что уже десять лет не ест ни мяса, ни рыбы. «Вообще о еде думаю с отвращением, заставляю Себя есть каши, овощи, булоны – грибные. В Б[ольшом] Д[вор-

це] был один больной; не мог ничего проглотить, комком стояло. Я его заставила: "Мне все равно, не уйду, пока не скушаешь". У него жилы на шее налились, Я ему крепко стала растирать, как на море при качке делают. Проглотил и после стал есть». Очень интересовалась расстановкой мебели в столовой, все одобрила, только один коврик хотела иначе положить, Сама взялась перетаскивать, а мы с Татьяной Николаевной притащили большое кресло из Императорской, так уютно было, все расставили, расположили. Государыня села в большое кресло и вязала чулок на спицах, ласково беседуя, камин уютно потрескивал, и такая получилась редкая, идиллическая картина!

21-го приехали к 11 часам, причащались. Сегодня годовщина принятия Православия Императрицей, и Наследник явился в походной форме, с медалью, все поздравляли, был очень весел. Когда перевязывали Т., сморщился: «Что это за гадость у него тянут? (тампон). Еще и пахнет!» — уже совсем негодуя воскликнул, когда Деревенко понюхал рану. Бедная Татьяна Николаевна совсем сконфузилась: «Скажите Алексею, чтобы Он так громко не говорил», — но я не решилась исполнить подобное поручение. Зато по окончании Татьяна Николаевна Его здорово отчитала. [...]

24-го октября. Все эти дни Государыня приезжает, мила, ласкова и трогательна, говорила и со мной ласково и приветливо. Оказывается, мяса и рыбы не ест по убеждению: «Лет десять-одиннадцать тому назад была в Сарове и решила не есть больше ничего животного, а потом и доктора нашли, что это необходимо по состоянию Моего здоровья». Сидела долго с работой в столовой. Одна из Княжон играла в пинг-понг, другая в шашки, кто читал, кто болтал, все просто и уютно. Государыня сказала Варваре Афанасьевне: «Voyez comme les petites s'amuse, comme cette vie simple repose... et les grandes réunions, la haute société... brr, je rentre toute brisée. Je dois me contraindre causer et voir des gens qui, je sais très bien, sont contre moi, travaillent contre moi... La cour... ces intrigues, ces haines — comme c'est pénible et fatigant. Dernièrement j'étais enfin débarrassée des quelques uns... seulement quand il y a eu des preuves. (Орлов, надо думать, и Джунковский?) Quand je me retire de cette société, j'arrange ma vie comme je

veux, on dit – elle est une exaltée... on juge mal ceux que j'aime et pourtant pour pouvoir juger il faut connaître tout tt en détail... Souvent je sens quelle est la personne qui m'approche rien qu'à son regard si on peut s'y fier ou non»*. Бедная, несчастная... Такой Она мне и рисовалась всегда – Сама чистая и хорошая, цельная и простая, Она томится условностью и мишурой большого света, а в грязь Григория Она не может поверить. В результате – враги в верхних слоях и недоверие в низших. Если б они могли видеть и знать Ее такой, какой мы Ее знаем! Интересная откровенность вырвалась тоже у Государыни в прошлый приезд Государя: «Il est allé á Petrograd chez sa mère... il faut qu'il parle, ils ont tant de choses á se dire et si je viens – elle se tait»**.

Сегодня Татьяна Николаевна сначала приехала одна: «Ведь Я еду сюда, как в Свой второй дом», и, действительно, такая милая и уютная была. Побежала со мной в кухню, где мы готовили бинты. Государыня посмеялась и сказала, что Татьяна, как хорошая домашняя собачка, привыкла. Бедная Ольга Николаевна совсем больна – развилось сильнейшее малокровие, уложили на неделю в постель, но с разрешением приезжать в лазарет на полчаса для вспыскивания мышьяка.

Сегодня мы ездили в собор к вечерне, брали Алюшку. Так хорошо и уютно было. Так молилась горячо при дивном пении в полумраке этого художественного собора, и думается здесь так откровенно, ясно, так хочется смыть с

---

* «Посмотрите, как Малышки забавляются, как эта простая жизнь позволяет отдохнуть... большие сборища, высшее общество – брр! Я возвращаюсь к Себе совершенно разбитой. Я должна Себя заставлять говорить, видаться с людьми, которые, Я отлично знаю, против Меня, работают против Меня... Двор, эти интриги, эта злоба, как это мучительно и утомительно. Недавно Я, наконец, была избавлена кое от кого, и то лишь когда появились доказательства. Когда Я удаляюсь из этого общества, Я устраиваю Свою жизнь как Мне нравится; тогда говорят: «Она экзальтированная особа»; осуждают тех, кого Я люблю, а ведь для того, чтобы судить, надо все знать до деталей. Часто Я знаю, что за человек передо Мной; достаточно на него раз взглянуть, чтобы понять: можно ему доверять или нет» (фр.).

** «Он отправился в Петроград к Своей Матери, Ему надо поговорить; у Них есть много о чем поговорить, но когда появляюсь Я – Она замолкает» (фр.).

души всю скверну, чтобы быть вполне достойной близости этих чистых, дивных Людей, чтобы не стыдился ни одной минуты прожитого дня и ложиться спать с ясной, просветленной душой. [...]

10-го ноября. Узнала, что 21-го вся Семья причащалась и в два часа Его Величество принимал Григория Распутина. Как грустно и больно! Вернулись Курис²⁰², говорят о впечатлениях провинции. Ненависть, ушаты грязи на бедную Семью, уверяют, что каждая глухая деревня знает о Распутине: «Пусть бы Сама жила, а зачем Девочек развращает?» Господи, какой ужас!*

4-го декабря. [...] Татьяна Николаевна – чудная сестра. 27-го, в день возвращения Веры Игнатьевны, взяли Смирнова в перевязочную. Температура все деражалась, пульс скверный, решен был прокол после пробного укола. Игла забилась сгустками гноя, ничего не удавалось высосать, новый укол, и Вера Игнатьевна попадает прямо в гнойник; потек густой, необычайно вонючий гной. Решают немедленно прорез. Забегали мы, я кинулась фильтровать новокаин и кипятить, Татьяна Николаевна самостоятельно собрала и вскипятила все инструменты, перетаскивала столы, готовила белье. Через 25 минут все было готово. Операция прошла благополучно. После разреза сперва с трудом, а потом рекой полился невероятно вонючий гной. Первый раз в жизни у меня был позыв к тошноте, а Татьяна Николаевна ничего, только при жалобе, столах личико подергивалось, да вся стала пунцовая. К вечеру у Смирнова пульс стал падать, в 9 часов приехали Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна чистить инструменты. [...] В 10 часов пошли к Смирнову перед отъездом, и жизнерадостность разом пропала. Глаза закатились, в груди клокотанье, каждый час впрыскивали то спермит, то камфору. Мы с Варварой Афанасьевной решили остаться, послали за родными, за священником. Исповедался, причастился, глаза оживились, внимательно на всех глядел, совсем ясно говорил, трогательно простился с батюшкой:

---

* Вряд ли речь шла о разговорах крестьян. Так говорило, пусть и провинциальное, а все же то же самое «общество». Сами сочиняли – сами «ужасались». – С. Ф.

«Спокойной ночи, батюшка», — но клокотанье не прекращалось, к утру уже никакие вспрыскивания не помогали, пульс пропал, вздохнул два раза и кончился.

На панихиду и отпевание приехала и Государыня, ужасно худенькая и грустная. [...]

26-го. Вечером 23-го сидела дежурной по лазарету, играла с одним из птенцов в хальму — вдруг поднимаю голову — передо мной Государыня, тихая, кроткая, пришла повидать всех: «Не знаю, когда еще попаду». Государь приехал на несколько дней, «елки, утомление, а так хочется видеть всех». Очень похудела, прямо ниточка.

В ЛАЗАРЕТЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

...Казалось бой затих. Но вот опять зовет меня правофланговый разведчик Алавердов:

– Выше высокородие, в опасной роще заметно какое-то движение. Как будто бы устанавливают пулеметы...

– Пойду на батарею Докучаева, – говорю я капитану Шихлинскому. – Пусть угостит их парочкой снарядов.

– Ты бы не высовывался из блиндажа...

Но добрые советы чаще всего пропадают даром. Я уже лежу у окопчика Докучаева:

– Махни-ка по той роще!

– Слушаю.

В это мгновение чувствую удар по боку и сильную боль в руке. Кругом сыпятся ветви, срезанные пулеметной очередью...

...Носилки, санитары, розовые бинты. Пытаюсь шарить рукой по спине – между позвонков застряла пуля, торчит под кожей словно наперсток.

– Не трогай, – кричит кто-то, – в окопе это верный столбняк, пусть тебя несут на перевязочный...

До перевязочного пункта восемь верст. Несут хорошо, ровно. Только однажды, когда переходили какой-то ровик, меня встряхнули. Лежу неподвижно, глядя в голубое небо, на душе ясно и спокойно, как в церкви в тихий воскресный день... Я исполнил свой долг перед Богом, перед Отечеством... Если что-то и волнует, так это мысль о жене²⁰³. Еще вчера я получил от нее письмо: «Умоляю тебя не бросаться опять в атаку... Всякий раз, когда ты сделаешь это, вспомни, что твоя Алька на коленях со сжатыми руками умоляет тебя пожалеть ее и себя!»...

В операционном зале – доктора.

– Рука – дело второстепенное. А тут? Чувствуете боль? Нет? А здесь? Тоже нет? А тут? И здесь нет... Что ж, попробуем вынуть пулю.

В красном углу икона Божией Матери. Останавливаюсь взглядом на Ее Лице, крепко сжимаю пальцы, чтобы не застонать... Пуля вынута!

— Поздравляю, — говорит доктор. — Считайте, что выиграли двести тысяч. Еще бы на волосок, и затронуло бы позвонки. А так и кишечник не пострадал. Спасло то, что вы были натошак и что лежали на боку. А рука — дело пустое, сейчас возьмем ее в лубки, и санитарным фургоном отправим в Станиславов. Вас будет сопровождать доктор Брон.

И вот я уже в Станиславове.

— Иван Тимофеевич, дорогой! Как вы? — перед постелью — мой начальник и старый добрый знакомый генерал Шипов²⁰⁴. — Как хорошо, что прямой опасности нет... Я пошлю вас прямо в Собственный лазарет Ее Величества, поручу Вас Самой Государыне...

Пока же лежу в общем зале между молоденьким прапорщиком с пулей в кишечнике и австрийским офицером, раненым в коленную чашечку... Но вот снова — тряска, вокзал, вагон, стук колес...

Свежая рана обычно не болит. Но с наступлением ночи она дала о себе знать, появилась лихорадка. После первой дозы морфия доктор, наверное, стал потчевать меня чистой водой, и я не мог забыться ни на минуту. В полубреду мне грезилось опрокинутое оружие, тела убитых, слышались слова команд, невнятные фразы... Ах доктор, доктор, хотя бы одну еще дозу морфию...

Наконец, Петроград.

— Зайка... Ранен! Ну, я так и знала! — слышится под окном вагона взволнованный голос. — Я поняла все, как только получила телеграмму.

Передо мной — моя дорогая, любимая...

— Ах, Зайка, Зайка, ну разве можно быть таким неосторожным. Я ведь тебе писала... Умоляла тебя...

Несмотря на острую боль, которая не дает вздохнуть, не могу не улыбнуться. Появляется мой доктор Брон с носилками.

— А это к чему же? Разве ты сам не можешь?

— Не волнуйтесь, Александра Александровна, — успокаивает ее Брон. — Так ему будет спокойнее. Все заживет, не надо только тормошить!

— Сейчас едем к папе²⁰⁵, здесь близко, — начинаю я командовать, — а потом позвоним по телефону в Царское. У меня письмо к Императрице, направление в Ее лазарет.

Доехали быстро. Дома была одна Мария Николаевна²⁰⁶. Она была потрясена неожиданным моим появлением. Устроили меня на софе, в запасной комнате. Папа был в церкви, но вскоре я услышал его встревоженный голос из прихожей:

— Ваня ранен?.. Лежит здесь?.. Боже мой!

Слыша его шаги, осторожно поднимаюсь во весь рост, чтобы не волновать. Мы крепко обнялись. Бедный папа, он сильно постарел.

— Вот уж не думал, — говорит он задумчиво, что мой самый тихонький, самый беспомощный из детей и вдруг вернется весь израненный, направленный в лазарет Самой Императрицы, кавалер Святого Георгия!..

Вскоре пришел мой брат Коля²⁰⁷. Он уезжает в долгую командировку в Лондон, к начальнику артиллерийского снабжения генералу Гермониусу²⁰⁸. Потом прибежала Махочка²⁰⁹. Она со слезами обняла меня:

— Разве ты не носил мою ладанку с 90-м псалмом? — был ее первый вопрос. Я заверил, что носил, не снимая. Ее верующую душу смущала мысль о том, что я мог пострадать, несмотря на это.

После чудесного семейного обеда доктор Брон отвез меня в Царское Село, в лазарет, где меня сразу приняли и устроили.

Все производило чрезвычайно уютное впечатление. Низенький домик в небольшом саду. Вдоль фасада от крыльца и передней шел длинный светлый коридор, куда выходили двери ряда небольших комнат, занятых койками для раненых. Все было окрашено светлой масляной краской, окна защищены сетками от мух.

Мне отвели отдельную комнату и сразу же сняли радиografiю с разбитого локтя. Доктор Брон тотчас уехал, увозя мои сердечные пожелания успехов и благополучия батареи и всем, оставшимся на позициях. Сейчас же появились одна за другой три сестры милосердия. Старшая была дочь донского генерала Грекова — высокая, представительная, видно, с большим опытом²¹⁰. Она все время стремилась мне чем-то услужить:

— Почему вы не стонете? — спрашивала она. — Ведь вам же больно, а стоны все-таки облегчают страдания... Если вам что-нибудь понадобится, позовите меня, я буду здесь в коридоре.

На другое утро ровно в 10 утра приехала Императрица с Дочерьми. Все, кто мог стоять на ногах, ждали Ее в коридоре. С Ней были старшие Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны. Скоро меня пригласили в перевязочную. Государыня сидела, рядом с Ней стояла старший врач княжна Гедройц и помогавший ей доктор. Императрица взяла из моих рук письмо генерала Шипова и бегом пробежала его глазами. На немой вопрос Государыни ответил осмотревший меня доктор.

— Невероятный случай, Ваше Величество, — сказал он. — Сквозное ранение живота, пуля прошла на волос от позвонка и не задела ни кости, ни кишок... Это чудо!.. Кость руки тоже срастается, вот радиография. Общее состояние удовлетворительное, но видно полное истощение организма.

Это меня не удивило. Девять месяцев непрерывных боев не могли не дать о себе знать!

Я быстро освоился с жизнью в лазарете Императрицы, познакомился с его обитателями. В конце коридора, тоже в отдельной комнате, лежал барон Таубе, которого я знал еще по первому году войны, когда мы воевали бок о бок под Скрыдой-Рудой. Ему оторвало ногу, но он уже шел на выздоровление. В центре лежал тяжело раненый капитан Гаскевич, он боялся, что ему из-за нагноений отнимут ногу. Далее за мной располагалась группа молодежи: совсем юный маленький кирасир Ноне, уже выздоравливающий штабс-капитан Лейб-Гвардии Егерского полка и несколько солдат Эриванского полка вместе со своим капитаном князем Геловани. Все они были «ходячие», веселые, симпатичные и жизнерадостные. Когда одна из Великих Княжен выходила передохнуть в коридор, они окружали Ее и заставляли смеяться своим шуткам.

— Смотрите, какие прелестные эриванцы, — повторяла заведующая столом Вильчковская. — Совсем не то, что наши чопорные преображенцы. — Ее муж, мой дальний родственник, был старшим офицером Преображенского полка.

Иногда вечерами все, кто мог, собирались к роялю, стоявшему в передней комнате, играли и пели. Великим

Князьям это очень нравилось. Но оживление нашей молодежи достигало апогея, когда по праздникам появлялись и младшие Великие Княжны – Мария и Анастасия Николаевны и маленький Наследник. Все бежали в сад, и начиналась игра в крокет.

У Великой Княжны Ольги Николаевны был Свой «подпечный» больной молоденький прапорщик-эриванец Шах-Багов, очень милый и застенчивый, как девочка. Было видно, что он совершенно влюблен в свою медицинскую сестру. Его щеки пылали ярким пламенем всякий раз, как он смотрел на Ольгу Николаевну.

«Свой больной» был и у Великой Княжны Татьяны Николаевны – рябой и некрасивый Мелик-Адамов, тоже прапорщик Эриванского полка. Кстати и нехстати он сыпал шутками и прибаутками, которые молодежь, однако, встречала с одобрением, делал отчаянные прыжки на одной ноге (другая была целиком в гипсе) и лихо орудовал крокетным молоточком.

...Кроме офицеров в лазарете Ее Величества лежало двенадцать тяжело раненых солдат. Помню одного из них – это был хохол, красавец с синими глазами, чернобровый, кровь с молоком. У него были раздроблены кости на ноге, и после тяжелой операции он с трудом приходил в себя. Я видел, как Великая Княжна Ольга Николаевна стояла, опершись на перильца его постели, и с участием смотрела на раненого в тот момент, когда в глазах его впервые мелькнул луч сознания. Он как бы просветлел и буквально впился в Нее глазами:

– Ах, касаточка Ты наша, – простонал он. – Ах, красавица Ты наша...

К стыду нашему, среди интеллигенции было тогда немало людей, которые худо говорили о трудах Государыни и Ее Дочерей. Они тратили все Свое время и все Свой силы – могу свидетельствовать об этом – на лечение и утешение людей, чуждых Им и по среде, и по воспитанию. А интеллигенты злословили... Помню военного доктора со сложным переломом руки, который все время пытался заговорить со мной о каких-то придворных интригах, искал случая посплетничать...

– Как, вы не знаете, кто такой Распутин, – с удивлением спросил он меня однажды и не мог поверить, что я до того

дня действительно ничего не знал об этом человеке. В следующий визит в Петроград к отцу я постарался восполнить этот пробел; отец с омерзением поведал мне о грязных слухах. Сколько же грязи выливалось тогда на самоотверженную нашу Государыню... А тот доктор, к счастью, скоро закончил свое лечение в лазарете.

...По окончании перевязок, в которых участвовали все сестры милосердия, «ходячие» выходили обычно на крыльцо, чтобы проводить Императрицу и Великих Княжен. В нескольких шагах от лазарета дорогу пересекал желоб, и, переезжая его, автомобиль слегка встряхивало. Помню, что Татьяна Николаевна всегда пользовалась этим случаем, чтобы обернуться и еще раз кивнуть провожающим, которые отвечали Ей поклонами. При этом Мелик-Адамов, стоявший обычно позади маленького Ноне, неизменно «помогал» ему, пригибая его голову рукой.

По праздникам и во дни именин и рождений кого-либо из Царской Семьи в этом автомобиле приезжали все Августейшие Дети – Они часто просились провести с нами целый день.

Помню именины маленькой Анастасии Николаевны.

– Ваше Высочество, что же Вам подарили сегодня? – спросила Вильчковская Девочку, которая застенчиво прятала под рукав тоненькие платиновые обручики. – А, уже вижу. Это подарила Вам Мама?

– Мама и Папа... Это из старых Маминых вещей. – Милая Девочка, краснея, старалась спрятать ожерелье, блеснувшее в тот день на Ее тоненькой беленькой шейке.

– А это? – продолжала Вильчковская.

– И Папа и Мама... Тоже из Маминых вещей...

А вот Мария Николаевна уже не девочка. Полненькая и пышноволосая, Она застенчиво стоит в стороне, временами поднимая на окружающих Свои большие глаза, окаймленные густыми ресницами. Это тот возраст, когда юные барышни иногда стыдятся самих себя, они уже понимают, что становятся взрослыми и еще не привыкли к этому.

Маленький Наследник иногда приезжает на Своем крошечном автомобиле вместе со Своим дядькой Деревенько. Однажды Он приехал позже остальных, влетел, обиженный, и тотчас подскочил к Ольге Николаевне:

- Почему вы Меня не подождали?
- Я же говорила Тебе, что Мы выезжаем ровно в десять...
- Но ведь Ты видела, как Я бежал...

На помощь явился неистощимый на выдумки Мелик-Адамов, и маленькая буря тут же улеглась.

Случались и курьезы. Подходит ко мне крайне смущенный Снарский, молоденький эриванец: «Что мне делать? Императрицы сегодня нет, к Ней я привык, а у меня перевязка... Перевязывает Татьяна Николаевна... А у меня рана вот здесь!» – и указывает на место, которое испанцы называют *portes posaderas*...

...Государь выехал в Ставку незадолго до моего прибытия в лазарет Ее Величества. Но ранее Он тоже иногда бывал в лазарете и однажды, как рассказывали, долго сидел у постели тяжело раненого подпоручика 22-го Сибирского стрелкового полка. Тот с жаром рассказывал Царю о фронтовых тяготах. Расстались оба в слезах. Плакал и офицерик, плакал и Царь...

Временами Он приезжал из Ставки на несколько дней и при мне. Однажды, когда Государь катался по парку вдвоем с Наследником на Его маленьком автомобильчике, Им повстречалась моя жена, которая каждый день приезжала в Царское Село, чтобы видеть меня. Она была в полосатой морской блузке. Государь что-то шепнул Наследнику, и Тот отдал ей честь по-военному. Жена сделала глубокий реверанс, и Государь с улыбкой ответил ей поклоном.

Накануне дня рождения Императрицы я получил от генерала Шипова письмо и запаянную жестянку с цветами, которые он просил преподнести от его имени Ее Величеству в этот день. Я все еще вставал плохо, и доктор с трудом разрешил мне такую прогулку. Были и другие затруднения: во-первых, меня доставили в лазарет с поля боя в одном белье, завернутого в бурку, и, во-вторых, когда я вскрыл коробку, ландыши за немногим исключением пожелтели и почернели... Но так или иначе нужно было выполнить поручение начальника и друга. Дело было под вечер. Я вызвал по телефону Великую Княжну Татьяну Николаевну, и вскоре Она мне ответила: «Мама примет вас завтра в два часа по полудни».

Все пришли мне на помощь. Явился главный садовник и совершил над цветами чудо превращения, а мои товари-

щи по лазарету позаботились о полной экипировке — я стал эриванцем, одетым в сборный форменный костюм, собранный всей эриванской палатой, с богатой кавказской шашкой, на клинке которой золотом была высечена надпись: «Моему милому мальчику от его мамы». Ровно в два часа я уже стоял перед дворцовым караулом.

Меня ввели в запасную приемную, где пришлось подождать с полчаса. Наконец, придворный арап провел меня по широкому светлому коридору и указал на открытую дверь.

В большом приемном зале, сплошь заставленном душистыми белыми розами, сиренями, нарциссами и другими серебристыми цветами стояла Императрица. Она мило-стиво протянула мне руку, взяла письмо и букет.

— Ваше Императорское Величество! Генерал Шипов просит повергнуть к Вашим стопам эти ландыши, которые он сам собирал на Карпатских гребнях. Смее уверить, что в его лице Ваше Величество имеете вернейшего и преданнейшего слугу. Это настоящий рыцарь старого поколения, храбрый и благородный.

— Он всегда был таким, — с чувством отвечала Государыня. — Вы были с ним в последних боях? Он писал мне об этом... Но какая это ужасная война! Сколько свежих, молодых гибнет с обеих сторон, возвращается искалеченными к своим женам и матерям! Я вижу это каждый день, многие проходят через Мои руки.

— Что делать, Ваше Величество! Такова наша доля...

В течение нескольких минут разговор шел об ужасах войны. «Когда же она кончится?» — повторяла все время Императрица. Я доложил Ей, что вместе со мной вышли в поход все шестеро моих братьев, и пока что все мы живы. Лишь один имел несчастье попасть в плен под Сольдау²¹¹.

— Как с ним обращались в плену? — с живостью спросила Императрица²¹².

— Он писал, что сперва было плохо. Но когда их перевели во Фрейбург в Гессене, обращение стало несравненно лучше. Видимо, там Вас не забыли, Ваше Величество!

Этим закончилась аудиенция. О многом думалось мне, когда возвращался в лазарет.

Нетрудно было понять сложное положение Императрицы. Ведь Она родилась в Гессене, лучшие годы провела

среди своих соотечественников. Кто упрекнет Ее за то, что Она душою страдала и за нас, русских, подданных Ее Державного Супруга, и за тех, кто был нашими противниками. Ведь и Ее брат сражался против нас... Думаю, что это было глубочайшей трагедией Ее жизни. Будучи любящей Женой Своего Мужа — к ч... всех, кто порочит Ее честь! — нежной и страдающей Матерью, Она в те годы самоотверженно отдавала все, что могла, служению милосердию, заботе о раненых русских воинах, с теплотой и подлинным искусством заботилась о нас, о каждом...

...— Прощайте, господин полковник, не поминайте лихом! — молоденький Шах-Багов, тот самый, который на время визита к Императрице одолжил мне свою шашку, со слезами на глазах жмет мою руку. — Еду на фронт: если не вернусь с Георгием, то меня принесут на носилках...

Милая Ольга Николаевна погрустнела, щеки Ее потеряли обычный румянец, а глаза покраснели от слез — как всё понятно, как всё мило, чудные девичьи годы, чистое девичье сердце... В лазарете стало тише, крокет заброшен, на поле даже показывается зеленая травка. И Мелик-Адамов не балагурит. Так проходит неделя, вторая, третья. Появляются новые и новые раненые. И вдруг однажды по коридору летит вприпрыжку на одной ноге Мелик-Адамов: «Господин полковник, телеграмма: “Необходима спешная операция, прошу разрешения вернуться в лазарет. Шах-Багов”».

Оказалось, что тотчас по возвращении на фронт часть, где служил наш товарищ, пошла в атаку, и он снова был ранен. Конечно, ему разрешили вернуться, и его привезли с раздробленной ногой, на носилках, похудевшего и бледного. Ольга и Татьяна Николаевны тотчас водворили его на прежнее место в эриванской палате. Немедленно сделали операцию, всю ногу обложили гипсом, и он оказался надолго прикованным к постели. И вскоре стало заметно, что к его Августейшей Сиделке вернулось прежнее настроение, и Ее милые глазки заблестели вновь...

...Никогда не думал, что это такое наслаждение — вдохнуть полной грудью! Раньше не замечал этого, но теперь, когда каждый вдох причиняет сильную боль, осознал. Однако, к счастью, всё проходит, и боли начи-

нают ослабевать. Я все чаще и чаще встаю с постели, выхожу на дворик, в сад.

— К вам пришли! Ваша жена дожидается вас в саду.

Вход посетителей разрешается только после обеда, от двух часов. Сейчас не время визитов. Наверно, что-нибудь важное! Я накидываю халат и выхожу на крыльцо.

— Зайка, попросись проехать со мной в город! Я перебывала во всех магазинах и не могла найти себе подходящей шляпки! А у тебя хороший вкус, ты сейчас же найдешь мне что-нибудь подходящее...

В ее лице столько игры, что я невольно залюбовался ею. Она и улыбается, и смеется, и хмурится, и сердится, и опять радуется чему-то...

— Ведь теперь весна... и ты со мною! Отпросись на несколько часов, поедem вместе!

Иду просить разрешения — пусть это будет мой первый выход. Навстречу Ольга Николаевна.

— Кто это? Ваша жена? Какая хорошенькая! Почему она приехала? О чем вас просила? Разве так трудно выбрать себе шляпу?

— Это только предлог. Ей просто хочется прокатиться со мной по городу. Ведь скоро год, что она скучает одна!

Разрешение получено. Мы садимся в вагон и катим в Петроград. Быть может, это иллюзия, но мне кажется, что все с участием глядят на нас. И мою спутницу здесь уже многие знают, она каждый день приезжает из Петрограда навестить меня в лазарете...

И вот, наконец, долгожданное: «Вам свободно можно выходить и выезжать. Являйтесь в лазарет через день на усиленный массаж. Императрица распорядилась поместить вас с женой в колоннаде Большого дворца. А потом вас отправят в Евпаторию на грязи...»

Номер, который нам отвели в самом конце колоннады, оказался тот самый, в котором в счастливые мирные дни мы, офицеры, останавливались, когда дивизион ходил в Царское на Высочайшие смотры. Тогда, накануне парада и торжественного обеда мы отдыхали здесь. Теперь в комнатах помещались жены и матери тяжело раненых. Напротив нашей, в комнате жила жена капитана Гаскевича, в другой — милая парочка молодоженов: поручик Новороссийского драгунского полка Лепеха и

его юная супруга, оба жизнерадостные и по уши влюбленные друг в друга. Все мы очень сдружились между собою.

...Однажды днем, во внеурочное время, раздался стук в дверь. Я вышел и обмер от удивления: передо мною стоял наш безсменный батарейный фуражир, которого я всегда встречал первым, подъезжая к батарее.

— Вачейшвили!.. Какими судьбами?

Да, это был сам Вачейшвили, выдержанный и спокойный, такой, как бывал всегда — и на полях сражений, и в разъездах, и везде. В руках он держал огромный портфель со всей батарейной канцелярией.

— Извольте подписать, Ваше высочорodie. Вот сдаточные ведомости, батарею принимает капитан Кузнецов. Вас все вспоминают...

— Спасибо, родные! И я вас не забываю. Я заказал 525 маленьких фотографий в кавказской форме и с Георгием. Передай каждому на память.

— Все думали, что вы помрете. Больно уж вы себя не жалели.

— Что офицеры?

— Все шлют привет. Кулакова произвели в поручики. Дзоболова представили в офицеры, поручик Коркашвили произведен в штабс-капитаны... А вот господа офицеры послали вам телеграмму-поздравление с получением Георгия. А сам орден командир дивизиона заслал в Киев, когда вы его еще получите!

Я получил его только перед самым отъездом на позицию.

...А дни бегут и бегут. С фронта стали приходить более утешительные известия. Неслыханное отступление Русской армии кончилось. У власти стало деловое патриотически настроенное министерство. Наши заводы и фабрики стали вырабатывать колоссальное количество снарядов. Кружным путем через Владивосток и через Романов на Севере* стали поступать огромные запасы вооружения от союзников. Во главе армии уверенно стоит Сам Государь... Еще одна великая держава — Италия присоединилась к Антанте. Все, казалось, сулило желанный успех.

---

* Ныне Мурманск. — С. Ф.

Но для меня было ясно и то, чего не видели или не желали видеть многие другие. Оказалась нарушенной так называемая «белая линия» — были убиты, искалечены, ранены и выбыли из строя те офицеры и солдаты, которые были носителями духа армии. А без него войско, как тело без души, начинает разлагаться. И, думалось мне, если последние кадры, увлеченные надеждой на близкую победу, падут в будущих атаках, тогда...

А жизнь наша, между тем, шла обычным чередом. Перед отъездом на грязь в Евпаторию меня осматривал лейб-медик Царской Семьи Боткин. Не люблю, когда доктора слушают мое сердце. Он повторил мне все, сказанное двадцать лет назад доктором Николаевским:

— С вашим сердцем вам нельзя служить в строю. Вы можете выдержать лишь в условиях строгого режима тыловой жизни.

— Но как же, доктор, с этим самым сердцем я делал под огнем версту и две бегом, проводил дни и ночи в пылу сражения, забывая о себе!

— Чувство долга иногда может нас вынудить далеко перейти предел возможного. Но на этом нельзя строить расчеты. Покажитесь мне еще раз по возвращении из Евпатории.

Препребывание наше в Крыму было сказкой. Но она — увя! — быстро кончилась. Я получил телеграмму из Питера: «Приезжай немедленно, папа при смерти». Я, конечно, бросил лечение — оставалось несколько грязевых сеансов — и мы помчались домой. Отца я застал уже в самые последние минуты, окруженного близкими. Все братья, кроме Володи, который был в плену, и Коли, находившегося в Лондоне, явились с фронта. Он еще узнавал нас, хотя говорил с трудом, и скоро закрыл глаза... Мы похоронили его в Сергиевой пустыни рядом с мамой, как он и завещал.

В Царском я встретил Боткина.

— Удивительно, — говорил он, осмотрев меня, — ваше сердце неузнаваемо! Оно функционирует превосходно, вы можете ехать куда угодно!

Я прошел прощаться к Императрице. Она благословила меня маленьким серебряным образком Св. Георгия Победоносца и молитвенником, как и всех Своих пациентов, дала, как и каждому, пакет с бельем. Великих Княжен я уже не видал. Шах-Багов снова поправился и стал началь-

ником санитарного поезда, который ходил с фронта прямо в Сибирь и обратно, не заходя в Питер. Князь Геловани уехал начальником санатория в Евпаторию. Мелик-Адамов был еще там на грязях, там же мы распрощались с Лепехами и Гаскевичами. В лазарете Ее Величества почти не осталось знакомых лиц.

За последние дни наскоро повидался почти со всеми близкими и родными, так как все были на папиных похоронах. Братья выросли. Сережа²¹³ уже командовал артиллерией армии, Мишуша²¹⁴ был начальником артиллерии корпуса. Тима²¹⁵ был уже командиром батареи во 2-й бригаде.

Свою Алечку я, возвращаясь на фронт, оставил под крылом у Махочки, там я был спокоен за нее. Накануне отъезда нам не спалось, всю ночь я прислушивался к ее сдержанным рыданиям и уехал на фронт расстроенным. А тут еще на вокзале, на дебаркадере слышались крики:

– Проклятые, проклятые! За вас еду умирать! – кричал вдребезги пьяный пехотный унтер. – Оставайтесь, буржуи проклятые, еду умир-р-р-а-ать!..

...Командовать отдельным дивизионом это не то, что своей родной горной батареей, а я ехал в 4-й Отдельный полевой тяжелый дивизион, стоявший в Могилеве-Подольском. И там меня ожидало все новое – офицеры, солдаты, даже незнакомые орудия Виккерса калибра 105 морского типа на импровизированных лафетах с огромными колесами, напоминавшими колесницы фараонов...

Иван БЕЛЯЕВ

«...РАБОТА ДАЕТ ТАКОЕ УСПОКОЕНИЕ!»

Из писем Государыни Императору 1916-1917 гг.

4.2.1916: «К нам в лазарет привезли 4-х офицеров-пластунов и несколько – в Большой Дворец. Я не была у наших раненых с 23-го декабря и целую вечность не была в Большом Дворце. Я так скучаю по ним всем и по работе, которую люблю».

5.3.1916: «Интересно, что будет по окончании этой Великой войны! Наступит ли во всем пробуждение и возрождение – будут ли снова существовать идеалы, станут ли люди чистыми и поэтичными или же останутся теми же сухими материалистами?»

6.3.1916: «Дети пошли в Большой Дворец навестить раненых».

7.3.1916: «Сегодня Григорович* принесет Мне показать фотографии морской санатории в Массандре – Я просила его принести их лично, так как больше года его не видала. – Затем приму – г-жу Ридигер (вдову офицера Грузинского полка), которая будет заведовать моей санаторией. Это очень большое здание, и мы через неделю сможем отправлять туда раненых, – Я так рада! Деньги на это мы собрали базарами, затем Ты позволил уделам докончить постройку, так как у нас не хватило денег (надеюсь, что позднее нам удастся постепенно выплатить эту сумму). Санатория предназначалась для обыкновенных больных, приезжающих в Ялту, которым негде жить – для бедняков, переутомленных учительниц, портних, которые не в состоянии много платить и т. д. Теперь это, конечно, исключительно для военных, и Я передала ее в ведение здравницы».

10.3.1916: «Татьяна сегодня утром на операции одного из наших офицеров».

---

* Адмирал И. К. Григорович – морской министр. – С. Ф.

12.3.1916: «Два наших санитарных поезда возвращаются с тяжелоранеными».

14.3.1916: «Как отвратительно, что они* опять стреляют разрывными пулями! Но Бог их накажет».

15.3.1916: «Я получила телеграммы из *Ялты*; Моя санатория совсем готова, такое счастье, — у нас будут места для 50-60 офицеров, и мы сможем обратить *Кучук-Лембад* в госпиталь исключительно для солдат. Офицеры скучали там до безумия и постоянно стремились уехать в *Ялту*, да и женам их там негде жить, так как это просто рыбацкая деревушка».

17.3.1916: «Мой маленький *Малама* провел у Меня часок вчера вечером, после обеда у Ани. Мы уже 1 1/2 года его не видали. У него цветущий вид, возмужал, хотя все еще прелестный мальчик. Должна признаться, что он был бы превосходным зятем — почему иностранные принцы не похожи на него».

30.3.1916: «Прочла все молитвы, приняла массажистку, ходила в нашу пещерную церковь к обедне (много думала о Тебе), а затем в наш лазарет, где сделала 10 перевязок, — теперь чувствую Себя усталой. Должна принимать. В 4 еду в Красный Крест, где раздам окончившим курс их дипломы, и они получают крест».

10.4.1916: «Христос воскрес! Мой милый, дорогой! [...] Теперь М[ария] и А[настасия] едут в свой лазарет, а затем Я поеду с 4-мя Девочками в наш лазарет. Ольга все время ворчит, сонная, и сердитая, что надо надеть хорошее платье, а не костюм сестры милосердия для лазарета и ехать туда официально...»

11.4.1916: «...Сегодня в 2 часа *христосование* в Большом Дворце, больше 500 человек, а затем внизу в лазарете. Вчера все сошло хорошо в нашем лазарете; мы пробыли там час. [...] В пасхальную ночь Бэби** христосовался в церкви со всем духовенством...»

29.4.1916: «Все утро шел снег, стало сыро, и это чувствуют и раненые и моя щека. Сегодня утром была в лазарете, сейчас у Меня будет прием, после отправлюсь в Анин лазарет, затем *доклады*».

---

* Немцы. — С. Ф.

** Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. — С. Ф.

30.4.1916: «Посидела в лазарете, поработала, снова занималась английским с Моим маленьким *Крымцем**, *Таубе* трещал, как ветряная мельница. [...] Обошла весь Анин лазарет от чердака до погреба, кухни и конюшен. [...] Мы собираемся в Большой Дворец (так скучно)».

1.5.1916: «Идет густой снег, и Мы собираемся в лазарет М[арии] и А[настасии]».

2.5.1916: Пасмурно и ветрено, отчаянная погода, у Меня продолжает болеть щека – на этот раз левая, – Я плохо спала, несмотря на компресс, и она несколько припухла. Это незаметно, когда на Мне сестринская косынка. Вчера вечером мы провели два часа в нашем лазарете, чтоб подбодрить их, так как Наш отъезд очень их огорчит. [...] Иду в лазарет – проклятая щека!»

19.5.1916: «Я ужасно скучаю без Вас Обоих, а потому рада бывать в лазарете, чтоб не сидеть дома. – Итак, вчера в лазарете была *всенощная*, длившаяся 1½ часа, затем Мы посидели и поболтали со всеми. Вечер провели спокойно за работой. Сегодня утром в 9 ½ часа отправились в лазаретную церковь, а оттуда к нашим раненым. Видела *Карангозова* и *Анушевича*, а только что и *Иедигарова*²¹⁶, пригласила его к обеду, – он завтра уезжает и приехал только для того, чтоб Нас повидать, такой милый человек, – все Мы были смущены и молчаливы, встретившись лишь через 15 месяцев, здесь это будет по-иному. После завтрака Мы отправились на *молебен* и на чашку шоколада в лазарет Моих улан. Там были все дамы, *Баранов*²¹⁷, *Трубников*, один или двое из старых улан, но ни одного из находящихся на действительной службе, они все в полку. Затем Мы поехали в госпиталь *Лианосова*²¹⁸ навестить *Силаева*²¹⁹ – велели ему от Твоего имени уехать на 2-3 недели в *Севастополь*, чтобы полечиться в *Ром[ановском] Инст[итуте]*²²⁰. Он хотел вернуться в полк, что было бы, как Я ему и сказала, совершенным безумием, – а потому, согласно Твоего приказа, он поедет через несколько дней. Это совершенно необходимо по-Моему».

---

* Штабс-ротмистр Крымского конного Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка Н. Я. Седов. – С. Ф.

20.5.1916: «Иедигаров был очень мил, Я продержала его целых 2 часа, и он рассказал нам массу интересного. Боже, как трудно и тяжело им приходится в эту страшную жару, несчастные лошади ужасно мучаются, и им совершенно не приходится отдыхать. Мы сегодня простились с ним в лазарете. *Равтополо* и *Шах-Багов** также были там, Я сняла их всех; посылаю Тебе три снимка, сделанных Мною в апреле, когда Вы Оба были здесь. Так приятно быть с ними; там Я меньше ощущаю Свое одиночество, нежели здесь, в Моих комнатах. *Боткин* провел у Меня целый час и все еще не закончил доклада относительно лазаретов в *Ливадии* и *Ялте*...»

21.5.1916: «Были в лазарете на операции».

22.5.1916: «Когда кончу это письмо, Мы отправимся в Большой Дворец, а в 2 на *крестный ход*, т. е. на *молебен* — из *Колпина* привезли чудотворный образ св. Николая: Вчерашний вечер мы уютно провели в лазарете. Старшие Девочки чистили инструменты при помощи *Шах-Багова* и *Равтополо*. Младшие болтали до 10 — Я сидела и работала, а потом Мы вместе раскладывали головоломки (puzzles), позабыв о времени, просидели до 12. Кн. Г[едройц] тоже занялась головоломкой! Там Я чувствую Себя сейчас уютнее, чем дома».

23.5.1916: «Вчерашний вечер провела в лазарете».

24.5.1916: «Операция продолжалась довольно долго, но сошла хорошо, — Я подавала инструменты».

27.5.1916: «В лазарете, как говорят, по прочтении газет радостно прокричали ура**, — они все стремятся поскорее вернуться на фронт, чтоб присоединиться к своим товарищам. Вчера днем были в Большом Дворце, а затем поехали кататься. В 6 Я на полчаса зашла в Анин лазарет, чтоб повидать всех и написать ей обо всем. [...] Погода стала совсем божественной. Посидела в саду при лазарете в то время как раненые играли в крокет. Сейчас Татьяна катается верхом, Мария и Анастасия собираются полоть сорные травы в маленьком саду, так как они мешают расти ландышам, — Ольга едет со Мною в лазарет...».

---

* Прапорщик 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка. — С. Ф.

** 22 мая началось наступление русских войск на Юго-Западном фронте в районе Луцка. — С. Ф.

28.5.1916: «...Сейчас должна встать и отправиться в лазарет – Мне предстоят две трудные перевязки [...] ...Потом Я должна ехать на открытие лазарета для детей-беженцев, а затем осмотреть *Дрожд. род[ильный] приют*²²¹ и т. д., чтобы решить, какой нам строить лазарет».

29.5.1916: «Вечер провели в лазарете, но Я полулежала в удобном кресле в одной из палат, так как была очень утомлена».

30.5.1916: «Мы ходили в церковь при лазарете, так как там служили рано, и мы могли после церкви сделать перевязки. [...] Со Мной только что простился *Николаев*²²² (бывший *крымец*), – он возвращается в свой 4 X[арьковский] Уланский (близ Зегевольда). Он очень счастлив, что был принят Тобой в Евпатории* ».

31.5.1916: «Поставила Мои свечи, работала в лазарете...»

1.6.1916: «Младшие в Своем лазарете, и Я, как только закончу это письмо, заеду за Ними, чтоб покататься вместе. [...] Мы поработали в лазарете, а затем Мы с Марией отправились на кладбище, так как там была семейная *панихида* по маленькой Соне – уже шесть месяцев прошло, как она умерла! Птицы так весело пели, солнце светило на могилу, покрытую незабудками, и это производило радостное, а не грустное впечатление».

2.6.1916: «Сегодня не очень солнечно, но это было лучше для поездки в город**. Утром отправилась на 1/2 часа в лазарет, чтобы пожелать всем доброго утра. Словно малые ребята, они все уставились на Нас, одетых в “платья и шляпы”; они разглядывали Наши кольца и браслеты (дамы тоже), и Мы были смущены и чувствовали Себя “гостями”. [...] Вечером Я посидела 1/4 часа у А[ни], а затем отправилась к Детям в лазарет. Они были вне себя от радости, так как совершенно не ожидали нас».

4.6.1916: «Стараюсь заполучить в Мой санитарный поезд *Зборовского*²²³ (ранен в грудь на вылет – не слишком серьезно), *Шведова*²²⁴ – брюшной тиф, *Скворцова* – ранен. *Юзик*²²⁵ – поможет в *Киеве*, Я говорила обо всем

---

* 16 мая 1916 г. – С. Ф.

** Петроград. – С. Ф.

с *Габбе**. [...] Только что получила телеграмму от Апраксина – Мои маленькие поезда усердно работают в Луцке, Ровно, за Режицей в Тарнополе, в Трембовле – отделение Винницкого склада в Чернигове. Все полны благодарности; военные говорят, что они не могли бы обойтись без Нас, благодарят Бога за то, что Мы способствуем их успехам».

6.6.1916: «От всего сердца поздравляю Тебя с нашими успехами и со взятием Черновиц – хвала Господу Богу! [...] Я просила Татьяну немедленно протелефонировать последние известия в лазарет – радость была безпредельна. Мы провели там вечер. Маленькие принимают участие в разных играх, а старшие вместе с Равтополо и Шах-Баговым готовят материал для перевязочной; иногда Я играю с ними и прохожу по палатам, присаживаясь около тех, кто лежит, затем усаживаюсь в удобное кресло в маленькой комнате Седова (крымца)²²⁶, работаю, беседую, а затем В. Вильчковская приносит скамеечку и садится у Моих ног, и мы очень уютно проводим время втроем. В соседней комнате лежит еще один юнец, который ужасно страдает и тоже хочет, чтоб Я работала и сидела возле него, так что Меня скоро разорвут на части. После завтрака жду маленькую т-те Коцебу (жену ех-улана)²²⁷, затем предстоят крестины Коробчук²²⁸, после этого поеду осмотреть Ольгин поезд (кавказского дворянства), раздам медали тяжелораненым и обойду весь поезд. Кн. Церетели²²⁹ (бывш. Нижегородец) стоит во главе его».

7.6.1916: «Поработала в лазарете. Командир текинцев Зыков²³⁰, бывш[ий] Мой Александр[иец], лежит у нас. Он был ранен в ногу во время их блестящей кавалерийской атаки. На нем постоянно их крошечная шапочка. Очень интересно все, что он рассказывает. Он сильно оглох от контузии, – кроме того, у него расширение сердца».

---

* Об этом имеются также упоминания и в двух письмах Государя Супруге. (3.6.1916): «Я ничего не слышал про ранение Зборовского, только знаю, что их дивизия никуда не передвигалась». (4.6.1916): «Вчера полковник Киреев (из Конвоя) сообщил Мне, что Викт[ор] Эр[астович] тяжело ранен в ногу, один из молодых офицеров легко ранен, а молодой Шведов заболел тифом, так что в сотне не осталось сейчас ни одного офицера». – С. Ф.

9.6.1916: «Были в лазарете, вчерашний вечер тоже провели там... [...]

В 3 ч. Мы идем в церковь (день св. *Иоанна Максиминовича*), а оттуда в лазарет на операцию».

10.6.1916: «Были в церкви, затем присутствовали при операции; к нам привезли еще новых офицеров из *Ингерманландск. гус., Беломорского п. и т. д.*»

11.6.1916: «Были в лазарете... [...] Потом Я осматривала Мою колонну *санитарн. повозок*, отправляемых в армию *Щербачева** – они ему крайне нужны! [...]

Получила телеграмму от Моих сибирских стрелков** – опять много убитых офицеров и масса тяжело раненых, – среди них один из наших, на этот раз он дважды ранен в голову. «*Убит необычайной храбрости старший унтер-офицер команды пеших разведчиков Б. П. Акимов, бывший лейтенант флота*». *Зборовский* уже здесь (Мой поезд гоняется за ним) и сегодня должен быть помещен в лазарет Детей – Они отправились туда в большом волнении. – Я послала *Вильч[ковскому]* – список фамилий казаков, которых нам надо заполнить сюда. Мой поезд, вероятно, прибудет завтра, он подбирает раненых в разных городах».

12.6.1916: «Бедный старик полковник очень плох, но Я надеюсь, что с Божьей помощью мы сможем его спасти. Я предложила ему причаститься, что он и исполнил сегодня утром, – Мне это постоянно придает надежду. Лазарет совсем заполнен, у нас 23 офицера. – Ольга и Татьяна работают и забавно уличают друг друга в «отлынивании». – Мы вернулись с катанья, перед которым заходили в детский госпиталь. *Виктор Эрастович* загорел и выглядит прекрасно, уверяет, будто у него нет никаких болей, но лицо иногда заметно подергивается. Он ранен в грудь навылет, но и рука дает себя чувствовать. [...] Наша выставка в Большом Дворце, как и в прошлом году, открывается сегодня: работы всех наших здешних раненых и Наши Собственные изделия».

13.6.1916: «Привезли еще раненых. Нам пришлось оперировать старика полковника, – это был тяжелый случай.

---

* Генерал-адъютант, генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев, командующий 7-й армией. – С. Ф.

** 21-го Восточно-Сибирского Императрицы Александры Феодоровны стрелкового полка. – С. Ф.

Слава Богу, пока сердце его работает удовлетворительно, но все же положение очень серьезное. Я чувствую усталость, так как это длилось 50 м., и Я все время стояла, чтобы быстро подавать инструменты и быть готовой на всякий случай. [...] Так как кн. [Гедройц] уехала с поездом на фронт за ранеными, Я чувствую Себя ответственной за дела в лазарете, оттуда обращаются ко Мне как к своему начальству».

14.6.1916: «Такая дивная погода, истинное наслаждение! Все наши раненые лежат на балконе и наслаждаются этим великолепием. *Таубе* лежит на солнце под зонтиком так, чтоб устроить солнечную ванну своей бедной кулышке. – Сейчас Мы должны спешить в новый лазарет М[арии] и А[настасии]²³¹, оттуда в Их старый лазарет, там будет благодарственный молебен. [...] А. приехала в лазарет в своей каретке, запряженной пони, повидать всех наших раненых – дружеское внимание должно их ободрить! После *перевязок* Я занималась вышиванием (все для нашей выставки-базара). Эти работы прекрасно раскупаются, а *Гординский*²³² и *Седов* помогали Мне шить. – Боюсь, что полковник умирает – такая грусть!»

16.6.1916: «...У Меня компресс на указательном пальце. При операции нашего несчастного полковника Я уколола палец, и сейчас он нарывает. [...] Сегодня у Меня будут наши сестры, которые завтра отправляются в Германию и Австрию. [...] Затем Я должна отправить *сестру Карцеву*, сестру госпожи Гартвиг²³³ в *Евпаторию* в качестве *попечительницы и старшей сестры*, чтоб навести там порядок, а также для лучшего надзора за всем».

19.6.1916: «...Мои маленькие поезда-склады подбирают раненых у самого фронта и отвозят их в *Новосельцы* и т. д., где их дожидаются настоящие санитарные поезда, – у нас не хватает автомобилей, и мы хотим устроить бараки, где предварительно будут перевязывать раненых перед их дальнейшей отправкой. *Брусилов** дал свое согласие, так как он нуждается в нашей помощи. В 1 сутки мы можем 2 раза привезти раненых, неправда ли, это очень хорошо? *Бринкен*²³⁴ телеграфировал, что Моя санитарная колонна

---

* Генерал-адъютант, генерал от кавалерии А. А. Брусилов, командующий Юго-Западным фронтом. – С. Ф.

(Моего Ломановского поезда) прибыла благополучно, — она чрезвычайно была нужна ему — первый год мы помогали гвардейцам, а теперь и Щербачеву просят нас помочь. Так отрадно знать, что благодаря Мекку, Я могу оказывать такую помощь нашим войскам!»

23.6.1916: «Получила телеграмму от командира Моего 21-го Сибирского полка относительно потерь 13-го — такой ужас, последний из старых офицеров убит и масса тяжело раненых! Кн. Гедройц видела их теперь. [...]

Я рада, что Куст[арный] Комитет теперь понял, что ему надлежит делать. [...] Мы заинтересуем губернаторов и организуем эти кустарные комитеты по всей стране (и для раненых), чтобы развить искусство и вкус, подобно тому, как это делается в Моей школе народного искусства. О, Мой милый, как много можно сделать, и мы, женщины, можем оказать большую помощь. Наконец, все проснулись и готовы помогать и работать. Таким образом нам удастся ближе узнать страну, крестьян, губернии и быть в действительном единении со всеми. Помоги Мне, Господи, быть полезной в этом деле Тебе, любимый Мой! И они рады работать со Мной, Ты помог и все наладил тем, что дал Мне *Верх[овный] Сов[ет]* и *Млад[енчество]* и *Материнство**. Все это вместе обслуживает “народ”, в котором наша сила и который душой предан России».

25.6.1916: «Все те, кто здесь лежит, жаждут вернуться обратно. В “Новом времени” от 24 июня есть статья “Броневики”, описывающая героя, лежащего в нашем лазарете — только ему не нравится, как она написана: он нашел, что слишком много сказано о нем и мало об его офицерах и солдатах, поведение которых было выше похвал — *Сыро-Боярский*²³⁵. Он получил все знаки отличия, которые только можно дать, и ему хотели дать второй крест за то, что он вступил первым в *Луцк* и продолжал стрелять, уж лежа под мостом, на трупах товарищей, и т. д. Но они говорят, что этого нельзя по закону, так как он слишком молод (не понимаю, какие ограничения могут быть для героев)».

---

* Состоявшее под покровительством Государыни «Общество защиты материнства и младенчества». — С. Ф.

27.6.1916: «Кн. Гедройц вернулась со своими ранеными. Она работала три дня в *перед[овом] отряде*, где не было хирурга (он только что уехал), сделала 30 операций, из них много *трепанаций*; она видела Моих бедных милых сибиряков. [...] Собираюсь идти послушать артиллерийских *балаб[аешников]* в Нашем лазарете — они в среду отправляются в *Луцк*...»

28.6.1916: «У Нас была масса работы в лазарете; Я перевязала 11 вновь прибывших, среди них много тяжелораненых».

29.6.1916: «Мы были на богослужении в госпитальной церкви, а затем поработали».

1.7.1916: «Я велела Марии поговорить с *Зборовским*, и после этого Мы все устроим*, он выражал желание ехать на Кавказ, Я знаю. [...] У нас в лазарете сейчас находится 8-летний мальчик, племянник *Иедигарова* — он лежит вместе с офицерами, так как они просили, чтоб его положили к ним, и один взрослый герой раскладывает с ним пасьянсы — не надо! *Таубе* понемногу поправляется, хотя боли в ноге сильные».

2.7.1916: «Лазарет — Мое истинное спасение и утешение. У нас много тяжелораненых, ежедневно операции и много работы, которую Нам надо закончить до Нашего отъезда».

3.7.1916: «*Шт.-кап. Любимов*, командир *Бэбиной роты 89 Белом[орского] полка*, вскоре покидает наш лазарет; он никогда не видал Алексея, а потому Мы сказали, чтоб он проехал через *Ставку* и попросил через *Валю*** о разрешении повидать Бэби — это такой славный человек! Мне хотелось бы, чтоб Ты повидал еще одного нашего героя, Я уже писала Тебе однажды о нем, он из *бронир. пулем. мотора*. Он никогда Тебя не видел, — он лег в Наш лазарет, чтобы, наконец, Нас увидеть; было бы хорошо, если б ему тоже можно было проехать через

---

* Этому предшествовала просьба Государя (30.6.1916): «*Габбе* просит Тебя приказать *Зборовскому* отправиться в Крым для поправления здоровья. Если б можно было поместить его в казармах конвоя в Ливадии, он мог бы взять с собою свою старую мать и сестер!» — С. Ф.

** Кн. Василия Александровича Долгорукова, гофмаршала Высочайшего Двора. — С. Ф.

Ставку (ему 26 лет, он шт.-кап., его отец был на японской войне, командовал в *Полтаве* артиллерией и умер там перед самым началом войны) – *Сыробоярский*, георгиевское оружие, крест, все, что только можно получить, ранен уже третий раз. Можно ли им так проехать, могу ли Я что-нибудь ему сказать (они сами об этом не просили)? Он сейчас уезжает на неделю к своей матери в *Полтаву*, а после по делу вернется в СПб. Если они приедут в М[огилев], к кому они должны обратиться, чтобы быть представленными Тебе? Хотелось бы доставить удовольствие этим храбрецам, и Ты не без интереса слушаешь его рассказы».

4.7.1916: «Операция *грыжа* у восьмилетнего племянника *Иедигарова* прошла благополучно. Сейчас еду в лазарет навестить солдат, так как туда привезли многих из Моего 21-го полка. Анина *Радута* (беженка – сиделка) выходит замуж за санитаря, и в лазарете собираются праздновать свадьбу».

5.7.1916: «Большое спасибо за офицеров. Они будут в безумном восторге, тем более, что сами они не решились о том просить; они приедут туда еще при нас, чтобы не так стесняться*. Сегодня Мы снимались группами в лазарете...»

12.7.1916: «Мы насладились Своими каникулами и теперь снова принимаемся за дело. В четверг утром прямо приступаем к перевязкам...»

14.7.1916: «Наша поездка кажется сном. Пришлось без конца рассказывать в лазарете, все страшно интересуются и непременно хотят все знать».

16.7.1916: «Позволь Мне от всей души поздравить Тебя с добрыми вестями – какой это был для Нас сюрприз, когда сегодня утром *Рита*** объявила Нам об этом в лазарете – Я не успела перед тем прочесть газеты! *Броды* взяты – какая удача! Это прямой путь на *Львов*, это начало прорыва, – начинаются успехи, как предсказывал Наш Друг. Я так счастлива за Тебя – это

---

* Ср. запись в дневнике Государя (10.7.1916): «После чая поехали в кинематограф и к обеду в поезд. Сидели снаружи и беседовали с двумя бывш[ими] ранеными офицерами». – С. Ф.

** М. С. Хитрово. – С. Ф.

великое утешение и награда за все Твои заботы и за тяжелые подготовительные труды! Но каковы наши потери? Душой и сердцем Я там с Тобой!»

17.7.1916: «Мы только что окрестили внука *Ломана*, чудесного младенца – старый *Сиротинин*²³⁶ и Я были его восприемниками. Льет как из ведра, а потому Мы будем добродетельны и отправимся в какой-нибудь лазарет. Утром Мы ходили в нижнюю госпитальную церковь, а потом работали. Вчера были в *Феод[оровском] Соборе*, вечером в лазарете».

18.7.1916: «Завтра уже два года, как началась война, – страшно подумать! Так как сегодня день св. Серафима, у нас служба будет в нижнем маленьком храме. [...] ...Будь добр сообщить Мне списки раненых и убитых, потому что все родственники по телефону обращаются ко Мне за справками. Многие наши поезда сейчас там – ранено множество офицеров 4-го стрелкового полка. С таким волнением ждешь известий!»

19.7.1916: «Все Мои думы и горячие молитвы сегодня утром в нашем пещерном храме были о Тебе. Мы заказали для Себя обедню внизу, потом была служба в большом храме с крестным ходом и затем торжество и завтрак в Детском госпитале. – Сегодня у Нас было меньше перевязок».

21.7.1916: «Вчера в 10 ч. вечера прибыл поезд Анастасии, и Я с Ней вместе обошла его. Масса тяжелораненых, – они бесконечно долго были в пути. Там было несколько Ее *кастийцев*²³⁷ – офицеров, – внук *Храпова* – двоюродный брат которого дважды лежал у Нас. Солдаты из финляндских полков и т. д. Несколько беломорцев с крестами – все с Австрийского фронта. Я раздала медали наиболее тяжело раненым; из них многие отправлены в *Павловск*, в лазарет т. Ольги. – Мы хотим расширить Наш маленький лазарет до 35 постоянных коек для офицеров. – Сейчас шестеро их лежит в комнате, где у нас раньше помещались солдаты (где лежала Аня). Мы хотим пристроить флигель с комнатой на 20 солдат, прибавить еще ванную для них и помещение для санитаров, – это можно скоро сделать, прошлой осенью Мы пристроили большую приемную. Солдатам нравится лежать у Нас, и было бы жалко прекратить прием их к

Нам*. Прежде мы работали в большом доме, а это гораздо уютнее. *Вильч[ковский]* и *Данини* придут сегодня утром с планами. Все этим чрезвычайно заинтересованы; все чувствуют себя там, как дома, тем более, что Мы проводим с ними все вечера. После завтрака закончу это письмо, а сейчас спешу к *Знаменью* и на работу. Слава Богу, что Он мне дал силу снова взяться за дело: работа дает такое успокоение!»

23.7.1916: «Собираемся на концерт в Большой Дворец...»

24.7.1916: «Поезд (Я одурела), привезший преимущественно гвардейских офицеров и солдат, прибыл сегодня, и Мы обошли его, – там было также 2 моряка, – некоторые остались здесь, других отправили в город. [...] После богослужения в лазарете Мы делали там перевязки, без докторов, так как все они были заняты оперированием одной дамы в верхнем этаже».

4.8.1916: «Работала в лазарете, масса новых лиц. Кн. Гедр[ойц], *Таубе* и *Емельянов*** просят передать их глубочайшую благодарность за привет. [...] Милый, Ты ведь не забудешь о наградах для тех, кто ранен бомбами, сброшенными с аэропланов?»

6.8.1916: «Милый, у нас вчера была вечерняя служба в *Ф[еодоровском] С[оборе]*, вечером сегодня там же, сегодня утром в *Пещ[ерной] ц[еркви]*, а завтра утром в нижнем госпитальном храме. Надеюсь в понедельник утром причаститься – от всей души прошу у Тебя прощенья, Мой единственный и Моё всё, если словом или делом невольной обидела Тебя. – Я так рада причаститься – Я жажду этой моральной поддержки, – приходится так много переживать, так много приходится Себя расходовать».

8.8.1916: «Причащение было великим утешением и успокоительно подействовало на Меня – всей душою Я была с Вами Обоими. Мне так приятно молиться в нашем маленьком нижнем храме. Оттуда Мы отправились прямо в лазарет, где Мне дали стакан чаю, затем Я принялась за

---

* Государь одобрил эту идею (22.7.1916): «Я рад, что Ты собираешься пристроить флигель к Твоему лазарету, чтоб иметь место также и для солдат. Это хорошо и справедливо». – С. Ф.

** Офицер 21-го Восточно-Сибирского Императрицы Александры Феодоровны стрелкового полка. – С. Ф.

перевязки. Постройка нашего нового флигеля быстро подвигается вперед, – надюсь, что она будет закончена к концу октября. 10, в четверг, будет вторая годовщина Нашего лазарета, и все ждут с нетерпением переименования его в *Собственный Е. В. лазарет № 3*, так как постоянно выходят недоразумения между *Дворцовым лазаретом* и *лаз. Большого дворца*.

9.8.1916: «...Решила пристроить еще флигель к лазарету Алексея (бывш. Академия)».

10.8.1916: «В 2 1/2 вторично поеду в лазарет на молебен и празднование 2-летия со дня основания нашего лазарета. Будет мало работы, и Мы этому не особенно рады. [...] Только что получила от *Сергеева*²³⁸ телеграмму со списком фамилий Моих офицеров-сибиряков, раненых 1-го и 8-го августа, – он не дает сведений о солдатах. Сейчас должна принять врача, имеющего дело с Моим "*М[атеринство] и Младенчество*", – он отправляется на ревизию этих учреждений, – они распространились по всей России».

11.8.1916: «Операция сошла хорошо, вчерашнее празднество тоже. Теперь О[льга] и Т[атьяна] считаются зачисленными на службу в лазарет».

12.8.1916: «...Очень много дел в лазарете, очень тяжелые случаи, ежедневно операции. [...] Остаюсь на балконе, чтобы быть поблизости на случай, если бы бедного *Рейшаха*²³⁹ пришлось внезапно оперировать».

13.8.1916: «Оперировали одного из Моих молодых сибиряков, затем были сложные *перевязки*, а потому Мы завтракали лишь в 1 1/2».

14.8.1916: «...Была в Анином лазарете, нашла там всё в полном порядке. Оттуда – в Большой дворец, где раздала жетоны 70 лицам. [...] Мы были в нашем *пеиц. храме*, а потом в лазарете, – к счастью, мало работы, а потому было больше времени посидеть и вышивать, а затем покормила тех, которые не могут есть без помощи».

20.8.1916: «У Меня была масса дела в лазарете [...] Число Моих "детей" увеличивается, – столько людей любят Мне, старухе, изливать всё, что у них на душе!»

6.9.1916: «Прекрасный солнечный день, листья желтые и красные – совершенная осень – большая перемена за эти 2 недели. Нашла всех раненых очень поправившимися. Поставила свечи у *Знаменья*, а затем стала работать».

7.9.1916: «Из лазарета отправились на *отпевание* бедного маленького *Золотарева*²⁴⁰, – его сестры похожи на него. Его лошадь участвовала в процессии, и солдаты его взвода смотрели, стоя на костылях, – так трогательно».

9.9.1916: «Была у *Знам.*, заходила на полчаса в лазарет».

11.9.1916: «*Ломан* просил Меня сообщить бедному *батюшке*, что его старший сын (любимец) убит и что пришлось оставить на поле сражения его тело. Мне никогда не приходилось брать на Себя подобной миссии. Он принял известие как истый христианин, только крупные слезы покатались по щекам. Затем Я отправилась в лазарет, сделала 4 *перевязки*, посидела с вязаньем и долго беседовала с *Таубе*».

12.9.1916: «Поздно пошла в лазарет, так как чувствовала Себя слишком утомленной. [...] Быть может, Ты пошлешь телеграмму *батюшке* на *Елагин*?»

13.9.1916: «...Только в 11 отправлюсь в лазарет. Татьяна заменит Меня при перевязках».

14.9.1916: «Дети пошли в церковь – Я встречусь с Ними в 11 ч. в лазарете, – у Нас мало работы, а потому Я предоставляю это дело Татьяне, за исключением 2 самых тяжело раненых, которые чувствуют себя спокойнее, когда Я Сама их перевязываю».

16.9.1916: Дети отправляются осматривать Ольгин санитарный поезд, оттуда – в лазарет, а к 12 1/2 – на *панихиду* по *батюшкиному* сыну, он просил Нас прийти».

17.9.1916: «*Кикнадзе* опять ранен и лежит в Нашем госпитале, – он много рассказывал *Татьяне* о наших морях. У нас, кроме него, еще 4 новых раненых, – со среды не была в лазарете, увы!»

21.9.1916: «К нам привезли еще офицеров из *Варш. Гв.* и т. д. – Я в отчаянии, что не могу работать и повидать их. 3 старшие Девочки были в поезде сестры Ольги и раздавали медали, Они видели так много интересного».

24.9.1916: «...Хочу поскорее хоть сколько-нибудь поправиться, так как лазарет очень хорошо действует на душу и служит отдыхом для усталой головы».

1.10.1916: «Бедный *Сыробоярский* снова ранен – это уже в 3-й раз – в плечо, но серьезна ли его рана или нет, не знаю, он телеграфировал *Вильч[ковскому]* из *Тарнополя*. Ему не дали *капит[анского]* чина, он получил

только Твою благодарность (как в мирное время). Странно, как все несправедливо делается – за настоящие, крупные подвиги дается маленькая награда, за незначительные дела в *тылу* – крупные; сколько народу испытало на себе подобную несправедливость! [...] Сегодня вечером собираюсь сходить в лазарет, смущаюсь после 2 1/2-недельного перерыва, много новых раненых, но нельзя уехать, не повидав всех».

14.10.1916: «Сегодня утром – лазарет. Сделала всего 3 *перевязки*, затем посидела с разными лицами. Была у *Знам.*, поставила за Тебя свечки, милый».

15.10.1916: «...Сделала всего лишь одну *перевязку*, а потом сидела с вязаньем и прослушала доклад *Вильчковского*. *Веселовский*²⁴¹ приехал. Приму его завтра. Он трижды был контужен, нервы у него совершенно расстроены; зять умер (или убит), и он хотел бы поехать в Крым отдохнуть».

16.10.1916: «Были в нашей нижней церкви, прослушали часть службы, а затем отправились в лазарет. Видела *Веселовского*. Печально то, что рассказывает он и другие молодые люди относительного многого, что происходит на войне. Боже Мой, Я понимаю, почему они нервничают: нет единения, нет взаимного доверия среди офицеров, – приказы, контр-приказы, – недоверие к тому, что им говорится, – как все это, действительно, печально. Ах, какое несчастье этот недостаток воспитания, – каждый думает только о себе, никакой солидарности!»

17.10.1916: «Работала в лазарете, затем там же в коридоре был *молебен* по случаю сегодняшнего дня²⁴² [...] Вечерашний вечер Я провела в лазарете, тихо и уютно».

26.10.1916: «Свадьба в нашем лазарете была очень мило отпразднована, красивая пара, – Я была “посаженной матерью”, а Боткин “посаженным отцом” жениха. [...] Вечер уютно проведу в лазарете...»

27.10.1916: «Вчера вечером было так славно в лазарете, Я посидела во всех палатах».

28.10.1916: «...Я поеду с М[арией] и А[настасией] в лазарет Зимнего дворца – там сейчас лежит 358 солдат».

2.11.1916: «В лазарете всё в порядке, хотя даже там мне приходится принимать архитекторов, генералов, говорить о сахаре, масле и т. д. У одного офицера внезапно разорвался

небольшой кровеносный сосуд, а потому нам пришлось немедленно оперировать его и зашить сосуд, — все сошло благополучно. Татьяна впервые давала хлороформ».

6.11.1916: «Мы были в нашем нижнем храме, затем работали в лазарете, сейчас собираемся в солдатский лазарет, где Я раздаю медали от Своего имени наиболее тяжело раненым».

8.11.1916: «Сегодня вечером идем в лазарет».

10.11.1916: «...В 2 часа Мы собираемся в Мой поезд на *молебен*, который будет отслужен митрополитом, так как они только что оборудовали церковь. [...] Провели уютный вечер в лазарете, занимаясь вязаньем и болтовней».

5.12.1916: «В 11 была у *Знаменья* (кот. Я теперь люблю больше, чем когда-либо), затем в лазарете — долго там посидела».

6.12.1916: «Вечером пойдем в лазарет. — Наш Друг очень доволен Нашими Девочками. Говорит, что Они для Своих лет прошли тяжелые курсы и что Их души заметно развились. [...] Они разделяли с Нами все Наши переживания, — это научило Их правильному взгляду на людей, и в жизни это будет для Них очень полезно».

7.12.1916: «Я теперь всегда в 11 хожу к *Знаменью*, затем в лазарет, так как там немного раненых, и таким образом успеваю позаняться Своими бумагами».

16.12.1916: «...Наши Девочки научились наблюдать людей и их лица. Они очень развились духовно, благодаря этим страданиям. Они сознают все, что Мы переносим. Это нужно — это Их развивает. К счастью, Они часто бывают настоящими детьми, но у Них понятие и внутреннее чувство не по летам. Как говорит Наш Др[уг], Они прошли трудные курсы».

26.2.1917: «Мой Римановский поезд сошел с рельс из-за льда близ *Киева*».

«В ЛАЗАРЕТЕ ВСЕ ОБЩЕЕ»

Из дневника В. Чеботаревой

1916 год

8-го января. Вот и праздники промелькнули. Дети приезжали всё время, Государыня ни разу, лежит с больным, расширенным сердцем. [...]

2-го января было освящение Вырубовского лазарета. Освящал Питирим²⁴³, Григорий присутствовал, приехал открыто в экипаже. Слава Богу, что из Детей никто не был – наши приехали работать²⁴⁴. Сегодня уверяли, что Григорий назначен лампадником Феодоровского собора²⁴⁵. Что за ужас! А ненависть растет и растет не по дням, а по часам, переносится и на наших бедных несчастных Девчоночек, Их считают заодно с Матерью.

Душкина²⁴⁶ уверяла, что Константину Константиновичу, изливавшему свою душу о любви к Ольге Николаевне, Андрей Владимирович²⁴⁷ якобы решился сказать: «Охота тебе пить из чужого, загрязненного стакана!» Несчастные, несчастные, чем же Они виноваты?! А у Ольги опять трагическое лицо, такое затаенное, жуткое страдание, точно ужас неожиданно открытой и понятой грязной драмы. Может, и предстоящий отъезд Шах Багова подбавляет – уезжает верный рыцарь. Славный, в сущности, мальчик. Он допускает только обожание, как святыни. [...]

Приехал Вал. Мих. Г. И там, в рядах [армии], обожание Его и ненависть к Ней. [...]

Татьяна Николаевна трогательно-ласкова, помогала даже в заготовке, сидела в уголку, чистила инструменты, а 4-го приезжала вечером переваривать шелк, сидела самостоятельно в парах карболки, расспрашивала про мое детство, есть ли у меня братья и сестры, где брат, как его зовут. [...] Ольга уверяет, что мечтает остаться старой девой [...]

16-го января. Государыня больна по-прежнему. Татьяна Николаевна говорила, что вчера особенно дурно Себя чувствовала, «поминутно слезы набегают, болит сердце, грустная, несчастная». А молва все плетет и плетет новые узоры из-за частых выездов Григория. Уже пробежал слух*, что правые поднимают вопрос о бывших случаях развода Царей. А Григорий ездит ежедневно, благо, предлог удобный нашелся – посещать лазарет: богатая арена деятельности. [...]

---

* Далее автор дневника сама не замечает, как записываемые ею по собственному ее определению «слухи» превращаются в «факты», достойные доверия. – С. Ф.

Сегодня Татьяна Николаевна ходила со мной вместе, после перевязок у нас, наверх, на перевязку Попова. Милая Детка ужасно только конфузится, когда надо проходить мимо массы сестер: схватит меня за руку: «Ужас, как стыдно и страшно... не знаешь, с кем здороваться, с кем нет». У Ольги как-то грустно вырвалось: «По телефону ведь ничего нельзя говорить, подслушивают, потом донесут, да не так, перевернут, как недавно». Что именно было, не удалось выспросить, но Воейков что-то сказал – детали так и не узнала, очевидно, «специальная цензура» процветает вовсю. [...]

27-го января. [...] «Мечты о счастье» Ольги Николаевны: «Выйти замуж, жить всегда в деревне: и зиму, и лето, принимать только хороших людей, никакой официальности».

За эти дни ходили долгие, упорные слухи о разводе, что-де Александра Феодоровна Сама согласилась и пожелала, но, по одной версии, узнав, что это сопряжено с уходом в монастырь, отказалась; по другой, и Государь не стал настаивать. Факт, однако, – что-то произошло. Государь уехал на фронт от встречи Нового Года, недоволен влиянием на Дочерей, была ссора. Болезнь необычная, но еще более неоспоримый факт – сказала Сама Татьяна Николаевна – два вечера, 17-го и 18-го, Государь читал Им вслух: «У Папá случайно рано кончились доклады. Он весь вечер читал вслух удивительно интересную книгу, английскую, ужасно страшную²⁴⁸. Мы все сидели у Мама́, Она все еще лежит». Думаю, что этим блестяще опровергнуты все разговоры о разводе²⁴⁹. А ведь какой был бы красивый жест – уйти в монастырь. Сразу бы все обвинения в германофильстве отпали, замолкли бы все некрасивые толки о Григории, и, может быть, и Дети, и самый Трон были бы спасены от большой опасности.

Вчера у Краснова Петра Николаевича²⁵⁰ был генерал Дубенский²⁵¹, человек со связями и вращающийся близко ко Двору, ездит всё время с Государем, уверяет, что Александра Феодоровна, Воейков и Григорий ведут усердную кампанию убедить Государя заключить сепаратный мир с Германией и вместе с ней напасть на Англию и Францию. [...]

28-го. Сегодня уезжает опять в армию «Папá». Думала воспользоваться тем, что Татьяна Николаевна, безусловно, занята, и варить шелк. Боюсь, что бедняжка переутомляется. Догадалась: «Ну, скажите пожалуйста, что за спешка такая! Какая вы хитрая! Сначала Я понять не могла, никаких экстренных операций. Почему, если вы можете дышать карболкой, Я не могу?» Настояла. Отложили на будущую неделю. Государыня позвонила. «Появилась божья коровка, сначала Я в ужасе кинулась, почудилось куда менее поэтическое животное. Боюсь Я всех этих бегающих и ползающих. У Мама тараканы бегают – Она Себя заставила поймать одного, пошла к балконной двери выбросить в сад, дверь заперта, он по руке у Нее бегал». [...]

3-го февраля. [...] В воскресенье Татьяна Николаевна была на ранней обедне, затем приехала на перевязки. Ольга Николаевна и Наследник отстояли всю позднюю и тоже приехали. [...]

Днем много беседовала с Варварой Афанасьевной. Государыня как-то сказала: «Много Мы думали с Государем, кого взять к Наследнику и решили – пока никого». Почему? Не хотят вводить свежего человека, лишнего свидетеля? [...]

15-го февраля. Распутин вторую неделю лежит у Герзони (?). В «Вилла Роде» 5-го или 4-го февраля кутила компания офицеров. Одного знаю – Орлов-Давыдов, силач. Надумали пригласить дам: «Нельзя, заняты с Григорием Ефимовичем». Быстро у загулявшей публики назревает план крупного скандала: посылают сначала бокал шампанского. Благодарит. Отвечают: «Когда гвардейские офицеры желают выпить чье-либо здоровье, принято придти и лично чокнуться». Попался на удочку, пришел, сначала поднапивали усердно, а затем навели речь про Царскую Семью, и когда негодяй что-то опять позволил себе откровенничать насчет «утехи», вскочили и принялись бить чем попало. Орлов бутылкой шампанского сломал ему ключицу и ребро, другой, намотав жгут из салфетки вокруг бутылки, колотил Григория по физиономии и там, где спина теряет приличное название. Шум, гвалт, полиция, офицеры требуют протокола, а полиция отказала. И все дело замаяли. [...]

...Пришло письмо от Шах Багова – Ольга Николаевна от восторга поразбросала все вещи, закинула на верхнюю полку подушку. Ей и жарко было, и прыгала: «Может ли быть в 20 лет удар? По-моему, Мне грозит удар». Но Варвара Афанасьевна продекламировала: «Младая кровь играет; лета идут, и стынет кровь». [...]

28-го февраля. Говела эту неделю; тихо на душе. Читала «Жития святых». Так искренно хочется изъять все тени из своей жизни, чтобы никогда не краснеть, чтобы все было ясно. Из слухов: Григорий был бит, но не столь серьезно. Среди недели Мария Дмитриевна Н. встретила его в поезде – совершенно цел [...]

Татьяночка очень трогательно перед отъездом в пятницу, целуя меня, так ласково попросила: «Простите Меня», – и еще раз поцеловала. Ждали: в субботу после причастия не приедут ли Все. Оказывается, ушли гулять с Папá. Интересная подробность Их говенья: днем до обеда в спальне Государыни перед киотом часовни исповедуются младшие, после всенощной там же первой идет на исповедь Татьяна, потом Ольга, Государыня и последним Государь²⁵². Когда были маленькие, протестовали, чтобы ничего перед причастием не есть, но Их заставляли все же выпить молока. [...]

29-го. Рита²⁵³ вернулась из Феодоровского собора в трансах. Григорий был в соборе в поддевке, синей рубашке, стоял у самой решетки. Когда появилось какое-то малознакомое лицо, солдат сводного полка стал вплотную за его спиной, два других по бокам. Зачем этот вызов, это всенародное появление, эта охрана негодяя? [...]

17-го марта. Серия операций. Третьего дня, сегодня, завтра и в субботу. Третьего дня привезли «от Мама́» мне букетик нарциссов, офицерам по розе, Варваре Афанасьевне ветки сирени и еще какие-то цветочки таиуве*, любимый цвет Ее и Государя. [...]

18-го марта. От М. Л. слышала подтверждение наших осенних догадок. В лазарете Маврикиевна²⁵⁴ разоткровенничалась, что осенью [Князь] Конст. Конст. усиленно ухаживал. Ольга ему серьезно нравилась, но через На-

---

* Сиреневые (фр.).

рышкину²⁵⁵ «on nous a donné á comprendre qu'il est trop jeune, qu'elles voient maintenant des homes sérieux (?). Vous comprenez, il fallait cesser»*. [...]

Опять пошли слухи о монастыре, о шпионстве обеих Сестер²⁵⁶. Осиное гнездо все же наш Петроград. [...]

16-20. На первый день [Пасхи] приезжали Все, мило христосовались, Государыня была безконечно ласкова и внимательна, точно сказала Себе: «Le vin est tire, il faut le boire»**. Говорила с офицерами много, подолгу, со всеми нами, даже с низшими служащими, христосовалась. Девочки дали по прелестному яичку-карандашику, Государыня – фарфоровое с Красным Крестом и Ее вензелем. На второй день Девочки привезли кисеты раздать солдатам – о ужас – часть из розового ситца с надписью «Schlaf wohl»*** и «Gute Nacht»**** подметали простыми белыми платками; Им ничего не сказали, не заметили, кажется. Бог весть, умышленно ли подсунули или камерфрау в голову не пришло: почему не использовать оставшийся кусочек – так ласково, приветливо звучит: «Gute Nacht».

Сегодня операция в присутствии Ее Величества Седову, долго остававшемуся под наркозным опьянением. Держал Татьяну Николаевну за руку, отпустил только, когда сказала, что иначе Шеф должен идти на перевязку и устанет. Шеф остался подле, [Седов] держал и Ее за руку, осторожно-прикрывая своим одеялом, когда чувствовал приступ тошноты. Странное это состояние, полубезсознательное; на вопросы отвечает, точно отдельные центры работают, а координация забастовала. То плакал, то пытался снять браслет Татьяны Николаевны. Их Всех, видимо, забавила ласка, откровенная нежность, когда человек неспособен лукавить [...]

1-20 мая. С Седовым все то же, но, видимо, сам по себе лучшая натура, не способная слишком «расхамиться». Сидят у него все свободные минуты, а так как теперь дела мало, то и часы. Ольга Николаевна помогает мне заготавливать матерьял, Татьяна бежит туда, и Государыня подолгу просиживает

---

* «Нам дали понять, что он слишком молод, что им (лучше) водиться с людьми солидными. Вы понимаете – это следует прекратить» (фр.).

** «Вино открыто, надо пить» (фр.).

*** «Спи спокойно» (нем.).

**** «Доброй ночи» (нем.).

у него с работой. На перевязке вчера Государыня села у его изголовья – нежно прильнул к Ее руке, как ласкающее дитя; Она шутила и подбадривала его все время. [...]

4-го мая. Сегодня уезжают в поездку. Уже несколько дней назад Татьяна Николаевна рассказала по секрету о предстоящем отъезде: «К 6-му будем у Папá, а затем и еще проедемся». И вот последнее-то и тревожит. Неделью тому назад в специальном поезде повезли в Евпаторию Аню*; Сергей Николаевич** тоже выехал в ревизию лазаретов в Крыму с этим же поездом. Очень много создалось разговоров. Одно купе было с опущенными шторами. Конечно, все твердят – там был спрятан Григорий***. Это бы с полгоря, но теперь из Ставки вместе с Папой едут в Одессу, Севастополь и из южно-бережных лазаретов заедут только – в Евпаторию. Вспоминается, как зимой Государыня говорила: «Аня такой ребенок, она плачет и ни за что никуда не хочет ехать без Меня... не хочет понять, что у Меня другие обязательства». Но ребенок, значит, настоял на своем.

Эти дни Государыня необыкновенно ласкова, весела, шутлива. Приезжала даже два раза в день. Все три последних вечера провела у нас. Учит Седова по-английски, работает там в кресле. [...]

Ужасно хочется разгадать, где ключ этой бодрости – перспектива поездки, на которую Папá, пожалуй, не сразу согласился, или просто лучше Себя чувствует физически, или бодрит и трогает наивная, непосредственная детская привязанность? Отношение к Седову изумительное. Татьяна Николаевна привезла четыре термометра. Прямо трогательно. [...]

11-го июля. Полтора месяца не бралась за дневник. Пропустила всю поездку Сестриц. Жили в атмосфере Их забот – и внимание, письма, телеграммы, цветы. Очень сблизило, что в день отъезда нашли свободных пять минут. Прямо от службы приехали к нам, было без десяти минут одиннадцать, а в одиннадцать уходил в поезд. Все бросились с непосредственным горячим порывом, и, думаю, и Они были тронуты. В дорожных платьях, всех обошли, приласка-

---

* Вырубову. – С. Ф.

** Вильчковский. – С. Ф.

*** И опять ложь... – С. Ф.

ли и на поезд. Воображаю, как злились все «власти» – им только пожали руку – и сели в вагон. Чаще всего пеняли Варвару Афанасьевну, не забывали и меня. Государыня писала ей много и ласково – «милая перепелочка, перепелка Моя». Много таких шуточных, ласковых словечек.

От Государыни – мне:

Ставка, 7-го мая, 1916.

Милая Валентина Ивановна,

Надеюсь, что Вы не слишком устаете с тех пор, что Вам приходится всё в перевязочной без Татьяны делать. Алексей ужасно доволен быть опять здесь. Жизнь в поезде уютна. Завтракаем и обедаем в Ставке. Вчера была на кинематографе в маленьком театре. Устала. Крепко Вас целую.

Сестра АЛЕКСАНДРА.

От Вел. Княжны Татьяны Николаевны:

В поезде, 7-го мая, 1916.

Милая Валентина Ивановна,

Спасибо Вам большое за Ваше длинное письмо. Сегодня днем выехали из Могилева и едем на юг. Только мы в Кишинев не заедем, как предполагалось, а в Бендеры. Погода все такая же хорошая. Видно, что на горизонте дождь идет. Страшно трясет, трудно писать, так что простите, если почерк неразборчивый. Ужасно рада, что маленький Седов ходит с палочкой. И рада, что у Павлова проявился аппетит. Встретили сегодня эшелон, едущий на войну. Папа всех ободрил, говорили с ними, а Мама оставила для всех них образки.

Много думаю о нашем родном лазарете и представляю Себе, что там делается.

Получила письмо от Риты. Про Себя, конечно, ни полслова.

Поздравьте, пожалуйста, от меня 2-го маленького. Сегодня именинники.

Крепко всех целую, как люблю, и привет.

Ваша перевязочная

Сестра РОМАНОВА II.

От Вел. Княжны Ольги Николаевны:

Одесса, 10-го мая, 1916.

Милая Валентина Ивановна,

Очень благодарю за письмо. Мама и Мы шлем Вам и всем привет. Погода теплая, солнце и немного ветрено. Народу и войск масса. До сих пор в ушах гудит от «ура». Целую Вас.

Сестра РОМАНОВА I.

От Вел. Княжны Ольги Николаевны:

Севастополь, 14-го мая 1916 г.

Милая Валентина Ивановна,

Очень Вас благодарю за письмо. Ждем всегда с нетерпением и радуемся, получая из лазарета письма. Только что вернулись с «Императрицы Марии», где простояли обедню на верхней палубе на корме. [...]

Тороплюсь кончать. Крепко целую Вас и давлю Вашу маленькую.

Всем привет.

Сестра РОМАНОВА I.

Татьяна писала, что в Бендерах (?) три версты толпа бежала за Их поездом, падали, спотыкались, на двух дам наскочил жандарм, перевернулся с лошадыю вместе, но через секунду весь клубок распутался, и дамы, трепанные, грязные, все же бежали.

Вернулись 18-го и с тех пор каждый вечер у нас: Государыня обходит всех, долго сидит у тяжелораненого Богданова, играет с остальными в блошки и последний час просиживает у Седова. В ногах на скамеечке у Ее кресла подсаживается Варвара Афанасьевна и много там интересных душевных бесед ведется. Варвара Афанасьевна привозит каждый день булочку. Старшие Девочки заготавливают матерьял, чистят инструменты. [...]

Ольга Николаевна серьезно привязалась к Шах Багову, и так это чисто, наивно и безнадежно. Странная, своеобразная Девушка. Ни за что не выдаст Своего чувства. Оно сказывалось лишь в особой ласковой нотке голоса, с которой давала указания: «Держите выше подушку. Вы не устали? Вам не надоело?» Когда уехал, бедняжка с часок сидела одна, уткнувшись носом в машинку, и шила упорно, настойчиво. Должно быть, натура Матери передалась.

Говорила Государыня, что «с двенадцати лет влюбилась в Государя... и всё делала, чтобы этот брак не состоялся. На земле нет счастья, или дорого за него заплатить». Да Она и недешево расплатилась за Свое. Неужели и Ольгина такая же судьба? [...]

Татьяна легче мирится, проще приспособляется, веселится, щебечет всё равно с кем. Думает, что никому неизвестны Их ежедневные приезды в лазарет. Звонила по те-

лефону – заказывала 1000 пакетов для предстоящей поездки Княжны на фронт: «Знали ли, откуда Я говорю?» [...]

«Маленький»* предан идеально. На этот раз внимание *p'est pas mal placé***. Наивный, чистый, прелестный мальчуган, рыцарски обожает и в первом же бою полезет под вражьи пули во славу своей Царицы, своего Шефа. Понимают ли правильно эту исключительную ласку остальные... не знаю. Подслушать [sic!] и подметить пока ничего не удалось. Думаю, остальные рады пошутить и позабавить маленьких Княжон. Играют в рубль, в омонимы, в блошки, хохочут, довольны: [...] Часто спрашивают про Порфирия, ласковы и милы поразительно. [...]

10 августа. Хочется записать хоть несколько слов, забавно рассказывала Татьяна Николаевна детали Своей поездки в Ставку. Провела там время с 27-го [июля] по 4-е августа. Милые письма – чудное для меня воспоминание.

От Государыни:

Ставка, 29-го июля 1916 г.

Милая Валентина Ивановна,

Как здоровье Вашей маленькой – Мы так жалели, что не могли с Вами проститься. Очень скучаем без всех Вас, но большая радость быть с Моими опять. Много работы в лазарете и Нас нету – так неудачно вышло, и Вас нет, и Рита не может быть в перевязочной. Всем сердечный привет. Целую Вас.

АЛЕКСАНДРА.

От Государыни:

Ц. Ставка, 30-го июля 1916 г.

Милая Валентина Ивановна,

Часто Вас всех вспоминаю и боюсь, чтобы Вы не очень устали, т. к. опять больше перевязок и Вам придется долго стоять. Вера Игнат. всё теперь сама делает или Вы ей помогаете?

Чудная погода – сердце полно воспоминаниями – уже Нашему Алексею 12 лет – как время быстро летит. По-Моему, Он опять вырос. Эти дни Он у Меня завтракал, т. к. Я все время лежала. Сегодня поеду к молебну, к обедне не хватит силы, потом часок отдыха, пока Е. В. в Митаве, тогда

---

* Н. Я. Седов. – С. Ф.

** Оправдано (фр.).

haine main и завтрак в палате, в саду. Немного этого боюсь, не зная, как сердце себя вести будет. Пора вставать и одеваться.

Крепко Вас целую, милая.

Ваша АЛЕКСАНДРА.

Привет всем. Надеюсь, что барону лучше и что нога у Никиф[орова] II меньше болит. Моим сибирякам особый привет [...]

Вчера пела Лида²⁵⁷. Государыня Сама назначила день — «лучше вторник 9-го, эти вечера Я не приезжаю, так как хочу 8-го приобщаться (разговор был 6-го) всегда в этом Посту. Какая это Краснова? Жена атамана? Это Наш друг, как Мы его зовем с Государем, очень хороший человек. Государь очень любит его читать и Мне читал. Пожалуйста, кланяйтесь ему от Меня».

Вчера Лидушка пела, голос звучал отлично, но в воздухе был холодок. Все офицеры камушками сидели по стенкам. Но Государыне понравилось действительно. Даже меня благодарила, импрессарию. Когда Лида пела «Свадьбу» Даргомыжского, очень внимательно слушала, понравилось. Тогда я созналась, что колебалась, можно ли поставить на программу. «А вот Я угадала, так и знала, что вы обе с Варварой Афанасьевной терзаетесь, можно ли это петь при Детях. Какие глупости, конечно, да».

От Государыни:

Ц. Ставка, 24-го августа 1916 г.

Милая Валентина Ивановна,

Я много о Вас эти дни думаю и как у Вас, наверно, тревожно на душе из-за бедного графа* — очень беспокоюсь за него, и, право сказать, — боюсь. Ужасно, что Нас нет теперь, что вся работа на Вас лежит. Как Вы справляетесь? Суегитесь очень, да? Но не надо — только поспокойнее, тогда всё легче пойдет и скорее. Как дети поживают?

Если бы у Вас была бы такая погода, как здесь! Лежала на лужайке под чудным деревом и вышивала, пока другие играли и гуляли. Конечно, пауки Меня и здесь нашли, и масса ходила по Мне.

Так тихо и хорошо отдохнешь — ведь очень Я устала последнее время.

---

* Граф Борис Леонидович Рейшах-Рит. — С. Ф.

Никиф[оров] себя лучше чувствует, не так больно ему теперь? А почему у барона Штакельберга температура еще такая высокая и у Покровского теперь тоже? Простуда у Соколова прошла? Рита по-прежнему барона дразнит? Она Вам помогает в перевязочной? А наши 100 [нрзб.] операции? Что за опухоль нашли, не злокачественную, дай Бог!

Передайте всем мой сердечный привет и пожелания скорейшего выздоровления. Храни Вас всех Господь.

Обнимаю Вас,

Ваша С. АЛЕКСАНДРА.

Надоела Вам со всеми вопросами, но привыкла всё знать, что у раненых.

От Государыни:

Ц. Ставка, 31-го августа 1916 г.

Милая Валентина Ивановна,

Люблю Ваши письма, Вы так подробно о всех пишете. Хорошо, что Ольга П.* вернулась и скоро Волчина, легче будет всем. И теперь у Вас еще новая, но немного трудно всех определить. Вы боитесь обиды, нечего делать. Об обиде не надо думать — это самое главное. Люди так часто и напрасно обижаются, не надо обращать внимания, надо только уметь мило все сказать, и Волчина поймет. Графиня справляется — не очень ли ей тяжело? Мы долго этот раз отсутствуем, но, слава Богу, у Вас все теперь довольно хорошо, т. е. всем лучше.

Обнимаю Вас

АЛЕКСАНДРА.

2-го сентября. Какие грустные слухи! Всюду бродят самые неблагоприятные разговоры о роли Государыни в народе, в армии. Все неудачи, назначения, все на Нее, бедняжку, взваливается. [...] И все обвинения сосредотачиваются на Ней, несчастной. А Она пишет: «Остаюсь в Ставке подольше... Маленькому нужна мать, да и Государь один уж год целый несет тяжелую тяготу. Тяжело Ему одному. Я Его согрею и поддержу. Долг велит тут остаться». А на Нее, бедную, клеветают. Елизавета Феодоровна будирует, кричит, что после таких беспорядков она изверилась, разочаровалась в русских, в Москве — а винят опять нашу Дорогую. [...]

---

* О. П. Грекова. — С. Ф.

29-го вечером оперировали графа. Ужасная операция, три часа, до двенадцати часов ночи. Кошмар. Нашли рак.

13-го ноября. [...] М-ме С. видела Порфиреньку, рассказывала про ужасы жизни наших пленных. В Strenmohr перевели 1000 офицеров на солдатский режим «за лишения и страдания немцев на Мурмане». На беду [Государыня] завела об этом речь в перевязочной: «Вот то, что Я все время говорила, а наши дураки не хотят понять – если у нас пленным скверно, то там накажут наших. Мы должны все сделать, что Я твержу, чтобы все было идеально, чтобы не могли упрекнуть, нашим там будет лучше». Вере Игнатьевне стало ужасно больно, и у меня сердце сжалось – а не лучше ли нам прижать, чтобы там не сме-ли. Нерусская душа [sic!] сказала в горячности тона и резкости выражений²⁵⁸. [...]

Девочки все так же трогательно собирают все цветы из ваз у Себя во Дворце и везут к нам. «В лазарете все общее», – когда кто-то из нас отказался съесть Их яблоко. Татьяна Николаевна помогала красить маленький шкаф, пачкалась, но усердия масса.

Какое тяжелое чувство – ужасно жаль Государыню и так страшно за Нее – какие невероятные слухи, какая ненависть, какое недоверие, а никто не подскажет, что надо отойти, пусть сами разбираются – ошибутся – сами виноваты; а Ее ошибку злему умыслу припишут. А Она с такой грустью говорит: «Устала, принимала целый день. Надо Ему помочь, так трудно Одному».

28-го ноября. Все тот же безпросветный мрак. Пуришкевич говорил блестящую речь, громит Государственный Совет, призыв к объединению, когда отечество в опасности. Гурко просит борьбы с темными силами, «играющими на лучших святых побуждениях и чувствах, на религиозной впечатлительности». Вернулись из Ставки полны тревоги. 26-го это ненужное [sic!] появление с Государыней и Наследником на Георгиевском празднике. Настроение армии – враждебное, военной молодежи также: «Как смеет еще показываться – Она изменница». Это твердит и гвардейский полковник К.: «Иначе как за двадцать лет жизни в России не понять, что стране нужно. Вмешиваться в дела, назначать людей, только губящих все дело». Елизавета Маврикиевна приехала к Сергею Николаевичу: «Кто бы

мог поговорить, повлиять? Куда Она идет? Она погибнет Сама, но погубит и всю Семью, нельзя, надо удалить Гришку*. Кто может сказать? Все старики сошли со сцены. *Peut être Paul, mais il a sa femme qui est de la même compagnie, c'est terrible... tous nous serons pendus*** . А рядом новые бравады. Сегодня беседа с Боткиным посреди коридора по-немецки. Ведь это же оскорбляет наше национальное чувство. Перед поездкой в Ставку была закладка церкви Серафимовского убежища для инвалидов²⁵⁹, уехали тайком. Нарышкина*** даже не знала, торопилась; в десять минут первого возглас: «...il y a déjà dix minutes que j'ai du être là»****. Как все боялись попасть в группу присутствующих и увековечить себя в обществе Гришки! Боткин первым улизнул, к нему в карету полез и Сергей Николаевич, оба движимые одинаковым страхом²⁶⁰.

Вчера заглянула к нам – безумно грустна – бодрится, старается говорить, но лицо – сплошное страдание. Также с трудом крепится Ольга. Татьяна или легкомысленнее, или лучше Собой владеет. Так тяжело Их видеть после всего слышанного. Неужели правда, Им грозит непосредственная опасность? Уверяют, что молодежь, социал-революционеры, решили изъять всех – и Ее!

1-го декабря. Сегодня будто бодрее, входит во все мелочи. [...]

8-го декабря. [...] «Получаю прямо оскорбительные письма от высшего общества, но Государь за Меня заступится», – сказала Государыня. После узнала подробности. Одно было анонимное, другое от княгини Васильчиковой²⁶¹, почтительное, умоляющее отстраниться, удалить темные силы: «Многого Вы не знаете, не доходит, но я вращаюсь среди разнообразных кружков, вижу, как велика опасность, умоляю побережь Себя и Семью»²⁶². Но по-

---

* Этот психоз русского высшего общества и Великокняжеской среды и привел к вероломному убийству Г. Е. Распутина, а в конечном итоге – к перевороту и к гибели или изгнанию из пределов России всех этих излишне нервных и чрезвычайно впечатлительных болтунов. – С. Ф.

** «Быть может, Павел [Вел. Кн. Павел Александрович], но его жена из той же кампании, это ужасно... Нас всех повесят» (фр.).

*** Вероятно, кн. Е. А. Нарышкина. – С. Ф.

**** «Уже десять минут, как я должна была быть там» (фр.).

пало в дурную минуту, на уже наболевшее настроение из-за первого письма; вспышка негодования, обиды, требование снять шпоры, мужа²⁶³ удалить из Государственного Совета. Фредерикс уговорил не делать такого скандала, но получился не меньший, когда Фредерикс написал письмо с предложением «выехать в деревню впредь до извещения». У них перебивали все послы, члены Думы и Государственного Совета. Отъезд – сплошной триумф. [...]

30-го декабря. Какое волнение пережили с 17-го! Заехала около семи часов в лазарет, дежурная сестра кинулась: «По телефону передали: Григорий убит». Пришли «Биржевые ведомости» – подтверждение. Дети звонили: «Вечером быть не можем, служба у Нас, должны с Мама́ остаться». В одиннадцать вечера позвонила Елизавета Николаевна, мужу сказал комендант – убил Юсупов, тело не найдено. Интересно – знали уже в два часа о происшествии?

Вечером, говорят, часов около пяти, узнали о пропаже, слезы, отчаяние. В воскресенье Она и Татьяна Николаевна причащались. В воскресенье Дети совсем не были, приехали в понедельник, заплаканные, подозрительно следящие за всеми. Татьяна вышла среди перевязок, заговорила с Варварой Афанасьевной, расплакалась, пришла обратно в операционную, еле сдерживалась. 20-го вернулся Государь, поехали навстречу, долго оставались в вагоне; вышел растерянный, забыл поздороваться с встречавшими, вошел в покои, тогда вспомнил, вернулся, молча пожал руки. Результат – утверждение Протопопова, полное торжество реакции, сейчас говорят о возможности объявления регентшей 1-го января, чтобы все министры являлись с докладом*. Пожалуй, подтверждение сегодня на замечание Ольги Николаевны: «Мама неважно Себя чувствует, да и устает, весь день за бумагами, много дела, утром вся кровать засыпана».

Что же это будет? В первую минуту даже жалели, но когда под сурдинку стало известно, что его привезли сюда на квартиру В.**, что ночью 21-го похоронили под будущей церковью Серафимовского убежища – на закладке ее были все – Григорий, Боткин, и другие – безумно боялись

---

* Слухи, распространяемые заговорщиками. – С. Ф.

** Очередная инсинуация недоброжелателей. – С. Ф.

попасть в лестной компании на вид, — новая вспышка безумной яркой ненависти, все классы с пеной у рта о Ней говорят. Победила пока Она — Трепов, Ипатьев²⁶⁴ уволены. Недаром говорила: «Довольно Я страдала, больше не могу. Надо в бараний рог согнуть». Вот, значит, кровь, и с великой целью пролитая, не дает счастья — наоборот — новое озлобление, вспышка реакции. Дмитрий Павлович выслан в Персию. Даже отцу не дали проститься. Юсупов в Курск. Говорят, поклялись, что их руки не замараны кровью, они — организаторы, палач наемный, они только увозили. Павел Александрович был у Государя, протестовал, что сын арестован по повелению Ее Величества.

Н. Гумилев

**ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЕ
КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ**

*Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.*

*Какая радость нам поздравить
Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставить
Внизу приветственных стихов.*

*Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.*

*И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь Царскосельского дворца.*

Прапорщик Н. Гумилев.

**5 июня 1916 года
Царскосельский лазарет.
Большой Дворец.**

Государыня с фотоаппаратом «Кодак» у Дворцового лазарета №3 в Царском Селе

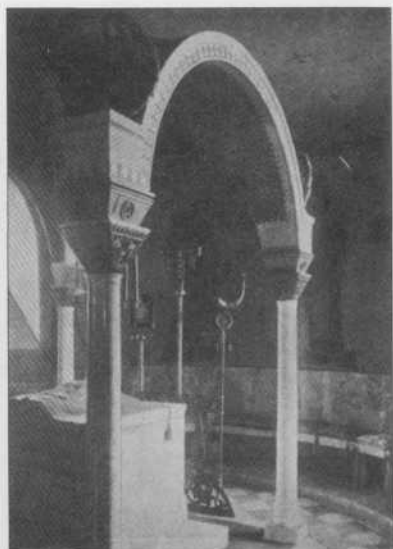
За рукоделием

Деревянная церковь в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» на братском кладбище (участок земли близ городского Казанского кладбища). Царское Село. Были разрушены в советское время

У ограды Казанского кладбища

Пещерная церковь во имя святых равноапостольных Царей Константина и Елены. Находилась в здании городского госпиталя. Закрыта в 1934 г.

Пещерная церковь во имя святых равноапостольных Царей Константина и Елены. Внутренний интерьер

Императрица Александра Феодоровна и Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны в одежде сестер милосердия среди персонала и раненых Царскосельского лазарета. 1915–1916 гг.

С выздоравливающими ранеными

В спальне Александровского Дворца

У постели раненого

Государыня, Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны, А. А. Вырубова (в облачениях сестер милосердия), старший хирург Лазарета кн. В. И. Гедройц (Слева) с ранеными офицерами. Справа от кн. В. И. Гедройц — Карангозов.

С ранеными офицерами. Об истории этой фотографии см. в воспоминаниях И. В. Степанова «Милосердия двери». Лазарет Ее Величества»

На «Штандарте»

С Анной Александровной Вырубовой

Государь Николай Александрович и Императрица Александра Феодоровна в личном кабинете Императора. 1916 г.

Царскосельская икона Божией Матери «Знамение»

Русская Царица

**ИЗ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО ДОКЛАДА
ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ
КОМЕНДАНТА ПОЕЗДА № 143
ПРАПОРЩИКА А. К. ВОРОНИНА
от 9 июня 1916 г.**

Начальник 54-го головного эвакуационного пункта в Шепетовке распорядился о немедленной отправке в Ровно, но все пути под Ровно и далее были заняты составами поездов, несколько санитарных поездов стояло на ст. Славута и на ст. Здолбуново. Раненые с позиций доставлялись в теплушках, которые подвозили туда воинские эшелоны и снаряжение, а на обратном пути использовались для эвакуации раненых до ближайших пунктов. В Шепетовке раненых находилось значительное количество. Ввиду того, что время дальнейшего движения не могло быть определено, поезд предложил начальнику пункта принять раненых в Шепетовке. Предложение было принято с большой благодарностью.

....В час дня 3-го июня приступили к погрузке раненых. Прием был прерван на некоторое время сильным дождем. Около 7 часов вечера погрузка закончилась, причем принято было 437 человек, преимущественно тяжело раненых. При приеме раненых из теплушек, где они в силу необходимости находились в тяжелых условиях, все работающие в поезде были свидетелями, насколько велики значение и польза, приносимые поездом ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Раненые первоначально не предполагали, что поезд будет принимать их, а затем, оказавшись в поезде, где они были переодеты и накормлены, самым трогательным образом выражали свою благодарность, благословляя Имя ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА²⁶⁵.

**ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА 54-го ГОЛОВНОГО
ЭВАКУАЦИОННОГО ПУНКТА В ШЕПЕТОВКЕ
ПОЛКОВНИКА БАРОНА ГИЛЛЕССЕМА
от 24 июня 1916 г.**

3-го июня сего года прибыл на ст. Шепетовку военно-санитарный поезд ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ № 143, предназначенный на ст. Ровно для принятия раненых воинов. Видя на ст. Шепетовка наплыв раненых, прибывших на необорудованных теплушках, уполномоченный поезда полковник Ломан предупредительно предложил произвести погрузку вверенного ему поезда наиболее тяжело ранеными, требующими особых удобств в пути и ухода. Вся погрузка была закончена в течение трех часов. Наблюдая погрузку, я с полным удовлетворением видел чрезвычайную сердечность и заботливость к раненым со стороны всего персонала поезда и превосходную дружную работу санитаров под умелым и энергичным руководством персонала.

Считаю приятным долгом выразить от лица службы свою искреннюю благодарность уполномоченному поезда полковнику ЛОМАНУ, сумевшему поставить на такую высоту порученное ему дело, всем врачам, хозяйственным чинам и сестрам милосердия за их самоотверженную работу и сердечную отзывчивость к раненым при погрузке их. Нижним чинам «спасибо»²⁶⁶.

С. Есенин

**«ПРИВЕТСТВУЕТ МОЙ СТИХ
МЛАДЫХ ЦАРЕВЕН...»**

*В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых Царевен
И кротость юную в Их ласковых сердцах.*

*Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают Царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.*

*На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что Им сжисмает грудь.*

*Все ближе тянет Их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печаль на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За Их судьбу.*

ГРАМОТА СВ. СИНОДА

«Представь, Синод хочет поднести Мне грамоту и икону (вероятно, за Мой уход за ранеными), – Ты Себе представляешь Меня, бедную, принимающей их всех? Со времен Екатерины ни одна Императрица не принимала их одна, – *Гр[изорий]* в восторге от этого (Я не разделяю Его радости), но странно, разве это не Меня они постоянно так боялись и осуждали?»

Государыня – Императору, 21.9.1916

«Только что получил Твою телеграмму. Могу Себе представить, как Ты принимала Синод».

Император – Государыне, 25.9.1916

«Синод поднес Мне дивную старинную икону, а *Питирим* прочел прекрасную грамоту – Я проямлила что-то в ответ».

Государыня – Императору, 26.9.1916

25 сего сентября, в 4 ч. 15 м. вечера, члены Святейшего Синода, во главе с Высокопреосвященным митрополитом Петроградским *Питиримом*, и Синодальный обер-прокурор д. с. с. *Н. П. Раев*²⁶⁷ имели счастье быть принятыми Ее Императорским Величеством Государынею Императрицею *Александрой Феодоровною* и поднести Ее Императорскому Величеству благословенную грамоту вместе с *Владимирскою иконою Божией Матери*.

Ваше Императорское Величество,
Благочестивейшая Государыня!

Настоящая Великая война, небывалая по своим размерам и кровопролитию, вызывает в народе небывалые подвиги самоотвержения и христианской любви. Наше

доблестное воинство, в высоком подвиге Верховного Вождя почерпая силу и воодушевление, грудью защищает родную землю, самоотверженно полагая жизнь свою за Веру, Престол и Отечество. А за этим воинством идет сильная не смертоносным оружием, а христианскою любовью армия слабых телом, но крепкая духом жен, которые под знаменем креста скромно совершают свое столь же великое и святое дело любви, дело служения пострадавшим от войны.

От них же ждут сострадательного участия и попечения тысячи беженцев, лишившихся крова, дети, потерявшие своих родителей, вдовы и сироты тех, кто положил жизнь свою за други своя. Всюду, где только есть страдание и нужда, идет эта крестоносная армия, на всех обездоленных войною простирает свои заботы и милосердие. И душою всего этого священного порыва и подвига русской женщины-христианки являетесь Вы, Ваше Императорское Величество.

В своем великом христианском подвиге, в своей всеобъемлющей христианской любви к страждущим, Вы, Ваше Императорское Величество, привлекли на дело служения им и Своего Августейшего Сына Наследника Цесаревича – Вашу радость и надежду России. Разделяя с Своим Венценосным Родителем все тяготы походной жизни, Он несет с Собою свет и тепло в души защитников родины и, посещая лазареты, облегчает страдания раненых и больных воинов.

Вы, как чадолюбивая Мать, приняли в Свою любовь с самого начала страждущих сынов нашей Родины. В скромной одежде Сестры милосердия Вы стоите вместе с Августейшими Дочерьми у самого одра раненого и больного воина, Своими руками обвязывая его раны, Своею материнскою заботою и ласкою утешая страждущего, взывая во всех чувство умиления. Священны будут воспоминания тех, кого согрела Ваша любовь! Горячи будут их благодарные молитвы о Вас ко Господу!

Воздавая хвалу Богу, дивно укрепляющему Вас в великом подвиге любви к ближним, Святейший Синод призывает Божие благословение и на дальнейшие подвиги Вашего Императорского Величества и, благословляя

Вас сею иконою Пречистой Божией Матери, молит Владычицу, да будет Она всегда благодатным заступлением и покровом Вам, Благочестивейшая Государыня, и всей Августейшей Семьи Вашей.

Вашего Императорского Величества всепреданные богомольцы.

Подлинную подписали:

ПИТИРИМ,
митрополит Петроградский и Ладожский.
СЕРГИЙ,
архиепископ Финляндский и Выборгский.
ИАКОВ,
архиепископ Казанский и Свияжский.
ВЕНИАМИН,
архиепископ Симбирский и Сызранский.
ДИМИТРИЙ,
епископ Рязанский и Зарайский.
ВАСИЛИЙ,
епископ Черниговский и Нежинский.
Епископ ИННОКЕНТИЙ,
председатель миссионерского совета.
Протопресвитер Александр ДЕРНОВ,
заведующий придворным духовенством.
Протопресвитер военного и морского духовенства
Георгий ШАВЕЛЬСКИЙ.

СКРИПКА ГУЛЕСКО

...Государыня встречалась со многими людьми. Каждый четверг устраивались музыкальные вечера, во время которых я могла видеть наших друзей – офицеров-артиллеристов, флигель-адъютанта Его Величества Линевица²⁶⁸, графа Ребиндера²⁶⁹ и его жену²⁷⁰ (имевшую несколько карикатурное сходство с Императрицей), офицеров со «Штандарта», князя Долгорукова²⁷¹ (впоследствии убитого большевиками в Екатеринбурге), госпожу Воейкову, супругу Дворцового коменданта, полковника Гротена²⁷² и многих других.

Во время этих вечеров играл румынский оркестр под управлением знаменитого Гулеско²⁷³, и Государыня получала настоящее наслаждение, слушая поистине изысканную музыку. В салоне всегда топились огромный камин. Государыня садилась рядом с ним, а сразу за Ней, специально для меня, ставили небольшой табурет. Если я приходила после того, как Государыня усаживалась, Она с милой улыбкой жестом указывала мне на свободное место.

Однажды вечером, приблизительно за две недели до революции, заняв свое обычное место и слушая румынский оркестр, я заметила, что Императрица особенно грустна. Собравшись с духом, я наклонилась вперед и озабоченно прошептала:

– Ваше Величество, почему Вы сегодня так грустны?

Государыня повернулась и посмотрела на меня.

– Почему Я грустна, Лили? Я и Сама не знаю, но музыка Меня угнетает. Надрывает душу. [...]

Здоровье Государыни совсем расстроилось. Заботы усугубили Ее сердечную болезнь, однако Она продолжала выполнять Свои обязанности, не обращая внимания на недуги.

Юлия ДЕН

ВЫСОЧАЙШАЯ АУДИЕНЦИЯ

[...] 17 апреля 1916 года, воскресенье. Вызван в Царское Село к 5 часам на аудиенцию к Государыне Императрице.

Опишу все подробно, начиная с вокзала Царскосельского в Петербурге. Приехал, конечно, в парадной форме к поезду в 4 ч[аса] дня (указано в вызове). Встретил жандармский офицер:

— Редкий случай, очень редкий. В воскресенье, перед самым обедом...

Проводил до вагона с короной, из Царских поездов.

— Вы, Ваше Превосходительство, сегодня одни, чтобы не было скушно, разрешите проехать с вами?

— Очень рад. С 1913 года не имел счастья быть у Государыни.

— Если не секрет, по какому делу вызваны?

— Еду просить от лица населения Тобольской губернии осчастливить губернию и меня, как губернатора, присутствием на канонизации нового Святителя, митрополита Иоанна (Максимовича), Тобольского и всея Сибири чудотворца и принять гостеприимство у меня в доме. Попутно напомнить о намеченной с 1913 года канонизации святого чудотворца, мученика боярина Михаила Никитича Романова, замученного в лихолетье в деревушке Ныробке Пермской губернии, родного дяди Царя Михаила Феодоровича Романова.

— Как странно! Нигде не читал ни о первом, ни о втором. [...] Ваше Превосходительство, но ведь это первый мученик из Царственного Дома Романовых?

— Простите: [Император] Александр I Благословенный принял на Себя добровольное мученичество, тюрьмы и плети перенесший в глухой Сибири старцем [Феодором] Кузмичем, скончавшийся на моей жизни. Мученически скончался Государь Император Александр II, отравленный Александр III. И вечно страдающий душой [Император] Николай Алек-

сандрович, за все реформы, массу добра сделанного почти открыто называемый «кровавым». Кого Он убил? Да у нас Самодержцы только «милуют», когда закон и суд говорят «убить». А еще хуже, ужаснее, что говорят это те, кто сами виновны в ошибках и преступлениях, прикрываясь Высочайшим именем Самодержца, Помазанника Божия.

У вагона встретил слуга в ливрее Царской, провел до такой же кареты с короной и доставил во Дворец. В вестибюле доложили:

Ее Величество просит обождать в гостиной. С Их Высочествами, Детьми, Ее Величество в Ее госпитале слушают слепца, «былинщика», опоздает, на – 10-15 минут.

[...] Меня волновала мысль: как бы повидать Наследника, Цесаревича Алексея? По движению в конце коридора понял, что приехали. Быстрые детские шаги в сторону гостиной. Слышу:

– Ваше Высочество, в гостиную нельзя, там Тобольский губернатор Ордовский-Танаевский.

– Почему нельзя, Я его знаю, читал его книги «Иоани Максимович» и «Ныроб»?!

Входит лакей, отворяет одну из дверей.

– Ваше Превосходительство, Государыня просит.

Вхожу, гостиная-кабинет, у круглого стола среди комнаты Ее Величество. Делает несколько шагов, протягивает руку. Целую руку. Мы у стола.

– Садитесь. Мы задержались, ибо Наследник просил еще послушать.

Прием затянулся на 1 ч[ас] 40 мин[ут]. Государыня держала Себя как со старым знакомым, гораздо проще, чем первые два раза, при Государе. Приглашение на канонизацию отклонила за Себя, за Государя и за Детей.

– Очень далеко, разлучаться не хотим, а Государь, если и отрывается от фронта, то редко.

Больше всего остановились:

На Ее госпитале.

– Обязательно побывайте; если Я буду там, *откровенно* скажите Ваше мнение. Я много слышала о Вашем госпитале в Перми от близких Мне лиц. Общая похвала Вам и Вашей хозяйке.

Я и Государь озабочены участью инвалидов; где бы Вы ни были, постарайтесь устраивать Дома для них, где бы

они, работая по силам, чувствовали себя у дела, а не бесполезными людьми. Вот Вам адрес такого Дома для слепых нынешней войны, устроен Мною, управляет отличная женщина, Я бываю часто.

Взгляд Ее упал на мою книжицу «Ныроб. 1613-1913 гг.»

– Да, кстати! Кончится эта небывалая война: мы и союзники будем готовы к 1917 году вполне. Общим усилием враг будет сокрушен окончательно и тогда осенью 1917 г. Мы всей Семьей поедem: в Пермь – повесить доску на стенку дома, где был Император Александр I²⁷⁴, и в спальне освятим вашу, ныне временную, церковь. Вызовем вас. Вместе проедem на канонизацию предка, Михаила Никитича Романова²⁷⁵. Затем в Верхотурье, поклониться св. мощам Симеона чудотворца, и потом в Тобольск, к Святителю, на канонизацию которого вы приглашаете. Остановимся у вас в доме, но не вздумайте выселяться, поместимся все, в тесноте, да не в обиде. Губернаторы любят летать с места на место – ждите Нас и тогда.

Государь подумает, куда вас взять. Мы окружены лжецами, изменниками, думающими лишь о себе и о собственных выгодах. Вы – счастливое исключение, Нам известно, что в 1912 и 1915 годах вы пренебрегли громадными окладами и спокойной службой, не боясь клички «распутинец»! Да, кстати, Мне говорили, что вы не желаете, чтобы Григорий Ефимович Новых был на канонизации в числе близких Моих дам, которые собираются ехать. Почему? – Очень взволнованный голос. – Вы третий раз у Меня. Впечатление прямого, откровенного человека, такие же отзывы от других. Скажите же прямо, откровенно, неужели Григорий Ефимович то, что про него толкуют Наши враги? Неужели же Мы, Самодержцы, и Я, как страдающая о болящем Сыне Мать, не смею допускать, да еще и не часто, к Себе того, кто приносит Сыну помощь?

– Ваше Императорское Величество, Вы и Государь, конечно, вправе допускать к себе всякого верноподданного. Я знаю Григория Ефимовича с 1900 года, когда впервые ночевал у него с моим 15-летним сыном и курьером, направляясь в Тобольск. Знаю всё, что говорят, и много больше. Верно, он – почти безграмотный мужик, типичный сибиряк, но глубоко верующий в Бога человек и наипреданнейший верноподданный Вашим Величествам. Но я

все же дерзаю просить, теперь не настаивать на его приезде в Тобольск на канонизацию!

Кратко – почему? За ним, хотя и много грехов, но и много страданий. Чем грешнее человек, тем больше ему надо молиться у св. мощей чудотворцев, и пусть это он делает почаще. За ним охотятся вовсю. Давно ли был ранен тяжело, смертельно, Бог спас его. Значит, он нужен. Я жду большого скопления совершенно чужих людей со всей Сибири. Охранять от легкоподкупаемых людей мудрено. Усиленная охрана – лишний козырь в руках нападающих и клеветующих на Особы Ваши, для меня Священные. Может у св. мощей пролиться кровь. Я сам ему это и сказал. Его семью я пригласил лично моими гостями, и они будут!

Молчание. Мы почти у дверей.

– Еще вопрос: вы просили аудиенцию у Государя. Будете приняты 23 апреля в 6 ч[асов] дня, как сегодня, никого не будет. Вы согласны высказать всё, всё, хорошее и дурное, что знаете о Григории Ефимовиче Новых, вполне ясно и откровенно?

– Будет тяжело, но – долг исполню.

Пока кратко: русская душа способна на высочайшие взлеты горé и на падения в бездну. Григорий Ефимович не так виновен, как его описывают. Во сто крат виновнее политические партии и наша беспочвенная, так называемая, интеллигенция, которая бросает его из стороны в сторону и обделяет его именем свои грязные дела.

– Спасибо вам за прямоту, такое отношение к нему Я встречаю впервые. До 6 ч[асов] дня 23 апреля.

– Если Бог благословит сподобиться великого счастья.

– Григорий Ефимович в Тобольске на канонизации не будет, ему об этом скажут от Моего имени.

Николай ОРДОВСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ

В ПОЕЗДЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

(Из личных воспоминаний)

I.

Когда началась Великая европейская война – в июле 1914 года, я был назначен по мобилизации младшим врачом тылового военно-санитарного поезда № 51. Мы стали формироваться в Харькове, нам было указано, что мы будем совершать рейсы между Харьковом и Киевом.

Другой на моем месте благодарил бы судьбу, но я был разочарован – меня тянуло на фронт. Многие, кто не желал окапываться в тылу, были настроены тоже, как и я. И они меня поймут.

Простенький поезд, несложное медицинское хозяйство.

Старший поездной врач киевлянин Архипов, окончивший военно-медицинскую академию в Петербурге, огоршил с первого же дня персонал:

– Если старший врач прикажет младшему врачу прыгнуть с поезда на ходу, тот обязан немедленно исполнить приказание! – выкрикнул он. – Субординация и дисциплина – краеугольный камень!..

А сестер терроризировал:

– Сестры должны содержать перевязочную в идеальной чистоте, чтоб была, как стеклышко. На крайний случай даже полы мыть. Чтоб на стенах, окнах и склянках – ни пылинки. У меня главное – чистота!.. Трите!.. Всякую свободную минуту трите и трите!..

Предстояла скромная работа, серенькая жизнь. А чувствовать над собой длань нудного человека – уже с первых дней казалось кошмаром, от которого некуда бежать.

И вот в одно воскресное утро пришла экстренная телеграмма из Петербурга:

«Поезд получает иное назначение: превращается в Собственный южный военно-санитарный поезд Императрицы Александры Феодоровны. Начальником поезда назначается генерал-майор Н. К. Риман – шталмейстер Двора;

священником поездной церкви член Государственной думы о. Владимир Попов²⁷⁶; в числе сестер будет состоять дочь министра Столыпина».

Имя генерала Римана было всем хорошо известно: бывший командир Семеновского полка, подавлявший в 1906 году, совместно с ген. Мином²⁷⁷, московское восстание. Назначение Римана вызвало в Харькове большую сенсацию.

Ситуация мгновенно изменилась.

К нам прибыл харьковский предводитель дворянства граф Н. А. Ребиндер²⁷⁸ и заявил, что поезд получит оборудование инвентарем от склада Императрицы Александры Феодоровны. Вагоны стали перекрашиваться в ослепительный белый лаковый цвет, и на них были нарисованы золотые короны и вензеля «А. Ф.», персональный вагон украсился мраморной доской, на которой значилось наименование поезда, в специальном вагоне устраивалась церковь. Была получена депеша, что весь персонал зачисляется на полное довольствие по Дворцовому ведомству, из сумм канцелярии Императрицы, а раненые и больные подлежат особой регистрации и от той же канцелярии будут получать пособия: офицеры и солдаты.

В 20 числах августа, накануне отбытия поезда в первый рейс, прибыл Рима́н. Высокий, моложавый, грудь колесом, бритое лицо — только маленькие усики, коротко подстриженные, солдатская выправка. С нами всеми обошелся чрезвычайно любезно, быстро запомнил лица и имена. Мы скоро поняли, что в этом человеке две характерные черты: железная сила воли, не останавливающаяся ни перед чем, и ласковость и любезность в общении. Например, за всю нашу службу в поезде он ни разу никому из персонала не подал, сидя, руки, а обязательно привставал. В день своего прибытия он собрал персонал и официально заявил:

— На нас выпали великое счастье и честь служить в Собственном поезде Государыни Императрицы Александры Феодоровны. А потому надеюсь, что вы будете преданы долгу и честно работать. Я имею право личной переписки с Царствующим Домом. О всех событиях в жизни нашего поезда буду доносить Императрице.

Это Ее воля, чтобы я был здесь – я просился на фронт... Я полновластный начальник, и потому со всеми недоразумениями обращайтесь лично ко мне. Старший врач не имеет никаких административных прав – он вполне подчинен мне... Политики не потерплю, интриг не потерплю. Мы, даст Бог, будем с вами ездить до конца войны, а потому должны составлять одну общую семью. Плевелы моментально буду вырывать!..

Солдатам-санитарам сказал:

– Я добрый начальник и справедлив. Но всякую паршивую овцу отправлю на фронт... Кричите Императрице Александре Феодоровне – ура!..

А вечером за чаем разговорился, повествуя – о своей роли при подавлении московского восстания:

– Императрица надела мне образок на шею, поцеловала меня в лоб, благословила и сказала: «Спасите Нас, исполняйте ваш долг». И я только свято был предан Императрице.

Он не стеснялся в выражениях:

– Я расстреливал всякую сволочь направо и налево. Меня будут помнить десятки лет. Сыновьям и внукам покажут. Я, как моровая язва, прошел везде под Москвой и сеял жуть. Моим именем матери стали пугать детей!

Не скрывал, что был беспощадно жесток. Особенно мне запомнился один эпизод. На какой-то станции к нему привели телеграфиста – молоденького 18-летнего мальчика.

– Бунтовал, революции устраивал – и я приказал расстрелять!..

Но откуда-то вдруг появилась старуха – мать телеграфиста, упала на колени, стала целовать у Римана сапоги.

– Вы просите за негодя, – крикнул я ей. – Никакой пощады!.. И пусть все знают, что меня бесполезно умолять. Шкодят, а потом челом бьют... – Я выхватил револьвер и выстрелил в упор. Мальчишка упал как подкошенный рядом с матерью. Моя рука не знает промаха... – Уберите прочь эту падаль! – приказал я и ушел к себе в купе. Все были в оцепенении, но так надо!.. Только ужасом я подавил революцию под Москвой.

Этот вечер Риман заключил так:

– Я не хочу, чтобы между нами оставались какие-либо «но». Вы раньше слышали обо мне и знали, быть может,

извращенно в том или ином освещении. Но я не желаю, чтобы у вас оставались также преуменьшенные впечатления о моих действиях. Знайте, что было на самом деле, и принимайте меня таким, каков я есть, ибо, повторяю, — отныне мы одна семья.

И вдруг стал шутить:

— Эй вы, маленькая сестричка-лисичка! Как ваше имя — Марья Сергеевна, кажется. Ну вот, Марья Сергеевна думает: у-у-у, какой зверь!.. Не правда ли, так?.. Повторяю, я делал только то, что по моей совести должен был.

Уходя в свой вагон, пожал всем нам руки, пожелал каждому спокойной ночи и сказал:

— Иду почитать Евангелие. Люблю эту Великую Книгу... А потом помолюсь, чтоб Бог дал мне сил на новом поприще. Я вообще каждый день долго молюсь. У нас в поезде церковь — хочу, чтобы в свободные рейсы, когда мы идем порожняком, весь персонал присутствовал на каждой всенощной и каждой обедне... Уклоняющимися буду недоволен!..²⁷⁹

Мы уже успели узнать Римана приблизительно. И потому хорошо понимали, что мягко сказанное «недоволен» имеет очень веское значение.

II.

После торжественного молебна, отслуженного на станции Харьков-Товарная — на железнодорожных путях — под открытым небом, наш «Императорский санитарный поезд», как его стали всюду называть, отправился в первый рейс на Австрийский фронт в Волочинск. Хотя по статуту поезд, как тыловой, должен был совершать рейсы между Харьковом и Киевом.

Нам генерал Рима́н объявил:

— Я сказал Императрице о моем желании брать раненых с передовых позиций, Императрица одобрила это мое намерение. И всякий раз я буду стараться продвигаться ближе к огню.

И началась наша служба. Мы ездили, где хотели. Каждый обычный санитарный поезд подчинялся распорядку, диктуемому тем эвакуационным пунктом, к каковому был приписан. Нашим начальством являлся киевский эвакуационный пункт. Но генерал Рима́н везде и всюду твердил:

— У меня единственное начальство, которое я признаю, — Императрица Александра Феодоровна.

И поступал, как хотел. Сегодня мы отправлялись в Кельцы, на Германский фронт; в следующий раз в Тарнополь, на Австрийский; потом в Новоселицу, на Румынский фронт. И никто не смел перечить Риману. Начальнику эвакопункта, в служебном отношении являющемуся начальством Римана, тот веско указывал:

— Отправить поезд Императрицы туда-то.

И желание Римана выполнялось.

Риман был большим самодуром. Возражений не терпел. Его ненавидели сотни служащих эвакопунктов, начальников станций, дежурных по станциям. А вместе с тем все трепетали перед ним. С неугодными Риман не стеснялся. По его апелляциям иных увольняли со службы, иных переводили на другие станции, штрафовали.

Риман на тех станциях, где имелся эвакопункт, оставался, сколько хотел, в Киеве требовал, чтобы поезд подавали к главной платформе эвакопункта, менял по своему желанию направления рейсов.

Мне ярко запомнился такой случай.

Мы подъезжали к Харькову из Тарнополя. За обедом генерал сообщил:

— В следующий раз мы едем в Броды.

Одна из сестер стала плакаться:

— Ваше превосходительство, если бы вы знали, что я за несчастная женщина. Мы с Марьей Ивановной заказали в Тарнополе ботинки.

— Плакали ваши и Марьи Ивановны ботинки! — отрезал генерал.

— О, ваше превосходительство, мы рассчитывали, что опять отправляемся в Тарнополь.

— На Бога надейся; человек предполагает, а Бог располагает!.. И в следующий раз едем в Броды, и еще в следующий, а потом в Черновицы!..

Сестра капризно надула губки, готовая расплакаться. Генерал минуты две глядел на нее, молча. И вдруг крикнул:

— Щербина!

Щербина был старшим писарем, а канцелярия помещалась в том же вагоне, где и столовая.

— Чего изволите, ваше превосходительство? — вкрадчиво спросил Щербина, служивший до войны в статистическом

отделе губернской земской управы. Он был льстивый, в стиле Молчалина, и генерала понимал с полуслова.

— Перепиши маршрут — мы едем в Тарнополь!

— Слушаю-с!

Глядел недоумевающе-вопросительно.

— Сестры ботинки заказали в Тарнополе — не пропадать же им, — пояснил генерал.

Этот аргумент Щербине показался вполне убедительным, и он ответил довольным голосом:

— Слушаю-с, ваше превосходительство!

Да, ничтожные мелочи рождают великие события.

Надо отметить, что никаких фавориток из сестер поезда у генерала не было. И ни за одной из сестер он не ухаживал...

Итак, первый наш рейс был в Волочинск.

Весть о том, что идет «Царский санитарный поезд», быстро распространилась.

На каждой станции нас ожидали несметные толпы народа, собиравшиеся из окрестных сел и деревень. Жандармы с трудом сдерживали толпу и не пускали на платформу.

Народ поначалу простодушно думал, что в этом поезде ездит Императрица и Высокие Особы Царской крови.

Когда мы — врачи и сестры — прогуливались по платформе, на нас тарасили глаза, девки открывали глупо рты, бабы крестились.

Многие нас совершенно искренно принимали за Членов Императорской Фамилии.

Местные помещики, желая услужиться перед высокопоставленным поездом и заискать у Римана, жертвовали варенье, торты, различные сласти, фрукты, деликатесы:

— Для раненых.

Станционные служащие выстраивались в струнку. Начальники станций отдавали честь генералу по-военному.

На какой-то станции в поезд попросилась молоденькая сестра-еврейка — провезти ее до Волочинска.

Генерал велел позвать сестру, глядел на нее, просмотрел документы и отрезал:

— Нельзя, это поезд Императрицы!.. Щербина, проводи ее в жандармское отделение!..

Когда сестра вышла, сказал:

— Жидовка!.. Быть может, германская шпионка. — И добавил со злорадной жестокостью: — Пусть ее потягают...

С первого же рейса генерал строго определил свое амплуа в поезде.

Сразу учтя и поняв, что старший врач, который везде является начальником санитарного поезда, хочет цепляться за власть и отстаивать свои права, он решил его обезличить и свести на нет.

Собрал персонал:

— Коллежский советник Архипов, вы намерены со мной бороться!.. Заявляю вам и всем: я начальник поезда, поставленный Императрицей, вы подчинены мне во всем, старший врач лишь распоряжается в перевязочной, и то под моим контролем. В служебном отношении персонал подчинен не вам, коллежский советник Архипов, а мне!.. Отпуски и командировки даю я, пищу на пробу приносить мне!..

Когда ехали порожняком, генерал любил подолгу сидеть за обедом, ужином и чаепитием, рассказывая о своих придворных связях, приемах, парадах, награждениях, эпизодах военной службы. В остальное время запирался в купе, занимался выпиливанием по дереву, читал французские романы. На длительных остановках гулял по окрестностям один или со священником поезда, иногда устраивались общие прогулки всего персонала.

Когда везли раненых, генерал был занят с утра до вечера.

Он укладывал в сумочку несколько сотен маленьких серебряных образков и шел в вагоны, где находились раненые.

В каждом отделении вагона, приказав затворить двери в соседние, держал речь следующего содержания:

«Братцы — вы счастливые люди, потому что удостоились ехать в поезде Царицы!.. Она назначила меня начальником этого Своего поезда, благословила меня и лично передала мне иконки — Ее благословение вам. Я раздам каждому... Солдат, ты должен повесить себе образок на грудь, храни его как зеницу ока и знай, что у тебя благословение Матушки-Царицы, Которая молится за всех вас!..

Вы, солдаты, проливали вашу кровь за Царя, Царицу и Святую Русь. Спасибо вам, раненым и пострадавшим, Ца-

рица ценит ваш подвиг и заботится о вас!.. Сестры нашего поезда всех вас перепишут, и каждый, кто ехал в этом поезде, получит пособие из канцелярии Императрицы.

Солдаты, желаю вам скорей поправляться и снова вернуться на фронт, чтоб сражаться за Царя и родину!.. Кто умрет за Царя – тому венец на Небе.

Любите Царя и Царицу и остерегайтесь революционеров и смутьянов, которые замыслили погубить Россию! Эти крамольники такие же наши злейшие враги, как и неприятель на войне. Царице, в гостях у Которой вы теперь находитесь, – ура!..»

Солдаты кричали «ура», а генерал вместе с ними громче всех.

– Теперь пойте «Спаси, Господи, люди Твоя».

И генерал дирижировал хором. Потом пели «Боже, Царя храни».

Затем генерал раздавал образки и переходил в следующее отделение, где повторялось то же самое.

Когда Риман был в хорошем настроении духа, он беседовал с солдатами, настойчиво повторяя свою излюбленную тему:

– Революционеры и жида ненавидят Россию и хотят нас всех погубить. Но если жид хороший и честный солдат, тогда он уже не жид, а еврей. И его также благословляет Царица. Кто из евреев хочет иметь благословение Царицы, тому я дам образок.

Из вагонов к обеду и ужину генерал возвращался усталый и говорил нам:

– Сегодня я много работал, потому аппетит у меня хороший.

И обращался к кому-либо из нас:

– Владимир Николаевич, Вардан Александрович – у вас в таком-то вагоне, номер такой-то, перевязка не сделана... Номер такой-то, повязка ссунулась... Номер такой-то – голова болит... Немедленно, когда из-за стола встанете, удовлетворите каждого!

Он был в курсе всех вещей, потому что во время раздачи образков старался попутно и контролировать нас.

Старший врач зеленел:

– Ваше превосходительство, в медицинском отношении врачи мне подведомственны.

— Молчите, молчите!.. Мои врачи очень хорошо работают, а вашей работы что-то не видно.

Когда рейс заканчивался, и мы подъезжали к Харькову, где были должны выгружать всех оставшихся раненых и больных и дезинфицировать поезд, генерал долго сидел, уходя в купе, составлял телеграмму Императрице, а затем нам прочитывал.

В ответ от Императрицы Александры Феодоровны получалась телеграмма приблизительно следующего содержания:

«Радуюсь, что Мои раненые прибыли благополучно. Передайте персоналу Моего поезда благодарность за понесенные труды. Молю за всех вас.

Александра».

III.

После отступления германцев из Люблинской, Радомской, Келецкой губерний в декабре 1914 года Рима́н решил:

— Хочу, чтобы санитарный поезд Царицы первым проехал по этим местам и взял раненых с позиций. Там, наверно, образовалась пробка.

Написал Императрице и вскоре получил Ее согласие:

— Наш рейс в Кельцы! — объявили нам.

Поехали...

До Ивангорода все шло обычным порядком, а после мы въехали в зону бывшего театра военных действий, и картина резко изменилась.

Железнодорожное полотно во многих местах было разрушено, мосты взорваны. Впереди нашего поезда шел пустой товарный на рекогносцировку, чтоб мы не потерпели крушения. И мы следовали за ним в 200-х саженьях.

Двигались черепашим шагом, делая несколько верст в час. Раза два я спрыгивал с поезда и пешком обгонял паровоз.

На какой-то станции генерал собрал нас в столовой официально.

— Мне сообщено, что в Кельцах еще не было ни одного санитарного поезда, — начал он. — Мы первые... Далее, туда пока не прибыл начальник эвакопункта. Но назначен некий князь Шаховской — наверно, маменькин сынок. Знаю, что желторотый. Он еще сидит в Киеве и в Кельцы

пожалует, вероятно, через несколько дней... Так вот, господа, в чем дело. Я хочу преподнести пилюлю этому щелкоперу!.. И вы, господа врачи, должны мне помочь!.. Когда мы прибудем в Кельцы, вы тотчас начнете погрузку раненых. Обойдите госпитали, общитесь с городом, выбирайте раненых, наиболее нуждающихся в помощи, поступайте по своему личному усмотрению. Никому не подчиняйтесь, никаким указкам не следуйте. Над вами в Кельцах не может быть иного командира, кроме меня...

Я хочу, чтобы вы успели нагрузить поезд до прибытия начальника пункта. Вот-то будет для него, дурака, конфуз!.. Чертов начальник сюда прибывает, а мы отбываем. Подери его дьяволова бабушка!.. Хочу проучить молодчика. Мы будем в Кельцах раньше эвакопункта, с какой же стати нам церемониться, играть в китайскую вежливость... Раненые не ждут!..

А они-то ждали, томились и страдали. Когда мы прибыли в Кельцы, станция была наводнена сотнями раненых, госпитали переполнены.

Я зашел в один из госпиталей, и того кошмара, который там царил, мне никогда не забыть. Очевидно, в госпитале произошла закупорка канализационных труб, раковины в уборных переливались через край, вода, смешанная с испражнениями, заливала коридоры на несколько вершков. А коридоры были полны раненых, которые лежали на полу — стонали и мучились.

Целый день и всю ночь мы грузили раненых, наполнив поезд до отказа. Клади в проходах, на полу, засовывали под лавки. Несчастные без нашего разрешения забирались в отопления, на кухню, на площадки багажных вагонов, где помещался цейхгауз, на буфера...

Ударил мороз градусов в 15-ть. Дул резкий северный ветер. Кто попал в поезд, чувствовал себя, как у Христа за пазухой. Сотни умоляли нас — их взять. Стонали, вопили, плакали, но мы были бессильны²⁸⁰. А других поездов не предвиделось пока... До поры до времени.

Когда погрузка закончилась и уже был заказан паровоз, подошел какой-то сборный воинский состав.

Я прогуливался по платформе, чтобы, дыша утренним морозным воздухом после трудовой бессонной ночи, парализовать усталость и набраться свежих сил. Вдруг

вижу — навстречу идет член Государственного Совета Антонов²⁸¹ (его в лицо я знал по фотографиям) с молодым человеком.

Поравнявшись, молодой человек обратился ко мне:

— Вы врач из поезда Ее Величества?

— Да.

У меня были отличительные погоны — на них буквы «А. Ф.» и корона, вышитая серебром. Потому вопрос несколько не удивил. Неоднократно ко мне так обращались.

— Я начальник эвакопункта в Кельцах, князь Шаховской²⁸². Проведите меня к вашему генералу.

— Вон генеральский вагон, — показал я рукой. — Камердинер о вас доложит.

Князь недовольно фыркнул и ушел. Мы с Антоновым остались вдвоем... Прошло несколько минут. И вот видим: князь, как бомба, вылетает из генеральского вагона, бежит к нам сам не свой, ругается, дергает Антонова за рукав и кричит:

— Скорей отсюда, ни секунды не остаюсь!..

Я отправился к генеральскому камердинеру Нагорному — узнать, в чем дело.

Тот схватился за голову:

— Ой, ваше высокоблагородие, что тут было, что тут было!.. Ой, Боже мой!..

Их сиятельство входят в коридор вагона и изволят мне сказать: «Потребуй ко мне начальника поезда, я новый начальник пункта». А их превосходительство сидели в своем купе и слышали все. Растворили дверь, громко этак, сердито и спрашивают: «Что вам угодно, кто вы такой?..» Князь говорит: «Я начальник пункта князь Шаховской. На каком основании вы, ваше превосходительство, погрузили ваш поезд без моего разрешения?..» А их превосходительство в ответ: «А на каком основании вы, ваше сиятельство, переступили порог моего вагона без моего разрешения?..»

«Позвольте, ваше превосходительство!» — «Извольте выйти вон, ваше сиятельство!» — «Но, ваше превосходительство!» — «Нагорный, проводи его сиятельство за дверь!..»

Через два дня или на следующий день мы получаем телеграмму от принца Петра Ольденбургского — главного начальника санитарной части армии, — в телеграмме тот

грозно запрашивал генерала Римана о его действиях и требовал немедленных объяснений.

Генерал прочел телеграмму за обедом, вспылil и встал из-за стола:

— Вы кончите обедать без меня. Я иду к себе писать телеграммы Императрицам Александре Феодоровне и Марии Феодоровне. Две телеграммы... Щелкопер пожаловался Принцу — надо молокососа проучить!..

Часа три просидел генерал в купе, а затем позвал нас, врачей, и прочел. Телеграммы были длинные — в сотни слов.

Генерал описал келецкую обстановку, которая, действительно, была кошмарна... Я, мол, должен был спасать погибающих раненых, действовал по долгу и совести, в то время начальник эвакопункта находился еще в Киеве, ожидать, пока он прибудет, я считал преступлением...

Когда мы приехали в Киев, пришла телеграмма от Императрицы Александры Феодоровны:

«Благодарю персонал Моего поезда за самоотверженную работу. Молюсь за всех вас. Всегда с вами.

Александра».

Риман торжествовал.

— Я всыпал молодчику по пятое число.

На каждой станции нам вдогонку летели копии этой телеграммы. В Харькове генерал получил также телеграмму от Императрицы Марии Феодоровны. Тоже благодарственную — текста не помню. Телеграмма Императрицы Александры Феодоровны у меня хранилась до большевицкого переворота, так как генерал всем нам раздал по копии.

Принц Ольденбургский молчал...

Князя Шаховского немедленно сместили с должности начальника келецкого эвакопункта. Он был перемещен на незначительный пункт, кажется, на станцию Ожидово — под Львовом...

Мне припоминается еще такой случай, ярко характеризующий Римана.

Как-то у нас ехал гостем начальник движения армии Юго-Западного фронта генерал Павский²⁸³. Этот генерал фактически являлся самым крупным нашим начальником, ибо все санитарные и военные поезда ему были подчинены в отношении распорядка движения, маршрута и прочее.

После ужина в столовой завязался разговор о роли нашего поезда: Риман отсутствовал. Я сказал между прочим Павскому:

— У нас лечебная постановка дела идеальная. Раненый, попавший сюда, уже не может опасаться, что его рану здесь загрязнят. У нас госпитальная система.

— Все это так, но ваш поезд фактически нам не нужен, — возразил генерал Павский. — В боевой обстановке необходимы поезда, которые поднимают до 2000 человек и не привередничают. А вы не берете заразных больных, венериков, военнопленных, перевозите всего 500 душ... У вас ювелирная работа...

В этот момент в столовую вошел Риман.

— О чем вы, ваше высокопревосходительство?

— Да вот говорю доктору, ваше превосходительство, что ваш поезд делает, собственного говоря, ювелирную работу.

— Мой поезд?... Ага!..

Глаза загорелись злобой, он ее прочно затаил. Не вытравить.

И отомстил.

Поезд подходил к Радому. Генерал Павский обратился к Риману:

— Ваше превосходительство, мой салон-вагон в Радоме, разрешите его прицепить к вашему поезду, чтоб проехать до Люблина.

— Не могу!.. Предельная длина моего поезда 165 саженей, и я не имею права ее увеличивать, хотя бы на вершок...

— Но, ваше превосходительство, я буду, значит, вынужден просидеть на этой станции всю ночь бессмысленно.

— Очень сожалею, ваше высокопревосходительство, я безсилен помочь! Лично вам, если пожелаете, предоставлю купе.

Обиженный Павский отказался. Генералы сухо расстались.

Черная кошка пробежала. И после этого инцидента Павский везде, где можно, старался нам вставлять спицы в колеса. Неуловимо, незаметно. Риман понимал, кто виновник разных недоразумений, но нельзя было придраться...

Как-то в Киеве наш поезд посетила вдовствующая Императрица Мария Феодоровна.

В поездной церкви служили молебен. Впереди стояла Императрица, сзади Нее Риман, за ним весь персонал...

На платформе вокруг поезда толпились высшие воинские чины и знать, не смея шелохнуться, преисполненные почтения и преданности. Среди других начальник киевского эвакопункта, какой-то генерал-старичок. Он, прищурившись, глядел в окно, приплюснув нос к стеклу. Но от волнения забыл снять фуражку, когда все другие обнажили головы.

Риман заметил. Состроил зёрскую гримасу и за спиной Императрицы грозил старичку кулаком, скрипя зубами. Их глаза случайно встретились – начальник пункта понял свою оплошность и поспешно снял фуражку. Но грозящий римановский кулак навсегда остался в его памяти.

Старичок-генерал был прямым нашим начальством, потому что поезд был приписан к киевскому эвакопункту. Представления на каждое лицо посылались в 8-ми экземплярах. Старичок зорко заметил все промахи, но подчеркнет лишь одну ошибку и ставит резолюцию: «Переделать списки».

Мы едем на фронт, канцелярия работает, списки пишутся заново и по приезде в Киев опять представляются.

Старичок подчеркивал вторую ошибку.

И так без конца. Сказка про белого бычка. Риман свирепеет, но безсилен. Не к чему придраться.

А тот хохочет.

– Дорого вам, господа, обходится эта фуражка... Вместо двух наград – одну получите...

IV.

Однажды наш поезд посетили Великие Княгини Милица Николаевна Черногорская и Анастасия Николаевна – жена Великого Князя Николая Николаевича.

Генерал Риман, гордо выпятив грудь, водил гостей по поезду. Посещения Высочайших Особ делали его неузнаваемым. Он чувствовал себя на седьмом небе от счастья, его глаза блистали, и на лице была написана неподдельная радость.

Великие Княгини подошли к поездной аптеке. Я заведовал аптекой и должен был ее показать.

Толкнул дверь, но она оказалась запертой.

Возле стояла сестра со связкой ключей. Я схватил их, к моему несчастью, ни один из ключей не подходил.

Генерал сверлил меня злобными глазами. Я взял себя в руки и, улыбнувшись Великим Княгиням, независимо отрапортовал:

— Ваши Высочества, аптека заперта, и ни один ключ не входит!

Те гомерически расхохотались:

— Не входит, доктор?

— Ах, как это мило!

— Ну, генерал, не волнуйтесь, — мы посмотрим аптеку через окошечко с платформы.

Риман уже сиял довольной улыбкой и готов был меня потрепать по плечу.

Когда вышли на платформу, Великие Княгини тотчас вспомнили:

— Обязательно хотим посмотреть аптеку.

Остановились, пристально глядели через стекла:

— Прелестная аптека!

— Как там хорошо!

Я был спасен, а если бы не такой счастливый оборот, Риман, пожалуй, уволил бы меня с поезда...

Но за обедом генерал вспомнил об эпизоде:

— Ай-ай, как можно!.. Ключ не входит... Ха-ха-ха... И этак вы ляпнули Великим Княгиням. Молите Бога, что у вас добрый начальник, а то бы... (он заскрипел зубами)... Вообще же даже к лучшему, что так получилось. При Дворе принят игривый тон...

Во время обеда Риман объявил нам:

— Великие Княгини имеют свой лазарет в Киеве для уроженцев Киевской, Волынской и Подольской губерний. И они желают, чтобы наш поезд доставлял им раненых. Отныне мы будем высаживать в Киеве всех киевских, волынских и подольских.

И несколько месяцев происходило следующее.

Всякий раз перед прибытием в Киев генерал распоряжался, чтобы мы, врачи, ему представляли списки киевских, волынских и подольских.

Таковых набиралось от 30-ти до 50-ти человек. Не больше.

Риман требовал подавать поезд к платформе эвакопункта. Врачи последнего вступали в пререкания:

— Ваше превосходительство, для нескольких десятков человек незачем поезд подавать к платформе — можно произвести разгрузку с запасных путей.

— Не могу!

— Ваше превосходительство, вы задерживаете нашу работу. Мы принимаем поезда, везущие тысячу, две тысячи человек, и нагружаем такие же, и они должны ждать.

— А я не вправе рисковать жизнью моих солдат и офицеров. Если буду поступать по вашему совету — их передают на путях маневрирующие поезда. Я отдаю отчет за каждую жизнь Богу и Царице.

— Но другие санитарные поезда, когда происходят незначительные выгрузки, проделывают их на путях, и никогда еще не было ни одного несчастного случая.

— Другие мне не указ, моя совесть не позволяет, и никаких «но»!

Прошло несколько месяцев. И вот как-то Риман встречает солдата-подольчанина, хорошо ему запомнившегося и высаженного накануне в Киеве — на харьковском эвакопункте.

— Ты как здесь очутился? — спросил удивленный генерал.

— Так што нас всех отправили.

— Кого всех, куда?..

— Так што всех, што были киевские, волынские и подольские — шинадцать солдат. Посадили в следующий поезд и отправили в Харьков. Дохтура в Киеве ругаются ужаси, грят, не надо нам энтой дряни — то ись нас...

Риман понял и был вне себя.

Священник поезда о. Владимир Попов — член Государственной думы от Подольской губернии, обещал Риману разузнать историю досконально.

И оказалось, что уже несколько раз всех киевских, волынских и подольских, высаживаемых Риманом в Киеве, нарочно с первым же санитарным поездом дежурные врачи эвакопункта отправляли в Харьков. В отместку за нежелание Римана производить выгрузку с запасных путей.

Риман жаловался, но пункт уклонился отыскивать виновных. Инцидент замяли.

Где-то Риману намекнули:

— Вы — генерал, а не врач, а потому можете вмешаться в дела медицинского распорядка только в своем поезде.

После сего казуса Риман уже больше ни разу не потребовал подачи поезда к платформе эвакуопункта...

Купе священника поезда помещалось рядом с генеральским.

Он близко мог наблюдать Римана и кое-что рассказывал о его интимной жизни.

— Наш генерал нередко целые ночи не спит. Слышу, постоянно молится и бьет земные поклоны. Во сне часто бредит, стонет, вскрикивает... Его душат тяжелые кошмары... Очевидно, нелегко ему нести бремя Москвы. Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!..

Мы наблюдали Римана в церкви.

Когда начинали петь «Иже Херувимы», Риман становился на колени, делал земной поклон и не отрывал лба от пола, пока не пропоют «Отче наш»

То есть добрых полчаса. Если не больше.

Его лицо краснело. Шея багровела. Мне иногда казалось — вот-вот хватит удар.

Но после «Отче наш» Риман поднимал голову, становился на ноги как ни в чем не бывало. Истово крестился, подпевал хору.

Никогда он не пропускал ни одной церковной службы. Обязательно подходил к кресту и целовал у священника руку, хотя вне церкви относился к нему с некоторой фамильярностью и брал покровительственный тон.

Когда приближалась первая Пасха, Риман поговаривал, что будет говеть в Киеве или Харькове, о. Владимир обиженно хмурился. Но Риман говел в поезде.

И после исповеди за ужином Риман и священник оба сидели печальные и оба молчали.

И Риман все тяжело вздыхал, рано встал из-за стола и ушел к себе в купе...

Генерал требовал, чтобы весь персонал говел обязательно в поезде, хотя на Пасху стоянка как раз была в Харькове, и большинство персонала там имели квартиры.

На следующий день после Причастия всем нам — врачам и сестрам — были выданы удостоверения следующего содержания:

«Такой-то, имя рек, такого-то числа и месяца 1915 года исповедовался, а такого-то приобщался Св. Таин в церкви поезда Ее Величества.

Священник поезда Ее Величества о. В. Попов.
Скрепил: шталмейстер Двора Ее Величества
ген.-майор Риман».

* * *

В первый раз Императрица Александра Феодоровна посетила Свой поезд 5 декабря 1914 года в Харькове.

К этому посещению готовились очень усиленно.

За двое суток поезд был отремонтирован, снаружи заново покрашен. Генерал очень волновался, несколько раз созывал команду и, не полагаясь на поручика, заведующего хозяйством, самолично проверял, как команда приветствовала:

— Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!..

Собирал персонал, учил сестер, как надо делать реверанс.

А нам объяснял:

— Я каждого из вас отдельно буду представлять Царице. Когда Она вам протянет руку, вы руку должны бережно легко взять и поднести к губам. Снять фуражку предварительно и быстро правой рукой переложить ее в левую. (Представление должно было происходить на платформе перед вокзалом.) И не вздумайте жать руки у Великих Княжон. Никакого пожатия!.. Боже упаси!..

И реверансы, и целование руки генерал репетировал без конца...

Императорский поезд остановился рядом с нашим, Императрица вышла в костюме сестры милосердия, в косынке, низко спущенной на лоб. Ее сопровождали Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна в штатском.

Императрица сразу направилась в нашу сторону.

Она приветливо улыбнулась каждому из нас. А в отношении Великих Княжон вся наука Римана ни к чему не привела, потому что Они нам пожали руку энергично, по-мужски.

В поездной церкви была отслужена лития, в столовой Императрица расписалась по просьбе генерала на особом листе. Взглянув на Свой портрет, висевший над столом, спросила у Римана:

— Где вы достали такой чудный Мой портрет? Я большей частью бываю совсем не похожа, а здесь Я настоящая, как живая...

В перевязочной Риман представил меня Императрице и [Великим] Княжнам во второй раз.

Я должен был рапортовать о работе в перевязочной, о числе проходящих через нее раненых. Императрица слушала, задала несколько вопросов, улыбаясь, а затем передала мне икону целителя Пантелеимона.

— Я специально везла эту икону, чтобы она висела здесь в Моем поезде. И верю, что святой Пантелеимон будет целить Моих раненых... Буду постоянно молиться, чтобы все они выздоравливали...

Императрица производила впечатление усталой и скорбной. Костюм сестры Ей шел к лицу, но делал очень скромной; говорила Она слабым голосом. — совершенно правильно по-русски — без всякого акцента.

Княжны были веселы и шалили между Собою в самые торжественные моменты. Чинность Им совсем не удавалась...

На следующий день — 6-го декабря — в поездной церкви был отслужен благодарственный молебен, и Риман послал телеграмму. И в ответ от Императрицы — со станции Грязи Тамбовской губернии — была получена следующая [телеграмма]:

«Искренно благодарю вас и персонал Моего поезда за поздравления и молитвы. Сердечно была рада видеть поезд. Желаю всем вам успешной дальнейшей работы.

Александра».

Царица во время Своего посещения передала нам подарки: мужскому персоналу бумажники со Своим вензелем, сестрам — Свой портрет.

V.

Жена Римана Александра Александровна была фрейлиной Двора Императрицы Александры Феодоровны.

Молодая чванливая старуха. Толстая, невысокая, широколицая брюнетка. В молодости красива или некрасива — нельзя сказать, но на ее лице застыло навеки выражение важности и надменности. Говорила нараспев, выступала солидно.

Госпожа Риман любила, чтобы персонал оказывал ей знаки большого уважения и внимания. Кому она благоволила, тому симпатизировал муж.

Супруги друг к другу были очень внимательны и предупредительны и нам твердили, что любят друг друга. Генеральша — несомненно, вполне искренно: для нее весь мир сосредоточивался в ее муже.

Супруги, приехав из Петербурга, вместе появились в поезде.

И мы решили, что они будут путешествовать вдвоем. Генерал же заявил:

— Я, конечно, имею полное право возить в поезде свою жену, но считаю неудобным. Персонал составляет одну общую семью, и влияние моей жены так или иначе будет чувствоваться и отражаться на поездной жизни, что вредит службе... Я не хочу этого...

Когда мы уезжали в первый рейс, Александра Александровна провожала Николая Карловича, долго его крестила мелкими крестиками, а из глаз выкатилось несколько слезинок.

И так повелось.

Каждый раз она являлась в поезд в Харькове перед отправлением в новый рейс и часто встречала поезд. В Харькове производилась дезинфекция, мы стояли несколько дней, и все жили по своим квартирам, кроме дежурных врача, сестры и заведующего хозяйством. Генерал также ехал домой — он тоже поселился в Харькове.

В тон мужу Александра Александровна любила поведствовать о придворной жизни, петербургских балах, великосветских салонах, знакомствах и блеске высшего света.

Но однажды она рассказала жуткую историю неудавшегося покушения на Римана. И от ее рассказа повеяло истинным Конан-Дойлем.

Риман с женой первое время, после подавления Московского восстания, жили в Петербурге в особняке — не помню — не то на Васильевском острове, не то на Петербургской стороне.

На Римана было совершено три покушения. Здесь речь идет о последнем.

Особняк тщательно охранялся тайной полицией, один чин постоянно дежурил внизу в передней, на ночь делались тщательные обходы и внутри особняка, и вокруг.

Генеральша рассказывала:

— Но все-таки я не доверяла полиции, по несколько раз в день осматривала квартиру, не пропуская ни малейшего уголка. Жила в непрерывной тревоге. Не знала ни минуты покоя! Ночи не спала, просыпаясь от каждого шороха. Дрожала, обливалась холодным потом. У нас везде была проведена сигнализация, и я не раз давала ложную тревогу. Николай Карлович был спокоен, иронизировал надо мной. Но разве легко было пережить два покушения?.. И мы знали, что готовится третье. Революционеры поклялись убить мужа за Москву...

В памятный день Николай Карлович заснул в спальне после обеда. А уже так повелось: когда он спит, я бодрствую и сторожу. Все сторожу и проверяю...

Обошла я опять весь дом, не знаю, в какой уже раз. В этот день у меня было особенно тревожное настроение. Вхожу в спальню и от ужаса присохла на месте. Я услышала явственно тиканье часов.

Несомненно, адская машина. Мы изъяли из нашего обихода все тикающие часы, обзавелись безшумными... Вы представьте себе мой ужас...

Я присохла на месте, но через несколько секунд спохватилась:

— Адская машина заведена. А если скоро взорвется? Сейчас или через 5-10 минут.

Первый мой порыв был — разбудить мужа. Но, сообразив, что он внесет сумятицу и, пожалуй, сделает какую-нибудь глупость, решила действовать одна. Сняв туфли, чтобы не производить шума, я забежала по спальне. Сначала полезла под кровать — ничего. Заглянула во все шкафы, в комод, за занавески, в туалетный столик, за зеркало. Нигде ничего.

В отчаянии хожу по спальне, явственно слышу тиканье, где — не могу понять.

И вдруг пришло в голову:

— А если машина в матрасе или под подушкой?

Я моментально бросилась к кровати — будить Николая Карловича, и в этот момент затикало у самого моего уха.

Меня осенила мысль. И она оказалась правильной. Вы что предполагаете?.. Никто не догадался бы. Эти революционеры — люди-дьяволы. Уму непостижимо, как они могли все пронюхать. Сквозь землю видят, право! Очевидно, за нами была поразительная слежка.

Ведь для того, чтобы суметь устроить все, надо знать каждую мелочь из нашей личной жизни...

Вот что оказалось. В этот день мы получили букет от хороших знакомых – от сенатора генерала Здановича²⁸⁴. Букет был принесен из цветочного магазина, и мы его поставили в спальне на столике у изголовья.

Я приложила ухо к букету – несомненно, в нем тикало.

Боже, какой ужас, но и какое счастье, что я вовремя нашла эту проклятую машину.

Хотела сигнализировать, но вдруг решила:

– А если произойдет взрыв раньше, чем придут.

Схватила вазу с букетом и, осторожно держа, понесла вниз.

Несла и думала:

– А вдруг сейчас взорвется?

Но себя утешала:

– Что же – я погибну, но Николай Карлович будет спасен. Лишь бы он был жив. О себе нисколько не заботилась. Умереть, так умереть...

– Именно обо мне не заботилась, – прервал Риман. – Ты же знаешь, как я тебя люблю. Если тебя разорвало бы, а я остался в живых, покончил бы с собой.

Она махнула рукой:

– «Расскажите вы ей»!.. Мигом утешился бы. Погоревал бы и забыл.

– Как тебе не стыдно!

– Ну, не мешай мне досказать. Итак, я несла букет... Но когда стала спускаться по ступенькам, поразила другая мысль: быть может, адский снаряд такой ужасной силы, что весь особняк будет разрушен, и мы погибнем...

Не знаю, как хватило сил спуститься по лестнице. В вестибюле сидел дежурный агент. Я кричу сама не своя:

– В этом букете бомба, т. е. адская машина... Тикает... Скорей бегите с букетом! Каждую секунду может взорваться.

Агент остолбенел. Он побледнел, весь сжался – кому же хочется умирать. Вдруг снаряд разорвется в его руках.

Я затопала ногами:

– Бегите же!.. Или я немедленно на вас буду жаловаться Самому Государю!..

Кричала, конечно, не понимая, что...

Он побежал... А Николай Карлович, знаете, не верил.

Я его разбудила. Упала в кровать в истерике, воплю:

— Адская машина была в букете!..

Так он, знаете, сначала хохотал и иронизировал:

— Это, — говорит, — все твоя мнительность и нелепая подозрительность!..

Потом стал меня упрекать:

— Жаль букета. Хороший был букет, и зря отдала!..

Зря отдала!.. Как вам покажется? Вскоре уже нам сообщили, что в букете обнаружили адскую машину ужасающей силы, и через час она должна была взорваться. От особняка остались бы одни развалины. Если бы я в спальню пришла позднее, мы погибли бы. А я имела обыкновение после обеда долго сидеть в столовой.

И вот, значит, за нами была удивительная слежка....

Знали, что нам заказан букет, знали, что Николай Карлович имел обыкновение спать после обеда. Но как снаряд попал в букет?... Загадка... Следствие ни к чему не привело. Революционеры ужасно хитры и ловки...

Так рассказывала генеральша.

После третьего покушения генерал Риман с женой были отправлены за границу, где проживали инкогнито до середины лета 1914 года.

Почувствовав запах войны, Риман за несколько дней до манифеста прибыл в Петербург.

VI.

Когда Государь прибыл в Клевань, в нашем поезде всполошились необычайно...

Государь в этот день делал смотр армии верстах в 50-ти от Клевани, после смотра проехал мимо. Но в пути, узнав, что в Клевани много раненых, вернулся обратно.

И когда приехал в Клевань, его здесь уже не ждали.

Риман отсутствовал, заместителем был заведующий хозяйством — капитан. Он опрометью кинулся в купе, опоясавшись кушаком, надел фуражку и стал бегать вдоль поезда взад и вперед: испуганный, взволнованный, совсем не представляя, как будет встречать Царя.

До того растерялся, что бросил команду на произвол судьбы, и ею занялся доктор, исполнявший обязанности старшего врача.

Санитары стали надевать свежие гимнастерки и рассыпались по вагонам наводить чистоту, пока что до сигнала...

Я с двумя сестрами нашего поезда отправился на станцию.

Она была полна военного народа. У вокзальных дверей, в качестве почетного караула, стояли два генерала, но, признав в нас членов персонала поезда Императрицы, беспрепятственно пропустили вперед.

Весь вокзал был превращен в лазарет. Лежали раненые в багажном отделении, комнате для ожидающих, дамской уборной.

Государя в большом помещении не было, я спросил, где Он, мне указали глазами на одну из маленьких комнатушек; я подошел ближе и стал глядеть в открытую дверь.

Там было три койки, лежало трое тяжелораненых солдат, которых мы в тот же день вечером забрали к себе в поезд.

Раненые были в забытьи. Государь, стараясь ступать безшумно, проходил между коек, наклонялся над солдатами и прикалывал им Георгия.

Он приблизился к третьему солдату, у которого обе руки имели сложный перелом с раздроблением кости и были забинтованы сплошь поверх деревянных шин. Наклонился над ним, чтобы приколоть орден. В это время солдат внезапно пришел в себя, узнал Государя и вскрикнул:

— Отец наш!..

И, сделав резкое движение, обнял шею Государя обеими искалеченными руками. Государь поцеловал раненого в губы, а солдат внезапно снова впал в забытие, и его руки шлепнулись на койку безжизненно.

Царь был растроган. Слезы показались на Его глазах. И Он отвернулся к окну. Стал сбивать их ресницами, из застенчивости не решаясь вынуть носовой платок. Иначе все догадаются, что Он плачет.

Я стоял у самой двери и видел. И все ближайшие тоже видели, затаились в молчании.

Минуты через две-три Он резкой походкой вышел ко всем и сказал низким басом, обращаясь к начальнику пункта:

— Покажите мне всех тяжелых!..

Когда Император посетил в госпитале доктора Яценко 5 раненых офицеров, я с теми же двумя сестрами присутствовал при этом.

Государь проехал на автомобиле кружным путем, а мы — по тропинке через рощицу — быстро прошли и попали в госпиталь вскоре после Его прибытия.

Последнему раненому — молодому 20-летнему подпоручику Он сказал:

— Передайте от Меня поклон вашей матушке, хотя Я ее не знаю, но Я тоже отец, а у нее вы единственный сын.

Мы стоял у косяка двери, и одна из сестер наивно меня стала просить:

— Владимир Николаевич, пожалуйста, пригласите к нам в поезд Царя!

Я усмехнулся:

— Что вы? Я военный. Мне дисциплина не позволяет. И придет же вам в голову, эх вы — женщины!...

В это время Государь пошел вперед, и когда поравнялся с нами, эта сестра сделала шаг навстречу и воскликнула:

— Ваше Императорское Величество!

Он остановился:

— Что вам, сестрица?

— Ваше Императорское Величество, мы вас... мы, — смутилась и выпалила скороговоркой:

— Пожалуйста, посетите поезд Императрицы — мы здесь недалеко!

Он улыбнулся:

— С удовольствием, но не теперь.

— Ваше Императорское Величество, — воскликнула другая сестра, — мы имеем 186 нижних чинов и 5 офицеров — пожалуйста к нам.

— В другой раз обязательно побываю, сестрицы, буду помнить, но теперь не могу. Он болен, устал и не позволяет.

Государь указал на Наследника и направился к выходу.

Мы втроем — я с двумя сестрами — оказались вплотную с автомобилем.

Пока Государь усаживался, генералитет, офицеры и военные чины застыли недвижимо, приложив руку к козырьку.

А я, никогда не научившийся становиться во фронт по-военному, в забывчивости козырнул Государю раза три или четыре, раскачиваясь всем корпусом.

Царь вдруг заметил. И, привстав на диване, с комическим жестом, копируя меня, мне козырнул три раза.

Автомобиль укатил...

Два генерала взяли меня под руки:

— Ай, доктор, как можно!.. Ай-ай-ай!.. Ха-ха-ха!.. Вы Государю козыряли, будто своему большому приятелю!..

VII.

Начальниками военно-санитарных поездов были старшие врачи. Потому и у нас старший врач пытался отвоевывать свое положение.

Риман — властолюбивый, привыкший повелевать, командовать, не мог допустить разделения власти. Старший врач Архипов, в свою очередь, имел свое большое профессиональное самолюбие. И, естественно, — возник конфликт и обострился до крайности.

Риман и Архипов друг друга не выносили.

Архипов был страшно упрям. Окончив военно-медицинскую академию и всю жизнь потом, состоя военным врачом, он был чиновником до мозга костей, формалистом, службистом. И отстаивал свое право медицинского начальника, примиряясь с тем, что генерал будет представлять.

Генерал его свел на ничто.

Тогда Архипов забастовал. Решил ничего не делать, сидел у себя в купе и читал газеты.

Риман не реагировал.

Архипова это злило, и преследовала болезненная навязчивая идея — как-нибудь да проявить себя.

Создавалась тяжелая атмосфера.

Однажды в Полтаве Архипов выписал без ведома генерала какого-то больного и отправил в полтавский госпиталь. Произошло крупное объяснение. В результате Риман вспылил и крикнул:

— Коллежский советник Архипов — марш в купе!.. Я вас сажаю под арест!

Позвал денщика и крикнул громко, чтоб слышал Архипов:

— Носить старшему врачу в купе обед и ужин!

— Я не желаю, чтобы он присутствовал за столом, — объяснил нам.

Архипов просидел под арестом до Харькова, находился под арестом в Харькове во время нашей стоянки,

ехал арестованным до Киева, а в Киеве был отправлен на гауптвахту.

Перед тем Риман собрал всех нас в столовой официально, явился при револьвере и заявил:

— Коллежский советник Архипов, я вас отчисляю от поезда за неповиновение!.. Вы не хотели мне подчиниться, вы цеплялись за пародию власти, которой не имеете... Вы смешны в своем желании бороться со мной! Жалею, что вы столь наивны. Я должен проститься с вами!..

В продолжение нескольких месяцев у нас не было старшего врача. Каждый из младших по дежурству считался исполняющим обязанности старшего.

Но произошел такой случай.

Надо было представлять наградные листы.

Я подписал листы двух своих коллег за старшего врача, а мой лист был подписан другим врачом.

На киевском эвакопункте обратили внимание:

— В поезде два старших врача.

Риману предписали кого-нибудь из нас назначить «исполняющим обязанности старшего врача».

Но скоро к нам прибыл новый: доктор Михаил Романов — из Киева.

Тот сначала старался подойти к генералу и первое время между ними установились приличные отношения.

А затем повторилась прежняя история.

Риман отчислил от поезда и Романова.

И опять мы остались без медицинского начальства.

* * *

Когда Риман приехал в августе 1914 года в Харьков, весть о том, что знаменитый командир московской карательной экспедиции является начальником санитарного поезда Императрицы, молниеносно распространилась по городу. А после всюду, где мы курсировали.

На жизнь Римана, как я уже говорил, было три покушения.

Санитарный поезд предохранял от покушений: из этих соображений Риман и получил свое назначение.

Но, конечно, не имели полной уверенности.

Революционные партии не покушались бы на санитарный поезд, чтобы уничтожить Римана. Ни один револю-

ционер, по своему почину, вероятно, не решился бы взорвать в таких целях санитарный поезд, когда война была так популярна сначала.

Когда поезд вез раненых, мы мало думали о покушении.

Вряд ли нашелся бы изверг, решившийся из мести Риману погубить 500 человек, проливших свою кровь за отчизну.

Разве — душевнобольной.

Но во время порожнего рейса желающие свести с Риманом счеты его щадили — ради нас и санитаров.

Постепенно возможность покушения уменьшалась по мере того, как Риман завоевывал любовь команды, и санитары всюду, где мы проезжали, делали ему реноме хорошего «начальника».

Солдату много ли нужно?

Вкусная обильная пища и гуманное отношение.

Риман прекрасно кормил солдат. За воровство прогнал заведующего хозяйством поручика. Не преуменьшал порции, а преувеличивал, сам часто ходил на кухню. Требовал пробу обеда и ужина и, для примера, нередко съедал всю порцию.

Говаривал:

— Я, как Суворов, люблю солдатскую пищу. Часто ее предпочел бы нашему хорошему столу.

Он не давал солдата в обиду, был к нему справедлив и следил, чтобы унтер-офицеры, фельдфебель и заведующий хозяйством не злоупотребляли своей властью

Команда его боготворила...

Наши солдаты были все люди простые. Мужички от сохи или чернорабочие. Политикой не занимались и ничего в ней не понимали. О том, что Риман проделал карательную экспедицию под Москвой, их осведомили только в нашем поезде.

И мнение было таково:

— Что сказывают — не нашего солдатского ума дело.

— Его жизнь пушай при нем останется. Не мы ему судья... Нам он начальник хороший.

— Генерал, что и говорить, добрый...

К раненым солдатам Риман также относился хорошо. Расспрашивал об их нуждах, устраивал многих в привилегированные госпитали, некоторых, по их просьбам, высажи-

вал на родине, если деревня находилась вблизи станции, через которую проезжали.

Хотя с формальной точки зрения этим превышал власть.

— Смотри, чтоб живым махом! — скажет. — Одна нога здесь — другая там.

Солдат, не поняв шутки, испуганно задает стрекача.

Генерал хохочет. Или высунется в окно и крикнет:

— А ну-ка!.. Надбавь, а то велю догнать!

В первые месяцы, когда шли порожняком, мы неоднократно думали о покушениях.

Проснешься среди ночи, и проносится мысль:

— А вдруг сейчас произойдет.

Зажмуришь глаза. Мурашки забегают по телу. Вот грянет взрыв. Поезд сойдет с рельс. Станут кувыркаться вагоны. Или под высокий откос, или с моста в реку.

Брр...

Вспоминались описания различных крушений. Треснет вагон, и тебя раздавит в лепешку или оторвет голову, или вышвырнет через разбитое окно в крошечный мрак.

Не хотелось умирать — о, как не хотелось умирать!..

Но месяц за месяцем проходил благополучно.

О роли Римана под Москвой стали понемногу забывать. А к нему, в его новой роли, присматривались.

И, может быть, не один мститель отказался от своего намерения...

Наш вагон мужского персонала поезда находился рядом с генеральским.

И в случае покушения мы рисковали в первую голову.

VIII.

Риман был монархистом до мозга костей.

Но не требовал от нас, чтобы мы исповедовали его убеждения. Он знал, что я пишу в либеральных газетах и журналах, например, в «Биржевых ведомостях», «Петроградском курьере», «Огоньке», «Аргусе» и др., в толстых журналах-ежемесячниках: «Современном мире», «Новом журнале для всех». Но относился ко мне хорошо.

Сначала он мне заявил:

— Все ваши военные впечатления вы должны, прежде чем отдавать в печать, представлять мне на цензуру. Иначе запрещаю печатать.

Так продолжалось несколько месяцев.

Однажды он мне сказал:

— Я вижу, что вы пишете в интересах России и нашей победы. Мне очень нравятся ваши фельетоны, считаю их полезными. Вполне вам доверяю и потому отменяю цензуру в дальнейшем. Но требую категорически не называть в статьях наш поезд, касаться интимной жизни последнего и, само собой, ни слова обо мне.

А его жена Александра Александровна вырезала мои статьи из всех газет и журналов, наклеивала в объемистую тетрадь и говорила:

— По окончании войны поднесу Императрице Александре Феодоровне.

Если случайно у нее какого-нибудь номера не оказывалось (я имел обыкновение нумеровать главы), генеральша тотчас посылала мне письмо или записочку с просьбой отыскать недостающий. Особенно она следила за харьковской газетой «Южный край», потому что жила в Харькове...

Одна из наших сестер, Эльфрида Федоровна, была эсеркой. Сначала она скрывала свои убеждения и во время политических разговоров в поезде дипломатично молчала. Но, присмотревшись к Риману и поняв, что он не проявит нетерпимости, сбросила личину.

Начинался спор, Риман горячился, отстаивал свои воззрения, Эльфрида Федоровна экспансивно возражала, Риман ни разу не вышел из себя. Пожимая ей руку, иногда шутливо приговаривал:

— Моему политическому противнику — наше почтение.

Часто в конце спора заключал:

— Вы человек не опасный, Эльфрида Федоровна. Думайте, что хотите... Вообще против таких мирных революционеров, как вы, я ничего не имею. Знаю — вы мухи не обидите... Но активные — мои враги... Если бы вы были активной революционеркой, Эльфрида Федоровна, — я вас давно повестил бы.

— Фи, ваше превосходительство, какой вы не джентльмен!

— Я жесток, когда дело идет о врагах родины. И что не рисуюсь, не требует доказательства. Я себя проявил, что всем вам известно... Когда надо, я — жесток!..

Священником нашей поездной церкви, как я уже упомянул, состоял о. Владимир Иванович Попов – депутат 4-й Государственной думы от Подольской губернии. Высокий, широкоплечий, представительный, с округлой бородкой, обрамленными под стать бороде усами и баками – он своей благообразной внешностью являл вид столичного священника.

Отец Владимир Попов умел соблюсти лицо. От природы ему дана была благообразная внешность, соответствующая священническому сану, но он обдуманно подстригал и бороду и усы, чтобы сохранить светский вид.

И когда Императрица Александра Феодоровна посетила наш поезд, и вскоре после Нее Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна – Обе после молебна, отслуженного о. Владимиром, подходили к нему для благословения, и он Их благословлял с той же осанкой, как дворцовый священник.

Два года я прослужил в поезде Императрицы с о. Владимиром и скажу – всегда он был одинаков. Два года мы с ним не то что встречались, а проводили совместно дни.

В поездной столовой обедали и ужинали неизменно под председательством генерала Римана.

Отец Владимир имел врожденный такт и врожденную осанку. Императрица Александра Феодоровна, впервые посетившая наш поезд, после молебна смиренно поцеловала ему руку.

О. Владимир свято выполнял свои духовные обязанности.

Мне ярко вспомнился один случай.

Везли мы в один рейс 500 раненых солдат. Медицинская работа у нас была поставлена идеально. Но когда вы имеет дело с несколькими сотнями людей, естественно, могут быть невольные упущения.

И вот однажды ночью стук в дверь моего купе.

– Кто там? – крикнул я.

– Отец Владимир.

Я предупредительно открыл дверь. По выражению лица о. Владимира уже понял, что стряслось нечто экстраординарное.

– В чем дело? – спрашиваю.

— Истекает кровью в вашем вагоне один солдат. Может быть, уже умер.

Мы оба прибежали, солдат плавал в луже крови! Я не был виновен как врач — кровотечение открылось после перевязки, но, конечно, его жизнь спас о. Владимир. Не подоспей я — истек бы кровью...

Когда мы везли раненых, о. Владимир до обеда ходил по вагонам и беседовал с солдатами, проявляя исключительную сердечность. Мы, врачи, были заняты делом с утра до ночи, изнемогали от усталости и часто недооценивали роли о. Владимира. Мы не понимали по молодости лет, что душевное утешение может превалировать над телесным врачеванием.

Теперь, в эмиграции, много пережив и передумав, бросив ретроспективный взгляд на прошлое, я осознал с полным безпристрастием высокую роль о. Владимира и уразумел всю значительность его служения страждущему брату во Христе. Он был именно пастырем добрым, согласно евангельской притче.

И еще вспомнился случай. В первые месяцы нашей деятельности умер от тяжелых ран один солдат. Это была первая смерть в нашем поезде. Очень убитый и потрясенный о. Владимир хотел отслужить панихиду — генерал воспротивился!

— Ни-ни-ни!.. Сдадим труп на станции «Шепетовка» на эвакупункт.

Отец Владимир был обезкуражен. Риман похлопал его по плечу:

— Батюшка, не печальтесь! Их тысячи гибнут в боях, и если бы по каждому служить панихиду — вы представляете... Надо трезво смотреть на вещи. У вас хорошая душа, я вижу. Но в данной обстановке вы наивный человек...

Отец Владимир тоскливо отправился в свое купе и не спал всю ночь.

На следующее утро, когда все собрались, генерал Риман, гремя шпорами, вошел в столовую. Долго жал священнику руку.

— Вы вчера на меня обиделись. И, пожалуй, осуждаете. Но поймите, что война — мясорубка, и красноречивое тому доказательство — братские могилы... Не сердитесь?.. Нет... Ну, поцелуемся...

Я прослужил в поезде два года, а затем его покинул, подав рапорт о расстроенном здоровье.

Когда началась революция, я служил в Румынии и о событиях, происходивших в поезде Императрицы в первые революционные дни, знаю со слов некоторых членов персонала.

А случились любопытные вещи.

Переворот застал поезд в Киеве, где Риман в то время квартировал, переселившись из Харькова.

Узнав о перевороте, генерал собрал команду и произнес речь:

«Братцы, вы все знаете, что произошло в России. Государь Император отрекся от Престола, и верховная власть перешла в руки временного правительства. Вы раньше верой и правдой служили Государю Императору, нынче должны повиноваться временному правительству и исполнять его приказания.

В связи с новым строем жизни я получаю другое назначение. И скоро оставляю поезд. Быть может, еще сделаю с вами один рейс, быть может, не удастся, если меня отзовут экстренно, и тогда через несколько дней я приду проститься с вами... Все выяснится в течение 2-3 дней.

А пока, братцы, скажу вам. Я вами доволен, вы мне служили хорошо, повиновались, как добрые солдаты. Если я был для вас плохим начальником, прошу простить. Но я вас полюбил, и мне будет тяжело с вами расставаться, дорогие мои солдаты!.. Не поминайте лихом, братцы!..»

Команда плакала...

Собрав персонал, Риман назначил временного заместителя, дал приказ несколько дней оставаться в Киеве, выжидая дальнейших событий.

— Я явлюсь и сообщу вам, куда и когда идет поезд. Со мной или без меня. Ожидайте моих распоряжений.

С любезной улыбкой подал каждому руку и удалился в купе. А через полчаса вышел с большим чемоданом в руках, сел на извозчика и уехал...

Так скрылся Риман.

С тех пор никто из команды персонала поезда никогда не видел генерала.

Позднее, когда киевский совет солдатских и рабочих депутатов распорядился разыскать Римана, и явились за ним на его квартиру, прислуга отвечала:

— Несколько дней назад генерал с женой пошли погулять и больше не возвращались. Быть может, они арестованы.

Но супруги Риманы не были арестованы. Они бесследно исчезли из Киева — неизвестно куда.

Персонал и команда поезда поняли все. Команда осталась на стороне генерала.

— Что ж, кому хочется в тюрьму добровольно? Схоронил концы.

— Но, выходит, и вам он не верил? — говорили им со стороны.

— Нонче такие времена, что и родному отцу не пове-ришь. Да и разные люди могли промеж нас оказаться...

Только после угроз команда стала замазывать краской короны и вензеля на вагонах и сорвала доску, на которой было начертано наименование поезда.

Санитары отвечали:

— Генерал свой приказ даст. Он об этом нам никаких разговоров не делал.

— Прошло время генералов! — внушали команде.

— Нас не касается...

Эпилог разыгрался в пассажирском поезде, имевшем направление на Торнео.

За несколько станций до шведской границы в поезде проходил контроль. Он с трудом продвигался, потому что в коридорах стояли пассажиры тесными толпами, сидели на чемоданах, сундуках, узлах. Разнузданные солдаты, дезертиры с фронта, которые нагло лезли в вагоны на всех станциях в России, здесь, в финляндском поезде, попадались единицами — ведь редко кому из них могла бы понадобиться шведская граница... В одном из вагонов контроль обратил внимание на запертое купе.

— Здесь сестрица больного везет! — сказал кто-то. — Уж мы их не беспокоим.

Но военный комендант постучал в дверь:

— Отоприте!.. Проверка документов!..

Дверь стала отодвигаться, и в щель просунулась голова пожилой женщины в косынке.

— Заходите сюда, я боюсь, что больного просквозит.

Длинный человек лежал, закутанный в плед, и на щеке была повязка.

Комендант внимательно всматривался и заподозрил мистификацию.

— Чем болен?

Сестра отвечала:

— Ревматизм, колено ломит, а затем мучительная зубная боль.

— Ну, это не так серьезно.

— Он сильно страдает.

— И вы, сестра, специально командированы сопровождать такого больного?

— Он мой муж.

— А-а-а, — протянул комендант, многозначительно переглянувшись с сопровождающими. — Покажите ваши документы.

Больной оказался ветеринарным врачом Ивановым, женщина — сестрой киевского эвакуационного пункта, женой ветеринарного врача.

Комендант прочел документы и сказал:

— Прекрасно, но зачем вы занимаете целое купе, когда поезд переполнен?.. Больной не настолько серьезен. Вам придется потесниться...

— Я вас просила бы к нам никого не сажать. Разрешите остаться в купе вдвоем.

— Не разрешаю! — отрезал комендант и протянул документы обратно.

Сестра милосердия схватила их поспешно, но следовавший в контроле штатский в фетровой шляпе и черном пальто прикоснулся к ее руке.

— Позвольте мне на секунду документы?

Сестра изменилась в лице, но овладела собой и произнесла с деланной улыбкой:

— Ах, пожалуйста!

Воцарилось молчание.

Штатский обратился к коменданту:

— Сестра 51-го тылового эвакуационного пункта написано прописью, а печать 57-го пункта.

— Это простая описка, — сказала сестра бледнея.

— Жена служит на 57-м тыловом эвакуационном пункте в Киеве, — вставил больной.

– Хорошо, мы разберем, потрудитесь следовать за нами вдвоем! – приказал комендант.

– Но мой муж больной.

– Я не намерен повторять приказания! Иначе буду вынужден применить силу.

Больной покорно поднялся и взял жену под руку. Возле дверей столпились любопытные. Едва он появился в коридоре, какой-то студент крикнул:

– Это генерал Риман.

Протиснулся вперед:

– Вы – генерал Риман, я вас видел под Москвой!..

Возбужденный, стал восклицать жестикулируя:

– Товарищи, это тот Риман, который в 1906 году расстреливал восставших революционеров под Москвой!.. Если среди вас есть москвичи – посмотрите на него, я его сразу узнал!.. Поймали Римана – мы его не должны выпустить!..

В воздухе запахло кровью...

К счастью для Римана, поезд замедлял ход, остановился на станции, и конвой поспешил увести супружескую чету.

Супругов обыскали. У них нашли солидную сумму денег в шведской и германской валюте. Деньги отняли. Риман был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость.

Он разделял участь Штюрмера, Протопопова и других.

Но в июне месяце 1917 года, по приказу А. Ф. Керенского, Римана освободили на том основании, что он последние 10 лет не принимал никакого активного участия в политической жизни страны.

И генерал с женой выехали в Германию.

Риману повезло.

* * *

Бывший поезд Императрицы превратился в обычный тыловой военно-санитарный поезд.

Никто из персонала не пострадал, команда поезда не превратилась во взбунтовавшихся рабов, но и во время революции честно несла свою службу.

Персонал первое время опасался эксцессов со стороны, хотя после бегства Римана поезд оставили в покое и скоро о нем забыли.

Владимир УНКОВСКИЙ

«МОЛИТЕСЬ О НАС...»

Из дневника В. Чеботаревой

1917 год

9 января. [...] Вчера опубликовано распоряжение: по повелению Государыни Императрицы соблюдать строгие гуманитарные правила содержания военнопленных.

Ростовцев говорит, что, возможно, действительно имеется неопубликованный декрет о регентстве, так как не раз и к нему приходили циркуляры по повелению Ее Величества. Грустно смотреть на всё происходящее, 17-е ни к чему не привело, «убрали палку, а не быющего». [...]

Как молва пристрастна – ненависть к Государыне так велика, что всё готовы Ей приписать: «Война, а Она наряжается, безумные деньги тратит на туалеты». Безусловная ложь – одевается Сама и Девочки мешански просто, перешиваются без конца старые платья с вышитыми красными мотивами, что-то вроде скорпионов. До сих пор эти платья живы и одеваются к обеду. Большинство платьев ужасно.

14 января. Сегодня Государыня принимала Сергея Николаевича – получена телеграмма о катастрофе в Ливадии – рушится и ползет санатория. Грустно, ни единой шутки, улыбки.

5 февраля. Третьего неожиданно приехала к нам Государыня, первый раз после «происшествия». Бодрая, ласковая, минутами задумается и выражение какое-то отсутствующее. Ко мне ласково подошла: «У Меня были сестры, рассказывали, что вашего мужа видели. Я думаю, что удастся устроить его перевод в нейтральную страну. Если доктора не пустят, может быть, Мне удастся». Вот эта последняя деталь – косвенное подтверждение слухов о возможности. Не верю, никогда не поверю, что побудительная причина – желание им помочь.

Единственное похожее на правду объяснение – полное уничтожение Германии, что повлечет за собой свержение

Гогенцоллернов, той опоры монархизма в Европе, на которую рассчитывают, если заколеблется Трон Сына. Что-то жуткое творится за кулисами политики. Молва все неудачи, все перемены в назначениях приписывает Государыне. Волосы дыбом встают: в чем только Ее не обвиняют, каждый слой общества со своей точки зрения, но общий, дружный порыв – нелюбовь и недоверие. [...] Роковая, несчастная женщина, все складывается против Нее, а стоит посмотреть в Ее чистые, умные глаза и поймешь, что на низкий поступок Она неспособна – такая прямая, ясная. [...]

27 февраля. [...] Что это – только бунт? Или переворот? Жутко, не в силах глаз сомкнуть. Что-то завтрашний день даст? Государь собирался вернуться, говорят, не сможет. А здесь дети в кори, 390–400, несчастные, милые. Какой всё ужас. Господи, спаси Россию! Немцы-то, немцы ликууют, неужели и это дело их рук? Как все произошло, еще не уясню себе. [...]

28–1 марта, 2 часа ночи. [...] Озлобления не замечается. Какая-то планомерная организация. Грабежа не видно пока, пьянства тоже. Выпустили только арестантов из всех тюрем, сожгли участки, Окружной суд, взяли «Асторию»*; какова судьба иностранных офицеров – неизвестно. [...]

Много случаев самоубийства [офицеров], не хотят подчиниться бунтующим, стреляются сами. [...]

Сегодня [из Дворца] звонили к Варваре Афанасьевне: «Всё кончено, все перешли на их сторону. Молитесь о Нас, больше Нам ничего не нужно. В крайности, всё готово – увезти Детей, хоть и больных. От них скрываем происходящее. Лежат все трое в одной комнате в полной темноте, очень страдают, только маленькие все знают». Какая трагедия! И неужели Она в ней виновата? Кошмар. Наши всё верят, что Государь утвердит правительство Родзянко²⁸⁵ и спасение возможно, я же полна сомнений. [...]

2 марта. Вчерашний день был жуток. Город во власти вооруженных взбунтовавшихся солдат. Разграбили лавки – Лишцина, Курчавина, Осипова, двух несчастных

---

* В этой гостинице располагались военные миссии союзников. – С. Ф.

безногих сапожников, унесли все сапоги, машину сломали; иные пытались остановить, урезонить. Утром все же пошла в лазарет под выстрелами. Стреляют пьяные, больше холостыми, но и боевыми, изредка в воздух. Но в пьяных руках ружье танцует, много было случаев случайного ранения. Жутко было идти. Служащие Экономического общества надели красные розетки, встречной группе солдат закричали: «Да здравствует революция, ура, ура!» Крики, гвалт, музыка. «Вставай, поднимайся, рабочий народ...» [...]

Приезжали два члена Думы, урезонивая; ходят патрули, от Думы присланы какой-то преображенец и, кажется, стрелок управлять временно городом. [...]

Вчерашние беседы с Ритой*: «Je ne peux pas, je ne partirai pas, je ne peux pas laisser Alexis maintenant»**.

---

* Фрейлиной М. С. Хитрово. — С. Ф.

** «Я не могу, я не покину, я не могу оставить теперь Алексея» (фр.).

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Судебно-следственный материал об убийстве Русской Императорской Семьи, собранный судебным следователем Соколовым и изданный им под общим заглавием «Убийство Царской Семьи» на основании вещественных доказательств и свидетельских показаний, подробно обрисовывает ту кошмарную обстановку, в которой погибла Русская Императорская Семья. Но все же данные эти не говорят ясно о том, кто же погиб в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. Может быть, это была Царская Семья, но, может быть, это могли быть и другие люди? Поэтому о личности убитых можно догадываться только на основании логики.

Мы знаем, Английский король Карл I²⁸⁶ был казнен всенародно. Точно также и Французский король Людовик XVI²⁸⁷ был гильотинированным среди белого дня на глазах у десятка тысяч зрителей. Только большевики убили Русскую Императорскую Семью в глухую и темную ночь, трупы убиенных вывезли в лес и, облив их бензином, сожгли, а останки побросали в старые заброшенные шахты. Другими словами — большевики совершили свое убийство в обстановке, способной породить всевозможные слухи и легенды. Вот почему очень и очень многие склонны верить слухам о том, что в ночь с 17-го на 18 июля 1918 года в Екатеринбурге погибла не Царская Семья, а какие-то другие [люди], так как первые спаслись чудесным образом.

И действительно, почему большевики убили Царскую Семью глухой ночью и тайком, как воры?

Ответов на это может быть только два: или 1) большевики боялись открыто убить Царскую Семью, или же 2) Царская Семья действительно спаслась и большевики были вынуждены симулировать Ее убийство в уверенности, что спасшиеся долго не смогут Себя проявить или по причине Своего нахождения в пределах России, или же по

причине той душевной катастрофы, которую несомненно должна была пережить Царская Семья.

Чудесному спасению Царской Семьи можно верить или же не верить. Это дело каждого человека. Для меня же лично Царская Семья несомненно погибла. И вот я хочу написать несколько строк в воспоминание о последней Государыне Земли Русской и Ее Детях, — написать о Них не как о Коронованных Особах, а просто как о людях, с Которыми я сталкивался близко в течение года с лишним в лазарете, где работали Государыня и две Ее старшие Дочери — Ольга и Татьяна. Сестры Романовы — вот скромное звание Высочайших Сестер в списках медицинского персонала лазарета.

В Собственный Ее Величества лазарет меня привезли с фронта 3 февраля 1916 года тяжело раненого: одна моя нога была совсем раздроблена, а другая сильно ранена в колено. Лазарет этот тогда назывался не Собственный Ее Величества, а Дворцовый лазарет № 3.

Находился он в глубине небольшого сада, обсаженного липами, березами, кленом, кустами жасмина и сирени, в 100-150 шагах от улицы и недалеко от Царскосельского Дворянского собрания. Рассчитан был лазарет на 30-35 человек офицеров и 60-70 человек солдат. Причем, офицерское отделение лазарета помещалось отдельно от солдатского в небольшом двухэтажном доме полубарачного типа и с большой верандой. В первом этаже был устроен самый лазарет, а во втором — жили сестры милосердия, обслуживавшие лазарет. Обстановка в лазарете была самая скромная: простые кровати в палатах, белые крашенные табуреточки и тумбочки у кроватей, простенькая мебель в небольшой уютной гостиной в стиле [Императора] Александра I и т. д. Только в одном нам другие лазареты могли позавидовать: за нами ухаживала Царская Семья.

Шум улицы глухо доносился до нас, лежащих в лазарете. Только резкие гудки автомобилей, пронзительные свистки приходящих и уходящих поездов, четкие удары копыт лошадей о мостовую улицы нарушали наш покой. Довольно часто доходили до нас звуки меди — печальные и торжественно-величавые. То были звуки похоронного марша — жуткое дыхание отдаленной войны. Это значит, что кто-то из наших боевых соратников, менее счастливый, чем мы, израненные и искалеченные, — проходил свой последний земной путь под звуки Шопена или же Бетховена. В об-

щем, мы лежали изолированные от жизни. Первое время после фронта, без взрывов артиллерийских снарядов, свиста пуль, шипения ракет и т. д., тишина лазаретной жизни меня поражала, точно я попал под стеклянный колпак электрической машины. И долго я не мог привыкнуть к этой гнетущей тишине.

В Дворцовом лазарете № 3 я пролежал с 3 февраля 1916 года по 3 марта 1917 года, то есть целых 13 месяцев. Летом 1916 года в день двухлетнего юбилея лазарет был переименован в Собственный Ее Величества лазарет и в буквальном и переносном смысле. В переносном потому, что он находился под непосредственным покровительством Государыни Императрицы Александры Феодоровны, а в буквальном — потому, что в нем работали Государыня и Ее две старшие Дочери, как самые обыкновенные сестры милосердия.

— Это Наш лазарет, в Нашем лазарете, — не раз приходилось нам слышать из уст Великих Княжен — Ольги и Татьяны.

Да, это был лазарет Государыни. Лазарет, созданный по Ее мысли, поддерживаемый Ее заботами и деньгами.

Во главе лазарета стоял доктор медицины княжна Вера Игнатьевна Гедройц — прекрасный хирург и хороший скрипач, впоследствии расстрелянная большевиками*. Ее ассистентом был совсем простой земский врач Е. П. К-в**. Сестры милосердия большей частью были тоже нетитулованные, кроме графини Н. А. Рейшах-Рит. Делопроизводство, например, вел совсем малограмотный латыш²⁸⁸. Несколько позже, в Евпатории и в Севастополе, мне не раз приходилось слышать:

— А, наверное, чтобы попасть в этот лазарет, требовалась большая протекция, а вы, конечно, Шефского полка?

Почему-то про Собственный Ее Величества лазарет думали, что туда могут попасть только титулованные, вроде князей, шефских и т. д. Конечно, это было большое заблуждение. Поэтому в ответ спрашивавшему я, улыбаясь, отвечал:

— Я не Шефского полка: я самый обыкновенный офицер пулеметной команды 10-го Кубанского пластунского батальона. А протекция, чтобы попасть в Собственный Ее Величества лазарет, требуется действительно очень большая. Для этого нужно быть только ... тяжело раненым.

---

* Ошибочные сведения. — С. Ф.

** Евгений Петрович Карпов.

И действительно, главный контингент раненых лазарета составляли пехотинцы, реже — других родов оружия, еще реже гвардейцы и совсем редко титулованные. За время своего пребывания в лазарете из титулованных я помню только двоих — захудалого кавказского князя Э-ва* и барона Ф. Д. Та-е**. Время от времени поезд имени Ее Величества с княжной Гедройц и с персоналом для обслуживания отправлялся на фронт и привозил оттуда особо «привилегированных» раненых — без рук, без ног, с раздробленными черепами или с развороченными животами.

Я уже сказал, Собственный Ее Величества лазарет находился под Высоким покровительством не только по имени. Он в буквальном смысле был лазаретом Государыни, в котором работала Сама Императрица и две Ее старшие Дочери, — работали, как самые простые, обыкновенные и милые сестры милосердия.

Никогда не позабуду впечатления от первой встречи с Государыней.

О том, что Государыня прибудет в лазарет после Своей сердечной болезни и трехмесячного отсутствия нам, раненым лазарета, было известно заранее. Ее приезд я ждал с нетерпением и волновался ужасно. Но помню — над всеми другими чувствами во мне господствовало *любопытство*. Личность Государыни в моем сознании связывалась с необычайным блеском и великолепием.

И что же?

Если бы не моя палатная сестра О. П. Г-ва***, сопровождавшая Государыню и сказавшая при входе в палату: «А вот, Ваше Величество, наш новый раненый, прапорщик С. П. Павлов», — я бы так и не узнал Государыни: так разительно не сходилось мое представление о Ее личности с действительностью.

Предо мной стояла высокого роста стройная Дама лет 50 в простом сереньком костюме сестры и в белой косынке. Государыня ласково поздоровалась со мной и расспросила меня, где я ранен, в каком деле и на каком фронте. Чуть-чуть волнуясь, я ответил на все Ее вопросы, не спуская глаз с Ее лица. Почти классически правильное, лицо

---

* Князь Эристов.

** Ф. Д. Таубе.

*** Ольга Порфирьевна Грекова.

это в молодости, несомненно, было красиво, очень красиво, но красота эта, очевидно, была холодной и безстрастной. И теперь еще, постаревшее от времени и с мелкими морщинками около глаз и уголков губ, лицо это было очень интересно, но слишком строго и слишком задумчиво. Я так и подумал: какое правильное, умное, строгое и энергичное лицо.

Черты лица Государыни отличались четкостью и законченностью, я бы даже сказал скульптурностью: они точно были высечены из мрамора. Многие говорили об уме и властности Государыни. И действительно — резко и твердо очерченный подбородок говорил не только об уме Государыни, но даже и об упрямстве. Цвет лица Государыни не отличался особой чистотой и ровностью — оно было с красноватыми пятнами, особенно густо собравшимися на скулах. Пятна эти говорили о близком расположении кровеносных сосудов к поверхности кожи на лице. Поэтому лицо это в минуты сильного душевного волнения было способно бледнеть, как мрамор, и краснеть, как пион. Особенно меня поразили глаза Государыни — большие, светло серые с оттенком стали, выразительные и... грустные, точно в глубине Своего сердца Она переживала тяжелую внутреннюю невысказанную драму. Никогда после я не видел, чтобы глаза эти повеселели, когда-либо блеснули искоркой неподдельной радости и веселия, в них навсегда застыло выражение невысказанной боли и грусти. И улыбка Государыни — задумчивая, усталая и грустная, всегда говорила о том, что это была уставшая от жизни Женщина.

Великая Княжна Ольга, говорили, была похожа на Государя.

Не знаю. При мне Государь ни разу не приезжал в лазарет: Он был на фронте. Но если Великая Княжна Ольга была похожа на Государя, то синие глаза Княжны говорили о том, что Государь был человек исключительной доброты и мягкости душевной.

Великая Княжна Ольга была среднего роста стройная девушка, очень пропорционально сложенная и удивительно женственная. Все Ее движения отличались мягкостью и неуловимой грацией. И взгляд Ее, быстрый и несмелый, и улыбка Ее, мимолетная — не то задумчивая, не то рассеянная, — производили чарующее впечатление. Особенно глаза. Большие-большие, синие, цвета уральской бирюзы, горящие мягким лучистым блеском и притягивающие.

В обращении Великая Княжна Ольга была деликатная, застенчивая и ласковая. По характеру Своему — это была воплощенная доброта. Помню — раз мне было тяжело и неприятно: перевязки были моим кошмаром. Одно уже сознание, что вот, мол, через 20 минут меня возьмут на перевязку, кидало меня в холод и жар: такие страшные боли мне приходилось переживать. В этот день мне как раз предстояла перевязка.

Пришла Княжна Ольга.

Посмотрела на мое расстроенное лицо и, улыбаясь, спросила:

— Что с вами? Тяжело?

Я откровенно рассказал Ей в чем дело.

Великая Княжна еще раз улыбнулась и промолвила:

— Я сейчас.

И действительно, с этого времени мне начали впрыскивать морфий не за 3-4 минуты до начала перевязки, как это делали раньше, и когда он не успевал действовать, а заблаговременно — минут за 10.

В другой раз поручику Сергееву Великая Княжна Собственноручно написала письмо родным домой, так как у последнего была ампутирована правая рука. Вообще про доброту Княжны Ольги в лазарете рассказывали удивительные вещи.

Если Великая Княжна Ольга была воплощением женственности и особенной ласковости, то Великая Княжна Татьяна была, несомненно, воплощением другого начала — мужественного, энергичного и сильного. Немножечко выше старшей Сестры, но такая же изящная и стройная, Она обнаруживала большую твердость и силу во всем. Соответственно Ее характеру и движения Ее, хотя и мягкие, были четки и резки. Взгляд — выразителен и смел. Здоровалась Она также чисто по-мужски, крепко пожимая руку и глядя прямо в глаза тому, с кем здоровалась.

В минуты задумчивости глаза Княжны Татьяны принимали какое-то странное выражение. Они точно смотрели изнутри, мимо собеседника, куда-то вдаль. Такое выражение в глазах я замечал у слепых с открытыми глазами. Если Великая Княжна Ольга предрасполагала к откровенности и интимному разговору, то Великая Княжна Татьяна вызывала к Себе чувство глубочайшего уважения. Она была также доступна, как и Княжна Ольга. Но в минуты тяжелого душевного со-

стояния я обратился бы не к Ней, а именно к Великой Княжне Ольге, к Ее доброму славному сердцу.

Великая Княжна Мария была дороднее обеих старших Сестер. Выше Княжны Ольги и чуть ниже Княжны Татьяны. Про Нее трудно было сказать что-либо определенное. Ее характер еще находился в периоде формирования. Тогда Она была еще очень застенчивой девушкой, полной и плотной, с большими темно-кариими глазами. И лицо у Нее было настоящее русское простое, широкое, доброе и безхитростное. Во время революции, когда Царская Семья сидела арестованной, Она проявила Себя как натура исключительно сильная, энергичная и мужественная.

Помню – придет, бывало, в лазарете к раненому в палату и просидит у него ...час ...два. Сама ни за что не уйдет – разве позовут старшие Сестры. Занимает больного разговорами, играет с ним в домино или в какую-нибудь другую игру и ...увлечется Сама.

Про Великую Княжну Марию говорили, что Она была похожа на Свою прабабку Императрицу Елизавету Петровну.

Великая Княжна Анастасия днем бывала у нас редко. Она была еще совсем подростком. Про Нее я могу сказать лишь, что Она обещала быть красавицей и очень любила играть ...в крокет.

Наследник Престола был у нас всего четыре или пять раз: Он был вместе с Государем в Ставке. Но когда Он приезжал из Ставки к Матери, Его обязательно привозили к нам. Два раза я видел Его в форме армейской пехоты и два раза в черкеске, которая Ему очень шла.

Это был живой энергичный и бойкий мальчик, с удивительно белым и чистым цветом лица. В каждом Его слове, в каждом жесте так и чувствовалась невысказанная мысль:

– Я Наследник!..

Ходил Наследник прямо, не хромя. Зная еще раньше, что Он лечился от перелома ноги – я пристально вглядывался в Его походку, но следов перелома при ходьбе не заметил. Помню – как-то барон Т[ау]бе рассказал мне о сказочно быстрой постройке Евпаторийской ветки Крымской железной дороги от станции Карасубазар. Дело в том, что Наследника Престола из Севастополя, где Он лечился в Институте физических методов лечения, нужно было перевезти в Саки для грязелечения. Но из Севастополя в Саки

и в Евпаторию тогда можно было проехать только на автомобиле: железной дороги еще не было. И вот было решено Наследника Престола перевезти обязательно по железной дороге. Неизвестно – только [ли] желание перевезти Наследника обязательно по железной дороге повлияло на вышеуказанное решение или же здесь принимали участие и другие соображения, вроде того, что такие первоклассные грязелечебные станции, как Саки, и такие первоклассные морские купания, как Евпатория, нуждаются в удобных и дешевых путях сообщения, – не знаю: вероятнее всего второе соображение именно и было причиной постройки железной дороги, но самую постройку ее приурочили ко времени перевозки Наследника Престола. Сказано – сделано: через четыре недели Евпаторийская ветка Крымской железной дороги начала уже функционировать. Если мы примем во внимание, что от Карасубазара до Евпатории приблизительно 40-45 верст, а самая насыпь железной дороги почти вся покоится на бетонной площадке по причине болотистости местности, по которой пролегает дорога, – то нужно считать, что Евпаторийская железная дорога построена прямо со сказочной быстротой... Такие сказки были мыслимы только во времена Самодержавия.

Наследник был общим баловнем Семьи. Большой шалун – Он должен был доставлять старшим немало хлопот и огорчений. В лазарете был такой случай. Наследник забрался на выпяженную водовозную клячу. Старшие Сестры увидели это и пришли в ужас, а Наследник сидит себе на лошади, радуется и хохочет.

Наследник был удивительно похож на Свою старшую Сестру – Великую Княжну Ольгу – такой же нежный и чистый полуoval лица, такие же мягкие черты и такие же синие, ласковые прелестные глаза.

Высокие Сестры приезжали в Свой лазарет ежедневно и проводили здесь зимой от 9 до 2-х часов дня, а весной и летом, кроме того, приезжали еще и вечером и частенько засиживались до часу ночи.

С приездом Высочайших Особ в лазарете начиналась трудовая жизнь – перевязки и операции. После Своей болезни Государыня редко принимала участие в этих работах. Обыкновенно Она привозила с Собой какую-нибудь работу, чаще всего вышивку. Садилась около особенно тяжело раненого и, занимая его разговором, одновременно

вышивала. В этих вышивках сказывался большой и тонкий вкус Государыни: я редко видывал такую искусную вышивальщицу. Особенно хорошо вышивала Государыня цветной гладью — это были настоящие художественные работы.

Сидеть и ничего не делать в лазарете — было исключительно привилегией Государыни. Остальные работали все.

Великая Княжна Ольга взяла на Себя утренний разнос лекарств по палатам и обязанность эту Она выполняла аккуратно до педантизма. Принесет, бывало, лекарство, улыбнется ласково, поздоровается, спросит, как вы себя чувствуете и уйдет неслышно. Глядя на Нее, и на душе делалось светлее и чище: так иной раз в угрюмый осенний день, когда небо обволокло тучами и целый день идет дождь, думаешь о небольшом кусочке голубого весеннего неба. Иной раз Княжна Ольга переменяла и воду в вазах с цветами. Мне говорили — раньше Она работала и в перевязочной. Но ужасный вид искалеченных людей сильно расшатал Ее хрупкую нервную систему, и Она совсем отказалась от работы в перевязочной.

Великая Княжна Татьяна Николаевна с самого открытия лазарета безменно делала перевязки и помогала княжне В. И. Гедройц во время производства операций. Как выдерживал Ее нежный организм вид ужасающих ранений — не знаю. Мне лично было всегда странно видеть, как Она Своими проворными и ловкими руками накладывала перевязки на раны. И все у Нее выходило чисто, аккуратно и хорошо. Иной раз поднимет, бывало, голову, пристально посмотрит в глаза и, улыбнувшись, спросит:

— Не больно?

— Не больно, — отвечаешь сквозь стиснутые зубы, а боли на самом деле адские.

Как-то Великая Княжна Ольга сказала мне, что завтра Они у нас в лазарете не будут, так как Они должны будут посетить лазарет Большого Дворца (Екатерининский дворец) и что Им там будет очень скучно. С присущей Ей мягкой и застенчивой улыбкой Великая Княжна объяснила и причины этой скуки:

— Там все так строго и официально, что приходится следить за каждым Своим шагом, так как там Мы в центре внимания. Нам никогда там не нравилось и сестры там такие важные. Только у Себя, в Своем лазарете, Мы чувствуем Себя хорошо и уютно!

В устах Великой Княжны это звучало очень оригинально. Действительно, Высокие Сестры любили Свой лазарет.

Любовь эта проявлялась на каждом шагу и не на словах, а на деле, — в каждой мелочи обыденной жизни.

Прежде всего — взять бы хотя одно: все свободное время Семья Государя отдавала раненым и больным воинам вообще и, в частности, раненым и больным Своего лазарета. По причине войны все балы, все торжественные приемы во Дворце и официальные аудиенции были отменены и Царская Семья знала только одного рода развлечение — посещение разных лазаретов и в праздничные дни выезжала на литургию в Феодоровский Собор.

Дальше. Зимой, например, Государыня регулярно присылала в лазарет свежие цветы и фрукты, весной — черешни и персики, летом — землянику, клубнику, дыни и арбузы, а осенью — груши и виноград. Когда под вечер слышались характерные звуки Императорского автомобиля у ворот нашего сада, раненые так и знали, что это Государыня хочет чем-нибудь побаловать Своих раненых. И раненые глубоко ценили эти знаки Монаршего внимания.

Заботы и огорчения раненых весьма близко принимались Высокими Особами к сердцу. Так, например, в тяжелые минуты никто не умел так утешить человека, как Государыня. Она умела как-то особенно близко подходить к человеку. Много раз Государыня раненым лично помогала переводиться в другие полки, если сам раненый офицер почему-либо не мог туда перевестись.

Помню, был такой случай. Капитан А-в* из простых, но удивительно доблестный офицер, произведенный в офицеры за свои незаурядные боевые заслуги, никак не мог поехать домой на побывку. Причиной было то, что в Сибири не было так называемых эвакуационных пунктов и, следовательно, капитана А-ва нигде не могли взять на учет. Государыня выслушала капитана А-ва и даже поинтересовалась, что ему пишет жена из дому. Капитан прочитал Государыне письмо своей жены. Последняя выслушала письмо с глубоким вниманием и сказала:

— Ничего, как-нибудь этот вопрос Мы уладим.

---

* Андреев.

На другой день в параграфе 1 приказа по Царскосельскому особому эвакуационному пункту я прочитал: «По Именному Высочайшему повелению капитан А-в увольняется на 3 месяца в отпуск домой в город Никольск-Уссурийск».

Можно представить радость капитана А-ва.

В другой раз в нашей палате умер поручик Васильев. По этому случаю Государыня сказала:

— Не сумели мы его вырвать из когтей смерти. Слабы еще человеческие знания». — И на глазах Ее дрожали слезы.

Раненым лазарета старались доставить всевозможные развлечения. По распоряжению Государыни раз и навсегда — если бы больные и раненые лазарета захотели покататься, из придворного ведомства присылались лошади — обыкновенно четырехместное ландо, спокойное и удобное. Об этом желании нужно было только заявить сестре палатной за день. И если во время катания Высокие Особы видели Своих раненых, то обязательно останавливали Свой автомобиль и подходили к ним. Помню — со мной самим был такой случай: меня повезли кататься в первый раз. Это было весной 1916 года. Так как я был очень слаб, то с нами поехала и моя палатная сестра О. П. Г-ва*. День стоял весенний — ясный солнечный и веселый. Сначала мы колесили по Екатерининскому парку, а потом нам захотелось в Павловск. Только что мы успели завернуть на прямое шоссе в Павловск, как нам повстречался Императорский автомобиль. В нем сидели Государыня и две старшие Великие Княжны Ольга и Татьяна. Увидев нас, автомобиль остановился. Государыня и Великие Княжны слезли с автомобиля, подошли к нам и минут 15 поговорили с нами. Расспросили раненых, как они себя чувствуют, не плохо ли и т. д. Был какой-то праздник. Кажется, чуть ли не Вознесение Господне. Шагах в 30 наше ландо окружала плотная и любопытная толпа. Она, наверное, дивилась, что Повелительница 180 миллионов так просто разговаривает с ранеными офицерами.

В лазарете довольно часто устраивались и концерты. На них приглашались или артисты Императорских театров или же ученики Петроградской консерватории. Раз, между прочим, выступила и м-ме Краснова, с большим чувством и умением спевшая несколько простонародных песен. Но очень

---

* Ольга Порфирьевна Грекова.

часто мы устраивали домашние концерты сами. На них выступали наши раненые офицеры — декламировали, пели и играли. Раз даже поставили отдельные сцены из оперетты «Иванова Павла». Причем, роль учителя географии исполнял командир Шефского 21-го Сибирского стрелкового полка Сергеев, как будто бы самой природой созданный для этой роли. Аккомпанировала обыкновенно Великая Княжна Ольга Николаевна, обладавшая замечательным музыкальным слухом. Для Нее, например, ничего не стоило подобрать аккомпанемент к совершенно незнакомой Ей мелодии. Игра Ее была тонкая и благородная, туше — мягкое и бархатное. До сих пор помню один вальс, старинный дедовский вальс — мягкий, грациозный и хрупкий, как дорогая фарфоровая игрушка — любимый вальс Великой Княжны Ольги. Мы часто просили Великую Княжну Ольгу сыграть нам этот вальс и почему-то мне от него делалось всегда очень грустно.

Свет обыкновенно тушился. Горел только один камин. Сухие березовые дрова потрескивали весело и дружно. Красный свет, дрожащий, как беззвучный смех — освещал часть гостиной, сидевших на креслах около стен и противоположную стену. Часть гостиной тонула в тени. В обстановке этой полутемени-полусвета грани различия как-то незаметно стирались и отношения становились как-то проще и интимнее. Вечера эти создавали какие-то особенные настроения... Конечно, аплодисментов никаких.

В голове так много фактов, что не знаешь, который из них взять, чтобы лучше и ярче оттенить нежный и благородный образ Высоких Особ. Вот, например, летом 1916 года на фронте потребовались индивидуальные пакеты. По разверстке на Царскосельский особый эвакуационный пункт пришлось что-то около 100 000 пакетов и, в частности, на наш лазарет 10 000. В заготовке этих индивидуальных пакетов приняли участие все могущие работать раненые, весь сестринский персонал и Высокие Особы. Для работ было образовано четыре группы по 4 человека в каждой группе, так как самую работу по характеру производства можно было шаблонизировать. В первой группе работала Сама Государыня, во второй группе работала Великая Княжна Ольга Николаевна, в третьей — Великая Княжна Татьяна Николаевна и в четвертой — Великая Княжна Мария Николаевна, против обыкновения оставленная Государыней

позже 10 часов вечера на период предпринятых работ. В первой группе работал и я.

От самого начала мы придали этой работе спортивный характер — кто больше?

И эта спортивность увлекла нас всех. Не только нас, простых смертных, раненых офицеров и сестер, но даже Великих Княжен и даже ...Саму Государыню.

— Днем Мы заняты, — сказала при этом Государыня, — и чтобы судить о том, кто больше выделает пакетов, все группы должны работать в одинаковых условиях и одинаковое количество времени.

В результате первая группа выделала больше всего пакетов. И это не потому, что другие группы старались уступить нашей группе, где работала Государыня, или же намеренно преуменьшали количество приготовленных пакетов, — нет, действительно, наша группа работала скорее и лучше всех других групп. И сколько было искреннего смеху, когда Сама Государыня присудила пальму первенства Своей группе.

Уезжая на фронт в Ставку к Государю, Великие Княжны строго наказывали раненым писать Им туда письма.

— Мы любим читать письма Наших раненых, — сказала как-то нам Великая Княжна Татьяна.

— Пишите, Мы будем очень рады, — добавила Великая Княжна Ольга.

И раненые писали.

Помню, первое письмо я писал с глубочайшим волнением. В ответ я получил очень милое письмо от Великой Княжны Татьяны Николаевны²⁸⁹. Великая Княжна писала мне:

«Сердечно благодарна вам за ваше хорошее письмо, за ваши чувства и пожелания. Очень радуюсь, что вы чувствуете себя хорошо. Передайте всем Нашим раненым Наш сердечный привет.

Татьяна».

Почерк у Великой Княжны Татьяны Николаевны был готический, но удивительно четкий и красивый. Глубокий знаток графологии сказал бы, что такой почерк должен обличать натуру сильную и мужественную.

В другом письме Великая Княжна Татьяна Николаевна писала мне:

«Вот это нехорошо, что у вас высокая температура. Вам хуже?

Мама очень беспокоится за вас. Впрочем, Мы Сами скоро приедем. Посмейте только к Нашему приезду иметь такую температуру.

Татьяна».

В третьем письме Великая Княжна Татьяна Николаевна писала:

«Скоро всех вас увидим. Мы чувствуем Себя очень хорошо.

Мама надеется, что вы уже ходите на костылях. Вы не можете себе представить, как это всех Нас радует: ведь вы Наш самый тяжелый раненый.

Вчера в Екатеринославской губернии были в поле и собирали васильки.

Тяжело вам было на первое время ходить? Шлю вам Свой особый привет и молю Бога, чтобы Он скорее поставил вас на ноги.

Татьяна».

Под этим письмом стояли еще две подписи: «*Александра*» и «*Ольга*».

Почерк у Великой Княжны Ольги Николаевны был мягкий и закругленный, чисто женский. Почерк Государыни, хотя и закругленный, был определенный, — твердый и сильный.

Славные, хорошие люди!

Еще перед отъездом на фронт Государыня выразила желание ко времени Своего приезда видеть меня на костылях. Поэтому в день Ее приезда в лазарет я принял свои меры. Мой вестовой Василий до прихожей довез меня на коляске, а там я взял костыли и уселся на плетеном кресле у входа. Жду. Входят Высокие Особы. Увидев меня, Государыня улыбнулась и промолвила:

— Очень хорошо!

Я ответил средним между утверждением и отрицанием. Но тут меня подвела М. С. Х-во*, почетная фрейлина, большая шалунья, безумно любившая Царскую Семью.

— Ваше Величество! Вы не верьте ему, — сказала она. — Это он только сегодня встречает Вас на костылях. До сих пор он ни разу не ходил на костылях.

Я готов был провалиться сквозь землю. Но Государыня улыбнулась еще раз и сказала:

---

* Почетная фрейлина Маргарита Сергеевна Хитрово. Сейчас замужем за сыном генерала Эрдели.

— И это хорошо, не ослушался: встретил на костылях.

В этот день во время перевязок Государыня сидела в перевязочной. По окончании перевязки мне дали костыли, и я четыре раза прошелся во всю длину перевязочной. Боли были такие адские, что у меня на глазах выступили слезы.

— Ничего, — утешила меня Государыня. — Это пройдет.

И с этого дня в продолжении месяца Государыня ежедневно заставляла меня по 4-5 раз пройти по своей палате. И действительно, к концу первого месяца я начал ходить уже гораздо лучше. Боли постепенно уменьшались.

Я был самым тяжелым раненым в лазарете. Было время, я почти умирал. Это было на Пасху 1916 года. Тогда в правой ноге у меня началось общее заражение крови, и одно время было такое положение, что врач лазарета даже поднимала вопрос об отнятии у меня правой ноги. И только Государыня Императрица не позволила это сделать. Когда к Ней обратились по этому поводу, Она сказала доктору лазарета (об этом мне после рассказывала княжна В. Гедройц):

— Отнять ему ногу, от слабости он может умереть скорее. Лучше положимся на волю Божию и ...оставим ему ногу.

Так я остался с обеими ногами.

Мой сильный организм переборол болезнь. И первый раз, когда мне дали костыли, чтобы я попробовал ходить, САМА ГОСУДАРЫНЯ ЛИЧНО СОЗВАЛА персонал лазарета, чтобы все увидели, что умирающий Павлов начал ходить.

Весной обыкновенно для нас, раненых, начинался праздник. Высокие Особы приезжали к нам и по вечерам с началом теплого времени. Обыкновенно с начала или же с середины мая.

Их приезда мы всегда ждали с большим нетерпением.

Высокие Особы приезжали в лазарет в сумерки. К этому времени раненые выходили на веранду или же ждали у крыльца.

Часов в 10 мы обыкновенно начинали играть в особую игру, которая называлась игрой в «рубль» и об этой игре знало все петроградское высшее общество.

Игра эта в сущности была очень простая и вся она состояла в том, что нужно было под вытянутыми ладонями рук на столе прятать серебряный рубль и при том так хорошо, чтобы противная сторона не отгадала, у кого рубль и под какой рукой. Сами же играющие разделялись на две

стороны. Командорами сторон были, конечно, Великие Княжны Ольга и Татьяна. Великая Княжна Мария Николаевна принимала участие то на одной, то на другой, смотря по Своему настроению.

Вот, в сущности, вся наружная конструкция этой знаменитой игры, но ...она нас очень увлекала. Достаточно сказать: иной раз мы заигрывались в нее до часу ночи.

Может быть, многим наше увлечение этой игрой покажется странным и удивительным, но причина этого увлечения была очень простая — игра имела для нас чисто спортивный интерес. Какая сторона возможно дольше удержит рубль в своих руках. В этом был весь секрет нашего увлечения этой игрой. Ведь увлекаются же солидные и флегматичные англичане во время своих переездов по океану перебрасыванием и ловлением бросаемых подушек. А что может быть прозаичнее этого занятия.

Теперь даже трудно передать ту атмосферу непринужденности и самого неподдельного и искреннего веселья, которые царили за столом во время этой игры. Стоял сплошной шум и хохот, шутки и остроумные замечания. Вообще простота, с которой Себя держали Государыня и Великие Княжны была замечательна и... попросту нас поражала. Тому, кто сам не был очевидцем этого, даже трудно было себе представить, до какой степени Они были доступны. Абсолютно никакой официальности и натяжки. Это были простые, милые и хорошие люди, с которыми мы, раненые, всегда чувствовали себя хорошо, тепло и уютно.

Простота Высоких Особ прямо очаровывала раненых, и они, в свою очередь, отвечали Им восторженным обожанием.

Мне не хотелось сказать *обожание*. Слово это опошлено донельзя, и оно совершенно не выражает всей силы и глубины того чувства, которое мы питали к своим Августейшим Сестрам. Но так как на человеческом языке не придумано еще другого слова, которое по смыслу могло бы точно выразить всю высшую силу симпатии к другому человеку, то я употребляю слово *обожание* в его наиболее благородном смысле.

В этом чувстве *обожания* соединилось все. Это было сложное чувство, которое едва ли даже поддавалось точному анализу. Здесь было и восторженное удивление, и сильная любовь, и глубокая благодарность Высоким Особам за Их заботы и внимание к нам, и преклонение пред

Их благородной простотой, — но более всего уважения — глубокого, безпредельного уважения и преданности.

Как-то в присутствии Великой Княжны Татианы Николаевны мы заговорили о русской литературе, о новых направлениях в ней и о том, что в наше время нет особенно крупных писателей, и что поэтому с особенным удовольствием читаешь старых классиков. Великая Княжна при этом сказала, что Они читают еще только Тургенева. В другой раз как-то мы заговорили о любви. Вышло это случайно. Стояли весенние сумерки. В саду было особенно хорошо, и настроение было такое красивое, что само собой разговор перешел на любовь. Маргарита Сергеевна Хитрово, восторженная смолянка, молодая и сентиментальная девушка, сказала что-то об идеальной любви. Поручик [пропуск в тексте] ей что-то возразил. Загорелся спор. Наконец, за разрешением спора обратились к Великой Княжне Ольге, Которая сидела с нами и безмолвно слушала, о чем мы говорили. Великая Княжна серьезно ответила:

— Я думаю, что любовь должна быть искренним и хорошим чувством, но без взаимного уважения настоящая любовь немыслима. В этом отношении Рита права.

Сказала и ...ужасно покраснела.

Сама Государыня в выборе тем для разговора была не менее проста. Она говорила с нами почти обо всем. Каждый пустяк Ее интересовал. Часто Она, например, раненого расспрашивала о его домашней жизни, о том, где он ранен, есть ли у него родные и как живут. И Сама часто делилась Своими личными мыслями и думами. Говорила даже политические и военные новости. Например, о выступлении Румынии мы знали дня за три-четыре до выступления последней. Однажды Она рассказывала, что очень любит верховую езду, но что лет 8 Она уже не может ездить, так как врачи запретили Ей это удовольствие.

Никогда не позабуду одного случая.

На этот раз Государыня была необычно взволнована. Об этом говорили Ее блестящие не по-обычному глаза.

— Сегодня получила письмо от Алексея, — сказала Она. — Он пишет, что Его произвели из-ефрейторов в младшие унтер-офицеры. По этому случаю Он пишет Мне, что Ему необходимо увеличить карманные деньги. До сих пор Он у Меня получал по 10 рублей в месяц. Что же, пришлось

увеличить. Теперь Он получает в месяц уже по 20 рублей, да единовременно Я выслала Ему еще 10 рублей.

Между прочим, я неоднократно обращал внимание на то, когда Государыня заговаривала про Алексея, Ее грустное лицо неуволимо менялось. Оно делалось особенно ласковым и приветливым. Может быть, Она потому так сильно любила Алексея, что Он был у Нее первым и единственным, но, может быть, Она любила Его особенно болезненно еще и потому, что боялась Его потерять каждую минуту.

Ведь Государыня была матерью, которая безумно любила Своего Сына, до болезненности.

После убийства Распутина Высокие Особы не приезжали в лазарет целую неделю и потом вообще как-то реже начали посещать Свой лазарет. И только на Рождество 1916-го я видел Царскую Семью у нас в лазарете. Высокие Сестры приехали к нам на елку без Наследника.

Я видел — настроение Царской Семьи было подавленное. Государыня Сама похудела и осунулась. В этот вечер я не видел улыбки на Ее застывшем в какой-то неподвижности лице, углы Ее губ были скорбно опущены книзу. Может быть, в это время бедная мать думала о Своем далеком Сыне в Ставке, в далеком Могилеве. Ведь уверили же Ее, что со смертью Распутина для Ее Семьи начнутся все беды — Муж Ее потеряет Трон, Сын умрет и т. д.

Государыня подарила нам всем по прекрасному альбому Царской Семьи с автографами. И я страшно жалею, что мне пришлось его уничтожить в Севастополе в начале 1918 года от большевиков.

На этот раз Высокие Особы просидели в лазарете недолго.

В последний раз Государыня с Княжнами была в лазарете в середине февраля 1917 года, а 22 февраля началась уже «великая и безкровная».

Революция застала меня в Царском Селе, то есть почти в самом центре событий, но об этом в другой раз. Сейчас продолжаю свои воспоминания.

25 февраля днем принесли к нам в лазарет подписной лист от Временного комитета Государственной думы и предупредили, что этот лист должен быть к 6 часам вечера или подписан или же не подписан. В нем было сказано приблизительно следующее:

«Временный комитет Государственной думы обращается ко всем русским людям и к воинским частям Петроградского гарнизона с призывом поддержать его, так как в столице по некоторым признакам может начаться анархия. В этом случае начавшееся в столице движение может вылиться в весьма нежелательные формы».

По этому поводу у нас в лазарете произошел обмен мнениями.

Все в общем были согласны с тем, что Временному комитету Государственной думы в отношении предотвращения возможной анархии нужно оказать поддержку, хотя бы и моральную. Но ни один раненый офицер не одобрил редакции подписного листа, так как ее можно было понимать по-разному. Поэтому мы решили избрать Особую комиссию для изменения редакции этого подписного листа. В комиссию были избраны: княжна В. И. Гедройц, барон Д. Ф. Таубе, капитан артиллерии Петров и я. Мы отредактировали подписной лист так:

«Раненые офицеры Собственного Ее Величества лазарета будут оказывать Временному комитету Государственной думы всемерную поддержку в случае, если последний будет работать в полном единении с Его Императорским Величеством».

В этой редакции подписной лист был подписан всеми ранеными офицерами лазарета и сестринским персоналом.

Часов в 5, в этот же день, об этом случае было сообщено по телефону в Александровский дворец Государыне. Разговор этот происходил в моем присутствии и я его записал дословно:

Княжна Гедройц вызвала Государыню к телефону.

— У телефона доктор Гедройц?

— Да, Ваше Величество.

— Передайте всем Нашим раненым привет. Как они себя чувствуют?

— Больные волнуются за Вас и Вашу Семью, Ваше Величество.

— Передайте им Нашу сердечную благодарность. Пусть не волнуются. Все в руке Божией.

— Ваше Величество, нам прислали из Эвакопункта подписной лист. Под первой его редакцией никто не подписался. Вот редакция нами составленная. (Княжна Гедройц

читает составленную нами редакцию подписного листа.) Скажите, как нам поступить.

— Передайте Моим раненым Мое непереносимое желание, чтобы подписались под Вашей редакцией все. Я не хочу, чтобы про Моих раненых думали дурно. Анархии во что бы то ни стало нужно избежать. В эти тяжелые минуты Я надеюсь, что все раненые Моего лазарета и каждый честный русский офицер исполнит свой долг перед родиной. Сейчас все усилия честных людей должны быть направлены на подавление начинающейся анархии.

— Ваше Величество, офицеры Вашего лазарета просили меня повергнуть к Вашим стопам чувство безграничной своей преданности до готовности пожертвовать для Вас и Вашей Семьи своей жизнью.

— Еще раз передайте им Мою благодарность. Нам это сейчас особенно дорого. До свидания. Увидимся ли еще раз...

Минута была тягостная. У княжны Гедройц на глазах были слезы.

На другой день Царская Семья была арестована.

Больше я Их не видел.

* * *

На этом я заканчиваю свои воспоминания о Царской Семье.

Не знаю, удалось ли мне очертить нежный и благородный образ этой Семьи, выявить всю ту непринужденную простоту обращения Государыни и Великих Княжен с нами и оттенить всю ту непередаваемую красоту и нежность Их душевную, которые в Них были заложены. Равно сумел ли я выразить на бумаге мою безграничную любовь и чувство моего глубочайшего уважения к Ним.

Не знаю.

Но, во всяком случае, ...я хотел.

Семен ПАВЛОВ

**«ВОТ ИДЕТ МУЧЕНИЦА —
ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА!»**

Новгород, 11 декабря 1916 г.

Так много старинного и исторического в Новгороде, что чувствуешь Себя как бы перенесенной в другую эпоху! *Старица* встречает каждого словами: "*радуйся, Невеста невестная*".

Государыня – Императору 12.12.1916.

Вспоминаю Новгород и ужасное 17 число и за это тоже страдает Россия. Все должны страдать за всё, что сделали, но никто этого не понимает.

Государыня – А. А. Вырубовой 20.12.1917.

«...НОВГОРОД БЫЛ КРУПНЫМ УСПЕХОМ!»

Новгород в переписке Царственных Мучеников впервые появляется еще в сентябре 1915 года.

Государыня – Императору (9.9.1915): «Я думала о Новгороде (не говори В.*), и Ресин уже наводил справки. – От главной магистрали это, на лодке или автомобиле даже, слишком далеко – 60 верст, так что надо пользоваться узкоколейной дорогой. – Ночь можно провести в поезде, – приехать туда утром, позавтракать и т. д., и вернуться к 10 1/2 часам вечера, потому что Я должна осмотреть собор. Там теперь новобранцы, и поэтому Я думаю, не лучше ли Мне дожидаться Твоего возвращения. – Если так, то телеграфируй Мне “подожди с Новгородом”, – тогда Я так и сделаю. – Наш Друг желает, чтобы Я больше разъезжала, но куда?»

Император – Государыне (11.9.1915): «Ты спрашиваешь Меня о поездке в Новгород – разумеется, поезжай теперь без Меня, так как у Меня, вероятно, не будет времени, когда Я вернусь домой».

Однако в тот раз с поездкой в Новгород что-то не сложилось. Снова к этой идее Царица обратилась через год:

Государыня – Императору (8.12.1916): «Мы собираемся в Новгород, как Я Тебе уже говорила. Мы сядем в поезд в субботу с ночи, выедем очень рано, в воскресенье утром будем на месте, пробудем там несколько часов, осмотрим церкви и, думается Мне, несколько госпиталей, опять домой, проведя ночь в вагоне, а в понедельник утром прямо из вагона отправимся в лазарет, – таким образом Мы не упустим дела. – Я пошлю за Ресиным и все ему скажу. Не помню, кто там губернатором, – на этот раз не стану делать

---

* Скорее всего, речь идет о Дворцовом коменданте генерал-майоре В. Н. Восейкове. – С. Ф.

из этого тайны, чтоб увидеть побольше народа. Но Я всегда так робею без Тебя, Мой дорогой!»

Протопресвитер Армии и Флота о. Г. Шавельский: «Поездка Царицы в Новгород была предпринята после высказанного ген. Ивановым Государю соображения, что Ее Величеству надо чаще выезжать в народ и показывать Себя для снискания популярности и рассеяния разных неблагоприятных слухов»²⁹⁰.

Н. Козлов (А. А. Щедрин), современный православный исследователь: «Следует ли говорить, что эта поездка состоялась по настоянию Распутина? Ничего не предпринимавшая без благословения старца, Государыня поступила и на этот раз не вопреки, а согласно его пожеланию. [...] Благословляя поездку Императрицы в Новгород, Распутин имел в виду дать некоторое отдохновение измученной многмятежной людской молвой душе Государыни и, вероятно предположить, что от него было не скрыто, какое утешение и подкрепление на будущие страдания ждало Ее там»²⁹¹.

Государыня – Императору (9.12.1916): «Мы сегодня вечером повидаемся с Нашим Другом, – Я очень рада. У бедной Ани вчера страшно болела нога, нечто вроде Drachenschuss'a и ишиаса, – она кричала от боли. Сейчас у нее Б.*, она сегодня лежит в постели, а потому Я не знаю, сможет ли она завтра ехать. Мы берем с собой Настеньку, Ресина и Апраксина. Девочки ликуют, так как они любят спать в поезде, но Мне будет грустно одной».

Император – Государыне (9.12.1916): «Я очень рад Твоему решению посетить Новгород, древнейший город России. Ты будешь чувствовать Себя совсем иначе, когда вернешься. Я это всегда замечал после поездок по стране. Губернатор Новгорода – превосходный человек, которого Я люблю. Его фамилия *Иславин*²⁹². Пожалуйста, передай ему Мой поклон».

Государыня – Императору (10.12.1916): «...Так как у Ани очень неблагополучно с ногой, три раза была у нее, – принимала массу, – прямо минуты нет свободной. Но она надеется ехать с нами сегодня вечером. [...] Сейчас явится Жевахов²⁹³. Завтра передам Твой привет *Иславину*. Эта поездка будет приятным развлечением, только Мне будет ужасно нехватать Тебя».

---

* Вероятно, Лейб-медик Е. С. Боткин. – С. Ф.

Князь Н. Д. Жевахов: «Было 4 часа дня 10 декабря. Я сидел за письменным столом и был погружен в свои обычные занятия. Раздался телефонный звонок и голос: «Сейчас будут говорить с Вами по дворцовому проводу»...

Я взволновался, ибо никогда ни с кем не разговаривал по этому проводу. У телефона была А. А. Вырубова, сказавшая мне:

«Императрица желает видеть Вас. Приезжайте сегодня к 6 часам вечера во Дворец»...

[...] С обычной лаской и чарующей приветливостью встретила меня Императрица и в этот раз.

«Вы знаете, кажется, все святые места в России, — сказала мне Государыня, — и Я бы хотела посоветоваться с Вами, прежде чем куда-нибудь поехать... Сначала Я хотела бы, вместе с Дочерьми, посетить Новгород, а потом Тихвинский монастырь. Вы, верно, знакомы с Новгородскими святынями: скажите Мне, куда Я должна заехать, а Я запишу»...

[...] Я хорошо знал Новгород... Сделав перечень Новгородских святынь, я добавил:

«В Десятинском монастыре* проживает и до сих пор великая подвижница, 116-летняя старица Мария Михайловна... Я ездил к ней для назидания еще будучи студентом Университета... Она пользуется большим почитанием и слышет среди народа за прозорливую».

«Пожалуйста, запишите ее адрес: Я непременно заеду», — сказала Императрица, подавая мне карандаш и кусочек почтовой бумаги.

Беседа длилась долго и непринужденно. Императрица с большим интересом выслушивала мои рассказы о посещении мною всевозможных обителей, о встречах с подвижниками и старцами и выражала намерение объездить эти места, сказав:

«Как непонятно, что русские так любят ездить на заграничные курорты, вместо того, чтобы посещать святые места,

---

* Десятинное Богородицкий монастырь, основанный матерью св. благоверного Великого Князя Александра Невского, Княгиней Феодосией Мстиславовой еще в XIII веке, располагался в самом Новгороде на Софийской стороне у Псковской заставы. Ко времени Высочайшего посещения обители там еще стоял неоднократно поновлявшийся первоначальный каменный храм Рождества Пресвятой Богородицы с сохранявшимися в нем частью мощей великомученицы Варвары и несколькими старинными иконами, из которых наиболее замечательным по древности считался местночтимый образ Иоанна Предтечи. — С. Ф.

каких так много в России... Там они скорее бы набрались и физического здоровья, и духовных сил"...

Высказав мне благодарность за полученные указания, Императрица отпустила меня, сказав, что желает ехать в Новгород 12 декабря.

Только вернувшись домой, я вспомнил, что не спросил Государыню, должен ли я сопровождать Ее Величество в этой поездке, или нет. На мой телефонный запрос А. А. Вырубова ответила, что Ее Величество желает придать Своей поездке частный характер, так как едет на богомолье»²⁹⁴.

Из дневника Государыни (10 декабря, суббота):

5 1/2. Кн. Жевахов. [...]

11 got into train*.

Left 3 on night** »²⁹⁵.

Из дневника Великой Княжны Ольги Николаевны (10.12.1916): «Мама была у Ани*** и видела Калинина****. Едем в 7 ч. ко всенощной. Веч[ером] заехали к Ане, где был Григ[орий] Еф[имович] и Федосья Степ[ановна]*****. Они обедали. После в лазарет. Там все благополучно. Ничего особенного не делали. К 11 ч. поехали в поезд и ночью ушли в Новгород»²⁹⁶.

Из дневника Великой Княжны Марии Николаевны:

«Декабрь.

10/23 Суб. Муч. Ермогена и Евграфа.

[...] Пили чай, были у всенощной, обедали, у Ани***** с Григорием***** и у сестер в лазарете 4***** с Мамой. Из лазарета прямо в поезд, где и ночевали, а ночью уехали в Новгород»²⁹⁷.

Император – Государыне (10.12.1916): «Надеюсь, Твоя поездка пройдет благополучно, и Новгород Тебе понравится. Я там был раз, летом 1904 г., как раз перед рождением Бэби».

Император – Государыне (11.12.1916): «Надеюсь, посещение Новгорода не утомит тебя!»

---

* В 11 вошли в поезд (англ.). – С. Ф.

** Отправились в 3 часа ночи (англ.). – С. Ф.

*** А. А. Вырубовой. – С. Ф.

**** А. Д. Протопопова. – С. Ф.

***** Супруга Г. Е. Распутина. – С. Ф.

***** А. А. Вырубовой. – С. Ф.

***** Г. Е. Распутиным. – С. Ф.

***** Четверо. – С. Ф.

**ПОСЕЩЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЕЮ
АЛЕКСАНДРОЮ ФЕОДОРОВНОЮ
И АВГУСТЕЙШИМИ ДОЧЕРЬМИ НОВГОРОДА**

11 декабря Ее Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна с Августейшими Дочерьми Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной в половине десятого часа утра изволила прибыть в Новгород. На вокзале Государыню Императрицу встретили: Новгородский губернатор тайный советник Иславин, начальник гарнизона (с рапортом), и. д. губернского предводителя дворянства и уездные предводители дворянства, а также Князья Иоанн Константинович²⁹⁸ и Андрей Александрович²⁹⁹. Супруга губернатора имела счастье поднести Ее Величеству букет цветов; городской голова, поднося хлеб-соль, обратился к Ее Величеству с приветственным словом.

С вокзала Государыня Императрица с Великими Княжнами проследовала в Софийский собор. По пути следования Ее Величества стояли войска с хорами музыки и учебные заведения. В соборе Ее Величество была встречена приветственным словом архиепископа Арсения³⁰⁰, после чего в соборе была совершена архиерейским служением, в сослужении с викарным епископом и прочим духовенством, Божественная литургия и молебен.

По окончании богослужения Ее Величество и Их Высочества, приложившись к местным святыням, посетили лазарет епархиального ведомства, а затем церковное древлехранилище, где подробные объяснения давал архиепископ Арсений.

После завтрака в Императорском поезде, к которому были приглашены Князья Иоанн Константинович и Андрей Александрович, а также губернатор и сопровождающие Ее Величество лица, Государыня Императрица с Августейшими Дочерьми посетила земскую больницу, женский Десятинный монастырь, где прикладывалась к частице Св. мощей Великомученицы Варвары, и приют для детей беженцев, устроенный местным отделением Комитета Великой Княжны Татианы Николаевны.

Затем Ее Величество и Их Высочества проследовали в находящийся за городом Юрьев монастырь, где в Георгиевском и Спасском соборах поклонились местным святыням и осматривали достопримечательности, после чего посетили покои настоятеля.

Возвратившись в город, Государыня Императрица с Великими Княжнами посетила лазарет дамского комитета в дворянском собрании, где удостоили принять от дворян чай, к которому были приглашены находящиеся здесь на излечении раненые офицеры и сестры милосердия.

Посетив Знаменский собор, где Ее Величество и Их Высочества прикладывались к чтимым святыням Новгорода: чудотворной иконе Знамения Божией Матери и чудотворной иконе Святителя Николая, доставленной из Николо-Дворищенского собора, Государыня Императрица и Великие Княжны проследовали в часовню чудотворной Владимирской [иконы] Божией Матери, именуемой «Печерской», в городской лазарет для раненых воинов и в земский лазарет.

По пути следования Ее Величества как с вокзала в Софийский собор, так и по всему городу Государыня Императрица и Августейшие Дочери были восторженно приветствованы местным населением, причем в местах остановок население встречало Ее Величество особенно сердечно.

В лазаретах Государыня Императрица и Великие Княжны Собственноручно наделили раненых и больных воинов — защитников Родины — шейными образками, удостоивая их милостивыми вопросами.

При посещении соборов и церквей Ее Величеству и Их Высочествам были поднесены иконы.

Супругой губернатора были представлены в распоряжение Ее Величества на нужды войны пять тысяч рублей.

В тот же день Государыня Императрица с Августейшими Дочерьми изволила отбыть из Новгорода в Царское Село. На вокзале находились губернатор и местные власти³⁰¹.

**РЕЧЬ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО
АРХИЕПИСКОПА НОВГОРОДСКОГО АРСЕНИЯ
ПРИ ВСТРЕЧЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ
И ЕЕ АВГУСТЕЙШИХ ДОЧЕРЕЙ – ОЛЫГИ, ТАТЬЯНЫ,
МАРИИ И АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВН
В НОВГОРОДСКОМ СОФИЙСКОМ СОБОРЕ**

11 декабря 1916 года

Ваше Императорское Величество!

С радостью встречаем Вас и Ваших Августейших Дочерей в этом многовековом храме Св. Софии – Премудрости Божией, который является драгоценнейшим сокровищем и святынею не только Новгорода, но и всей земли Русской.

Вместе с нами сретают Вас и zde почивающие нетленными своими мощами Святые Угодники Божии, молитвенники и заступники земли Русской, Св. Благоверные Князья и Княгини и святители древнего Новгорода, прославленные в истории Отечества нашего верою и святою подвижнической жизни своей и самоотверженными подвигами ради св. Веры православной и блага дорогой нашей Родины. Здесь же, пред престолом Св. Софии, молился св. Благоверный Князь Александр Невский, поборник правды Божией, пред выступлением на борьбу с тевтонами, предками нынешних наших врагов. Здесь он изрек знаменательные слова: *“не в силе Бог, а в правде”*. И правда Божия восторжествовала в его победе над врагами.

И теперь, во имя этой правды Божией, два с половиною года сыны Великой Русской земли, с мечем в руке и с крестом в сердце, стоят на страже Родины и, верные славным заветам наших предков, грудью своею отражают натиск сильного и жестокого врага, оберегая целостность и благо Святой Руси. Много еще трудов и кровавых жертв требуется от наших доблестных воинов, пока свирепый и надменный враг России не будет изгнан из ее пределов и Господь благословит русские знамена полною победою и восторжествует правда на земле.

Мы крепко верим, что с помощью Божиею победим врага. Основанием нашей веры служит то религиозно-чистое и святое единение с Самодержавным Помазанником Божиим и Царствующим Домом, какое всегда существо-

вало, а особенно в дни испытаний, ниспосылаемых Промыслом Божиим нашей Родине.

И ныне, там – на бранном подвиге служения Родине – сыны России вместе со своим Державным Вождем и Наследником Русского Престола; а здесь, в подвигах любви и милосердия – ее дочери, идущие во след Матери России, в лице Матушки-Царицы, Которую ныне мы имеем счастье зреть своими очами.

Посещая больных и раненых воинов в разных градах и весях, Вы с материнскою ласкою склоняетесь над постелью страждущего воина, Своими Царственными руками перевязываете его кровавые раны, молитвенно осеняете Своим благословением – св. иконою и возлагаете ее на грудь раненому. Вы, как благодатный Ангел-утешитель, приносите им радость, утешение, ободрение.

Ныне и наш град удостоился Вашего посещения. Великая радость для нас! А какою радостью будут преисполнены наши больные и раненые воины-герои! Какое облегчение они почувствуют в своих страданиях!

Посещение нашего града Вы начинаете с молитвы в этом святом храме, преисполненном святынями и нетленными мощами Святых Угодников. Трепет несказанной радости объемлет наши души от этого общего моления с нашею Царицею, и мы чувствуем, как от такого умиления подступают счастливые слезы к глазам.

Внидите, Государыня, в этот храм Св. Софии-Премудрости Божией. Пусть сольются наши молитвы с Вашими на благо и счастье нашей Родины.

Благословен грядый во имя Господне³⁰².

**ПРЕБЫВАНИЕ
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ
В г. НОВГОРОДЕ**

11 декабря, в воскресенье, посетила Новгород Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна с Августейшими Дочерьми Ольгой Николаевной, Татианой Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной. Императрицу сопровождали

Князя Иоанн Константинович и Андрей Александрович. Ее Величество пожаловала в Новгород поклониться его святыням и обозреть местные лазареты.

В 10 часов Ее Императорское Величество вступила под своды древнего Софийского собора, насчитывающего почти уже девять веков своего существования (собор основан в 1054 г.). Часы были к этому времени прочитаны. Владыка Архиепископ приветствовал Императрицу напечатанною выше речью. В предшествии Архиепископа, державшего в руках св. Крест, Императрица проследовала на Свое место около правого клироса, где и изволила слушать Литургию, которую совершали архиепископ Арсений и Преосвященный Алексий³⁰³ с духовенством. Позади Императрицы стали Ее Царственные Дочери.

Бога бойтесь, князя чтите. Вот завет христианам современника построения собора св. епископа Луки († 1059). *Бога бойтесь, Царя чтите.* Урок этот, в написанном св. Лукою поучении, вот уже восемь с половиною веков доносится до слуха внимательных богомольцев собора из его гробницы, находящейся здесь же, под сводами Св. Софии. Прислушиваясь к зову древнего Святителя, наполнявшие 11 декабря Софийский собор богомольцы должны были молиться Богу с особым усердием.

Они видели, как благочестивейшая Государыня опустилась на колена при пении «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу». Поднялась с колен Императрица уже после пресуществления св. Даров, когда на клиросе пропели «Тебе поем». Коленопреклоненно молилась Государыня во время пения молитвы «Отче наш». Земным поклоном Она встречала Спасителя, во Св. Дарах дважды являющегося народу в конце Литургии при возгласениях «Со страхом Божиим и верою приступите», «Всегда, ныне и присно и во веки веков».

Государыня Императрица делит скорби военной тяготы со всем Своим народом. Государь Император и Наследник Цесаревич находятся при войсках. Тревога, какую переживают за своих мужей и сынов все русские женщины, одинаково наполняет и сердце Царицы. И новгородцы видели, как Царица коленопреклоненно молилась во все время чтения молитвы за Царя: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего, Боже, творяй чудеса Един... Возвесели серд-

це верного раба Твоего, благочестивейшего, самодержавнейшего Государя нашего Императора Николая Александровича о милости Твоей, укрепи Его силою Твоею». Царица неизменно осеняла Себя крестом всякий раз, когда на ектениях поминали Ее Царственного Супруга, Наследника Цесаревича, Христолюбивое воинство. На коленях молилась Императрица на молебне при возглашении вечной памяти «Христолюбивым воинам, на брани живот свой положившим».

Примеру благочестивейшей Государыни следовали Ее Царственные Дочери, с трогательною заботливостью иногда помогавшие Своей Матери подниматься с колен.

По окончании молебна Владыка Архиепископ имел счастье поднести Государыне Императрице икону Св. Софии Премудрости Божией, Великой Княжне Ольге Николаевне икону Святителя Никиты, Великой Княжне Татьяне Николаевне икону св. Иоанна Архиепископа [Новгородского], Великой Княжне Марии Николаевне икону св. Владимира Ярославича и Великой Княжне Анастасии Николаевне икону св. Князя Феодора Ярославича.

При поднесении иконы Софии — Премудрости Божией Государыне Императрице Владыка говорил: «Ваше Величество! Мы имели счастье молиться вместе с Вами в этом Святом храме. На молитвенную память об этом знаменательном для нас событии просим Вас принять в благословение эту освященную икону Софии — Премудрости Божией, подлинный образ Которой является святынею, современною построению этого храма (1052 г.). В священной церковной песне воспевается, что икона эта “светолучно сияет в пречестном храме своем и сердца веселит приходящих с верою, и взирающих со страхом и благоговением” на нее, что она “всех благих подательница”».

При поднесении иконы Святителя Никиты Великой Княжне Ольге Николаевне Владыка говорил: «Благословляю Вас иконою Святителя Новгородского Никиты, святые мощи которого являются сокровищем этого храма. Святитель Никита одиннадцать лет управлял Новгородскою паствою, являя собою образ молитвенника. Так, молитвами его был испрошен дождь в губительную засуху; молитвенные слезы его угасили страшный пожар в Новгороде. Молитвы Святителя Никиты да хранят Вас на всех путях жизни Вашей».

Великой Княжне Татьяне Николаевне, поднося икону Святителя Иоанна Новгородского, Архиепископ говорил: «Благословляю Вас иконою Святителя Иоанна, нетленно пребывающего св. мощами в этом храме. С именем Святителя связано явление чудотворной иконы Знамения Божией Матери. Сам Святитель отличался благотворительностью и любовью к бедным. Да благословит Святитель Иоанн Вас, проявляющую такую любовь к тем, которые в силу военных обстоятельств вынуждены обитать вне своих родных мест».

При поднесении иконы Св. Владимира Ярославича Великой Княжне Марии Николаевне Его Высокопреосвященством было сказано: «Благословляю Вас иконою Св. Владимира, строителя этого храма, в котором Вы ныне возносили Свои молитвы. Мощи его почивают здесь. По выражению св. Церкви, благоверный Князь Владимир был “божественный сосуд избран Богови” и, в недолгие дни своей земной жизни, под руководством благочестивой матери, прославился чистотою своего сердца. Да будет он Вашим споспешником в Ваших чистых намерениях и делах».

Великой Княжне Анастасии Николаевне, при поднесении иконы Св. благоверного Князя Феодора Ярославича, Архиепископом сказано: «Благословляю Вас иконою Св. благоверного Князя Феодора Ярославича, нетленными мощами пребывающего в сем храме. Он – родной и старший брат Св. Князя Александра Невского. 15-ти лет от роду он скончался. Но и в такое недолгое время своей жизни он своим благонравием и преданностью к Богу заслужил всеобщую любовь новгородцев, которые с глубокою скорбью оплакивали его преждевременную кончину. Но он теперь, в лике святых, подает утешение всем притекающим с верою к цельбоносным мощам его. Да подаст он и Вам радость духа во все долгие дни жизни Вашей».

Приняв иконы и просфоры, Ее Величество со Своими Августейшими Дочерьми прикладывались к мощам Угодников Божиих, нетленно почивающих в Софийском соборе. Вот мощи Святителя Никиты († 1107 г.), 450 лет пребывавшие в земле и оставшиеся нетленными. За ними рядом мощи святого благоверного Князя Мстислава Храброго († 1180 г.). Летописец рассказывает, что св. Мстислав и на войне был крепок и всегда рвался умереть за Русскую землю; когда же видел христиан плененных погаными, гово-

рил дружине своей: «Братия! Если ныне умрем за христиан, то не всячески ли должны умереть!» В южной части собора — мощи строителя собора, святого Князя Владимира и за ними мощи св. благоверной Княгини Анны (†1050 г.), дочери Шведского короля Олава, счастливой матери, имевшей семь сыновей и трех дочерей. В южной части собора — мощи архиепископ Иоанна (†1186 г.), под спудом Святителя Григория (†1193 г.) и мощи юного св. Князя Феодора Ярославича (†1233 г.). Св. Феодор умер пятнадцати лет от роду в тот самый день, когда была назначена его свадьба. И летописец Новгородский оплакивает юного Князя: «И еще млад, и кто не пожалеет его? Свадьба пристроена и меды изварены, невеста приведена, князи позваны, и бысть в веселия место плач и сетование за грехи наши!» Его невеста, преподобная Харитина, почивающая своими мощами тоже в г. Новгороде, в церкви Петровского кладбища, «скрыла свою скорбь под иноческой одеждой, явив миру дивный образ того, как люди в старину когда-то умели верить и любить».

Из собора Ее Величество и Их Высочества проследовали в покои Его Высокопреосвященства. Отсюда, в сопровождении Архиепископа и Преосвященного Алексия, губернатора и свиты, Государыня изволила посетить Епархиальный лазарет в Арсениевском доме. У входа в палату встретили Государыню Императрицу члены Епархиального комитета, которых представил Ее Величеству Владыка архиепископ. В палате приветствовали Государыню Императрицу персонал лазарета и больные и раненые в числе 41 человека. Приняв рапорт врача лазарета Н. Г. Чакалева о состоянии лазарета, Государыня Императрица обратилась к больным и раненым, выстроившимся в ряд вдоль палаты. Каждому из них Она Собственноручно надела на шею серебряный образок Казанской [иконы] Божией Матери, каждого из них спросила, какого он полка, и тепло и участливо осведомлялась о состоянии их здоровья... Скорбная, сострадающая, с христианского жалостью и лаской склонялась Государыня над кроватями тех больных, которые по состоянию своего здоровья не могли встать с постели, и также оделяла их образками. Вместе с Государыней Императрицей раздавала больным образки Великая Княжна Мария Николаевна. Когда Государыня Императрица обошла всех больных, Высокопреосвященнейший Арсений остановил внимание Ее Величества на иконе

Святых Новгородских, осеняющих палату-зал, устроенный для религиозно-нравственных чтений и бесед. Благоговейно осенив Себя крестным знамением, Государыня Императрица с Августейшими Дочерьми изволила проследовать в Церковное древлехранилище.

При входе в Древлехранилище встретил Государыню заведующий Древлехранилищем о. диакон А. Никифоровский. Владыка архиепископ давал Ее Императорскому Величеству объяснения относительно расчистки икон, относительно их древности, указывал, из каких церквей они поступили. Особенное внимание Государыня Императрица обратила на таблички «Святцы» из Софийского собора и на иконы «Осада Новгорода Суздальцами» и «Молящиеся новгородцы». Заинтересовало Государыню и древнее шитье. В Древлехранилище Архиепископом были поднесены Ее Величеству труды Церковно-археологического общества — «Новгородская церковная старина», том I, каталог Древлехранилища, описание Софийского собора и жития Святых, почивающих в Софийском соборе. Великим Княжнам давал объяснения заведующий Древлехранилищем о. А. Никифоровский. Их Императорские Высочества с видимым интересом расспрашивали о некоторых предметах древности. В заключение Государыня Императрица и Великие Княжны изволили занести Свои имена в книгу и, выразив благодарность Владыке Архиепископу, отбыли из Арсениевского дома.

Кроме Софийского собора, Государыня Императрица в Новгороде изволила посетить Десятин и Юрьев монастыри, Знаменский собор и Печерскую часовню.

В Десятин монастырь Ее Величество с Августейшими Дочерьми изволила прибыть в начале 3-го часа дня. У порога храма Императрицу встретила игумения Людмила, в притворе духовенство и монахини со светильниками. Приложившись ко Св. Кресту и по окроплении св. водою, Ее Величество, при пении тропаря храму и Св. Великомуученице Варваре, изволила прикладываться к мощам Св. Великомуученицы Варвары.

На солею храма поднес Ее Величеству от обители икону св. Великомуученицы Варвары Владыка Архиепископ, сказавший при этом такое приветствие: «Ваше Императорское Величество! Эта св. обитель Десятинная создана в XIII веке благоверной Княгиней Феодосией Мстиславов-

ной, во иночестве Евфросинией, матерью свв. Князей Александра Невского и Феодора, св. мощам которого Вы сегодня поклонялись. Здесь хранится часть мощей св. Великомученицы Варвары, претерпевшей мучения и смерть за исповедание христианской веры; и ныне св. Варвара является помощницей всех, кто прибегает к ней с верою; благоволите принять в благословение от св. обители икону св. Великомученицы, которая да будет Вашей небесной предстательницей и утешительницей в Царственных трудах Ваших». Здесь же Владыка благословил Ее Величество иконой Сошествия Св. Духа на Апостолов от Св.-Духова монастыря. Владыка говорил об этом: «Обитель Св. Духа просит Ваше Величество принять в благословение эту св. икону и усердно молит Утешителя Духа Святаго, да изливает Он на Вас и на все Царственное Семейство Ваше Свои обильные дары на всех путях Вашей жизни».

Из храма Ее Императорское Величество посетила покой настоятельницы игумении Людмилы и потом почитаемую старицу Марию Михайловну, проживающую в гостинице монастыря, у которой и пробыла 11 минут. Старица благословила Государыню иконой преподобного Сергия Радонежского, а Великих Княжен и Князей иконами Св. Великомученицы Варвары с просфорами.

Из Десятина монастыря чрез весь двор до гостиницы монастыря Ее Императорское Величество следовала пешком.

Около трех часов дня Ее Величество пожаловала в Юрьев монастырь, первоначально основанный в 1030 году. В монастыре мощи Святителя Феоктиста (†1310 г.) и место погребения Феодосии, в иночестве Евфросинии (†1244 г.), матери свв. братьев [Князей] Феодора и Александра Невского, основательницы Десятинского монастыря. В Юрьеве погребена восстановительница монастыря, почитательница архимандрита Фотия, графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (†1848 г.).

В исходе третьего часа дня о. настоятель Юрьева монастыря с братией с крестным ходом вышел к святым вратам обители в ожидании Высочайших Гостей. К этому же времени прибыл Высокопреосвященнейший Владыка Арсений со своим викарием Преосвященным Алексием. Почти в три часа дня показался автомобиль Высочайших Особ, и начался красный звон Юрьевских колоколов во вся. По выходе из ав-

томобилиа Ее Величество изволила приложиться к святому Кресту, также и Их Императорские Высочества Дочери Государыни, а затем вся процессия крестным ходом, с пением тропаря Великомученику и Победоносцу Георгию, проследовала в Георгиевский собор. Здесь во время краткого молебствия Ее Величество и Их Высочества прикладывались к мощам Святителя Феоктиста и брали благословение стоящего у раки иеросхимонаха Кирилла. После молебствия о. архимандрит сказал приветственное краткое слово Ее Величеству и поднес икону Свят. Великомученика Георгия Победоносца. Приложившись к иконе, Ее Величество благодарила о. архимандрита и благоволила принять от него благословение. Из Георгиевского собора Государыня Императрица прошла в Спасский собор, где прикладывалась к образам, а Их Высочества изволили спускаться в усыпальницу архимандрита Фотия и графини Анны Орловой-Чесменской в сопровождении архиепископа Арсения. Из Спасского собора Высочайшие Гости проследовали в покои отца настоятеля, где Государыня Императрица удостоила о. архимандрита Всемилостивейшего разговора. О. архимандрит поднес и благословил каждую из Великих Княжен иконой Св. Великомученика Георгия и также просил Государыню Императрицу принять на память и передать икону Св. Великомученика Георгия Его Императорскому Величеству и Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу — Радости и Надежде нашей.

Ее Величество и Их Высочества благоволили занести Свои имена Собственноручно в золотую книгу Юрьева монастыря. Уже в начале 5-го часа вечера Высочайшие Гости оставили древнюю святую обитель, навсегда осчастливив ее насельников.

В половине пятого часа Ее Императорское Величество изволила пожаловать в Знаменский собор. По встрече настоятелем собора, протоиереем А. Конкординым, со св. Крестом и водою, Ее Величество и Августейшие Дочери прикладывались к Чудотворной Иконе Божией Матери, краткие исторические сведения о которой имел счастье сообщить о. настоятель собора. В Знаменский собор была принесена и Чудотворная Икона Святителя Николая из Никольского собора, к которой Ее Величество также прикладывалась... Его Высокопреосвященство поднес Государыне Императрице от имени причта и собора икону

Знамения Божией Матери в дубовом футляре, сказав при этом следующее: «Ваше Императорское Величество! На память о молитве Вашей пред чудотворной иконой Знамения Божией Матери примите эту св. икону. В XII веке Владычица явила чудо избавления Новгорода от нападавших на него суздальцев. Предание говорит, что из очей Богоматери исторглись слезы, которые свидетельствовали о том, что Царица Небесная скорбела о междоусобной брани. Благодарные новгородцы с особым усердием чтут Матерь Божию в этом святом Ее образе, именуют Ее “Хозяйкой” своего города и совершают пред Ней постоянные моления, а в нарочитые дни здесь поются торжественные акафисты. Но не для одних новгородцев, а и для всех эта св. Икона является драгоценною святыней. Мы веруем, что и в настоящую тяжелую годину испытаний для земли Русской Матерь Божия явит нам Свою небесную помощь и защитит нас от врагов внешних и внутренних, и что Она Своим державным покровом осенит Вас, Благодетельнейшая Государыня, и все Царственное Семейство Ваше».

Облобызав подносимую икону, которую держал о. настоятель собора, Ее Величество с Августейшими Дочерьми и свитою изволила отбыть в часовню Владимирской иконы Божией Матери, именуемой Печерскою. Трогательно предание об этой чтимой Иконе. Она явилась в русской печи, на задней стене ее, с внутренней стороны. Чудо это произошло при митрополите Иове (†1716 г.), в доме бедной просвирни, пекашей просфоры для существующей доселе Филипповской церкви. Пред Иконою каждую неделю в четверг, в 4 часа пополудни совершается акафист.

В Печерской часовне, по поручению Владыки, встречал Высоких Богомольцев местный благочинный Новгородских церквей 2 округа протоиерей Михаил Твердынский, который удостоился чести сообщить исторические сведения о Святыне. Ее Величество подробно осматривала часовню и коленапреклоненно помолилась пред иконою Богоматери, облобызав ее. [...]»³⁰⁴

* * *

*Из дневника Государыни: «Новгород[.] Ц[арское]С[ело].
11 Декабрь[.] Воскресенье[.]*

Reached Новгород 9 1/2 – small reception*. [...]
Соф. Собор mass** 10–12 –
hosp.*** &**** Древн. церк. Хранилище in Archbishop's
house*****.

Lunched in the train***** [.]

2 ч. Земский Лазарет[.]

Десятинный монастырь[.]

Приют Татъя[нинского] Комит[ета].

Юрьев Монастырь.

Лазарет земск. комитета в Двор. Собр. и чай[.]

Церковь Знамений[.] Печерская часовня.

Городск[ой] Лазарет (с. гор.)

Лазарет Земск[ого] Союза[.]

5. 55 left*****. – 12.20 Ц[арское] С[ело]»³⁰⁵.

Из дневника Великой Княжны Ольги Николаевны 1916 г.:
«В поезде между Новгородом и м[остом] чер[ез] р. Хересьть [?]
6 ч. 25 м. Воскресенье. 11-е декабря. Колесников.

Выехали сегодня ночью в 3 ч. 10 м. и прибыли в Новгород
в 9 1/2 ч. утра. В 10 ч. были в Софийском соборе. Была архие-
рейская обедня с молебном до 12 ч. Обошли разные святые
мощи и пошли пешком в архиер[ейский] дом. Прошли по
всем покоям и в лазарет. Раненых не много. Внизу зашли в
древнехранилищницу и в 1 ч. были дома. С нами завтракали,
кроме обыкновенных, а именно: Ани, Настеньки, гр. Апрак-
сина, Ресина, Ходоровского, Колесникова³⁰⁶, начальника до-
роги, Иоанн, Андрюша и губернатор. Войска, запасные ба-
тальоны и полки сначала стояли шпалерами. В 2 ч. поехали в
Земскую больницу, Десятинный женский мон[астырь].

Везде целовали образы и т. д. Зашли к старице Марии,
потом приют для беженцев детей, и в Юрьевский мо-
наст[ырь] мужской, в 5 верст[ах] от города. Настоятелем
там старик, кот[орый] ходил с Папой вокруг Света. Во 2-й
церкви там же похоронена гр. Орлова-Чесменская. Оттуда
повезли нас в Дворянское собрание. Там тоже лазарет.

* Малый прием (англ.). – С. Ф.

** Литургия (англ.). – С. Ф.

*** Лазарет (англ.). – С. Ф.

**** And = и (англ.). – С. Ф.

***** В Архиерейском доме (англ.). – С. Ф.

***** Завтракали в поезде (англ.). – С. Ф.

***** Отправились (англ.). – С. Ф.

Нижних чинов более 60 и 8 офицеров. Между ними Гуров 57 Люблинского [?] полка, вернувшийся из плена. Мы его видели у нас в лазарете у кап[итана] Трофимова. Пили чай за столом с дворянами. Поехали в Знаменский собор. Опять чудотворные иконы Знаменской [Божией Матери] и Николая Чудотв[орца], привезенная из другой церкви. Оттуда в часовню, где Богородица явилась в печке и осталась там. Ужасно хорошо и такой чудный был в часовне запах.

Потом городской лазарет и в еще какой-то, где были собраны из 5 лазаретов раненые, около 400 чел. Шел снег 3 мор[оза]. На станции только музыканты. Около 6 ч. уехали. В 7 ч. будем обедать. Потом сидели у маленьких в каюте с Колесниковым. Сперва так, потом он показывал пасьянс. В 10 ч. ранний чай в [1 нрзб.]. Удалось заснуть до Царского, куда прибыли в 12 ч. 20 м. ночи»³⁰⁷.

Из дневника Великой Княжны Марии Николаевны:

«11/24 [декабря.]

Прибыли в Новгород. Была встреча на станции. Поехали в Софийский собор, была архиерейская обедня, потом прикладывались к мощам разных угодников. Прошли [в] патриарший [sic!] покой, там же лазарет внизу»³⁰⁸.

Государыня – Императору (12.12.1916): «Ну, милый, Новгород был крупным успехом! Хотя было очень утомительно, душа вознеслась так высоко и придала нам всем силы – Мне с Моим больным сердцем и А[ня] с ее больными ногами. Мы разъезжали, конечно, – сегодня все болит, но стоило того.

Я хочу, чтоб А. и Ольга написали тебе, а *Анастасия* – Бэби, так как каждый опишет по-своему, а Я плоха по этой части. Губернатор был безупречен: организовал наши разъезды таким образом, что Мы всюду поспевали вовремя, и подпускали толпу близко к Нам. Какой восхитительный, старинный город, только слишком рано стало темнеть! Поедем туда вместе весной, когда там наводнение? Говорят, что тогда бывает еще лучше, и можно подъезжать к монастырям на моторных лодках. Проезжая мимо памятника Тысячелетия России, Я вспомнила о большой картине, находящейся здесь, в Большом дворце. – Как великолепен *Софийский Собор*! Только, стоя прямо перед ним, нельзя было хорошо его разглядеть. Служба длилась два часа (вместо 4), пели великолепно. Мне было отрадно начать с обедни и помолиться за Моих дорогих. – *Иоанчик* и *Андрюша* всюду ходили с нами. – Мы

прикладывались ко всем святыням. Досадно, что все это пришлось проделать в такой спешке и что нельзя было в достаточной мере отжаться молитве перед каждой святыней и разглядеть все детали. Посылаю Бэби образ, перед которым Мы стояли (и сидели). Епископ Арсений при Нашем появлении произнес очень трогательное приветственное слово, молодой епископ Алексей оказался чрезвычайно изящным (*лицеист*). Они всюду следовали за Нами в течение всего дня. — Затем, после обедни, длившейся от 10 до 12, Мы отправились в лазарет, находящийся рядом с *Епарх.*, через покои епископа, а также в музей сокровищ, собранных из старых церквей три года тому назад. Дивные старинные иконы, ранее находившиеся в разных церквях, монастырях, заброшенные, покрытые пылью. Их стали очищать, и проглянули живые свежие краски, — очень интересно, и Мне очень хотелось бы в другой раз подробно рассмотреть все это, — Тебе бы это тоже понравилось. Затем Мы вернулись в наш поезд, солдаты уже разошлись (к счастью). — Я позавтракала на диване. А[ня] в своем купе. У детей были *И[оанчик]* и *Андр[юша]*, а также *Иславин*. Его жена и дочь встретила нас цветами и поднесли нам от города хлеб-соль. В 2 ч. Мы снова поехали в *земский лазарет* — он совсем небольшой. — Мы всюду раздавали образки. — Оттуда — в *Десятинный* монастырь, где хранятся мощи св. Варвары. Я посидела минутку в комнате игуменьи, а затем попросила, чтоб Меня провели к *старнице Марии Михайловне* (о ней говорил мне *Жевахов*), и Мы прошли к ней пешком по мокрому снегу. Она лежала на кровати в маленькой темной комнатке, а потому Мы захватили с собой свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга. Ей 107 лет, она носит *вериги* (сейчас они лежат около нее), — обычно она безпрестанно работает, расхаживает, шьет для каторжан и для солдат, притом без очков, — никогда не умывается. Но, разумеется, — никакого дурного запаха или ощущения нечистоплотности, — она седая, у нее милое, тонкое, овальное лицо с прелестными, молодыми, лучистыми глазами, улыбка ее чрезвычайно приятна. Она благословила и поцеловала Нас. Тебе она посылает яблоко (пожалуйста, — съешь его). Она сказала, что война скоро кончится — "*скажи Ему, что мы сыты*". Мне она сказала: "*а Ты, красавица — тяжелейший крест — не страшись*" — (она повторила это несколько раз) — *за то, что Ты к нам приехала, будут в России 2 церкви строить* (она

повторила это дважды) — *не забывай нас, приезжай опять*". Бэби она послала *просфору* (Мы слишком торопились, и кругом была суета, а то бы Я охотно с ней побеседовала), она всем Нам дала по образку. Сказала, чтобы Мы не беспокоились относительно Детей, что Они выйдут замуж, остального Я не расслышала. — Позабыла, что она сказала Девочкам. Я заставила *И[оанчика]* и *А[ндрюшу]* тоже зайти к ней, и послала к ней также Аню — она, несомненно, напишет тебе об этом. Я благодарю Бога за то, что Он дал Нам ее увидеть. Это она несколько лет тому назад просила, чтобы сняли копию с большого образа Св. Девы в *Старой Руссе* и отослали ее Тебе. Не хотели этого делать, находя, что образ слишком велик. Затем началась война, она стала настаивать на своем. Желание ее было исполнено, и она сказала, что Мы все примем участие в *крестном ходе*. Оно так и вышло, когда этот образ привезли 5-го (?) прошлого года к *Феодоровскому Собору* — помнишь? А Ты велел хранить образ при 4 *стрелковом полке*³⁰⁹. У Меня имеется небольшая книжечка с ее жизнеописанием³¹⁰, Мне ее дал вчера старый слуга из *Мариинского дворца* (ее *духовный сын*). — Она произвела на Меня гораздо более умиротворяющее впечатление, нежели старая *Паши* из *Дивеева*³¹¹. Отсюда — в *Юрьевский монастырь* (5 верст от города) — там находится Твой старый *Никодим*, он боготворит Тебя, молится за Тебя и шлет Тебе привет.

Думаю, что Ольга подробно пишет Тебе обо всем этом. Окружавшая нас любовь и теплота, ощущение близости к Богу и к Твоему народу, единство и чистота чувств, — все это бесконечно благотворно подействовало на Меня, и Мы уже обсуждаем поездку в *Тихвин*, монастырь с очень чтимой Богоматерью (образ), в четырех часах езды отсюда, — в *Вятку* и в *Вологду*. Апраксин узнает обо всем. — Сочетание лазаретов со святыми местами будет благотворно.

Так много старинного и исторического в Новгороде, что чувствуешь себя как бы перенесенной в другую эпоху! *Старица* встречает каждого словами: "*радуйся, Невеста Невестная*". Мы были в маленьком *приюте* для мальчиков *Татьянинского* комитета, туда привели также маленьких девочек из другого *приюта*. Затем Мы отправились в *Дворянское собрание*, где *Дамский комитет* передал Мне 5000 руб. Ими устроен там лазарет — великолепная огромная палата для солдат; офицеры в соседнем помещении.

Мы пили чай очень мило, жена губернатора и Архиепископ сидели около Меня, — было несколько дам, все уродливые; его дочь работает сестрой милосердия. Оттуда Мы заехали в *Знаменскую церковь*. Посылаю Тебе купленный Мною там образ Богоматери, — он так хорош! Пожалуй-ста, повесь его над Своей кроватью, у Нее такой дивный лик, — и *Невесту Христову*, — которую от нас скрыли, Я ее видела в этот же день, — дабы Она помогла Тебе. Туда же привезли чудотворный образ св. Николая, чтобы Мы к нему приложились. — Какой это восхитительный храм! — *Сводами* (очень крутые лестницы). У Нас не хватило времени рассмотреть картину *страшного суда*, на которой были изображены Петр Великий и *Меньшиков*, по приказу Петра. — Наш автомобиль застрял, и толпа вытащила Нас. Оттуда Мы проехали к крохотной *часовне*, расположенной в саду. Здесь на *печке* в *просфирной* (несколько лет тому назад) явилась Богоматерь. Этот образ остался совершенно нетронутым, он только покрыт стеклом и оправлен драгоценными камнями. Такое сильное благоухание, Мы с Девочками сразу обратили на это внимание. Всюду Я чувствовала с Собой Вас Обоих и словно заодно с Вами переживала все!

(Напиши А[не] несколько строк, как бы в благодарность. Это хорошо на нее подействует, так как она так тепло принимала во всем участие — губернатор и *Никодим* были очень милы по отношению к ней.) — Оттуда Мы снова проехали в *земский лазарет*, куда свезли раненых из всех окружающих мест, а также в *городской*. На вокзале купечество поднесло Мне икону и яблоки. Трубаچی местного запасного полка сыграли уланский марш».

Князь Н. Д. Жевахов: «Вскоре после возвращения Ее Величества из Новгорода, А. А. Вырубова уведомила меня телеграммою о том впечатлении, какое произвело на Императрицу посещение старицы Марии Михайловны. Я не буду останавливаться на этом впечатлении, нашедшем отражение в "Письмах" Императрицы к Государю; скажу лишь, что в гостиных провинциальной новгородской аристократии много шептались по поводу того, что Ее Величество посетила, по моему совету, старицу, жившую в такой грязной келлии... Передавая мне об этом, Императрица сказала:

“Меня все отговаривали от посещения старицы, находя, что ее келлия, откуда она не выходила 40 лет, действительно очень грязна; но зато душа ее чистая, и Я никогда не забуду того часа, который провела у нее”...

Эта поездка чрезвычайно освежила Императрицу. Последующие дни были заняты заготовлением тех подарков, какие Ее Величество, впоследствии, передала мне для вручения их как старице Марии Михайловне, так и в те храмы, какие посетила. Я отвез их в Новгород к праздникам Рождества Христова...»³¹²

А. А. Вырубова: «В начале декабря 1916 года Ее Величество, чтобы отдохнуть душою, поехала на день в Новгород с двумя Великими Княжнами и маленькой свитой, где посетила лазареты, монастыри и слушала обедню в Софийском соборе. Помню, что и об этой поездке кричали в Петрограде, но что именно, не помню. Бог знает: и это не понравилось! Но в Новгороде огромная толпа народа восторженно встречала Ее. При звоне колоколов старинных церквей Государыня шествовала, окруженная любящим и ликующим населением, посещая святыни и больных и раненых воинов. До отъезда Государыня посетила Юрьевский и Десятинный монастыри. В последнем она зашла к старице Марии Михайловне, в ее крошечную келлию, где в тяжелых веригах лежала много лет старушка. Когда Государыня вошла, старица протянула к Ней свои высохшие руки и произнесла: “Вот идет мученица – Царица Александра!” Обняла Ее и благословила. Слова эти глубоко запали мне в душу»³¹³.

Государыня – Императору (12.12.1916): «Уехали в шестом часу, вернулись сюда в 10.20. – Ночь провели в поезде, с утра отправились в лазарет, сейчас Мы отдыхаем, вечером повидаю Нашего Друга. – Так славно, покойно и тепло на душе!»

Император – Государыне (12.12.1916): «Я очень рад, что Ты довольна виденным в Новгороде. Да благословит Тебя Бог, Мое Солнышко!»

Из дневника Великой Княжны Ольги Николаевны 1916 г.:
«Царское Село. Понедельник 12-го декабря.

Вышли из поезда в 9 ч. 50 м. К Знамени и в лазарет. Писала, стелила койки, но дела было не много. В 12 ч. пошли в гостиную играть в блошки. Как всегда я с Касьяновым

против Т[атьяны] и улана. С Мамой завтракали и пили чай. Мама [нрзб.], все болит от усталости. Давала лекарства, стелила койки и писала, но всего очень немного. Соколов говорит почти все буквы. У нас новый, Курицев, 255 Аккерманского полка. Экзертикуляция лев[ого] плеча. Ему 18 лет. Совсем дите. Лежит в палате у Зарембы. [...]

Обедали мы с Мамой у Ани с Григ[орием] Еф[имовичем] и после 9 ч. Мы 4 поехали в лазарет»³¹⁴.

*Из дневника Великой Княжны Марии Николаевны 1916 г.:
«12/25 [декабря.]*

Приехали в Ц[арское] С[ело] [...] Обедали 4 с Мамой и Григорием у Ани. Были 4 у сестер в лазарете»³¹⁵.

Государыня – Императору (13.12.1916): «Ангел Мой, вчера Мы обедали с Нашим Другом у Ани. Все было так мило, Мы рассказывали про Наше путешествие, и Он сказал, что Мы должны были прямо поехать к Тебе, так как доставили бы этим Тебе большую радость и “благодать”, а Я боялась помешать Тебе!»

Император – Государыне (13.12.1916): «Безконечно благодарю за Твое длинное интересное письмо со множеством подробностей о Твоей поездке в Новгород. Ты видела больше, чем Я в 1904 г. Конечно, было бы чудесно, если б Мы могли поехать туда вместе весной! Спасибо также за образ – Я очень рад иметь именно этот».

Государыня – Императору (14.12.1916): «Уже распространяли по городу слух (Дума), будто дворянство в Новгороде не приняло Меня, а когда они прочитали, что Мы даже пили чай вместе, то были уничтожены. [...] Сегодня Я удалила офицера из госпиталя М[арии] и А[настасии] за то, что он позволил себе смеяться над Нашим путешествием, уверяя, что Протопопов подкупал народ, чтоб он принимал Нас так хорошо. Женщина-врач, слышавшая это, была в ярости. [...] “Не страшись”, сказала старица, а потому Я пишу без страха...»

Одним из распространителей подобного рода «слухов», о которых пишет Государыня, был Великий Князь Николай Михайлович, известный либерал и масон. В одном из своих писем-отчетов о событиях 12-16 декабря 1917 г. он сообщал Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: «Третьего дня Государыня почувствовала необходимость посетить в разгар зимы Новгород и Юрьев монастырь.

Казалось бы – самое естественное желание, но это делается для того, чтобы доказать, будто Она всюду желанна, популярна и любая оппозиция Ей исходит только из Петербурга.

Владыко Арсений, епископ Новгородский, узнав об этой поездке, примчался в свою епархию, чтобы оказать Ей прием. Он только что голосовал в Государственном Совете против Правительства и очень опасался того, как Она его встретит. Однако А[лександра] Ф[еодоровна] была очаровательна в общении с духовенством, Дочери помогали Ей, и отцы Церкви остались довольны визитом. Однако энтузиазм народа был скорее умеренным, поскольку над всеми прочими чувствами преобладало сознание небезкорыстности этого зимнего визита. [...]

В Новгороде Государыня посетила келлию некой “старки” (это не название водки), старой 106-летней монашенки, впавшей в детство и говорящей предсказания. “Полезное занятие”»³¹⁶.

Характерно, что в фабрикациях слухов, судя по всему, принимал участие и Новгородский губернатор М. В. Иславин, утверждавший в неопубликованных своих воспоминаниях, что «в этой поездке Государыню инкогнито сопровождал Г. Е. Распутин»³¹⁷.

Государыня – Императору (15.12.1916): «Я рада, что Тебе понравилась икона, – разве Ее лик не прелестен, хотя печален. Я посылаю 3 лампадки от Себя и Детей Нов. Знам. *, Влад. Б. М. на печке и Старице вместе с иконой. Съел ли Ты ее яблоко?»

Император – Государыне (16.12.1916): «Мы съели яблоко старшцы, и Оба** нашли его превосходным. Я прочел описание Твоего посещения Новгорода в “Русск. инв.”, единственной газете, которую читаю, и был очень доволен».

Вот что прочитал Государь в разделе «Внутренние известия» этой газеты: «11 декабря Ее Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна с Августейшими Дочерьми Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татианой Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной в половине десятого часа утра

---

* Т. е. к чудотворной иконе Божией Матери «Знамение» в Новгороде. – С. Ф.

** Император и Наследник Цесаревич. – С. Ф.

изволила прибыть в Новгород. На вокзале Государыню Императрицу встретили: Новгородский губернатор тайный советник Иславин, начальник гарнизона (с рапортом), и. д. губернского предводителя дворянства и уездные предводители дворянства, а также Князя Иоанн Константинович и Андрей Александрович; супруга губернатора имела счастье поднести Ее Величеству букет цветов; городской голова, поднося хлеб-соль, обратился к Ее Величеству с приветственным словом.

С вокзала Государыня Императрица с Великими Княжами проследовала в Софийский собор. По пути следования Ее Величества стояли войска с хорами музыки и учебные заведения. В соборе Ее Величество была встречена прочувственным словом архиепископа Арсения, после чего в соборе была совершена архиерейским служением, в сослужении с викарным епископом и прочим духовенством, Божественная литургия и молебен.

По окончании богослужения, Ее Величество и Их Высочества, приложившись к местным святыням, посетили лазарет епархиального ведомства, а затем церковное древлехранилище, где подробные объяснения давал архиепископ Арсений.

После завтрака в Императорском поезде, к которому были приглашены Князя Иоанн Константинович и Андрей Александрович, а также губернатор и сопровождавшие Ее Величества лица, Государыня Императрица с Августейшими Дочерьми посетила земскую больницу, женский Десятинный монастырь, где прикладывалась к частице св. мощей великомученицы Варвары, и приют для детей беженцев, устроенный местным отделением Комитета Великой Княжны Татианы Николаевны.

Затем Ее Величество и Их Высочества проследовали в находящийся за городом Юрьев монастырь, где в Георгиевском и Спасском соборах поклонились местным святыням и осматривали достопримечательности, после чего посетили покои настоятеля.

Возвратившись в город, Государыня Императрица с Великими Княжами посетила лазарет Дамского комитета в Дворянском собрании, где удостоила принять от дворян чай, к которому были приглашены находящиеся здесь на излечении раненые офицеры и сестры милосердия.

Посетив Знаменский собор, где Ее Величество и Их Высочества прикладывались к чтимым святыням Новгорода: чудотворной иконе Знамения Божией Матери и чудотворной иконе Святителя Николая, доставленной из Николо-Дворищенского собора, Государыня Императрица и Великие Княжны проследовали в часовню чудотворной Владимирской [иконы] Божией Матери, именуемой «Печерской», в городской лазарет для раненых воинов и в земский лазарет.

По пути следования Ее Величества, как с вокзала в Софийский собор, так и по всему городу, Государыня Императрица и Августейшие Дочери были восторженно приветствованы местным населением, причем в местах остановок население встречало Ее Величество особенно сердечно.

В лазаретах Государыня Императрица и Великие Княжны Собственноручно наделяли раненых и больных воинов – защитников родины шейными образками, удастаявая их милостивыми вопросами.

При посещении соборов и церквей Ее Величеству и Их Высочествам были поднесены иконы.

Супругой губернатора были представлены в распоряжение Ее Величества на нужды войны пять тысяч рублей; иеромонах Рижского архиерейского дома Пантелеимон поднес Ее Величеству свою лепту: талоны к двум сторублевым облигациям внутреннего займа.

В тот же день Государыня Императрица с Августейшими Дочерьми изволила отбыть из Новгорода в Царское Село. На вокзале находились губернатор и местные власти. При отъезде купечество удостоилось поднести Ее Величеству корзину фруктов»³¹⁸.

Из воспоминаний баронессы С. К. Буксгевден: «Свое последнее путешествие Императрица предприняла в декабре 1916 года, когда Она посетила Новгород – город, в который Она давно стремилась попасть, чтобы увидеть его многочисленные старинные церкви. Но сейчас Ей хватило времени лишь на то, чтобы осмотреть военные госпитали. В этой поездке Императрицу сопровождал Новгородский губернатор, а местная знать устроила в Ее честь прием; но для придворных было очевидно, что этому приему недостает теплоты (хотя Сама Императрица вряд ли осознавала это).

Императрица пожелала осмотреть древний собор, а затем вместе с Дочерью и Князем Иваном Константиновичем отправилась повидать почитаемую в городе старицу, которой исполнилось уже больше 100 лет. Женщина приветствовала Императрицу словами: "Вот идет Велико-мученица Императрица Александра". Но Ее Величество, казалось, не расслышала этих слов. Она получила благословение старицы и покинула ее, утешенная и ободренная. Но те, кто был там вместе с Ней, вернулись глубоко подавленными, так как им слова старицы показались дурным предзнаменованием»³¹⁹.

Из воспоминаний ген. А. И. Спиридовича: «Переживая... часто случавшиеся приливы особо повышенной религиозности и веры в молитвы и богоугодность "Друга", Императрица решила совершить паломничество в Новгород. Там древние святые, простой провинциальный народ, хороший человек губернатор Иславин. Вызванный в Царское Село обер-прокурор* Синода кн. Жевахов доложил все нужные исторические справки, дал даже адрес одной "старицы". С Государыней поехали все четыре Дочери, фрейлина графиня Гендрикова и А. А. Вырубова. [...]

11 декабря в 9 ч. утра Императорский поезд подошел к дебаркадеру Новгорода. Встречали: губернатор, предводитель дворянства и начальник гарнизона. Губернатор рапортовал. Царица любезно подала всем руку. В зале вокзала губернаторша Иславина с двумя дочерьми встретила с букетами цветов. Во дворе вокзала маршевый эскадрон Лейб-гвардии Ее Величества уланского полка в конном строю приветствовал своего Шефа. То была последняя встреча полка со своим любимым Шефом.

Сели в автомобили и тихо двинулись к знаменитому Софийскому собору. По пути шпалерами стояли войска. За ними народ. Кричали "ура", махали шапками, платками. В кремле восторженная встреча учащихся всех школ. Машут флажками, бросают цветы, кричат восторженно.

В соборе архиепископ Арсений, человек твердый и почтенный, встретил Царицу задушевным словом, которое понравилось, что не всегда случалось. Собор был полон

---

* В действительности товарищ обер-прокурора. — С. Ф.

народу. Обедня и молебен продолжались два часа. Царица как бы не чувствовала утомления.

После службы приложились к святыням, посетили епархиальный лазарет, беседовали с больными. Царица дарила образки. Прошли в музей древней иконописи, где Царица, Сама большая художница, восхищалась старым письмом. Затем вернулись к завтраку в поезд.

Царица, утомившись, завтракала одна в купе, к столу же Вел. Княжен были приглашены Князья Иоанн Константинович и Андрей Александрович. Они были в строю со своими полковыми эскадронами из Кричевецких казарм (Л.-гв. Кавалергардского и Конного полков)*. Князья все время затем были при Великих Княжнах.

В 2 часа приехали в Земский лазарет, оттуда в Десятинный женский монастырь. Поклонились мощам св. Варвары Великомученицы. Царица навестила игуменью Людмилу и пожелала навестить «старицу» Марью Михайловну. Это внесло некоторое смятение. Попытались отговорить.

---

* Баронесса С. К. Буксгевден вспоминала: «Сразу после того как стало известно об отречении Императора, мы были свидетелями одного чрезвычайно характерного эпизода. Выглянув как-то в окно, я смутно разглядела сквозь пелену падающего снега небольшую группу всадников, о чем-то беседовавших перед закрытыми воротами Дворца. И лошади, и всадники выглядели смертельно измученными; животные безсильно склонили свои головы к земле, тогда как люди еще пытались сохранить свою военную выправку. Через какое-то время я увидела, как всадники развернулись и медленно поехали прочь. Это был резервный эскадрон кавалерийского полка, располагавшийся в муравьевских казармах неподалеку от Новгорода — примерно в 150 верстах от Царского Села. Услышав о событиях в Петрограде, офицеры вместе с солдатами направились в Царское Село. В течение двух дней они скакали практически без передышки по дорогам, сплошь заваленным снегом. Когда они наконец добрались до Царского Села, то были уже почти без сил. Но у ворот Дворца им сказали, что они приехали слишком поздно. В стране больше не было Императора, и им некого было теперь защищать. Тогда они отправились в обратный путь — олицетворение крайней скорби. Императрица даже не смогла поблагодарить их, хотя это доказательство преданности своему Государю навсегда сохранилось в Ее памяти» (Рус. перевод англ. изд. Н. Б. Лебедевой: *Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы Всероссийской*. Лондон 1928. В печати).

Не помогло. Старица была известна далеко в округности. Знал ее и Петроград. Многие приезжали к ней, прося молитв, советов, предсказаний. Лежала она уже много лет в темной комнатке. Молилась. Около лежали вериги, которые раньше носила, теперь же, по слабости, уже не могла.

Идя к старице, захватили свечку. С Царицей вошла к старице игуменья, архиепископ, Великие Княжны. На кровати лежала старушка. У нее тонкое овальное лицо. Лучистые глаза. Седая. Поздоровались. Она улыбалась и сказала Царице: "Ты, Царица, хорошо, не серди Своего Мужа. Передай Ему от меня этот образ, а Сыну дай это яблоко". Потом стала говорить Царице что-то на ухо. Царица как бы просияла и стала целовать старицу. Царица говорила позже, что старица сказала Ей: "А Ты, красавица, тяжелый крест несешь. Не страшись". Государыня послала к ней Князей и Вырубову.

Затем посетили беженский детский приют и Юрьевский монастырь. На пути автомобиль застрял в снегу. Толпа бросилась к Царице. Хватали за руки, целовали, плакали. Пожилые крестили автомобиль. Крестились, глядя на Царицу.

Из монастыря проехали в Дворянское собрание. Там был великолепный лазарет. Были приготовлены санитары поднять Царицу в кресле на второй этаж. Она сказала губернатору: "Я так Себя хорошо чувствую у Вас, что готова подниматься по какой угодно лестнице, Мне не надо санитаров". Дамский комитет встретил Царицу и поднес 5000 рублей на раненых. После обхода был предложен чай. К нему пригласили офицеров и сестер милосердия. Царица просто разговаривала с Иславиной, высказала ей похвалу за то, что та с дочерью работают, как сестры милосердия. Рассказала, как Сама работает, как конфузится, когда приходится вести заседания, как председательнице.

Поехали в Знаменский собор. Приложились к чудотворной иконе Знамения. Царица купила маленькую иконку для Государя. Послав ее в Ставку, просила повесить над кроватью. В собор привезли и чудотворную икону Николая Чудотворца. Все прикладывались. Царица восторгалась храмом. Посетили затем часовню с новоявленной чудотворной иконой, лазареты земского и городского союзов и к 6 часам вернулись на вокзал.

Хор трубачей запасного гвардейского кавалерийского полка встретил уланским маршем. Городской голова и купеческий староста поднесли икону, букет, фрукты. Дебаркадер был полон публикой. Царица сердечно благодарила Иславина, передала ему поклон от Государя и пообещала приехать с Государем весной.

Под звуки гимна и крики “ура” поезд тронулся и через четыре часа Царица с Семей уже была у Себя в Царском Селе. Она была в восторге от посещения Новгорода, от всего того, что видела, слышала и перечувствовала. “Я вам говорила, — повторяла Она близким, — что народ Нас любит. Против Нас интригует только высшее общество и Петербург”.

На другой же день Царица стала готовить подарки для новгородских церквей и монастырей, и скоро князь Жевахов повез туда несколько ящиков Царских подарков. Иконку, украшенную драгоценными камнями, повез князь и старице Марье Михайловне»³²⁰.

* * *

Государыня — Императору (17.12.1916): «...Душевная напряженность за эти последние тяжелые месяцы, конечно, должна была отразиться на слабом сердце; эта чудная поездка в *Новгород* в физическом отношении была очень утомительна — вот старая машина и пришла в негодность».

А. А. Вырубова: «Через два дня после нашего возвращения из Новгорода, именно 17 декабря, началась “безкровная революция” убийством Распутина. 16 декабря Государыня послала меня к Григорию Ефимовичу отвезти ему икону, привезенную Ею из Новгорода»³²¹.

Ю. А. Ден: «Этот образок был одним из многих списков Чудотворной иконы Божией Матери Псковской*, которые Государыня привезла из Пскова**, куда ездила вместе с Их Высочествами, чтобы посетить один из Своих лазаретов. Ее Величество купила эти образки [...] На оборотной стороне всех этих образков члены Императорской Семьи написали карандашом свои имена и дату и раздали их друзьям. Один из образков получил и Григорий Ефимович...»³²²

---

* В действительности иконы Божией Матери «Знамение» Новгородской. — С. Ф.

** На самом деле из Новгорода. — С. Ф.

Из дневника Государыни 1916 г.:

17 Декабрь

Суббота

† о. Gr.

2 ч. М^{ме} Мрозовская (Moscow)³²³

М^{ме} В. С. Нарышкина (with works*)

A.** came over to live in our house***. –

всенощная in the house****.

8 ч. A<fternoon>*****

Лили*****

Confession*****. 10.

18 Декабрь

Воскресенье

9. Holy Communion house – Church*****

With A.***** –

Лили

Glorious sunshine***** _

Лили & A –

6 ч. Протопопов

8 ч. Лили, A, O<ncle?>. П.***** [...]

[19 декабря. Понедельник.]

Акилина*****.

6 ч. fetched N. & A. at station*****

10. Протоп. ***** – [...]

---

* С работами (англ.). – С. Ф.

** А. А. Вырубова. – С. Ф.

*** Переехала жить в наш дом (англ.). – С. Ф.

**** На дому (англ.). – С. Ф.

***** В 8 часов по полудни (англ.). – С. Ф.

***** Ю. А. Ден. – С. Ф.

***** Исповедь (англ.). – С. Ф.

***** Святое Причастие домовая Церковь (англ.). – С. Ф.

***** «С А.» (англ.). Имеется в виду А. А. Вырубова. – С. Ф.

***** Великолепное (торжествующее) солнце; солнце в сиянии славы. (англ.). – С. Ф.

***** Дядя (англ.) П[авел]. Речь идет о Вел. Кн. Павле Александровиче. – С. Ф.

***** Акилина Никитична Лаптинская (1886†?) – одна из почитательниц Г. Е. Распутина. – С. Ф.

***** Встретили Н. и А. на станции (англ.). Речь идет о Государе и Наследнике. – С. Ф.

***** А. Д. Протопопов (1866†1918) – управляющий Министерством внутренних дел. – С. Ф.

21 Декабрь

Среда

9 ч. Лития on o. Gr. grave* –

А. Лили

a<fternoon?>.**

tea in Baby's room***

6 ч. Акилина, Матреша****, Варя*****

8 ч. Сандро Л.³²⁴ »

Из дневника Великой Княжны Ольги Николаевны 1916 г.:
«Суббота 17-го декабря.

Мы 2***** к Знамени. Делала, что всегда, стелила койки и т. д. Соколов мрачнее ночи. Играли в блшки с Касьяновым против Т[атьяны] и улана. Ели с Мамой. Аня пила чай, обедала. Весь день сидели с Мамой. Отец Григорий с ночи пропал. Ищут везде. Ужасно тяжело. Были у всенощной здесь дома. Веч[ером] Мама, Аня исповедовались. Лили Ден была. Папа писал. Почти до 12 ч. сидели. Все ждали телефона от Калинина***** и т. д. Спали мы 4 вместе. Боже, помоги.

Воскресенье 18-го декабря.

В 9 ч. здесь обедня. Мама и Аня причащались. Она живет у нас в доме, т. к. Мама за нее боится. Около 11 ч. мы 2 в лаз[арет]. Дел очень мало. Там идет разборка, чистка и т. д. [нрзб.] Касьянов со вчерашнего дня в городе. У Папы был вчера и сегодня военный совет, в 4 1/2 ч. должен был выехать. Помогите Бог как тяжело. Аня и Лили утр[ом] и днем были. Пошли погулять с ней и Тити³²⁵. С утра чудное, яркое солнце, небо. Мороз сильный. Сидели все вместе.

Сохрани и спаси, Господи Святый.

Лили и Аня пили чай и будут обедать. П. Н. [Саблин] обедал и в 10 ч. уехал. После 11 ч. только разошлись. Настроение самое тяжелое. – Т[атьяна] и Я спали с Мамой. Я на койке Папы, а Она на кушетке. Все-таки уютней.

---

* На могиле о. Григория (англ.). – С. Ф.

** Днем (англ.) – С. Ф.

*** Чай в комнате Бэби (англ.). – С. Ф.

**** М. Г. Распутина – дочь Г. Е. Распутина. – С. Ф.

***** В. Г. Распутина – дочь Г. Е. Распутина. – С. Ф.

***** Великая Княжна Ольга Николаевна имеет в виду Себя и Сестру Великую Княжну Татьяну Николаевну. – С. Ф.

***** Имеется в виду министр внутренних дел А. Д. Протопопов. – С. Ф.

Понедельник 19-го дек[абря]. Зергунков.

Как всегда к Знамени и в лаз[арет]. Почти нечего делать. Пошли с Касьяновым в гостиную и при закрытых дверях и без никого Я играла, а он напевал разные новые и красивые вещи. Он был очень, очень милым. Пошла дать лекарства и т. д. и опять поиграли. После 12 ч. после перевязок начала играть в блошки, всегдашняя партия, и мы с Касьяновым обыграли улан. Ели с Мамой. Окончательно узнали, что отец Григорий был убит, должно [?] быть, Дмитрием* и брошен с моста у Крестовского. Его нашли в воде. Как тяжело и писать не стоит. Сидели и пили чай с Лили и Аней и всё время чувствовался отец Григорий с Нами. В 5 ч. поехали на ветку по ошибке, а в 6 ч. встретили Папу и Алексея. Ужасно радостно. Обедали вместе. После 10 ч. Папа и Мама принимали Калинина, потом Д[ядю] Павла. Мы были у Ани в комнате. В 12 ч. спать.

Вторник 20-го декабря.

Мы 2 к Знамени и в лаз[арет]. Писала рецепты как всегда и темп[ературу]. Касьянов помогал, диктовал. Долго стояли вместе у шкафа. Почти ничего не делала. После блошки с Мейером против Т[атьяны] и Касьянова. Все время путалась, не удобно и ни к чему играть врозь. Был одет, чтоб в город ехать. Ели с Папой и Мамой и Ал[ексеем]. После 3 ч. с Папой гуляли. Яркий солнечный день. 13 м[ороза]. После чая посидели у Ани. Веч[ером] ничего особенного: Сидели вместе. После 11 ч. спать.

Сандро. Среда 21-го декабря.

В 9 ч. мы 4 Папа и Мама поехали к месту Аниной постройки, где была отслужена лития и похоронили Отца Григория в левой стороне будущей церкви. Спаси, Боже Святый. Были только Аня, Лили, Акилина, Феод[осия] Степа[новна], Жук³²⁶, полк. Мальцев³²⁷, архитект[ор]³²⁸ и священн[ик]³²⁹. После мы 2 к Знамени и в лаз[арет]. Писала, Касьянов диктовал, стелила койки, давала лекарства. [...]

Четверг 22-го декабря.

[...] Папа и Мама всё принимают. Боже, как стараются и Им тяжело. Помоги же Им и благослови³³⁰.

---

* Имеется в виду Вел. Кн. Димитрий Павлович. — С. Ф.

Из дневника Великой Княжны Марии Николаевны 1916 г.:

«17/30 [декабря.] Суб. Прор Даниила.

[...] Пили чай 4 с Мамой и Аней, те же были дома у все-нощной и обедали. После обеда приходила Лили Ден. Плохие известия. Григорий пропал со вчерашней ночи. Незнают [sic!] где.

[18/31 декабря.] Воскр. Св. Модеста. Муч. Клавдия.

Были 4 у обедни. Мама и Аня причащались. Сидели все и Лили Ден. Завтракали 4 с Мамой. Снова сидели вместе и пили чай. Гуляла с О[льгой], А[настасией], Лили и Тити. Была с А[настасией] в н[ашем] лазарете. Сидели. Обедали 4 с Мамой, Аней, Тити и Лили. Сидели все вместе. Нового про Григория ничего не известно, подозревают Дмитрия и Феликса. —

19/1 янв[аря].

Были уроки: арифметика и история. Остальные часы сидела с Мамой. Завтракали 4 с Мамой. Сидели и пили чай 4 с Мамой, Аней и Лили Ден. Григорий убит. Встречали Папу и Алексея в 5, а Они приехали в 6, т[ак] ч[то] Мы снова ездили на станцию. Обедали 4 с Папой и Мамой. Аня приходила. Она живет на другом конце дома. Потом 4 сидели у нее у камина.

20/2.

Были уроки: немецкий, [нрзб.] и история. Завтракали 5 с Папой и Мамой. Была с А[настасией] в С.* лазарете. Гуляли 4 с Папой. Была с А[настасией] в Н[ашем] лазарете. Пили чай 4 с Папой и Мамой. Была музыка. Обедали 4 с Папой и Мамой. Была Аня.

21/3. Среда. Мучц. Иулиании. Св. Петра митр.

Были 4 с Папой и Мамой и др. на похоронах Григория. Похоронили на постройках у Ани. Были уроки: история и батюшка. Завтракали 4 с Папой и Мамой. Была с А[настасией] в Н[ашем] лазарете и Викт[ор] Эр[астович]** был. Пили чай 4 с Папой и Мамой около Алексея, у Него в животе червячки. Была музыка. Ходили к Ане, видели Матрешу, Варю и Акилину. Обедали 4 с Папой, Мамой и Сандро. Аня была. Папа читал»³³¹.

---

* Имеется Собственный Ее Величества лазарет. — С. Ф.

** Сотник Собственного Его Императорского Величества Конвоя В. И. Зборовский. — С. Ф.

Из воспоминаний кн. Н. Д. Жевахова: «Следуя обычаю, от которого я не отступал в течение многих лет, я имел в виду провести Рождественские праздники где-либо в монастыре, вдали от шума столицы. Однако, накануне своего отъезда из Петербурга, я был вызван к Ее Величеству, и аудиенция изменила мои первоначальные планы. Прошло всего несколько дней после убийства Распутина, события, причинившего Государыне так много боли. Ее Величество была подавлена жестокостью убийц и в первый раз заговорила со мной о Распутине, точнее, о его убийцах.

“Подумайте, какой ужас, как жестоко, как гадко и отвратительно!.. И это совершили наши... родные, племянники Государя!.. В какое время мы живем! Нет, этого нельзя так оставить!.. Убийцы должны быть наказаны, кто бы они ни были”, – говорила Императрица, волнуясь.

“Нет, нет, Ваше Величество, не надо! – вырвалось у меня. – Они получат возмездие от Бога, и осознание вины будет казнить их до самого гроба... Сейчас они слепы, ничего не сознают, и наказание создаст им только ореол мучеников; но скоро откроется у них духовное зрение, и тогда они будут чувствовать себя не героями, как сейчас, а преступниками и убийцами”...

Государыня, казалось мне, несколько успокоилась, и разговор коснулся Новгорода и тех поручений, какие Ее Величество желала возложить на меня, ради чего и вызвала к Себе. Передав мне о заготовленных иконах и лампадах для Новгородских храмов и монастырей, Ее Величество просила меня поехать в Новгород и передать Высочайшие подарки, а также вручить икону и старице Марии Михайловне. В тот же день ящики с иконами были доставлены чрез курьера на вокзал, и я выехал в Новгород, предупредив архиепископа Новгородского Арсения о своем приезде и прося Владыку дать мне помещение в Архиерейском доме. [...]

Передав Владыке о цели своего приезда в Новгород, я просил распорядиться внести ящики в зал, чтобы, в присутствии Владыки, вскрыть их. Там оказались драгоценные иконы и лампы, первые с Собст-

венноручными подписями Императрицы и Царских Дочерей на обратной стороне, вторые с Царскими вензелями. [...]

Спустя некоторое время Владыка провел меня в основанный им Исторический музей, где трудами Владыки было собрано много исторических ценностей. Я не мог не отдать должного энергии Архиепископа, хотя понравился мне не столько музей, сколько тот обычай, о котором Владыка мне рассказал и которому ежегодно следовал, привозя тюремным сидельцам на Пасху красное яичко. Осмотрев музей, я отправился с визитом к губернатору Иславину, а затем объехал Новгородские монастыри, посетив и 116-летнюю подвижницу Марию Михайловну, жившую в Десятинском монастыре, которой также привез подарок от Императрицы, драгоценную икону, с Собственноручной надписью Ее Величества на оборотной стороне. Старица очень засуетилась, была чрезвычайно тронута Царским подарком и, в свою очередь, стала искать глазами какого-либо подарка для Императрицы, но ничего не могла отыскать в своей убогой кельи, где, кроме ветхих икон, да бутылки с лампадным маслом, не было других вещей... Ее взор остановился на древнем образе Божией Матери: не имея сил подняться с своего ложа, старица просила меня передать ей икону... Долго рассматривая образ и творя про себя молитву, старица вручила мне эту икону со словами: "Отдай ее Царице-Голубушке. Пусть благословит этой иконой Свою Дочку, какая первой выйдет замуж"... Потом старица нашла подле себя жестянку с чаем, отсыпала горсть в бумажку и поручила передать чай в подарок Императрице. Долго беседовал я со старицею, которую давно знал и которую извещал в каждый приезд свой в Новгород: я расспрашивал ее о грядущих судьбах России, о войне...

"Когда благословит Господь кончиться войне?" — спросил я старицу.

"Скоро, скоро, — живо ответила старица, а затем, пристально посмотрев на меня своими чистыми, бирюзовыми глазами, как-то невыразимо грустно сказала, — а реки еще наполняются кровью; еще долго ждать, пока

наполнятся, и еще дольше, пока выступят из берегов и зальют собою землю”...

“Неужели же и конца войне не видно?” – спросил я, содрогнувшись от ее слов.

“Войне конец будет скоро, скоро, – еще раз подтвердила старлица, – а мира долго не будет”...»³³²

ВЫСОЧАЙШИЕ ДАРЫ

В великий праздник Рождества Христова причт и прихожане Знаменского собора осчастливлены были получением для собора Высочайшего от Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны дара сребропозлащенной, в византийском стиле, круглой лампы к образу Царицы Небесной Знамения.

Лампаду эту в 3 часа пополудни доставили в Знаменский собор Его Высокопреосвященство и товарищ Обер-прокурора Св. Синода князь Н. Д. Жевахов. Сряду же было отслужено молебствие о здравии Государя Императора и Государыни Императрицы, а на другой день после Литургии отслужено еще молебствие соборне, причем о. настоятелем сообщено о Высочайшем даре собравшемуся в соборе народу.

Другая лампада Государынею Императрицею пожертвована в Печерскую часовню Божией Матери. Лампада также доставлена товарищем Обер-прокурора князем Н. Д. Жеваховым и Его Высокопреосвященством.

Старице Десятина монастыря Марии Михайловне князь Н. Д. Жевахов доставил Высочайший дар – икону с изображением св. Царицы Александры и тех святых жен, имена которых носят Августейшие Дочери Их Императорских Величеств. Икона с лампадою имеет Собственноручные надписи Государыни Императрицы и Их Императорских Высочеств.

Г. товарищ Обер-прокурора князь Н. Д. Жевахов с Высочайшими дарами прибыл накануне праздника Рождества Христова и отбыл обратно вечером 25 декабря³³³.

ТЕЛЕГРАММА АРХИЕПИСКОПА
НОВГОРОДСКОГО АРСЕНИЯ
ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ
АЛЕКСАНДРЕ ФЕОДОРОВНЕ

Царское Село
Ее Императорскому Величеству
Государыне Императрице Александре Феодоровне.

С умилением приняли мы боголюбивый дар Вашего Величества и затеплили лампы пред чудотворными иконами Царицы Небесной, неусыпной Хранительницы Великого Новгорода, в священную память незабвенного для нас паломничества Вашего и молитвы у святынь Новгородских. От себя и паствы в нынешний день великого праздника счастлив принести Вашему Величеству и Августейшим Дщерям Вашим усерднейшие поздравления и всепреданнейшую благодарность.

Смиренно молим Матерь Божию, да хранит Она под Своим Божественным покровом Ваше Величество, благочестивейшего Государя и все Царственное Семейство Ваше на счастье великой России.

АРСЕНИЙ,
архиепископ Новгородский³³⁴

* * *

*Из дневника Великой Княжны Ольги Николаевны 1916 г.:
«Рождество Христово».*

В 10 ¹/₄ ч. с Папой к обедне. Мама и Ал[ексей] позже. Ели семейно. Чудное яркое солнце, небо. 7 м[ороза]. В 2 ч. все поехали в манеж на Конвойную ёлку. Алекс. Конст[антинович] и все милые были там. Так, на них глядя, отдыхаешь. [Нрзб.] В 3 ч. кончилось. Пошла с Папой погулять на ¹/₂ ч. — после Он с Мамой принимали Калинина. В 6 ч. мы 2 с Мамой к себе в лаз[арет] на ёлку, устраиваемую в гостиной. Все, кроме Соколова, были в сборе. Мама раздавала всем подарки. [...] После обеда поиграла по заказу Папы божественные вещи и пошли все к Ане, где была вся семья отца Григория: Парасков[ья] Феод[оровна], Митя, Матрона и Варя. Они

уезжают во вторник в Покровское. Пошли к Ал[ексею] и Тане. Ничего особенного не делали. В 11 ч. спать. Мама всё неважно Себя чувствует, но молодцом.

Из воспоминаний кн. Н. Д. Жевахова: «Оправившись от болезни, я испросил Высочайшую аудиенцию у Государыни и поехал в Царское Село с докладом о своей поездке в Новгород и с заготовленным для подписи Ее Величества рескриптом на имя начальницы Харьковского епархиального женского училища Евгении Николаевны Гейцыг. Это было в начале января 1917 года. [...]

Доклад длился недолго, и, передав Императрице подарки от старицы Марии Михайловны, какие Государыня приняла и отнесла в соседнюю комнату, я стал рассказывать о деятельности Е. Н. Гейцыг...»³³⁵

Из письма епископа Алексия (Симанского) архиепископу Арсению (Стадницкому) от 29 января 1917 г.: «Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко! Сегодня в 4 ч. скончалась Мария Михайловна. Я составил телеграмму о сем Вам срочную, которую м. игумения послала в 9 часов. Посоветовавшись сам с собою, решил не посылать от монастыря телеграммы Государыне, а просить Вас известить Ее о кончине старицы. Вам там ближе и виднее, как это сделать. М[ария] Мих[айловна] прямо заснула. Последние дни она была до того слаба, что еле могла выговорить слово, хотя была в полной памяти. Я был у нее на днях. Похороны предполагает матушка в среду. Вы к тому времени будете уже здесь и, наверно, будете сами отпевать ее»³³⁶.

ТЕЛЕГРАММА

Новгородскому губернатору от 30.01.1917 г.

Из Царского Села в Новгород.

Подана в час. 5 мин.

Новгород. Губернатору Иславину.

Ея Величество благодарит [за] извещение. Глубоко сожалеет. Рада, что пришлось повидать блаженную старицу до кончины. Искренний привет.

А. ВYРУБОВА³³⁷.

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ СТАРИЦЫ МАРИИ МИХАЙЛОВНЫ

29 января 1917 г. в 4 часа утра волею Божиею отозвана в вечность проживавшая многие годы в Новгородском Десятинском женском монастыре почитаемая старица Мария Михайловна.

Почившая большую часть своей жизни прожила «в міру», а последние 16 лет провела вдали от мірской суеты, в стенах обители. Не давая обетов иноческих, оставаясь в одежде «мірянки», почившая поистине жила во Христе, Которому любила молиться. Во имя любви к Богу любила и ближних и для них трудилась. Посещая монастырский храм, она любила посещать и другие Новгородские святыни, любила участвовать в церковных торжествах, в крестных ходах, а во дни престольных монастырских праздников всегда с усердием, на крыльце гостиницы, где жила, встречала и провожала приходившего к ней для молебствия священника со св. Крестом. Скрóмная, смиренная, добровольно переносившая нищету, она жила не для себя лично, а для блага ближнего, для славы имени Божия. Отказавшись от всего земного, забыв требования своего бренного тела: пищу, сон, покой, она вела жизнь подвижницы, молилась и трудилась, не имела лично для себя ничего, а средства, приносимые ей в дар, направляла на устройство и украшение храмов Божиих.

Народ почуял в Марии Михайловне горячее, любящее сердце; стали стекаться к ней обремененные грехами многими, скорбями житейскими, болезнями, сомнениями и недоумениями в решении вопросов житейских. Она имела многих почитателей из Петрограда и иных городов. Удостоила ее Своего высокого посещения, в день приезда в г. Новгород, 11 декабря 1916 года, Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна со Своими Августейшими Дщерями.

Немедленно по кончине тело усопшей присутствовавшими при смерти настоятельницею монастыря игумениею Людмилою и некоторыми сестрами обители было, по христианскому обычаю, омыто и облачено в погребальные одежды. Весть о смерти Марии Михайловны быстро

стала распространяться среди горожан, и панихида после Литургии была совершена в ее комнате, уже переполненной народом.

В тот же день пред вечернею тело почившей было положено в кипарисовый гроб, приготовленный ее почитателями, и, по совершении литии, монастырским причтом, при множестве собравшегося народа, перенесено в главный монастырский храм. Пред гробом усопшей на аналогии поставлена икона, с горящей пред нею лампадой, пожалованная Марии Михайловне Государынею Императрицею с Собственноручными надписями Императрицы и Ее Дщерей.

В 7 1/2 часов вечера у гроба почившей была совершена панихида Преосвященным епископом Алексием в сослужении о. архимандрита Юрьева монастыря Никодима и монастырского причта. В следующие дни до погребения служились, почти не прерываясь, панихиды причтом монастыря и иереями г. Новгорода (свыше сорока). Так были совершены панихиды от монастырей: Свято-Духова, Зверина, Сыркова, Деревяницкого, при участии настоятелей, духовенства и певчих означенных обителей. В какой угодно час дня и вечера можно было видеть посетителей – горожан, лиц всякого пола, возраста и положения, приходивших ко гробу Марии Михайловны. Особенно трогательно было видеть непритворно скорбевших почитателей и почитательниц усопшей из Петрограда, бросивших, при первой вести о ее кончине, все свои житейские дела и прибывших отдать ей последний долг. Многие, весьма многие из них проливали искренние слезы у ее гроба.

Накануне погребения, в 5 ч. вечера, Преосвященнейшим епископом Алексием, в сослужении о. архимандрита Никодима, прот. Ф. Знаменского, оо. иеромонахов Самуила и Пантелеимона (о. эконома Рижского Архирейского дома), был отслужен парастас, при пении монастырского хора, под управлением о. ключаря собора прот. Н. Н. Стягова.

В день погребения, 1-го февраля, позднюю заупокойную Литургию совершил Преосвященнейший епископ Алексей, в сослужении о. арх. Никодима, митрофорного прот. И. И. Семеновского, прот. Ф. Знаменского и иером.

о. Самуила. Во время причастна сказал надгробную речь духовник усопшей местный протоиерей Ф. Знаменский.

К Литургии прибыл в монастырский храм Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнейший архиепископ Арсений, только накануне вечером прибывший из Петрограда. Через Владыку Архиепископа получен на гроб усопшей роскошно сплетенный большой крест из белых живых цветов от Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Пред отпеванием сказал слово Высокопреосвященнейший Владыка архиепископ Арсений. Затем, в сослужении епископа Алексия, совершавших Литургию лиц, о. арх[имандрита] Анастасия и многих (14), прибывших к отпеванию, иереев г. Новгорода, и было совершено им отпевание. Канон на отпевании и разрешительную молитву читал Владыка Архиепископ. Во время пения: «Приидите, последнее целование...» простились с усопшею духовенство, монашествующие и почитатели усопшей, наполнявшие собою обширный монастырский храм. Затем гроб старицы, на руках почитателей, при звоне монастырских колоколов, вынесли из храма и перенесли в нижнюю церковь, устроенную почитателями Марии Михайловны. Пред гробом усопшей нес икону, дар Царицы, ее духовник. Здесь, по совершении литии и возлиянии Владыкою архиепископом на усопшую еля, коим она соборовалась, тело было предано земле и опущено в устроенный для нее еще при жизни склеп³³⁸, рядом с могилой знаменитой «Параши Сибирячки»³³⁹, погребенной в 1802 г.*

В покоех настоятельницы обители игумении Людмилы состоялась поминальная трапеза, за которой, пред возглашением «Вечной памяти» усопшей, Высокопреосвященнейший архиепископ Арсений огласил Высочайшую телеграмму, полученную им от Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, в коей Она выражает Свою горькую скорбь о кончине «светлой старицы».

В нижнем храме обители совершаются заупокойные Литургии и панихиды по усопшей и неумолчное чтение псалтири.

6 февраля, в 9-й день кончины старицы, панихида, после заупокойной Литургии, совершена Преосвященнейшим

---

* В действительности в 1809 г. — С. Ф.

епископом Алексием, в сослужении о. арх[имандрита] Никодима, протоиереев о. Ф. М. Либеровского, Ф. Знаменского и местного причта.

*Новгородского Десятинского
женского монастыря
протоиерей Феодор ЗНАМЕНСКИЙ³⁴⁰*

**РЕЧЬ ПРИ ПОГРЕБЕНИИ
НОВОПРЕСТАВЛЕННОЙ СТАРИЦЫ МАРИИ
ЕЕ ДУХОВНИКА ПРОТ. ФЕОДОРА ЗНАМЕНСКОГО,
СКАЗАННАЯ В ЦЕРКВИ ДЕСЯТИНА МОНАСТЫРЯ
1 февраля 1917 года**

Догорала, постепенно догорала и, наконец, угасла твоя долголетняя земная жизнь, приснопамятная в Бозе почившая раба Божия Мария!

В последние дни своей старческой болезни ты молила Господа, чтобы Он взял тебя к Себе, молила о том Царицу Небесную, св. угодников Божиих, и вот услышана твоя молитва: твоя душа, желавшая «разрешиться» от брэнного тела «и быти со Христом», с миром отошла ко Господу, а чрез мало-малое время и тело твое сокроется от взора нашего в темной, холодной могиле, по непреложному слову Господа, сказанному человеку: «земля еси, и в землю отыдеши».

За твою благочестивую жизнь Господь наградил тебя долголетием, но и благословенное долголетие нашло свой предел. Как земной плод, когда созреет, не может долее держаться на дереве и падает, так ты, несомненно, созрела для вечной жизни и с миром отошла ко Господу. Но мы веруем, что с твоею смертью угасла лишь жизнь твоя земная, а дух твой, возвратившийся к Богу, горевший Божественною любовию всю жизнь, пламенеет еще сильнее, чем горел он, когда заключен был в этом брэнном теле.

Много чувств наполняют мою душу в настоящие минуты. По выражению Слова Божия «от избытка чувств уста говорят», а у меня, наоборот, они смыкаются: я боюсь, что слово похвалы тебе, всегда скромной и смиренной, всегда бежавшей всякой-славы, будет неудобно, особенно теперь, когда душа твоя предстала на правед-

ный и страшный суд нелицеприятного Судии – Господа, Который воздаст тебе по делам твоим.

При жизни твоей из особенно любимых тобою речений ты часто повторяла слова: «Страшен суд Твой, Господи!» Но да не будет он страшен для тебя, ибо ты помнила всегда о сем страшном дне и, помня о нем, боролась со грехом, а если, по немощи человеческой, согрешала, спешила покаяться во грехе своем. И я верую, что не слово осуждения, а слово помилования услышишь ты от Судии – Господа: прииди и наследуй Царствие Божие, ибо ты при жизни своей творила дела милости.

В самом деле, представьте себе, возлюбленные сестры и братие, скромную, даже более чем скромную горницу, в которой проживала почившая; в ней многие годы старица молилась и трудилась, живя не для себя, а для славы Божией, для блага и пользы своего ближнего. Время молитвы чередовалось у нее с трудом. Помня слова Господа: *Наг, и одеясте Мя, в темнице бех, и приидосте ко Мне* (Мф. 25, 36), она до последних почти лет жизни с усердием безкорыстно шила одежду для неимущих и более всего для заключенных в темнице (Новгородской).

Умудренная житейским многолетним опытом, подкрепляемая молитвою и благодатию Божиею, она наставляла, утешала, поучала во множестве приходивших к ней «труждающихся и обремененных», обремененных «грехами многими», скорбями житейскими, болезнями; и приходившие уходили от нее успокоенными, с просветленным челом, с новым запасом сил для борьбы с житейским горем, с земными бедами. И, несомненно, мудрые советы давала почившая, если число ее почитателей все росло и росло, если духовный свет от ее бедной горницы распространялся все далее и далее, распространился и за пределы нашего Новгорода, привлек к ней многих почитателей и из столичного града и из других весей и градов Руси. Убогая келлия старицы стала ведома не простому только люду, но и людям высокого положения, и даже Особам Царствующего Дома. По доброте своей не могла она отказать приходящим к ней за утешением; и во дни ее крайней немощи, и до самой почти смерти двери ее горницы были отверзты для

них. «Блаженна ты, милостивая, яко будеши помилована Господом!»

Что же усопшая? Искала ли себе славы, извлекала ли лично для себя какие-нибудь выгоды? Нет! Она, нищая духом, всегда скромная, смиренная до конца дней своих, лично жила, можно сказать, в нищете, она «в Бога богатела», а жертвы своих почитателей, приносимые во имя ее, направляла на созидание и украшение храмов Божиих. Обитель сия знает, что уже сделано, и что делается почитателями усопшей старицы по ее просьбе, по ее указанию.

Прости, почившая, что у гроба твоего я не умолчал о том, что ты таила от других. Ты обычно не себе приписывала то, что устроила; ты говорила: «У меня ничего нет; все — чужое, не мое, Божие».

Почившая, столетняя старица, во дни своей немощи любила часто подкреплять себя духовною пищею — приобщением Тела и Крови Христовых. Я, недостойный служитель алтаря Господня, быв ее духовным отцом, всегда умилялся и утешался, видя, с какою верою и любовью приступала старица к чаше Христовой. Причащение Тела и Крови Христовых было для нее единственным истинным утешением, сладостию, праздником души, и Господь сподобил ее неоднократно пред кончиною причаститься Св. Таин, принять таинство елеосвящения и приготовиться к христианской кончине.

Усопшая, незадолго до смерти своей нам, посещавшим ее, окружавшим одр ее, говорила: «Простите меня, благословите меня, молитесь за меня».

Исполняя просьбу усопшей, молитвенно вздохнем, сестры обители и почитатели умершей, к милосердому Господу о почившей рабе Божией Марии.

«Милосердый Господи, не вниди в суд с рабою Своею, помяни ее ревность к молитве, ее подвиги, которыми она смиряла свою душу и тело, помяни ее христианское терпение, с каким она переносила продолжительную немощь свою, водвори ее там, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь безконечная и вечно блаженная!»

Ты же, усопшая, прости нас и молись за нас пред Престолом Божиим, а наши, почти неумолкаемые молитвы о тебе у гроба твоего прими, как дар нашей христианской любви к тебе, как напутствие наше тебе в невозвратную страну вечности³⁴¹.

ИЗ ПИСЕМ ГОСУДАРЬНИ А. А. ВЫРУБОВОЙ ИЗ ТОБОЛЬСКА

(24.11.1917): «Наши мысли будут встречаться в будущем месяце. Помнишь наше последнее путешествие и все, что случилось после».

(8.12.1917): «Годовщина нашего последнего путешествия, помнишь как уютно было. Старица добрая тоже ушла, ее образ всегда со Мной. [...] Надеюсь, что письмо 17 получишь, соединимся в молитвах».

(20.12.1917): «Вспоминаю Новгород и ужасное 17 число³⁴² и за это тоже страдает Россия. Все должны страдать за всё, что сделали, но никто этого не понимает».

ИКОНЫ ОТ СТАРИЦЫ

После царевубийства среди икон, найденных в Ипатьевском доме, были и небольшие писанные на дереве образки, подаренные Царице старицей Марией Михайловной.

Упомянутые святые иконы, полученные в убогой келлии старицы в Новгороде, сопровождали Царицу вплоть до Ее мученической кончины. Благодаря одному из документов, хранящихся в деле о царевубийстве Н. А. Соколова, сегодня мы знаем, что это были за образы.

В подписанной куратором следствия генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом «Описи иконам, найденным при осмотре дома Ипатьева», среди других, значатся:

«Иконка Св. Муч. Параскевы Пятницы, маленького образца, писана на дереве. На обороте надпись: "от старицы Марии Михайловны. Новгород. 11-го Декабря 1916 г."».

Образ Св. Сергея Радонежского, среднего размера, писанный на дереве. На обороте сначала чернилами поставлен крестик и под ним написано: "Болящей рабе Божией Марии в благословение от Епископа Паисия. 1916. Дек. 2", а затем зачеркнуто карандашом и написано: "А. Ф. от старицы Марии Михайловны. Новгород. 11.XII.1916 г."»³⁴³.

Следует отметить, что в списке русских архиереев «епископ Паисий» не значится...

Что был за «древний образ Божией Матери», переданный старицей Марией Михайловной Царице с князем

Н. Д. Жеваховым в самом конце декабря 1916 г., установить также не удалось...

* * *

В распоряжении составителя имеются две чрезвычайно редкие брошюры о старице Марии Михайловне, отпечатанные соответственно в 1916 и 1918 гг. ее почитателями. Приведем текст второй³⁴⁴, как более полной (включающий в себя полностью первую из них):

**ВЫСОКАЯ ПОДВИЖНИЦА
И ДИВНАЯ ПРОЗОРЛИВИЦА
СТАРИЦА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА**

*Зажегли свечу, не ставят ее
под сосудом, но на подсвечнике, и
светит всем.*

Мф. 5, 15.

В древнем Новгороде, в убогой келлии Десятинного монастыря, с юных своих лет, проживала глубокочтимая подвижница о Христе, раба Божия Мария.

Дерзаю несколько осветить жизнь этой столетней страстотерпицы, которая в течение нескольких десятилетий просвещала многих истинноверующих христиан, приезжавших не только из Новгорода и его окрестностей, но и из Петрограда, Москвы, Одессы и других городов России с жаждой, хотя немного, обрести душевное успокоение и сподобиться беседы с безсребренной подвижницей и молитвенницей за вольные и невольные прегрешения наши.

Я, как духовный сын старицы, 21 год находился в послушании и благоговении к ее подвигам. С первых же минут знакомства с Марией Михайловной я был поражен, прежде всего, тем, что, не зная совершенно меня, она сумела сказать, где я служу, кто я такой и кто мои сослуживцы.

Много ездил я по России, бывал в святых местах, два раза — в старом Иерусалиме, а на Афоне удостоился видеть многих старцев богоугодных и прозорливых; наконец, духовным моим отцем был приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский; также имел я счастье знать покойных

ныне — и старицу Пашу Саровскую, и иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры — Варнаву, но скажу, без лицеприятия, что Мария Михайловна превышала всех их своей прозорливостью. Вся жизнь ее проходила в трудах, молитвах и умерщвлении плоти строгим воздержанием.

Служить Богу начала она с детства и около 30 лет, с тяжелыми веригами на изможденном теле, провела в скитаниях по Тихвинским лесам, питаюсь «волсцем и акридами», то есть — при нашем суровом климате — почти ничем. Невольно, при этом, вспоминается другая великая страстотерпица — Мария Египетская, которая умерщвляла плоть свою ради искупления содеянных ею ранее грехов, но старица Мария — с детства посвятила себя на служению Богу и обездоленному человечеству, будучи чистою голубицею. Долгое время скиталась она в Тихвинских лесах, пока случайно не нашли ее пастухи и уведомили добрых людей о выдающейся жизни дивной подвижницы.

В январе прошлого, 1917 года скончавшейся Марии Михайловне был 108-й год от рождения, и все-таки до последних своих дней она жила своими трудами; шила арестантское белье без очков, равно на лазареты и больницы для больных и раненых воинов, днем работала, а ночь стояла на молитве, не снимая с себя железных вериг, врезавшихся в ее старческие плечи и грудь.

Для доказательства прозорливости старицы Марии Михайловны приведу несколько фактов, подтвержденных очевидцами.

В Новгородском Духовом монастыре имеется старинное деревянное распятие, которое находилось под землею несколько столетий; его нашли благодаря Марии Михайловне в то время, когда еще никто не подозревал о существовании этого креста, хотя старица не раз говорила, что в монастыре глубоко запрятана великая святыня, но надо ее усердно поискать. Игуменья с сестрами не знали и не могли догадаться — о какой святыне говорила старица. Под монастырскою церковью находилась кладовая, куда складывали пустые мешки. И вот понадобилось очистить ее, где, к изумлению инокинь, нашли крест — старинное распятие, по словам старицы сделанное около 700 лет назад. Для обновления живописи позвали живописца, который

никак не мог приступить к делу, чувствуя, что невидимая сила лишила работоспособности его. Тогда живописец вспомнил, что 7 лет как не говел. Немедленно исполнил он христианский долг и, удостоившись св. причастия, после строгого говения, его реставрация вполне удалась.

В 1911 году Мария Михайловна заболела и ее пособовали в предположении скорой кончины.

На вопрос, где ее похоронить, она ответила: «На Петровском кладбище, с мамой»

Игумения и монахини были огорчены такой вестью и стали просить не оставлять обитель даже после смерти. Тогда старица, видя их скорбь, смиренно попросила похоронить ее с Парашей Сибирячкой, могилку которой никто не знал. Тогда Мария Михайловна заставила игумению поискать, т. е. «порыться в книгах» и в скором времени нашли место погребения Параша Сибирячки, над прахом которой, по указанию старицы, построена прекрасная церковь в честь Старорусской [иконы] Божией Матери, где чувствуется молитвенное настроение настолько, что уходить оттуда не хочется.

Старица долго болела, но ей стало легче после одного чудесного случая. Приглашенные доктора не могли дать исцеления; вдруг пришел новый доктор, сказав, что вылечит ее, причем возложил на нее руки, и с тех пор она стала поправляться быстро...

Старица Мария высоко чтит святы иконы и часто указывала места, где разыскать заброшенные на рынках, в еврейских руках.

Однажды приехал к ней за хозяйственным советом юноша из деревни. Старица выслушала его охотно, а потом и говорит: «Скажи матери, чтобы она грязные горшки не покрывала иконами». Когда он приехал в родительский дом и передал слова старицы, то мать ответила, что она покрывает горшки закоптелюю доскою, которая оказалась древнею иконою XVII века. Сын с благоговением вставил ее в киот и, представьте, святое изображение, самом собою, стало проясняться и обновляться.

Я, как духовный сын Марии Михайловны, по ее указанию строю вторую церковь: первая, где погребена Параша Сибирячка, а вторая — в десяти верстах от Новгорода.

За три года до закладки последней церкви, когда еще никто и не думал о ней, старица предсказала, что мне придется

скоро строить собор, вокруг которого будет жить множество людей – до 800 и одной тысячи человек. Замечательно, что у Десятинного монастыря и земли-то своей не было в том месте, где указывала старица; вдруг однажды приходит к игумении владелица того участка с предложением купить место. Игуменья спросила мнение старицы; та посоветовала немедленно купить. Земля была приобретена, а затем старица стала приказывать, чтобы я там выстроил церковь. Долго я отказывался от постройки за неимением необходимых средств, но старица настаивала особенно потому, что недалеко от этого места живут сектанты, для которых крайне необходимо благотворное влияние Православной Церкви.

13-го июня 1915 г. состоялась закладка новой церкви³⁴⁵. Старица отсутствовала на этом торжестве. Но когда закладка кончилась, и все сошли с места освящения, кроме одной дамы с детьми, вдруг, откуда ни возмись, старица Мария Михайловна, подошла приложиться ко св. иконам и хоругвям, а затем быстро скрылась. На вопрос наш при возвращении в Новгород, была ли Мария Михайловна на закладке, она ответила, что во время закладки слышался очень хороший трезвон. На мое возражение, что у нас и колоколов-то нет, Мария Михайловна добавила: «что, может быть, на том месте погребены святые люди, и звон раздавался с Неба».

Ежегодно в июне месяце Мария Михайловна пешком ходила из Новгорода в Тихвин, к празднованию Тихвинской иконы Божией Матери на крестный ход. Летом 1901 года она по обыкновению пошла в Тихвин в числе нескольких паломников, не знавших дороги. Старице эти места были хорошо знакомы. Вдруг в лесу она остановилась со словами: «Мы идем не той дорогой – надо возвращаться». Отошли порядочно назад и, после короткого отдыха, старица вновь повела по прежней дороге. Дошли до того места, откуда свернули в первый раз, и видят убитого человека. Значит, старица провидела, что было идти опасно, а потому вернулась назад, ко спасению других от руки злодея.

Игуменья одного из монастырей г. Новгорода не верила в богоугодную жизнь старицы, считая ее чернокнижницей и гадалкой. Чтобы проверить, она поехала сама к старице.

Мария Михайловна, не пуская всечестную мать в свою келлию, крикнула ей из-за двери: *«Ступай к чернокнижнице и гадалке, у меня здесь лишь Евангелие и Библия»*. Тут игумения, убедясь, что ее мысли разгаданы, перепугалась от бывшего искушения и стала умолять впустить ее в келлию. Старица, наконец, смилостивилась и долго беседовала и утешала ее. Игумения настолько ушла радостною, что и после часто навещала старицу и без ее совета ничего не делала в своей обители.

У одного богатого петроградского купца пошли так плохо торговые дела, что он, по слабости души, решил покончить с собою и написал даже завещание. Знакомые не раз уговаривали его посетить Марию Михайловну, которую никто ни о чем не предупреждал. Купец отправился в Новгород. Дело было в воскресенье. Старица молилась в церкви. Купец вошел в храм и, не зная Марии Михайловны в лицо, хотел пройти мимо старицы. Вдруг она ему поклонилась со словами: *«Ну, что ж, закати пуло в лоб, будет хорошая лошадь сатане»*. Эти слова молодого человека, как огнем, ожгли. В келлии она долго беседовала с ним, уча его, как надо жить по-христиански. Теперь этот купец счастлив, богат и всегда с благоговением вспоминает советы благочестивой старицы.

Еще одно прорицание. Одной богобоязненной даме не нравилась современная мода женских платьев, ей всегда хотелось достать старинные костюмы и платки. *«Разве съездить к Марии Михайловне и попросить ее помощи»*, — решила она про себя и, никому об этом не сказав ни слова, отправилась в Новгород к горячо любимой старице, из рук которой, при входе в ее келлию, получила в подарок зашитый узел, в котором, по возвращении в Петроград, нашла много старинных, давно желанных вещей глубокой старины.

Был и такой случай: петроградский домовладелец Ф. С. встретился со старицей 7 лет тому назад, совершенно случайно, в Новгороде, по дороге на Петропавловское кладбище. Старица сама подошла и заговорила с ним о прошлой его жизни, со всеми хорошими и дурными поступками, чем буквально поразила его до глубины души. Ф. С. стал посещать святую обитель и, к изумлению многих, увлекся миловидностью одной из юных инокинь, которой и привез в монастырь весьма ценный подарок. Как вдруг он

встретился с Марией Михайловной, грозно крикнувшей такие слова: «Зачем ты привез змею? Она заела меня совсем — не дает покою... Сейчас ее уничтожь, а то я на тебя в суд подам». Потрясенный Ф. С. безпрекословно выполнил волю дивной старицы и сердечно покаялся в своем искушении.

Еще за три года до войны старица советовала поднести Императору точную копию Старорусской иконы Божьей Матери, размеры которой очень велики: 3 аршина 14 вершков* вышины и 2 аршина 14 вершков** ширины. Многие сомневались, что Государь удостоит высокомиловидным приемом ее.

Когда началась война, то старица вновь заговорила. Ее послушали и сняли копию, но все-таки не рисковали подношением. Старица настаивала и говорила, что батюшка Царь примет, и что на этом торжестве народу будет видимо-невидимо, вместе с Государем и Государыней, Наследником и [Великими] Князьями³⁴⁶. Тогда я считал долгом сообщить об этом обер-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру. И что же? Государь дал Свое согласие.

Слова старицы сбылись к общей радости.

6 июля 1915 года икона была встречена крестным ходом на вокзале, в Царском Селе, а 8-го июля в большом крестном ходе участвовала вся Августейшая Семья с обожаемым Монархом³⁴⁷. Эта св. икона находится теперь в церкви 4-го стрелкового полка.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать дар прозорливости великой старицы, но не одним этим наградила ее Господь за ее подвиги.

Многие излечивались по ее святым молитвам.

Например, жену одного из новгородских священников Мария Михайловна излечила от болезни после того, как по приговору докторов, «ей ничем более помочь нельзя было».

Другой чудесный случай произошел с дочерью петроградского купца Н. И. К.^{***}; она была так тяжело больна, что доктора сомневались в ее жизни; отец поехал в Новгород к Марии Михайловне и выслушал из ее уст совет — *бросить лечение*, с обещанием молиться за болящую отроковицу.

---

* 2 метра 73 см. — С. Ф.

** 2 метра 3 см. — С. Ф.

*** Николая Иосифовича Кукунина. — С. Ф.

Вскоре больная выздоровела.

Этому же купцу она помогла советом в торговых делах, едва не погибших по какой-то ошибке, и когда совет был выполнен, то дела быстро поправились, и К. разбогател.

Сообщаю несколько из биографии Марии Михайловны: она девица из благородного рода.

Родная сестра ее, блаженная Анна, погребена в Петрограде, на Смоленском кладбище, и могила ее пользуется известностью и почитанием³⁴⁸.

Часто здесь служатся панихиды.

Лично скажу от себя, что не оскудела Православная Русь святыми женщинами, среди современного свободногомыслия и безнравственно-материальной вакханалии разнузданных чувств.

Да будут из века в век памятны имена великих страсто-терпиц, готовых всегда «положить душу за други своя» и соблюдающих завет апостола, сказавшего людям, что *«все минет — одна любовь не прекратится»* (1 Кор. 13, 8).

В 1917 году, 29 января, в 4 часа утра, на 108-м году от рождения, скончалась наша дивная старица Мария Михайловна. Угас великий светильник Земли Русской! За час до ее кончины известили настоятельницу монастыря мать Людмилу, что старица отходит к Господу. Не медля ни одной минуты, игумения пришла к умиравшей старнице, у которой была свеча из Иерусалима. Игумения зажгла ее и сидела около старицы, пока свеча догорела до конца, тогда и старица отдала душу свою Господу. В это время сестры читали акафист и отходную, а старица ослабевшими устами своими шептала про себя молитвы.

Не могу не указать также на безпристрастную заметку в «Русском паломнике» (№ 25 за 1916 год) о прозорливости Марии Михайловны:

«Многие лица испытали на себе пользу ее советов, и несомненный опыт этих лиц показывает безусловно наличие в Марии Михайловне дара прозорливости».

Одна особа имела запутанные отношения к человеку, которым очень интересовалась, равно и он интересовался ею; по всему видно было, что она могла в будущем составить счастье его жизни. Между тем, он никогда не высказывался, иногда бывая по отношению к ней невнимателен, отчего та сильно страдала.

Весьма возможно, что были причины, заставлявшие его действовать так, хотя, по существу, он был неповинен. Наконец, не будучи в силах выносить столь неопределенное положение, особа эта написала решительное письмо с уведомлением, что совершенно порвала взаимные отношения и, по ее признанию, она почувствовала себя спокойною, считая, что больше они не *встретятся* друг с другом; но этой особе случилось как-то посетить Марию Михайловну, которая видела ее в первый раз и ни от кого не могла о ней слышать.

Мария Михайловна сразу сказала ей: «Зачем ты человека обидела? Разве можно так хорошего человека обижать? Он пред тобою ни в чем не повинен и назначен тебе судьбою. Что бы тебе ни казалось, а он — твоя судьба. Ты должна загладить свою ошибку. Он теперь на войне, в опасности, а ты вот как с ним поступила? И ему очень тяжело. Ты ему должна написать, и он тебе тотчас ответит».

Особа эта была поражена тем, что Мария Михайловна без всякого с ее стороны признания заговорила о важном для нее деле. Она безпрекословно последовала совету Марии Михайловны и, к общей радости, между ними началась оживленная переписка, которая, надо думать, в конце концов, приведет к той счастливой «судьбе», которую предсказала дивная Мария Михайловна.

Еще мне старица рассказывала, как духовному своему сыну:

1) Однажды, в полночь к ней явилась Жена необычайной красоты: была вся в сиянии, в голубой мантии и так Она сладко беседовала со старицею, что последняя от великой радости плакала и поклонилась в ноги этой дивной Жене, после чего Та стала невидима, и я верю, что то была Царица Небесная.

2) Старице представилось еще явление, тоже в полночь: «явились 7 юношей, очень красивых, в воинских доспехах, и так стройно пели, что век бы я их не выпустила из келлии, но старший их начальник сказал: “Нам нужно еще идти в другое место”», — и я верю, как православный, что богоугодным старцам и старицам могут являться, являются и поныне небесные ангелы и то были 7 архангельских Небесных сил.

Когда старица еще жила в так называемой Троицкой Слободке в г. Новгороде, многие бедные обыватели рассказывали мне, что они очень нуждались в разнообразной помощи —

хлебе, муке, чае, кофе и т. п.; бывало, только что подумаю: «Вот бы попить чайку и кофейку, да не на что купить», — как вдруг, откуда ни возьмись, приходит старица Мария Михайловна в дом и приносит — чаю, кофе, сахару. Подает и говорит: «Попейте горяченького чайку и деток напоите, вам будет веселее». И много раз находили в коридорах хлеб, муку, крупу и разную провизию, неизвестно кем приносившуюся, а это ясно — та самая Мария Михайловна, безсребреница, всю жизнь так свою проводила: бедных кормила, подавала правой рукой так, что левая не знала; она всех и везде навещала, нуждавшихся в какой-либо помощи.

Еще одно припомню сбывшееся ее предсказание: известная певица Анастасия Вяльцева³⁴⁹ внезапно тяжело заболела; один из хористов решил съездить к старице и спросить: «Скоро ли поправится больная?» А старица рукой показала к небу: «Вот, скоро там будет петь Вяльцева». И что же?.. Не прошло трое суток, как Вяльцева скончалась, чтобы пением своим восхвалять Господа в загробном мире.

Мне лично рассказывала Аполлинария Скородумова (Петроград, В[асильевский] О[стров], Средний пр., д. 25, кв. 4) о великих чудесах, по молитвам блаженной старицы, в 1912 г. происшедших. Семейство ее состоит из мужа и пяти детей. По зависти к их хорошей семейной жизни кто-то принес в их дом порчу, так что они могли бы все умереть в скором времени, так как муж заявил ей, что он с нею жить не будет и уже хотел бросить дом свой. В великом горе решилась А. Скородумова с большим усилием собраться в Новгород, к старице; только та к ней явилась, как она ей говорит: «Ах, матушка, я давно тебя поджидаю и молилась день и ночь Господу, чтобы ты приехала поскорей, а то ведь у вас в доме смертная беда; ведь, вот, какие злые люди: Бога не боятся, им чужая жизнь не дорога, готовы затравить всех». «Пробыв несколько дней у старицы, мы молились много вместе, и она приказала мне ехать обратно домой, сказав, что, “Бог даст, все пройдет, только мужа привести ко мне, да перемены прислугу у себя; я тебе пришлю прислугу”. И что же? Через неделю является какая-то старица к нам на квартиру и спрашивает: “Вам надобно прислугу?” — и вдруг исчезла; на второй день получаю письмо от старицы с советом переменить прислугу; и я верю, что в виде приходившей к нам старицы была сама Мария Михайловна». Из сего можно заключить,

что богоугодные люди могут являться в духовном теле своем; для них расстояние безразлично. Много эта дама от нее получила исцелений, чудес и предсказаний; все советы ее она выполняла, и все налаживалось к лучшему – по милости Божией и по молитвам блаженной старицы.

В 1916 году, одиннадцатого декабря, наш Великий Новгород посетила Императрица Александра Феодоровна с Дочерьми Своими: Ольгою, Анастасиею, Татьяною и Мариею Николаевнами. С вокзала они проехали в Софийский собор и, побывав еще в других святых местах, проехали в Десятинный женский монастырь в 2 1/2 часа дня, где проживала блаженная старица Мария. Побывав в церкви во имя великомученицы Варвары, Государыня зашла в покои игуменни монастыря, а затем проследовала к старице Марии Михайловне, которая, будучи больною, лежала в кровати, но при входе Государыни с Великими Княжнами старицу посадили в кровати. Зайдя в ее келлию, Государыня подошла к кровати больной и поцеловала старицу. Старица спросила Государыню: «Ты ли Матушка-Царица?» Государыня ответила: «Я Царица». Старица подала Ей красное яблоко со словами: «Люби Батюшку-Царя, не обижай Его; Ему очень трудно; да вот свежи Ему от меня яблоко», – а потом говорит: «Не бойся, Лешеньку не убьют, цел будет, никто Его не тронет», – и подала Государыне просфору для передаче Лешеньке. «Это от меня, Он хороший», – сказала старица. Старшей [Великой] Княжне старица предсказала, что Она выйдет замуж за того, кого любит, а Татьяне Николаевне – что у Нее ум на 15 дорог бегаёт; Анастасии Николаевне дала совет прилежнее учиться и не шалить, а в честь Марии Николаевны пропели: «Радуйся, Невесто Неневестная!» Затем взяла Императрицу за руку, чтобы поближе подошла и на ухо предупредила Ее, чтобы береглась 1-го марта. Императрица спросила: Что же? Чернь будет бунтовать?» Старица ответила: «Будет большая каша». Про эту «кашу» старица мне лично и раньше многое что рассказывала³⁵⁰. Все на прощание подходили к старице, целовали ее, а Императрица очень плакала. Старица всех Их благословила иконами. За два года до того старица предупреждала сестер нашей обители, что к нам придет Царица, но ни одна из них не поверила, не придавая значения ее словам, а когда предсказание сбылось, тогда припомнили о словах старицы. Келлию ее посещали также Князь Иоанн Константи-

нович и Андрей Александрович; старица велела им служить верою и правдою Царю и Отечеству, во всем повиноваться.

Я, духовный сын старицы, накануне ее блаженной кончины поехал навестить ее. Жена же моя оставалась дома в Петрограде. У нас постоянно днем горит лампада, а на ночь мы ее гасим, потому что масло разгорается и коптит, но почему-то в ночь на 29-е января жена моя оставила гореть лампаду и уснула. Проснувшись, увидела, что лампада горит, а в комнате очень холодно и, будучи больною, не встала для поправки лампады, так как внутренний голос говорил ей, что это священный огонь, и если угасить его, то больше не будет. Несколько раз засыпала и просыпалась, лампада все горела, а внутренний голос повторял все то же самое, хотя никакого особого значения в то время этому обстоятельству жена моя придавать не могла, а вот вечером того же дня она была извещена, что старица Мария Михайловна скончалась в то самое утро, в 4 часа, и тогда жена моя возблагодарила Господа, что Он внушил ей сохранить лампаду горящую в ознаменование блаженного угасания любившей всех нашей общей старицы и матери Марии, отошедшей от земной жизни своей прямо ко Господу.

Опишу чудо, совершившееся в день кончины старицы. Больная старушка, прозванием Минишна, достойная полного доверия, поведала редактору «Волховского листка», что ранним утром в воскресенье 29 января старица Мария Михайловна явилась ей, как живая, и принесла, по обычаю своему, один рубль на банку, а затем быстро скрылась.

Произошло также и исцеление после смерти старицы: дама, живущая в Петрограде, в день блаженной кончины старицы сильно страдала болью в руке, не поддававшейся никакому излечению. Господь ей внушил прочесть псалтирь во имя старицы, а при гробе ее лежали вериги, которые она при своей жизни, еще от юности, носила на своем теле. Как только дама приложила болящую руку свою к веригам, с полною верою в силу молитвы старицы, как болящая рука излечилась навсегда. Об этом исцеленная дама считает своим священным долгом засвидетельствовать всенародно: о великой силе молитвы старицы, проявлявшейся как при жизни, так и по смерти старицы. Дама эта живет и поныне в Петрограде, за Московскою заставою, зовут ее Александра Васильевна.

Опишу явление старицы после 9-го дня своей кончины некоему Н. Ив. Брееву в г. Петрограде. Он так это описывает. В полночь лежал он в постели, находясь в тонком сне; вдруг является свет — пришло множество ангелов в белых одеяниях, посреди их старица Мария Михайловна в белой шелковой мантии, в какой она была положена в гроб. «Я спросил ее: “Как ты сюда попала?” Мария Михайловна ответила: “Сам Господь меня прислал к тебе”, — и с этими словами дала мне в руки зажженную свечу, которую я ощущал вполне явственно. Проснувшись, я невольно осенил себя крестным знамением и, как верую в Господа, подтверждаю истинность всего виденного мною. Февраль 1917 г.»

Еще одно посмертное явление старицы одной даме в Петрограде. Дама скучала, что не видит ни во сне, ни наяву старицу Марию Михайловну, причем ее преследовала постоянно мысль — успела ли угодить старица Господу? И вот является старица этой даме в обыденном своем костюме, какой она носила при своей жизни; дама обрадовалась, увидав, наконец, любимую старицу и с сожалением спросила ее, где она сейчас находится в загробном мире, успела ли угодить Господу? Старица ответила, называя даму уменьшенным именем «Марфушенька»: «Я всю жизнь старалась угождать Богу», — а затем стала невидимою.

Один из духовных детей старицы Л.* часто видит старицу, молящуюся у Престола Бога Славы, радостною и с веселием молящуюся за весь мир, особенно за почитающих ее. В 20-й и 40-й день по ее кончине ему представилось видение, что старица окружена у Божьего Престола сонмом ангелов и всех святых, одетая в той самой белой мантии, которая была на ней во гробе, а голова ее осенена золотым венцом.

Новгородский купец А. рассказывал так: ему был подарен одним его знакомым хороший кошелек; вдруг он затерялся, а в нем были деньги. Он сказал своей жене, что это украла прислуга, надо ее обыскать, ибо не столь жалко денег, как самого кошелька. «Долго я колебался, намереваясь приступить к обыску прислуги. Вдруг явилась старица Мария Михайловна и говорит: “Зачем невинную прислугу обвиняете, поищите хорошенько у себя дома”». Супруги недоумевали долго, где же мог бы быть кошелек, но, после усиленных поисков, к

---

* Видимо, сам автор книжки Л. Т. Трофимов. — С. Ф.

удивлению своему, его нашли. Явление старицы произошло уже после ее блаженной кончины.

Она погребена в Новгороде в Десятинном монастыре, но тело ее будет вскоре перенесено в новую церковь, в 10 верстах от города, выстроенную по давнему ее предсказанию о том, что там будем Лавра. И действительно, по ее молитвам, несмотря на тяжкую годину, все же Лавра выстроена в течение двух лет.

В 1917 г., 1 ноября, в Десятинном монастыре было установлено ночное дежурство внутри ограды, от 10 часов вечера до 6 часов утра. Дежурство выпало монахине Параскеве. Ходила она по двору монастыря, но большую часть времени около церкви во имя Старорусской иконы Божией Матери, где погребена блаженная старица. Монахиня Параскева, как бы в забытьи, увидела в этой церкви множество народу, а могилу старицы открытою, также и крышка гроба открыта, так что явственно увидала лежащую в гробу старицу. Увидала она себя подошедшею к гробу, а старицу, севшею во гробе, веселою и духовно красивою. Монахиня обратилась к ней со словами: «Вот, матушка, вам там хорошо, что вы ушли от нас, а нам-то здесь очень тяжело». Старица же в ответ сказала: «А мне тяжелее вашего, ведь я за всех вас молюсь и прошу Господа о вас», — и прибавила: «Ведь день-то очень короток, вот и сейчас я тороплюсь, надо скорее идти, а то не успеть!» — «А куда же вы так, матушка, торопитесь?» — «Нужно скорей бежать на хутор, ухажу, надо скорей бежать», — и сейчас же она скрылась, а гроб лежал сверху открытым, и народ в церкви оставался. «Подлинность своего видения подтверждаю своею подписью. Монахиня Параскева».

Мы все много скучали о великой потере, постигшей нас, что мы лишились нашей великой наставницы и матери. И более всех скучал я.

Приехав в Новгород, с дорогой могилы старицы, после исполнившейся первой годовщины по кончине ее, судьбе угодно было послать мне утешение, о котором я и хочу дать некоторое описание. Покойная старица отошла раньше меня, не успев довести меня до конца моей земной жизни. И вот окончание моей земной жизни она как бы поручила другой старице, рабе Божией Мелании, живущей в Петрограде [...] ³⁵¹

Лукиан ТРОФИМОВ.

И в заключение приведем хранящееся до сих пор в одном из столичных архивов замечательное письмо Наташи Драницкой, связанное с той короткой поездкой-паломничеством в Новгород Великий святых Царственных Мучениц³⁵². Воспроизведем его, как эпилог, к описанной нами с возможной полнотой поездке:

«Царское Село.

Ее Императорскому Высочеству
Великой Княжне Анастасии Николаевне.

Ваше Высочество! Царевна Анастасия Николаевна!

Мой брат и я до сих пор вспоминаем тот день, когда Вы приехали к нам в Новгород. Особенно весело было, когда мы провожали Вас на вокзале и долго бежали за поездом, возле Вашего вагона, где Вы стояли у окна.

Мы мечтаем, что Вы еще раз побываете в нашем Новгороде. Он очень хорош весной, когда широко разливается Волхов. Особенно красив вид с высокой башни в Кремле, на которую мы любили взбираться.

Наш знакомый офицер Петр Михайлович Петров нам много рассказывал о том, как лежал раненый в лазарете в Царском Селе и показывал на Вашу фотографическую карточку с Вашей подписью!

Как хотелось бы мне получить карточку с Вашей подписью! Я поставила бы ее в свою комнату на письменный стол и вспоминала бы радостный день Вашего приезда в Новгород.

Я люблю свою комнатку, где читаю и готовлю уроки. Мне 15 лет и я учусь в гимназии и занимаюсь музыкой, а брат мой Боря, который вместе со мной бежал за поездом, учится еще дома.

У меня еще есть трехлетняя сестра, маленькая Таня.

Простите, Царевна, что написала Вам письмо, может быть это и нельзя, т. к. написала потихоньку».

Сергей ФОМИН.

KJEBETA

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ

«L'Empereur et l'Imperatrice
ont cru mourir martyrs de leur
pays: ils sont morts martyrs de
l'humanite!»*

Pierre Gilliard

*В время тревожное, в время ненастное
Мужу Царица писала с тоской:
Милый Агунюшка, Солнышко ясное,
Ангел Мой нежный, Мой Сон голубой.
Сердце Мое от страданий сжимается,
В мраке житейском не видно ни зги,
Подлость людская волной поднимается,
Всюду измена и всюду враги.
Слуги, так щедро Тобой одаренные,
В зло обращают Твою доброту,
Дядя и люди его приближенные
Сеют и множат в толпе клевету.
Тянутся к власти их руки преступные,
Манит их Трон и сиянье Венца.
Где же, где скрылись друзья неподкупные,
Верные слуги Твои до конца?..
Вечно в разлуке и вечно далекие,
Взор устремляя на Небо с мольбой,
В горьких страданиях Своих одинокие,
Мы за Россию болеем душой.
Страшны и грозны години суровые,
В дни испытаний, ниспосланных Нам,
Всюду встречаем Мы иглы терновые,
Ненависть, чуждую Нашим сердцам.
Нагло смеясь над своею Царицею,
Злобные люди, Мой жребий кланя,
То называют распутной блудницею,*

---

* «Император и Императрица думали, что умирают как мученики за
Свою страну: Они умерли как мученики за все человечество!» (фр.).

То обвиняют в шпионстве Меня,
Множа волненья на родине Нашей,
В гнусных интригах забыв о войне,
Черные женщины лгут с Николашей,
Дерзко измену готовя стране.
Жутко и мрачно тревожное время,
Хуже темницы пустынный дворец,
Тяжко Тебе Твое Царское бремя,
Горек и скорбен державный венец.
Люди, привыкшие к каре суровой,
Не уживаются в злобе с добром.
Будь для ослушников Воли Царевой
Грозным Иваном, Великим Петром.
Властно согни непокорные вьш,
Буйных вельмож за измену сошли,
Будь Самодержцем в Великой России,
Богом нам данный Хозяин земли.
Помни про тех, кто в чаду произвола
Ждет лишь прихода условного дня,
Мысля Тебя ниспровергнуть с Престола,
И в заточенье отправить Меня!
Милый, душою Ты чище ребенка,
Правда святая и долг — Твой девиз.
Нежно целует Тебя Твоя женка,
Вечно Твоя неизменно. Аликс!..

Полны страданий все письма Царицы,
В них Ее муки так ясно видны,
Кровью написаны эти страницы
Матери нежной и верной жены.
Сколько в них правды, любви и смиренья,
Чувств, увлекающих нас красотой.
Боже, прости нас за скорбь и мученья,
Горе и слезы Царицы Святой!

Примечание. Все стихотворение есть дословная передача мною подлинных слов из писем Государыни Императрицы Александры Феодоровны (см. тома I и II «Писем Императрицы А. Ф. к Императору Николаю II»). — С. Бехтеев.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА В ЕЕ ПИСЬМАХ

*Редакционное предисловие альманаха
«Русская летопись»³⁵³*

Истекает шестой год от начала Русской смуты. Много за это страшное время пережито, и многое из того, что было тайным, становится явным.

Сквозь туман взаимных обвинений, раздражения и злобы, вольной и невольной неправды, истина пробивается на свет Божий. Раскрываются двери архивов, становятся доступными тайны сношений, растут воспоминания, и у людей начинает говорить совесть.

И по мере того, как с прошлого, одна за другою, ниспадают завесы, рушатся с ними и те злые вымыслы и сказки, на которых выросла, в злобе зачатая, русская революция. Как будто встав от тяжелого сна, русские люди протирают глаза и начинают понимать, что они потеряли.

И все выше, и выше поднимается над притихшей толпой чистый образ Царственных Страдальцев за грехи всея России. Их кровь, Их страдания и смерть тяжким укором ложатся на совесть всех нас, не сумевших Их оберечь и защитить и с Ними защитить и Россию.

Покорные воле Предвечного, с Евангельской кротостью несли Они поругание, храня в душе непоколебимую верность России, любовь к народу, и веру в его возрождение. Они давно простили всех тех, кто клеветал на Них и кто Их предал, но мы не имеем права этого делать. Мы обязаны всех призвать к ответу и всех виновных пригвоздить к столбу позора. Ибо нельзя извлечь из прошлого благотворных уроков для грядущих поколений, пока это прошлое не исчерпано до дна.

Несколько времени назад, в Берлине, издательством «Слово» опубликован первый том собрания писем Императрицы Александры Феодоровны к Государю за время войны. Письма эти известны давно, так как были напечатаны в американских газетах еще в 1919 году, а извлечения из них — в английских и французских изданиях³⁵⁴. Содержание их, в общем, настолько интимно, в такой мере проникнуто нежностью двух существ, трогательно любивших друг друга, что, казалось, простая порядочность должна была удерживать всякого русского человека от использования их полного текста для целей книгопродавческой наживы. Эта элементарная порядочность тем более была обязательна, что перевод писем на русский язык (подлинник писан по-английски) — по различию языков и свойственных им оборотов — искажает и даже опошливает внутренний смысл многих из выражений любящего чувства, в них встречающихся; к тому же большая часть их текста не имеет исторического значения и может быть интересна лишь для праздного любопытства людей, охочих подсматривать и подслушивать чужие, задушевные тайны³⁵⁵.

Свято чтя память Того, Кто хранил эти письма, как сокровище души Своей, и отдал их в руки убийц только с жизнью, мы не считали возможным касаться этих драгоценных документов. Но теперь, когда похищенные у погибшего Императора, залитые Его кровью, письма эти стали достоянием русского книжного рынка, мы поставлены в необходимость на них ссылаться, полагая, что в создавшихся условиях это не может почитаться неуважением к памяти Почивших. Мы дадим отчет о письмах, как только издание их будет закончено.

В настоящей же книге «Русской летописи» мы даем ключ к пониманию некоторых сторон этих писем, — а именно воспоминания Анны Александровны Вырубовой, рожденной Танеевой.

Говорить много о их значении не приходится; оно само собою очевидно. Из всех посторонних Царской Семье лиц, А. А. Танеева* ближе всех стояла к Ней, в течение последних двенадцати лет, и лучше многих Ее знала. Она была

* После развода, она вновь носит свою девичью фамилию.

все это время, как бы посредницей между Императрицей Александрой Феодоровной и внешним миром. Она знала почти все, что знала Императрица: и людей, и дела, и мысли. Она пережила с Царской Семьей и счастливые дни величия, и первые, наиболее горькие, минуты унижения. Она не прерывала сношений с Нею до самого почти конца, находя способы поддерживать переписку в невероятно трудных для того условиях. За свою близость к Царской Семье она подверглась тяжким гонениям и со стороны Временного правительства, и со стороны большевиков. И клевета ее не щадила. Имя ее до сих пор, в глазах известной части русского общества, остается как бы воплощением чего-то предосудительного, каких-то интриг, каких-то темных тайн Двора.

Мы не имеем в виду ни оправдывать, ни опорачивать А. А. Танееву, и не берем на себя ответственности за правильность изложенных ею фактов и впечатлений. Напомним, однако, что действия ее были предметом самого тщательного расследования, производившегося людьми, глубоко против нее предубежденными, и что расследование это направлялось Временным правительством, для которого обнаружение в среде, близкой к Царской Семье, преступлений или хотя бы того, что принято называть скандалом, было жизненной потребностью, так как в предполагаемой «преступности» старого режима было все оправдание смуты. И вот это расследование, вывернув наизнанку самые интимные подробности жизни и подвергнув эту женщину страшной нравственной пытке, не говоря о физических страданиях, ничего за ней не открыло и кончилось тем, что признало ее ни в чем не виновной. Мало того, В. М. Руднев³⁵⁶ —следователь, производивший разыскание об источниках «безответственных» влияний при Дворе, проводником коих почиталась А. А. Танеева — дал ей в своих воспоминаниях (см. «Русская летопись», книга 2-я) характеристику, совершенно обратную той, какую рисовала досужая молва. Он определяет ее, как женщину глубоко религиозную, полную доброты и «чисто христианского всепрощения», как «самую чистую и искреннюю поклонницу Распутина, которого до последних дней его жизни она считала святым человеком, безсребренником и чудотворцем». «Все ее объяснения на допросах, — говорит следователь, — при проверке их, на основании подлин-

ных документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью».

Не касаясь этой оценки по существу, нельзя не отметить, что факты, следователем установленные, сняли, во всяком случае, с А. А. Танеевой те обвинения нравственного порядка, которые взводила на нее молва.

Не все, быть может, найдут в воспоминаниях А. А. Танеевой то, чего от них ожидают. И действительно, во многом эти воспоминания слишком сжаты, во многом излишне подробны. Возможно, что в них есть кое-что недосказанное, вернее неточно воспринятое и расцененное автором, например, степень влияния Распутина на образ мыслей Императрицы Александры Феодоровны, доверявшей, к прискорбию, его прозорливости и пониманию людей. Нет в них достаточно подробных сведений и о содержании бесед с ним, и о тех советах, которые он иногда подавал по практическим вопросам жизни, и это тем более жаль, что его советы, если судить по письмам Императрицы, имели вовсе не тот характер, который им приписывали. Нет подробностей и о многих из лиц, которые через А. А. Танееву пытались проникнуть в круг внимания Императрицы и заручиться Ее поддержкой. И вообще роль этого окружения кажется в воспоминаниях недостаточно выясненной.

Не следует, впрочем, забывать, что воспоминания — не исследование, и к ним нельзя предъявлять требований полноты впечатления, да и действительная жизнь всегда проще фантазии. Дело критики указать пробелы, если они есть, и мы имеем основание ожидать, что в этом случае автор не преминет восполнить их тем, что у него в памяти сохранилось. Искренность воспоминаний А. А. Танеевой тому порукой.

Однако и самый строгий критик должен будет признать, что воспоминания эти являются документом большого исторического значения, и что знакомство с ними обязательно для каждого, кто хочет дать себе ясный отчет в событиях, предшествовавших смуте.

Впервые из источника, осведомленность которого стоит вне всяких сомнений, мы узнаем о настроениях, господствовавших в среде Царской Семьи, и получаем ключ к пониманию взглядов Императрицы Александры Феодоровны, нашедших себе выражение в Ее переписке с Государем. Впервые

мы получаем и точные сведения об отношениях Государя и Его Семьи к многим событиям политической и общественной жизни и о внутренних переживаниях Их в трудные минуты объявления войны, принятия Государем верховного командования, и в первые недели революции.

Воспоминания А. А. Танеевой наводят на мысль, что одной из главных, если даже не главной, причиной вражды против Императрицы Александры Феодоровны, которая сложилась в известных слоях общества, а оттуда, приукрашенная молвой и сплетней, перешла в массы, был чисто внешний факт — замкнутость Ее жизни, обусловленная, в значительной степени, болезнью Наследника, и вызывавшая безрассудную ревность со стороны тех, кто считал себя в праве близко стоять к Царской Семье. Мы видим, как росло это настроение, вызывая все большее и большее углубление в Себя Императрицы, искавшей успокоения в религиозном подъеме и стремившейся, в формах простой, народной веры, найти разрешение мучительным противоречиям жизни. Мы видим также, какое чистое, любящее и преданное России сердце билось в Той, Которую считали надменной, холодной и даже чуждой России Царицей. И, если это впечатление так упорно держалось, то, спрашивается, не лежит ли вина прежде всего на тех, которые не сумели или не захотели ближе и проще подойти к Ней, понять и охранить от клеветы и сплетни Ее тоскующую душу.

Мы видим из воспоминаний А. А. Танеевой ярче, чем из всех других источников, весь ужас измены, окружившей Царский Дом, мы видим, как в минуту беды отпадали от Государя и Его Семьи, один за другим, все те, кто, казалось, обязан был первым сложить голову за Их защиту; как тщетно ожидали Императрица и Великие Княжны того флигель-адъютанта, которого считали ближайшим Своим другом; как отказался прибыть в Царское Село, по зову Государя, Его духовник, как приближенные и близкие слуги, за исключением нескольких верных, поспешили покинуть Их, при первых же признаках развала... и много другого, тяжелого и позорного узнаем мы из этих воспоминаний.

* * *

Но есть в воспоминаниях А. А. Танеевой и особая черта, выделяющая их из других впечатлений первых времен сму-

ты. Наряду с тяжелыми картинами развала, предательства и измены, как много чистых и светлых явлений ею отмечено. Среди бесконечного, казалось бы, озверения сбитого с пути народа, сколько прорывается чуткого сострадания и ласки, сколько героического самоотвержения, сколько привязанности к старому, гонимому прошлому. Все эти трогательные люди, укрывающие от преследований несчастную, затравленную женщину, или пытающиеся оградить ее от остервенелых солдат и матросов, все эти раненые, помнящие добро и ласку — в них оправдание России, в них ее светлое будущее! Старое, доброе, хорошее погибло или примолкло, придавленное обвалившейся на него громадой злобы и зверских страстей, но она жива — эта бесконечно трогательная душа православной, сердобольной России. Под грубой корой предрассудков, под грязью и гноем, хлынувшими из трещин истории, — продолжает жить нежное и сострадательное сердце народа. Оно лучшая порука в том, что не всё потеряно и погибло, что настанет день, когда из праха, из развалин и грязи встанет Россия, очистит себя покаянием, стряхнет с души своей инородное иго и вновь явит изумленному миру беззаветную преданность исконным своим идеалам. И погибший Праведник-Царь станет тогда первой святыней России.

* * *

Выпуская в свет четвертую книгу «Русской летописи», мы обещали читателям дать отчет о письмах Императрицы Александры Феодоровны к Государю за 1914–1916 гг., как только будет закончено издание их, предпринятое фирмой «Слово» в Берлине³⁵⁷. Оно уже закончено, но возможность всесторонней оценки этих писем все еще не наступила, ибо в ближайшем будущем ожидается появление полного собрания переписки Их Императорских Величеств, печатаемого ныне в Москве*. Это последнее издание — в пределах осторожности, с которою необходимо относиться к всем публикациям, исходящим от советской власти, — откроет все же возможность проверить, насколько правилен текст пи-

---

* Переписка Николая и Александры Романовых. Изд. Центрархива. Под редакцией проф. Покровского. Вышел в свет пока лишь третий том — письма за 1914–1915 гг.

сем, изданный фирмой «Слово»*, равно как выяснить мотивы действий и суждений Императрицы по письмам к Ней Государя.

Лишнее говорить при этом, какое значение будут иметь последние и сами по себе и для правильного понимания писем Императрицы, ибо они могут пролить совершенно новый свет на многие случаи так называемого «вмешательства» Ее в государственные дела, которое является главным основанием направляемых против Императрицы обвинений. До ознакомления со всеми этими материалами невозможно, следовательно, и безпристрастная оценка Ее писем за указанный промежуток времени.

Посему в настоящей книге «Летописи» мы помещаем лишь опыт критического исследования одного из вопросов, возникающих по письмам Императрицы Александры Феодоровны, а именно, была ли Она права, по существу, в тех советах, какие подавала Государю в области дел высшего управления и могут ли эти советы быть названы пагубными для России, как утверждают Ее противники.

Автор исследования, П. П. Стремоухов³⁵⁸, объединил в нем, по отделам, соответствующие выдержки из писем, дав тем самым в общедоступном виде исчерпывающий материал, на основании которого каждый читатель может, с полной независимостью и свободой, оценить правильность выводов, к которым автор приходит и которые всецело разделяет редакция «Летописи».

Выделение этого вопроса из общей оценки писем Императрицы редакция находит возможным потому, что, каково бы ни было содержание документов, опубликование которых ожидается, означенный частный вопрос, в смысле достаточности материалов для его решения, может быть признан вполне выясненным и теперь. В сущности же он один только и имеет действительное значение.

Какой же вывод вытекает для нас из ознакомления с содержанием советов, которые подавала Государю Императрица? Хулители нашего прошлого обычно отвечают, что советы Императрицы были вредны, прежде всего, тем, что

---

* По удостоверению редакции вышеназванного издания, текст писем Императрицы, опубликованный фирмой «Слово», изобилует «массой искажений, пропусков и дефектов».

Она ошибалась в оценке людей и проводила к власти лиц недостойных, отвращая в то же время Государя от тех, которые были и могли быть полезны для России.

Никто и не спорит, что ошибки были. Императрица ошибалась, как ошибаются все люди. Но вопрос не в этом, а в том, кто ошибался больше, Она ли, или те, которые критиковали Ее действия и приписывали себе непогрешимость в оценке способов управления и лиц, к нему пригодных. И вот мы видим теперь, из писем, что Императрица ошибалась гораздо меньше, чем ошибались Ее противники, чем ошибались Государственная дума и русское общественное мнение.

Действительно, разве те «свечечки» России, которые ими были возвеличены: князь Георгий Львов, Владимир Львов³⁵⁹, Некрасов³⁶⁰, Гучков³⁶¹, Шингарев³⁶², Милюков³⁶³, Керенский³⁶⁴, Мануйлов³⁶⁵, Коновалов³⁶⁶, Терещенко³⁶⁷, Годнев³⁶⁸ и прочие деятели, выдвинутые Государственной думой и общественностью, не оказались, на поверку, во сто крат хуже самых плохих министров Императорского времени* и как государственные деятели и даже просто, как люди?

Двух ответов на этот вопрос теперь и быть не может. Правда, сторонники переворота твердят, что все указанные лица пришли к власти в исключительно трудное время, когда на правительство упала непомерная по тяжести задача, а потому судить их строго нельзя. Но мы знаем и по их собственным признаниям, и по тому, что они друг про друга рассказывают, что это неправда. Прочтите воспоминания соблазненного ими В. В. Шульгина^{369**}, разверните записки — крик души — наиболее подготовленного из них, В. Д. Набокова***, вникните в исповедь А. С. Зарудного****, и вы убедитесь, что все названные выше, излюбленные Думой и общественностью люди, — лишены были самых даже ос-

---

* За исключением разве А. Д. Протопопова, который, однако, не столько являлся ошибкой Императрицы, сколько Государственной думы, его возвеличившей.

** См.: Шульгин В. В. Дни // Русская мысль. 1922—1923.

*** Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. I. С. 34—56. Ср. очерк: Временное правительство // Русская летопись. Кн. I.

**** Новое время. 1918. Октябрь.

новых качеств, требуемых от государственных деятелей, и не имели понятия ни о задачах власти, ни о способах и приемах управления. «Эти «облеченные доверием», ничего не сделают... Мы ничего не понимаем в этом деле. А учиться теперь некогда», — сознавался накануне переворота один из наиболее крикливых подготовителей смуты, В. А. Маклаков^{370*}. И действительно, трагический для России опыт удостоверил, что эти люди, «ничего не понимавшие» в деле, к которому они ломились, были и при всяких условиях могли быть для России только гибельны. Недаром еще П. А. Столыпин пророчески сказал про одного из них: «умный человек, головою выше всех в Думе, но вот беда — куда ступит, там трава не растет».

И с чего начали «доверием облеченные», как стали они править Россией, дорвавшись до власти? Они развратили своими речами армию. Они открыли тюрьмы, они выпустили на мирное население поток каторжан, грабителей и воров. Они упразднили полицию и управление, отдав жизнь и имущество граждан на произвол всякого вооруженного негодяя. Они разрушили местные хозяйственные учреждения — городские и земские — открыв участие в них и прохожему и проезжему. Они погубили торговлю и промыслы, установив налоги, поглощавшие доход с предприятий. Они узаконили разграбление культурных хозяйств и земель. Они безумно расточали средства казны. Они в корне подорвали все источники жизни страны. Они установили выборы в Учредительное собрание на основаниях для России нелепых и народу непонятных**. Они осквернили русский язык, изуродовав его на потеху недоучкам и лентяям. Даже чести своей и той они не сберегли, безстыдно нарушив данное отречьемуся Царю обещание — предоставить Ему с Семей свободный отъезд, арестовав Его и тем уготовив Ему неизбежную гибель!

Своею угодливостью перед чернью, своим невежеством и трусостью они в два месяца разрушили государство и дове-

---

* Шульгин В. В. Дни // Русская мысль. 1922. Июнь—июль. С. 133.

** Картинное описание того, какие уродливые результаты дала на местах придуманная Временным правительством система выборов, оставил нам член этого правительства А. И. Шингарев в его «Политических заметках» (Письмо XIII) в «Русских ведомостях».

ли страну до Пугачевщины. Они расчистили дорогу большевикам и были их достойными предтечами.

Таковы были они, как государственные деятели. Таковы же они были и просто как люди. Достаточно немногих примеров, чтобы в том убедиться.

Кто изменил России и предался большевикам? «Ставленники Императрицы и Распутина»? Нет, ни один. Изменили и предались большевикам излюбленные люди Государственной думы и русской общественности: — Вл. Львов, Некрасов, Поливанов³⁷¹, Мануйлов, Кутлер, Гредескул, Брусилов³⁷²...

Кто воздвигал гонение на Православную Церковь и предавал главу ее на пропятие? Кто требовал казни Патриарха? Те ли, кого Дума ославила, как «прислужников темных сил», кого клеймила, как врагов церковной свободы, кого ставила в упрек Императрице: Саблер, Волжин, Раев, князь Жевахов? Нет, не они, а тот, кого Дума противопоставляла им, как истинного защитника Церкви, кого прочила и провела в обер-прокуроры Св. Синода — член Временного правительства, ныне слуга совнаркома, Владимир Львов!

Кто разрушал Императорскую Русскую Армию и создавал армию красную? «Изменник», «враг общественности» Сухомлинов³⁷³, или «любимец» Императрицы Беляев³⁷⁴, или Шуваев³⁷⁵, или Лукомский³⁷⁶? Нет, разрушали Русскую Армию — возждь общественности, председатель комиссии обороны Государственной думы, А. И. Гучков и единомышленник его А. А. Поливанов; создали же красную армию — тот же Поливанов и Бонч-Бруевич³⁷⁷, все трое люди, от которых Императрица так страстно стремилась оградить Государя. И сотрудничал с ними в этом деле никто иной, как генерал Брусилов («хитрый Брусилов», как называла его Императрица), тот самый, которого Родзянко и возглавляемый им Комитет Государственной думы так настойчиво проводили на место генерала Алексеева, недостаточно, по их мнению, отвечавшего требованиям революционного времени*.

Кто, забыв все клятвы, отрекся от союзников и пал в ноги немцам, как только ему почудилось, что успех скло-

---

* См. письмо Родзянко к князю Львову и постановление Временного комитета Государственной думы от 19 марта 1917 г. в «Красном архиве» (Т. 2. М. 1922. С. 284—286).

няется на их сторону? Императрица Александра Феодоровна или люди, Ею выдвинутые — «ставленники германофильского Двора», «изменник» Штюрмер³⁷⁸, князь Голицын³⁷⁹, Протопопов³⁸⁰?.. Нет, это сделал тот, кого Императрица всеми силами души ненавидела, кого считала врагом России, кого хотела бы видеть сосланным в Сибирь — глава Прогрессивного блока, министр иностранных дел Временного правительства, П. Н. Миллюков. И сделал он это в те самые дни, когда невинно оклеветанная Императрица погибала в далеком Екатеринбурге под ударами убийц.

Кого общий голос обвиняет ныне в темных денежных делах? Старое Царское Правительство? Нет, оно по следствию оказалось белее снега. Обвиняют излюбленного человека общественности, главу Временного правительства, — обвиняют князя Львова. И кто же тянет его к ответу, кто грозит ему судом? «Бюрократы», «черносотенцы», «обскуранты»? Нет, обвиняют его свои же люди, представители общественности и прогресса, — обвиняют Гучков, Хрипунов, Кузьмин-Караваев, Филиппов, обвиняет печать самых различных направлений.

И кто, наконец, смелее и достойнее смотрел в глаза смерти — «холопы» ли «Самодержавия» и «слуги деспотизма», как их называли противники, И. Г. Щегловитов³⁸¹, Н. А. Маклаков³⁸², о. Восторгов³⁸³, спокойным достоинством смутившие даже своих палачей — или их хулитель, кумир общественности А. И. Шингарев, малодушным отчаянием заполнявший свои дневники...

Нет, теперь все должны иметь честность открыто признать, что в оценке этих людей Императрица Александра Феодоровна проявила в тысячу раз более прозрения и мудрости, чем самые мудрые из деятелей общественности, чем Государственная дума, взятая в целом. И ошибки Ее на этом пути, какие были, — ничто в сравнении с ошибками их, хотя Ей меньше было дано и знаний и опыта жизни...

* * *

Но был и путь, на котором Императрица не знала ни ошибок, ни колебаний. Он ярким лучом сверкает из писем, из всех Ее мыслей и действий. То был — путь чести. Этим путем Она шла от начала и до конца, ни разу не сделав на нем

ложного шага. И этот путь был врагам Ее недоступен. На нем большинство из них споткнулось, а многие и пали.

Таков драгоценный вывод, который вытекает из писем.

* * *

И сказал Иисус: на суд пришел и в мир сей, чтобы невидящие видели, и видящие стали слепыми.

Ин. 9, 39

Более года тому назад в печати появились «Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II», переведенные с английского языка В. Д. Набоковым³⁸⁴ и изданные в Берлине Гессеном³⁸⁵.

Имена издателя и переводчика определенно указывают на политическую партию, которая признала возможным и нужным, чтобы письма Императрицы сделались достоянием широкой публики.

В кратком предисловии – всего одна страница – говорится, что письма дополнены многочисленными примечаниями и что «примечания эти имели целью всестороннее осветить ту яркую картину состояния Русского Двора и бюрократического Петербурга, которую письма весьма детально рисуют, устраняя вместе с тем массу накопившихся легенд, сплетен и небылиц»*.

Ничего подобного читатель в «примечаниях» не найдет: в них даются лишь сведения о лицах, упоминаемых в письмах, и указания на перемены, происходившие в составе высшей бюрократии в периоды пребывания Императрицы в Ставке или же Государя Императора в Царском Селе. Впрочем, одно примечание дополнено комментарием. Привожу его буквально (2.IX.1915; № 110, I, 191):

«Ген. Орлов³⁸⁶, прославившийся усмирением в Прибалтийском Крае в 1905 году, умер от чахотки и похоронен в Ц. Селе. В воспоминаниях гр. Витте отношения между Государыней, Вырубовой и Орловым характеризуются, как «мистериозные»... Оригинальный способ «устранения легенд, сплетен и небылиц»! Однако, приводимая издателями характеристика примечаний, предпосылаемых всему

---

* Курсив наш. – П. Стремоухов.

изданию, как бы стремится внушить читателю мысль о благожелательном отношении к Автору писем... Как характерен такой прием для нравственной и политической физиономии издателей!

Ни о какой благожелательности, очевидно, нет и речи: письма изданы с определенной целью опорочить их Автора, а тем самым и режим, к которому Императрица столь близко стояла. И цель эта по первому, а потому и поверхностному впечатлению как будто достигается. Нужный вывод получается: как может быть для страны терпим режим, возглавляемый слабовольным Монархом, руководимым экзальтированной женщиной, находящейся под влиянием темного, невежественного мужика?.. Ясно, что такой режим надо было сокрушить и принять все меры к невозможности его возрождения.

Первое было совершено политическими единомышленниками Набоковых и Гессенов и принесло им Мартовскую революцию, второе они пытаются осуществить опубликованием писем Императрицы... И — мы не будем этого отрицать — удар старому режиму наносится очевидный, однако гораздо более эффектный в своем размахе, чем в реальных его последствиях.

Первые впечатления далеко не всегда правильны, в особенности в оценке исторических личностей и поэтому им не следует поддаваться, а, напротив, надлежит спокойно разобраться в исследуемом материале.

Опубликовано 400 писем Императрицы к Императору Николаю II, обнимающих период с июня 1914 по 17 декабря 1916 года.

Некоторая часть их, а также значительная часть каждого из них в отдельности, заключают нежные, часто экзальтированные проявления супружеских чувств, нередко касающихся самых интимных сторон отношений жены к мужу. Думается нам, что элементарная порядочность повелевала эти части выпустить, ибо никому нет дела до таких сторон интимной жизни, и опубликование их составляет, во всяком случае, акт величайшей неделикатности.

Очевидно, мне возразят, что личности монархов и их супруг принадлежат истории и поэтому обнародование их писем есть только дань исторической правде, исключение же из текста тех или других частных повредило бы яс-

ности понимания характеров этих личностей и, тем самым, истории. На это можно, однако, ответить, что о большинстве исторических личностей судят по внешним данным, т. е. по тем их свойствам, которые они проявляли публично, а не по тем, которые они обнаруживали лишь в столь исключительной сфере, как письма жены к мужу. Более чем вероятно, что не одна блестящая историческая личность была бы развенчана, если бы ее увидели с этой стороны.

Поэтому, чтобы быть хоть сколько-нибудь беспристрастным, мы должны отбросить из писем Императрицы все, что отражает Ее интимную жизнь и обратиться лишь к той части, где Она выступает на арену общественной деятельности, как советница Своего Державного Супруга, да и тут надо всегда помнить, что это письма жены к мужу, не всегда поддающиеся дисциплине рассудка, а являющиеся последствием настроения, иногда мимолетного и переменчивого, — это не доклады ответственных министров.

Нельзя не отметить того значения, которое Сама Императрица придавала переписке между женою и мужем. Вот, что Она пишет по этому поводу:

«...Понятно, если тайно наблюдать за письмами от мужа к жене — гораздо больше оснований наблюдать за другими. Прости меня, но Фредерикс* поступил очень нехорошо, нельзя так строго осудить человека за его частные письма (вскрытые) к его жене — это низко, по-Моему...» (21.IX.1916; № 356, II, 188).

Проникнувшись таким настроением, мы и сами себя оправдаем: ведь то, что мы совершили, читая письма Императрицы, услужливо поднесенные нам гг. Гессеном, Набоковым и К^о, — в сущности есть подслушивание у дверей... ведь двери эти были для нас закрыты.

— Как же вы сами читали их? — спросят меня. — Да, отвечу я, читал, но, во-первых, во время самого чтения, я непрестанно чувствовал, что делаю что-то нехорошее, а, во-вторых, во мне очень скоро явилось желание сделать то, что я делаю этими строками — и в этом мое оправдание.

Левая пресса уже достаточно занялась письмами Императрицы: Государыня ею осуждена. Тысячи лиц прочли

---

* Дело касается переписки сенатора, графа Палена с женою.

самые письма; первое впечатление осталось от них неблагоприятное и на этом эти лица и успокоились — и вот, новое осуждение. Но дал ли себе кто-либо труд добросовестно в них разобраться? Мне неизвестно, были ли сделаны к этому попытки.

Случалось ли вам, гуляя по берегу моря, замечать, выбрасываемые на берег, морские водоросли? Под лучами солнца они подсыхают и обращаются в безформенную, некрасивую и дурно пахнущую тину. Возьмите часть этой тины и опустите ее в хрустальную вазу, наполненную чистой водою; водоросли оживут, тончайшие веточки распустятся веером, лаская ваш взор изящнейшим кружевным узором и через несколько минут из вазы повеет живительным ароматом моря.

Так поступили с письмами Императрицы. Их выбросили из глубины Ее души на арену любопытства, равнодушия и недоброжелательства. Постараемся же вернуть их в присущую им стихию: стихия эта была безграничная любовь к Богу, к Мужу, Наследнику и дочерям и, через них, к России.

В чем, главным образом, обвиняли Императрицу? Горько напомнить: в недопустимой близости к Распутину, в измене России в пользу немцев, и во вмешательстве в дела правления...

Первые два обвинения опровергнуты всеми решительно, даже Временным правительством и большевиками, и великим позором для русского общества является то, что такая гнусная клевета могла столь долго владеть им. Тут не Императрицу надо оправдывать, а самому обществу оправдаться... Я не берусь быть его адвокатом...

Третье обвинение — вмешательство в дела правления.

Да, такое вмешательство действительно имело место.

Составляет ли самый факт вмешательства преступление?

Мне это кажется сомнительным.

Почему Императрица не имела права интересоваться делами Своего Державного Супруга, когда рядом с этим другие женщины, по мнению нашего общества, имели право заниматься государственными делами.

Ясно, что дело идет не о праве вмешательства, а о том, было ли оно полезно или вредно. Вот этим вопросом мы и займемся.

Заранее оговариваюсь: я не считаю Императрицу правою во всем, хотя, кто знает, может быть, Она была права и в том, что ныне еще кажется ошибочным. Остановлюсь лишь на том, в чем Она была права безусловно в то время, когда писала письма или на том, что уже оправдалось последующими событиями. О том, в чем Она заблуждалась, я говорить не буду. Это не есть подтасовка фактов. Широкое общественное мнение обвиняло Ее во всем. Я привожу лишь положительные факты. Путем вычитания предоставляется каждому судить много ли останется в балансе к Ее обвинению.

Все письма Императрицы проникнуты глубочайшим религиозным чувством и безграничною любовью к мужу и семье. На этих чувствах я останавливаться не буду: всякий, кто хотя бы на пять минут возьмет «Письма» в руки, без труда в этом убедится. Да этого никто и не отрицает. Я займусь лишь выяснением отношений Императрицы к вопросам управления и лицам тесно с ним связанным. Должен отметить, что степень вмешательства Императрицы в дела управления с 1 июля 1914 года до 17 декабря 1916 идет *st crescendo*. Можно предположить, что в предшествовавшие годы Царствования Императора Николая II оно проявлялось в значительно меньшей степени. Почему это произошло?

Пока дела шли более или менее благополучно, у Императрицы не было оснований для вмешательства в дела правления; Она была поглощена семейною жизнью. Дать жизнь четырем Дочерям дело не легкое. Затем появился на свет давно желанный Наследник. Вскоре оказалось, что Он болен ужасною болезнью — гемофилией. Уход за больным поглощает все Ее силы, духовные и телесные. Однако замкнуться в сфере тесных семейных интересов Ей не удалось. Началась «осада власти» революционерами и общественностью. Положение Ее Державного Супруга делалось все более трудным и сложным... Чувствовалась опасность для Самой Царской Семьи, для Династии... Могла ли Императрица смотреть на это равнодушным взором? Ведь это становилось уже делом Ее Семьи, любимого Мужа, обожаемого Сына... Какая женщина, ка́кая жена, какая мать осталась бы равнодушною?

К тому же, рядом со смертельною опасностью для Семьи, Она видела разверзающуюся перед Ее Родиной – новой для Нее, но воспринятой всем сердцем – пропасть. Кто же не осудил бы Ее, если бы Она не попыталась сделать всё, что было в Ее силах, чтобы спасти Мужа, Семью, Династию и Родину? Пусть та женщина, которая не сделала бы этого, бросит в Нее камень... Я уверен, что Императрица осталась бы невредимой. Вопрос не в том – должна ли Она была это делать или этого не делать, а в том – мыслила ли Она правильно или нет.

В сферу личной жизни Императрицы вошел Распутин. Она не искала его. Он был введен к Ней архиепископом Феофаном, указавшим на него, как на «старца», на котором почиет благодать Божия. В мистическом настроении Императрицы «старец» нашел себе место. Откуда появилось у Государыни мистическое настроение? Я не берусь этого разъяснить, но некоторые основания к его возникновению вижу.

Сделавшись Супругою Русского Царя, Принцесса Алиса Гесенская была вынуждена оставить религию Своих отцов. Такой акт можно совершить либо цинично, сказав себе «*Paris vaut bien une messe*»*, либо проникнувшись превосходством воспринимаемой религии. Глубокая натура Императрицы могла пойти только по второму пути. Для нас, исконных русских людей, воспринятая с юных лет, наша Православная вера явление столь близкое, столь с нами сросшееся и неразрывное, что церковная обрядность перестала производить на нас мистическое впечатление. Совершенно иное настроение она должна вызывать у неопита, вдумчиво вслушивающегося в дивные церковные песнопения, взирающего на таинства обрядов, совершаемых в дыму благовонных курений, в окружении Божественных ликов, святых угодников, чудотворных икон, мощей и рак святителей. Находясь сызмальства в общении со всем этим, можно перестать всё это остро воспринимать, но человек новый может к этому отнестись либо критически, либо

---

* «Париж стоит мессы» (*фр.*) – слова, которые приписываются королю Франции Генриху IV, вынужденному в 1593 г. перейти в католичество, чтобы вступить на королевский престол. – С. Ф.

воспринять с особою глубиною. Так это и случилось с Императрицею.

Царь и Родина давно ожидали от Нее Сына, надежду России — Наследника Престола. Наконец, после многих лет ожидания, родился Царевич Алексей. Вскоре выяснилось, что Он болен неизлечимою болезнью — гемофилией, наследственной в мужском поколении Гессенского дома. Императрица не могла не сознавать, что Она невольная виновница болезни Сына и это, в свою очередь, не могло не отразиться на Ее душевном состоянии.

Наука оказалась бессильною против болезни Наследника. Где же было Императрице, женщине, матери искать утешения, надежды и спасения, как не в молитве? И вот, при таком Ее настроении, появился Распутин... Необычайными способами он несколько раз, прибегая к молитве, останавливал кровоизлияния, истощавшие Ребенка и грозившие унести Его в могилу. Почему это удавалось Распутину — это его тайна. Еще Шекспир, устами Гамлета, сказал: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!» Впрочем, никто не отрицает силы внушения. Проявлялась же она у ученого Шарко. Здесь она выявилась в русском мужике, как проявляется у разного рода гипнотизеров. Какая мать не возлюбила бы всем сердцем человека, спасающего ее ребенка? И Императрица возлюбила Распутина.

Личность Распутина во всяком случае исключительная*. О нем говорили много. Лгали и в похвалу ему, и еще больше

---

* Что Распутин обладал исключительною силою внушения общеизвестно. Привожу три случая, сообщенные госпожою Е. Джанумовой в «Современных записках» (т. XIV), в очерке «Мои встречи с Григорием Распутиным». Кстати, отметим, что «Современные записки» орган партии социалистов-революционеров.

Г-жа Джанумова была чрезвычайно встревожена смертельною болезнью свой племянницы Алисы. Она рассказала об этом Распутину. Вот, что, по ее словам, случилось далее:

«Тут произошло что-то такое странное, что я никак объяснить не могу. Как ни стараюсь понять, ничего придумать не могу. Не знаю, что это было. Но я изложу всё подробно, может быть потом, когда-нибудь, и подыщутся объяснения, а сейчас могу сказать одно — не знаю.

Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало как у мертвеца желтое, восковое и неподвижное, до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руки и сказал глухо:

— Она не умрет, она не умрет, она не умрет.

в осуждение. Я лично не мог составить себе о нем никакого определенного мнения, уже по тому одному, что никогда его не видал, но утверждаю, что им занимались слишком много. Одни стремились использовать его внимание для достижения своих своекорыстных целей, другие стре-

---

Потом выпустил руки, лицо приняло прежнюю окраску».

Вечером того же дня г-жа Джанумова получила из Кисва телеграмму: «Алисе лучше, температура упала».

В тот же день Распутин был у г-жи Джанумовой. Она показала ему помянутую телеграмму.

«— Неужели это ты помог? — сказала она.

— Я же тебе сказал, что она будет здорова, убежденно и серьезно ответил он.

— Ну, сделай еще раз так, как тогда, может быть она совсем поправится.

— Ах ты, дурочка, разве я могу это сделать. То было не от меня, а Свыше. И опять этого сделать нельзя. Но я же сказал, что она поправится, чего же ты беспокоишься?»

Вот другой случай, про который рассказывает г-жа Джанумова.

Распутин был у нее в гостях.

«Он внимательно ко всем присматривался, так и пронизывал своими огромными глазами каждого человека. Почему-то особенно подолгу останавливался его взгляд на г. Е., который сидел рядом со своей женою. Когда-то он был моим женихом, но потом обстоятельства сложились так, что мы разошлись. Об этом никто не знал. Он был давно женат и счастлив. Я тоже была замужем. После обеда Распутин вдруг сказал мне:

— А ведь вы друг друга когда-то очень любили, но ничего не вышло из вашей любви. Оно и лучше, вы не подходящие, а эта жена ему пара.

Я была поражена его изумительной пронизательностью. Не было никаких признаков, по которым он мог бы узнать о том, что так давно было и о чем мы сами совсем забыли. Это действительно какое-то ясновидение» (с. 284-285).

Третий случай касается Наследника.

Однажды г-жа Джанумова была в гостях у Распутина. Вдруг раздается звонок телефона из Царского Села.

«Он подходит.

— Что Алеша не спит? Ушко болит? Давайте Его к телефону.

Жест в нашу сторону, чтобы мы молчали.

— Ты что, Алешенька, полуношничаете? Болит? Ничего не болит. Иди сейчас, ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю Тебе! Спи, спи сейчас! Спи, говорю Тебе! Слышишь? Спи!

Через пятнадцать минут опять позвонили. У Алеши ухо не болит. Он спокойно заснул.

— Как это Он заснул?

— Отчего же не заснуть? Я сказал, чтобы спал.

— У Него же ухо болело?

— А я же сказал, что не болит.

Он говорил со спокойной уверенностью, как будто иначе и быть не могло».

мились его опорочить, чтобы повредить своим конкурентам, третьи делали карьеру перед «общественностью», становясь в ряды его гонителей. Быть может, эксплуатировали его и политические партии. Наконец, и более всего, враги старого режима старались использовать его, чтобы скомпрометировать Царя и Царицу. Около него вилась и кипела клевета, а Императрица не могла не воспринимать с острою болью всё то, что задевало спасителя Ее Ребенка.

Всем этим я не хочу сказать, что роль и положение Распутина были естественны и желательны; совершенно напротив — вся конъюнктура с Распутиным была несчастием для Самой Царицы, Ее Семьи, Династии и России, но я утверждаю, что не одна Императрица создала Распутина; в нем столь же ответственны окружающая среда, общественность и революция. Если бы все силы эти оставили Распутина в покое, влияние его не вышло бы из детской болеющего Наследника Алексея.

Да, несомненно, Распутин имел известное влияние на Императрицу, и через Нее на Государя.

Повторяю, это явление ненормальное; тем не менее, разбирая деятельность Императрицы, поскольку она является из Ее писем, небезынтересно проследить, каково было влияние Распутина на Царицу, Царицы на Государя и насколько, по существу, эти влияния были несостоятельны и вредны.

На самом факте вмешательства Императрицы в дела управления, как на пункте, вызывавшем наибольшие против Нее нарекания, нужно еще несколько остановиться.

Более всего Ее обвиняли во вмешательстве в дела Церкви, имевшее источником, якобы, полудуховное состояние «старца» Григория. В особенности указывали на влияние Александры Феодоровны на состав высшей духовной иерархии. Я недостаточно знаком с этою средою, чтобы иметь право высказаться, была ли Она права в общих своих тенденциях, хотя должен отметить, что некоторых лиц Она не любила небезосновательно, ошибаясь, однако, в возвеличении других. Но как же отнеслись к Ее вмешательству сами иерархи Церкви?

25 сентября 1916 года члены Св. Синода во главе с митрополитом Питиримом и Обер-прокурором Раевым, по их ходатайству, были приняты Государыней и поднесли

Ей благословенную грамоту вместе с Владимирской иконой Божьей Матери за деятельность Ее по оказанию помощи больным и раненым воинам и вообще страдающим от войны.

Как восприняла это Сама Императрица? Вот, что Она пишет за четыре дня до приема членов Св. Синода.

«...Со времени Екатерины ни одна Императрица их не принимала лично и одна. Григорий в восторге (Я менее) – но странно, разве не Я Та, Которой боялся и всегда не одобрял Синод» (21.IX.1916; № 365, II, 190).

А после приема Она пишет:

«...Синод дал Мне прелестную старинную икону, а Питирим прочел хорошую грамоту – Я пробормотала ответ» (26.IX.1916; № 361, II, 203).

Правда, выраженные иерархами чувства касались якобы только деятельности Императрицы по оказанию помощи больным и раненым воинам и вообще лицам, пострадавшим от войны, но нельзя отрицать демонстративного характера этого посещения Синода, выражающего вообще его отношение к Государыне.

Справедливость требует отметить, что если даже митрополит Питирим и Обер-прокурор Раев и были ставленниками Императрицы, то таковыми не были все вообще члены Синода, и если деятельность Ее для Церкви действительно была так вредна, как кричали об этом во всех салонах столицы и на перекрестках улиц, то как же не нашлось никого среди иерархов, чтобы опротестовать эту демонстрацию Синода, демонстрацию, как бы санкционирующую Ее образ действий, что и Сама Она, в цитированном выше письме, не без иронии и отмечает!

Мне скажут, что идти против Питирима и Раева, и тем самым против Императрицы, было рискованно. – Может быть, но для кого? – Для митрополитов, епископов, т. е. монахов, отрекшихся от благ жизни во имя служения святой Церкви; от кого же, как не от них, можно и должно требовать гражданского мужества? Отказ от восприятия даже мученического конца для монаха – а этого далеко и не требовалось – равносителен отказу солдата идти на войну. Простой солдат шел в бой, рискуя потерять жизнь или стать калекой, а епископы

не хотели рисковать шансами на митрополичью митру, а митрополиты — на очередную ленту!

Какой же можно сделать из этого вывод?

Или Императрица была права и выдвигала действительно лучших людей, или же наши иерархи малодушно, и тем самым недобросовестно, укрепляли в Ней убеждение в правильности Ее образа действий, побуждая Ее на дальнейшее вмешательство в дела правления. Как-то не хочется верить, чтобы последний вывод отвечал действительности.

Отмечая неизменно всё то, что в письмах Императрицы указывает на правильное понимание Ею окружающей обстановки, я поступил бы недобросовестно, если бы сокрыл, что с осени 1916 года в суждениях Ее все чаще проявляются ошибки в оценке людей и обстановки. Период этот совпадает, как с назначением министром внутренних дел Протопопова, так и с особым натиском «осады власти» — «общественностью».

Если в сближении с Распутиным небезосновательно обвиняли Императрицу, хотя он и был введен к Ней, как я уже упоминал выше, высшим авторитетом Церкви, в лице архиепископа Феофана, то вина за сближение с Протопоповым уже всёцело падает на общественность, которая его выносила, родила и преподнесла Престолу в качестве государственного мужа. Он ведь был избран Симбирским губернским предводителем дворянства, членом Думы, товарищем ее председателя, председателем парламентской делегации от обеих законодательных палат для поездки во Францию, Англию и Италию, в целях сближения с парламентскими кругами наших союзников. Но стоило только этому детищу нашей общественности стать близким ко Двору, как против него началась травля... Я не поклонник Протопопова, которого, к сожалению, знал слишком близко... Он был безпринципен, лжив, политически безчестен, но вместе с тем умен, вкрадчив и обаятелен; недаром же он сумел обольстить симбирское дворянство, думцев, членов Государственного Совета и даже Английского короля Георга, рекомендовавшего его в собственноручном письме Государю в качестве выдающегося государственного человека. Почему эти сотни людей имели право в нем ошибаться, виновата же перед ними оказалась Импе-

ратрица, когда подпала под чары ими самими возвеличенного человека! Конечно, Протопопов обманывал Царя и Царицу, в особенности последнюю, и мне, близко его наблюдавшему, так ясно и понятно, какую пожью он достигал этого...

С конца сентября 1916 года Императрица прислушивается уже не к одному Распутину, рядом с ним вырастает Протопопов, неизмеримо более тонкий и хитрый и ведущий свою линию... Атмосфера, вместе с тем, все сгущается и сгущается. Осада власти разрастается вовсю, создавая страшное раздражение с обеих сторон, и все направлено против Императрицы и близких к Ней; Она отлично сознает это и глубоко от этого страдает. Приведу здесь, несколько забегаю вперед, один пример.

Вот, что Она пишет 16 декабря 1916 года (№ 403, II, 267).

«...Вчера вечером у Ольги был комитет, но он не продолжался долго. Володя Волконский*, который всегда имеет для Нее одну, две улыбки, избегал Ее взгляда и ни разу не улыбнулся; Ты видишь, Наши Девочки научились наблюдать людей и их лица; Они очень развились духовно через всё это страдание... Они знают всё то, через что Мы проходим...»

Какая драма... Царская Дочь ловит улыбку подданного Своего Отца-Государя и ее не встречает... Добрейший, джентльмен до мозга костей, князь Владимир Михайлович отвел свой взор от просящего одобрения взгляда молодой Девушки... Мне кажется, что это тяжелее перенести, чем грубость озверелого красноармейца, и чувство горечи, вероятно, было велико, если Великая Княжна поделилась им с Матерью, а последняя с Государем**.

На Императрицу нападают, обвиняя Ее в изуверном поклонении Распутину, ставшему, по общей молве, вершителем судеб России, во вмешательстве в дела

---

* Товарищ министра внутренних дел, князь Владимир Михайлович Волконский.

** Зная хорошо князя В. М. Волконского, я убежден, что Великая Княжна ошибалась: он не мог Ее сознательно обидеть, а просто мысль его была занята чем-либо другим и он не заметил взгляда. Тем не менее, и даже в особенности потому, что причина обиды Великой Княжны была мнимая, становится ясною та жуткая обстановка, которая создавалась в то время вокруг Царской Семьи. — Б. С.

правления, в угнетающем влиянии на Своего Державного Супруга.

Да, Императрица прислушивалась к словам Распутина, который, кстати сказать, далеко не всегда был неправ; да, Она стремилась осуществлять его и Свои Собственные мысли; да, Она влияла на Государя и тем самым на судьбы России. Но одна ли Она в этом виновата? Ведь в начале Ее знакомства с ним он был влиятелен только как исцелитель Наследника; потом разные лица, в разных целях, стремились его использовать и эти лица взвинтили его на ту высоту, стоя на которой он мог быть вреден. Если бы его не принимали министры, если бы чрез него не добивались портфелей, если бы перед ним не плакали для сохранения мест и не платили ему взятки для получения таковых, если бы не валялись в его ногах для устройства семейных и других дел — *nomina sunt odiosa** (кто захочет их знать, пусть обратится к первоисточнику) — Распутин не вышел бы из рамок «старца», «блаженного» и «юродивого».

Мне скажут, что я последствия подменяю причинами; нет, тут следствия и причины переплетаются и разграничить их как во всех социальных и психологических явлениях довольно трудно; кто, например, объяснит, влияет ли повышение заработка на дороговизну или дороговизна на повышение заработка; ревность ли одного супруга является причиной охлаждения другого, или же охлаждение другого — причиной ревности?

Под влиянием приведенных обстоятельств в конце 1916 года сложилась такая обстановка: на одной стороне — все общество, Императорская Фамилия, вся знать, верховное командование, пресловутая «общественность», а на другой мужик — Распутин, наивная Вырубова, хитрый и вкрадчивый Протопопов — и больше никого! Императрица знает, что клевета чернит Ее как женщину, как жену, как мать; Она знает, что Ее обвиняют в предательстве, в государственной измене; Она знает, что эта клевета, как средство борьбы, метит через Ее голову в Царя, Ее Семью, Династию и установленный в России Государственный строй. Она борется во все стороны, быстро воодушевляет-

---

* Не называя имен; букв.: имена ненавистны (лат.).

ся верою в людей и столь же быстро разочаровывается, хватается за всё, что попадает под руки, а схваченное нередко оказывается раскаленным железом или шипящей змеею. При этом Она почти всегда физически больна. Кто поймет, кто разгадает эту драму? — для этого нужен не скромный компилятор, как я, а Шекспир. Что такое созданные гениальным воображением король Лир и Гамлет перед этою несчастною Женщиною, Которая борется одна за то, что считает священным и на чем, во всяком случае, стояла ныне повергнутая во прах Россия. Если даже, быть может, поступки Ее иногда кажутся ненормальными, то кто же был нормален в то безумное время? Ближайшие Родственники, знать, главное командование и общество рубили с каким-то наивным ожесточением тот сук, на котором они сидели... Явление это слишком сложно; я не сумею его охарактеризовать, но прошу разрешения привести здесь несколько строк из очерка «Мысли о России», помещенного Ф. А. Степуном в «Современных записках» (том XIV) за текущий год:

«...Кто знает в наши дни твердую норму разума? Я уверен — никто! И даже больше. Я уверен, что только в сотрудничестве с безумием может человеческий разум разгадать всё, что сейчас происходит в душе и сознании человечества; только обезумевший разум сейчас подлинно разум, а разум разумный так — слепота пустота, глупость. Быть может, мой неведомый хозяин, принесший с войны привычку всё разрушать и уничтожать вокруг себя, глубже выстрадал и постиг сущность войны, чем я, сохранивший возможность думать и писать о ней, о революции и о разуме того безумия, о котором он не пишет, но от которого умирает...»

Приведенные здесь слова очень туманны, но я не сумел бы это лучше выразить...

* * *

Однако пора обратиться к предмету нашего исследования, к письмам Императрицы.

Анализу писем Императрицы следует предпослать выраженное Ею высокое понимание Своих обязанностей, как Супруги Императора. Вот что Она пишет по этому поводу:

«...Если бы Я только могла больше Тебе помочь, Я так усердно молюсь, чтобы Бог дал Мне мудрость и понимание, чтобы быть Тебе настоящей помощницей во всех отношениях и чтобы всегда правильно советовать Тебе. Ах, Мой Ангел, Бог пошлет Нам лучшие дни, удачу и успех. Нашим храбрым войскам; — да и просветит Он вождей, чтобы они могли правильно и мудро их вести...» (4.IX.1916; № 340, II, 168).

Нередко сомнения в Своих силах овладевают Ею, но Она верит в особую интуицию, Ей свойственную:

«...Возможно, что Я недостаточно умна, но у Меня есть сильное чувство, и это часто более помогает, чем мозг... Ты не знаешь, как теперь тяжело — столько приходится переживать и такая ненависть со стороны “прогнившего высшего общества”...» (10.X.1916; № 389, II, 237).

«...Мне всё равно, что обо Мне будут говорить дурные люди... Я только женщина, которая борется за Своего Господина и за Ребенка, за два драгоценнейшие существа на свете, и Бог поможет Мне быть Твоим Ангелом-Хранителем» (12.XI.1916; № 390, II, 239).

Физических сил Ей, однако, часто не хватает, Она непрестанно болеет сердцем, ногами, нервами лица.

«...Штюрмер хотел бы, чтобы Я часто появлялась в городе и разъезжала и бывала в Казанском соборе; но теперь Мое глупое сердце и лицо Мне мешают, а Я знаю, что это было бы хорошо. Мамаша тоже не может...» (10.III.1916; № 225, II, 38).

Письма Императрицы начинаются с 27 апреля 1914 года, под № 1; следующее, № 2, датировано 29 июня, а затем следует непрерывный ряд писем, начиная от 19 сентября. Очевидно, между 29 июня и 19 сентября, Императрица с Государем не разлучалась. Поэтому мы не имеем современных сведений о том, как отнеслась Императрица к самому факту войны против Центральных держав. Из других источников, например из записок графини Клейнмихель³⁸⁷ («Из затонувшего мира»), видно, что Государыня отнеслась к этому факту отрицательно и принимала все меры к его предотвращению. Мысли Ее в данном случае вполне совпадали с мыслями Распутина или даже, быть может, восприняты были от него. Оставляя другие источники в стороне, отмечу лишь то,

что Она вскользь, *post factum*, высказывала в Своих письмах по этому предмету.

«...Он (Распутин) был очень против войны...» (11.VI.1915; № 82, II, 120).

«...Наш друг всегда был против этой войны, говоря, что из-за Балкан не стоило всему миру воевать...» (11.X.1915; № 145, I, 287).

Была ли права Императрица и Ее вдохновитель в данном случае? Обстоятельства показали, что да.

Во всяком случае, ужасы предстоявшей войны и грозные ее последствия Александра Феодоровна восприняла не как немецкая принцесса, а как Русская Императрица:

«...Да, я более русская, чем многие другие!..» — восклицает Императрица (20.IX.1916; № 335, II, 187).

Выражая лишь мельком несколько печальных ощущений по отношению к Своей немецкой родне, Она с первого же дня относится отрицательно к Германии и всецело отдается интересам Своей второй родины и заботе о ее армии и в особенности о солдате.

Что делала Императрица для больных и раненых настолько общеизвестно, что на этом мы останавливаться не будем. Приведу лишь то, что Она Сама говорит:

«...Уход за ранеными — Мое утешение, и вот почему даже хотела в последнее утро туда отправиться, пока Ты принимал, чтобы сохранить Свою бодрость и не расплакаться перед Тобою. Облегчить хоть немного их страдания — помогает болящему сердцу» (9.IX.1914; № 3, I, 3).

Отметим, однако, подробно то, что было замечено Ею в этом вопросе и, как выходящее из сферы Ее компетенции, доведено Ею до сведения Ее Державного Супруга.

«...Я хочу напомнить Тебе, чтобы Ты переговорил с Николашей*, чтобы офицерам было позволено уезжать домой лечиться и чтобы их не держали во всех городах, куда их случайно привез санитарный поезд. Они скорее гораздо поправятся, если они могут быть близко к своим семьям, а некоторые должны кончить свое лечение на юге, чтобы вернуть себе силы, особенно те, кто ранены в грудь» (12.XII.1914; № 29, I, 48).

---

* Великим Князем Николаем Николаевичем.

«...Слишком строгие приказания, совершенно несправедливые и жестокие. Если офицер не возвращается в назначенное время, он может быть наказан в дисциплинарном порядке и т. д. Я всего не могу выписать, Ты увидишь Сам на бумаге. Приходишь к выводу, что тот, кто ранен, подвергается вдвойне тяжелому обращению. Лучше оставаться в тылу или прятаться, чтобы не получать раны. Я нахожу, что это крайне несправедливо. Я не могу поверить, чтобы везде было так же; — только в некоторых армиях» (2.III.1915; № 48, I, 71).

Императрица всей душой с войсками и всегда молится за них. Вот что по этому поводу Она пишет:

«...Все мысли и молитвы с нашими войсками, и каждое утро набрасываешься на известия. Если бы случилось что-либо особенно хорошее, может быть, Ты послал бы Мне короткую телеграмму» (11.II.1916; № 226, II, 40).

«...Мои самые горячие молитвы будут сопровождать наши дорогие войска во вторник; — Бог Всемогуший пусть поможет им и пошлет им силу, мужество и мудрость, чтобы иметь успех» (19.VI.1916; № 292, II, 123).

«...Бог да поможет и пошлет успех; боюсь, что будет очень трудно. Если у Тебя будут сведения, дай Мне знать, Я так тревожусь» (15.VII.1916; № 312, II, 142).

«...Мои мысли и помыслы на фронте. Наверно они начнут в четыре часа утра — по обыкновению. Бог да поможет им и Святая Дева, в этот Ее большой праздник, пусть Она благословит наши войска» (14.VIII.1916; № 334, II, 163).

Хочется Императрице, чтобы наши войска всегда были на должной нравственной высоте:

«...Одного бы только Я хотела, чтобы наши войска вели себя примерно во всех отношениях, не грабили бы и не разбойничали, пусть эти гадости творят только прусские войска. Они деморализуют и потом теряешь настоящий контроль над людьми. Они дерутся для личной выгоды, а не для славы своей родины, когда они достигают уровня разбойников на большой дороге. Нет основания следовать дурным примерам. Тыл, обозы — проклятие. В этом случае все говорят о них с отчаянием. Нет никого, чтобы держать их в руках. Во всем всегда есть уродливые и красивые стороны, то же самое и здесь. Такая война должна бы очищать душу, а не оск-

вернуть ее, не правда ли? В некоторых полках очень строги, Я знаю это. Там стараются поддержать порядок, но слово сверху не повредило бы. Это Моя Собственная мысль, душа Моя*, так как Я хотела бы, чтобы имя наших русских войск вспоминалось впоследствии во всех странах со страхом и уважением, и с восхищением. Здесь люди не всегда проникаются мыслью, что чужая собственность священна и неприкосновенна. Победа не означает грабежа, пусть священники в полках скажут об этом слово.

Вот, Я пристаю к Тебе с вещами, которые Меня не касаются, но Я это делаю из любви к Твоим солдатам и их репутации» (24.IX.1914; № 7, I, 14).

Весьма замечательно в этом письме то, что Императрица считает нужным оговориться, что Она сообщает Свои собственные мысли; это Она делает неоднократно. Интересно и то влияние, которое Она склонна приписывать духовенству.

Понимает Императрица и значение своевременности получения наград и обращает на это внимание Своего Супруга:

«...Некоторые полки ужасно поздно получают награды. Как бы Мне хотелось поторопить это. Они так жалуются по поводу этих “шести недель”» (28.I.1915; № 41, I, 41).

«...Многие чудесные храбрые молодые люди не получили никаких наград, а высокопоставленные люди получают ордена. Так как Алексеев не может все делать, Мой слабый мозг представляет себе, что можно бы поручить это нескольким специалистам, чтобы они просмотрели огромный список и наблюдали, чтобы не было никаких несправедливостей» (29.VIII.1915; № 106, I, 181).

«...Только что выяснилось, что отныне доктора могут получать только три военные награды, что несправедливо, так как они постоянно подвергаются опасности и до сих пор множество их не получило наград. Таубе находит совершенно неправильным, что люди из интендантства, сидящие в тылу, получали бы тоже самое, как те, кто под огнем. Доктора и санитары делают чудеса, их постоянно

---

* Мы заменили слово «душка», приводимое Набоковым, везде, где оно попадает, словами «душа моя», т. к. такой перевод слишком коробит.

убивают. Нельзя достаточно вознаградить тех, которые работают под огнем» (24.VII.1915; № 100, I, 167).

Значение снабжения войск боевыми снарядами не ускользает от Ее внимания, причем высказываются Ею и интересные стратегические соображения:

«...Холодно, ветрено и дождливо. Дай Бог, чтобы это испортило дороги. Я прочла все газеты — ничего не написано о том, что мы оставили Вильну — опять очень смешно, успехи и неудачи, иначе и быть не может, и радуешься малейшему успеху. Я не думаю, чтобы немцы решились продвинуться значительно дальше; было бы безумием дальше входить в страну, ведь позже наступит наша очередь. Хорошо ли поступает снаряжение, снаряды и винтовки? Пошлешь ли Ты на осмотры людей из Твоей Свиты?» (7.IX.1915; № 115, I, 204).

«...Они (немцы), по-видимому, возобновляют свое осеннее движение, только теперь они направят свои лучшие войска и им будет легче, так как они знают театр войны наизусть. Мои дорогие сибирцы со своими товарищами должны будут выдержать массовое наступление и пусть они еще раз спасут Варшаву. Все лежит в Божьей руке и пока мы еще можем тянуть, до получения достаточных снарядов, а тогда напасть на них всеми силами. Но постоянные крупные потери разрывают сердце — они, как мученики, прямо идут в свое Небесное жилище... это правда, но всё же это очень тяжело» (18.VI.1915; № 90, I, 142-143).

Иногда приходится даже удивляться, какие серьезные военные соображения возникают в голове женщины:

«...Ты Мне написал, что железная дорога в Рени ветха и приведена в негодность; пожалуйста, прикажи категорически, чтобы она немедленно была исправлена, чтобы избежать несчастных случаев, так как наши санитарные поезда, снаряды, припасы и войска будут в ней нуждаться. Не можешь ли Ты приказать, чтобы поскорее были устланы небольшие вспомогательные ветки, чтобы ускорить сообщение, так как нам крайне нужно иметь побольше железнодорожных линий, иначе в нашем сообщении произойдет затор, и это может быть ужасно во время зимних боев. Я это пишу по Собственной инициативе, потому что Я уверена, что это можно сделать, а Ты знаешь, увы, как

мало инициативы у нашей публики – они никогда не заглядывают вперед, прежде чем не нагрянет прямо на нас внезапная катастрофа и мы можем быть взяты врасплох. Надо провести несколько коротких веток к румынской границе и к Австрии, заранее заготовив шпалы для широкой колеи. Ты помнишь, как трудно было добраться до Львова?» (15.XI.1915; № 159, I, 312-313).

Когда какие-нибудь упущения доходят до сведения Императрицы, то Она спешит поставить о них в известность Своего Супруга:

«...Пожалуйста, скажи, чтобы кто-нибудь отправился и посмотрел четыре тяжелые батареи, которые, уже некоторое время, стоят совсем готовыми здесь, в Царском Селе (как Мне говорят) никто не думает о том, чтобы их отправить. У них имеются снаряды (если недостаточно, можно будет достать). Если старый Иванов еще в Петрограде, дай ему приказание отправиться, посмотреть и осмотреть все детали (офицеры сказали об этом Боткину, так как они видели их совсем близко). Было бы хорошо их отправить, так как люди при них довольно неважные; – несколько недель тому назад была история и пришлось послать стрелков, для того, чтобы их поймать в лесу, где они были заняты пропагандными листками. Эти сорок орудий стоят без охраны на площади; – молодой прапорщик написал бумагу за бумагой, прося поставить к ним охрану, так как он каждое утро находит, что какой-нибудь винт или другая принадлежность сняты, недостают и никто не обращает на это внимания. Мне кажется, что какой-нибудь генерал, которого бы Ты неожиданно сюда прислал для осмотра, лучше и скорее бы это выполнил, – нам так нужны эти орудия на фронте; но не предупреждай Сергея^{388*}, – пусть все это будет сделано неожиданно и тогда он также увидит, что его глаза должны быть везде. Он должен был бы больше разъезжать...» (15.XI.1915; № 159, I, 312).

Некоторые воинские части, с которыми Императрице пришлось войти в более близкое соприкосновение, вызывают Ее особые заботы.

Как характерно это «не предупреждай Сергея»! Как Ей хочется заставить всех работать, а в особенности Членов

---

* Великий Князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии.

Императорской Фамилии, на что Она неоднократно указывает в Своих письмах.

«...Теперь о другом: — Я не знаю, как хорошенько это объяснить, не буду называть имен, так чтобы никто не пострадал. Эриванцы отличный полк; там, где есть опасность, их посылают и держат до конца, так как в них уверены. Теперь собираются брать из этого полка офицеров и определять в другие полки, чтобы улучшить эти последние. Это совсем неправильно и поражает их в самое сердце. Если Ты возьмешь этих старых офицеров, то полк уже не будет тем, чем он был. Они потеряли достаточно убитыми и ранеными, пленными и не могут обойтись без своих офицеров. Пожалуйста, не позволяй, чтобы полк таким образом был разрушен и оставь этих офицеров, они любят свой полк и поддерживают его славу. Так уже поступили с другими офицерами 2-й бригады и они боятся, что настанет и их черед, и это беспокоит командира и всех. Но они не осмеливаются что-нибудь сказать, не имеют права. Поэтому они хотят, чтобы их Шеф это знал и не позволял бы, чтобы их боевые офицеры были переведены в другие полки» (22.VI.1915; № 93, I, 147, 8).

Нельзя не согласиться с тревогою Императрицы о сохранении офицерского состава в его корпоративном значении, к которому, увы, наши штабы так равнодушно, так легкомысленно относились. Может быть, это даже не Ее мысли, но однако твердо Ею воспринятые. Более чем через полгода Она вновь пишет:

«...Прости Меня, что Я вмешиваюсь не в свое дело, но это крик Эриванского сердца, который до нас дошел...»

Дело идет о назначении командира названного полка. Императрица пересылает Своему Супругу приводимую ниже справку, переданную Ей, очевидно, из заинтересованного источника. Императрица горячо поддерживает изложенное в ней ходатайство.

Нельзя не отметить, что справедливые мысли, в нем изложенные, нашедшие отклик в душе Государыни, заслуживали полного внимания.

«...Именно теперь полку нужен настоящий хозяин — командир полка, который бы всё ввел обратно в старое русло и который мог бы лично сам во всем разобраться и всё поставить по своим местам справедливо и здраво, как это

должно быть по закону и как раньше было в полку. Командир нужен совершенно незнакомый полку человек, совершенно самостоятельный, из другой совершенно среды; — ему сразу станет всё ясно, как свежему человеку и тогда, только при том условии, полк снова станет таким, каким он был раньше. Бог знает, что грозит нашему полку, какой раскол, если именно теперь не будет настоящего главы полка. Полковник Магабели добрейшей души человек, мягкий, покладистый, общий любимец всей дивизии, скромный и т. д., всё время находящийся рядом с полком, свой же человек в полку, но все решительно, кроме него, будут в полку командовать. Да к тому же он больше друг по фамилии, роду, происхождению “тех”. Чтобы... Эриванский полк именно теперь получил командира, который всякие “они” и “мы” в корне вырвал бы и командовал бы нашим древним полком для настоящей славы его, а не для окончательного раскола».

«Не говори никому про это письмо, — заканчивает Императрица, — но оно совпадает с тем фактом, что Силаев просил теперь человека со стороны (может быть, из гвардии), который положил бы конец разрушению такого прекрасного, дорогого нашему сердцу полка. Магабели — ангел, но он слишком мягок и грузин, это как раз теперь не то, что нужно полку, в котором имеются партии» (30.IX.1916; № 365, II, 209).

Весьма важным вопросом того времени был призыв ополчения 2-го разряда. В широких общественных кругах эта мера была принята критически. Сотни тысяч людей, более чем зрелого возраста, были бы оторваны от производительного труда и сведены в команды, для обучения которых не хватало бы офицеров, и на роту приходилось бы по одному ружью. Они стали бы только благодарным элементом для пропаганды. Обилие «бородачей» и их роль в революционные дни в тылу и на фронте достаточно оправдывают такую точку зрения. Императрица энергично реагирует на эту опасность.

«...То же самое с вопросом, который Наш Друг так принимает к сердцу и который является самым серьезным из всех в интересах внутреннего мира — отмена призыва второго разряда. Если приказание уже отдано,

скажи Н. *, что ты настаиваешь на его отмене, чтобы от Твоего имени "повременить". Это милостивое распоряжение должно исходить от Тебя – не слушай никаких отговоров» (10.VI.1915; № 81, I, 118).

«...Я надеюсь, что Мое письмо не огорчило Тебя, но Я не могу отделаться от желания Нашего Друга и Я знаю, что будет фатально для Нас и для страны, если оно не будет исполнено. Он знает, что он говорит, когда он говорит так серьезно. Он был очень против Твоей поездки в Львов и Перемышль, она была преждевременна, теперь Мы это видим. Он был очень против войны, был против созыва Думы... Не позволяй; чтобы кто-либо из второго разряда был призван; откладывая, как только возможно дольше. Им надо работать на полях, на фабриках, на пароходах и т. д. Лучше возьми теперь призывных будущего года – пожалуйста, прислушивайся к его совету, когда он высказывается так серьезно и не спит ночей из-за этого. Раз ошибешься и Мы должны будем за это поплатиться» (11.V.1915; № 82, I, 119).

Необходимость вмешиваться в дела управления смущает Императрицу, о чем Она и упоминает в приводимом выше письме за № 365. В одном из предшествующих Она дает и объяснение такому вмешательству:

«...Я Тебя обожаю слишком глубоко, чтобы утомлять таким письмом, как это, в такое время, если бы душа и сердце Мне не подсказывали его. Мы, женщины, имеем иногда инстинкт того, что правильно, дорогой, и Ты знаешь, как Я люблю Твою страну, которая стала Моей. Ты знаешь – что для Меня эта война во всех отношениях...» (16.V.1915; № 88, I, 133).

Императрица желала бы, чтобы вмешательство Ее осталось незаметным, но это Ей не удастся и это Ее раздражает:

«...Это глупо, что когда он (председатель Совета министров Горемыкин³⁸⁹) приходит ко Мне, об этом печатают, это узнается в городе, тогда как здесь даже Мои близкие об этом не знают, – и вот сердятся, что Я вмешиваюсь – но это Мой долг помогать Тебе. Даже в этом Меня обвиняют милые министры и общество, которое все критикует, а са-

---

* Великому Князю Николаю Николаевичу.

ми занимаются вещами, которые их совершенно не касаются» (14.IX.1915; № 122, I, 232).

Императрица понимает всё значение близости Царя со Своею армиею. Она пишет:

«...Только что получила Твою телеграмму из Проскурова, это хорошо, что Ты увидишь Заамурских пограничников в Каменец-Подольске. В самом деле это путешествие, наконец, даст Тебе возможность побольше увидеть, и Ты общаешься с войсками. Я люблю знать, что Ты делаешь и видишь неожиданные вещи, не все то, что наперед распланировано и размечено – *a la lettre* – но неожиданные вещи (когда они возможны) более интересны» (13.IV.1915; № 65, I, 99).

Не следует, однако, думать, чтобы отлучки Государя не были тягостны для Царицы. Вот, что высказывает Она в одном из Своих писем:

«...Я ненавижу быть в разлуке с Тобою. Это Мне самое большое наказание, в такое время особенно...» (16.VI.1915; № 88, I, 135).

И когда Государя нет с Нею, Она может «только молиться и страдать и молить Бога, чтобы Он охранил Тебя и руководил Тобою».

А как Она Его любила!

«...Прижимаю Тебя крепко к Моему сердцу, ласково глажу Твой лоб, прижимаю губы к Твоим глазам и губам, целую с любовью эти дорогие руки, люблю Тебя и желаю Тебе добра, счастья и милости Божьей» (Там же).

И, тем не менее, Она побуждает Своего обожаемого Мужа к разъездам:

«...Только у Меня такое сильное желание, чтобы Ты всюду разъезжал, видел больше и Сам показывался» (8.X.1915; № 137, I, 270).

«...Я рада, что Ты видел столько войск. Я не думала, что Тебе это удастся в Ревеле. Как хотелось бы знать, поедешь ли Ты дальше в Ригу и Двинск» (28.X.1915; № 141, I, 279).

«...Я так счастлива, что Тебе удалось проехать дальше Риги. Это будет утешением для войск и успокоит жителей города... Как изменилась теперь Твоя жизнь, слава Богу, теперь никто не может Тебе помешать разъезжать всюду и показываться солдатам... Джорджи

(Английский король) его (офицера Беляева, прикомандированного к Китченеру³⁹⁰) принимал и говорил про Тебя, именно про то, что Ты при войсках, а Китченер не хочет позволить ему также ездить, что для него большой пункт. Беляев ответил ему, что есть большая разница, что мы сражаемся на собственной территории, а он в другом положении... Я была уверена, что это будет мучить Джорджи» (30.X.1915; № 143, I, 281).

В частности, гвардия вызывает особую заботу Императрицы. Она хочет, чтобы Государь находился в более тесном общении со Своею гвардиею и чтобы последнюю более берегли. Если внимательно присмотреться к тем лицам, которые ближе других стояли к Государыне, в частности из военной среды, то становится ясно, что гвардия интересовала Императрицу не как среда более аристократическая в своем офицерском составе, а как оплот Престола, буквально, как гвардия – *la garde* Царя. И как права Она была в этом! Гвардия истреблялась и удалялась от Царя. Находишься она в столице и даже оставайся она на фронте в прежнем своем составе, разве события марта 1917 года могли бы совершиться!

«...Когда Ты поедешь в гвардию?» – спрашивает Императрица 27 апреля 1916 года (№ 253).

На следующий день, 28 апреля, Она повторяет этот вопрос:

«...Я не понимаю, почему Ты еще не уехал, чтобы повидать гвардию; они все так нетерпеливо ожидают, а теперь погода вдруг изменилась» (№ 254).

По-видимому, что-то помешало Царю осмотреть гвардию. По этому поводу Императрица пишет Ему:

«Жалею насчет гвардии, но у Тебя, без сомнения, основательные причины» (№ 255). Через день, 1-го мая, Она вновь пишет: «Я также разочарована из-за Тебя, из-за гвардии, из-за Н. П.³⁹¹; они так хотели, чтобы Ты приехал» (№ 257). И опять, 24 мая: «Мне очень грустно, что Ты, вероятно, не увидишь гвардию; почему Тебе не дали посмотреть ее прежде, чем ее отправили?» (№ 266).

Гвардия постоянно озабочивает Императрицу. 8-го августа Она пишет: «Хотела бы знать, что Ты предпринял по поводу гвардии, – будет ли она теперь некоторое время отдыхать?» (№ 327).

9 сентября Императрица пишет: «Я в отчаянии, что гвардия опять понесла большие потери, – но, по крайней мере, подвинулась ли она вперед?»

13-го сентября Она добавляет: «Павел (Вел. Кн. Павел Александрович) огорчен потерями в гвардии, их посылают в такие невозможные места» (№ 348).

15 сентября Императрица пишет: «*Необходимо* спасти и щадить гвардию» (№ 350).

Того же числа Императрица сообщает Государю содержание писем, полученных Ею от Дрентельна³⁹² и Родионова³⁹³:

«Три раза в течении одного дня они все должны были атаковать (кажется 4-го сентября) и позиция была неприступна, немцы были совершенно спрятаны, и их тяжелые орудия стреляли без перерыва. Пленный сказал им, что немцы вырыли окопы на глубине десяти метров и каким-то образом, по мере надобности, поднимают и опускают свои орудия, так что наша артиллерия им не повредила; – они (немцы) – все знают, что против них наша гвардия, – они чувствуют, что ею безцельно жертвуют» (№ 351).

Государыня верит в пользу общения Царя не только со Своею армиею, но и со всеми слоями населения.

«Бог да благословит все Твои начинания, Твое появление, наверное, произведет чудеса, и Бог Тебя вдохновит нужными словами, но и просто *увидеть* Тебя, это уже так много. Ты Сам наполовину не понимаешь силу Твоей личности, которая трогает всякое сердце, даже самое худшее» (5.II.1916; № 208, II, 13).

По поводу посещения Царем Государственной думы Она пишет:

«...Я могу Себе представить то глубокое впечатление, которое произвело на Думу и на Государственный Совет Твое посещение. Дай Бог, чтобы это было побудительным средством, которое заставит всех работать усердно и в единении для блага и величия нашей возлюбленной страны. Увидеть Тебя – это значит так много» (10.II.1916; № 210, II, 15).

Уже с самого начала войны вопрос о топливе и продовольствии озабочивает Императрицу. 10 октября 1915 года Она пишет Государю:

«...Наш Друг, которого мы видели вчера вечером, в общем спокоен насчет войны, но есть другой вопрос, который его очень волнует, и он в течении двух часов почти ни о чем другом не говорит. Он говорит, что Ты должен дать распоряжение, чтобы вагоны с мукой, маслом и сахаром непременно пропускались. Он ночью имел видение, ему приснилась вся картина, города, железнодорожные линии и т. д., трудно передать его рассказ, но он говорит, что это очень серьезно и что тогда у нас не будет забастовки. Только для такой организации надо Тебе кого-нибудь послать. Он хотел, чтобы Я с Тобой об этом переговорила очень, очень серьезно... Он считает, что с 40 старыми солдатами можно было бы в один час нагрузить поезд и посылать один за другим, но не все в одно место, а в Петроград и Москву — и останавливать некоторые вагоны в разных местах и побочных ветках, и постоянно их доставлять — не все в одно место, так как это тоже было бы плохо, но к разным станциям, разным строениям — если разрешить только немного пассажирских поездов и в эти дни отменить четвертый класс, и вместо этого прицеплять вагоны с мукой или маслом из Сибири. Там пути не так загромождены по направлению к Западу; и неудовольствие будет расти, если положение не изменится к лучшему. Публика будет кричать и говорить, что это невозможно, пугать Тебя, но это можно сделать, и хотя “будут лаять”, как он говорит, но это необходимо, и несмотря на то, что есть риск — это существенно. В эти три дня можно было бы доставить количество, которое хватит на очень много месяцев. Это может казаться странным в Моем изложении — но если вдуматься в основную мысль, то видишь, что она правильна. В конце концов, что-нибудь можно сделать и нужно дать распоряжение заблаговременно, насчет этих трех дней, как для лотереи или сбора, так чтобы все могли соответственно устроиться. Это следует сделать теперь и быстро. Только Ты должен был бы выбрать энергичного человека, который бы поехал в Сибирь по главному пути, и в его распоряжении должны быть другие, которые будут наблюдать на больших станциях и разветвлениях и смотреть, чтобы все шло, как следует, без ненужных остановок... Также следовало бы достать са-

хар из Киева, а особенно муку и масло, которые имеются, в изобилии в Ялоторск[ом] и других уездах» (№ 139, I, 295-296).

Хотя техническая сторона соображений Распутина и несколько сумбурна, но как справедливы его основные заботы о последствиях продовольственных неурядиц. Кстати сказать, «товарная неделя» была применена впоследствии.

«...Есть еще другой вопрос, о котором надо серьезно подумать – топлива не будет и будет очень мало мяса, так что в результате могут произойти истории и беспорядки. Железная дорога Мекка³⁹⁴ дает массу топлива городу Москве, но это недостаточно и об этом не думают достаточно серьезно. Прости Меня, что Я Тебе надоедаю, но Я стараюсь собирать то, что может быть полезно для Тебя» (3.IX.1915; № 110, I, 194).

Императрица отлично предвидит те беспорядки, которые могут возникнуть на почве недостатка в топливе и в продовольствии.

«...И это его (правительства) преступная ошибка, что оно, еще месяцы тому назад, не озаботилось заготовкой больших запасов дров – у нас из за этого могут быть беспорядки, это совершенно понятно, – так нужно проснуться и засадить людей за работу. Не Твое дело входить в эти детали – Щ(ербатов)³⁹⁵ должен был бы об этом позаботиться с Крив(ошеиным)³⁹⁶ и Рухловым³⁹⁷, – но они занимаются политикой и стараются съесть старика*» (17.X.1915; № 126, I, 249).

«...Потом, так как нет достаточного количества вагонов в движении, Я думала, что будет хорошо, если бы Ты мог сейчас послать сенатора... чтобы обревизовать положение угля в главном центре. Там накопились горы, которые должны быть двинуты к большим городам... 400 вагонов должны были бы ежедневно прибывать с мукой, а на самом деле прибывает только 200, – надо поскорее и энергичнее исправить это положение, – Я нахожу, что идея ревизии отлична, сенаторская ревизия для угля – если мы этого добьемся, население не будет мерзнуть, и все будут спокойны» (1.X.1915; № 145, I, 285).

---

* Председателя Совета министров И. Л. Горемыкина.

«...Кстати, решил ли Ты что-нибудь насчет сенатора для инспекции железных дорог и угольных депо и для того, чтобы все привести в движение, потому что это в самом деле позор. В Москве нет масла и здесь недостаток в очень многих предметах и очень высокие цены, так что даже богатым людям становится трудно жить — все это известно в Германии, и она радуется нашей дурной организации, что истинная правда» (10.X.1915; № 154, I, 302).

«...Многие находят, что было бы хорошо, если бы Ты хотя на время передал продовольственный вопрос Алеку*, так как в самом деле в городе происходит скандал и цены невозможные; он бы всюду совал свой нос, налетал бы на купцов, которые обманывают и спрашивают невозможные цены, и помог бы отделаться от Оболенского³⁹⁸, который на самом деле никуда не годится и нисколько не помогает. Наш Друг (Распутин) боится, что, если так будет продолжаться еще два месяца, у нас будут неприятные беспорядки и истории в городе, и Я это понимаю, так как стыдно заставлять бедных людей так страдать, — и как это унижительно в глазах наших союзников... У нас всего достаточно, но не хотят подвозить, а когда подвозят, то цены для всего неприступные. Почему не попросить его на два месяца всё взять в свои руки или даже на один месяц, он прекратит это надувательство. Он очень хорош на любом месте, чтобы навести порядок, встряхнуть людей, но ненадолго» (1.II.1916; № 204, II, 6).

Не прав ли был в данном случае Распутин? Недочеты продовольствия не были устранены и на почве их разыгралась Мартовская революция, погубившая Россию.

Мы не будем останавливаться на том, была ли права Императрица в оценке деятельности градоначальника, князя Оболенского, который, при сложившейся обстановке, делал всё, что мог; здесь важно не лицо, а самое дело.

«...О смене Оболенского, — почему не назначить его куда-нибудь губернатором? — но только есть ли у него настоящий преемник. Он никогда не шел против Гр(игория); так что тому неприятно просить о его смене, но он говорит, что Оболенский на самом деле ничего не делает — и надо серьезно начать торопиться со

---

* Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому.

сбором продовольствия, — опять появились на улицах хвосты перед магазинами» (9.VI.1916; № 283, II, 113).

Оставляя в стороне личности, Императрица переносит вопрос о продовольствии в сферу широкой организации:

«...Не было ли лучше передать весь этот вопрос о продовольствии и топливе министру внутренних дел, которого это касается в большей степени чем министра земледелия. У министра внутренних дел везде свои люди, он может давать приказания и прямые инструкции губернаторам, в конце концов, все ему подчинены» (Там же).

А пока что, Императрица настойчиво проводит Свои мысли: «...Вчера Я видела Штюрмера и говорила с ним как следует, — Я просила его скорее сменить Оболенского, иначе у нас могут произойти уличные беспорядки (из-за продовольствия) и он сразу потеряет голову, и все против него» (15.IX.1916; № 349, II, 179).

«...(Распутин) просит, чтобы Ты скорее сменил Оболенского и, когда будет назначен новый человек, пусть он отдаст распоряжение, чтобы в булочных у них все было наперед взвешено, так что, как только кто-нибудь попросит, хлеб был бы уже готов соответственно цене и весу, и тогда работа пойдет быстрее, и эти длинные хвосты на улицах скорее будут удовлетворены, — надо довериться честности продавцов, что они не будут обманывать бедный народ — и надо установить полицейский надзор за этими лавками, а градоначальник должен сам первый всюду осматривать, чтобы убеждаться в том, что всё быстро и добросовестно выполняется» (15.IX.1916; № 350, II, 180).

Как права была Императрица, выражая требование, чтобы начальство лично наблюдало за исполнением своих распоряжений, а не ограничивалось кабинетною работою.

Императрица стремится осведомляться у наибольшего числа лиц по интересовавшему Ее вопросу:

«...Он (министр промышленности и торговли, князь Шаховской³⁹⁹) говорит, что крестьяне всегда быстро продавали хлеб в мирное время, боясь, что цены упадут, — теперь они знают, что, чем дольше ждать, тем выше будут цены, и они не торопятся, тем более, что у них достаточно денег. Я ему сказала, что по-Моему следовало бы разослать чиновников разных заинтересованных в этом мини-

стерств в наиболее важные пункты с мукой и хлебом, и чтобы они говорили с крестьянами и все бы им отчетливо объяснили. Если дурные люди хотят иметь успех, они всегда говорят и к ним прислушиваются. Если теперь хорошие люди тоже постараются, понятно, крестьяне их послушают. Губернаторы, вице-губернаторы и все служащие должны принять участие... Причину, почему у нас нет достаточно сахара, Ты знаешь. Теперь посылают такие огромные количества масла в армию (ей нужно больше жиров, так как у нее меньше мяса), что здесь уже не хватает. Рыбы довольно, но не хватает мяса. Меня интересует поговорить с новым человеком, и мы увидим, какие у него идеи» (21.IX.1916; № 356, II, 191).

Несколько дней спустя Императрица напоминает Государю переговорить с министром Протопоповым:

«...Насчет продовольствия *строго* сказать ему, что все должно быть сделано, чтобы привести его в порядок, Ты так *приказываешь*» (17.IX.1916; № 362, II, 205).

В области дороговизны не одни только вопросы топлива и продовольствия беспокоят Императрицу. На все входящие до Ее сведения недочеты Она обращает внимание Царя, как входя в интересы бедноты, так и в сознании опасности недовольствия народных масс.

«...Я забыла Тебе сказать, что Наш Друг просит Тебе передать, чтобы Ты отдал приказание не увеличивать цены на поездки на трамвае в городе, — вместо 5 копеек, теперь приходится платить 10 копеек, и это несправедливо по отношению к нуждающимся, — пусть богатые будут обложены, но не другие, которым приходится ежедневно часто по несколько раз ездить на трамвае» (16.VI.1916; № 289, II, 120.)

И далее: «...Пожалуйста, обрати внимание на то, что А. (Вырубова) написала по поводу повышения *жалования* всем бедным чиновникам во всей стране. Это должно исходить *непосредственно от Тебя* — всегда можно иметь деньги от каких-нибудь капиталов — это удар по всем революционным идеям» (25.IX.1916; №350, II, 201).

По этому вопросу Императрица тоже напоминает Государю переговорить с Протопоповым:

«...4. Увеличить *жалование* чиновникам, как *милость* для них от Тебя» (25.IX.1916; № 362).

Императрица стремится всеми средствами к познанию России:

«...Я рада, что Кустарный комитет теперь понял, что ему надо делать... (Мы) распространим по всей России это (кустарное) производство и для раненых, также привьем и вкус, так же как это сделано в Моей школе Народного Искусства. Ах, душа Моя, какую массу можно сделать, и мы женщины можем так много помогать. Наконец все проснулись и готовы помогать и работать, — *так мы будем иметь возможность узнать страну, крестьян, губернии все лучше и лучше и быть в настоящей связи со всеми.* Да поможет Мне Бог таким путем быть Тебе полезной, душа Моя, и они рады работать со Мною; Ты помог и всех посадил за дело, дав Мне Верховный Совет и младенчество и материнство, все идет вместе, все для “народа”, в нем наша сила, и там есть преданные России сердца» (23.VI.1916; № 297, II, 126).

Желает Она, чтобы Государь узнавал правду из первоисточника.

«...Он (Горемыкин) находит, что чем больше Ты покажешь Свою энергию, тем лучше, с чем Я согласилась, и он также нашел удачной мысль (Императрицы), чтобы Ты послал Своих наблюдателей (в подлиннике — Свои глаза) на фабрики. Даже если Свита не много понимает, все же хорошо показать, что они посланы *Тобою* и что не только Дума за всем смотрит» (23.VIII.1915; № 99, I, 164).

Весьма характерно здесь и постоянное Ее стремление отметить личное значение Государя и не лишено примечательности несколько скептическое отношение к Свите.

«...Пожалуйста, пошли лиц Своей Свиты в разные заводы и фабрики, чтобы их осмотреть, — это Твои глаза; — даже если они немного смыслят, все же люди будут знать, что Ты за ними наблюдаешь — исполняют ли они добросовестно Твои приказания, — пожалуйста, Милый...» (3.IX.1915; № 111, I, 195).

«...Я сказала М. Ден⁴⁰⁰, что Ты думал посылать чинов Свиты осматривать как можно больше фабрик и заводов, и он нашел, что это блестящая мысль и как раз то, что нужно, так как все почувствуют Твой глаз повсюду. Пожалуйста, начни рассылать их и прикажи им являться к Тебе с докладами — это произведет великолепное впечатление и

подбодрит всех к работе и прищипорит их. Вели приготовить список незанятых чинов Твоей Свиты (без немецких имен): Дм. Шереметьев⁴⁰¹ (так как он свободен), Комаров⁴⁰² (так как он говорил с Тобою), Вяземский⁴⁰³, Жилинский⁴⁰⁴, Силаев⁴⁰⁵ (— те, кто менее “способные люди”, должны ехать на более спокойные и безопасные места), Митя Ден, Ник[олай] Михайлов[ич] (так как он хорошо настроен), Кирилл⁴⁰⁶, — Баранов⁴⁰⁷» (5.IX.1915; № 113, I, 199).

Это «без немецких имен» весьма характерно. Свою мысль о командировке чинов Свиты в качестве «глаз Государя», Она проводит с обычной настойчивостью.

«...Не забудь хорошую мысль Георгия (Вел. Кн. Георгия Михайловича) установить для всех Твоих адъютантов десятидневную службу — тогда Ты услышишь свежие новости, а они могут отдыхать...» (12.XII.1915; № 171, I, 331).

Находя новый мотив к осуществлению Своей идеи, Она через два дня спешит сообщить об этом Государю:

«...Устроился ли Ты насчет двухнедельной службы Твоих адъютантов, по очереди, в Ставке. Теперь, пока дела тише, Ты мог бы даже вызвать полковых командиров, хотя таких, кажется, почти не осталось. Но это было бы для Тебя большим выигрышем, так как они могли бы сказать Тебе много истин, которых не знают даже генералы, и Я уверена, что они Тебе были бы полезны. И все постараются и будут работать усерднее, если будут знать, что один из их офицеров был в Ставке и должен был откровенно отвечать на все Твои вопросы. Они замечают больше, чем другие, и, кроме того, это постоянная живая связь с армией» (14.II.1916; № 214, II, 20).

По-видимому, намерения Императрицы достигаются и Она в последний раз об этом упоминает:

«...Да, это будет совсем хорошо, если у Тебя будут два адъютанта, которые будут служить две недели, и потом Ты будешь их менять» (12.VII.1916; № 331, II, 159).

Сильно занята Императрица расценкою людей, окружавших Царя, и Она делится с Ним Своими впечатлениями. Нередко прислушивается Она и к мнению Распутина. О правильности этих расценок предоставляю судить читателю.

«...Наш Друг тоже не очень хочет Курлова*...» (16.IX.1916; № 370, II, 214).

«...Я так рада, что Ты доволен Гурко**» (18.VII.1916; № 337, II, 166).

«...Я надеюсь, что Гурко окажется настоящим человеком; — лично Я не судья, так как не помню, чтобы с ним когда-либо разговаривала. Ум у него есть — Бог даст душу» (8.XI.1916; № 386, II, 232).

«...Вчера Я видела Воейкова... он полон своих миллионов и построек и, как всегда, самоуверен... Он Меня раздражает... Глупо быть всегда таким легкомысленным, самоуверенным, как он» (20.VII.1916; № 317, II, 145).

«...Я так рада, что Ты окончательно назначил Наумова⁴⁰⁸, и Я полна надежды, что он будет подходящим человеком, — он Мне всегда нравился; Мне нравится открытое выражение его глаз...» (14.XI.1915; № 158, I, 310).

«...У него (Протопопова) хитрое лицо Брусилова, когда он прищуривает один глаз. Очень умный, вкрадчивый, великолепные манеры, говорит также очень хорошо по-французски и по-английски; видно, что он привык говорить — он не будет спать, так он Мне обещал, но его необходимо держать в руках, по словам Нашего Друга, чтобы он не возгордился, это бы все испортило» (22.IX.1916; № 357, II, 193).

«...Он упомянул о Макарове⁴⁰⁹ (на должность министра внутренних дел), но он вовсе бы не годился, это маленький неизвестный человек» (7.IX.1915; № 115, I, 20).

«...Я так много думаю о Шуваеве и спрашиваю Себя, может ли он быть на таком месте, умеет ли он говорить в Думе?» (13.III.1916; № 228, II, 44).

«...Как газеты нападают на Сазонова⁴¹⁰ (после увольнения его от должности министра иностранных дел), это ему должно быть неприятно после того, что он воображал, что его так высоко ценят» (16.VII.1916; № 314, II, 144).

Сама Императрица обращает внимание Царя на несостоятельность военного министра Сухомлинова:

---

* В качестве товарища министра внутренних дел Протопопова.

** Временный заместитель начальника штаба Верховного Главнокомандующего.

«...Ярость офицеров против Сухомлинова прямо безмерна — бедняга — они ненавидят самое его имя и жаждут, чтобы его прогнали. Ну, в его собственных интересах, прежде чем подымется скандал, было бы лучше так и сделать. Это его авантюристка жена⁴¹¹ совершенно разрушила его репутацию. Он страдает из-за ее взяточничества и т. д. Говорят, что его вина, что нет снарядов, — а теперь это наша гибель (проклятие). Я Тебе это говорю, чтобы показать Тебе, какие впечатления она произвела» (12.VI.1915; № 83, I, 121).

Решимость Государя привлечь к ответственности Сухомлинова встречает Ее одобрение:

«...Я видела в газетах, что Ты приказал судить Сухомлинова, это правильно. Прикажи снять с него аксельбанты. Говорят, что выясняются скверные вещи о нем — что он брал взятки, — но это наверное она (жена Сухомлинова), — это так грустно» (3.III.1916; № 218, II, 28).

Но особую чуткость проявляет Императрица к врагам Монархии:

«...Как Я буду радоваться, когда Ты отделаешься от Бонч-Бруевича*, но ему прежде всего следовало бы дать понять, какое он наделал зло и что оно отражается на Тебе — Ты слишком добр» (28.I.1916; № 200, II, 2).

«...Да, поскорее избавься от Бонч-Бруевича, не давай ему дивизии, если его так ненавидят...» (3.II.1916; № 206, II, 9).

«...Уволил ли, в конце концов, Куропаткин Бонч-Бруевича; заставь его поторопиться» (8.III.1916; № 223, II, 36).

Будущего председателя комиссии по пересмотру военных уставов, утвердившего «Права солдата» и дипломатического представителя большевиков в Риге, генерала Поливанова, Императрица разгадала уже давно!

«...Маклаков (быв. мин. внутр. дел) умоляет, чтобы Я Тебя умолила поскорее избавиться от Поливанова — что он просто революционер под крылышком Гучкова. Штурмер просит того же самого. Они говорят, что в этом ненавистном Промышленном комитете собираются наговорить ужасных вещей; — они через несколько дней соберутся и Маклаков говорит, что надо было бы

---

* Член Высшего военного совета у большевиков.

поэтому поскорее уволить Поливанова – всякий честный человек лучше его. Душа Моя, не мешкай, решишь, это *слишком* серьезно и, если Ты сразу его сменишь, Ты обрежешь крылья революционной партии, но не медли с этим; Ты *знаешь*, что Ты и Сам давно собирался его сменить... Более всего Тебе нужен *честно преданный* человек и Беляев таков, если Иванов слишком упрям. Пожалуйста, произведи эту перемену сейчас, тогда пропаганда и все прочее может быть сразу и энергично остановлены... Обещай Мне, что Ты сразу сменишь министра военного, ради Самого Себя, Твоего Сына и России. Уже давно пора – иначе Я бы не писала опять так скоро по этому вопросу. Ты Мне сказал, что Ты скоро это сделаешь, и, кто знает, не благословит ли Бог скорее наши войска, если (он) сразу будет уволен» (12.III.1916; № 227, II, 42).

Деятельность А. И. Гучкова, в котором Она чувствует врага Государя и тем самым Монархии – а могла ли Она, по всей справедливости, как любящая жена и супруга Монарха понимать это иначе, – беспокоит Императрицу уже в 1915 году:

«...Надо бы отделаться от Гучкова, только как? вот в чем вопрос. Теперь *военное время*, нельзя ли было бы придраться к чему-нибудь, чтобы его запереть. Он стремится к анархии и противник Нашей Династии... отвратительно видеть его игру, его речи и его скрытую работу» (30.VIII.1915; № 107, I, 183).

«...Подумал ли Ты еще раз о том, что члены Думы, такие как Гучков, не должны иметь больше разрешения ездить на фронт и говорить с войсками» (7.VIII.1915; № 107, I, 183).

«...Для начала посылаю Тебе копию одного из писем Гучкова к Алексею – прочитай его пожалуйста, и Ты поймешь, что бедный генерал выходит из себя, а Гучков говорит неправду, подстрекаемый Поливановым, с которым он неразлучен. Предостереги серьезно старика против этой переписки, ее цель энервировать его – и все это его не касается, потому что для армии все будет сделано и ни в чем не будет недостатка» (22.IX.1916; № 357, II, 192).

«...Я ему (Штюмеру) резко высказала Свое мнение насчет Гучкова., – все, и даже думские, знают, что он пере-

писывается с Алексеевым, и это в глазах порядочных людей набрасывает глубокую тень на Алексеева. Видно, как пауки Гучков и Поливанов окутывают Алексеева паутиною и хотелось бы раскрыть ему глаза и освободить его. Ты можешь его спасти — Я очень надеюсь, что Ты говорил с ним по поводу писем» (29.IX.1916; № 364, II, 207).

«...Гучков ушел со своего места, потому что он хочет идти вместе с Поливановым. Поливанов стремится стать военным министром и т. д. Он опасен и не должен был бы участвовать ни в каком комитете» (8.XI.1916; № 386, II, 233).

«...Я бы спокойно и с чистою совестью перед всею Россиею отправила бы Львова в Сибирь (это делалось за гораздо меньшие проступки); Миллокова, Гучкова, Поливанова — в Сибирь. Идет война, и в такое время *внутренняя война есть государственная измена*; почему Ты на это не так смотришь, Я право не могу понять. Я только женщина, но Моя душа и Мой ум говорят Мне, что это было бы спасением России — их грех гораздо хуже, чем все, что только могли сделать Сухомлиновы; запрети Брусилову и т. д., когда они приедут, касаться каких-нибудь политических вопросов» (14.XII.1916; № 401, II, 262).

Дальнейшее сближение Гучкова с Алексеевым вселяет новые тревоги в Императрицу:

«...Гучков старается обойти Алексеева, его подстрекает Поливанов, — жалуется ему на всех министров, Штюрмера, Трепова, Шаховского и это объясняет, почему Алексеев так настроен против министров, тогда как они, в самом деле, лучше работают и более объединены, и все идет лучше и мы чувствуем, что не будет никакого настоящего кризиса, если они так будут продолжать» (20.IX.1916; № 355, II, 186).

«...Пожалуйста, душа Моя, не давай доброму Алексееву начать играть роль с Гучковым. Родзянко и тот теперь образуют одно и стараются обойти Алексеева, притворяясь будто никто, кроме них, не может работать. Он должен заниматься исключительно войною, — остальные отвечают за то, что происходит в тылу...» (20.IX.1916; № 355, II, 184).

«...Нужно вырвать Алексеева у Гучкова с его скверным влиянием... Родзянко, Гучков, Поливанов и компания

интригуют гораздо больше, чем это наружу видно (Я чувствую), для того, чтобы вырвать разные вопросы из рук министров» (21.IX.1916; № 356, II, 189).

Не менее чутко относится Императрица и к организациям, вредящим Монархии. Вот, что говорит Она о Союзе земств и городов. Комментировать эти мысли Государыни не приходится, они так ясны и определены, что к ним прибавить нечего.

«...Организация союза городов также образует общество для той же цели (устройство быта наших пленных). Это выходит уже три, — мы должны быть с ними в контакте. Они берут все в свои руки для того, чтобы потом сказать, что правительство ничего не делает, а они — все; тоже самое для раненых и беженцев. Они лезут и помогают всюду, а за их делегатами надо присматривать» (15.IX.1915; № 123, I, 236).

«...Земский союз, который также, по-Моему, слишком распространился и взял слишком много дел в свои руки, так, чтобы впоследствии можно было говорить, что правительство недостаточно заботилось о раненых, беженцах, наших пленных в Германии, а Земство спасло их, — следовало бы Кривошеину, затеявшему эту организацию, держать ее в должных пределах; — это была хорошая мысль, только нужно было зорко наблюдать, так как есть много скверных типов на фронте, в лазаретах и питательных пунктах» (17.IX.1915; № 126, I, 249).

«...Понятно *нельзя* санкционировать союз городов в качестве легального и постоянного учреждения. У них средства от правительства и они могут тратить какое угодно количество миллионов, а “народ” даже не знает, что это казенные средства; об этом следует сообщить официально. Если бы они продолжали в дальнейшем существовать, они неизбежно стали бы гнездом пропаганды и органами Думы на местах» (15.III.1916; № 231, II, 51).

Далее Императрица пишет:

«...По поводу союза городов, — чтобы Ты их больше не благодарил. Следует найти способ теперь же опубликовать все, что они делают, и особенно подчеркнуть, что деньги поступают от Тебя и от правительства, и что они широко расходуют — деньги Твои, а не их. Публика должна это знать, я несколько раз говорила об этом со Штюр-

мером, как бы об этом осведомить, – Твоим ли приказанием Штюмеру или бумагой от него к Тебе, – я с ним об этом переговорю; они стараются играть слишком большую роль, это становится политическою опасностью, которая уже теперь должна быть принята во внимание, иначе сразу придется слишком много возиться...» (9.VI.1916; № 282, II, 112).

«...Я опять сказала Штюмеру, чтобы он приказал напечатать документы насчет денег, которые были даны союзу, Ты ему давно приказал – он говорит, что министры их рассматривают – напости ему еще раз» (7.IX.1916; № 343, II, 173).

«...Протопопов будет у меня завтра, и у меня к нему масса вопросов и надо предложить несколько идей, которые появились в Моей старой голове, чтобы сделать контрпропаганду против союза городов на фронте, чтобы за ними наблюдали и чтобы те, которые попадутся, сейчас же были выгнаны... Мы не имеем права позволить им наполнять уши (солдат) вредными идеями, – их доктора и сестры ужасны»⁴¹² (20.IX.1915; № 355, II, 187).

«...Он (министр внутренних дел Протопопов) тотчас же распорядился напечатать эти сведения о тех миллионах, которые получил союз, пока другие мешкали. Но только это не то, что Я хотела, – Я не хотела только голых фактов – они достаточно плохи, – но надо было умно написать, – это на Мой вкус слишком “обнаженно”. Плакать хочется при мысли о том, что союзом было выброшено полмиллиарда – тогда, когда существующие организации могли бы сделать чудеса на четверть этой суммы» (26.IX.1916; № 361, II, 202).

«...Я так хотела бы, чтобы Ты мог закрыть этот *гнусный промышленный* комитет, там они для своего съезда готовят просто антидинастические вопросы» (14.III.1916; № 229, II, 48).

Наиболее важным, однако, является отношение Императрицы к Государственной думе. Надо полагать, что ныне не найдется ни одного сколько-нибудь государственно мыслящего человека, который не признавал бы революцию 1917 года явлением глубоко отрицательным и пагубным; отсюда вывод, что все лица и учреждения ей, революции, способствовавшие, должны быть признаны вредными. От-

носителем деятельности Думы во время войны мнения различны: одни признают ее отрицательную, другие видят в ней спасение Отечества. Вышеприведенные силлогизмы приводят к первому выводу, если установить, что Дума способствовала революции. Предоставляю решение этого вопроса П. Н. Милюкову, который в т. I. своей «Истории русской революции» пишет:

«Но была уже ясна вся глубина и серьезность переворота, неизбежность которого сознавалась, как мы видели и ранее, и сознаюсь, что для успеха этого движения Г. дума уже много сделала своею деятельностью во время войны и специально со времени образования прогрессивного блока». Думается мне, что в данном вопросе г. Милюков достаточно компетентен: следовательно, деятельность Государственной думы следует признать вредной. Как думала об этом Императрица?

«...Пожалуйста, скажи ему (Родзянко), что Ты желаешь и настаиваешь на том, чтобы Дума кончила свою работу в один месяц и что его настоящее место, также как и всех остальных, — в деревне, чтобы заботиться о своих полях» (2.V.1916; № 258, II, 91).

«...Не прикажешь ли ты Штюмеру послать за Родзянко (мерзавцем) и очень твердо сказать ему, что Ты требуешь, чтобы бюджет был окончен до Пасхи, так как в таком случае не придется их всех сзывать до тех пор, пока, с Божьей помощью, все не станет лучше — осенью после войны. Они хотят все тянуть, чтобы вернуться летом со всеми своими отвратительными либеральными предложениями. Многие того же мнения и просят Тебя настоять, чтобы они теперь закончили. И Ты не должен делать послаблений, ответственного министерства и т. д. — всего, что они хотят» (17.III.1916; № 232, II, 53).

Все очередные вопросы находят отклик у Государыни; вот что Она пишет о генералах:

«...Да, увы, наши генералы никогда не отличались — в чем дело? Выгони их и выдвинь каких-нибудь молодых, энергичных людей, как, напр., Арсеньева⁴¹³. Во время войны выбирают способных людей по-Моему, а не руководствуются возрастом и чином, — это ведь ради всей армии, и нельзя допустить, чтобы жизнь солдат приносилась в

жертву понапрасну путаниками генералами» (15.III.1916; № 231, II, 51).

О Государственном Совете:

«...Нельзя ли быть более осторожным в вопросе о том, кого назначать в Государственный Совет? По словам Маклакова, теперь все хорошие члены Государственного Совета говорят, что те, которыми недовольны, находят себе там пристанище. Там нужны хорошие люди, а не первые попавшиеся., а на самом деле там должны быть только лояльные правые» (17.III.1917; № 232, II, 53).

О митрополитах:

«...Останови этот проект назначения целого ряда новых митрополитов, он теперь обсуждается в Синоде; — поверь Мне, это нехорошо, у нас нет подходящих людей и это только повредит Церкви. Сперва надо, чтобы наши епископы стали лучшими людьми и тогда только мы можем думать о том, чтобы сделать из них митрополитов — теперь слишком рано, это наделает много вреда и приведет еще к большим трениям в Церкви» (29.II.1916; № 236, II, 59).

Предоставляю читателю решить, насколько Она права в этих суждениях.

Вот несколько соображений Ее более общего характера:

«...Он (министр торговли и промышленности, князь Шаховской) находит, что Ты должен был бы приказать фабрикам делать снаряды, просто чтобы Ты даже выбрал бы фабрику, если Тебе покажут их список, вместо того, чтобы отдавать приказания через разные комиссии, которые неделями разговаривают и никогда не могут решить-ся» (14.VI.1915; № 86, I, 129).

«...Меня всегда огорчает, когда Я вижу, как плохо то, что здесь выделяется, все приходит из-за границы, самые простые вещи, как, напр., гвозди, шерсть для вязания, металлические вязальные спицы и всякого рода необходимые вещи. Дай Бог, чтобы после того, как кончится эта страшная война, можно было добиться, чтобы фабрики производили кожаные изделия и сами бы выделяли меха. Такая огромная страна, и зависит от других» (2.IX.1915; № 110, I, 189).

Читатель, вероятно, еще более удивится, ознакомившись с мыслями Императрицы по еврейскому вопросу.

«...Позаботься, чтобы еврейские истории, были внимательно выяснены без излишних скандалов, чтобы не вызывать смут в этой области» (4.VI.1915; № 73, I, 108)*.

«Посылаю Тебе прошение одного из раненых... Он еврей, живет уже десять лет в Америке. Он был ранен и потерял левую руку в Карпатах. Рана хорошо зажила, но нравственно он страшно страдает, так как в августе он должен выписаться и теряет право жить в столицах или других больших городах. Он живет в городе только в силу специального разрешения, которое дал ему один из предшествующих министров внутренних дел, на один год. И он мог бы найти работу в большом городе. Он прекрасно знает английский язык.... и он человек, получивший, так сказать, хорошее воспитание. Десять лет тому назад он уехал в Америку, чтобы найти возможность стать полезным членом общества в полном объеме своих способностей, так как здесь это трудно для еврея, который всегда стеснен законодательными ограничениями. Хотя он был в Америке, он никогда не забывал Россию и очень страдал тоскою по родине. И как только началась война, он прилетел сюда, чтобы вступить в ряды солдат и защищать свою родину. Теперь он потерял руку, служа в нашей армии, и получил Георгиевскую медаль; он может остаться здесь и получить право жить повсюду, где ему захочется жить в России, — право которым евреи не обладают. Как *только его уволят из армии*, как увечного, он оказывается в таком же положении, как раньше, и ему не помогут его поспешное возвращение домой — на войну и потеря руки. Ты понимаешь, как это горько, Я это вполне сознаю; — в самом деле, такой человек должен был бы быть в том же положении, как всякий другой солдат, получивший такую рану. Он не был обязан сейчас же прилететь сюда. Хотя он еврей, хотелось бы, чтобы с ним поступили справедливо и не иначе, чем с другими, которые также изувечены... не следовало бы возбуждать в нем горькие чувства и давать ему чувствовать жестокость своей старой родины. Мне кажется, что всегда следовало бы делать

---

* В газетах сообщалось о выселении евреев из прифронтовых губерний. Через несколько дней сообщено было о приостановлении выселений. — Прим. редакции «Писем».

выбор между хорошими и дурными евреями и не быть одинаково суровым по отношению ко всем, — по-Моему это так жестоко» (2.IX.1915; № 110, I, 189).

Вообще всякие излишние стеснения возмущают Императрицу; вот что Она пишет о военнопленных:

«...И когда окончится эта безобразная война и смягчится ненависть, Мне хотелось бы, чтобы говорили, что мы поступали благородно. Ужас быть в плену уже достаточен для офицера, они не забудут жестокостей или унижения, — пусть они унесут с собою воспоминания о христианском обращении и благородстве» (7.IX.1915; № 115, I, 206).

Возмущает Ее и безцеремонное обращение с населением:

«...Потом очень много женщин было отведено для работ возле озер, но им не сказано, на какой срок, так что у них не было времени захватить теплую одежду. Они получили суточные деньги на дорогу, 30 копеек, а дорога продолжалась пять дней — разве губернаторы сошли с ума. Здесь *никогда* нет порядка, это приводит Меня в отчаяние — *этот урок* мы должны были бы выучить у немцев. — Мне хочется всюду совать Свой нос, чтобы будить людей, наводить всюду порядок и объединить все силы...» (9.IX.1915; № 117, I, 217).

Не менее интересно суждение Императрицы по следующему вопросу:

«...Говорят, Синод издал указ, что не должно быть Рождественских елок. Я хочу выяснить, правда ли это и тогда подыму скандал. Это не их дело и не касается Церкви. Зачем же отнимать удовольствие у раненых и детей на том основании, что елка была первоначально перенята из Германии! Эта узость взглядов прямо чудовищна!» (14.XII.1914; № 30, I, 51)*.

Можно было бы предположить, что Императрица интересуется только «злобами дня». — Это было бы только делом нервов, — нет, Она вдумчиво заглядывает в будущее — это уже дело ума.

---

* В заседании училищного совета при Св. Синоде было принято постановление об отмене ёлок, устраиваемых на Рождество в церковно-приходских школах, ввиду того, что этот обычай воспринят у немцев. — *Примеч. редакции «Писем».*

«...Есть одна вещь, о которой Я этот раз забыла ему (Штюмеру) напомнить... это *очень* существенно, — уже *теперь* надо подобрать людей, которые изучили бы и выработали принципы для будущего конгресса, когда война кончится; они уже теперь должны основательно подготовить и обдумать все это, пожалуйста, переговоры об этом, это так *настоятельно*» (20.VI.1916; № 293, II, 124).

Подыскание преемника Сазонову тревожит Императрицу; предчувствует Она и коварство Англии.

«...Мне бы хотелось, чтобы Ты придумал хорошего преемника для Сазонова. Это не должен быть непременно дипломат. Так чтобы он мог теперь же взяться за дело и принять меры для того, чтобы позже на нас не наслала Англия, чтобы мы были тверды, когда поставлен будет вопрос о конечном мире... Ради Бэби (Наследника) мы должны быть тверды, так как иначе Он получит страшное наследство» (17.III.1916; № 232, II, 53).

О тех же мыслях, пришедших Распутину, Она спешит сообщить Своему Супругу:

«...Наш Друг, который говорит, что для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он бы наделал России вреда, и что не жалко, что с ним погибли документы. Видишь ли он всегда боялся роли Англии после окончания войны, когда начнутся мирные переговоры» (5.VI.1916; № 278, II, 109).

Озабочиваясь приисканием преемника Сазонову, Она понимает всё несоответствие для этой роли Штюмера.

«...Он (Распутин) сказал Штюмеру, что он не должен был принять назначение министром иностранных дел, что это его погубит — немецкое имя и станут говорить, что это всё Я делаю» (10.XI.1916; № 389, II, 237).

Общие взгляды на политику Императрицы не лишены реального значения:

«...Ах, провались они, все эти Балканские государства. Россия всегда была для них вселюбящей, помогающей матерью, а потом они предательски отворачиваются и ведут против нее войну» (1.XI.1915; № 145, I, 283).

И опять:

«...Я предвижу страшные осложнения, когда кончится война и придется разрешить вопрос о балканских государствах; — тогда Я боюсь, что эгоистическая политика

Англии резко столкнется с нашей, — только тогда надо все хорошенько заранее подготовить, чтобы не иметь неприятных сюрпризов. Теперь, пока у них большие затруднения, их надо забрать в руки» (2.XI.1915; № 146, I, 287).

Особенно знаменательны взгляды Государыни на польский вопрос:

«...Только... пожалуйста, умоляю Тебя не спешить с польским вопросом, — не давай другим толкать Себя на то, чтобы сделать это прежде, чем мы перейдем границу; — Я вполне доверяю мудрости Нашего Друга, который владеет Божьим даром — давать советы полезные для Тебя и для нашей страны. Он умеет всматриваться в далекое будущее, а потому можно положиться на его суждение...» (4.IX.1916; № 340, II, 168).

«...Я читала то, что говорят немецкие газеты по польскому вопросу и как они недовольны, что Вильгельм это сделал*; не спрашивая мнения страны, и они чувствуют, что это будет навсегда поводом для вражды между нашими двумя государствами и т. д.; другие смотрят на это, как на нечто совсем несерьезное и очень туманное — и Я думаю, что Вильгельм сделал громадную гаффу и очень за это пострадает. Поляки не станут повиноваться Германскому принцу и железному режиму под маскою свободы. Сколько благоразумных русских... благословляют Тебя за то, что Ты не послушался тех, которые просили Тебя дать Польше свободу, когда она нам больше не принадлежала, так что это было просто смешно — и они совершенно правы» (29.X.1916; № 375, II, 218).

Тревога о будущем захватывает Императрицу не только в делах внешней, но и внутренней политики:

«...Правительство должно смотреть вперед и готовиться к послевоенному времени... Когда кончится война, все эти тысячи людей, работающие на фабриках на армию, останутся без работы и, конечно, это будет недовольная масса, поэтому уже теперь обо всем этом надо подумать, все места, фабрики должны быть переписаны, количество

---

* 23 октября германский генерал-губернатор в Варшаве Безелер и австрийский в Люблине — Кук, опубликовали воззвание к польскому народу об образовании Польского государства с наследственным монархическим управлением. — *Примеч. редакции «Писем».*

рабочих рук и т. д. и должно быть решено, что им дадут делать, чтобы они не остались на улице, — и это возьмет много времени для подготовки и всестороннего обдумывания, и имеет огромную важность; все это, конечно, абсолютно верно. Потом будет так много недовольного элемента; теперь у них есть деньги, потом войска вернутся в деревню, многие больные и увечные; многие, которых теперь поддерживают их патриотизм и дух, тогда падут духом и будут недовольны, и будут дурно влиять на рабочих, поэтому надо о них подумать» (17.IX.1915; № 125, I, 244).

«...Ты знаешь, Мой комитет должен будет испросить у правительства крупные суммы для наших пленных, у нас никогда не будет достаточно денег и расходы, увы, дойдут до нескольких миллионов; это крайне необходимо, ибо иначе дурные элементы этим воспользуются и скажут, что мы о них не думаем, что они забыты, и их заразят разными гадостями, так как среди наших пленных, наверное, есть много испорченной красной дряни» (15.IX.1915; № 123, I, 236).

Предусматривала Императрица и политическое значение некоторых шагов Государя и предостерегала Его от возможных ошибок:

«...Слава Богу, Перемышль взят, поздравляю всех Моим любящим сердцем. Это так хорошо. Какая радость для наших любимых войск. Это продолжалось так долго и, по совести говоря, Я рада за бедный гарнизон и население, которое, наверное, почти умирало от голода. Теперь мы можем освободить несколько корпусов, чтобы перебросить их на более слабые места. Я так счастлива за Тебя» (9.III.1915; № 54 а, I, 83).

«...Он (Распутин) — (это довольно любопытно) сказал то же самое, что Я, что в общем это ему не нравится*. *Господь пронесет, но безвременно (слишком рано) теперь ехать, никого не заметить, народа Своего не увидать, конечно, интересно, но лучше после войны*» (7.IX.1915; № 59, I, 90).

«...Он (Распутин) знает, что он говорит, когда он говорит так серьезно. Он был очень против Твоей поездки в

---

* Речь идет о поездке в Львов и Перемышль.

Львов и Перемышль — она была преждевременна, теперь мы это видим» (12.IV.1915; № 84, II, 123).

«...Дай Бог, чтобы мы и оттуда (Ровно) не должны были бы уйти. Что мы должны были оставить этот город (Львов) — тяжело, но все же он еще не был вполне нашим. Однако, грустно, что он попал в другие руки. Теперь Вильгельм, наверное, спит в кровати старого Франца Иосифа, на которой Ты одну ночь проспал. Мне это не нравится, это унижительно, но это еще можно перенести. Но подумать, что придется еще раз дать такое же сражение, и поля будут усеяны трупами наших храбрых солдат, — это разрывает сердце» (12.VI.1915; № 84, II, 123).

«...Поезжай, принеси им (войскам) радость Твоего присутствия — не говори, что Ты приносишь несчастье. В Львове и Перемышле это случилось потому, что Наш Друг знал и говорил Тебе, что слишком рано это делать» (24.VI.1915; № 95, I, 151).

Но наиболее важным вопросом, сыгравшим решающую роль в судьбах России, Царя и Династии, несомненно, следует признать отношение Императрицы к Самодержавным правам Ее Царственного Супруга.

Из ряда писем видно, что Императрица ревниво оберегала начала Царского Самодержавия. Нет надобности на страницах «Русской летописи» защищать эти начала, но нельзя не отметить, что из всех современников последнего Русского Венценосца Она наиболее пламенно им служила, и не потому ли Она и была так ненавистна и оклеветана? Так, во всяком случае, думала Она и в этом убеждении Ее поддерживали:

«...Бобринский⁴¹⁴ был рад Меня увидеть и говорил, что Меня потому ненавидят, что чувствуют (левая клика), что Я стою за Твое дело, за Бэби и Россию» (20.IX.1916; № 255, II, 187).

«...Никогда не забывай, что Ты есть и должен оставаться Самодержавным Императором. Мы не подготовлены к конституционному правлению» (17.VI.1915; № 89, I, 138).

«...Слава Богу, наш Император-Самодержец и должен крепко держаться этого, как Ты и делаешь. Только Ты должен высказать больше силы и решимости» (17.IX.1915; № 115, I, 213).

Везде и всегда Она призывает Своего Державного Супруга к твердости и проявлению Своей воли:

«...Как им всем нужно почувствовать *железную волю и руку*; – до сих пор Твое Царствование было Царствованием мягкости, а теперь оно должно быть Царствованием власти и твердости; – Ты Повелитель и Хозяин России, и Всемогущий Господь Тебя там поставил, и они должны преклониться перед Твоею *мудростью и твердостью*. Довольно доброты, раз они недостойны и думали, что могут обернуть Тебя вокруг пальца» (9.IX.1915; № 117, I, 213).

«Ты слишком добр, будь тверже, и когда Ты наказываешь, то не прощай тотчас и не давай хороших назначений; – Тебя не боятся достаточно – покажи Свою власть; они пользуются Твоей чудесной добротой и мягкостью» (28.I.1916; № 200, II, 2).

«...Уволил ли, в конце концов, Куропаткин Бонч-Бруевича?, если нет – заставь его поторопиться. Будь тверже и авторитетнее, душа Моя, покажи кулак, когда это необходимо. Как сказал старик Горемыкин в последний раз, когда был у Меня: “Государь должен быть тверже, надо чувствовать Его силу”, и это правда. Твоя ангельская доброта, всепрощение и терпение всем известны и этим пользуются» (8.III.1916; № 223, II, 36).

И хочет Она подлинного Самодержавия Царя, а не самодержавия министров:

«...И все эти министры, которые между собою ссорятся, тогда как все должны были бы в такое время дружно работать и забывать свои личные обиды, – иметь целью благо своего Царя и народа; – это приводит Меня в бешенство. Попросту говоря, это предательство, потому что народ об этом знает, народ чувствует, что в правительстве раздоры, и левые этим пользуются. Если бы только Ты мог бы быть строгим, Мой дорогой, это необходимо. Они должны *слышать* Твой голос и видеть неудовольствие в Твоих глазах. Они слишком привыкли к Твоей мягкой, всепрощающей доброте. Иногда даже тихо сказанное слово далеко доходит, но в такое время, как мы сейчас переживаем, необходимо, чтобы слышался Твой голос, громко звучащий протестом и упреком, когда они продолжают не повиноваться Твоим приказаниям, когда они медлят в их исполнении... Ты должен просто приказать,

чтобы то или другое было выполнено, не спрашивая возможно ли это (Ты ведь никогда не потребуешь ничего нелепого или безумного)» (10.VI.1915; № 81, I, 117).

Какие выводы, однако, вытекают из всех приведенных выписок из писем Императрицы? Была ли Она права или нет во всех Своих взглядах на людей и обстоятельства? Ответ, во всяком случае, вытекает односторонний, так как я исключительно приводил лишь то, в чем, по моему мнению, Она была права, главным образом как человек, а не как государственный деятель. Если в последнем определении есть некоторое преувеличение в субъективном смысле, то его нет в объективном. На поставленный же вопрос, была ли Она права, как человек, я отвечу с полной определенностью и с непоколебимым убеждением — да, была права.

Права Она была не только в том, что я выписал из Ее писем, но и во многом другом, что кажется нам неправильным. Поясню свою мысль. Идеи Ее почти всегда были верны, но часто не отвечали ни времени, ни обстановке, почему были неприменимы на практике. Какая же ценность таким идеям? — спросят меня. И я отвечу на это: практическая применимость не всегда правильный критерий для оценки справедливости идеи. Когда неприменимые на практике идеи овладевают правителями, последние чаще всего сами делаются их жертвами; когда же Правители ими — идеями — безудержно жертвуют, то докатываются до самого презренного оппортунизма. К числу оппортунистов Императрица несомненно не принадлежала. Она имела Свои идеи или воспринимала их от других — правильны они были или нет, дело суждения каждого — и проводила их со страстностью и упорством. При нормальных условиях идеи тянут в одну сторону, а утилитарные побуждения в другую, а общественная жизнь проходит по равнодействующей. У Императрицы были Свои идеи, неприложимые, быть может, в действительности, у оппозиции — другие, как оказалось столь же неприложимые. Увы, жизнь шла не нормальным порядком, а революционным беспорядком. Равнодействующая не слагалась в прямую, а напоминала изломанную линию на графике, изображающем температуру тифозного больного. Вечером 41°, утром — 35°. Больной не выдержал таких колебаний. Ломанная линия унесла Императрицу за пределы графика в высь, к Престолу Всевышнего, а оп-

позицию, а за нею и несчастную Россию, тоже за пределы графика, в бездну большевицкого ада.

Лютеранская принцесса по рождению, Императрица восприняла Православие с глубиною совершенно исключительною для нашего времени. В этом отношении Свой долг Супруги Православного Монарха Она исполнила. Монархическую идею, в Самодержавном ее понимании, Она приняла всем Своим существом; правильна ли эта идея или нет, дело личного мнения каждого, но эту идею Она приняла, как веление Божие со дня Священного Коронования и пронесла ее через все испытания, борясь и страдая до последнего дня Своей земной жизни, увенчанной мученической кончиною.

Мужа и Детей Своих Она любила выше-умно и отдавала им всю Себя.

Россию, простой народ, солдат возлюбила всем сердцем. Новую Свою Родину стремилась изучить и принести ей посильную пользу.

Врагов Своего народа ненавидела, солдату служила, как простая сестра милосердия.

Друзей Своих любила настойчиво и неизменно.

Когда девятый вал накатился на Монархию, Она не пряталась, а приняла удар полною грудью. Что еще можно требовать от человека?

Была ли Она права, как государственный человек? Коснусь этого вопроса только условно; для исчерпывающего его рассмотрения еще не наступило время. Понимала ли Она действительно нужды России, правильно ли Она оценивала людей, влияя Своими взглядами на Своего Державного Супруга?

Уступая веяниям времени, — допустим даже, что была не права. Но были ли правы другие Ее современники? Было ли право высшее русское общество, не поддерживавшее Монархии в самый критический момент ее существования и принявшее переворот с хладнокровием, граничащим с предательством; была ли права интеллигенция, использовавшая затруднения власти, чтобы совершить государственный переворот в период тяжчайшей мировой войны; было ли право высшее командование армии, пожертвовавшее Государем? Если этот образ действий названных элементов населения имел

основанием только непонимание России и ее народа, то насколько это непонимание с их стороны было более удивительным, чем со стороны иностранки по рождению, жившей в обстановке гораздо более неблагоприятной для познания Своей новой Родины.

Лучше ли понял Россию Колчак, опиравшийся на социалистов, Деникин — на кадет и Юденич — на какое-то уже совершенно несуразное *mixtum compositum** ?

А люди? — Пусть Ее ставленники были плохи, но лучше ли были ставленники Ее противников? Раев был ничтожеством — но ведь Львов — сумасшедший и негодяй; Беляев, во всяком случае, не Поливанов, подписавший «права солдата»; чем Штюрмер и князь Голицин хуже князя Львова?.. Протопопов же не принадлежал Ей, а общественности...

Да, повторю я, во многом была права Императрица, и история скажет это в свое время, но гораздо раньше сотворится легенда о Ней, и я убежден, что она творится уже в недрах народной души...

Целые века Орлеанская Дева была для многих колдуньей, а потом в глазах образованных людей стала простою истеричкой. Теперь светские люди ставят ей памятники, а религиозные ее канонизируют. Памятников Императрице Александре Феодоровне ставить не будут — Она никого не победила; беспристрастная история только отведет Ей достойное место, но народная душа забудет все дурное, что о Ней говорилось и сохранит о Ней память, как об образе величайшей христианской любви, смирения и самоотвержения, завершенном мученической кончиною, озаренной необычайным величием смирения и веры и если не мы, то во всяком случае наши дети и внуки еще услышат канон:

Царица Александра, моли Бога о нас!

Меня, быть может, упрекнут в предвзятости, так как мое изображение Императрицы слишком расходится с тем представлением, которое составилось о Ней в широких слоях общества. Повторяю, я здесь привел лишь то, что мог сказать в Ее пользу. Я не виноват в том, что это заняло столько страниц. Обвинителей много, защитников ма-

---

* Смешанный состав (лат.)

ло. Мое дело — одна чаша весов, и не моя задача отягощать другую.

Однако, в подтверждение того, что я не так уже неправ, приведу свидетельство двух иностранцев, далеко к Императрице не благоволивших. Вот, что пишет о Ней бывший французский посол при Русском Дворе Морис Палеолог*:

«Ее идея спасения России путем возвращения к теократическому абсолютизму — безумие, но гордое упорство, которое Она в осуществлении этой идеи проявляет, не лишено величия... Когда Она предстанет в “грозную долину Иосафата”, Она в состоянии будет предъявить не только безукоризненную прямогу Своих намерений, но и полное соответствие Своих поступков с Божественным правом, на котором основано Русское Самодержавие».

Английский посол сэр Бьюкенен идет еще дальше, оценивая Ее не только как человека, но и как государственно-го деятеля:

«...Образ действий Императрицы был вдохновлен самими благородными побуждениями — любовью к Мужу и к второй Родине, которая Ее удочерила...»

«...Она (Императрица) полагала — и развернувшиеся впоследствии события показали, что Она не вполне была права, — что *Самодержавие принципиально было единственным образом правления, способным охранить существование** России****».

Для полноты моего исследования хочу привести здесь еще несколько строк из писем Императрицы к А. А. Вырубовой, из тобольского заключения. Хотя письма эти и напечатаны целиком в книге IV «Русской летописи», но мне кажется, что несколько выдержек из них, приведенных в систематический порядок, наиболее ярко охарактеризуют Императрицу.

Как относится Александра Феодоровна к России, предавшей Ее?

До Тобольска дошли слухи о Брестском мире.

---

* *Paleologue M. La Russie de Tsars pendant la grande guerre // Revue des Deux Mondes. 1922. 1 Mars. P. 177.*

** «Cohesion» — буквально «сцепление», «связь» [единство, целостность].

*** *Sir George Buchanan. Mon embassy en Russie // La Revue de Paris. 1923. 1 Juillet. P. 68-69.*

«О Боже, спаси Россию! Это крик души и днем и ночью — все в этом для Меня — только не этот постыдный, ужасный мир!» (10.XII.1917; № 8).

«...Бедная родина, измучили внутри, а немцы искалечили снаружи, отдали громадный кусок, как во времена Алексея Михайловича, и без боя во время революции. Если они будут делать порядок в стране, что может быть обиднее и унижительнее, чем быть обязанным врагу! Боже, спаси» (2/15 марта 1918; № 16).

«...Умилосердись над родиной многострадальной, Боже, как молюсь за ее спасение!» (5 февраля 1918; № 15).

«...Такой кошмар, что немцы должны спасти всех и порядок наводить. Что может быть хуже и более унижительно, чем это. Принимаем порядок из одной руки, пока другой они все отнимают. Боже, спаси и помоги России. Один позор и ужас! Богу угодно эти оскорбления России перенести; но вот это Меня убивает, что именно немцы — не в боях (что понятно), а во время революции, спокойно подвинулись вперед и взяли Батум и т. д. Совершенно нашу горячо любимую родину общипали... Не могу мириться, т. е. не могу без страшной боли в сердце это вспомнить. Только бы не больше унижения от них, только бы они поскорее ушли... Но Бог не оставит так. Он еще умудрит и спасет, помимо людей...» (3 марта 1918; № 17).

«...Боже, что немцы делают! Наводят порядок в городах, но все берут; — голод будет хуже, — весь хлеб в их руках. Когда говорят, что для пользы пришли, то это только лицемерие, и бывших солдат берут. Уголь, семена, все! Теперь они в Биорки. Турки в Батуме. Немцы в Полтавской губернии, близко от Курска. Как ползущий, все съедающий рак» (6/19 апреля 1918; № 21).

«...Какая Я стала старая, но чувствую Себя матерью этой страны и страдаю, как за Своего ребенка и люблю Мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из Моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает Мое сердце, — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!» (10 декабря 1917; № 8).

Несмотря на все претерпеваемые в Тобольске унижения и оскорбления, Она пишет:

«...Благодарю день и ночь за то... а главное (за то), что Мы еще в России (это главное)» (23 января 1918; № 14).

«...Живем хорошо...», – сообщает Она Своему другу в другом письме (9 декабря 1917; № 6).

И пишет это Императрица в то самое время, когда единственному Ее утешению – удовлетворению религиозных потребностей, не дают свободы...

«...Так хотелось бы приобщиться Св. Таин, но так неудобно все теперь, на все надо просить позволение...» (15 декабря 1917). И когда это Ей, очевидно не без долгих мытарств, удастся, Она восторженно пишет:

«...Господь Бог дал Нам неожиданную радость и утешение, допустив Нас приобщиться Св. Христовых Таин, для очищения грехов и жизни вечной. Светлое ликование и любовь наполняют душу» (14/26 марта 1918; № 19).

С каждым днем религиозное чувство Императрицы все поднимается и достигает необычайной христианской высоты.

«...Чем больше здесь страдания, тем ярче будет там на том светлом берегу, где так много дорогих Нас ждет» (21 октября 1917; № 3).

«...Все Мне так ясно и легко, и быть без воздуха и часто почти не сплю, тело Мне не мешает, сердце лучше, так как очень спокойно живу и без движений... Дух у всех Семи бодр. Господь так близок, чувствуешь Его поддержку, удивляешься часто, что переносишь вещи и разлуки, которые раньше убили бы. Мирно на душе, хотя страдаешь сильно, сильно за родину и за тебя, но знаешь, что, в конце концов, все к лучшему» (9 декабря 1917; № 5).

«Теперь Я все иначе понимаю и чувствую – душа так мирна, все переношу, всех Своих дорогих Богу отдала и Святой Божией Матери» (9 января 1918; № 10).

«...Господь помощник Мой и защита Моя. На Него уповает сердце Мое и поможет Мне» (16 января 1918; № 11).

«...Вера крепка, дух бодр. Чувствую близость Бога» (5 февраля 1918; № 16).

«...Жизнь – суета, все готовимся в Царство Небесное, тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может... Вся жизнь борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, попущены все к лучшему; везде видишь Его руку. Делают люди тебе зло, а ты принимай без ропота: Он и по-

шлет ангела хранителя, утешителя Своего... Господи, помоги тем, кто не вмещает любви Божией в ожесточенных сердцах, которые видят только все плохое и не стараются понять, что пройдет все это; не может быть иначе. Спаситель пришел, показал нам пример. Кто по Его пути, следом любви и страдания идет, понимает все величие Царства Небесного» (2/15 марта 1918; № 16).

«...Приготовимся к встрече Небесного Жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас; как Он нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он; Невинный, Безгрешный вольно страдал!» (13/26 марта 1918, № 19).

Я кончаю.

«...Промысл Божий недостижим человеческому уму. Да осенит нас Премудрость, да войдет и воцарится в душах наших и да научимся через нее понимать, хотя говорим на разных языках, но одним Духом. Дух свободен. Господь ему хозяин; душа так полна, так живо трепещет от близости Бога, Который невидимо окружает Своим Присутствием. Как будто все святые угодники Божии особенно близки, и незримо готовят душу к встрече Спасителя Мира. Жених грядет, подготовимся Его встретить: отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты в мире. Откроем двери души для принятия Жениха. Попросим помощи у Святых Угодников, не в силах мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему на встречу. Он за нас грешных страдает, принесем Ему нашу любовь, веру, надежду, души наши. Упадём ниц перед Его Пречистым Образом; поклонимся Ему и попросим за нас и за весь мир прощение, за тех, кто забывает молиться, и за всех. Да услышит и помилует. И да согреем мы Его нашей любовью и доверием. Облекшись в белые ризы, побегим Ему навстречу, радостно откроем наши души. Грядет Он, Царь Славы, поклонимся Его кресту, и понесем с Ним тяжесть креста. Не чувствуешь ли Его помощь поддержки несения твоего креста. Невидимо Его рука поддерживает твой крест, на все у Него силы хватает; наши кресты только тень Его креста. Он воскреснет скоро, скоро и соберет Своих вокруг Себя, и спасет ро-

дину, ярким солнцем озарит ее. Он щедр и милостив. Как тебе дать почувствовать, чем озарена душа Моя? Непонятной, необъяснимой радостью – объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь. Душа Моя и дух Богу принадлежат. Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала после причастия или у св. икон. Как Тебя, Боже, благодарить! Я не достойна такой милости. О Боже, помоги Мне не потерять, что Ты даешь. Душа ликует, чувствует приближение Жениха: грядет Он, скоро будет Его славить и петь Христос Воскресе!» (20 марта 1918; № 20).

И, действительно, Божественный Жених приближался уже к Царственной Страдалице, чтобы воспринять Ее в Свое лоно.

Так страдали, чувствовали и говорили христианские мученицы, готовясь выйти на арену Колизея.

Российские тираны уже готовили казнь, но у них не хватило даже мужества Нерона вынести Ее на арену, и Она совершилась при тусклом свете фонаря в смрадной обстановке Екатеринбургского застенка...

Царица Александра, моли Бога о нас!

Петр СТРЕМОУХОВ

Париж

Июнь-июль 1923.

Настоящий мой очерк был написан в июне-июле минувшего года и сдан в редакцию «Русской летописи» в начале августа. 24 минувшего декабря в издающейся в Париже «Русской газете» помещена статья А. Куприна под заглавием «Дневники и письма», тоже трактующая о письмах Императрицы. Ни г. Куприн, с которым я не имею чести быть знакомым, очевидно не знал ничего о готовящейся к печати моей статье, ни я о том, что он затронет ту же тему. А между тем мысли наши во всем совпали. Привожу ниже выписки из его статьи, некоторые фразы курсивом, так как они почти тождественны с моими. Замечательно то, что мы оба, не сговорившись, заканчиваем наши статьи образом Христианских мучеников, образом, который талантливый писатель облекает, конечно, в более красивую форму, нежели я.

Какое заключение следует из этого сделать? А только то, что лица, хотя бы о многом различно думающие, добросовестно и вдумчиво отнесишься к письмам Императрицы Александры Феодоровны, не могут не прийти к тем выводам, к которым пришел я.

Хотя медленно, но верными шагами, историческая правда делает свое дело и отводит Царице-Мученице Ее место.

Если Императрицу оклеветали, то то же сделали и с Государем. Здесь клевета носила менее острый характер, она была как-то тягучее, безцветнее в своей беспощадности. В Нее бросали видимые отравленные стрелы, Его окружали невидимым ядовитым газом. Обязанность истории их рассеять... Был бы счастлив, если бы обстоятельства позволили мне в это внести и свою лепту. [...]*

П. С.

---

* Далее автор приводил отрывок из статьи А. И. Куприна, которую мы полностью публикуем в нашем сборнике. — С. Ф.

Не знаю, да и не хочу знать, каким путем были украдены (другого глагола нет) письма Государыни Александры Феодоровны к Императору Николаю II, где их переписывали, на каких условиях их продали за границу и кто их печатал. Знаю только, что это было темное и подлое дело, но совсем ему не удивляюсь. Да и чему нам теперь осталось удивляться, если мы знаем, что благодетели рода человеческого – большевики – способны торговать не только чужими письмами, но даже чужими золотыми зубными коронками? Артисты из чека давно взяли себе за правило удалять у своих клиентов искусственные челюсти: все равно – до операции или после. Переплавленное в слитки, вместе с церковными потирами, золото ничем не пахнет, и его охотно принимают за границей, как оплату низменных услуг.

Едва только вышли из типографского станка письма Государыни, как о них шумно загалдела толпа. Многие ждали ужасающих, компрометатных [sic!] разоблачений. Другие радостно потирали руки: «Понимаете, самые интимные семейные подробности! Говорят весьма пикантная книга». Третьи лицемерно покачивали головами: «Ведь это же безобразие так вторгаться в личную семейную жизнь, хотя бы даже и Царскую, удовлетворяя нездоровому любопытству толпы!» И тут же прибавляли: «А кстати, прошу не забыть: когда окончите читать книжку, так моя первая очередь».

Вот почему с тяжелым сердцем я раскрыл эту книгу. Ведь, не все ли равно – думал я, в каком виде прочитать письмо, написанное почти вчера ушедшим чужим человеком на почтовой ли бумаге от руки, чернилами, или отпечатанное в типографии. Дело от этого не меняется, а читать чужие письма гнусно.

Все мы не ангелы и не праведники. Все мы наделали в жизни много ошибок, неприятностей и глупостей. И всем нам, вероятно, приходится ежиться от стыда в одинокие часы, когда воспоминание разворачивает перед нами свой длинный свиток... Полагаю, что промахов я наделал больше, чем все мои знакомые взятые вместе. Но в одном, только в одном не признаю себя грешным: никогда доселе не читал чужих писем. Думаю, что моя безкорыстная любовь к человеческому слову тому причина.

Та и я не решился прочитать письма покойной Государыни, если бы не авторитетное мнение моего старого друга профессора М. И. Р., замечательного русского ученого⁴¹⁵.

«Тому, кто не заражен праздным любопытством, — сказал он, — а ищет только правды, тому надо прочитать эти письма. Да, в них есть много суетного, мелочного, женского и временного, но есть и польза. Сколько комьев умышленной и невинной лжи отпадает от чистого имени Императрицы, когда читаешь Ее письма. Здесь, — увидите, — сказала старая русская поговорка: “нет худа без добра”».

Он был прав, этот мудрый человек, умеющий воскресить в наши дни бытие отдаленных времен и народов. Письма Государыни, если вчитаться в них пристально, обращаются не в хулу Ее имени, а в подвиг. И все-таки у меня отдельное мнение.

Как бы под двумя враждующими созвездиями протекает Ее жизнь. С одной стороны, теоретический ум, теоретическая душа, теоретический характер. С другой — полное, абсолютное, баснословное одиночество, на которое была осуждена вся Царская Семья.

Вышла замуж Государыня по нежной и до гроба верной любви. Это большое счастье, которое равняет венценосцев с обычными смертными. Дай Бог нам и нашим сыновьям быть любимыми хоть в сотую долю того, как любила Императрица Своего Мужа. Напрасно искать в Ее письмах утешительных интимных подробностей. Нет их. «Перекрестила Твою подушку». «Поцеловала Твое изголовье, где покоилась Твоя милая голова». И потрясающая подпись: «Твоя старая Аликс». Это пишет женщина в 35 лет!!

Но недаром Государыня была доктором философии Геттингентского* (кажется?) университета и недаром выросла в узком ярме послушности долгу. Теоретически Ей нужен был Наследник Престола. Теоретически Она стала крайней абсолютисткой. Теоретически Она — принцесса маленького немецкого княжества — стала православной более чем все архиправославные. Теоретически Она ревновала за Супруга ко всякой власти и к каждому влиянию... Но неосмотрительно было бы осуждать людей теории. Такие теоретики некогда шли безбоязненно на костры и с пением псалмов принимали радостно-мучительную смерть от звериных костей и зубов. И последние земные дни Государыни свидетельствуют о том, каким величием духа было озарено Ее уже немощное тело.

Глубокое несчастье Царской Четы заключалось в том, что у Них не было ни мужей совета, ни умных друзей, ни осторожных руководителей. Была пустыня. Было жестокое одиночество. Единственный крупный человек — лукавый Витте промелькнул на фоне Царствования Николая II, но не понял душу кроткого Царя и принес вред Ему и России. Этот умный человек всегда нуждался в хлысте, и только хлыст и чтит. Веровать он ни во что не веровал. Перед мощью Александра III он с готовностью извивался и дрожал.

А остальные? Боже мой, да стоит ли перечислять поименно всю эту плеяду неудачников, льстецов, хвастунов, побирушек, кумовьев, растратчиков, торгашей и трусов!

И вот мы видим, как Государыня мечется душой, волею и мыслию в этом заколдованном кругу, таком скользком, что руками зацепиться не за что. Имена сменяют имена, назначения на высокие посты следуют за назначениями. Люди сменяются как пешки, но дело от этого не выигрывает. Обостренная религиозность прибегает к лже-монахам и лже-пророкам. Какой-то страшный кризис нарастает. Тыл развален, солдаты устали, кадровое офицерство перебито, немецко-большевицкая пропаганда ползет по окопам, отравляя их. Вся Россия, точно захваченная водоворотом, несется, стремительно крутясь, куда-то вниз, к гибели и безславию...

---

* Оксфордского. — С. Ф.

И вот, наконец, дезертирско-матросский бунт, более известный под именем великой русской революции, отречение Монарха, арест в Царскосельском дворце, ссылка в Сибирь, страшная смерть... Но в эти-то при-скорбные, жуткие дни и месяцы мы и видим из немно-гих писем Государыни, какими прекрасными пред-смертными белыми цветами вдруг расцветает Ее чело-веческая, женская, материнская душа. Каким глубоким, тихим христианским светом светит из Ее последних писем к Вырубовой.

С волнением читаем те из них, которые относятся к то-му времени, когда большевики намеревались соблазном свободы, понудить Государя подписать Брестский дого-вор. Очевидно, почва для этого гадкого дела подготовля-лась давно: Государыню задолго томит ожидание часа, когда придут уговаривать и обещать. И без слез нельзя читать Ее страстной мольбы: только бы устоять перед соблазном, только бы не дрогнуть духом, только бы со-хранить сердце чистое и крепкое. И тут уже Она не быв-шая немецкая принцесса, не доктор философии, не во-инственная и деспотическая политиканка, а русская женщина и Русская Царица в трагическом и героическом простом освещении.

Искушение преодолено волей, долгом, честью и молит-вой. Но неизбежная, наглая смерть подходит все ближе и ближе. Ее страшное холодное дыхание слышится во всех последних письмах. Государь и Государыня давно уже предчувствуют ее. Но мы не чувствуем в словах Государы-ни ни робости, ни тревоги. Только готовность встретить кончину безропотно, только христианское прощение вра-гам, только благословение заблудшей России; и молитва о ее выздоровлении.

Большевики часто меняли отряды, обслуживавшие охра-ну Семьи: их самих пугало терпение, тишина, кротость и ясное предсмертное, умиленное горение, окружавшее об-реченных... И вот приходила в караул новая часть зверо-подобных, науськанных, распущенных солдат. В первые дни они грубо, по-хамски распоряжались в Царских поко-ях, лезли во все комнаты, делали ненужные обыски, бра-нились, безстыдствовали. Но проходит день, другой, тре-тий (об этом пишет Сама Государыня)... и вот пример

молчаливо-покорного страдания начинает растоплять кору на отвердевших обомшелых сердцах. Шапки снимаются в комнатах; исчезает мерзкая ругань. Где-то за дверями часовой с ружьем расплакался при проходе Государя, расплакался горькими слезами апостола Петра. Какие-то солдаты суют потихоньку хлеб и еще что-то...

Так, по преданиям Св. Церкви, некогда на языческих аренах львы и тигры, вместо того, чтобы терзать свои беззащитные жертвы, ложились у ног христианских женщин и детей.

О, русский народ!

А. КУПРИН

СЛУХИ О СЕПАРАТНОМ МИРЕ

В октябре 1916 года меня внезапно вызвали в Россию. Я абсолютно не знал причин поездки, навязанной в разгар работы, которая приостанавливала начатые операции. Долг офицера — повиноваться. Поэтому я выехал из Парижа солнечным осенним днем. [...]

На финской границе мне вручили телеграмму: «Полковнику Игнатьеву предлагается немедленно явиться в Ставку в Могилев». [...]

Вот, наконец, и Петроград, который я оставил год назад. Как же изменилась наша столица! [...]

...Повсюду вполголоса произносили слово «перемены», не желая говорить «революция», которая пугала и которая еще больше омрачила бы и без того тяжелую, грозную и опасную атмосферу.

Это напоминало мне французскую историю, самые последние дни Людовика XVI. Как бы и у нас не наступил столь трагический конец!

Ходили слухи, что Царь собирается отречься от Престола, что Он не чувствует в Себе ни мужества, ни энергии, чтобы преодолеть имеющиеся серьезные трудности и проявить неsgiбамую волю. Говорили, что Наследником Престола будет Его Брат, Великий Князь Михаил, или, что Он, по крайней мере, станет регентом до достижения Цесаревичем совершеннолетия.

То, что меня особенно возмущало, так это гнусная клевета, которую повсюду распространяли об Императрице. Эта благородная женщина, прекрасная супруга и мать, являлась объектом неслыханного очернения. Ее упрекали в разрушительном влиянии на Государя, которое, как говорили, увеличивается с каждым днем. Ее обвиняли в том, что Она присутствует на всех заседаниях Совета министров, приписывали желание стать второй Екатериной Второй.

Ссылаясь на Ее германское происхождение, Императрицу обвиняли в слишком снисходительном отношении к раненым немцам, находящимся на излечении в госпитале Царского Села, и в том, что Она не проявляла такого же внимания русским раненым. Наконец, Ей приписывали намерение подписать сепаратный мир [...]

Спустя три дня я был в Могилеве и представился генерал-квартирмейстеру Пустовойтенко⁴¹⁶ в его скромном кабинете. [...]

...У себя я нашел записку начальника личной охраны Государя, генерала Воейкова, в которой говорилось, что Государь удостоил меня чести быть приглашенным на следующий день к обеду. [...]

На следующий день в небольшом скромном зале, похожем на провинциальный, собрались главы иностранных военных миссий, несколько генералов и высших офицеров, прибывших с фронта. Все были в полевой форме без наград. Государь, о прибытии Которого не объявлялось, появился также в военном мундире. Очень простой, сердечный, со слегка наклоненной головой, словно ее тяготили многочисленные заботы, Он пожал руку каждому приглашенному, сказав ему несколько любезных слов, и сел за стол. Обед проходил без всякой торжественности, без многочисленных смен блюд; он закончился очень быстро и походил на солдатский завтрак. [...]

После обеда, в ходе которого велась весьма непринужденная беседа на разнообразные темы, Император отвел меня в сторону и доверительно, тихо сказал:

— Полковник, генерал Алексеев сообщил мне о вашем назначении. Вы незамедлительно получите приказ посетить штабы всех фронтов, чтобы договориться с ними. После этого Я хочу вновь с вами встретиться. Сразу же известите генерала Воейкова о вашем возвращении.

Я вернулся из поездки в армию в конце октября. В ожидании обещанных инструкций я неоднократно приглашался за стол Его Величества [...]

Каждый раз, когда Государь видел меня, Он спрашивал, готов ли я выехать, и не забывал мне напомнить, что хочет переговорить со мной до отъезда. Однажды вечером, в конце октября 1916 года, после ужина, простившись с приглашенными, Он сказал мне:

— Не хотите ли проводить Меня в Мои апартаменты?

Я последовал за Государем в небольшой рабочий салон-кабинет, дверь которого он тщательно закрыл. Затем пригласил меня сесть, уселся Сам в кресло за письменным столом и начал разговор.

— Полковник, считайте, что имеете дело с одним из ваших генералов, с которым поддерживаете постоянные и дружеские отношения. Разговаривайте со Мной, как вы разговаривали бы с ними. Это облегчит дело, поскольку мы о многом должны переговорить и сделать обзор положения. Важность этого вы вскоре поймете. [...] Скажите мне, полковник, как вы организовали вашу разведслужбу во время пребывания во Франции?

Я назвал имена моих агентов-групповодов и перечислил их подвиги.

— Молодцы, — сделал вывод Император, — с ними вы делали и будете делать хорошую работу. Этот путь усеян многочисленными шипами, но Я знаю, что вы не отступите ни перед какими препятствиями. [...] Поговорим теперь на другую тему, которая сильно ранит Мое сердце. Что вы думаете о слухах, циркулирующих в Париже, Лондоне, а также в иностранной печати, согласно которым Я и Императрица якобы хотим заключить сепаратный мир?

— Действительно, Ваше Величество, я слышал об этом, не придавая большого значения слухам: мало ли какая ложь в ходу!

— Императрица очень задета подобными инсинуациями. Это гнусная клевета. Я позволяю повторить Мои слова всем, кто будет заговаривать с вами на эту тему.

Очень возбужденный, охваченный сильным и глубоким гневом, Император расхаживал по кабинету, чтобы успокоиться. Я также встал вместе с Ним, поскольку никто не имеет права сидеть, когда стоит Император.

— Садитесь, полковник, — милостиво разрешил Его Величество, — а Мне надо немного подвигаться.

Император долго ходил большими шагами по кабинету, куря папиросу за папиросой. Наконец, немного успокоившись, Он возобновил беседу:

— Прошу вас, полковник, по возвращении во Францию провести глубокое расследование, чтобы узнать источник

этих слухов. Используйте все ваши связи и не останавливайтесь перед расходами, чтобы добиться результата.

Император добавил несколько указаний политического и военного характера и отпустил меня, пожелав доброго пути.

Направляясь в ноябре⁴¹⁷ в Париж, я сделал остановку в Лондоне, где в то время находился один из моих лучших агентов, человек очень способный и редкого ума. Я приказал ему провести тщательное расследование истоков клеветы, которая возмущала Государя. Одновременно я поручил подобное задание агенту из высших лондонских кругов, который имел серьезные связи в политическом мире.

В Париже я рассказал об этом бывшему начальнику 2-го бюро полковнику Губз. Он возвратился и обещал хлопотать перед цензурой, чтобы была запрещена перепечатка статей из иностранных газет на эту тему.

Вместе с моими подчиненными я приступил к расследованию во всех политических и финансовых кругах. Нигде я не смог получить точных данных. Повсюду отвечали: «Кое-кто говорит», а этот неуловимый «кое-кто» в сто раз хуже, чем прямая клевета. Однако сведения, почерпнутые из французской печати, позволили мне обрести уверенность, что тенденциозные слухи исходят из Голландии и особенно из Швейцарии. В последней стране действовало двадцать моих агентов. Полученная информация выводила нас на два мощных германо-швейцарских печатных органа, однако предстояло установить, кто их инспирировал? Вопрос был естественным, поскольку столь серьезные газеты не могли бы придумать подобную гнусность. Разыскиваемый нами «инспириатор» должен был подкреплять достоверность факта.

Двум моим лучшим сотрудникам было поручено посетить лиц, связанных с этими газетами. После многочисленных попыток одному из них удалось подружиться с редактором одной из них, который позволил ему скрытно присутствовать при разговоре с неким германским дипломатическим представителем. Господин редактор очень ловко перевел разговор на интересующую нас тему и, чтобы вызвать немца на откровенность, сказал, что, вероятно, было бы тенденциозным и необоснованным говорить о достоверности слухов о сепаратном мире.

Дипломат, возбужденный столь коварным вопросом, высказал многочисленные доводы, подтверждающие эту сплетню, и попытался доказать необходимость убедить через прессу иностранное общественное мнение в достоверности слухов, дав понять, что их разглашение происходит из официального источника. Ясней и не скажешь, что этим официальным источником была Германия. Более того, редактор, который в целом не вникал в редактирование газеты, мог убедиться из беседы, что газета поддерживала тесные отношения с германским посольством.

С другой стороны, мои люди сообщили мне такие детали, что я пришел к единственному логическому заключению: все слухи о сепаратном мире, которые в октябре столь сильно возмутили Государя и которые пятнали честь России в глазах союзников и безчестили Россию и Императорскую Семью, исходили от Германского генштаба или Министерства иностранных дел. Поэтому я закончил свой доклад Государю высказыванием германского дипломата, которое слышал мой сотрудник:

«Нам не интересно знать, что Русский Император не хочет заключать сепаратный мир. Нам важно, чтобы верили этим слухам, которые ослабляют положение России и одновременно ее союзников. Вот то единственное, что нам нужно и чего мы ожидаем от вас».

Граф Павел ИГНАТЬЕВ

КЛЕВЕТА НА ИМПЕРАТРИЦУ

Весной этого [1968] года я получил письмо от старого офицера Л.-Гв. Преображенского полка, Владимира Владимировича Лыщинского-Троекурова⁴¹⁸, который просил меня к нему зайти. В. В. только что ознакомился с моей «Историей Русской Армии»⁴¹⁹ и хотел мне что-то рассказать.

После своего ранения, в 1916 г. он был откомандирован во Францию, в распоряжение русского военного агента в Париже, графа Игнатьева. Вот что он мне рассказал:

Когда точно – не помню, из России пришел секретный пакет на имя графа Игнатьева. В нем было личное приказание Государя произвести секретное расследование, дабы

установить, откуда идут клеветнические слухи о сношениях Императрицы с немцами и даже о Ее предательстве Родины. Государь Император предписывал дознание вести в полной тайне, не посвящая в него даже посольство.

Граф Игнатьев и Лыщинский-Троекуров немедленно и энергично приступили к исполнению Царского повеления. Через сеть русских агентов в Швейцарии и Германии, удалось установить, что все клеветнические, порочащие Императрицу слухи злонамеренно распространялись Германским Генеральным Штабом.

Был составлен подробный доклад и с сопровождающими его документами послан лично Государю Императору. В Париже же оставались копии всех документов, устанавливавших ответственность Германского Генерального Штаба. Хранились они в нескораемом шкафу графа Игнатьева.

Наступила революция, выход России из войны, развал...

Следовало сохранить для истории «дело о клевете на Императрицу». Решено было передать его на хранение во Французское Военное министерство, а именно в его исторический отдел. Министерство пошло навстречу желанию военного агента и приняло ценные бумаги.

После второй мировой войны Лыщинский-Троекуров наводил справки в Министерстве, но ему было отвечено, что документы там больше не находились. Были ли они изъяты немцами во время оккупации ими столицы Франции или пропали во время поспешной эвакуации архивов, установить не удалось.

Летом этого [1968] года В. В. Лыщинский-Троекуров скончался.

Считая, что рассказанное мне покойным В. В. представляет несомненный исторический интерес, я думаю, что необходимо рассказ этот зафиксировать на страницах печати.

Сергей АНДОЛЕНКО

В УЗАХ

М. Волошин

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

*Царское Село. Царь в Могилеве. Царица с больными Детьми.
Приехал Корнилов от Временного правительства с приказом
о домашнем аресте.
Злится, волнуется, бумага дрожит в руках. Она отвечает спокойно:
«Я рада, что с этим приказом посланы вы, генерал.
Ибо вы знаете лучше других, что значит лишение свободы».
<нрзб.> царственность, жест – совсем Мария-Антуанетта.
В тот же день беседа с глазу на глаз: «Уезжайте
Вместе с Детьми в Швецию». – «Граф, вы сами ненормальны,
О чем вы просите... Разве Я могу оставить Россию?
(Жест в окно на зимний пейзаж Царскосельского парка.)
Это значит потерять Свою родину. Я ее раз потеряла.
Этого нельзя пережить дважды в жизни».
Сложная тайна души несчастной Алисы Гессенской,
Последней Русской Царицы.*

*Из лютеранской семьи,
Страстно религиозной и честной. Принятие православия
Было надрывом, но принявши – поверила.
Душа стосковалась в голых стенах протестантского храма,
Поверила в святых, и в мощи, и в калек, в богаделок, в юродивых –
В весь древнерусский торжественный чин православный,
Как не верил никто со времен Царицы Марии Ильиничны.
Двор был в ссоре с дворянством. Ненавидел интеллект.
– «Мы с народом. И народ Нас понимает».*

АРЕСТ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ И АВГУСТЕЙШИХ ДЕТЕЙ ИХ ВЕЛИЧЕСТВ

В ночь, не помню точно на какое именно число марта 1917-го года, я вместе с другими офицерами Собственного Его Величества полка находился в Александровском дворце, в Царском Селе.

Между часом и двумя пополуночи наше внимание привлек необычный шум, происходивший в вестибюле, и вслед за тем нам сообщили, что приехал Военный министр и главнокомандующий с какой-то депутацией и что наружные часовые, стоявшие у подъезда, не хотели их пустить во Дворец.

Когда я вошел в освещенный вестибюль, то увидел в нем главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Корнилова, Военного министра Временного правительства Гучкова и группу приехавших с ними.

Корнилов и Гучков были с огромными красными бантами на груди, причем банты эти были с какими-то раструбами и широкими ниспадающими лентами. Такие же красные банты были и у их спутников.

Корнилов находился впереди этой группы, а Гучков все время держался несколько позади Корнилова, как бы подталкивая его.

Я вошел в вестибюль как раз в то время, когда Корнилов громким голосом и в грубой форме потребовал видеть «бывшую Царицу». Это были его подлинные слова.

На это ему сказали, что Ее Величество в столь поздний час вероятно уже почивает, и что все Дети больны. «Теперь не время спать, — ответил Корнилов, — разбудите Ее».

Тогда был послан к Государю, кажется, дежурный скороход или камердинер узнать, может ли Ее Величество принять депутацию.

Государыня приказала ответить, что примет депутацию в Собственной Ее Величества гостиной, так называемой «Липовой»*, куда и направились все приехавшие.

Я при этом приеме присутствовал.

Когда Корнилов, шедший впереди всей группы, вошел в гостиную, а Гучков приостановился на пороге, то как раз в эту минуту показалась из противоположной двери Императрица.

Она была пенюаре.

Твердой походкой направилась Она к Корнилову. Тот видимо смутился и остановился. Не двигался с места и Гучков.

Подойдя к Корнилову, и не подавая ему руки, Государыня спросила: «Что Вам нужно, генерал?»

На это Корнилов вытянулся и затем в крайне почтительном тоне, что резко противоречило всей его предшествующей манере держать себя, прерывающимся голосом сказал: «Ваше Императорское Величество... Вам неизвестно, что происходит в Петрограде и в Царском... мне очень тяжело и неприятно Вам докладывать... но для Вашей же безопасности я принужден Вас...», — и замаялся...

На это Государыня, перебив его, сказала: «Мне все очень хорошо известно. Вы пришли Меня арестовать?»

Тот смешался еще более и, наконец, пролепетал: «Так точно».

«Больше ничего?» — спросила его Императрица.

«Ничего», — сказал Корнилов.

Государыня, не подавая ему руки, повернулась и удалилась в Свои покои.

Повернулись и направились обратно к вестибюлю Гучков, Корнилов и все приехавшие с ними.

Сцена эта произвела на всех нас присутствовавших — офицеров, дворцовую прислугу и солдат (внутренних часовых и казаков Конвоя Его Величества) невыразимо тяжелое впечатление.

Константин КОЛОГРИВОВ

18 октября 1921 года.

(Сообщено А. Д. Нечволодовым.)

---

* В действительности «Кленовой». — С. Ф.

«КОГДА-НИБУДЬ ЭТО УЗНАЮТ ПО МОИМ МЕМУАРАМ...»

*Из письма генерал-майора К. Г. Маннергейма
26 июля 1939 г.*

[...] Вы знаете (может вам сие рассказывал лично), что мне привелось как величайшее счастье видеть Императрицу Александру Феодоровну в Царском Селе.

Этого никто не знает, мое же положение не позволяет мне об этом нигде говорить и когда-нибудь это узнают по моим мемуарам, которые выйдут или после моей смерти, или после того, как власть подлого хама [...] навсегда исчезнет из России.

Так вот я, как сейчас помню слова Ее Величества, обращенные ко мне:

«Я поняла и понимаю, барон, — сказала Она, — ненависть к Нам Гучкова, Керенского и других, но за что Нас так ненавидят такие люди, как генерал Корнилов, которого так обласкал Ники? Вы знаете, барон, Меня давно, и знаете, что Я Себя умею держать в руках, но в тот час, когда генерал Корнилов с красным бантом рядом с пожалованным ему Ники орденом Св. Георгия вошел ко Мне и сказал Мне: “Гражданка Александра Феодоровна Романова, встаньте и выслушайте повеление Временного правительства”, — у Меня потемнело в глазах».

И тут на глазах Императрицы появились слезы.

КОГДА ХОЗЯЕВА УШЛИ...

В течение ареста Царская Семья пользовалась лишь небольшим числом комнат Александровского Царскосельского дворца. После того, как Государь в ночь на 14 августа (н. ст.) [1917 г.] покинул с Своей Семьей Дворец, комнаты эти, по распоряжению А. Ф. Керенского, были опечатаны, как говорили, с целью сохранить в неизменном виде всю картину последних минут пребывания во Дворце последнего Императора.

Ко времени повествуемых событий кем-то Временному правительству был сделан донос, будто бы в одном из каминов Царскосельского дворца существует потайной ход, устроенный в предвидении революции, с целью дать воз-

можность Государю бежать. По словам доноса, этот подземный ход, начинаясь в камине, оканчивался далеко за пределами Царского Села.

Правда, Государь уже находился в Тобольске, но все же это так соблазнительно напоминало бегство 21 июня 1791 года Людовика XVI из Парижа по Аррагонской дороге на соединение с корпусом Булье⁴²⁰, что Временное правительство сочло нужным проверить полученные сведения. И это дело также было поручено судебному следователю Александрову, на которого в то время «все шишки валились». Вместе с ним в Царское Село выехали прокуроры судебных палат: Петроградской Н. С. Каринский и Московской А. Ф. Стааль.

Говорят, будто вещи настолько сживаются со своими хозяевами, что не только отражают на себе черты их характеров, но способны пропитываться их мыслями. Возможно, что последнее и не так, но, несомненно, что вещи — немые свидетели жизни человека — подчас способны выдать его тайну, его сокровенные переживания.

Когда печати были сняты и судебные власти вошли во внутренние покои Александровского дворца, они нашли там картину беспорядка, характерного для предотъездной тревоги.

В первой комнате, служившей приемной, на круглом столе были свалены игрушки Царевича. Тут были целые постройки из дерева и металла, с удивительным искусством изображавшие дома, церкви, монастыри и т. д. По словам дворцовой прислуги, Царевич не пожелал взять с Собою ценные игрушки и увез в изгнание лишь самые дешевые, в большинстве уже поломанные, но наиболее любимые, из которых главной была балалайка без струн и с продавленной доской.

Отъезд, назначенный в 1 час ночи и затянувшийся до 6 утра, видимо, сильно волновал Царскую Семью. Об этом лучше слов говорили окружающие предметы. Государыня полулежала на кушетке и читала французскую книгу, брошенную затем на ковер и оставшуюся открытой.

Спальня Императрицы могла бы до известной степени послужить разгадкой всего Ее внутреннего мира, которому молва приписывала столько неправды. Она говорила о глубочайшем мистицизме Властительницы величайшей в

мире страны и в то же время более несчастной, нежели последняя из Ее подданных, так как Ей суждено было пережить величайшие испытания, когда-либо выпадавшие на долю женщины.

Обстановка комнаты представляла собою соединение спальни Императрицы с келлией монахини.

Огромная стена, прилегавшая к постели, была сплошь увешана образами и крестами всевозможных размеров, начертаний и оправ.

У изголовья, за пологом, находилась ниша, затянутая черным и образывавшая род келлии.

Темная и тесная молельная едва вмещала стоявший под образами аналой, покрытый куском, кованной золотом, древней парчи, вывезенной из костромских монастырей.

Там, среди роскошной светской обстановки жила Императрица, здесь – за пологом, молилась монахиня.

* * *

Власти приступили к выполнению возложенного на них поручения – обнаружению подземного хода.

Комнат во Дворце оказалось более ста, и в каждой из них было по камину, а в некоторых и по два.

Положение становилось смешным. Судебный следователь Александров отказался от роли печника.

Осмотр Дворца продолжался, но уже не в качестве следственного действия, а в порядке экскурсии.

Затем был осмотрен Царскосельский, так называемый «Феодоров[ский] Государев Собор». И его поземный храм, являвшейся редчайшей сокровищницей старинной иконописи и церковной утвари, собранной со всех русских монастырей. Главнейшей ценностью этого собрания являлось Евангелие Царя Феодора Иоанновича, размером in folio с золотыми досками в палец толщиной на переплете, осыпанными крупными драгоценными камнями.

Здесь, в этом подземном храме, Царская Семья слушала Богослужение. Посторонние лица допускались в храм по особому каждый раз приглашению Государя.

Сбоку алтаря была устроена молельная с аналоем и глубоким креслом, где в одиночестве Государыня приносила Богу Свое Гефсиманское моление о Чаше.

С. ОРЕМ

МУЖИК

*В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубках мохнатых и темных
Странные есть мужики.*

*Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики стрибосжи,
Чуя старинную былль.*

*С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.*

*Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.*

*Путь этот — светлы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.*

*В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворождает Царицу
Необозримой Руси.*

*Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.*

*Как не прогнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исаакии крест?*

*Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат.
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.*

*«Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?*

*В диком краю и убогом
Много таких мужиков,
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов».*

**Конец марта—апрель 1917 г.
Петербург.**

«НЕ БОЛЯТ ЛИ ВАШИ СТАРЫЕ РАНЫ?..»

Письма из заточения

Из Царского Села

Вел. Кн. Татьяна Николаевна – В. И. Чеботаревой (9.4.1917): «Грустно, что теперь, поправившись, не можем снова работать в лазарете. Так странно бывать утром дома, а не на перевязках. Кто теперь перевязывает? Вы ли на материале и старшей сестрой? А врачи все на месте и сестры солдат[ского] отд[еления]? [...] *Сестра Т. Р.*»

Вел. Кн. Татьяна Николаевна – В. И. Чеботаревой (14.4.1917): «Много ли Вы бываете в лазарете? А где живут Рита, Ольга Пор. и Вера Игн.* теперь? Что будет в нашем старом лазарете теперь, тоже госпиталь – хирургическое отд[еление] или заразное? Простите, что столько вопросов, милая Валентина Ивановна, но так интересно знать все, что происходит у Вас. Вспоминаем постоянно, как хорошо было работать в лазарете, и как мы с Вами всеми сжились. Правда? [...] *Сестра Татьяна. Привет Старшей Сестре. Сестра Ольга.*

Из Тобольска

Императрица – А. В. Сыробоярскому (сент. 1917): «Так странно раненых не видеть, быть без этой работы. 15 августа было бы три года, как работали в лазарете, но Наша отставка это испортила. Но Мне всегда хочется надеяться, что вдруг, если много работы будет и не хватит рук, опять вернут на место. Что почувствуют старые раненые, если опять их привезут и старых сестер найдут? Но это фантазия – не сбудется. И без Нас довольно сестер милосердия. Но сомневаюсь, чтобы все так любили работу, как Мы, чувствовали, что помогаешь, облегчаешь. Иногда очень больно делаешь, обижаешь невольно. Так чудно

---

* Речь идет о М. С. Хитрово, О. П. Грековой и княжне В. И. Гедройц. – С. Ф.

потом. Страшно интересны все операции. А сколько новых знакомых нашли, только Мое здоровье мешало Мне ездить в другие лазареты, и это было жалко и очень сожалею, но сил не хватало последний год. *Сестра*».

Вел. Кн. Мария Николаевна – В. Г. Капраловой (20.9.1917): «Так было хорошо в лазарете. Часто, часто Вас всех вспоминаем».

Вел. Кн. Анастасия Николаевна – В. Г. Капраловой (15.10.1917): «Часто вспоминаем наш дорогой лазарет».

Вел. Кн. Ольга Николаевна – М. С. Хитрово (17.10.1917): «...Сестры всегда помнят и вспоминают Своих ран[еных]».

Вел. Кн. Татьяна Николаевна – В. И. Чеботаревой (29.11.1917): «Существует ли Наш лазарет? [...] *Ваша сестра Т.*»

Императрица – А. А. Вырубовой (8.12.1917): «Наш бывший раненый князь [Э. А.] Эристов опять лежит в Нашем лазарете (не знаю причину). Если увидишь, кланяйся ему сердечно от Нас всех, трогательный мальчик».

Вел. Кн. Татьяна Николаевна – В. И. Чеботаревой (9.12.1917): «Жаль бедного Филатова, что он так долго не может поправиться. Ведь он еще при Нас лежал. Неужели все та же рана беспокоит или что-нибудь другое?»

Вел. Кн. Мария Николаевна – З. С. Толстой (10.12.1917): «Часто вспоминаю Царское Село и веселые концерты в лазарете; помните, как было забавно, когда раненые плясали...»

Вел. Кн. Мария Николаевна и Вел. Кн. Анастасия Николаевна – раненому офицеру (6.1.1918): «Горячо благодарим за поздравление и открытку, кот[орая] напомнила лазарет. Как поживаете? Не болят ли Ваши старые раны? Желаем всего хорошего в новом году и надеемся, что на новой службе Вам не будет слишком трудно. Шлем сердечный привет. М. Храни Вас Бог. Часто вспоминаем. А.»

Вел. Кн. Татьяна Николаевна – М. С. Хитрово (11.1.1918): «...Как здоровье бедного Д.? Делали ему операцию?»

Вел. Кн. Ольга Николаевна – В. И. Чеботаревой (12.1.1918): «Вы, кажется, спрашивали насчет образов, лампадки и пелены[, находившихся в Собственном Ее Величества лазарете,] ну, Мама просит всё это отдать пока на хранение в Кр[асный] Кр[ест] в церковь, а со временем скажет, как поступить дальше. Я писала об этом сестре

Шевчук, т. к. она тоже спрашивала, но только про образа с подписью».

Вел. Кн. Татьяна Николаевна – В. И. Чеботаревой (31.1.1918): «Что сделали с Нашим старым лазаретом. – Так часто вспоминаю эти 2 1/2 года проведенные там».

Императрица – В. И. Чеботаревой (3.2.1918): «Пишите Мне, Вашей перевязочной сестре, а то грустно. Храни Вас Бог. † Крепко целую Вас [...] Ваша старая Сестра».

Вел. Кн. Анастасия Николаевна – раненому офицеру (20.2.1918): «...Очень грустно было узнать о смерти Николая Васильева⁴²¹. Нам Всем было трудно представить, что его уже нет в живых. Знакомые Нам пишут, но много писем не доходит. Часто вспоминаем о времени, проведенном в Нашем лазарете. Наверное теперь никто не ходит на могилы Наших раненых, – почти все уехали из Царского Села. Помните Лукьянова⁴²², – он был такой жалкий и милый. Он всегда играл Нашими браслетами, совсем как ребенок. У Меня в альбоме была его карточка, но, к сожалению, он остался в Царском. Сейчас пишу в нашей спальне, за письменным столом, на котором стоит карточка дорогого лазарета... Вообще, время проведенное в лазарете было ужасно хорошим. Мы часто вспоминаем посещение лазарета, вечерние разговоры по телефону и все, все...»

Императрица – А. В. Сыробоюрскому (11.3.1918): «Растраляли милого знакомого офицера, бывшего нашего раненого⁴²³. Не могу об этом спокойно думать. Были такие герои на войне. От ран при смерти совсем были – поправились, и вот как кончилось. – Святые мученики. – Понимать это не в силах. Но Господь знает, почему нужно, но больно, так больно, больно...»

Вел. Кн. Мария Николаевна – В. Г. Капрановой (29.3.1918): «Пишут ли Вам наши бывшие раненые? Анастасия получила к именинам очень милую открытку от Петренко. Он у себя дома. [...] Вспоминала вышку около дорогого и уютного лазарета. Когда начнешь его вспоминать и всё, что там было, то так переносишься в Ц[арское] С[ело] и потом делается странно, что Мы так далеко в Т[обольске]».

Вел. Кн. Татьяна Николаевна – В. И. Чеботаревой (1.5.1918): «Вспоминаю часто милый лазарет и вас всех. Всего хорошего. Храни Вас Господь. †»

В ЛАЗАРЕТЕ ...БЕЗ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Из дневника В. Чеботаревой

1917 год

6 марта. Столько впечатлений, что вчера не в силах была взяться за перо. Об отречении узнала только 4-го утром, в Петрограде расклеено было 3-го вечером. Никогда не забуду этой минуты. Сыплется сплошной крупный снег, холодно, навстречу попался мастеровой, в руках листок «Известий». Попросила прочесть. Кругом толпа и пришлось читать не наедине роковые слова; отрекался за Себя и за Сына. Пять дней, и не стало Монархии. Росчерк пера – и вековой уклад рухнул. Кругом тишина. Всех жуть охватила. Россия – и без Царя.

В лазарете гробовая тишина. Все потрясены, подавлены. Вера Игнатьевна рыдала, как дитя безпомощное. Ждали ведь конституционной монархии, и вдруг Престол передан народу, впереди – республика. [...]

20 марта. [...] ...Второй день манифестуют, ходят с красными платками под звуки марсельезы, говорят, вчера обошли кругом Дворца, кричали, шумели – пусть, мол, революционного темпа послушают.

Лидия Павловна видела целую толпу, висевшую на заборе, улюлюкавшую, ругавшуюся – жутко за Них. Сегодня крепко, завтра ворвутся. Третьего дня было письмо Варваре Афанасьевне: «Слышали, что Наш лазарет переводят в другое здание. Будьте душа, пришлите Наши вещи – Мои альбомы, аппарат, Наши книжки. Два дня, как Мы обе встали. У Мари и Настасьи воспаление легких, у Мари вчера 40,9° – лежат кротко, тихо, но ночью плохо спят. Мама очень устала, все время с Нами. Говорит, что постарается устроить, чтобы заказанная для новой постройки посуда была доставлена в новое помещение лазарета. Всех целую. Ольга все время думает о вас всех. Привет, если кто из старых заглянет. Целую как люблю. Это

письмо, вероятно, будет прочтено здешней цензурой». Они изолированы совершенно. Даже письма к врачам, Боткину и Деревенко, доставляются на третий день. [...]

В лазарете полное разрушение. На месте был образован хозяйский комитет, Вера Игнатьевна, граф Реншах*, сами больные и прочие. Сестры вызвались перейти на солдатский стол, а когда комитет запротестовал, зачем дают сестрам экстра масло, гражданский порыв охладел, и Красный Крест даже, кажется, Вере Игнатьевне сделал замечание: ничего нельзя проводить в жизнь, что не узаконено. Сегодня прошел слух, что санитары и солдаты решили просить об удалении Грековой и Ивановой. На собрании сестер решено бороться. Жутко, как все будет.

2 апреля. [...] О Заключенных знаем мало, хотя редкие письма приходят. Два получила Варвара Афанасьевна от Татьяны, также и Рита. В первом Татьяночка писала: «Слышала, что лазарет переведен в новое помещение. Постараемся, чтобы заказанная посуда была вам доставлена (исполнено вчера). Пришлите Наши вещи. Письмо будет, вероятно, вскрыто здешней цензурой».

Отправили Их халатики, альбомы, аппарат и образ из столовой, купленный всеми нами – последний привет из лазарета. В свое время выбрал Шах-Багов. Вчера опять писала Татьяна: «Дорогая Варвара Афанасьевна, посылаем вещи, рубашки, подушки, кое-какие книги. Скажите Биби душе, что любим ее и крепко целуем. Что поделяют Митя и Володя? Что Валентина Ивановна и Гриша?»

Вечером принесли открытку на мое имя: «Христос воскрес! Трижды целуем милую Валентину Ивановну. Сестры Александра, Ольга, Татьяна». Вера Игнатьевна находит, что нельзя каждой отвечать, чтобы не создать впечатление «партии». Рита за всех пусть ответит. Комендант говорит, что можно писать. Права ли Вера Игнатьевна? Неужели в такой Великий праздник нельзя обменяться христианским приветом? У Ольги ангина, температура 39,9°. Алексей Николаевич лежит, ушиб руку, опять кровоизлияние. Мать все время при Детях, Отец, видимо, отделен, видится [с Ними] изредка. Рассказывали, что, когда приезжал Керенский, Алексей Николаевич вышел и на вопрос: «Все ли

---

* Граф Борис Леонидович Рейшах-Рит. – С. Ф.

имеется, что необходимо?», ответил: «Да, только Мне скучно, Я так люблю солдатиков». — «А вон сколько их кругом в саду». — «Нет, эти не такие, эти на фронт не пойдут, Я тех люблю». За достоверность не ручаюсь.

Варвара Афанасьевна сама не может писать. Сергей Николаевич арестован по обвинению в близости к Александре Феодоровне и в намерении «бежать в Швецию». При допросе очень интересовались отношением к министрам, к Григорию, к Вырубовой. Спрашивали, каким хирургом считает Веру Игнатьевну. Ответил: «Поручил ей оперировать свою жену, если вам это что-нибудь говорит».

Сергея Николаевича очень жалко. Сидит в квартире против Красного Креста, в общей комнате, в обществе охранников. Как это жестоко — перед самыми Праздниками! В разгар нашего переезда прибежал солдат: «Член Думы требует вас домой». Допрашивали и ее, перерыли всю переписку, все перебрали, очень интересовались отношением Вырубовой к лазарету и к ней лично. — «У меня никаких отношений, терпеть ее не могла, считая злым гением, развратной*, гадкой женщиной». Дали пропуск навестить мужа**: «Гражданке В. А. Вильчковской разрешается навестить арестованного полковника В. А. Вильчковского». Из квартиры их выставляют, но, кажется, не ранее мая. [...]

3 апреля. Вчера Марья Алексеевна была поражена массой столпившегося народа у решетки Александровского парка, против полуциркуля. Повинуясь стадному чувству пошла и она. Николай Александрович с каким-то офицером рыл снег лопатой, спускал воду в канавку. Толпа стояла, безмолвная, и смотрела [на Него], как на редкого зверя в клетке. Зачем это? Возможно, что Он не видел толпы, даже наверное, так как вскоре, подняв голову и заметив «зрителей», быстро пошел в сторону. Но как не подумать, что эта дорожка видна с проезжего шоссе, и что зрелище работающего лопатой в снегу развенчанного Монарха грустное и не ко времени.

У Курис много разбирали вопрос отношения к народу всей Императорской Семьи. Как Они далеки были от жиз-

---

* Цену этой расхожей людской молвы определили сами «переворотчики», освидетельствовав А. А. Вырубову в Петропавловской крепости. Она, как известно, оказалась девственницей. — С. Ф.

** Надо понимать, за подходящий ответ. — С. Ф.

ни, были только ласковы, трогательны и никогда не помогали фактически*. И ведь это правда, горькая, жестокая правда. Это был своего рода принцип – никогда не помочь денежно или устроить на место определенного отдельного человека. Вспомнили эпизод, когда на операции в Их присутствии объявили солдату, что нужно отнять правую руку. Отчаянным голосом он закричал: «Без руки жить? Да зачем, да куда же я тогда гожусь, убейте лучше сейчас, Христа ради, убейте!» Татьяна, вся в слезах, кинулась: «Мама, мама, скорей поди сюда!» Она подошла, положила руку на голову: «Терпи, голубчик, мы все здесь, чтобы терпеть, там, наверху, лучше будет». Это и убеждение Ее, и жизненное кредо. А насколько популярнее бы Она стала, пообещав ему тут же взять на Себя заботы о семье, и бедняга бы успокоился.

Перебираю в памяти. Дети оказали практическую помощь многим. Ольга мне устроила глухонемого ребенка, сына запасного, в школу в Мурзинке. Татьяна определила в школу двух из детворы, что толпами собиралась у нас под окнами, пока чистили инструменты, с которыми мы шутили, кланялись и пересмеивались.

Елена Кирилловна Курис говорила, со слов отца Афанасия, что Государь часто плачет теперь во время богослужений, Она же холодна и непроницаема – «гордыня прежняя».

12 апреля. [...] Вера Игнатьевна в отчаянии: «Хоть бы нас пожалели, бьешься, бьешься, как рыба об лед, спасаешь лазарет. Сегодня врачебное заседание, так и жду, что мне бросят в лицо обвинения». Она, бедняга, похудела. Отказывалась от должности старшего врача. Переизбрали все фракции. Мы, сестры, – враги, изменники. Сестра Шевчук написала сухое, несердечное заявление – все подмахнули. Остальные – раненые, санитары и сиделки – куда сердечнее охарактеризовали ее работу. У нас только – «признали полезной». Обидно. В своей ответной речи Вера отметила это. Идет по всему Царскому страшная травля ее – все мелкие случаи личных столкновений, ничтожных медицинских промахов, все

---

* Ложь, опровергаемая конкретными фактами многими исследователями на основе документов и свидетельств очевидцев. Утверждения автора дневника можно объяснить лишь революционным помрачением. – С. Ф.

перемывается и выносятся наружу. Она сейчас так загнана общественной работой, так издергана, что жутко смотреть, а жизнь лазарета тоже расплзается, все в лес смотрят; повара, санитары дерзят, хозяйственный комитет путает, никто не знает, чьей компетенции одно или другое дело, все тормозится, трещит. Хорошо еще, что раненых сейчас мало и, слава Богу, что завтрашняя операция аппендицита Готовицкому отменена.

Сергея Николаевича выпустили. Жуткие были праздники. Взят по анонимному письму. Но ненависть тоже большая, не прощают, что при удобном и неудобном случае ссылались на «Ее Величество». [...]

Интересное письмо Татьяны Николаевны сегодня. Томится без работы: «Так страшно сидеть утро дома, быть здоровой и не идти на перевязки!» Расспрашивает обо всем. «Ольга и Мари еще в кровати, я гуляю с Папой и работаю в саду. Раньше видели Знамение, теперь работы у дома – первое не видно».

13 апреля. Сегодня пошла к дворцовому коменданту Коровиченко⁴²⁴ спросить, вполне ли допустима такая переписка или ее разрешают *contre soi**. Примкнув искренно** к новому режиму, не желая никакой игры, двойственности, хочется знать, как обстоит этот вопрос. «Мое личное убеждение, что та невинная переписка, какая до сих пор велась с... – как будто запнулся, – с Детьми, вполне понятна, имея в виду прежние теплые отношения... Но это мнение мое, а большинство – праздные головы или узкие, недостаточно передовые люди, или просто провокаторы. Уже бежит молва, что сношения с Дворцом ведутся и помимо меня – какая-то коробка с тряпками и инициалами “Т. Н.” и Коронай дала повод ко всяким толкам». Прочел мое письмо. «Оно, безусловно, будет передано и вообще с Детьми можно обмениваться весточками, а вот Александре Феодоровне я просил бы лучше не писать». При этом имени что-то жестокое скользнуло по лицу. Вообще, интересное, умное лицо, но очень усталое, подполковник как будто пехоты, по-моему, со значком юридиче-

---

* Неохотно (фр.).

** В публикации, видимо, ошибочно «испутанно» (хотя это-то, по-видимому, и верно). С. Ф.

ской академии. Керенский рекомендовал его как своего друга где-то в собрании крайних партий. [...]

15 апреля. [...] Коровиченко, говорят, выступал в защиту переписки с Детьми: «Они были труженицами, работали, как настоящие сестры. Неужели на Светлый Праздник лишать Их радости обменяться приветом со Своими бывшими ранеными или товарищами по работе? Все письма идут через меня, абсолютно невинные письма, часто сестры Хитрово, других сестер, такие письма я передавал, писем же Семье Романовых у меня целый ящик – такая переписка не допускается». [...]

Священник отец Афанасий говорит, что Они чисты, как дети, во всех взводимых на Них обвинениях предательства; положения Своего не понимают.

Во внутренней жизни лазарета вчера чуть не разыгрался скандал в хозяйственном комитете. Давыдов заявил: «Если бы меня оскорбил равный мне, я знал бы, как поступить, а с поваром Шубиным я не могу считаться», и, несмотря на замечание Веры Игнатьевны, что «мы все равны», продолжал утверждать, что с хулиганами невозможно иметь дело. Тут возмутились уже все солдаты и санитары, и на отказ Давыдова от председательства только персонал подал голоса за просьбу остаться, тогда как вначале, до его дикой выходки, все единогласно осуждали Шубина. Вот уж сам себе и друзьям враг. И откуда, подумаешь, такая спесь; сам полуграмотный прапорщик из солдат же.

Боюсь, что с Ритой кончится дело скандалом. Сразилась сегодня с Чижиком, обиделась на его тон. Вдруг возымела безумную страсть к устройству порядка в первой палате, послала перенести из санитарной этажерку; санитары запротестовали, они, как дети, с любовью устраивают свой угол, чистят его, прибирают. Она вопрос обострила и обиделась, что мы с тетей Варей находим лишним из мухи делать слона: «Это невозможно, санитары нами командуют, работать дальше невозможно». Чувствую, не кончится благополучно ее пребывание в лазарете. Она, как и брат, наэлектризована, взъерошена, обижена во многих своих хороших чувствах, одела партийные шоры и не видит дальше узкой полоски ни родины, ни действительно серьезных задач. Не любит она и народа, так бы легко не отрещивалась, не говорила: «Немецкие зверства

бледнеют перед кронштадтскими». Мне больно слушать. Люблю Россию, люблю и наш темный, но родной народ.

17-го. Вчера много говорила с нашими санитарями. Как левеют убеждения! Спокойный, солидный, разумный хозяин, Гузан постепенно левел, теперь весь пропитан лозунгами митингов — долой войну, она нужна капиталистам, землю надо отобрать у помещиков, поделить всю крестьянам, у капиталистов отнять прибыль и дать рабочим. Впечатление, что голова, не в силах разобраться в величине поставленных задач, разработать их, затуманилась и, уже не рассуждая, твердит готовые формулы. Когда, развивая его теории, я спрашивала: «Так?» — он смущался и говорил: «Да уж это не моего ума дело». Вот в чем опасность красной пропаганды — упрощают все, мировые проблемы сводят к ленинским — «каждому свое, но мне и чужое». «Займы? Обязательства? Не платить после войны ни одного долга, и все тут». [...]

18 апреля (1 мая). [...] Вчера была в городе. На Загородной: «Новая сказка о царе-дураке и царице-блуднице». Совестно было купить. [...]

23 апреля. [...] Вчера в лазарете муравейник заволновался: «Неужели нельзя поздравить Сестер с Именинницей?» Рита была у Коровиченко. Ей самой написать запретил, но разве нельзя вставить две пары фраз в письмо к Детям. А Сама Она, видимо, не понимает создавшегося положения. Опять прислала секретку Рите, пишет, между прочим: «Вспоминается старое, как в прошлом году чудно было в Крыму... Рита, ужасно тяжело, ваше доброе сердце поймет». В приписке: «Спасибо Валентине Ивановне за письмо, надеюсь, она и Мне напишет!» Ужасно больно, что не понимает. Еще такая есть фраза: «Странная Вера Игнатьевна, все молчит!» Вырубовой, говорят, приходится жестоко платить за все зло. Спит на соломе, ест щи и кашу, совершенно поседела. Хотя бы Детей и Семью отправили скорее в Англию, куда-нибудь в безопасное место.

25-го. Наши иносказательные фразы приветов не поняты. Видимо, тяжело пережили всеобщую отчужденность. Татьяна пишет Рите: «Отчего Варвара Афанасьевна, Валентина Ивановна, Вера Игнатьевна ничего не пишут Шефу непосредственно — боятся?» Жаль бедняжек, но не в состоянии была бы Ей написать. Все-таки, если и невольный, но страшный ответственный виновник — Она. [...]

15 мая. [...] О Детях теперь будем мало знать. Вера Игнатьевна уехала на фронт, призвали и Карпова*. Ее знакомый из С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] сказал, что в городе известно о переписке сестер, «а теперь и офицеров, решили разрядить атмосферу монархического гнезда». Виновата несчастная идея послать 6-го цветы**, идея Риты. На следующий день к депутатам солдатского отделения пришли два товарища из города и объявили: «Известно ли вам, что в лазарете служит некая сестра Хитрово, поддерживающая постоянные отношения?» Во избежание давления Рита ушла. А, по совести сказать, разве кто-нибудь из нас желал бы возвращения старого целиком? Влияния Александры Феодоровны? Когда переживали дни «правительственного кризиса», да и при всех новых невзгодах, что на Русь обрушиваются, так больно делалось от сознания, что главный-то виновник — Она. Не будь Ее, не будь этого рокового вмешательства в политику, не будь Гришки, этих фатальных назначений Штюрмера, Протопопова, Голицына, при мягкости Государя возможно было бы иметь и ответственное министерство, и широкие социальные реформы. Армия и форма власти были бы целы. Но пути судеб неисповедимы, исторического предопределения не избежишь. Такая горечь, такая обида за Русь, такое мое преклонение перед нею, что хотя и борюсь, но все растет и растет отчуждение. Не могла даже иносказательно написать хоть два ласковых слова.

А там живут однообразной жизнью. Дети занимаются друг с другом, Ольга с Мари историей: «Видите, какая Я важная стала, но надо сознаться, что прескучно!» Копаются в огороде. «Сами сеяли и сажали картошку. Вчера ездили немного на велосипедах. По вечерам собираемся вместе, Папа читает вслух. Алексей гуляет больше с Папой». Государыня вспоминает все прошлое.

6 августа. [...] 28 июля впервые узнала, что всю Царскую Семью в ночь на 1-е августа увозят. Говорили об этом на ушко, по углам, но чем дальше, тем настойчивее были толки. Среди прислуги дворцовой было vybrano около 40 человек (как уверял повар, 23 человека),

* Доктор Лазарета Ее Величества. — С. Ф.

** 6 мая — день рождения Государя. — С. Ф.

которым предложили, «забрав побольше теплых вещей, готовиться к отъезду». Поздравила Татьяночку 30-го с новорожденным, закончила: «А вас, родная Детка, позвольте мысленно перекрестить и крепко поцеловать старой, горячо вас любящей В. И.». Ответ получила и от Нее, и от Матери уже после отъезда. Очень жалею, что не могла Татьяну поцеловать и проститься с Ней лично, а ласка Александры Феодоровны мне даже тяжела и жаль Ее безумно, и так больно, что не нахожу прежних теплых ноток. [...]

Ко Дворцу к вечеру 31-го никого не пускали, тройной кордон часовых, у Лицея с девяти вечера суета, укладывают кухню, собирается прислуга. Ольга Порфирьевна и Рита пробрались в боковые дорожки по дороге к Александровскому после десяти, усиленные поиски патрулей открыли их, гуляющих, и выставили. На вопрос, что тут происходит, ответили: «Маленький военный секрет, может, вам и известный, но пускать никого не приказано». Со слов Кушелева*, дежурного в тот вечер, Занотти⁴²⁵, камерюнгферы Императрицы, и Гертнер, отъезд на всех произвел потрясающее впечатление. Официально при депутатах Керенский заявил: «Точный маршрут Вам будет сообщен в поезде». На самом деле еще 11-го Керенский сказал Государю, что Их необходимо перевезти. Государь спросил, нельзя ли в Ливадию, «там было бы полезно Детям». Керенский обещал подумать, но вскоре сказал, что пришлось отказаться от такой перспективы и выбрать место «по ту сторону Урала». Наследнику подарили 30-го «Путешествие по Уралу». Сплетничали, что Мария Николаевна о скором отъезде написала сестре Мальцевой в Феодоровский лазарет. Возмущенная Мария Николаевна пишет Рите: «Кто это распустил слух, что Я писала об отъезде? Ничего подобного никому не могла ни сказать, ни написать». В девять приехал Керенский. Маленький Алексей Николаевич носился, хлопотал, укладывался и так шумел, что гул шел по Дворцу. Угломонили, сказав, что «Керенский прислал спросить, кто это здесь так шумит». Никогда не поверю, но все-таки притих.

---

* Полковник, командир Императорских стрелков. В дневнике ошибочно — Кутелев. — С. Ф.

В одиннадцать часов, одетые, собрались в нижнем круглом зале. Отмена – разделись. Поезд не подан. Государь нервно курил, стоял. Тут же, развалясь на стуле, спиной к Ним сидел, куря и читая газету, какой-то солдатский депутат. К двум часам опять тревога, и опять ложная. Так три раза Они одевались и раздевались. У Государя вырвалось горькое: «Нами швыряют, как мешками». Томились Все, сидя в зале до четырех утра, измученные, с издерганными нервами. Малыш к двум часам упал на стул, заявив: «Я, кажется, сейчас умру, так устал». По углам дремали Боткин, Жильяр. Кушелев говорит, что душа болела за Них. Наконец, в четыре часа, на рассвете, подали моторы к подъезду со стороны парка, тому самому, откуда в прошлом году, после приема уезжавших в Евпаторию сестер, веселые, жизнерадостные, в шелковых розовом и голубом джерси Ольга и Татьяна прибежали посмотреть на меня «в штатском» и галопом понеслись догонять «Папочку».

В первом моторе уехал Керенский, во втором Государь, Государыня и Алексей Николаевич, в третьем Великие Княжны и няня. Они все обриты, Гертнер покупала Им разноцветные шарфы; завязывают головки, подклеив челочки Своих волос. Говорят, очень милы, но страшно худенькие. Тут Дети не могли удержаться от слез. На Александровке пришлось шагать по рельсам на пятый путь. Государыню подняли на руки. Одна из нянь споткнулась, разбилась. Среди прислуги вообще слез было много, ехать в ссылку от семей. Кушелеву Государь долго и горячо жал руку. Керенского, уверяют, поцеловал. Злые языки зато твердят, что расплатой было вчерашнее освобождение большевика Каменева – необходимая подачка, кость, чтобы замолчали. Когда тихо тронулся поезд, очень немногие отдали честь⁴²⁶. Так кончился этот акт трагедии, последний эпизод Царскосельского периода. Что-то ждет Их в Тобольске?

На днях туда едет Деревенко. Матрос Д[еревенко] оказался большим жуликом, даже плутовал со счетами, и Кобылинский⁴²⁷ его решил выставить. В первые же дни революции усердно заискивал перед новой «силой», так что даже Маленький заметил Жильяру: «Это, пожалуй, слишком», когда тот подобострастно кинулся растворять двери кому-то из новых грандов.

Отношение простого народа, солдат — враждебно-насмешливое. Утром пришла в 1-ю палату. Все ходячие спешно одеваются. «Куда?» Говорят: «Сегодня Николушку-дурачка увозят, идем поглядеть». На мое замечание, что лежачего грех лягать, ответили: «А что Он с нами-то сделал, что Русь из-за Него переживает. Фронт-то, ведь, Он первый хотел открыть, да дальше Пскова наши Его не пустили». А монархисты убеждены, что народ за Него; слепые это люди, враги и родине, и себе, и Им.

Разыгрался тут такой эпизод. Мотор с полного хода один раз врезался в решетку, проломил, другой раз в часы прогулки въехал за решетку сада, дурак-часовой пустил. Никого не встретил и отправился обратно, отговорившись незнанием Царского. А если бы встретил, чем бы все кончилось? Жертвами? Новая безумная авантюра «а ля Мирович» и новая невинная кровь. Другой раз какие-то солдаты, восемь человек, забрались в сад, двоих поймали, остальные незаметно ускользнули. Конечно, от таких друзей и врагов в Тобольске спокойнее. Климат только суровый, ранняя жестокая зима, болота, тайга, летом комары.

Сегодня много говорила с Герингер⁴²⁸. Отдельные черточки, но все характерно, хочется записать. Ходит каждый день туннелем в Александровский дворец вместе с Бенкендорфом⁴²⁹ приводить в порядок все вещи. Этот Дворец ведь Их личная собственность. Комнаты Государя и Императрицы запечатывают, вазы, мелочи ставят в шкафы и тоже запечатывают. Драгоценности, которые не взяли с Собой, не знают, передать ли в кабинет, где все семейные и личные вещи — все уже увезено в Москву, — или оставить тут: а вдруг после не отдадут обратно? Дети забрали все Свои безделушки, ящики с Собой, кое-что из фарфора и мелочи взяли с Собой. Собаки Ортипо и Джой поехали. С кошками была драма. Кухня закрыта, кормить их нечем, во Дворце ни души. В первый же день, как пришла Герингер, несчастные голодные звери так и кинулись к ней. Жуткое впечатление: мертвый, пустой Дворец, все двери заперты, и только, как тени, носятся три кошки! Роздали их. Подарок m-me Воейковой⁴³⁰ отвезли к ней же, и других двух пристроили. У Герингер надежда на возврат. Бедная старушка! Заговорили о возможности замужества. «Может, выйдут за простых смертных и будут счастливы». Ге-

рингер: «Никогда Государыня не согласится, а Дети так любят Россию. Да и Государь сказал: "Делайте со Мной, что хотите, Но Я – русский и хочу тут умереть, из России никуда не поеду". И дети в Англию не хотели – правда, и приглашали-то туда на короткий срок».

Спросила: получили ли Дети заказ Фаберже – Они делали что-то с видом нашего лазарета. Герингер не знает, не через нее это делалось. Она передавала только еще в январе заказанное кольцо из бриллиантов. Императрица дала Свои для 16-летней Анастасии и потом 4 штучки для портсигара, ваяют кортики, мотор и звездочку, Фаберже чудно сделал. «Не знаю, кому это предназначали, кажется, Мордвинову». Вспомнила Их шалости, возню с Мордвиновым. Герингер рассказала, как в последнюю поездку Мария Николаевна переделалась кондуктором, никто Ее не узнавал и не обращал внимания. Государь гулял по перрону, тогда Она толкнула Его плечом. Государь, изумленный, отстранился от нахала кондуктора и тут только узнал Ее.

Недобрым словом помянул[а] Васильева*. Когда надо было, не раскрыл глаза на Гришку, ездил за ним, лобызался**, а как стряслась беда, после переворота отвернулся, уехал в санаторий и отказал в духовной поддержке в такие минуты. [...]

9 сентября. [...] Риту освободили – все кончилось bluffом – гора мышь родила. Нашумели, раздули ее поездку в заговор, в историческое «дело Маргариты Хитрово», а оно выеденного яйца не стоило. Сумасшедшая, экзальтированная девочка*** помчалась в Тобольск. Кобылинский принял ее с неудовольствием: «Напрасно поторопилась, позже мог бы устроить даже пропуск». Письма передал. Она поместилась у окна Свитского дома и три часа наблюдала всю Семью. Папа читал, Мама лежала, а Дети, все стриженные, прыгали по балкону, кивали ей, посылали воздушные поцелуи, одевали Свои тюрбанчики с приклеенными челочками. Гулять Им абсолютно негде.

---

* Духовника Царской Семьи. – С. Ф.

** Автор дневника даже мысли не допускает, что все это могло быть искренним. – С. Ф.

*** Оставляем все эти эпитеты в адрес оставшейся верной Государю и Государыне М. С. Хитрово на совести В. Чеботаревой. – С. Ф.

А ночью пришла телеграмма Керенского – арестовать М. Х[итрово]. Обыск, арест, обратное путешествие под конвоем двух помощников комиссаров, один – с духовной фамилией Экземпляров. Лукавый допрос Стаала в Москве – то веселая шуточная беседа, то совершенно неожиданный, без всякой логической связи заданный вопрос на политические темы – и «героиня» на свободе⁴³¹. [...]

1 октября. [...] Приехала сестра Битнер⁴³², работала в лазарете Морозова, когда там лежал Кобылинский (не знала я этого раньше, Государыня сказала: «Говорят Наш бывший раненый – Наше начальство»). Отсюда – начало романа, поехала за Кобылинским даже в Тобольск, и он устроил ее преподавательницей Алексея Николаевича и младших Княжон. Считается его невестой, но пока жена ему развода не дала, положение *equivocal*, надо бы поберечь Девушек. [...] Говорила, что выходка Риты много им повредила. Было разрешено гулять по городу, намечались многие маленькие льготы, и всё рухнуло. [...]

3 ноября. [...] Пришла совсем обезкураженная домой – новая кошмарная весть. Расстреляли батюшку Феодоровского собора. Ворвались на квартиру, дети, особенно старший сын, гимназист, умоляли: «Лучше меня убейте!» Заявили, что только арестуют, у собора заставили помолиться и расстреляли на глазах у сынишки. [...]

20 ноября. Получила поручение из Тобольска через Ивана Сергеевича Боткина переговорить с Макаровым⁴³³, помощником комиссара Головина, устроить, если возможно, по закрытии лазарета весь инвентарь офицерского отделения в Екатерининском дворце. Чем это желание вызвано? Надеждой на лучшее будущее, когда удастся Им как частным русским людям устроить Свою больницу? Или... Смутило заявление горничной Марии Федоровны, что Макаров в Петропавловской крепости: «Больше он не наш комиссар. Мы просим разрешения на поездку в Тобольск у нового начальства. Говорят, что Кобылинского отзовут, большевик сказал, что он плохо обращался с Царем и Царицей. Теперь Им лучше будет, Они совсем свободны будут, народ Их сам охранит». Спросила Лукомского, тот замялся: «Кажется, Павел Михайлович на свободе, но точное местопребывание неизвестно». Ехала совсем *regret*. На Разъезжей на мой неуверенный вопрос,

дома ли Павел Мих., швейцариха полушепотом пробормотала: «Дома, в конторе».

Вышел очень симпатичный, худой, нервный господин в темных очках, прочел письмо: «Что же я могу сделать? Я вышел в отставку, я не у дел, не желаю даже соприкасаться с этими хамами и негодяями, но, пользуясь старыми связями, может, кое-что смогу устроить, завтра же переговорю. Я Милым Барышням рад служить. Милые Они, положения только Своего не понимают [...] Теперь с Ними хорошо обращаются, ну, это до поры до времени, до первой спички, в костер брошенной. Хотя, Бог весть, — эти хамы большевики так тесно переплелись с охранным отделением, что ничего не разрешишь. Не диктуется ли эта линия поведения Германией?» [...]

1918 год

5 января. [...] На Новый год мы остались без хлеба. 9-го та же история. Зина простояла три часа при 18° мороза и вернулась не солоно хлебавши, измученная, злая. Я бегала сама за молоком, чтобы ее не выгонять лишний раз на холод. Два дня питались все шесть душ одним фунтом, что я зарабатываю в лазарете. Ужас брал, как разрешить материальный вопрос. Денег ниоткуда не раздобыть, процентов не платят, серьезно решила идти на выгрузку дров. Господь, видимо, велит жить по-евангельски, не заботясь о завтрашнем дне. В самую отчаянную минуту подвернулся К., ему необходим револьвер, продала свой за 100 рублей, как раз хватило уплатить за молоко. [...]

Дальнейшая жизнь, если ей суждено будет наладиться, будет трудовая, скромная. [...]

Так мучительны были эти первые дни нового и последние старого года. Банки закрыты, объявлен неплатеж по купонам, ни у кого не можешь занять, все сами нуждаются, и впереди, при бешеной дороговизне, сознание, что все твои средства, ресурсы аннулированы. Ты нищ и не знаешь, за что ухватиться, чтобы заработать. [...]

Да, невесело встретила Новый год — в кровати! Больно, горько было на душе. Что то он даст? Пока полна мелкой тревоги о хлебе насущном. Вчера люди пекли себе булочки, добыла откуда-то муки. Алечку угостили. До чего детка обрадовалась, прямо запрыгала, сэкономила, чтобы и на другой день хватило.

Н. В. Королева

* * *

*Оттаяла или очнулась? —
Спасибо, любимый.
Как будто на землю вернулась
На запахи дыма.*

*На запахи речек медвяных
И кедров зеленых,
Тобольских домов деревянных,
На солнце каленых.*

*Как будто лицо подняла я
За чьей-то улыбкой,
Как будто опять ожила я
Для радости зыбкой...*

*Но город, глядящийся в реки,
Молчит, осторожен.
Здесь умер слепой Кюхельбекер
И в землю положен.*

*И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбалась
Царица с Ребенком...*

*И я задыхаюсь в бессилье,
Спасти Их не властна,
Причастна беде и насилью
И злобе причастна.*

* * *

*И я бы зашила брильянты в корсет,
Спасая ребенка, отца или брата,
И выстрел попавшего в сердце солдата
Разбрызгал в подвале брильянтовый свет.*

*И я бы гонимому дверь отперла,
Учась у Волошина мудрому праву
Не спрашивать гостя, что в дом привела,
Какую он ищет судьбу или славу.*

*О всех обездоленных в мире тужу:
Казненном ребенке, убитой улыбке.
Об этом однажды стихи напишу,
И их напечатают вдруг по ошибке...*
1987.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ХОДЫНСКОМ ПОЛЕ

*Досталось на долю – Ходынское поле
И воля – о, нет, не свобода, а воля
Смотреть на дорогу, бледнея от боли,
Смирняя гордыню в житнейской юдоли...*

*Я вижу толпу ожидавших подарков –
Колбас и батонов и памятных кружечек.
Я слышу, как в небе вороны, прокаркав,
Беду предвещая, над городом кружат.*

*Летят над Россией, зелёной и ровной,
Где любящий Ники с принцессой Аликс* –
От гессенских парков до Русского Трона,
Ипатьевских залпов и крови невинной...*

*Я вижу в тумане два любящих сердца,
И девочек в белом, хрустящем и тонком,
Семейного доктора (если взглядеться)
И гемофилией больного ребёнка.*

*Проходят герои... И каждый прекрасно
Знаком со своею единственной ролью...
Серебряный век начинался как праздник,
Окрашенный кровью, и кончился болью.*

*Судьба ещё, может быть, мне улыбнётся.
Ушедшему – память, а вольному – воля.
Но, видимо, с болью смиряться придётся,
Живя посредине Ходынского поля!*

28 мая 2003.

---

* В оригинале «принцессой Алиной». – С. Ф.

ЦАРИЦА-МУЧЕНИЦА – А. А. ВЫРУБОВОЙ

9-го декабря 1917 года.

Безконечно Тебя люблю и горюю за Свою «маленькую дочку» – но знаю, что она стала большая, опытная, настоящий воин Христов. Помнишь карточку Христовой Невесты? Знаю, что тебя тянет в монастырь [...] Да, Господь всё ведет, всё хочется верить, что увидим еще храм Покрова с приделами на своем месте – с большим и маленьким монастырем. Где сестра Мария и Татьяна.

16-го января 1918 года.

Милая, дорогая, возлюбленная сестрица Серафима⁴³⁴.

От нежно любящего сердца поздравляю Вас, многолюбивая страдальца моя, с праздником Вашим⁴³⁵. Да ниспошлет Вам Господь Бог всяких благ, доброго здоровья, крепость духа, кротость, терпение, силы перенести все обиды и гонение, душевную радость. Да осветит луч солнца ярко и ясно путь ваш жизненный. Сами погрейте всех любовью вашей. Да светит свет ваш в эти темные неясные дни. Не унывай, родимая, скорбящая сестра. Господь услышит Твои молитвы. Все в свое время. Молимся и мы за вас, богоизбранную сестру, вспоминаем вас. Уголок ваш убогий далек от нас. Все любящие вас в этом месте приветствуют вас, многолюбимая сестра.

Не судите плохим шрифтом написанное, ведь сестрица ваша малограмотная, болящая труженица, изучаю я писание молитв, но слабость зрения мешает моему рвению. Читаю творения святого отца нашего Григория Нисского, но туго идет: очень уж много о сотворении мира.

И получила я от сестры нашей Зинаиды⁴³⁶ добрейшее послание, столько любви в каждом слове, все дышит душевным миром. Семья вами любимая в добром здоровье: дети были больны детскими болезнями⁴³⁷, – поправились, но младшая теперь слегла, но весела и не страдает. Господь

благословил погодой, она у нас чудная, мягкая, так что сестрица ваша птишка гуляет и греется на солнце. Но когда большой мороз, тогда она прячется в свою келью, берет чулок свой и очки надевает. Сестра София⁴³⁸, которая недавно пришла, не оставлена, начальство не благоволило ее оставить там – приютилась она у попадьи со своей старушкой... другие сестры⁴³⁹ тоже в разных местах.

Многолюбимая, не устала Ты чтением этого письма. Пора кончать – все пошли в трапезную, я останусь дежурить у болящей рабы Божьей Анастасии. Рядом в келии сестра Екатерина⁴⁴⁰ дает урок. Вышиваем мы покрывалы, воздухи, на аналой покрывалы – сестры Татьяна и Мария особенно искусно вышивают, но рисунок нет больше. Отец наш, Батюшка Николай, собирает нас по вечерам вокруг себя и читает нам вслух, а мы занимаемся рукоделием. Со своею кротостью и при телесном здравии, Он не пренебрегает в это тяжелое время колоть и пилить дрова для наших нужд, чистить дорожки со своими детьми. Матушка наша Александра приветствует вас, многолюбимая сестра, и шлет вам свое материнское благословение и надеется, что вы, сестрица, хорошо поживаете в духе Христа. Тяжело вам живется, но дух тверд. 2 градуса мороза, тихо на улице. Добрая сестра Серафима. Будьте Богом хранимы, прошу ваших молитв. Христос с Вами.

Грешная сестра Феодора.

Господь помощник мой и защита моя. На Него уповаet сердце мое и поможет мне.

Боже, ущеdри ны, просвети лице Твое на ны и спаси нас.

Отцу Досифею⁴⁴¹ земной поклон.

М. И. Цветаева

ИЗ «ПОЭМЫ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ»

*Обитель на горе.
Молитва на коре.*

*Не знала та береза,
Дороги на краю,
Что в лютые морозы
Затем красу свою*

*— Сибирскую «корицу» —
Белила и спасала —
Чтоб русская Царица
На ней письмо писала*

*— За всё благодарю —
Небесному Царю.*

*Не знала та дорога,
С березой на краю,
Зачем седобородый
Старик — ножом — кору*

*Срезал. — Чтоб в келье тесной,
Рукою домовитой,
Германская принцесса —
Славянскую молитву*

*Чертила на листке
Сибирской бересты⁴⁴².*

*О чем она просила,
Канавы на краю...
Молитва за Россию:
За родину — твою —*

*Мою... От мхов сибирских
По кипарисы Крыма:
За каждого злобивца —
И всё-таки любимца...*

Тому, кто на Горе –
Молитва на коре...

Стояла та береза –
России на краю.
– За тын, за плен, за слёзы –
За всё благодарю.

А если мало – плену,
А если много – тыну...
Сам назови мне цену...
А если скажешь: сына

Под кончиком пера
Коробится кора...

Стояла та Россия –
Обрыва на краю.
– И если скажешь – Сына... –
За всё благодарю.

Горит, Горит береста...
Летит, летит молитва...
Осталась та береста
В веках – верней гранита.

1929-1936.

НЕБЕСНАЯ ЦАРИЦА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ОБРАЗ ДЕРЖАВНОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

*Образ был явлен народу Державной
Матери Божьей в годину невзгод;
Буря неслась по Руси Православной,
Темною силой прельщен был народ.*

*Слуги Царя позабыли присягу, —
Трона и родины верный оплот, —
Доблесть былую и прадедов шпагу
Ворогам сдали в семнадцатый год.*

*Хитрым обманом, преступною ложью
Власти державной лишили Царя;
Дерзко нарушили заповедь Божью,
Клятву святую у врат алтаря.*

*Символ глубокий в иконе явленной:
Темны и грозны на ней небеса,
Черные тучи в волненьи смятенном,
Молний в изломах блестит полоса.*

*Божия Матерь на царственном троне, —
Светел и чист он своей белизной, —
В мантии красной и царской короне,
Путь там провидит Страдальцев земной...*

*Дева Святая приняла державу,
Скипетр, порфиру и муки Царя;
Строг и суров Ея взгляд величавый,
Болью душевной, укором горя...*

*Ждет покаянья в грехе совершенном, —
Крови пролитой невинных людей, —
В страхе живущих, с душой оскверненной
Властью безбожной своих палачей.*

*Смотрит с иконы Пречистая Дева,
Слезы блестят, как страданья печать;
Долго ли ждать Ей, чтоб милостью Неба
В крепкие руки вновь власть передать?..*

«ДЕРЖАВНАЯ»

Целый ряд обстоятельств, предшествовавших явлению иконы Божией Матери «Державной», связаны с Могилевым, в котором, как известно, находилась Царская Ставка. Город тот, следует заметить, был особый, «со смыслом». Кроме известных событий февраля 1917 г. (переломных в истории Российской Империи), впоследствии он стал «осиным гнездом октябрьского переворота», «именно здесь была разгромлена Ставка Верховного главнокомандующего и убит генерал Духонин». И вообще «многие важнейшие революционные события вершились на Могилевщине. Недаром знавший не понаслышке местную предгрозовую обстановку Ольминский считал, что "...Могилев был в то время третьим (после Петрограда и Москвы) центром, решавшим исход революции". Нельзя умалчивать о значительных красных силах, копившихся в этом районе»⁴⁴³. И еврейских, прибавим мы, что в то время, впрочем, значило одно и то же. «В городе, — отмечал генерал А. И. Спиридович, — почти не было интеллигенции. Вид толпы довольно серый, много евреев»⁴⁴⁴.

Ближайшая подруга Императрицы Александры Феодоровны, бывавшая в Ставке, позднее писала в своих мемуарах: «Среди неправды, интриг и злобы было, однако, и в Могилеве одно светлое местечко, куда я приносила свою больную душу и слезы. То был Братский монастырь. За высокой каменной стеной на главной улице — одинокий бедный храм, где два-три монаха справляли службу, проводя жизнь в нищете и лишениях. Там находилась чудотворная икона Могилевской Божией Матери, благой лик Которой сиял в полумраке бедного каменного храма. Я каждый день урывала минутку, чтобы съездить приложиться к иконе. Услышав об иконе, Государыня также

ездила раза два в монастырь. Был и Государь, но в нашем отсутствии. В одну из самых тяжелых минут душевной муки, когда мне казалась близка неминуемая катастрофа, помню, я отвезла Божией Матери свои бриллиантовые серьги»⁴⁴⁵.

Речь идет о Могилевской Братской иконе Божией Матери, находившейся в Богоявленском Братском монастыре в Могилеве – в описываемое время первоклассной мужской необщежительной обители, основанной в 1633 году. Монастырь неоднократно подвергался опустошительным пожарам (в 1664, 1708, 1748, 1810 и 1850 гг.). Перед революцией в обители было два каменных храма (летний Богоявленский, с приделами Сошествия Святого Духа, Рождества Богородицы и преп. Феодосия Печерского, и зимний во имя св. Иоанна Богослова с приделом свт. Николая Чудотворца). Под управлением архимандрита было 37 человек братии.

С чудотворной иконой, пребывавшей в Богоявленском соборе обители, было связано чудесное избавление Могилева от осады его литовским гетманом князем Радзивиллом. В монастыре совершалось два крестных хода: 19 марта (вокруг ограды) и в день Преполовения (с 1842 г.) – на Днепр⁴⁴⁶. Возможно, один из этих крестных ходов был связан с празднованием, установленным в честь чудотворного образа. К сожалению, сведения о нем нам так и не удалось обнаружить даже в самых подробных справочниках об иконах Божией Матери.

Между тем, как мы уже отмечали, посещение Государем монастыря и молитва Его перед Братской иконой связаны с особыми обстоятельствами, завершившимися чудесным явлением Державной иконы Божией Матери*. Наряду с Братской и Державной иконами в приводимых далее нами выписках из Дневника Государя и переписки Царственных Мучеников речь пойдет о двух других чудотворных образах: «Знамении» Царскосельской и Владимирской чудотворной иконе, привезенной в Ставку из Москвы перед праздником Пресвятой Троицы 28 мая 1916 г. по настоянию

---

* Впервые на эти обстоятельства обращено было нами внимание в кн.: Державная Правительница Земли Русской. Сост. С. В. Фомин. М. «Паломник». 1999. С. 48-49.

Императрицы Александры Феодоровны и Великой Княгини Елизаветы Феодоровны*.

6.9.1916 (*Императрица Государю из Царского Села*): «Икона в монастыре, куда Я часто ездила (Он [Г. Е. Распутин] знает этот монастырь, много лет тому назад во время своих странствований по России Он там молился), по Его словам, творит великие чудеса, и ей суждено спасти Россию. Пойди же туда как-нибудь, это так близко от дома — у Пречистой Девы такой дивный лик!»

28.9.1916 (*Императрица Государю из Царского Села*): «Здесь сейчас замечательный молодой, только что посвященный епископ Мельхиседек**, которого *Питирим* привез с Кавказа; — он теперь епископ *Кронштадтский* и т. д. Когда он служит, то церковь бывает битком набита — очень “возвышенный” — (это будущий митрополит); вообрази, он долго был настоятелем *Братского* монастыря в *Могилеве* и боготворит и страшно чтит тамошний чудотворный образ Богоматери, который Мы с Тобой постоянно посещаем. Прошу Тебя, Милый, поедem туда, возьми Меня и Бэби с Собой, Я беру с Собой *лампадку*, чтоб повесить ее перед образом, Я когда-то обещала это *настоятелю*. Мне в пятницу предстоит познакомиться с Мельх[иседеком] в ее [А. А. Вырубовой] доме, и Наш Друг будет там, — они говорят, что его *беседа* чудесна, она пре-

---

* «Сегодня, — писал Император Николай II Своей Дочери Вел. Княжне Татьяне Николаевне 28.5.1916, — прибыла из Москвы чудотворная икона Владимирской Божией Матери и в 5 ч. ее торжественно перенесут в нашу церковь».

** *Епископ Мелхиседек* (Михаил Львович Паевский, 1878 †17.5.1931) — родился в с. Ватулино Бельского уезда Холмской губернии. Окончил Казанскую Духовную академию (1904). Архимандрит (1905). Ректор Тифлисской Духовной семинарии (1914). Поставлен во епископа Кронштадтского, 4-го викария Петроградской епархии (8.10.1916). Царица-Мученица в письме Вырубовой 15.12.1917 из Тобольска интересовалась судьбой Владыки. Епископ Ладожский, викарий Петроградской епархии (17.6.1917). Епископ Минский и Туровский (с 1919). В июле 1923 г. провозглашен «митрополитом Минским и Белорусским», главой «автономной Белорусской церкви». С января 1926 г. в григорианском расколе. В июне 1926 г. принес покаяние, сложив с себя титул «митрополита». С сент. 1928 г. — архиепископ Енисейский и Красноярский. 17 мая 1931 г. вызван в Москву и назначен членом Св. Синода. В тот же день скончался в храме у престола. — С. Ф.

красно действует, — он превосходно говорит и помогает душе на время подняться над земными печальми, но Я хочу, чтоб и Ты был здесь, чтоб пережить это вместе со Мной».

Из дневника Государя (12.10.1916): «В 2 1/2 заехали в Братский монастырь, поклонились иконе Богородицы и поехали к старой Ставке».

Из дневника Государя (13.10.1916): «Прогулка была в тех же местах как вчера».

Из дневника Государя (16.11.1916): «Поехали на вчерашнее место, откуда Я пошел с Дочерьми и Мордвиновым к Днепру и мимо церкви наверх лесом назад».

Из дневника Государя (17.11.1916): «Днем поехали туда же».

4.12.1916 (Императрица Государю из Царского Села): «...Сон Нашего Друга так знаменателен! Милый, помолись у иконы Могилевской Божьей Матери — Ты там обретишь мир и крепость. Загляни туда после чая, перед приемом, — возьми туда Бэби с Собой — там так покойно, и Вы можете там поставить свечи. Пусть народ видит, что Ты — Царь-христианин, — не смущайся, — такой пример принесет пользу другим».

9.12.1916 (Императрица Государю из Царского Села): «Наш Друг говорит, "что пришла смута, которая должна была быть в России во время или после войны, и если Наш (Ты) не взял бы места Ник[олая] Ник[иколаевича], то летел бы с Престола теперь" Будь бодр: крикуны угомонятся — только распусти Думу поскорее на возможно более долгий срок — верь Мне [...] Отправься к любимой иконе, наберись там решимости и силы. Постоянно помни о сновидении Нашего Друга. Оно весьма, весьма знаменательно для Тебя и всех Нас».

Из дневника Государя (9.12.1916): «Едучи с Алексеем к старой Ставке, остановились и зашли приложиться к здешней чудотворной иконе Божией Матери».

10.12.1916 (Император Государыне из Могилева): «Вчера, катаясь в любимом лесу Алексея* у старой Ставки, Мы вошли и минутку молились перед иконой Божьей Матери».

---

* Речь идет об Архиерейском лесе, не раз упоминавшемся в дневнике Государя.

Я доволен, что Мы это сделали, раз это было Твоим особенным желанием».

12.12.1916 (*Императрица Государю из Царского Села*): «Я очень счастлива, что Ты съездил помолиться перед дорогим образом, – там так покойно, – чувствуешь себя отрешенным от всех тревожностей в ту минуту, когда изливаешь свою душу и сердце в молитве, обращенной к Той, к Которой столько людей приходит со всеми своими горестями».

Из дневника Государя (10.12.1916): «Снег шел целый день. [...] Прогулку сделал к арх[иерейскому] лесу. Сильно дул ветер, пока дошли до леса, снег залеплял глаза и правые уши. До обеда принял Трепова».

13.12.1916 (*Император Государыне из Могилева*): «...Я одобрил этот план [ропуска Думы 17 декабря], но взял с него [председателя Совета министров А. Ф. Трепова] торжественное обещание держаться его и довести до конца. – Я нарочно пошел помолиться перед иконой Божьей Матери до этого разговора и после этого почувствовал успокоение».

Из дневника Государя (13.12.1916): «Прогулка была известная к арх[иерейскому] лесу...»

Из дневника Государя (17.12.1916): «Прогулку сделали туда же в арх[иерейский] лес».

17.12.1916* (*Императрица Государю из Царского Села*): «Сегодня днем более, чем когда-либо, буду думать о Тебе – да благословит Господь все Твои замыслы и планы! Надеюсь, что Тебе удастся предварительно помолиться перед образом. Я заказала всенощную на дому».

13.2.1917 – первое сновидение крестьянке Андриановой об иконе Божией Матери Державной в Коломенской Вознесенской Церкви. В этот день в 1917 г. начался Великий пост. Накануне, 12 февраля, был праздник Иверской иконы Божией Матери – покровительницы России, чей Св. образ имеет особое эсхатологическое значение, будучи мистически связан с конечными судьбами мира.

---

* В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. был, как известно, убит Г. Е. Распутин, о чем Государыня сообщает в том же письме.

22.2.1917 (*Императрица Государю из Царского Села*): «Да хранят Тебя светлые ангелы. Христос да будет с Тобой, и Пречистая Дева да не оставит Тебя! Наш Друг [Г. Е. Распутин] поручил Нас Ее знамени. [...] Пожалуйста, съезди к образу Пречистой Девы, как только сможешь. Я так много молилась за Тебя там».

25.2.1917 (*Император Государыне из Могилева*): «Сейчас в 2.30, перед тем, как отправиться на прогулку, Я взгляну в монастырь и помолюсь за Тебя и за Них [Детей] Пречистой Деве».

25 февраля 1917 г. Государь записей в Свой дневник не производил.

25.2.1917 (*Императрица Государю из Царского Села*): «Пожалуйста, сходи на минуту к иконе Пречистой Девы и спокойно помолись за Себя, чтоб прибавилось сил, за Наше большое и малое Семейство».

26.2.1917 (*Императрица Государю из Царского Села*): «Бог поможет – это, кажется, уже предел. Вера и упование! Так спокойно от сознания, что Ты был у этого дорогого образа».

26.2.1917 (*Второе сновидение Евдокии Андриановой*): Этот день был последним, когда законная власть контролировала события; с этого же дня, по указу Государя, должна была прервать свои занятия Государственная дума (на следующий день она отказалась этому подчиниться).

26.2.1917 (*Император Государыне из Могилева*): «Я был вчера у образа Преч[истой] Девы и усердно молился за Тебя, Моя любовь, за милых Детей и за нашу страну, а также за Аню [Вырубову]. Скажи ей, что Я видел ее брошь, приколотую к иконе, и касался ее носом, когда прикладывался».

Вчера вечером был в церкви. Старуха, мать архиерея*, благодарил за деньги, которые Мы пожертвовали. Сегодня утром [т. е. 26 февраля, в день второго сновидения Е. Андриановой!] во время службы Я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся $\frac{1}{4}$ часа. Я едва выстоял, и лоб Мой покрылся каплями пота. Я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у Меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда Я

---

* Епископа Мелхиседека. – С. Ф.

встал на колени перед [Владимирским чудотворным] образом Пречистой Девы».

2.3.1917 – обретение иконы Божией Матери, именуемой «Державная».

3.3.1917 (*Императрица Государю из Царского Села*): «У Нас был чудный молебен и акафист перед иконою Божией Матери [«Знамение» Царскосельской] [...] Поручила Их [Детей] и Тебя Ее святому попечению. Потом Ее пронесли через все комнаты [...] Все кругом черно, как ночь, но Бог над всем. Мы не знаем путей Его, ни того, как Он поможет, но Он услышит все молитвы».

* * *

Вот, что записала в своих мемуарах А. А. Вырубова, чудом вышедшая (уже при большевиках) из заключения в Петропавловской крепости: «По странному стечению обстоятельств, единственную маленькую икону, которую мне разрешили потом иметь в крепости, была икона Божией Матери Могилевской, – отобрав все остальное, солдаты швырнули мне Ее на колени. Сотни раз в день и во время страшных ночей я прижимала Ее к груди... И первое приветствие по освобождении из крепости была та же икона, присланная из Могилева монахами, вероятно узнавшими о моем заключении»⁴⁴⁷.

Что касается иконы Божией Матери «Державная», то практически все известные материалы, связанные с ней, были в свое время собраны и опубликованы нами в книге «Державная Правительница Земли Русской» (М. «Паломник». 1999). Поэтому здесь мы ограничимся публикацией некоторых материалов, обнаруженных нами недавно и не вошедших в тот сборник.

Речь, прежде всего, идет о неучтенном пока что никем первоначальном тексте акафиста этому образу, который мы публикуем, сохраняя орфографию подлинника*:

---

* Сама небольшая книжка, по которой мы печатаем акафист, происходит из библиотеки святителя Афанасия (Сахарова), долгое время хранившаяся у его духовных чад во Владимире. Недавно она была передана научному сотруднику Института русского языка РАН А. Г. Кравецкому, который любезно передал нам ксерокопию брошюры для публикации, за что, пользуясь случаем, благодарим его.

**КРАТКИЙ АКАФИСТ
ПРЕСВЯТЕЙ БОГОРОДИЦЕ
явления ради чудныя Ея иконы
«ДЕРЖАВНЫЯ»
в селе Коломенском, под Москвою,
2 марта 1917 года**

*Святейшим Патриархом Тихоном исправлен
и допущен к употреблению.*

Кондак 1

Избранней от всех родов заступнице рода христианскаго, покровом Своея благодати покрывающей страну нашу православную, благодарственныя пения приносим Ти, Владычице, о явлении нам чудныя иконы Твоея Державныя. Ты же, яко всемилостивая заступница всех с верою к Тебе притекающих, от всяких нас бед и скорбей свободы зовущих:

Радуйся, Матерь Божия Державная, заступница усердная рода христианскаго.

Икос 1

Ангелом радости приемшая, благоволила еси, Владычице, возвестити старице благочестивой радость о явлении иконы Твоея честныя — «Державныя», юже и обретше по указанию Твоему, яко знамение милости Божией к нам, грешным, благодарственно вопием Ти сице:

Радуйся, воли Господней тайны нам открывающая; радуйся, праведный гнев Его, движимый на нас, умягчающая.

Радуйся, нечестивых зловерия обличение; радуйся, гордыни их низложение.

Радуйся, веры христианския утверждение; радуйся, почитание святых икон освящение.

Радуйся, тихое пристанище душ наших; радуйся, всемилостивая заступница наша у Престола Святыя Троицы.

Радуйся, от бед и скорбей наше избавление; радуйся, Церкви православныя утверждение.

Радуйся, звездо Невечернаго Света, нас озаряющая; радуйся, Матерь Света всех просвещающая.

Радуйся, Матерь Божия Державная, заступница усердная рода христианскаго.

Кондак 2

Видяще, всенепорочная, с высоты небеснаго жилища Своего, идеже с Сыном Твоим во славе пребываеши, скорбь верных рабов Твоих, яко гневнаго ради Божия посещения вера Христова поругаема бывает зловерием, благоволи явити нам икону Твою Державную, да вси христоролюбивии люди усердно молятся пред нею, вопиюще Богу: Аллилуиа.

Икос 2

Разуму нашему просвещение свыше исходатайствуй, Пресвятая Дево Богородице, да познаем, что есть воля Божия благая, угодная и совершенная, и сердце наше направи, еже со усердием творити ю, да вси непрестанными гласы восхваляем Тя сице:

Радуйся, явлением честныя иконы Твоея тьму лютых обстояний от нас отгоняющая; радуйся, лучами чудес всех просвещающая.

Радуйся, душевными и телесными очима ослепших прозрение; радуйся, омраченных смыслом просвещение.

Радуйся, всех христиан вождественная помощнице; радуйся, всех уповающих на Тя непостыдная надеждо.

Радуйся, вдов и сирот надежный покрове; радуйся, алчущих питательница.

Радуйся, скорбящих радости; радуйся, недужных исцеление.

Радуйся, обоняние Христова благоухания; радуйся, промысления Его сокровище.

Радуйся, Матерь Божия Державная, заступница усердная рода христианскаго.

Кондак 3

Буря житейскаго моря сокрушает духовный корабль наш и мир убогих душ наших мятется, и где обрящем тихое пристанище спасения, не вемы? Имуще же в Тебе, Владычице, державу непобедимую, от всяких бед, глада, скорбей и болезней избавляемся, поя Богу: Аллилуиа.

Икос 3

В дни лютых скорбей и злых обстояний явила еси нам, Владычице, велию милость обретением честныя

иконы Твоя Державныя, да вси с верою молящиеся пред нею, примут здравие и душам спасение. Сего ради и мы, прославляя Твое милосердие неизреченное, усердно вопием Ти:

Радуйся, светило незаходимое, светом истинного Богопознания нас просвещающая; радуйся, Вратарнице, двери райския нам отвергающая.

Радуйся, многотекущая реко Божественныя благодати; радуйся, неистощимый источниче святыни.

Радуйся, ко благочестию наша наставнице; радуйся, душ наших освящение.

Радуйся, кающихся грешных с Богом примирение; радуйся, добрых обеты приемлющая.

Радуйся, благим намерениям способствующая; радуйся, злыя начинания разрушающая.

Радуйся, вражия козни расторгающая; радуйся, скорая человеком помощнице.

Радуйся, Матерь Божия Державная, заступница усердная рода христианскаго.

Кондак 4

Спаси хотя многия люди от обдержавших их скорбей и болезней, и веру их утвердити во всесильное заступление Твое, Владычице, даровала еси нам изображение честныя иконы Твоя Державныя, да вси видяще являемую Тобою милость, вопиют со умилением Богу: Аллилуиа.

Икос 4

Имуще Тя, Богоизбранная заступнице рода христианскаго, яко зарю светлую, просвещающую тьму душ наших и разгоняющую мрак неведения сердец наших, припадаем к честней иконе Твоей Державной, и со умилением вопием Ти:

Радуйся, сохраняти и спасати всех призывающих Тя обещающая; радуйся, прославляющих Тя прославляющая.

Радуйся, к Сыну Твоему и Богу нашему молитвы верных приносящая; радуйся, благодать Твою иконам Твоим честным даровавшая.

Радуйся, всю вселенную лучами Твоея благодати озарившая; радуйся, премудрости Божия приятелище.

Радуйся, Божественныя благодати подательнице; радуйся, честнейшая херувим и славнейшая серафим.

Радуйся, Матерь Света и Царица Небесная; радуйся, Владычице, всемилостивая за нас пред Богом заступница.

Радуйся, Матерь Божия Державная, заступница усердная рода христианскаго.

Кондак 5

Воспеваем милосердие Твое досточудное и снисхождение многое к нам, Пресвятая Дево, непрестаеши бо молитися о нас к Сыну Твоему и Богу нашему, еже отвратити гнев Его праведный, движимый на нас и помиловати всех верно вопиющих Богу: Аллилуиа.

Икос 5

Силу Божественныя благодати даруй нам, Пресвятая Богородице, во еже неуклонно и непреткновенно ходити нам спасительным путем Христовых заповедей, сердцем же и усты непрестанно восхваляти Ти сице:

Радуйся, долготерпению и смирению сердечному нас научающая; радуйся, вся помышления наша к распятому за грехи мира Спасителю устремляющая.

Радуйся, страдания Его и крестную смерть в памяти нашей обновляющая; радуйся, правосудием Божиим к ожесточенным и нераскаянным нас устрашающая.

Радуйся, ожиданием будущих небесных благ нас улаждающая; радуйся, наследниками Царствия Божия нас сотворяющая.

Радуйся, к наследию нетленному и вечному нас приводящая.

Радуйся, Матерь Божия Державная, заступница усердная рода христианскаго.

Кондак 6

Благодать прияла еси Владычице, от Всемогущаго Господа миловати благочестивых чад Церкви Христовой и вразумляти нечестивых сынов Ея. Сего ради притекая под Державный покров Твоея благодати молим Тя, Владычице, избави нас от ухищрений духов злобы поднебесных, возбуди от тяжкаго сна греховнаго, да благодарственно вопием Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Светильницы наша угасоша, елеа же благих дел не имамы во еже возлещи и где обрящемся окаянныи, сном греховным отягченныи, егда постигнет нас внезапно полунощь, час смертный? Но да не услышим и мы, яко юродивыя девы, грозного гласа Жениха: не вем вас! Помози нам, Владычице, наполнить сосуды душ наших: елеем благих дел, паче же милосердия и смирения, да благодарственно поем Ти сице:

Радуйся, яко души наши ко сретению прекраснаго Жениха предуготовляти нас поучаеши; радуйся, яко воспоминанием грядущаго грозного Суда Божия от грехов нас отреваеши.

Радуйся, яко на всякий день и час приносить Христу Богу молитвы, прошения и благодарения нас научаеши; радуйся, яко с мудрыми девами внити в брачный чертог Сына Твоего и Бога нашего помогаеши.

Радуйся, яко в ризу непорочности и чистоты облещися нам способствуеши; радуйся, яко стати нам на страшнем Суде Христове одесную Его ходатайствуеши.

Радуйся, яко благоутробие Божие, о причтении нас к лику избранных умоляеши; радуйся, яко ум наш, омраченный неведением истины светом Своим озаряеши.

Радуйся, яко голубину простоту и агнчу кротость стяжати нам приискренни желаеши; радуйся, яко самоотвержению и отречению злыя нашея воли приобучити нас тщишися.

Радуйся, яко младенческому незлобию дароватися нам способствуеши; радуйся, яко хладное сердце наше молитвами воспламеняти нам помогаеши.

Радуйся, Матерь Божия Державная, заступница усердная рода христианскаго.

Кондак 7

Пение хвалебное и благодарственное приносим Ти, Владычице: под державным бо покровом Твоея благодати в непостыдной надежде Твоего заступления утверждаемся, от бед и скорбей свободимся и радостно вопием Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Поюще Твоя чудеса, бывшая в древняя и настоящая времена, хвалим Тя, Пресвятая Дево, яко живоносный источ-

ник благодати, яко неистощимую чудес реку; бездну бо милости и щедрот даровала еси роду христианскому явлением икон Своих; сего ради припадающе и к честней иконе Твоей Державной, со умилением вопием Ти сице:

Радуйся, Церкви небесныя и земныя украшение; радуйся, светлое пророческое сбытие.

Радуйся, всехвальных Апостолов похвало; радуйся, честная похвало иереев благоговейных.

Радуйся, молние, неверных устрашающая; радуйся, славою чудес Твоих верных смыслы озаряющая.

Радуйся, печаль и скорбь нашу в радость претворяющая; радуйся, честный покрове и ограждение девства.

Радуйся, яко молиши Сына Твоего и Бога нашего всем нам спастися; радуйся, яко твориши милость всем в державный покров Твой притекающим.

Радуйся, заступнице всех сущих в скорбех и болезнях; радуйся, всем с верою Тебе молящимся, полезная дарующая.

Радуйся, Матерь Божия Державная, заступница усердная рода христианскаго.

Кондак 8

О всепетая Мати Державная Владычице, прими ныне малое сие моление наше и величия ради благодати Твоея и неизреченных щедрот Твоих не помяни множества беззаконий наших, но исполни во благих прошения наша: даруй нам вся потребная к животу и благочестию, избави нас от глада, болезней и печали, и Царствия Небеснаго наследниками сотвори, всех верно вопиющих Богу: Аллилуиа.

(Сей кондак читается трижды.)

МОЛИТВА

О міра заступнице, Матерь всепетая, со страхом, верою и любовию припадающе перед честною иконою Твоею Державною, усердно молим Тя: не отврати лица Твоего от прибегающих к Тебе; умоли, Милосердная Матерь Света, Сына Твоего и Бога нашего, Сладчайшаго Господа Иисуса Христа, да сохранит в мире страну нашу, да утвердит державу нашу в благоденствии, да избавит нас от

междоусобныя брани, и укрепит святую Церковь нашу православную, да непозыблему соблюдет ю от неверия, раскола и ересей. Не имамы бо иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево: Ты еси всесильная христиан заступница пред Богом, праведный гнев Его умягчающая. Избави всех, с верою Тебе молящихся, от падений греховных, от навета злых человек, от глада, скорбей и болезней. Даруй нам дух сокрушения, смирения сердца, чистоту помышлений, исправление греховныя жизни и оставление согрешений наших, да вси благодарне воспевающе величия Твоя, сподобимся Небеснаго Царствия и тамо со всеми Святыми прославим Пречестное и великолепное имя в Троице славимаго Бога: Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

* * *

Весьма важные подробности содержатся в статье 1929 г., текст которой до настоящего времени также оставался практически неизвестным⁴⁴⁸:

ДЕРЖАВНАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ*

Стена еси, Богородице Дево, Российской стране явила еси честными иконами Твоими, изливая чудеса во бранех и осеняя благодатною помощию Твоею Христовлюбивых воинов. Под державным покровом Твоея благости Российская страна созидалась и враг адовы не одолели Церкви Христовой Православной.

Икос 10.

2-го марта Российская Церковь празднует явление Державной иконы Божией Матери. Это событие соверши-

---

* Под Парижем, в местечке Шавиль, устроена церковь во имя Державной иконы Божией Матери.

дось в 1917 г. в селе Коломенском. О нем мало еще известно, особенно у нас в Зарубежьи. Одна из читательниц «Сергиевских листков» М. Ф. Ратькова-Рожнова⁴⁴⁹, сама удостоившаяся великого счастья нести на своих плечах Державную икону, передала нам, как могла сама вспомнить, слышанный ею рассказ старушки из села Коломенского, которой во сне явилась Владычица. Божия Матерь сказала ей: «Я лежу под спудом, в углу сарая под колокольной. Разбуди священника и пойдите Меня откопать». Старица побежала к священнику, разбудила его, рассказала ему о бывшем ей явлении и передала ему слова Владычицы. Батюшка однако не поверил и сурово сказала: «Много вас здесь кликуш ходит». Следующей ночью старушке снова во сне явилась Владычица, с более суровым ликом, и повторила Свое повеление; но она побоялась идти к священнику. И вот в третий раз является ей Владычица, уже с гневным ликом, и говорит: «Если ты не пойдешь Меня искать, то другая сделает это за тебя, а ты за неповиновение помрешь». Старушка в страхе побежала будить священника. На этот раз и он испугался и они вместе пошли искать икону. Долго они ничего не находили и собирались уже уходить, как вдруг где-то в углу заметили свет: там, заваленная тряпками, стояла огромная, в рост высокого человека, узкая старая икона.

Священник испугался, смутился и захотел поскорее облечь икону ризою и вставить ее в киот, но не нашел подходящего по длине. Тогда он отрезал на иконе ноги Владычицы. Но в ту же ночь ему явилась во сне Божия Матерь и сказала: «Как дерзнул ты отрезать Мне ноги? Когда придет время, Я Сама Себя назову и никакой ризы мне не надо, потому что Я Своими богатствами покрою долги России и спасу ее».

Некоторое время спустя новая явленная икона крестным ходом была торжественно перенесена к Великой Княгине Елизавете Феодоровне в Марфо-Мариинскую общину. Великая Княгиня вместе с М. Ф. Ратьковой-Рожновой, рассказывавшей нам об этом событии, встретили икону в воротах общины и внесли ее на своих плечах в храм. Настоятель храма, поставив Державную икону на солее перед царскими вратами, обратился к Владычице: «Ты

обещала спасти нас, так спаси же нас!» Весь народ, стоявший в храме с зажженными свечами, стал кричать: «Пресвятая Богородице, спаси нас!»

В настоящее время, как мы слышали, чудотворная Державная икона Божией Матери очень чтится по всей России; нам передавали, будто ее носят по селам крестными ходами. [...]

* * *

Однако знали ли Сами Царственные Мученики о явлении Державной иконы Божией Матери? До недавних пор определенно ответить на этот вопрос не представлялось возможным. Однако не так давно среди бумаг Императрицы Александры Феодоровны, изъятых царевубийцами, была обнаружена публикуемая нами молитва, Собственноручно переписанная рукой Царицы-Мученицы и несколько отличающаяся от всем известной второй молитвы «Державной» (с которой схожа). Обнаруженный в Государственном архиве Российской Федерации, текст этой молитвы при напечатании впервые в журнале «Держава» был опубликован с многочисленными ошибками. Даем его, исправив все искажения, сверив с оригиналом⁴⁵⁰:

Молитва

*Пресв. Богородице пред Чудотворною
Иконою Ея, именуемую «Державная»*

О, Державная Владычице Пресвятая Богородице, на объятиях Своих держащая Содержащаго Дланью всю вселенную, Царя Небеснаго! Благодарим Тя за неизреченное милосердие Твое, яко благоволила еси явити нам, грешным, сию Святую, Икону Твою во дни сии лукавые и лютые, яко вихрь, яко буря ветренная нашедшие на страну нашу, дни срама нашего и позора, во дни разорения и поругания Святынь наших от людей безумных, иже не точию в сердце, но и языком и устами дерзостно глаголют: «несть Бог!» и во всех делах своих сие безбожие показывают. Благодарим Тя, яко призрела еси с высоты Святыя Своея на скорбь и горе чад православных и

яко солнце светлое увеселяеши ныне изнемогшие от печали очеса наша пресладостным зрением Державного образа Твоего! О, Преподобная Матерь Божия, Державная Помощница, Крепкая Заступница, благодаряще Тя со страхом и трепетом, яко раби непотребнии, мы припадаем со умилением, с сокрушением сердечным, со слезами и молим Тя и стеляще вопием Ти: спаси нас! спаси! Помози нам, помози! Потщися — погибает. Се живот наш аду приближися, се обышедше обыдоша нас греси мнози, беды мнозие, врази мнози. О, Небесная Царица, скипетром власти Твоея Божественныя разсей, яко прах, яко дым, враги наши видимые и невидимые, борющиеся ны, хулящие Церковь нашу Православную, губящие Отечество наше, сокруши горделивые замыслы их, запрети им! Вкорени в сердцах всех нас правду, мир и радость о Дусе Святе, водвори в стране нашей тишину, благоденствие, безмятежие, любовь друг к другу нелицемерную! Державою Твоею всесильною удержи, Пречистая, потоки нечестия, беззакония, хотящие потопити землю Русскую в страшной пучине своей. Поддержи нас слабых, малодушных, немощных, унылых, подкрепи, возстави! Яко да под Державою Твоею всегда храним поем, величаем и славим Тя, Державную Заступницу рода Христианского во веки веков. Аминь.

Текст этой молитвы, составленный, видимо, не ранее ноября-декабря 1917 г. (после большевицкого переворота), был доставлен, возможно при посредстве Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны, Царственным Мученикам вместе с копией Державного образа (о чем далее).

В дневнике Государыни есть отметка о получении «почты» от сестры в Тобольске 24 сентября 1917 года⁴⁵¹, но, скорее всего, речь может идти лишь о другой оказии.

Сохранились свидетельства о посылке, полученной Царственными Мучениками уже в Екатеринбурге.

Из *дневника Государя* (3.5.1918): «Днем получили от Эллы из Перми кофе, пасхальные яйца и шоколад».

Из *дневника Государыни* (3.5.1918): «Получили кофе, шоколад от Эллы. Она была выслана из Москвы и находится в Перми (Мы прочитали это в газетах)».

Из приведенной нами выше парижской статьи 1929 г. мы уже знаем, что вскоре после большевицкого переворота икона Божией Матери «Державная» находилась в Марфо-Мариинской обители, настоятельницей которой была Вел. Кн. Елизавета Феодоровна.

Во вторник Светлой седмицы (когда празднуется Иверская икона Божией Матери), 24 апреля/7 мая 1918 г. (память прп. Елисаветы чудотворицы) в Москве была арестована Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и в сопровождении келейницы Варвары Алексеевны Яковлевой и сестры Екатерины Петровны Янышевой отправлена поездом в Пермь. Здесь недолгое время «Августейшая Молитвенница» пребывала с сестрами в Успенском женском монастыре (где она побывала еще перед войной, летом 1914 г.), утешаясь ежедневным монастырским богослужением. Вскоре их переместили в Екатеринбург*, где одной из сестер удалось близко подойти к Ипатьевскому дому и через щель в заборе увидеть даже Самого Государя. Недолгий приют предоставил им Ново-Тихвинский женский монастырь, откуда вскоре будут носить съестное Царственным Мученикам в Ипатьевский дом. Сама Великая Княгиня, несмотря на просьбы встретиться с Сестрой, не была допущена к Ней⁴⁵².

Во вторник Фоминой недели 1/14 мая все находившиеся в Екатеринбурге Члены Царского Дома (кроме Самых Царственных Мучеников) получили предписание переселиться в заштатный город Алапаевск Верхотурского уезда Пермской губернии. Алапаевские мученики прибыли туда 7/20 мая, когда Церковь вспоминает явление на небе Креста Господня в Иерусалиме (351 г.)⁴⁵³.

Итак, посылка была отправлена Великой Княгиней из Перми.

---

* Сохранилась телеграмма председателя Уральского областного совета А. Г. Белобородова в ВЧК от 11 мая 1918 г.: «Бывшая Великая Княгиня Елизавета Федоровна Романова принята нами от Вашего представителя Соловьева для водворения на жительство в Екатеринбург» (Последние дневники Императрицы Александры Феодоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Под ред. В. А. Козлова и В. М. Хрусталева. Новосибирск. 1999. С. 216.)

В «Описи иконам, найденным при осмотре Дома Ипатьева» после цареубийства значатся две иконы, одна из которых, по крайней мере, несомненно, «Державная»: «Образ Божьей Матери Коломенской*», большого размера, на дереве, крашенном коричневой краской. Вверху – Бог Саваоф»⁴⁵⁴; «Образ Божьей Матери, большого размера, на дереве, старинного письма, на красном фоне черной краской. Вверху – Бог Саваоф»⁴⁵⁵. Однако самым значимым фактом является свидетельство следователю Н. А. Соколову П. Н. Попова-Шабельского** 1921 г.: «...В 4 часа утра 17 июля [1918 г.] все стихло. Мужики тотчас же кинулись к Ганиной яме и там нашли [...] несколько вещей [...] Потом стали откачивать воду из шахты, привлекли учащуюся молодежь, офицерство и нашли разные вещи, из которых помню [...] икону Божией Матери Великодержавной, исколотую штыками, которую Великая Княгиня Елизавета Феодоровна через графиню Толстую прислала Государю»⁴⁵⁶.

В показаниях речь идет о Зинаиде Сергеевне Толстой (1880†1961), урожденной Бехтеевой – супруге полковника Кавалергардского полка Петра Сергеевича Толстого (1876†1918), сестре известного русского поэта Сергея Сергеевича Бехтеева (1879†1954) и фрейлины обеих Императриц Екатерины Бехтеевой (1875†1958). Вместе с Государыней и Великими Княжнами Зинаида Сергеевна трудилась в лазаретах Царского Села, ухаживая за ранеными. Впоследствии она сблизилась с Царственными Мучениками, в годы заточения Которых в Тобольске отправляла Им посылки и письма, нередко вкладывая в них стихотворения брата. Сохранилось 11 ответных писем к ней Царицы и Ее Дочерей. Та майская посылка от

---

* Ср. название образа («Коломенская икона Божией Матери, именуемая Державной») в кн. «Московский Патерик. Жития святых» (Сост. игумен Иосиф (Шапошников), Я. А. Шипов. М. «Столица». 1991. С. 228), а также слова, сказанные Божией Матерью священнику храма в Коломенском (из приведенной нами парижской статьи 1929 г.): «Когда придет время, Я Сама Себя назову...» – С. Ф.

** Речь идет об известном впоследствии монархисте Петре Николаевиче Шабельском-Борке (1896 †1952). – С. Ф.

Эллы, полученная Царственными Мучениками в Екатеринбурге, была также послана через З. С. Толстую. Об этом свидетельствует запись в дневнике Государыни, сделанная на следующий день после получения посылки (4.5.1918): «Огромное наслаждение, чашечка кофе. [...] М[ария] написала в 22-й раз Детям* и Элле и Зиночке [Толстой] (не отослала их)»⁴⁵⁷.

Посылка иконы «Державной» и, скорее всего, текста молитвы была, кроме всего прочего, формой покаяния. На наши распросы о размолвке Великой Княгини с Ее Сестрой-Царицей в конце 1916 г. старец о. Николай Гурьянов отвечал, имея в виду Вел. Кн. Елизавету Федоровну: «Она покаялась».

Сергей ФОМИН

---

* Цесаревичу Алексию и Великим Княжнам Ольге, Татьяне и Анастасии Николаевнам, остававшимся в Тобольске. — С. Ф.

ПАМЯТЬ

В. В. Афанасьев

В ИЗГНАНИЕ

*Дымится труба парохода,
В тиши раздаются гудки,
Бурлят под колесами воды
Холодной уральской реки.*

*На палубе Царь и Царица
Пославшей Их в ссылку страны.
Печальны Их светлые лица,
Смиренья Их души полны.*

*Им видится церковь на взгорье
Средь сельских избушек простых.
Здесь друг Их Распутин Григорий
Усердно молился за Них.*

*Сердца Их наполнили грустью
Родные для старца места.
Христовой он был для Них Русью,
Убитой врагами Христа.*

*Был вечер и двигалось трудно,
На век уходя в темноту,
Везущее Узников судно
С названием «Русь» на борту.*

* * *

*Еще стреляли убийцы,
Столпившиеся у дверей,
Когда вышла из тела душа Царицы
И увидела, как добивают Ее Дочерей,
Как душа Государя Наследника душу
В безплотные руки приняла,
И все, лежащие в комнате душной,
Окровавленные тела...
Но это было одно лишь мгновение.
Вот все стихло. И в следующий миг
Небо раскрылось, и Ангелы с пением
В свои объятия приняли Их.
Над страной, окутанною пороховым чадом,
Что безумствовала, правду и веру гоня,
Возносились в бессмертие ее лучшие Чада,
Преданные ею и предаваемые до сего дня.*

Неизвестный автор

ГОЛГОФА ВЕЛИКОЙ РОССИИ

*Где, стесняя простор,
Груды каменных гор,
Среди горной Уральской стихии
На вершине горы,
Где летают орлы,
Есть Голгофа Великой России.*

*В восемнадцатый год,
Обезумев, народ
Допустил то кошмарное дело:
Он Царя своего
И Семью всю Его
Палачам передал для расстрела.*

*Днем там ветер шумит,
Веющий ворон кричит,
И под кедры, в прохладные тени,
На полуденный зной,
В безопасный покой
Отдохнуть прибегают олени.*

*Но как ночь настает,
Император встает,
Из могилы выходит с Семьею
И идут по камням,
По корням и по пням
На Голгофу тернистой тропею.*

*И с поникшей главой
Цесаревич больной
Сам не может взойти на вершину;
Император в пути
Помогает взойти
На Голгофу любимому Сыну.*

*Там, подняв к небу взор,
На коленях, средь гор
За Россию молитву возносит
И за русских за всех
И за тяжкий наш грех
Перед Богом прощения просит.*

И над Их головой
Звезд венец золотой,
Как лампада, на небе сияет,
И из ярких лучей
Семь зажженных свечей
На Голгофу с небес посылают.

У Царицы из глаз,
Как уральский алмаз,
Льются крупные горькие слезы;
И, где слезы текли,
Там из жесткой земли
Вырастают прекрасные розы.

У Царевен из глаз,
Как небес бирюза,
Заливаются горькой слезою —
Как цветок голубой
Незабудки лесной
Смят безжалостно бурной грозой.

И всю ночь там Они
На молитве одни
Напрягают последние силы;
Но как солнца восход
Озарит небосвод,
Все обратно уходят в могилы.

И опять у скалы
Лишь летают орлы
И шумят старых кедров вершины,
И о звонкий гранит
Горный ветер гудит
И сметает песок из долины.

И сочится она,
Алой крови полна,
Эта страшная русская рана;
Льется крови поток
На российский песок
По капризу лихого тирана.

Но давно уж молва
По России пошла,
Что окончатся наши мученья,
Когда вместе с Царем
На Голгофу пойдем
И испросим у Бога прощенья.

И очистит Господь
Нашу душу и плоть
И изгонит все беды лихие,
И над нами, как встарь,
Будет Вера и Царь,
И воскреснет былая Россия.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ

Вокзал таинственный, и низкий
Звук громыхающих колес.
Где Царскому Селу бросает
Свистками вызов паровоз,
И дерзко клубами плюется
В лицо под каску иль плюмаж,
И смехом огненным несется.
Рукою придерживав палаш,
Скосив изящно треуголку,
Паж, лицеист иль камергер,
Любуясь дамой втихомолку,
Плывут в застекленную дверь.
Там глуби мягкие диванов,
Лакеев фраки и буфет,
А у подъезда ряд рыдванов,
Дворцовых дрожжек и карет.
Нет шума — тишина немая,
Невольно гаснет громкий смех...

Сам в горне жизненном пылая,
Кузнец налаживает мех,
Сердито искры раздувает.
Он близок, мировой пожар,
И перья алые роняет,
Плывет в высотах птица-жар.

21.II.1926.

Киев.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ДВОРЕЦ

Пустынный, белый, одинокий,
С красой раскинутых крылец,
Средь тьмы ночной зимы жестокой,
Как прежде, высится дворец.
Как встарь, решетка вдоль ограды
Покой бывшего сторожит,
Мороза щедрого награда,
Сугробом снег вокруг лежит.
Молчанье реет злее вьюги,
Не слышен часового шаг,
И только филин – солнца враг
С безумным смехом в час досуга
Напомнит о ушедшем круге,
В котором скрылися года,
Что не вернутся никогда.
О том, что более не будет,
О том, что мозг не позабудет.
Повсюду звезд огнистый мак
И реет гордо алый флаг.

29.XII.1925]

Детское Село.

ГОСПИТАЛЬ

Квадрат холодный и печальный
Среди раскинутых аллей,
Куда восток и север дальний
Слал с поля битв куски людей.
Где крики, стоны и проклятья
Наркоз спокойный прекращал,
И непонятные заклатья
Сестер улыбкой освещал.
Мельканье фонарей неясных,
Борьба любви и духов тьмы,
Где трех Сестер, Сестер прекрасных
Всегда привыкли видеть мы.

*Молчат таинственные своды,
Внутри, как прежде, стон и кровь,
Но выжгли огненные годы –
Любовь.*

29.XII.1925.

Ц[арское] С[ело].

ДОМИК АЛЕКСЕЯ

*Перекошённые столбы,
Снегов декабрьских аметисты,
Избы, что строили рабы,
А разрушали коммунисты.
И нет остатков, ни следа,
Того, что ты воздвиг когда-то.
Снесли огнистые года
Валы, что были возле хаты.
Воспоминанье, унеси
Тот труд, покрытый легкой мглою,
Где лед колол перед толпою
Последний Царь всея Руси.*

29.XII.1925.

Ц[арское] С[ело].

«МУЗЕЙ»

В сумрачной пустыне «Музея Вооруженных сил» — вышив-ка Государыни: расшитая тонкими, былых времен цветами рамка — основа иконы Знамения Божией Матери. Благослове-ние на фронт штабс-капитану А. В. Сыробоярскому — тому, что упомянут в письмах из заточения: «А у Сыробоярско-го месяц тому назад была операция. Скучает с его матерью, и в переписке такая милая, нежная, горячо верующая душа» (письмо от 9 января 1918 г. А. А. Танеевой-Вырубовой).

Розово-палевая (выцветшая, верно) ткань, веночек вышивки, икона Знамения.

В той же витрине — переписка Государыни и Великой Княжны Татьяны Николаевны с семьей Сыробоярских: листки и открытки с Их почерком («готический» Великой Княжны Татьяны узнаваем сразу).

Темно-серые чулки, связанные Государыней. Собствен-но, то, что называлось «паголенки» — для одной голени, без стопы.

Что? Глубоко домашний, совершенно не нарядный и не музейный их вид как-то особенно задевает. В семье штабс-капитана Сыробоярского я их вижу (бережные руки извле-кают из укладки...), здесь — допускаю.

Две фотографии санитарного поезда Государыни Им-ператрицы. — Увидела их, накануне читав воспоминания об этом поезде. Как звали «отца-командира»? — Риман.

Вышивка, флакон и карандаш Государыни. Карандаш Великой Княжны Ольги. — Внизу, в густеющем сумраке. Осколки...

К другому («как это было»): можно видеть, что карандаш – не случайная безлика палочка, а личная вещь (не «брали где-то», а имела при Себе).

В других (предыдущих) залах – кое-что по разряду достопримечательностей:

Эполет корнета Лейб-Гвардии Уланского полка (1855 г.) с пятиконечной звездой (sic!) – Разумеется, не красной, а металлической (на золотой выпуклой площадке), но вполне недвусмысленной.

Эполет поручика – три пятиконечных... еще «звездочки» – на эполетах подпоручика, генерал-майора...

(Вроде приветствия графа Келлера полку: «Здорово, товарищи!»)

Бирюзово-зеленая «ходынская» кружка с гирляндой листиков.

Ладно, попроще что-нибудь... «Солдатская памятка» генерала Драгомирова (1888 г.) – книжица в несколько листов, размером в солдатскую ладонь.

Из Евангелия. – Суворов. – Безвестное, на чем кончается разворот:

«Всегда бей, никогда не отбивайся». – «Не жди смены – не будет; поддержка будет».

Последнее не то что даже «понравилось» – восхитило. Что твой Цезарь!

(И кровное что-то: разве не так? – Прадеды – солдаты, офицеры...)

На черной трубе погорелого дома

Орел отдыхает в безлюдной степи.

Так вот что мне с детства так горько знакомо:

Видение цезарианского Рима –

Горбатый орел, и ни дома, ни дыма...

А ты, мое сердце, и это стерпи.

Наталья ГАНИНА

Н. Ганина

*

*Зимний вечер, лиловый отлив.
Государыня этот цвет
Так любила... Призраки ив.
Городок. Лазарет.*

*Щели, доски, провал окна...
Только знает сердце: Она!
Не того ли чистого льна
Милосердная белизна?*

*Зима — длиться, камням — молчать...
Не остынь. Не смутись.
Знай и помни. На всём печать.
Лазарет. Аметист.*

**Вечер 31 дек./13 янв.
2003 / 2004**

ШКОЛА СВЯТОЙ ЦАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ

Совсем недавно жители Санкт-Петербурга широко праздновали 300-летний юбилей со дня основания города. К славному юбилею было приурочено немало больших и малых праздничных мероприятий, о которых подробно рассказывали СМИ. Однако одно событие прошло незамеченным прессой.

Есть в Петербурге уникальное учебное заведение – Православная Школа народного искусства Императрицы Александры Феодоровны*. Школа была основана по мысли и воле Святой Царицы в столице Российской Империи в 1911 году. В ней обучались дети со всей России. При школе был домовый храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, расписанный ученицами в стиле новгородской иконописи XII века, богатейший музей произведений народного искусства. Школа славилась своими вышивальными, ткацкими, красивыми мастерскими и рисовальными классами. По свидетельству современников, в школе всегда звучала народная песня, девочки также пели в церковном хоре и в школьном доме. Модель Школы, по мысли Августейшей основательницы ее, должна была распространиться по всей России с целью духовного преображения нашего Отечества, сохранения традиционной культуры и народного искусства.

В 1992 году Школа была возрождена. За десять лет своего существования она на деле доказала жизнеспособность и актуальность модели исторической школы и для современной России.

В ходе празднования юбилея Санкт-Петербурга генеральный директор православного издательства «Царское Дело» Сергей Астахов посетил учебное заведение и преподнес в дар школе недавно изданную уникальную книгу – сочинение рус-

---

* С.-Петербург 190121, ул. Витебская, 6. Директор Наталия Ивановна Пономарева.

ского генерала, общественного деятеля и историка А. Д. Нечволодова⁴⁵⁸ «Сказание о Русской Земле». Заместитель директора школы Александр Жербин поблагодарил издателя за щедрый дар и заявил, что прекрасно изданная книга Нечволодова не только принесет пользу учащимся, но и воистину украсит школьную библиотеку. Весьма символично, что Школе подарена книга, получившая Высочайшее одобрение Августейшего Супруга Основательницы школы Святого Государя-Мученика Николая и рекомендованная во все библиотеки страны. Причем, книга вышла примерно в то же время, когда делала свои первые шаги Школа.

Комментируя «Русской Линии» это событие, Сергей Астахов заявил, что акция издательства связана с тем, что он лично и все сотрудники издательства «Царское Дело» глубоко чтут все, что связано с именем Царской Семьи, но его сердечное желание – чтобы книга А. Д. Нечволодова была в каждой школьной библиотеке. И, может быть, когда-нибудь это станет реальностью.

«Русская линия»

МУРОТОЧЕНИЕ В «ЦАРИЦЫНОЙ СВЕТЛИЦЕ»

Муроточение иконы Святой Императрицы Александры Феодоровны, сходное с чудом от образа Царя-Мученика Николая Александровича в Москве, происходит в Санкт-Петербурге, сообщает корреспондент «Портала-Credo.Ru». [...]

Немного меньшая по размерам литографическая копия образа Мученицы Александры, Царицы Российской, замуроточила в 2003 году в Санкт-Петербурге. Первообраз был написан за три месяца до прославления Царской Семьи МП РПЦ для домового храма возрожденной в городе Школы народного искусства Императрицы Александры Феодоровны. Одна из его бумажных копий, побывав в Иерусалиме, явила чудо муроточения и благоухания. Муроточение происходит по поверхности и покрывает ее капельками более с левой стороны – так же происходит с иконой Государя. В обоих случаях чудесное явление усиливается в памятные Царские даты. Есть сходство в неземных, поистине райских запахах жидкостей, но у Императрицы он более тонкий, с цветочными оттенками.

Как и Царь на московской иконе, Его Венценосная Супруга представлена в державном величии. На Ее плечах коронационная мантия, в левой ручке, как ребенка у сердца, Она бережно держит Свое сокровище-ларец, написанный в виде здания школы народного искусства. Ее основательницей Александра Феодоровна стала в 1911 году. Вместе с Великими Княжнами Она присутствовала на освящении домового храма. Дети из губерний России обучались здесь наукам и ремеслам. Школа объединила идеи неразрывности духовного воспитания и овладения тайнами народного творчества. Ларец, хранящий будущие богатства Отечества, – это завет, воплощенное завещание Великой Просветительницы русским людям, памятник педагогических деяний Августейшей Семьи. Здание школы сохранилось, оно находится у «Спаса-на-Крови» на канале Грибоедова, 2а (бывшем Екатерининском).

Над школой-ларцом – красная Екатерининская лента, которую с первого взгляда можно принять за кровоточащую рану. Это понятно для тех, кто знает современную судьбу уникального учебного заведения, воссозданного в 1992 году, но лишённого родного дома. Национальную святыню пытались варварски перестроить, осквернить, превратить в отель, передать богатому владельцу – только не школе-правопреемнице. Ныне ее хозяином стал Санкт-Петербургский государственный университет, готовящий открытие в ней учебного заведения-двойника «под эгидой Людмилы Путиной»...

Очевидно, что Царственная Покровительница детей и педагогов утешает их чудесным знаменiem, посылая елей – символ милости. В этом укреплении нуждаются воссоздатели и питомцы школы, 12 лет ведущие мужественную борьбу за детище Императрицы. Отказаться от Ее Имени – всё равно, что отказаться от матери, отказаться от храма – все равно, что отказаться от Христа. Посылая им драгоценный аромат из дивного «сада сердца», Святая Мученица вселяет веру в то, что победа будет одержана, и в «Царицыной светлице», как встарь, будут учиться дети со всей России.

«Я поручаю тебя Анастасии»

Господи благослови.

Поздним субботним вечером [23 февраля 1997 г.] возвращаясь домой от мамы, старшего редактора Отдела рекламы на телевидении, в святом крещении Александры, я предавалась щемящей скорби. В очередной раз сорвалась моя попытка вытащить ее на исповедь «по договоренности». «Господи, потерпи на мне!» – взмолилась я из глубины сердца. И в ту же секунду что-то наподобие тока пронзило меня, и я услышала строгий мужской голос: «А ты готова?» – «Да, готова». – «Ну тогда держись!»...

Утром, торопясь на службу с маленьким сынишкой в храм Владимирской Божией Матери и находясь в десяти метрах от ворот, я увидела несущееся на нас поперек дороги такси... Оградить крестным знамением успела только сыночка, идущего в двух шагах впереди, и машину. Себя успела оградить только справа и от страшного удара потеряла сознание, в один миг оказавшись в потоке ослепительного Света и Божественной Любви...

Шофер, сбивший меня и изрядно искалечивший, при встрече признался, что в кабине машины висела икона Владимирской Божией Матери, а он повесил рядом брелок для ароматизации в виде обнаженной женщины.

Когда машина подъезжала к храму, у нее полетели «шаровые» и ее понесло.

На восьмом этаже института Склифософского, где я оказалась с многочисленными переломами, все в палате были верующими. На следующее утро мой духовный отец причастил нас. Я попросила друзей привезти маслица от лампады преподобного Серафима, дивный чудотворный образ которого висит в нашем храме. Освященное масло мы стали заливать под гипс и смазывать им больные места. Вскоре по Склифу разнесся слух о быстром заживлении ран в нашей палате, и к нам стали заходить заинтересованные чудесами больные из других палат. Шел Великий пост. По вечерам при свечах мы читали Канон Святого Андрея Критского. Несмотря на физические боли, у всех ощущался духовный подъем.

Ущерб, причиненный здоровью, врачи оценили в пятьдесят тысяч рублей (до обвала рубля в 1998 году). Сумма по отношению к зарплате служащей храма огромная. А посему стала моя мамочка – женщина решительная и активная – требовать от меня судиться с водителем такси с целью возмещения причиненного ущерба. Водитель попросил неофициальной встречи со мной, во время которой пригрозил, что если я подам в суд, то своих двух сыновей больше не увижу.

А мама всё бушевала... Мало того, что я с трудом передвигалась по квартире на костылях, сильный нервный стресс окончательно подрывал силы...

В один из вечеров, после горячей молитвы к преподобному Серафиму и Царственным Мученикам, прилегла отдохнуть... И попадаю во сне в Царскосельский сад. Вижу Святого Государя Николая II прогуливающимся с трубочкой, Святого Мученика Царевича Алексея, катающегося на велосипеде, Святую Мученицу Царицу Александру в кресле-качалке с рукоделием в руках и Святую Царевну Татиану, читающую книгу. Я подхожу по дорожке к Царице Александре и рассказываю Ей о своей беде. Она внимательно выслушивает меня и подзывает к Себе Царевну Анастасию.

«Я поручаю тебя Анастасии», – говорит мне Царица Александра. На этом видение заканчивается, и я просыпаюсь. На душе светло и спокойно. Полная уверенность в помощи и заступничестве Царственных Мучеников.

За Литургией в Великий Четверг мы с мамочкой причащались вместе.

На Пасху я уже работала в книжной лавке храма, выстаивая, правда еще с палочкой, по десять часов на ногах.

Первого августа, на день преподобного Серафима, в благодарность святому я была в Дивеево и участвовала в торжествах. Народу было великое множество. Нагрузка и физическая и духовная колоссальная. Купалась в источниках, причащалась и как-то незаметно забыла про палочку.

Не успела я вернуться в Москву, как звонит взволнованная мама и предлагает мне «горящую» путевку в Иерусалим. Ее близкая подруга, директор паломничес-

кой фирмы, зная меня с детских лет, решила сделать мне такой подарок – путевку за полцены. И на праздник Преображения Господня я причащалась на горе Фавор...

После событий, произошедших со мной, мама преобразилась. Она стала искренно верующим человеком, правда до воцерковления еще далеко. Во всех путях моих, чувствую, я не одинока. Молитвы преподобного Серафима, Царственных Мучеников и других святых укрепляют в вере и поддерживают нас.

Раба Божия Екатерина

15 июня 2004 г.

От составителя: В тот же день, когда Екатерина передала записанное для нашей книги свидетельство, она обнаружила на своем рабочем столе два экземпляра акафиста Царице-Мученице, неизвестно кем принесенных.

Г. В. Иванов

* * *

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.*

*Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжны...*

ПЕЩЕРНАЯ ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ ЦАРЕЙ КОНСТАНТИНА И ЕЛЕНЫ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Для удовлетворения религиозных нужд эвакуированных в Царское Село раненых, могущих по состоянию своего здоровья выходить из лазаретов, предоставлена пещерная Царево-Константиновская церковь, сооруженная в память исполнения 1600 лет со дня объявления св. равноапостольным Императором Константином христианства дозволенным вероисповеданием. Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна, осведомившись из личного осмотра в сентябре месяце 1914 года о ходе работ по устройству церкви, изволила Всемилоостивейше повелеть обратить также церковь сию в храм-памятник дел милосердия, лечения и призрения раненых воинов настоящей войны и поместить на стенах названной церкви доски с занесением на них имен всех прошедших через лазареты Царскосельского района воинов, награжденных за боевые отличия, и всех, в пределах этого района от ран скончавшихся.

Во исполнение таковых Всемилоостивейших предубаказаний предпринятые работы к октябрю 1914 г. были закончены, и на 26-е было назначено освящение нового храма.

Накануне освящения, в субботу 25-го октября, в Высочайшем присутствии Ее Императорского Величества Государыни Императрицы с Августейшими Дочерьми Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной в новом храме было совершено всенощное бдение, перед ко-

---

Царскосельский район и особый эвакуационный пункт. Царское Село. 1915. № 10. С. 49-61. Благодарим К. Протопопова за указание. — С. Ф.

торым председатель строительного комитета полковник С. Н. Вильчковский имел счастье поднести Ее Императорскому Величеству всепреданнейший доклад о возникновении и сооружении храма.

В воскресенье 26-го октября к началу освящения, в 10 часов утра изволили прибыть Ее Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна с Августейшими Дочерьми Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной, Ее Величество вдовствующая Королева эллинов Ольга Константиновна, Их Императорские Высочества Великие Князья Павел Александрович, Константин Константинович с Августейшей Супругой Великой Княгиней Елисаветой Маврикиевной, Ее Королевское Высочество Княгиня Елена Петровна Сербская, Их Высочества Князья: Константин Константинович, Гавриил Константинович и Георгий Константинович.

Чин освящения церкви совершал митрофорный протоиерей Царскосельского Екатерининского собора отец Афанасий Беляев в сослужении с митрофорными протоиереями: духовником Их Величеств отцом Александром Васильевым и настоятелем Придворной Знаменской церкви отцом Иоанном Сперанским, протоиереями: благочинным царскосельских церквей отцом Николаем Смирновым и настоятелем Скорбященской госпитальной церкви отцом Иаковом Червяковским при диаконах: Андрее Чубе* и Василии Соколове.

---

* *Андрей Трофимович Чуб* (1880 †22.10.1960), впоследствии митрофорный протоиерей – родился в крестьянской семье на Украине. Состоял в митрополичьем хоре Киево-Печерской Лавры (1893), позднее – в братском хоре Александро-Невской Лавры (1899). Псаломщик Крестовой церкви при митр. Антонии (Вадковском) (1901-1903). В лаврском Троицком соборе С.-Петербурга епископом Сергием (Страгородским) посвящен в сан диакона (1905). Назначен к церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в Царском Селе (1908). Посвящен в сан иерея (1915) и определен к пещерному храму равноапостольных Царей Константина и Елены в Царском Селе. Перемещен в храм во имя иконы Божией Матери «Знамение» (1934). После Великой Отечественной войны служил в Лужском благочинии Ленинградской области. С 1949 г. и до кончины был настоятелем Преображенской церкви в пос. Толмачево. – С. Ф.

На освящении присутствовали почетные члены строительного комитета: обер-прокурор Святейшего Синода статс-секретарь В. К. Саблер, начальник Царскосельского дворцового управления генерал-майор князь Путятин, коммерции советник А. А. Блинов, а также и другие члены комитета, чины Министерства Императорского Двора, заведующие Царскосельскими лазаретами для раненых, доктора, сестры милосердия, военные и гражданские власти, выздоравливающие раненые офицеры и нижние чины.

Ко дню освящения прибыл из Москвы руководивший художественной частью по отделке церкви и сооружению утвари художник Сергей Иванович Вашкор, который после освящения имел счастье быть представленным Ее Величеству и удостоиться милостивых расспросов.

ОПИСАНИЕ ПЕЩЕРНОЙ ЦЕРКВИ

С паперти в Пещерную церковь ведут три двери, средняя из них — большая, а по обеим сторонам ее две другие — меньшей величины; от этих последних вниз в самую церковь спускаются лестницы, по 15 ступенек каждая; лестницы эти внизу в самой церкви замыкаются железными решетчатыми дверями.

Церковь имеет три части: южную, за решетчатыми дверями — притвор, среднюю — корабль и северную — крещальню. Пилоны, отделяющие одну часть от другой, исполнены в древне-византийском стиле и как в части, отделяющей последний от крещальни, стоят двумя рядами, по два в каждом ряду, так что всех пилонов восемь.

В восточной части храма, перед кораблем находится алтарь с отдельными небольшими помещениями; с северной — жертвенник и с южной стороны — паракиптик (молельня), в которой в прежнее время слушали Литургию Византийские Царицы*.

---

* Царский мутаторий (митаторий) в византийских храмах располагался обычно в юго-восточном углу, справа от алтаря. Здесь Византийский Император переоблачался, завтракал после причастия Св. Таин, принимал поздравления чинов после Коронации, а иногда даже ночевал накануне Литургии. В нем было несколько отделений, каждое из которых имело свое особое на-

Все стены храма окрашены палевой краской с панелью под стилизованный мрамор. Небольшие окна находятся под потолком, внутренние оконные переплеты стилизованы, они изображают двойной крест в кругу со вставленными в них гофрированными светло-синими стеклами.

Все детали храма исполнены в духе древних базилик IV-VI веков и подтверждаются ссылками на первоисточник.

Так как в первые века христианства верующие вследствие жестоких гонений должны были тщательно скрывать свою веру и вынуждены были прибегать к различным символам, то стенная живопись, священные сосуды и утварь Пещерного храма воспроизводят эти символы. Символами служили чистые животные, например: агнец, телец, голубь, рыба или воплощавшие верования предметы, как-то: монограмма Христа, образный крест, упирающийся основанием в поспранного змия, якорь, символизовавший надежду на спасение, пальмовая ветвь, означавшая принесенный Христом на землю душевный мир, виноград, являющийся воплощением плодородия; плывущий под парусами корабль означал св. Церковь, спасающую в житейском море, красивейшая птица павлин, пьющий из чаши, олицетворял Св. Пасху, парящий к небу орел символизировал душу молящегося.

Самый выдающийся по яркости предмет – это золоченый крест с самоцветными уральскими гранеными камнями, коих вделано в крест до 200 штук; крест этот

значение. Прежде всего, это собственно *мутаторий* – комната для облачения и переоблачения Царя, место Его отдохновения. Другим был *паракиптик* – молельня, в которой Император стоял или сидел во время Богослужения, будучи никем невидимым. Наконец, третьим был *триклин* – помещение для Царских завтраков, в котором во время службы находились телохранители и чины кувуклия. К Царскому мутаторию (возможно, и не входя в его состав) примыкал *евктирий* (капелла, молельня) – небольшое помещение с алтарем, в котором Император также мог молиться во время Богослужения. Размещалось оно обычно в юго-восточной части храма и примыкало, с одной стороны, к диаконнику, а с другой – к одному из отделений Царского мутатория. В этой молельне стоял крест с символами страданий Христовых (*Беляев Д. Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. II. СПб. 1893. С. 127-132).* – С. Ф.

находится за престолом; над ним вверху абсиды изображена глава Христа типа «Эммануил», по сторонам креста надпись: «Яко из того и тем и в нем всяческая». Затем в запрестольном образе по сторонам этого креста изображены на стене абсиды во весь рост св. равноапостольные Цари Константин и Елена; вся эта икона типа «Полиомата» [«Многоочитая»] написана на полотне и представляет копию с подлинников древних веков, перед нею теплится лампада, имеющая вид рыбы. Под запрестольным образом находятся стасидии из белого мрамора. С северной стороны запрестольного образа – стенная живопись, изображающая пальму; затем окно и за ним письмо: «свят, свят, свят», а под окном – крест в кругу, с греческою надписью: «ника». Далее на стене изображен пьющий из чаши павлин и под этим символом Св. Пасхи надпись: «Рече Иисус: Аз есмь воскрешение и живот, веруай в Мя, аще и умрет, живет». Затем дверь в жертвенник и над нею монограмма Христа, все это окружено венком с лентами. За дверью на конце северной алтарной стены у арки вверху – пальмовая ветвь, а под нею слова Христа на Тайной вечере: «Примите, ядите, сие есть тело Мое, Яже за вы ломимое. Сия чаша новый завет есть в Моей крови. Сие творите в Мое воспоминание».

С южной стороны запрестольного образа стенная живопись изображает виноград, затем также окно с письмами над ним: «свят, свят, свят», и под ним крест в кругу с греческою надписью: «ника». Далее изображен агнец у ручья и под ним надпись: «Им же образом желает елень на источнике, сице желает душа моя к Тебе, Боже». Затем над дверью в паракиптик – монограмма Христа, окруженная венком с лентами. За дверью на конце южной алтарной стены вверху – пальмовая ветка, а под нею надпись: «Аз есмь альфа и омега, начало и конец, первый и последний».

Алтарная арка в замке имеет изображение чаши с хлебами предложения; по сторонам чаши спускаются на своды арки письма, – левой стороны: «Аще ни снете плоти Сына Человеческого» и с правой стороны: «и не пиете крови Его, живота не имате в себе». Под этими письмами помещены рыбы, а затем крест с пальмовыми ветками.

По середине алтаря находится престол с положенным в основание его гранитным ларцем Екатерининских времен с белым мраморным ковчежцем, в коем помещены св. мощи; ларец этот был освящен при закладке престола 18 августа 1913 года. Престол имеет одну ступень и увенчан сенью на четырех мраморных колоннах типа храма св. Аполлинария в Равенне; из центра сени спускается на трех серебряных цепях серебряная дарохранительница в виде голубя из Таврических раскопок. Вверху по углам сени, над колоннами помещены разные золоченые венки с монограммою Христа; своды кивория внутри вызолочены, а снаружи окрашены синею краскою (небо) с золочеными равноконечными крестами (звезды). На престол водружен темно-бронзовый семи-свечник. За престолом выносные крест и икона Богоматери типа «Полиомата» из слоновой кости, а вместо выносного фонаря – лючерна (трехрожковый светильник). Мраморный жертвенник находится в небольшом отдельном помещении с северной стороны алтаря. Над жертвенником икона Спасителя с чашею и хлебами предложения, а над иконой изображение Св. Духа. На левой стене изображен агнец с крестом и надпись: «Се агнец Божий, взявляй грехи мiра». Затем на стенках изображены чаша, монограмма Христа, пальмовая ветвь, голуби и попранный змий.

С южной стороны алтаря находится паракиптик, подобный византийским. Места Императора и Патриарха устроены так, как они сооружались в византийских малых храмах, и осенены «лабарами» Христа и Царя с орнаментами и признаками власти, исполненными в стиле VI века; у северных и южных врат укреплены хоругви, типичные для того века. По середине стоит для Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны массивное дубовое кресло с высокой спинкой*, на правой стороне которой водружен на древке Российский Императорский Герб, а на левой стороне спинки –

---

* О мутатории Царицы в храмах Византийской Империи и высоком кресле Императрицы в нем см.: *Беляев Д. Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям.* Кн. II. С. 208-210. – С. Ф.

монограмма Ее Величества с Императорской Короной; сбоку кресла под окном стоит дубовый аналой. Здесь же со стороны двери в алтаре устроены полки с священной утварью (венцы, сосуды, блюда и пр.). Вход в молельню устроен из притвора между пилонами, через дверь с изображением св. мученика архидиакона Стефана. Соответственно этому, из северной стороны имеется вход из крещальни в жертвенник через дверь с изображением св. мученика Лонгина Сотника. Над обеими дверями помещены письма: «мы проповедуем Христа – Божию силу и Божию премудрость».

Алтарь от корабля отделяется преградой, заменяющею иконостас и состоящую из двух столбов и трех низких, в пол-роста человека решетчатых дверей. За ними через всю преграду натянута шелковая пурпуровая завеса с вышитыми по верху и по низу желтыми орнаментами. Алтарная преграда представляет собою копии с преград храма св. Марка и св. Виталия в Торчело. Левая колонна, в основание коей вложена закладная доска, имеет образ Богоматери типа «Оранта», а правая – Спасителя типа «Пантократор». Внизу образа Спасителя надпись: «Аз есмь путь и истина, и живот». Внизу образа Богоматери надпись: «Предста Царица одесную Тебя». Перед обеими иконами вделаны бронзовые подсвечники и спускаются светильники в виде рыб; кроме того, перед ними у амвона стоят треножные подсвечники на мраморном постаменте, у которых верхняя часть представляет большую чашу в $1\frac{1}{2}$ арш[ина] в диаметре, наполненную песком, куда вставляются свечи; от этой чаши спускаются подвески: монограмма Христа, якорь, корабль, агнец, голубь, рыба. Над солею спускается люстра с лампадами в виде рыб. На низких Царских вратах два круглых образа: на одной половине – св. евангелисты Матфей и Марк, а на другой – св. евангелисты Лука и Иоанн. По сторонам Царских врат вделаны рипиды с монограммою Христа и 4-мя подвесками, на них же водружены небольших размеров образа Спасителя и Божией Матери. По сторонам же стоят низкие в $1\frac{1}{2}$ роста человека светильники, в виде рыб, заменяющие выносные свечи. Над аркой алтарной конхи по углам с левой стороны изображение св. архангела Гавриила, а с правой – Пресвятой Девы Марии. У

самой арки помещены в углах хоругви древнего вида, треугольной формы. На плафоне корабля в середине — изображение Св. Духа в виде голубя с расходящимися лучами. У левого переднего пилона изображен орел и надпись: «вся тем быша, и без Него ничтоже бысть», у левого заднего пилона телец и надпись: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою»; у правого переднего пилон — ангел и надпись: «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят»; у правого заднего пилон — лев и надпись: «Уготовайте путь Господень»; и в правом: «сотворите стези Его»; на заднем плане плафона изображена монограмма Христа.

Над левым и правым клиросами по карнизу изображено по шесть голубей: затем надписи справа: «Иже веру имет и крестится, спасен будет» и слева: «Идеже в мир весь, проповедите евангелие всей твари». На первом пилоне слева круглый образ св. евангелиста Иоанна; на заднем пилоне св. евангелист Лука; на переднем пилоне справа св. евангелист Матфей; на заднем — св. евангелист Марк. Под образами евангелистов помещаются иконы: на левом переднем пилоне св. Иоанн Златоуст; на левом заднем пилоне св. Григорий Двоеслов; на правом переднем пилоне — св. Василий Великий; на правом заднем — св. Григорий Богослов. У левого переднего пилон стоит массивное дубовое кресло — Патриаршее место; а у правого переднего пилон тоже дубовое кресло — Царское место; и то и другое осенены «лабарами» (хоругви) Христа и Царя с орнаментами и признаками власти в стиле VI века.

На задней стене корабля изображен юноша-пастырь с заблудшею овцою на раменах, а по сторонам изображены по шесть агнцев; под пастырем внизу надпись: «Аз есмь пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагает за овцы». Посреди корабля поставлен амвон в одну ступеньку с дубовыми перилами по сторонам, а по задней стене ряд кафизм (сидений) с гербами по образцу тех, на которых в древних храмах отдыхали члены Царской Семьи и высшие чины Византии.

В крещальне посреди утверждена старинная мраморная чаша-купель. На передней стене изображены св. муч. Вера, Надежда, Любовь, мать их София и прислужница

Агафоклея, а рядом с северным выходом из жертвенника изображены св. муч. Царица Александра, на правом пилоне св. великомученица Варвара, на заднем пилоне св. великомученица Екатерина.

Во втором ряду у первого пилона утвержден мраморный панихидный столик с распятием (из слоновой кости). Вверху пилона врезана доска с надписями: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих иереев: Иоанна, Симеона, Гавриила, Феодора, Василия, Александра, Павла, Николая, старших врачей: Франциска, Феофила и Ксенофонта». Под этой доской вторая с надписью: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих Императоров: Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Императриц: Екатерины II, Марии Феодоровны, Елизаветы Алексеевны, Александры Феодоровны, Марии Александровны; Цесаревичей: Константина, Николая, Великого Князя Владимира Александровича». Внизу третья мраморная доска с надписью: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: Николая и Екатерины и всех прежде почивших сродников их». На самом панихидном столике с левой стороны: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Цесаревича Георгия», а с правой — «Упокой, Господи, душу раба Твоего, за веру, Царя и Отечество во брани живот положившего Князя Олега». Правая сторона панихидного столика предназначена для покрытия надписями об упокоении прежде почивших братьев.

Сзади левого пилона — образ св. Георгия Неокесарийского. На плафоне между пилонами первого ряда посредине изображен якорь (в кругу), а по сторонам надпись: «Упование еже яко котву имамы души тверду же и известну»; между пилонами второго ряда изображена купина неопалимая, а по сторонам надпись: «Престол Давида Отца Его и даст ему Господь Бог».

В пространстве между пилонами, отделяющими корабль от притвора, на плафоне между пилонами первого ряда (от корабля) изображен корабль, а по сторонам надпись: «Держайте, Аз есмь, не бойтесь»; между пилонами второго ряда на плафоне изображен голубь с веткой и надписью по сторонам: «возвратите персть в землю, якоже бе и Дух возвратися к Богу, Иже даде Его».

В притворе на восточной стороне висит св. Плащаница, а затем образ св. равноапостольных Царей Константина и Елены. На переднем пилоне врезана мраморная доска с надписью: «Господи, сохрани Благочестивейшаго Самодержавнейшаго Великаго Государя Императора Николая Александровича, Супругу Его Благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну, Матерь Его Благочестивейшую Государыню Императрицу Марию Феодоровну, Наследника Его Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Алексея Николаевича и весь Царствующий Дом». Сзади заднего пилона помещен образ Афанасия Великого. На пилонах второго ряда изображены св. безсребреники Косьма и Дамиан, а на стене св. Николай Чудотворец.

Между входными дверьми помещен массивный дубовый ларец со свечами. Сзади его в нише разбитая мраморная доска с надписью: «В лето XX Царствования Императора Николая II сооружен храм сей доброхотными жертвами благочестивых царскоселов в воспоминание MDC лет от издания Императором св. равноапостольным Константином Миланского эдикта». Под св. престолом положено основание и св. мощи, находившиеся в построенной Императрицею Екатериною II и в MDCCLXXXI году разобранной при Императоре Александре I в MDCCCXVII году деревянной Царе-Константиновской церкви в Софии.

По обеим сторонам ниши (с разбитою мраморною доскою) помещены закладные доски: с левой стороны — закладная доска, найденная в Софии на месте престола в бывшей Царево-Константиновской церкви, и с правой стороны — закладная доска, найденная в основании абсиды при разборке прежней алтарной арки госпитальной Скорбященской церкви.

В Высочайшем Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны присутствии храм сей освящен XXVI октября XIV года с благословения Высокопреосвященнейшаго Владимира, митрополита Петроградского и Ладожского иерейским освящением митрофорным протоиереем отцом Афанасием Беляевым в сослужении с духовником Их Императорских Величеств отцом Александром Васильевым, митрофорным протоиереем отцом Иоанном Сперанским, протоиереем отцом

Николаем Смирновым и отцом Иаковом Червяковским. Старостой храма состоял царскосельский купец Иван Кучумов. Строился храм под наблюдением строительного комитета под почетным председательством генерал-адъютанта графа В. В. Фредерикса при почетных членах статс-секретаре В. К. Саблере, гофмейстере К. М. Злобине и ген.-майоре князе М. С. Путятине архитектором Высочайшего Двора С. А. Данини.

Роспись, отделка и утварь исполнены тцанием художников С. И. Вашкова, И. С. Емельянова и В. З. Гаврилова, мастерскими: Оловянишниковых, Чиркова, Стрельникова, Кадушкина и царскосельскими дворцовыми.

ПЕРВОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ НА РУСИ

С первых дней открытия лазаретов района Ее Величество, входя лично во все подробности жизни его, была озабочена мыслью о достойном устройстве братского кладбища — места последнего упокоения тех защитников нашей родины, которым Бог судил закончить свои дни в стенах лазаретов.

По воле Ее Величества близ городского Казанского кладбища был отведен участок земли, на котором, увы, чрезвычайно быстро стали вырастать целые ряды зеленых холмиков, осененных крестами.

Для устройства нового кладбища, на военном кладбище местного гарнизона было временно предано погребению пять нижних чинов, тела которых впоследствии тоже были перенесены на братское кладбище.

По мере того, как возрастало число погребений, увеличивалось и самое кладбище, которое, по указанию Ее Величества, с весны 1915 года стало устраиваться со строгой простотой. Обнесенное скромною временною изгородью с крестом на каждом столбе, обсаженное вечнозелеными елями вдоль рва, отделяющего его от дороги и поля, с единственными воротами, из которых устроена широкая дорога с рядами туй по сторонам, оно с первых дней войны стало принимать в свою ограду гробы с останками скромных серых героев.

Зимой 1914-15 гг. у Ее Величества явилась трогательная мысль — впредь до того момента, когда удастся осуществить постройку достойного памяти героев каменного храма-памятника на кладбище, возвести временную небольшую церковку, возможно простую, деревенскую русскую, дабы еще больше освятить это святое место; к этому

Вестник Царскосельского района. Царское Село. 1916. № 9. С. 5-11. Благодарим К. Протопопова за указание. — С. Ф.

времени Ее Величеству было благоугодно разрешить хоронить на этом кладбище и тех, кто при жизни служил и работал в лазаретах района и в составе Царскосельского особого эвакуационного пункта, т. е. тех, кто, хотя и не призван был пролить кровь за Царя и Отечество, но по мере сил трудился над облегчением страданий раненых и больных воинов.

3-го июля 1915 года Ее Величество всемилостивейше соизволила утвердить составленный гражданским инженером С. Ю. Сидорчуком в стиле северного древнерусского деревянного зодчества проект временной церкви в честь иконы Богоматери «Утоли моя печали». Сейчас же началась постройка, причем материал был пожалован Их Величествами из числа деревьев, поваленных в Императорских парках во время урагана 1912 года*.

18 августа 1915 года состоялась закладка храма, совершенная духовником Их Величеств о. протоиереем Александром Васильевым в сослужении многочисленных членов царскосельского духовенства, с самого начала войны отдающего все свои досуги духовно-нравственному попечению о раненых, находящихся в лазаретах района. Каждый из этих достойных пастырей уже не раз проводил на это братское кладбище страдальцев, угасших на его руках, и принял от них последнюю исповедь, слышал их последнюю молитву.

Обычный чин закладки храма совершился в присутствии раненых, пришедших из ближайших лазаретов, царскосельской команды выздоравливающих, персонала лазаретов и чинов Царскосельского особого эвакуационного пункта и закончился пламенной речью о. духовника Их Величеств, в скорбные дни нашего героического отступления призывавшего, глядя на свежие могилы воинов, на иконы и стяги св. Православной Церкви, памятуя молит-

---

* В действительности речь идет об урагане, разразившемся в Царском Селе в апреле 1914 г., когда Царская Семья находилась на юге. Ср. запись в дневнике Государя (5.6.1914): «В 9.45 прибыли в Царское Село и с павильона заехали в Наш собор к молебну. [...] Немного устроившись в Своих комнатах, пошел гулять. Увидел с грустью большие опустошения, наделанные в парке ураганом в апреле». — С. Ф.

вы Царя и Царицы, не падать духом, не унывать, а твердо верить в конечную победу Руси над безбожным врагом; о. духовник призывал всех сплотиться вокруг Церкви и Царя и верою, крепкою и сильною, ожидать безтрепетно помощи Божией в правом деле защиты Родины и угнетенных народов, памятуя, что zde лежащие уже отдали, по завету евангельскому, душу свою за други своя, а заботы об их последнем месте упокоения, о вознесении повседневных молитв за их чистые души не покидают Царицу Великой России.

Через десять дней, 29 августа, после торжественной панихиды с поминовением всех на поле брани убиенных и в море погибших, на уже законченном срубе храма были водружены кресты.

4 октября 1915 года состоялось освящение церкви. На этот раз, в виду малых размеров храма, в собор священников, возглавляемый о. духовником Их Величеств, на всенощной 3-го октября входили только настоятель Скорбященской церкви Дворцового госпиталя о. протоиерей И. Червяковский и священники: Казанского кладбища о. О. Мудролюбов, 131-го Сводного эвакуационного госпиталя о. Д. Разумов и Пещерной Царе-Константиновской церкви о. А. Чуб, а в день освящения, кроме духовника Их Величеств, — старейший в городе протоиерей, настоятель Екатерининского собора о. А. Беляев и священник 131-го Сводного эвакуационного госпиталя о. Д. Разумов, коему все милостивейше повелено было быть настоятелем освящаемого храма на все время войны.

Ко дню освящения церковь была совершенно закончена; только св. утварь, исполнявшаяся с соблюдением величайшей простоты по особым рисункам, утвержденным лично Ее Величеством, в Москве фирмой Оловянишниковых, по обстоятельствам военного времени, не могла быть изготовлена в столь краткий срок. Поэтому утварь в церкви была вся временно взята из ризницы Феодоровского Государева собора. Иконы в иконостасе изготовлены также в Москве иконописной мастерской Н. С. Емельянова. Форменное облачение было уже готово, а, кроме того, полное облачение для священника, диакона и псаломщика, на св. престол, жертвенник и аналой вышито Собственно-ручно Ее Императорским Величеством.

Церковь, иконостас, паникадило, аналои, скамьи, подсвечники, решетки клиросов – все изготовлено, по рисункам инженера С. Ю. Сидорчука, царскосельскими дворцовыми и частными мастерскими в духе строгого стиля архангельских деревянных церквей XVII века, причем каждый предмет предварительно представлен был на обозрение и утверждение Ее Величества. Ковры в церковь вышиты усердием сестер милосердия лазарета Большого дворца.

Государыня, неоднократно посещавшая постройку храма, изволила прибыть 3-го октября ко всенощной вместе с Августейшими Дочерьми. На левом клиросе поместился небольшой хор певчих из нижних чинов царскосельской команды выздоравливающих, на правом молилась Царица с Дочерьми. Вечер был теплый и ясный. Западные двери маленького храма были открыты настежь, и сквозь них было видно тихое кладбище и молитвенно настроенные ряды команд выздоравливающих и раненых нижних чинов со своими врачами, сестрами и санитарями. Немногие могли поместиться в самом храме, где посреди его перед иконой «Утоли моя печали» в почти полной темноте совершалась положенная перед освящением храма всенощная без возжжения светильников: вся площадка вокруг храма и вся дорога от ворот кладбища были полны молящихся.

Рано утром 4 октября стали у храма собираться высшие чины учреждений района Царскосельского особого эвакуационного пункта, лица ближайшей Свиты Его Величества и городские власти. В исходе 10-го часа прибыли Ее Величество Королева Ольга Константиновна, Их Императорские Высочества Великие Княгини Мария Павловна, Елизавета Феодоровна и Елизавета Маврикиевна. Ровно в 10 часов изволила прибыть Ее Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна с Августейшими Дочерьми, и начался чин освящения храма.

Ее Величество, приняв рапорт начальника команды выздоравливающих, командовавшего церковным парадом, изволила проследовать в храм и стать в алтаре.

После омовения и освящения св. престола, возжжения светильников и помазания стен храма, Ее Величество с Августейшими Особами изволила принять участие в крестном ходе вокруг церкви и занять место на правом клиросе,

где слушала первую в сем новом храме Литургию, по окончании коей, обойдя могилы усопших героев, изволила отбыть во Дворец.

Храм сей, как и все братское кладбище, сооружен и содержится на средства Ее Величества и до конца войны находится в ведении Царскосельского особого эвакуационного пункта.

Это кладбище, при всей своей скромности, замечательно тем, что оно является первым по времени осуществления братских кладбищ на Руси и что оно возникло по мысли и благочестивыми трудами нашей Царицы, все Свое время отдающей на заботы о страдальцах раненых и даже за гробом их не забывающей, молящейся об упокоении их душ и думающей об облегчении нравственных страданий оплакивающих страдальцев-героев, павших за Царя и Родину, их близких.

«ЖОРЖ САНД ЦАРСКОГО СЕЛА»

Княжна Вера Игнатьевна Гедройц

Вера Ивановна Гедройц происходила из обедневшего, но знатного древнего литовского княжеского рода. Ее отец, статский советник князь Игнатий Игнатьевич Гедройц, будучи подростком, принимал участие в польском восстании 1863-1864 гг., после разгрома которого выехал в Россию, где, при помощи друзей, устроился и прожил всю оставшуюся жизнь. Ко времени рождения дочери он был мировым судьей. Имение его находилось в селе Слободище Брянского уезда Орловской губернии неподалеку от села Дятьково – столицы промышленного заводского округа. В этом имении и жила с братом и двумя сестрами Вера Ивановна, появившаяся на свет 7 апреля 1876 г. в Киеве.

По обычаю того времени первоначальное образование она получила дома. Затем училась в Брянской женской прогимназии (среди преподавателей которой был В. В. Розанов) и в Орловской женской гимназии. В 15 лет, проявив интерес к медицине, поступила на Петербургские курсы

Очерк основан (кроме литературы, на которую далее даны сноски) на след. источниках: *Хохлов В. Г.* Вера Игнатьевна Гедройц – главный хирург Мальцовских заводов // Из истории Брянского края. Сб. статей. Брянск. 1995. С. 170-177; *Хохлов В. Г.* Женщины-медики на сопках Маньчжурии // Медицинская газета. 1995. № 4. 18 января; *Хохлов В. Г.* Гедройц В. И. – старший ординатор Царскосельского Дворцового госпиталя // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 3. Киров. 1997. С. 102-107; *Молдаванов Дж.* Княжна Вера Гедройц: скальпель и перо // Русская мысль. № 4245. Париж. 1998. 12 ноября; *Хохлова Т. В.* Тайна замужества Веры Игнатьевны Гедройц // Сергей Иванович Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Сб. статей. Ч. 3. Брянск. 2001. С. 82-86; *Беннет Дж.* Княжна Вера Гедройц: военный хирург, поэт, писательница. Пер. К. Финкельштейна // Материалы интернета.

известного врача и педагога П. Ф. Лесгафта. Здесь она сошлась с революционно настроенной молодежью. Вошла в нелегальный кружок В. А. Вайнштока. Арестованный в 1892 г. по делу о «О гектографировании в Петербурге преступных воззваний к рабочим», тот показал, что познакомился с В. Гедройц в Орле летом 1891 года. Будучи выслана домой под надзор полиции, В. Гедройц бежала в Швейцарию – Мекку революционеров всех мастей.

Некоторые считают, что бежала княжна по подложным документам, под чужим именем. Под *другим* именем точно, но вот по *подложным* ли?.. За этим незначительным, на первый взгляд, эпизодом скрывается неведомая часть ее биографии не столько романтического, сколько революционного свойства.

Речь идет о ее браке с капитаном Николаем Афанасьевичем Белозеровым, длившемся почти 12 лет. В послужном списке Веры Игнатьевны значится «копия о бракосочетании за № 225 от 5 сентября 1894 года». Примечательно, что место бракосочетания не указано.

Родился Николай Афанасьевич в Акмолинской области 28 октября 1866 года; окончил Сибирский кадетский корпус и 2-е Константиновское училище; в 1886 г. выпущен подпоручиком во 2-й Западно-Сибирский батальон. В послужном списке офицера значатся все его передвижения по службе: 1887 г. – делопроизводитель дисциплинарного суда, 1888 г. – батальонный адъютант, 1889 г. – библиотекарь, 1890 г. – поручик Восточно-Сибирского линейного батальона, 1892 г. – командир 4-й роты, член батальонного дисциплинарного суда, 1893 г. – заведующий конвойной командой при ссыльнокааторжных командах, прикомандировывается к Иркутскому юнкерскому училищу.

Именно в этот период, безусловно, рискуя своей весьма скромной карьерой, он вступает в брак с отданной под надзор полиции княжной. Лишь анализ автобиографических повестей В. И. Гедройц, изданных в 1931 г. в Ленинграде («Кафтанчик», «Лях» и особенно «Отрыв»), позволяет понять причину заключения этого странного брака: принадлежность Н. А. Белозерова к социалистам.

Получив новый паспорт, Вера Игнатьевна и смогла беспрепятственно выехать из России. Пока она училась Н. А. Белозерова переводят во Владивосток (1897 г.), а

затем вновь возвращают в Иркутск. В 1901 г. ему, «как отличнейшему работнику» (определение аттестации), «в виде исключения за ревностную службу, постоянное усердие, энергию и преданность делу», было присвоено звание младшего офицера. В следующем году он становится адъютантом училища. Во время русско-японской войны Николай Афанасьевич был назначен временно исполняющим должность заведующего хозяйством в Иркутском военном училище.

Предполагается, что впоследствии Н. А. Белозеров посещал Слободищи, а Вера Игнатьевна, в свою очередь, навещала семью супруга в Омске. Известно также, что они переписывались. А 22 декабря 1905 г. брак с капитаном Н. А. Белозеровым был расторгнут по инициативе Веры Игнатьевны. 1 февраля 1907 г. ей было разрешено именоваться фамилией, принадлежавшей ей до замужества с присовокуплением прежнего титула – княжна Гедройц.

Однако вернемся к швейцарскому периоду жизни Веры Игнатьевны. Оказавшись там, она решила продолжить медицинское образование, поступив в Лозанне на медицинский факультет университета, который и закончила в 1898 г. со степенью доктора медицины. Учителем ее была местная знаменитость – профессор хирургии Цезарь Ру*, выделявший среди других способную русскую студентку, уделяя специальное внимание ее профессиональной подготовке. Здесь Гедройц также находила время для общения с революционной эмиграцией из России.

Будучи оставленной ординатором при терапевтической клинике, вскоре она перешла в клинику профессора Ру, где была сначала младшим, а потом старшим ассистентом. Через некоторое время на правах приват-доцента она уже читала спецкурс. Однако вскоре княжна вынуждена была возвратиться домой. В 1900 г. она получила короткое письмо: «Саша [сестра Веры] умерла от воспаления легких, мать нервнобольная, приезжай! Я никогда не звал

---

* Цезарь Ру (1857–1934) – швейцарский хирург; один из основоположников современной хирургии. Профессор кафедры клинической хирургии (с 1890 г.); впоследствии (до 1926 г.) – оперативной хирургии в Лозанне. Блестяще владел хирургической техникой. Автор около 100 научных трудов.

тебя, но это необходимо. Заканчивай службу и домой. В семи верстах от нас строится новый завод, нужен хирург, я дал слово за тебя. Не могу писать – тяжело! Отец».

Профессор Ру отпустил свою лучшую ученицу с большим сожалением...

Несколько слов следует сказать и о месте будущей работы Веры Игнатьевны. Дело в том, что еще в августе 1899 г. близ деревни Боровка Жиздринского уезда Калужской губернии акционерным обществом Мальцовских заводов был заложен цементный завод, уже через год выдавший свою первую продукцию. Одновременно с производственными помещениями, жилыми домами для специалистов и бараками для рабочих была построена больница на 10 коек. Князь И. И. Гедройц, отец Веры, был близким другом известного русского промышленника С. И. Мальцова (1825†1884). Так и состоялось это назначение...

К своим обязанностям врач Гедройц приступила весной 1901 года. По существовавшим правилам предстояло еще подтвердить иностранный диплом. К тому же в то время женщины в России еще не могли получить высшего медицинского образования. Княжна с успехом выдержала весной 1902 г. экзамен медицинской испытательной комиссии при Московском университете, и была официально утверждена хирургом в больнице, штат которой состоял из фельдшера, сиделки, экономки и сторожа.

Молодой заводской врач много оперирует. Обобщая накопленный материал, пишет научные статьи, которые охотно публикуют медицинские журналы. Наконец, ее приглашают на 3-й съезд хирургов, состоявшийся в декабре 1902 года. «В. И. Гедройц, – писал о ней участник съезда В. И. Разумовский, – первая женщина-хирург, выступавшая на съезде и с таким серьезным и интересным докладом, сопровождаемым демонстрацией. Женщина поставила на ноги мужчину, который до ее операции ползал на чреве как червь. Помнится мне и шумная овация, устроенная ей русскими хирургами. В истории хирургии, мне кажется, такие моменты должны отмечаться».

Наконец, 21 февраля 1903 г. кн. В. И. Гедройц получает диплом, который давал ей право заниматься врачебной практикой в Российской Империи и удостоверял ее звание женщины-врача. Следует подчеркнуть, что согласно офи-

циальной статистике в 1904 г. женщины-врачи в России составляли всего лишь 3 или 4 процента.

Физическое напряжение и психические перегрузки, свойственные профессии хирурга, которые, безусловно, трудно было нести женщине, усугубило полученное ею письмо из Лозанны от любимого человека: «Не жди, я рвусь к тебе, но не могу оставить детей и дело. Разбивая свою, а, быть может, и твою жизнь, я исполняю долг, легший бременем на наши плечи. Вера, я так страдаю!» Гедройц стрелялась. Жизнь ее держалась буквально на волоске. Ее спасли коллеги, оказавшиеся в тот момент в больнице...

С началом русско-японской войны Вера Игнатьевна, не раздумывая, в составе сформированного Красным Крестом передового Дворянского отряда отправилась на театр боевых действий в качестве хирурга.

Это была война нового типа – с массовыми жертвами. Только из хирургов за 13 месяцев войны двое было убито, 21 ранен, трое покончили жизнь самоубийством, семеро пропали без вести, 28 попали в плен, из которого впоследствии вернулись лишь 20.

Кн. В. И. Гедройц лично доставляла раненых с передовой. Оперировали в китайской фанзе, натянув брезентовый потолок и завесив стены простынями. Между тем операции были сложные, требующие от хирурга не только знаний, но и полной самоотдачи. Только за один месяц осенью 1904 г. через руки княжны и ее коллег прошло 1255 раненых. Особенно тяжелым был январь 1905 г., когда пришлось развертывать лазарет в открытом поле на двадцатиградусном морозе. Позже она заведовала специальным вагоном, оборудованным для операций. Во время больших сражений оперировали круглосуточно.

«Среди тех, кто пошел на фронт в качестве хирурга Красного Креста, – читаем в рапорте о русско-японской войне, – была княжна Гедройц – главный хирург санитарного поезда, оборудованного с помощью дворянства 40 русских уездов. Она всегда была на переднем крае, оперируя в специально сконструированном вагоне, в то время как враги вели обстрел поезда».

За работу во время боев у р. Шахэ кн. В. И. Гедройц была награждена золотой медалью за усердие на Аннен-

ской ленте. За героические действия по спасению раненых при Мукдене главнокомандующий Маньчжурской армией генерал от инфантерии Н. П. Линевич вручил ей Георгиевскую серебряную медаль «За храбрость». Позднее, по личному указанию Императрицы Александры Феодоровны, Вере Игнатьевне вручили знаки отличия Российского общества Красного Креста – золотой, серебряный и бронзовый.

Авторитет женщины-хирурга среди своих коллег был настолько высок, что ее избрали председателем совещания врачей передовых отрядов.

«Среди пленных японцев, – писала близкая знакомая княжны по Киеву И. Д. Авдиева, – оказался раненый японский принц – попал в госпиталь к Гедройц, и по окончании войны Вере Игнатьевне воздавали благодарственные почести. В киевской квартире у нее висели шелковые, ручной вышивки, панно, на письменном столе стояли божки благополучия из слоновой кости. Принц японский прислал дары Русским Монархам и написал высокопарные слова о “дарительнице жизни, обладательнице рук исцеляющих, Гедройц”»⁴⁵⁹.

Полученный ею уникальный опыт Вера Ивановна обобщила и обнародовала. По возвращении с войны она выступила с отчетом о работе передового Дворянского отряда в Брянском обществе врачей 27 июля 1905 г., напечатав его впоследствии в Москве. Чем ближе к театру военных действий находился госпиталь, – утверждала она, – тем продуктивнее была его работа. Такие госпитали могли заботиться, как о тех, кто вскоре мог вернуться в строй, так и о тех, кого было невозможно эвакуировать в тыл из-за тяжелого состояния. Рассказывала она и о преимуществах ранней диагностики всех проникающих ранений в область брюшины, продемонстрированных ею в вагоне-операционной.

Научная и практическая деятельность кн. В. И. Гедройц во время боевых действий получила высокую оценку современного известного британского ларинголога Джона Беннета. «Всерьез я заинтересовался княжной Верой, – пишет он, – когда мы на Западе осознали, что *она первой в истории медицины стала делать полостные операции* – и не в тиши больничных операционных, а

прямо на театре военных действий, во время русско-японской войны 1904 года. В ту пору в Европе мы попросту оставляли без всякой помощи людей, раненных в живот. Другим европейским странам потребовалось целое десятилетие, чтобы освоить технику полостных операций, которую княжна Вера разработала самостоятельно, без чьей-либо подсказки – и в невероятно трудных условиях. Но это еще не все. В 90-е годы нашего века в Великобритании появились женщины-хирурги, удостоившиеся профессорского звания. Об этом писали с гордостью как о достижении на пути к профессиональному равноправию женщин. А Вера Гедройц была профессором хирургии уже в 1929 году!»

По возвращению домой В. И. Гедройц была назначена главным хирургом заводов Мальцовского акционерного общества, а также заведующей хирургией в больнице Людинова Калужской губернии.

Уездный санитарный совет на одном из своих заседаний 1908 г. высоко оценил ее труды: «Ее влияние на развитие более серьезной хирургической деятельности в уезде огромно и несомненно. Врачи, благодаря ее любезности, могут знакомиться с операционной техникой всех серьезных операций, новыми способами хирургического лечения. Совет признает ее заслуги перед уездом. Составленный ею отчет показывает, что нет ни одной области большого человеческого тела, где бы ни коснулась талантливая рука Веры Игнатьевны, возвращая больному жизнь и здоровье».

Но не только высокий профессионализм отличал молодого хирурга. Противоправительственная деятельность оставалась второй, хотя и не всем ведомой, ее натурой. Она не только симпатизировала революционно настроенным рабочим, но и прятала, например, у себя противоправительственные листовки. В секретном документе на имя начальника Орловского губернского жандармского управления, составленном после волнения мастеровых в Мальцовском округе, в списке наиболее видных руководителей «конституционно-демократической партии (партии народной свободы)» ее имя значилось под первым номером: «Вера Игнатьевна Гедройц, ст. Боровка, Мальцовской железной дороги в цементном заводе».

И тем не менее, в 1908 году княжну Гедройц пригласили на работу в ...Царскосельский Дворцовый госпиталь. (Уведомление о предоставлении вакансии датировано 27 ноября 1908 г.)

Главным в этом новом назначении, несомненно, было личное желание Императрицы Александры Феодоровны, имевшей вполне определенные представления о профессиональных качествах Веры Игнатьевны. Напомним, что во время русско-японской войны 1904-1905 гг. под непосредственным патронажем Государыни находился Центральный эвакуационный пункт, в ведении которого находились санитарные поезда с их персоналом. Высокую профессиональную оценку княжны, несомненно, подтвердил и весьма близкий Царской Семье Лейб-медик Е. С. Боткин, в годы войны бывший главным уполномоченным Российского общества Красного Креста, отвечавший за работу лазаретов и летучих отрядов.

Назначение на столь высокое и почетное место врача из провинции, к тому же женщины, не всем пришлось по вкусу. Возмутился, прежде всего, старший врач госпиталя М. Н. Шрейдер. В официальном письме в Придворную канцелярию, ссылаясь на существовавшие инструкции и положения, он писал, что должность эта предназначалась для другого лица, что женщина-врач, будучи заместителем старшего врача, во время его отсутствия будет начальником над всем персоналом госпиталя, а это прежде не имело прецедентов в Министерстве Императорского Двора; наконец, что должность старшего ординатора приравнивается к VII классу Табели о рангах, а потому требует разрешения министра. Чтобы получить его нужно прослужить в госпитале несколько лет. Однако воля Императрицы оставалась непреклонной. 31 июля 1909 г. инспектор Придворной части получил официальное письмо: «Министр Императорского Двора, согласно преподанным Ее Величеством Государынею Императрицею Александрой Феодоровной указаниям, приказал назначить княжну Гедройц старшим ординатором при Царскосельском госпитале Дворцового ведомства».

К тому же результаты проверки, которую полагалось пройти всем, так или иначе входившим в непосредственное соприкосновение с Царской Семьей, оказались для

княжны благоприятными. Сохранившийся документ гласил: «Секретно. В управление Придворной медицинской части. Вследствие отношения от 7-го августа сего года за № 1548 при сем имею честь возвратить фотографическую карточку с наложенным на ней штемпелем за № 18363 княжны Веры Игнатьевны Гедройц, о которой неблагоприятных сведений не имеется. За начальника Дворцовой полиции [подпись]. 1 сентября 1909 года».

Приходится, разумеется, удивляться степени информированности политического сыска в России, тем более тех его представителей, которым вверена была безопасность Монарха и Его Семьи, но как бы то ни было, а в первых числах августа Вера Игнатьевна приступила к исполнению новых своих обязанностей. В год ей было назначено 900 рублей жалования, 900 рублей столовых и 300 рублей разъездных. Всего выходило 2100 рублей годовых при казенной квартире.

Работу в оснащенной современным медицинским оборудованием госпитале кн. В. И. Гедройц сочетала с дальнейшими научными изысканиями. С сообщениями она выступает на X и XII Всероссийских съездах хирургов, состоявшихся в Москве и С.-Петербурге. Обобщив свой многолетний опыт, она готовит диссертацию на звание доктора медицины «Отдаленные результаты операций паховых грыж по способу Ру на основании 268 операций». 11 мая 1912 г. она успешно защитила ее при Императорском Московском университете. Профессор И. К. Снижарный приветствовал Веру Игнатьевну как первую женщину-врача, получившую степень доктора медицины. Пришло поздравление и из Лозанны. «Позвольте, — писал профессор Цезарь Ру, — выразить чрезвычайное удовольствие за возможность пожелать хорошего приема у наших русских коллег труда нашей выдающейся ученицы и давнего ассистента. Мы желаем нашей ученице умножить свой личный опыт, оценить свой труд и отдаленные сроки и испытать удовольствие от исполненного долга и множества спасенных больных». В 1913 г. диссертация была издана во Франции.

Жизнь в Царском Селе, недаром называвшемся «городом Муз», пробудила в Вере Игнатьевне давнее юношеское увлечение литературным творчеством. Она знакомится с

Н. С. Гумилевым, Р. В. Ивановым-Разумником, А. М. Ремизовым, В. В. Розановым. Пишет стихи, публикуя их под псевдонимом рано погибшего брата «Сергей Гедройц». Среди журналов, в которых она печаталась, был «Вестник теософии». Рецензируя ее вторую книгу стихов «Вег» (СПб. 1913)*, поэт С. Городецкий отмечал, что Гедройц пленяет в народной душе «ведовское, темное и страшное»⁴⁶⁰.

Начавшаяся первая мировая война прерывает литературные занятия Веры Игнатьевны. Опыт фронтового хирурга пришелся как нельзя кстати. Но не только о работе у операционного стола идет речь. Будучи помощником уполномоченного Российского общества Красного Креста, она способствует организации сети лечебных учреждений. Государыне Александре Феодоровне она помогает создать специальный эвакуационный пункт, в состав которого входило 85 лазаретов, обслуживавшихся 20 санитарными поездами, названными именами Царственных Особ. По приглашению Императрицы кн. В. И. Гедройц занимает должность старшего врача в Ее лазарете.

Отделению для нижних чинов был отдан верхний этаж Дворцового госпиталя; помещение для офицеров требовало переделок, завершенных в кратчайшие сроки. По словам В. И. Гедройц, «организаторская работа персонала лазарета была весьма облегчена отношением Августейших Сестер, как личным трудом, так и щедрыми пожертвованиями, а равно неутомимой энергией начальника лазарета полковника С. Н. Вильчковского».

Первые раненые поступили 10 августа. До октября 1914 г. находилось на излечении 30 офицеров и 150 нижних чинов, а с 19 октября, при том же числе офицерских мест, госпиталь вмещал 200 нижних чинов. Летом 1916 г. было прибавлено еще пять офицерских и 20 солдатских мест.

---

* Экземпляр этого сборника, вышедшего под издательской маркой «Цеха поэтов», со штампом библиотеки Александровского дворца хранится ныне в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Он был подарен автором Великой Княжне Татьяне Николаевне. Сохранилось также письмо кн. В. И. Гедройц Вел. Кн. Ольге Николаевне от 18.3.1915 г. (ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 243).

Первоначально медицинский персонал состоял из старшего врача доктора медицины кн. В. И. Гедройц, двух младших врачей докторов Г. И. Вельского и Е. К. Реймерс, ординаторов зауряд-врачей Н. П. Исаева, С. И. Петрикина, П. Н. Митюка, студента А. И. Аудера, фельдшера, 8 сестер милосердия и слушательниц курсов сестер милосердия военного времени. С 1 января 1915 г. зауряд-врачи были отозваны в академию и замещены врачами Е. П. Карповым и Н. В. Неделиным и студентом А. А. Рыбаковым. Каждый врач, кроме определенных палат, ведал какой-либо лабораторией, рентгеновским кабинетом или музеем.

Курсы сестер милосердия были воплощением убежденности кн. В. И. Гедройц в том, что многое в выхаживании раненых зависит от степени квалификации среднего медицинского персонала. Специально для фельдшеров и медицинских сестер она готовит и выпускает в свет специальное учебное пособие*. Именно под ее руководством пожелала изучать основы медицинского дела Сама Государыня с двумя старшими Дочерьми.

Одна из ближайших подруг Государыни Ю. А. Ден свидетельствовала**: «После начала боевых действий Императрица тотчас принялась создавать Собственные лазареты и вместе с Дочерьми записалась на курсы сестер милосердия военного времени. Преподавала им княжна Гедройц, профессор хирург и большую часть Своего времени Императорская Семья посвящала лекциям и практическим занятиям. После того как Они сдали необходимые экзамены, Государыня и «четыре сестры Романовы» стали работать в качестве хирургических сестер, часами оставаясь в обществе раненых и почти всегда присутствуя на операциях»⁴⁶¹.

Нам известны отзывы многих очевидцев о высокой квалификации Императрицы, как операционной сестры. Характерно, что и сама Вера Игнатьевна, даже после революции, отзывалась о Государыне, как о женщине большого ума и образования. По ее словам, Императрица была «хорошей, исполнительный медицинской сестрой», «могла

---

* Хирургические беседы. Доктора медицины В. Гедройц. Для сестер милосердия и фельдшеров. Пг. Типография Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи. 1914.

** Воспоминания о том же А. А. Вырубовой приведены нами в наст. изд.

бы быть хорошей хирургической сестрой – хладнокровной и точной»⁴⁶².

Высокое мнение Императрицы о профессиональных способностях Веры Игнатьевны было несколько поколеблено лишь после «странного» лечения А. А. Вырубовой после железнодорожной катастрофы 2 января 1915 года. (О «каком-то конфликте» врача и пострадавшей помнили даже пореволюционные киевские знакомые Гедройц.)

Судя по свидетельству очевидцев, не изменила В. И. Гедройц и своим прежним политическим убеждениям. В 1915 г. на сетования Государыни («Дума такая левая») она заявила: «Ваше Величество, Вы верите в мои верноподданные чувства? А я левее Думы!»⁴⁶³ По словам знакомых княжны, «она считала революцию неизбежной и необходимой»⁴⁶⁴. Впоследствии выяснилось, что во время войны она «сделала в царскосельском госпитале сложнейшую операцию» будущему видному «чекисту-ленинградцу», который впоследствии, уже после революции, оказывал ей услуги⁴⁶⁵.

Тем не менее, самоотверженное исполнение долга в годы Великой войны старшим врачом Дворцового госпиталя, позднее переименованного в Собственный Ее Величества лазарет № 3, было отмечено серебряной медалью «За усердие» на Владимирской ленте, специальным знаком отличия Российского общества Красного Креста первой степени, пожалованными Самим Государем Императором золотыми часами с Государственным Гербом.

Февральский переворот 1917 года выявил подлинную сущность многих «верноподданных». Не составила исключение и княжна Гедройц.

Находившийся на излечении в одном из лазаретов Царского Села корнет Крымского Императрицы Александры Феодоровны конного полка С. В. Марков (1898†1944), до конца сохранивший верность своему Августейшему Шефу, вспоминал о своем посещении 5 марта 1917 г. Собственного Ее Величества лазарета № 3:

«Я расплатился с извозчиком и пошел через сад к давно знакомому мне зданию. В гостиной я остановился, пораженный представившейся моим глазам картиной: комната была полна офицерами, частью одетыми в форму, частью в халатах. Стоял невообразимый шум и крики. Слышались возмущенные голоса:

– Зачем убирать портреты! Никому нет дела, что висит в наших комнатах... Это ч... знает, что такое! Мы не позволим снимать портреты и группы, незачем трогать!

Я протискался ближе к середине и увидел странную фигуру с коротко стриженными волосами, в юбке почти до колен и в замшевом френче с открытым воротником. Фигура размахивала руками и громким голосом говорила:

– Нет, их необходимо снять! Ведь я от Совета получила категорическое приказание. Я не желаю за вас отвечать и не могу разрешить оставить группы.

Я понял, в чем дело. Вопрос шел о снятии Царских портретов. Офицеры были против, а фигура все же настаивала на своем. Противно было смотреть на эту мужеподобную женщину. Один из офицеров взволновано обратился ко мне:

– Нет, вы подумайте... Ведь это же безобразие... С каких это пор она так полевела?

Я осведомился, не депутатка ли это из гарнизонного комитета [...]

Офицер с изумлением посмотрел на меня:

– Что вы? Это наш хирург, княжна Гедройц!

Я до того опешил, что не нашелся, что ответить на это, и, совершенно уничтоженный, вышел из комнаты.

В коридоре я встретился с Маргаритой Сергеевной Хитрово.

– Маргарита Сергеевна! Разве это возможно допустить? – вырвалось у меня, и я показал рукой в гостиную.

– Это позор! Это ужас!

На глазах Маргариты Сергеевны стояли слезы. Бедная, до чего она осунулась и похудела за эти немногие дни.

– Идемте отсюда скорее, я еду в Петроград. Тут так тяжело и больно!»⁴⁶⁶

«Слыхали во что превратилась Вера Игнатьевна, – писала Великая Княжна Татьяна Николаевна старшей сестре лазарета В. И. Чеботаревой 8 января 1918 г. из Тобольска, – и в чем ходит. Как скоро люди меняются – даже смешно! Видались ли с ней или она не показывалась?» Вскоре о княжне Гедройц Великой Княжне сообщил находившийся на излечении в лазарете раненый офицер барон Д. Ф. Таубе, женившийся на сестре милосердия О. П. Грековой.

«Он мне тоже написал и сказал, – сообщала Вел. Кн. Татьяна Николаевна в письме от 23 января 1918 г. М. С. Хит-

рово, — что видел Веру Иг[натьевну] в лазарете. Она в погонах, больших сапогах со шпорами, даже не спросила Бар[она], как его здоровье. Такой стыд. Не ожидала я, что она так скоро изменится. Хотя последнее время она была какая-то странная».

Некоторые «странности» замечались за Верой Игнатьевной и ранее. Однако вплоть до этого времени она вынуждена была держать себя в рамках принятого приличия. Но когда, по Достоевскому, *всё стало можно*, сдерживаемое до сих пор, подобно грязи и мусору после таяния ослепительно-белого снега, выползло наружу.

Вот как описывала наружность кн. Гедройц еще в 1915 г. дочь лейб-медика Е. С. Боткина Татьяна: «Мадемуазель Гедройц, с ее большим весом напоминавшая мужчину, была внушительной женщиной»⁴⁶⁷.

Юноше, пострадавшему в той же железнодорожной катастрофе, что и А. А. Вырубова, запомнилось, что в палату княжна вошла «одетая в мужскую одежду, дымя сигаретой, говорила низким голосом». Он прибавляет: недаром ее называли «Жорж Санд Царского Села»⁴⁶⁸.

Из сказанного ясно, почему ее распирало при одном виде Г. Е. Распутина. (Тут была духовная, пусть даже и неосознаваемая ею, причина.)

И еще один эпизод, по всей вероятности, также имеющий отношение к этому времени. Сохранилось письмо В. И. Гедройц 1930 г. С. Д. Мстиславскому, написанное с целью, чтобы, по ее словам, «восстановить наше с Вами прерванное знакомство»⁴⁶⁹.

Адресат письма — Сергей Дмитриевич Масловский (псевдоним Мстиславский) (1878–1943) был человеком не простым. Член ЦК партии левых эсеров, член Военной мasonicкой ложи (с 1907 г.) и «Великого Востока народов России» (автор устава). Участвовал в революции 1905–1907 гг. При этом он был полковником Русской армии. Заведовал библиотекой Военной Академии Генерального Штаба. В феврале 1917 г. был чрезвычайным комиссаром Петросовета. Позже участвовал в октябрьском перевороте 1917 г., был членом ВЦИК, комиссаром большевических партизанских формирований (1918), членом советских правительств Украины (1918). К 1930 г. он — один из советских писателей. Однако самым значимым для нас является

его участие в так называемой Царскосельской акции (не в связи ли с этой последней и состоялось само их первое знакомство?). Речь идет о возглавлявшейся С. Д. Мстиславским специальной военной экспедиции в Царское Село 9 марта 1917 г. В этот первый день прибытия из Ставки в Царское Село арестованного Государя, в седьмом часу вечера, отрядом Мстиславского была предпринята попытка захвата и увоза Императора в Петропавловскую крепость или убийства Его на месте.

Заметим, что о Государе Вера Ивановна вплоть до своей кончины продолжала отзываться пристрастно, несправедливо, предвзято⁴⁷⁰.

Воспользовавшись «революционным правом», упразднившим Дворцовое медицинское ведомство, В. И. Гедройц прекратили выплату жалованья из Дворцового госпиталя, мотивируя тем, что она-де работает в другом лечебном учреждении. В результате долгой переписки жалованье за несколько месяцев всё же было выплачено, но от старшего врача М. Н. Шрейдера пришла записка: «...При этом считаю необходимым присовокупить, что касается старшего ординатора Гедройц, то всеми врачами госпиталя высказано пожелание о нежелательности ее возвращения в их среду для совместной работы».

Таким образом, несмотря на «революционные заслуги», хирург В. И. Гедройц в Царском Селе оставалась не удел.

В мае 1917 г. она в качестве главного врача передвижного отряда 6-й Сибирской стрелковой дивизии отправилась на фронт. Вскоре стала корпусным хирургом, членом Санитарного совета. На октябрьский переворот 1917 г. откликнулась сочувственными стихами «Искушение святого Антония»⁴⁷¹.

После ранения, полученного 8 января 1918 г., была эвакуирована в Киев, где с тех пор и осталась жить.

Выздоровев, Вера Игнатьевна поступила на работу в детскую поликлинику. В 1921 г. перешла в факультетскую клинику медицинского института.

В 1920-е годы она переживает пик своей творческой активности. Выдающийся в то время русский хирург В. А. Опель аттестовал ее в 1923 г. как «настоящего хирурга, хорошо владеющего ножом». Печатаются ее новые научные труды. В 1929 г. ее избрали профессором по кафедре хирургии медицинского факультета Киевского университета.

Одновременно Вера Игнатьевна продолжает свои литературные занятия – пишет мемуарную прозу на основе своих обширных дневников. Между прочим, судьба этих дневников до сих пор так до конца и не выяснена. В 1939 г., уже после смерти их автора, поиски их вел Р. В. Иванов-Разумник. Настоячиво ими интересовался также В. Д. Бонч-Бруевич. На сегодняшний день опубликованы лишь две дневниковые записи 1914 г. (да и то не полностью) из сохранившейся в архиве близкой подруги В. И. Гедройц художницы И. Д. Авдиевой (1904-1984) школьной тетрадки.

«Она жила, – вспоминала о Гедройц Авдиева, – в том же доме, что и мы с мужем*, и была старшим хирургом города. Большая, немного грузная, она одевалась по-мужски. Носила пиджак и галстук, мужские шляпы, шубу с бобровым воротником. Стриглась коротко. Для ее роста руки и ноги у нее были малы, но удивительно красивы. Черты лица – суховатые и слишком тонкие для грузной фигуры – при улыбке молодели. Было ей тогда лет пятьдесят пять. [...]

Жила она в большой квартире с Марией Дмитриевной Нирод и ее детьми, Федором и Мариной. Вера Игнатьевна была княжна, Марья Дмитриевна графиня. Отношения у них были супружеские. Обе очень близки были к Царской Фамилии и бежали из Царского Села в Киев, где скрывались долго в Киево-Печерской Лавре у монахов. Потом поселились в нашем доме, много раз арестовывались. [...]

Грузная, с лицом – похожа на французского аббата, с маленькими руками и ногами, она одевалась по-мужски и о себе говорила в мужском роде: «Я пошел, я оперировал, я сказал». Фактически Мария Дмитриевна Нирод была не подругой Гедройц, а женой. Дети Нирод Марина и Федор чувствовали к ней неприязнь, и не зря, ибо мать их сильно пренебрегала своими материнскими обязанностями, отдавая все свои помыслы и время Гедройц, медицинской работе (она была у Веры Игнатьевны хирургической сестрой) и делам церковным»⁴⁷².

Воспоминания И. Д. Авдиевой дают представление о круге общения В. И. Гедройц в Киеве, как принято говорить, во внеслужебное время: «Приходила к нам в 1928 году Зоя Николаевна Родзянко. Давала мне, мужу и Аленушке

---

* Круглоуниверситетская, д. 7 а, кв. 25. – С. Ф.

уроки французского языка. Безплотной худобы. Тень, привидение – по-французски “визион”. Жила одна-одинешенька в коммунальной квартире возле кухни, вернее, в кладовке. Старый фокстерьер Дик понимал, что лаять нельзя, привередничать в еде нельзя.

Неподалеку от Родзянко в такой же жалкой комнатенке жила Мария Николаевна Игнатъева, графиня. Из тех Игнатъевых, состояние которых было одним из крупнейших в дореволюционной России. Писатель Игнатъев* приходился Марии Николаевне двоюродным братом и принадлежал к ветви бедных Игнатъевых. Свое огромное состояние, поместье, ценности всех видов – единственная наследница Мария Николаевна не сохранила. Больницы, приюты, церкви, учрежденные ею, поглотили весь капитал.

Она приняла “белое монашество” – дала обет безбрачия и посвятила жизнь свою Богу и людям. Творить добро – значило для Марии Николаевны то же, что молиться. К 1917 году от состояния ничего не осталось, кроме двух драгоценностей: драгоценной белой кружевной косынки “мамы”, которую Мария Николаевна надевала на Пасху, и черной кружевной косынки, которую она носила ежедневно в зной и холод. С Марией Николаевной жила горбунья Любочка, бывшая ее горничная – существо необыкновенной кротости и молчаливости.

Никакого подобия кровати в комнате не было. Стояло деревянное кресло, в котором бывшая графиня спала сидя. Дома ее застать было трудно, т. к. она всегда находилась там, где кто-то тяжело хворал, умирал. Уход за больными был ее схимой в миру. Если могли – платили за безсменное дежурство, и на эти деньги существовала Любочка, которая спала на полу и стегала одеяла.

Во всем облике Родзянко и Игнатъевой было что-то такое, что определялось лучше всего словом “визион”.

Они были нереальны. Неправдоподобны. Их походка, движения, манера говорить – как отзвук, как нечто потустороннее. И такой же был Шредер. Осколок. Жил в такой же щели. Один. Старый. В прошлом занимал видный пост в Сенате. Часто бывал на придворных приемах. Чудом

---

* Граф Алексей Алексеевич Игнатъев (1877-1954) военный дипломат. Автор в свое время известных мемуаров «50 лет в строю». – С. Ф.

уцелел. Бежал из Ленинграда вместе с Родзянко, княжной Гедройц, графиней Нирод и Игнатъевой, когда начали уничтожать оставшихся в России аристократов. Бежали они потому, что отцы церкви настаивали на том, чтобы “белые монахини”, графини Нирод и Игнатьева, переправлены были под покровительство Лавры и были от смерти спасены. Шредеру поручили их сопровождать из Ленинграда в Киев, а Гедройц семью Нирод считала своей и поехала с ними. Самое опасное время они пересидели у лаврских монахов, тогда еще существовавших. Когда же с аристократами было покончено, в Киеве появились просто Гедройц, Нирод, Игнатьева, Родзянко, Шредер. [...]

Шредер приходил обедать к Вере Игнатъевне раз в неделю. Он был настолько неимущ и беспомощен, что немногие его друзья были вынуждены по очереди кормить Шредера той скудностью, которую потребляли сами. В понедельник он обедал у Гудим-Левкович, во вторник у Гедройц, в среду у Родзянко. Дня два в неделю не у кого было обедать, и он ничего не ел. Приходил к Гедройц за час до обеда. С палочкой. Белоснежный воротничок, жестко накрахмаленные манжеты. Безукоризненные ногти. Прямой, изысканно-вежливый. Входил, склонялся к руке Марии Дмитриевны Нирод, называл ее “*princesse*”, Веру Игнатъевну “*la comtesse Vera*”. Нелепо выглядел красиво сервированный стол с хрусталем и серебром. Подавался пшенный суп с тюлькой, пшенная каша, слегка политая постным маслом, а на третье странное пойло из буряков, которое разливали в японские пиалы. Все это ели особым образом, на разных тарелках. Выглядело так, будто едят суп из черепахи, гурьевскую кашу, ананасы в вине.

Шредер вел разговор светский, легкий. О революции не говорили. Однажды только Шредер сказал, что он вечерами раздваивается. “Я прихожу в свою, свою... — и он затруднился назвать щель, в которой он жил, комнатой, — excuse moi, конуру и делаюсь Жаном — это был у меня в Петербурге лакей, и стараюсь делать все так, как делал Жан: стелю постель, приготавливаю шлафрок, мою стакан и наливаю в него чистой воды. Потом ухожу, гуляю, и когда вхожу в свою, excuse, конуру — я уже не Жан, я воображаю, что это мне приготовил для сна мой лакей”.

Вскоре Шредер умер, и Вера Игнатьевна подозревала, что ему удалось достать сильнодействующее снотворное и умертвить себя и Жана в себе»⁴⁷³.

В 1930 г. кафедру в медицинском институте закрыли и В. И. Гедройц уволилась со службы. Как выяснилось, пенсии она себе так и не выслужила. На гонорары от своих литературных публикаций она купила себе корову и домик в окрестностях Киева. В доме почти всегда толпился народ. «Церковники шли к Нирод, писатели, художники, садоводы и просто пьяницы группировались вокруг Веры Игнатьевны»⁴⁷⁴. В 1931 г. В. И. Гедройц заболела раком.

«Рак, с которым она боролась хирургическим ножом, — писала И. Д. Авдиева, — жестоко отомстил ей. В 19[32]-ом году она погибла от рака брюшины с метастазами в печень, через год после перенесенной операции [...]

У Гедройц начался рецидив раковый, и она сказала мне: “Давай напьемся в последний раз и кстати поставим эксперимент. Замечала ли ты, что собаки, кошки едят всегда одну и ту же травку — вот эту остренькую. Нарезь этой травки, неси сулею с широким горлом — заливай траву спиртом, пусть постоит недельку”. Сидели мы с ней под грушей, пили через неделю ядовито-зеленую жидкость отвратительного вкуса, выпили много, и когда нас вывернуло наизнанку и мы поплыли в обморочное безпамятство — Вера Игнатьевна слабым голосом сказала: “Для собак годится, для людей плохо, думала — рак в себе убью, резать уже бесполезно — везде он”. Умирала долго, мучительно. Писала стихи. Соборовали ее. За день до смерти, ночью, вынула из-под подушки сафьяновую папку, достала письмо. “Леня, — зашептала, обращаясь к мужу, — возьми, сохрани. Это Ру мне пишет, что кафедру женевскую хирургическую мне завещает. Это для русской хирургии честь, понимаешь? Надо, чтобы это в истории осталось. Время придет — отдашь, кому следует. Обещай. Это след мой, в этом жива буду. И еще знайте, когда оперируют рак, надо избегать иглы, нельзя прокалывать больную клетку, не понимают. У моих потому и метастазов не было, что я это знала”.

В 1937-м, когда арестовывали мужа, при обыске нашли это письмо Ру на французском языке. При допросах размахивали письмом, как доказательством шпионской

деятельности. Переводом не интересовались. “Шифром написано, признавайся, сволочь, мы и Верку найдем. Вы заговорите, гады...”»⁴⁷⁵

Точная дата смерти Веры Игнатьевны до сих пор неизвестна. Да и сам год кончины стал известен лишь недавно. Удалось разыскать и могилу: «На ухоженном и чистом кладбище близ лежащей в развалинах Спасо-Преображенской церкви (сейчас оно называется Корчеватским) покоится прах Веры Игнатьевны Гедройц. В одной ограде с ним – могилы архиепископа Ермогена (Голубева, 1896 †1978) и его родственницы. Смотрительница рассказала нам историю этих могил: молодой священник Спасо-Преображенской церкви, человек необыкновенной доброты и духовной стойкости, был спасен ее руками от тяжкого недуга и, в благодарность, после ее смерти ухаживал за ее могилой, завещал и себя похоронить рядом»⁴⁷⁶.

Остается рассказать о судьбе тех, кто окружал Веру Игнатьевну в последние годы ее жизни. «Дом, – вспоминала И. Д. Авдиева, – продали. Нирод поселилась у монахинь Введенского монастыря. В войну пропал сундучок с дневниками и архивом интереснейшим Веры Игнатьевны. [...] Родзянко во время войны перебралась за границу. Любочка и фокстерьер Дик во время немецкой оккупации скончались. Мария Николаевна Игнатъева до последнего вздоха несла свою схиму – когда кончилась война, она сидела в своем кресле, безтелесная, все та же черная кружевная косынка на голубовато-серебряной голове. От слабости не могла встать. Голодала. Молчала. Я написала ее двоюродному брату писателю Игнатъеву, что Мария Николаевна умирает от дистрофии – он прислал 25 рублей – по теперешним деньгам 2 р. 50 коп. Хватило на два стакана пшена и литр молока. Так, сидя в кресле, и умерла. Похоронили ее в белой кружевной косынке мамы»⁴⁷⁷...

Сергей ФОМИН

ИЗ ДНЕЙ

24 октября/6 ноября 1994.

В Коломенском. Тусклое железное солнце, мгла по всему небу, сухие травы на холмах, лёд, глухой плеск зеленоватой волны. Церковь и кладбище на холме (Дьяково). Почерневшие и позеленевшие надгробья, зарывающиеся в землю и в листву. Пара плит (сброшенных) в овраге – точнее, складке холма. Крутая тропа, белая. Вид с холма: «О поле, поле...» Курганы. Поле битвы. Поле смерти.

Внежизненные места.

(Незримым проводником – «Третий Рим», но там* «поле смерти» – до- и послеисторическое, а тут удалось увидеть историческое. «Кто разбит?» – «Мы». Вот это, еще с голосами.)

Вороны, «галици» (где-то во мгле – вороны и волки). Стылая земля. Сухие травы. Иней и лёд в траве. Линии холмов (малых, в низине): грудные клетки, рёбра, плечи. Огромный ветер.

Два холма, «мёртвый и живой». «Мёртвая вода и живая вода».

---

20 мая/2 июня 2001. Поречье.

Троицкая родительская суббота.

Течение Москвы-реки, кажется, еще быстрее, чем год назад. Река убыстряется или земля?

Не вода, а воды: текущие, идущие, ведущие.

Водоворотики стайками, цепочками.

Береговые травы, ушедшие под воду. – Вот река долго отбивает у берега и наконец уносит щепку, потом стебель.

Серебристые, мелкой работы ракиты.

---

* В фильме В. Карпеца и Г. Николаева «Третий Рим».

Протока и берег, где никто не бывает – берег «Семейной Хроники» и «Записок об уженьи рыбы», тихий, невозмутимый и недосягаемый, как та Россия.

Конец августа 1994.

<...> празднование 300-летия Дома Романовых. Как всегда, про себя: чего бы я не дала, чтобы оказаться на миг в этой ликующей толпе 1913 г., встречающей Государя!.. И, как всегда же: но только на миг. – И хорошо, что не оказалась. Кто знает, кем бы –

12/25 февраля 2000.

<...> «Царственные Мученики в воспоминаниях верноподданных».

Поразительное, чего нигде прежде не встречала: Царская Семья в Ливадии с ветками цветущего миндаля на Вербное Воскресенье; генералы поднимают Царя на скрещенных руках, и Он стоит – высится над толпой в день прославления преподобного Серафима: нечаянно повторенный – повторившийся, сбывшийся обряд вознесения Императора на щите, *известно где* упоминаемый; приезд Царя в оперу: «Борис Годунов», и хор бояр (во главе с Шаляпиным) поет «Боже, Царя храни» (*не сохранили – люди*).

2/15 октября 2000.

На основании того, что я сейчас знаю (кстати, оговорка, необходимая для всякого суждения), Григорий Распутин – та птица, что залетает в дом и бьется, мечется там перед чьей-то смертью*.

Примечательно, что по отречении Государя никто из Великих Князей (и «просто» князей) не рванулся к Престолу, не объявил себя Императором (XVII век, когда этого хотели все, и 17 год – какая бездна!)

---

* Ср.: «Это я зловещей совою / Влетел в Романовский дом» (Клюев Н. Четвертый Рим. Пг. 1922. С. 19). – С. Ф.

– Да, но не «зловещей совою», а «просто птицей». – Н. Г.

3/16 июля 2000.

Нынешний закат – закат этого дня в этом году: багряное, без лучей солнце, зажатое между ровным краем бледно-сизого, полупрозрачного облака и столь же ровным железным краем моря – плющимое, раздавливаемое, как орех. В конце концов, оно выпросталось и скоро погрузилось в море. <...>

И – то, что я всегда твержу вечером с 3/16 на 4/17 июля:

Завтра день молитвы и печали,

Завтра память рокового дня...

3/16 июля 2001.

Жара. Египет без Нила (то есть пустыня).

В середине дня (не в полдень, а около четырех) – гроза. Над поседевшей от ливня округой – сияющий, самосветящийся золотой крест колокольни (с юго-запада пробивался луч, и даже не луч, а отблеск, но это неважно – не это важно).

«Царственные Мученики в воспоминаниях...» – взяла в полки почитать, и опять от всего больно, и где-то посреди книги на чем-то простом (солдат в лазарете пожаловался «на Царскую дочку... грех-то какой!») глаза щемит от слез.

(А так всегда: от простого, нечаянного, неприбранного: «И вдруг наткнувшись на шитьё / С невынутой иголкой...»)

12/25 октября 2000.

Поразительные *святые* (и потому не перелагаемые даже в «Поэме о Царской Семье» – непередаваемые) письма Государыни из заключения. И тот же ровный, тихий, безстрастный тон, который звучит в русской песне, в каких-нибудь неизвестных письмах о неизвестных похоронах <...> («было горе, будет горе...» – ровный душераздирающий голос). «И, однако, слезы текут из глаз» от этого «безголосого ветра».

14/27 октября 2000.

Марина Цветаева не смогла – не могла передать в «Поэме о Царской Семье» писем Государыни потому, что там

главным было уже не личное. Душа – много, но это была уже не душа (та уже была, как и вся жизнь, *далеко внизу*). И здесь перелagать – перелицовывать: *pefas*. *Поднимать* здесь было нечего – можно было только с этим, к этому подниматься (преклонясь и трижды преклонясь).

Письма Государыни святы не потому лишь, что там идет речь о святом, а *по тому*, как идет речь. И потому, что в них дышит знание уже нездешнее:

«Вот и Великий Пост! Очищаемся, умолим *себе и всем** прощение грехов, и да даст Он нам пропеть на всю святую Русь “Христос Воскресе!” <...> Искушаем мы все наши *столетние* грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души...» – это ведь надгробное слово, это ведь уже душами из *мира* и *мира* иного писано. (13/26 марта 1918 г.) «Хотя гроза приближается – на душе мирно – все по воле Божией» (8/21 апреля 1918).

Те (в Ипатьевском доме) Государыню особенно ненавидели. И *трепетали*. «Она, Сама (Та?) [скажет, взглянет]». Тут, конечно, тоже уже не личное. Да.

7/20 апреля 2002.

Из давних (мартовских) не-записей:

Белый голубь на серебряном льду (март, свет, лёд) – и вдруг черты Государыни. Да, это Её – Она: белый голубь на серебряном льду.

Чего *мы* можем хотеть, когда у Царя и Царицы и Царских детей всё отняли, сожгли, растоптали? – О чём *мы* можем мечтать, если таких дивных и *по замыслу* неприкосновенных и счастливых людей так мучили?

«*И не мечтайте*», – узнанное от Марины Цветаевой слово молодого Государя кому-то (множественно-безликому: думцам? земцам?).

---

* Подчеркиваю, не вдаваясь в разъяснения. Ясно, что это уже не личное (пусть лучшее), а...

...Это я даже не себе наставлением (*ich hab das schon verschmerzt**) – хотя, впрочем, никогда не лишне – а естественным возгласом.

6/19 марта 2001.

Видимо, страдание имеет совершенно особый, ни с чем не соизмеримый вес – видимо, оно единственным образом меняет, выжигает что-то (и не обязательно в том, кто страдает), прокладывает какую-то ни с чем не сравнимую по крепости дорогу...

13/26 июля 2001.

Мы здесь мёртвые – *вы* там живые. И мы отсюда, из земли, из земной могилы к вам взываем.

(Мёртвые – прикованные.)

16/29 августа 2000.

Третий Спас.

Из Новодевичьего весело иду по пустынной летней Пироговке на выставку в Архиве древних актов.

Видала грамоту кн. Владимира Андреевича Старицкого с клятвою не идти против Царя Иоанна, грамоту об избрании Михаила Феодоровича на царство («документ» почему-то в нижней части витрины: ляг и читай; или же: поклонись зёмно и читай), разное почерком Петра I. Почерк, вопреки ожиданиям и представлениям, *хорош*: крылатые взмахи**. На всех парусах. – Wohin? Сообщаю, что есть; Петра же чту как Помазанника, понимаю как человека и не терплю как деятеля.

...Отречение Государя, подписанное *карандашом*. Карандаш: взять да стереть. Эмблема не вечности. То, что само стирается. – Призрачная подпись.

Страшный в своей наглядности портрет (фотография) Керенского: ежик волос (шевелюра Самозванца с польского портрета), глаза лемура (*lemures* – *именно*) – и никаких черт. Керенского, как и его исторический (прото)тип («Гришка Отрепьев – анафема!») – впрочем, не столько исторический, сколько сущностный), не переносу – и знаю,

---

* [*Пер. здесь*] Я это уже перестрадала.

** Почерком флота и флотоводца, почерком бури писан рескрипт.

что здесь особенно мерзко: расслабленность, безхребетность, безответственность. Нежить без спины. – Расхристанность. Дела?* следствие.

...А в утешение – Соборное уложение Алексея Михайловича: серебряная коробка-футляр, а внутри – многоаршинный (если не – верстный!) свиток.

А я не хочу – не могу, чтобы сейчас в России был (бы) Царь. Того затравили, затоптали, растерзали – а сейчас всё если не злее (той злобы не превзойти – абсолют: само зло), то тупее и грубее.

7/20 марта 2000.

«Политика»? Ее *нет* – сейчас уже настолько явно (и настолько всем), что даже странно произносить это слово. «Российская политика». Сухая вода.

5/18 мая 2001.

Вчера – Крутицы: зелень, земля, камни, одуванчики, кирпичные (именно) купола – в Успенском соборе Феодоровская икона Божией Матери. Та, костромская. Венец; темный, но различимый лик. Всё в цветах и свечах. – Очередь к иконе через весь двор, из-за ограды – вокруг паперти – по залитым солнцем камушкам против Крутицкого теремка.

Галереи, колокольня, бока собора – кирпич, кирпич. Стрижи. Небо.

Мужчина за свечным ящиком на паперти:

– Много ж вас!

Женщина:

– А вы что думали – нас *мало*?

(Оглянуться – видимо-невидимо. Поют, читают акафисты, просто про себя молятся.)

16/29 мая 2001.

«Уходящая Русь...» («Русь уходящая» – то полотно). Да, – уходящая от погони. Уходящая *вперед*. Бывает же, что уходят – исходят...

---

* Даже не им, а через него («им» не в творительном, а в инструментальном смысле) совершающиеся.

ЛИВАДИЯ

*Н^екогда это место звалось
Панас-Чаир – «Священный луг».*

С экскурсией... на три вдоха... пусть так.

Первый этаж дворца – под железной пятой Ялтинской конференции. Лишь вензель Государя, трижды врезанный в верх мраморного камина бильярдной, пресекает – отсекает.

Покои второго этажа, где *не было* Ялтинской конференции. Уцелели сами пространства и часть отделки (камин, деревянные панели) – да еще беккеровский рояль Государины. Ее руки касались этих клавиш – но рояль грубо, по-санаторски перекрашен (был чёрный, сейчас белый – или, точнее, бледный), и люди вплотную обступают его, кажется, даже облакачиваются. – Обломки, осколки...

И вдруг по всем верхним покоем – глубокий глухой звон часов. Этого голоса здесь никто не ждал. Бой часов всегда торжествен и внезапен – сама торжественность и внезапность – но здесь... Негромкий, но властный – всё останавливающий и восстанавливающий. «Глагол времен» – да, но в таком безвременьи...

Холод, холод – не те вещи, не тот воздух, шарканье музейных тапочек, фотографии во льду, иконы с лампадкой в одном из углов – Феодоровская литографией, остальные на дереве – над Библией за какой-то стеклянной выгородкой... и странный, невероятный этот звук *оттуда* – единственный уцелевший.

...нет, с боем часов никто не явился и покои не преобразились – но всё на миг расступилось, отслоилось...

Колодец в уголке двора: стена, розы, каменный многогранник, инициал Государя – а сверху скалится каменное чу-

дище. Химера от Потоцких? да, но теперь всё видится иначе, и странный железный стержень с цепями и остриями над кругом колодца не украшает, а угрожает. — Указует.

Белая звонница с куполком, похожая на часовню.

Деревянный крест над всей ливадийской белизной и узорностью — крест, обозначающий воздвигаемую главку *Крестовоздвиженской* дворцовой церкви. — Да, так всё и есть: сияющее белое, узорное чёрное (чугун фонарей и решеток), розы у стен и по стенам — и грубый, точно с екатеринбургской дороги, крест.

Дворцовая церковь после всего *ливадийского отсутствия* — точно верхний лазурный киево-печерский храм после всех пещер. — Небо.

Белая дверь, мозаика над входом: Св. Архангел Михаил* (поясное изображение, золотой фон). Синий, яркий, пестрозвездный свод; ряд белых коринфских — византийских колонн поперек храма; свет из отверстия в своде (там, где снаружи крест) — указанием и обетованием.

Только через боль (ужас *колодца*, деревянный крест) — но как светит, как зовет...

Ангелы и святые на своде. Преп. Серафим (большая икона — «картина») справа от входа. Образа на аналоис: Воскресения Христова, Воздвижения Креста (храмовый) и Св. Царя-Мученика. Белые узорные Царские Врата.

---

* Надписание (под титлом): $\tilde{\text{A}} \tilde{\Gamma}$ — но из-за алого плаща и в силу места приняла я его за Архистратига. $\Gamma \Delta$

ΛH
 Ъ Ъ

Фотографии, дневники и вещи Царской Семьи «всё это время» хранились именно в закрытой дворцовой церкви.

Есть во дворце фотография молодых Государя и Государыни с Их подписями: «Папа – Мама – Ц. С.* – 1917». Это Их подарок Великой Княжне Ольге на день Ее рождения в 1917 г.: фотография, запечатлевшая их в год Ее рождения.

Архитектор Краснов покрыл Ливадийский дворец «вечным» составом, совершенно сохраняющим белизну от пыли и непогоды.

В конце 90-х дворец мог рухнуть: ему угрожал оползень, который удалось остановить «три года назад», то есть в 1999 году.

Снова в церкви (одиноким поход несколько дней спустя). Нежная тишина, свет, растворяющий – вбирающий огоньки свечей. Единственное во всей Ливадии место покоя.

И всегда чувство, что за Царскими Вратами решаются судьбы мира.

Образ: «Снятие пятой печати».

Парк: прохожу по ступеням под арками «перголь» и попадаю... в сырой заброшенный овраг с осыпями и кучами (а надобно знать, что во всех крымских парках очень чисто: любовно метут, тщательно следят). Провал. Выбираюсь наконец: сосновая роща, красные стволы, под ногами сухая золотая хвоя, по веткам две белки играют – порхают.

---

* Царское Село.

В Воронцовском дворце сохранилось всё*, в Ливадии – ничего.

Когда во дворце били часы, кто-то из очередной группы, нарочитым голосом: «При-израки...» – Мальчишка. – А я вот подумала** (потом; тогда просто отсекла): это с какой стороны глядеть... Это «группы» здесь призраки, а не Те.

Царская Семья в Ливадии – всегда и навсегда, Они Своих вещей отсюда *не* забирали, *не* вывозили, так всё и осталось с 1914 года***. А прочие (прочее) – Сталин, Рузвельт, Черчилль, «группы» – призраки в Их доме.

А в храме (белом и лазурном Крестовоздвиженском) – не призраки.

И все, кто идет в этот Дворец как в Их дом...

22, 25 мая ст. ст. 2002.

КРЫМСКОЕ

Утро Горного Крыма.

Горы: складчатые гребнистые, столовые, круглые, вздыбленные. Там, где утёсы сплошным окаменелым восклицательным знаком – стройная руина: арка, часть стены. И следом, в отвесной темно-серой, хмурой скале, скальной стене – пещерный монастырь Инкерманский. Невысокий бело-золотой храм – замком и ключом ко всей скале.

Из открытого окна поезда глядим и крестимся. Минуем это, и: окно в скале! Цветное, узорное (главный рисунок –

---

* На наш взгляд; а если не всё, то каким же было *всё*?

** Раз даже этот что-то почувствовал.

*** И дата эта – 1914 – на одном из белых фронтонов, чёрным по белому, а рядом – чёрно-рдяный многогранный фонарь.

крест), высокое. Весь давний дивный Восток от Грузии до Каппадокии, от Эдессы до Палестины.

Высоты и долины: по выпуклостям и впадинам, по зелени и камню – тени облаков и просветы. Облака – низкие (нижние), светлые, клочковатые – неслись с моря.

Всё в маках. Вблизи они горят нестерпимо, вдали еле тлеют: тусклые, матовые, едва красные полосы по полям и склонам.

Едва коснувшись этой земли, всё становится древностью: забытый бетонный отвес – мегалитом, обломок гипса – мрамором, хибара нынешняя – хибарой незапамятной... Всё затягивает, как илом, этой вне- и довременностью.

Проезжая под какой-то безвестной вершиной: – Афон. – И за поворотом, на скале, высящейся у подножья гряды единым огромным камнем – победоносно режущий храм. (Первое видение Форосской церкви.)

Горы – для подвига, море – для подвига. Какого? найдется, была бы воля.

Здесьние края – трагические: вздыбленная земля, жилистые деревья, изо всех сил тянущиеся травы, орлиные крылья гор. Трагедия в призрачной рамке уюта (греческого, татарско-турецкого, державно-русского).

«Южный берег Крыма»: разумеется, удобнее считать это декорацией.

Крым 30-х годов (не пушкинских!): отдельная страшная тема – ветка (до сердцевины чёрная).

...Белокурая, ясноглазая, губы сердечком, белый ворот кофточки, белая юбочка с пояском, белые носочки-туфельки, за спиной белая ваза, в правом верхнем или левом нижнем углу снимка белая витиеватая надпись: «Кореиз 1935». – Машинистка НКВД, санаторий НКВД, Южный берег НКВД...

«Они ныряют над могилами...» – о, этим еще мало сказано...

Горька морей трава –

Ложноволосая – и пахнет долгой ложью...

(Издёвки здесь нет – одна боль).

Крым и англичане – роковое схождение. Ядра и пули Крымской войны – сэр Уинстон Черчилль, пожелавший прихватить на память Спящего льва* из Воронцовского дворца и между прочим заметивший, что кипарис-де – траурное дерево, уместное лишь на кладбище. (Сталин встревожился – и пошли по Крыму рубить кипарисы, порайонно-побатальонно рапортуя об успехах... дело, однако, как-то заглохло...)

И: конечно же! «прихватить на память» (под негласным, безмолвным, но вполне внятным девизом: «Тащи безхозное») – это же лорд Эльджин и Эллада.

«Крым и англичане» – наложение двух линий: «Россия и англичане» и «Греция и англичане». Рок в квадрате.

На обратном пути из Ливадии – вид на серебристо-серый, низкий, ушедший в зелень и землю Дюльбер: «восточные» куполки и башенки за спиной громадного сана-

---

* По легенде, игриво бросив Сталину: «А он Вам никого не напоминает?» (ответа не последовало). Иначе говоря: «Может ли лев быть не британским?»

торского корпуса. Великий Князь, строивший Дюльбер, воздвигал твердыню: где она?

Серебристо-серый – быть может, как линкор «Мальборо», увозивший отсюда Императрицу Марию Феодоровну и Великого Князя Николая Николаевича...

Навсегда покинутый Дюльбер.

Если смотреть с горы, то Дюльбер слева, а справа – тёмно-серый мрачный Кореиз: очередное юсуповское гнездо. Итальянское палаццо, у входа венецианские львы (говорят: мне-то туда не захотелось).

А еще говорят, что там была дача НКВД, где Дзержинский в подвале упражнялся в стрельбе. – Юсуповские подвалы... Из-за них же дачу выбрал в 45-м году Сталин: единственное бомбоубежище на весь берег. – Юсуповские подземелья...

Другое имение Юсуповых, горное, звалось Коккозы. «Кок-коз» – «Голубой глаз», и глаз этот, говорят, красовался повсюду, отовсюду глядел (фонтан, убранство дома)*. – Сохранился один фонтан. – В начале войны в Коккозах обосновалось севастопольское отделение гестапо. – По хозяину и гости...

Крымское соседство: Кореиз – Ливадия. Соперничество, быть может (тайное, потаённое). Сумрачный кореизский взгляд исподлобья. Между прочим, Юсуповы между собой звали Государыню в переписке крымским, татарским словом «Валидэ» («Мать народов»).

---

* По мусульманскому обычаю – «от сглаза». А голубой-де потому, что глаз врага – славянина...

*Звуки новые дальше, глуше...
Вновь раскрыты Крыма ларцы.
Выступают на миг – и глубже
В свою зелень уходят дворцы.*

Воскресенская Форосская церковь построена купцом Кузнецовым* в память спасения Императора Александра III в Борках; освящена в 1892 г. в присутствии К. П. Победоносцева; в 20-е годы закрыта и осквернена; восстановлена в конце 80-х – начале 90-х (народная ремарка: «Спасибо Раисе Максимовне», – именно так; Горбачёва не поминают). Первый настоятель – молодой севастопольский иеромонах, впоследствии архимандрит, о. Пётр (Посаднев), чьими трудами вновь подымался храм, убит на второй день праздника Преображения Господня в 1997 г. (убийцы, одного из которых о. Пётр некогда приютил в сторожке и вывел в люди, думали ограбить храм).

Снаружи – белое видение на скале – на «Красном камне» (теперь и впрямь *обагрённом*); внутри – возвращенная Византия, то есть Византия после турок. Коринфские – византийские, благородного камня – серого с темными прожилками мрамора колонны исцарапаны, изглоданы; впрочем, камень оказался слишком тверд, и имена осквернителей не прописаны. Станным образом кому-то из них вздумалось изобразить *якорь*, и он виден отчётливо. – Дай-то Бог, чтобы потом это не сочли делом рук местного или захожего народа православного; впрочем, не верится что-то в грядущих археологов – как говорят немцы, *die Zeit ist knapp* (Соловьёв бы понял)**.

Уцелевшая мозаика пола. По ней и по колоннам – алые, золотые прозрачные пятна – свет сквозь новые цветные стекла узких окон.

---

* «Чай Кузнецова»; на марке – Форосская церковь. Этикетка? задушиваюсь.

** По-нашему – «времени в обрез», а здесь – «время в обрез».

Резной деревянный иконостас – слово о. Петра о нём: «Иконостас будет, а меня не будет» (устанавливали – радовался, трогал гладкое смуглое дерево, да вдруг и сказал...)

Ему был 31 год; не остался он служить в севастопольских храмах, а пошёл на Красный камень, в разрушенный храм. Память его здесь трепетно чтят, и был он, видно, из *невозможных* (твёрдые и ясные черты, живой взгляд – не сравнивая, я отчего-то вспомнила Петра Георгиевича Паламарчука).

Ясное воскресное утро; многие пришли в храм заранее, потому что шли, «как Бог даст». Внесли и расставили всюду (у икон, а возле порога – у портрета о. Петра) розовый лохматый шалфей (кругом в горах цветет). – Слишком крепко пахнет: вынесли; сейчас других цветов принесут.

Державная икона Божией Матери справа, у окна. И здесь фон светлый, как в Оптиной.

Образ Святителя Николая с огромными – грустными и строгими, тихо вопрошающими очами, скорбно изогнутыми бровями.

Горы слева и справа, море (морья!) – слева и справа. Неделя о слепом.

«Тут все любят венчаться – и наши, и приезжие». – Все любят венчаться...

Гора Фавор и Гора Елеонская..

19–27 мая ст. ст. 2002.

...Полдень...

Центром Херсонеса стал белый храм Св. Владимира (прежде была базилика – «Шесть колонн»). Теперь всё сходится и стягивается к нему.

Внутри храма прохладно, обширно и бедно (иконами и утварью). Не ввысь, а вширь (и, должно быть, вглубь). – Пространно.

Маки в развалинах, в углах чьих-то домов, куда я входила (быть может, через окна?) Лабиринты руин.

Город мёртвых и храм живых.

Поднявшись на холм, никак не обозначаемый на плане, но являющий собою главную обзорную точку всей береговой линии Херсонеса (здесь не могло не быть какой-то башни), обратясь лицом к морю, я увидела слева по берегу башню Зенона, а справа – смиренные вечные узоры развалин и белый дозирующий храм.

На этот холм, полный черепков и ракушек, я всходила семнадцать лет назад (с моря, от Зеноновой башни).

Здесьний берег – слоёный пирог.

Срезанные временем дома.

Вросший в сухую землю обломок – пенёк колонны, белый – если можно так сказать, тёмно-белый – так и не по-

серевший мрамор. Берусь: прочно ли стоит? – Совершенно неколебимо. – Гляжу с восхищением: похвальный пример.

Древность? вечность? – *извечность*.

Базилика: по выгибу стены признаю алтарь. Так значит, этот вот квадрат, этот выступ над каменным полом... Был? есть? Подхожу (ибо уже стою рядом), в память прежнего припадаю (склоняюсь – почти ложусь возле), кладу руку на край. Тёплые, прогретые солнцем камни («плинфа» вперемешку с серыми) и – было то в камне или в руке – послышался мне какой-то внутренний гул: не отзвук, а ток. – Быль.

А Херсонес – центр (сердце) Севастополя. – Здешний (и, быть может, всего Крыма) Кремль.

Теперь с моря виден Крест (кресты на главах и стенах Херсонесского храма). Хочется сказать: теперь сюда снова могут причаливать византийские корабли.

Семнадцать лет назад я многого не видела – не умела читать этой книги: знак Имени Христова над дверью базилики, в мраморе её, рыбы и крест на плите купели... но книгу самую любила.

Знаменитые «Шесть колонн» – не «античность», а VI в. по Р. Х.: руины храма – да, но не языческого, а христианского – византийского, и они белому собору не противостоят, а радуются. «Он – мы».

Ad marginem Херсонеса. – «А что это за кладбище мы проезжали?» (я, узрев из окна троллейбуса некое огороженное поле с нарушенными, как бы размытыми рядами

надгробий – чёрных и серых, без единого креста). – «А это еврейское» (нечаянные добровольные провожатые – спутники; уже шагаем к Херсонесу). – «Оно заброшенное...» (созерцательно). «Они все уехали – своих бросили... ну и вот...» (провожатые – двое мужчин: пожилой – с кустом рассады, чуть помоложе – с резной деревянной палкой; оба *добрые*).

Верх сиротливости – сиротства: пустошь... пустырь... сухие травы, чёрные камни... «все уехали – своих бросили...»

«А там, выше – наше...»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Всенощная под Троицу – Казанский собор.

Праздничный собор, Царский. «Царь земной! войди к Царю Небесному...»

Язык пространств.

Открываются Царские Врата – и глаз поражен внезапной малостью фигур священников: в других храмах другое соотношение (Царские Врата выше человеческого роста, но не настолько). – В этом есть своя наглядность.

Берёзки – целые деревья.

В таком храме надо (приходится) вопиять. Это по-древнему грубо (сила голоса, размера, объёма), но иногда должно вспоминаться и осуществляться.

Конечно, Иерусалимский храм в таких местах вспоминается. «Почему такой огромный?» – и даже: «Зачем такой

огромный?» (я про себя, снаружи обходя днём собор со всеми его крылами и углами). – «Дом Божий».

Да, но если эту огромность не поддерживать изнутри, оставить саму на себя, понадеяться – возложить упования только на неё...

Пурпур, золото, столпы, лучи – вот оно где сейчас, Русское Царство! Ухватилося «за роги жертвенника»...

Перед службой было так: в полу посреди храма – цветным камнем выложенный круг, светило; в нем – праздничная икона на аналое. И вот против Царских Врат, справа и слева от иконы, в круге тихо-тихо собирается, остается, отделяясь от заходящих и проходящих, народ. Храм огромен, но народу – всего один этот круг. Стоим. «Востаните!» – началась, идет служба; и вдруг, в какой-то её миг глянув, видишь: расширилось, заполнилось, весь храм – мы.

Большой образ Царя-Мученика на порфировой грани стены справа против Царских Врат, и под ним – ступени, ограда (сейчас – для чтеца): будто Царское место.

И здесь, на этой всенощной, в этом соборе, так сияющем после всего: «И возму вы от язык, и соберу от всех земель, и введу вы в землю вашу, и воскроплю на вы воду чисту, и очиститесь от всех нечистот ваших, и от всех кумиров ваших: и очищу вас, и дам вам сердце ново, и дух нов дам вам...» (Иез. 36, 24-26).

И в той же главе: «Не вам Аз творю, доме Израилев, но имене Моего ради святаго...»

ЦАРСКОЕ

На Троицу – в Царское. Мимо малой Знаменской церкви, мимо Лицея и размаха дворца, мимо всех великолепий лечу к Феодоровскому собору, на ходу узнавая пути и названия. Успеть бы; парки – потом.

Ясное утро, игра света и листвы, недвижные воды каналов. Серебристые распушённые ивы у берегов.

...Шла по Средней улице к Царскому, и вдруг (расположение ли улицы, общее ли веянье): «Как в Херсонес».

Стены и башенки в травах: Феодоровский городок. Городок-монастырёк. Подхожу ближе; на стене – табличка, извещающая о том, что был здесь Лазарет, где трудились Государыня и Великие Княжны. Другая табличка: «Ресторан "Старая башня"». Мимо, мимо – а дальше-то окна в решётках, закованные... тюрьма тюрьмой...

Заворачиваю за угол – и не в ужасе, не в тесноте, а над озерком, в травах и ивах белеет собор.

Купол чёрный – а был золотой...

«Но, говорят мне, Феодоровский собор чудесным образом остался тогда цел». Да, цел – и только; цел, но как из огня. Огромная каменная ёмкость, погреб кирпичный с четырьмя стенами в толщину и вышину едва ли не кремлёвскую – Успенскую. Да что же это с ними – кремлёвскими, успенскими – случилось, такими ли они мыслились?

На голом кирпиче справа и слева от западных «царских» дверей (там, где, знаете, принято помещать роспись «Страшный суд» – чтоб, выходя, в памяти уносить), в золотых листьях-зубцах рам – портрет Государя и портрет Государыни.

Кирпич и льнущая к нему, обнимающая, прикрывающая наготу листва берез – не снаружи, внутри.

Служба идёт. На ближнем столпе – золотой отблеск: будто сам кирпич светится. Рядом свечи, но они повсюду – почему же только здесь золотится? словно уголёк раскалённый дышит...

Пещера. Пещь.

Паникадило с Имперскими Орлами, цепочками и узорным хрупким нижним шаром: того времени изящество.

Золотые орлиные крылья на высоте храма. И здесь: «за роги жертвенника»...

Есть оно, Царство, есть – да не само же отсюда выйдет...

И – да! – «Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, тво-
рай чудеса!» Пели (откликались) все, и разносилось это
как свидетельство.

Коленопреклоненные молитвы здесь – что сказать на
это, кроме старинного: сподобились (мы все – и я вот
сейчас).

Серые доски пола. «Лежать на листу».

Коленопреклоненные солдаты (они же раскатывали
коврик пред образом Св.Троицы). «Лазарет Ея Вели-
чества...»

Помните ли о Феодоровском соборе тех времен:
«Там всегда прислуживали солдаты»...

Сердце Царского – здесь. Потом, по возвращении в
Екатерининский дворец и парк захотелось немедленно
вон: зной и толкучка среди статуй и куртин. Белое, строй-
ное, нежилое, неживое – и толпа.

Александровский дворец, где Государыне объявили о
«домашнем аресте». Снова (как в Ливадии) ничего: все
вещи погибли в войну. – Стёрто.

Вещи: сплошная растрava. Мундиры Государя в витри-
нах. Платья Государыни (чёрная накидка, светлый капот).

Первыми в этой скорбной чреде предстали одежды Великих Княжен Татианы и Ольги – Шефов Уланского и Гусарского полков. Стройные девические (небольшие, не по взрослой мерке) «платья-мундиры». Господи! да ведь эту каску с белым пышным султаном, обретающуюся за стеклом чуть не на полу, видела я на той фотографии Великих Княжен...

Гранатовое, пышное нечто с заклёпками и бубенцами: «упряжь ослика», а рядом фотография: «Цесаревич с осликом. Царское Село». Те же заклёпки, бубенцы... что ж, вот она, эта упряжь. И всё.

Невыносимо, как Помпей.

Гобелен «Мария-Антуанетта с детьми»: Франция, 1900-е годы, ясный взор и алое платье Королевы Франции. Алое пятно и на пышной шляпе. На чей заказ это готовили – преподнести Государыне?

А в вестибюле дворца, в прохладе мрамора – экран телевизора, и в нём – чёрно-белая хроника без начала и без конца: Государь выходит... Наследник... Государыня и Великие Княжны идут...

И так всегда.

Даже когда выключено.

Вокруг – никого. Сюда меньше ходят; верно, и тогда так было: «сюда» (в Александровский дворец, Феодоровский лазарет, собор...) «меньше ходят» (парад – не здесь).

Перемещение: из Петербурга – в Царское, из ближнего Екатерининского дворца – в отдалённый Александровский... верно, вырос бы и Феодоровский дворец – возле собора...

Собор – предел.

А еще хранится в Александровском свадебный камзол Императора Александра Первого: серебристо-белый с серебряным шитьём. К нему – узкие остроносые бело-серебряные, тем же серебром и узором расшитые туфли.

– Ослепительная тень.

Хрустальное дымчато-золотое пасхальное яйцо (Фаберже, конечно). В нём – Александровский дворец: увидишь, если склониться.

Портрет – взор Государя в галерее. Долго не отпускает.

У дворца (снаружи весьма неухоженного) – жасминный куст, травы, вода и огромный разверстый дуб.

А на бережке неподалёку – дымок... костерок... пикник... Триумф безпамятства. Русского? нет уж: русское – и не безпамятство – в Феодоровском соборе. А это (змеиным свистом) – «сславянское»...

«А Вы всё об этом?» – Да; и где же, если не здесь. Если уж и здесь не об этом...

Исконная огромность парка, сейчас рассеченного на «парадную» и «свободную» части (в быту – «интуристовскую» и «нашу» и, конечно же, «платную» и «даровую»). Какое счастье, что мне, пришедшей сюда впервые, всё открылось в тишине и прохладе.

«Ужасы Екатерининского парка»: дева с разбитым кувшином, к которой все лезут сниматься-обниматься. Какой уж там «смутный страх»! Дева на камне – вдруг маленькая, как ящерица; спряталась бы в щель, да не дадут.

«Дельфийского идола» облеплять труднее, но об Аполлоне в Павловске речь еще впереди.

Чесменская колонна – за водой, на воде, в блаженной недосыгаемости: только купы и облака.

ПАВЛОВСК

Ослепительные облака над верхушками елей, родниковый воздух (после утренней грозы или всегда?), нежный пышный подлесок – папоротники, хвощи. Перистый, пуховый... плюмажи, кисея...

Склоны в травах. Те же, что в Царском, серебристые ивы, то вспыхивающие под лучом, то бледнеющие до призрачности.

Мраморные облака. Небо – каррарская каменоломня. Ветер гонит облака и клонит травы.

Протока, сплошь затканная жёлтыми кувшинками-кубышками. Широкие их листья – и в глубине вод (на полном свету).

Колоннада Аполлона, предваряемая глыбами и обломками (её же?) в травах. Бронзовый Кифаред, выкрашенный в белое и варварски исцарапанный – попросту пегий. «Надписи кириллицей, ономастикон славянский» – нет, невесело. – Бедный русский Аполлон – Аполлон Павловский.

А какой в Павловске дворец? – Не знаю. Ротонда, флигели, серебряный рыцарь с высоко занесенной головой – Император Павел, а дальше что-то ничего не видится. Оттолкновение от «дворцов».

Разве что сумрачная винтовая лестница во флигеле, загиб (завиток) стены, последний дневной блеск из лестничного полукруглого окна да сухой скорый стук каблуков по ступеням (с последним лучом успеть передать письмо)... «Пакет Государю Императору».

Здесь* ведь всё горело, гибло, зияло...
Дворцы? тени дворцов...

Лужайки и луга, за́ душу берущие изгибы реки, сумрачные еловые аллеи и тропки; сумрачно-торжественные Двенадцать дорожек (бронзовый *сохранный* Аполлон, строгие музы**, шум леса), статуи в зарослях... Павловск – Элизium.

ГАТЧИНА

От станции – парком мимо пруда в ивах, соснах и грозных тучах, мимо белого с черным (когда-то красным) шпилем Приоратского замка над другим прудом (вдали – белый с синими куполами храм гатчинский). Перед казармой*** по пути к дворцу – яма; что роют – неизвестно, но все гатчинские почвенные слои как на ладони: нынешний асфальт, прежний асфальт, земля или песок – и старый круглый булыжник. Ниже – только тёмно-серая глина.

Желтовато-серый (говорят, меняет оттенки) пудожский тёсанный камень, высокие арки в нижнем этаже, подземный ход: дворцу снится за́мок.

Тайный, старый пароль и отзыв подземного хода, где нѣкогда жило мощное эхо и аукались дети – Великие Князья и Княжны:

- Кто здесь правил?
- Павел!

---

* В Царском Селе, в Павловске, в Гатчине – везде.

** И простодушные белки у поваленных столбиков въезда.

*** Две таблички: «Здание построено в XVIII в.» и: «В 1917 году здесь восстали солдаты...»

Верхние этажи. «Во дворце пусто, голо; случайно задержались некоторые из вещей», – мог бы сказать кто-нибудь из выдавших эти покои прежде.

Приходится доверяться вещам и портретам.

Малиновый, золотой трон Императора Павла – безмолвное, безмолвствующее средоточье неизвестной (н^ткогда тронной?) залы.

Гобелен – портрет Павла. Одно из лучших изображений, если не лучшее. Не картина – лицо. Светлый взгляд, в чертах – прямота, ум, отвага и некая тончайшая, изящнейшая насмешливость (отличающая, если вспомнить, военнов, полководцев: *esprit* маршала Морица Саксонского, генерала Коновницына...) Обычный (Его) окрыленный занос головы. Нечто моцартовское. Еще вне тени и усталости – и слава Богу, пусть так, нельзя же всю эту великолепную жизнь сводить к одной сумрачной точке, к шарфу и табакерке!

Гобелен «*Vivat*» – или, быть может, «*Vivis*».

В Башенной комнате – Библия Императора Павла. Малиновый с желтым (когда-то золотым?) простой переплёт небольшого (взял и раскрыл) тома. Мальтийский крест на крышке и корешке. Старая – плотная и шершавая бумага. Множество ленточек-закладок – струйками вглубь. Наклоняюсь, чтобы рассмотреть. Моё дыхание на стекле.

Собственный садик. «Балкон» – отгороженная балюстрадай площадка. Шум листвы (всего парка), мерцание вод пруда за оградой. За спиной – зеленые сумрачные перголы, куртины, белые статуи, могилка овчарки Камчатки, погибшей при крушении в Борках, желто-серая громада дворца с тёмными куполами башен и великолепные грозовые тучи.

Обширные (с протоками, разливами, далями) гатчинские воды. Ивы, озёрные травы, чайки. То затуманится, то озарится. Мерцание, рябь, блеск.

...И когда над Гатчиной наконец раскатился гром, мне, тоскующей по высотам и величию, стало вдруг радостно: хоть один уместный – достойный, совпадающий звук.

Гроза прошла. Сияют высокие, с лебединым, лебяжьим выгибом облака, блестят воды, листва, трава в каплях...

Уже тёплые камни мостика над протокой, соединяющей два больших озера. Каменные скамьи – кто здесь сиживал? Слева – отделенный водами обелиск, справа (тоже через озеро) – тускло-бирюзовый павильон.

...Правду говорят, что здесь чистая вода: каждый камушек на дне видно. Только вот мусор у бережка да чёрные пятна кострищ...

Под мостом к жёлто-серому камню льнут незабудки. Мелкая протока, чистая вода, илистое дно. Камни (явно – обломки моста), уходящие в воду: ступень, ещё ступень...

Тишина – шум листвы. Дворцовые часы вдали отбивают четверть за четвертью. Чайки вскрикивают; одна плачется (а может быть, ликует) долго, трубно – и снова та же всепокоряющая тишина, тот же ровный влажный шум листвы. Солнце, застывшее в небе. – Засыпаешь или дух захватывает?

---

*А вдруг войдёшь,
А вдруг найдёшь...
Колонна. Грот.
А дальше что ж?
А дальше вброд.*

*Сиянье вод.
Кто здесь живёт
И чья здесь явь?
Зиянье вод.
А дальше вброд,
А дальше вплавь...*

---

*Позор и разор...
Широких озёр
Огромный зазор.*

Конечно, главная, основная рифма здесь – «Гатчина – утрачено», но только ли это?

КРОНШТАДТ

Точка зрения. Спутница, для которой топография XIII века – реальность и данность: «Но как же туда ехать? он же на острове...» Для меня и это – новость. Спутница, твёрдо: «Да. На острове Котлин. Сама видала. На всех картах так».

(Потом: «А я у водителя всё-таки спросила. А он на меня: “Дак ведь дамба же...”»)

С усмешкой, дополняющей усмешку водителя питерской «маршрутки».)

...Так я до сих пор не могу поверить и не верю, что в Александровской слободе никого нет, что вокруг Новодевичьего – не Девичье поле, что в кремлёвской Мувроварной палате не варят св. мвра... «Как же, – это ведь там».

Так же я в Ливадии: «И конечно же, надо сфотографировать кленовый крест в полу покоев, где скончался Император Александр III». И тихий голос сзади (смотрительница): «Но этот дворец сгорел...» И вопреки всему – неколебимое чувство, что всё это где-то здесь – дворец и крест, что мы туда просто не дошли.

Дамба (пески – пустыня). Море отовсюду. Стальной блеск. Вдали – полоса берега, огромный туманный купол собора. «Найти собор, где служил св. Иоанн» (себе). – «Балтийское море дымилось...» – нет, не дымится, но всё так. Это из лучших, это я помню (так же).

Первое здание на въезде – красного кирпича казармы. – Торговые ряды, старые невысокие дома, и как-то вдруг (после питерской туристской карусели) никого. Тихо, чисто, пусто. Бульвар; окруженные каналом необозримые какие-то пакгаузы – кирпичные твердыни: входы, выходы, двери, ставни, крюки, кольца для лодок... Тихо – глухо. «На покинутом корабле».

Наконец просвет: площадь, собор. Бирюзово-зелёный (бронза, медь?) главный купол – ротонда с дозорными окнами. Креста нет: еще нет (сейчас воздвигают).

Громадный, непомерный здесь Никольский морской собор – сон о Святой Софии. Такой огромный – «как земля держит?» Вся мощь нужна, чтобы сдержать... Не сдержали.

Каменное, кованое, резное, узорное... Высокие чёрные врата наглухо закрыты. Берусь за тяжёлое кольцо боковой двери: недвижно.

Мозаика слева от входа – святые апостолы Петр и Павел; справа – святитель Николай и св. Иоанн Рыльский. – Значит, уже по преставлении о. Иоанна Кронштадтского...

...и в присутствии Государя был освящен сей собор 23 июня 1913 года.

Сверху взирают шестикрылые серафимы. Внутри – «музей» и ложный потолок бывшего клуба. Вокруг – венец цветущего шиповника.

Пристанище для душ и птиц...

Сон Святой Софии.

*Со грозными Херувимы,
Со страшными Серафимы...*

Всё уже было – есть. Может быть, вам дадут – немного: вот этот собор отстоять... Святую Софию...

Да, но где же собор, в котором служил св. Иоанн Кронштадтский – Свято-Андреевский собор?

«А его же снесли – тогда, в 30-е годы... Вот вы проходили – видели сквер? Там он и был, а потом – памятник Ленина, а сейчас перенесли – к зданию администрации, так что там теперь просто вот этот сквер. Свято-Владимирский вот восстанавливают – там службы. Музей еще св. Иоанна Кронштадтского есть...»

Святыня. Скверна. Сквер...

Спутницы: «И как же всё запущено, заброшено!»* – «А мог бы быть европейский город, туристов можно бы возить... С ночёвкой: вечером – фестиваль какой-нибудь оперный, “Манон” в паричках...»

Ветер с моря, шум листвы. Вполуха слушаю всё это, тут же развеиваемое ветром, гляжу в небо, в изумрудную воду канала, где темнеют длинные травы, и думаю: да нет, только не это – если только это.

Набережная. Гавань. Рейд. То же военное море. «Свечу Яблочкова» впервые испытывали здесь, в Кронштадте**, радио изобрели здесь, рентгеновские лучи впервые в госпитале применили здесь. – Это вам не Байрейт, это несбывшийся ядерный центр, военный центр: «Кронштадт-16»...

Вслед уходящим (покидая всё, площади не минуешь) глядят Морской собор и чугунный памятник. Адмирал

---

* Местами *такое*, что будто после войны (или будто война еще не кончилась).

** Первую подводную лодку – на гатчинском Серебряном озере, к которому выводит подземный ход.

Макаров с воздетой дланью и развевающейся бородой (1913 г.? невероятно...); у ног – чудище-вал или чудище-змий и надпись: «Помни войну».

Слово о. Николая Ненарокова, знатока истории и зодчества, об этом памятнике (над фотографией): «Да... Это где-то возле Фальконетова* – может, они и думали.... Один жест...»

Ясным, дневным вечером того же дня – Св.-Иоанновский монастырь на Карповке. Когда-то, годы назад – пасмурным, сумрачным днём... (И тогда, и сейчас: «Здесь!»)

9/22 – 16/29 июня 2002.

Р. S. 26 июля/8 августа 2002 г. с Никольского собора в Кронштадте рухнул крест: водружали и не успели водрузить. Лопнул трос; дрогнув в небо, покатился вниз громадный золотой узорный крест; никто не пострадал. Народ православный сказал: что же, – собор-то не освящен, там внутри «музей» и, страшно вымолвить, нужник на месте алтаря.

А с Морского собора-то кронштадтского крест рухнул – знаете? (спутницы, при встрече).

– Да.

– Ну, конечно, – там ведь музей, помните?

– Да.

Конец июня 2003 г. Запустение, сирень, каштаны в долгом цвету, ветер и дождь с моря. Идя к собору: а крест? (Потом ведь, в том же 2002 году, когда «выехал театр», подняли вновь и установили).

Низкие, чуть не у купола, тучи. Крест – да – сияет.

Овраг с мостом и пышными зелеными купами, хмурая гавань.

«Помни войну».

---

* Разумеется, «Медного Всадника».

ПЕТЕРБУРГ А.Д. ММШ

Карповка

Всенощная (отдание праздника Св. Троицы): храм верхний, бирюзовые *тающие* своды, чистые голоса службы (монахини-певчие, канонарх), озаренный свечами снаружи и *светом радости* изнутри образ св. Иоанна Кронштадтского с епитрахилью его за стеклом – простой, старенькой... Служба – каждое слово внятно.

Возгласы священника *здесь* словно возвращают хор монашеский к земному (обычно – в приходских храмах – возгласы эти *возводят* хор к небесному): «О плавающих, путешествующих...» – и даже «О великом Господине и Отце нашем...» – земные дела и слова, а то так и пели бы о нездешнем, необъятном, как птицы, высоко под сводом, о дивных делах Господних...

К мощам уже нельзя, поздно. Вдруг после службы за свечным ящиком: «Погодите, сейчас певчие с батюшкой пойдут вниз в усыпальницу – и всё за ними пройдут, можно будет». Сижу среди прочих (немногих – вечер будний) внизу на скамеечке, жду – и, плавным ходом со ступени на ступень, издалека, сверху вниз, с третьего этажа на первый, спускается напев – тропарь св. Иоанну Кронштадтскому. Близится. Все встают. Священник, сестры-певчие.

И вошли все в усыпальницу – нижний храм, Царские Врата у самой земли, из земли. Величание – прикладываемся. Народ тихий, умиленный, уходит – расходиться не хочется.

Слава Богу!

Исаакий

Надо ли говорить, что никто из петербуржцев сюда не ходит. Вполне понимаю. Билет в музей, то есть в собор. Билет в собор. Служба, верно, раз в год.

Призрак *маятника Фуко* (еще на моей памяти: 80-е годы).

Ксения (12 лет, впервые в Петербурге): «Туда? А ты хочешь?» Собираемся, собственно, на знаменитую колоннаду: город сверху из-за плеча (крыла) бронзового ангела со

светильником. — «Я?.. Да ведь всё равно же придется билет брать, а то наверх не пустят. Ничего, посмотришь зато хоть раз» (*ларец*: лазурит, малахит...). Потом оказалось, что билеты всюду отдельные, но увиденное стоило того.

Повязала я платочек, Ксения голову капюшончиком покрыла — вошли в огромность египетскую, римскую, отыскиали иконостас, перекрестились. Ксения приуныла: «Ка-ак это?!» Царские Врата среди дня полураскрыты, кое-как, не пойми как, народ бродит, как на ярмарке, икон не видать, свечек нет... Вдруг: «Икона!» — с восторгом, через весь храм к единственному, сколько глаз среди картин видит, образу. Казанская на столпе или выступе стены; три ступенечки, высланные красным.

Надписи над всеми дверьми: «Воздадите убо кесарева кесареви и Божия Богови», «Возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы». Вот еще откуда «девизы» у Бориса Садовского в «Александре III», а я думала — как на триумфальных арках; нет; надо знать Петербург.

И вдруг возникают вдали огоньки, цветники свечей. «Ксения! свечи!» Подходим: левый (от алтаря — правый) придел, закрытые Царские Врата, образа, сбоку в уголке на аналое Евангелие или требник, народу — кто дошел. Расходимся: Ксения ставит свечку Спасителю (Спас Нерукотворный), я свт. Николаю. Тихо, светло (лучи из бокового окна, а во всем соборе сумрачно), гул “групп” — вдали. А над скромными, малыми Царскими Вратами надпись: «Сія Врата Небесная».

Бродя потом по собору, замечаем, к неописуемому своему удивлению, картину «Вознесение Богородицы» (1853 г., К. Штейбен) — да где мы, в Ватикане, что ль? А внизу литыми старинными буквами по темно-красному камню подпись по-славянски: «Преставилася еси к животу, Мати сущи Живота». Католическая идея в православной раме?

Вращая глазами, как староверы, отходим. И тут Ксения: «А это еще что? в церкви?!» Господи, неужели всё-таки маятник?.. — следуя взглядом, вижу *идол*: каменную голову с каменными глазами и чертами какого-нибудь римского предка. Подходим: бюст архитектора Монферрана, чисто римское изделие, если не считать крестов (орденов): лицо из одного камня, глаза из другого, мундир из яшмы...

Представляю – слышу смотрящую на «кумиры и колонны» Русь.

Эрмитаж

...Античность и Российская империя, и только. Камен, статуи и вазы внизу – потусторонняя роскошь наверху. Единый воздух, только наверху – живой (*да*) и горестный. Римская знать и галерея Двенадцатого года.

Город

Эпически (в конце июня) доцветающая сирень в каверзном треугольнике, заданном Петропавловской крепостью *со всем, что в ней*, особняком Кшесинской, мечетью. Ясный вечер, первый день по приезде; идем как-то так, непонятно куда, по направлению к Троицкому мосту. «А это что? часовня? новая какая-то, так и видно...» «Памятник к 300-летию»? посмотрим...

Оказалось – крохотный, как лампадка, храм, где Престол с семисвечником – ближе некуда, отступать надо, а иконостаса не то еще нет, не то вовсе нет. Свято-Троицкий храм на месте разрушенного *первого храма* Санкт-Петербурга.

О. Николай Ненароков на мои рассказы о городе: «Санкт-Петербург – три Троицких храма... Москва – то же самое... Та же структура: Кремль, Детинец – Петропавловская крепость*... Любят все противопоставлять: "Голландия, Петр в Голландии вырос..." – Он в Измайлове вырос».

Вернувшись в Москву, читаю последние, посмертно собранные в книгу статьи О. Н. Трубачева: дунайская прародина славян, Балатон – первый «Блатънь Градь», «Болотный Город», «тростник, топкие берега»... что-то мне всё это напоминает – что же, как не Санкт-Петербург? Значит: начало и конец (рубеж), от Болотного Града I (а

---

* Как можно видеть, если разбираться, где Петр в СПб. жил и что любил, Петропавловская крепость – начало города, военное гнездо и любимое детище Петра.

Балатон теперь к германскому лимесу отошел) к Болотному Граду II, который *для нас* тоже «I» (первый у нас). Translatio Болотного Града... Болото – вода – колыбель...

Но, говоря «конец», я имею в виду не только о-кончание («Меж люлькою и гробом...»), но и завершение: гармонию. Тέλος – цель.

Записала я это себе о Болотном Городе, а тот же о. Николай, записи этой не зная, *поверх нее* сказал, завершая мысль о посвящении Санкт-Петербурга: «А заложен был город в день Святой Троицы, – и это *последний* на Руси, да и везде город с посвящением Святой Троице».

Царское

Напутствие в дорогу в этом году. Слова (незнакомому и не мне сказанные): «Вы бывали в Царском?» – «Нет». – «Это самое прекрасное, что есть на свете».

– Это самое грустное, что есть на свете.

---

*И если кто-то скажет: «Рай», –
– Потерянный, – скажи.*

Всюду таволга и сурепка, белое и золотое. Таволга: вблизи – белые нежные зонтичные соцветья-звездцветья, вдали – разлитая по лугам, над лугами белая дымка.

Дальние дубы. Серебристые ивы – одна в начале канала, в заглавии, другие – по берегам озер. Детский остров.

Их глазами, Их шагами, Их воздухом...

«Нас» тут, собственно, нет.

*«Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех – серебряную иву...»*

Я охотно, радостно уступила бы эти места Им – Царской Семье, а еще – Анне Александровне (Танеевой-Вырубовой) и Анне Андреевне (А.), чтобы всё было, как должно быть, как должно.

*... И воздух тот, которым дышишь ты,
Тебе вдруг кажется стяжанием неправым...*

Дорога мимо Белой башни от Александровского дворца к Феодоровскому городку и собору. «На Белой башне дремлет пулемет, // Вокруг дворца гусарские разъезды...» – так было в 14-м году, а сейчас ничего и никого, а башня – как огромная затерянная, выроненная шахматная ладья. Глушь, дубы, травы, дальше – луг и поле (кажется, футбольное). Идем с Ксенией. Астрономический полдень, жёсткое солнце, внезапный зной и мой, вдруг *извне* звучащий ровный голос: «Это всё Их, а у Них это отняли, Их (*сжатым горлом*) расстреляли, и Они никогда сюда не вернутся».

Райское, *тамошнее* Царское – да, я думаю, *там у Них* оно есть (настоящее, целое, сохранное), но вот на эту землю Государь Император Николай Александрович, Государыня Императрица Александра Феодоровна и Дети *телесно*, как мы сейчас ступаем, в здешнем времени не ступят.

Феодоровский собор – единственное утешение.
Пристанище.

В огромном темном пустынном (людьми) храме богатырского сложения священник один служил молебен.

Наталья ГАНИНА

Конец июня – начало июля 2003.

ЦАРСКОМУ СЕЛУ

I.

Екатерининский парк

*Дворец румянят, белят — где известка,
Где краска, где глухая тень.
И здесь в цвету еще... В цвету? Из воска
Лепная бледная сирень.*

*И отстраняясь, и теряясь: «Где я?»
На суету взирают свысока
Воздушные пустые галереи,
Колонны, облака.*

*Вдали от всех палаток, всех кибиток,
В затишье, в травах, в уголке —
Забытой, баснословной славы свиток
В застывшей бронзовой руке.*

*По таволге, по островкам тумана —
Никто, ничья нога...
Здесь есть недостижимые поляны,
Запретные луга.*

II.

*Веще слово здесь обронили
Чьи-то уста:
Царством подводным названы были
Эти места.*

*Всё мне казалось: так добывают
Жемчуг на дне,
Так, погружаясь, глаза открывают
На глубине.*

III.

*А тайных замет... а любимых мест...
А жемчугов... а шагов... а слёз...
Воздух — насыщенный раствор,
Воздух, помноженный на всю
Долгую память всех, кто здесь был,
Долгую память всех, кто здесь.*

Воздух — янтарь, воздух — кристалл...

IV.

Феодоровский городок

*Посвист неизвестной птицы.
Сквозь пустые глазницы
Царского городка –
Небо и облака.*

V.

*На ветру, в глуши, на воле...
То ли голубь белый, то ли
Брошенный платок...*

*В чистом поле
Чистой боли
Роковой глоток.*

VI.

Дворцы

*Мы растаяли, истаяли.
Здесь, вдали
Нас оставили – оставили
И ушли*

*В осиянные обители...
Здесь темно.
Из каких небес глядите вы
К нам, на дно?*

VII.

*Идут дорогой два путника,
Старый идёт со отроком.
– Место одно заветное...
Если не судит мне Бог дойти –
Ты не перечь, ты выслушай –
Придешь в село, в село Царское,
Найдешь там собор Феодоровский,
Престолу Господню поклонись,
К стопам припадешь Государевым,
Поклонись страданью Государыни
И Детям-Ангелам поклонись.
Собор тот во сне я видывал.
Стены, столпы высокие
Да образа – и более
Нет ничего, кирпич один.
А каждый кирпичик как жар горит,
Как уголь зрелый, как золото.*

11/24 – 12/25 июля 2003.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЦАРИЦЫНА КРЕСТА

«В ночь с 24 на 25 июля 1918 года войска Белой Армии заняли Екатеринбург. А уже утром все офицеры, свободные от службы и боевых нарядов, потянулись к дому Ипатьева, где содержалась в заключении и 8 дней назад была расстреляна Царская Семья. "Каждому хотелось повидать это последнее пристанище Августейшей Семьи... Каждый почувствовал, что здесь что-то произошло, что-то большое, мрачное и трагичное... Но что? Убили?... Да, кровь здесь была. Не может быть, думал почти каждый. И зверству есть предел. И, перебирая безчисленное количество вещей домашнего обихода,.. никто не допускал, что зверство может и не иметь предела"»⁴⁷⁸.

Раскрыли двери угловой комнаты верхнего этажа, служившей спальней Государю Императору, Государыне Императрице и Наследнику Цесаревичу. Четыре окна этой комнаты выходили на Вознесенскую площадь и Вознесенский переулок. Оглядывая разоренное помещение, офицеры заметили странный знак на левом косяке правого окна...»⁴⁷⁹, — так начиналась первая в отечественной исследовательской литературе основательная публикация (с православных позиций) о гамматическом кресте*.

---

* Мы придерживаемся этого ставшего в Христианской Европе традиционным названия. Точности ради, однако, приведем по этому поводу мнение известного французского философа-традиционалиста Р. Генона (1886-1951): «...Название "гаммированный крест", которое нередко дается *свастике* на Западе из-за сходства формы ее ветвей с формой греческой буквы *гамма*, ...ошибочно; в действительности знаки, в древности называвшиеся *гамма-дия*, были совершенно другими, хотя порой и в самом деле ассоциировались, более или менее близко, со *свастикой* первых веков христианства. Один из этих знаков, называемый также "крест Слова", тоже образован четырьмя *гаммами*, углы которых обращены к центру; внутренняя часть фигуры, имеющая форму креста, обозначает Христа, а четыре угловые *гаммы* —

Опубликована она была со второй попытки. Об этом пишет сам ее автор Р. В. Багдасаров в первом отдельном издании: «...Написана она была еще раньше, в 1993-м, для несостоявшегося монархического сборника. Составителям сборника важно было создать метаисторическую раму для объяснения использования свастики Семейей Императора Николая II, поэтому работа мыслилась как материал для дискуссии, связанной с Его канонизацией»⁴⁸⁰.

Сейчас можно раскрыть некоторые подробности той несостоявшейся публикации, предпринятой для разъяснения вопроса употребления «знака» Государыней Императрицей Александрой Феодоровной. Статья была заказана автором этих строк для редактировавшегося тогда им альманаха «К свету». Написанная Романом Владимировичем в оговоренные сроки, она предполагалась для публикации в 1994 г. в 17-м выпуске альманаха с присовокуплением большого числа иллюстративного материала. Была уже сделана верстка, но вмешалась сторонняя напористая воля. Энергичная вдова известного ученого М. П. Кудрявцева Татьяна Николаевна действовала через своего адепта, художника издательства «Родник» М. Ю. Зайцева. В результате материал был «зарублен», а редактор (автор этих строк) был вынужден искать новое место приложения своих сил. Разумных (т. е. рационально объяснимых) причин этим «активным действиям» я до сих пор не нахожу...

Как бы то ни было, тот очерк, но уже в значительно расширенном виде (в основном за счет обширного этнографического материала, внесенного соавтором Р. В. Багдасарова), был обнародован в 1996 году. Отдельное, переработанное и существенно дополненное издание появилось в 2001-м. Книга не осталась незамеченной: появились отклики. Вышло второе издание, готовится третье...

Но вопросы, поднятые в исследовании, остались и все еще весьма далеки от более или менее удовлетворительного их разрешения.

четырех евангелистов; эта фигура, таким образом, равнозначна хорошо известному изображению Христа посреди четырех животных. Встречается и другое расположение, когда центральный крест окружен четырьмя *гаммами*, образующими крест (углы повернуты наружу, вместо того чтобы быть внутри); значение этой фигуры таково же, что и предыдущей» (*Генон Р. Символика Креста. М. 2004. С. 167*).

Мы вполне отдаем себе отчет, что сделан еще только первый шаг, но весьма и весьма важный: снято многолетнее табу с темы как таковой.

Задача нашей сегодняшней публикации скромна: создать первый свод всех известных ныне данных употребления Царицей Мученицей гамматического креста.

* * *

Уникальным по щедрости декорирования гамматическим крестом памятником эпохи правления Царственных Мучеников остается русский православный храм, воздвигнутый под Лейпцигом в память 22 тысяч русских воинов, убиенных в Битве народов с войсками Наполеона. Церковь-памятник во имя Святителя Алексия, митрополита Московского была торжественно освящена в самый день столетней годовщины сражения 5/18 октября 1913 г. в присутствии Великого Князя Кирилла Владимировича (главы специальной Русской военной миссии), Германского императора Вильгельма II, Саксонского короля Фридриха-Августа и эрцгерцога Австрийского Франца-Фердинанда, Шведского принца... (в общей сложности 33 Высочайших Особ) при большом стечении народа. Прообразом этой церкви, построенной по проекту Архитектора Высочайшего Двора В. А. Покровского (1870 †1931), воздвигнувшего в те же годы в Царском Селе Феодоровский Государев Собор, стал шатровый храм Вознесения в подмосковном селе Коломенском (таково было условие конкурса, объявленного в 1911 г. Императорской Академией художеств). 600-килограммовое бронзовое позолоченное паникадило с прозрачными яшмовыми чашечками для светильников было личным даром храму-памятнику Императора Николая II.

* * *

По крайней мере, еще в 1913 г. при ближайшем участии Самой Императрицы в Царском Селе был задуман пещерный храм (освящен 26.10.1914) «в духе древних базилик». В стенной росписи, на сосудах и утвари его были воспроизведены символы, к которым верующие в первые века христианства вынуждены были прибегать, чтобы скрыть свою веру перед лицом жестоких гонений⁴⁸¹. Гамматический крест был, как известно, одним из таких символов.

Одно из наиболее ранних известных на сегодняшний день изображений гамматического креста в связи с Государыней мы видим на фотографии, относящейся, судя по всему, к периоду Великой войны. Государь слева на коне, Государыня сидит в стоящем перед Ним открытом автомобиле. Казак-конвоец за автомобилем справа отдает Государю честь. На капоте автомобиля Царицы виден установленный левосторонний гамматический крест, заключенный в круг⁴⁸².

Известны изображения гамматического креста на рисованных открытках Государыни.

Один из первых таких «знаков» был поставлен Императрицей вслед за подписью «А.» на нарисованной Ей Рождественской открытке, отправленной 5 декабря 1917 г. из Тобольска подруге Ю. А. Ден⁴⁸³.

«Послала тебе, — сообщала Государыня 20 декабря 1917 г. из Тобольска А. А. Вырубовой, — по крайней мере, 5 нарисованных карточек, которые ты всегда можешь узнать по Моим знакам (“свастика”), выдумываю всегда новое»⁴⁸⁴.

На сегодняшний день известны три такие открытки, адресованные А. А. Вырубовой и хранящиеся в составе ее обширного архива в Йельском университете* (США). Первая из них (4 x 5 см.), ошибочно приписываемая Цесаревичу Алексею Николаевичу, датирована 1917 годом. Орнамент с использованием двух левосторонних гаммированных крестов обрамляет стих из Псалтири в русском переводе (*Пс. 33, 19*).

Другая (также размером 4 x 5 см.) — атрибутируемая йельскими архивистами как Рождественская открытка — датирована Самой Государыней. На ней проставлен 1918 год и также воспроизведен стих из Псалтири (*Пс. 102, 8-9, 17*), но уже на церковнославянском языке. В правом нижнем углу открытки помещен большой правосторонний гаммированный

---

* Того самого, который ныне скандально известен, как местопребывание основанного еще в 1832 г. тайного общества «Череп и кости», ритуалы которого полны оккультной символики. Принадлежность к обществу, членами которого являются, в частности, нынешний президент США Буш-младший и один из главных претендентов на этот пост Джон Керри, свидетельствует о причастности к властной элите США.

ДВЗСКЗ -

Ѧ

Ѧ

Восподь -

СЗРУШЕННЫМЗ -

СЕРДЦЕ МЗ, И С МИРНИХЗ

ДУХО МЗ СПАСЕТЗ. -

Пс. 88. 19.

М.

крест в орнаменте. Не раз воспроизводившаяся до этого⁴⁸⁵, эта открытка ошибочно атрибутировалась как лист из рукописной Псалтири Государыни.

Существует, наконец, двусторонняя открытка, воспроизводящая церковнославянский текст заупокойного тропаря 8-го гласа («Глубиною мудрости...») и краткую молитву о упокоении. Архивистами Йельского университета она ошибочно атрибутируется как Рождественская (sic!) открытка, нарисованная Цесаревичем Алексеем Николаевичем. Открытка датированная (по-церковнославянски, кириллицей, обозначен год ее создания: 1918). В конце текста поставлен также левосторонний гамматический крест.

Все три открытки подписаны одним и тем же инициалом «М» (Мама?).

* * *

«Что же касается пристрастия Ее Величества к свастике, — писала ближайшая подруга Государыни Ю. А. Ден, — то в глазах Ее Величества она представляла собой не амулет, а некий символ. По Ее словам, древние считали свастику источником движения*, эмблемой Божественного начала»⁴⁸⁶.

---

* Упоминавшийся нами Р. Генон писал, что «свастика является [...] знаком действия Первопринципа по отношению к миру». По его словам, на Востоке существовал особый термин *Чакраварти*, «в котором нет ничего специально буддийского» — «это, буквально, “вращающий колесо”, т.е. тот, кто, пребывая в центре мироздания, управляет движением вещей, не принимая в нем непосредственного участия, или, согласно выражению Аристотеля, является “неподвижным двигателем”. [...] Центр, о котором идет речь, — это недвижная точка, во всех традициях единодушно именуемая символическим “полусом” бытия, ибо именно вокруг нее осуществляется круговращение мира, который, в свою очередь, чаще всего символизируется колесом: именно так обстоит дело и у кельтов, и у шумеров, и у индусов. Таков истинный смысл *свастики*, знака, распространенного от Дальнего Востока до Крайнего Запада; это прежде всего “знак полуса”, о чем следовало бы знать современным ученым, которые напрасно пытались объяснить этот символ с помощью самых фантастических теорий. Большинство из этих ученых, одержимые своего рода навязчивой идеей, не желают видеть в нем ничего, кроме “солярного” знака, тогда как он принимает такое значение лишь изредка и случайно. Другие, более близкие к истине, рассматривают *свастику* как символ движения, но эта интерпретация, не будучи ложной, совершенно недостаточна, ибо здесь идет речь не просто о движении, но о вращении вокруг некоего центра или незыблемой оси; именно эта неподвижная точка,

Отдельная тема – употребление Государыней «знака» в Ее письмах.

Вот начало письма Государыни фрейлине М. С. Хитрово (1895†1952), написанного на секретке:

«Рите

21-го Янв. 1918 г. Т[обольск]. №»⁴⁸⁷.

Гамматический крест поставлен Государыней вместо подписи под стихотворением «Молитва», написанном, как известно, поэтом С. С. Бехтеевым в Ельце в октябре 1917 г. и посвященным Великим Княжнам Ольге и Татьяне Николаевнам:

«11-го Янв. 1918 г. №»⁴⁸⁸.

Текст стихотворения написан на обороте открытки Всемирного почтового союза, изображающей Господа Иисуса Христа в терновом венце («Барбиери (Гуерчино, Лувр), – Христос»)⁴⁸⁹. Адресатом открытки был полковник А. В. Сыробоярский⁴⁹⁰.

Наконец, есть одно пока что загадочное место в письме Императрицы Ю. А. Ден, написанном в Тобольске 2 марта 1918 г. на английском языке:

«Дети все выросли, Мари очень похудела, а четвертая толстая и маленькая. Татьяна, как всегда, помогает всем и повсюду; Ольга ленится, но душой они все заодно. Они целуют вас нежно – [на этом месте вместо слова “Государь” стоит НЕКИЙ ЗНАК] шлет сердечный привет»⁴⁹¹. В сборниках писем присутствие этого «знака» никак не обозначено. Напечатано просто: «Он (Государь Император) шлет сердечный привет»⁴⁹². Каким именно символическим «знаком» был обозначен Царь-Мученик остается неизвестным.

Нашел отражение «знак» Государыни и в Ее дневнике. Речь идет о дневнике за 1918 год, хранящемся ныне в Государственном архиве Российской Федерации.

В Тобольске, в «губернаторском доме», Великая Княжна Татьяна Николаевна подарила Своей Матери на новый 1918 год небольшую записную книжку, которая и стала

повторяем, и является основным элементом, к которому самым непосредственным образом относится рассматриваемый символ» (Генон Р. Символика Креста. С. 87, 255-256). – С. Ф.

Глубиною издрости
члѣвколюбивѣ всѣхъ
строми, и полезное
бѣмъ подавати, ели
не содѣтею, оупокѣи,
гди, дшъ раба твоего
на тѣ бо оупованіе

последним дневником Императрицы. Царица сшила для него специальный чехол из лиловой (символический цвет Креста Господня) материи, вышив на нем белый гамматический крест: ☩.

«...Небольшая общая тетрадь в клеточку, – описывают внешний вид дневника публикаторы его русского текста, – в матерчатой обложке сиреневого цвета с вышитым на ней белым крестом»⁴⁹³. Под этим «белым крестом» ученые мужи заботливо «укрывают» свастику. Между тем фотографию этой обложки можно видеть на фотографиях в других книгах⁴⁹⁴.

На этом, однако, нелады со «знаком Государыни» у ученых мужей не кончаются. Готовивший американское издание дневника Царицы к печати Timothy D. Sergay (он же автор примечаний и комментариев к нему) в предисловии «от издателя» особо отметил сохранение при подготовке к печати, наряду с некоторыми авторскими грамматическими и др. особенностями, «символы свастики»⁴⁹⁵.

Если в русском издании дневника Царицы гамматический крест представлен описательно: «[Знак свастики. – *Сост.*]», то в американском издании помещено фальсифицированное изображение гамматического креста (☩): во-первых, он правосторонний; во-вторых, он не прямой, горизонтальный* (каким его обычно изображала Государыня), а вращающийся. Одним словом, точно такой, каким мы его видим в символике III Рейха, но *никогда* у Государыни. Таким образом, подачу его в американской книге вполне можно расценить как злостную фальсификацию и клевету на Царицу-Мученицу.

Перечислим все случаи употребления гамматического креста на страницах последнего дневника Царицы⁴⁹⁶:

(9.1.1918. Тобольск): «☩ *Grandmama* – 1901». / «☩ Бабушка – 1901».

---

* Именно о таком «горизонтальном кресте, – т. е. кресте, начертанном в плоскости», Р. Генон пишет следующее: «В древности мы встречаем этот знак, в частности, у кельтов и в доэллинской Греции. На Западе он также был в старину одним из символов Христа и в этом качестве использовался до конца Средних веков». Такой же знак философ видел, например, в древнем монастыре кармелиток в Лудене (втор. пол. XV в.) (Генон Р. Символика Креста. С. 215, 298).

ВОЗЛОЖИША ТВОРЦА

И ЗИЖАТЕЛЯ, И БГА

НАШЕГО. —

МОЛИМЪ ТА СЛОВА: ИХ

ЖЕ СѢ НАСЪ ПРИЛЪЖИ

ЛІКѢ ИЗБРАННЫХЪ

ТВОИХЪ СОПРИУТАВЪ,

ПРИЧАСТНИКИ ПОКАЖИ

ЛУЧШАГО ЖИВОТА. —

ѦЦИ.

МѢ

Имеется в виду дата кончины бабушки Государыни – Английской королевы Виктории (1819–1901).

(4.2.1918. Тобольск): «☞ Serge & I. Vladimir». / «☞ Серж и И. Владимир».

Речь идет о дне памяти убиенного Вел. Князя Сергия Александровича (1857†1905). Второе лицо не установлено.

(28.2.1918. Тобольск): «☞ Papa 26th anniversary». / «☞ Папа – 26 годовщина».

Кончина отца Императрицы – Великого герцога Гессенского Людвига IV (1837–1892).

(1.3.1918. Тобольск): «☞ Alexander II». / «☞ Алек[андр] II».

37-я годовщина со дня гибели Императора Александра II (1818†1881).

(2.3.1918. Тобольск): «☞ David Grabovoi». / «☞ Давид Грабовой* 1915 г.»

Речь идет об офицере 14-го Грузинского Наследника Цесаревича Алексея Николаевича полка Давиде Ивановиче Грабовском, скончавшемся в лазарете Государыни в Царском Селе (Государыня в Своих письмах называет его «Грабовым»).

(7.3.1918. Тобольск): «☞ Grosspapa ☞». / «Дедушка ☞».

Имеется в виду дедушка Государыни по отцовской линии – принц Гессенский Карл (1809–1877).

(8.3.1918. Тобольск): «☞ Grossmama ☞». / «Бабушка ☞».

День памяти бабушки Императрицы – принцессы Елизаветы Прусской (1815–1885), супруги принца Гессенского Карла.

(17.3.1918. Тобольск): «Anniv. St. Hendr: ☞». / «Годовщ[ина] Гр.** Хендр[икова] ☞».

Речь идет о графе Василии Александровиче Гендрикове (1857†1912) – отце фрейлины Государыни гр. А. В. Гендриковой (1888†1918), добровольно разделившей заключение и смерть с Царственными Мучениками.

Нетрудно заметить, что все «знаки» в дневнике 1918 г. были употреблены Государыней для обозначения дней памяти скончавшихся родных и по разным причинам особо близких Ей людей.

---

* В рус. изд. ошибочно «Грабовой». – С. Ф.

** В рус. изд. это сокращение «Ст.» (Count/Граф) ошибочно интерпретировано как «Ст<ас>». – С. Ф.

Шѣдрѣ и мѣлѣти въ **Г**дѣ
долготерпѣливъ
и многомѣлѣти въ. **Н**

до конца прогнѣвается,
ниже въ вѣкъ вражда быти

Нѣтъ же **Г**дѣна съ
вѣка и до вѣка на

боищихся **Б**гѣ

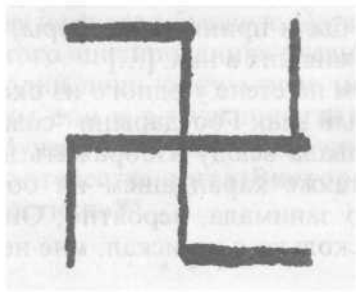
М. 1912.

Последний зафиксированный «знак», начертанный Собственноручно Государыней, был обнаружен в Ипатьевском доме.

Этот дом осматривался судебным следователем Екатеринбургского окружного суда по важнейшим делам А. П. Наметкиным 2-8 августа 1918 г.⁴⁹⁷, членом Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеевым 11, 12 и 14 августа 1918 г.⁴⁹⁸ Однако лишь во время проводившегося почти год спустя (15-25 апреля 1919 г.) дополнительного осмотра дома судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколовым⁴⁹⁹ этот «знак» был обнаружен и опознан:

«Рядом с комнатой Великих Княжен находится комната [...] В этой комнате – 4 окна, причем два обращены на Вознесенский проспект, а два – на Вознесенский переулок. Все окна имеют двойные рамы. Окно, обращенное на Вознесенский проспект и ближайшее к гостиной, имеет снаружи частую железную решетку, покрывающую все окно. Окно, обращенное на Вознесенский переулок и ближайшее к комнате Великих Княжен, имеет фортки [...]»

На левом косяке окна, обращенного на Вознесенский проспект и не имеющего решетки (на левом косяке – если смотреть из окна на Вознесенский проспект), имеется знак и надпись, сделанные черным карандашом, принадлежащие, как свидетельствует Жильяр, Государыне Императрице. Знак и надпись имеет следующий вид:

17/30-го Апр: 1918 г.»⁵⁰⁰

Н. А. Соколов ссылается здесь на показания воспитателя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича швейцарца П. Жильяра (1879-1962), допрошенного им в Омске

5-6 марта 1919 г. Свидетель, в частности, рассказал о своем участии в следствии, которое проводилось предшественником Н. А. Соколова И. А. Сергеевым: «Я был с Сергеевым и мистером Гиббсом в доме Ипатьева. Я видел комнату, где были следы пуль в стене и на полу. Стена и пол были уже выбелены. В доме я нашел “два египетских знака”, которые Ее Величество имела обыкновение ставить часто на Своих вещах, как знак благополучия: порт-бонер. Она их делала вот так: Один из таких знаков я нашел в спальне Ее Величества на обоях около кровати, другой был на косяке у окна какой-то комнаты, где был египетский знак и дата, написанные карандашом: “17/30 Апреля”, день приезда Их Величеств в Екатеринбург»⁵⁰¹.

* * *

Первое печатное публичное свидетельство об этом «знаке», начертанном Императрицей в Ипатьевском доме, было опубликовано в книге упомянутого нам П. Жильяра в 1920 г. на французском, а в 1921 г. на русском языке:

«Наконец 25 июля [1918 г.] пал в свою очередь Екатеринбург. Лишь только сообщение было восстановлено, что потребовало очень долгого времени, так как полотно железной дороги сильно пострадало, мы с мистером Гиббсом бросились на поиски Царской Семьи и наших сотоварищей, оставшихся в Екатеринбурге.

Через день после моего приезда я в первый раз проник в дом Ипатьева. Я обошел комнаты верхнего этажа, служившие Им тюрьмой; они были в неопишемом беспорядке. Видно было, что были приняты все меры, чтобы уничтожить всякий след живших в них. [...]

Я заметил затем на стене у одного из окон комнаты Их Величеств любимый знак Государыни “совастику”*, который Она приказывала всюду изображать на счастье. Она нарисовала его также карандашом на обоях на высоте кровати, которую занимала, вероятно, Она или Алексей Николаевич. Но сколько я ни искал, мне не удалось обна-

---

* Совастика – индийский религиозный символ, состоящий из равносоставленного креста, линии которого загнуты влево; если они загнуты вправо, по направлению движения солнца, знак называют «свастика». — *Прим. П. Жильяра.*

ружить ни малейшего указания, по которому мы могли бы узнать об Их участи»⁵⁰².

Фотография «знака» была приведена во французском издании книги П. Жильяра (р. 240-241).

* * *

Курировавший следствие по цареубийству генерал-лейтенант М. К. Дитерихс (1874†1937) в своем вышедшем в 1922 г. во Владивостоке труде так описывал последнее местопребывание Царственных Мучеников в Ипатьевском доме:

«Угловая комната верхнего этажа с двумя окнами, выходящими на Вознесенскую площадь, и двумя на Вознесенский переулок, служила спальней бывшему Государю Императору, Государыне Императрице и Наследнику Цесаревичу. Левое окно, выходящее на площадь, имеет снаружи частую железную решетку. На правом окне на левом его косяке рукой Государыни начерчен *египетский знак* благополучия и под ним поставлена дата: «17/30 апреля 1918 г.» – день приезда Их Величеств в Ипатьевский дом»⁵⁰³.

А вот как приведенную нами фразу генерала преподносит (причем, в кавычках, как цитату!) происходящий, как утверждают издатели, из «верующей монархической семьи» екатеринбургский исследователь с ученой степенью Г. Б. Зайцев: «Генерал М. Дитерихс к всему этому добавил еще одну деталь: «В день приезда на оконном косяке А. Ф. написала *знак свастики* и дату «17/30 апреля 1918 года»». Заклинание не спасло бывшую Царицу»⁵⁰⁴.

Подтекст такого «цитирования» очевиден. В нем слышны отнюдь не одни лишь оккультные мотивы («закливание»). Явственны они и в названии главы о пребывании Царственных Мучеников в Екатеринбурге в книге нашего зарубежного соотечественника Виктора Александрова: «Под знаком свастики»⁵⁰⁵.

* * *

Корреспондент лондонской газеты «Times» Р. Вильтон (ум. 1925), принимавший участие в расследовании цареубийства, в первом английском издании своей книги в 1920 г. отмечает: «В комнате, где жили и спали Импера-

торская Чета и Алексей – следующей за комнатой, где теснились Их Четыре Дочери – Александра поместила знак счастья. Он был столь ненавязчив, что Гайда, чешский командир, силой обосновавшийся в этой комнате, вероятно, не заметил его. Карандашом Она начертила мистический знак свастики и написала дату “17/30 апреля”, день Ее прибытия в дом»⁵⁰⁶.

В русском издании 1923 г. читаем: «В комнате, где Государыня провела Свои последние дни, Она при приезде начертила знак счастья, свастику, приписав к ней число, 17-30 апреля.

Чертить этот знак, приехав в новое помещение, стало обыкновением Императрицы с тех пор, как Она познакомилась с оккультными науками. Увы, счастье, которое Она призывала, принесло Ей лишь утешение умереть вместе со Своими близкими.

Гайда и его солдаты не заметили этой надписи, более или менее скрытой оконною рамой, и она сохранилась»⁵⁰⁷.

Оставляем утверждение англичанина о занятиях Государыни «оккультными науками» на его совести. Деталь эта, скорее, свидетельствует о его личном духовном устройении (к сожалению, вполне в духе того времени).

* * *

Расследовавший дело о цареубийстве Н. А. Соколов (1882†1924) поместил в первом французском издании своей книги 1924 г. фотографию «знака, начертанного Императрицей в доме Ипатьева» (Илл. № 21)⁵⁰⁸.

Следует подчеркнуть, что именно Н. А. Соколов первым из следователей обратил внимание на «знак». Во французском издании своей книги он, в частности, пишет: «В протоколе Наметкина речь не идет о знаке, нарисованном на оконном проеме, обращенном в сторону Вознесенского проспекта, на восток. Было трудно его обнаружить, учитывая то, что рисунок был сделан тонкими линиями (*la finesse du dessin*). Первым его заметил Жильяр во время посещения дома со следователем Сергеевым. Он сохранился вплоть до того времени, когда я занялся этим делом. Я

запечатлел его на фотографии № 21. (Для консервации этого знака я его покрыл стеклом и запечатал своей печатью. Именно таким этот знак представлен на фотографии в книге Жильяра.)»⁵⁰⁹.

В русском издании 1925 г., вышедшем посмертно, эпизод со «знаком» существенно расширен:

«Войдя в дом Ипатьева, Государыня сделала отметку на косяке окна Своей комнаты. Она нарисовала Свой индийский знак и рядом указала дату "17/30 Апр. 1918 г."»⁵¹⁰.

И далее: «В дневнике Соловьева я нашел тот самый знак, которым пользовалась Императрица.

Соловьев ответил мне, что это – индийский знак, означающий вечность. Он уклонился от дальнейших объяснений.

Марков был более откровенен и показал: "Условный знак нашей организации был . Императрица его знала".

Соловьев пытался выдать себя на следствии за простого сибирского обывателя. Марков показал, что Соловьев до войны проживал некоторое время в Берлине, а затем в Индии, где обучался под руководством какого-то испытателя в теософической школе в г. Адьяре»⁵¹¹.

Обратимся к документам – тем местам допросов, о которых сообщает Н. А. Соколов.

С 20 июня по 5 июля 1920 г. в Париже Н. А. Соколов «производил осмотр» «представленных к следствию Матреной Григорьевной Соловьевой [урожденной Распутиной] 28 декабря 1919 года» ее дневника, а также «тетради с записями Бориса Николаевича Соловьева» 1918-1919 гг.⁵¹²

«На одном из предпоследних листов тетради, – пишет Н. А. Соколов в заключение протокола, – имеются два обозначения, сделанные химическим карандашом. Одно из них изображает крест, а другое символический знак, тот же самый, какой был сделан ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ на косяке одного из окон в комнате дома Ипатьева. Эти обозначения изображены следующим образом: »⁵¹³.

В ходе второго показания (19 апреля 1921 г.) капитану П. П. Булыгину корнет С. В. Марков рассказал: «Борис Николаевич Соловьев [...] был руководителем братства Св. Иоанна Тобольского – в Тобольске. Основано оно Соловьевым в августе 1917 года. Было человек 120. [...] Условный знак нашей организации был . Императрица его знала, то-

же икона Иоанна Тобольского с условной надписью и тем же знаком. После нашего освобождения кто-то принес Соловьеву большую икону Св. Николая Чудотворца*. [...]

Было у него [Б. Н. Соловьева] много каких-то знаков; помню   **, помню крест с воткнутым в его середину кинжалом [нрзб.]. Делал он эти знаки часто на стене внезапно, объясняя это, чтобы оградиться от чьего-то невидимого присутствия»⁵¹⁴.

* * *

Участвовавший под руководством Н. А. Соколова в расследовании царевбийства капитан П. П. Будыгин (1896†1936), до революции не чуждый увлечению неправославным мистицизмом, в первоначальной публикации своих воспоминаний на русском языке в рижской газете «Сегодня» в 1928 г. писал:

---

* Не исключено, что такой же «знак» был на иконе, которую получил от Царственных Узников и Н. Е. Марков 2-й. Допрошенный Н. А. Соколовым 2 июня 1921 г. в Рейхенгалле (Бавария), Николай Евгеньевич показал: «В период царскосельского заточения Августейшей Семьи я пытался вступить в общение с Государем Императором. Я хотел что-нибудь делать в целях благополучия Царской Семьи, и в записке, которую я послал при посредстве жены морского офицера Юлии Александровны Ден, очень преданной Государыне Императрице, и одного из дворцовых слугителей (кажется, Чемодурова, но хорошо этого не помню) я извещал Государя о желании послужить Царской Семье, сделать все возможное для облегчения Ее участи, прося Государя дать мне знать через Ден, одобряет ли Он мои намерения, условно: посылкой иконы. Государь одобрил мое желание: Он прислал мне через Ден образ Николая Угодника» (Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VIII. М. 1998. С. 298).

В статье, опубликованной весной 1924 г., Н. Е. Марков уточнял: «К концу июня 1917 года удалось найти ход сообщения с пленным Государем Императором. В коробке папирос была папироса со свернутой под табак запиской. Мы спрашивали Государя, разрешает ли Он начинать дело восстановления Империи. Если разрешает, пусть благословит дело иконой. В ответ была прислана икона св. Николая Мирликийского Чудотворца с инициалами Государя и Государыни. Вопрос о спасении из плена тогда не ставился, ибо нам было дано знать, что Государь на это не рискнет. Видимо тогда Он считал Свою жизнь в безопасности» (Марков Н. Е. Войны темных сил. М. 2002. С. 397). — С. Ф.

** Таким образом, среди этих знаков не было ни одного левостороннего гамматического креста; все правосторонние. — С. Ф.

«По желанию Императрицы “организация” Соловьева – отца Алексея Васильева получает название “братства святого Иоанна Тобольского”, и ей дается условный знак – свастика»⁵¹⁵.

«Просидев после провоза Узников через Тюмень, для приличия еще несколько дней в тюрьме, – писал П. П. Булыгин далее, – Соловьев с женой и корнетом Марковым вышли на свободу и отправились домой. Дома они нашли пересланный за это время им из Тобольска пакет. В нем были две иконы: 1) св. Иоанна Тобольского, 2) Николая Угодника. На обратной стороне обеих икон рукой Императрицы была написана дата Их увоза из Тобольска “26-го апреля 1918 г.” и поставлен условный знак их “организации” – свастика. Сочетание икон и написанного значило, что Императрица извещала “братство св. Иоанна Тобольского”, что настала пора освобождать Государя, увезенного 26-го апреля. Поезд Узников был уже по ту сторону Уральского хребта»⁵¹⁶.

В отдельном издании воспоминаний, вышедшем семь лет спустя, в 1935 г., на английском языке, уже в виде книги⁵¹⁷, появились иные акценты:

«По особой просьбе Государыни несуществующая организация, возглавляемая Соловьевым и о. Алексеем, стала именоваться “Братством Святого Иоанна Тобольского” и приняла в качестве отличительного знака свастику»⁵¹⁸.

«Дома поручик [Б. Н. Соловьев] обнаружил посылку, которая пришла из Подольска в период его своевременного отсутствия. В посылке были две иконы: Св. Иоанна Тобольского и Св. Николая Угодника. На обороте обеих святых образов была Собственноручная запись Александры Феодоровны – “26 января 1918 года” – и тайный знак Братства – свастика. Такое сочетание икон и надписи означало, что Императрица хочет известить “Братство Св. Иоанна Тобольского” о том, что Его Величество, Императора Николая увозят из Тобольска 26 апреля и пришло время Его спасать. Когда Соловьев получил это послание, Царственные Узники были уже в Ипатьевском доме»⁵¹⁹.

* * *

Свидетельство о гамматическом кресте, как о знаке Братства святого Иоанна Тобольского, содержатся также

в воспоминаниях корнета Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка С. В. Маркова (1898 †1944), опубликованных им в 1928 г. в Вене. Описывая свое заключение в большевицкой тюрьме, к которому весьма предвзято относился П. П. Булыгин, он, в частности, писал:

«В уборной на подоконнике я сразу увидел опознавательный знак нашей организации, сложенный из бумаги, и таковой же на полу около стенки. Присмотревшись к стенке, испещренной различными надписями, чисто заборного характера, я увидел тот же знак, нарисованный карандашом, и под ним надпись на стене, которая, очевидно, была наскоро нацарапана...»⁵²⁰

* * *

В том же 1928 г. высказался и проживавший в Праге Н. Н. Ипатьев (1869-1938) – владелец дома в Екатеринбурге, в котором были убиты Царственные Мученики с Их верными слугами:

«Когда Царь и Царица, – рассказывает Н. Н. Ипатьев, – были перевезены в мой дом на Вознесенской площади, Царица на раме окна одной из комнат написала, в память Своего приезда, дату:

☩

17/30 апр. 1918»⁵²¹.

* * *

Проанализировав приведенные факты, можно прийти к выводу, что каждый из свидетельствовавших понимал «знак» Императрицы по-своему, как говорится, в меру своей испорченности.

В лучшем случае, приверженности к этому «знаку» Императрицы придают чисто житейское значение: в Европе (в том числе и в Англии, с которой так тесно связана была Государыня, внучка королевы Виктории), свастику рисовали «на счастье» (нечто вроде подковы)*.

---

* «В Литве и Курляндии, – отмечал Р. Генон, – крестьяне все еще чертят этот знак на своих домах; они, несомненно, уже не понимают его смысла и видят в нем лишь что-то вроде защитного талисмана...» (Генон Р. Символика Креста. С. 167).

«Скорее всего, — считает современная исследовательница Л. А. Лыкова, — этот знак означал подлинность письма и был особой приметой в кругу друзей Императрицы»⁵²².

Комментируя письмо Государыни к А. А. Вырубовой, посланное 20 декабря 1917 г. из Тобольска, составитель известного сборника «Письма Царской Семьи из заточения» русский зарубежный историк Е. Е. Алферьев (1908 † 1986) писал: «Следует читать «сувастика» (*suvastica*) — символический крестообразный знак, который Государыня Императрица любила ставить на счастье. Он представляет собой крест с равными частями, концы которых загнуты влево. Это изображение креста считается одним из древнейших. Знак этот с незапамятных времен употребляется браминистами и буддистами Индии, Китая, Тибета и Японии, выражая собой привет, пожелание благополучия. С Востока он перешел на Запад. Усвоив себе этот символ под названием “гаммированного креста” (*sgux gammata*), христианство придавало ему значение подобное тому, какое он имел на Востоке, т. е. выражало им ниспослание благодати и спасения.

Знак этот следует отличать от аналогичного знака, называемого “свастика” (*svastica*), который был принят в нацистской Германии и который также представляет собой гаммированный крест, но повернутый в обратную сторону, т. е. с краями загнутыми вправо*, по видимому движению солнца»⁵²³.

Переиздавшее эту книгу издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря «облегчило» приведенный нами текст от, видимо, смущавших кого-то подробностей⁵²⁴.

---

* Весьма распространенное ошибочное мнение, сложившееся после второй мировой войны. По этому поводу Р. Генон совершенно определенно писал: «Что касается направления вращения, указываемого фигурой, то это второстепенно и не затрагивает общего значения символа; в самом деле, встречаются обе формы вращения — справа налево и слева направо, и не следует непременно видеть в этом какое-либо их противопоставление. Правда, в разных странах в определенные эпохи в рамках ортодоксальной традиции могли происходить расколы, сторонники которых произвольно придавали этой фигуре ориентацию, противоположную той, что была в употреблении в среде, от которой они отделились, подчеркивая таким внешним способом свой антагонизм; но это нисколько не касается основного значения, неизменного во всех случаях» (*Генон Р. Символика Креста. С. 87*). — С. Ф.

Что касается недоброжелателей, то у них было широкое поле деятельности.

Лондонская «Times», например, рецензируя американский фильм «Николай и Александра», назвала Императрицу Александру Феодоровну «фашиствующей Брунгильдой», что не приминул упомянуть в своей гнусной поделке Марк Касвинов⁵²⁵.

«Согласно хронистам, — писал автор зарубежной книги «Конец Романовых» В. Александров, — дворец Ее отца в Дармштадте был «любимым местом шарлатанов». Моравские флагелланты снабдили юную Прицессу талисманом — свастикой, которая, предполагала Она, всю жизнь будет приносить Ей счастье. Задолго до того, как он был выставлен напоказ на фасадах Третьего Рейха, крюковидный крест был начертан низвергнутой Императрицей на стене дома Ипатьева в Екатеринбурге»⁵²⁶.

Не чуждый занятиям оккультизмом, известный русский эмигрантский исследователь масонства Г. В. Бостунич (Шварц) (1883—после мая 1946) писал в своей книге 1922 г.:

«Известную роль в оккультной символике играют еще знаки “суувастики” и “свастики”. Происхождение их скрыто тайной веков. Их генеалогия равно может восходить и к исландским рунам и к индийским религиозным символам. Суувастика представляет собою равносторонний крест с отогнутыми в левую сторону концами. Свастика — равносторонний крест с отогнутыми в правую сторону концами, соответственно кажущемуся движению солнца.

Опять-таки и этот знак сам по себе нейтрален и не зависит от того, какое значение придавать. Так, например, покойная Государыня Александра Феодоровна нарисовала знак “суувастики” 17/30 апр. 1918 г. в амбразуре окна в доме Их заключения в Екатеринбурге*, как *porte-banheur***.

В Германии знак “свастики” в круге есть символ “Братства

---

* Снимок с этого рисунка и ряд других интереснейших фотографий из жизни последнего года Романовых были сделаны воспитателем Цесаревича Наследника Pier'ом Guillar'ом и впервые воспроизведен в «Illustration» от 18 декабря 1920 г. № 4059 и в хорошем издании книгоиздательства «Русский очаг» «Русская летопись», Париж, 1921 г. — Прим. Г. Бостунича.

** А через 3 месяца жидо-масоны Ее зверски убили. — Прим. Г. Бостунича.

св. свастики", распространенного антисемитического общества, члены которого носят этот знак в петлице.

И этот уже знак, когда масоны в 1917 году захватили власть в России, был ими нанесен на деньги выпуска Керенского крупных купюр: 250 руб по бокам сетки и 1000 р. посредине и по бокам сетки. Только здесь "свастика" уже изображала "бороздку масонского ключа", отпирающего двери познания, только осквернив крест, изогнув его концы (такова их идеология)*; "поломанным крестом" называли этот знак люди, заметившие его на "думских" (т. к. на них было изображение Гос. думы) тысячерублевках**.

---

* Но именно такое изображение было принято в германском национал-социализме. – С. Ф.

** Некоторые исследователи полагали: «Матрицы для знаменитых 250, 1000, 5000 и 10000-рублевых банкнотов Временного правительства (где за Двуглавым Орлом проступает водяной знак с прямоугольной свастикой) были изготовлены еще по распоряжению Николая II. [...] Волей судьбы, однако, новые ассигнации были отпечатаны с Орлом, но без регалий в период, когда Россия потеряла Царя. На 1000 и 250-рублевых кредитных билетах свастика занимает центральное положение, а на 250-рублевых по краям и на обратной стороне прибавлены еще два знака. Свастику содержали и первые дензнаки советской России (например, купюра достоинством в 10000 руб.)» (Багдасаров Р. В. Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М. 2001. С. 245). Однако, по всей вероятности, это было не так. В основанной на архивных данных статье на эту тему читаем: «Уже 16 марта 1917 года комиссия по делам искусств, созданная при исполкоме Петроградского совета, выступила с инициативой создания "новых рисунков кредитных билетов". Министр финансов М. И. Терещенко, поблагодарив членов комиссии "за любезное предложение", обратил внимание художников на то, что "рисунки для кредитных билетов должны быть скомпонованы прежде всего таким образом, чтобы гравирование их и затем воспроизведение на кредитных билетах представлялось вполне удобным..." [...] По указу Временного правительства от 26 апреля товарищ министра финансов С. А. Шателен утвердил образец нового государственного кредитного билета достоинством в 1000 рублей. 28 августа 1917 года управляющий Министерством финансов М. В. Бернацкий одобрил образец кредитного билета достоинством в 250 рублей, одновременно распорядившись "немедленно приступить к печатанию указанных билетов, не ожидая опубликования постановления о них"» (Ходяков М. Сомнительные деньги. Фальшивомонетчики в годы революции и гражданской войны // Родина. 2002. № 7. С. 73). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все эти лица, причастные к введению в оборот новых денежных знаков, были членами масонских лож (и отнюдь не рядовыми). – С. Ф.

Любопытнее всего, что масоны в наряде большевиков, сменившие масонов в наряде меньшевиков и кадетов, немедленно принявшись за печатный станок, даже не переменили сетку, ибо на н-й ведь был негатирован их знак, и потому на крупных купюрах большевицких денег первого периода выпуска т. н. "пятаковских" деньгах – в 5000 руб. и 10000 руб. – вы найдете ту же "бороздку масонского ключа"»⁵²⁷.

Пытаются истолковать в свою пользу «знак» Государыни и буддисты. Так, театральный режиссер, автор фильма-исследования «Путь Царей» (1991-1992) Е. Л. Шифферс (1934-1997) связывал его с восточной политикой России в Царствование Николая II, со строительством под покровительством Царя, вопреки протестам православных иерархов, буддийского храма Калачакры в Санкт-Петербурге. Факт начертания Императрицей гамматического креста в Ипатьевском доме он толковал как обращение Царственных Мучеников (после измены Им Поместного Собора 1917-1918 гг.) за помощью к Востоку. Некоторые материалы на эту тему содержатся в архиве Е. Л. Шифферса в особой папке «Свастика святой Аликс».

Воистину есть от чего голове пойти кругом. И, представьте, у некоторых православных так и происходит. Современный священник из Белоруссии Петр Андриевский, без малейшего душевного трепета, ставит под сомнение использование гамматического креста Государыней, саму даже находку его в Ипатьевском доме. По принципу: не нравится – значит не было. «Почему эти мифические офицеры, – возмущается о. Петр, – пришли к выводу, что левооборотные свастики нарисовала Императрица Александра? Почему они не решили, что свастики нарисовали убийцы Царской Семьи или кто-либо из членов теософского общества, побывавших, возможно, к тому времени на месте убийства?» Правда, тут же, вполне определенно (как вообще свойственно этому автору), он пишет, имея в виду Царицу-Мученицу: «Изображала же Она равносторонний Крест, так называемый иерусалимский, с небольшими черточками на концах. Как можно усмотреть в изображении иерусалимского Креста изображение свастики? Очевидно, для этого нужно большое напряжение ума и воображение наблюдателя

(в нужном для такового наблюдателя направлении)... Рассказ о якобы нарисованных Императрицей свастиках распространялись по свету вовсе не от мифических белых офицеров, а от некоего [sic!] Жильяра»⁵²⁸.

Как тут не вспомнить слова самого П. Жильяра, воспитателя Цесаревича Алексея Николаевича, воспроизводившиеся уже в нашей книге: «Я – швейцарец и держусь взглядов демократических, но мне бывало всегда стыдно, когда мне приходилось защищать Государыню Императрицу от нападков на Нее лиц высшего русского общества, считавших себя монархистами».

Воистину, что-то странное: православный священник борется с крестом, о котором, во всяком случае со времен преподобного Феодора Студита известно: «Крест всякой формы – есть истинный крест».

Мы, пожалуй бы, и не стали приводить эти последние (пусть даже в чем-то и характерные) рассуждения (тут даже, может быть, издатели этих «мыслей» больше виноваты: мало ли какие «черточки» могут взбрести на ум не отягченному знаниями батюшке из Белоруссии), но вот заковыка: вскоре сей батюшка обосновался в редакционном совете столичного «православного журнала» «Благодатный огонь». Стало быть, не только свои «мысли» беспрепятственно высказывать может, но и чужие «причислять». И уже не просто священник, а протоиерей. Стало быть, кто-то же взыскал?..

Есть и такие, которые уже сдали «знак Государыни», а за ним и сам Крест Христов (одно из его изображений) диаволу и его деткам. Сдали без боя. Признав силу над Христом и Его Крестом извечного обманщика и лжеца. Впрочем, судите сами.: «...Когда диаволу удастся наполнить похищенный символ новым смыслом (например, шестиконечную и пятиконечную звезду или свастику), сделав их символами своей армии зла и скрепив это перерождение кровавыми ритуалами, тогда уже вряд ли можно надеяться на “отвоевание” символа. Это столь же безнадежно, как “отвоевать” у диавола бывших ангелов – бесов. Точно так не переродить и символику, введенную богоборческой партией...»⁵²⁹

Рассуждая так, автор, похоже, напрочь забывает о том, что символы не обладают дарованной Богом сво-

бодой воли. Приняв на веру это ложное утверждение, мы очень скоро можем лишиться не только Двуглавого Орла, но и осмиконечного православного креста...

Но довольно об этом.

Подведем некоторый итог: смысл, который вкладывала в «знак» Государыня, остается пока для обращающихся к этой теме исследователей не совсем понятным. Ясно пока одно: для объяснения Ее мыслей все приведенные интерпретации малопригодны.

Причину этого непонимания современные православные исследователи объясняют следующим образом: «Если Императорская Семья, сознательно и постоянно обращавшаяся к истокам Православной Веры (и пытавшаяся обратиться к ней ближайших подданных, да и вообще, по возможности, большее число аристократов), воспринимала свастику через христианскую традицию, то часть дворян и интеллигенции могли читать ее в несколько ином контексте.

Широкое распространение в начале века получает теософская и оккультная литература, усваивающая свастику ряд толкований в чем-то совпадающих с православным пониманием, а в чем-то далеко отходящих от него. Подобные толкования оказывали определенное воздействие на российское общество, которое в тот период достаточно пассивно воспринимало собственный легитимный духовный опыт»⁵³⁰.

Оказывают, следует признать, и по сию пору.

Вот весьма характерные комментарии «посековского» автора к документам следствия по царевубийству: «Александра Федоровна увлекалась оккультизмом и восточным мистицизмом и повлияла в этом на Супруга. Значительную роль в этом отношении сыграл выписанный из Лиона французский оккультист и теософ “мсье Филипп”, на чары которого Государыня надеялась, чтобы у Нее наконец родился Наследник. У теософов знак свастики – один из главных символов. Позже свастика стала, видимо, тайным знаком в среде поклонников и друзей Распутина: она фигурирует, например, в дневнике зятя Распутина, авантюриста Б. Н. Соловьева»⁵³¹.

Ни одного фактического доказательства автор, разумеется, не приводит (их нет!); одни домыслы вокруг да около. В этом смысле он мог «опираться» лишь на вздорную статью писателя и публициста И. С. Лукаша (1892-1940), так

характеризовавшего в ней Б. Н. Соловьева: «Сын консисторского чиновника, адьярский черный маг и агент чека, – все это казалось бы диким бредом, если бы все не было установлено [sic] точным следствием»⁵³². Но даже Н. А. Соколов, весьма предвзято относившийся к Б. Н. Соловьеву, этого не «устанавливал». Выдвинутые Соколовым версии относительно зятя Распутина, если более или менее внимательно приглядеться к опубликованным самим следователем материалам, рушатся как карточный домик⁵³³. Известна также роль упоминавшегося нами капитана П. П. Булыгина (в чем он сам признавался еще в 1928 г.) в «открытии глаз» на Б. Н. Соловьева в Берлине в 1921 г. такому авторитетному монархисту, как Н. Е. Марков 2-й⁵³⁴, озвучившему вскоре полученные «данные», не называя, впрочем, своего информатора⁵³⁵. В 1928 г. в Вене вышла известная книга С. В. Маркова «Покинутая Царская Семья», представляющая иную версию событий. Известен также взгляд авторитетного эмигрантского историка С. П. Мельгунова, мягко подправившего выводы скончавшегося к тому времени Н. А. Соколова⁵³⁶.

* * *

Как известно, само слово *свастика*, которым называется один из самых древнейших символов, известных еще со времен палеолита*, санскритского происхождения. Про-

---

* Немало таких древнейших изображений, относящихся как к западной, так и к восточной традициям, обнаружено и на территории нашей страны. *Западному миру* принадлежит изображение правосторонней свастики на найденном в 1865 г. в Ковеле (на Волыни) древнем наконечнике копья с рунической надписью «Тиларидс», интерпретируемой как «быстротуда-летающее» (Вебер Э. Руническое искусство. СПб. 2002. С. 109-111). [Вскоре после находки наконечник пропал, очутившись впоследствии в Берлине.] *Восточному миру* – высеченная на плоском камне процветшая левосторонняя «усложненного рисунка» свастика, обнаруженная в 1957 г. А. Н. Зелинским на берегу р. Пяндж на Памире, стоящем на перекрестке древнейших цивилизаций Ирана, Индии и Китая и именуемом «Крышей мира» (Кузнецов Б. И. Тибетика. СПб. 2003. С. 15-17). Подобная левосторонняя свастика была выгравирована на изумруде, вставленном в перстень, который на безымянном пальце правой руки носил Чингисхан... Исследователи отмечают наличие в Центральной Азии (особенно в Туркестанской области) «несторианских надгробных крестов, полностью схожих с рыцарскими [западными]; некоторые из них, кроме того, украшены посредине знаками свастики» (Генон Р. Символика Креста. С. 297).

исходит оно от слова *свасти*, означающего благоденствие, удачу, счастье, благословение. Состоит оно из приставки *су-*, означающей высшую степень качества (аналогичного русскому *благо-* в составных словах) и *асти* – дом, жилище.

Таким образом, одна из возможных интерпретаций этого слова: *Мир дому сему*.

Известный французский философ Р. Генон считал: «Само слово *свастика* производят от “*su asti*”, формулы благословения, которая имеет свой эквивалент на иврите – *ки-тоб* из Книги Бытия. Что касается этого последнего, то оно повторяется в конце рассказа о каждом из дней творения [...]; по-видимому, оно свидетельствует о том, что эти “дни” уподобляются стольким же обращениям *свастики*, или другими словами, полным оборотам “колеса *мира*”, благодаря которым происходит смена “вечера и утра”...”⁵³⁷

По словам одного из глубоких читателей Царственных Мучеников, православного священника:

«Государыня Императрица, в этом смысле, начертав свастику в последнем Своем доме, сделала то, что и всякий православный делает в своем новом доме: если есть возможность, пригласит священника, если же нет, сам освящает жилище свое силой Крестной, начертавая крест на стенах жилища. При этом форма крестного знамения не указывается: неции изображают “Голгофу”, неции же – равноконечный четырехчастный крест, неции же – осмиконечный. В этом именно значении действия Императрицы Александры Феодоровны – бытовое православие, желание во всем быть верной.

Вот что читаем в православном “Требнике” (Издательский совет Русской Православной Церкви. М. 2002. С. 537): “...взем елей, помазует им стены дома, идеже есть крест написан, в середине его, начнет от восточныя стены дома, посем и западную, и по сих северную, в конец же южную стену, над коемждо глаголя:

Благословляется дом сей помазанием святого елея сего, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь”.

Обратим внимание на то, что здесь начертание Креста тесно связано с призыванием Имени Пресвятыя Троицы: дом посвящается Триединому Богу начертанием Креста и священническим елеопомазанием.

Церковное обручение заключается в следующем: "...творит крест перстнем на главах их: и налагает я на десных их перстах..." Предшествует же этому действию также призывание Имени Троицы Пресвятыя. Самое Таинство Венчания – это призывание Троического Имени и крестное благословение от священника. Самое Таинство Божественной Евхаристии (в том, что происходит от людей) – это крестное знамение от священника и призывание Троического Божества.

Таким образом, "закливание", названное так г-ном Зайцевым*, это обращение ко Пресвятой Троице святой мученицы Царицы Александры Феодоровны в крайних обстоятельствах...»⁵³⁸

Сергей ФОМИН

В развитие дальнейшего православного рассмотрения идей, заложенных в «знаке» Царицы Александры, в настоящем сборнике мы предлагаем вниманию читателей статью Н. Ганиной, раскрывающую новые горизонты в продолжающихся разворачиваться вокруг Креста Императрицы событиях и движениях.

---

* «Закливание не спасло бывшую Царицу» (Зайцев Г. Романовы в Екатеринбурге. 78 дней. Документальное повествование. Екатеринбург. 1998. С. 22). – С. Ф.

«МОЙ ЗНАК»

*«Посылаю тебе по крайней мере
5 нарисованных карточек, которые
ты всегда можешь узнать по
моим знакам ☸...»*

Из письма Государыни
А. А. Танеевой (Вырубовой)
от 10 декабря 1917 года.

Наши суждения об этом, какими бы они ни были, остаются (каждое – в своей мере) здешними и внешними. *Полное*, без теней незнания или заблуждения, всевыясняющее слово мог бы здесь сказать лишь тот, кому открывает тайны Дух Святой, – да, только великий подвижник мог бы это определить и оценить совершенным образом.

Наши же суждения – догадки.

Что мы можем установить?

То, что где-то Государыня именует этот поллюбившийся Ей, избранный Ею знак «свастикой»*, а где-то *и не именует*. «По моим знакам ☸» – почему бы не сказать здесь «по свастике», «по моим знакам свастики», «по моей свастике»? Значит, здесь уже что-то большее, не сводимое уже к штампованной на вещицах тех дней «колониально-английской» свастике?

«Мой знак» – личная печать и личная тайна.

Кто-то выбирает себе знаком трилистник. О чем он при этом думает? О «хорошей примете», милой Ирландии или Св. Троице?

Разворачивать всю историю такого «трилистника» с равной тщательностью для каждой главы нет смысла –

---

* Если верно помню, где-то в письмах, но ближайшее – наименование знака «свастикой» в свидетельстве П. Жильяра (протокол осмотра Ипатьевского дома Н. А. Соколовым).

надо смотреть на то, что было безусловно важно избравшему знак.

...Разумеется, возможны всяческие «вчитывания», но если мы хотим говорить о Государыне, а не о себе, будем соразмерять догадки с данностью.

Как показывают бирюльки начала XX в. (см. фотографии в книге Р. Багдасарова), свастика – бытовой колониальный (англо-индийский) «талисманчик», то есть ничего необычного, *вызывающего* в употреблении Государыней этого знака нет.

По возрастающей: бытовой английский. «Солярный», солнечный (при страсти тогдашних мифологов к «солярности» о свастике такое трудно было не знать) – при «Sunny», «Sonnenschein» как тайном личном имени Государыни. Древнегерманский (знаки на копьях и кладах) и вообще древний (уважение к древности и мудрости). И, *наконец*, древнехристианский, ибо в христианском мире (мире) этот знак есть гаммированный крест.

Вряд ли стоит абсолютизировать «древнеиндийскую» или «древнегерманскую» составляющую.

В христианской катакомбной графике* этот знак – прикровенное изображение Креста. Можно было бы даже сказать – «символ Креста», но для знака «поле отчуждения» по понятным причинам слишком мало: нельзя ведь изобразить Крест в виде, скажем, простого деревца. Но по сути здесь то же, что с изображением (изваянием) «Пастырь добрый»: здесь символ, ставший одним из изображений Креста, там символ, ставший одним из изображений Спасителя.

Символ как охрана *тайны*: «Не бо врагом Твоим тайну повем...»

---

* См. ниже.

«А почему Государыня не изображала Крест?» – Государыня не могла (бы) назвать Крест «Мой знак» (т. е. *только мой*, личный); Крест – *Христов*. Крест в начале подписи ставят священники.

Она *изображала* Крест, но прикровенно. «Мой знак, в нем – Крест» (для тех, кто разумеет).

Государыня начертала Свой знак в Ипатьевском доме, как чертят Крест при освящении дома.

Но это не было кощунством («подражанием освящению»), это было – думаю я так, а *подтвердил* бы или *опроверг* другой, о ком сказано в начале, – это предстает как Царская, Благоверной Царицы печать. Был «знак Рюриковичей»*, а здесь – «Мой знак».

Если верно понимаю строки «Поэмы о Царской Семье» Марины Цветаевой:

*Потому и гирей
Лоб (в измор не верю) –
Чтобы дать ей в мире**
Закрестить – все двери...****

– то сказано это о «знаке Государыни». Если же применение в поэме было иным – я расширяю его; «*закрестить*» – разве это не так?

И вот моя *здесьняя*, гадательная расшифровка знака Государыни, начертанного 17/30 апреля в Ипатьевском доме: «Моим знаком H – Моим личным, Моим тайным, Моим Царским знаком, в котором Крест – ограждаю и запечатываю».

Р. S. Тогда – неужели? – надписи Подвала суть «ответы» на сей знак? Или он – *ответ на них*?

Р. P. S. или примечание к «англо-индийскому». Я не знаю, было ли для Государыни значимым направление

* Тоже опоганенный ныне («украинский трезуб»). *Опоганенный*: кинутый в языческое болото.

** Явно «мире», а не «мире». – Н. Г.

*** Марина Цветаева. Статьи и тексты. Wien. 1992. Публ. Е. Б. Коркиной. С. 180-181.

ветвей* знака, но точно так же этого теперь не может знать никто. Для «гаммированного креста» это не имело значения (есть изображения как «влево», так и «вправо»), что понятно. – Так что разговор о «левой» или «правой свастике» может идти лишь в плане описательном, а о так называемой «сеющей – собирающей» (см. ниже) и вовсе не может идти.

Комментарий

1. Свастика.

Свастика < др.-индийск. su-, буквально «благое», «связанное с благом». Знак известен с эпохи верхнего палеолита; засвидетельствован в древней Индии, Китае, Японии, Средиземноморье**, а также на Балканах и у древних германцев. В самом расхожем смысле трактуется как «солнечный символ», однако, к примеру, на восточногерманском копье из Ковеля (III в. по Р.Х.) знак засвидетельствован наряду с символом, выглядящим как собственно солнечный и, по-видимому, имеет особое значение (применение).

Ряд толкователей*** настаивает на четком различении право- и левосторонней свастики, «сеющей» и «собирающей», однако подобные толкования актуальны лишь в контексте языческих применений знака.

2. Гаммированный крест.

«...До самой эпохи Константина Великого христиане удерживались от изображения креста Христова в его действительной форме, а тем более – от изображения его вместе с Распятием. На предметах, сохранившихся от первых трех веков и найденных при раскопках в Риме и Помпее,

---

* Кстати: чтобы сделать руну «особой, тайной», в позднем руническом письме ее делали «ветвистой». – «Ветвистый крест».

** *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. II. М. 1998. С. 420. В Средиземноморье знак встречается на древнегреческих и сицилийских монетах (*Брокгауз и Ефрон*. Энциклопедический словарь. Т. XXIX, 1900. С. 71).

*** *Копалинский В.* Словарь символов. Варшава, 1990 – Калининград, 2002 (дополн. изд.). С. 187 (там же толкования «посолонь» – «солнцеворот»); *Багдасаров Р. В.* Свастика: священный символ. М.: Белые альвы, 2001. Последняя работа, содержащая обширный материал по истории и интерпретации знака свастики, имеет своей основной посылкой принятие свастики как абсолютно, самоценно «священного» (в Индии ли, на церковных ли облачениях, в Китае ли...) знака.

встречаются большей частью лишь аллегорические изображения креста и распятия... Встречаются во множестве и *символы* креста: якорь, а также фигура X, которую раньше принимали за изображение креста и называли *сгux decussata*, но которая, по мнению почти всех современных археологов есть... символ. Около второй половины II в. к этой фигуре (или греческой букве) стали присоединять букву I или продольную черту, ставя ее посредине X, так что получался знак Ж»*.

«Одним из фазисов, через которые прошло начертание креста от аллегорического и символического его изображения до окончательного утверждения формы *immissa* (†), является так называемое у археологов *гаммированное* его изображение, состоящее из соединения четырех гамм (букв греческого алфавита Γ). Оно имеет такой вид: . Мартиньи считает это изображение одним из древнейших»**.

Пренатальный период гаммированного креста – «индоевропейская свастика».

Как крест или, точнее, символ Креста Господня, этот знак (*сгux gammata*) выступает «в живописи древнехристианских катакомб, на средневековых бронзовых надгробных плитах, на священнических облачениях XII-XIV ст.»***.

3. Геральдика (Европа).

В геральдике**** все кресты такого типа определяются как разновидности прямого креста, образуемого соединением столба и пояса и состоящего из четырех частей или концов, причем верхние части концов могут оканчиваться какими-либо фигурами, выступами и т. п. Ближе всего к типу гаммированного креста оказываются следующие геральдические кресты: *головчатый* (идентичен гаммированному), *крюковидный*, *гвоздевидный* и весьма своеобразный и даже «странный» (если забыть о *медном змие*) *змеевидный*,

---

* Брокгауз/Ефрон, т. XVI^a, 1895. С. 656.

** Там же. При этом помещенное в указанном томе словаря «изображение, состоящее из соединения четырех гамм» на деле образовано «перевернутыми гаммами» в отличие от помещенного в томе XXIX строго «гаммического» изображения, являющегося иллюстрацией к статье «Свастика» (с отсылкой к т. XVI).

*** Брокгауз/Ефрон, т. XXIX, 1900. С. 71-72.

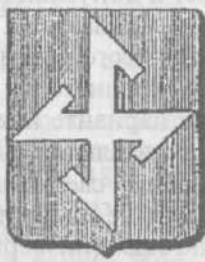
**** Брокгауз/Ефрон, т. XVIa, 1895. Вкл. к с. 656-657.

где «зеркальная гамма» создается изгибом головы змия. Весьма увлекательно было бы проследить применение гаммированного креста в геральдике знатных родов разных стран, однако на сей день мы не располагаем достаточными данными и, кроме того, подобные наблюдения могут быть чреваты неверифицируемыми, но заманчивыми «конспирологическими» выводами.

Головчатый

Крюковидный

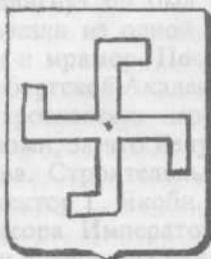
Гвоздевидный

Змеевидный

Гаммированный
(по Мартини)

Строго «гаммический»

4. Фашизм.

Наглядно отличие гаммированного креста от «свастики вообще» и в особенности фашистской: он не допускает какого-либо смещения с основной вертикальной оси. Уместно предположить, что знак, чаще именовавшийся «das Hakenkreuz» (крюковой крест), нежели «die Swastika», во-брал в себя две составляющие: старый *прямой* геральдический крест и допускающую любое размещение свастику.

Прямой, без наклона знак на касках – не тёмная ли память о рыцарях, кресто-носцах? Но, как можно видеть в изображении герба, фашистская свастика в основном, государственном своем варианте имеет угловой наклон («вращательное» или «поступательное движение»), по сути указывающий на *опрокидывание*, свержение Креста. Тем самым фашистский знак по сути не имеет права называться «Hakenkreuz» – это «Stürzenkreuz» (низвергаемый крест) или катящееся-валящееся колесо языческой свастики. – Падение лже-«Третьей Империи» было начертано на ее гербе.

Наталья ГАНИНА

КОММЕНТАРИИ

Е. А. Баратынский КОЛЬЦО

Печатается по: *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений. Л. 1989. С. 163-164.

Стихотворение было написано по поводу кольца, подаренного А. Л. Баратынской своей сестре С. Л. Энгельгардт. Впервые опубликовано в альманахе «Новоселье» (СПб. 1833. Ч. 1) под заглавием «Кольцо. С. Э.» С учетом вариантов в издании 1835 г.

СОЛНЕЧНАЯ «АЛИКС»

Печатается по: *Рассветный*. Светлой памяти Императрицы Александры Феодоровны // Возрождение. № 127. Париж. 1962. С. 38-62.

1. *Баронесса София Карловна Буксгевден* (1884 †26.11.1956) – фрейлина Царицы-Мученицы (1904). Дочь шталмейстера барона К. К. Буксгевдена. Приехала в Тобольск незадолго до Рождества 1917 г., задержавшись из-за операции аппендицита. Несмотря на разрешение, солдатский комитет не допустил ее к Царственным Узникам. В ожидании соединения с Царской Семьей, давала в Тобольске уроки английского языка с приехавшей с ней англичанкой. Позднее сопровождала Августейших Детей из Тобольска в Екатеринбург, где была насильно разлучена с Ними. Скончалась в Лондоне.

2. Впоследствии на личные средства Императора Николая II в Дармштадте был построен храм во имя св. равноапостольной *Марии Магдалины*. Воздвигнут он был буквально на Русской земле (ее специально завезли из одной русской губернии). Из России же был привезен и мрамор. Построили его по проекту профессора Санкт-Петербургской Академии художеств Л. Н. Бенуа в стиле старинных ярославских церквей, со звонницей и с тремя золочеными главами, за что Бенуа был удостоен звания придворного архитектора. Строительными работами в Дармштадте руководил архитектор Г. Якоби. Резной из дуба иконостас, с иконами профессора Императорской Академии художеств К. Т. фон Неффа, и плащаница принесены в дар храму Великой Княгиней Марией Александровной, урожд. герцогиней Саксен-Кобург-Готской. Ранее они находились в Ее домово́й церкви в Лондоне. Храмовая мозаика принадлежала В. М. Вас-

нецову, а на фронте, над входом – Фролову. Церковь расписывал профессор Перминов и Кузик. Ряд хоругвей и синее покрывало на аналой были Собственноручно изготовлены Императрицей Александрой Феодоровной. Храм был заложен 4 октября 1897 г. в присутствии Их Императорских Величеств Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны; освящен 8 октября 1899 г. в Августейшем присутствии, а также брата Государыни Великого герцога Гессенского и Рейнского Эрнста-Людвига, Великих Князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, Принца Николая Греческого. Во время Высочайшего присутствия богослужения совершались придворным духовенством. Царственные Мученики посещали его в 1903 и 1910 гг. В 1904 г. храм был передан Государем в ведение Министерства иностранных дел и богослужения совершались в нем при чтом храма св. Великомученицы Елизаветы в Висбадене. После революции храм в Дармштадте перешел в ведение Зарубежной Церкви. Поврежденная в годы второй мировой войны, церковь ремонтировалась на средства дармштадтцев. Восстановительные работы завершились в 1976 г. В 1959 г. принц Людвиг Гессенский (1908-1968), племянник Царицы-Мученицы (сын Ее брата Эрнста-Людвига), передал в дар храму Казанскую икону Божией Матери, подаренную в свое время Вел. Кн. Елизаветой Феодоровной о. Серафиму (Кузнецову, 1873†22.2.1959). Игумен Серафим передал ее незадолго до кончины Шведской королеве Луизе, а та – принцу Людвигу...

3. *Императорская яхта «Полярная Звезда»* начала строиться по личному приказу Императора Александра III сразу же по Его восшествии на Престол на Балтийском судостроительном заводе. Внутренняя отделка (мебельно-столярные, паркетные и обойные работы) исполнены фабрикой Н. Ф. Свирского в С.-Петербурге. Этой же фирмой были отделаны внутренние покои Их Величеств в Зимнем и Царскосельском дворцах, два Царских поезда. Яхта была спущена на воду в 1888 г. Она стала любимым судном Императрицы Марии Феодоровны. В советское время была превращена в плавбазу.

4. *Екатерина Адольфовна Шнейдер* (1856-22.8/4.9.1918) – гофлектриса Императрицы Александры Феодоровны. Родом из Прибалтики. После помолвки обучала Государыню (тогда еще Принцессу Аликс) русскому языку. Получила звание «придворной чтицы» (1905). Преподавала Цесаревичу и младшим Великим Князьям русскую грамматику и математику. Сопровождала Царскую Семью в Тобольск, а потом Августейших детей в Екатеринбург, где была разлучена с Царственными Узниками прямо на вокзале (10.5.1918), отправлена в Пермь (7.7.1918) и заключена в тюрьму. Убита вместе с Гендриковой в составе 10 за-

ложников «красного террора». Тело ее и гр. Гендриковой было найдено белогвардейцами 24.4.1919 и погребено 3 мая по православному обряду в деревянном склепе на Ново-Смоленском кладбище в Перми.

5. *Императорская яхта «Штандарт»* – построена датской фирмой «Бурмейстер и Вейн» по заказу Императора Александра III. В присутствии прибывших в Копенгаген Императора, Императрицы и Наследника торжественно заложена 1 октября 1893 г. Спущена на воду 26.2.1895. Окончательно достраивалась еще в течение года и четырех месяцев. Яхта была построена по последнему слову инженерно-корабельного искусства своего времени; считалась самой большой и самой совершенной яхтой в мире. Шефом «Штандарта» номинально была Императрица Мария Феодоровна, являвшаяся также Шефом Гвардейского экипажа. Однако плавала на ней (часто в Крым) и отдыхала, как правило в финских шхерах, Семья Государя Николая II. Последнее плавание имело место летом 1914 г., перед самым началом Великой войны. После октябрьского переворота 1917 г. яхта была превращена в транспортное судно. В 1926 г. советское правительство вело тайные переговоры с сионистским управлением Палестины с целью продать Императорские яхты «Штандарт» и «Полярная Звезда». Ранее там уже купили германскую Императорскую яхту «Гогенцоллерн». Однако сделка по каким-то, пока неясным, причинам не состоялась. Переименована (28.8.1934) в «Марти», а затем переоборудована в минный заградитель (29.11.1936). В таковом качестве в годы Великой Отечественной войны судно приняло участие в боевых действиях на Балтике. Его экипажу было присвоено гвардейское звание (3.4.1942). Переименовано в «Оку» (1948). Разоружено и переоборудовано в плавучую казарму (1950-е гг.). Расстреляно в качестве корабля-мишени для отработки ракетных стрельб (1961). Разрезано на металл.

6. *Семен Семенович Фабрицкий* (14.2.1874†3.2.1941) – родился в Одессе в семье судьи. Окончил Морской корпус (1894). Капитан 1-го ранга. Командир Отдельной морской бригады Черноморского флота. В Гетманской армии (1918). Командир корпуса морской обороны Черного моря (лето 1918). В Донской армии. Начальник речного отряда. Командир Донской речной флотилии. Контр-адмирал. Эвакуировался в Константинополь. Переехал в Бельгию. Председатель там Союза Морских офицеров. Автор воспоминаний: *Фабрицкий С. С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II*. Берлин. 1926. Скончался в Брюсселе.

7. *Иван Александрович Всеволожский* (1835†1909) – обер-гофмейстер, директор Императорских театров (1881-1900) и Импе-

раторского Эрмитажа (1900-1909). Почетный член Императорской Академии художеств.

8. *Петр Андреевич Жильяр* (1879-1962) – швейцарский гражданин. Высшее образование получил в Лозаннском университете по отделению классической словесности. Преподаватель французского языка Великих Княжен и репетитор Наследника. Впоследствии воспитатель Цесаревича. Добровольно последовал за Царской Семьей. В Екатеринбурге разлучен с Царственными узниками. В 1922 г. в Женеве женился на А. А. Теглевой. Автор нескольких книг о Царской Семье.

9. *Николай Павлович Боголепов* (1846 † 14.2.1901) – профессор права, министр народного просвещения (1898-1901), смертельно ранен бывшим студентом П. В. Карповичем.

10. *Димитрий Сергеевич Сипягин* (1853 † 1902) – министр внутренних дел, шеф жандармов (1899-1902). Убит членом боевой организации партии эсеров С. В. Балмашевым.

11. *Вячеслав Константинович фон Плеве* (1846 † 1904) – директор департамента полиции (1881-1884), товарищ министра внутренних дел (1884-1894), с 1902 г. – министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов. Убит эсером Е. С. Созоновым 15.7.1904. Впоследствии, с каторги, убийца писал: «Сознание греха никогда не покидало меня» (*Савинков Б. В. Избранное*. М. 1990. С. 54).

12. Уфимский губернатор *Н. М. Богданович* был убит террористом Е. О. Дулебовым 6 мая 1903 г. Этот теракт, как и убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина, а также покушение на харьковского губернатора И. М. Оболенского, было организовано еврейским эсером-террористом Г. Гершуни. Что касается убийцы (Дулебова), то впоследствии он страдал нервным расстройством, переросшим в душевную болезнь, в результате которой он скончался в больнице в 1908 г.

13. *Николай Иванович Бобриков* (1839†1904) – генерал-майор, генерал-адъютант. Начальник штаба войск гвардии и С.-Петербургского военного округа. Генерал-губернатор Великого Княжества Финляндского (с 1898). Убит 16 июня 1904 г. финскими националистами Э. Шауманом.

14. *Карл Андреевич Раухфус* (1835-1915) – Лейб-педиатр (1876). Действительный статский советник, директор и главный врач детской больницы Принца Ольденбургского.

15. В действительности, судя по дневнику Государя, знакомство Царственных Мучеников с Г. Е. Распутиным состоялось 1 ноября 1905 г.

16. *Архиепископ Феофан* (в миру Василий Димитриевич Быстров, 1.1.1873 † 6.2.1940), *Полтавский и Переяславский*. Родился в семье священника с. Подмошья Лужского уезда Петербургской епархии. После окончания Петербургской Духовной академии

(1896) со степенью кандидата богословия оставлен при Академии профессорским стипендиатом. И. о. доцента Академии по кафедре Библейской истории (1897). Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонахи (1898); возведен в сан архимандрита (1901) с назначением и. д. инспектора Академии. Магистр богословия (1905). Ректор Академии (4.2.1909–1910). Хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Петербургской епархии (22.2.1909). Одно время духовник Императрицы Александры Феодоровны. Член Союза Русского Народа. Епископ Таврический и Симферопольский (19.12.1910); епископ Астраханский (25.6.1912); епископ Полтавский и Переяславский (8.3.1913, с 1918 г. – архиепископ). С 1920 г. в эмиграции, скончался во Франции в местечке Limmerais, на Луаре, близ города Amboise.

17. По-видимому, речь идет о *протоиерее Александре Петровиче Васильеве*. См. прим. 196.

18. *Барон* (с 21.1.1913 *граф*) *Владимир Борисович Фредерикс* (16.11.1838 †5 или 8.7.1927) – генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900). Происходил из дворян С.-Петербургской губернии. Получив домашнее образование, вступил вольноопределяющимся в Л.-Гв. Конный полк (1856), прослужив в нем до 1871 г. Полковник (1869). Командир Л.-Гв. Конного полка (1875), а затем 1-й бригады 1-й Кавалерийской дивизии (1881). Шталмейстер Двора, управляющий Придворной конюшенной частью (1891). Помощник министра (1.12.1893), а потом (6.5.1897) – министр Императорского Двора и уделов (до 1917 г.). Одновременно был канцлером Российских Императорских и Царских орденов. Командующий Императорской Главной Квартирой (14.7.1897). Член Государственного Совета (4.11.1905). Был насильно разлучен с Царем-Мучеником в Ставке в 1917 г. В дневнике Государя под 5.3.1917 читаем: «Простился с бедным гр. Фредериксом и Воейковым, присутствие которых почему-то раздражает всех здесь; они уехали в его имение Пензен. губ.» «Больно его таким видеть, – писала о нем Императрица 2.3.1918, – скажите ему, что Хозяйка целует его и часто с любовью его помнит и надеется что еще увидимся, что не надо падать духом – Господу Богу все возможно и Он еще дорогую родину спасет. Попросите его приобщиться Святых Таин – скажите это от Меня, он знает, что Я ему всегда напоминала, когда ему было особенно тяжело на душе». После февральской революции был арестован в Гомеле, доставлен в Петроград, но вскоре освобожден. Эмигрировал (1921). Проживал и скончался в Финляндии.

19. *Храм иконы Божией Матери «Знамение»* в Царском Селе – построен из камня в 1734–1747 гг. (архитекторы К. И. Бланк и М. Г. Земцов) на месте сгоревшего деревянного. Перестраивал-

ся дважды: в 1865-1866 гг. (архитектор А. Ф. Видов) и в 1898-1899 гг. (архитектор С. А. Данини. В нем находилась одна из наиболее почитаемых Государыней святынь – Царскосельская икона Божией Матери «Знамение». Действовала до 1944 г. Восстановлена в формах XVIII в. (1960-1962). Возвращена Русской Православной Церкви (1991).

20. *Граф Яков Николаевич Ростовцев* – действительный статский советник, гофмаршал. Заведовал личной канцелярией Императрицы Александры Феодоровны. Личный секретарь Ее Величества. Управляющий делами Августейших Детей. Член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну. Член Комитета помощи русским военнопленным. Один из организаторов попытки освобождения Царственных Мучеников.

21. *Илья Леонидович Татищев* (1859†27.6/10.7.1918) – генерал-адъютант, генерал-лейтенант, числившийся по гвардейской кавалерии. Узнав после ареста Государя, что Тот нуждается в нем, сказал: «Раз Государь желает этого, мой долг исполнить волю моего Государя». Отбыл с Царской Семьей в Тобольск. Там он сказал однажды П. Жильяру: «Я знаю, что я не выйду из этого живым. Я молю только об одном – чтобы меня не разлучали с Государем и дали умереть вместе с Ним». После увоза Их Величеств остался с Августейшими Детями в Тобольске, а затем сопровождал их в Екатеринбург, город, основанный его предком Василием Никитичем Татищевым (1686 †1750) в 1721 г. и называвшийся тогда Екатерининском. Сразу же по прибытии туда (10.5.1918), взят чекистами в тюрьму. Незарытые тела И. Л. Татищева и В. А. Долгорукова найдены за Ивановским кладбищем. Канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей. Ныне – святой мученик воин Илья.

22. *Татьяна Евгеньевна Мельник, урожд. Боткина* (1899 †1.4.1986) – дочь Лейб-медика Е. С. Боткина, убитого в Екатеринбурге вместе с Царской Семьей. Во время заключения в Тобольске Царственных Мучеников находилась там с отцом. Там она познакомилась с офицером К. С. Мельником, за которого вышла замуж. Эмигрировала. Книга ее воспоминаний увидела свет в Белграде в 1921 г. Скончалась в Париже. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

23. *Евгений Сергеевич Боткин* (27.5.1865 †4.7.1918) – Лейб-медик Высочайшего Двора (с апр. 1908); с 6.5.1905 находился на положении домашнего врача Царской Семьи. Приват-доцент Военно-медицинской академии. Участник русско-японской войны. За отличие в боях против японцев награжден орденами св. равноап. Вел. Кн. Владимира III и IV степени с мечами. Сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екатеринбург. Убит вместе с Царственными Мучениками в подвале Ипатьевского дома.

24. Иван Димитриевич Седнев (1886 † 16/29.5.1918) – лакей Великих Княжен. Помогал Деревенько в присмотре за Наследником. Крестьянин Ярославской губернии, где у него была жена, трое малолетних детей, престарелая мать и сестра. Матрос Императорской яхты «Штандарт». «Прекрасный человек из матросов», – писала о нем А. А. Вырубова. Разделил тобольское заключение Царской Семьи, последовал с Их Величествами в Екатеринбург, где был арестован и отправлен в тюрьму из Ипатьевского дома (14/27, по др. данным 15/28 мая 1918) вместе с дядькой Цесаревича К. Г. Нагорным. Оба были расстреляны за «предательство дела мировой революции». Найденные возле железнодорожной насыпи тела опознал Чемодуров.

25. Протоиерей Иоанн Владимирович Сторожев (16.3.1878 † 5.2.1927) – настоятель Екатерининского собора в Екатеринбурге. Родился в Арзамасе в старинной купеческой семье. Лишившись отца, детство с матерью и сестрой провел в Дивеевском монастыре. Окончив Нижегородский Дворянский институт и юридический факультет Университета Св. Владимира в Киеве (1903), назначен судебным следователем в с. Воскресенское Нижегородской губернии. Товарищ прокурора Екатеринбургского окружного суда (1909). Награжден орденом Св. Анны 3-й степени (1911). Присяжный поверенный, адвокат (1911). Епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан рукоположил его в диакона (30.8.1912), а позже во иерея. Протоиерей в Крестовоздвиженской церкви Екатеринбурга (1917). Настоятель Екатерининского собора (1918). Благочинный 7-й Уральской дивизии горных стрелков. При Временном правительстве входил в состав Комитета общественной безопасности и был одним из основателей городской милиции. Служил обедницы в Ипатьевском доме 20.5/2.6 и 1/14.7.1918 (последняя церковная служба, за которой молились Царственные Мученики). Во время служения Царственным Мученикам подавал прошение о перемещении его из Екатерининского собора в центре города в Симеоновскую церковь на вакансию второго священника. Проходил служение по ведомству Русской армии (авг. 1918). Переехал в Приморье (1919), затем в Манчжурию. Определен настоятелем Св.-Софийской церкви в Харбине (сент. 1920), а потом Алексиевского храма (фев. 1923) и законоучителем коммерческих училищ КВЖД. Законоучитель гимназии Христианского союза молодых людей. Имел награды: набедренник, камиллаву, наперсный крест.

26. Диакон Василий Афанасьевич Буймиров – служил в Екатерининском соборе г. Екатеринбурга. Сослужил прот. И. Сторожеву и о. Анатолию Меледину все четыре службы в Ипатьевском доме (21.4/4.5, 20.5/2.6, 10/23.6 и 1/14.7.1918).

**ПРИЕЗД В РОССИЮ
ПРИНЦЕССЫ АЛИСЫ ГЕССЕН-ДАРМШТАДТСКОЙ.
(Со слов очевидца, полковника 51-го Литовского полка
А. Я. Буяченко)**

Печатается по: *Малиновский А.* Приезд в Россию Принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской. (Со слов очевидца, полковника 51-го Литовского полка А. Я. Буяченко) // Царский вестник. № 662. Белград. 1939. 5/18 июня. С. 3-4.

27. Имеется в виду кн.: *Савченко П. А.* Государыня Императрица Александра Феодоровна. Джорданвилль. 1983 (переиздание). Он же был автором и др. кн., о Вел. Княжне Ольге Николаевне: *Савченко П. А.* Русская Девушка. Джорданвилль. 1986.

28. *Генерал от инфантерии Василий Егорович Флуг* (19.3.1860 †3.12.1955) – окончил 2-ю С.-Петербургскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1890). Участник военных действий в Китае (1900-1901), русско-японской и Великой войн. Награжден золотым оружием (1900). Генерал-майор (1903). Начальник штаба войск Квантунской области (1904). Генерал-квартирмейстер полевого штаба Наместника на Дальнем Востоке (1904) и 2-й Маньчжурской армии (1905). Военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска (1905-1909). Генерал-лейтенант (1908). Начальник 37-й пехотной дивизии (1909) и 2-й Гвардейской дивизии (1912). Помощник Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа (1912). Генерал от инфантерии (1914). Во время Великой войны: командующий 10-й армией (1914), 2-го армейского корпуса (1915). Георгиевский кавалер (1916). В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Тайно послан ген. М. В. Алексеевым в Сибирь для организации Белого движения. В апреле 1918 г. прибыл к адм. А. В. Колчаку. Вернулся на юг России морским путем (1919). Участвовал в боях за Киев и Крым. С ген. Врангелем эвакуировался в Югославию. Принят на службу в один из отделов Военного министерства Югославии в г. Вараждине (1922). Член РОВС. Во время второй мировой войны выехал в Германию, а после войны – в США. Скончался в Сан-Франциско.

29. *Адольф Абрамович Иоффе* (10.10.1883-1927) – родился в Симферополе в семье еврейского купца-миллионера. Участник революционного движения в России (с к. 1890-х гг.). Меншевик (1903). Жил в эмиграции. Член заграничного бюро ЦК РСДРП (1906-1907). Получил медицинское образование в университетах Берлина и Вены. Примкнув к Троцкому, издавал с ним в Вене газету «Правда» (1908-1912). Нелегально проникнув в Россию, был

арестован (1912) и до февральского переворота 1917 г. находился в тюрьме и ссылке. Вместе со сторонниками Троцкого («межрайонцами») вступил в большевицкую партию (июль 1917). Член ЦК партии и ВРК в Петрограде. Председатель, член, политический советник советской делегации на Брест-Литовских переговорах (1917-1918). Занимал на них позицию Троцкого. Первый советский полпред в Германии (1918). Деятельное участие принимал в подготовке революции в Германии, за что за три дня до ее начала был выслан оттуда вместе со всем посольством. Участвовал в заключении мира с государствами, возникшими в Прибалтийском крае, и с Польшей (1919-1921). Член советской делегации на Генуэзской мирной конференции (1922). Посол в Китае, Австрии и Японии (1922-1926). Заместитель Троцкого в Главном концессионном комитете СССР (1925). Один из лидеров троцкистской оппозиции (1925-1927). После исключения Троцкого из партии (1927) покончил жизнь самоубийством, обвинив Л. Д. в чрезмерной уступчивости. Жена, Мария Михайловна, еврейка, родившаяся в Нью-Йорке, также троцкистка, отсидев в тюрьмах, лагерях и ссылке 28 лет (1929-1957), выехала в Израиль (1975).

КОРОНАЦИЯ

Печатается по: *Галушкин Н.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. Сан-Франциско. 1961. С. 133-141.

30. *Петр Павлович Гессе* (1846†1905) – генерал-лейтенант (1896), комендант Императорской главной квартиры (1888-1896). Дворцовый комендант (с 1896).

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЦАРИЦЫ-МУЧЕНИЦЫ

Печатается по: *Старый Улан.* Светлой памяти Царицы-Мученицы // Царский вестник. № 162. Белград. 1931. 8/21 мая. С. 1-2.

31. Имеется в виду кн.: *Major General sir John Hanbury Williams. Chief of the British Military Mission in Russia 1914-1917. The Emperor Nicolas II, as I knew Him.* London. Arthur L. Humphreys. 1922.

32. На начало 1915 г. Императрица распоряжалась пятью поездами-складами.

33. В одной из своих статей редактор-издатель «Царского вестника» Н. Рклицкий сообщал: «Пишу эти строки в Мостаре – главном городе Герцеговины, который, кроме своих приветливых серых гор, знаменит замечательной церковью в русском стиле, сооруженной Россией, в которой хранится плащаница, вышитая руками Русской Императрицы. [...] Могла ли думать Русская Императрица, вышивая Своими руками изображение Царя Жизни, положенного в гроб, что Ему здесь будут поклоняться не только когда-то гонимые сыны бедной Герцеговины, но ныне еще больше скорбящие сыны России,

забрасываемые в своих скитаниях среди этих серых гор?..» (Рклицкий Н. На мосту Принципа // Царский вестник. № 662. 1939. 5/18 июня. С. 1).

34. Протоиерей Иоанн Смоленский – настоятель храма Свв. Апостолов Петра и Павла Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества полка в Петергофе.

35. Георгий Алекс. Яковлев – офицер (с 1904 г.) Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества полка. Во время Великой войны состоял во главе санитарного поезда Вел. Княжны Марии Николаевны. В эмиграции во Франции. Скончался после 1938 г.

Г. Пономарев

ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА

Эту песню на стихи и музыку Геннадия Пономарева поет известная исполнительница русских духовных, патриотических и народных песен Жанна (Анна) Бичевская.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ РОССИИ

Печатаем под общим заголовком отрывки из нескольких очерков Н. Рклицкого.

Николай Павлович Рклицкий (впоследствии архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон) (4.12.1892 †22.8/4.9.1976) – родился в семье священника в с. Борки Черниговской губернии (около которого 17.10.1888 произошло чудесное спасение Царской Семьи во время крушения поезда). Окончил Черниговские духовные училище и семинарию, но не пошел тогда по духовной стезе, а поступил на юридический факультет Киевского университета, который закончил (1911) со степенью кандидата прав. Заведовал канцелярией председателя Киевского окружного суда. Окончив ускоренные курсы артиллерийского училища, участвовал в Великой войне в качестве артиллерийского офицера. В годы гражданской войны вступил в Добровольческую армию. Исполнял обязанности военного следователя по особо важным делам при Главнокомандующем, имея полномочие производить следствие над высшими чинами, включая командующих армиями. Будучи эвакуированным из Крыма, обосновался в Югославии (1921).

Под его редакцией в Белграде выходили газеты: в 1925-1928 гг. «Русский военный вестник» (Издание Совета объединенных офицерских обществ; IV отдел РОВС); в 1928-1939 гг. «Царский вестник» (Орган народного движения за восстановление Престола Православного Царя-Самодержца); в 1940-1941 гг. «Русский народный вестник». Белградский период жизни Н. П. Рклицкого был ознаменован близостью к митрополиту Антонию (Храповицкому). Собранные им в это время статьи и проповеди Владыки, личные записи легли в основу вышедшего в 1957-1988 г. в Нью-Йорке капитального 17-томного труда «Жизнеописания и

творений Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого».

В октябре 1941 г. он был пострижен в монашество новым первоиерархом Зарубежной Церкви Анастасием (Грибановским) с именем Никон. (Восприемником его был о. Аверкий (Таушев), тогда еще архимандрит.) Рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Назначен священником Запасного батальона, сформированного при штабе Русского Корпуса (5.2.1942). Уже будучи игуменом во время боев за г. Чачак получил ранение, а находившийся при нем диакон Вассиан — убит. Назначен старшим священнослужителем Русского Корпуса (1.1.1945). Вместе с Братством преподобного Иова Почаевского, к которому присоединился Великим постом 1945 г., переехал из Германии в Швейцарию, где поселился в Женеве (19.8.1945). Был личным секретарем и ближайшим помощником митрополита Анастасия. После переезда в Соединенные Штаты (17/30.11.1946), уже будучи архимандритом, стал секретарем архиепископа Восточно-Американского и Джерсейситского Виталия (Максименко) в епархиальном управлении в Нью-Йорке.

Хиротонисан во епископа Флоридского (14/27.6.1948). Возведен в сан архиепископа и назначен викарием Восточно-Американской епархии (1959). Позднее получил титул архиепископа Вашингтонского и Флоридского (1960), награжден бриллиантовым крестом на клобук, стал секретарем Архиерейского Синода. Первый заместитель председателя и постоянный член Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви (1964). Зная о его даре примирять представителей разных мнений, Владыке обычно поручалось составление проектов наиболее трудных резолюций. Будучи убежденным монархистом, в США он возглавлял Общество ревнителей памяти Императора Николая Второго.

Согласно воле почившего был погребен в Свято-Владимирском храме-памятнике в Джэксоне (штат Нью-Джерси), на сооружение которого он отдал так много сил и энергии.

36. *Рклицкий Н.* Ангел-хранитель России // Царский вестник. № 430. Белград. 1934. 25 декабря/1935. 7 января. С. 1-2.

37. *Рклицкий Н.* К русской женщине // Царский вестник. № 557. Белград. 1937. 31 мая/13 июня. С. 1.

38. Имеется в виду кн.: *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. [Tallinn.] 1938.

39. *Рклицкий Н.* Подвиг Императрицы (Речь Н. П. Рклицкого, произнесенная на собрании Института-изучения России 13 апреля в г. Белграде) // Царский вестник. № 653. Белград. 1939. 3/16 апреля. С. 1-2.

«СВЯТАЯ ДУША ГОСУДАРЫНИ»

Печатается по: *Сахновский Н.* Государыня Императрица Александра Феодоровна // Православная жизнь. Джорданвилль. 1971. № 7. С. 30-36.

Николай Иванович Сахновский (†9.2.1991) – известный русский монархист. Один из руководителей Российского Имперского Союза-Ордена (1960-1970-е гг.). Ответственный редактор газеты «Русский вестник» – «двухнедельника Российской колонии в Аргентине» (1954-1970-е гг.). Автор книги «Святая Русь» (Буэнос-Айрес. 1965).

Публикуемый текст – доклад, прочитанный на «Дне Скорби» в Буэнос-Айресе в 1956 году.

ЦАРИЦА-МУЧЕНИЦА

(Ко дню тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны)

Печатается по: *Бобров Н.* Царица-Мученица. (Ко дню тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны) // Православная Русь. Джорданвилль. 1969. № 9. С. 3-4. См. также: Возрождение. № 204. Париж. 1968. Декабрь. С. 111.

Николай Рафаилович Бобров (20.7.1897†26.11/11.12.1970) – автор многочисленных статей в периодических изданиях Зарубежной Церкви. Жил в США.

ЦАРИЦА. ЖЕНЩИНА. МАТЬ. СУПРУГА

Печатается по: *Винберг Ф. В.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. 2-е изд. Мюнхен. 1922. С. 179-186, 191.

Федор Викторович Винберг (1861, Киев † 14.2.1927, Chelles/Шелль, Франция) – полковник Лейб-Гвардии Уланского Ее Императорского Величества Александры Феодоровны полка; шталмейстер Высочайшего Двора. Происходил из семьи артиллерийского генерала. Окончил Царскосельский Александровский лицей. Видный монархист. Член Русского собрания, Филаретовского общества, Союза Михаила Архангела. Входил в состав комиссии (29 членов), готовившей к печати «Книгу Русской Скорби», содержащую «описание жизни и мученической кончины доблестных сынов родины, погибших от рук крамольников в смутные годы за ЦАРЯ и родину». Во время первой мировой войны командовал 2-м конным Прибалтийским полком.

Едва узнав об отречении Государя, не считая возможным изменить присяге, оставил Действующую армию (март 1917), призвав подчиненных всегда хранить верность Царю. Зачисленному в резерв чинов Петроградского военного округа, однажды ему поручили произвести дознание по поводу пения в казармах нижними чинами Преображенского полка Русского народного гимна «Боже, Царя храни». Отказавшись выполнить этот приказ, Винберг писал в рапорте: «Можно только приветствовать этот

случай, и я сам бы пел «Боже, Царя храни», если бы тогда был там». Благодаря доброжелателям в штабе этот рапорт, угрожавший его автору арестом, был уничтожен, а расследование поручено другому офицеру.

Один из организаторов и руководителей Союза воинского долга, созданного с целью «восстановления благородного духа Русской армии» (май 1917). Участвовал в Корниловском мятеже. Пытался установить связи с Царственными Узниками. Был арестован и осужден большевиками вместе с участниками «заговора В. М. Пуришкевича». Во время следствия находился в Петропавловской крепости (11.12.1917–12.3.1918), где вел дневник, позднее изданный («В плену у обезьян»). На суде Винберг, отказавшись от защиты, говорил сам. Категорически отрицая свое участие в юнкерском восстании, в последнем слове он заявил: «Участвуй я в нем, я бы никогда не бросил юнкеров, но до конца остался бы с ними. Я – полковник, но не полковник Полковников, так постыдно их бросивший. [...] Я был верен в дни счастья Государю Императору Николаю Александровичу, тем более останусь верным Ему в несчастье. Голова моя может скатиться на вашей плахе, но пред революцией она не склонится». Революционный суд приговорил его к 5 годам принудительных работ. Стойко перенося заключение, он находил в себе силы ободрять своих сокамерников. С уважением к нему относилась даже большевистская стража. В заключении он был утешен словами «Высочайшего привета и благодарности от Царственных Узников из Тобольска». Часть заключенных по одному с Винбергом делу были освобождены по амнистии 1.5.1918, но он остался в тюрьме, поскольку наотрез отказался дать подписку, что не будет действовать против большевиков.

Будучи, в конце концов, освобожденным, он уехал на Украину, где под началом графа Ф. А. Келлера принимает деятельное участие в формировании воинских подразделений для борьбы с «самостийниками». «В декабре 1918 года, – свидетельствовал полковник В. М. Андронников, – он отличается упорной и доблестной обороной Педагогического музея во главе 2-го отдела Дружины генерала графа Келлера при взятии Киева войсками Петлюры». Дружьям с трудом удалось добиться отправки в Германию арестованного петлюровцами Винберга.

Обосновавшись в Берлине, он приступил к изданию журнала «Луч света» (1919) и газеты «Призыв» (Берлин, 1919–1920; редактор С. Золотницкий; с № 4 за 1920 г. – П. Н. Шабельский-Борк). Именно в Берлине в 1919–1920 гг. возник монархический центр, занимавшийся пропагандой «Сионских протоколов», одним из руководителей которого был Винберг. Летом 1920 г. после провала в марте т. н. «Капповского путча», в котором участ-

вовали многие русские офицеры, перебрался в Мюнхен. Здесь он работал в составе Баварской монархической группы, включавшей в себя Мюнхенское монархическое объединение, Русско-немецкий клуб и Русско-немецкое торговое общество. Делегат от Баварии Русского съезда промышленного восстановления в России, проходившего в Бад Рейхенгалле (30.5–14.6.1921). Был тесно связан с Высшим монархическим советом, входил в общество «Балтикум». Участвовал в подготовке покушения на П. Н. Миллюкова в Берлинской филармонии, в результате которого был убит др. кадетский лидер В. Д. Набоков (28.3.1922). Оба покушавшиеся: П. Н. Шабельский-Борк (1896 †1952) и С. В. Таборицкий (1895 †?) (пытавшийся ранее убить в берлинском метро др. «февралиста» – А. И. Гучкова) – были ближайшими сотрудниками Винберга. Переехал во Францию, где жил у друзей. Скончался скоропостижно от разрыва сердца в 9 час. вечера. Похороны были назначены на 14.30 16 февраля. Погребен на кладбище г. Шелль. После смерти Винберга его дочь, Александра Федоровна Серябрякова, выпустила сб. воспоминаний и стихов об отце «Светлой памяти Ф. В. Винберга» (46 с.). В его состав вошли четыре стихотворения и ряд статей: полковника князя В. М. Андронникова (1878 †1942), бывшего директора департамента полиции А. Т. Васильева (1869 †1928), кн. Н. Д. Жевахова, П. Н. Шабельского-Борка, А. К. Киевского и генерал-лейтенанта А. Д. Нечволодова. В сборнике были опубликованы также «Заветные странички из дневника Ф. В. Винберга», посвященные разоблачению масонства и еврейства.

40. *Генерал от кавалерии Александр Васильевич Самсонов* (1859†1914) – до войны Туркестанский генерал-губернатор; командующий войсками Туркестанского военного округа. В начале Великой войны командующий 2-й армии Северо-Западного фронта. Застрелился после поражения в битве при Танненберге-Сольдау в августе 1914 г.

«ЕЕ ЕДИНСТВЕННАЯ ВИНА ЭТО ЛЮБОВЬ К НАРОДУ...»

Печатается по: *Сватиков С. Г.* Императрица Александра Федоровна в изображении Великих Князей // *Иллюстрированная Россия*. № 35 (433). Париж. 1933. 26 августа. С. 1-3.

Сергей Григорьевич Сватиков (1880†1942) – историк и общественно-политический деятель. Учился в С.-Петербургском университете, из которого был исключен за участия в студенческом движении. Образование завершил в Германии, Гейдельбергском университете. Доктор философии. Участвовал в противоправительственной деятельности. Читал лекции рабочим, преподавал на Бестужевских высших женских курсах. После февральского переворота 1917 г. получил назначение на должность помощника начальника Главного

управления по делам милиции. После октябрьского переворота 1917 г. активно выступал против большевиков. Участвовал в Белом движении. Выехал в Париж (февр. 1920), где жил до кончины. Член правления Русской библиотеки имени Тургенева.

41. *Великая Княгиня Мария Георгиевна* (20.2.1876 †14.12.1940) – Греческая принцесса, замужем (с 30.4.1900) за Вел. Кн. Георгием Михайловичем (11.8.1863†24.1.1919), убитым большевиками в Петропавловской крепости. Во время революции Великая Княгиня с дочерьми находилась в Англии. Во втором браке (с 16.12.1922) за вице-адмиралом Периклом Ионидисом (1881†1965). Проживала в Лондоне и Риме.

42. *Николай Константинович Муравьев* (1870–1936) – адвокат, присяжный поверенный, председатель Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством. Меншевик. Массон. Друг В. А. Маклакова.

ЦАРЬ И ЦАРИЦА

Печатается с небольшими сокращениями (за счет повторов и пересказа чужих, уже опубликованных, воспоминаний) по: *Дуван С.* Император Николай II. (Из воспоминаний бывшего Евпаторийского Головы С. С. Дувана) // *Часовой*. №. 344. Париж-Брюссель. 1954. Июль. С. 11-13; *Дуван С.* Царица. (Из воспоминаний Евпаторского Городского Головы Дувана) // *Часовой*. №. 321. Париж-Брюссель. 1952. Июль. С. 9-11.

Автор воспоминаний *Семен Эзрович Дуван* (ум. 5.2.1957) – городской голова Евпатории. Караим. Создатель курортов Евпатории. В годы первой мировой войны состоял во главе Евпаторийского комитета помощи раненым. Устроитель образцовых военных госпиталей. В письмах Государыни не раз встречаются упоминания С. Э. Дувана. Государыня называла его «предупредительным» (30.5.1916). После революции эмигрировал. В эмиграции печатал свои воспоминания в журнале «Часовой» и в др. изданиях. Скончался в Болье (Франция). Некролог см. в журнале «Часовой» (№ 375. 1957).

43. *Князь Всеволод Николаевич Шаховской* (12.9.1874†1954) – окончил Морское училище (1893). Служил на яхте «Полярная звезда» и в Гвардейском экипаже. Капитан 1-го ранга. Вышел в отставку (1898). Определен на службу в Министерство финансов. Гофмейстер Двора Е. И. В. (6.12.1911). Действительный статский советник (25.3.1912). Управляющий Министерством торговли и промышленности (8.2.1915). После февральского переворота 1917 г. арестован. Бежал с супругой из России (9.4.1919). Жил в Дании и во Франции (20.5.1920). Скончался в Париже. Автор воспоминаний «*Sic transit Gloria mundi, 1893-1917*» (Париж. 1952).

44. В своих воспоминаниях министр иностранных дел С. Д. Сазонов отмечал: «Поездки Императорской Семьи в Крым стали повторяться ежегодно, а иногда совершались и по два раза в год, весной и осенью, в зависимости от состояния здоровья Цесаревича, Который лечился там евпаторийскими грязями, привозимыми морем в Ливадию, где Ему устраивали из них ванны на одной из залитых солнцем террас Ливадийского дворца. Это лечение, вместе с теплым морским воздухом Крыма, укрепляло здоровье Наследника и действовало благотворно на местные проявления органической болезни, с которой Он явился на свет» (Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж. 1927. С. 158).

45. С. Дуван из-за давности лет, по всей вероятности, спутал хронологию. В дневнике Государя 1913 года в записи под 5 ноября читаем: «В 12 часов принял всех предводителей дворянства и председателей уездных управ Таврич. губернии. Они завтракали и снимались с Нами группой». Фотографию см. в кн.: Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. Симферополь. 2002. С. 151.

46. Иван Антонович Думбадзе (1851†1916) – генерал-майор Свиты Его Величества. Ялтинский градоначальник (1.7.1914–15.8.1916). Принимал участие в интригах против Г. Е. Распутина. Уволен по болезни. Сын, Александр, был убит большевиками. Дочь, Нина, была замужем за поручиком К. Н. Кологривовым. Пасынок – корнет Крымского Ее Величества Императрицы Александры Феодоровны Конного полка С. В. Марков (1898†1944) – принимал участие в попытках спасения Царственных Узников, о чем написал книгу «Покинутая Царская Семья. 1917–1918. Царское Село–Тобольск–Екатеринбург» (Вена. 1928).

47. 24 сентября 1933 г. в Белграде генералом от инфантерии В. И. Гурко (1864†1937), по приглашению Общества памяти Императора Николая II, был прочитан доклад. В отчете о нем читаем: «Император Николай II отличался чрезвычайной щепетильностью и деликатностью в обращении с окружающими. Однажды Он предложил ген. Гурко закурить, и когда тот отказался, доложив – что не курит, Государь сказал: “А вот Я не хотел, но Мне сказал Отец, что Я должен курить, чтобы не стеснять других”» (Лашков С. И. Правда о Монархе // Царский вестник. № 380. Белград 1934. 8/21 января. С. 3).

48. Граф Петр Николаевич Апраксин (3.1.1876, Нерви, Италия † 3.2.1962, Брюссель) – окончил Пажеский Его Величества корпус. Был недолго в военной службе. Поступил на службу в Министерство внутренних дел. Воронежский вице-губернатор. Таврический губернатор. Гофмейстер Двора Его Величества. Флигель-адъютант. Состоял при Государыне Александре Феодоровне (с 1914). Личный секретарь Императрицы – с 1913. Руко-

водил Благотворительными комитетами и военными госпиталями Императрицы. Товарищ председателя Особого комитета Великой Княжны Ольги Николаевны, член Татьянинского комитета. Был близок Союзу русского народа. Член Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. Эмигрировал. Основал и возглавил Историко-генеалогическое общество в Брюсселе. Председатель Комитета по сооружению Храма-Памятника Царю-Мученику (1945). Жена Елизавета Владимировна, урожд. княжна Барятинская (15.10.1882. Царское Село †10.5.1948. Брюссель). Скончался в результате несчастного случая (упал с лестницы). Отпевание было совершено 6.2.1962 в Храме-Памятнике. Похоронен на кладбище коммуны Ixelles.

49. Эти хлопоты Государыни также нашли отражение в Ее письмах Государю:

(16.4.1915): «Сегодня Я принимаю двух офицеров, возвращающихся на фронт, Твоего *Кобылина* также и потом Данини, и двух других, которых Я послала в *Евпаторию*, чтобы выбрать санаторию. Там есть грязи, солнце, море, песочные ванны, Цандеровский институт, электричество, водяное лечение, сад и пляж поблизости. 170 человек, а зимой 75 – это великолепно. Я хочу попросить Дувана, который там выстроил театр, улицы и т. д., быть зав[едующим] хоз[яйством]. *Княжевич* думает, что он может также помогать материально».

(9.10.1915): «Потом после чая офицеры, *Дуван* из *Евпатории*, опять бумаги и еще масса народу...»

(28.4.1916): «...санатории в Крыму принадлежат Ц[арско-]С[ельскому] Пункту, и *Дуван* поехал».

(30.5.1916): «Аня [Вырубова] уезжает из Симферополя сегодня вечером в восемь часов, – Я уверена, что ей будет недоставать Черное море, тихое спокойствие и вся приветливость Дувана, но она безумно стремится домой».

(15.6.1916): «Посылаю тебе бумагу от *Дувана*, которую Аня просила Меня передать Тебе с приветом от нее...»

50. *Сергей Николаевич Вильчковский* (4.10.1871†17.9.1934) – происходил из петербургских дворян. Паж при Высочайшем Дворе (с 1879). Окончил Пажеский корпус (1890). Офицер Л.-Гв. Преображенского полка. Заведовал хором и школой солдатских детей (1897-1898). От имени Российского общества Красного Креста оказывал помощь пострадавшему от неурожая населению (1898-1899). Полицмейстер дворцовых зданий Царско-сельского Дворцового управления (ноябрь 1906). Полковник. Генеральный комиссар Царскосельской Юбилейной выставки и распорядитель торжеств (март 1909). Помощник начальника Царскосельского Дворцового управления (июль 1912); председатель Царскосельского эвакуационного комитета (1914);

главный уполномоченный Красного Креста по всем учреждениям Царского Села, Павловска, Гатчины, Луги. Генерал-майор. Коллекционер, знаток царскосельских древностей, участник кружков художника А. Н. Бенуа (с которым состоял в переписке) и известного слависта, заведовавшего Архивом Министерства Императорского Двора К. Я. Грота. Автор кн. Царское Село (1-е изд.: СПб. 1910; 2-е испр. и доп. изд.: СПб. 1911 переизд.: СПб. 1992). За научные труды в области изучения царскосельской старины, в особенности исследования Янтарной комнаты Большого Екатерининского дворца, удостоен звания действительного члена Императорского Московского археологического института Императора Николая II (1913). Уволен по болезни (20.5.1917). Выехал за границу для лечения. Во время гражданской войны состоял в Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в Югославию. В эмиграции во Франции. Автор воспоминаний: Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 года. (По рассказу генерал-адъютанта Н. В. Рузского) // Русская летопись. Кн. 3. Париж. 1922 и ст. «Янтарная комната в Царском Селе» (в кн.: Лукомский К. Г. Очерки и материалы по истории искусства России. Русское искусство. Берлин. 1923. С. 77-84). Директор Русского дома. Похоронен в Сент-Женевьев-де-Буа.

51. Князь Константин Леонович Геловани – полковник 13-го Эриванского Лейб-гренадерского полка.

52. В Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 640) сохранилось немало документов, свидетельствующих о заботах Государыни о раненых и военнопленных:

Телеграммы по делам лазаретов, госпиталей, складов (18.9.1914-16.1.1917) (Оп. 1. Д. 17). Телеграммы служащих лазаретов (май 1915-19.6.1916) (Оп. 1. Д. 35). Сопроводительные записки к рапортам ст. врача (1916) (Оп. 2. Д. 28). Черновики ответных телеграмм Государыни разным лицам с благодарностью за работу в лазарете (1914-1915) (Оп. 2. Д. 34). Книга с маршрутами посещений госпиталей (1914-1915) (Оп. 1. Д. 22). Книги с подписями раненых офицеров Государыне (30.10.1914-15.10.1916) (Оп. 1 Дд. 18, 46). Письма рядовых из Действующей армии (1914-дек. 1916) (Оп. 1. Дд. 208-259). Письма военнопленных (1915-февр. 1917) (Оп. 1. Дд. 260-261). Письма и телеграммы русских военнопленных (1916) (Оп. 1. Д. 40). Книжка-календарь на 1916 г. – подарок солдатам от Государыни на Пасху (Оп. 2. Д. 60). Газетные вырезки «В военно-санитарном поезде Ее Императорского Величества» (Оп. 2. Д. 61). Путешествия в Москву для посещения раненых в 1914-1915 гг. (книга) (Оп. 2. Д. 126).

53. Иосиф Семенович Дуван (†1956) и его супруга Елизавета Моисеевна (2.2.1899†2.11.1969), также уроженка Евпатории, уже будучи в эмиграции, приняли Православие (1954) и были обвен-

чаны в церкви в Аргентине, где поселились в 1925 г. после недолгого пребывания в Германии и США.

54. В Царском дневнике 1916 г. сохранилась большая запись, посвященная этому посещению Евпатории: «16-го мая. Понедельник. В 7 час. утра прибыли в Евпаторию, когда Я еще спал. В 10 час. вышли из поезда и, приняв депутации, поехали в город. Погода была теплая, серая и ветреная. Посетили собор, мечеть и кинассу караимов, которую также посетил Александр Павлович в 1825 г. Затем осмотрели лазарет Аликс – приморскую санаторию с ранеными из Ц. Села. Прошел с Алексеем к морю и осмотрел ванны. Побывали еще в земской уездной больнице и вернулись в поезд в час с 1/4. После завтрака отправились запросто в город в дальний его участок на дачу, занимаемую Аней. Дети резвились на берегу на чудном песку. Хотелось выкупаться, но воздух был прохладен. Выпив у нее чаю, приехали в поезд и в 6 1/4 уехали из Евпатории. Город производит очень приятное впечатление и надо надеяться разовьется в большое и благоустроенное лечебное место». См. также: *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914-1917). Минск. 2004. С. 319-322. Фотографии (встреча на вокзале и Государь с Наследником у ограды Лазарета имени Императрицы Александры Феодоровны) см. в кн.: *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. Симферополь. 2002. С. 153-154.

55. *Великий Князь Димитрий Константинович* (1.6.1860 †11/24.1919) – третий сын Вел. Князя Константина Николаевича. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

56. *Александр Иванович Спиридович* (1873†1952) – генерал-майор отдельного корпуса жандармов. В отдельном корпусе жандармов (с 31.12.1899). Прикомандирован к Московскому, затем к Киевскому (1902) губернскому жандармскому управлению. Исполнял обязанности начальника Киевского охранного отделения (1903-1905). Ранен в Киеве террористкой (1905). Прикомандирован к отдельному корпусу жандармов (26.7.1905). Начальник дворцовой охраны (н. 1906). После убийства Столыпина находился под следствием (1912). Дело было прекращено. Ялтинский градоначальник (15.8.1916). В эмиграции.

57. *Владимир Николаевич Воейков* (1868 †1947) Генерал-майор Свиты Его Величества. В военной службе с 1885 г. Произведен в офицеры (1887). Командир Лейб-Гвардии Гусарского полка. Флигель-адъютант (1906). Последний Дворцовый комендант (с 24.12.1913). Главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской Империи (1913). Принадлежал к ближайшему окружению Царской Семьи. Был женат на дочери ми-

нистра Императорского Двора и Уделов В. Б. Фредерикса, Евгении Владимировне, бывшей фрейлине Ее Императорского Величества, с которой Царица-Мученица в годы ссылки находилась в переписке. После февральского переворота насильственно разлучен с Царем в Ставке, а затем арестован по приказу Временного правительства. В эмиграции в Финляндии (1919). В мае 1939 г. жил в Териоках.

58. Константин Дмитриевич Нилов (1856†1919) – флаг-капитан Его Величества, генерал-адъютант, вице-адмирал. Впоследствии полный адмирал. Происходил из ярославских дворян. Герой русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Кавалер ордена св. Георгия 4-й ст. (1877). Командир Гвардейского экипажа и крейсера «Светлана», доблестно погибшего в Цусимском сражении. Председатель Императорского речного яхт-клуба. Женат на кн. Марине Михайловне Кочубей, бывшей фрейлине Вел. Княгини Марии Павловны. Имел двоих детей. На Императорской яхте «Штандарт» отвечал за безопасность Императора и всей Его Семьи. Личный друг Государя. Насильно разлучен с Императором в Ставе в марте 1917 г. Убит большевиками.

**СЛОВО СВ. ПРАВЕДНОГО о. ИОАННА КРОНИШТАДТСКОГО
В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ 1896 г.**

Печатается по: Царский сборник. Сост. С. и Т. Фомины. М. «Паломник». 2000. С. 410.

«ОНА ДЕРЖАЛАСЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ...»

Печатается по: Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб. 1994 С. 169-170.

Анатолий Федорович Кони (1844†1927) – известный юрист и писатель. Член Государственного Совета. Председатель С.-Петербургского окружного суда (с 1871). Обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената (с 1885). В советское время профессор уголовного судопроизводства Петроградского университета (1918-1922).

59. Владимир Иванович Герье (1837†1919) – профессор истории Московского Императорского университета (1868-1900). Директор Московских высших женских курсов (с 1900).

60. Александр Сергеевич Танеев (5.1.1850 †25.1.1918) – из дворян. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Гофмейстер (1895). Владел 1500 десятинами в Орловской губернии. Статс-секретарь (1904). Обер-гофмейстер (1906). Член Государственного Совета по назначению (2.4.1906) с оставлением в занимаемых должностях. Главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией (1897-1917). Арестован Временным правительством (1.3.1917). Уволен

по прошению с назначением пенсии 7 тыс. руб. (22.3.1917). Скончался в Петрограде.

61. *Граф Николай Александрович Ламздорф* (1844†1907) – заведующий канцелярией Императрицы Александры Феодоровны.

62. *Михаил Николаевич Галкин-Врасский* (1834†1916) – начальник Главного тюремного управления.

63. *Сергей Юльевич Витте* (1849–1915) – граф (с 1905 г.), министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), председатель Совета министров (1905–1906), член Государственного Совета и председатель комитета финансов (1906–1915). Действительный тайный советник, статс-секретарь. С. Ю. Витте являлся постоянным проводником либерально-демократического влияния в правительстве России. Именно С. Ю. Витте убедил Царя «пойти навстречу общественности» и подписать позорный для России мир с Японией. Он употребил немало усилий для того, чтобы Государь подписал конституционный, ограничивающий Самодержавие, манифест 17 октября 1905 г. Масон. Вторым браком женат на Матильде Ивановне, урожд. Хотимской (по др. сведениям Нурок), по первому браку Лисаневич. Двоюродный брат Е. П. Блаватской – одной из основательниц теософии, возведенной в высшую 33-ю степень английского масонства («суверенный мастер»).

64. *Димитрий Сергеевич Сипягин* (1853 † 1902) – министр внутренних дел, шеф жандармов (1899–1902). Убит членом боевой организации партии эсеров С. В. Балмашевым.

КОНВОЕЦ

Печатается по: *Галушкин Н.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. Сан-Франциско. 1961. С. 152–153.

В феврале 1917 г. есаул К. Панкратов находился в Царском Селе. Числится в списке Конвоя среди скончавшихся от ран и болезней в походах.

ШКОЛА НЯНЬ

Печатается по: *Пантюхов О.* О днях былых. Maplewood. 1969. С. 156.

Олег Иванович Пантюхов (25.3.1882†25.10.1973) – окончил Тифлисский кадетский корпус и Павловское военное училище (1901). Полковник Лейб-Гвардии 1-го Стрелкового полка. Начальник 3-й Московской школы прапорщиков. Кавалер ордена св. Георгия. Основатель скаутизма в России. Участник международного движения скаутов. После большевицкого переворота участник боев в Москве. В Вооруженных Силах Юга России. Работал в ОСВАГе (весна 1919). В эмиграции с 1920 г. в США. Скончался в Ницце.

65. В путеводителе по Царскому Селу читаем: «За казармами Л.-Гв. 2-го Царскосельского Стрелкового полка, между Гатчин-

ским шоссе и парком, расположены здания “Школы нянь” Государыни Императрицы Александры Феодоровны, построенные в 1904 г. архитектором [С. А.] Данини.

Школа нянь рассчитана на 50 воспитанниц, а состоящий при ней приют – на 50 детей. В число воспитанниц принимаются девушки в возрасте не моложе 16 лет, а в исключительных случаях молодые женщины. Воспитанницы принимаются на полное содержание и получают от школы одежду, белье, обувь и учебные пособия. Годовая плата 360 руб. в год, для лиц малодостаточных допускается половинная; наконец, для лиц неимущих установлены бесплатные вакансии и стипендии, преимущественное право и бесплатный прием предоставляется детям воинских чинов, пострадавших на войне. Курс рассчитан на два года; для достаточно подготовленных и способных время это может быть сокращаемо. Окончившим курс воспитанницам выдаются, смотря по успехам, аттестаты и свидетельства; оставляющим школу до конца обучения, в виде исключения, выдаются удостоверения, точно определяющие объем их знаний. Окончившие курс остаются под покровительством школы в течение двух лет.

В детский приют при школе принимаются здоровые дети от первых дней до 2-х лет. Грудные дети вскармливаются имеющимися в приюте кормилицами или искусственно; в некоторых случаях допускаются вместе с детьми и кормящие их грудью матери. Дети остаются в приюте до 7-ми лет» (*Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб. 1911. С. 178-179*).

«ОНА БЫЛА ВРОЖДЕННОЙ СЕСТРОЙ МИЛОСЕРДИЯ»

Печатается по: *Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М. 2000. С. 60-61, 88-91, 93-94, 104, 109, 111-115.*

66. *Княжна София Ивановна Джамбакуриан-Орбелиани* (†1.12.1915) – фрейлина Императрицы Александры Феодоровны. Была сиротой. Едва ей исполнилось 23 года, как она заболела. У нее была медленно прогрессирующая болезнь позвоночника. Царица поместила ее рядом с комнатами Великих Княжен и в течение девяти лет ухаживала за ней как за Собственной дочерью. Скончалась в день св. прав. Филарета Милостивого.

67. Ежедневно навещая ее, Императрица во время сильных приступов боли сидела у постели бедной девушки и по ночам. Но когда она могла сесть в кресло-коляску, ее старались привлечь к активному участию в жизни Царской Семьи и Дворца. Императрица не хотела, чтобы Соня Орбелиани чувствовала себя обузой. И по свидетельству С. К. Буксгевден преуспела в этом: «Огромное влияние имела на нее Императрица; несчастной девушке, которая знала, что ее ждет, именно Она привила чувство христианского смирения, и та не только терпеливо пере-

носила болезнь, но была бодра духом и проявляла горячий интерес к жизни».

68. Об одном из отделений «школы народного искусства», устроенной Императрицей в Луге, на даче, подаренной Наследнику (называемой Ею «Светелкой»), Она сообщала в письме Государю от 22.10.1914: «Там работают девочки, изготавливают ковры, обучают этому ремеслу деревенских баб, затем для них будут приобретены коровы, домашняя птица и овощи, и они будут обучаться домоводству».

69. Речь идет о лазарете А. А. Вырубовой в Царском Селе, о котором она также пишет в своих воспоминаниях: «Железная дорога выдала мне за увечье [во время железнодорожной катастрофы 2 января 1915 г.] 100 000 рублей. На эти деньги я основала лазарет для солдат-инвалидов, где они обучались всякому ремеслу; начали с 60 человек, а потом расширили на 100. Испытав на опыте, как тяжело быть калекой, я хотела хоть несколько облегчить их жизнь в будущем. Ведь по приезде домой на них в семьях стали бы смотреть как на лишний рот! Через год мы выпустили 200 человек мастеровых, сапожников, переплетчиков. Лазарет этот сразу удивительно пошел, но и здесь зависть людская не оставляла меня: чего только не выдумывали. Вспоминать тошно! [...] Единственно, где я забывалась, – это в моем лазарете, который был переполнен. Купили клочок земли и стали сооружать деревянные бараки, выписанные из Финляндии. Я часами проводила у этих новых построек. Многие жертвовали мне деньги на это доброе дело, но, как я уже писала, и здесь злоба и зависть не оставляли меня; люди думали, вероятно, что Их Величества дадут мне огромные суммы на лазарет. Лично Государь мне пожертвовал 20 000. Ее Величество денег не пожертвовала, а подарила церковную утварь в походную церковь» (Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М. 2000. С. 103, 110). При Свято-Серафимовском лазарете-убежище для инвалидов войны № 79 А. А. Вырубовой, в память избавления ее от смерти при крушении поезда, в 1916-1917 гг. строился деревянный храм по проекту архитекторов С. А. Данини и С. Ю. Сидорчука. Строительные работы вел полковник Мальцев. Убежище и храм находились на небольшой поляне в окружении высоких деревьев, на правом берегу 2-го Ламского пруда как раз напротив Ламских конюшен. К ним вела красивая липовая аллея от Фермерского парка. «Закладка Аниной церкви, – сообщала Императрица Государю в письме 5 ноября 1916 г., – прошла хорошо...» В честь этой закладки после нее в лазарете А. А. Вырубовой был прием. На нем была сделана фотография – последний снимок Г. Е. Распутина.

70. К концу 1914 г. Российское общество Красного Креста содержало 71 госпиталь, 118 подвижных и этапных лазаретов, 58 передовых отрядов, 11 санитарных поездов, 34 санитарных транспорта, 185 питательных пунктов, 22 дезинфекционных отряда, 5 хирургических отрядов. На фронтах первой мировой войны трудились более 17 000 сестер милосердия. Были поезда-бани, вагоны-библиотеки, по Волге курсировал госпиталь-санаторий.

Особое внимание уделялось вопросу о военнопленных. Буквально в первые месяцы войны при Российском обществе Красного Креста был организован справочный отдел, во главе которого находился сенатор Д. Р. Вилькен: первоначально он размещался на Басковой улице. Был создан Комитет по обмену и эвакуации военнопленных инвалидов (председатель А. Б. Сазонова, супруга министра иностранных дел) (*Хечинов Ю. Е. Ангелы-хранители. Страницы истории Отечества. М. 1993. С. 54*).

71. Подробнее о ней см. в нашем очерке «Жорж Санд Царского Села» в приложении к наст. кн.

72. Великая Княжна Татьяна Николаевна 4 июня 1915 г. была награждена грамотой и значком отличия Красного Креста II степени (ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 33).

73. *Великая Княгиня Мария Павловна* (6.4.1890 †13.12.1958) – дочь Вел. Кн. Павла Александровича от первого брака с Вел. Кн. Александрой Георгиевной, Греческой принцессой; внучка Императора Александра II; сестра Вел. Кн. Дмитрия Павловича – убийцы Г. Е. Распутина. В браке (20.4.1908-13.3.1914) с Вильгельмом, принцем Шведским, герцогом Зёдерманландским; во втором браке (6.9.1917-29.4.1923) с князем Сергеем Михайловичем Путятиным. В эмиграции жила во Франции, Аргентине, Германии и США.

74. *Александр Алексеевич Ресин* (21.4.1857 †24.6.1933) – происходил из дворян Тверской губернии. Окончил 2-ю Московскую военную гимназию (1874), Павловское военное училище (1876) и Академию Генерального штаба (1884). Офицер Лейб-Гвардии Финляндского и Лейб-Гвардии 2-го стрелкового полков. Командир Лейб-Гвардии Кексгольмского полка, 2-й бригады, 3-й Гвардейской пехотной дивизии, Гвардейской стрелковой бригады. Начальник 2-й Гвардейской пехотной дивизии. Генерал-лейтенант. Командир 42-го армейского корпуса. В эмиграции в Югославии. Скончался в Панчево.

75. *Валентина Сергеевна Гордеева* – казначея Марфо-Мариинской обители милосердия. Была близка семье князей Юсуповых.

76. *Владимир Федорович Джунковский* (7.9.1865-21.2.1938) – родился в С.-Петербурге в семье генерал-майора. Окончил Пажеский корпус (1882). Зачислен в 1-й батальон Л.-Гв. Пре-

ображенного полка, которым командовал Вел. Кн. Сергей Александрович. Адъютант Московского генерал-губернатора Вел. Кн. Сергея Александровича (23.12.1891). Штабс-капитан (6.12.1895). Капитан (6.5.1900). Полковник (апр. 1905). Флигель-адъютант Свиты Его Величества (весна 1905). Московский вице-губернатор (30.7.1905). Московский губернатор (11.11.1905). О подлинных настроениях Джунковского красноречиво свидетельствует факт его присутствия в толпе бунтарей, направлявшихся после вымученного у Царя манифеста 17 октября 1905 г. к тюрьме для освобождения политзаключенных. Генерал-майор (1908). Командир отдельного корпуса жандармов, товарищ министра внутренних дел (23.1.1913). Масон. Некоторые поступки Джунковского этого времени можно расценить как государственную измену. Будучи товарищем министра внутренних дел, он освободил А. И. Гучкова и подобных ему лиц от установленного департаментом полиции за ними наблюдения. По его приказу были ликвидированы почти все районные охранные отделения. Позднее именно он отдал распоряжение о прекращении наблюдения за революционной пропагандой в войсках; дезавуировал перед революционерами внедренных в левые (причем в крайние левые) партии секретных агентов. Один из яростнейших гонителей Г. Е. Распутина. Царица называла Джунковского не иначе как «Мой враг» и «нечестный человек» (см. Ее письмо Государю от 22.6.1915). Отстранен от должности без принятого в таких случаях выражения благодарности за безпророчную службу (15.8.1915). Поступил в Действующую армию (осень 1915). Командир 15-й Сибирской стрелковой дивизии. Генерал-лейтенант (апр. 1917). Командир 3-го Сибирского армейского корпуса (1918). После большевицкого переворота, арестованный с группой генералов в Ставке и заключенный в Петропавловскую крепость, он, едва ли не единственный, вскоре оказался на свободе. Более того, 17 декабря 1917 г. Джунковский, «относящийся лояльно к советской власти», вышел в отставку «с мундиром и пенсией из казны» «ввиду хронической болезни сердца». Имевшие место в дальнейшем кратковременные аресты, заканчивались либо скорым освобождением, либо переводом в больничные учреждения. После одного из таких арестов (1920 г.) «многие удивлялись, почему бывший шеф жандармов был оправдан. Джунковский сам рассказывал, как его вызвал Дзержинский и задал ему вопрос: «Как вы организовывали охрану Царя?» Джунковский написал подробную записку и с тех пор стал консультантом сперва ВЧК, потом ОГПУ. Вот почему он уцелел, когда поголовно сажали всех жандармских офицеров и всех рядовых

жандармов. [...] Он преподавал разным гражданам английский язык. [...] Именно Джунковский разработал все тщательно продуманное законодательство о паспортах 1932 года» (Голицын С. М. Записки уцелевшего. М. 1990. С. 573). Таким образом, именно благодаря разработкам Джунковского, проведенным под руководством чекистов, была создана советская паспортная система, сохранившая многие свои элементы и до сей поры. Был он и консультантом по проведению провокационной акции «Трест» (Готье Ю. В. Мои заметки. М. 1997. С. 494). (См. о нем: Разгон Л. Э. Непридуманное. Повесть в рассказах. М. «Книга». 1989. С. 97-105). Все эти «заслуги» перед новой властью, однако, не помогли ему. Он был расстрелян на Бутовском полигоне.

77. Князь Николай Николаевич Одоевский-Маслов – генерал-адъютант, генерал-лейтенант, заведовал Дворцовой частью в Москве. Заместитель председателя учрежденного по Высочайшему повелению Комитета по устройству в Москве Музея 1812 года (6.1.1908-1911). Его супруга была членом Комитета Российского общества Красного Креста.

78. Александра Николаевна Нарышкина (1839 † после 1917), урожденная Чичерина («тетя Саша»), вдова обер-гофмаршала Э. Д. Нарышкина. Статс-дама, кавалерственная дама. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. организовывала лазареты Красного Креста. Была близка Царской Семье. В. Ф. Джунковский, доверять которому все-таки не приходится, утверждал, что та «не любила Императрицу Александру Феодоровну и не скрывала этого, и потому при Дворе появлялась редко и жила больше в Тамбове» (Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. II. М. 1997. С. 470). «Окончила она свою жизнь, – пишет далее мемуарист, – трагическим образом. Во время революции больную старуху, которой было уже далеко за семьдесят, вынесли на носилках и повезли на телеге на окраину города, чтобы расстрелять, но ее не успели довести до места расстрела – она скончалась» (Там же. С. 471).

79. Георгий Евгеньевич Львов (1861-1925) – князь, юрист, депутат I Государственной Думы; главноуполномоченный Всероссийского земского союза, гласный Московской городской думы. Один из руководителей Земгора. Организатор заговора против Государя. Революционный деятель. Масон. Премьер-министр Временного правительства (до июля 1917).

80. Графиня О. Д. Апраксина, урожденная княгиня Голицына – сестра последнего председателя Совета министров Российской Империи Н. Д. Голицына. Инициатор создания в Москве приюта для детей слабоумных, припадочных, отстающих и калек, принадлежавшего Московскому отделу С.-Петербургского братства во Имя Царицы Небесной (освящен 13.10.1912).

81. *Святитель Макарий* (Парвицкий-«Невский», 1.10.1835, с. Шапкино Ковровского у. Владимирской губ. † 16.2.1926, пос. Котельники Московской обл.), *митрополит Московский и Коломенский* – миссионер, просветитель алтайцев; в народе его называли «Сибирским столпом Православия», «Апостолом Алтая». Родился в семье пономаря. После окончания Тобольской духовной семинарии (1854), в которой получил прозвание «Невский», поступил в состав Алтайской духовной миссии (22.2.1855). Приняв монашество и будучи рукоположен во иеромонаха (1861), трудился над устройением Чулышманского монастыря (1861–1864), работал в Казани над грамматикой алтайского языка, издал на нем ряд богослужебных и святоотеческих книг (1868–1869). Возведен в сан игумена (1871). Помощник начальника Алтайской духовной миссии (1875). Начальник Миссии, архимандрит (1883), хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии (1884). Епископ Томский и Семипалатинский (26.5.1891), епископ Томский и Барнаульский (18.2.1895; с 6.5.1906 – архиепископ), с 17.10.1908 г. – архиепископ Томский и Алтайский. Участник монархического движения. Митрополит Московский и Коломенский, член Св. Синода (25.11.1912), почетный член С.-Петербургской духовной академии (1913). Вместе со всеми архиереями – членами последнего Царского Св. Синода подписал воззвание к пастве 9.3.1917 г., начинающееся позорно-знаменитым «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути... Доверьтесь Временному правительству...», – разделив, таким образом, грех оправдания клятвопреступного февральского бунта. Заслуга Святителя состоит, однако, в том, что он первым *опомнился*... Некоторые сделали это гораздо позже, многие не сделали этого никогда. Вопреки канонам, насильно уволен на покой (20.3.1917); местом пребывания его был определен Николо-Угрешский монастырь. Имеется свидетельство о том, что Святитель общался с Царственными Мучениками в то время, когда Они находились в узах, продолжал духовно окормлять Царя-Мученика до самой мученической Его кончины. Святителю было от Господа откровение о том, при каком духовном состоянии русского народа возможно было спасение Царской Семьи. Святителем Тихоном митрополиту Макарию был дарован почетный пожизненный титул митрополита Алтайского (авг. 1920). Погребен у храма Казанской иконы Божией Матери в пос. Котельники. В 1956 г. тело святителя Макария было перевезено в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру и похоронено в крипте Успенского собора. Очевидцы

свидетельствовали: «..Когда его переносили из Кот[ельников], тело его осталось нетленным». Прославлен в лике Святителей на юбилейном Соборе 2000 г. в Москве.

82. «Я получила, – писала 17.4.1915 Императрица Государю, – длинное, милое письмо от Эрни, Я Тебе его покажу по Твоем возвращении. – Он пишет: *“если кто-нибудь может понять Его (Тебя) и знает, что Он переживает – то это я”*, и крепко Тебя целует. Он стремится найти выход из этой дилеммы, и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. – У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от Тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения. План его основан на том, что в Германии нет настоящей ненависти к России. – Э[рни] послал уже туда к 28-му (2 дня тому назад, а Я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю. – Я немедленно написала ответ (все через Дэзи) и послала этому господину, сказав ему, что Ты еще не возвращался и чтобы он не ждал, и что, хотя все и жаждут мира, но время еще не настало. – Я хотела кончить с этим дело до Твоего возвращения, так как знала, что Тебе это было бы неприятно. – В., конечно, ничего абсолютно об этом не знает. Эрни пишет, что они стоят твердой стеной во Франции и, по словам его друзей, также на юге и в Карпатах. – Они думают, что у них 500 000 наших пленных. – Все письмо очень милое и любящее. Оно Меня очень обрадовало, хотя, конечно, вопрос о господине, который там ждет, а Тебя здесь нет, был очень сложным. Э[рни] будет разочарован».

83. В комментариях к письмам Государыни, в которых он не раз упоминается, как правило, он представляется как Семен Маркович Шапшал (Кахам), гахам (духовный глава караимов). Вот эти упоминания:

(2.7.1916 Государю): «Кахам приехал и провел вечер вчера у Ани, – сегодня она Меня просила провести вечер с ней и с ним и услышать его живописные рассказы».

(3.7.1916 Государю): «Я провела вчерашний вечер у Ани с Кахамом. Очень умный, приятный человек, она совсем растаяла».

(8.12.1917 из Тобольска А. А. Вырубовой): «Ты имеешь известие от Гахама? Напиши ему и поклонись. Сыроболярский был у него летом, помнишь его? Он теперь в Владивостоке».

(23.1.1918 из Тобольска А. А. Вырубовой): «Имеешь ли от Гахама письма».

Приводим статью о Шапшале в «Краткой еврейской энциклопедии» (Т. 10. Иерусалим. 2001. Стб. 64-65):

«ШАПШАЛ Серай Маркович (Серайя; Сергей Михайлович; 1873, Бахчисарай, Таврическая губ., – 1961, Вильнюс), караимский религиозный и общественный деятель, востоковед. Родился в семье садовода. В 1884 г. поступил в Петербурге в Охтинское ремесленное училище. Затем учился в гимназии (окончил в 1894 г.) и в Петербургском университете на факультете восточных языков (окончил в 1899 г.). В 1901-1908 гг. на дипломатической и преподавательской работе в Персии; изучал азербайджанский и персидский языки, был воспитателем наследника Персидского шаха принца Мохаммеда Али Хана. В 1908 г. вернулся в Петербург, преподавал турецкий язык в Петербургском университете и был переводчиком в Министерстве иностранных дел. Был членом Русского археологического общества, а также товарищем председателя Общества русских ориенталистов. В 1915 г. избран на духовно-административную должность гахама (главы караимского духовенства) Таврического и Одесского. В 1916 г., находясь в Евпатории, организовал Караимскую национальную библиотеку “Карай Битиклиги” (существовала до 1929 г., после чего все ценные книги и рукописи были переданы в Ленинградское отделение Института востоковедения).

В 1919 г. Шапшал уехал на Кавказ, а оттуда в Стамбул, где работал в библиотеке султана, а также служил переводчиком в банке. В 1928 г. был приглашен в Вильно, избран гахамом Польским и Литовским. Стал профессором филологического факультета Виленского университета, с 1929 г. – членом АН Польши, с 1935 г. – вице-председателем Польского общества ориенталистов. В 1932 г. Шапшал создал в Вильно Караимский этнографический музей и библиотеку при нем, материалы которых впоследствии были переданы в Этнографический музей Литовской АН.

В 1930 г. Шапшал получил степень доктора философии за диссертацию “Караимы в Крыму, Литве и Польше”. Фактически в этой работе впервые доказывалось тюркско-хазарское происхождение восточноевропейских караимов. Шапшал развил активную деятельность, создавая теорию тюркской самоидентификации восточноевропейских караимов, которая в дальнейшем способствовала их полному разрыву с еврейским народом и частичной “деиудизации”.

В 1939 г. Шапшал обратился в Расовое бюро Министерства внутренних дел Германского Рейха с просьбой об изучении вопроса об этническом происхождении караимов. После оккупации немецкими войсками населенных караимами областей Восточной Европы это обращение было тщательно рассмотрено германской администрацией на предмет нееврейского происхождения караимов. В связи с тем, что нацистское руководство положительно решило этот вопрос, караимы избежали геноцида.

Вместе с тем в переписке с идеологами нацистской Германии Шапшал продолжал отстаивать принципы библейской морали, на которой зиждилось караимское учение.

В 1947 г. Шапшал получил должность старшего научного сотрудника Института истории языка и литературы АН Литовской ССР. Он принимал активное участие в подготовке материалов для караимско-русско-польского словаря, вышедшего в 1974 г. (после его смерти). Шапшал похоронен на караимском кладбище в Вильнюсе. Принадлежавшее Шапшалу собрание еврейских, арабских, персидских и турецких рукописей, а также его личный архив хранятся в Петербургском отделении Института востоковедения Российской АН.

См. также: *Ямбаева Я.* Из материалов к биографии проф. С. М. Шапшала // Труды по иудаике. Сер. История и этнография Петербургского еврейского университета. Т. 3. СПб. 1995. С. 26 – 35.

84. Подробнее об этом заговоре см. в готовящемся нами переиздании кн. И. П. Якобия «Император Николай II и революция».

85. Не этими ли сведениями заинтересовался Государь, когда незадолго до переворота принял Шапшала в Царском Селе. Из *Дневника Царя (11.2.1917. Суббота)*: «Принял гахама караимов Шапшала из Евпатории».

86. *Михаил Васильевич Алексеев* (1857 † 25.9.1918) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии; с начала войны начальник штаба Юго-Западного фронта; командующий Северо-Западным фронтом (весна 1915); начальник штаба Верховного Главнокомандующего при Государе Императоре (авг. 1915). Способствовал отречению Государя от Престола (см.: *Кобылин В.* Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Всеславянское издательство. Нью-Йорк. 1970). После февральского переворота назначен Временным правительством Верховным главнокомандующим (до мая 1917). В конце 1917 г. приступил в Новочеркасске к формированию Белой Армии, верховное руководство которой осуществлял до самой смерти, последовавшей в Екатеринодаре.

Имеются небезынтересные сведения о происхождении генерала Алексева из кантонистской семьи. Недаром дочь генерала завуалировано писала: «К сожалению, отец очень мало говорил и рассказывал о себе, а потому у меня очень скудные сведения об его детстве. Дед мой, капитан Василий Алексеевич Алексеев, был офицером 64-го пехотного Казанского полка, участником Севастопольской обороны» (*Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб. 2000. С. 9). В 1827-1856 гг. действовали правила отбывания

евреями рекрутской повинности натурой. Кого сдать в рекруты предоставлялось решать общинам (сдавали, как правило бедных, не имевших возможности заплатить выкуп, или пойманных безпаспортных единоверцев, не обладавших никакими связями). Как неспособных, как правило, носить оружие, этих еврейских мальчиков чуть старше 13 лет, не спрашивая их согласия, переводили в православие. Это были т. н. *кантонисты*, общее число которых за 29 лет составило около 50 тысяч человек. «...Многие из них сделали неплохую карьеру как на военной, так и на гражданской службе. Вступая в брак с русскими, они полностью обрусели и для еврейства были потеряны» (*Дикий А.* Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Нью-Йорк. 1967. С. 93). Но так ли это? Израильский ученый С. Дудаков приводит отрывок из романа писателя Н. П. Вагнера «Темное дело» (1882). Выступающий в 1850-х гг. перед соплеменниками за кулисами театрально-циркового балагана в одном из провинциальных городков раввин говорит: «Братья божьей семьи! Страдания, гонения, скитания – удел наш, но всемогущий когда-нибудь выведет народ свой из неволи и приведет в землю обетованную. Враг восстал на нас с мечом, но мы положили золото на чашу гнева божия, да умиловится! Враг силен своими полчищами, но у нас есть чем купить их. Он сосет кровь из нас и чад наших. Мы содем из него золото. Он сделал кантонистами детей наших. Но это маленькие львята, которые вырастут, посекут раздор в полках его и растерзают его внутренности. У него сила, у нас хитрость. Мы лисы Самсона и пожжем хвостами своими пажити филистимлян. Глада и разорения выпьют они полную чашу. Матери и жены их проклянут свою плодосную жилу, видя, как чада их у ног их будут умирать с голода. Мы, тощие кравы, пожрем жирных крав, но сперва выдоим все сосцы их. Смерть филистимлянам! Смерть врагам народа Божьего». Внешне израильский профессор недоумевает: «Что имел в виду Вагнер, сказать трудно». Но тем не менее дает к этому месту комментарий: «Еще в 1910 году генерал А. А. Поливанов сделал запись в своем дневнике о масонских связях генералов А. Н. Куропаткина, Я. Г. Жилинского, Д. И. Субботича, а также о цели евреев проникнуть в армию, в частности в Генеральный штаб, в котором уже и так были представлены они под русскими фамилиями. В последнем случае мы видим ясный намек на генерала М. В. Грулева (см.: *Поливанов А. А.* Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916. М. 1924. Т. 1. С. 94). Кто из упомянутых или не упомянутых генералов был выходцем из кантонистской семьи – сказать трудно, но есть несколько лиц безусловно кантонистского происхождения: Иванов Николай Иудович, генерал-лейтенант, командующий

Юго-Западным фронтом, генерал Василий Федорович Новицкий, генерал Александр Памфамилович Николаев. Последние двое перешли на сторону советской власти. Более того, попавший в плен к Юденичу генерал Николаев "отказался покаяться" и со словами: "Да здравствует III интернационал и мировая революция!" – был казнен белогвардейцами. Имеются сведения, что и генерал М. В. Алексеев происходил из кантонистской семьи. [...] Вышеупомянутый генерал М. В. Грулев, временно исполнявший в 1909 году должность военного министра, был крещеным евреем. [...] Что же до проникновения в Генеральный штаб, то А. И. Деникин в своих мемуарах писал о семи своих товарищах – евреях-выкрестах, учившихся вместе с ним в Академии Генерального штаба, шесть из которых к первой мировой войне были генералами (см.: *Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк. 1953. С. 283*)» (*Дудаков С. Ю. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX–XX вв. М. «Наука». 1993. С. 246, 259*).

87. О заговорщической деятельности генерала М. В. Алексеева и предательстве им Государя см. в готовящейся нами к изданию кн. И. П. Якобия «Император Николай II и революция».

88. *Николай Иудович Иванов* (1851†1919) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Член Государственного Совета. С начала войны до марта 1916 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. Состоял при Ставке (с марта 1916). В дни февральской смуты назначен Императором командующим Петроградским военным округом с чрезвычайными полномочиями (27.2.1917), отправлен во главе Георгиевского батальона в Петроград для восстановления порядка, но не выполнил возложенной на него задачи. Участник Белого движения. Скончался от тифа, будучи командующим Особой Южной армией.

«ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ ЗА РАБОТОЙ»

Печатается по: *Мельник Т. Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. М. 1993. С. 33-35.*

89. *Владимир Николаевич Деревенко* (1879 †1936) – доктор медицины, почетный Лейб-хирург, ассистент проф. С. П. Федорова. При Царской Семье со времени болезни Цесаревича Алексея в Спале в 1912 году. Находился с Царственными Узниками в Тобольске и Екатеринбурге. После царевубийства остался в советской России, служил в госпитале у большевиков. Допрашивался следователем Н. А. Соколовым в Томске в сентябре 1919 г. Остался в советской России. Неоднократно арестовывался. Приговаривался к пяти годам лишения свободы. Руководил медицинскими клиниками при Пермском университете. Работал в медицинско-санитарном управлении Днепростроя (1933).

90. На Братском Казанском кладбище героев Великой войны в Царском Селе архитектором С. Ю. Сидорчуком, по желанию Царицы, был построен деревянный храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» (заложен 18.8.1915; освящен 4.10.1915). См. о нем в письмах Императрицы Государю в наст. изд. Настоятель прот. Д. В. Разумов, священник 131-го сводного эвакуационного госпиталя. Священник этого храма Святи-Добромудров был арестован большевиками с обвинением в том, что «припрятал у себя пулеметы, казаков снабжал». «Это уже четвертая жертва среди духовенства», — отмечала в своем дневнике (3.11.1917) старшая сестра Лазарета Ее Величества (*Чеботарева В. В.* Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915–5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // Новый журнал. № 182. Нью-Йорк. 1991. С. 255). Храм был закрыт и снесен в 1938 г.

В. Петрушевский
БЕЛАЯ КОСЫНКА

Печатается по: *Пагануцци П. Н.* Правда об убийстве Царской Семьи. Историко-критический очерк. Джорданвилль. 1981. С. 148.

«МОЯ ОБЯЗАННОСТЬ БЫТЬ ТАМ, ГДЕ СТРАДАЮТ»

Печатается по: Воспоминания графа Владимира Эдуардовича Шуленбурга об Императрице Александре Феодоровне. Париж. 1928. 48 с.

Граф Владимир Эдуардович фон Шуленбург — полковник, начальник дома призрения имени Императрицы Александры Феодоровны для увечных воинов, ранее офицер Лейб-Гвардии Уланского Императрицы Александры Феодоровны полка. Заведующий санитарным поездом имени Наследника Алексея Николаевича.

91. *Анатолий Васильевич Неклюдов* (1856†1943) — камергер, действительный статский советник. Русский дипломат. Чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Швеции (1914-1917).

92. *Мария Ивановна Вишнякова* — няня Царских Детей. С конца 1910 г. пошла волна слухов, исходившая из придворных сфер, о мнимом ее изнасиловании Г. Е. Распутиным. Как выяснилось позднее, источником этих грязных слухов была фрейлина, воспитательница Царских Дочерей С. И. Тютчева — одна из активных деятелей т. н. «московского» кружка. Немедленно проведенное строгое расследование установило истину. По словам сестры Императора Великой Княгини Ольги Александровны, «всякая провинность со стороны дворцового персонала относилась злыми языками на счет Распутина. Одна из таких историй, где рассказывалось об изнасиловании одной из нянь, дошла до Им-

ператора, Который тотчас приказал произвести дознание. Выяснилось, что молодую женщину действительно застали в постели – но с казаком из Императорского Конвоя». Между тем, подзуживаемая и далее, Вишнякова не успокоилась. Будучи на излечении на Кавказе, она вновь во всем «призналась» находившемуся там на отдыхе митрополиту С.-Петербургскому Антонию (Вадковскому). В дальнейшем отставлена от своей должности. Характерно, что в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства М. И. Вишнякова и словом не обмолвилась об «изнасиловании».

93. Федор Владимирович Дюбрейль-Эшанпар (†8.11.1915) – генерал-майор, член Совета при Министерстве Императорского Двора, управляющий Двором Великого Князя Георгия Михайловича. Об обстоятельствах его гибели Императрица сообщала Государю: (8.11.1915): «Я телеграфировала Тебе про несчастный случай и операцию бедного Эшанпара, так как Меня сегодня утром об этом известили. Я надеюсь, что он выживет, хотя место чрезвычайно опасное. – О, эти автомобили, как надо быть осторожным с ними! [...] Я очень огорчена смертью Эшанпара. Георгий будет очень опечален, – как и все, кто его знал, – за исключением Минни [Императрицы Марии Феодоровны]. Кроме того, это большая потеря для Моего поезда, так как Я как раз собиралась послать его поезд на юг». (9.11.1915): «Я ходила с Татьяной на панихиду по Эшанпаре. Там были – Баранов, совершенно поседевший Коцебу, Яковлев, Шуленбург, Каульбарс, Княжевич и все дамы». (14.11.1915): «...Представлялся мне доктор Моего поезда, привезший тело бедного Эшанпара, чтобы сообщить Мне все подробности...» Государь – Императрице (13.11.1915): «Здесь все с огорчением узнали о смерти Эшанпара. – Такой способный и энергичный человек – какая жалость».

94. Петр Петрович Волков (†1/14.12.1925) – скончался во Франции.

95. Княжна Мария Викторовна Бярятинская, «Мари» – фрейлина Императрицы Александры Феодоровны.

96. По иному этот праздник называли днем «Белой ромашки». Праздник проводился по всей России, начиная с апреля 1912 г., по инициативе Императрицы Александры Феодоровны. Царские Дети принимали в нем самое непосредственное участие (имеется кино- и фотосъемка, отражающая это). В последний раз день «Белой ромашки» прошел в Ялте 20 апреля 1914 г. с участием Государыни и Царских Детей. В пользу больных туберкулезом было передано 1360 рублей.

97. Павел Григорьевич Курлов (1860†1923) – из дворянской семьи. Минский губернатор (1905-1906). Товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1909-

1911). Снят после убийства П. А. Столыпина. После революции эмигрировал.

98. *Дом призрения Государыни Императрицы Александры Феодоровны для увечных воинов* в Царском Селе (у Орловской башни). При нем архитектором С. А. Данини был построен каменный храм Св. мученицы Царицы Александры (1905-1906). Освящен в 1907 г. Иконостас был взят из Лазарета Императрицы Александры Феодоровны. Расширен (1909). Закрыт (1920). Сохранился в перестроенном виде (ул. Парковая, 64/68).

99. *Сильвио Амвросиевич Данини* (1867-1942) – родился в Харькове в семье итальянских эмигрантов. Переехал в Полтаву (1879), где окончил гимназию. Окончил архитектурное отделение С.-Петербургской Академии художеств (1892). Помощник главного архитектора Зимнего дворца. Архитектор Дворцового управления в Царском Селе (1896). Многие постройки были сделаны им по личному заказу Императрицы. Среди них много домовых церквей; Дворцовый госпиталь (1902); Родильный приют (1907), Школа нянь, Дом призрения увечных воинов и др. После революции остался в России, продолжая работать в Пушкине и Ленинграде, где скончался во время блокады.

100. *Князь Павел Николаевич Енгальчев* (19.8.1864†1944) – генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус (1884) и Николаевскую академию Генерального Штаба. Командир Лейб-Гвардии Гусарского полка. Начальник Николаевской академии Генерального Штаба. Варшавский генерал-губернатор. В эмиграции.

101. *Лидия Николаевна Розенбах* – фрейлина Ее Величества Императрицы Александра Феодоровны; дочь генерал-адъютанта Николая Оттоновича Розенбаха (1836†1901), члена Государственного Совета.

102. *Граф Николай Евстафьевич Нирод* – обер-егермейстер. Помощник министра Императорского Двора и Уделов. Член Государственного Совета.

103. *Храм Свв апостолов Петра и Павла Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества Императрицы Александры Феодоровны полка* – возведен из камня по проекту архитекторов К. А. Тона и И. И. Шапошникова (1836-1839) с приделом Вознесения Господня (1876). Перестроен архитектором Н. Н. Никоновым (1890). Закрыт (1922). Снесен в 1930 г.

104. *Священномученик митрополит Владимир* (Богоявленский, 1.1.1848 †25.1.1918) – в 1898-1912 гг. был митрополитом Московским, в 1912-1915 гг. митрополитом Санкт-Петербургским, в 1915-1918 гг. – митрополитом Киевским и Галицким. Один из старейших иерархов России, единственный, который последова-

тельно занимал все три митрополичьи кафедры. Зверски убит большевиками. День его мученической кончины решением Всероссийского Поместного Церковного Собора стал «днем ежегодного молитвенного поминовения всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников» (Определение 5/18.4.1918). Причислен к лику святых Архиерейским Собором Российской Православной Церкви 1992 г.

105. *Князь Сергей Петрович Урусов* – сенатор, шталмейстер, тайный советник. Чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Главный редактор «Правительственного вестника».

106. *Сергей Петрович Федоров* (1861†1936) – Лейб-хирург. Тайный советник. Профессор Военно-медицинской академии. В Царской Ставке (с осени 1915 г.).

107. Автор воспоминаний, вероятно, ошибается: супругой кн. М. С. Путятина была княгиня *Мария Ивановна Путятина* (1869†1964), урожденная Ендогурова, начальница Царскосельской Общины Российского общества Красного Креста. Будучи в эмиграции, открыла в Париже собственное шляпное дело. Принадлежащий ей дом «Шапка» имел свой магазин в Париже и Лондоне. В старости жила в Русском доме в Сент-Женевьев. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

108. *Князь Михаил Сергеевич Путятин* (1861†24.5.1938) – окончил Морской корпус (1880). Откомандирован в Сводный гвардейский батальон (1889). Офицер Лейб-Гвардии Преображенского полка. Начальник Дворцового управления (1911). Генерал-майор (1912). Наблюдал за работой по постройке Государева Феодоровского Собора в Царском Селе. Под его редакцией вышел «Летописный и лицевой изборник Дома Романовых» (Вып. 1. М. 1913). Эмигрировал во Францию. Скончался в Париже.

109. «На правой стороне бульвара, сейчас же за дачей, построенной на углу Кузьминского бульвара, начинается окруженное забором место, занятое зданиями Царскосельского госпиталя Дворцового ведомства. На бульвар выходит часовня, служительский дом и дом врачебного персонала с аптекой для госпиталя и служащих по Дворцовому ведомству. Главный корпус госпиталя выходит на Госпитальную улицу, а в саду расположены: приемная, амбулаторная, прачечная, дезинфекционная камера, карантинный дом и три временных деревянных барака для острозаразных больных. В нижнем этаже главного корпуса размещена городская богадельня на 10 мужчин и столько же женщин и мужская дворцовая богадельня на 25 мужчин. Богадельня существует в Царском Селе со времен Екатерины I [...]

В 1908 году, по проекту архитектора Данини, госпиталь вновь был несколько перестроен, причем, главным образом, были расширены хозяйственные постройки. [...] В настоящее время

[на 1911 г.] госпиталь имеет 150 мест и обслуживает не только Дворцовое ведомство, но является единственной городской больницей, куда заразные больные жители города принимаются бесплатно, а не заразные -- за плату, по утверждаемой ежегодно Министерством внутренних дел таксе. При госпитале имеется открытая домовая церковь с весьма чтимой населением иконой Божией Матери Всех скорбящих Радости. В часовне установлен переданный из Дворца в 1817 году в госпиталь старинный иконостас походной церкви Императрицы Екатерины I, до постройки первой Царскосельской церкви стоявший в одной из палат первоначального Екатерининского дворца. Церковная утварь и колокола госпитальной церкви Высочайше повелено в 1807 году взять из упраздненной в том году Царево-Константиновской церкви в Софии» (Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб. 1911. С. 45-47).

При Дворцовом госпитале был домовый храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радости» — расширен из прежнего (1852) архитектором С. А. Данини (1913). Настоятель о. Иаков Червяковский. Закрыт в 1930 г. Здание сохранилось (ул. Госпитальная, 7/5).

110. Николай Карлович Рима́н († после 1938) — выпущен офицером (1884). Служил в Л.-Гв. Семеновском полку; впоследствии командир этого полка. Подавил восстание в Москве 1905 г. Генерал-майор. Шталмейстер. Начальник одного из санитарных поездов Государыни. В эмиграции в Германии.

111. Графиня Маргарина Иосифовна Шуленбург, урожденная Гулак-Артемовская.

112. Владимир Владимирович Свечин (13.5.1871†21.9.1944) — окончил Императорское училище правоведения. (1893). Произведен в офицеры (1894). Полковник Л.-Гв. Преображенского полка. В эмиграции жил во Франции. Организатор и председатель Общества ревнителей памяти Государя Императора Николая II. Автор воспоминаний: *Флигель-адъютант В. В. Свечин*. Светлой памяти Императора Великомученика Николая II. Париж. 1933.

113. Александр Федорович Трепов (18.9.1862 †10.11.1928) — сын С.-Петербургского градоначальника, брат Дворцового коменданта. Окончил Пажеский корпус. Выпущен офицером в Л.-Гв. Егерский полк. Вышел в запас (1889). Чиновник особых поручений Министерства внутренних дел (1889). Переяславский уездный предводитель дворянства (1892-1896). Причислен к Государственной канцелярии (1896). Камергер Двора (1900). Егермейстер (1905). Сенатор (1906). Член Государственного Совета (1.1.1914). Член Особого совещания по обороне (авг. 1915). Управляющий Министерством путей сообщения (30.10.1915). Председатель Совета министров с оставлением в должности министра (10.11.1916).

Уволен в отставку (27.12.1916). После октябрьского переворота 1917 г. один из лидеров Белого движения. Возглавлял в Гельсингфорсе Особый комитет по делам русских в Финляндии (осень 1918-январь 1919). Скончался в Ницце.

114. Ср. с др. высказываниями Государыни из Ее писем Императору: (24.9.1914): «Какой позор, что немцы заточили маленькую герцогиню Люксембургскую во дворце близ Нюрнберга! – Как это оскорбительно!» (22.10.1914): «Какая это низость, что сбросили с аэроплана бомбы над виллой короля Альберта, в которой он сейчас живет, – слава Богу, это не причинило никакого вреда, но Я никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь пытался убить Государя только потому, что Он враг во время войны!»

115. 131-й сводный эвакуационный госпиталь. Известно, что при нем была устроена походная церковь Св. мученицы Царицы Александры, освященная в 1915 г. в казармах Л.-Гв. Гусарского полка. Закрыта в 1917 г. Здание сохранилось (ул. Парковая, 44).

116. Великая Княгиня Ольга Константиновна (22.8.1851 † 18.6.1926) – дочь Вел. Кн. Константина Николаевича. Супруга (15.10.1867) короля Греции (с 1863) Георга I (1845 † 1913), до этого Датского принца Вильгельма, брата Императрицы Марии Феодоровны, убитого в Салониках. Скончалась в Риме.

117. См. рапорты старшего врача санитарного поезда Вел. Кн. Татьяны Николаевны 1916-1917 гг. Августейшей Покровительнице (ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 37).

118. Владимир Митрофанович Пуришкевич (12.8.1870 † 11.1.1920) – потомок декабриста А. О. Корниловича. Родился в семье священника в Кишиневе. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (1895). Депутат Государственной думы II, III и IV созывов. Вскоре после основания вступил в Союз Русского народа, выйдя из которого (осень 1907), основал Русский народный Союз Михаила Архангела. После начала Великой войны организовал собственный санитарный отряд. Это начинание привело его в ряды врагов режима. Вот как объяснял это близко его знавший полковник Ф. В. Винберг: «Как всегда властный и нетерпимый, Пуришкевич требовал везде и всюду своим организациям первенства и преобладания над всеми другими, в то время как Государыня Императрица Александра Феодоровна мудро и справедливо стремилась к нивелированию и равноправию всех организаций и учреждений, служивших общим целям, и требовала искоренения каких-либо интриг и соперничества, роняющих святое дело самоотверженных, альтруистических порывов и стремлений русской души к посильному труду на пользу и помощь нашим воинам. Императрица одинаково и беспристрастно покровительствовала и помогала всем,

работавшим на этом поприще, независимо от личностей и большего или меньшего умения каждого приспособить и применить свои силы. Казалось бы даже, что, по сути вещей, более слабые силы и меньшее умение, при одинаково искренних и благородных намерениях, требовали и больше помощи, и больше наблюдения и внимания. Этого Пуришкевич никак не умел понять: вне общего восхваления, лести и ублажения, вне превозвышения над всеми другими — ему жизнь была не в жизнь; а потому он всегда злобствовал против тех, кто не оказывал ему исключительного внимания и не ставил на особый пьедестал. Вот, как мне кажется, начало и мотив, может быть не вполне сознательный и для самого Пуришкевича, его жгучей ненависти к Государыне...» (Винберг Ф. Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Мюнхен. 1922. С. 89-90).

Уже во второй половине 1915 г. Пуришкевич начал позволять себе публичные антиправительственные выступления. В 1916 г. он окончательно изменил своему монархизму. В декабре он принял участие в убийстве Г. Е. Распутина. Восторженно приветствовал февральский переворот 1917 г. Пытался участвовать в Корниловском мятеже. При большевиках подвергся недолгому и весьма мягкому заключению (3.1-17.4.1918). Бежал в Киев (сент. 1918). Выступая с лекциями в Киеве, Ростове-на-Дону, Новороссийске и Екатеринодаре, он был всюду гоним. Скончался от тифа в Новороссийске. Отпевал его владыка Евлогий (Георгиевский).

119. Павел Карлович Ренненкампф (1854†1918) — генерал-майор (1900), генерал-лейтенант (1905), генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант (1912). Командир 36-го Ахтырского драгунского полка (1895). Начальник Штаба войск Забайкальской области (1899). Участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае (1900-1901). Во время русско-японской войны начальник Забайкальской кавалерийской дивизии. Командующий 7-м Сибирским (1905) и 3-м армейским (1912) корпусами. Командующий войсками Виленского военного округа (1912). Главнокомандующий Северо-Западным фронтом (1914). Вышел в отставку (1915). Убит большевиками.

120. «Немецкий» вопрос, непомерно раздутый Ставкой, во главе которой стоял в то время Вел. Кн. Николай Николаевич (фигурирующий в Царской переписке, как «Николаша», «Н.»), был умело использован врагами России, Династии и интриганами внутридинастической борьбы в своих разрушительных целях. В Своих письмах Государю Императрица не раз поднимала эту проблему:

(18.6.1915): «...Обсуждали немецкий и еврейский вопросы, как неправильно все это велось, и распоряжения Н. и генералов:

напр., их способ обращения с *Экспарре*. Я желала бы, чтобы у других был такой здравый смысл».

(23.8.1915): «Ставка отдала приказание, чтобы все офицеры с немецкими фамилиями, служащие в штабе, были отосланы в армию. Это касается и мужа Али, хотя *Пистолькорс* имя шведское, и у Тебя вряд ли имеется более преданный слуга. По-Моему, опять все неправильно сделано. Надо было бы, чтобы каждый генерал деликатно наметнул им вернуться в свои полки, так как им надо побывать на фронте. Все у нас делается так грубо!»

(29.8.1915): «...Запрети это немилосердное преследование баронов!»

(1.9.1915): «...Они [думцы] все продолжают преследовать немецкие имена. *Щербатов* [министр внутренних дел] обещал Мне быть справедливым и не вредить им. Теперь же он подчиняется желанием *Думы*, увольняет всех с немецкими именами [...] Все честные люди, притом истинно русские, изгоняются, — почему, дружок, Ты дал на это Свое согласие? — Скорее смени его. Мы наживем Себе столько врагов вместо верноподданных. Ошибки, сделанные им за один день, придется исправлять годами».

(10.9.1915): «Вот опять некрасивая вещь про Н., которую Я обязана Тебе сказать. Все бароны послали В. Рейтерна к Н. в *Ставку*. — Он просил от имени всех их прекратить преследования, потому что они больше не в состоянии переносить. Н. отвечал, что он с ними согласен, но ничего не может сделать, так как приказания идут из Царского Села. [...] Это необходимо выяснить. Такая ложь не должна лежать на Тебе. Им надо объяснить, что Ты справедлив к тем, кто лоялен, и никогда не преследуешь невинных».

(11.9.1915): «...Как дать знать баронам, что Н. передал им великую ложь, будто он получил приказание из *Царского* преследовать баронов, — это нужно выяснить тонко и умело».

121. Владимир Иосифович Гурко (*Ромейко-Гурко*) (8.5.1864 † 11.2.1937) — сын генерал-фельдмаршала И. В. Гурко. Генерал от кавалерии (1916). Окончил Пажеский корпус (1885) и Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Участник русско-японской войны, впоследствии председатель комиссии по ее описанию. Активно сотрудничал с председателем думской комиссии государственной обороны Гучковым (1908-1910). Командир 1-й кавалерийской дивизии (1911) и 6-го армейского корпуса (ноябрь 1914). Командующий 5-й (с авг. 1916 Особой) армией на Юго-Западном фронте. И. о. начальника штаба Верховного Главнокомандующего (окт. 1916—фев. 1917). Участвовал в составлении программы «прогрессивного блока»; член Военной масонской ложи. Во время отпуска по болезни ген. М. В. Алексеева был и. о. начальника штаба Верховного Главнокомандую-

шего (11.11.1916–17.2.1917). После февральского переворота 1917 г. – командующий войсками Западного фронта. За критику Временного правительства и монархические высказывания понижен в должности до командира дивизии (23.5.1917). За переписку с Императором Николаем II (21.7.1917) арестован, заключен в Петропавловскую крепость и по решению Временного правительства через Архангельск выслан за границу (сент.). В Белом движении участия не принимал. Скончался в Риме. Автор кн.: Царь и Царица (Париж. 1927).

122. *Принц Александр Петрович Ольденбургский* (21.5.1844 †6.9.1932) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии по гвардейской пехоте. Член Государственного совета, сенатор. Окончил 1-й кадетский корпус (1864). Офицер, а впоследствии командир Лейб-гвардии Преображенского полка. Начальник 1-й Гвардейской пехотной дивизии, командир Гвардейского корпуса (1885–1889). Главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью во время 1-й мировой войны. В эмиграции во Франции. Скончался в Биаррице.

123. *Николай Николаевич Фигнер* (1857†1918) – русский оперный певец (лирико-драматический тенор).

124. *Великий Князь Георгий Михайлович* (11.8.1863†24.1.1919) – генерал-лейтенант по гвардейской кавалерии (1909), генерал-адъютант. Числился в Л.-Гв. Уланском Ее Величества полку. Управляющий Русским музеем Императора Александра III (с 1895). Председатель Русского генеалогического общества (с 1898). Владелец уникальной коллекции русских монет, большая часть которой находится ныне в США. В годы Великой войны инспектировал воинские части. Посетил с особой миссией Японию (1915–1916). Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

125. *Федор Иванович Дурдин* (13.2.1870†2.2.1939) – мануфактур-советник; директор правления пиво-медоваренных заводов «Иван Дурдин» в С.-Петербурге. Член С.-Петербургского общества взаимного кредита. Благотворитель. Погребен в Ревеле (Таллине) на Александро-Невском кладбище.

126. *Князь Виктор Сергеевич Кочубей* (11.10.1860†4.12.1923) – родился в Алупке. Флигель-адъютант (1894). Генерал-майор Свиты (1899). Генерал-лейтенант. Генерал-адъютант (1909). Начальник Главного управления Уделов Министерства Императорского Двора и Уделов (1899–1917). Скончался в Висбадене (Германия).

127. Речь, по всей вероятности, идет о владыке Антонии (Храповицком, 17.3.1863 †10.8.1936), в то время еще архиепископе.

128. *Климентий Григорьевич Нагорный* (1886†16/29.5.1918) – дядька Наследника Цесаревича Алексея. Крестьянин с. Пустоваровки Антоновской волости Свицкого уезда Киевской губер-

нии, матрос Императорской яхты «Штандарт». Первоначально был вторым дядькой Наследника, помогая Деревенько. Сопровождал Царственных Мучеников в Тобольск, а затем Августейших Детей в Екатеринбург, где в Ипатьевском доме был арестован вместе с И. Д. Седневым. Расстрелян в окрестностях Екатеринбурга. «...Этот простой матрос, – писала М. Старк, – был до последней минуты своей жизни верный в своей любви к Царской Семье. Ничто его не поколебало: и в Екатеринбурге он был все таким же, все так же презрительно, резко отвечал красноармейцам и советским комиссарам и не раз его простые слова заставляли замолкать советчиков. Они чувствовали, что этот матрос как-то выше, чем-то сильнее их и они боялись и ненавидели его. Не случайно он был расстрелян одним из первых».

129. Кровотечение у Наследника началось 3 декабря 1915 г. и прекратилось, согласно дневнику Государя, «к утру следующего дня» (за год до убийства Г. Е. Распутина). Воспоминания П. Жильяра впервые появились во французском журнале «L'Illustration» (Париж. Декабрь 1920 – январь 1921) и почти сразу же были переведены на русский язык. Полный перевод этого издания, с разрешения автора, был помещен в альманахе «Русская летопись» (Вып. I. Париж. 1921). Однако переданный гр. В. Э. Шуленбургом эпизод в нем отсутствует. Появился он лишь в отдельном венском русском издании воспоминаний П. Жильяра (Император Николай II и Его Семья. Вена. 1921. С. 114-115), но без указания на время приостановки кровотечения у Наследника и многих других подробностей. Из чего можно заключить, что публикуемый нами рассказ В. Э. Шуленбурга передан им со слов самого П. Жильяра, с которым мемуарист встречался будучи в швейцарии.

ИЗ ДНЕВНИКА В. И. ГЕДРОЙЦ

Печатается по: Новое о Сергее Гедройц. Предисловие, публикация и комментарии А. Г. Меца // Лица. Вып. 1. СПб. 1992. С. 300-302. Первая публикация: Континент. 1961. № 5. С. 294-305.

ВЕЛИЧИЕ ЕЕ ДУШИ

Печатается по: *Топорков С.* Страница воспоминаний // Военно-исторический вестник. Париж. 1953. № 2. С. 40-44.

Сергей Александрович Топорков (ок. 1883†1961) – полковник 5-го Гусарского Александрийского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. Солдату генерала Ф. А. Келлера, о котором написал и опубликовал несколько воспоминаний. Участник Белого движения. В эмиграции с 1920 г.

130. Автор воспоминаний служил в 5-м Гусарском Александрийском Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полку. Это были т. н. «черные гусары».

131. *Пещерный домовый храм свв. равноапостольных Царей Константина и Елены* был построен при госпитале архитектором С. А. Данини в 1913-1914 гг. Устроен в древневизантийском стиле при участии С. Н. Вильчковского и художника С. И. Вашкова. Освящен 26 октября 1914 г. Утварь и убранство храма были из упраздненной в 1817 г. церкви с таким же престолом, заложенной в 1781 г. в г. Софии у Царского Села. Храм закрыли в 1934 г. Здание цело, но используется под склад. Адрес: ул. Госпитальная, 7.

132. Речь идет о епископе Ковенском, викарии Литовской и Виленской епархии Елевфери (Богоявленском, 1870†1940). Впоследствии митрополит.

«ТРИ СЕСТРИЦЫ»

Из дневника В. Чеботаревой

1914 год

Печатается по: Чеботарева В. В Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915–5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // Новый журнал. № 181. Нью-Йорк. 1990. С. 178-179.

Валентина Ивановна Чеботарева († апр. 1918) – дочь военного врача И. С. Дубягского, супруга генерал-лейтенанта Порфирия Григорьевича Чеботарева (1873†март 1920). Старшая сестра Собственного Ее Величества лазарета в Царском Селе. Скончалась от тифа в Новочеркасске, работая в войсковых лазаретах. Муж скончался в Новороссийске также от тифа. Вела переписку с Царственными Мучениками вплоть до конца января 1918 г.

133. Ломан Ю. Д. Воспоминания крестника Императрицы. СПб. 1994. С. 136.

СОБСТВЕННЫЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ЛАЗАРЕТ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

(Отрывки из неопубликованных воспоминаний
капитана И. В. Степанова)

Печатается по: Собственный Ее Величества Лазарет в Царском Селе. Отрывки из неопубликованных воспоминаний капитана И. В. Степанова // Православная Русь. Джорданвилль. 1978. № 14. С. 10-12; № 15. С. 9-12. Дополнения в квадратных скобках даются по другому, правленому (!) варианту воспоминаний: Степанов И. «Милосердия двери». Лазарет Ее Величества // Возрождение. Париж. 1957. Июль. С. 46-64. Републикация в сб. «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных» (М. 1999. С. 311-345) с необозначенными купюрами. С этими воспоминаниями в рукописи была знакома М. И. Цветаева; ценила их, безуспешно пыталась их опубликовать (Жоркина Е. Б. Поэма о Царской Семье // Марина Цветаева. Статьи и тексты. Wien. 1992. С. 189).

Автор воспоминаний — *Иван Владимирович Степанов* (†1.1.1934) — окончил Императорской училище правоведения (1915) и Павловское военное училище (1916). Капитан. Командир роты Л.-Гв. Семеновского полка. В Добровольческой армии в составе своей роты (дек. 1918). Командир роты Л.-Гв. Семеновского полка в 3-м сводном батальоне 1-й Гвардейской пехотной дивизии (сент. 1919). Командир 1-й роты батальона Л.-Гв. Семеновского полка в 1-м Сводно-гвардейском полку (ноябрь 1919). Командир 1-й роты Л.-Гв. Семеновского полка сводного батальона 1-й Гвардейской пехотной дивизии (январь 1920). Участник Бредовского похода. Вместе с Русской армией эвакуирован из Крыма. В эмиграции находился в Бельгии. Член полкового объединения. Скончался в Брюсселе.

В примечании к публикации читаем: «При объявлении войны Иван Васильевич Степанов, покинув выпускной класс Императорского Училища Правоведения, поступил рядовым добровольцем в Л.-Гв. Семеновский полк. В бою под Владиславовым, в котором полк получил свое боевое крещение, 22 августа 1914 года он был тяжело ранен, награжден Георгиевским крестом 4 ст. и эвакуирован в Петербург. Но в пути, по личному распоряжению Государыни Императрицы Александры Феодоровны, заинтересовавшейся судьбой этого 19-летнего юноши-героя, он был снят в Царском Селе с поезда и отправлен на излечение в только что открывшийся Собственный Ее Величества лазарет. По выздоровлении, в 1915 г. он окончил Училище Правоведения, а в 1916 году, выдержав офицерский экзамен при Павловском военном училище, вернулся в полк, где оставался до полного развала полка после революции, а затем участвовал в гражданской войне в рядах Добровольческой армии на юге России. Умер в 1934 г. в Брюсселе» (Православная Русь. Джорданвилль. 1978. № 14. С. 10).

134. Супруга графа Б. Л. Рейшах-Рита.

135. *Варвара Афанасьевна Вильчковская*, урожд. Вилинбахова (1867†1948) — супруга генерал-майора С. Н. Вильчковского. Была сестрой милосердия Собственного Ее Величества лазарета в Царском Селе. В эмиграции в Югославии, а затем во Франции. Погребена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

136. *Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова* (1886†22.8/4.9.1918) — фрейлина Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Дочь графа Василия Александровича Гендрикова (1857†1912), церемониймейстера Двора (1889); гофмейстера (1896), состоявшего при Императрице Александре Феодоровне; обер-церемониймейстера (12.1.1900) и гр. Софьи Петровны Гендриковой (†1916), урожденной княжны Гагариной. Фрейлина А. В. Гендрикова была одной из самых близких Государыне

особ. Отбыла с Царской Семей в Тобольск, где преподавала Царским Детям историю, а потом последовала с Ними в Екатеринбург, где сразу же по прибытии, 10.5.1918, на вокзале была разлучена с Царственными Узниками и заключена в тюрьму, в больничную камеру. 7 июля была отправлена в Пермь, где в составе группы из 10 человек на ассенизационном поле за городом была зверски убита. Тело ее было найдено белогвардейцами 24.4.1919 и погребено 3 мая по православному обряду в деревянном склепе на Ново-Смоленском кладбище в Перми.

137. *Анна Александровна Вырубова*, урожденная Танеева (14.7.1884 † 20.7.1964) – личная подруга Императрицы Александры Феодоровны. Приняла монашество с именем Мария. Скончалась в Гельсингфорсе (Финляндия).

138. Н. Соловьева, невеста И. Степанова, оставила воспоминания (к сожалению, оказавшиеся для нас недоступными). В них она описала, в частности, свою работу сестрой милосердия в солдатском госпитале, а также посещения своего будущего супруга в Царскосельском лазарете и встречи там с Августейшей его Покровительницей Государыней и Ее Дочерьми (*Соловьева Н. La tristesse Imperiale // Родные дали. № 202. Лос Анжелес (Калифорния). 1971. С. 12-15*).

139. «Всем Великим Княжнам была совершенно чужда гордыня, и когда во время войны Они ухаживали за ранеными, то называли Себя сестрами Романовыми: Романова первая, Романова вторая, третья, четвертая...» (*Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб. 1999. С. 69*).

140. Государыня была Державным Шефом этого полка, имевшего полное наименование «Крымский Конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк».

141. *Царскосельская икона Божией Матери «Знамение»* – древняя святыня Дома Романовых. Судя по всему, написана еще в Византийской Империи. По преданию икону эту привез первоначально в Москву один из православных Восточных Патриархов (возможно, св. Афанасий, Патриарх Константинопольский). Позднее, при перенесении столицы из Москвы в Петербург, эта икона, вместе с другими древними святынями, была перенесена в новую столицу. Особое благоговение к ней имела Императрица Елизавета Петровна. Известно, что Она усердно молилась перед ней перед переворотом, возведшим Ее на Царский Престол. С великим торжеством Она перенесла этот образ в специально построенный Ею для иконы храм в любимом Ею Царском Селе. В крестном ходе участвовал весь Св. Синод и Двор. Чудотворный образ почитала и Императрица Екатерина II, часто молившаяся перед ним. Во время пожара Царского дворца 12 мая 1812 г., по

указанию Императора Александра I, икону вынесли из храма, обратив ликом к бушевавшему пламени. Царь громко воскликнул: «Мать Божия, спаси Мой дом!» Пожар быстро прекратился. В 1831 г., опасаясь повсюду распространявшейся холеры, перед иконой служили молебен и затем обнесли ею крестным ходом Царское Село. Смертоносное поветрие миновало город. В память этого благодеяния было получено Высочайшее соизволение на перенесение образа из иконостаса, где она до сих пор находилась, в саму церковь; а также на учреждение ежегодного крестного хода. В 1848 г. Царское Село, предстательством Божией Матери, вновь было спасено от холеры. В том же году образ необыкновенным образом был украшен дивной ризой. Исполнила это благочестивая девица Мария Давыдова, чудесным образом извещенная Свыше в сонном видении и подвигнутая на это Императрицей Александрой Феодоровной. В 1863 году икона «Знамение» вновь спасла от пожара Царскосельский дворец. Венценосные Хозяева вышли навстречу поднятой по Их желанию иконе и приложились к ней. И лишь только ее понесли вокруг горевшего дворца, пожар почти мгновенно прекратился. Особым почитанием святыни пользовалась у Царственных Мучеников. Вспомним молебен перед ней 2 марта 1917 г., отслуженный по желанию Императрицы. Она же напутствовала Венценосных Узников перед отъездом Их в Тобольск, словно передавая Их под покров другой святыни – Абалацкой иконы «Знамения». В настоящее время Царскосельский образ находится в церкви св. ап. Иоанна Богослова при Петербургской Духовной академии.

142. В угловой гостиной Императрицы Александры Феодоровны в Александровском дворце висел большой гобелен с картины Виже-Лебрен (1787), изображающей Королеву Марию-Антуанетту с детьми (*Бах Э.* Резиденция последних Романовых. Л. 1928. С. 18-19). Этот гобелен, подарок Их Величествам правительства Франции, до сих пор можно видеть в экспозиции Александровского дворца в Царском Селе.

143. Чего стоила одна многозначительная статья в газете «Воля России» (1917. № 30) – «Австриячка» (сопоставление Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны с королем Франции Людовиком XVI и королевой Марией-Антуанеттой).

144. *Вера Николаевна Дюмениль, урожд. Фермор* (1889 †14.8.1965) – в 1915 г. познакомилась с капитаном Дюменилем, представителем Морского министерства Франции при Ставке. Повенчалась с ним в 1918 г. на о. Корфу. Узнав о поражении армии Врангеля, адмирал Дюмениль, командовавший в то время французской эскадрой в Черном море, двинул ее на помощь потерпевшим поражение. В результате были спасены от гибели де-

сятки тысяч русских. Дом адмирала в Константинополе превратился по существу во второе русское консульство. В. Н. Дюмениль жила с супругом в Константинополе, когда тот командовал Французским флотом в Средиземном море (1924-1925). В 1926 г. супруги переехали в Париж, где адмирал стал инспектором флота. Входила в Комитет помощи Зарубежного союза русских военных инвалидов (позднее возглавляла его). Скончалась в Париже. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

145. *Петр Семенович Ванновский* (24.11.1822†16.2.1904) – генерал от инфантерии (1883). Военный министр (22.5.1881-1.1.1898).

146. *Абдул-Хамид II (Abdulhamit II, 1842–1918)* – турецкий султан (1876–1909). Низложен младотурками за попытку вернуть себе неограниченную конституцией власть (27.4.1909).

147. Более подробно, со знанием дела, писала об этом А. А. Вырубова: «О так называемой “охране” читатель, вероятно, слышал, но об организованной охране Их Величеств трудно себе вообразить. У Их Величеств были три рода охраны: “дворцовая полиция, конвой и сводный полк”. Всем этим заведовал Дворцовый комендант. Последним до 1917 года был генерал Воейков. Никто не мог быть принятым Их Величествами или даже подойти ко Дворцу без ведома дворцовой полиции. Каждый из них, а также все солдаты Сводного полка на главных постах вели точную запись лиц, проходивших и проезжавших. Кроме того они были обязаны сообщать по телефону дежурному офицеру Сводного полка о каждом человеке, проходившем во Дворец. Каждый шаг Их Величеств записывался. Если Государыня заказывала экипаж к известному часу, камердинер передавал по телефону на конюшню, о чем сейчас же докладывалось Дворцовому коменданту, который передавал приказание быть на чеку всей полиции: что-де экипаж заказан к 2 часам. Это значило, что везде выходила полиция тайная и явная, со своими записями, следя за каждым шагом Государыни. Стоило Ей остановиться где или поговорить со знакомыми, чтобы этих несчастных сразу обступила после полиции, спрашивая фамилию и повод из разговора с Государыней. Всем сердцем Государыня ненавидела эту “охрану”, которую Она называла шпионажем, но была бессильна изменить раз заведенные порядки» (*Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. С. 136-137).

«Эта “охрана”, – писала далее А. А. Вырубова, – была одним из тех неизбежных зол, которые окружали Их Величества. Государыня в особенности тяготилась и протестовала против этой “охраны”; Она говорила, что Государь и Она хуже пленников; но почему-то Их Величества не могли выйти из этого тяжелого положения, вероятно, другие заботы были слишком велики, что-

бы уделять время на этот предмет. Каждый шаг Их Величеств записывался, подслушивались даже разговоры по телефону. Ничто не доставляло Их Величествам большего удовольствия, как "надуть" полицию; когда удавалось избежать слежки, пройти или проехать там, где Их не ожидали, Они радовались, как школьники» (Там же. С. 107).

148. *Андрей Еремеевич Деревенько* († 1921) – боцман яхты «Штандарт». Дядька Наследника-Цесаревича. Приставлен к Нему в 1905 г. во время плавания Царской Семьи на «Полярной Звезде». Он учил Цесаревича ходить. В 1917 г. был заменен Нагорным. Умер от тифа в Петрограде.

149. *Николай Павлович Саблин* (16.4.1880†21.8.1937) – окончил Морской корпус (1898). Участник русско-японской войны 1904-1905 гг.; во время Цусимского сражения служил на крейсере «Алмаз». Личный друг Императора Николая II. Капитан 1-го ранга. Старший офицер Императорской яхты «Штандарт» (1911-1915). Командир морского батальона Гвардейского экипажа (1916). Командир Императорской яхты «Штандарт» (1916). Флигель-адъютант. Входил в ближайшее окружение Императора и Государыни, пользуясь Их доверием. Во время февральского переворота 1917 г. находился в С.-Петербурге, но в Александровский дворец не пришел. В конце гражданской войны был эвакуирован из Одессы. В эмиграции в Константинополе (лето 1921), в Германии, а затем во Франции. Член Союза взаимопомощи служивших в Российском флоте в Берлине. Скончался в Париже. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

150. *И. В. Степанов* был женихом племянницы Е. А. Шнейдер.

151. *София Ивановна Тютчева* (3.3.1870†13.9.1957) – внучка известного русского поэта. Родилась в Смоленске. Фрейлина Высочайшего Двора, воспитательница Великих Княжен (1907-1912). Поступила туда по рекомендации Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны. Была уволена в связи с интригами против Императрицы, которые она вела при Дворе. Двоюродная сестра епископа Владимира (Путятин) – после революции известного раскольника, изверженного из сана и расстриженного. Скончалась в Муранове, родовом имении Тютчевых. Погребена в с. Рахманово (Московская область).

152. *Великий Князь Константин Константинович* (10/23.1858†2/15.6.1915) – внук Императора Николая I и племянник Императора Александра II. Президент Императорской Академии наук (1899). Поэт, писавший под псевдонимом «К. Р.»

153. *Князь Игорь Константинович* (29.5.1894†18.7.1918) – сын Вел. Кн. Константина Константиновича. Офицер Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. Убит под Алапаевском. Погребен при Свято-Серафимовском храме в Пекине.

154. *Князь Константин Константинович* (20.12.1890 † 18.7.1918) – сын Вел. Кн. Константина Константиновича. Офицер Лейб-Гвардии Измайловского полка. Во время Германской войны спас полковое знамя, за что был награжден орденом Св. Георгия IV степени. Убит под Алапаевском. Похоронен при Свято-Серафимовском храме в Пекине.

155. *Великая Княгиня Виктория Феодоровна* (Виктория-Мелита), урожденная принцесса Саксен-Кобург-Готская (1876†1936) – в первом браке (1894-1901) за Эрнстом-Людвигом, Великим герцогом Гесенским (братом Императрицы Александры Феодоровны). Во втором (8.10.1905) за Великим Князем Кириллом Владимировичем. Православие приняла к январю 1907 г. В 1917 г. с семьей уехала в Финляндию; в 1920 г. переехала в Швейцарию, оттуда – в Германию, в Кобург, где у нее был собственный дом; затем семья переехала во Францию в Сен-Бриаке, в Бретани, где купила небольшое имение. Скончалась в Париже, была похоронена в Кобурге с мужем в семейной усыпальнице герцогов Кобург-Готских. Останки супругов в 1995 г. перезахоронены в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора С.-Петербурга.

156. *Великая Княгиня Ксения Александровна* (25.3.1875 †20.4.1960) – Сестра Императора Николая II. Замужем (25.7.1894) за Великим Князем Александром Михайловичем (1866 † 1933).

157. Характерно, что составитель книги, в которую вошли и публикуемые нами воспоминания (прот. А. Шаргунов), выбросил, без положенного обозначения купюры, этот и предыдущий отрывки, касающиеся Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны.

158. *Великая Княгиня Мария Павловна Старшая* (1854 †1923) – урожденная Принцесса Мекленбург-Шверинская, супруга Вел. Кн. Владимира Александровича (1847†1909); мать Вел. Кн. Кирилла Владимировича. После замужества оставалась протестанткой; приняла Православие лишь 10.4.1908. Характерны ее интриги против Царской Семьи, вплоть до преступной попытки организации заговора.

159. *Великий Князь Борис Владимирович* (12.11.1877 †26.10/8.11.1943) – внук Императора Александра III, третий сын Вел. Кн. Владимира Александровича и Вел. Кн. Марии Павловны Старшей, двоюродный брат Императора Николая II. После окончания Николаевского кавалерийского училища (1896) выпущен в Лейб-Гвардии Гусарский полк. Флигель-адъютант (1896). Участник русско-японской и Великой войн. Командир Лейб-Гвардии Атаманского полка (20.3.1914-17.9.1915). Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества (1914). Походный атаман всех казачьих войск при Верховном главнокомандующем (17.9.1915) и при Государе Императоре (4.10.1915).

В отставке (с 7.8.1917). Находясь после февральского переворота 1917 г. некоторое время под домашним арестом в Павловске, вскоре выехал к своей матери и младшему брату Андрею в Кисловодск. Эмигрировал во Францию (1919). Жил в Бельвю. В 1926 г. выехал в США. Член полкового объединения Лейб-Гвардии Семеновского полка. Скончался в Париже. Похоронен рядом с могилой матери в небольшой часовне курортного городка Контрексевиля (департамент Вогеze).

160. *Великая Княгиня Елена Владимировна* (17.1.1882†13.3.1957) – замужем (16.8.1902) за Греческим королевичем Николаем Георгиевичем (1872†1938).

161. *Дмитрий Яковлевич Малама* (†1919) – окончил Пажеский корпус. Впоследствии штабс-ротмистр Л.-Гв. Уланского Ее Величества полка. Участвовал в гражданской войне. В Вооруженных силах Юга России состоял в эскадроне своего полка. Погиб в боях под Царицыным.

162. *Владимир Александрович Элис* (1890†4.9.1961) – окончил Пажеский корпус (1911). Впоследствии штабс-ротмистр, командир эскадрона Л.-Гв. Уланского Ее Величества полка. В Южной армии с 10.10.1918 в эскадроне своего полка. В Вооруженных силах Юга России (с 1.1.1919). Переводчик при французском командовании. В Отряде особого назначения Крымско-Азовской армии (2.3.1919). Эвакуирован из Новороссийска в Салоники (23.2.1920), а затем в Югославию. После второй мировой войны в эмиграции в Аргентине. Скончался в Буэнос-Айресе.

163. *Николай Константинович Карангозов* (1892 †5.5.1963) – сын генерал-майора. Учился в Одесском кадетском корпусе (1910). Окончил Пажеский корпус (1913). Выпущен в Л.-Гв. Кирасирский Его Величества полк. Впоследствии штабс-ротмистр. В Киеве (1918). В Вооруженных силах Юга России командир эскадрона. Резерв чинов ремонта. Ротмистр. Эвакуирован из Крыма в Катарро (Югославия). После второй мировой войны в эмиграции в Аргентине. Полковник. Скончался в Буэнос Айресе. Супруга Елена Константиновна (1882†?). См. его воспоминания: Последний полковой праздник Л.-Гв. Кирасирского Его Величества полка в Царском Селе, 21.6.1914 г. // Кирасиры Его Величества, 1902-1914. Последние годы мирного времени. Сост. Н. М. Девлет-Кильдеев, Б. А. Доленга-Ковалевский. Б. м., Б. г. С. 147-154. Во время пребывания в Царскосельском лазарете ему делали операцию аппендицита.

164. «Я слышала, что Малама и Элис еще в полку», – писала Государыня А. А. Вырубовой 23 января 1918 г. из Тобольска.

165. *Николай Сергеевич Крат* – окончил Одесский кадетский корпус (1907) и Александровское военное училище. Офицер Л.-Гв. Литовского полка. Только в первый год войны он был

дважды ранен. В письме Государю 2.3.1915 Императрица пишет о нем: «Дай Бог, чтобы его опять не ранили! В первый раз его ранили в правую руку, в следующий раз в левую руку и в легкие навылет. Крым ему бесконечно помог». Упомянут этот офицер также в письме Вел. Кн. Ольги Николаевны М. С. Хитрово от 19 февраля 1918 г. из Тобольска. В нем Она пишет, ссылаясь на письмо к ней сестры милосердия О. П. Грековой, вышедшей замуж за барона Таубе, о том, что «Крат жив, был в Киеве». В Добровольческой армии состоял в Сводно-гвардейском полку. Командир роты особого назначения в Крыму (12.11.1918). Командир роты в Сводно-гвардейском полку (1919). Эвакуирован из Крыма в Галлиполи. В эмиграции в Болгарии.

166. *Гординский* – офицер 15-го Гусарского Украинского Великой Княгини Ксении Александровны полка.

167. *Княгиня Ольга Валериановна Палей*, урожд. Карнович (2.12.1865 † 2.11.1929) – в первом браке (1884) за генерал-лейтенантом Э. А. фон Пистолькорс (1853-1935); во втором (27.9.1902), морганатическом, – за Вел. Кн. Павлом Александровичем. От Баварского короля получила титул графини Гогенфельзен (1904), а в России – княгини Палей (28.8.1915). Эмигрировала во Францию, где и скончалась.

168. *Екатерина Сергеевна Мин*, урожд. княжна Волконская († 1917) – вдова командира Л.-Гв. Семеновского полка, Свиты Его Величества ген.-майора Г. А. Мина. При покушении на супруга на вокзале в Петергофе (13.8.1906) террористка З. Конопляникова сделал несколько выстрелов и в жену, пытавшуюся остановить стрелявшую.

169. Это подтверждает в своих воспоминаниях дочь Лейб-медика: *Мельник (рожд. Боткина)*. Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. М. 1993. С. 41.

170. О Давиде Ивановиче Грабовском (Императрица в Своих письмах называет его Грабовым), офицере 14-го Грузинского Наследника Цесаревича Алексея Николаевича полка, позднее (см. Ее письмо от 13.4.1915) рассказал Государыне командир этого полка. Имя молодого офицера дважды упоминалось в приказах по корпусу. Он был одновременно представлен к награждению Георгиевским крестом и золотым оружием.

171. Имеется в виду *пещерный храм Равноапостольных Царей Константина и Елены*.

172. *Евгений Матушкин* – лекарь 21-го Восточно-Сибирского Императрицы Александры Феодоровны полка.

173. *Николай Васильевич Осипов* – генерал от инфантерии, Царскосельский комендант.

174. Имеется в виду Казанское Братское кладбище в Царском Селе.

175. *Георгий Александрович Яковлев* – выпущен офицером (1904). Служил в Лейб-Гвардии Уланском Императрицы Александры Феодоровны полку. Заведовал санитарным поездом Великой Княжны Марии Николаевны. В эмиграции во Франции. Скончался после 1938 г.

176. Имеется в виду Д. И. Грабовский.

177. *Александр Афиногенович Орлов-Балтийский* (1865†1908) – генерал-майор Свиты Его Императорского Величества. Командир Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. За доблесть и решительные действия при подавлении революционных беспорядков в Прибалтийских губерниях 1905 г. получил титул «Балтийского».

178. *Граф Константин Николаевич Литке* (†31.8.1915) – полковник Лейб-Гвардии Преображенского полка.

179. *Барон Дмитрий Фердинандович Таубе* – офицер Л.-Гв. 1-го Стрелкового Его Величества полка.

180. *Василий Яковлевич Пантюхин* – действительный статский советник, почетный Лейб-медик, причисленный к Императорской главной квартире.

181. *Князь Александр Павлович Абамелек* (10.8.1851†26.2.1923) – родился в Петроверовке Херсонской губернии. Окончил Новороссийский университет. Штабс-ротмистр Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка в отставке. Женат на Анне Ивановне, урожд. Гижицкой (1852†?). После революции в эмиграции в Югославии. Скончался от воспаления легких в Нише.

182. Церковь иконы Божией Матери «Утоли моя печали».

183. «Летом 1915 года в Петрограде в Зимнем Дворце был открыт лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Раненые поступали в лазарет с Иорданского подъезда со стороны Невы. Приемная лазарета и сортировочная располагались в вестибюле. Там же была установлена подъемная машина для тяжело раненых. Лазарету были отданы аванзал, Николаевский зал с прилегающей к нему Восточной галереей, большой Фельдмаршальский, Петровский, Александровский, Гербовый залы, Военная галерея памяти героев Отечественной войны 1812 года. В Колонном зале расположилась грандиозная операционная, оснащенная самым современным оборудованием, в Помпейском садике установили ванны для водных процедур. Все картины и ценности, находившиеся там в мирное время, оставались на местах, скульптуры и наиболее ценные полотна были закрыты деревянными щитами и покрывалами. Со стен сняли лишь золотые и серебряные блюда – дары Русским Царям.

Лазарет был рассчитан на тысячу раненых и больных воинов, которых обслуживали сто восемьдесят санитаров, шестьдесят

сестер милосердия и десять врачей во главе доктором Рудковским. Работы по переоборудованию Царских зал под лазарет проводились за счет Дворцового ведомства. Общество Красного Креста оборудовало лазарет мебелью, снабдило постельным бельем и медикаментами.

Освящение этого крупнейшего в России лазарета состоялось 10 октября 1914 года. После полудня к Зимнему Дворцу стали съезжаться приглашенные на торжество официальные лица. В числе их были статс-дама Нарышкина, графиня Гендрикова, военный министр А. А. Поливанов, князь Шервашидзе, генерал-лейтенант барон Ф. Е. Мейендорф, председатель Государственной думы М. В. Родзянко, начальник Петроградского военного округа генерал-майор Туманов и другие высокопоставленные лица. Молебен по случаю открытия лазарета было намечено провести в Николаевском зале.

Роскошный Николаевский зал с его великолепными массивными колоннами гармонировал с больничным убранством кроватей, белоснежными пикейными одеялами и пуховыми подушками.

К трем часам дня в Николаевском зале собрался также весь медицинский персонал во главе с главным врачом Рудковским, санитары и сестры милосердия во главе со старшей сестрой Матюшкиной.

Ровно в три часа дня из внутренних покоев Зимнего Дворца в Николаевский зал вошли Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, Августейшая Покровительница Российского общества Красного Креста, Императрица Александра Феодоровна с Дочерьми в сопровождении Принца Александра Петровича Ольденбургского, назначенного верховным начальником санитарно-эвакуационной части.

Водосвятный молебен начался с благословения протопресвитера Дернава и его пожелания скорейшей победы российскому воинству над грозным противником. Затем залы, переданные под лазарет, были окроплены святой водой. Через несколько месяцев лазарет начал полностью функционировать» (*Хечингов Ю. Е. Ангелы-хранители. Страницы истории Отечества. М.: 1993. С. 48-49*).

184. *Алексей Николаевич Кривцов* – тайный советник, сенатор, присутствующий в уголовно-кассационном департаменте и первоприсутствующий для суждения дел о государственных преступлениях, председатель чрезвычайной следственной комиссии

185. По всей вероятности, речь идет о Павле Павловиче Вероля или его супруге Александре Николаевне (урожд. графине Остернбург, дочери Принца Николая Петровича Ольденбургского).

186. *Наталья Ивановна Оржевская*, урожд. княгиня Шаховская – вдова ген. П. В. Оржевского. Попечительница Житомирской общины сестер Красного Креста. Входила в состав делегации, обследовавшей положение русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии.

«СКОРБНЫЙ АНГЕЛ»

Из дневника В. Чеботаревой

1915 год

Печатается по: *Чеботарева В.* В Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915–5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // Новый журнал. № 181. Нью-Йорк. 1990. С. 180–183, 175–176, 179–180, 183–189, 192–203, 206, 208.

187. Иван Богданович Стреблов.

188. *Владимир Александрович Комаров* – генерал-лейтенант, командир Л.-Гв. Собственного Его Величества Сводного полка. Начальник Петроградского Дворцового управления (1914).

189. А. С. Танеев (см. прим. 60) и супруга его, *Надежда Илларионовна Танеева*, урожденная Толстая (1859†1937) – дочь ген.-лейт. И. Н. Толстого, правнучка генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова. Скончалась в Финляндии.

190. *Акилина Никитична Лаптинская* (1876†?) – крестьянка Святошечкой волости Городецкого уезда Могилевской губернии. Одна из почитательниц Г. Е. Распутина, с которым познакомилась в 1907 г. Несла у него обязанности секретаря.

191. В Императорской Гвардии в это время служили два брата *Заливских*: *Николай Адамович* (†11.3.1919) – штабс-капитан Л.-Гв. Преображенского полка; впоследствии участник Белого движения, убитый во время гражданской войны. Его брат – *Александр Адамович* (†13.11.1973) – окончивший Пажеский корпус (1914), был штабс-ротмистром Л.-Гв. Кирасирского Его Величества полка. В годы гражданской войны был представителем главнокомандующего Вооруженными силами Юга России в Константинополе. Эмигрировал. Жил во Франции и США (с 1936), где и скончался в Фридоме (штат Нью-Гэмпшир).

192. Супруг автора дневника, генерал-майор П. Г. Чеботарев, командовавший 58-й артиллерийской бригадой, находился в это время в осажденной немцами крепости Новогеоргиевск. В. И. Чеботарева порывалась ехать туда, чтобы помочь ему преодолеть «тяготы боевой жизни».

193. Отголоски подобных разговоров Дочерей, ранивших, безусловно, любящее сердце Государыни, запечатлены в письме Вел. Княжны Татьяны Николаевны и ответе на него Матери. (29.10.1914): «Пожалуйста прости меня, дорогая Мама, если когда-нибудь невольно я обидела Тебя, сказав что-нибудь о Твоей

прежней родине, но, в самом деле, если я действительно что-то говорю не подумав, что могу Тебя задеть, потому что, когда я думаю о Тебе, я представляю, что Ты наш Ангел, дорогая Мама, что Ты русская, и всегда забываю, что это не всегда было так, что у Тебя была другая родина, прежде чем Ты приехала сюда, к Папе. Пожалуйста, прости меня, Дорогая». (29.10.1914): «Спасибо, Солнышко, за твои любящие слова. Вы, девочки Мои, Меня не обижаете, но те, кто старше вас, могли бы иногда и думать... но все вполне естественно. Я абсолютно понимаю чувства всех русских и не могу одобрять действия наших врагов. Они слишком ужасны, и поэтому их жестокое поведение так Меня ранит, а также то, что Я должна выслушивать. Как ты говоришь, Я вполне русская, но не могу забыть Мою старую родину» (*Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова*. Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание. М. 1999. С. 350-351).

194. Офицер 15-го Гусарского полка, опекавшийся А. А. Вырубовой.

195. Александр Александрович Эверман – доктор медицины. Упоминается в письмах Царицы Государю.

196. Имеется в виду духовник Царской Семьи (с фев. 1914 г., после прот. Николая Кедринского), протоиерей Александр Петрович Васильев (1867†5.9.1918) – происходил из крестьян Смоленской губернии; учился в известной Татевской школе С. А. Рачинского. Окончил С.-Петербургскую духовную академию (1893). Долго служил в храме Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в С.-Петербурге. Законоучитель в нескольких столичных гимназиях; проповедывал среди рабочих Нарвского района. Пользовался известностью выдающегося народного проповедника. Законоучитель Царских Детей (1910), пресвитер придворного собора «Спаса Нерукотворенного Образа» при Императорском Зимнем дворце (с 1895). Первый настоятель Феодоровского Государева собора в Царском Селе в память 300-летия Дома Романовых (с 1913). Предавал земле тело Г. Е. Распутина. Близкий родственник о. Николая Беляева. У него была большая, благочестиво настроенная семья. Расстрелян в Петрограде.

197. В 1910 г. духовник Императрицы епископ Феофан «должил Царице, что ему на исповеди такая-то открывала нехорошее по отношению поведения Григория. Каково же было глубоко верующей Императрице слышать от своего духовника то, что ему было открыто на исповеди! [...] Царице было известно каноническое постановление о строжайшем наказании духовников, которые дерзают нарушить тайну исповеди включительно до низведения подобных духовников в первобытное состояние. Этим своим поступком, недопустимым для духовника, он решительно

оттолкнул от себя так преданную доселе духовную дочь-Царицу...» (*Игумен Серафим. Православный Царь-мученик. Русская тип. при Духовной миссии. Пекин. 1920. С. 67*). К тому же впоследствии женщина, сообщившая вл. Феофану что-то плохое о Распутине, отказалась от своих слов. Сам епископ Феофан так позднее вспоминал об этой встрече, состоявшейся весной 1910 г. Он решил «поведать все бывшему Императору [...] Однако принял меня не Император, а Его Супруга Александра Феодоровна в присутствии фрейлины Вырубовой. Я говорил вполголоса и доказывал, что Распутин находится в состоянии "духовной прелести". Бывшая Императрица возражала мне, волновалась, говорила из книг богословских, причем видно было, что Ее кто-то, скорее всего Распутин, научил так говорить» (*Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. М. «Слово». 1992. С. 115*). До представлявшегося на этом «основании» «падения» Г. Е. Распутина Владыка следующим образом оценивал его личность перед следователями Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Он не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа» (*Бэтис Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи Святитель Феофан Полтавский (1874–1940). М. 1994. С. 47*). И далее: «У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений (между Царской Семьей и Распутиным – С. Ф.). Я официально об этом заявляю, как бывший духовник Государыни. Все отношения у Нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Евфимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь. И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Феодоровне...» (Там же. С. 46).

198. *Полковник Дмитрий Николаевич Ломан* (1868†1918) – потомок выходцев из Швеции. В 6-летнем возрасте был записан в Павловское военное училище. Выпущен в 145-й Новочеркасский пехотный полк. Подпоручик. Переведен в Лейб-Гвардии Павловский полк (1892). И. о. хозяина офицерского собрания Л.-Гв. Павловского полка (1894). Председатель правления С.-Петербургского общества грамотности, председатель Комитета народного чтения (1894). Штабс-капитан (1901). Уже тогда сослуживцы о нем говорили: «У нас все наоборот, полковой священник отец Николай печется о дисциплине солдат, а капитан Ломан о их душе». Член Комитета по построению церкви для Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка

(1910). Полковник (1913). Штаб-офицер для особых поручений при Дворцовом коменданте. Активный член Императорского Палестинского общества. Председатель Комитета по делам строительства домов Феодоровского городка (1913). Ктитор Государева Феодоровского собора в Царском Селе (1915). Главноуполномоченный Императрицы Александры Феодоровны по Ее Имени Царскосельскому полевому военно-санитарному поезду № 143 и Военно-санитарной колонне. Начальник Царскосельского лазарета № 17 Великих Княжен Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. Наблюдающий за командою санитаров и внутренним порядком в Серафимовском убежище-лазарете № 79 (Вырубовой). Высочайшим приказом по военному ведомству назначен состоящим при министре Императорского Двора (24.12.1916). Автор нескольких брошюр о Царствующем Доме и о достопримечательностях Петербурга. Организатор вечеров в Собственном Ее Величества лазарете в Царском Селе. Оказывал покровительство С. А. Есенину, служившему санитаром при военно-санитарном поезде. Будучи знатоком и ценителем русской старины, был одним из инициаторов Общества возрождения художественной Руси. Вице-председатель Общества. Состоял в переписке с В. М. Васнецовым, М. В. Нестеровым, А. В. Шусевым и др. В марте-апреле 1917 г. находился под арестом в Петропавловской крепости. Сдав Феодоровский городок по акту (июнь 1918), поселился с семьей в Петрограде. Ежедневно ходил в церковь. Расстрелян в ходе красного террора после убийства Ленина и Урицкого в сентябре 1918 г., сказав перед арестом: «Я христианин, смерти не боюсь».

199. *Дмитрий Сергеевич Арсеньев* (14.9.1832 †14.9.1915) – из дворян. Окончил Морской кадетский корпус. Назначен воспитателем Великих Князей Сергея и Павла Александровичей. Генерал-адъютант (1894). Адмирал (1900). Начальник Николаевской морской академии и Морского училища. Член Государственного Совета (1.4.1901).

200. Дочь В. И. Чеботаревой – Валентина (Аля).

201. *Григорий Порфирьевич Чеботарев* (1899†1985) – воспитанник младшего курса Императорского Училища правоведения. Прапорщик (1916). В годы гражданской войны воевал на Дону. Хорунжий (1919). Эмигрировал. Инженер-строитель. Профессор Принстонского университета в США (1937-1970).

202. *Елена Николаевна Курис* – соседка Чеботаревых в Царском Селе.

В ЛАЗАРЕТЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Печатается по: *Генерал-майор И. Т. Беляев*. В лазарете Ее Величества // *Дворянское собрание*. Вып. 8. 1998. С. 31-42. Публикация двоюродной внучки автора И. В. Кузнецовой.

В комментариях использованы справки публикатора.

Автор воспоминаний – *Иван Тимофеевич Беляев* (19.4.1875 †19.1.1957) – окончил 2-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893). Выпущен офицером в Л.-Гв. 2-ю артиллерийскую бригаду. Переведен на Кавказ. Командир батареи 1-го Кавказского дивизиона. В начале Великой войны вместе со своей батареей попал на Юго-Западный фронт. Кавалер ордена св. Георгия IV ст. (1915). Командир 4-го Отдельного полевого тяжелого дивизиона. Генерал-майор. Командир артиллерийской бригады Кавказского фронта. Участник Белой борьбы. Сражался с большевиками в составе Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Командир батареи (1918). Начальник артиллерии 1-й конной дивизии (авг. 1918). Инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса (17 марта–ноябрь 1919). Инспектор артиллерии Кавказской армии. Эвакуировался из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер» (25.3.1920). Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии и в Парагвае (с 1924). Сыграл большую роль в переселении в эту страну русских. В Париже было напечатано его письмо к русским эмигрантам, призывавшее переселяться в Парагвай. Служил там в армии (с 1931). Генерал-лейтенант. Был консультантом военного министра Парагвая. Отличился в войне с Боливией, в которой Парагвай, во многом благодаря участию в ней русских эмигрантов, одержал решительную победу. Во время войны он одновременно изучал малоизвестную в то время пустыню Чако. Узнал обычаи, быт и языки индейцев. Переводил на европейские языки их песни. Возглавлял правительственную миссию по землеустройству индейских племен (1930-е гг.). Скончался в Асунсьоне. Погребен в первой оседлой индейской колонии на острове близ Асунсьона, как «духовный отец этих детей природы». Индейцы племени макко до сей поры ухаживают за могилой и бережно сохраняют часть рукописного наследия генерала.

Среди прочего И. Т. Беляеву принадлежат воспоминания «Прошлое русского изгнанника», написанные им в Парагвае, небольшую часть которых мы и предлагаем вниманию наших читателей.

203. *Александра Александровна Беляева* – скончалась в Асунсьоне (Парагвай) 22 января 1961 г.

204. *Павел Дмитриевич Шитов* (1860†1919? 1923?) – окончил Пажеский корпус (1882). Офицер Л.-Гв. Преображенского полка. Командир 21-го Восточно-Сибирского Императрицы Александры Феодоровны полка. Генерал-лейтенант. Начальник пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. Расстрелян в Петрограде.

205. *Тимофей Михайлович Беляев* (1843†1915) – генерал от артиллерии. Со стороны матери происходил из грузинских князей Кадыани. Первая супруга М. И. Беляева, урожденная Эллиот.

206. *Мария Николаевна Беляева* (†30.1.1934) – вторая жена ген. М. И. Беляева, мачеха автора. Скончалась в Париже.

207. *Николай Тимофеевич Беляев* (1879†6.11.1955) – окончил 2-й кадетский корпус (1896), Михайловское артиллерийское училище (1899) и Михайловскую артиллерийскую академию (1901-1904). Владел в совершенстве всеми европейскими языками. Командирован за границу. Работал в лучших лабораториях Германии, Англии и Франции. Преподавал химию в Михайловской артиллерийской академии. Полковник. Командовал батареей Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригады. Контужен. Служил в Русском заготовительном комитете по снабжению Русской армии в Англии. Будучи посланным в командировку в Англию, после революции не вернулся в Россию. Профессор. Ученый металлург. Работал в области исследования булатной стали. Член совета Минералогического общества, а также Общества аэропланых инженеров и Королевского института. Действительный член Общества гг. офицеров Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригады в Англии. Вел исследования в области археологии и истории. Член научного общества исследования древних саг. Автор гипотезы о тождестве Рюрика Начальной Русской летописи и Рюрика Ютландского и о кольцевом (вокруг Европы) движении скандинавов. В конце 1930-х переехал во Францию. Действительный член Русской Академической группы в Париже. Скончался в Париже.

208. *Эдуард Карлович Гермониус* (†5.10.1938) – генерал-лейтенант. Скончался в Бейруте (Ливан).

209. *М. Т. Блок* (1866†1922).

210. *Ольга Порфирьевна Грекова* – после революции вышла замуж за барона Д. Ф. Таубе. Брак этот нашел отражение в переписке Царственных Мучеников, находившихся в заточении.

211. Речь идет о *Владимире Тимофеевиче Беляеве* (1870†1942).

212. Вопрос этот не был праздным и, действительно, волновал Государыню. По словам брата Государыни Великого герцога Гессенского Эрнста-Людвига, относящимся к весне 1915 г., «в Германии нет настоящей ненависти к России». Между тем, к апрелю 1915 г. в Германии было 500 000 русских пленных (письмо Государыни 17.4.1915). Принц Макс Баденский (ум. 1928), последний канцлер Германской Империи, согласно дневниковой записи ст. сестры Лазарета Ее Величества, был «назначен заведовать русскими военнопленными – по данным Шитарева их в Германии 1.500.000! Говорят, что Макс Баденский любит и уважает русских, что надеется облегчить положение военнопленных...» (*Чеботарева В. В.* Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915–5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // Новый журнал. № 181. Нью-Йорк. 1990. С. 193). Вспомним также вопрос Императрицы, который,

будучи в Ставке, Она задала бежавшему из плена ген. Л. Г. Корнилову. По свидетельству ученого-химика В. Н. Ипатьева (1867-1952), «Государыня спросила его, как в австрийском плену обращаются с русскими пленными; генерал ответил Ей: "хуже, чем с собаками". На лице Государыни отразилось большое неудовольствие и недоверие, и Она сухо прекратила с ним разговор» (Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Т. 1. Нью-Йорк. 1945. С. 526).

213. *Сергей Тимофеевич Беляев* (1867†1923) – генерал-лейтенант.

214. *Михаил Тимофеевич Беляев* (18.7.1869†1951) – окончил 2-й кадетский корпус (1887), Михайловское артиллерийское училище (1890) и Офицерскую артиллерийскую школу. Участник Великой войны. Командир 1-го дивизиона Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-майор. И. д. инспектора артиллерии армейского корпуса. Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант. Во время гражданской войны воевал в составе Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. Командир конно-горного дивизиона под Царицыном. Эвакуирован в Югославию.

215. *Тимофей Тимофеевич Беляев* (1880†1918) – полковник, командир батареи Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады. С др. офицерами утоплен большевиками на барже в Кронштадте.

216. *Давид Сергеевич Иедигаров* – ротмистр 17-го Драгунского Нижегородского полка.

217. *Петр Петрович Баранов* (9.5.1843-9.12.1924) – генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1910). Лютеранского вероисповедания. Окончил Пажеский корпус (1861). Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Женат на Ольге Валериановне, урожд. Бибиковой (1845†22.8.1933). Командир Лейб-Гвардии Уланского Императрицы Александры Феодоровны полка (1891-1897). Генерал-лейтенант (1900). Командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Гофмейстер; управляющий Двором Великого Князя Михаила Николаевича (с 10.2.1902). Октябрист. Член Государственного Совета по выборам (2.11.1907-12.6.1909). В 1915 г. производил расследование о действиях ген. Курлова в Прибалтийском крае. В эмиграции в Эстонии. Скончался в Ревеле.

218. Находившийся там на излечении корнет С. В. Марков вспоминал «лазарет Е. Ф. Лианозовой, устроенный ею на своей чудной даче, на Павловском шоссе, не только по последнему слову гигиены, но прямо-таки роскошно. Старшей сестрой лазарета была М. Г. Ливен, сестра мужа Е. Ф., очень милая немолодая уже женщина, а младшей – Клавдия Михайловна Битнер, вышедшая впоследствии замуж за офицера Е. С. Кобылинского, после февральского 1917 г. переворота коменданта Александровского дворца, а потом сопровождавшего Царскую Семью в Тобольск]. Лазарет был рассчитан на 16 человек. [...]

Какой редкой доброты и сердечности была эта полная женщина [Е. Ф. Лианозова], золотистая блондинка, с громадными глазами цвета морской волны, имевшими какую-то особенную притягательную силу, и подкупавшая всех своей ласковостью.

На содержание лазарета она тратила по тем временам бешеные деньги. Мы спали чуть ли не на голландском полотне и покрывались дорогими одеялами верблюжьей шерсти, щеголяя по лазарету в сафьяновых туфлях и мягких теплых халатах от Друса (английский магазин). Кухня лазарета по своей изысканности могла конкурировать с рестораном Кюба...

Кроме того, Е. Ф. содержала на свои средства половину одного из отрядов Кауфманской общины и посылала в различные части подарки на десятки тысяч рублей. Е. Ф. принимала нас, офицеров, когда мы ездили в Петербург, на своей роскошной квартире на Сергиевской, где нас закармливали свежей икрой, сигами и великолепными тонкими ужинами.

Многие офицеры, не привыкшие к такой обстановке и еде, в лазарете просто терялись и не знали, что им делать, но зато были и такие, которые доходили в своих претензиях до такого безобразия и распушенности, что даже по ночам требовали себе шоколаду, а один из них при мне потребовал каких-то особенных конфет, которые, я уже и сам не знаю как, были доставлены служителем, бегавшим в город...

Вообще, господа офицеры во всех лазаретах Царского Села были обставлены более, чем прекрасно. Так, например, для поездок к врачам-специалистам конюшенное ведомство отпускало им придворные экипажи, и в них часто можно было видеть фигуры, мало внушающие доверие, вроде Комарова [прапорщика-эсера], развалившиеся в небрежных позах в ландо с кучером и выездным в придворных ливреях. Словом, офицеры, как и солдаты, лежавшие в Царском Селе, были обставлены так, что, кажется, им только птичьего молока не хватало» (Марков С. В. Покинутая Царская семья. М. 2002. С. 66-67).

219. *Лев Захарович Силаев* – флигель-адъютант, полковник 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка. Впоследствии он намечался в этот полк командиром, но отказался по болезни. Во время Великой войны состоял в Свите Государя.

220. *Романовский институт физических методов лечения* в Севастополе называли в то время «последним словом науки, гордостью Крыма».

221. Имеется в виду Бесплатный родильный приют М. А. Дрожжиной, располагавшийся в Царском Селе на Павловском шоссе.

222. *Степан Леонидович Николаев* – офицер Крымского конного Ее Императорского Величества Государыни Императрицы

Александры Феодоровны полка; впоследствии 4-го Харьковского уланского полка.

223. Виктор Эрастович Зборовский (1889 †9.10.1944) – из казаков станицы Ладожской Кубанской области. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1907) и Николаевское кавалерийское училище (1909). Подъесаул Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Участник первой мировой войны. Георгиевский кавалер. Награжден Золотым оружием. Сотник. В мартовские дни 1917 г. был при Государыне, Наследнике и Царских Детях в Царскосельском Александровском дворце. Состоял в переписке с Царственными Узниками. Во время гражданской войны воевал в Добровольческой армии. Участник Ледяного похода в составе конного отряда полковника Кузнецова. Служил в Кубанском гвардейском дивизионе (лето 1918). Есаул (январь 1919). Полковник (весна 1919). Командовал названным дивизионом под Царицыном. Командир бригады в дивизии генерала Крыжановского (июль 1919). Начальник Кавказской горской дивизии (декабрь 1919). Служил в конное главнокомандующего Вооруженных сил Юга России (февраль 1920). Назначен командиром этого конвоя (март 1920). Участвовал в Кубанском десанте (август 1920). Тяжело ранен. Эвакуирован в составе Русской армии на о. Лемнос, где был командиром Кубанского гвардейского дивизиона (лето 1921). Генерал-майор (1921). Начальник Кубанской казачьей дивизии в Югославии (осень 1925). Во время второй мировой войны сражался в рядах Русского корпуса в Сербии. Командир 1-го казачьего полка (1941). Был смертельно ранен в живот в бою под Ново-Село (26.9.1944). Награжден германским Железным крестом 2-го класса. Скончался от ран в Граце (Австрия).

224. Александр Константинович Шведов – офицер Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Состоял при Императорской главной квартире. Сотник. В мартовские дни 1917 г. был в Ставке. Часто упоминается в письмах Царственных Мучеников и дневнике Государыни. Скончался в тюрьме.

225. Георгий Антонович Рапшль (†31.3.1918) – из дворян Кубанской области. Офицер Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Есаул. Командир Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни. В феврале 1917 г. нес службу в Царской Ставке в Могилеве. Полковник. В Добровольческой армии с начала 1918 г. Служил в Кубанском отряде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Командир Кубанского дивизиона в 1-м Конном полку. Убит под Екатеринодаром.

226. Николай Яковлевич Седов (1896†?) – штабс-ротмистр Крымского конного Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. Был знаком с

А. А. Вырубовой и Ю. А. Ден, особо близкими Государыне. После революции вошел в монархическую группу, возглавлявшуюся Н. Е. Марковым-2-м. Ездил в Тобольск с целью освободить Царскую Семью. Помогал следователю И. А. Сергееву в расследовании цареубийства в Екатеринбурге. Уехал на Юг России. Участник Белого движения. После гражданской войны в эмиграции. Принял монашеский постриг с именем Серафим. Архимандрит. Проживал в Св. Земле.

227. *Надежда Сергеевна Коцебу* (†18.9.1924) – дочь гр. С. Толстого и Надежды Викторовны, урожд. княжны Волконской. Супруга полковника Лейб-Гвардии Императрицы Александры Феодоровны Уланского полка А. П. Коцебу (1876†после 1938), адъютанта Вел. Кн. Николая Николаевича; последнего командира 16-го драгунского Тверского Наследника Цесаревича Алексея Николаевича полка. После революции эмигрировала во Францию. Скончалась в Нице.

228. Ребенка офицера 21-го Восточно-Сибирского Императрицы Александры Феодоровны стрелкового полка Коробчука и его супруги Анны Алексеевны.

229. *Ростислав Григорьевич Церетели* – офицер 17-го Нижегородского драгунского полка. В годы Великой войны заведовал Санитарным поездом Великой Княжны Ольги Николаевны.

230. *Сергей Петрович Зыков* (†22.3.1922) – окончил Николаевское кавалерийское училище. Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Полковник. Александровского Императрицы Александры Феодоровны гусарского полка. Командир Текинского конного полка, сформированного с началом войны из Туркестанского конного дивизиона. Полк состоял из добровольцев-туркмен преимущественно племени теке. У них была своя форма: полосатые халаты малиновых и темно-красных тонов, «малиновые шаровары, поверх пояса намотан шелковый малиновый кушак, бичак (нож, не кинжал) весь в серебре и золоте; на поясной портупее клыч (кривая сабля), тоже в серебряной и золотой насечке с цветными камнями. Этими же металлами отделаны нагрудники и налобники на аргамаках. На голове текинцы носили огромные папахи – “телпек”: это шкура целого барана, черная или белая, сложенная в виде цилиндра. Не всякая голова могла вынести такую тяжесть; приходилось привыкать постепенно. Офицерам полка была присвоена та же форма». Под папачой, как правило, была тюбетейка – «крошечная шапочка», о которой пишет Государыня. В дни февральского переворота 1917 г. командир полка С. П. Зыков сохранил верность Императору (см.: *Хан Р. Б. Хаджиев. Великий Бояр. Белград. 1929*). Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии. Скончался там в Белой Церкви.

231. *Лазарет Их Императорских Высочеств Великих Князев Марии Николаевны и Анастасии Николаевны в Царском Селе № 17* размещался на территории Феодоровского городка. На первом этаже его располагались раненые солдаты, а на втором – офицеры. Начальником его был полк. Д. Н. Ломан, помощником – капитан Собственного Е. И. В. Сводного полка капитан Н. Н. Андреев. Старшей сестрой была присланная из Георгиевской общины строгая старушка, участница Русско-турецкой и Русско-японской войн, награжденная несколькими Георгиевскими медалями. Заведовала хозяйством лазарета – супруга полк. Ломана, а дочь Надежда была сестрой милосердия. Врачом был известный врач-терапевт С. А. Корнев, а хирургической сестрой – В. Н. Адамова. Лазарет содержал сначала Степан Петрович Елисеев, а затем сахарозаводчик, статский советник Карл Иосифович Ярошинский (зав. хозяйством Феодоровского лазарета), помогавший впоследствии материально находящимся в узах Царственным Мученикам. Особой популярностью пользовалась баня при лазарете. Специально попариться в ней приезжали А. В. Кривошеин, поэты Н. А. Клюев, писатель А. М. Ремизов, А. А. Вырубова.

232. *Гординский* офицер 15-го Гусарского Украинского Великой Княгини Ксении Александровны полка, пользовавшийся симпатией А. А. Вырубовой.

233. *Александра Павловна Гартвиг* (†15.12.1944) урожд. Карцева, в первом браке фон Визен – супруга чрезвычайного и полномочного посла России в Сербии (1909-1914) Н. Г. Гартвига. В эмиграции в Югославии. Скончалась в Белграде.

234. *Барон Леопольд Фридрихович Бринкен* (8.3.1858 †авг. 1925) – из дворян Курляндской губернии. Окончил Полоцкую военную гимназию, Павловское военное училище. Офицер Лейб-Гвардии Гренадерского полка. Командир Лейб-гвардии Петроградского полка. Генерал-лейтенант. Командир 1-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии. Начальник 28-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. Генерал от инфантерии. После революции в Вооруженных Силах Юга России. Эмигрировал в Югославию, а затем переехал в Италию. Скончался в Бари.

235. *Александр Владимирович Сыробоярский* (1888†30.3.1946) – сын полковника В. А. Сыробоярского. После окончания Полтавского кадетского корпуса (1906) и Киевского военного училища (1908) получил назначение в 9-ю артиллерийскую бригаду. Во время Великой войны штабс-капитан 5-й артиллерийской бригады (1914). Назначен в 30-й броневой дивизион (1915). Командир 15-го броневого дивизиона (1916), во главе которого во время наступления Юго-Западного фронта первым по горящему мосту ворвался в Луцк. Был трижды ранен. Находился на изле-

чении в Собственном Ее Величества лазарете в Царском Селе. Произведен в полковники. Он и его мать (Мария Мартиановна, скончавшаяся впоследствии в Нью-Йорке) переписывались с Государыней, Которая была уже в заточении в Царском Селе и Тобольске. Участвовал в гражданской войне в Сибири. В армии адм. А. В. Колчака служил в Ставке при начальнике отдела снабжения. Вызвал на дуэль начальника французской военной миссии генерала М. Жанена (ноябрь 1919), но ответа не получил. Указом Верховного Правителя адмирала А. В. Колчака произведен в генерал-майоры (1920). Управляющий военным и морским ведомством правительства Российской Восточной окраины (1920). Одновременно был и. д. начальника тыла фронта (с 13.11.1920). Председатель Совета управляющих ведомствами Российской Восточной окраины. Эмигрировал в США (1923). Составил и издал кн.: Скорбная памятка. Издание Кассы помощи ближним в память о Царской Семье (Нью-Йорк. 1928), в которой опубликовал письма Государыни ему и его матери. Скончался в Лейквуде (Нью Джерси).

236. *Василий Николаевич Сиротинин* – Лейб-медик; тайный советник.

237. Ср. запись в дневнике Государя (5.6.1915): «По случаю дня рождения Анастасии назначил ее шефом 148 пех[отного] Каспийского п[олка]».

238. *Полковник Яков Тихонович Сергеев* – командир 21-го Восточно-Сибирского Императрицы Александры Феодоровны стрелкового полка.

239. *Граф Борис Леонидович Рейшах-Рит* (†24.8.1916) – ротмистр, офицер Придворной конюшенной части, сотрудник Царскосельского Красного Креста.

240. *Николай Иванович Золотарев* – сотник Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

241. *Андрей Андреевич Веселовский* – полковник, командир 21-го Восточно-Сибирского Императрицы Александры Феодоровны стрелкового полка. Генерал-майор. Командир 1-й бригады 6-й Сибирской стрелковой дивизии, в состав которой входил 21-й полк.

242. Воспоминание чудесного спасения Благочестивейшего Государя Императора Александра III и Августейшего Его Семейства во время крушения в Борках (1888). Этот день, помимо установленного общецерковного воспоминания (см.: Царский сборник. Сост. С. и Т. Фомины. М. 2000. С. 311-313), всегда свято читился в Царской Семье. Приведем (впервые публикуемые) свидетельства переживших крушение.

Из дневника Наследника Цесаревича *Николая Александровича* за 1888 г.: «ОКТАБРЬ. 17/29. Понед[ельник]. Прор. Осии. Вагон.

Роковой для всех день, все мы могли быть убиты, но по воле Божией этого не случилось. Во время завтрака наш поезд сошел с рельсов, столовая и 6 вагонов разбиты и мы вышли из всего невредимыми.

Однако убитых было 20 чел. и раненых 16. Пересели в Курский поезд и поехали назад. На ст. Лозовой был молебен и панихида: Ужинали там же.

Все мы отделались легкими царапинами и разрезами!!!

Бедная "Камчатка" убита!» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222. С. 295).

Письмо Наследника Цесаревича Николая Александровича Великому Князю Сергею Александровичу:

«Гатчино.
25-го Октября
1888 г.

Мой милый дядя Сергей,

От души благодарю тебя за твое прелестное длинное и полное живейшего интереса письмо, которое получил только вчера одновременно с твоей телеграммой. Ты, наверное, знаешь про то ужасное несчастье, которое случилось с нами уже на возвратном пути из этого великолепного путешествия по Кавказу и едва не стоившее нам всем жизни, но благодаря истинному чуду Божию [мы] были спасены!...

17-го октября, на другой день по выезде из Севастополя, в 12 ч. дня, только что мы кончали завтрак, как вдруг почувствовали сильный толчок, потом другой гораздо сильнее первого и всё начало рушиться, а мы попадали со стульев. Я еще видел как над самой головой пронесся стол со всем, что было на нем, и затем пропал — куда? никто не может понять. В жизнь свою не забуду я того ужасающего треска, раздавшегося от всех ломавшихся вещей, стекол, стульев, звона тарелок, стаканов и т. п. Я невольно закрыл глаза и лежа, ожидал все время удара по голове, который сразу покончил бы со мной; до того был я уверен, что настал последний час и что, наверное, многие из нас уже убиты, если и не все. После третьего толчка всё остановилось. Я лежал очень удобно на чем-то мягком и на правом боку. Когда я почувствовал сверху холодный воздух, то открыл глаза, и мне показалось, что лежу в темном и низком подземелье; над собой я видел в отверстии свет и тогда стал подыматься, без особого труда я вылез на свет Божий и вытащил Ксению оттуда же. Всё это мне показалось сном, так это всё скоро случилось. Когда я еще вылезал, я с леденющим ужасом подумал о дорогах Папа и Мама и никогда не забуду ту Божественную радость, когда увидел их стоящими на крыше бывшей столовой в нескольких шагах от меня. Я тебя уверяю, мы все имели то чувство, что воскресли из мертвых, и все внутренне благодарили и так помолились Богу, как может

быть редко в своей жизни или никогда. Но когда я увидел, что все сидевшие за завтраком вылезают один за другим из-под обломков, я постиг то чудо, которое Господь сотворил над нами. Но тут же начались и все ужасы катастрофы: справа, снизу и слева стали раздаваться стоны и крики о помощи несчастных раненых; одного за другим стали сносить этих несчастных вниз с насыпи. Нечем было им помочь, бедный [1 сл. нрзб.] убит наповал и его походная аптека разбита, а также воды неоткуда было достать. Вдобавок шел дождь, который примерзал к земле и слякоть была большая, — вот тебе слабое представление этой потрясающей картины. От столовой ничего не осталось, вагон Ксении, Миши и Беби совершенно соскочил с пути и повис на половину над насыпью. Он страшно поврежден, пол и одна стена сорваны и чрез открытое пространство Беби и Нана[?] были выброшены на откос, также невредимы. Большой вагон Папа и Мама сильно помят, пол очень скривлен и вообще внутренность его представляет хаос, так как вся мебель и все вещи сброшены со своих мест и свалились в углы в общую кучу. — Вагоны — кухня и буфет и вагон 2-го класса сильно исковерканы и в них-то произошли главные ужасы. Почти все находившиеся в них убиты или тяжело ранены. На кого я первого наткнулся, это было на бедную Камчатку, которая лежала уже мертвою; мне стало невыразимо грустно [за] бедного Папа, как он впоследствии будет скучать без этой доброй собаки; хотя как-то совестно говорить об этом, когда рядом лежало 21 тело самых лучших и полезных из людей. Раненых было всего 37 чел. Мама все время, не переставая, обходила раненых, помогая им всем, чем могла, и всячески утешала, ты себе представляешь их радость! Но всего мне не написать, Бог даст, когда снова увидимся, многое еще расскажем вам. Из Харькова пришел санитарный поезд и увез наших раненых в клинику. Уже совсем стемнело, когда мы вошли в Курский поезд и поехали назад. На ст. Лозовая был отслужен молебен и затем панихида. Два дня спустя была трогательная встреча в Харькове, где навестили всех раненых. На другой день в Москве были у Иверской Б[ожией] М[атери], в Успенском соб[оре] и Чудове мон[астыре]. Приехали в Гатчино 21-го с великою радостью быть, наконец, дома. А пока прощай, мой дорогой дядя Сергей. Крепко Вас трех обнимаю.

Твой Ники».

(ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 67-70 об.).

Из письма Императора Александра III Брату Великому Князю Сергею Александровичу:

«17 ноября 1888 г.
ГАТЧИНА.

Прости мне, Милый Сергей, что до сих пор не отвечал тебе на твои два письма; первое длинное и очень интересное из Иерусалима, а второе из Афин.

По возвращении сюда я завален был работой и письмами и не мог найти времени. — После нашего столь счастливого и великолепного путешествия по Кавказу и Черному морю, мы радовались возвращаться домой и выехали из Севастополя счастливые, веселые и в лучшем настроении духа после столь отрадных впечатлений. — Вечер был дивный, летний; Севастополь с своими чудными бухтами и всей эскадрой на рейде, освещенные лучами заходящего солнца, и дым от салюта тоже розовый от заката, представляли чудную картину и под этим дивным впечатлением оставили наш чудный юг!

Но, Боже, что предстояло нам на завтрашний день! Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания <физически[e]>, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всего Моего Семейства от мала до велика! Что мы перечувствовали, что мы испытали и как возблагодарили Господа, ты можешь себе представить. — Этот день не изгладится никогда из нашей памяти, он был слишком страшен и слишком чуден, именно чуден, потому что Христос желал доказать всей России, что Он творит еще чудеса и спасает от явной гибели верующих в Него и в Его великую милость! [...]

Твой брат Саша.

(А милый мой *Камчатка*, страшно грущу и плачу. — Тоска и пусто без него, моего верного друга!)» (ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 81-81 об., 82 об.). Любимая собака Государя была закопана в Гатчинском парке. Место отмечено памятным камнем и сохранилось до сего дня.

«В ЛАЗАРЕТЕ ВСЕ ОБЩЕЕ»

Из дневника В. Чеботаревой

1916 год

Печатается по: *Чеботарева В.* В Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915–5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // Новый журнал. № 181. Нью-Йорк. 1990. С. 209-218, 220-221, 223-229, 231-242.

243. *Митрополит Питирим* (Окнов, 28.6.1858†23.2.1920), *Петроградский* — окончил Киевскую духовную академию (1883); в том же году был пострижен в монашество, рукоположен и назначен преподавателем Киевской духовной семинарии. Инспектор Ставропольской духовной семинарии (1887), ректор с возведением в сан архимандрита. Ректор Петербургской духовной семинарии (1891). Хиротонисан во епископа Новгород-Северского (1894). Занимал кафедры: Тульскую (1896), Курскую (1904), Вла-

дикавказскую (1911, возведен в архиепископы), Самарскую (1913). Экзарх Грузии (1914). Митрополит Петроградский (1915). Арестован Временным правительством наряду с Царскими министрами (2.3.1917). Постановлением Св. Синода уволен на покой (6.3.1917) с пребыванием в пределах Владикавказской епархии. В страшной нищете, болезнях, забытый всеми пребывал этот великий молитвенник и почитатель Царской Семьи в Пятигорске на подворье Второ-Афонского монастыря. Интересно, что в августе-сентябре 1917 г. временщики были озабочены попыткой проникновения к Царю в Тобольск неких «десяти человек из Пятигорска». В конце 1919 г. вместе с беженцами переехал в Екатеринодар, где был на попечении митрополита Антония (Храповицкого), который вместе с епископом Сергием (Лавровым) и отпел его. Последний прикровенный молитвенный подвиг святителя Питирима за народ Божий, одержимый бесами революции, отчасти приоткрыт в книге товарища последнего законного обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахова.

244. О степени достоверности сообщаемого можно судить по др. источникам. Прежде всего, напомним, речь шла о храме преподобного Серафима Саровского при Свято-Серафимовском лазарете-убежище для инвалидов войны № 79. Строился он в память избавления А. А. Вырубовой от смерти при крушении поезда 2 января 1915 года в Царскосельском парке, на земле, приобретенной Анной Александровной на ее собственные средства. «Закладка Аниной церкви, — сообщала Императрица Государю в письме 5 ноября 1916 г., — прошла хорошо, Наш Друг был там, а также славный епископ Исидор, епископ Мельхиседек и наш Батюшка...» Через две недели епископ Исидор (Колоколов, 1866†1918) отпоет Г. Е. Распутина в Чесменской богадельне. А «наш Батюшка» — духовник Царской Семьи, протоиерей Александр Васильев отслужит литию перед погребением на том же самом месте, где еще недавно он сослужил во время закладки храма... «Среда 21-го декабря, — записала в Своем дневнике 1916 г. Великая Княжна Ольга Николаевна. — В 9 ч. мы и Папа и Мама поехали к месту Аниной постройки, где была отслужена лития и похоронен Отец Григорий в левой стороне будущей церкви. Спаси Боже Святый».

245. «Сколько горя и печали, тревог и испытаний, — писала Императрица Государю 7.1.1916, — они так изнуряют, а надо не сдаваться, но с твердостью встречать все. Мне бы хотелось повидаться с Нашим Другом, но Я никогда не приглашаю Его к нам в Твое отсутствие, так как люди очень злоязычны. Теперь уверяют, будто Он получил назначение в *Ф[еодоровский] Собор*, что связано с обязанностью зажигать все *лампадки* во всех комнатах Дворца! Понятно, что это значит, но это так идиотски-глупо, что

разумный человек может лишь расхохотаться. Так отношусь к этой сплетне и я». Одним из разносчиков этого вздорного слуха был председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Распутин, писал он в мемуарах, «наконец получил звание "Царского лампаdnика", т. е. заведующего горевшими перед святыми иконами неугасимыми лампадами. Таким образом, он получил безпрепятственный вход во Дворец Государя и делался его ежедневным посетителем по должности своей» (*Родзянко М. В. Крушение Империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. Полное издание записок председателя Государственной думы. С дополнениями Е. Ф. Родзянко. М. 2002. С. 31*).

246. *В. И. Душкина* – сестра лазарета; награждена Георгиевской медалью.

247. *Великий Князь Андрей Владимирович* (2.5.1879†30.10.1956) – сын Вел. Кн. Владимира Александровича и Вел. Кн. Марии Павловны; внук Императора Александра III, двоюродный брат Императора Николая II. Женат (1921) на балерине М. Ф. Кшесинской. Жил во Франции.

248. Речь идет о книге «*A millionaire girl*». Ср. записи в дневнике Государя: (30.12.1915) – «зачитывался англ. книгой "*A millionaire girl*"»; (3.1.1916) – «зачитывался англ. книгой»; (4.1.1916) – «читал с увлечением ту же книгу»; (5.1.1916) – «окончил интересную книгу "*A millionaire girl*"».

249. Ср. записи в дневнике Государя: (17.1.1916): «Вечером начал вслух ту же книгу "*A millionaire girl*"»; (18.1.1916): «Весь вечер читал Аликс и дочерям вслух»; подобные записи 19, 20, 21, 22, 23, 24 и 25 января; (26.1.1916): «читал вслух и окончил эту хорошую книгу».

250. *Петр Николаевич Краснов* (10.9.1869†3/16.1.1947) – родился в С.-Петербурге. Сын генерала и историка; казак ст. Каргинской Войска Донского. После окончания Александровского кадетского корпуса (1887) и Павловского военного училища (1889) выпущен офицером в Л.-Гв. Атаманский полк. Полковой адъютант. Сотник (1897). Несколько месяцев провел при дворе Абиссинского негуса Менелика II начальником конвоя Русской военной миссии, возглавлявшейся Генерального штаба полковником Артамоновым. Участвовал в подавлении Боксерского восстания в Китае (1901), в русско-японской войне 1904-1905 гг. Есаул (1906). Уже в то время он был известен как талантливый журналист. После окончания Офицерской кавалерийской школы был оставлен при ней начальником Казачьего отдела. Командир 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка с производством полковники (1910). Назначен командиром 10-го Донского казачьего полка (1913), с которым, с началом Великой войны, он

отправился на фронт. За боевые заслуги произведен в генерал-майоры. Командовал бригадой в 1-й Донской казачьей дивизии, 3-й бригадой Туземной дивизии, 3-й Донской казачьей дивизией, 2-й Сводной казачьей дивизией. Был известен как один из лучших кавалерийских командиров. Награжден Георгиевским крестом и золотым оружием. Назначен Временным правительством командовать 3-м конным корпусом (1917). После октябрьского переворота 1917 г. возглавил борьбу с большевиками под Петроградом. Большим войсковым кругом избран Войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского и произведен в генералы от кавалерии (3.5.1918). Отказался от этой должности (2.2.1919), уехав в Германию. В Северо-Западной армии (22.7.1919). Начальник отдела пропаганды. Русский военный представитель в Эстонии (январь 1920). Член ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. Выехал в Германию, где жил под Мюнхеном (март 1920), а потом под Берлином (ноябрь 1920). Пожив в Сантени, во Франции (22.11.1921), с апреля 1936 г. обосновался с семьей в Далевице (под Берлином). Почетный вице-председатель объединения Л.-Гв. Атаманского полка (декабрь 1924). Начальник Главного управления казачьих войск при Министерстве Восточных областей Германии (31.3.1944). Выдан англичанами СССР в Лиенце (19.5.1945). Казнен в Москве. Автор более 20 популярных романов.

251. *Дмитрий Николаевич Дубенский* (1857? 1868? † 5 июля 1923) — генерал-лейтенант. Состоял при Главном управлении государственного коннозаводства (24.1.1912); позднее член его совета. Издатель «Летописи войны с Японией»; «Летописи Великой войны», истории России в картинах, иллюстрированной географической карты России, исторических брошюр. Секретарь редакции «Русского инвалида». Редактор-издатель газеты для армии и народа «Русское чтение». В 1915 г. получил задание описать деяния Императора Николая II во время Великой войны. Состоя в Свите в качестве историографа, сопровождал Государя. Оставил 4 тома описаний Царских путешествий. Автор воспоминаний «Как произведен переворот в России» (Русская летопись. Кн. 3. Париж. 1922). Во время гражданской войны служил в Харьковском коннозаводстве Вооруженных сил Юга России (1919). Скончался в Висбадене (Германия).

252. В дневнике о. Николая Беляева читаем (запись 31.3.1917): «Наступил час исповеди Царских Детей. [...] Какие удивительные, по-христиански убранные комнаты! У каждой Княжны в углу комнаты устроен настоящий иконостас, наполненный множеством икон разных размеров, с изображением чтимых особенно святых угодников. Перед иконостасом складной помост, покрытый пеленой в виде полотенца, на нем положены молитвенники

и богослужебные книги, а также Святое Евангелие и крест. Убранство комнат и вся их обстановка представляют собой невинное, не знающее житейской грязи, чистое, непорочное детство. Для выслушания молитв перед исповедью все четверо Детей были в одной комнате, где лежала на кровати больная Ольга Николаевна [...] Как шла исповедь, говорить не буду. Впечатление получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети были нравственно так высоки, как Дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи – страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли мне напоминать как духовнику о грехах, может быть им неведомых, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах. Исповедь всех четверых шла 1 час двадцать минут. [...]

Их Величества ждут исповедь у Себя в спальней комнате в 10 часов вечера. Без 20 минут десять пошел в храм, помолился у Святого Престола, приложился к плащанице, надел епитрахиль, взял крест и Евангелие [...] Комната-молельня очень маленькая и сверху до низу увешана и уставлена иконами, перед иконами горят лампы. В углу, в углублении стоит особенный иконостас с точеными колоннами и местами для известных икон. Перед ним поставлен складной нагой, на который положено старинное Евангелие и крест, и много богослужебных книг. [...] После прочтения молитв, Государь с Супругою ушли, осталась с исповедью Татьяна Николаевна. За Нею пришла Государыня, взволнованная, видимо усердно молившаяся и решившая по православному чину, с полным сознанием величия таинства, исповедать перед Святым Крестом и Евангелием болезни сердца Своего. За Нею приступил к исповеди и Государь. Исповедь всех трех шла час 20 минут. О как несказанно счастлив я, что удостоился по милости Божией стать посредником между Царями Небесным и Земным. Ведь рядом со мною стоял Тот, выше Которого из всех живущих на земле, нет. Это до сего времени был наш, Богом данный Помазанник, по закону престолонаследия 23 года царствовавший Русский Православный Царь. И вот, наш смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам Своим, непомнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно взирая на крест и Евангелие, в присутствии моего недостойства, высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны Своей страдальческой жизни и повергаясь в прах пред величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных Своих прегрешениях» (Царский сборник. Сост. С. и Т. Фомины. 2000. С. 381-382).

253. *Маргарита Сергеевна Хитрово* (17.10.1895†26.3.1952) – фрейлина Высочайшего Двора. Смольный институт благородных девиц окончила с шифром. Сестра милосердия Собственного Ее Величества лазарета в Царском Селе. Последовала за Царской Семьей в Тобольск. По личному приказу Керенского арестована (22.8.1917) и доставлена под конвоем в Москву. Состояла в переписке с Царственными Мучениками во время их заключения. В эмиграции вышла замуж за В. Г. Эрдели. Скончалась в Нью-Йорке. Похоронена на кладбище Ново-Дивеевского монастыря.

254. *Великая Княгиня Елисавета Мавриковна* (25.1.1865†24.3.1927) – урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская, супруга (15.4.1884) Вел. Кн. Константина Константиновича (К.Р.). Мать Князя Константина Константиновича. После революции 1917 г. в эмиграции.

255. *Княгиня Елизавета Алексеевна Нарышкина* (8.12.1838†30.10.1928), урожденная княжна Куракина – вдова князя А. Д. Нарышкина. Обер-гофмейстерина Императрицы Александры Феодоровны, статс- и кавалерственная дама Высочайшего Двора. Председатель Петроградского дамского благотворительного тюремного комитета и убежища для женщин, отбывших наказание в местах заключения Петербурга имени Принца Ольденбургского. Председатель Общества попечения о семьях ссыльно-каторжан и приюта для арестованных детей. Разделяла с Царской Семьей заключение в Царскосельском Александровском дворце. Заболев, осталась в Петрограде. Состояла в переписке с Царственными Мучениками. См. ее воспоминания: *Narishkin-Kurakin Elizabeth. Under Three Tsars.* New York. 1931.

256. «Рассказывал Н. недавно, – занес в свой дневник 2 января 1916 г. известный консервативный публицист Л. А. Тихомиров, – как, сехавши по траму (в Петрограде), его знакомый слышал слова одного из публики: “А уж нашу Матушку Царицу давно бы пора заключить в монастырь”» (...И даны будут Жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М. «Паломник». 2002. С. 591-592). В распространяемых среди публики гектографированных некоторых, наиболее скандальных, речах членов Государственной думы неведомыми их распространителями прибавлялись «требования заточения в монастырь Государыни Императрицы, как “немки, работающей на гибель России и армии”» (Солоневич И. Л. Наша страна XX век. М. 2001. С. 227). В петроградских гостинных в связи с этим уже прозвучало роковое слово «Урал». В пятницу 13 августа 1915 г. французский посол М. Палеолог «конфиденциально беседовал» с «вождем “прогрессивных националистов” С., бывшим гвардейским офицером».

Последний без обиняков заявил представителю «союзной» державы: «По самому верху, по голове, вот куда нужно было бы ударить прежде всего. Государь мог быть оставлен на Престоле; если Ему и не достаёт воли, Он, в глубине души, достаточно патриотичен. Но Государыню и Ее Сестру, Великую Княгиню Елизавету Феодоровну, нужно было бы заточить в один из монастырей Приуралья, так, как сделали бы при наших древних Великих Царях. Затем – весь *потсдамский двор*, вся клика прибалтийских баронов, вся камарилья Вырубовой и Распутина – все они должны быть сосланы в отдаленные места Сибири. Наконец, Великий Князь Николай Николаевич должен был бы немедленно отказаться от обязанностей Верховного Главнокомандующего. [...] Я согласен с вами, что он патриот и что у него есть воля. Но он слишком недостаточен для возложенной на него задачи. Это не вождь, это – икона. А нам необходим вождь!» (*Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М. «Международные отношения». 1991. С. 196*).

257. *Лидия Федоровна Краснова*, урожд. Грюнейзен (?†22.6.1949) – дочь действительного статского советника, супруга генерала П. Н. Краснова. В первом браке за художником Бакмансоном. Талантливая камерная певица. Скончалась в Мюнхене.

258. Милосердие к людям неизменно ставили в вину Государыне даже, как видим, на первый взгляд, близкие Ей люди. Но давайте, по крайней мере сегодня, взглянем на факты глазами Царицы. В письмах Ее Государю, например, читаем:

(14.12.1914): «...Перед нашим приездом в Москву три военных госпиталя с немецкими и австрийскими ранеными были переведены в Казань. Я прочла описание этого, сделанное человеком (русским), который их туда перевез, – многие раненые были при смерти и умерли в пути. Их, конечно, ни за что не следовало двигать с места, с ужасающими ранами, издающими зловоние, – пролежавших много дней неперевязанными – и это в самые дни их рождественских праздников им пришлось пережить подобные мучения, лежа в далеко не благоустроенных санитарных поездах! Из одного госпиталя их отправили даже без врача, с одними санитарями. Я переслала это письмо Элле для расследования этого дела и чтобы поднять шум по этому поводу. Это возмутительно и совершенно непостижимо, на Мой взгляд».

259. Ср. запись об этом событии в дневнике Государыни 1916 г.: «5 Ноябрь. Суббота <...> 12 1/2 laying of the foundation stone of Ania's church [закладка основания Аниной церкви.] – <...> <1 сл. нрзб.> h. o. Gr. Исидор М[елхиседек] Ломан <...>» (ГАРФ, ф. 640, оп. 1, д. 332. Л. 72 об.).

260. В честь этой закладки после нее в лазарете А. А. Вырубовой был прием. На нем была сделана фотография – последний

снимок Г. Е. Распутина. Это групповое фото за столом, попав руки одного из убийц старца В. М. Пуришкевича, было размножено им в количестве 9 тысяч экземпляров и распространялось в считанные остававшиеся до преступления дни с соответствующими, извращающими смысл запечатленного на снимке, комментариями.

261. *Княгиня София Николаевна Васильчикова*, урожд. княжна Мещерская (1867†29.4.1942) – сестра флигель-адъютанта кн. П. Н. Мещерского и супруги графа П. Н. Игнатьева, племянница кн. В. П. Мещерского. Супруга члена Государственного Совета кн. Б. А. Васильчикова. Под эгидой Международного Красного Креста была послана в Германию проверить состояние лагерей для русских военнопленных. Автор дерзкого письма к Императрице Александре Феодоровне (ноябрь 1916). Выслана в имение в Новгородской губернии с воспрещением выезда из него (дек. 1916). Чету высланных, по свидетельству В. И. Гурко, демонстративно посетили все члены Государственного Совета. «Ореол пострадавшей за правду [...], однако не помог княгине, как рассказывали, сохранить свою квартиру, разграбленную большевиками, не взирая на сделанное им заявление, что она – та самая Васильчикова, которая не побоялась написать Царице непочтительное письмо» (*Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. Гельсингфорс. 1936. С. 184–185). В эмиграции во Франции. После смерти супруга (1931) переселилась в Русский Дом, который возглавляла супруга ее брата (кн. П. Н. Мещерского) княгиня В. К. Мещерская. Там она и скончалась. Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

262. «...Как-то раз придя днем к Государыне, – вспоминала А. А. Вырубова, – я застала Ее в горьких слезах. На коленях у Нее лежало только что полученное письмо из Ставки. Я узнала от Нее, что Государь прислал Ей письмо Великого Князя Николая Михайловича, который тот принес самолично и положил Ему на стол. Письмо содержало низкие, несправедливые обвинения на Государыню и кончалось угрозами, что если Она не изменится, то начнутся покушения. “Но что Я сделала?!” – говорила Государыня, закрывая лицо руками. [...] Помню раз вечером Она показала мне дерзкое письмо княгини Васильчиковой, но только сказала: «That is not at all clever, or well brought up on her part» и, смеясь, добавила: «at least she could have written on a proper piece of paper, as one writes to a Sovereign» [«Это совсем не умно или “хорошо” доведено до нее... ну, хотя бы она написала на приличной бумаге, как пишут Государыне» *англ.*] Письмо было написано на двух листочках, вырванных из блокнота. Но на этот раз Государь побелел от гнева. Сразу приказал вызвать графа Фридерикса. Это была одна из тех минут, когда было страшно к

Нему подойти. Третье подобное письмо, дерзкое и полное неза- служенных обид, написал Ей один первый чин Двора, некто Ба- лашев, чуть ли не на десяти страницах. Я помню, как у дорогой Государыни тряслись руки, пока Она читала. Видя Ее душевную скорбь, мне казалось невозможным, что те, кто наносил оскорб- ление Помазанникам Божиим, могут скрыться от Его карающей руки... И в сотый раз я спрашивала себя: что случилось с петро- градским обществом? Заболели ли они все душевно или зарази- лись какой-то эпидемией, свирепствующей в военное время? Трудно разобрать, но факт тот: все были в ненормальном, воз- бужденном состоянии» (*Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы мо- ей жизни. С. 117-118). А вот свидетельство другой ближайшей подруги Императрицы: «Министр внутренних дел Протопопов неоднократно докладывал о готовившихся покушениях на Им- ператрицу. Об одном из них стало известно из перехваченного полицией письма от одной светской дамы своей московской под- руге. Автор письма сокрушалась о том, что убийство Государы- ни не стало "fait accompli" [«свершившимся фактом» *фр.*], и заяв- ляла, что если Ее не удастся убить, то другим методом устране- ния Императрицы будет Ее заключение в сумасшедший дом. Княгиня Васильчикова, якобы от имени всех русских женщин, написала Государыне Императрице предерзкое письмо, в кото- ром посмела утверждать, будто бы все классы общества настрое- ны против Ее Величества и требуют от Нее прекратить вмеша- тельство в русские дела. Кто-то писал, что Государыня была в такой же степени возмущена содержанием письма, как и тем фактом, что написано оно было на клочке бумаги, вырванном из блокнота! Однако дело было вовсе не в том, что письмо на клочке бумаги, адресованное Монархине, является нарушением этикета, а в ужасных обвинениях, ядовитой враждебности "по- слания", которое сначала разгневало Ее Величество, а затем глу- боко огорчило. Рассказывая мне об этой гнусной цидульке, Го- сударыня громко плакала. [...] Затем Императрица получила еще одно письмо, на этот раз анонимное, но тоже с обвинениями в адрес Государыни. Оба письма вызвали невероятное возмуще- ние в лазаретах: офицеры, хорошо изучившие подлинную натуру Государыни, были страшно сердиты на злопыхателей» (*Ден Ю. Подлинная Царица.* С. 117-118). Об этом см. также письма Ца- рицы к Государю от 4 и 6 декабря 1916 г. Автор другого упомя- нутого письма Государыне – Николай Петрович Балашев (1840†?) – обер-егермейстер (1904), действительный тайный со- ветник, член Государственного Совета по назначению (1.1.1905). В конце декабря 1916 г. переведен в непричастующие; отказал- ся от содержания; «согласно прошению» (со ссылкой на возраст) уволен от должности (30.1.1917).

263. Князь Борис Александрович Васильчиков (19.5.1860 †13.5.1931) – закончил Императорское Училище правоведения. Уездный (1884-1890), а затем Новгородский губернский (1890-1896) предводитель дворянства. Псковский губернатор (1899). Шталмейстер Двора (1899). Главноуправляющий Красного Креста в районе Действующей армии на Дальнем Востоке (1904). Председатель Главного управления Красного Креста (1906). Главноуправляющий землеустройством и земледелием в кабинете П. А. Столыпина (27.7.1906-21.5.1908). Член Государственного Совета по назначению (2.4.1906). Действительный тайный советник. Один из организаторов и первый председатель Всероссийского национального клуба в С.-Петербурге. «Кн. Б. А. Васильчиков, писал о нем его сотоварищ, – тип просвещенного барина, русского европейца, был убежденный конституционалист. Высоко во всех отношениях порядочный и неглупый человек, он не был, однако, ни работником, ни истинно государственным человеком [...], в полном смысле слова дилетант, а потому руководствующийся здравым смыслом, но совершенно не способный со знанием руководить каким-либо сложным делом. [...] Огромные средства и принадлежащее ему по рождению высокое общественное положение – все это давало ему независимость, которая позволяла ему не идти ни на какие компромиссы и “истину Царям” даже без улыбки говорить» (Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М. 2000. С. 589). Член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну. Вместе с высланной супругой, демонстративно оставив свой пост (во время войны!), уехал в свое имение в Новгородской губернии (дек. 1916). Уволен из Государственного Совета «по домашним обстоятельствам» (10.2.1917). Арестован ЧК (1918). Освобожден. Эмигрировал. Возглавлял комитет по изысканию средств для приобретения в Париже усадьбы для Сергиевского подворья (1924). Скончался в Ментоне. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

264. Речь, вероятно, идет о графе Павле Николаевиче Игнатьеве (30.6.1870†12.8.1945) – управляющем (9.1.1915), а потом министре (6.5.1915) народного просвещения, уволенном от должности 27 декабря 1912 г.

Н. Гумилев

**ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЕ
КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ**

Поэт Николай Степанович Гумилев (1886†1921) в 1914 г. был принят на военную службу «охотником» (так тогда назывались добровольцы) и назначен в Сводный казачий полк, стоявший в Новгороде. В конце сентября он был назначен в маршевый эскадрон Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества Императ-

рицы Александры Феодоровны полка; 23 сентября отправлен к границам Восточной Пруссии, а 17 октября уже участвовал в боях. Из послужного списка Николая Степановича известно: 13 января 1915 г. приказом по Гвардейскому кавалерийскому корпусу от 24 декабря 1914 г. за № 30 награжден Георгиевским крестом 4-й ст. № 134060; 1 января 1915 г. за отличие в делах против германцев произведен в унтер-офицеры; 25 декабря 1915 г. приказом по 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии от 5 января 1915 г. за № 148-б за отличия в делах против германцев награжден Георгиевским крестом 3 ст. за № 108868; 10 апреля 1916 г. приказом Главнокомандующего армиями Западного фронта от 28 марта 1916 г. за № 3332 произведен в прапорщики с переводом в 5-й Гусарский Александрийский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк. 5 мая 1916 г., по настоянию полкового врача, в связи с ухудшением состояния здоровья, срочно отправлен на излечение в Лазарет Большого Дворца в Царском Селе. Обследовав его, врачи констатировали процесс в легких.

Примечательно, что сын Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой, известный впоследствии ученый Л. Н. Гумилев, родился 18 сентября 1912 г. в С.-Петербурге в родильном приюте Императрицы Александры Феодоровны на 19-й линии Васильевского острова.

В дневнике О. Н. Арбениной имеется запись, где приведены слова Н. С. Гумилева в период его пребывания в Царском Селе: «Я вчера написал стихи за присланные к нам лазарет акации Ольге Николаевне Романовой – завтра напишу Ольге Николаевне Арбениной» (Давидсон А. Б. Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск. 2001. С. 11). Стихотворение, посвященное Великой Княжне Ольге Николаевне, неизвестно. Зато существует стихотворение, посвященное Великой Княжне Анастасии Николаевне, которое мы публикуем. Анастасия Николаевна родилась 5/18 июня 1901 года.

265. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. 1895-1916. М. 2003. С. 368-369.

266. Там же. С. 369.

С. Есенин

«ПРИВЕТСТВУЕТ МОЙ СТИХ МЛАДЫХ ЦАРЕВЕН...»

Печатается по: Есенин С. А. Собрание сочинений. Т. IV. М. 1978. С. 223. Со ссылкой на первую публикацию: Волжская коммуна. Куйбышев. 1960. № 204. 27 августа.

Стихотворение было написано поэтом для выступления в Собственном Ее Императорского Величества лазарете № 17 22 июля 1916 г. в присутствии Государыни и Ее Дочерей по случаю тезоименитства (именин) вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны и Великой Княжны Марии Николаевны.

Текст этого стихотворения был написан акварелью славянской вязью на листе ватмана in octavo. Справа (снизу вверх) орнамент. После революции хранился в архиве Екатерининского дворца в Царском Селе. В 1930 г. его скопировал Л. Р. Коган. Оригинал был, по всей вероятности, утрачен.

В этом концерте, по словам В. Вдовина, приняли участие петроградские актеры В. Сладкопевцев, М. Мартынов, супруга А. Блока — Л. Д. Блок (под псевдонимом Л. Д. Басаргина) и др. (Есенин С. А. Собр. соч. Т. V. М. 1979. С. 368).

ГРАМОТА СВ. СИНОДА

Печатается по: Поднесение иконы и грамоты Государыне Императрице // Церковные ведомости. 1916. № 40. С. 359-360. Со ссылкой на газету «Новое время».

Несколько ранее Св. Синод вручил Адрес Государю Императору. Оригинал его, в кожаной папке, до сих пор хранится в архиве (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2316. Л. 1-2):

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОТ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА

Ваше Императорское Величество,
Благочестивейший Великий Государь.

23-го августа 1915 года, когда несметные полчища врага проникли в глубь нашей страны, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, «веруя в милость Божию», поспешили возложить на СЕБЯ тяжкое бремя трудов и ответственности Верховного Военачальника, чтобы вместе с доблестным воинством нашим «исполнить святой долг защиты Родины»... С тех пор прошел год, и теперь, вспоминая все то, что Господь послал нам чрез ВАС за это время, мы имеем радость убедиться, что «упование» и на этот раз «не посрамило» Веровавшего [Римл. V, 5], что Господь, «пособивший кроткому Давиду победить иноплеменника», благословил Своею небесною помощью и ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО. Конец войны, может быть, еще не близок, воинству нашему предстоят еще труды и подвиги, может быть, большие тех, какие уже им совершены, от нашего народа потребуются жертвы, может быть, большие уже принесенных; но теперь даже и малодушные могут иметь уверенность, что эти подвиги и жертвы не будут напрасны, что «сеющие слезами — радостию пожнут» [Пс. CXXV, 5]. Теперь мы уже видим «измену десницы Вышняго» [Пс. LXXVI, 11] и знаем, что рано или поздно, но наступит минута, когда надменный враг наш, вышедший на нас «одним путем», «побежит» пред знаменами ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА «семью путями» [Второз. XXVIII, 7]. Дерзайте же, ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ, и

да укрепятся сердца и мышцы подчиненных ВАМ вождей и воинов наших: Бог поборае за нас [Исх. XIV, 14]. Он послал на нас это облегчающее нас грозное испытание, Он очищает нашу землю кровию и слезами ее лучших сынов и дочерей; но Он же «дает и крепость людям Своим» [Пс. XXVIII, 11], Он даст и избавление Свое, Он и чело Помазанника Своего увенчает победою, Он «благословит люди Своя миром».

В день сей знаменательной годовщины благословляя ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Святою иконою Всемилоостивого Спаса, Синод усердно молит Господа о здравии и долгоденствии ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, да ВАШЕЮ Рукою подаст Господь воинству нашему конечную победу над врагами и стране нашей – долгий и незыблемый мир с преуспеванием во благо.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподанные богомольцы:

ПИТИРИМ,
митрополит Петроградский и Ладосжский.
СЕРГИЙ,
архиепископ Финляндский и Выборгский.
ИАКОВ,
архиепископ Казанский и Свияжский.
ВЕНИАМИН,
архиепископ Симбирский и Сызранский.
ДИМИТРИЙ,
епископ Рязанский и Зарайский.
ВАСИЛИЙ,
епископ Черниговский и Нежинский.
Епископ ИННОКЕНТИЙ,
председатель миссионерского совета.
Протопресвитер Александр ДЕРНОВ,
заведующий придворным духовенством.
Протопресвитер военного и морского духовенства
Георгий ШАВЕЛЬСКИЙ.

267. Николай Павлович Раев (1856†1919) – сын митрополита С.-Петербургского и Ладосжского Палладия (Раева). Окончил Лазаревский институт восточных языков (1879). Чиновник Московской удельной конторы. Директор народных училищ (10.10.1890). Чиновник особых поручений при Министерстве народного образования (24.9.1894). Директор С.-Петербургских женских курсов (11.7.1895). Обер-прокурор Св. Синода (30.8.1916). Отстранен от должности после переворота Временным правительством (28.2.1917). Скрывался от ареста. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Во время гражданской войны жил на

Северном Кавказе при митрополите Питириме (Окнове). Нищенствовал. Пел на клиросе.

СКРИПКА ГУЛЕСКО

Печатается по: *Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны.* СПб. 1999. С. 118-119.

268. *Александр Николаевич Линевиц* (18.1.1882 †5.8.1961) – окончил Пажеский корпус (1901). Полковник, командир 1-й батареи Л.-Гв. Конной артиллерии. Флигель-адъютант Его Величества. Заведующий хозяйственной частью офицерской дружины ген. Кирпичева в Киеве. Генерал-майор. В эмиграции в Германии. Скончался в Берлине.

269. *Граф Сергей Александрович Ребиндер* – окончил Пажеский корпус (1905). Полковник Лейб-Гвардии Конной артиллерии. В эмиграции в Германии. На 1938 г. в Берлине.

270. Речь идет о Марии (Мане) Ребиндер, упоминаемой в письмах Государыни.

271. *Князь Василий Александрович Долгоруков* (1868 †27.6/10.7.1918) – Свиты Его Величества генерал-майор, гофмаршал Высочайшего Двора, пасынок обер-гофмаршала графа П. К. Бенкендорфа. В службе с 1888 г. Произведен в офицеры (1890). Генерал-майор Л.-Гв. Конного полка. Командир Л.-Гв. Конно-гренадерского полка. Гофмейстер. По свидетельству современников, он «был безконечно предан Государю. Его честность и порядочность во всех отношениях были вне всяких сомнений». Сопровождал Государя в Тобольск и Екатеринбург, где в день прибытия туда Царской Семьи, 17.4.1918, у входа в Ипатьевский дом был без всяких объяснений взят в тюрьму и расстрелян. Тело его впоследствии было найдено за Ивановским кладбищем, располагающимся рядом с екатеринбургским тюремным замком. Канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей. Ныне – святой мученик воин Василий.

272. *Павел Павлович фон Гротен* (18.9.1870 †27.12.1962) – дворянин, сын полковника (затем действительного статского советника). Окончил Воронежское реальное училище (1891), Николаевское кавалерийское училище (1893). Офицер Лейб-Гвардии Гусарского полка. Флигель-адъютант. Генерал-майор Свиты Его Величества. Командир Лейб-Гвардии Конно-гренадерского полка. И. д. Дворцового коменданта (при отъезде ген. Воейкова в Ставку в 1916-1917). Георгиевский кавалер. В эмиграции во Франции. Председатель Совета старшин объединения Лейб-Гвардии Гусарского полка. Председатель Общества старых офицеров Лейб-Гвардии Конно-гренадерского полка и заместитель председателя объединения Лейб-Гвардии

Гусарского полка. Скончался во Франции. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

273. *Иван Тимофеевич Гулеско (Гулеску) (1877†1953)* – кроме Царского Села и Петергофа, играл в Петербурге на «Вилле Родэ» и в «Аквариуме». Слушал Гулеско и Государь. Ср. две Его дневниковые записи, сделанные в Царском Селе: (3.2.1917): «Погулял с Марией и Анастасией. В 9 час. пошли на ту сторону и послушали оркестр Гулеско. Румыны играли отлично. Разошлись в полночь»; (12.2.1917): «Вечер провели на той стороне. О[пять] играли румыны...» После революции Гулеско эмигрировал во Францию, где выступал в лучших ресторанах «русского» и «восточного» стиля. Большой известностью пользовалась и его дочь, певица *Лидия Ивановна Гулеско (1917†1977)*. Отец и дочь были похоронены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

ВЫСОЧАЙШАЯ АУДИЕНЦИЯ

Печатается по: *Ордовский-Танаевский Н. А.* Воспоминания. Жизнеописание мое. Каракас.–М.–СПб. 1994. С. 393-397.

Николай Александрович Ордовский-Танаевский (1863†1950) – последний Тобольский губернатор, уволенный в отставку сразу же после февральской революции 1917 г. Временным правительством. Читатель памяти свт. Иоанна Тобольского, способствовавший его прославлению. Будучи монархистом, он отрицательно относился не только к большевикам, но также к февралистам и различным белым правительствам. В 1919 г. он эмигрировал из России и первое время жил в Сербии. Резкое неприятие им Великого Князя Кирилла Владимировича, объявившего себя Императором, побудили его перебраться в Италию. Здесь он принял священническое рукоположение, служил в православной церкви г. Палермо. Приняв монашеский постриг, а затем великую схиму, закончил он свои дни в 1950 году в послевоенной Италии, как *схиархимандрит Никодим*. Воспоминания были написаны им в Германии в 1948-1950 гг.

274. Император Александр I посетил Пермь 30 сентября, 1 и 2 октября 1824 г. Осенью 1836 г. в пределах Пермской губернии (в окрестностях города Красноуфимска) появился загадочный старец Феодор Кузьмич, которого благочестивое народное предание (и ряд исследователей) связывают с ушедшим в мир Императором Александром I.

275. *Боярин Михаил Никитич Романов (†1601)* – дядя первого Царя из Дома Романовых – Михаила Феодоровича. Царь Борис Годунов, желая отделаться от возможных соискателей Престола, воспользовавшись ложным обвинением, подверг братьев Романовых опале (втор. пол. 1600-1601). Филарет Никитич, отец Царя-родоначальника Михаила, был пострижен в монахи, его братья Василий и Иоанн были сосланы в Сибирь, в Пелымский

край. Наиболее тяжкая участь ожидала «могучного» Михаила Никитича. Его сослали в Приуральский Чердынский край, в Пермь Великую, в погост Ныроб для содержания его с особливою предосторожностью, «чтобы он не утек». В 1601 г. он прибыл туда. Здесь на его глазах вырыли яму, в которую его и опустили, оставив небольшое отверстие, через которое давали хлеб и воду. Сострадательные ныробцы научили своих детей носить Узнику в дудочках, как бы играя, масло, молоко и другую снедь. Охранники, узнав об этом, схватили детей и их родителей, пытали и отправили в Казань, откуда их возвратили в Ныроб уже в царствование Василия Шуйского. По указанию свыше боярина Михаила держали закованного в тяжкие цепи в крепком железном ошейнике (вес оков достигал трех пудов). В таких условиях Высокий узник прожил менее года, скончавшись во второй половине 1601 года, по одним сведениям от голода и тяжких физических страданий, по другим – задушенный охраной.

В 1606 г., при перенесении тела Михаила Никитича в Москву, по свидетельству церковной летописи, «в пятый год после его кончины взято оно ничем невреждено, только от руки, от перста едина некоторую часть земля отъяла». Погребен в Москве в Ново-Спасском монастыре в усыпальнице Прародителей Царского Дома.

В год 300-летия Дома Романовых в Ныробе состоялись торжества. Инициатива этих торжеств, как и предполагавшегося прославление Ныробского мученика, исходила от управляющего Казенной палатой Пермской губернии Н. А. Ордовского-Танавского, впоследствии Тобольского губернатора (с 1915), в доме которого останавливалась А. А. Вырубова, приезжавшая в 1915 г. для поклонения свт. Иоанну Тобольскому, а позднее в заключении пребывала Царская Семья.

Боярин Михаил Никитич, Ныробский мученик, был первым из Романовых, принявший мученическую смерть. Причем случилось это на территории Пермской губернии, где более чем три века спустя приняли мученическую смерть Святая Царская Семья, брат Царя Великий Князь Михаил Александрович и Алапаевские мученики.

В ПОЕЗДЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

Печатается по: *Унковский В. Н.* В поезде Императрицы (Из личных воспоминаний) // Возрождение. Париж. 1955. № 45. С. 131-145; № 46. С. 87-100.

Автор воспоминаний – *Владимир Николаевич Унковский* (1888 †1964) – врач, журналист, писатель. Младший врач Собственного Ее Величества Императрицы Александры Феодоровны южного военно-санитарного поезда. Заведовал аптекой. В эмиграции (после 1919 г.).

276. *Священник Владимир Иванович Попов* (1867†?) – окончил Подольскую духовную семинарию (1887). Назначен смотрителем ремесленного училища Св. Иоанно-Предтеченского братства. Рукоположен во иерея (1888). Уездный наблюдатель церковно-приходских школ. Депутат IV Государственной думы от Подольской губернии.

277. *Георгий Александрович Мин* (1855†13.8.1906) – командир Л.-Гв. Семеновского полка (1904). Полковник. Подавил Московское восстание 1905 г. Генерал-майор Свиты Его Величества (1906). Убит эсеркой З. В. Коноплянниковой на вокзале в Петергофе. На первой панихиде присутствовали Государь с Государыней. Император нес гроб генерала. У супругов Мин была единственная дочь. См. публикацию П. Паламарчука: Памяти человека, на двенадцать лет остановившего революцию // *Держава*. М. 1997. № 2 (9). С. 32-35.

278. *Николай Алексеевич Ребиндер* (5.8.1863†?) – окончил С.-Петербургский университет. Действительный статский советник (1908). Шталмейстер (1906). Член Государственного совета по выборам (26.11.1908). Харьковский губернский предводитель дворянства (1906-1917). Супруга его, Елизавета Павловна, урожд. графиня Кутайсова (†1916), была попечительницей Харьковской общины сестер милосердия РОКК. Расстрелян с братом и зятем.

279. Ср. сказанное св. равноапостольным Вел. Князем Владимиром Своим подданным перед Крещением Руси в Днепре о том, что, кто не придет на Днепр, тот Ему не друг.

280. Дело было не в декабре, как пишет мемуарист, а в ноябре. Ср. запись в дневнике уполномоченного военно-санитарного поезда № 81 имени Великой Княжны Ольги Николаевны барона Н. Н. Врангеля (1880 †1915) от 14.11.1914: «Кошмар, который я видел сегодня, превосходит все, что можно себе вообразить. Поехав с докторами моего поезда в город для принятия раненых, я сразу попал в обстановку Дантова ада. Недавние бои, накрошившие человеческое мясо, вывели из строя свыше 18 тысяч человек только в районе Мехова. Здесь в лазаретах на 200 человек помещается 2500 стонущих, кричащих, плачущих и бредящих несчастных. В душных комнатах, еле освещенных огарками свечей, в грязной соломе валяются на полу полумертвые люди. Несчастливая сестра – одна на тысячу раненых – мечется днем и ночью, бессильная чем-либо помочь. Перевязочного материала нет, и сегодня мне говорили, что нельзя даже делать ампутаций из-за отсутствия марли и ваты. Мы раздали, что могли, но эта капля в море, конечно, ничуть дела не облегчит. Страшно подумать, сколько жизней загублено здесь и как многое можно было бы предотвратить при малейшей распорядительности. Целые толпы

полузамерзших раненых, доползших за несколько верст из окрестных селений, даже не могут найти себе пристанища, так как никто и не подумает хоть развесить плакаты с названием лазаретов и их местонахождением. Я и мои спутники ночью собирали толпы этих несчастных, выгнанных из переполненных больниц и обезумевших от ужаса, голода и страдания. Мы водили их из дома в дом, из одного конца города в другой, пока наконец не нашли им пристанища хотя бы на время. Еще страшнее было утром, при нагрузке нашего поезда. Узнав, что явилась возможность уехать из этого ада, все, способные хоть кое-как двигаться, — часто безрукие, безногие, полуживые, — ползком, волоча свои тела, добрались до станции. Вопли и мольбы наполняли воздух ужасом и смертью. Этой картины я никогда не позабуду, сколько бы мне ни пришлось прожить» (*Барон Н. Н. Врангель. Дни скорби. Дневник 1914-1915 гг. СПб. 2001. С. 86-87*).

281. Вероятно, ошибка памяти мемуариста: члена Государственного Совета с такой фамилией не было.

282. Ошибка памяти; речь в действительности идет о князе *Петре Александровиче Оболенском* (1889 †1969) — чиновнике Министерства юстиции; в описываемое время заведовавшего средствами передвижения Управления Северного района Российской обществу Красного Креста. В эмиграцию во Францию выехал в 1929 г. при помощи М. Горького и Е. П. Пешковой. «Полный хаос царит здесь в эвакуационной комиссии, — подтверждал очевидец. — Начальник ее, кн. Оболенский, напоминает мне Стиву Облонского из «Анны Карениной». Он ласково и мило всем улыбается, примиряюще касается рукой до пуговиц вашей одежды, сочно и аппетитно ест. Все эти черты, составляя необходимый атрибут «симпатичности», все же мало способствуют успеху такого сложного дела, как эвакуация, требующего не ласковых слов, а дела» (*Барон Н. Н. Врангель. Дни скорби. Дневник 1914-1915 гг. С. 88*). Воспоминания кн. П. А. Оболенского см. в «Новом журнале» (Нью-Йорк. 1989. №№ 174-176).

283. *Иван Владимирович Павский* (1870 †21.11.1948) — окончил 1-й кадетский корпус (1887), Николаевское инженерное училище (1890) и Николаевскую академию Генерального Штаба (1896). Генерал-майор (1911). Во время Великой войны — начальник военных сообщений Юго-Западного фронта (1914). Помощник Главного начальника снабжения Юго-Западного фронта (сент. 1916). Генерал-лейтенант (1917). Участник Корниловского мятежа. Участник гражданской войны. Эвакуирован в Югославию (1920). Чиновник Министерства путей сообщения. В конце второй мировой войны, в связи с наступлением Красной армии, уехал в Германию (1944). Скончался в беженском лагере Фишбек (под Гамбургом). Похоронен на местном кладбище.

284. *Александр Иванович Зданович* (11.3.1849 †18.3.1936) – окончил Николаевское кавалерийское училище (1868). Офицер Л.-Гв. Драгунского полка. Генерал-лейтенант. Присутствующий в Правительствующем Сенате. Участник гражданской войны. В Вооруженных силах Юга России служил в ведомстве Министерства внутренних дел. Эвакуировался на Принцевы острова (лето 1920), а затем в Югославию (1923). Скончался во Франции.

«МОЛИТЕСЬ О НАС...»

Из дневника В. Чеботаревой

1917 год

Печатается по: *Чеботарева В.* В Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915–5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // *Новый журнал*. № 182. Нью-Йорк. 1991. С. 204-206, 211-214.

285. *Михаил Владимирович Родзянко* (1859†1924) – действительный статский советник, председатель IV Государственной Думы, председатель самозванного Временного комитета Государственной думы, возглавившего революционное движение в дни февральской смуты 1917 г. Масон.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Печатается по: *Павлов С. П.* Мои воспоминания о Царской Семье // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 553. Л. 1-34. Машинопись с рукописными примечаниями-пояснениями чернилами.

Автор – *Семен Павлович Павлов* – во время Великой войны офицер пулеметной команды 10-го Кубанского пластунского батальона. Эмигрант. В эмиграции в Болгарии. Проживал в Русском инвалидном доме (Княжево-Софийско, ул. Царь Борис III, 55).

Воспоминания написаны после июля 1930 г. Вплоть до окончания Второй мировой войны текст мемуаров хранился в Русском заграничном историческом архиве в Праге (№ 7984).

К воспоминаниям приложен документ:

КОПИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РАНЕНИИ

Полк. Команда 10 Кубанского пластунского батальона.

Чин Прапорщик.

Имя, отчество и фамилия *Семен Павлович Павлов*.

Лета от роду 23.

Год 1916 месяц Январь число 23.

Где (местность) У высоты 265.

Чем Бомбой.

В какую часть тела (подробное описание объективных признаков) Слепое огнестрельное ранение 1) левой голени с раздроблением больше-берцовой кости, 2) правой голени и бедра и 3) правого предплечья.

Оказанное пособие. Перевязки 5/II разрез и удаление кости.
секвес. 15/II разрезы и удаление осколков снаряда.

Год 1916 № 257. Месяц февраль число 3.

Старший врач Царскосельского СОБСТВЕННОГО ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ лазарета. Доктор медицины В. ГЕДРОЙЦ.

Сим удостоверяю, что перевязки произведены были неоднократно Собственноручно ЕЕ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ АЛЕКСАНДРОЙ ФЕОДОРОВНОЙ и ЕЕ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНОЙ ТАТИАНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ.

Операция произведена была при участии ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА и ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА.

Доктор медицины В. ГЕДРОЙЦ.

С подлинным верно:

Секретарь Союза русских инвалидов в Болгарии (подпись).

Печать Правления Союза русских инвалидов в Болгарии.

28 июля 1930 года, город София.

286. Король Англии и Шотландии Карл I (29.11.1600-30.1.1649) – происходил из Династии Стюартов, правил в 1625-1648 гг. В результате переворота, осуществленного Кромвелем, по инициативе последнего парламент решил судить Короля как мятежника. В январе 1649 г. находившийся под стражей Венценосец предстал пред специально учрежденным трибуналом, заявив при этом, что не признает за палатой общин права предавать его суду, а за трибуналом – права выносить ему приговор. На утверждения, что он (Король) получил власть от народа, используя ее во зло народу, Карл I заявил, что получил власть от Бога и использовал ее для борьбы с мятежниками. На обвинения в развязывании гражданской войны Король возразил, что взялся за оружие исключительно ради сохранения законности. Под нажимом Кромвеля трибунал 27 января объявил, что «Карл Стюарт» как тиран, мятежник, убийца и враг государства приговаривается к отсечению головы. В течение трех дней, оставленных Королем для приготовления к смерти, он молился с епископом Джоксоном, сохраняя при этом исключительно мужество и присутствие духа. Через несколько дней после казни парламент объявил монархию упраздненной и провозгласил республику.

287. Король Франции Людовик XVI (23.8.1755-21.1.1793) – происходил из Династии Бурбонов, правил в 1774-1792 гг. Уступив общественному мнению, возбуждаемому масонами, согласился на созыв Генеральных штатов (1788). Когда, после их созыва, обнаружилось желание депутатов превратить этот орган в парламент, Король решил запретить зал заседаний третьего сословия. Однако депутаты, собравшись, заявили, что не разойдутся,

пока не провозгласят конституцию (1789). Королевские войска изменили, побратавшись с революционным народом. Организованный голод в столице (окт. 1789) привел к утверждению Королем конституции (фев. 1790). Умело использовав возмущение в Австрии и Пруссии, угрожавших навести порядок во взбунтовавшемся Королевстве, бунтовщики решили предать Людовика XVI, как изменника, суду (7.11.1792). Приведенный в Конвент, Король четко и спокойно отрицал все возводимые на него напраслины. Тем не менее «народные избранники» заявили, что «Людовик Капет» виновен «в заговоре против общественной свободы и в посягательстве на безопасность государства» и приговорили Короля к смертной казни. «Смерть меня не страшит, – заявил Людовик XVI, – я уповаю на милосердие Божие». За день до смерти он горячо молился за Литургией и приобщился Св. Таин. Взойдя на эшафот, Король во всеуслышание заявил: «Я умираю невинным во всех преступлениях, в которых меня обвиняют, и молю Бога простить врагам моим».

288. Речь, вероятно, идет о Доломанове. См. о нем в воспоминаниях С. Топоркова в наст. сб.

289. В одном из писем (7.5.1916) во время поездки с Родителями на юг России Великая Княжна Татьяна Николаевна упоминала об авторе воспоминаний в письме к старшей сестре лазарета В. И. Чеботаревой: «...Рада, что у Павлова проявился аппетит».

«ВОТ ИДЕТ МУЧЕНИЦА – ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА!»

Новгород, 11 декабря 1916 г.

290. О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. II. Нью-Йорк. 1954. С. 238.

291. Козлов Н. Заметки православного // Царь-Колокол. № 4. М. 1990. С. 40-41.

292. Михаил Васильевич (Владимирович) Иславин (14.5.1864 †8/21.8.1942) – последний Новгородский губернатор. Эмигрировал. Многие годы был старостой домовою Никольской церкви при Русском доме. Священник вспоминал, что «за каждой службой он стоял у свечного ящика, принимал поминания и продавал свечи. Был чрезвычайно скромным и благожелательным». Скончался в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. Похоронен на местном кладбище.

293. Князь Николай Давидович Жевахов (24.12.1874†1947) – принадлежал к русской ветви древнего грузинского рода князей Джаваховых, находившихся в родстве с родом Горленко, одним из представителей которого был святитель Иоасаф Белгородский. Н. Д. Жевахов сделал немало для его прославления. Учился во 2-й Киевской гимназии, а затем в Коллегии Павла Галагана. Окончил юридический факультет Императорского университета св. Владимира в Киеве. Поступил на государственную службу. Монархист.

Член Русского Собрания. Товарищ обер-прокурора Св. Синода (15.9.1916). Арестован по приказу Керенского (1.3.1917). Эмигрировал (16.1.1920 из Новороссийска). Жил в Бари (Италия) и Новом Саде (Югославия). Накануне второй мировой войны переехал в Карпатскую Русь. Скончался в лагере для перемещенных лиц под Веной.

294. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. 1. М. 1993. С. 187-188.

295. ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332. Л. 80 об.

296. ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 7. Л. 96.

297. ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 10. Л. 174.

298. Князь Иоанн Константинович (23.6.1886†18.7.1918) – сын Вел. Кн. Константина Константиновича. Флигель-адъютант, штабс-ротмистр Лейб-Гвардии Конного полка. Состоял в браке (с 21.8.1911) с Еленой Петровной Карагеоргиевич (1884†1962), принцессой Сербской, от которой имел двух детей (Всеволода и Екатерину). Вел. Княжна Ольга Николаевна сообщала из Тобольска 6.2.1918 г., что Кн. Иоанн «сделался иподиаконом, кажется и пойдет дальше. Страшно доволен, но жена его не одобряет». Во время пребывания в Вятке в 1917 г. он, будучи посвященным в иподиакона, участвовал в богослужениях в соборе св. блгв. Вел. Кн. Александра Невского, пел на клиросе. Убит под Алапаевском. В кармане пальто Кн. Иоанна, сброшенного в шахту, оказалась «деревянная икона среднего размера, образ которого стерт, а на обратной стороне надпись: "Сия святая икона освящена". И: "На молитвенную память отцу Иоанну Кронштадтскому от монаха Парфения. (Афонского Андреевского скита) г. Одесса 14 Июля 1903 г."». Похоронен при храме Всех святых Русской миссии в Пекине.

299. Князь Императорской Крови Андрей Александрович (12.1.1897†8.5.1981) – старший сын Вел. Кн. Александра Михайловича и Сестры Государя Великой Княгини Ксении Александровны.

300. Архиепископ Арсений (Авксентий Георгиевич Стадницкий, 22.1.1862†10/23.2.1936), Новгородский и Старорусский – родился в Бессарабской губернии в семье священника. Окончил Кишиневскую духовную семинарию (1880), преподавал в ней, а потом в Единецком духовном училище. Окончил Киевскую духовную академию (1885) со степенью кандидата богословия. Магистр богословия, пострижен в мантию (1895). Иеромонах (1896), инспектор, а позже ректор Новгородской духовной семинарии. Настоятель монастыря св. Антония Римлянина, архимандрит. Инспектор Московской духовной академии (1897), Ректор Московской духовной академии (1898). Хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии (февр. 1899).

Епископ Псковский и Порховский (1903-1910). Доктор церковной истории (1904), ученый археолог. Член (1905), позже – председатель Учебного комитета при Св. Синоде. Архиепископ, член Государственного Совета (1907). Архиепископ Новгородский и Старорусский (1910-1933, с 1917 – митрополит). Член Всероссийского Церковного Поместного Собора 1917-1918 гг., один из трех кандидатов на Патриарший Престол. Привлечен к суду вместе со Святителем Тихоном (1922), отбывал ссылку в Средней Азии. Постоянный член Временного Патриаршего Св. Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителе митрополите Сергии (Страгородском). Фактически в заседаниях не участвовал. Митрополит Ташкентский и Туркестанский (1933-1936). Скончался в Ташкенте, погребен там на городском кладбище.

301. Новгородские епархиальные ведомости. 1916. № 52. 30 декабря. Часть неофициальная. С. 1622-1624. Со ссылкой на: Правительственный вестник. № 266. 1916, 13 декабря.

302. Новгородские епархиальные ведомости. 1916. № 51. 18 декабря. Часть неофициальная. С. 1587-1589.

303. Будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексей (Сергей Владимирович Симанский, 27.11.1877†17.4.1970) – сын камергера Высочайшего Двора. Окончил Московский Николаевский Лицей, юридический факультет Императорского Московского университета (1899) и Московскую Духовную академию (1904) со степенью кандидата богословия. Пострижен в мантию (1902). Рукоположен в священный сан (1903). Инспектор Псковской духовной семинарии (1904). Ректор Тульской духовной семинарии, архимандрит (1906). Ректор Новгородской духовной семинарии; настоятель Антониева Сийского монастыря (1911). Хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии (28.4.1913). Избран Патриархом Московским и всея Руси (4.2.1945).

304. Новгородские епархиальные ведомости. 1916. № 52. 30 декабря. Часть неофициальная. С. 1613-1621. Со ссылкой на: Церковные ведомости. 1916. № 45. С. 1083.

305. ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 332. Л. 81 л.

306. Скорее всего речь идет об *Иване Петровиче Колесникове* (1897†30.10.1983) – хорунжем Лейб-Гвардии 2-й Кубанской сотни Собственного Его Императорского Величества Конвоя, казаке станицы Константиновской Кубанского казачьего войска. Во время февральского переворота 1917 г. находился в Царском Селе. Впоследствии сотник. В эмиграции в Югославии. Во вторую мировую войну служил в Русском корпусе в 1-й гвардейской сотне 1-го казачьего генерала Зборовского полка. Скончался в Лос-Анджелесе (США). Супруга Анна Томовна умерла там же 27.10.1973.

307. ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 а-2.

308. ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 10. Л. 174 об.

309. Образ находился в храме св. благоверного Вел. Кн. Александра Невского Лейб-Гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка (до 1910 г. – батальона). Церковь заложили в 1913 г. Закрыли в 1919 г. Здание сохранилось (Кадетский бульвар, 14).

310. Высокая и дивная прозорливица старица Мария Михайловна. Составил Лукиан Трофимов. Новгород. Тип. Н. И. Богдановского. 1916. 12 с. Дозволено военным цензором. Новгород. Октября 10 дня 1916.

311. Блаженная Паша Дивеевская (схимонахиня Параскева, ок. 1790-1800†22.9.1915) – в миру Ирина Ивановна, в Дивееве с 1884 г.

312. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. 1. С. 188.

313. Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М. 2000. С. 118.

314. ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 об.

315. ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 10. Л. 175.

316. «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма Великого Князя Николая Михайловича Вдовствующей Императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4. С. 18, 19.

317. Иславин М. В., бывш. Новгородский губернатор. Приезд в Новгород в 1916 г. Императрицы Александры Феодоровны // Рукописный отдел РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 551. Л. 1-5. Цит. по: Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х-1918 гг.). Круглый стол по религиозному образованию и диаконии. М. 2002. С. 481.

318. Русский инвалид. 1916. 14 декабря.

319. Рус. перевод Н. Б. Лебедевой англ. изд.: Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы Всероссийской. Лондон 1928. В печати.

320. Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. Т. II. Нью-Йорк. Всеславянское издательство. 1962. С. 190-193. Недавнее переиздание этого трехтомника минским издательством «Харвест» (2004) отличается никак неоговоренной редактурой текста, часто граничащей с фальсификацией. В приведенном отрывке, например, слово «старица» заменено словом «прорицательница», совершенно изменяющим духовный смысл. Закономерен вопрос и о качестве других переизданий мемуаров, которым активно занимается это издательство.

321. Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. С. 119.

322. Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. С. 108.

323. Супруга главного начальника Московского военного округа (1915-1917) генерала от артиллерии И. И. Мрозовского (1857†1934).

324. *Александр Георгиевич герцог Лейхтенбергский, князь Романовский* (1881†1942) – флигель-адъютант Свиты Его Величества, полковник Л.-Гв. Гусарского полка. В дни февральского переворота находился в Александровском дворце. Скончался во Франции.

325. *Александр Карлович Ден* (27.7.1908 †1980) – сын Лили (Ю. А. Ден). Крестник Императрицы. Скончался в Венесуэле. Оставил неопубликованные воспоминания, которые начал записывать в Каракасе 19 февраля 1966 г.

326. *А. И. Жук* – санитар, ухаживавший за А. А. Вырубовой после железнодорожной катастрофы. Служил в Царскосельском лазарете Вырубовой. Впоследствии – фельдшер. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Через него А. А. Вырубова вела переписку с Царственными Мучениками.

327. Полковник «воздухобойной артиллерии». Императрица упоминает его в Своем письме Государю от 6.9.1916 г. Зенитная батарея была размещена в Царском Селе в 1916 г. для отражения возможных налетов германской авиации. Мальцев вел строительные работы по сооружению храма преп. Серафима на территории лазарета А. А. Вырубовой. После февральского переворота 1917 г. арестован в Царском Селе одним из первых, днем 2 марта.

328. Скорее всего, речь идет о Семене Юлиановиче Сидорчуке (1862 †1925), инженере и архитекторе, по проекту которого в Царском Селе была воздвигнута Ратная палата.

329. Прот. Александр Васильев.

330. ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8. Л. 5-7.

331. ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 10. Л. 177 об.-178 об.

332. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. 1. С. 253-256.

333. Новгородские епархиальные ведомости. 1917. № 1. Часть неофициальная. С. 29-30.

334. Там же. Часть официальная. С. 2.

335. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. 1. С. 257.

336. Письма Патриарха Алексия своему духовнику. Изд. Средненского монастыря. 2000. С. 14.

337. ГАРФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 28. Л. 147.

338. *Прасковья Григорьевна Лупалова* (1788†1809), известная также под именем *Параша Сибирячки* – происходила из бедной дворянской семьи. За растрату казенных денег ее отец в 1801 г.

был сослан в Сибирь. Дочь, которой в ту пору исполнилось 13 лет, последовала за отцом. Считая его невинно пострадавшим, через несколько лет она упросила отпустить ее к Царю, твердо веря, что Государь помилует и простит престарелого родителя. Девочка отправилась в путь около 1803 г. Шла пешком, не имея и копейки. Питаясь подаяниями, она добралась до Екатеринбурга, затем до Вятки и, наконец, добралась до С.-Петербурга. Прощение ее дошло до Императора Александра I, который, действительно, помиловал отца, а дочери велел выдать 2000 рублей. Имя самоотверженной девушки получило в то время в России громкую известность. Оно нашло отражение в нескольких повестях и рассказах. Была даже написана опера «Параша-Сибирячка» (музыка Д. Ю. Струйского). Что касается П. Г. Лупаловой, то она поступила в Десятинный женский монастырь, где скончалась от чахотки.

339. Погребена в подвальном этаже собора, где в апреле 1913 г. был устроен придел в честь Старорусской иконы Божией Матери.

340. Новгородские епархиальные ведомости. 1917. № 3. Часть неофициальная. С. 148-151.

341. Там же. С. 151-153.

342. Государыня имеет в виду убийство Г. Е. Распутина в ночь с 16-го на 17-е декабря 1916 г. В гроб на грудь убиенного Г. Е. Распутина Царица положила икону Божией Матери «Знамение», которой Ее благословил 11 декабря 1916 г. архиепископ Арсений (Стадницкий). На ней расписались Государыня, Великие Княжны и А. А. Вырубова.

343. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VIII. М. 1998. С. 407-408.

344. Жизнеописание в Бозе почившей рабы Божией высокой подвижницы и дивной прозорливицы, старицы Марии Михайловны. † скончалась 29 января 1917 г. С 2 рис. в тексте. Сост. Л. Т. Трофимов. 2-е изд., испр. и доп. Пг. Издание М. Г. Кривошлыка. 1918. 24 с. Петроград. Тип. «Единение», Невский пр. 136. Склад издания наст. кн. находится: в Петрограде, Гороховая, 13-28, чайный магазин, у Петра Антиповича Нешумова, и в Новгороде — Десятинный монастырь.

В предисловии к книжке «От издателя» говорится:

«Милосердный Господи! Всесильный Творец! Упокой душу смиренной рабы Твоей Марии в селениях праведных, в обителях Твоих.

Блаженная Старица Мария! Непрестанно моли Всемиловитого Бога о спасении России и душ наших и о совместном, по отходе душ наших, пребывании с тобою вблизи Престола непреступной Славы Пресвятой Троицы!

Дорогие братья и сестры во Христе Иисусе! Возрадуемся и возвеселимся за усопшую блаженную Старицу Марию, ибо «Бог упокаивается во Святых Своих», заканчивая любвеобильный творческий труд Свой в деле личного водительства каждого из нас по пути спасения к вечности!

Издавая эту брошюрку на свой счет, я радостно понес на себе не только редакторский и издательский труд, но принял на себя и все типографские расходы – за печать, бумагу и прочее с тем, чтобы всю валовую выручку от продажи 5-ти тысяч ее экземпляров, ценою по 85 копеек, т. е. все 4250 рублей пожертвовать полностью на окончание постройки воздвигаемого св. храма, в котором будут покоиться останки приснопамятной блаженной Старицы Марии.

Объединимся, братья и сестры во Христе, вокруг этого нового светильника Земли Русской и понесем наши лепты, и малые и большие – во Славу Божию, на св. храм, памятуя, что «рука дающего не оскудеет». Будем подражать тем щедрым благотворителям, которые, по внушению Всеблагото Промысла Божия, уже внесли свои лепты на постройку нового св. храма, на Алексеевском хуторе, в 10-ти верстах от Великого Новгорода, а именно:

Иван Васильевич Темнов,
Николай Иосифович Кукунин,
Андрей Ульянович Ульянов,
Михаил Васильевич Борабанов,
Елизавета Яковлевна Смирнова,
Федор Павлович Догин,
Михаил Кононович Кузнецов,
Илья Федорович Лапшин,
Наталья Сергеевна Кузнецова,
Екатерина Платоновна Михеева,
Иван Владимирович Скородумов,
Михаил Дмитриевич Усов,
Петр Антипович Нешумов.

Царство Небесное тебе, дорогая и незабвенная Старица Мария, и вечный покой!

Горячий почитатель Марии Михайловны, всегда искренно и глубоко благодарный ей

издатель *М. Г. Кривошлык*.

345. Закладку каменного храма в честь святителя Алексия, митрополита Московского, чье имя носил Цесаревич Алексей Николаевич, совершал архиепископ Арсений. Происходило это на хуторе Алексеевском в окрестностях нынешнего Ермолина (*Мусатов Вл. Старица Мария Михайловна // «Где Святая София, там и Новгород»*. СПб. 1998. С. 382).

346. Примечательно, что и Г. Е. Распутин также просил устроить Всероссийский крестный ход. Это нашло отражение в письмах Государыни Императору:

12.6.1915: «Он Тебя настоятельно просит поскорее приказать, чтобы в один определенный день по всей стране был устроен *всеросс. крестный ход* с молением о даровании победы. Бог скорее услышит, если все обратятся к Нему. Пожалуйста, отдай приказание об этом выбери какой угодно день и пошли Свое приказание по телеграфу (открыто, чтобы все могли прочесть) *Саблеру*. Скажи об этом же *Шавельскому*. Теперь *Петр. пост*, так теперь это еще более своевременно, это поднимет дух и послужит утешением для наших храбрых воинов. — Прошу Тебя, дорогой, исполни Мою просьбу. Пусть приказание исходит от Тебя, а не от *Синода*. [...] ...Бог поможет. Когда эти *кр. ходы* будут устроены, Я уверена, Он услышит молитвы Твоего верного народа».

Государь — Императрице 15.6.1915: «Я говорил с *Шавельским* об устройстве в какой-нибудь день *крестных ходов* по всей России. Он нашел это правильным и предложил сделать это 8 июля, в день *Казанской Божией Матери*, который празднуется повсеместно».

15.6.1915: «Прикажи устроить *крестные ходы* теперь, не откладывая их, любимый, слушайся Меня, это очень важно, — прикажи скорее, теперь ведь пост и потому более своевременно, — выбери хотя бы день Петра и Павла, но только поскорее. — О, почему Мы не вместе и не можем обсудить всего, чтобы избежать роковых ошибок! — Я слушаюсь не разума Своего, а Своей души, и желала бы, чтобы Ты это сделал, Мой любимый».

16.6.1915: «Дружок, помни и прикажи поскорее *крестный ход* — теперь во время поста самый подходящий момент, и это должно исходить исключительно от Тебя, а не от нового *обер-прокурора Синода*».

22.6.1915: «Что Ты решил относительно дня *крестного хода*? Надеюсь, что Ты дал приказание об этом от Своего имени».

25.6.1915: «Прошу Тебя, ответь Мне, будут ли *крестные ходы* 29-го, так как это очень большой праздник и конец поста. Извини, что пристаю к Тебе опять, но так хочется знать, п. ч. ничего здесь не слышишь».

347. Государь записал в дневнике 8 июля: «В 12 1/2 все Мы поехали на молебствие о даровании победы у Феодоровского собора, куда сошлись крестные ходы со всего Царского Села. Проводил с детьми духовную процессию до ворот в парке». Сохранилась киносъемка этого события. Крестному ходу предшествовало благословение Государя Г. Е. Распутиным св. образом

на вступление Его в Верховное главнокомандование Русской армией. Официально Император занял этот пост 23 августа.

348. Речь идет о блаженной Анне Ивановне (†1.7.1853), происходившей также из благородного рода (по поводу чего существует несколько версий). До революции на ее могиле была построена даже часовня. См. о ней в кн.: Блаженные Санкт-Петербурга. От святой блаженной Ксении Петербургской до Любушки Сусанинской. СПб. 2001. С. 90-124.

349. *Анастасия Дмитриевна Вальцева* (1871†1913) – русская певица (сопрано), исполнительница цыганских романсов, артистка оперетты.

350. «Визит Императрицы в келлию Марии Михайловны, – пишет современный исследователь, – в памяти новгородцев оброс легендами и слухами. Все видели, что от старицы Александра Федоровна вышла в слезах. По одной версии Мария Михайловна якобы сказала Ей: “Береги Царя”. По другой: “Умрете (или умрешь) не в Короне”. В “Софии” № 5 опубликованы воспоминания новгородского регента В. И. Хахилева. Он ссылался на свидетельство петроградского купца Темнова, который слышал, как старица предсказала Царской Семье “нехорошую смерть”. Есть, однако, документ, не позволяющий эти версии безоговорочно принять, – письмо [Императрицы] Александры Федоровны [Императору] Николаю II от 12 декабря 1916 г. [...] Скорее всего это – легенда, возникшая задним числом» (*Мусатов Вл.* Старица Мария Михайловна // «Где Святая София, там и Новгород». СПб. 1998. С. 381, 382).

351. Далее в книжке речь идет о юродивой «Мелании Матвеевне Горловой и Ганьиной».

352. *Козлов Н.* Заметки православного // Царь-Колокол. № 4. М. 1990. С. 49.

С. С. Бехтеев

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ

Печатается по: *Бехтеев С. С.* Грядущее. Стихотворения. СПб. 2002. С. 80, 82-83, 85-86.

Сергей Сергеевич Бехтеев (7.4.1879†4.5.1954) – известный русский поэт-монархист («Царский поэт»). Родился в Ельце Орловской губернии в дворянской семье. У него было пять сестер и три брата. Одна из его сестер Екатерина (1874†1958) была фрейлиной двух Императриц. Окончил Императорский Александровский Лицей в Царском Селе (1897-1903). В чине коллежского ассессора исправлял должность земского начальника Елецкого уезда (1911). Непременный член Орловского губернского присутствия. С началом Великой войны, окончив офицерские курсы, в чине корнета отправился с Кавалергардским полком на фронт. Получив ранение в голову, попал в Дворцовый лазарет в

Царском Селе, где удостоился встречи с Государыней Императрицей и Великими Княжнами. Через свою сестру З. С. Толстую, состоявшую в переписке с Царственными Мучениками, посылал Им свои стихи. С. С. Бехтеев принял участие в Белом движении на Кавказе. Покинул Россию в ноябре 1920 г. из Крыма. В эмиграции жил в Югославии и Франции (с 1929 г.), издав там 9 сборников своих стихов. Погребен на русском кладбище Кокад в Ницце, где жил все годы своего пребывания во Франции.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА В ЕЕ ПИСЬМАХ

Печатается по: Предисловие // Русская летопись. Кн. 4. Париж. 1922. С. 5-11; Кн. 6. Париж. 1924. С. 5-11; *Стремоухов П. П.* Императрица Александра Феодоровна в Ее письмах // Русская летопись. Кн. 6. Париж. 1924. С. 61-117.

353. Выходивший в Париже альманах «Русская летопись» редактировал *Сергей Ефимович Крыжановский* (29.8.1862 или 1861†12.1.1935), окончивший юридический факультет С.-Петербургского университета. В студенческие годы принадлежал к радикальному кружку В. И. Вернадского, И. М. Гревса и др. Чиновник в судебных учреждениях (1885-1896). Перешел в Министерство внутренних дел (1896). Товарищ министра внутренних дел (1906-1911). Сотрудник П. Н. Дурново и П. А. Столыпина. Сенатор (1906). Автор Закона о Государственной думе от 3 июня 1907 г., Государственном Совете и Совете министров. В 1911-1916 гг. его кандидатура неоднократно предлагалась на должность министра внутренних дел, но неизменно отвергалась Государем, проявлявшим к нему личное недоверие в связи с деятельностью Крыжановского в 1904-1911 гг. в области законотворчества. Тайный советник (1907). Последний Государственный секретарь Российской Империи (1911-1917). Член Государственного Совета (1.1.1917). В марте 1917 г. был арестован. В эмиграции жил в Париже, где и скончался.

354. Вот как об обстоятельствах «находки» писем писал автор предисловия к берлинскому изданию переписки: «Письма Императрицы найдены были в Екатеринбурге после убийства Царской Семьи в черном ящике с выгравированными на нем инициалами “Н. А.”. Они хранились там вместе с письмами Императора Вильгельма, уже опубликованными. Письма к Государю все написаны по-английски...» (Письма Императрицы Александры Феодоровны к Императору Николаю II. Т. I. Берлин. Книгоиздательство «Слово». 1922. С. I).

Специальная Комиссия «по разборке материалов, найденных у последнего Романова», была создана 10 сентября 1918 г. президентом ВЦИК (Последние дневники Императрицы Александры Феодоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г. Под

ред. В. А. Козлова и В. М. Хрусталева. Новосибирск. 1999. С. 10-11. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 35. Д. 11. Л. 1-3).

«В 1918 г., сразу же после расстрела Царской Семьи, те документы, которые, сопровождали Семью во время высылки, были привезены из Екатеринбурга в Москву и находились в Кремле, в помещении ВЦИК. В конце 1918 г. после образования Главного управления архивным делом документы Царской Семьи, в том числе и дневники Николая II, поступили в управление и составили особое отделение под названием "Новоромановский архив", куда позднее стали поступать и другие находки» (Дневники Императора Николая II. М. 1991. С. 35).

На историю формирования архивного фонда Царской Семьи и первые зарубежные публикации на иностранных языках некоторый свет проливает предисловие к публикации отрывков из дневников и записной книжки Императора Александра III, принадлежащее некоему «Т...»: «Последние поколения Семьи Романовых оставили после себя многочисленные дневники, находящиеся ныне в Москве в б. Архиве иностранных дел, куда они во время революции были привезены из библиотек Аничкова и Зимнего Дворца. Здесь в Архиве их предали забвению и лишь дневники б. Царя Николая II и Александры Федоровны привлекли внимание представителей большевистской власти. Наряду с другими документами последнего Царствования (архивом Сазонова) они явились в 1919-1920 гг. предметом пристального изучения в так. наз. Дипломатической секции Архива, занимавшейся выяснением причин мировой войны и установлением ее виновников. Некоторые итоги этих изысканий были затем опубликованы в Германии, дневники же б. Царской Четы появились в 1921 г. в периодической печати американской и французской (в "Revue de France")» (Из дневников и записной книжки Александра III // Современные записки. Т. 13. Париж. 1922. С. 334-335).

Небольшие фрагменты переписки Царской Семьи и дневников Государя печатались в газете «Правда» и «Известия».

Первое полное издание писем Императрицы на языке оригинала (английском) и на русском вышло за рубежом (Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. Перевод с англ. В. Д. Набокова. Т. I-II. Берлин. Книгоиздательство «Слово». 1922. Рец. на т. I: (*Кизветтер* А. Письма Царицы // Современные записки. Т. 13. Париж. 1922. С. 322-334). В России увидела свет уже переписка, но только на русском языке, причем в др. переводе (Красный архив. 1923. № 4. С. 157-221; Переписка Николая и Александры Романовых. Тт. III-V (1914-1917). М.-Л. 1923-1927. Рец.: Переписка Николая и Александры Романовых // Былое. 1924. № 23. С. 243-282).

Что касается дневников Государя, то они сохранились полностью, начиная с того времени, когда в 1882 г., будучи 14 лет, Он начал их вести, вплоть до 30 июня 1918 г., когда Им была сделана последняя запись. 36 лет жизни отражены в 51 тетради, хранящихся ныне в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 601. Оп. 1. Д. 217-266).

Как и в случае с перепиской Царственных Мучеников, дневник Государя впервые была напечатана за границей. Первая публикация увидела свет в коммунистической прессе Франции уже в 1918 г. См. также: Дневник Императора Николая II. Берлин. Книгоиздательство «Слово». 1923. «Вступительное замечание» этого эмигрантского издания открывается следующей весьма показательной сентенцией: «Царствование Императора Николая II представляет одну из самых мрачных страниц русской истории» (с. 7).

Дневник: записи с 1 по 31 июля 1914 г. (1934. № 3/64); с декабря 1916 по 30 июня. 1918 (1927. №№ 1/20-3/22; 1928. № 2/27) в СССР был опубликован в журнале «Красный архив».

Наиболее полное издание дневников Государя было осуществлено в Москве в 1991 году.

По всей вероятности, готовились к изданию и дневники за 1917-1918 гг. Императрицы Александры Феодоровны. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся рукописные копии-расшифровки этих двух тетрадей, сделанные в 1923 г. Отдельные фрагменты дневника Императрицы были опубликованы еще в 1920 году американским журналистом еврейского происхождения Айзеком Дон Левиным, на основании фотоконии, полученной им в ноябре 1919 г. от М. Н. Покровского (Chicago Daily News. 1920. June. 22-26, 28).

Изданные уже в наше время, дневники Царицы, как и предшествовавшие им публикации начала 1920-х гг., вышли также сначала за границей, а потом в России: The Last Diary of Tsaritsa Alexandra. Introduction by Robert K. Massie. Yale University Press. New Haven and London. 1997; Последние дневники Императрицы Александры Феодоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Под ред. В. А. Козлова и В. М. Хрусталева. Новосибирск. 1999).

В связи с этими публикациями все еще неразрешенной остается источниковедческая проблема (степень подлинности публикаций). Генерал от инфантерии В. И. Гурко (1864 †1937) считал: «Документы, которые опубликованы, не являются материалом вполне безупречным; даже письма Государя и Государыни напечатаны с извращениями». (Лашков С. И. Правда о Монархе // Царский вестник. № 380. Белград 1934. 8/21 января. С. 3).

Есть и другие проблемы, касающиеся как переписки Царственных Мучеников, так и дневников Государя, до сих пор остающиеся нерешенными. Попробуем сформулировать некоторые из таких требующих, на наш взгляд, разрешения вопросов.

Сразу же оговоримся: издание Царской переписки и дневников следует рассматривать как серьезную политическую и идеологическую акцию, имевшую, безусловно, вне зависимости от воли осуществлявших ее сил, значительный духовный смысл. На техническом уровне решение принималось в Политбюро (во всяком случае, отдельными его членами, тогда еще, возможно, обладавшими делегированной через Свердлова властью). А потому в архивах должна храниться если не запись обсуждения или оформленное решение, то, по крайней мере, резолюции на записках М. Н. Покровского, на котором, скорее всего, лежало «научное» обезпечение (прикрытие) «Царского дела». (Общеизвестно, что именно через Покровского осуществлялась дезинформация мирового общественного мнения и, в известной мере, будущих поколений по поводу цареубийства; он же «курировал» вскрытие Царских гробниц в Петропавловской крепости и др. подобные акции. Вряд ли властям было разумно расширять круг информированных людей.)

На сегодняшний день архивы вновь закрыты, но это не значит, что нужно сидеть, сложа руки. Исследователи могут, например, выявить некоторые составляющие этой акции, которые помогут, пусть и косвенным путем, прийти к верным выводам. Можно, скажем, сравнить временные рамки интересующих нас изданий с хронологией внутренней борьбы за власть в СССР, играми ОГПУ с русской эмиграцией, международной обстановкой, наконец.

Предстоит понять, почему было решено сделать ставку именно на берлинское издательство «Слово». Почему там согласились и на каких условиях? Через кого осуществлялась связь?

Держатели архива по каким-то причинам первоначально решили не публиковать письма Государя. Вероятно, они полагали, что так они сильнее скомпрометируют Государыню, а, значит, опять-таки Самодержавие в целом. Были, вероятно, и иные мотивы.

О некой незавершенности этой совместной акции свидетельствует «говорящая» сравнительная нумерация томов писем зарубежного (I-II) и советского (III-V) изданий, подтверждающая, что в СССР сначала предполагали издать довоенную переписку, но после 1927 г. надобность в этом по каким-то (каким?) причинам отпала.

Словом, пока вопросов больше, чем ответов...

355. Об этических проблемах публикации писем Государыни писала в 1923 г. и З. Н. Гиппиус, женщина довольно ядовитая, настроенная весьма антимонархически: «Кстати, здесь о письмах Ее [Императрицы], т. е. не о них, а о фактах напечатания, обнародования, интимнейших писем женщины, жены к мужу. Да еще взятых у мертвой, только что, вместе с Мужем и Детями, убитой столь жестоко и позорно.

Само по себе – такое обнародование чудовищно. Средний культурный человек, особенно до войны, не поверил бы, что это возможно. Однако недопустимое сделано. Без него никогда не знали бы правды, отныне твердой и неоспоримой, об этой женщине, как верной и любящей женщине, как верной и любящей жене, как самоотверженной матери.

Не знали бы мы и правды о Ней – Императрице. Не знали бы с потрясающей, неумолимой точностью, как послужила Она Своему страшному времени. А нам надо знать. Эта правда Ей не принадлежит. И хорошо, что не осталась она скрытой» (*Гиппиус З. Н. Живые лица. Воспоминания. Кн. 2. Тбилиси. 1991. С. 59*). Сама Зинаида Николаевна, разумеется, вкладывала в последние слова иной смысл. Характерно, что тут же она приводила до неузнаваемости фальсифицированный текст одного из «писем».

356. *Владимир Михайлович Руднев* – товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда, следователь Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством. «Следователь Чрезвычайной следственной комиссии Руднев действительно сделал письменное заявление о результатах работы комиссии, которой не удалось найти буквально ничего, чтобы скомпрометировать Николая II и Государыню (одно заявление Руднев сделал в Екатеринодаре в 1919 году на 27 страницах, другое уже за рубежом). Стараясь дискредитировать работу Муравьевской комиссии, Касвинов (автор лживой советской книги о цареубийстве – С. Ф.) пробовал всячески доказать, что главной ее целью являлась попытка скрыть и замаскировать “преступления Царя и Александры Федоровны”. На самом же деле было совершенно обратное. Член президиума комиссии А. Ф. Романов (Романов был назначен Керенским как “оппозиционер”, отказавшийся до февральской революции от высокого поста в Ставке), в своих воспоминаниях не только полностью подтвердил точку зрения Руднева, но и обвинил Муравьева с его кликой в попытке “всеми правдами и неправдами установить преступность всех и вся, и отомстить всем деятелям старого режима. Ни о каком правовом русле у лиц этого направления не было и речи”. Муравьев сделал стенографические записи показаний

обвиняемых и они попали в руки большевиков. Романов советовал относиться к записям с сугубой осторожностью, так как "они никем не подписывались, обвиняемым не предъявлялись, и редактировались четырьмя литераторами, в числе которых был и Блок, певец большевизма". (Категорически отрицает всякую причастность Государыни к "измене" и товарищ председателя Муравьевской чрезвычайной комиссии, сенатор С. В. Завадский. Его воспоминания были напечатаны в XI томе "Архива русской революции")» (*Пагануцци П. Н. Правда об убийстве Царской Семьи. Историко-критический очерк. Джорданвилль. 1981. С. 124-125; Романов А. Ф. Николай II и его Правительство по данным Чрезвычайной следственной комиссии // Русская летопись. Кн. 2. Париж. 1922*).

357. С 1919 г. Берлин становится крупным центром русской эмиграции и издательского дела, непомерно большую роль в котором играли евреи. В начале 1920-х только «за один год было зарегистрировано не менее семнадцати новых книгоиздательских фирм, а по статистическим данным в 1922-м году все эти русские издательства выпустили в свет больше русских книг и изданий, чем в тот год было выпущено в Германии немецких. Большинство книгоиздателей и книготорговцев были евреи. [...] На берлинском горизонте широко развернулось издательство "Слово", возникшее уже в 1919 году. Половина паев принадлежала известному немецкому издательству Ульштейн, а другая половина – русско-еврейской группе. Это книгоиздательство возглавлялось И. В. Гессеном и А. И. Каминкой. Членом правления был Б. И. Элькин. Изд-ство "Слово" имело огромные заслуги по выпуску серийных русских классиков, а также ряда отдельных русских трудов, представлявших собой исключительный интерес, как, например, мемуаров С. Ю. Витте, писем Александры Феодоровны к Николаю II...» (*Левитан И. Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе 1917-1967. Под ред. Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и А. А. Гольденвейзера. Союз русских евреев. Нью-Йорк (переиздание. М. 2002). С. 458, 459*).

Следует обратить особое внимание на эту «сцепку»: воспоминания Витте, письма Царицы и – прибавим мы к этому – дневники Царя. О двух последних источниках речь уже шла. Остановимся сейчас на первом.

О мемуарах С. Ю. Витте стало известно сразу же после смерти графа (28.2.1915). О них был прекрасно осведомлен и будущий их издатель И. В. Гессен (Речь. 1915. 1 марта). Ими активно интересовался Император Николай II и известный враг России американский еврейский банкир Я. Шиф, предлагавший Витте, еще при жизни последнего, в 1905 г., миллион долларов за ав-

торские права. Именно Шифу и продала, в конце концов, уже после революции, мемуары мужа Матильда Витте (Переписка об американском издании воспоминаний С. Ю. Витте. Публ., вступит. ст. Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина // *Russian Studies*. Ежеквартирник русской филологии и культуры. СПб. 1995. Т. 1. № 3. С. 236-244).

К публикации мемуаров приступил упомянутый И. В. Гессен в «Руле». Причем первый фрагмент («Николай II и Александра Федоровна») вышел ровно в канун 4-й годовщины убийства Г. Е. Распутина 16/29 декабря 1920 г. Публикация отрывков осуществлялась вплоть до 1923 г. Тем временем возглавляемое тем же Гессеном «Слово» выпустило отдельное издание мемуаров гр. Витте: первый том увидел свет в октябре 1921 г., второй – в апреле 1922 г., третий – в марте 1923 г.

Редактировал мемуары пасынок И. В. Гессена – Семен (Соломон) Ильич Штейн (1887-1951) (*Каганович Б. С. С. И. Штейн – первый редактор мемуаров С. Ю. Витте // Россия в XIX-XX вв. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб. 1998. С. 57-60*). Автор одного из первых отзывов недоумевал: «Недавно появившийся [...] русский текст первого тома воспоминаний Витте вызывает уже полное недоумение. В нем ни расположение отдельных частей, ни местами самое изложение не совпадают с иностранными переводами воспоминаний. [...] Способ же их издания отнимает у напечатанного текста всякую достоверность до такой степени, что в конце концов не знаешь, да что же собственно заключает подлинник, что из него изъято, а что быть может и добавлено. Исторiku, когда он будет пользоваться воспоминаниями гр. Витте, придется прежде всего выяснить их подлинное содержание» (*Гурко В. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа С. Ю. Витте» // Русская летопись. Кн. 2. Париж. 1922. С. 64*).

При сравнении текста, изданного Гессеном, с рукописными оригиналами современные исследователи пришли к парадоксальному выводу. С одной стороны, пишут они, Штейн «довольно осторожно обращался с текстом мемуаров и почти не правил его», с другой, «совершенно свободно и по своему усмотрению систематизировал этот текст, производил перестановки, формировал тома и главы, опуская некоторые фрагменты». И еще: «Многочисленные перестановки текста, произведенные Гессеном, не только изменили облик оригинала, но отразились на содержании. Некоторые из тем (хотя бы в результате того, что они были вынесены в название глав) оказались выделенными в ущерб другим, переместились акценты в оценке тех или иных событий или лиц, не дошел до читателя ряд не только деталей, но и сюжетов» (*Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте и его вос-*

поминания // Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб. 2003. С. 12, 13-14).

И это при том, что и сам текст мемуаров, написанных гр. С. Ю. Витте, весьма тенденциозен. Уже упоминавшийся нами рецензент отмечал: «Пристрастность Витте, столь ярко обнаружившаяся в его воспоминаниях, уже сама по себе лишает их в известной мере значения того первостепенного исторического материала, которым несомненно могли бы быть мемуары человека, в течение долгого периода являвшегося если не формальным, то фактическим главой русского правительства» (Гурко В. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа С. Ю. Витте». С. 64).

И еще один «параллельный», в связи с др. интересующими нас изданиями берлинского «Слова», сюжет: сразу же вслед за первым изданием мемуаров Витте в СССР их повторили (Тт. 1-3. М.-Пг. 1923-1924), причем с предисловием ...М. Н. Покровского. И последнее: издание в 2003 г. (к 150-летию со дня рождения графа) стенографических рассказов и рукописных заметок, хранящихся ныне в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке, стало возможным благодаря «помощи» М. М. Касьянова, Е. М. Примакова, С. В. Степашина... и фонда Сороса...

358. Петр Петрович Стремоухов (1865†1935) – егермейстер. Сувалкский (1904), Саратовский (1911), Костромской (1912), Варшавский (19.1.1915) губернатор. Главноуполномоченный по устройству беженцев Ярославской и Костромской губерний. Директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел (1916). Сенатор. Участник Белого движения. В эмиграции (с 1920). Автор воспоминаний, опубликованных в «Архиве русской революции» (Т. XVI. Берлин. 1925).

359. Владимир Николаевич Львов (2.4.1872-1934) – помещик. Окончил юридический и исторический факультеты Московского университета. В качестве вольнослушателя посещал лекции в Московской духовной академии. Член партии октябристов. Депутат Государственной думы III и IV созывов; председатель Комиссии по делам Русской Православной Церкви. Член Прогрессивного блока (1915). После февральского переворота член Временного комитета Государственной думы (27.2.1917). Революционный обер-прокурор Св. Синода (2.3.1917–24.7.1917). Член Поместного Собора 1917-1918 гг. Участник Корниловского выступления. Во время гражданской войны, оказавшись на территории, подчиненной адм. А. В. Колчаку, выехал в Японию (январь 1920). Переехал во Францию, где примкнул к «сменовеховству». Вернувшись в советскую Россию (1922), принимал активное участие

в обновленческом расколе. Будучи арестованным ОГПУ (1927), выслан в Томск на три года. Освободившись из ссылки, остался жить в Томске, где и скончался.

360. Николай Виссарионович Некрасов (20.10.1879-14.4/7.5.1940) — сын протоиерея. После окончания С.-Петербургского института путей сообщения (1902) был лектором Томского педагогического института. Для подготовки к профессорскому званию на два года отправлен в заграничную командировку (1903) — в Германию и Швейцарию. Инженер. Делегат I съезда партии народной свободы (кадетской) от Таврической губернии (с 1909 г. член ЦК). Лидер ее левого крыла. Депутат III и IV Государственных дум от Томской губернии. Один из руководителей Земгора. Видный деятель политического масонства. Член Верховного совета Великого Востока народов России, секретарь Верховного совета (1915). Совместно с Гучковым участвовал в попытке организации дворцового переворота. Товарищ председателя Государственной думы (5.11.1916). После переворота министр путей сообщения (2.3.1917). Вышел из кадетской партии (июль 1917). Заместитель министра-председателя (8.7.1917). Заместитель председателя и министр финансов (24.7.1917). Генерал-губернатор Финляндии (сент. 1917). После октябрьского переворота 1917 г. активного участия в борьбе против большевиков не принимал. Работал в Петроградском отделении Московского народного банка. Переехал в Москву (март 1918). Статистик в Наркомпроде. Под фамилией Голгофский уехал в Уфу (17.6.1918); работал в кооперации. Вернулся в Москву (20.12.1918). Секретарь Института школьных инструкторов физического труда при отделе единой школы Наркомпроса. Жил и работал в Омске и Казани. Опознан и арестован (1921). После встречи с Лениным отпущен (май 1921). Работал в биржевом комитете и потребкооперации. Арестован по обвинению в саботаже и приговорен к 10 годам заключения (1931). Работал на строительстве Беломорканала. Досрочно освобожден (28.3.1933), продолжая работать на строительстве канала. Начальник карьерного хозяйства канала Москва-Волга. Награжден орденом Трудового красного знамени. Начальник работ Калязинского района строительства Волгостроя (окт. 1937). Арестован по обвинению в покушении на жизнь Ленина в 1918 г. (13.6.1939). Расстрелян. Реабилитирован (1991).

361. Александр Иванович Гучков (1862-1936) — действительный статский советник, член Государственного Совета, председатель III Государственной думы, основатель и лидер партии октябристов; председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне (1915-1917). Револю-

ционный деятель, один из главных виновников февральской смуты. Военный и морской министр в первом составе Временного правительства (март-май 1917). Эмигрировал, когда Белая армия эвакуировалась из Крыма, развернув за границей собственную антибольшевицкую кампанию. С годами у него росли прогерманские настроения. Будучи в Париже, поддерживал тайные связи с Германским генеральным штабом. Среди небольшой группы поддерживавших его был генерал Скоблин, работавший на чекистов. Скомпрометированный такими связями, Гучков умер в одиночестве. Характерно, что его дочь Вера Гучкова-Сувчинская-Треиль (р. 1906) была членом французской компартии, несколько раз приезжала в СССР, довольно долго прожив там в 1936 г. По мнению французской сыскной полиции, она была советским агентом.

362. *Андрей Иванович Шингарев* (19.8.1869-7.1.1918) – окончил Московский университет. Из мещан. Врач в Воронежской губернии. Земский гласный. Один из основателей кадетской партии. Депутат II, III и IV Государственных дум. Член думской масонской ложи. Председатель военно-морской комиссии Думы (1915). Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (авг. 1915). Сразу же после февральского переворота 1917 г. возглавил продовольственную комиссию. Министр земледелия, а позднее финансов (5.5-2.7.1917) Временного правительства. После октябрьского переворота арестован и заключен большевиками в Петропавловскую крепость. Убит после перевода в больницу матросами и красногвардейцами.

363. *Павел Николаевич Милоков* (1859-1943) – историк, член IV Государственной Думы, лидер кадетской партии. Один из главных виновников февральской смуты. Министр иностранных дел Временного правительства. Распространитель заведомо ложной клеветы на Государыню.

364. *Александр Федорович Керенский* (22.4.1881-11.6.1970) – родился в Симбирске, окончил юридический факультет Петербургского университета, адвокат по профессии, видный масон (глава масонского послушания "Великий Восток России"), член IV Государственной думы (1912), входил в думскую масонскую ложу, в Верховный совет масонов России. В первые дни февральской смуты 1917 г. товарищ председателя исполнительного комитета совета рабочих депутатов, затем революционный министр юстиции (март), военный и морской министр (май), верховный главнокомандующий (сентябрь) и премьер-министр Временного правительства (июль). После прихода к власти большевиков эмигрировал, жил во Франции, позже (1940) в США.

365. *Александр Апполонович Мануйлов* (22.3.1861-20.7.1929) – из дворян. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. Преподавал в Московском университете, став проректором (1908). Член Государственного Совета (1906-1911). Член ЦК кадетской партии (1905). Министр просвещения Временного правительства (февр.-июль 1917). После октябрьского переворота 1917 г. выехал в Тифлис, откуда направил письмо Ленину, заявив о желании сотрудничать с советской властью. Преподавал в Московском университете (1918). Консультант наркомфина (1919-1920). Участник проведения денежной реформы 1922 г. Член правления Госбанка СССР (с 1924).

366. *Александр Иванов Коновалов* (17.9.1875-28.1.1949) – происходил из семьи крупных фабрикантов Костромской губернии. Принадлежал к числу богатейших людей России. Один из создателей торгово-промышленной партии (1905). Член ЦК партии прогрессистов (1912). Депутат IV Думы. Член думской масонской ложи и верховного совета «Великого Востока народов России». Состоял в Прогрессивном блоке. Член Временного комитета Государственной думы (27.2.1917). Министр торговли и промышленности Временного правительства (2.3-18.5.1917). Заместитель министра-председателя и министр торговли и промышленности (с 25.9.1917). Арестован большевиками и заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден (январь 1918). В эмиграции во Франции. После немецкой оккупации Парижа (1940), будучи масоном, бежал в Португалию. Перебрался в Нью-Йорк (июнь 1941). Скончался в Париже.

367. *Михаил Иванович Терещенко* (18.3.1886-1.4.1956) – родился в семье крупнейших сахарозаводчиков и землевладельцев. Учился в Киевском и Лейпцигском университетах. Сдал экстерном экзамены по курсу юридического факультета Московского университета (1909). Преподавал в университете на кафедре римского и гражданского права. Покинул его в знак протеста против увольнения трех преподавателей. Чиновник особых поручений при дирекции Императорских театров в Петербурге (1911). Камер-юнкер. Получил потомственное дворянство. Депутат IV Государственной думы. Масон. Во время Великой войны работал в организациях Красного Креста. Товарищ председателя Всероссийского военно-промышленного комитета (1915). Член Русско-Английского общества (ноябрь 1916). Участвовал в возглавляемом Гучковым заговоре. Министр финансов Временного правительства (2.3.1917). Министр иностранных дел (5.5.1917). Вел переговоры с правительством Великобритании о предоставлении убежища Царской Семье. Член Директории (1.9.1917). Заместитель министра-председателя (5.9.1917). Подал в отставку (12.9.1917). Министр иностранных дел (25.9.1917). Арестован

большевиками и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения (весна 1918) бежал из России. Жил в Норвегии, Франции и Англии. Сторонник вооруженной борьбы с большевиками. Крупный финансист. Совладелец нескольких финансовых компаний и банков во Франции и на Мадагаскаре. Скончался в Монако.

368. Иван Васильевич Годнев (1856-?) – из семьи помещиков. Окончил медицинский факультет Казанского университета и Медико-хирургическую академию. Доктор медицины. Приват-доцент Казанского университета. Депутат Государственной думы III и IV созывов. Член партии октябристов. Член Прогрессивного блока. Комиссар Временного правительства. Государственный контролер (март-июль 1917). После октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал.

369. Василий Витальевич Шульгин (1878†1976) – депутат правого крыла Государственной думы; монархист, лидер фракции прогрессивных националистов. Участник февральской смуты 1917 г.; член Временного комитета Государственной думы. Выступая на заседании депутатов четырех Дум в Таврическом дворце 27.4.1917 сказал: «Даже не желая этого, мы революцию творили. Потому, господа, нам от этой революции не отречься. Мы с нею связались, мы с нею спаялись и за нее несем моральную ответственность» (*Тальберг Н. Д.* Неизвестная Россия. М. 1995. С. 212). Принадлежность его к масонству документально не зафиксирована, однако для такого утверждения есть некоторые основания. Один из зарубежных исследователей масонства уверенно называет представителя «монархистов» Шульгина как одного из участников надпартийного центра заговора февралистов (*Башилов Б.* История русского масонства. Вып. 16-17. М. «Наш современник». 1995. С. 231). Об этом же свидетельствуют и взгляды самого Шульгина. В одном из позднейших его писем читаем: «Никулин тщательно разбирался в букашках и козявках нашей Российской Кунсткамеры, но Слона “не заметил”. Слоны – это Ангелины. Слоны – это Ясновидение, которое есть, существует. Не только существует, но, как мне кажется, в XXI веке станет главенствующим фактором. Все, что сейчас мы считаем жизнью – религия, наука, философия, любовь и ненависть, социальный строй, формы правления и само государство – будет определяться ясновидящими, иначе сказать, мудрецами» («Давайте искать то, что нас объединяет». Письмо В. В. Шульгина Ф. М. Эрмлеру // Звезда. 1996. № 1. С. 138; см. также: *Жуков Д. А.* Таинственные встречи. М. «Патриот». 1992). Участвовал в создании Добровольческой армии. В эмиграции вступил в связь с подпольной монархической организацией в СССР, в действительности оказавшейся связанной с ГПУ. При содействии этой

«организации» в декабре 1925 г. побывал на родине, написав по возвращении восторженную книгу о своем путешествии. Узнав о том, что его провело ГПУ, в 1931 г. отошел от общественных дел и поселился в Югославии; постепенно перешел на позиции сменовеховства. Арестован в Югославии советскими спецслужбами (1944). В 1956 г. освобожден. Умер во Владимире.

370. *Василий Алексеевич Маклаков* (8.5.1869-14.7.1957) – происходил из семьи потомственных дворян; брат министра внутренних дел. Сдал экстерном экзамен по курсу юридического факультета (1895). Адвокат. Член ЦК партии кадетов. Депутат II, III и IV Государственных дум. Масон; в 1905 г. вступил в парижскую ложу «Масонский авангард» (1905). Возведен в Париже в 18-ю степень (1908). Защитник М. Бейлиса в судебном деле о ритуальном убийстве православного мальчика Андрея Ющинского (1913). Один из лидеров Прогрессивного блока. Соучастник убийства Г. Е. Распутина. Комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции. Член Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (май 1917). Посол Временного правительства во Франции. Представлял за рубежом Белое движение. Председатель Русского комитета при Лиге наций. Состоял в масонской ложе «Свободная Россия». После Великой Отечественной войны возглавлял группу масонов, под видом «патриотов»-эмигрантов пытавшихся сблизиться с СССР с целью проникновения туда для возобновления масонской работы. Скончался в Швейцарии.

371. *Алексей Андреевич Поливанов* (1855-1920) – родился в дворянской семье. Окончил Николаевское инженерное училище, Николаевскую инженерную академию и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Генерал-квартирмейстер (18.1.1905). Начальник Главного штаба (27.6.1905). Помощник военного министра (апр. 1906). Генерал от инфантерии (1911). Член Государственного Совета (1912). Военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства (10.9.1915-15.3.1916). После февральского переворота 1917 г. председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах. При большевиках арестовывался ВЧК (1918). Вступил в Красную армию (1920); член Особого совещания при Главкоме и член Военно-законодательного совета РВСР. Скончался от тифа.

372. *Алексей Алексеевич Брусилов* (1853-1926) – генерал от кавалерии; командующий Юго-Западным фронтом (с марта 1916). При Временном правительстве – Верховный главнокомандующий (22.5-19.7.1917; заменен Корниловым). Приказом РВС назначен председателем Особого совещания при Главкоме красной

армии (2.5.1920); инспектор кавалерии (1923-1924); состоял для особо важных поручений при РВС СССР (с 1924). Автор кн. «Мои воспоминания» (1929). Масон. «Надо сказать, что Брусилов, – писал генерал от инфантерии Н. А. Епанчин, – был армянского происхождения и, возможно, что в нем говорила его кровь; возможно, что тут имело значение влияние его жены; она была дочерью известной писательницы Желиховской. Какого направления она была до революции, я не знаю, но, живя в Каменец-Подольске в первое время революции, она вела себя крайне безтактно. Так, встречая офицеров и солдат на улице, она вступала с ними в разговоры и горячо уверяла их, что ее муж, “ваш Главнокомандующий, старый революционер”, что он не изменит новому строю и пр. Была ли Брусилову известна эта пропаганда, я не знаю, но ясно, что она вносила смуту в войска» (*Епанчин Н. А. На службе трех Императоров. М. 1996. С. 471*). Еще в 1916 г. этот «герой»-генерал, мемуары которого не брезгуют помещать на своих страницах считающие себя “монархическими” журналы, высказывался следующим образом: «Если придется выбирать между Царем и Россией – я пойду за Россией» (*Родзянко В. В. Крушение Империи. Харьков. 1990. С. 200*). Между прочим супруга Брусилова, Желиховская, приходилась племянницей небезызвестной масонке и теософу Блаватской; да и сам генерал «увлекался мистикой» (*Дудаков С. История одного мифа. М. 1993. С. 259*). Таким образом, через супругу, он также состоял в родстве и с С. Ю. Витте.

373. Генерал от кавалерии Владимир Александрович Сухомлинов (4.8.1848†2.2.1926) – происходил из дворян Ковенской губернии. Окончил Николаевское училище гвардейских юнкеров и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в Л.-Гв. Уланском Его Величества полку. На штабных должностях (с 1874). Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Правитель дел Николаевской академии Генерального штаба (1878-1884). Командир 6-го Лейб-драгунского Павлоградского полка (1884-1886). Начальник Офицерской кавалерийской школы (1886-1897). Начальник 10-й кавалерийской дивизии (1897-1899). Начальник штаба Киевского военного округа (1899-1902). Помощник командующего (1902-1904) и командующий (1904-1908) войсками Киевского военного округа. Генерал от кавалерии (1906). Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (1905-1908). Начальник Генерального штаба (1908-1909). Военный министр (1909-1915). Член Государственного Совета (1911). Генерал-адъютант (1912). По сфальсифицированному обвинению в государственном преступлении отстранен от должности (июнь 1915); был даже заключен в крепость. В 1917 г. приговорен к пожизненному заключению, но уже на след. год освобожден.

ден по старости. Эмигрировал. Выехал сначала в Финляндию, а затем в Германию.

374. *Михаил Алексеевич Беляев* (23.12.1863† сент. 1918) – окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Начальник отделения в Главном штабе (1906). Генерал-квартирмейстер (1909). Начальник отдела по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба (1910). Генерал от инфантерии (1914). Начальник Главного управления Генерального штаба (2.8.1914). Помощник военного министра (июнь 1915). Член Военного совета (авг. 1916). Представитель Русской армии при румынском командовании (сент. 1916). Военный министр (3.1.1917). После февральского переворота 1917 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян большевиками.

375. *Дмитрий Савельевич Шуваев* (12.10.1854-?) – родился в Уфе в семье потомственных почетных граждан. Окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию (1870), 3-е военное Александровское училище (1872), Николаевскую академию Генерального Штаба (1878). Генерал от инфантерии. Военный министр (15.3.1916-3.1.1917). Член Государственного Совета (11.1.1917). После февральского переворота 1917 г. к ответственности не привлекался. Уволен в отставку (май 1917). Поступил на службу в Красную армию (1920). Начальник штаба и командующий 4-й армией во время советско-польской войны. Начальник штаба Петроградского военного округа (1922). Преподавал на курсах красного комсостава «Выстрел». В отставке (1928); персональный пенсионер. Арестован органами НКВД. Расстрелян.

376. *Генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский* (1868† 1939) – генерал-квартирмейстер Ставки. Выказался за отречение Государя. После большевицкого переворота помощник командующего Добровольческой армией (1918-1919), председатель правительства ген. Деникина (1919-1920). В эмиграции (с марта 1920). Оставил воспоминания в 2 томах (изд. «Кирхнер». Берлин. 1922).

377. *Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич* (24.2.1870-3.8.1956) – родился в Москве в семье землемера. Окончил Московский межевой институт (1891), Московское пехотное училище (1892), Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Служил в штабе Киевского военного округа (1898-1907). Преподавал тактику в Николаевской академии Генерального штаба; занимался обучением. Полковник. Во время войны генерал-квартирмейстер 3-й армии (с сент. 1914). Служил в штабе Северо-Западного фронта. Начальник штаба Северного фронта при генерале-изменнике и масоне Рузском (авг. 1915-фев. 1916).

Генерал-лейтенант (1915). После февральского переворота 1917 г. член Псковского совета. Главнокомандующий войсками Северного фронта (авг.-сент. 1917). Участвовал в подавлении Корниловского мятежа. После большевицкого переворота 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего (7.11.1917). Участвовал в организации обороны Петрограда (фев. 1918). Руководитель Высшего военного совета (с 4.3.1918). Начальник Полевого штаба РВС РСФСР (июнь-июль 1919). Редактор военно-исторической комиссии по обобщению опыта войны 1914-1918 гг. Участвовал в создании Высшего геодезического управления ВСНХ (март 1919), которое и возглавлял (до окт. 1923). Вел научную и преподавательскую работу. Доктор военных и технических наук. Генерал-лейтенант (1944). Был женат на Анне Семеновне Тинкер (1886-1956), состоявшей в первом браке за Соломоном Исаевичем Черномордиком (1880-1943) — основателем и первым директором Музея Революции. Старший брат известного близкого Ленину большевика В. Д. Бонч-Бруевича (1873-1955).

378. *Борис Владимирович Штюрмер* (15.7.1848 †20.8.1917) — окончил юридический факультет С.-Петербургского университета со степенью кандидата прав. Служил в Сенате, Министерстве юстиции и одновременно в придворной Экспедиции церемониальных дел (1878). Камергер Двора (1888). Председатель Тверской губернской земской управы (1890). Действительный статский советник (1891). Переведен на службу в Министерство внутренних дел (1892). Новгородский (1894) и Ярославский (1896) губернатор. Гофмейстер (1896). Директор Департамента общих дел МВД (1902-1904). Член Государственного Совета (3.9.1904). Председатель Совета министров (20.1.1916), министр внутренних (3 марта — 7 июля) и иностранных дел (7 июля — 10 ноября 1916) России. Обер-камергер (1916). Уволен в отставку (10.11.1916). Обвинен в германофильстве и подготовке сепаратного мира. После февральского переворота 1917 г. арестован. Заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где и скончался.

379. *Князь Николай Дмитриевич Голицын* (31.3.1850 †20.6/3.7.1925) — родился в имени родителей Поречье Можайского уезда Московской губернии. Окончил Ларинскую гимназию в С.-Петербурге и Императорский Александровский лицей (1871). Поступил на службу в Министерство внутренних дел. Камер-юнкер Двора (1876). Архангельский вице-губернатор (1879); губернатор (1885). Калужский губернатор (1893). Тайный советник (1896). Тверской губернатор (1897). Сенатор (1903). Действительный тайный советник (1914). Председатель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во враже-

ских странах (1915). Член Государственного Совета (24.11.1915). Председатель Совета министров (27.12.1916). После февральского переворота арестован (28.2.1917). Будучи освобожденным с обязательством не участвовать в политической деятельности, поселился с сыном в Москве, занимаясь сапожным ремеслом. Переехал в Рыбинск, где работал сторожем на общественных огородах. Дважды арестовывался чекистами. В третий раз арестован (12.5.1925). Водворен в Бутырскую тюрьму в Москве. Переведен в Ленинград, где постановлением Коллегии ОГПУ расстрелян.

380. Александр Димитриевич Протопопов (18.12.1866 †27.10.1918) – из дворян Симбирской губернии. После окончания 1-й Кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища выпущен корнетом в Л.-Гв. Конно-гренадерский полк (1885). В отставке (1890). Причислен к Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям Императрицы Марии (1891). Председатель Союза суконных фабрикантов. Предводитель дворянства Корсунского уезда (1905). Депутат III и IV Государственной думы (с 20.5.1914 – товарищ председателя Думы). Член партии октябристов. Камер-юнкер (1908). Действительный статский советник (1909). Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (авг. 1915). Предводитель дворянства Симбирской губернии (фев. 1916). Управляющий (16.9.1916), а затем министр (20.12.1916) внутренних дел России. После февральского переворота заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян чекистами в Москве.

381. Иван Григорьевич Щегловитов (13.2.1861 †5.9.1918) – из потомственных дворян. По окончании с золотой медалью Императорского Училища правоведения (1881) служил по судебному ведомству. Товарищ прокурора: Нижегородского (1885) и С.-Петербургского (1887) окружного судов. Прокурор С.-Петербургского окружного суда (1894). Товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты (1895). Товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената (1898); с 1898 г. – в I Департаменте Сената. Вице-директор I Департамента Министерства юстиции (1900-1903). Обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената (1903-1905). Директор I Департамента Министерства юстиции (22.4.1905). Товарищ министра юстиции (1.2.1906). Министр юстиции (24.4.1906). Член Государственного Совета (1.1.1907). Сенатор (1911). Статс-секретарь Его Императорского Величества (1911). Действительный тайный советник (1914). В деле Бейлиса занимал твердую государственную позицию. Уволен от должности министра юстиции (6.7.1915), не потеряв при этом личного расположения Императора. Председатель Государственного Совета (1.1.1917). После февральского

переворота 1917 г. арестован одним из первых, еще вечером 27 февраля. В заключении в Петропавловской крепости (1.3.1917-26.2.1918), будучи сданным с рук на руки временщиками большевикам. Переведен в Москву, где, сохранив верность присяге Государю, принял мученическую кончину.

382. Николай Алексеевич Маклаков (9.9.1871†5.9.1918) – происходил из семьи потомственных дворян; брат В. А. Маклакова. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Служил чиновником Министерства финансов. Начальник отделения Тамбовской казенной палатой (1900). Управляющий Полтавской казенной палатой (1906). Черниговский губернатор (7.6.1909). Камергер Двора (1909). Действительный статский советник (1911). Министр внутренних дел (16.12.1912). Гофмейстер Двора (1913). Член Государственного Совета (21.1.1915). Уволен в результате давления оппозиции (5.7.1915). С тех пор являлся негласным политическим советником Государя; был сторонником роспуска Думы. После февральского переворота 1917 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян чекистами в Москве.

383. Священномученик протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов (20.1.1864†4.9.1918) – настоятель Покровского собора в Москве (храма Василия Блаженного) (с 31.5.1913). Известный миссионер и проповедник.

384. В. Д. Набоков, как известно, был убит монархистами, покушавшимися на жизнь П. Н. Милюкова, оклеветавшего Государыню в своей думской речи 1.10.1916, давшей, по общему мнению, «штурмовой сигнал» клятвопреступного февральского бунта 1917 г. Акция имела место во время лекции Милюкова в Берлине под характерным названием «Америка и восстановление России». Один из покушавшихся П. Н. Шабельский-Борк «кричал, что он мстит Милюкову за Императрицу» (*Гершельман А. С. Покушение монархистов на Милюкова // Наша страна. № 2499-2500. Буэнос-Айрес. 1998. 4 июля. С. 5*). Убитый по «ошибке» переводчик краденных писем Царицы-Мученицы был не только активным деятелем Временного правительства (управляющий его делами), но также масоном, одним из участников составления отречения Великого Князя Михаила Александровича. Родился он в семье министра юстиции времен правления Императора Александра II Д. Н. Набокова от брака его с 17-летней баронессой Корф, на которой женила его мать последней, чтобы прикрыть долголетнее прелюбодеяние (*Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. 2001. С. 363-364*).

385. Иосиф Саулович (с 1891 г. *Владимирович*) **Гессен** (15.4.1865-22.3.1943) – родился в Одессе в купеческой семье. Окончил Одес-

скую гимназию (1882). Учился в Новороссийском университете (1882-1885) и на юридическом факультете С.-Петербургского университета (1885). Арестован за участие в народовольческих кружках (дек. 1885); сослан в административном порядке в Усть-Сысольск Вологодской губернии (1886). Возратившись, сдал экстерном экзамен за курс юридического факультета (1889). Женился в Одессе на разведенной Анне Исааковне Штейн. Перед вступлением в брак он и его жена приняли Православие, крестив детей от первого брака (1891), что дало им право обосноваться в С.-Петербурге (1896). Служил в Министерстве юстиции. Помощник (1902), а позднее (1904) присяжный поверенный (адвокат) округа С.-Петербургской судебной палаты. Основал (совместно с А. И. Каминкой) ежедневную юридическую газету «Право» (1898-дек. 1917). Активный деятель либерального движения. Участник учредительного съезда партии кадетов (осень 1905); товарищ ее Петербургского комитета; член ЦК (1906). Редактировал центральный кадетский орган газету «Речь». Участвовал в секретных переговорах ЦК с премьер-министром С. Ю. Витте о создании конституционного кабинета. Депутат Государственной думы II созыва, демонстративно записавшись как православный, но еврей по национальности (чего не требовалось). После февральского переворота 1917 г. и. о. комиссара по делам печати. Один из создателей «Союза русских писателей», председатель «Союза редакторов ежедневных газет». Член Предпарламента.

Не приняв большевицкого переворота, эмигрировал в Финляндию (январь 1919), а затем в Германию (1920), где к тому времени проживало множество еврейских журналистов из России. Основал там газету «Руль» (1921-1931), издательство «Слово», печатал «Архив русской революции» (Тт. 1-22. Берлин. 1921-1937). «Исключительную роль, — писал А. Седых (Як. Цвибак), один из еврейских журналистов, — играл в эти годы в Берлине И. В. Гессен, который вступил в контакт с мощным немецким издательством Ульштейна и в 1921 году основал газету «Руль». Газета выходила под редакцией Гессена, А. И. Каминки и В. Д. Набокова, была как бы эмигрантским продолжением «Речи»... [...] «Руль» по своему политическому направлению представлял правое крыло кадетской партии» (Седых А. Русские евреи в эмигрантской литературе // Книга о русском еврействе 1917-1967. Союз русских евреев. Нью-Йорк (переиздание. М. 2002). С. 437, 438). «Демократическая газета «Руль», — писал еще летом 1924 г. русский монархист Н. Е. Марков 2-й, — известна своей ненавистью к Царской Династии, именно ее руководитель Иосель Гессен издал в искусно «обработанном» виде добытые большевизмом разбоем письма Государыни Александры Феодоровны и днев-

ник Государя» (*Марков Н. Ловцы правды // Высший монархический совет. № 124. 1924. 9-22 июня*).

Бежал во Францию (1936), затем из Парижа в Лимож (июнь 1940) и, наконец, в США (дек. 1942). Скончался в Нью-Йорке. Автор мемуаров: «В двух веках. Жизненный отчет» (Архив русской революции. Т. 22. Берлин. 1937); «Годы изгнания» (Париж. 1979).

386. Речь идет о генерал-майоре А. А. Орлове-Балтийском.

387. *Графиня Мария Эдуардовна Клейнмихель* (1846 †19.11.1931), урожд. гр. Келлер – супруга гр. Николая Петровича Клейнмихеля, сына знаменитого министра путей сообщения при Императоре Николае I. Играла значительную роль в придворной жизни времен Императоров Александра III и Николая II. Ее салон на Сергиевской улице в С.-Петербурге пользовался широкой известностью. От Вел. Кн. Константина Константиновича (К. Р.) имела побочного сына – Е. Придворова (поэта Демьяна Бедного) (Незабытые могилы. Т. 3. М. 2001. С. 302). Во время Великой войны молва приписывала ей шпионаж в пользу Германии. В апр. 1919 г. с трудом выехала за границу (в Стокгольм). Здесь ею были написаны записки, полные великосветских сплетен и слухов (Из потонувшего мира. Мемуары. Пер. с фр. рукописи. Берлин. «Глагол». Б. г.), переизданные в СССР (Пг.-М. 1923). Скончалась в Париже.

388. *Великий Князь Сергей Михайлович* (25.9.1869†18.7.1918) – внук Императора Николая I, пятый сына Вел. Кн. Михаила Николаевича. Генерал-адъютант, генерал от артиллерии по Гвардейскому корпусу; инспектор (1904), а позже (1905) генерал-инспектор артиллерии. В годы Великой войны – полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем. Убит под Алапаевском. Похоронен при храме Всех святых Русской духовной миссии в Пекине.

389. *Иван Логгинович Горемыкин* (27.10.1839†11.12.1917) – окончил Императорское училище правоведения. Министр внутренних дел (1895-1899). Член Государственного совета (1907). Председатель Совета министров (1914-1916). Буквально в первые часы бунта 28 февраля 1917 г. этот престарелый человек (ему шел 78-й год) был арестован временщиками и препровожден в министерский павильон Государственной думы, хотя к тому времени уже целый год (с 20.1.1916) находился в отставке. В мае 1917 г., не найдя ничего компрометирующего, его вынуждены были освободить. Через несколько месяцев на даче около г. Сочи Иван Логгинович с супругой Александрой Ивановной, дочерью Александрой и ее супругом, дипломатом Иваном Александровичем Овчинниковым приняли мученическую кончину от рук порожденных революцией бандитов.

390. *Граф Горацій Герберт Китченер* (ум. 1916) – английский фельдмаршал и военный министр. Масон. Отправившись в Россию, погиб на крейсере, торпедированном немецкой подводной лодкой.

391. Речь идет о капитане 1-го ранга Н. П. Саблине.

392. *Александр Александрович фон Дренгельн* (1868 †14.5.1925) – в военной службе с 1890 г. Выпущен офицером (1891). Флигель-адъютант Его Величества. Штаб-офицер для поручений при Главной Императорской квартире (сент. 1915). Генерал-майор Свиты Его Величества. Командир Л.-Гв. Преображенского полка. Остался в советской России. Скончался в Вологодской губернии.

393. *Николай Николаевич Родионов* (1886†24.9.1962) – окончил Морской корпус (1905). Старший лейтенант Гвардейского экипажа. Входил в ближайшее окружение Государя. Участвовал в гражданской войне. Входил в состав Вооруженных сил Юга России. Капитан 2-го ранга. Эвакуировался из Одессы. В эмиграции во Франции. Секретарь объединения офицеров Гвардейского экипажа в Париже (1929). Вышел из кают-компании в Париже в Морское собрание (1932) Скончался под Парижем. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

394. *Николай Карлович фон Мекк* (1863-1929) – финансист, председатель правления Московско-Казанской железной дороги, гласный Московского губернского земского собрания. Масон. Член Комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, состоявшего под покровительством Вел. Княгини Елизаветы Феодоровны. Оставшись в России, был расстрелян большевиками по «делу промпартии». В знак протеста против его расстрела в Великом Востоке Франции в Париже был проведен большой митинг.

395. *Князь Николай Борисович Щербатов* (22.1.1868†23.6.1943) – камергер, действительный тайный советник. Министр внутренних дел (июнь-сентябрь 1915). Полтавский губернский предводитель дворянства. Управляющий государственным коннозаводством. Член Государственного Совета. Во время гражданской войны находился на юге России; поддерживал сначала А. И. Деникина, потом П. Н. Врангеля. В эмиграции (к. 1920). Жил в Баварии (Германия). Там и скончался.

396. *Александр Васильевич Кривошеин* (19.7.1857 †28.10.1921) – сын выслужившегося из рядовых офицера. Окончил С.-Петербургский университет со степенью кандидата прав. Чиновник Министерства юстиции. Начальник Переселенческого управления (1904). Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (8.6.1905). Член Государственного Совета (6.5.1906). Товарищ министра финансов (6.10.1906). Главноуправляющий землеустройством и земледелием (21.5.1908). Близкий сотрудник

П. А. Столыпина. Гофмейстер Двора (1909). Статс-секретарь (1910). В годы Великой войны был среди либеральных министров, считавших необходимым учитывать требования Прогрессивного блока. Возглавлял Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу (17.8.1915). Уволен с должности главноуправляющего (26.10.1915). Главноуполномоченный Российского Красного Креста (1915). После октябрьского переворота 1917 г. активный деятель антибольшевизмского движения. Возглавлял правительство Юга России в Крыму (1920); пытался провести аграрную реформу. После разгрома Врангеля в эмиграции. Скончался в Берлине.

397. *Сергей Васильевич Рухлов* (24.6.1852†19.10.1918) – министр путей сообщения (1909-1915). Действительный тайный советник (1913). Один из учредителей, а затем председатель (с 1908) Всероссийского национального союза. Член Государственного Совета (1914). Убит большевиками у горы Машук (под Пятигорском).

398. *Князь Александр Николаевич Оболенский* (24.2.1872†14.2.1924) – окончил Пажеский корпус (1891). Офицер Л.-Гв. Преображенского полка; командир 1-го батальона. Генерал-майор. Рязанский губернатор (1910). Петроградский градоначальник (1914-1916). Во время гражданской войны находился в Северо-Западной армии (1919-1920). В эмиграции во Франции. Скончался в Париже.

399. Речь идет о князе *Всеволоде Николаевиче Шаховском*.

400. *Дмитрий Владимирович фон Ден* (6.9.1874-3.9.1937) – из финляндских дворян. Окончил Морской корпус (1892). Во время русско-японской войны участвовал в Цусимском сражении. Военный агент в Австро-Венгрии и Италии (1906-1911). Назначен в Свиту Императора (1912). Флигель-адъютант. Прикомандирован к Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества (1914). Капитан 1-го ранга. Офицер для поручений при Императорской Главной квартире. Помощник начальника военно-походной канцелярии. Уволен с мундиром и пенсией (24.3.1917). Во время гражданской войны агент А. И. Деникина и П. Н. Врангеля в Италии. Скончался в Риме. Погребен на кладбище Тестаццо.

401. *Граф Дмитрий Сергеевич Шереметев* (28.5.1869†25.11.1943) – родился в Царском Селе. Выпущен офицером (1892). Полковник Кавалергардского полка. Флигель-адъютант. Входил в ближайшее окружение Императора. Супруга – Ирина Илларионовна (1872†1959), урожд. Воронцова-Дашкова. В эмиграции в Италии. Председатель Союза русских дворян (1926-1929). Скончался в Риме.

402. *Владимир Александрович Комаров* – генерал-лейтенант. Командир Л.-Гв Собственного Его Величества Сводного полка. Начальник Петроградского дворцового управления.

403. *Князь Николай Александрович Вяземский* (14.11.1857 †24.6.1925) – окончил Морской корпус (1879). Контр-адмирал. Командовал Императорской яхтой «Полярная Звезда». Вице-адмирал Гвардейского экипажа (1916). Состоял в Свите. Член Адмиралтейского совета. В эмиграции в Дании. Скончался в Копенгагене от паралича сердца.

404. *Яков Григорьевич Жилинский* (15.3.1853†1918) – окончил Николаевское кавалерийское училище (1876) и Николаевскую академию Генерального штаба (1883). Офицер Кавалергардского полка. Генерал от кавалерии. Перед Великой войной Варшавский генерал-губернатор. Начальник Генерального штаба (1911-1914). Командующий войсками Варшавского военного округа (1914). Главнокомандующий Северо-Западным фронтом. Представитель Ставки при Главном командовании англо-французского союзного фронта. Расстрелян большевиками.

405. Имеется в виду полковник Лев Захарович Силаев.

406. Речь идет о Вел. Кн. Кирилле Владимировиче.

407. Имеется в виду ген. Петр Петрович Баранов.

408. *Александр Николаевич Наумов* (1868†1950) – родился в Симбирске в дворянской семье. Окончил юридический факультет Императорского Московского университета (1892). Егермейстер (1908). Самарский губернский предводитель дворянства (1914-1917). Управляющий Министерством земледелия (10.11.1915). Министр земледелия (1.1-21.7.1916). После октябрьского переворота 1917 г. переехал на юг России, где поддерживал Белое движение. Эмигрировал в Константинополь (1.11.1920), а весной 1921 г. переехал во Францию. Скончался в Ницце. Похоронен там на кладбище Кокад.

409. *Александр Александрович Макаров* (7.7.1857-ок. февр. 1919) – родился в С.-Петербурге в купеческой семье. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Сенатор (22.4.1907). Действительный тайный советник (1.1.1917). Занимал пост министра внутренних дел (20.9.1911-16.12.1912). Член Государственного Совета (1915). Министр юстиции (7.7-20.12.1916). После февральского переворота 1917 г. арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Освобожден. Жил в Петрограде. Арестован большевиками и расстрелян.

410. *Сергей Димитриевич Сазонов* (1860†1927) – гофмейстер, член Государственного Совета, товарищ министра иностранных дел (1909-1910), министр иностранных дел (1910-1916). Супруга его приходилась сестрой жене П. А. Столыпина. В годы гражданской войны служил в правительствах Колчака и Деникина,

был их представителем на Парижской мирной конференции. Умер в Ницце.

411. Речь идет о третьей жене (с 1909) генерала – *Екатерине Викторовне Сухомлиновой* (24.11.1882†1924/1925), урожденной Гошкевич; в первом браке была за директором народных училищ Бессарабской губернии В. Н. Бутовичем. Она была на 34 года моложе ген. В. А. Сухомлинова.

412. Сохранилось немало документов, исходивших от различных полицейских, жандармских и военных органов, свидетельствовавших о подрывной деятельности на фронте и в тылу в 1915-1916 гг.: о «противоправительственной военной пропаганде евреями, врачами и санитарями в санитарных поездах», о «преступной пропаганде среди войск злонамеренных лиц из служащих в общественных организациях (больницах Всероссийского земского союза, инженерно-строительных рабочих дружин Земского и Городского союзов и Петроградском комитете по оказанию помощи евреям, пострадавшим от войны)» (*Якобий И. П.* Император Николай II и революция. Б. м. 1938. С. 367-368).

413. *Евгений Константинович Арсеньев* (3.11.1873†29.5.1938) – из дворян С.-Петербургской губернии. Окончил 8-ю С.-Петербургскую гимназию, два курса С.-Петербургского университета, Курсы восточных языков, Офицерскую кавалерийскую школу. Выпущен офицером (12.8.1895). Служил в Л.-Гв. Уланском Ее Величества полку. Участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае (1900-1901), в русско-японской войне 1904-1905 гг. Флигель-адъютант Его Величества. Командир эскадрона. Ротмистр (1907). Полковник (1911). Участвовал с полком в Великой войне. Командовал головным отрядом Конного корпуса ген. Хана Нахичеванского. Награжден орденом св. Георгия 4-й ст. Командир Л.-Гв. Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка (12.11.1914). Генерал-майор с зачислением в Свиту Его Величества (23.11.1914). Начальник 2-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии (15.12.1915). Командир 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии (27.1.1917). После февральского переворота 1917 г. назначен командиром гвардейского кавалерийского корпуса. Генерал-лейтенант (29.4.1917). После большевицкого переворота 1917 г. в Петрограде занимался отправкой офицеров в белые армии (1918). Выехал в Финляндию (лето 1918). Вступил в Северо-Западную армию. Начальник 1-й дивизии (1919). Командир 2-го стрелкового корпуса (июнь 1919). В эмиграции (1921). Председатель Объединения Л.-Гв. Уланского Ее Величества полка. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Переехал во Францию. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

414. *Граф Алексей Александрович Бобринский* (19.5.1852 † 2.9.1927) – окончил два курса юридического факультета С.-Петербургского университета. Обер-гофмейстер Двора Е. И. В. (14.11.1916). Действительный статский советник (1883). Сенатор (1896). Член Государственного Совета (1912). Товарищ министра внутренних дел (25.3.1916). Министр земледелия (21.7-14.11.1916). После большевицкого переворота 1917 г. выехал в Киев (1918). Эмигрировал (1919). Проживал в Берлине. Возвратился в Россию в Крым. Эвакуировался в Константинополь (1920). Переехал во Францию. Поддерживал Вел. Кн. Кирилла Владимировича. Проживал в Ницце. Скончался в Грасе. Похоронен на кладбище Кокад в Ницце.

ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА

Печатается по: *Куприн А.* Дневники и письма // Русская газета. Париж. 1923. 24 декабря. С. 1.

Александр Иванович Куприн (1870†25.8.1938) – русский писатель. Эмигрировал в Эстонию (окт. 1919), затем в Финляндию и Париж (июнь 1920). Редактировал журнал «Отечество» (февр.-июнь 1921). Член правления и вице-председатель Союза русских писателей и ученых в Париже (1921). Вернуться в Россию разрешил писателю лично И. В. Сталин; затем (27.10.1936) это подтвердили опросом члены Политбюро ЦК ВКП(б). Куприн приехал в Москву 31.5.1937. Летом 1937 г. он отдыхал и лечился в доме отдыха Литфонда в Голицыне под Москвой. В столице жил до конца 1937 г. Затем переехал в Ленинград. Лето провел в Гатчине, где и скончался. Похоронен в Ленинграде на Литераторских мостках Волкова кладбища.

415. Речь идет о *Михаиле Ивановиче Ростовцеве* (1870†1952) – археологе, историке античности. Окончил Императорский С.-Петербургский университет. Преподавал на Высших женских курсах. Приват-доцент историко-филологического факультета; профессор, ординарный профессор кафедры классической филологии С.-Петербургского университета. Доктор римской словесности. Статский советник. Академик Российской академии наук (май 1917). В эмиграции (1918) сначала во Франции, затем в США (1920). Профессор Йельского университета.

СЛУХИ О СЕПАРАТНОМ МИРЕ

Печатается по: *Гр. П. А. Игнатьев.* Моя миссия в Париже. М. 1999. С. 95-96, 98-100, 102, 104-112.

Граф Павел Алексеевич Игнатьев (18.12.1879†19.11/2.12.1930) – сын генерал-адъютанта генерала от кавалерии гр. А. П. Игнатьева, убитого эсером-террористом в 1906 г., и гр. С. С. Игнатьевой, урожд. кн. Мещерской. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета и Николаевскую академию Генерального штаба. Ротмистр Л.-Гв. Гусарского полка. В начале

войны командовал эскадронам этого полка. Будучи раненым, выбыл из строя и был направлен в контрразведку при штабе Юго-Западного фронта. В к. 1915 г. отправлен в Париж для создания службы русской контрразведки. Начальник Русской миссии в Межсоюзническом бюро при Военном министерстве Франции. Полковник Генерального штаба. В эмиграции во Франции. Член Комитета по постановке памятника русским воинам, павшим на французском фронте. Скончался в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В дневнике Государя за описываемый период есть два упоминания о встрече с «гр. Игнатьевым», причем без всяких дополнительных уточнений, с каким именно. (21.10.1916. Царское Село): «В 4 ч. принял гр. Игнатьева». (19.11.1918. Могилев. Ставка): «В 6 ч. принял гр. Игнатьева». К описанной в мемуарах гр. П. А. Игнатьева с полной уверенностью можно отнести лишь вторую запись. Следует отметить, что в октябре-ноябре Император несколько раз покидал Ставку: 18 октября Он выехал в Царское Село; вернулся 26 октября вечером; 27 октября выехал на юг; вернулся в Могилев 30 октября вечером; 24 ноября вновь отправился в Царское Село; вернулся в Ставку 5 декабря.

416. *Генерал-лейтенант Михаил Саввич Пустовойтенко* (1865†?) – окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-лейтенант. Генерал-квартирмейстер Северо-Западного фронта, а затем (при ген. Алексееве) Ставки Верховного Главнокомандующего (1915-1916). Командир пехотной дивизии (осень 1916). Командир 46-го армейского корпуса.

417. В др. месте сам гр. П. А. Игнатьев пишет, что выехал из Петрограда за границу 1 декабря 1916 г. (*Гр. П. А. Игнатьев. Моя миссия в Париже. С. 101*).

КЛЕВЕТА НА ИМПЕРАТРИЦУ

Печатается по: *Андоленко С. Клевета на Императрицу // Возрождение. № 204. Париж. 1968. С. 111.*

Сергей Павлович Андоленко (26.6.1907†27.8.1973) – бригадный генерал французской армии. Родился в г. Волочинске на Украине в дворянской семье. Окончил Сен-Сирскую военную школу (1924-1926). В чине подпоручика в 1926 г. назначен в 1-й полк Иностранного легиона, в различных частях которого служил до 1943 г. (вторично в 1956-1959). Окончил ускоренные курсы Генерального штаба в Рабате, получив назначение в штаб 3-й дивизии. Участвовал в Итальянском походе и высадке на юге Франции. Принял капитуляцию немецкого генерала в Марселе. Участвовал в боях под Страсбургом и во взятии Штутгарта. Генерал де Голль лично наградил его орденом Почетного легиона. Командир 5-го отдельного батальона линейной пехоты. В звании майора назначен в Главную Квартиру французских войск в

Западной Германии (1948). Занимал ответственный пост в Штабе 1-го Военного округа в Париже (1852-1956). Подполковник. Командир 5-го полка Иностранного легиона (1956-1959), с которым принял участие в Алжирской кампании. Произведен в полковники и награжден «за выдающиеся боевые заслуги» Командорским крестом Почетного легиона (2.9.1958). Продолжал службу в Инспекции Иностранного легиона в Париже и в Центре высших военных наук (1959-1961). Военный агент при посольстве Франции в Вене (1961-1963). Генерал. Вышел в отставку (1.1.1964). За свои многочисленные военно-исторические труды награжден орденом академических пальм. Долголетний сотрудник газеты «Русская мысль». Издатель «Истории Русской Армии» (на фр. яз.). Член правления Общества ревнителей русской военной старины. Редактор «Военно-исторического вестника» (Париж). Участвовал в сборе материалов для сборника «Письма Царской Семьи из заточения» (Джорданвилль. 1974). Скончался в своей усадьбе в Пиренеях в окрестностях Тараскона на Арьеже после причастия Св. Христовых Таин. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

418. Князь Владимир Владимирович Лыщинский-Троекуров – (†лето 1968) – родился в семье статс-секретаря Государственного Совета кн. В. А. Лыщинского-Троекурова (†6.1.1935). После окончания Императорского училища правоведения (1910) чиновник канцелярии Совета Министров. Поручик Л.-Гв. Преображенского полка. Находился в распоряжении русского военного агента во Франции. Помощник Международного бюро в Париже. Скончался в Париже.

419. Имеется в виду 2-е дополненное изд. кн.: *Gen. Andolenko. Histoire de l'Armee Russe. Paris. Flammarion. 1967.*

М. Волошин

ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

«Повесть временных лет» – так называется набросок 1921 г., в котором известный русский поэт М. А. Волошин, среди других «эпизодов революции, предназначавшихся для дальнейшей поэтической обработки», использовал рассказы графа П. Н. Апраксина.

М. А. Волошин познакомился с графом в 1918 г. в Ялте, где у последнего было имение. В описываемое время гр. П. Н. Апраксин состоял председателем Ялтинской городской думы. «Очень дружеские отношения, – писал поэт матери 16 декабря 1918 г., – установились у меня тоже с гр. Апраксиным. Он мне читал, между прочим, свой дневник, что он вел в Царском Селе после революции – он был один из трех человек, не покинувших Царскую Семью. Там много подлинных слов Царя, Царицы. Поразительно интересно».

К сожалению, сам дневник до сих пор не опубликован. Печатался лишь небольшой отрывок из него: *Гр. Петр Апраксин*. 9-го марта 1917 года в Царскосельском дворце. (По дневнику) // Новое время. № 268. 1922. 17 марта. С. 2-3. Знакомился с этим дневником, а также пользовался консультациями самого гр. П. Н. Апраксина И. П. Якобий – автор кн. «Император Николай II и революция» [Таллинн.] 1938. Последняя книга с приложением упомянутого отрывка из дневника гр. П. Н. Апраксина выходит в нашем издательстве. Там же печатается подробная сводка всех доступных на сегодняшний день материалов об обстоятельствах ареста Государыни ген. Л. Г. Корниловым, о котором идет речь у М. А. Волошина.

Печатается по: *Купченко В.* Вокруг М. А. Волошина // Новое литературное обозрение. № 17. М. 1996. С. 272-273. Со ссылкой на: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Е. х. 7.

АРЕСТ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ И АВГУСТЕЙШИХ ДЕТЕЙ ИХ ВЕЛИЧЕСТВ

Печатается по: *Кологривов К.* Арест Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Августейших Детей Их Величеств // Русская летопись. Кн. III. Париж. 1922. С. 193-195.

Поручик Константин Николаевич Кологривов (19.10.1890 † после 1954) – окончил Императорский Александровский лицей и Пажеский корпус (1914). Добровольно вступил в Лейб-Гвардии гусарский Его Императорского Величества полк. В описываемое время – офицер Лейб-Гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка. Женат на Нине, урожденной Думбадзе, сестре корнета Крымского Конного Ее Величества полка С. В. Маркова, предпринимавшего попытки спасения Царской Семьи из заточения. Устные воспоминания К. Н. Кологривова об этом же эпизоде (во многом совпадающие с публикуемым текстом) см. в кн.: *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья. М. «Паломник». 2002. С. 145-147. В Царском Селе К. Н. Кологривов жил на Павловском шоссе, д. 12. В эмиграции в Бельгии.

«КОГДА-НИБУДЬ ЭТО УЗНАЮТ ПО МОИМ МЕМУАРАМ...»

Из письма генерал-майора К. Г. Маннергейма 26 июля 1939 г.

Печатается по: *Глазков К. В.* Белое дело генерала России и маршала Финляндии Карла Густава Маннергейма // Православная Русь. Джорданвилль. 2001. № 16. С. 14.

Барон Карл-Густав-Эмиль Карлович Маннергейм (4.6.1867–28.1.1951) – родился в шведской семье на юго-западе Великого Княжества Финляндского. Потомок старинного голландского рода. Окончил Гельсингфорский лицей и Николаевское кавалерийское училище (1889, с отличием). В чине корнета начал службу в 15-м драгунском Александрийском полку. Продолжил

службу в Кавалергардском полку (1890-1899). Участник Коронации Царя-Мученика; был одним из двух самых рослых кавалергардов, шедших в процессии непосредственно перед балдахином Государя. Учился в Офицерской кавалерийской школе (1903). Добровольцем в составе 52-го драгунского Нежинского полка, участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг. Полковник. По заданию Генерального штаба участвовал в экспедиции по Средней Азии и Китаю. (Китайцы перевели его фамилию, как «Конь, скачущий сквозь звезды».) Командир Л.-Гв. Уланского Его Величества полка. К началу первой мировой войны командир Отдельной кавалерийской бригады. Награжден орденом св. Георгия 4-й степени и Золотым Георгиевским оружием за храбрость. Начальник 12-й кавалерийской дивизии (1915). Командир 4-го кавалерийского корпуса (май 1917). Генерал-лейтенант. Выехал в Финляндию (дек. 1917). Возглавил там антибольшевицкую борьбу (январь-май 1918). Регент Финляндии (1918-июль 1919); испросил на это благословение Лютеранской церкви. Главнокомандующий вооруженными силами Финляндии во время советско-финской войны 1939-1940 гг. Фельдмаршал. Избран президентом Финляндии (4.8.1944). Вышел в отставку (4.3.1946). Женат на православной (венчание совершалось в православной церкви и лютеранской кирхе). В отличие от лютеран, всю жизнь носил нательный крест. Дочь София (ум. 18.3.1963. Париж). Скончался в Лозанне (Швейцария). Похоронен в Хельсинки (4.2.1951).

К сожалению, описанный в письме эпизод так и не нашел отражения в мемуарах Маннергейма (во всяком случае, в напечатанных). Остается также загадкой, когда подобная встреча с Императрицей (после ареста Царской Семьи) могла иметь место. В дневнике Государыни она не отражена, хотя все факты, изложенные в письме, подтверждаются другими очевидцами.

КОГДА ХОЗЯЕВА УШЛИ...

Печатается по: *Орем С. И. «Заговор»*. Исторические заметки. С предисл. С. Н. Палеолога. Белград. 1931. С. 24-27.

420. Сходство «французской» и «русской» революций еще ждет своего исследователя. Тут много совпадений (свершившихся, измененных или ловко преодоленных организаторами последней). «Швейцарская гвардия», белая борьба, «адские колонны» против вандейцев (контрреволюционных крестьян), красный террор, цареубийство каждое со своим «вечным жидом». Знала Франция XVIII в. свою «Ходынскую катастрофу», и т. д. «...Они разворачивались, — отмечает историк А. Д. Степанов, — практически по единому сценарию: поход на Версаль и поход на Зимний дворец 9 января 1905 года, организация антимонархических заговоров, неприкрытая кампания травли Жен Монархов и т. д. Это не удивительно, ибо известно, что во главе обеих революций стоя-

ли масоны» (Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб. 1999. С. 217). Россию целенаправленно вели по этому пути. В первые послепереворотные дни книжный рынок был буквально наводнен книгами о «великой французской революции», которые люди расхватывали, напитываясь духом кровавой вакханалии конца XVIII столетия.

Н. С. Гумилев
МУЖИК

Печатается по: Гумилев Н. Стихи. Поэмы. Тбилиси. 1989. С. 280-281.

Опубликовано в сб. Н. С. Гумилева «Костер» (СПб. 1918).

421. Трижды раненый офицер, находившийся на излечении в Лазарете Их Императорских Высочеств Великих Княжен Марии Николаевны и Анастасии Николаевны в Царском Селе № 17. Погиб во время июльских боев 1917 г.

422. Тяжело раненый в голову солдат, находившийся в том же лазарете.

423. Речь идет о ротмистре Александре Ивановиче Думбадзе, старшем сыне Ялтинского градоначальника, бывшем раненом, находившемся на излечении в Собственном Ее Императорского Величества лазарете, и убитом в Симферополе 1 января 1918 г. при разгроме Крымского конного полка севастопольскими матросами.

В ЛАЗАРЕТЕ ...БЕЗ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Из дневника В. Чеботаревой

1917 год

Печатается по: Чеботарева В. В Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915–5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // Новый журнал. № 182. Нью-Йорк. 1991. С. 215-225, 227, 229-230, 232-233, 235-239, 246, 248, 254, 261-262, 270-272.

424. Полковник Павел Александрович Коровиченко (Коравченко) – участник русско-японской и Великой войн. Военный юрист и адвокат, друг Керенского, назначившего его комендантом Александровского дворца в Царском Селе (21.3–26.5.1917) вместо уволенного штабс-ротмистра П. П. Коцебу. Выступая на заседании Совета солдатских депутатов в Таврическом дворце 26 марта 1917 г., А. Ф. Керенский заявил: «Я был в Царском Селе. Комендант Дворца – мой хороший знакомый. Я доверяю ему вполне. Гарнизон Царского Села обещал исполнять только мои приказания. Все происходящее в Царском Селе делается с моего ведома» (Кавказский край. 29.3.1917. № 69. С. 2). Одно время Коровиченко был следователем Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Добровольно оставил свой пост в связи с назначением Командующим войсками Казанско-

го, а позже Ташкентского военных округов, где был убит большевиками в конце 1917 г.

425. Магдалина Францевна Занотти – камер-юнгфера Царицы-Мученицы. Добровольно последовала за Царской Семьей в Тобольск, но не была допущена к Царственным Узникам.

426. Описание обстоятельства отъезда очевидцем см. в нашей кн.: *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... и лишь Император молился». М. «Паломник». 2003.

427. Евгений Степанович Кобылинский (1879†1927) – полковник Лейб-Гвардии Петроградского полка; на фронте был ранен под Лодзью, а потом контужен под Гутой Старой; переведен в Петроград в запасной батальон своего полка; начальник Царскосельского гарнизона после февральского переворота (назначен ген. Корниловым). Начальник караула, затем комендант Александровского дворца в Царском Селе; впоследствии командир Отряда особого назначения по охране Царской Семьи в Тобольске (1.8.1917) и одновременно комендант там губернаторского дома. Женился на Клавдии Михайловне Битнер, преподавательнице Тобольской гимназии, дававшей уроки Царским Детям. После увоза Семьи в Екатеринбург (28.4.1918) устранен большевиками от должности начальника Отряда особого назначения, распущенного 4 мая и замененного красногвардейцами. Поступил на службу в Белую армию адмирала А. В. Колчака, служа при штабе по интендантской части. Во время отступления белых частей в 1919 г. взят в плен красными партизанами в бою под Красноярском. Некоторое время сидел в тюрьме. После гражданской войны проживал с женой в Рыбинске. Был арестован и расстрелян по обвинению в участии в антисоветском заговоре.

428. М. В. Герингер, урожденная Аделунг – обер-камерфрау Императрицы Александры Феодоровны.

429. Граф Павел Константинович Бенкендорф (1853 †1921) – обер-гофмаршал (1893-1917), генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1907), гофмейстер (1909), сенатор (1912), член Государственного Совета. Принадлежал к ближайшему окружению Царской Семьи. Накануне отъезда в Тобольск Царица-Мученица писала ему: «Дорогой граф. От любящего сердца горячо благодарю Вас за всё, все эти 23 года – да наградит Вас Господь Бог – Мы это не умеем, да благословит Вас. Грустно Вас и дом родной покидать – и вообще, но Господь милостив, Я крепко Ему верю. Еще раз до свидания. Обнимаю Вас». Сын от первого брака его супруги, Марии Сергеевны – В. А. Долгоруков был расстрелян вместе с Царственными Мучениками. Выехал в Эстонию, скончался в Нарве.

430. *Эмма Владимировна Воейкова*, урожденная Фредерикс – дочь министра Императорского Двора и Уделов графа В. Б. Фредерикса; фрейлина; супруга последнего Дворцового коменданта В. Н. Воейкова. Получила от советских властей разрешение на выезд с отцом в Финляндию (1921).

431. См. рассказ об этой поездке самой М. С. Хитрово: *Эрдели М.* Разъяснения о моей поездке в Тобольск // *Двуглавый Орел*. Вып. 30. Берлин. 1922. 1/14 мая. С. 6-11. Перепечатано в кн.: *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья. 1917-1918. Сост. С. В. Фомин. М. «Паломник». 2002. С. 545-552.

432. *Клавдия Михайловна Битнер* (1878 † после 1934) – преподавательница Августейших Детей. Потомственная дворянка Петербургской губернии. В течение 18 лет служила классной дамой Царскосельской гимназии. Во время Великой войны поступила в Царскосельскую общину Красного Креста на курсы сестер милосердия. Полтора года работала сестрой милосердия в частном лазарете Лианозовой. Во время его посещения Государыней с Дочерьми была представлена Царице. В том же госпитале лежал ее будущий супруг Е. С. Кобылинский. В к. авг. 1917 г. ездила в Пермь навещать мать, оттуда отправилась к Кобылинскому в Тобольск, куда прибыла 1.9.1917. Была принята учителем французского языка в Тобольскую гимназию. Преподавала Цесаревичу Алексею русский язык, математику и географию, а Вел. Княжнам Марии и Анастасии – историю и русскую литературу. В 1919 г. жила в г. Ишиме Тобольской губернии. Вышла замуж за полк. Е. С. Кобылинского. В начале 1933-1934 гг. допрашивалась органами ОГПУ, искавшими «Романовские ценности».

433. *Павел Михайлович Макаров* (17.12.1872-26.11.1922) – из дворян. Инженер, архитектор. Масон. Был близок к эсером (за встречу с Б. В. Савинковым в Париже в 1911 г. по возвращении в Россию заключен в Петропавловскую крепость, а потом выслан в Ригу). Гласный С.-Петербургской городской думы (1912). Вернулся в столицу (1914). Директор правления Петроградского строительного товарищества на паях (1916). После февральского переворота – товарищ комиссара по управлению Дворцового ведомства («принимал» художественные ценности, находившиеся в ведении Министерства Двора и Уделов). По приказу Керенского сопровождал Царскую Семью в ссылку в Тобольск. Во время гражданской войны был в составе Добровольческой армии. Эмигрировал в Константинополь. Перебрался в Чехословакию. Преподавал немецкий язык в русской школе в Моравской Тшебове. Скоропостижно скончался в Берлине.

Н. В. Королева

«ОТТАЯЛА ИЛИ ОЧНУЛАСЬ...»

Печатается по первой публикации: Аврора. 1976. №. 11. С. 20.

Нина Валериановна Королева родилась в 1933 г. в г. Новомосковске Московской области. В 1955 г. окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета, затем аспирантуру в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Защитила диссертацию по теме: «Поэзия Ф. И. Тютчева 1810-1830-х годов» (1970). Работала в Институте театра, музыки и кинематографии.

Первые стихи школьницы Нины Ошкадеровой (девичья фамилия Н. Королевой) были опубликованы в 1948 г. в ленинградской газете «Ленинские искры». Однако начало себя, как профессионального поэта, сама она связывает с публикацией своих стихов в журнале «Октябрь» в 1957 году. Выходят первые ее поэтические сборники: «Хвойный дождь» (1960), «Озерные вокзалы» (1968), «Подарок» (1973). Печатаются двухтомник Кюхельбекера в Большой серии Библиотеки поэта, его же дневник в «Литературных памятниках»; монография «Декабристы и театр» (1975) и учебное пособие «История русской театральной критики» (1976, в соавторстве). Готовились к выходу в свет исследование о Ф. И. Тютчеве, четвертый сборник стихов «Ветровое стекло». Но тут произошло событие, благодаря которому имя Н. Королевой приобрело известность не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами...

По воспоминаниям Нины Королевой (которыми она поделилась с поэтом Наталией Ганиной), стихотворение «Оттаяла или очнулась...» было написано в 1974 г. во время одной из «писательских» поездок в Сибирь («агитационный» пароход, следовавший по Оби, Иртышу, Тоболу). Тобольску уделялось особое внимание, поскольку с 1970-х годов там проводились торжества, посвященные памяти ссыльных декабристов. Тобольская старина, могилы декабристов, улицы и площадь, губернаторский дом, беседы с художниками, восстанавливавшими храм, рассказы друзей о заточении Царской Семьи – единое глубокое впечатление тех дней. «Я совсем не думала, что пишу какие-то антисоветские стихи...»

«Нина Королева, – читаем в предисловии к последней, десятой, книге ее стихов, – была честным и справедливым советским человеком. Она писала стихи, за которые отвечала судьбой. [...] Стихи – и о Царской Семье, и об отце [военвраче, попавшем в немецкий плен], и о своей позиции в мире – Королева не считала ни диссидентскими, ни оппозиционными, она читала их на своих выступлениях и посылала в журналы. [...] В 1969-1971 годах Королева была депутатом районного Совета депутатов трудящихся от Союза писателей...» (*Королева Н. Облака*. М. 2013. С. 6-7).

И все-таки следует заметить, что чуткие и осторожные редакторы относились к стихам Н. Королевой с настороженностью: в

них не было или почти не было «красенького» (восхваления партии и правительства). А когда все-таки собирались публиковать, бывало, говорили: «У тебя Бог упоминается восемнадцать раз. Оставь любые четыре!» (Там же).

То знаменитое стихотворение было включено в подборку, предназначенную для публикации в октябрьском номере журнала «Аврора» за 1976 г., однако «внутренние осведомители» редакции оповестили свое негласное начальство, и стихотворение было изъято из подборки с намерением «положить на стол Романову» (тогдашнему секретарю горкома партии) «для внутреннего отзыва». Но события развернулись иначе. Главный редактор «Авроры», Владимир Васильевич Торопыгин, не дав делу хода, уехал в заграничную командировку.

Тем временем, «с подачи управления по охране гостайн в печати (цензура), распоряжением отдела культуры обкома партии из верстки № 11-76 «Авроры» снята была повесть Андрея Битова об орнитологах [...] Повесть спешно заменили материалами, находившимися в редакционном «запасе». В их числе было стихотворение поэтессы Нины Королевой» (Редакционная летопись. Библиографическое повествование с некоторыми воспоминаниями, перепечатками и комментариями // Аврора. СПб. 1993. № 10-12. С. 103).

Ответственный редактор, искавший, чем занять «освободившуюся» площадь, обнаружил в редакционном портфеле стихотворение Нины Королевой и поставил его на полосу, сократив несколько строк. Следует заметить, издательский повод у него был: на той же странице журнала помещена заметка С. Балашовой «Рисунки Кюхельбекера. (К 3-й странице обложки)». В стихотворении также упоминался этот декабрист. Что до сокращения, то его следует признать даже удачным (от него стихотворение только выиграло). В авторской редакции оно выглядит следующим образом (Королева Н. Медленное чтение. Стихотворение. М. 1993. С. 14-15):

*Оттаяла или очнулась? – спасибо, любимый!
Как будто на землю вернулась, на запахи дыма,
На запахи речек медвяных и кедров зеленых,
Тобольских домов деревянных, на солнце каленых,
Как будто лицо подняла я за чьей-то улыбкой,
Как будто опять ожила я для радости зыбкой...*

*Но город, глядящийся в реки, молчит, осторожен.
Здесь умер слепой Кюхельбекер и в землю положен,
Здесь в церкви купчихи кричали, качая рогами.
Распоп Аввакум обличал их и бит батогом.
И в год, когда пламя металось на знамени тонком,
В том городе не улыбалась царица с ребенком...*

*И я задыхаюсь в бессилье, спасти их не властна.
Причастна беде и насилию и злобе причастна.
Кровава истории слава и тьма земляная.
— О чем ты, любимая, право? — не знаю, не знаю,
Но здесь мои корни и силы, и боль, и короста...
Святые могилы России оплакать не просто.*

1974 Тобольск-Иркутск.

Далее события развивались следующим образом. После выхода в свет ноябрьского (праздничного) номера журнала стихотворение заметили на Западе: перепечатали в «Нью-Йорк Таймс»; по радио «Свобода» его прочел А. И. Солженицын, оценивший его как свидетельство изменения позиции советской власти по вопросу о судьбе Царской Семьи. Из Москвы в Ленинград был направлен запрос о том, является ли Нина Королева членом партии. Поскольку она была безпартийной, последовало распоряжение провести расширенное заседание секретариата ленинградского отделения Союза писателей с обсуждением этого стихотворения. Желая помочь Нине Королевой, В. Н. Орлов наставлял ее перед заседанием: «Я буду говорить, и ты говори: написала плохие, слабые стихи». Королева искренно упорствовала и в доказательство того, что стихи хорошие, привела урезанные при публикации строки. «Святые могилы России» вызвали бурю негодования; по решению секретариата Нине Королевой было запрещено печататься, выступать перед массовой аудиторией, выезжать за границу. Не вышли в свет уже подготовленные ею книги.

Автор известной книги о Царственных Мучениках профессор П. Н. Пагануцци, полностью приведя стихотворение Нины Королевой, отмечал: «Стихотворение это, несмотря на такое содержание, было напечатано в одном из ленинградских журналов. Уж видно кто-то из влиятельных членов редколлегии, несмотря на риск, очень хотел, чтобы оно увидело свет!» (Пагануцци П. Н. Правда об убийстве Царской Семьи. Историко-критический очерк. Джорданвилль. 1981. С. 146).

Главный редактор «Авроры» (1973-1977) поэт и писатель В. Торопыгин и заместитель главного редактора и член редколлегии (1969-1977) прозаик А. Островский, наряду с автором, были обвинены в «пропаганде монархизма». «Авроровская "идеологическая диверсия" стала предметом расследования комиссии Ленинградской писательской организации. Затем состоялось заседание ее секретариата, на котором Владимир Торопыгин вынужден был "подать в отставку", а его заместитель Андрей Островский "освобожден от занимаемой должности".

Слух об «авроровском скандале» имел широкое, даже международное звучание» (Редакционная летопись. С. 104). Пытаясь вывести из-под удара пострадавших, Н. Королева решается и пишет покаянное «Письмо в редакцию» (Текст см. там же на С. 104-105). Но это не помогло: подпись В. Торопыгина под строчкой «Главной редактор» исчезла в мартовском номере журнала за 1977 г. Подписывал журнал «за главного редактора» ответственный секретарь. Лишь сентябрьский номер подписал новый гл. редактор. С октябрьского номера у журнала уже была новая редколлегия. Вызванному в 1979 г. «на ковер» в ЦК КПСС поэту С. Ю. Куняеву довелось услышать из уст заместителя заведующего отделом пропаганды В. Н. Севрука: «Журнал «Аврора» опубликовал монархические стихи, — мы редактора журнала сняли, редакцию укрепили. [...] Мы убрали с должности нескольких цензоров» (Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 1. Русский человек. М. 2001. С. 315). Что касается В. Торопыгина, то вскоре он заболел и скончался (1980). Публикация «крамольного» стихотворения в «Основном содержании» журнала за 1976 г. не указана.

До 1988 г. Нина Королева была лишена возможности печататься, но продолжала работать в Ленинградском институте театра, музыки и кино (начальник потребовал показать «крамольное» стихотворение, а по прочтении сказал: «И это всё?»). «На Западе мои стихи ставили рядом со стихами белых эмигрантов, будто меня уже не было на свете — но я-то была жива...» Со смелой исторической эпохи «возвращение» было осуществлено по специальному разрешению ленинградского партийного руководства и при активной помощи редактора журнала «Нева» Б. Н. Никольского. В 1993 г., после 17 лет молчания, вышла четвертая книга ее стихов «Медленное чтение», напечатанная за счет средств автора.

В настоящее время у Нины Королевой издано 10 поэтических сборников. С 1985 г. она живет в Москве, работает в ИМЛИ в секторе новейшей истории России и готовит к печати выпускаемое издательством «Эллис Лак» собрание сочинений Анны Ахматовой.

Как известно, Ахматова всерьез полагала, что причиной «холодной войны» стали стихи, обращенные к сэру Исаяе Берлину. Нина Королева не считает, что стихотворение «Оттаяла или очнулась...» оказало серьезное влияние на ход исторических событий. Хотя... кто знает... В краткой аннотации на вышедшую в Москве (Изд. «Независимая газета». 2001) кн. Соломона Волкова «История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней», подписанной С. Д., по поводу стихотворения Н. Королевой говорится: «...Не в связи ли с этим происшествием и Ельцину

предписали взорвать Ипатьевский дом в тогдашнем Свердловске?» Но каков бы ни был истинный вес развернувшейся в 70-е годы «истории одного стихотворения», в нем слышен голос тогдашней (а во многом и нынешней) России, вопрошающей: «Оттаяла или очнулась» – с благодарностью *Любимому* и сердечной болью о содеянном.

«И Я БЫ ЗАЩИЛА БРИЛЬЯНТЫ В КОРСЕТ...»

Печатается по первой публикации: *Королева Н.* Медленное чтение. Стихотворения. М. 1993. С. 14. (Четвертая книга стихов.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ХОДЫНСКОМ ПОЛЕ

Публикуется впервые.

ЦАРИЦА-МУЧЕНИЦА – А. А. ВЫРУБОВОЙ

Письмо написано в Тобольске церковно-славянским шрифтом на бересте. Впервые опубликовано в «Русской Летописи» (Кн. 4. С. 213-214). Передано через санитар А. И. Жука, служившего в Царскосельском лазарете А. А. Вырубовой. «Государыня, – писал позднейший публикатор этого письма Е. Е. Алферьев, – пишет в иносказательной форме о жизни Августейшей Семьи в заточении, как о некоей монашеской общине».

434. А. А. Танеева (Вырубова) в 1926 г. приняла монашеский постриг с именем Мария в Смоленском скиту Валаамского монастыря от рук настоятеля обители игумена Павлина. Восприемником был ее духовный отец иеросхимонах Ефрем (Хробостов, 1871†1947). См.: *Рассулин Ю. Ю.* Заповедь новая. М. 2003. С. 18.

435. Память св. праведной Анны Пророчицы (3/16 февраля). День Ангела А. А. Вырубовой.

436. *Зинаида Львовна Менишвед (Манчест)*, Зина – почитательница Г. Е. Распутина. Проживала в Смоленске. Именно она послала Царственным Мученикам книгу С. А. Нилуса с Протоколами Сионских мудрецов, которые Те читали в заточении.

437. Краснухой.

438. Баронесса С. К. Буксгевден.

439. М. Ф. Занотти, А. П. Романова и А. Я. Уткина.

440. Е. А. Шнейдер.

441. Близкий Императрице по дореволюционной жизни священник. Его имя не раз встречается в Ее переписке с Вырубовой. Один из тех, кто не забыл Царскую Семью, находившуюся в заключении.

М. И. Цветаева

ИЗ «ПОЭМЫ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ»

К работе над поэмой М. Цветаева приступила в 1929 г. «Сейчас пишу большую поэму о Царской Семье (конец), – писала М. Цветаева Р. Н. Ломоносовой 1 февраля 1930 г. – Написаны: Последнее Царское – Речная дорога до Тобольска – Тобольск воевод (Ермака, татар, Тобольск до Тобольска, когда еще звался Искер или: Сибирь, отсюда – страна Сибирь). Пред-

стоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург — дорога на Рудник Четырех братьев (там жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь.

Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за “левизны” (“формы” — кавычки из-за гнусности слова), там — туда просто не дойдет, физически, как все, и больше — меньше чем все мои книги. “Для потомства”? Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, — дара. Из любящих только я смогу. Потому и должна» (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. Париж. 1989. С. 220).

Присутствовавший на авторском чтении поэмы вспоминал: «Марина Ивановна объяснила, что мысль о поэме зародилась у нее давно, как ответ на стихотворение Маяковского “Император” [1928 г.]. Ей в нем слышалось оправдание страшной расправы, как некоего приговора истории. Она настаивала на том, что уже неоднократно высказывала: поэт должен быть на стороне жертв, а не палачей, и если история жестока и несправедлива, он обязан пойти против нее.

Поэма была длинная, с описанием Екатеринбурга и Тобольска, напоминавшими отдельные места цветаевской “Сибири”. Почти все они показались мне очень яркими и смелыми. Чтение длилось больше часу, и после него все тотчас заговорили разом. Лебедев считал, что — вольно или невольно — вышло прославление Царя. Марина Ивановна упрекала его в смешении разных плоскостей — политики и человечности. Я сказал, что некоторые главы взволновали меня, они прозвучали трагически и удались словесно» (Новый журнал. Кн. 104. Нью-Йорк. 1971. С. 167-168).

Полный текст поэмы утрачен. Отрывки публиковались по случайно сохранившимся фрагментам в черновых тетрадах.

Печатается по: *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3-е. Л. 1990. С. 671-672.

Публикуемый отрывок, кроме всего прочего, навеян публикуемым в нашем сборнике письмом Государыни А. А. Вырубовой от 16 января 1918 г., написанном церковнославянским шрифтом на бересте.

442. «Скорее нарисовала (очень плохо), — писала Государыня 22 января 1918 г. из Тобольска А. А. Вырубовой, — молитву на кусочке березы, кот[орую] Он [Государь] пилил. Мало теперь рисую из-за глаз, пишу в очках — холодно, пальцы совсем окоченели».

Н. А. Диска

ОБРАЗ ДЕРЖАВНОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Печатается по: *Диска Н.* Образ Державной Божией Матери // Православная жизнь. Джорданвилль. 1954. № 10. С. 7.

Надежда Александровна Дисская (1889†29.6.1957), урожденная Жилинская – родилась в Мезени Архангельской губернии. Окончила Мариинскую женскую гимназию и С.-Петербургские Высшие женские курсы. В годы Великой войны, окончив курсы сестер милосердия, работала на фронте, на передовой. Награждена Георгиевской медалью. Во время гражданской войны вышла в Норвегию (1919), а затем во Францию. Вышла замуж за офицера-корниловца А. Г. Дисского, председателя отдела Российского национального объединения. Преподавала в Ницце русскую литературу. Писала о родном Севере. Скончалась в Шарлеруа (Бельгия). Посмертно вышла ее книга «Родные дали» (Лувен), составленная мужем.

«ДЕРЖАВНАЯ»

443. *Кузнецов В. И.* Тайна гибели Есенина. По следам одной версии. М. 1998. С. 165-166.

444. *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914-1917). Минск. 2004. С. 158.

445. *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. С. 114-115.

446. Православные русские обители. СПб. 1994. С. 608-609.

447. *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. С. 115.

448. Державная икона Божией Матери // Сергиевские листки. Париж. 1929. № 2 (18). С. 2-3.

449. *Марианна Феодоровна Ратькова-Рожнова* (24.8.1868 †19.3.1935), урожденная Ванлярская, в первом браке Мансурова. Была известна своей благотворительной деятельностью главным образом в Доме призрения бедных в Ораниенбауме, а также в Обществе попечения о бедных района Аптекарского острова в С.-Петербурге. Упоминается в переписке Царственных Мучеников. Будучи в эмиграции под ее руководством в 1923 г. при Александро-Невском соборе в Париже было организовано Сестричество. На ее и супруга (Я. В. Ратькова-Рожнова) средства в Медоне была куплена земля и построена церковь.

450. ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 303. Л. 50-51.

451. Последние дневники Императрицы Александры Феодоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Под ред. В. А. Козлова и В. М. Хрусталева. Новосибирск. 1999. С. 91.

452. Там же. С. 216.

453. Царский сборник. Сост. С. и Т. Фомины. М. 2000. С. 464-465.

454. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VIII. М. 1998. С. 406.

455. Там же. С. 405.

456. Там же. С. 305.

457. Последние дневники Императрицы Александры Феодоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Под ред. В. А. Козлова и В. М. Хрусталева. С. 216. Письмо Вел. Кн. Марии

Николаевны к З. С. Толстой от 4/17 мая 1918 г. опубликовано в «Письмах Царской Семьи из заточения».

В. В. Афанасьев
В ИЗГНАНИЕ

Печатается по расшифровке записи аудиокассеты «Научи меня, Господи, славить Тебя». Духовные песнопения. Вып. 6. Хор храма Успения Пресвятой Богородицы, г. Екатеринбург. 2001.

Виктор Васильевич Афанасьев (род. в 1932 г. в Москве), в монашестве Лазарь – писатель и поэт. Автор книг, изданных в серии «Жизнь замечательных людей» («Рылеев», «Жуковский», «Лермонтов»), о преп. Серафиме Саровском, свят. Игнатии Брянчанинове, жития преп. Варсонофия Оптинского и др.

ЕЩЕ СТРЕЛЯЛИ УБИЙЦЫ...

Печатается по: *Афанасьев В.* Лествица. Стихотворения и поэмы. М. 1996. С. 36.

Неизвестный автор
ГОЛГОФА ВЕЛИКОЙ РОССИИ

Печатается по: Голгофа Великой России // Православная жизнь. Джорданвилль. 1960. № 11. С. 8-9.

«Настоящее стихотворение, – сообщали его публикаторы, – прислано нам с сообщением, что оно вывезено одной старушкой, ныне проживающей во Франции, из советской России в 1943 г. Автор его остался неизвестным».

С неточностями, без верного указания источника, стихотворение публиковалось в сб.: Чудеса Царственных Мучеников. Вып. 4. К прославлению Царя-Мученика. Сост. прот. А. Шаргунов. М. 1999. С. 294-297.

В. И. Гедройц
СТИХОТВОРЕНИЯ

Печатается по: Новое о Сергее Гедройц. Предисловие, публикация и комментарии А. Г. Меца // Лица. Вып. 1. СПб. 1992. С. 296-298.

В стихотворении «Домик Алексея» речь идет о срубленной избе, поставленной у Александровского дворца для Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, сожженной после революции.

458. *Генерал-лейтенант Александр Дмитриевич Нечволодов* (25.3.1864 †25.12.1938) – действительный член Императорского русского военно-исторического общества, автор знаменитых четырехтомных «Сказаний о Русской земле», увидевших свет по воле Императора Николая II. Сохранил верность Государю, несмотря на преследование со стороны командования Русской (после марта 1917) и Белой армий. Автор книги, включающей в себя «Протоколы сионских мудрецов» (*Netchvolodow A. L'Empereur Nicolas II et les juifs. Paris 1924*).

ЭМАЛЕВЫЙ КРЕСТИК В ПЕТЛИЦЕ...

Печатается по: *Иванов Г.* Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Стихотворения. М. 1994. С. 372.

Стихотворение «первого поэта русской эмиграции» *Георгия Владимировича Иванова* (1894†1958) впервые было напечатано в «Новом журнале» (№ 25. Нью-Йорк. 1951). В комментариях (Г. И. Мосешвили) к его собр. соч. читаем (с. 617): «Стихотворение представляет собой точное описание дореволюционной открытки с изображением Царской Семьи (издание "Общины Св. Евгении"). Открытка была воспроизведена в [журнале] "Возрождение", [Париж.] 1949, № 4; Г. Иванов в этом журнале печатался и номер этот, несомненно, видел».

Этот Георгиевский Крест Государя, похищенный после царевубийства, ныне находится на чудотворной иконе Троеручица в Хиландарском монастыре на Св. Горе Афон.

«ЖОРЖ САНД ЦАРСКОГО СЕЛА»

Княжна Вера Игнатьевна Гедройц

459. Из воспоминаний И. Д. Авдиевой // Лица. Вып. 1. СПб. 1992. С. 310.

460. Речь. 1913. 25 ноября.

461. *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. С. 115.

462. Из воспоминаний И. Д. Авдиевой. С. 309, 310.

463. *Чеботарева В.* В Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915–5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // Новый журнал. № 181. Нью-Йорк. 1990. С. 196.

464. Из воспоминаний И. Д. Авдиевой. С. 311.

465. Там же. С. 308.

466. *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья. С. 127–128.

467. *Botkine T.* Au temps des Tsars. Paris. Bernard Grasset. 1980. P. 132.

468. *Kawecki B. Z.* Wedrowek Wilenskigo Procuratora. London. Polska Fundacja Kulturalna. 1977.

469. *Мец А. Г.* Новое о Сергее Гедройц // Лица. Вып. 1. СПб. 1992. С. 294.

470. Из воспоминаний И. Д. Авдиевой. С. 309, 310.

471. Знамя труда. 1918: 14 января.

472. Из воспоминаний И. Д. Авдиевой. С. 308, 312.

473. Там же. С. 309–312.

474. Там же. С. 313.

475. Там же.

476. *Мец А. Г.* Новое о Сергее Гедройц. С. 291.

477. Из воспоминаний И. Д. Авдиевой. С. 314.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЦАРИЦЫНА КРЕСТА

478. *Дитерихс М. К.* Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. Ч. I. М. 1991. С. 77-78.

479. *Багдасаров Р., Дурасов Г.* «Отверженный символ». Свастика: ее происхождение и место в христианской традиции // Волшебная гора. Т. IV. М. 1996. С. 217.

480. *Багдасаров Р. В.* Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М. 2001. С. 5.

481. См. публикующуюся в нашем сб. ст.: «Пещерная церковь во имя святых равноапостольных Царей Константина и Елены в Царском Селе».

482. Одно из первых воспроизведений этой фотографии см. в 1-м изд. нашей кн.: *Игумен Серафим (Кузнецов)*. Православный Царь-Мученик. Сост. С. В. Фомин. М. «Паломник 1997. Вклейка между с. 128 и 129. На использование «знака» впервые обратил внимание в своей кн. В. П. Кузнецов: *К. В. П.* История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. М. 1997. С. 33, 36.

483. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль. 1974. С. 160. *Dehn L.* The Real Tsaritsa. London. 1922. P. 242.

484. Там же. С. 190.

485. См., например, факсимиле ее в очерке: *Багдасаров Р., Дурасов Г.* «Отверженный символ». Свастика: ее происхождение и место в христианской традиции // Волшебная гора. Т. V. М. 1996. С. 237.

486. *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. С. 56.

487. Письма Царской Семьи из заточения. С. 237.

488. Там же. С. 220, 447.

489. Там же. С. 446.

490. Там же. С. 426. См. также: Скорбная памятка. Издание «Кассы помощи ближним в память о Царской Семье». Нью-Йорк. 1928. С. 82-83. В «валаамском» издании (СПб. 1998) изображение открытки и факсимиле иконы со «знаком» отсутствуют.

491. *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. С. 204.

492. Письма Царской Семьи из заточения. С. 303-304.

493. Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Под ред. В. А. Козлова и В. М. Хрусталева. С. 10.

494. См.: Фронтиспис кн.: *The Last Diary of Tsaritsa Alexandra.* Introduction by Robert K. Massie. Yale University Press. New Haven and London. 1997; *Шиякин О.* Убить Распутина. М. 2000. Вклейка между с. 320 и 321.

495. The Last Diary of Tsaritsa Alexandra. Introduction by Robert K. Massie. P. LIX.

496. Последние дневники Императрицы Александры Феодоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. С. 124, 146, 162, 164, 168, 169, 175; The Last Diary of Tsaritsa Alexandra. Introduction by Robert K. Massie. P. 15, 41, 65, 66, 67, 72, 73, 82.

497. Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 – февраль 1920). Сост. Н. Росс. «Посев». Франкфурт-на-Майне. 1987. С. 35-50.

498. Там же. С. 51-59.

499. Там же. С. 314-322.

500. Там же. С. 315-316.

501. Там же. С. 235.

502. Император Николай II и Его Семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П. Жильяра. Вена. 1921. С. 212. См. также: Царская семья. Воспоминания воспитателя Цесаревича Алексея Николаевича, г. П. Жильяра. (Перевод из журнала «Illustration») // Русская летопись. Вып. 1. Берлин. 1921. С. 70-71.

503. Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. I. С. 208. Курсив мой – С. Ф.

504. Зайцев Г. Романовы в Екатеринбурге. 78 дней. Документальное повествование. Екатеринбург. 1998. С. 22. Курсив мой – С. Ф. На обстоятельство подлога впервые указано в ст: О. А. Крест Императрицы // Архив автора.

505. Alexandrov V. The End of the Romanovs. Translated by W. Sutcliffe. Boston-Toronto. 1966. P. 148-155.

506. Wilton R. The Last Days of the Romanovs. How Tsar Nicholas II and Russia's Imperial Family were Murdered. Institute for Historical Review. 2 Ed. Newport Beach (Ca. USA). 1993. P. 160. Воспроизведение лондонского издания 1920 г.

507. Вильтон Р. Последние дни Романовых. Пер. с англ. кн. А. М. Волконского. Берлин. 1923. С. 113-114.

508. Sokoloff N. Enquete judiciaire sur l'assassinat de la Famille Imperiale Russe. Paris. Payot. 1924. P. 80.

509. Ibid. P. 207.

510. Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н. А. Соколова. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1998. С. 70.

511. Там же. С. 131.

512. Расследование царевубийства. Секретные документы. М. 1993. С. 31, 82.

513. Там же. С. 92; Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VIII. М. 1998. С. 201.

514. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VIII. С. 316, 318, 319.

515. Булыгин П. По следам убийства Царской Семьи. (По личным воспоминаниям участника расследования Н. А. Соколова). Темная роль Соловьева // Сегодня. Рига. 1928. № 188. 15 июля. Цит. по: Булыгин П. Убийство Романовых. Сост. Т. С. Максимова. М. 2000. С. 196.

516. Там же. С. 209.

517. *Bulygin P. The Murder of the Romanovs. London. 1935.*

518. Булыгин П. Убийство Романовых. Сост. Т. С. Максимова. С. 56.

519. Там же. С. 68.

520. Марков С. В. Покинутая Царская Семья. 1917-1918. С. 347-348.

521. Беседа с владельцем дома, в котором был убит Николай II и Его Семья. (От пражского корреспондента «Сегодня») // Сегодня. Рига. 1928. № 193. 20 июля. С. 2. Цит. по кн.: Волков А. А. Около Царской Семьи. М. 1993. С. 127.

522. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VIII. С. 376.

523. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль. 1974. С. 193.

524. Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. Издательство Спасо-Преображенского монастыря, СПб. 1998. С. 170.

525. Касьянов М. К. Двадцать три ступени вниз. М. 1979. С. 468.

526. *Alexandrov V. The End of the Romanovs. P. 152-153.*

527. Бостунич Г. Массонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Новый Сад. 1922. С. 187-188.

528. Свяц. Петр Андриевский. Является ли свастика символом защиты от зла? // Русский вестник. 2000. № 33-34. С. 13.

529. Назаров М. Вождю Третьего Рима. К познанию русской идеи в предапокалипсическое время. М. 2004. С. 828.

530. Багдасаров Р., Дурасов Г. «Отверженный символ». Свастика: ее происхождение и место в христианской традиции // Волшебная гора. Т. V. М. 1996. С. 236-238.

531. Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 – февраль 1920). Сост. Н. Росс. С. 595.

532. Лукаш И. Мистический Государь. Этюд // Возрождение. № 4195. Париж. 1939. 4 августа. С. 6.

533. См. подробный профессиональный разбор версии Н. А. Соколова о чете Соловьевых заслуженного юриста РФ В. И. Прищепа в кн.: Расследование цареубийства. Секретные документы. С. 96-98.

534. Булыгин П. Убийство Романовых. Сост. Т. С. Максимова. С. 208.

535. Марков Н. Е. Войны темных сил. М. 2002. С. 395-406, 446-454

536. Мельгунов С. П. Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж. 1951. С. 247-275, 354-365. Перепечатано нами в переизданной в 2002 кн. С. В. Маркова.

537. Генон Р. Символика Креста. М. 2004. С. 168.

538. О. А. Крест Императрицы // Архив автора.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Фомин</i>	
«Венценосная Голубица»	3
Примечания	62

«ЛЮБИМАЯ ЦАРИЦА СВЯЩЕННОГО ЦАРЯ»

<i>Е. Бартынский</i>	
Кольцо	70
<i>Разсветный</i>	
Солнечная Алике	71
<i>А. Малиновский</i>	
Приезд в Россию Принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской. (Со слов очевидца, полковника 51-го Литовского полка А. Я. Буяченко)	102
<i>Полковник Н. Галушкин</i>	
Коронация	106
<i>Старый Улан</i>	
Светлой памяти Царицы-Мученицы	116
<i>Г. Пономарев</i>	
Царица Александра	119
<i>Н. Рклицкий</i>	
Ангел-Хранитель России	120
<i>Н. Сахновский</i>	
«Святая душа Государыни»	128
<i>Н. Бобров</i>	
Царица-Мученица. (Ко дню тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны)	136
<i>Ф. Винберг</i>	
Царица. Женщина. Мать. Супруга	139
<i>С. Сватиков</i>	
«Ее единственная вина это любовь к народу»	149
<i>С. Дуван</i>	
Царь и Царица	154

МАТЕРЬ МИЛОСЕРДИЯ

Слово св. прав. о. Иоанна Кронштадтского в день тезоименитства Императрицы Александры Феодоровны 1896 г.	168
<i>А. Кони</i>	
«Она держалась самостоятельных взглядов»	169
<i>Полковник Н. Галушкин</i>	
Конвояц.....	171
<i>О. Пантюхов.</i>	
Школа нянь. (Из воспоминаний о торжественных Дворцовых обедах).....	172
<i>А. Вырубова</i>	
«Она была врожденной сестрой милосердия»	173
<i>Т. Мельник</i>	
«Изо дня в день за работой»	180
<i>В. Петрушевский</i>	
Белая косынка	184
<i>Граф В. Шуленбург</i>	
«Моя обязанность быть там, где страдают»	185
Из дневника В. И. Гедройц 1914 г.	234
<i>С. Топорков</i>	
Величие Ее души	237
«Наша работа в лазарете – вот Мое утешение»	
Из писем Государыни Императору 1914 г.	243
«Три Сестрицы». Из дневника В. Чеботаревой. 1914 год	249
Из Гоф-фурьерского журнала (13 ноября 1914 г.).....	250
Собственный Ее Величества лазарет в Царском Селе. (Отрывки из неопубликованных воспоминаний капитана И. В. Степанова)	251
«Сколько горя кругом!» Из писем Государыни Императору 1915 г.	280
«Скорбный Ангел». Из дневника В. Чеботаревой. 1915 год	294
<i>И. Беляев</i>	
В лазарете Ее Величества	307
«...Работа дает такое успокоение!»	
Из писем Государыни Императору 1916-1917 гг.	320
«В лазарете все общее».	
Из дневника В. Чеботаревой. 1916 год.....	336

<i>Н. Гумилев</i>	
Ее Императорскому Высочеству	
Великой Княжне Анастасии Николаевне ко дню рождения.....	352
Из Всеподданнейшего доклада Государыне Императрице коменданта поезда № 143 прапорщика А. К. Воронина от 9 июня 1916 г.	353
Приказ начальника 54-го Головного эвакуационного пункта в Шепетовке полковника барона Гиллессема от 24 июня 1916 г.	354
<i>С. Есенин</i>	
«Приветствует мой стих молодых Царевен...»	355
Грамота Св. Синода	356
<i>Ю. Ден</i>	
Скрипка Гулеско.....	359
<i>Н. Ордовский-Танаевский</i>	
Высочайшая аудиенция.....	360
<i>В. Унковский</i>	
В поезде Императрицы. (Из личных воспоминаний)	364
«Молитесь о Нас...» Из дневника В. Чеботаревой. 1917 год	400
<i>С. Павлов</i>	
Мои воспоминания о Царской Семье	403

«ВОТ ИДЕТ МУЧЕНИЦА – ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА»

Новгород, 11 декабря 1916 г.

<i>С. Фомин</i>	
«Новгород был крупным успехом!»	425

КЛЕВЕТА

<i>С. Бехтеев</i>	
Письма Императрицы	485
<i>П. Стремоухов</i>	
Императрица Александра Феодоровна в Ее письмах	488
<i>А. Куприн</i>	
Дневники и письма	556
<i>Граф П. Игнатъев</i>	
Слухи о сепаратном мире	561
<i>С. Андоленко</i>	
Клевета на Императрицу	565

В УЗАХ

<i>М. Волошин</i>	
Из «Повести временных лет».....	568
<i>К. Кологривов</i>	
Арест Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Августейших Детей Их Величеств	569
«Когда-нибудь это узнают по моим мемуарам...»	
Из письма генерал-майора К. Г. Маннергейма 26 июля 1939 г.	571
<i>С. Орем</i>	
Когда Хозяева ушли	571
<i>Н. Гумилев</i>	
Мужик	574
«Не болят ли ваши старые раны?» Письма из заточения.....	576
В лазарете... без Ее Величества.	
Из дневника В. Чеботаревой. 1917 год	579
<i>Н. Королева</i>	
«Оттаяла или очнулась?...»	593
«И я бы зашила брильянты в корсет...»	593
Размышления о Ходынском поле.....	594
Царица-Мученица – А. А. Вырубовой	595
<i>М. И. Цветаева</i>	
Из «Поэмы о Царской Семье».....	597

НЕБЕСНАЯ ЦАРИЦА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

<i>Н. Дисская</i>	
Образ Державной Божией Матери	600
<i>С. Фомин</i>	
Державная	601

ПАМЯТЬ

<i>В. Афанасьев</i>	
В изгнание.....	622
«Еще стреляли убийцы...»	622
<i>Неизвестный автор</i>	
Голгофа Великой России	623
<i>В. Гердойц</i>	
Царскосельский вокзал	626
Царскосельский дворец.....	627

Госпиталь	627
Домик Алексея	628
<i>Н. Ганина</i>	
«Музей»	629
«Зимний вечер, лиловый отлив...»	631
Школа Святой Царицы Александры	632
Муроточение в «Царицыной светлице»	633
«Я поручаю тебя Анастасии»	635
<i>Г. Иванов</i>	
«Эмалевый крестик в петлице...»	638

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пещерная церковь во имя святых равноапостольных Царей Константина и Елены в Царском Селе	639
Первое братское кладбище на Руси	650
<i>С. Фомин</i>	
«Жорж Санд Царского Села»	
Княжна Вера Ивановна Гедройц	655
<i>Н. Ганина</i>	
Из дней	675
Ливадия	681
Крымское	684
Санкт-Петербург	692
Царское	693
Павловск	698
Гатчина	699
Кронштадт	702
Петербург А.Д. ММIII	706
Царскому Селу	711
<i>С. Фомин</i>	
Материалы к истории Царицына Креста	713
<i>Н. Ганина</i>	
«Мой Знак»	742
<i>Комментарии</i>	749

«Скорбный Ангел»

Составление
Фомин С.

Оформление
Протопопов К.

Допечатная подготовка
фотографий
Глобен Е.

Верстка
Городнов О.

ИД № 06493 от 26.12.2001.

Общественная благотворительная организация
«ОБЩЕСТВО СЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО»
196143, С.-Петербург, ул. Орджоникидзе, 23.

Подписано в печать 21.12.2005. Формат 84×108¹/₃₂.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».
Объем 28 п. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 2308.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО ПФ «Красный пролетарий».

Адрес типографии:
127473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.